

У БОЛЬШОГО КАВКАЗА СОБИРАЛИСЬ ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ

Часть 1

ЖУРАВОВ
Федор Николаевич

Гвардии старший сержант
отдельной разведроты 60-й отдельной
Краснознаменной стрелковой бригады

УДК 93/94
ББК 63.3(2)62
Ж 91

Журавов Ф.Н.

У Большого Кавказа собирались грозовые тучи : Воспоминания о войне : в 3-х частях. – Ч. 1. / Ф.Н. Журавов. – Пушкино, 2025. – 212 с.

Текстовое электронное издание

Что сегодня означает для нас слово «война»? Стрельба, героические подвиги и много смерти, когда смотришь военные фильмы и читаешь книги. Эта книга – воспоминания о Великой Отечественной войне, написанные ее непосредственным участником – ветераном войны, разведчиком Журавовым Ф.Н., который в совсем юном возрасте добровольцем ушел на фронт.

В книге описаны простые военные будни, которые поражают своим ежедневным героизмом. Читая ее, невольно начинаешь чувствовать то, что чувствовал солдат на фронте, пытаешься рассмотреть эти события через ощущения участника войны и понимаешь, что же такое война и как трудно и страшно было молодым солдатам там, где лилась кровь и, казалось, не было спасения от боли и страданий.

Действия происходят в период 1942 года на Кавказе, там, где автор принял свой первый бой, там, где насмерть стояли бойцы Красной Армии, не давая врагу достичь его главной цели – завладеть нефтью. В книге описаны и солдатский быт, и взаимоотношения, и боевое братство в бою – читая о них, война становится ближе, понятнее и страшнее....

Историки находят и еще будут находить новые объяснения событий 1941–1945 годов. Но мы, потомки наших прадедов, сегодня понимаем, что в тот период решалась судьба нашей Родины и судьба еще не рожденных детей, внуков и правнуков. Тогда решался вопрос о свободе и независимости России, и их героическое поколение решило его в нашу пользу.

В книге использованы личные дневники автора, архивные документы.

Компьютерная верстка: Кузнецова Е.Б.
Подписано к использованию 10.02.2025 г.
Объем 2.0 Мб
Тираж 10 CD-ROM

Всероссийский научно-исследовательский институт
лесоводства и механизации лесного хозяйства
Московская область, г. Пушкино, ул. Институтская, д. 15
www.vniilm.ru, e-mail: info@vniilm.ru
Тел.: +7 (495) 993-30-54

Минимальные системные требования: процессор AMD, Intel от 1 ГГц, 100 Мб HDD, ОЗУ от 1 Гб, CD-ROM, видеоадаптер от 1024 Мб или аналог, Windows Vista/7/8/10 или аналог; ПО – Adobe Acrobat Reader или аналог

ISBN 978-5-94219-314-0

© Журавов Ф.Н., 2025
© ФБУ ВНИИЛМ, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло уже много лет со дня окончания самой страшной в истории человечества войны. За победу советским народом была заплачена ужасная цена – 26,6 млн человеческих жизней. В каждой семье есть родные, которые своим подвигом в боях и в тылу приближали последний день войны. Наша задача – помнить о подвиге того поколения.

В своих руках вы держите книгу с воспоминаниями о войне, написанными моим дядей – Журавовым Федором Николаевичем, гвардии старшим сержантом отдельной разведроты 60-й отдельной Краснознаменной стрелковой бригады. Ему удалось выжить в этой страшной войне и в послевоенные годы, работая в совете ветеранов 257-й стрелковой дивизии, он писал воспоминания о пройденном пути дивизии. Однако данные материалы мной нигде не были найдены. Маленький их кусочек был обнаружен в квартире Федора Николаевича уже после его смерти. Эти документы представляли собой рукописный и набранный им на пишущей машинке текст с описанием первых 85 дней (с 14 августа по 6 ноября 1942 г.) боевых действий рядового Журавова Ф.Н. в разведроте.

Прочитав описания военных событий в первоисточнике, невозможно было отказать от того, чтобы довести их до широкого круга читателей. Это были самые честные и страшные солдатские воспоминания, которые хранили в себе небольшой отрезок военной жизни, в которой было всё: смерть, страх, ужас потерь, отвага и чувство долга к своей стране и своим родным. Описание войны, отношений среди солдат, красоты природы Кавказа не дают оторваться от чтения этих воспоминаний.

Журавов Федор Николаевич родился 31 мая 1924 года в Москве, проживал на улице Шаболовка. Учился в московской школе № 584 в 9А классе, когда началась война. Школу закончить не успел, т.к. пошел работать электриком, а затем пожарным. Стремился попасть на фронт. Для этого поступил в систему всевобуча в школу военно-морской боевой подготовки по специальности СНИС (средства наблюдения и связи). По совету мичмана школы Федор Николаевич неоднократно отправлял в министерство Военно-Морского Флота заявления с просьбой направить его на фронт. Наконец, его просьба была удовлетворена – он получил повестку из военкомата и 3 августа 1942 года был направлен в Московский флотский экипаж. С этого дня началась его служба в вооруженных силах страны, а уже 14 августа Федор Николаевич попадает на Кавказ, где начинаются боевые действия в составе разведроты. Дальше были кровопролитные бои за крымскую землю, Сталинград, Донбасс, Сиваш, Севастополь, Прибалтику. За годы войны ему довелось служить в 60-й отдельной стрелковой бригаде, в 257-й стрелковой Сивашской Краснознаменной ордена Суворова дивизии, 1-м Гвардейском стрелковом корпусе 51-й армии сначала разведчиком, а затем старшим писарем-чертежником (он прекрасно чертил и у него был каллиграфический почерк).

За храбрость и отвагу, проявленные Журавовым Федором Николаевичем в боях, он был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

День Победы Федор Николаевич встретил в Прибалтике, а воинскую службу окончил 4 февраля 1947 года в звании гвардии старшего сержанта. Награды, приказы о его награждении и несколько подготовленных им военных карт представлены в приложении.

После войны Журавов Ф.Н. активно участвовал в мирной жизни, в работе совета ветеранов. Был награжден орденами «Отечественной войны I степени», «Трудового Красного Знамени» и многими юбилейными медалями.

Работая над рукописью и собирая информационные материалы, я получил огромное удовольствие, и это не только из-за прекрасного повествования автора, а еще и от того, что почувствовал живое прикосновение к истории, к подвигу советского народа.

**РОДИН Сергей Анатольевич,
племянник Журавова Федора Николаевича,
академик РАН.**

В середине августа мощной группировке вермахта удалось прорвать оборону наших войск в излучине Дона. Поддержанные сотнями самолетов и танков немецко-фашистские войска предприняли наступление в двух направлениях: на Сталинград и на Кавказ. В тяжелых боях под Ростовом, в городе Батайске, в Донских степях наши части стояли насмерть на каждом рубеже, но силы были слишком неравными. Несмотря на потери, моторизованные части врага упорно развивали наступление, бросая в бой накопленные резервы.

Лето 1942 года принесло нашей Родине, сражающейся Советской Армии тяжелейшие испытания. Именно в это время по приказу ставки Верховного главнокомандования были сняты с занимаемых участков западного фронта 60-я и 62-я отдельные Краснознаменные морские бригады для оказания помощи советским войскам на юге.

60-я отдельная Краснознаменная стрелковая бригада (ОКСБр), состоящая из моряков Балтийского, Черноморского флотов и Каспийской военной флотилии, была сформирована в октябре 1941 года и впервые вступила в бой под Москвой в составе 5-й ударной армии. Остановив наступление врага под Наро-Фоминском, в начале декабря 1941 года бригада перешла в наступление, освободив от врага Петрищево, Можайск, Поречье и еще ряд населенных пунктов Подмоскovie.

62-я ОКСБр, сформированная из моряков-добровольцев Тихоокеанского флота, в составе 1-й ударной Армии в начале декабря 1941 года прорвала оборону врага севернее г. Дмитров Московской области, форсировала канал Москва-Волга и перешла в решительное наступление, освободив от захватчиков многие населенные пункты Подмоскovie и город Лотошино.

Впоследствии бригада была переброшена под Старую Руссу и вела тяжелые бои в условиях лесисто-болотистой местности.

И вот летом, 10-12 августа, обе бригады были спешно направлены на юг. Примерно 14-15 августа эшелоны с бригадами остановились у станции Баскунчак. Все матросы и офицеры бригад чувствовали, что здесь определится их окончательный маршрут: в Сталинград или дальше на юг.

В этот день фашисты совершили первый массированный налет авиации на город. Багровое солнце опустилось к горизонту в лиловое небо. А в той стороне, где был Сталинград, в небе вздымалась огромная серо-свинцовая туча. Расстояние не позволяло услышать бомбовых разрывов, но эта, заполонившая половину горизонта, серая туча, низ которой сливался с серой дымкой над краем земли, убедительно и ясно говорила опытному глазу солдат, что там, в стороне Сталинграда, идет жестокий бой.

Из оперативных сводок было известно, что бои идут уже в предгорьях Кавказа, но Кавказ был далеко, а Сталинград рядом, километрах в 70 от станции Баскунчак. Поэтому общее мнение склонялось к тому, что бригады будут брошены под Сталинград. Сомнений почти не оставалось.

Солнечный диск размылся в серой мути над горизонтом, когда раздалась команда: «По вагонам!». Лязгнули буфера товарных вагонов, и эшелоны, набирая скорость, двинулись дальше на юг, к Астрахани.

Теперь сомнений не оставалось: бригады направлялись на Кавказ. Там шли тяжелейшие бои, о которых впоследствии солдаты сложат песню, и матросы бригады подхватят ее и будут петь слова, похожие на клятву:

*Жара нас томила в придонских степях,
Горячая пыль засыпала,
Когда нас забрасывал бомбами враг,
Земля от разрывов дрожала.*

*Встречая тяжелые танки врага,
Мы кровь проливали в сраженьях,
Был нами оставлен любимый Ростов
И начались дни отступления.*

*Товарищ боец, становись, запевай
Про путь наш от Дона до моря,
О том, как враги захватили наш край,
О том, как хлебнули мы горя.*

*Про город Батайск, опаленный огнем,
Про грозные дни Краснодара,
Не раз мы напомним врагу обо всем –
Напомним могучим ударом.*

Не знали бойцы бригад кто написал слова этой песни и кто сочинил мелодию, но песня пришлась по душе: в ней говорилось о тяжелых боях, о горечи отступления и о том, что солдаты, советский народ еще не сказал свое последнее слово в этих сражениях.

Вечером следующего дня бригады грузились у причалов Астраханского речного порта на палубы нефтеналивных барж и на другие плавсредства.

Ранним утром следующего дня все эти баржи стояли на Каспийском рейде. Берегов не было видно, не было видно и горизонта, а просто розовато-голубое небо незаметно переходило в ровное и мягкое сияние перламутровой воды Каспия.

Через час или два в небе на большой высоте покружился какой-то самолет, он был почти незаметен в голубом небе и только прерывистый нудный вой мотора выдавал его присутствие. Днем небо стало пепельно-серым; резко обозначившее горизонт море потемнело, из его необъятного пространства к баржам бежали небольшие крутые волны, вспыхивающие ярко-белыми барашками. А море становилось все беспокойнее. Говорят, что Каспий своенравен и коварен, его штормы злы и опасны. К восьми часам солнце скрылось за горизонтом и стало совсем темно. Усталость, ночная мгла и сонливость поглотили меня мгновенно.

Так бывает: ночью в вагоне остановившегося поезда после шума, лязга и скрипа металла, после нескончаемого и монотонного перестука колес вдруг наступившая тишина кажется неестественной, а приглушенные голоса пассажиров необыкновенно громкими. Вначале сквозь сон я почувствовал эту тишину, заложившую уши словно ватой, потом услышал чей-то спокойный неторопливый разговор. Еще не проснувшись окончательно, я лежал с закрытыми глазами и старался понять, что происходит вокруг меня? Вчера во второй половине дня мы грузились у Астраханского причала на палубу нефтеналивной баржи (такая железная, крашеная охрой рыжая палуба), потом плыли от Астрахани по Волге. Справа неторопливо уходил назад невысокий берег с притулившимися черными избами и кустарником, а за ними пепельно-розовый спокойный закат. Тогда я примостился на распушенной бухте каната... Дурак! За ночь канат намял мне спину, плечи, бока – все тело ныло от боли... Нет, лежать больше невозможно, лучше на железной палубе валяться, чем на канате. Я открыл глаза, с трудом поднялся на ноги и... И вдруг понял, что на земле свершилось великое чудо. Все мироздание куда-то исчезло,

вокруг больше не было ни земли, ни воды, ни неба. Зато все пространство заполняла нежно-голубой свет с легким золотистым отливом. Все, что осталось от мира, так это одно необыкновенное голубое сияние и сказочная тишина. Наша баржа никуда не двигалась, казалось, что она подвешена на невидимой нити в центре огромного светло-голубого шара. Никакого проявления жизни – ни плеск волн, ни шум воды – зачарованная голубая тишь. А воздух! С чуть солоновато-горьким вкусом, чистый, неподвижный, непонятно легкий и прохладный, воздух, которым не дышишь, а пьешь его полной грудью, и он вливается в легкие хрустально-чистой незамутненной струей...

Это необыкновенное чудо было морем, морем бескрайним, удивительно спокойным. На его голубовато-перламутровой поверхности не было ни единой морщинки. Море и небо слились воедино, линии горизонта не было, она растворилась в голубом пространстве. Никогда в жизни я не видел моря и не подозревал, что оно такое, что может быть таким. Вся жизнь распахнулась неведомым голубым простором. Навеки исчезло все, что было вчера, казалось, никогда не наступит завтра. Время остановилось, исчезло в голубой бездне, и исчезнет все, останется только одно это голубое чудо, потому что оно – вечность. Меня удивило, обескуражило, что мои товарищи, мои спутники вели себя обыденно и прозаично. Выполз из-под брезента Тазиев, похлопал спросонья глазами и спросил, ни к кому не обращаясь:

– Стоим?

Откуда-то появился медлительный и обманчиво неповоротливый Гриша Авдеев. В его густой черной бороде я еще вчера заметил серебряные искры. Обычно в общих трюпах он сидел рядом, но смотрел куда-то в сторону.

Палуба баржи оживала. Просыпались солдаты, застучали котелки. Было еще рано, край большого тускло-красного солнца показался над пепельно-голубой дымкой моря. Где-то далеко от нашей баржи на воду села большая стая бледно-розовых птиц. После завтрака, когда солнце сверкнуло своим ослепительным светом, Авдеев вдруг разделся догола, потер ладонями волосатую грудь и решительно заявил:

– Ну, братва, коль снова на море попали, то без крещения не обойтись.

Он подошел к борту, взмахнул руками и прыгнул головой вниз в море. Взлетели брызги, сморщилась неподвижная водная гладь, Гриша вынырнул, фыркнул как морж и пошел саженками прочь от баржи.

– А вода, как в бане! – крикнул он нам. И что тут началось! Бойцы раздевались догола, благо на барже не было ни единой женщины, и прыгали в воду с обоих бортов. Темные мячики загорелых голов замаячили на поверхности воды вокруг баржи. Борт баржи был относительно высок, никак не меньше 2-2,5 метров, поэтому вылезти из воды было не так-то просто. Кто-то догадался опустить за борт концы каната – накупавшихся вдоволь, вытаскивали на палубу. Искупавшиеся бойцы довольно хлопали себя по груди, по белым животам и не торопились одеваться, норовя прыгнуть еще раз. Салаги работали в поте лица своего, выуживая на канате купальщиков. Бойцы подплывали к канату, цеплялись за него руками, упирались в борт ногами, а мы, салаги, что было сил, тащили канат наверх. Тут кто-то крикнул:

– Хлопцы, так салажат крестить треба!

Это предложение было принято с веселым энтузиазмом. Правда, нам разрешили раздеться, чтобы не вымочить в воде документы и письма, потом хватили за руки и за ноги, раскачивали и по счету «три» кидали за борт. Мы мешками падали в воду, подымали тучу брызг и выныривали чуть в стороне, наглядно демонстрируя, что морская вода для нас родная стихия. Вода действительно была теплой, горько-соленой и купание доставляло истинное наслаждение, плавать было приятно. Потом нас тоже вытаскивали на канате. Оказалось, что это дело совсем не простое: к железному борту баржи у самой воды налипли какие-то водоросли, скользкие словно намыленные, был скользким и мокрый канат. Упаси бог, если сорвутся ноги, при этом человек непременно ударялся

боком, животом или локтями о железный борт, сдирал себе кожу и если вдобавок измазывался о борт, то его с улюлюканьем кидали снова в воду. Салажат перекупали всех. С непривычки я ободрал себе локоть. Хотели купнуть и Берию, но тот свернулся как ёж, ругался, отбивался ногами и пытался даже схватиться за винтовку.

– Тю, дурной! Да хрен с ним, пусть сидит, ему же хуже, – сказал кто-то из бойцов и от Берии отстали, его просто перестали замечать.

Один боец, видимо грузин, что-то прокричал на родном языке этому тезке министра, видимо, какие-то неприятные слова, лицо Берии еще больше сморщилось, он оскалил неровные желтые зубы и что-то резко ответил своему земляку.

Из голубого тумана как-то незаметно, словно в немом кино, появилась еще одна такая баржа, как наша, потом третья и следом еще. На рейде собралось пять барж. С юга появилась низенькая серая канонерка и тоже встала на якорь в полумиле от нас.

Солнце начало припекать, железная палуба нагрелась, следы босых мокрых ног исчезали на ней прямо на глазах. Потянул слабый теплый ветер, по воде пошли широкие темно-синие полосы, вдали под солнцем вода заблестела нестерпимо яркими искрами. Голубой волшебный шар исчез, морская даль стала ярко-синей, горизонт обозначился четкой линией. Незаметно пошла широкая волна, баржа стала лениво покачиваться, заскрипели якорные цепи. Баржи по-прежнему стояли посреди моря, никто не знал, почему мы стоим и долго ли будет это продолжаться. Никого не мучили подобные вопросы. Стоим – значит так надо. Одни продолжали купаться, другие растянулись голыми на согретой солнцем палубе и блаженно загорали. Мы, салаги, после купания стали считать себя крещеными, т.е. полноправными матросами и первой нашей акцией было то, что мы отказались бесценно выуживать купальщиков. Наш протест был признан справедливым, и с общего согласия установлена очередность.

Внезапно эта беззаботная идиллия была нарушена, война напомнила о себе решительно и строго. На нашей барже раздался исполошный, громкий и частый бой колокола, послышались крики: «Воздух! Воздух!» Купальщики торопливо вылезали на борт, люди поспешно натягивали на себя белье, верхнюю одежду, хватались за оружие. С соседних барж раздалась одиночные винтовочные выстрелы. Вначале в ослепительно сверкавшем небе ничего не было видно, потом послышался прерывистый тяжелый гул авиационных моторов, высоко в небе показались шесть самолетов, в голубизне неба сверкнул на фюзеляжах отраженный солнечный свет. Серебристые крылья со светло-желтыми концами были плохо различимы. Боевые машины шли на порядочной высоте с запада и направлялись явно в нашу сторону. С канонерки застучали зенитные пушки, ватные клубки разрывов стали пятнать небо. Не успев обуться, я тоже схватил винтовку, вогнал бронебойно-зажигательный патрон и прицелился в ведущую машину. Как учили в военно-морской школе, сделал упреждение и выстрелил. Отдача толкнула в плечо, а зеленая искра трассирующей пули метнулась ввысь, замедлила свой полет и ушла куда-то в сторону от самолета. Я выстрелил еще и еще раз. На барже захлопали громкие и частые выстрелы, с кормы застучал станковый пулемет.

– Ка-же, попал. Смотри, подышать полетел, – подал свой голос скептик, но люди продолжали стрелять.

– Ребята, стреляй, стреляй! Не давай им снижаться, чаще стреляй! – кричал Подосенов и сам гнал выстрел за выстрелом.

Самолеты были уже над нами, и в этот миг воздух наполнил пронзительный свист падающих бомб. Тяжелые удары, грохот взрывов. Из моря взлетели белые, как снег, высокие кусты воды, они опадали, оставляя на этом месте серые размазанные клубы дыма. Недавно еще такие идиллические небо и море сотрясались от взрывов. Самолеты пролетели дальше, развернулись со стороны солнца и, заметно снизившись, пошли на второй заход. Пушки канонерки захлебывались от частого лая, без умолку били пулеметы со всех барж. Визг бомб на сей раз был короче и яростнее, тяжелые взрывы

вновь потрясли море и небо. Нашу баржу качнуло на поднятой волне, белые столбы воды выросли ближе к баржам и вокруг канонерки. В море прятаться негде и никто не думал прятаться, люди злобно стреляли из винтовок в охотившуюся на них смерть. Зеленые, белые, розовые трассы исчертили всё небо, сплошь испятнанное зенитными разрывами. Самолеты отвалили в сторону, ушли на запад, растаяли в голубом мареве. На железной, окрашенной охрой, палубе валялись медные стреляные гильзы. Баржи не пострадали, однако, купаться уже всем расхотелось.

– Надо думать еще придут, – заметил чей-то голос.

– Все может быть. Зевать не стоит, – ответил другой.

Самолеты больше не пришли. Стал крепчать ветер, небо побелело и по его белесому полю поплыли длинные серые полосы рваных облаков. По морю пошли сумрачные тени, поднялась волна, громче заскрипели, заскрежетали якорные цепи. Гриша Авдеев осмотрелся, прищулив глаза, и произнес:

– Н-да... Сегодня нас поболтает.

– А не перекусить ли нам? – предложил Костя Кудряш, и все сразу почувствовали приступы голода и волчий аппетит.

Предложение было принято большинством голосов при одном воздержавшимся. Берия никаким образом не выказал своего отношения и просто молча ждал, что будет дальше.

Медвинский и Костя аккуратно разделили на порции зачерствевший хлеб, всем досталось немного говяжьей тушенки, а потом пили из котелков тепловатую воду с сахаром. В общем, обед как обед. Что греха таить, каждый из нас съел бы еще, по крайней мере, пару таких обедов, но нужно было оставить на будущее. Продовольственных запасов нам должно было хватить и на ужин, и на завтрак, а уж дальше – будет видно.

Не прошло и получаса после нашего обеда, как там, за краем свинцового горизонта, появилась полоса синеватого дыма, размытого ветром. Потом показались какие-то неопределенные точки, а спустя немного времени все увидели белый высокий корпус теплохода, идущего курсом на нас. Подойдя ближе, теплоход коротко и хрипло гуднул, отработал винтом задний ход, подняв за кормой высокий белый бурун, остановился и загремел якорной цепью. К теплоходу сразу же двинулась одна из барж, встала борт о борт с теплоходом, и началась торопливая перегрузка людей и каких-то грузов. К теплоходу подходили баржа за баржей, и всё уходило в его бездонную утробу. Мы стояли к теплоходу ближе всех, подошли для перегрузки последними. Баржа и теплоход «Туркменистан» стояли на якорях, и тем не менее их нещадно раскачивала волна. С борта баржи на борт теплохода протянулись толстые канаты и они натянулись до звонкой упругости. После долгих и сложных манипуляций были опущены к нам на палубу узкие качающиеся сходни с зыбким веревочным ограждением с одной стороны. Над баржей нависла белая стрела подъемника, специальная команда грузила какие-то ящики, мешки – все это в огромной «авоське», сплетенной из могучих канатов, подымалось наверх, уплывало за высокий белый борт теплохода и исчезало в глубоких трюмах. А ветер всё крепчал, он уже посвистывал в такелаже; баржу и теплоход раскачивала волна, они качались по-разному, поэтому узкая сходня, опущенная к нам на палубу, плясала и выделяла опасные пируэты. Между бортами теплохода и баржи оставалось примерно трехметровое пространство, в котором вскипала белой пеной, ошалело металась, высоко поднималась и мгновенно падала взбесившаяся морская вода. Над этой кипящей пропастью шатались хрупкие сходни с веревочными поручнями. Не знаю, как у закаленных моряков, но моё салажечье сердце невольно сжалось, ноги неуверенно и робко переступали по этой сатанинской, круто поставленной сходне.

Солдаты шли непрерывной цепочкой, подгоняли друг друга и каждый знал, что падение в воду между бортами теплохода и баржи не оставляло никаких шансов на спа-

сение. Наконец вот он, борт теплохода. Я шагнул на его просмоленную палубу и облегченно вздохнул. Качало здесь тоже не меньше. Какой-то матрос у схода командовал:

– Давай живее, братва, живее! В трюм не советую. Народищу там тьма набилась. Может, здесь на палубе примоститесь?

Даже я, салаженок, знал, что на палубе, особенно ночью, будет и холодно, и ветер, да еще проклятая качка, но в душном полутемном трюме, в забитых донельзя кубриках и каютах, даже просто в проходах – тоже не рай и еще неизвестно, где будет лучше. Все послушали Авдеева с Медвинским и решили пристроиться на открытой палубе. Берия снова воздержался, но он был привязан к нам общими харчами и невольно подчинился. Гриша Авдеев, Подосенов, Медвинский, Соловьев разместились на надстройке, куда выходили верхние люки машинного отделения. С этими ребятами примостился и я. Остальные расположились внизу, у стенки этой надстройки. Из люков машинного отделения вырывался наружу, как из вентилятора, густой, теплый масляный чад от работающих двигателей. Там, внизу, в глубокой пропасти неясно светились желтым светом лампочки, и ритмично грохотала огромной силы машина. Я лежал у люков вместе с отпетыми «морскими волками», и они терпели, не гнали меня вниз, отчего мое сердце исполнилось гордостью. Мне казалось, что понемногу меня стали вроде бы признавать за своего «морского брата». Я был почти уверен, что вот оно, наступает это нерушимое и прочное, как сталь, морское братство, когда на всех без исключения одна судьба; когда в бою одинаковы все: мотористы, пулеметчики, сигнальщики, комендоры* – все на своем строго определенном месте, все зависят друг от друга...

Тем временем закончилась разгрузка нашей баржи, она прогремела якорными цепями, задним ходом отвалила от борта теплохода, развернулась, стрельнула в небо черным моторным дымом и пошла обратно к волжским берегам. Наш теплоход постоял немного, словно раздумывая, куда ему плыть, потом тоже прогрехотал цепями и, не подав никаких сигналов, незаметно, удивительно плавно развернулся носом к волне и пошел в море. Это был мой первый в жизни морской рейс, и вообще всё было первое, как будто я начал какую-то совсем новую жизнь.

Я встал на ноги и смотрел во все глаза. Теперь-то я начал понимать, что такое «раскинулось море широко», оно действительно было невообразимо широким, его ничто не ограничивало, кругом вода на все 360 градусов. В лицо дул чуть прохладный, насыщенный морской соленой влагой ветер, он пузырем надувал на спине гимнастерку, трепал волосы, что-то насвистывал в такелаже – этот загадочный ветер дальних странствий. Движение теплохода было совершенно незаметно, он только мелко подрагивал от усилий работающего двигателя. На теплоход набегали волны, с плеском и грохотом разбивались об острый корабельный нос и белые сверкающие фонтаны брызг и пены взлетали в небо, а за кормой кипел бело-пенистый бурун и словно шрам оставался блестящий, вскипающий ключами долгий след. Только по этому следу и можно было определить, что теплоход «Туркменистан» движется. Мы лежали на покато́й поверхности фонаря машинного отделения, люки были открыты, нас обдавало горячим воздухом работающей машины, запахами нефти и масла, а мы с деланным равнодушием смотрели на рассерженный Каспий.

Солнце вначале белым кругом просвечивало сквозь пелену облаков, потом окончательно скрылось в низких, стремительно бегущих над морем синих тучах. Море потемнело, стало темно-свинцовым, на гребнях тяжелых волн кипели ярко белые пенные барашки. Бортовая и килевая качка заметно усилилась. Я очень боялся, что меня укачает – тогда позор! Я знал, что в абсолютном большинстве все, кто попадает на море, должен переболеть морской болезнью. Она, как корь – однажды переболел и тогда всё,

* Комендор – матрос-артиллерист.

уже ни один штормяга не свалит тебя на койку. Но морская болезнь, как я считал, это болезнь новичков, а я уже принят в компанию испытанных моряков, я должен быть таким, как они, меня не может укачать море! Надо держаться, и я держался.

А среди ребят шел обычный, спокойный трép.

– Говорят, нас в Иран, – слышался голос Бельтюкова. – Конечно. А куда ж еще?

– В Иран захотел! – рассуждал Медвинский. – Там без тебя сачков хватает! А воевать кто будет? Фрицы на Кавказ прут, к нефти рвутся, а он в Иран!

– Ну так что, на Кавказе войск что ли нет? Знаешь, на Кавказе народу-то сколько проживает. Что здесь, мобилизации что ли нет? – не сдавался Бельтюков.

– Во болтает, ну как салага! – возмущался Медвинский. – Здесь, на Кавказе, мобилизация знаешь когда прошла? Раньше, чем в твоём Кирове. Здесь уже в июле 41-го всех под метлу. Было бы здесь много войск, то не драпали бы. Вон наш эшелон под Сталинградом стоял, помнишь? К Сталинграду и то не повернули. Значит, здесь обстановка еще хлеще. А он – в Иран! Так тебя, мордатого, там и ждут в Иране-то!

– Это уж точно! – поддержал Медвинского Авдеев. – Там и без нас сачков хватает. На передовой воевать некому, а посмотришь – в тылах придурков ошивается – не повернешь, да еще вон один собрался!

Казалось бы, тема исчерпана, но ребята продолжали лениво спорить, незлобиво с подковыркой переругиваться. Просто было нечего делать.

Время шло, и начавшееся сильное волнение на море переходило в откровенный шторм. Окрепший ветер гудел и свистел в такелаже, в мачтах, он ухитрялся свистеть и шуметь даже в зубах, если повернуть ему навстречу голову и слегка приоткрыть рот. Теплоход то и дело задира к небу свой нос, а море перед ним проваливалось, уходило вниз, но через секунду оно заполняло собой почти всё небо. Нос теплохода падал, на него с шумом накатывался огромный зеленовато-серый, украшенный пеной вал, он с грохотом разбивался о корпус теплохода, корабль вздрагивал всем своим железным телом, белые брызги летели в стороны, вверх, белая пена обрушивалась на палубу и катилась по ней до палубных построек. Ветер срывал с высоких волн пену, нес её над взбесившейся водой, по морю стелились длинные седые волокна. Над морем стоял какой-то туман от брызг и пены, наша одежда, крашеная поверхность корабельных надстроек, вся палуба стали мокрыми. За грохотом, шумом и плеском волн не слышно стало голоса товарища, разговор погас сам собой. Все молча смотрели на разбушевавшийся Каспий, держались руками за какие-то скобы, упирались в выступы ногами. Изредка кто-нибудь громко говорил, так чтоб было слышно:

– Во дает! Во дает!

– Во чертов переполох!

А шторм все набирал силы, ветер крепчал. Я никогда в жизни не видел такого стремительного бега низких туч и такой свирепой стихии. Теплоход все круче задира нос, оседал на корму, переваливался с борта на борт. Горизонт давно исчез в седой мгле, из которой накатывались бессчетные высокие и тяжелые волны.

«Вот и крещение! Через это надо пройти и это уже не шутки для салажат, даже опытные ребята притихли», – думалось мне. А ноги стали противно дрожать, стали ватными, непослушными, а в желудке, где-то под ложечкой, стал появляться какой-то неприятный комок. «Н-да, если так вот до самого Ирана, то осрамлюсь, ей-богу, осрамлюсь!» Что-то подсказывало мне, что надо двигаться, может быть, движение отодвинет угрозу морской болезни. Нашему пути, как и шторму, не было конца, а день явно заканчивался, небо потускнело, потемнели волны, только пена морская словно светилась белым огнем.

Подосенов осторожно предложил:

– Шут его знает, что ночью с морем будет? Надо бы узнать, что там в кубриках.

– Правильно. Кто смелый? Кто пойдет? – спросил Авдеев.

И здесь, конечно же, вынесло меня, салагу! Если бы это произнес Бельтюков или

Соловьев, мне бы не показалось постыдным ответить: «Нашли дурака», а здесь говорил Авдеев. Его авторитет незаметно как-то стал для меня непререкаем, мне очень хотелось, чтобы именно он заметил мою решительность и отвагу. С таким же чувством, как несколько месяцев назад я висел над пропастью лестничного пролета на 7-м этаже, как я шел по самой кромке крыши высоченного здания, приучая себя к чувству опасности и риска, так и сейчас – вынесло меня. Опытные, закаленные моряки не торопились с ответом, а я вот взял и выскочил, а теперь уж обратного хода нет.

– Давай, – согласился Авдеев. – Только осторожнее. Крепче за поручни держись, на ноги не очень надейся – палуба сейчас скользкая. А то, может, и не ходи.

– Да нет, я пойду, прогуляюсь, – ответил я как можно беспечнее и стал сползать вниз. Прямо под нашими ногами сидели ребята, прижимались к палубной надстройке, цеплялись за что-то. Я ухватился за начищенный медный поручень и пошел по палубе. Меня кидало на этот поручень, потом палуба уходила из-под ног, ноги скользили, их лизала шипящая пена. Что греха таить, конечно, было страшно. Палуба была пустой. Люди, которые не пошли в кубрики, лепились по надстройкам, было такое впечатление, что большой белый теплоход облепили какие-то насекомые и сосут из него кровь. Теплоход «Туркменистан» тащил на себе много людей и груза, очень много.

Ветер здесь оказался еще холоднее, еще злее. Я дошел до белой двери, опустил ручку защелки. За дверью, без всякой площадки, начиналась крутая лестница, уходившая вниз, в черную пропасть, где желтый свет электролампочек не освещал ровным счетом ничего. Теплоход качнуло, дверь громко хлопнула за моей спиной. Держась за поручни, я с трудом опускался по плавающим под ногами ступеням куда-то вниз. Глаза понемногу привыкли к темноте, я стал видеть какой-то длинный коридор, сплошь заваленный человеческими телами. Было душно, пахло чем-то кислым, на полу скользкие размазанные лужи содержимого рвоты. От качки люди ползали по полу, их тела сносило то в одну, то в другую сторону. Кто-то стонал, кого-то еще рвало, кто-то отчаянно матерился...

Нет, это не для меня! Я полез обратно вверх по лестнице, а она становилась дыбом, и я с трудом удерживался на руках, она падала куда-то вниз и становилась параллельной земной поверхности. Меня кидало из стороны в сторону так, что я не сразу поймал дверную ручку. Открыл дверь, ветер ударил меня в грудь и лицо, а впереди перед носом теплохода выросла горой волна, одетая ажурной белой пеной, и на её вершине лохматые вихры, они выются, их треплет ветер... Тяжелый удар о корпус, фонтаны брызг, грохот, плеск, шипение, пена летит прямо на меня, злобно лижет ботинки и кидается в сторону... Я добрался до своих ребят. Оказывается, мы нашли сравнительно тихое место. Когда я рассказал об увиденном в чреве нашего теплохода, все решили оставаться на месте до конца и будь что будет! К каким-то металлическим крючкам и петлям мы привязали свои вещмешки, винтовки, шинели постарались надеть на себя.

Ну и погодушка! Ну и Каспий! Наш теплоход стал казаться очень ненадежной скорлупкой среди взбесившейся стихии.

И тут закричал Авдеев, закричал громко, чтобы его слышал каждый:

– Братва! Сытому тунуть легче, чем голодному! Давай ужинать, пока не стемнело.

Мне это предложение показалось шуткой, но после недолгого колебания оно было принято. Мы спустились со своего люка. На сырой палубе расстелили шинель. Слава Богу, сюда долетали только брызги. Медвинский с Кудряшом решили готовить порции для каждого с таким расчетом, чтобы осталось что-то на утро. Медвинский развязал вещмешок, передал Кудряшу буханку хлеба и почему-то остановился.

– Ну, ты шо там застряв? – спросил Тарасенко, плечистый, рослый украинец.

– Шо, шо! Консервов нема, сахару нема! – недоуменно ответил Медвинский.

– Як нэма? Хто сховав?

Осмотрели еще один какой-то мешок, но и там ничего не осталось.

– Что случилось? Смело что ль? А сидоры все целы? – кричал Кудряш.

– Хлопцы, кто учудил? – уже строгим голосом спросил Медвинский.

Авдеев окинул всех каким-то недобрым взглядом, хмыкнул в бороду и выжидательно осмотрел каждого. Все молчали. Тогда он громко и решительно сказал:

– Мне не нравятся что-то такие шутки. А ну, без обиды, все вытряхайте свои сидора!

И первый вывалил содержимое своего вещмешка на шинель. Ничего похожего на продукты в нем не оказалось. Я тоже, как и остальные, отвязал от скобы свой вещмешок, спустился и стал его развязывать. И здесь вдруг мне стало страшно: а если продукты в нем? Я знал, что не убирал их туда, ну, а если? Сердце дрогнуло, когда я на долю секунды представил презрение, которым обольют меня мои товарищи. Дрогнувшими руками я развязал вещмешок. Авдеев взял его у меня из рук и вытряхнул все на шинель. Из мешка вывалилось вафельное полотенце, три книжки – сочинения Лермонтова и два учебника по морскому делу, одна общая тетрадь, пачка махорки, пара карандашей, портянки, мыло, носки... и все!

– Во, салага... Он еще учебники таскает, думает, что его чему-то учить будут – удивился кто-то из ребят, а Авдеев только махнул рукой – собирай мол!

Я быстро попихал все обратно в мешок. Страхи прошли, и возникло любопытство – где же продукты? Ребята один за другим вытряхивали мешки, но из продуктов только у одного Тарасенко оказался шматок сала. Сало нам не выдавали, поэтому он был вне подозрений. Тем временем Берия, остававшийся в стороне, как-то незаметно поднялся, отвязал свой вещмешок и, на подламывающих от качки ногах, побрел куда-то к корме.

– Эй, гусь, подожди-ка! – крикнул Авдеев, но Берия продолжал идти. Тогда Соловьев, как-то ловко подхватив беглеца за поясной ремень, водворил его в центр нашего круга. В нервных и злых криках Берии, в его прячущихся глазах было видно, что мы поймали вора. Он впился жилистыми руками в свой вещмешок, но Авдеев одной рукой уперся Берии в грудь, а второй так рванул мешок, что он оказался у него в руках. Мгновение – и из мешка на шинель вывалились банки с консервами, хлеб, сахар, в общем, всё наше добро. Берия пытался схватить хлеб, что-то кричал, ругал Авдеева, но его так же быстро вытолкнули из круга.

– Ничего себе! – удивился Подосенов. – Во гусь! Ну точно, вот она, банка, я её еще финкой процарапал, открыть хотел, да вы завопили, и сахар, и даже табак! И этот гусь еще такую фамилию позорит!

Когда успел этот несчастный Берия опустошить наш общий мешок? Зачем он это сделал, на что надеялся? Ведь всё равно, он должен был знать это, мы хватимся и будем искать пропажу. Единственно он мог посчитать, что в такой шторм нам будет не до ужина, а там видно будет. И ошибся. Авдеев оставил из продуктов примерно половину, остальное убрал в вещмешок Медвинского и сказал:

– Это на утро. Советую всё разделить на девятерых, а этому, – он кивнул в сторону Берии, – до утра жрать не давать! Что б знал!

– Пачему, пачему?! Отдай моя доля! Моя доля! – кричал Берия, но его уже больше никто не слушал. Ему бы подождать немного, ребята остыли бы от приступа злости. Но Берия еще что-то кричал. В это время поднялся Тарасенко и сказал так, чтобы его слышали все:

– Пиду ций шматок сала принесу.

Он поднялся, ухватился за поручни и неуверенно пошел к своему месту, а в это время рассерженный Берия, изгнанный из общего круга, наказанный тем, что остался без ужина, поскользнулся на мокрой палубе и отлетел туда, где лежали его вещи – шинель, винтовка, плащ-палатка и выброшенный из круга его вещмешок с какими-то узелками. Берия схватил винтовку, взял её как палку за ствол и сзади пошел на Авдеева. Потом всё произошло непоправимо быстро... Берия, не обращая внимания на занятого своим вещмешком Тарасенко, подошел на расставленных циркулем ногах сзади к Авдееву и

широко размахнулся винтовкой, норовя ударить его прикладом по голове, но в ту же секунду Тарасенко вскочил на ноги и вцепился в шейку приклада своими чугунными пальцами. Берия что есть силы рванул на себя винтовку, в этот момент борт стремительно стал падать вниз, Тарасенко не удержался на ногах упал и выпустил из рук винтовку. Берия отлетел к фальшборту, ударился о него спиной, в воздухе мелькнули его тонкие ноги в ботинках и серых обмотках. Борт опускался всё ниже, за ним горою выросла волна, борт снова пошел вверх, но... Берии не было. Я все видел и оторопел, не успел даже крикнуть. Всё произошло непостижимо быстро. Может быть, и Берия что-то кричал, но всё потонуло в тяжелых ударах и шуме волн. Тарасенко, я, еще кто-то кинулись к борту. Крен в это время выровнялся, но Берия исчез в море, его не было видно. Только грохочущие волны, только полосы растянутой по ним седой пены, соленые брызги, ошалелый ветер и ничего больше. Мы отошли от фальшборта и все стояли, словно онемевшие. Если хоть что-то было заметно в волнах, мы, конечно, подняли бы тревогу, но море мгновенно схватило свою добычу, море не умеет шутить.

– Братцы! Так что ж теперь? Я ж не хотыв... Вин же Грышу прыкладом... Вы ж усэ бачилы... Я ж не хотыв...

Бледный, перепуганный Тарасенко лепетал побелевшими губами. Позже всех разобрался в случившемся Авдеев – все произошло за его спиной и очень быстро. А время бежало: секунда, вторая, третья – мы, ошарашенные происшедшим, теряли эти секунды, ничего не предпринимали, а вместе с секундами возрастала вина, тяжелая вина каждого из нас. Что делать? Кричать – не услышат в этом содоме, стрелять – не сразу поймут.

– А-э-э! А-э-э! Человек! Чело-о-овек... – завопил Костя Кудряш, а в этот момент борт снова провалился в бездну, Костя ударился о люк головой, чуть не слетел и голос его оборвался, его никто не услышал.

Все понимали, что спасти упавшего за борт уже невозможно. Этот человек, носивший такую памятную фамилию, непонятно как оказавшийся в нашей компании, исчез таким страшным образом.

– Так! Давай тревогу, давай! – всё еще кипятился Костя.

Авдеев сам подошел к фальшборту, опасно перегнулся через него, вцепившись рукою в какой-то натянутый трос, и долго смотрел в волны.

– Все, братва. Конец этому Берии, – произнес Авдеев.

Никто с ним не спорил. Мы просто не знали, что ж теперь делать.

– Нажили приключений на свою задницу, – растянуто произнес Медвинский.

А время шло. Тарасенко считал себя виновным, с тревогой смотрел в наши лица. А время бежало и каждая секунда, как печать, утверждала непоправимость случившегося.

– Так что ж, братва, значит, следствие будет. Трибуналом все это пахнет – решил Соловьев.

Тарасенко чуть не плакал, он повторял бессвязно одно и то же на одной ноте:

– Так вы ж бачилы... Я ж ну ничего... Не бив я його...

Что ж делать? Бежать на капитанский мостик? Кричать? Конечно, будут теперь искать виновного. Попадет либо нам, либо команде теплохода – почему они разместили солдат на палубе! А поди ж знай, что разыграется такой штормяга... Еще секунда, еще.... Всё! Теперь время потеряно окончательно! Молчать? Так ведь человек погиб! Конечно, если бы не Тарасенко, то этот Берия проломил бы Грише голову прикладом! Но теперь каждому придется доказывать, что он не верблюд. Да еще эта проклятая фамилия у погибшего. Здесь каждый следователь мотать начнет – а вдруг родственника самого Берии загубили? Ох, и начнется же здесь! А теплоход теперь далеко уже ушел, к тому ж темнеет быстро.

– Что делать-то будем? – спросил Медвинский, но ему долго никто не отвечал.

Потом тот же Авдеев принял решение. Он начал издали:

– Хлопцы, вот честно скажите, среди нас лягавые есть?

Все недоуменно молчали.

– Да вы не бойтесь, – продолжал Гришка, – не бойтесь и скажите напрямую, кто завтра докладывать побежит? Если кто пойдет – пусть скажет честно. Я к чему. Можно, конечно, сейчас на капитанский мостик забраться. Что будет? Сейчас застопорят машину, развернутся, но человека уже всё одно не найти, время только потеряют. Будь он Авдеевым или Кудряшем, то и машины стопорить не стали бы – уже теперь всё, с концами! Но фамилия у него такая, что здесь даром ничего не пройдет, здесь всем нам могут дело состряпать...

– Это точно! – согласился многоопытный Соловьев.

– Так вот, если кто-нибудь пойдет докладывать, то давайте честно говорить, всё как было. Здесь нам придумать нечего, сам свалился и всё!

– А можно всё и по-другому, – Гришка всё время кричал, стараясь пересилить сатанинский шум моря. – По-другому можно! Страшно ему на палубе стало. Ну, выдали ему паёк и ушел он от нас. А дальше мы и ведать не ведаем. Поняли что ль?

Мы замотали головами в знак того, что поняли. Второй вариант нашего поведения понравился почему-то больше. Конечно, это свинство, может быть, но куда денешься от морского железного братства! Вот оно, первое испытание на прочность дружбы и характера.

Так в то время думалось мне, и я безоговорочно подчинился общему мнению, тем более что время ушло для объявления тревоги, да и этот Берия был нестоящим человеком.

– Тогда вот так, братва! Молчок! Поняли все? А ежели кто трепанет, то из задницы ноги сам повыдергаю!

– А что поделаешь? Христос с ним. Но всем наука, – вздохнул Бельтюков.

Стало совсем темно. Шторм никак не унимался, всем было не до сна. Мы упирались ногами в какие-то выступы, онемевшими пальцами держались за какие-то скобы. Все понимали грозную опасность, которая нависла над каждым – сыграешь за борт почище Берии. Попытаться пройти вниз, в кубрики, сейчас в темноте и при такой качке трудно и рискованно, да и внизу, как вспомнишь этот темный коридор и заблеванный пол, так с души воротит. Не было конца нашим мучениям. Качка выматывала всю душу, отнимала последние силы. Кто-то из ребят в темноте матерился при особенно сильных кренах, кто-то стонал, но до утра далеко, а эта пытка, по крайней мере, до самого утра. Нестерпимая пытка! Мне даже не верилось, что я выдержу до утра, но иного выхода не было, иное – только гибель. В черной темени ночи, заполненной свирепым ветром, грохотом, плеском и шумом волн, были видны только мечущиеся белые призраки пены. В лицо летели брызги, одежда промокла, было холодно, но нужно держаться, а руки онемели, пальцев я вроде бы и не чувствовал. Среди этой сумасшедшей ночи, словно в бреду, мне показалось, будто две черные тени спустились вниз на мокрую палубу и через некоторое время снова выбрались на люки машинного отделения.

– Все в порядке!

– Добро.

Услышал я чьи-то голоса. Наверное, тоже пригрезилось. Глубоко под нами немолчно* стучали дизели, по-прежнему горели тусклые желтые лампочки, машинное отделение было заполнено каким-то голубым туманом, в нем, как призраки, появлялись и исчезали тени машинистов.

Ранним утром в разрывах туч проглянуло зеленоватое, холодное предрассветное небо. На западе стеной громоздились зловещие темные тучи. Мне показалось, что ве-

* Немолчно – непрерывно, не замолкая.

тер стал стихать, но волны продолжали реветь, бесноваться, горами вырастали за бортом и внезапно проваливались в преисподнюю. Теплоход раскачивало всеми видами качки и теперь действительно больше не доставало сил держаться возле этих проклятых люков. На душе было до того мутно, что сама смерть вдруг показалась избавлением от нестерпимых мучений, чувство страха как-то притупилось, неприятный шевелящийся комок под ложечкой стал большим, он заполнил весь организм, подступал к горлу. «Сейчас меня будет, наверное, рвать. Осрамлюсь. Ну и шут с ним, теперь уже все равно!»

Из-за нагромождения туч на западе вроде бы стал просматриваться берег. Рассвет наступал быстро. Море было зеленым и седым от пены. Один вид берега (и неважно, что он еще далек) все-таки вселял некоторую надежду на спасение, прибавил немного сил. Теплоход «Туркменистан» малым ходом приближался к гавани, но эта спасительная гавань почему-то нас не принимала. Теплоход остановился на внешнем рейде, и его трепали волны. Качка, сколь ни велик размерами теплоход, особенно по сравнению с нашей баржей, все-таки истрепала даже видавших виды моряков.

Наконец, теплоход «Туркменистан» выбрал якоря, гуднул простуженным голосом, и очень медленно к нам стал приближаться берег. Самым тихим ходом прошли неширокие ворота порта. Ночной шторм так раскачал нашу посудину, что она еще долго переваливалась с борта на борт и с носа на корму.

Мне до жути, если признаться честно, надоело море, шатающаяся палуба, но теплоход не спешил к причалу. Берег нас не принимал. Нам пришлось торчать на воде еще часа полтора. Причалы порта были пустыми. Незнакомый город прятался за листвою растрепанных ветром акаций. Солдатский телеграф сработал и на сей раз: кому-то и от кого-то стало достоверно известно, что город этот Махачкала, а не выгружают нас по той причине, что на борту холера. Еще перед Астраханью нам выдали винтовки, патроны, но принадлежим ли мы к какой-нибудь части, кто наш командир – нам было неизвестно. Совершенно стихийно своим командиром мы признали Авдеева, за него были готовы идти в огонь и в воду, выполняли все его распоряжения. Небо затянулось снова серой пеленою, там, за волноломом, ревело и билось море, а здесь было относительно спокойно.

Наступило то время, когда зашумели лебедки, и началась выгрузка. Из трюмов выползали солдаты с бледно-зелеными лицами, в перепачканных шинелях. Наша группа провела бессонную ночь, полную тревог, но по сравнению с трюмниками мы выглядели гораздо лучше.

По узким сходням бесконечной цепочкой спускались люди, завывал мотор лебедки, и из трюма выползали различные грузы, они проплывали над палубой и медленно опускались на каменный причал. Раздавались крики: «майна, майна» или «вира!» При последней команде пустой крюк отрывался от груза, поднимался вверх, стрела поворачивалась, и крюк опускался в бездонную глубину трюма. Когда на причале скопилось достаточно народа, Авдеев скомандовал:

– Пошли. Пора, братцы.

Я с большим трудом встал на ватные ноги, покачиваясь, прошел по сходням, и вздохнул, почувствовав под ногами милую и надежную земную твердь. Мне казалось, что сейчас налетят на нас какие-нибудь командиры, и все будут допытываться у каждого из нас, куда делся Берия. Но этого не произошло. Правда, кто-то крикнул нам:

– Эй, салаги, чего рты разинули! Давай все сюда!

На причале стояла походная армейская кухня, никаких лошадей, конечно, не было и мы должны были тащить эту кухню на себе, до самого места нашего временного расположения.

Гриша Авдеев деловито обошел кухню, поплевал в ладони и взялся за дышло.

– Пристяжными со мною Бельтюков и Тарасенко пойдут, а остальные сзади толкайте. И чтоб без придури! – скомандовал Авдеев.

Мы взялись за работу, и кухня неожиданно легко и быстро покатилась по причалу. Провезли её по территории порта, выехали за ворота и оказались на улицах города, застучала наша кухня ошипованными железом колесами по булыжной мостовой. Город действительно оказался Махачкалой. На улицах народ почти не встречался, ветер шумел в листьях высоких акаций и гнал пыль по мостовой. Соловьев неожиданно затянул какую-то блатную песню:

*Ты ходишь пьяная,
Бледноусталая
По тёмным улицам
Махачкалы...*

Но эта блатная самодеятельность не нашла поддержки и угасла. Ванька Подосенов затянул более подходящую:

*Волга, Волга – мать река,
Широка и глубока,
Ай-да да ай-да, ай-да да ай-да
Широка и глубока!
Мы по бережку идем
Песню солнышку поем...*

Оказалось, что многие знают эту старую бурлацкую песню, а кто не знал, тот старательно подхватывал её немудреный припев. Акомпанементом нам служил громкий стук колес по мостовой. Со стороны это может быть выглядело смешно, но нас ничто не смущало. Таким манером мы довольно быстро прошли сонный одноэтажный городок, дальше тянулись каким-то проселком и пришли на самый настоящий виноградник, огороженный железной проволокой на деревянных столбах. Здесь мы оставили в покое свою кухню и стали располагаться прямо на пыльной земле под невысокими виноградными лозами. Видно, это был какой-то поздний сорт винограда, кисти висели с мелкими, чуть больше фасоли, матово зелеными виноградинами. Ягоды были нестерпимо кислыми, – скулы судорогой сводило. Никого не удивляло наше, мягко сказать, неудачное месторасположение – в армии всё бывает, могло быть и хуже. Вскоре на разостланной шинели стали делить оставшиеся продукты для завтрака. Авдеев посмотрел на порции и зло буркнул Кудряшу, раскладывавшему краюхи хлеба:

– Думай головой, а не задницей. Сколько порций нарезал?

– А что?

– А то!

Кудряш пересчитал, взял одну порцию, разрезал её на части и добавил к оставшимся девяти. Каждый невольно вспомнил вчерашнее страшное происшествие, но никто говорить об этом, вспоминать что-либо не стал. Молча и быстро мы справились с завтраком. После бессонной ночи, после завтрака мы все до единого завалились спать под виноградной лозой. В ушах у меня еще стоял грохот шторма, свист ветра, а перед глазами вздымались те страшные волны, украшенные морской пеной. Всё, что случилось, что я видел, было со мною впервые, в том числе и моя некоторая причастность к тайне человеческой смерти – всё впервые. Началась совсем другая жизнь и всё, что было до неё, казалось маленьким, очень давнишним и даже неправдоподобным.

Конечно, я видел, что Тарасенко не толкал этого несчастного Берию за борт, этот жулик рванул винтовку, а её уже Тарасенко не держал, а здесь борт пошел круто вниз от волны, ну вот Берия и сыграл за этот борт. Это стечение обстоятельств, это несчастный случай, здесь нет прямого виновника. Но... как теперь всё это обойдется? Вещей Берии,

в том числе и винтовки, я нигде не видел. Значит ночью. Те двое. Всё ясно. Улики тоже полетели в море, а оно умеет хранить тайну. В этом деле и сам Берия повинен: зачем он украл продукты, для какого шута полез драться? Вот если бы он ударил прикладом Авдеева, то его непременно и сознательно выбросили бы за борт. Тогда стоило бы! А сейчас мы просто виноваты в том, что молчим, а как не молчать: если бы утонул я, то в течение минуты всё списали бы на войну. А тут кто? Берия. Может, он и вправду родственник? Не может быть – был бы родственник, то не ошивался здесь вместе с нами, ходил бы в пенсне, покрикивал бы на кого-нибудь... А тревогу поднимать, так вон Кудряш кричал, да разве в этом аду услышишь?!

В войну у вооруженных людей складывается особый коллектив, и права у него особые, и правда тоже своя. Мне с этими людьми идти в бой – вот она и вся правда.

Меня разбудили уже за полдень. Август, но было немного прохладно. С моря всё тянул ветер, крутил на дороге пыльные смерчи, гнал по серому небу низкие синие волокна туч. Снова построение. Откуда-то взявшийся лейтенант построил шеренгу ребят, приказал рассчитаться, а потом Медвинский и Авдеев вместе составили список личного состава человек на сорок и отнесли его тому лейтенанту. Из нас сформировали взвод, и его командиром временно назначили не Авдеева, а Медвинского. Потом уже взвод разбили на отделения, и я оказался в отделении Подосенова. Ваня Подосенов собрал всё свое отделение и предупредил сразу: «если хоть одна душа без его ведома попытается уйти из виноградника в самоволку, то он жаловаться ни к кому не пойдет, он просто откроет виновному голову и скажет, что так и было».

Но никто и не рвался в самоволку, тем более, что за проволокой нашего виноградника почему-то ходили часовые с винтовками, и ими решительно пресекались все попытки не только удрать на дорогу, но и просто подойти к проволоке внешнего ограждения. Может, так нужно, но в связи с этим снова поползли слухи о случае заболевания холерой на теплоходе и о том, что нас посадили на карантин. Сколько будет продолжаться этот карантин, никто не знал. Но никаких других случаев заболевания холерой не было. Правда, случилось другое: вечером у многих начался понос, а ночью этим vulgarным поносом страдала половина всех тех, кто находился в винограднике. И всему виной был этот проклятый несозревший виноград. Кому-то пришло в голову давить из него вино. Эта идея оказалась заразнее холеры. Технология оказалась простой, как всё гениальное. Нужно было набрать этих зеленых и зверски кислых виноградных кистей в полотенце и выдавить сок в чей-нибудь котелок. Потом этот сок перелить во фляжку и закопать её в землю по горлышко. Через два часа вино готово! Конечно, это не благородный портвейн и даже не самогонка, но, говорят, что похоже на сухое вино. Что это такое – сухое вино, я тоже не знал и сроду его не видел, даже представлений не имел. Наши специалисты вроде Бельтюкова мне популярно объясняли:

– Подумаешь – вино! Ты знаешь, что не только вино, но и сухой спирт бывает?

– Слышал. Знаю.

– Вот и вино так же, как спирт. Возьмешь такую небольшую таблетку, в воде разведешь и готово, пей на здоровье. Конечно, кислое оно и крепости в нём никакой. Примерно так – полведра этого вина может заменить всего сто грамм водки. Понял?

Я догадывался, что познания наших технологов виноделия, по крайней мере, несовершенны, но по сравнению с моими и это уже что-то. Под каждой лозой были закопаны в пыльную землю фляжки, даже просто котелки стояли с мутно-зеленым соком. Часа через полтора у нас началась повальная пьянка. Мы пили напиток, который можно сравнить только с соляной кислотой высокой концентрации – глаза на лоб лезли, но мы терпели. Потом мы дружно пели морские песни. Большой популярностью пользовалась песня про Петьку с Кузькою. Я запевал, а последние две строчки пели все хором:

*Когда в гавани в сером саване
Спать на рейде легли корабли,
Петька с Кузькою сходней узкою
Шли на берег, считая рубли.*

*На разбавленный, спирт отравленный
Положили теперь они крест.
Шли в столовую, выпить новую,
По дороге зашли в пиццетрест.*

*Выпив первую, рыжей стервою
Петька Кузьку назвал в третий раз,
За язычество электричество
Кузька Петьке поставил под глаз.*

*Когда в гавани в сером саване
Просыпались от сна корабли,
Петьку с Кузькою сходней узкою
Кочегары-друзья волокли.*

Пусть не очень содержательная, но вполне популярная песня, вполне подходящая к тому моменту. Пели много, пели старые наполовину пиратские песни, пели «Варяга», тосковали и клялись в вечной боевой дружбе под «Раскинулось море широко». Вроде бы действительно опьянели. Но к концу дня всех, кто пил прохватил банальный понос. Мы подозревали причину, и тот технолог виноделия старался не попадаться на глаза, но вот начальство чего-то перепугалось, даже военврач приезжал и осматривал всех. Потом нас поили слабым раствором марганцовки, и мучения к ночи кончились.

Уже перед утром нам сыграли подъем. В темноте всё перемешалось, временные взводные не знали еще своих людей, люди – взводных, толчея, крики. В нашем отделении оказалось теперь почему-то не девять, а одиннадцать человек. В конце концов и с грехом пополам построились в колонну по три, песен не пели, вконец измученные поносом шагали куда-то в поле. Наступивший рассвет прояснил обстановку. Мы были на большой товарной станции, где нас уже ожидали товарные вагоны.

* * *

Для солдата нет ничего приятнее езды в железнодорожных вагонах: во-первых, это не передовая, здесь совершенно спокойно, во-вторых, тебя никто не истязает строевой подготовкой и не мучит изучением правил подхода и отхода к командиру. Только иногда здесь проводятся читки газет, реже политбеседы, но это даже интересно, приятно побеседовать с информированным и умным человеком. Куда нас везут, мы не знали, это было военной тайной. Разговоры об Иране уже давно затихли, нас явно везли не в ту сторону.

Колеса равномерно и ритмично стучали, доски нар пружинисто покачивались, поезд шел медленно, но никто из нас не торопился, многие спали, у открытой двери собрались наиболее любопытные, а некоторые сидели на досках и слушали Гришу Авдеева. Это было странно, он был неразговорчив, никогда не исповедовался, а тут на тебе, разговорился. Я хотел перевернуться на другой бок, но рассказ показался мне интересным и я невольно прислушался.

– Да, это бывает. А за что тебя на берег-то списали? – спросил кто-то из ребят.

– За что? Списывают на берег всегда за громкое, но неумное поведение.

– А все-таки? Расскажи, что было-то?

– Вот так и было. У нашего брата это всегда просто бывает. Где-то перед войной мы в Данциг пришли, в ту распроклятую Германию, с грузом, конечно, – рассказывал не спеша Авдеев. – Погодка в то время на Балтике была хуже, чем на Каспии прошлой ночью. Всю душу вымотало. Отшвартовались, значит, начали разгрузку. Война-то уже на носу была, только мы того не знали, однако, заметили, что немцы какие-то не те стали, что-то не то у них. Военных кораблей полна гавань и в море на рейде маячат, одни грузятся, другие разгружаются. На берег сразу никого не пустили, а потом разрешили сойти пятерым. Я вот в той пятерке-то и оказался. Ребята все были крепкие, молодые, по силушке-то я у них в середнячках ходил. Да, значит, отпустили нас на берег, но предупредили, чтоб дальше порта ни ногой. Ну, в таком разе, что делать-то остается. Снабдили нас малость марками – так баловство одно, и закатились мы всей компанией в пивную, недалеко от причалов. Чистенько там у них, сигарами накурено и народу не то, чтоб очень. Мы, конечно, за столик и сейчас же к нам баба в фартучке – что, мол, господа матросы желают? Желание-то у нас конечно известное – попросили по 150 грамм водки и по два пива. А она, стерва, ну никак не понимает, что это такое сто пятьдесят грамм. Я взял этот стакан, показал ей примерно отметину и говорю: «Битте шнапс унд цвай биер», вроде все как надо сказал, а она, Европа окаянная, принесла нам по две кружки пива, поставила рюмочки малые и сто пятьдесят грамм водки на всех...

– Вот ведь стерва неграмотная! – возмутился Бельтюков.

– Не перебивай! – осадил его кто-то из ребят.

– Н-да! Смех нас, конечно, разобрал, – продолжал Авдеев, – втолковываем ей, что нужно фюньф шнапс. Она принесла быстренько. Потом встала за стойку и смотрит, как мы этот шнапс пить будем. Ну, мы, как и положено, тянули единым махом, и сидим пиво пьем, тихонечко разговариваем промеж себя. Ведем себя культурно, как нас учили, чтоб ни сучка, ни задоринки. Только было мы собрались еще по кружечке, смотрим за два соседних столика здоровые ребята-немцы пришли, человек восемь их было, все мордастые, молодые, в кожаных куртках, а на рукавах у некоторых значит эта повязка со свастикой. Сидят, что-то лопочут и на нас этак косо посматривают.

Эта шинкарка, которая нам подавала, из-за стойки куда-то скрылась, перед нами пустые кружки. Вот тут-то и начали эти субчики, то вроде бы нечаянно локтем толкнет или невзначай стулом спину нам давят. Чуем мы, что неспроста всё это, что они скандал затевают, ну от греха мы решили смотаться по-тихому. Положили мы, значит, деньги на стол, как это у них там положено, а сами к двери. А тут один этот хмарь вскакивает, дверь собою загородил и давай орать что-то. Первым к двери наш старший матрос шел, так он даже культурно так и говорит фрицу: «не болтайся, мол, как дерьмо в проруби, дай выйти по-хорошему». А фриц этот опять что-то кричит по-своему, да этого матроса за грудки схватил, тот по рукам его. А тот, гад, как вдарит чем-то нашего дружка по голове, он сразу со ступенек скатился, кровь у него по лицу, а остальные хмыри, как эту кровь увидели, так сразу, как акулы, на нас кинулись. Ну и пошло тут. Один гад мне в челюсть метил, да я его руку перехватил и в морду ему, он к стойке отлетел. Тут крики, визг! А на меня второй, я и ему под дых, он под стол. В моего кореша бутылкой кинул, тот как-то увернулся, зато один мой друг прямым как врежет ему промеж глаз, тот тоже на пол. А старший матрос-то, которому первому попало, очухался, встал на ноги, а здоров он был, ну, до невозможности, он еще одному врезал так, что тот через стол летел, кружки вдребезги. Один гаденыш за нож схватился, так наш Васька ему флотской пряжкой как врежет, а она у него с обратной стороны свинцом была залита, этот фриц сразу глаза закатил и на пол. Тут уж совсем пошло, только скулы трещат, посуда звенит вдребезги, визг, рёв – куда там. Раскидали мы этих фрицев, сами в дверь и бегом на свою коробку. Дождь здесь сильный был. Пришли с синяками, конечно, не без этого. Старпому доложили всё по-честному, как на духу. Он нас и выmaterить еще не успел, как к трапу

полиция на машине заявила. Наш старпом не дурак, он нас быстренько боцману сплавил и велел спрятать так, чтоб сам господь бог не нашел. Почти сутки мы сидели почти не жравши. Потом нам рассказали, что полиция требовала выдать нас, хулиганов, для предания суду. Двоих пострадавших фрицев привозили, но они из дежурных матросов никого опознать не могли, в общем, их как-то сплавил с корабля и замяли то дело. Как в море вышли, так нас на свет божий выпустили, накормили, а как на родной берег ступили, так нас милых сразу с корабля и списали. Одних разговоров было, не дай бог, даже с МГБэшником разговоры вели. Пришлось мне на берегу покрутиться, кем только не работал. Обидно, конечно, было. Самая большая обида она всегда от несправедливости бывает. Гриша замолчал и начал сворачивать сигарку.

– Так что ж, выходит ты в военморфлоте-то и не был?

– Вот, салага! Да я на флоте действительную отслужил. А война-то как началась, я сразу сам в военкомат с заявлением, хочу, мол, снова на море. Меня взяли, только вместо моря, вот топаю с вами, салагами.

– Во, брешет! – сказал кто-то из ребят, но Гриша не среагировал на грубость, он сосредоточенно прикуривал свернутую огромную сигарку. Мы въезжали в какие-то теплые края, небо от туч очистилось, какие-то золотистые клочья тумана висели над зарослями деревьев, проплывали назад скучные выжженные солнцем холмы. Состав тянулся на север и там, в небе, вздыбилась в голубом мареве огромная гора, склоны её сильно поросли лесом, а выше скалистые утесы, и к одному из них прилепилось снежно белое облачко и отбросило тень на склон той горы. Вот она... «тучка золотая, на груди утеса-великана»... Прямо как иллюстрация, только живая и чудно красивая. Вначале эту гору я за высокую тучу принял. А как не принять - впервые в жизни это диво видел. Опять впервые! Первые и так красиво. Если бы еще и войны не было! Гора, по мере нашего движения, приближалась, воздух становился прозрачнее и невозможно было глаз оторвать от этого чуда. Солнце набирало силы, становилось в вагоне жарко, колеса мирно стучали, и теперь не верилось, что сутки назад мы болтались в свирепом море... И этот Берия! Опять Берия! Долго он будет ходить за мною?

Наше путешествие не было очень долгим. У совершенно маленькой станции Энгель-Юрт наш состав звонко застучал тарелками буферов, судорожно задержались вагоны, заскрипели колодки тормозов и вдруг всё оглушающая тишина вокруг, только далеко впереди паровоз стрелял горячим паром в голубой воздух. Мы полагали, что поедем дальше, но от вагона к вагону полетела команда: «приготовиться к выгрузке!» Так получилось, что у нас была открыта левая дверь, а выгружаться следовало в правую. С большим трудом, со скрежетом, визгом мы открыли правую и дружно попрыгали на совсем маленькую насыпь. Потом нам пришлось помогать разгружать из вагонов кухни, повозки, какие-то ящики, мешки, и все это перетаскивалось от дороги в посадку угрожающе колючей акации. После того, как вся работа была закончена, мы ждали очередной команды, сидели в пыльной траве, курили и гадали о том, что с нами будет дальше. Медвинский пошел к начальнику эшелона и вскоре вернулся с каким-то лейтенантом. Весь наш взвод построился в колонну по три и нас повели по пыльному проселку между бесконечно широкого поля, где стеной стояла высоченная кукуруза, кстати, эту живую кукурузу я тоже увидел впервые. Если честно сказать, то я очень походил на существо, только что свалившееся с луны – все для меня было впервые. На ярко-зеленых кукурузных листьях сверкало солнце, к стеблю лепились большие початки, укутанные в светло-зеленые, почти белые листья с коричневыми нитками на концах. Где-то в конце этого поля виднелись пышные кроны деревьев, похожих на старые деревенские ветлы, там, очевидно, был какой-то поселок.

Наша маршевая рота (как оказывается, мы именовались), остановилась прямо в этой кукурузе, отлично защищавшей нас от жаркого августовского солнца. Нам показалось, что в этой первозданной тишине, в зарослях кукурузы про нас просто забыли. Нас

начинал мучить голод, а эта неопределенность ребят раздражала. Послышались первые матюки в адрес всего начальства. Но вскоре появилась кухня. Заметив нас в зеленых зарослях, солдат-повар осадил рыжих лошадей и крикнул:

– Эй, славяне, Медынский у вас есть?

– Ну, я Медвинский.

Анатолий встал, надел на голову свою мичманку и направился к кухне.

– Сколько у тебя народу?

– Не у «тебя», а у «вас» – это во-первых, во-вторых, ты кто такой?

Солдат немного смутился, но потом доложил по форме, что привез обед по приказанию командира второй роты батальона автоматчиков.

– Ребята! К кухне бегом! – подал Медвинский не очень уставную команду.

Нас упрашивать не пришлось. Нас накормили супом-пюре гороховым из концентратов, на второе – каша кукурузная с маслом. В общем, здорово, я давно так не ел. Многие просили еще добавку. Повар не пожалел. Мне тоже перепало. Потом мы лежали в пятнистой тени кукурузных стеблей, курили, блаженствовали, и разговоры пошли другие. Коренастый Тазиев очень убедительно агитировал:

– Я вам еще перед Астраханью в поезде говорил, а сейчас время настало – предлагаю со мною в разведку. Там у них в разведке ведь как: или грудь в крестах, или голова в кустах. Кормежка это уже не забота. А потом задание выполнил и загорай дня два или три, и никто тебе ничего. Сам себе хозяин. Как хотите ребята, а я только в разведку.

Тазиева слушали. Слова Тазиева падали на благодатную почву. Опытные ребята знали, что именно сейчас идет сортировка людей по подразделениям, именно сейчас нужно не зевать. Конечно, им, опытным, хорошо! Им можно и в разведку! А я как? Кто меня, салагу, в разведку возьмет? Кто я такой, чтобы быть в разведке? Жалко с ними, с чертями, расставаться. Вместе вроде и недавно, а вот успел уже и привыкнуть. По какой-то ассоциации снова вспомнился этот Берия картинно и ярко. Видел я огромную волну, одетую дырявой пеленой белой пены, круто накренившуюся палубу, белый фальшборт, почти достающий эту гремющую волну, и мелькнувшие в воздухе две ноги в обмотках и ботинках. И все. Мгновенно и без крика. Полсекунды и нет человека. А ребята то ли успели уже забыть, то ли притворяются, делают вид, что забыли – хоть бы обмолвились намеком каким. И то странно, что этого Берию никто до сих пор не хватился, как будто и не было его, как будто он и в жизни нигде не числился. Неужто в армии, на войне вот так и бывает? Что ж, вполне вероятно. Война-то какая! Здесь всё зависит от коллектива, от товарищей, которые рядом с тобой. А если ты один и ни с кем не контактишь, то вот так и потеряешься, и некому тебя будет вспомнить.

В этот день было страшно много событий, поэтому и казался он необыкновенно длинным. После обеда пришли к нам старший лейтенант со старшиной. Старшина всех нас построил в одну шеренгу вдоль дороги, мы рассчитались, старшина проверил суммарный итог с какими-то записями в ученической тетради и скомандовал: «Вольно». Старший лейтенант прошелся вдоль строя, бегом осмотрел нас, вернулся на середину и объявил:

– Товарищи бойцы, вы, как пополнение, прибыли в батальон автоматчиков 60-й Краснознаменной отдельной бригады морской пехоты. Нам предстоят тяжелые бои с немецкими захватчиками. Я уверен, что вы не посрамите звания бойца Красной Армии, краснофлотского звания и чести нашего батальона. Сейчас вас старшина отведет в расположение батальона, вы получите новое оружие – автоматы и вас рассортируют по ротам. Всё ясно?

– Так точно, – ответил кто-то за всех.

– Тогда собирайте свои шмотки и слушайте команду старшины.

Мы вернулись в заросли кукурузы за своими шинелями, вещмешками и котелками. Вот здесь-то и начал снова Тазиев своим горячим шепотом:

– Ну что, братва! Кто не обкакался и не раздумал насчет разведки – давай в кукурузу подальше. Они уйдут, а мы в штаб бригады подадимся.

– А мне можно, как ты думаешь? – спросил я Тазиева.

Тазиев был значительно меньше меня ростом, но ухитрился посмотреть на меня как-то сверху вниз, еще больше сощурил свои глаза-щелочки и ответил:

– Насчет тебя не знаю.

Ответ меня обескуражил. «Куда там, мне и в разведку!» – мелькнула нехорошая мысль. Я взял свою винтовку, одел через плечо скатку, вещмешок с прицепленным котелком, Тазиев мгновенно исчез, а я постоял в нерешительности и собрался было выходить на дорогу, как вдруг сзади услышал горячий и низкий шепот:

– Пригнись, салага, и давай за мной!

Гриша Авдеев, несмотря на свою кажущуюся грузность и медвежью неповоротливость, ужом уходил в заросли кукурузы и тащил за собою меня. И... я остался. Остался с Авдеевым, Подосеновым, Бельтюковым, Тазиевым – всего нас было человек десять, никак не меньше. Тарасенко с нами не остался. На уговоры ребят ответил странно и коротко:

– Вы, хлопцы, гарные, тилечко мэнэ тепирь от вас усих подале треба держаться, мало ли там шо!..

Махнул рукой и пошел на дорогу. Так и расстались мы с хорошим товарищем, зря он нас побаивался. На дороге все построились, мы услышали команду: «Нале-во! Шаг-ом марш!» Послышались удаляющиеся шаги, всё стихло, а мы еще сидели в кукурузе. Через минут десять вылезли, дорога была пуста. И опять в душе шевельнулось что-то неприятное. Мне казалось, что мой поступок очень близко подходит под определение «бегство из части во время боевых действий» – дезертирство это, во всяком случае, моё поведение подошло близко к этой роковой черте. Потоптавшись на дороге, мы прямо через густые заросли кукурузы пошли к поселку, где, по нашему мнению, должны были находиться штаб бригады и бригадные разведчики.

Нам повезло, интуиция ребят не обманула. В небольшом поселке все дома были забиты военными, суетливо бегали с катушками связисты и сновали деловито связные. Один из них указал нам дом, где разместился разведотдел. Парламентерами пошли самые языкастые ребята – Тазиев и Подосенов. Мы стояли отдельной группой и ждали результатов. Парламентеры почему-то не возвращались долго. На душе у меня снова стало мутно: «Как быть, если меня не возьмут в разведку? Что тогда делать? Придется возвращаться в батальон автоматчиков, искать его, шляться одному, как дураку, а потом у командира роты автоматчиков прощения просить, объяснять свое поведение... Позор!» Я нервно курил и ждал, что же будет дальше. Теперь я почему-то был уверен, что в разведку меня не возьмут, я уже прикидывал, как мне выйти на старую дорогу и шагать в том направлении, куда ушли все остальные ребята.

Вдруг из дома пулей выскочили наши парламентареры, прогрохотали ботинками по ступенькам крыльца и оба трусцой бежали к нам. Физиономия Тазиева светилась улыбкой:

– Я ж говорил! – воскликнул он и глядел на нас торжествующим взглядом победителя.

Подосенов подал команду:

– В шеренгу становись! Ра-авняйся! Сми-ирно!

Умеет, дьявол. Как на параде у него получается. Мы мгновенно побросали сигарки, построились, подровнялись и замерли в строю, задрав подбородки. Я чувствовал, что вот оно и наступило, куда-то повернет теперь мою судьбинушку.

Из дома вышли щеголеватый, чернобровый, видимо южанин, старший лейтенант, перепоясанный многими ремнями, белобрысый и остроносый лейтенант и вместе с ними какой-то старший сержант с автоматом на шее. Подосенов четко повернулся, печатая шаг, подошел к старшему лейтенанту, лихо, с каким-то вывертом ладони козырнул и, чеканя слова, доложил:

– Товарищ старший лейтенант, матросы и красноармейцы из маршевой роты были для прохождения дальнейшей службы...

– Вольно!

Перебил его старший лейтенант. Подосенов заученно встал на правый фланг нашей шеренги. Старший лейтенант вдруг нахмурился и внимательно, осматривая каждого, прошелся вдоль всей нашей шеренги. Остановившись против Подосенова, он придирчиво осмотрел его, как цыган коня на базаре, склонил немного набок голову и спросил как-то необычно:

– Кто таков?

– Старшина первой статьи Подосенов, прибыл из Ярославского флотского экипажа, куда был направлен из госпиталя после ранения.

– С какого времени воюешь?

– С июня сорок первого.

– Награды имеешь?

– Был представлен к медали «За боевые заслуги».

– Этот годен! – сказал белокрысы лейтенант, стоявший рядом со старшим лейтенантом, и последний возражать не стал, перешел к другому.

– Фамилия?

– Рядовой Тазиев. Воюю с августа сорок первого.

– Коммунист?

– Никак нет. Был судим в гражданке за разбойное нападение, освобожден досрочно за отличную работу и уходом добровольцем в Красную Армию. – Тазиев знал, что докладывать – даже разбойное нападение себе приписал.

– Старший лейтенант, этот годен, – снова встрял остроносый.

Старший лейтенант согласно кивнул головой и подошел к третьему.

Соловьев, в самом деле имевший судимость, тоже прошел вне конкурса. Достоин и без особых вопросов прошел Бельтюков. Его орден «Боевого Красного Знамени» сыграл решающую роль. Такие ордена ох, как редко доставались рядовым в то тяжелое и невезучее для нас время. Такого ордена и у спрашивающих командиров еще не было.

Легко и уверенно прошли «мандатную комиссию» Авдеев, Медвинский, Кудряш, пошла и моя очередь.

Старший лейтенант как-то подозрительно и недоверчиво окинул мою долговязую фигуру.

– Та-ак, – протянул старший лейтенант и это его «та-ак» похоронным звоном откликнулось в сердце. – Давно воюешь?

Он у меня даже фамилии не спросил. Всё, значит, просто ищет предлог для отказа. Но, нужно набирать очки, иначе труба дело.

– Воевать начинаю, товарищ старший лейтенант. Поступил из Ярославского флотского экипажа. Закончил в Москве военно-морскую школу.

Старший лейтенант несколько секунд подумал и задал свой главный вопрос:

– Судимость имеешь?

– Никак нет, товарищ старший лейтенант, но если нужно, то я это запросто!

Лейтенант фыркнул от смеха, улыбнулся и старший сержант, но лицо главного арбитра – этого старшего лейтенанта – было непроницаемым, только вроде в глазах какой-то теплый огонёк мелькнул. Внешне он продолжал смотреть на меня довольно безразлично.

– Ну, ты хотя бы комсомолец? – спросил он снова.

– Так точно.

– Откуда родом?

– Из Москвы.

– Так вот из самой Москвы?

– Так точно. С Шаболовки улицы.

– Ну что с ним делать? – спросил старший лейтенант совета у востроногого.

– Разрешите, товарищ старший лейтенант? – выскочил Подосенов.

– Что вам?

– Свой это парень. Мы его знаем.

– Ручаюсь за него, – пробасил Авдеев.

Добрые вы мои ребята, дорогие мои боевые друзья, вот оно, настоящее проявление боевого морского братства!

Старший лейтенант помолчал, потом отошел на три шага от нашего строя и громко сказал:

– Ну что ж, коли так – чего там разговаривать, лейтенант. Раз они добровольцы, давай всех брать, – вдруг неожиданно решил старший лейтенант и улыбнулся.

И все сразу заулыбались. Нет, что там говорить, хороший он мужик, этот старший лейтенант, да мы за него!.. Эх, да что там, закурить бы теперь!

– Смир-р-рно! – вдруг рявкнул старший лейтенант, и наш строй мгновенно замер, словно током парализованный, даже дышать перестали. – Запомните: легкой жизни вам не обещаю. Слова «не могу», «не хочу», «боюсь», «страшно» и прочие дамские штучки забыть и не вспоминать до самой своей смерти. Гонять я вас буду без всякой жалости. Это вот запомните на всю жизнь!

– Лейтенант Ласточкин, – старший лейтенант кивнул в сторону остроногого, – командир разведроты. Его слова, как и мои, – для вас закон и святое писание! Старший сержант Боев – ваш комсорг и утешитель, будет мне помогать с вас шкуру драть. Понятно?

– Так точно! – за всех ответил Подосенов.

– Командуй дальше, лейтенант! – старший лейтенант повернулся и пошел к дому.

Белобрысый лейтенант Ласточкин поправил складки на гимнастерке и пропел:

– На-апра-а-во! Ша-агом ма-арш!

Боев оказался впереди нашего строя, и мы пошли за ним, старательно печатая шаг. Рядом с поселком, у небольшого прудика, в тени древних высоких ветел расположилась разведрота. Мы издали еще увидели кухню, три пароконных повозки, распряженных лошадей, мирно помахивающих хвостами, несколько шалашей и палаток. Среди этого табора сидели люди у небольшого костра и с нескрываемым любопытством смотрели на нас.

– Давай, давай, ребята! С нами не пропадете. Главное, не бойсь, а то мы сами пугаемся! – весело и громко говорил какой-то коротко стриженный разведчик.

– Отряд, стой! – скомандовал Боев. – Вольно. Разойдись!

Тут уж и пошло: здоровый, плечистый парень с коротким смешливым носом подошел к Авдееву и весело проговорил:

– Здорово, браток! Откуда родом-то?

– Привет. Саратов слышал?

– Тю! Земляк!

– Что, саратовский что ль?

– Ни. Я из-под Новосибирска.

– Во, дает! А говорит – земляк.

– Все одно земляк. Табачком угостить?

Смех, шутки, подначки обрушились на нас градом. Ребята отшучивались, но ухо здесь надо держать остро – разыграют так, что потом век не забудешь. А у меня, между прочим, тоже земляк нашелся, настоящий. Серега Мартынов с Красной Пресни. Мы с ним в Ярославском экипаже были вместе, в эшелоне ехали, а в Москве он отстал от эшелона, домой решил сбегать. Потом только перед Астраханью нас догнал. Надо же, от Москвы до Астрахани и ни одному патрулю не попался, каким-то нюхом маршрут эшелона узнавал и раньше нас в разведроту попал. Как говорят солдаты: парень – оторви да брось!

Вскоре появился лейтенант Ласточкин. Он нас снова построил, отобрал у всех документы и передал писарю. Нас поименно вписали в список личного состава отдельной разведроты, 60-й отдельной Краснознаменной стрелковой бригады. Вот теперь как будто уже всё. Теперь и в краснофлотских книжках у нас значится, что мы не кто-нибудь, а разведчики.

Но на этом не закончилось, это было только начало. Потом Боев переписывал всех комсомольцев, старшина роты проверил у всех обмундирование и некоторым слету заменил обувь. Конечно, ребята сапог не получили, но новые ботинки им выдали. Этот же старшина отобрал у нас «винторезы» и выдал новенькие, в густой смазке, автоматы. Мы получили маскхалаты, эта вещь мне понравилась сразу: очень легкий из хлопчатобумажной ткани, зеленый с коричневыми пятнами, похожими на амёб в учебнике. Куртка с капюшоном. Капюшон можно откинуть на спину или натянуть поверх пилотки на голову и завязать шнурок под подбородком. В верхней части капюшона, прямо на лбу, есть еще марлевая занавеска, окрашенная в зеленый цвет, для маскировки физиономии. Шаровары маскхалата не очень широкие, но удобные, тоже на затягивающейся тесемке с прорезом для карманов. Штанины шаровар доходят до самых ботинок, и под ними не видны проклятые обмотки. У многих старых разведчиков были трофейные сапоги с низкими и уродливо широкими голенищами, конечно не очень уж шикарно, но все же не обмотки. Мотать обмотки занятие унизительное и некрасивое. Очень уж смешно человек в них выглядит, особенно если у него длинные ноги.

Потом нас «распикивали» по взводам и отделениям. В роте было два взвода и в каждом взводе три отделения. Я попал во второй взвод. Первый по своему составу был посильнее, что-то вроде правой руки у командира роты. В первом взводе, помимо основного костяка, оказались Авдеев, Медвинский, Бельтюков, Соловьев, Тазиев – весь цвет нашего общества; а вот я, Костя Кудряш, Мартынов и Ваня Подосенов оказались во втором взводе. Ваня что-то расстроился по этому поводу, но ненадолго, т.к. его тут же назначили командиром отделения. Я не сожалел. Тем более что «старички» сказали, что какого-то резкого разделения между взводами нет, часто поисковые группы создаются из ребят разных взводов. А вообще расположены все вместе, разницы почти нет никакой. Главное разведрота – шутка-ли. Примерно через час после нашего прибытия нам писарь вернул наши краснофлотские книжки, где было ясно написана наша принадлежность к братству разведчиков и приляпана синяя ротная печать. Если сейчас напишу вот письмо родным, знакомым, то как только глянут на обратный адрес – глазам не поверят: полевая почта № такая-то, отдельная разведрота.

Конечно, летчик-истребитель или даже танкист может и престижнее, но разведчик это тоже кое-что. Подумал немного и сам себя осадил – «не хвались идучи на рать!» Как-то еще в бою будет, а то выгонят к черту из разведки, что тогда писать будешь?

Наш командир взвода младший лейтенант Данилов прибыл в роту еще под Москвой из госпиталя. Он был молод, лет двадцать не больше, среднего роста, в ладно подогнанном обмундировании. Он не расставался со своей полевой сумкой и револьвером, у него были большие темные глаза, тонкий нос и выющиеся темные волосы. Мы уже успели узнать, что человек он вспыльчивый, нервный, говорят, что это следствие тяжелого ранения и контузии. До вечера мы возились с личным оружием, я освоил его довольно быстро, но этот диск набивать патронами – дело муторное: упадет в улитке малый медный патрон – намучишься, палец в улитку не лезет, канал очень узкий, пока ковыряешься, другой патрон упадет. Тогда рассыпай всё. А в этот диск нужно 72 патрона поставить. Конечно, в бою следует торопиться, можно ставить и меньше, чтобы быстрее огонь открыть, но меньше поставишь – быстрее патроны кончатся и опять начинай сначала.

Незаметно подкрался вечер. Занялись ужином. Каша была – дай бог – с мясом! Давно такой не ел, даже до войны и то редко такое пробовал. После ужина старшина потребовал котелки непременно вымыть, вытереть, нацарапать сбоку свою фамилию

и положить в общий мешок на подводу – не дело разведчику таскать на горбу такую посудину.

Вечером, после ужина, прозвучала команда «гасить костер». Костер загасили, но у кострища собралась почти вся рота. Сидели и трепались, пели песни, знакомились, начали меняться адресами, вспоминали свою жизнь в далёкой и мирной гражданке. Постепенно затихло все. Я лежал на разостланной серой шинели, укрылся плащ-палаткой, под головую тощий вещмешок, под боком автомат. Тихо. Вскрапывают рядом лошади, ленивым шагом прохаживаются вокруг нашего табора часовые, а сквозь ветки высоких вётел сверкают крупные, как горошины, яркие голубые звезды.

Неожиданно в темном небе послышался прерывистый, назойливый гул мотора. Немец летит. Ну, ей-богу немец! До сих пор было такое ощущение, что нас завезли куда-то очень далеко от фронта, а он вот напомнил о себе этим нудным гулом. Он выл о том, что никуда нам не деться, что фронт рядом и жадно требует людской крови. Самолет словно знал, что мы здесь находимся и еще долго кружил поблизости, но по небу не шарили прожекторы, не стреляли зенитки, на самолет просто никто не обращал внимания. Все знали, что этот враждебный гул мог закончиться визгом падающей бомбы, но никто даже не пошевелился. Вскоре бомбардировщик ушел в сторону.

Утром нас подняли рано, едва взошло солнце. Небо и воздух были чистыми и прохладными, луг поседел от росы. Уже давно дымила кухня, над костром повар приладил закопченный бак на подставленных камнях, из бака валил пар.

– Подъем! Ишь, разбаловались, забодай вас комарь, как у тещи! Подъем! – кричал и забавно ругался хриплым спросонья голосом командир роты Ласточкин.

Все быстро поднялись, стали торопливо обуваться и по пояс голыми побежали бегом через луг к роднику умываться. Неожиданно на лугу мы заметили какие-то листки бумаги, посмотрели – листовки! Самые настоящие немецкие листовки. Наверху листка черный орел с распластанными крыльями и с остроклювой плоской головой, в когтях орла венки с фашистской свастикой. Дальше крупными буквами было напечатано примерно следующее: «Бойцы и командиры Красной Армии! Перед вами непобедимая немецкая армия, покорившая всю Европу. Сзади вас восстания горских племен. Все ваши коммуникации перерезаны. Вы остались без боеприпасов, без продовольствия. Ваше дальнейшее сопротивление бессмысленно. Не лейте зря крови. Бейте жидов и коммунистов. Переходите на нашу сторону. Эта листовка служит пропуском».

Каждое слово этой фашистской листовки какой-то слякотной грязью капало прямо в душу, становилось мерзко.

– Во, б....и, что пишут, а! – возмущенно говорил Подосенов.

Возмущались все. Мы привыкли верить печатному слову, привыкли верить, что напечатанной может быть только правда, единственно правда. Иначе просто не может быть, иначе не выдержит сама бумага. А в этом случае правда попиралась похабно и нагло тем же печатным словом. Это само по себе было чудовищным, выходящим за пределы понимания.

– Ни, хлопцы, це ж и на раскурку брать не можно – отравышься, и на подтырку нельзя – швидко грязная! – заключил кто-то из разведчиков.

Однако листовки на лугу подобрали – их надлежало сдать командиру. Оставлять на земле такую грязь тоже было невозможно. Листовки, видимо, разбрасывали с того ночного бомбардировщика, а значит, противник знал, что в этом районе находятся советские войска. Вот это было загадочно и неприятно.

Родниковая вода была холодной и обжигала тело так, что дух захватывало. Ребята фыркали, мылись, кряхтели, брызгались водой и весело ржали – все, кроме Хорькова. Этот коренастый, стриженный наголо боец не любил шуток и холодной воды. Один парень из нашего пополнения плеснул, шутя, ему на грудь пригоршню воды, Хорьков отскочил, как на пружинах, и принялся остервенело материться. Ругался он отвратитель-

но, грязно и мерзко. Он бросился было с кулаками на новенького, но тот, обиженный грязной руганью, набычился и тихо сказал наскочившему Хорькову:

– Отойди. Добром говорю. С тобой шутят, и ты шути.

– Я тебе, падла, пошучу!

Между ними быстро выросла немного грузноватая фигура рядового Потапенко. Он повернулся к Хорькову и негромко сказал:

– Слухай, Хорьков, сколько раз я тебе говорю, не помынай ты божью маты, поминай свою и отчипись, бо ушибить могу.

Хорьков резко повернулся и, бросив через плечо вафельное полотенце, пошагал один в роту...

Перед завтраком состоялась политбеседа «Сталинская стратегия – залог наших побед». Говорил наш политрук убедительно, здорово. Только тема, само название ее не очень вязалась с нашим, мягко говоря, не очень выгодным положением на фронтах. Все мы, конечно, верили в нашу победу, верили даже в те страшные месяцы 1942 года. Нам нельзя было без этой веры и нас легко было убедить во всем, что ее укрепляло.

После завтрака нас почему-то не тревожили. Я вымыл котелок, сунул его в мешок на подводе и пошел вдоль заросшего тинной прудика. Здесь под ветлой неожиданно увидел Авдеева, тот сидел в кустах ракитника у заросшей зеленой ряской воды и смолил толстенную сигарку. Он был занят своими мыслями и, видимо, не сразу заметил меня. Я сел рядом с Гришей и попросил «сорок», т.е. оставить покурить – свой кисет я оставил в шинели.

– А, это ты. На, закуривай.

Гриша протянул мне свой кисет. Здесь, на Кавказе, нам давали не привычную махорку, а крепкий, настоящий душистый табак. В кисете оказался и газетный лист, сложенный специально так, чтобы удобно было отрывать от него четырехугольнички для сигарок. Я свернул средней величины закрутку и попросил прикурить.

– У тебя, как Федька Фролов говорит: «тетенька, дай напиться, а есть охота, аж переночевать негде».

Посидели некоторое время молча, покурили, а потом Авдеев вдруг спросил:

– Слушай, вот тебя там учили чему-то, так скажи, чего это у нас со стратегией получается? Украину, Белоруссию, всю Прибалтику прохлопали и сами вот аж до Кавказа добежали, Ленинград в блокаде оставили. А мы на политбеседах все о нашей хитрой стратегии толкуем. На хрена нам трепотня? Я не дурак, знаю: и под Москвой-то шею немцам намылили, а прокакали сколько! Кричим «ура» и драпаем. Ни хрена я не понимаю, что это у нас получается!

Накипело на сердце у старого матроса. Всерьез он осерчал и на немцев, и на наших трепачей, которые ему правды не говорят. А что ему я мог ответить?

– Не знаю, Гриша. Может, я дурак, а может, вопрос этот непростой. Откуда нам знать, сколько людей мы потеряли, сколько техники, куда наши сталинские соколы подевались, сколько оборонных заводов накрылось – только тогда что-нибудь понятно станет.

– А на хрена мне брешут?

– Бывает, Гриша, ложь во спасение. Скажи правду – не все поймут, да еще и драпать станут.

– Ишь ты, а брехню, по-твоему, все понимают? И что ж мы, не драпаем что ли?

Не знал я, что ответить Авдееву. Да и видел я, что Авдеев лучше моего мог бы ответить на все эти вопросы – он постарше и поопытнее. Просто захотелось ему собственные мысли сверить, а я тут и подвернулся. Мне-то лестно, что сам Авдеев со мной на откровенность пошел, а он, поди, раскаивается.

– Гриш, а ты в нашей победе что ль сомневаешься?

– Дурак ты, и салага впридачу. Весь народ не сомневается. У немцев в тылу партизаны воюют – вон где не сомневаются. Я просто знать хочу, почему мы до сих пор

драпаем, как такое случиться могло? Где это наше «малой кровью, могучим ударом!»? Я не хочу, чтоб мне туфту пускали, успокаивали, я правду знать хочу. Надоело с самим собой в прятки играть.

– Усек?

– Усек.

– Ну, тогда пойдем. Что-то там ребята галдят.

Оказывается, что в роту приехал уполномоченный Особого отдела и решил лично познакомиться с разведчиками нового пополнения. Он расположился в шалаше нашего политрука и вызывал к себе поодиночке. Остальным было приказано отойти метров на сто и вблизи не показываться. Политрук и тот ушел. Значит, разговор должен быть откровенным и доверительным. Вызывали по алфавиту, поэтому первым пошел всё тот же Авдеев. Беседа была с ним предельно короткой – пяти минут не прошло и выкатился из шалаша. Следующим пошел Бельтюков. В это время мы попытались узнать у Авдеева, что там происходит, что за разговор такой. Гриша говорить не стал. Сплюнул смачно и буркнул:

– Сходишь разочек и узнаешь. Проходя мимо меня, остановился, вроде прикурить и тихо сказал:

– Смотри, не ляпни что. Я на тебя надеюсь.

Потом Гриша решительно направился к обозу, всем своим видом показывая, что занят он каким-то неотложным делом.

Следующим из шалаша выкатился Гриша Бельтюков. Прошел мимо нас, обронил:

– Тоже мне, нашелся! Чирик-воробышек.

Пошел к затухшему костру искать горячий уголёк для раскурки.

Наступила и моя очередь. Я подошел к шалашу и бодреньким голосом спросил:

– Разрешите?

– Кто там? Входи. Фамилия?

Я ответил, как положено. В шалаше было сумрачно и душно. Вход занавешен плащ-палаткой. Постепенно глаза привыкли к сумраку. Дыра на задней стенке шалаша пропускала свет, в лучике солнца плясали пылинки. Черноусый лейтенант с усталыми, утонувшими в тёмных глазницах глазами, что-то заканчивал писать в своём полевом блокноте. Потом посмотрел на меня, проверил по списку мою фамилию, имя, отчество, все анкетные данные и потом поинтересовался, привлекался ли я, мои родители или родственники к судебной ответственности, если привлекались, то за что. Есть ли родственники на оккупированной территории – спрашивал даже такие вещи, о которых я и представления не имел. Вообще меня геральдика занимала в те годы мало. Вообще-то мой родной дядька по материнской линии, любимый мною дядя Сережа, когда-то работал завхозом в детском саду ХОЗУ МТБ. Не знаю, что уж он там натворил, но в 1937 году его арестовали. Его жена тетя Дуся обивала где-то пороги в казенных домах, бедствовала, наводила справки, но так ничего толком и не узнала. Только через год ей сообщили, что дядя Сережа погиб в результате несчастного случая и похоронен так далеко в Сибири, что проехать в это место невозможно и не разрешается.

Об этом я не стал рассказывать лейтенанту из особого отдела, но зато похвалился, что другой мой родной дядька, тоже по материнской линии, покойный дядя Федя, работал в ЧК и в ОГПУ, был послан на Кавказ самим Дзержинским в первые годы революции. Дядя Федя дрался с какими-то бандами, его уже посчитали погибшим, а он вернулся уже в 30-х годах израненный и совсем больной. Потом он жил в деревне на Рязанщине и в 1937 году умер в больнице. Лейтенанта явно заинтересовал этот рассказ, он даже записал что-то в своём блокноте. Потом я показал ему зачем-то справку об окончании Военно-морской школы боевой подготовки – это его интересовало меньше. Потом лейтенант сощурил глаза, вроде даже улыбнулся и спросил:

– Ясненько. А ты знаешь, в какое подразделение ты попал?

– В разведроту.
– Правильно. Ты разведчик. А вот если к немцам попадешь, знаешь, что с тобою будет?

– Догадываюсь, товарищ лейтенант, только не попаду я, не дамся.

– Во-от! – словно обрадовался лейтенант. – Запомни, никакой тебе пощады от немцев не будет и не надейся. А то есть некоторые, считают, что попадут они в плен, отсидятся там до конца войны, посмотрят, чья возьмет, а там уж видно будет! Как ты считаешь, чья возьмет?

– Чего там считать? Я давно сосчитал – наша возьмет. Я и в армию добровольцем пошел.

– Так-так, – одобрительно кивал головой лейтенант. – Ну как, с бойцами познакомился?

– Только с теми, с кем прибыл. Со всеми еще нет, конечно.

– Ну вот, например, что ты об Авдееве скажешь?

– Ничего плохого о нем сказать не могу. Да все ребята, как ребята. А там дальше война покажет.

– Ну ладно. Посмотрим. Ты вот, что... Как бы это... В общем, я на тебя надеюсь. И ты не забывай, что разведка это подразделение особое. Здесь люди нужны надежные, проверенные. Если заметишь, что не так – сразу ко мне. Понял? Даже к старичкам нашим присмотришься. И в случае чего... Понял?

Я понял. Что-то неприятно-холодное, колющее вползло в душу. Вползло такое, что невидимой стеною недоверия отдаляло меня от остальных ребят. Вот только что мне, новичку, вся рота казалась единой семьей, спаянной нерушимым боевым братством, и вдруг вырастала стена отчужденности, подозрительности, обидного недоверия. Ответить чем-то резким лейтенанту я боялся, но и согласиться не мог, понимал, что смолчу сейчас – и тогда всё! Эти мысли пролетели в голове мгновенно, и я бодро ответил:

– Понял, товарищ лейтенант, если что замечу – сразу в морду!

– Ты что? Шутить изволишь? – в голосе прозвенели недовольство и удивление.

– А чего ждать-то? Я понимаю, время военное. А на большее, товарищ лейтенант, я не способен.

Лейтенант поморщился и каким-то уже безразличным голосом произнес:

– Ладно, ступай. О разговоре никому ни слова. Я найду время, еще поговорю с тобою. Вот пришли деятели!

В его голосе прозвучала досада. Я вылез из шалаша и, расстреливаемый взглядами своих товарищей, как и предыдущие, пошел к костру прикуривать. У колеса повозки сидел Авдеев и курил. Он поманил меня пальцем.

– Сядь-ка.

Я сел. Мы оба курили и какое-то время молчали. Трудно было начать разговор.

– Ну и как, побеседовали? – тихо спросил Гриша.

– Угу. Побеседовали.

– Меня заложил?

– Ты что? За кого принимаешь? И в чем я тебя заложить могу? Я тебя своим товарищем считал, а ты! Мало ли мне какой дурак, что скажет! Нет, Гриша, не того ты боишься. Я никого никогда не продал. С детства отцом так воспитан.

– Ладно, тебе. Зря обижаешься. После таких бесед настроение всегда хреновое. Ты как отбрехался-то?

– Так и отбрехался. Сказал, что не способен я на такие подвиги. А ты?

– Я тоже сказал. Только сказал, что я на подлость не способен. Но ты, салага, язык-то не распускай. Будь поумнее! Береженого бог бережет, как говорила одна монашка.

– Какая монашка?

– Подрастешь – узнаешь. Пошли, чего-то там загужевались.

Беседы были прерваны по какой-то причине. Наступило время для практических стрельб. Это мероприятие бесспорно нужное и было встречено всеми с пониманием. Ушли мы в глухое место. Неглубокая, но довольно широкая балка, дно покрыто зеленым мелкотравьем и сплошь усеяно белыми камнями. Все уселись на краю балки, и лейтенант Ласточкин тоже начал с общей беседы, но она носила более деловой характер.

– Ну, разведка, слушайте, что скажу, – начал Ласточкин. – Нам всем воевать придется одинаково, а в разведке без взаимовыручки никак нельзя, без неё дело пропащее. Действовать нужно дерзко и быстро. Войны без крови не бывает, но прямо вам скажу, что по сравнению с другими, наша рота несла куда меньшие потери, забодай вас комарь! Мы воевали под Москвой, и большинство уже знает, что самое тяжелое для разведки – воевать в обороне. Понятно? Ну вот, – продолжал Ласточкин, – разведчик должен привыкнуть и отлично знать своё личное оружие, он должен уметь ориентироваться, пользоваться трофейным оружием. Совсем неплохо знать немецкий язык, а вы, забодай вас комарь, кроме матерного ничего не знаете. Сейчас вы опробуете свои автоматы. На том краю балки поставьте мишени и вначале одиночным выстрелом пять патронов, а потом короткой очередью. Всё. Начинайте, забодай вас комарь!

Командиры взводов развели взводы в разные стороны, потом развели отделения, чтобы одно не мешалось другому. Получилось так, что мы заняли «оборону» по фронту никак не меньше половины километра. Потом каждый пристроил для себя на противоположном скате камень, который и будет мишенью. Мне повезло – попался небольшой плоский камень. Я был почти уверен, что не промаху. Стрелял я совсем неплохо. Потом Данилов скомандовал:

– Лежа, одиночным, пять выстрелов каждый. Начали!

Я лег на опаленную летним зноем траву, перевел автомат на одиночный выстрел, прицелился, как учили в школе, под нижний обрез камня и, затаив дыхание, плавно нажал на спусковой крючок. Хлопнул звонкий выстрел, а отдачи я даже не почувствовал – не то, что у винтовки! В камень я явно не попал. Внизу под камнем потекла струйка сухой земли. Низко взял!

Вокруг звонко хлопали выстрелы, раздавались торжествующие возгласы, в общем наша «оборона» вела себя так, как, видимо, бывает при отражении атаки. Я чуть приподнял автомат и прицелился не под обрез мишени, а накрыл её мушкой. От второго выстрела камень брызнул крошками и белой пылью. Ага! Значит, поправку на отдачу делать не нужно.

Отстрелялись одиночными, и Данилов дал команду открыть огонь короткой очередью в пять-шесть выстрелов. Вдоль нашей «обороны» шагал Ласточкин и смотрел, как мы стреляем. Я перевел автомат на очередь, прицелился и выстрелил. От камня снова брызнула пыль, и на камень сверху посыпалась земля. Данилов, стоявший сзади, лег рядом и недовольно заметил:

– Одна пуля в камне, остальные в молоке. Учти, когда из ППШ очередью бьешь, то последние пули выше немного идут. Понял? Вот смотри!

Данилов взял у меня автомат и ударил очередью выстрелов в десять.

Я видел, как первая пуля ударила чуть ниже камня, потом от камня брызнули белые крошки и пыль.

– Вот так и стреляй. Понятно?

– Понятно. Разрешите еще очередь?

– Валяй!

Я прицелился под обрез камня, плотнее прижал приклад к плечу и нажал на спусковой крючок. Хлопнуло три выстрела, и автомат неожиданно замолчал. Окно затвора было открыто примерно наполовину. Затвор не дошел до патронника. Я оттянул рукоятку затвора и увидел перекосившийся патрон. Задержка. Надо же! А если этак вот в бою?

– Что там у тебя? – снова поинтересовался Данилов.

– Да вот, перекося патрона.

– Оттяни затвор в боевое положение. Так. Теперь переверни автомат окном вниз. Так. Не вылетел? Тогда выбей диск и открой автомат. Вот так. Всё. Начинай стрелять дальше.

От следующей очереди мой камень раскололся, и его куски сползли вниз.

– Ничего, – заметил Данилов, – ничего. Из тебя толк выйдет, а бестолочь останется.

Стрельба по мишени у меня получалась. Обратно я шагал смело, уверенно и на равных разговаривал со всеми, У мальчишки появлялась уверенность. За километр до роты мы построились в колонну по три и пошли в ногу, чеканя шаг.

–левой, левой, раз, раз! Запевай! – скомандовал Ласточкин, и кто-то затянул родную, невесть откуда взявшуюся песню:

*Оружьем на солнце сверкая,
На рейде стоят крейсера
И только приказ ожидают,
Готовы поднять якоря.*

И тут же здоровые глотки грянули припев:

*Эх, марш вперед,
Друзья, в поход –
Все мы краснофлотцы,
Звук лихой зовет нас в бой,
Все на броненосцы!*

Припев не смолкал, он гремел призывно, на одном дыхании и не повторялся:

*Севастополь мы вернем –
Моряков столицу,
Через море перейдем,
Встанем на границу!*

*Ты не плачь и не горюй,
Моя дорогая,
Если в море утону –
Знать, судьба такая!*

Песня оказалась современной, нужной и актуальной, она жила вместе с нами боевой упрямой жизнью. Советские люди не могли мириться с оккупацией, не могли видеть Крым и Севастополь под пятою врага, тем более моряки. В песню вплетались ритмы непоколебимой уверенности в том, что скоро, очень скоро мы будем в Крыму и покараем захватчиков. Возраст, боевой и жизненный опыт подсказывали людям, каким непростым и трудным будет путь к Крыму, а бесшабашная молодость верила и звала в Крым немедленно, казалось совсем немного времени нас отделяет от того момента, когда наши ботинки загрохочут по севастопольской мостовой.

В роту пришли довольные. Никогда в жизни не ел я такого вкусного и жирного борща, такой аппетитной перловой каши.

После обеда снова на занятия. Мы должны были учебно брать «языка». Холостых патронов у нас не было. Решили стрелять боевыми, но только вверх. Ласточкин самолично предупредил каждого, что он шкуру спустит с того, кто в горячке саданет очередью хотя бы над голову товарища. В группе захвата ползли опытные ребята. Я был поставлен в группу прикрытия. Мы должны были пропустить к своей обороне группу захвата с «языком», а потом отсечь огнем преследователей или просто взять огонь на себя.

На учениях мы ползли по какому-то кочковатому лугу к зарослям ивняка и крапивы. Но «противник» сразу же нас заметил и открыл огонь. Ребята неподвижно лежали за кочками, а я не был уверен, что стреляют по мне и пополз вперед. Для чего я полз вперед, я точно не знал. Но тут же мне крикнули, что я салага и что я учебно убит, и должен вернуться назад, чтобы не мешать остальным. Я встал и пошел спокойно назад. Убитому чего бояться? На невысоком пригорке, где собрался весь командный состав нашей роты и куда сходились все «убитые», была пропасть ежевики. Ласточкин неосторожно сел и перемазал сзади брюки, у него сразу испортилось настроение, забодая его комарь. А я не растерялся и спокойно пассива и ел ежевику до посинения губ, пока наши ребята перестреливались.

Несколько человек убили условно, но меня – первого. Конечно, это случилось из-за моей непоправимой нескладности. Вообще-то я заметил, что ребята начинают проявлять ко мне несколько странное недоверие. Всё началось с того, что я еще в поезде пытался пересказать им содержание оперы «Фауст», которую я слушал в филиале Большого театра. Все ребята тешились, рассказывая анекдоты, привирали о своих победах на любовном фронте и, что странно, все чувствовали, где рассказчик привирал, но охотно прощали ему – пусть привирает, лишь бы интересно было. А тут вдруг какой-то Гёте, опера «Фауст», какие-то непонятные переживания. Но, мало того, я еще и за Печорина взялся, за его рефлексию и погубил себя окончательно. На меня стали смотреть как на чудаковатого интеллигента. Поднагадили мне классики мировой литературы. Не сумел я пересказать великие вещи так, как нужно, не поняли меня мои товарищи. Нужно было вначале себя в бою показать или в драке какой-нибудь, а уж потом про Фауста рассказывать. Я сделал наоборот, поторопился, да еще пытался пропеть куплеты Мефистофеля, чем довершил дело. Вначале я не понял, что горожу некстати, а потом на меня Бельтюков посмотрел недоверчивым и колючим взглядом и сказал: «Брось болтать-то! Тоже мне грамотного строит. Чему тебя только учили!» Так и прослыл я немного чудаковатым, пыльным мешком, из-за угла ударенным. Авдеев и еще несколько человек смотрели так: «Ну, что, мол, вы от него хотите? Молодой, необстрелянный еще, а тут шторм на Каспии – вот и напугало человека». Такие ребята, как Арабов, Бычков, Суменков – эти представляли, о чем я пытался рассказать, и были ко мне более снисходительны. Не знаю, почему, но больше всего я раздражал чем-то Хорькова, я чувствовал его непонятную неприязнь и ничего не мог с нею поделать. Вообще-то мои отношения были внешне вполне нормальными. Больше всего я сошелся со старым матросом Мишей Беляковым. Он начал войну под Одессой, был тяжело ранен под Керчью, лежал в госпитале в Нальчике (пуля прошла ему шеей, повредила позвоночник). После ранения Беляков, как крокодил, шеей ворочать не мог, поворачивался сразу всем туловищем в нужную сторону, но его не комиссовали, он воевал. В бригаду попал здесь, на Кавказе, из какой-то разбитой вдребезги другой части.

Покалеченных ребят в роте было много. Ротным писарем был тоже старый матрос, которому в своё время осколком разорвало брюшину и случилось так, что кишки у него не держались как надо, живот свисал вниз как полупустой вещмешок. Парень мучился и ни к какой строевой службе он пригоден не был. Вместе с двумя туберкулёзниками, которых собирались отправить в госпиталь еще под Москвой, но не успели, он должен был направиться на комиссию.

После «захвата языка» мы сразу же перешли к новой теме: «ночной бой». Здесь тоже у меня не прошло всё гладко. Командир роты вначале нам рассказывал коротко и доходчиво:

– Вот вы ночью напоролитесь на противника. Он открыл огонь. Как вы определите, откуда противник ведет огонь и как вы будете вести ответный огонь?

Ребята молчали. «Старички» ждали, что скажет молодежь из нового пополнения, а мы ждали, что скажут «старички». Вопрос-то был простым, но мы боялись подвоха и поэтому не спешили свою дурь выказать.

– Ну, вот ты! – Ласточкин кивнул на худого черноглазого Гелашвили.

– Чего думать! Я буду стрелять по вспышкам выстрелов.

– Правильно, – согласился Ласточкин. – И еще одно. Вы дадите очередь из автомата, а что сделает противник?

– Ну, вот ты! – кивок в сторону Бельтюкова, а тому такие вопросы – семечки. Для солидности он выдержал паузу, а потом спокойно ответил:

– Противник откроет огонь по вспышкам моего автомата. Поэтому надо дать очередь и откатиться в сторону.

– Вот! Совершенно правильно, – удовлетворенно сказал Ласточкин. – Необходимо откатиться в сторону, если, конечно, ты не на минном поле.

Бельтюков был польщен похвалой, и на его скуластом лице заиграла самодовольная улыбка. Он посмотрел на меня, подморгнул и всё в нем, казалось, говорило: «Вот как надо-то! А ты про Фауста мелешь!»

– Вот сегодня мы отработаем этот прием.

Мы снова ушли в степь, нашли невысокий бугор и решили стрелять с него вниз, чтобы все пули ушли в землю и по степи не гуляли. Ванька Подосенов, Бельтюков, Авдеев выделялись прямо-таки что-то акробатическое. Они лежали, вжавшись в землю, потом по сигналу приподымались, с колена давали очередь выстрелов в десять и мгновенно откатывались в сторону на метров семь или десять. Подошла и моя очередь. По команде «огонь!» я приподнялся, дал очередь в куст под нашим бугром, снял палец со спускового крючка и, переваливаясь сбоку набок, покатился в сторону.

– Плохо! Лениво перекатываешься. Считай, что тебя уже размолотили пулеметом. Давай снова! – скомандовал Ласточкин.

Я пробовал снова, но и снова у меня не получилось того, что требовалось.

– Бельтюков, помоги! Вон там в сторонке малость!

Мы с Бельтюковым отошли в сторону. Он встал со мною рядом и, как только я с колена дал очередь, он сильно толкнул меня в плечо. Я отлетел в сторону, получилось немного лучше.

– Ты что, салага! Сам-то не можешь? – возмущался Бельтюков.

– Ладно. Я еще разок.

Мне показалось, что уже что-то выходит, но Бельтюков отрицательно мотал головой:

– Нет. Хреново! Если девок валять, то сойдет, а если от немецкого пулеметчика уходить, то хреново. Давай сначала. Быстрей нужно!

Бельтюков встал возле меня. Я дал очередь и не успел приподняться для прыжка, как сильнейший удар в ухо отбросил меня в сторону. Я отлетел метров на десять, побив все ротные рекорды. Несколько человек всё это видели, им показалось что-то смешным, а я испытал внезапный прилив какой-то яростной обиды. Сам Бельтюков, по моему, даже испугался, он не ожидал такого эффекта.

– Ты что! Ты что! Да я тебя, гада, за такие дела!..

Мне кажется, что я даже замахнулся прикладом на товарища. Бельтюков отскочил и тоже принялся ругаться. Вмешался Данилов, и вспыхнувшая было ссора, быстро погасла.

Пройдет совсем немного времени, и эта горькая наука не один раз спасет мне жизнь. А тогда было обидно. Некоторое время я еще таил в душе эту обиду, до того самого времени, пока мы не вступили в бой.

В эту же ночь мы снялись с места.

Задача была простой. Нам предстоял марш к реке Аксай. Прослышав это название, многие уверяли, что такая река под Ростовом, но вот, поди ж ты, и здесь тоже Аксай. Марш километров на 45-50. Это уже не шутка. Но мне повезло: из разведроты взяли несколько человек, чтобы расставить на дороге маяками. В эту группу попал и я. Ласточкин пояснил, что нас повезут на автомашине и расставят на развилках дорог по одно-

му человеку, последняя машина нас всех соберет. Пропыленная полуторка уже была в роте. В кабине сидел незнакомый старший лейтенант, мы попрыгали в кузов, машина чихнула мотором, дернулась и полетела по проселочной дороге в залитой луною степи, волоча за собою клубящийся хвост пыли. Меня высадили последним. Машина остановилась, старший лейтенант вылез из кабины, встал на затекшие ноги и скомандовал:

– Разведчик, вылезай!

Я быстро перемахнул через борт кузова и подошел к командиру. Шофер стоял, не глуша мотора.

– Слушай внимательно, – сказал старший лейтенант. – Вот эта дорога идет на мост и в село, за рекою – конечный пункт нашего марша. Понятно?

– Понятно, но села не вижу.

– И не надо. Слушай, что тебе говорят. Все автомашины нашей бригады будешь поворачивать через брод вот по этой дороге, – лейтенант показал на еле заметную, заросшую травой дорогу, уходящую вправо. – Все повозки тоже туда, а пехота пусть топает по мосту. Всё понял? Повтори!

– Все машины и повозки нашей бригады буду направлять вброд по этой вот дороге, а пехота пусть топает по мосту.

– Всё точно. Ну, валяй. Оставайся и смотри не спать!

Лейтенант снова залез в кабину, шофер круто вывернул руль вправо и полуторка пошла по тряской дороге к броду. Вскоре пыль осела, над степью нависла тишина, только трещали какие-то кузнечики в траве, искрящейся от лунного света. Звездное небо из черного бархата, широкая степь и я, кажется, один в этой уснувшей степи. Весь взбесившийся мир остался где-то совсем далеко и стал нереальным. Реальна одна эта спящая степь.

Стащил с себя скатку, совсем тощий вещмешок, положил всё добро у края дороги в траву, сел и закурил. Ждать, очевидно, придется долго. Было безветренно, едкий табачный дым лез в глаза, а в душу мне внезапно закралось сомнение. Чего уж кажется проще – торчать маяком, а вот в этом простом деле оказывается есть свои вопросы. Старший лейтенант мне ясно сказал, что направлять я должен автомашины нашей бригады вброд через реку. Но как мне отличить машины нашей бригады от остальных машин, которые, возможно, тоже покатают по этой дороге. Может, им не нужно в то село, где будут части нашей бригады. Даже скорее всего, что не нужно. Как же мне быть? Дальше Ласточкин сказал, что я сам могу уехать с последней машиной, а как мне узнать эту последнюю машину? Может она и не последняя, а я покину пост, машины пойдут через мост и смотришь – провалятся. Что тогда? Интересно, а как остальные ребята, как поступят они? Может, их и не мучат подобные вопросы, может, ответы на них лежат на поверхности, а я их не вижу? Правда, я дурной какой-то! Стало прохладно, луна поблела, там, где река, стал подыматься седой туман, гасли звезды, небо тронули первые предрассветные краски. Светать стало быстро. На западе нежно-розовым светом светились не то облака, не то дальние горы, за рекою на светлющем небе отрисовались черными контурами метелки тополей, там спросонья ошалело кричали петухи. Дорога стала различима в степи, словно белая лента. На дороге никого. Мучительно хочется спать. Так бы расстелил вот на траве шинель, но спаси боже. От табака уже с души воротит, подташнивает и пальцы дрожат, но лучше курить, спать нельзя!

Далеко в степи послышался шум мотора. Ну, слава богу, началось. Я встал на краю дороги и ответ на первый вопрос пришел сам собой: конечно же, все машины вброд – откуда здесь взяться чужим машинам и, что главное, мост, видимо, ненадежный, а так на хрена бы нужен этот брод.

Вскоре стал виден маленький контур приближающейся автомашины и огромный хвост пыли. Шофер заметил меня, притормозил, а я указал ему жестом милиционера-регулировщика направление к броду. Шофер крутнул баранку, машина заныла мотором,

затряслась, шлейф пыли стал опадать, на пыльной траве остались хорошо заметные следы объезда. Вскоре появилась вторая машина, третья... Еще немного и объезд стал отлично различим, водители смело поворачивали на него, не дожидаясь моих сигналов.

Взошло солнце, в траве засверкала роса, день снова обещал быть жарким и солнечным. Машины появлялись небольшими пачками, больше не возникало никаких вопросов относительно их принадлежности и вообще не следовало старшему лейтенанту говорить мне о том, чтобы направлять в объезд машины нашей бригады. Проще сказать – все машины в объезд и вопросов бы не было. За машинами появились первые шустрые подводы, дорога ожила, время побежало быстрее. Становилось теплее, захотелось пить, но уйти от развилки я не мог. До реки было метров двести, как уйдешь? Я знал, что такое пост. Пост – это подохни, а с места не сходи. Я и стоял.

Машины больше не появлялись. Я то стоял до ломоты в ногах, то садился на свою скатку. Пехота пока не появлялась. Часов у меня не было, время спросить не у кого, примерно только перед полуднем по дороге затарахтели обозные подводы, и появились первые нестройные группы солдат. Тяжелые километры давно сломали их строй, растянули людей по дороге. Я всем указывал нужную дорогу. Потом снова всё утихло. Из поселка через мост одинокий пастух перегнал отару овец. Овцы щипали траву в стороне, а потом как-то незаметно оказались возле меня. Пастух был совсем молодой парень лет 14, в огромной лохматой шапке, в старой одежде, в руках он держал старинное, типично горское ружье с маленьким инкрустированным прикладом. Это старинное ружье, бесспорно, могло украсить какой-нибудь краеведческий музей или смогло послужить бы добрую службу при съемках исторического фильма. Я подошел к пастуху, поздоровался с ним обычным мусульманским приветствием – «Салям алейкум!» В ответ парень слегка приподнял на уровень груди руку, ответил «Алейкум салям» и выжидательно смотрел на меня. Я попросил его показать мне ружье, но он не знал русского языка и не понял меня. Тогда я жестами стал ему объяснять, что хочу посмотреть его ружье. Наконец, он понял и доверчиво протянул мне ружье, а сам вроде бы невзначай дотронулся до моего автомата и что-то быстро проговорил. Я понял так, что он просит показать ему автомат. Я вышиб из автомата диск и протянул ему безопасное оружие. Он нерешительно взялся за шейку приклада, и в глазах его сверкнул огонь непреодолимой мальчишеской зависти. Как должно быть хотелось ему стать хозяином такого оружия... А я рассматривал его ружье, у которого ложе и приклад были инкрустированы серебром. Старинный курок и самая настоящая полка для пороха. Несомненно, это ружье помнило лихое время Шамиля. Да, музей, бесспорно, гордился бы такою находкой. В это время как-то неожиданно вблизи от нас на дороге появилась группа солдат, шагавшая прямо к нам. Я протянул ружье пастуху и взялся за ремень автомата. К моему удивлению, руки мальчишки буквально впились в оружие, он не мог разжать собственных пальцев. Я дернул за ремень, мальчишка свалился на бок в пыльную траву, но он не выпустил автомата. Я оказался спиной к идущим по дороге солдатам, услышал сзади тяжелый топот и словно с неба рядом со мною появился Авдеев. Он налетел на пастуха бурей и мгновенно мой автомат оказался у него в руках, потом недоуменно посмотрел на меня и спросил:

– Ты что, спятил?! Ты зачем оружие в чужие руки отдаешь? Тебе что – автомат или цацку выдали, салага! Еще раз увижу – шею сверну. Понял?!

– А ты, гусь, – он повернулся к пастуху, – топай отсюда и быстро, мать твою! Пастух понял, что его ругают, поймал на себе недружелюбные взгляды, поднял свое ружье и торопливо погнал в степь отару. Я поставил на место диск, повесил автомат на плечо и пошел вместе с ребятами через мост в поселок.

– А ты правда с заскоком, – пробубнил Бельтюков, – хлопнул бы он тебя сейчас – и с приветом.

– Как бы он хлопнул, когда диск у меня в руках?

– Дурак! Для него главное, что ты без оружия, а хлопнуть тебя прикладом в лоб не трудно. Баранов так и бьют.

– Да что вы, ребята, он мальчишка еще, ему просто посмотреть было любопытно... Неуверенно и пошло оправдывался я, хотя отлично понимал, что ребята правы и то, что появились они неожиданно – это было просто чудо. Конечно, я бы справился с мальчишкой, но дать ему «поддержать» автомат, хотя и без диска, было непозволительной глупостью, наказуемым делом.

– Дурак ты малохольный, интеллигент, мать твою за ногу, ты еще нам про своего Фауста расскажи! – совсем осерчал Гришка Бельтюков и больше не стал со мною разговаривать. Он махнул на меня рукой.

Следом за нами в поселок прибыл ротный обоз, нас накормили завтраком. Мы расположились во дворе какого-то дома, старались хозяевам не мешать, но они повели себя странно: мужчины, женщины, дети, старики – всё многолюдное семейство оставило свой дом, заперло двери и куда-то ушли. Странно. Мы ничем вроде бы не обидели их. Может, поступили вопреки их обычаям, но в чем? Поселок был большим, разместились все свободно, находились в основном в садах, в тени деревьев. Шло время, а новых задач нам не ставили. Ради любопытства выглянули на улицу и у нашего дома встретили неожиданно старого знакомого, автоматчика Тарасенко.

– А, разведка, привет! – расплылся он в улыбке.

– Привет, браток, ну как ты?

Ничего не значащий разговор. О Берии ни гу-гу. Как будто и не было ничего такого.

Перед обедом в расположение роты пришел тот бровастый старший лейтенант, который отбирал нас в разведку. Это был начальник разведки бригады Натынов. Был он мужиком красивым, форсистым. Козырек его новенькой фуражки сверкал лаком, гимнастерка выглажена, скрипучие желтые ремни перекрестили спину, синие галифе с кантом, словно только что из ателье, хромовые сапоги начищены до зеркального блеска – весь он был, как наглядное пособие из руководства о внешнем виде командира Красной Армии. Командира роты и замполита на месте не было, с нами находился младший лейтенант Данилов. Он подал команду «смирно!» и доложил Натынову, что разведчики отдыхают после пешего марша.

– Вольно! – разрешил Натынов, загадочно улыбнулся и философски заметил: – Значит, говоришь отдыхают. Сейчас отдыхать некогда! Отдыхать после войны будем, если уцелеем. Он сел на положенное к дереву седло и спросил ни на кого не глядя:

– Ну как? Никаких ЧП нет?

– ЧП в роте нет. Все в порядке, товарищ старший лейтенант! – отчеканил Данилов. Начальник разведки помолчал немного, а потом сообщил новость, которая была для нас и непонятна, и неожиданна:

– Слушай внимательно! Нам только что сообщили, что сегодня утром, в том поселке, где мы были, убиты ударом ножа в спину двое бойцов бригады. Я доведу до вашего сведения, что командование бригады приказало: повисить бдительность, запрещается ходить в населенных пунктах поодиночке, всегда иметь при себе готовое к бою личное оружие. Всем всё ясно?

Ребята молчали, и Натынов повысил голос, так как ему не ответили сразу:

– Я спрашиваю, всем ясно?

– Непонятно, кто ж их зарезал? – спросил кто-то из ребят.

– Если бы было известно, я бы сказал. Главное, у убитых похищено оружие. Убили одиночек. Погибшие были из разных подразделений и обнаружены в разных местах. Смотрите, чтобы среди вас лопухов не было! Понятно?

– Понятно.

Многие ребята, особенно Бельтюков, выразительно посмотрели на меня. У меня кровь прихлынула к голове. Действительно, лопух я и уши холодные! Ребята могли бы рассказать о моём дурацком поведении там, у развилки дорог, но меня не выдали, на

позорище не поставили. Хороший у нас все-таки народ, даже на Бельтюкова я больше не обижался.

После обеда по улице замельтешили связные, заурчали автомобильные моторы, опытные ребята решили, что это не к добру и оказались правы. Едва мы успели поу-жинать, еще было совсем светло, в роте появился Ласточкин, собрал всех командиров взводов, старшину, расстелил на траве карту и о чем-то говорили. Потом Данилов рыс-цой подбежал к нам и закричал:

– Подъем! А ну быстро! В шеренгу становись!

Вообще, я заметил за Даниловым одну непонятную странность. Он был каким-то всполошным, неуравновешенным. Он мог отдать тебе последний табак и сухарь, решительно вступить в защиту своего подчиненного и в этой защите он шел до конца. Но если тот же подчиненный не очень старательно выполнял его приказание, Данилов буквально свирепел. Его нервная возбудимость доходила до непредсказуемой крайности. Мне рассказывали, как он послал одного разведчика бегом исполнить какое-то пу-стяшное приказание. Разведчик не побежал бегом буквально, а пошел быстрым шагом выполнять это приказание. Данилов его вернул, выхватил из кобуры револьвер и, ткнув ствол в живот разведчику, зашипел от неуёмной злобы:

– Я кому сказал «бегом»! Ты что, пулю захотел?!

При этом ребята говорили также, что Данилов в принципе мужик, что надо – смелый и справедливый, а что-то находит на него – это после контузии, порою бывает он сам не свой.

Услышав команду Данилова и зная его норов, ребята кинулись строиться, некото-рые оказались босыми, другие неподпоясанные, но все с оружием. Данилов поморщил-ся и уже спокойно сказал:

– Приготовиться к маршу. Пять минут на сборы. Разойдись!

Через пять минут снова все были построены и готовы к маршу. Данилов доложил об этом командиру роты. Ласточкин обошел строй и коротко сказал:

– Предстоит тяжелый марш. Километров пятьдесят с гаком. На дороге не растяги-ваться. Чтобы ни одного отставшего. Не так, как в прошлую ночь! Шагом марш!

Вот и потопали. Снова вышли на тот хилый мостик, прошли развилку, где прошлой ночью я стоял маяком, и пошагали по уже знакомой пыльной дороге в обратном на-правлении. Смеркалось. Дорога медленно, одуряюще медленно уплывала из-под ног назад. Степь дышала теплом, снова трещали кузнечики. Справа началась бесконечно длинная посадка, слева широченная степь, впереди невысокие потемневшие холмы. Через несколько часов марша тело пропиталось пылью и нестерпимой усталостью. Ноги, словно деревянные, шагали независимо от воли, по какой-то тупой солдатской привычке. На небо выкатилась полная луна, в её свете пыль казалась серебряной и в этой белесой пыли покачивающиеся силуэты уставших людей. Привалы делали редко, люди засыпали на ходу. Я не знал этого раньше, не представлял, что вот так можно идти по дороге и спать. Правда, заснувший человек, как правило, вначале шагает как заве-денный, потом его заносит в сторону, и он падает, непременно падает, споткнувшись о глыбку земли или о неровность дороги. Упавший человек просыпается и некоторое вре-мя не может понять, что произошло и почему он упал. Мне немного повезло, я умудрил-ся положить руку на корму нашей обозной брички. Я шел и тоже спал, но не падал – рука не давала уйти в сторону. Я шагал и мне снились бредовые сны. Нестерпимо тяжелы эти марши, особенно ночные, невероятно утомительны и длинны солдатские пути-дороги. Редко, но всё же раздавалось: «Принять вправо. Привал десять минут».

Люди послушно сходили с дороги вправо и со стоном валились на не остывшую еще землю. Не успевала еще пройти тупая боль в пояснице, еще чудовищно болели ноги, но слышалась снова неумолимая команда:

– Подъем! Шагом марш! Посмотрите, никто там не спит?

После привала с особенным трудом давался каждый шаг. Нет конца этим дорогам и нет единицы измерения усталости. Наступало утро. Мы всё шли по пустынной степи, хотелось пить, но на нашем пути редко встречались человеческое жильё и колодцы. Перед утром потянуло прохладой. Когда ж конец этому маршу? Впереди какие-то деревья, дома... «Принять вправо! Привал!» Валимся на землю, и нет сил, чтобы снять проклятую скатку, надоевший вещмешок. Только лежать и ничего больше! Лежать и чувствовать, как из уставших ног уходит тупая боль, и это кажется самым главным в жизни.

Три ночи подряд, прихватывая и светлое время суток, мы были на марше. Днем удавалось немного поспать, но едва переставали нестерпимо болеть ноги, как снова начинался одуряюще тяжелый переход.

Перед каждым ночным маршем командир роты Ласточкин объявлял, что нам предстоит прошагать километров 45-50 с гаком. Вообще-то 45 километров это еще ничего, но «как»! Мне казался этот «как» никак не меньше половины основного марша. Это всегда злило. При одном упоминании о «гаке» многие ребята начинали материться.

Последний переход оказался особенно тяжелым, личный состав роты вымотался, кажется, до самого последнего предела. На большом привале, после того, как подтянулись отставшие, мы позавтракали, вымыли ноги в какой-то мутно-желтой луже, и нам удалось часа четыре спокойно поспать на разостланных на земле шинелях.

Потом команда: «Подъем! Кончай ночевать!»...

Командир построил всю роту, проверил по списку личный состав, он еще не всех знал поименно и нарочито бодрым голосом спросил:

– Ну как, орлы, выпались? Забодай вас, комарь!

«Орлы» ответили вразнобой, что «разве здесь выпишься!» и «еще бы минуток шесть-сот для смеха»...

«Забодай тебя комарь» – было привычным и даже ласковым ругательством командира роты. Он его употреблял так же, как заботливый ездовой погоняет любимую лошадь: «ну, пошла, падла!» Всё зависело от интонации, с которой произносились эти сакраментальные слова. Ребят даже забавляло это необычное и смешное ругательство. Чаще всего оно означало, что у командира хорошее настроение, в душе он ребят понимает и сочувствует им, но что делать – война!

После обеда Ласточкин объявил:

– Вот что, товарищи, отдыхать и спать на печке будете после войны, забодай вас комарь. Сегодня нам предстоит марш не очень большой, километров 45 с гаком. В пути не растягиваться и чтобы ни одного отставшего! Колонну ведет лейтенант Данилов. А сейчас, лейтенант, выделите одного бойца в распоряжение разведотдела.

– Что делать?

– Помочь вещи им на машину грузить и еще что-то там. Давай побыстрее.

Данилов осмотрел внимательно ребят и вдруг решительно ткнул пальцем в меня.

– Пойдешь в распоряжение Натынова. Ясно?

– Есть в распоряжение Натынова! А где он находится?

– Ты что меня спрашиваешь! Ты разведчик или кто?

– Разведчик.

– Вот и найди Натынова. И чтоб быстро! Потом поезжай с ним на машине.

Я взял свою похожую на хомут скатку, автомат, вещмешок и пошел в поселок в полукилометре от нашей стоянки. По дороге встретил нашего связного и тот указал мне, где искать Натынова.

Натынов, его ординарец и еще какой-то младший лейтенант собирали папки с документами, какие-то узлы и все это добро нужно было тащить в другой конец поселка, где стояла автомашина. Вместе с ординарцем мы тащили тяжеленный железный ящик, куда были уложены папки, помимо этого каждый повесил на спину по туго набитому вещмешку, и младший лейтенант тоже тащил вещмешок и какой-то узел из плащ-палатки.

После того, как все вещи были уложены в кузов крытого газика, в сумятице сборов про меня, видимо, забыли. Вместо того, чтобы решительно залезть в кузов, я, по неопытности своей, решил напомнить о себе Натынову. Старший лейтенант посмотрел на меня, как будто впервые меня увидел и спросил:

– А ты чего здесь крутишься?

– Так я вам докладываю, что все ваши вещи в машину погружены.

– А-а, молодец. Ну теперь давай догоняй своих ребят. В машине всё равно места нет. Жми быстрее в роту! А на всякий случай, вон дорогу видишь? Вот всё прямо по ней.

Вот это дела! Рота уже с час как ушла. Она давно пылит по этой самой дороге и прошла никак не меньше четырех-пяти километров. Поди, догони их теперь! На всякий случай я вернулся на то место, где стояла рота – куда там! Кроме помятой травы, никаких следов. Хуже нет догонять, да еще одному и по незнакомой дороге. Я шагал, выжимая из ног предельные возможности, шагал час, два, за это время меня обогнали несколько наших бригадных машин, но ни одна даже не сбавила скорости. Я обогнал каких-то пэтээровцев – усталые, взмокшие от пота солдаты в вылинявших гимнастерках по двое тащили свои длинные тяжелые ружья. Небо заволокло серой и ровной, без единой морщинки, облачностью. Жара спала, идти было легче, чем в прошлый день. Шли часы, но никаких следов нашей роты я не обнаружил. Снова болели ноги и не по кому было равняться в пути, хотелось есть, а вдоль дороги одна полынь – вот ведь место проклятушее. Горизонт в серой дымке и равнина, жиденькая лесопосадка справа от дороги. Прошло много времени прежде, чем я увидел слева какой-то зеленый клин – явно что-то посажено. Прибавил шаг и вскоре увидел невысокие широколистные растения с крупными зелеными коробочками величиною поболее сосновой шишки. Сорвал несколько штук и одну раскусил... Горько, внутри какая-то подозрительная волокнистая белая масса. Вата. Точно вата! Так это же хлопок! Поди знай! Я этого хлопка живым сроду не видел. Всё, что не увижу – всё впервые. Все-таки мне повезло: за этим хлопком я наткнулся на поле подсолнечника, срезал финкой самую большую тарелку семечек, с которой уже давно опали листья. Семечки были сырые, но по краям крупные, с черно-белыми полосами. В общем, ешь от пуза. Обедай! А вот проселочная накатанная дорога совершенно безлюдна, ни одной души. Закрадывалась беспокойная мысль: а туда ли я шагаю? Но вроде развилки никаких не было, да и следы машин видны. Подсолнуховое поле давно кончилось, и началась высокая пожелтевшая кукуруза. У дороги стоял ослик, запряженный в небольшую одноосную тележку. В тележке целая гора золотых початков. На краю поля пожилой мужчина обдирает початок. Я подошел к нему, поздоровался.

– Салям, – ответил мужчина.

Я спросил его, не видел ли он проходящих здесь солдат.

– Нэ выдыл, – ответил тот коротко, даже не взглянув на меня, и тотчас же скрылся в зарослях кукурузы.

Странно. Чудак какой-то. Шарахается от меня, как от зачумленного.

Шло время, и тянулась впереди эта бесконечная седая лента пыльной дороги. Страшно ныла поясница, болели ноги, а кругом голая степь, пустыня, и я один среди этого равнодушного к человеческим страданиям мира. Дорога утомительно долго и чуть заметно змеилась по покату, чуть заметному склону, потом пошла вниз и там внизу я увидел какой-то поселок, утонувший в темно-серой листве садов. Казалось, что он рядом, но до него пришлось шагать никак не меньше пяти километров. Поселок оказался большим, его рассекала довольно широкая грейдерная дорога. Конечно, наша рота непременно здесь должна отдыхать, но где она? Вдоль домов по каким-то делам сновали солдаты, стояли распряженные кони, а вот местных жителей никого не было видно. Время приближалось к вечеру, и я не на шутку забеспокоился, потому что ночью отыскать роту будет еще труднее. Неожиданно я встретил Хорькова, этого странного

парня с вороватыми глазами. Он тащил набитый чем-то вещмешок. На мой вопрос он небрежно кивнул куда-то в сторону головой и скороговоркой сказал:

– Давай, иди, иди, видишь – некогда мне с тобою здесь цацкаться. Ступай до первой улицы и третий дом направо.

Сам Хорьков пошел в другую сторону. Все-таки с подачи этого Хорькова, я быстро нашел ребят. Они валялись в саду на шинелях, многие спали, на меня не обратили внимания, только Данилов посмотрел на меня подозрительно и спросил:

– Где болтался?

– Не болтался я, товарищ лейтенант, а шагал пешком. Вас догонял.

– А тебя что – на машину не взяли?

– Не взяли. Натынов сказал, что места нет. Вещи им погрузил, а потом пешком всю дорогу.

– Ну, мать его! Дам я ему в следующий раз бойца! Иди на кухню, повар накормит.

Повар уже и котел вымыл. Мне выдали хлеба, небольшой кусок вареного мяса, кусок сахара и неограниченное количество холодного чая. Я не сетовал. И на том спасибо.

Темнеет на юге быстро. Зашло солнце, и через полчаса темень, а в облачный день и подавно. Не успели у меня отойти ноги от боли, еще каждая мышца ныла от усталости, а Ласточкин снова подает команду:

– Рота, становись!

Построились. Ласточкин обошел роту и начал в своем бодряческом тоне:

– Обувь у всех в порядке? Потертых ног нет?

Потертые ноги оказались у двоих. У меня тоже была мозоль, но небольшая. Я смолчал. Не умел я еще как следует портянки мотать. Один, вроде меня, потер немного, его в строй поставили, а на другого командир роты накинулся:

– Ты что? Забодай тебя комарь, портянки крутить разучился! Придем на место, целый день будешь портянки мотать, а я проверю. Тоже мне, разведчик!

Все-таки оставили парня при обозе – все полегче. На сей раз, обоз должен был следовать другой дорогой. Мы пойдем напрямки. Утром мы должны быть у железнодорожной станции Карабулак. На дорогу нам выдали зеленый заплечный термос, их было несколько у старшины, в термосе каша, и каждый должен был тащить этот термос по очереди. Конечно, старшина руководствовался самыми благими намерениями, но тащить этот тяжеленный термос – чистая пытка. Помимо всего, если один надевал на спину термос, то его товарищ должен был тащить на себе скатку и вещмешок несущего, потому что иначе этот термос на спину не оденешь.

Всё повторилось сначала. Снова бесконечная дорога. Облака расплзлись, выглянули звезды, потом взошла какая-то кроваво-красная луна. Каждый километр сухой и пыльной дороги уносил силы. В спине, в ногах, в плечах накапливалась свинцовая усталость. Шли как автоматы, ни о чем не думая, ничего не соображая. Из ночной тьмы наплывала пустая степь с серебряной полынью и проклятая прямая дорога. Потом стали попадаться очень пологие, чуть заметные балки, какие-то арыки, сплошь заросшие высоким репейником, шаткие мостики. Те, кто тащил термос, матерились и проклинали старшину и командира роты, которые так нелепо проявили свою заботу. Не дожидаясь утра, решили мы покончить с кашей, все-таки легче тащить пустой термос. Устроили капитальный привал и ели кашу ложками прямо из термоса, толкаясь и мешая друг другу (котелков-то всё равно у нас не было). В общем, тоже не ужин и не завтрак, а сплошное мучение. Ели по очереди, группами по 6-8 человек. Сколько нужно отъесть каждому никто не знал даже приблизительно. Последним двум партиям каши не хватило и, конечно, мне в том числе. Есть я не хотел, но всё равно было обидно. Наши две партии, обделенных кашей, категорически заявили, что термос мы нести не будем. Кто ел кашу, тот пусть и несет. Наш протест был признан справедливым и с термосом к нам больше не приставали.

Снова поползли из-под ног бессчетные километры, бесчисленные спуски и подъемы, пусть очень пологие, но непередаваемо нудные и бесконечные.

Пустой термос тем, кто нес его, казался почему-то теперь еще тяжелее, а главное, никто не видел в нем никакой пользы. В нём, видимо, удобно таскать горячую пищу на передовую, но в походе... тащить его, нескладного, десятки километров – это наказание господне. Все ж пришли к выводу, что «мавр сделал своё дело». Когда наступила очередь тащить термос Соловьеву, физически очень крепкому и бывалому бойцу, он протащил его от силы полтора километра, потом остановился, снял термос с плеч и решительно забросил его в сторону от дороги.

– А что теперь старшине скажем? – произнес чей-то наивный голос.

– Что хочешь, то и говори, а дальше я его все равно не потащу. Тащите сами, если хотите.

Охоты тащить пустой термос ни у кого не было. Так он и остался на обочине. Данилов и тот ничего не сказал. Промолчал и всё тут, наверное, был согласен. Конечно, может быть привалы нам нужно было делать почаще, а то разбежались, словно за нами кто гонится. Видел я, как на марше пулеметчики волокут на себе станины станковых пулеметов, минометчики тащат на себе тяжелейшие минометные плиты, а нам, видите ли, термос тяжел. Непонятно, разбаловали нас, разведчиков, или действительно нужен какой-то порядок на марше... Может быть, всё может быть... А сейчас, кажется, еще немного и я свалюсь. Это не переход, а дикая гонка по пересеченной местности. Куда, зачем гнать?! Ну понял бы я, если на передовую, но здесь передовой и не пахнет.

А Данилов топает как заведенный. Правда, ему полегче: у него ни скатки, ни автомата. На нашем пути балки начали попадаться всё глубже, а подъемы круче, дорога стала петлять по каким-то косогорам. Внизу, в балках, воздух прохладный, тянет сыростью, поднимаешься на взгорок – снова тепло, пахнет полынью, пылью, какими-то степными травами.

Прошли несколько спящих поселков, но Данилов даже не остановился, не пришлось даже воды попить. Молча, вразнобой проходили мы пустые, словно затаившиеся улицы, и провожал нас только собачий лай. Обычно накоротке мы останавливались в открытой степи. «Привал вправо», – командовал Данилов. Ребята со стоном опускались на пыльную обочину дороги, а наш командир взвода доставал из полевой сумки топокарту, они вместе с Медвинским накрывались чьей-то палаткой и там, в пыльной духоте при свете фонарика с севшей батареей, пытались соотнести пройденную дорогу с топографической картой. Под плащ-палатку они лезли с целью маскировки, хотя в звездном небе не было слышно самолетов, а передовая была в невесть какой дали, и до нас не доносилось её грозное дыхание.

С 1941 года привыкли маскироваться, где надо и где не надо. Маскировка стала обязательной и привычной, как дыхание, усомниться в её необходимости даже здесь, в этой глухой степи, было бы кощунством. На одном из таких коротких привалов я услышал, тоже впервые, далёкий вой шакалов, он походил и на плач, и на тонкий визгливый вой, переходящий в лай. Экзотика! Провались она пропадом.

Утро приходит здесь, мне кажется, не светом, а какой-то нечаянной прохладой. Будто сам воздух немного шевельнулся, тронул запотевшие лицо и спину прохладной свежестью. Вроде ветра нет, а меж лопаток, по взмокшей спине струится приятный холодок. Спать к утру тоже сильнее хочется. От усталости, от пытки бессонными ночами многие засыпают прямо на ходу. В это время наступает уже не усталость, это слово слишком слабое, оно не может оценить состояние человека, наступает какая-то прострация, отупление, отключение от всего происходящего. Если в таком положении человек упадет – он больше не встанет, его можно стрелять – он не поймет, что его стреляют и ему уже всё равно. Ноги, словно они чужие и неживые, продолжают механически переступать, и человек не чувствует их, ему безразлично куда, зачем он идет, просто безучастно ждет,

когда он свалится. Темп нашего движения резко снизился, Данилов видит это, но молчит – он и сам еле переставляет ноги. Все идут и молчат. Последние капельки силы уже израсходовали, их не осталось даже на то, чтобы произнести слово. По-моему, мы уже прошагали заданные километры и сейчас преодолеваем самое тяжелое расстояние, названное «гаком». Побледнела луна, на востоке еще даже не свет, а предвестник света, потускнели звезды, а потом на фоне неба становятся видимыми черные кроны деревьев, какие-то курганы, дорожная пыль становится чахоточно-бледной. Перед подъемом на какой-то косогор отдыхаем минут пятнадцать. Люди засыпают мгновенно, и это возвращает им малую частицу сил.

– Подъем! Подъем! Кончай ночевать!

Кажется, не успел коснуться земли, а невыносимо противный голос Данилова заставляет вставать на деревянные ноги. А восток посветлел, и его чуть тронули нежно-золотые краски. Шагать трудно по нескончаемому подъему. Ползет медленно и трудно белая однообразная лента дороги. Стало уже заметно, что по сторонам не серебряная степь, а рыжеватая, выгоревшая на солнце трава. Слева на высоте и по склону косогора стоят какие-то каменные столбы высотой в один-полтора метра. Многие из них покосились в разные стороны, и на каждом из них чуть заметен какой-то круг, вроде стилизованного изображения солнца. Да ведь это старые памятники, это местное кладбище. На земле уже не заметны могильные холмики, а может их и не было, одни белые каменные столбы хранили покой и тайну ушедших из жизни. Мы шли мимо и на этих белых камнях, источенных ветром и солнцем, изъеденных и почерневших от лишайников, можно было рассмотреть какие-то письмена, сделанные восточной вязью. Как картинка из сказки Шехерезады проплывало перед глазами это видение. Что-то невообразимо далекое от реальностей нашей жизни. Это кладбище не было осквернено помпезными скульптурными памятниками усопшим, нелепыми оградами с замками в дверцах и клумбами на могилах. Здесь было небо, свободный ветер, птица с распластанными крыльями, и отсюда виден Кавказ. Здесь был тот самый звон столетий, я словно слышал трогательную и загадочную восточную мелодию. Мудрый народ живет на этой земле, мудрый и древний. Спите спокойно, древние бесхитростные люди, честные в дружбе и гостеприимстве, непримиримые и грозные в бою. Спите! Пусть не потревожит вас наше жестокое взбаламученное время. Вам не разобраться в наших тревогах и мирской суете.

Мы прошли древнее кладбище, а дорога всё еще лезла по нескончаемому косогору всё выше и выше. На востоке из-за пепельно-серого простора широкой степи выглянул край сверкающего солнца.

Мы лезем по склону невысоких гор, этот склон становится всё круче. Мы потеряли всякий счет километрам и времени, ребята идут толпой и молчат. Впереди меня бородатый Авдеев, его гимнастерка промокла от пота, он еле переставляет усталые ноги, хотя у него нет скатки, куда он дел свою шинель – непонятно и спросить его как-то неудобно. Впереди всех – почерневший от пыли и усталости младший лейтенант Данилов, идёт и молчит, кажется, и он выжимает последние силы. Если есть здесь Бог и Пророк его – они должны прекратить эти невыносимые страдания! Нет больше сил терпеть их! Перед глазами только дорожная пыль, мелкая высохшая травка, низкорослая голубая полынь... Вот и вершина. Всё! Окончен подъем. Ребята невольно поднимают головы и... видят новое необыкновенное чудо. Впереди широченная долина и из её голубого тумана в тёмно-синее небо в невообразимую высь взметнулся огромный, белоснежный Казбек. На всём белом свете я не видел ничего прекраснее и выше этого дива. Ничего не было чище ослепительных снегов на его заколдованной шапке.

Все ребята невольно остановились и молча смотрели на необыкновенное видение. Слабый прохладный ветер тонко посвистывал в стеблях сухой травы, большой орёл закладывал широкие круги в прозрачном небе... Вот она, сама вечность, сама вселенная. Стоило страдать, стоило жить, чтобы хоть на миг увидеть это видение. Вот он сказочный

Восток и белоснежный символ и идол его! Может быть, отсюда смотрел на Казбек Лермонтов, где-то здесь вырвались из его груди вечные строки:

*Спеша на север издалёка,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока
Принес я, странник, свой поклон.*

У Лермонтова тоже, видимо, перехватило дыхание от этого волшебства и на глазах сверкнули слёзы. Всё это даже не для песен – это для молитвы!

*Но сердца тихого моление
Да отнесут твои скалы
В надзвёздный край, в твоё владенье
К престолу вечному Алмы.*

Не мог Михаил Юрьевич и сказать иначе. Уж если мы, смертные, остановились и молчали, то что было в душе поэта!

– Перекур! – скомандовал Данилов.

Возражать не стали. Повалились на обочину дороги, стащили с плеч автоматы и скатки, закурили и по-прежнему молчали. Не хотелось говорить, да ничего словами и не скажешь...

И вдруг новые беспокойные мысли начали приходить в голову, мысли нашей невеселой, прямо сказать, реальности. Почему мы здесь, у самого сердца Кавказа? Почему мы, здоровые и вооруженные, идем ночами, словно голодные и гонимые шакалы. Как могло случиться, что гитлеровские войска заставили нас драпать «к престолу вечному Алмы»? У Лермонтова для нас припасено еще одно стихотворение, «Беглец» кажется, так вот оно больше для нас подходит. Драпаем ведь, драпаем! Гитлеровские солдаты уже видят этот седой Казбек. Не простит нам этого Кавказ, в могилах своих перевернутся те горцы и гордые горянки, не простят они нам, гяурам*, поруганной своей земли! Еще ведь немного, еще один хороший драп-марш и обернется здесь всё такой катастрофой, что и вообразить невозможно!..

Легко сказать: Кавказ, престол Алмы. Как будто ты один это понял! «Не хвались еще заранее» – тоже Лермонтов сказал, на тебя еще танки не лезли – вот наговоришь громких слов, а потом в штаны напустишь! Говорят, что первый бой всегда страшен! Надо выдержать его!

– Покурили? Хватит. Подъем! Теперь уже немного осталось.

Данилов поднялся первым, отряхнул гимнастерку и брюки и без всяких разминок пошел по дороге. Идти было намного легче – все-таки под гору. Еле дошли мы до Карабулака. Трое все-таки отстали – Хорьков и двое новых ребят, которые хороводились с этим Хорьковым. Данилов решил, что ночью уснули они, а никто этого не заметил. Вообще-то не страшно, придут. Никто с Даниловым спорить не стал, только Федя Фролов сказал Бельтюкову:

– Знаю я этого урку. Нарочно отстал и ребят подбил. Шаромыжник он.
– Угу. Я тоже заметил. Сволочь он, – подтвердил Бельтюков.

Мы дождались своей кухни, нас накормили и еще часа два мы отдыхали. Потом снова марш. Опять километров сорок с гаком. Нужно было идти в Ольгинское. И снова повторилось всё сначала. Добавились только жара и жажда.

* Гяур – у исповедующих ислам презрительное прозвище всех немусульман.

* * *

Станица Ольгинское расположилась около горной реки, разбросала вокруг огороды, поля, а сама утонула в густых садах. За этими садами вздымалась до самого неба синяя скалистая цепь гор Большого Кавказа.

Мы остановились на окраине станицы, на картофельном поле. Вокруг сады и высокие пирамидальные тополя. То, что рядом картофельное поле – это несомненная удача. Что греха таить, всем уже успела надоесть кукурузная каша, а здесь картошка!

Мы нахально копали картошку, пекли её в костре, варили в котелках, делали картофельное пюре и не задумывались над тем, что мы приносим кому-то ущерб. Готовить пюре было интересно, есть его – просто приятно, мы были довольны и были убеждены в том, что вместе с нами довольны и радуются все жители этой благословенной станицы. Спали мы на земле. Подстелили немного кукурузной соломы, на неё шинель и дом готов – много ли солдату надо! На почве картофельного промысла стихийно организовывались группки «колхозы». Такой «колхоз» образовался и у нас с Мишкой Беляковым. Жили мы с ним дружно и все заботы делили пополам – он копал и чистил картошку, я ходил по воду, он добывал топливо, я выпрашивал у повара соль – работы хватало каждому.

На следующий день по прибытии в Ольгинское в роту пришел старший лейтенант Натынов. Он был гладко выбрит – щеки и подбородок отливали благородной мужественной синевой, черный, как смоль, чуб выбивался из-под фуражки, сросшиеся на переносице брови нахмурены важно и строго, карие глаза смотрели на нас даже не властно, а державно. Красивым мужиком был наш Натынов, сохли по нему, наверное, девичьи сердца! Обмундирование на нем сидело так, будто он в нём родился. Скрипучие новые ремни выгодно подчеркивали грудь атлета. А сапоги! Где он только достал такие – хромовые, начищенные настоящим гуталином и голенища собраны в шикарную гармошку. Нет, мы не завидовали Натынову – мы им гордились!

Вот политрук нашей роты Попов внешне совсем другой: у него сутуловатая фигура, нескладные руки, которые он не знал куда девать, нескладно сидящая на голове фуражка – всё это до странности напоминало карикатуру на Натынова. Возможно, начальник разведки замечал это и явно недолюбливал политрука.

Командир роты лейтенант Ласточкин резко отличался от Натынова. Он не придавал особого значения своему внешнему облику, он даже фуражки не носил, а ходил в пилотке, и кубари в петлицах у него были не красные, а полевые, зеленые, и гимнастерка не из тонкого сукна, а обычная хлопчатобумажная, на ней и свежий подворотничок выглядел как-то не эффектно. Голенища на яловых сапогах потрескались, да и чистит он их, видимо, тем же солидолом, что и мы. Ласточкин был художав, жилист и улыбчив, коротко стриженные русые волосы у него выгорели на солнце до ярко-соломенного цвета.

– Рота, становись! – скомандовал Ласточкин.

Мы мгновенно построились, сразу забыв о картофельных хлопотах.

– Равняйся! Сми-и-рно!

Мы привычно замерли в строю, автоматы на шее, и вид у всех по возможности бравый, подтянутый.

Ласточкин четко повернулся, подошел к Натынову, печатая шаг, как к генералу, и доложил:

– Товарищ старший лейтенант, разведрота по вашему приказанию построена. Командир роты лейтенант Ласточкин.

– Вольно, – сказал Натынов.

– Во-ольно! – повторил команду Ласточкин.

Меня немного удивляла подобная театральность. Ну, ладно бы, приехал в роту командир бригады или генерал, но Натынов! Он же бывал в роте иногда на дню несколько раз. И такой спектакль! Я понимал, что армия не может быть без дисциплины, без этих

вот уставных правил, но малейший перегиб в этом деле приводит к «игре в солдатики», к нелепому фарсу, становится смешным. А Натынову нравится. Он не улыбнулся, нет, куда там – он выглядел еще более строже, но в его орлиных глазах сверкнули удовлетворенность и сознание собственной значимости. В окружении блестящей свиты из Ласточкина, политрука и ротного старшины он обошел строй, встал посредине напротив нас, большой палец левой руки засунул за поясной ремень, правую поднес к груди и начал говорить:

– Разведчики! Нужно, чтоб вы знали: на фронте сложилась напряженная обстановка. Враг под Ленинградом, недалеко от Москвы, он вышел к Сталинграду. Здесь, на Кавказе, ему удалось захватить Моздок, Нальчик, Прохладный и другие города. Верховный главнокомандующий недоволен вами!.. Наша Родина в опасности. Товарищ Сталин издал специальный Приказ № 227. Ни шагу назад, товарищи! Теперь все, кто будет драпать, будут расстреляны на месте. Создаются специальные отряды для борьбы с паникёрами и трусами...

Натынов рубил короткими фразами, и каждое его слово камнем ложилось на солдатские плечи.

– Дальше нам отступать некуда, – продолжал Натынов, – вы додрапали до того, что теперь рукой подать до турецкой границы. А те не сидят сложа руки, они уже войска стягивают. Поняли, чем дело пахнет? Правильно. Пахнет дерьмом. Наши передовые части ведут бои с танками и пехотой противника. Противник несет большие потери, но ему удалось выйти к Тереку. И это не всё! Пользуясь вашим разгильдяйством и ротозейством, батальон немецких автоматчиков, переодетых в нашу форму, спокойно перешел мост через Терек, порезал охрану и захватил плацдарм на другом берегу Терека. Сейчас мы ведем успешные бои по ликвидации этого плацдарма. Вы сейчас занимаете вторую полосу обороны, но это временно. Хватит просиживать вам штаны, готовьтесь к боям! Запомните на всю жизнь – товарищ Сталин и я вам приказывают: ни шагу назад! Знайте, будете отвечать по всей строгости и прямо на месте! Всё поняли? Вопросы есть? Тогда у меня всё!

Строй стоял тихо. «Народ безмолвствовал». Какие там еще вопросы. Мы и сами чувствовали, что происходит что-то грозное и неприятное, недаром гоняли по дорогам форсированными маршами! Конечно, Натынов рисует, говорит черт те что. Его послушать, так он только тем и занят, что товарищу Сталину свои донесения носит. Сообразил тоже: «Я и товарищ Сталин!» Сказанул! Слава Богу, Берия не слышал. Но дело не в этом, а в том, что немцы на правом берегу Терека, значит капитальная драка начнется со дня на день. Это уж, как пить дать.

– Разрешите мне еще немного сказать бойцам? – обратился наш политрук к Натынову.

– Валяй! – согласился Натынов. – Только мне еще в батальонах нужно быть.

– Я пойду, а вы продолжайте.

Натынов отвел в сторону Ласточкина и, уже стоя на дороге, приказывал ему что-то. А политрук, не распуская строя, говорил:

– Товарищи красноармейцы! Настал наш черед доказать на деле преданность партии и нашей Родине. Я уверен, что вы сумеете достойно встретить врага. Я уверен, что в наших рядах не найдется трусов и паникеров. Отныне спрос за дисциплину и стойкость будет втрое строже. Я это говорю потому, что встречаются еще и такие, которые воюют с оглядкой. Нам известны факты, когда отдельные личности сдавались в плен. Но никто из них не уйдет от ответственности. Их ждет справедливая кара и презрение советских людей. С сегодняшнего дня я ежедневно буду с вами проводить политзанятия. Вопросы есть?

– Разрешите? – Фролов вышел на шаг из строя. – Нам бы газетку. Хоть сводку знать.

– Газеты будете получать регулярно с завтрашнего дня. Понятно?

– Так точно.

Фролов встал в строй.

– Еще будут вопросы?

Вопросов не было. Вообще, мы какие-то чудные. Вопросов конечно много: о самолетах, о танках, об автомашинах, об эвакуации местного населения и оказании помощи этому населению, о качестве автоматов, которые отказывают постоянно, о рваных ботинках, о сапогах, о биноклях и топокартах – уйма разных вопросов. Но говорим мы о каких-то отдельных личностях, которые якобы прямо рвались в плен к фашистам. Мне хотелось спросить, для чего нас нужно пугать народным презрением, заслуженной карой, когда мы готовы к бою? Видимо, все-таки есть что-то очень большое и важное, что командиры знают, а солдатам знать не положено, одни знают и молчат, другие не знают и не догадываются. Наверное, так нужно.

Подошел Ласточкин. Он тоже говорил, но был деловит и краток:

– Приказываю: проверить оружие, получить у старшины запасные диски и гранаты. Командирам взводов проверить содержание оружия. Во-вторых, без разрешения из роты никаких отлучек. Отлучка самовольная будет рассматриваться, как ЧП, со всеми вытекающими последствиями. У кого не в порядке обувь – немедленно к старшине. И последнее: сегодня же получите у писаря эти, как их, вот – медальоны смерти. Каждому иметь при себе. Проверять буду. Вопросы есть? Р-разойдись!

Медальончики были из черной пластмассы, граненые, похожие на капсулу с губной помадой, может, чуть поменьше. Внутри такого медальончика бумажка, где написаны твои звание, фамилия, имя и отчество, год рождения, откуда родом. В общем, такая маленькая «анкетка». Не знаю, как другие, но я испытал какой-то суеверный трепет, так это неприятно – сердце вздрогнуло. Вроде бы меня взяли и наполовину исключили из числа живых и стало понятно, что это уже не шутки, что наступило именно то время, когда у меня и у каждого появилось очень много верных шансов быть убитым. Когда мне говорили раньше, что война без жертв не бывает – это воспринималось только теоретически, абстрактно, а вот когда выдали медальон – стало понятно, что война никак не обойдется без того, чтобы меня не убить. Как-то скучно на душе стало.

Однако, к концу дня накал страстей немного улегся, сердце успокоилось, и мы с Беляковым собрались варить картошку. Мне следовало принести воды. Нашлось сразу много охотников до варёной картошки, решивших, что топать по воду с котелком – смешно. Уж если идти, следует взять ведра. Пришлось взять два ведра и идти к реке. Река была рядом: пройдешь по улице метров двести и вниз к воде. Без оружия ходить не разрешалось, поэтому я закинул автомат за спину и пошагал. Всей работы на пятнадцать минут. Набрав два ведра воды, я выбрался на знакомую улицу. Дома здесь высокие, богатые, с резными наличниками, крепкими воротами и надворными постройками. У одного дома ворота были отворены, а на скамейке, что у этих ворот, сидел дед в черкеске, в лохматой шапке. Он не торопясь и с видимым удовольствием курил свернутую из кукурузного листа сигарку. Её крутили в этих местах своеобразным методом: сдирали с кукурузного початка тонкий белый листок, высушивали его, и он становился похожим на листик папиросной бумаги. Потом бери его, сыпь табак и полный порядок. В Ольгинском было мало населения, много домов заперто, поэтому этот дед заинтересовал меня, пробудил мальчишеское любопытство. Старик выжидательно смотрел на меня. Подойдя ближе, я увидел, что там за воротами стоят оседланными три вороных лошади. Около них суетились два здоровых парня лет 20-25. Они тоже были в черкесках, малиновые бешметы за плечами, черкески перепоясаны тонкими наборными ремешками, на ремешках горские кинжалы. Эти парни настороженно смотрели на меня. Демонстрируя своё миролюбие и уважительность, я подошел к старику и сказал:

– Саям алейкум, отец!

– Алейкум ассалом, – ответил тот, с нескрываемым любопытством осматривая меня.

– Не богаты ли вы табачком? Угостите, если не жаль.

– Почему жаль? Садысь рядом. У меня хороший табак.

Я поставил на землю ведра, сел на скамейку рядом, оторвал от свернутой газеты аккуратный четырехугольник. Старик с готовностью насыпал мне большую щепоть тонко нарезанного табака. Мы закурили. В это время один из молодых парней поставил коня так, чтобы, не отрываясь от работы, не спускать с меня глаз. Это меня позабавило, но наши силы были неравными, поэтому я небрежным движением перетянул автомат из-за спины на живот, вроде бы там за спиной он мне мешал.

– Спасибо, отец. Табак, правда, хорош. А это твои сыновья? – я кивнул в сторону наблюдавшего за нами парня, а тот в это время делал вид, что всецело занят затягиванием какого-то ремешка на седле.

– Да, это мои сыновья. А у тебя есть отец?

– Есть, он на фронте.

– Сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– Вай, какой молодой! И много вас таких молодых?

– Много.

– Это плохо. На войне должны быть мужчины.

Я промолчал. Не нашелся, что ответить на занозистое замечание старика. А тот спросил снова:

– Тебе бывает страшно? Ты не думаешь, что тебя могут убить?

– Что делать, отец! Всех могут убить – и меня, и вас. От смерти не уйдешь.

Старик посмотрел на меня внимательно, даже на бок голову склонил немного.

– Да, да, это правильно, – сказал он. – Ты говоришь как мужчина. Но вы плохо воюете. Вы отступаете. Враг вас бьет. Скажи, что вы будете делать, когда враг придет сюда?

– Мы будем драться, отец. У нас есть силы.

– Да, да! Я это вижу. Жаль, что убивают таких молодых.

Старик говорил спокойно, с легким приятным акцентом, но в его словах чувствовался какой-то затаенный смысл, он не договаривал чего-то и это «что-то» едва держалось на кончике его языка. Он чего-то пытался, запугивал меня. Мне было любопытно и непонятно, чего он хочет. Он настойчиво повторил свой вопрос:

– Ну, если враг придет сюда, что будете делать вы?

– Мы не пустим сюда врага, отец, А если твои сыновья возьмут в руки оружие, то мы прогоним врага.

Конечно, вышло грубовато, но я тоже решил кольнуть старого, сыновья которого, по всей видимости, с готовностью предоставляли мне возможность расправиться с врагами без их участия. Однако, старик пропустил мимо ушей моё замечание, он вроде и не заметил его. Затянулся табачным дымом и все тем же тоном, не меняя выражения, спросил снова:

– Я знаю, что ты смелый. Хвала тебе. Но ты не ответил мне, куда вы пойдете, если враг придет сюда?

– Тогда мы пойдём вон туда, к Казбеку, – я кивнул головой в сторону высокой горы.

Старик улыбнулся, отрицательно помотал головой и даже ладонью, с зажатой в пальцах папиросой.

– Нет. Туда не пойдешь.

– Почему не пойду?

– Там дорог нет. Там есть тропы, а ты их не знаешь. И никто их не знает.

– Твои сыновья могут показать дорогу.

– Нет. Они их тоже не знают. Ты мне скажи, ты хочешь жить?

– Конечно, хочу.
– Молодец, что говоришь правду. Старики говорят, что мертвый лев всё равно мертвый и станет добычей шакалов. Зачем тебе умирать на чужой земле?
Вон оно что! Теперь почти всё ясно. Только что же он мне предложит?
– Ты угадал. Я не хочу умирать. Но что мне делать?
– Пойдем с нами. Я покажу тебе тропы, которых никто не знает.
– А потом что?
– Мы будем далеко в горах. Тебя не достанет ни один враг. Там есть добрые люди, они встретят тебя как сына. Ты будешь есть шашлык, пить хорошее вино. Ты будешь жить! Ну как?

Ну вот, теперь уже ясно всё: старик, его сыновья, оказывается, не знали, с кем им шашлык разделить, всё меня ждали! Он что, меня за дурака считает? Что делать? Стрелять? Грозить оружием? Куда мне его вести? Так тебе и дадут его вести – вон два лба каких! Сейчас «кынжал брухо и порадок»! Я бы никогда не решился поднять оружие на старика или на его сыновей, но они же бандиты! Что делать? И мелькнула одна мысль, которая мне показалась удачной. Мой план был прост и, увы, наивен.

– Вот спасибо, отец! – сказал я. – Век не забуду. Но у меня есть товарищ. Мы с ним давно решили того, уйти. Возьми нас обоих, мы и оружия прихватим побольше, ручной пулемет возьмем, пару автоматов, гранаты. Они понадобятся. Подождете? Я сейчас!

Молодой парень оставил коня и подошел к старику. Встал около него.

– Ну что ж! – ответил старик. – Можно и подождать. Давай своего товарища. Сколько тебе нужно времени?

– Да немного. Полчаса и мы придем. Мы сейчас.

– Нет. Полчаса много. Мы засветло должны быть в горах.

– Хорошо. Через двадцать минут с товарищем или один, я буду здесь.

– Что ж, мы ждем тебя.

Я подхватил полные ведра и семенящим шагом заторопился в роту. Вода расплескивалась мне на брюки и ботинки, а я спешил. В голове бились возмущенные и беспокойные мысли:

– Не упустить бы их, гадов! Ведь он меня, старый черт, к дезертирству подбивает. Они, здоровые сволочи, бегут, а их родную землю мы с Мишкой защищать должны. Гады. Шашлыком они кормить станут! Как же! Нам медальоны уже выдали, наши ребята на их земле умирать будут, а они, кобели здоровые, на Казбек тропы знают! Там у них добрые люди меня зажалились.

Я прибежал в роту, расплескав почти всю воду из ведер.

– Мишка, бери автомат и за мной! – закричал я прямо с огорода.

– Ты откуда сорвался? – удивился Мишка.

– Бегом за мной, говорю тебе. Там один старый хрен и два молодых хлюста тикают в горы и меня подбивают. Бежим, дадим им сейчас шороху!

Недолго думая, Мишка схватил автомат, и мы побежали к знакомому мне дому. По дороге я отрывочно и бессвязно передал Мишке главную суть нашего разговора. Около дома старика на скамейке не было, и ворота оказались закрыты. Мы стучали в калитку около ворот, но нам никто не отвечал.

– А здесь никого и нет, – предположил Мишка.

Недолго думая, я ударил, что было сил, по калитке ногой. Щеколда не выдержала и калитка резко распахнулась. Во дворе около крыльца ни души и лошадей нет.

– Да обдурили они тебя. Как милого обдурили. Они сразу поняли, что ты за гусь и зачем побежал.

Дом был пуст. Ставни на окнах закрыты.

– Товарищи бойцы, вы чем здесь заняты? Кто такие? – раздался сзади чей-то голос.

Оглянулись – посреди улицы стоит какой-то старшина. Ладно бы офицер, а то старшина и еще выпендривается.

– Н-да! Лопухнули. Ладно, пошли, Миш.

– Пошли, – согласился Беляков.

Мы было уже пошли, как тот старшина вдруг взялся командовать.

– А ну, вернитесь! – Громко, на всю улицу закричал старшина.

Мишка, не торопясь, обернулся (после ранения он не мог поворачивать головы, поворачивался всем корпусом) и ответил:

– Отцепись, старшина, не до тебя тут.

– Что?! Ты как разговариваешь? А ну вернись назад!

– А ты не нукай, не запряг!

– Приказываю вернуться!

– Пошли, Миш, не связывайся с дураком.

– Стой!

Старшина стал торопливо расстегивать кобуру нагана. Вот тогда мы оба повернулись и показательно взвели автоматы, демонстрируя старшине наше огневое преимущество. Мишка побелел от злости. Я боялся, что он действительно врубит очередь старшине под ноги.

– Убери, гад, свою пукалку!

Мишка разозлился серьезно. Старшина, видимо, это почувствовал, пошумел еще для порядка, погрозил и ретировался. Мы пошли к себе в роту.

– Надо было тебе их сразу, этих гадов, очередью. Сволочи! – досадовал Миша по поводу того старика и его сыновей.

– Скажешь тоже, очередью! Сдуру-то я мог, конечно, вlepить, положил бы я их всех троих! А потом? Вот вылетел бы такой старшина и что бы со мной сейчас было? Чем бы я и что доказал?! Взяли бы меня голубчика и под трибунал!

Могло быть и такое, конечно. Ну, что я стал бы говорить? Кто бы стал меня слушать? Мишка подумал и согласился со мной.

– Хорошо, что они уехали, гады, – решил Мишка. – Ну вот взяли бы мы их и что дальше? Привели бы в роту, а они от всего отказались бы сразу. Дураки мы. Особенно ты. Лезешь куда не надо!

Ни с чем мы вернулись в роту. А тут тоже приключение. Хорьков с двумя своими дружками, заметив, что стоят два ведра с водою и котелок начищенной картошки, решили немедленно воспользоваться этим. Хорьков взял ведро воды, а его товарищ котелок картошки, и они уже было направились к своему костру в дальнем углу огорода. А тут и появились мы с Мишкой. Беляков коршуном кинулся к жулику и стал вырывать котелок, а я схватился за дужку ведра.

– Ты что! – нагло возмутился Хорьков и стал дергать ведро на себя. Вода стала плескаться на меня и на Хорькова. Начался галдеж.

– Ты шо! Ты шо! Отпусти ведро и картошка это наша, я чистил! Завопил третий дружок Хорькова.

Двое насели на Белякова, а Хорьков остервенело вырывал из моих рук ведро с остатками воды.

– Застрелю гада! – кричал разозленный Беляков.

– Да я тебя, курву, прихлопну как цыпленка! – вопил Хорьков.

Бог весть чем бы это всё кончилось, если бы не вмешались Суменков и Авдеев.

– Эй вы, хмыри! Опять блатуете!

Авдеев подошел к Хорькову и уставился на него тяжелым, недобрый взглядом. Суменков подошел к этим «дружкам» и, показывая пальцем на наше кострище, отдельно сказал:

– Поставь на место! Запомни, мать твою в оборот, я два раза не повторяю.

– А ты что! Твое что ли ведро? Ты чего не в свое дело, курва, су...

Хорьков не успел договорить. Он мгновенно был сбит с ног, и ведро отлетело, звеня дужкой.

– Ты чего меня злишь? Ты знаешь, что я человек нервный? – откровенно издевательски сказал Сашка Суменков.

Хорьков с друзьями ретировались. Они откровенно побаивались Суменкова и особенно Авдеева. Они признавали только власть силы, а в данном случае эта самая сила была не на их стороне.

Инцидент вроде бы был исчерпан, но на душе осталось что-то мерзкое и неприятное. Как вот с таким Хорьковым пойдешь на боевое задание? Не жаль картошки, злит подлость людская.

Поправил дело Подосенов. У него оказался небольшой кусок сала, и он решил вступить в наш с Мишкой «колхоз». Видя такое дело, вступил и Авдеев, а потом и Суменков. Картошки подчистили еще, чтоб на всех хватило. Картошка с салом – это ж мечта человечества!

В дальнем углу нашего картофельного поля или огорода гужевались Хорьков и его компания. Хорьков хрипловатым голосом тянул блатную песню, его дружки вразнобой подхватывали припев:

*А в тюрьме я выбил стражу,
Из тюрьмы я не вылажу,
Граждане, послушайте меня,
Га-га!*

Много отталкивающего было в Хорькове. Внешне это был довольно коренастый и сильный парень, его желто-серые, узко посаженные глазки из-под челки сальных волос всегда смотрели куда-то мимо тебя. Всю роту он делил на людей, которые должны были подчиняться ему и на тех, с кем не стоило связываться, принимая во внимание силу административную или физическую. Он был дерзок, упрям. Вместе с этим, он был неисправимым оптимистом, даже получив по морде, что, кажется, он считал вполне естественной формой взаимоотношений, он через пять минут восстанавливал настроение и забывал о неприятностях. На последнем марше Хорьков и его дружки как-то незаметно отстали, их не было почти двое суток, потом появились – объяснение убедительное: устали очень, ногу потер, искал... Пришла эта компания с туго набитыми сидорами: было у них и сало, и рака (кукурузная самогонка), и чуреки – в общем, ребята не бедствовали, но и ни с кем не делились. Любимым занятием Хорькова в период вынужденного безделья была игра в ножичек, он часами мог сидеть и втыкать в землю свою финку самыми различными способами.

На следующий же день по прибытии в Ольгинское у нас началась «спецподготовка», как выразился лейтенант Ласточкин. Вначале мы полагали, что нас познакомят с приемами рукопашного боя, научат читать топографическую карту, владеть трофейным оружием, научат водить автомашину, мотоцикл, седлать коня, раскроют и другие, еще неизвестные нам, тайны разведчиков. Но всё было проще: командиры взводов выводили нас в поле за околицу, и мы занимались строевой подготовкой, отрабатывали каждый шаг, движение руки, взгляд в действиях бойца при отходе и подходе к командиру. Нас строили в шеренгу, приказывали сдвоить ряды, а потом выходить из второй шеренги, печатавая шаг, подходить к командиру, останавливаться от него в трех шагах, брать под козырек и, съедая командира глазами, докладывать, что ты прибыл. По команде, «кругом», ты должен повернуться через левое плечо (упаси бог повернуться через правое), браво щелкнуть каблуками пыльных ботинок и вернуться в строй.

По-моему, командиры под благовидным предлогом, что строевая подготовка формирует бойца и укрепляет дисциплину, просто «играли в солдатики». Опытные ребята

знали, и я догадывался, что эта самая подготовка на передовой, в поиске, в тяжелом марше становится делом пустым, никчемным, практически неприемлемым. Такая подготовка нужна только для плац-парадов и в том случае, когда «солдат – есть механизм, артикулом предназначенный», как говорил недоброй памяти император Павел I.

Строевая у меня получалась, недаром дрессировали нас в военно-морской школе.

В роте проводились и политбеседы, было даже комсомольское собрание. Комсорг роты Вася Боев и лейтенант Попов вдабливали в наши головы истины о месте комсомольца в бою, о бдительности и беззаветной преданности Родине и Партии. Здесь возражать было нечего, и мы единогласно «принимали к сведению и исполнению».

Злоязычные ребята, вроде Подосенова, Арабова, Селиванова, потихоньку подсмеивались, зубоскалили по поводу слов Натынова, что товарищ Сталин и он, Натынов, нам приказывают... Попытка, хоть и неосознанная, поставить в один ряд своё имя с именем Сталина была карикатурной и смешной. В верноподданных чувствах старшего лейтенанта никто не сомневался, но ребята чувствовали, что такие попытки не от большого ума, и могут стоить Натынову головы.

В промежутках между строевой дрессировкой и политбеседами у нас было время для трёпа и писем. Многие торопились писать письма, предчувствовали, знали, что наше спокойное житьё вот-вот оборвется. Я тоже писал и просил родных сообщить мне, что слышно о моих братьях, матери, отце, которых разметала война по разным углам. С тех пор, как я в армии, еще ни одного ответа на свои письма я не получил.

Вечером в тёмном небе розовый отсвет зари долго румянил снега Казбека, а потом эти снега сверкали голубым огнем в свете луны. К утру этот колдовской свет незаметно сменялся розовато-золотистым пламенем утренней зари. Красиво! Никогда и ничего подобного я еще не видел.

В сумерках, когда гасили костры, ребята пели песни. Чаще всего – «Распрягайте, хлопцы, коней». Хорошая песня. Молодые звонкие голоса вели мелодию дружно, прорывались в ней нежные, грустные ноты, словно стон, словно вздох далёкой, оставленной нами Украины. Очень часто на полюбившиеся и запомнившиеся мелодии старых песен придумывали солдаты новые слова военного времени. Так переиначили старую шахтерскую песню:

*Гудки тревожно загудели,
Матросы шли в последний бой,
А молодого краснофлотца
Несли с разбитой головой.*

*Прощай, прощай, моя Одесса,
Тебя я грудью защищал,
И за тебя, моя Одесса,
Жизнь молодую я отдал...*

Еще стояли жаркие дни и сравнительно теплые ночи. Походная усталость прошла и настала пора песен, как пора молитвы перед тяжелым сражением.

Однажды ночью над нами кружил немецкий самолет, мы узнали его по прерывисто-нудному гулу мотора, он поболтался в звездном небе, сбросил над степью несколько мелких бомб и улетел. Утром мы снова увидели разбросанные листовки. Рота цепью прочесала это место, и листовки мы собрали. Лист бумаги чуть меньше половины стандартного листа. Наверху нарисован серп и молот и надпись: «Хочешь – жни, хочешь – куй, всё равно получишь...», потом мелкий текст, призывающий избивать коммунистов и евреев. Идиотски тупая назойливость, рассчитанная на самое примитивное извращенное сознание. Откровенная похабщина и цинизм.

Анатолий Медвинский, прочитав листовку, подумал и громко сказал:

– Знаете, братья, когда какая-нибудь власть приходит к краху, когда её конец приближается, она всегда призывает бить евреев и задуривает мозги похабщиной. Ей-богу, Гитлеру хана наступает!

Конечно, прав Медвинский. Такие листовки действительно к лицу только рушившейся политической системе.

Пронесся слух, что мы занимаем вторую полосу обороны. Не знаю, как в других местах, а здесь, в Ольгинском и в окрестностях, не то, что полосы, элементарных окопов нет. Брешут, наверное, до чего же падок наш брат на разную трепотню! Но, как говорил неугомонный Тазиев: «нам, татарам, хрен одна» и при этом добавлял, что и знать нам всего этого не надо, потому как «болтун – находка для шпионов».

Неожиданно нам выдали нарукавные нашивки с якорями для гимнастёрок и полосатые тельняшки. Выдавали всем, у кого имелись краснофлотские книжки. Тельняшкам особенно были рады. Гимнастерки носили с расстегнутыми воротниками так, чтобы была видна полосатая морская тельняшка. Носили, конечно, с перерывами для строевой подготовки. Всё это пробудило интерес к истории нашей Бригады, но эта любознательность была пресечена самым решительным образом, так как история представляла военную тайну. Не только истории, мы не знали своего высокого начальства, кроме Натынова, не представляли, кто командует бригадой. Ротные старички рассказывали, что бригада с декабря 1941 года воевала под Москвой, сформирована была из моряков Балтийского, Черноморского флотов и Каспийской флотилии; говорили также, что командиром бригады был у нас Ахриянов, а потом Добровольский (или наоборот), а начальником штаба был Пекарев – этого мы видели.

ИЗ АРХИВА СОВЕТСКОЙ АРМИИ:

Нач. политотдела 5-й Армии батальонному комиссару Абрамову.

Ноябрь 1941 г.

Формирование 60-й ОСБр производилось в г. Пугачеве Саратовской области на основании Приказа НКО от 14.10.41.

...Партийно-комсомольская прослойка бригады должна быть не ниже 25%. В бригаду не зачисляли лиц, имеющих судимость.

Х Х Х

Политуправление Северной группы войск Закавказского фронта.

10.09.42 г.

10 августа 1942 г. Бригада направлена на Кавказ... По прибытию на ж.д. ст. Кади-Юрт бригада получила задание выделить 50 чел. добровольцев в десантную группу... Просились зачислить в десантники 82 чел.

Политуправление Северной группы войск Закавказского фронта.

10.09.42 г.

В соответствии с новым штатным расписанием бригаде увеличена численность.

Вновь созданы 4-й Отд. стрелковый батальон, батальон автоматчиков, пулеметный батальон. В каждом отдельном стрелковом батальоне созданы роты ПТР (противотанковых ружей), и роты минометчиков 82-миллиметровых минометов.

Пополнение получено 2262 человека, из них: 613 чел. морских пехотинцев 1115 чел. из Московской милиции, 506 чел. из разных мест Закавказья. По национальности: 70% русских, 30% других национальностей.

4-й Батальон создан из нового пополнения, в основном из морской пехоты.

Каждый батальон имеет 120 автоматов, 24 ручных пулеметов. Дегтярева, 72 станковых пулемета «Максим», 12 ротных 50-миллиметровых минометов и 8 батальонных 82-миллиметровых минометов.

Минометный батальон имеет дивизион 120-миллиметровых минометов.

Батальон автоматчиков укомплектован полностью из моряков плавсостава и береговой обороны. Пулеметный батальон имеет 22 станковых пулемета и 12 противотанковых ружей.

В бригаде 925 чел. членов ВКПб,

593 чел. членов ВЛКСМ.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 31.

11.09.1942 г. Базоркино.

1. Бригада находится в резерве командующего Закавказским фронтом.

Занимает оборону на рубеже гора Волчья, 1 км севернее Базоркино, 500 м севернее Ольгинское по шоссе Ольгинское-Беслан, мост через реку Терек по шоссе Беслан-Фарн с задачей не допустить прорыва пехоты и танков противника к г. Орджоникидзе с направления Альтиево-Верхние Ачалуки-Нов. Батако-Юрт...

Из политдонесений политотдела бригады:

Х Х Х

Нач. политотдела 5-й Армии

17.01.1942 г.

Части бригады продолжают наступать на с. Петрицево Московской обл. Противник отступает, оказывая сопротивление.

X X X

Политотдел 5-й Армии

23.01.1942 г.

Части бригады, преодолевая упорное сопротивление пр-ка, постепенно овладевают юго-восточной окраиной г. Можайск. Противник бросил на помощь своим частям самолеты.

20 января 1942 г. активными действиями всех частей г. Можайск был полностью освобожден. Воины, погибшие за г. Можайск, похоронены на центральной площади города.

* * *

Как-то вечером первый взвод подняли по тревоге, отобрали группу – человек десять, куда вошли самые опытные ребята, такие как Суменков, Авдеев, Боев, Соловьев. За ними прикатила пропыленная и видавшая виды полуторка. Серый от пыли и белозубый, как негр, шофер, по-свойски кивнув ребятам, сказал:

– Ну, держись, орлы, на насесте, сейчас с ветерком прогуляемся!

Ребята вернулись вечером пропыленные, продутые ветром, усталые и веселые. Они были там, где шли бои, где проходила неведомая и грозная передовая. Ребята держали форс, с такими салагами, как я, даже и в разговор не вступали. Вначале умылись, вычистили одежду, поужинали (повар выдал им всем, конечно, усиленную норму), а уж потом начались разговоры. Самым словоохотливым был Федя Фролов, поэтому он был в центре внимания:

– Передовая – она от нас еще далеко, – рассказывал Фролов, – но заваруха там – дай бог, аж переночевать негде! Танками и авиацией, гады, давят. А шофер наш Чижик – этот молодец мужик. Его не придержи, так он на передовую прикатит. Минометами жарит так, что переночевать негде, в одну повозку как врежет – куда колеса, куда лошади, а Чижик проскочил. Как в кусты бампером даст, только треск пошел. Машину спрятал и не заметишь. В общем, ребята там воют, не то, что мы – сачки. Во, что это такое?

Фролов достал из кармана брюк короткий и необычно толстый патрон с прямой железной гильзой, пуля черная калибром значительно большим, чем наши автоматные патроны. Фролов протянул патрон мне.

– Патрон, – сказал я Фролову.

Тот усмехнулся:

– Дурак знает, что это патрон. От чего патрон?

Я и правда не знал, поэтому вид у меня был скучающий.

– Не знаешь, салага? Вот то-то! От немецкого автомата Шмайсер этот патрон. Теперь на всю жизнь запомни.

– Где взял?

– На передовой. Пойдешь, и тебе дадут, сколько влезет, а догонят, так еще добавят! Фролова слушали уважительно. Кто-то высказал предположение, что ночью поедем на передовую и мы.

Я проверил еще раз свой автомат, протер масляной тряпочкой, в который раз убедился, что оба диска набиты патронами до упора. Я ждал и, откровенно говоря, побаивался того часа, когда окажусь на передовой. Я считал, что там, на передовой, люди совсем иного склада, там и жизнь другая. Все наши тяжелые ночные переходы, даже шторм на Каспийском море, все наши тактические занятия – всё это детский лепет, всё это пустое в сравнении с передовой. Там бой, там ставка – жизнь! Моя долгая Одиссея, начавшаяся в Смоленской области под Рославлем, тревожная военная Москва, воен-

но-морская школа и всё, что последовало потом, до настоящего дня было предтечей одного и самого главного часа – появления на передовой, предтечей боя не на жизнь, а на смерть! Я побаивался, что вдруг растеряюсь, вдруг там, на передовой я начну делать что-то постыдно детское, нелепое и не дай бог, вцепится в сердце страх! Опытные ребята говорили, что в первом бою всегда страшно и нужно собраться с духом, чтобы пересилить в себе этот страх. Говорят, что это сравнимо с ужасом не умеющего плавать человека, которому нужно прыгать головою вниз в ледяное бушующее море. Примерно так, только бой еще страшнее. Вбитые в сознание истины, что нужно собраться с духом, мобилизовать волю, проникнуться чувством долга, всё и прочее и прочее вселяло тревогу, а сумею ли я сделать сразу и так много, смогу ли я выдержать это испытание?

Стало быстро темнеть, погасли и перестали дымить наши костры, кто-то затаил дыхание: «Любимый город может спать спокойно»... А мы с Мишкой Беляковым решили по примеру любимого города, укладываться спать, т.к. утром обязательно поднимут с рассветом, а накануне мы с Мишкой ночь стояли на часах. Пусть поют, с песней и спать слаще!

Мы только задремали, а в нашем лагере поднялся какой-то шум. Вдоль тополей, под которыми мы спали, кто-то бежал, повторяя одно и то же всполошенное слово:

– Подъем! Подъем, ребята! Живей, живей!

Разведчики, успевшие улечься, нехотя вставали, протирали глаза, матюгались лениво и незлобиво.

– А ну, быстро! Скатки скатать, вещи собрать! Бегом, забодая вас комары!

Это уже Ласточкин. Ну, вот и все! Снова марш, и это без всякого сомнения. Похоже, что окончилась наша спокойная жизнь.

– Попридуривались и хватит! – авторитетно заявил Арабов.

– Выходи строиться!

Строились мы всегда на дороге за тополями. Построились. Ласточкин лично проверил всех. Вся рота была в строю.

– Марш небольшой, километров пятнадцать с гаком всего. Конечный пункт – станция Назрань. Понятно? В походе не растягиваться и без дураков! Будем грузиться! Шагом марш!

Вот это новость! Мы привыкли к долгим путешествиям на колесах. Куда ж теперь?

ИЗ АРХИВА СОВЕТСКОЙ АРМИИ:

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 32

13.09.42 г. Базоркино.

1. Противник силою до батальона пехоты и 40 танков ведет бой в районе Малгобек. Западнее силами до батальона пехоты и 20 танков переправился через реку Курп.

2. Сосед справа – части 9-й Армии.

3. 60 ОСБр отдельными узлами сопротивления занимает оборону в полосе Кескем, Лакисово, Прикурпский, Илларионовка, Плановское с задачей не допустить прорыва противника в направлении г. Орджоникидзе и на юго-восток.

* * *

Марш и вправду не был очень долгим. Этой же ночью мы были на притаившейся станции Назрань. На запасных путях стоял состав товарных вагонов. С коротким, как

кашель, свистком ползала по рельсам маневровая «Овечка». Ни искры света. Курить категорически запрещено. Вдоль путей снуют черные силуэты железнодорожников и военных. Небо затянуло облачной пеленой, луны не видно. Темень. Из топки маневрового паровоза падают на шпалы красные искры. Очень долго мы ожидали чьей-то команды, сидели в стороне от путей на пыльной и чахлой траве, пахнувшей мазутом. Наконец, нам указали открытую платформу и три товарных двухосных вагона, куда мы должны были погрузиться. На платформу мы быстро погрузили повозки, кухню; в вагон завели лошадей, сложили какой-то обозный скарб и потом погрузились сами. Для нас в вагонах оборудованы досчатые нары, можно лежать на первом и на втором этажах. Грузили дружно, погрузку закончили быстро, еще и светать не начало. Теперь эшелон стоял словно мертвый. Может, кто погрузиться не успел, может, еще какая причина, но стало казаться, что нас и не собираются никуда везти. Втайне каждый был доволен, что предстоит путешествие на колесах, это всегда очень интересно, очень беззаботно и спокойно.

– Ну, что, хлопцы, мабуть в Иран повезут? – вроде бы пошутил Арабов.

– А что? – протянул Фролов. – А ты что думал, тебя на передовую в вагоне привезут? Здесь на передовую и пешком дойти можно. А тут ночь уже прошла, можно сказать, так какая тебе еще передовая!

В рассуждении Фролова логика была, но зачем нас все-таки в вагоны?

– Ну, даё! Так тебя и ждут в Иране. Иранский шах с шахиней все глаза проглядели, где это Федька Фролов пропал! – съязвил Арабов.

Многие ребята уже спали на нарах; робкий серый рассвет тронул небо, когда вдоль состава пробежал звонкий перестук буферных тарелок. Вагон дернулся и медленно, вначале едва заметно, но постепенно, убыстряя движение, покатился по рельсам, робко колеса начали свой извечный перестук. В проёме открытой вагонной двери было видно, как проплывают черные силуэты деревьев, каких-то станционных построек, еще не расцвеченных дневным светом. Колеса стучали веселее, поезд набирал скорость.

– Ну, шо, дывись, дывись куды идимо! Мабудь и вправду в Иран! – радовался Потапенко.

А поезд действительно катился в обратную от фронта сторону. Вообще это даже озадачивало, – может нам не доверяют?

Мы этак проехали километра полтора и снова загрели буфера, заскрипели колеса и поезд остановился. Сразу неживая, странная тишина, только резкие голоса людей:

– Что там за остановка?

– Столб телеграфный.

– Долго стоять будем?

– Вот, сапог! Как соскучишься, так и поедем.

Простояли совсем недолго. Снова пробежал звон буферов вдоль состава, и эшелон пошел теперь вперед, к Назрани и почувствовалось, что вышел он теперь на главную линию. Проехали станцию, низенькую выщербленную платформу, на которой сустились теперь уже другие солдаты. Наш состав даже не притормозил, он шел вперед, на север, но по сравнению со всеми нашими прошлыми переездами, он шел подозрительно медленно.

– Ну, шо! В Иран поехали? – торжествовал Арабов, и никто не понял, чему он радуется, что торжествует. Нас везли к фронту, и в этом не было больше сомнений. Вот оно, начинается! У нас в вагоне была открыта одна левая дверь. Стало быстро светать. Мы видели проплывающие то ли пустые, то ли не проснувшиеся еще поселки, потом поползла бесконечная лесопосадка возле полотна. Гор Большого Кавказа не было видно, всё заслонила равнодушно-серая облачность. Паровоз тянул нас со скоростью не более 25-30 километров в час, и мы не могли объяснить подобные черепаши темпы. Проехали город Беслан с большим темно-серым элеватором у полотна железной дороги. Много

раз вагоны лязгали буферами, скрипели колёсами, предвещая остановку, но и Беслан, и еще какие-то станции проехали мимо. Подъехали к большому, поросшему лесом, крутому горному хребту, который обрывался серыми скалами к пенистому и мутному Терек-у. Вот он какой, этот Терек! Думал, что он шире. По обоим его берегам промытые водой светло-серые камни. Ласточкин потряс своею белесою головой и объявил:

– Эльхотовы ворота, забодай их комарь, теперь и фронт недалече. Значит, все-таки на фронт везут и прямо в эшелоне. Значит, подошло время, значит, нужно срочно! Состав, крадучись, вполз в большую станицу, а может быть даже город, Эльхотово. Остановился у красного небольшого вокзальчика, постоял не более двух минут и снова тронулся, даже не гуднув, даже дыму не напустив. Правда, не едем, а крадёмся. Проехали Эльхотово и остановились прямо посреди пути, между двух довольно густых посадок. Снаружи раздалась команда:

– Приготовиться к разгрузке на правую сторону!

Ребята подналегли плечами, открыли правую дверь. Мы немного не доехали до станицы Плановской, не более полутора километров. Ребята прыгали из вагонов на желто-серый песок полотна. Кто-то уже бегал, командовал, покрикивал. Разгрузка началась торопливо, дружно, на ура! К платформе приставили специальные бруссы с крюками из полосового железа. Первой стащили кухню, потом повозки, по настилам свели лошадей. Одни прямо из вагона подавали обозные мешки на крепкие солдатские плечи, другие бегом их тащили к посадке.

– Быстрее, быстрее! Всё маскировать в посадке! – подгоняли какие-то командиры.

Где-то в районе Плановской слышались тяжелые, трескучие взрывы. Нет, это не бомбы, непохоже. Вначале слышался надрывный вой, потом взрыв. И так каждый раз. Так это же снаряды, конечно снаряды!

Здесь отчетливо слышалось дыхание недалекого боя. Впереди, в станице Плановской, что-то горело, черный дым поднимался к серому небу и там его размывал подоблачный ветер. Разгруженный состав не ожидал более ни секунды. Вагоны, также крадучись, сдвинулись с места и быстро, набирая скорость, побежали назад к Эльхотову. Теперь машинист торопился, спешил скорее увести состав из опасной зоны, и правильно сделал. Последние вагоны еще не успели скрыться, как раздался короткий мощный рев снаряда, и тяжелый удар взрыва потряс землю. Я не видел, где разорвался снаряд, мешала посадка около полотна, но вслед за взрывом послышался чей-то строгий крик:

– Какого шута болтаетесь на открытом месте! Бегом в посадку!

Придорожная лесопосадка была довольно густая, и росли здесь акации с огромными пучками колючек прямо на стволах. Каждая колючка была просто устрашающих размеров, примерно до 10 сантиметров длиной, и твердая, как сталь. Воздух наполнился коротким и злобным визгом нового снаряда, и вновь тяжкий удар разрыва. Снаряд взорвался в поле за лесопосадкой, и взметнувшиеся сизый толовый дым и бурая пыль медленно оседали на землю.

– Вилка. Сейчас по полотну или по посадке врежет. Уходить отсюда надо, – предположил Данилов.

Минуты не прошло и снова вой снаряда, вой ни с чем не сравнимый, непередаваемый, от которого сжимается сердце, и удар тяжелый, страшный. В воздух снова взлетают дым, земля и опадает вниз бурыми космами. Еще один взрыв грохнул с другой стороны железнодорожного полотна, метрах в двухстах от нас, на шпалы упали сучья акации с ободранными ударной волной листьями. Может быть, немецкие наблюдатели видели наш эшелон и теперь открыли запоздалый артиллерийский огонь? Снаряды рвались в поле, в посадках у железной дороги, но всё ближе к Плановскому. Мы обреченно и беззащитно, как мне показалось, лежали в посадке, многие ребята внешне спокойно курили и только обозные лошади при каждом близком взрыве испуганно скидывали головы. Я не испытывал панического страха или растерянности, может быть потому, что

я еще не научился чувствовать реальную угрозу собственной жизни, мне было даже любопытно. Меня несколько удивляло, что мы просто ничего не предпринимаем для собственной защиты, что наша артиллерия не ведет огонь на подавление батареи противника. Но особенно много думать над этим не приходилось, от каждого близкого взрыва элементарно путались мысли, а мне казалось, что подобное я уже видел, видел много раз в кино, видел на полотнах художников.....

– Воздух! – раздался чей-то крик, и в ту же секунду над железной дорогой вихрем промчались два тонкокрылых, узкофюзеляжных самолёта. Я же успел рассмотреть, что концы их крыльев, середина фюзеляжа за фонарём летчика были бледно-желтыми и на этом фоне яркие, чёрные стилизованные изображения крестов, а на хвосте самая настоящая, тоже черная, свастика, обведенная по контуру полосой белой краски. Мессершмитты. Точно мессеры. Нам в военно-морской школе показывали плакаты с контурами вражеских самолетов. Вот, гады! Летают низко, как у себя дома. Им вдогонку хлопнуло несколько бесполезных винтовочных выстрелов. Куда там! Они исчезли из вида словно привидения. Не успели мы опомниться, как эти мессершмитты где-то развернулись и теперь летали прямо над нашей посадкой.

– Ложись! – успел кто-то крикнуть.

Самолеты промчались с каким-то тонким свистом, и тут же раздался стук их пулеметов. Оставаться в посадке около железной дороги было опасно, и нам скомандовали, чтобы мы перебирались в кукурузное поле, видневшееся метрах в трехстах от нашей посадки.

Только мы перебрались в кукурузу, как появился еще один странный самолёт. Он летел низко и медленно. Немецкая артиллерия огонь прекратила. Двухмоторный тихоходный пассажирский самолёт шел на высоте не более 200-250 метров. Было отлично видно, что его фюзеляж из гофрированного металла, квадратные окошечки по фюзеляжу и у этого концы крыльев с крестами, а на хвосте свастика. Он не торопясь летел параллельно железной дороге, буквально над нами, в сторону Эльхотово. Я вскинул автомат и закатил по этому самолету очередь выстрелов в 25, автомат неожиданно замолк – задержка, утыкание патрона. Я вышиб диск, выбросил перекосившийся патрон, но в это время самолет успел улететь довольно далеко, и я не знал, стоит ли стрелять ему вдогонку.

– Ты что, падла, делаешь! Ты ж, гад, всю роту демаскируешь! – услышал я злобное шипение рядом.

Оглянулся – Хорьков, глаза сощуренные, злые.

– Демаскируют его! Ты что, воевать пришел или в кукурузе прятаться? Огрызнулся я и даже почувствовал некоторое превосходство над ним.

– Но-но салага! Я тебе, мать твою!

– Ты лучше свою. И отстань. Раскомандовался тут. Без тебя хватает! – перебил я Хорькова.

– Смотри, салага, я тебя предупредил.

– Ну и все. Теперь иди подальше!

Я решил больше не давать спуска Хорькову. Это такой гусь, что один раз стерпи, а потом от него не избавишься. Правда, он был немного постарше и, видимо, покрепче меня, но у обоих в руках было оружие, а это уравнивает физическое превосходство.

Тем временем транспортный самолет ушел далеко к Эльхотову, там где-то застучал станковый пулемет, и зеленые искры трассирующих пуль рванулись в небо. Самолет развернулся и над железной дорогой пошел обратно к фронту. Улетает, гад – транспортник, и сидят в нём гитлеровцы не простых, видно, рангов, а у нас ни одной зенитки, из винтовок лупят солдаты и мажут, стрелять не умеют. Да что это такое?! Все понимали, что этот пассажирский самолёт – необыкновенно легкая добыча для наших зенитчиков

и истребителей, а их не было, и что хуже всего, противник знал, что их нет, поэтому летал так нахально и нагло.

Недаром торопились нас доставить сюда, привезли в вагонах чуть ли не на передовую. События развивались быстро, непредсказуемо. Противник действовал активно: бросал в наступление танки, подвижные отряды мотопехоты, авиацию. Наша бригада без раскачки, без подготовки с ходу вступила в бой, ее стрелковые батальоны начали прибывать на этот участок фронта еще ночью.

Мне неизвестно, как чувствовало в эти часы командование бригады, но до настоящего времени проводной связи с батальонами не было, радики, если они существовали, то по каким-то причинам бездействовали. Вступив в бой, командование полагалось только на силы своей бригады, её не поддерживали ни авиация, ни зенитная артиллерия, ни танки. Батальоны бригады были растянуты по фронту более чем на 85 километров, это продиктовало необходимость организовать оборону бригады опорными пунктами, узлами сопротивления, но между ними были никем не занятые и ничем не прикрытые бреши в несколько километров каждая. В условиях непрекращающихся атак противника, жестокой бомбежки, применения врагом большого количества танков, необходима была маневренность, нужны были резервы, а связи не было! Страшно вспомнить, что в те самые первые дни боёв нашей бригады на Кавказе вся связь осуществлялась посредством пеших и конных посыльных. В таких условиях разведке отводилась важная роль, но и наша информация оказывалась запоздалой. Проходили долгие часы, прежде чем она потом доходила до штаба, и потом с конным связным поступало необходимое распоряжение в стрелковые батальоны и роты. За это время обстановка менялась самым неожиданным образом. Бригада сражалась, она несла потери, но при этом наносила ощутимый, чувствительный урон противнику, подразделения бригады сами переходили в наступление, бросались в контратаки, теснили врага. Это было удивительным для той обстановки, удивительным и непостижимым.

Мы ждали действий, конкретных и понятных в масштабе хотя бы нашей роты. Противник возобновил методичный артобстрел станицы Плановской, снаряды рвались в станице и, судя по всему, обстрел велся откуда-то из-за Терека, видимо, здесь противнику удалось продвинуться довольно глубоко. Наша рота продолжала сидеть в этой разнечастной кукурузе, а обоз по-прежнему жался к посадке. Правда, ездовые уже впрягли обозных лошадей в повозки, все вещи были погружены и затянуты разлохматившимися веревками. Ласточкин ожидал, видимо, распоряжений, и они не заставили себя долго ждать. В такой обстановке, конечно, быстро вспомнили, что в бригаде имеется отдельная рота разведчиков.

Вдоль посадки, что отгораживала нас от железной дороги, размашистым галопом неслась серая лошадь. Опытный всадник чуть наклонился вперед и нетерпеливо погнал взмыленного коня. Натынов. Конечно же, он.

Увидев нас, он умело придержал норовистого коня и уже рысью подкатил к кукурузе. Натынов артистически красиво и ловко соскочил с коня, бросил поводки-уздечки стоявшему разведчику и тот не менее ловко поймал их, потрепал взмыленного коня по крутой шее, а Натынов, расставив ноги, набычившись смотрел на нас исподлобья, и взгляд этот не обещал нам ничего хорошего.

– Та-а-ак! – протянул начальник разведки. – Это вы, голубчики. В кукурузе сидите. Хороши, нечего сказать! Батальоны насмерть дерутся, а они в кукурузе. Они в гости на пироги приехали! Ну, я научу вас свободу любить! Ласточкин и командиры взводов, ко мне!

Анохин и Ласточкин виновато одернули гимнастёрки и подошли к Натынову, я заметил, что Данилов ведет себя более независимо. Натынов отвел всех в сторону от бойцов, чтобы не компрометировать командиров в глазах их подчиненных, но находились они всего метрах в десяти, а говорить тихо Натынов не умел. Мы все притихли и Натынова слышали отлично.

– Ты кто такой, лейтенант? Ты командир разведроты или кто, я спрашиваю! Почему не прислал связного, почему не доложил, что рота выгрузилась и где она находится? Когда послал? Что значит «не дошел»? А ты сам будешь соображать?! Он послал, называется! Я знаешь, куда тебя пошлю за такие дела?! Ну, не ожидал... А ты меня не учи!.. Молчать! Я тебе говорю... Верхом надо было посылать... В общем так: одна группа – Лакисово, Кескем, вторая – Верхний Акбаш, Дейское. Первая группа возвращается завтра утром... А ты карту, карту смотри... Нашел Лакисово? Ну еще правее. Видишь? Кукурузу так он увидел, а Кескем не видит! Конечно, на правом фланге... Уточнить обстановку и взять «языка». Вторая группа тоже. Взять «языка» обязательно! А ты что, не знаешь? Сухой паек... Без разговоров, понял?! Теперь слушай... Да, небольшое ущелье такое, километра два или полтора от Эльхотова... И запомни: документы и «язык» должны быть, без этого вам в бригаде делать нечего!

Каких-то слов оправданий или возражений со стороны Ласточкина мы не разобрали. Был слышен только нервный, взвинченный голос Натынова, видимо, ему тоже попал там, в штабе бригады.

После того, как Натынов лихо вскочил в седло и налётом пошел в сторону Эльхотова, расстроенный Ласточкин собрал всю роту. Прежде всего он приказал старшине выдать нам сухой паек на сутки и принять в обоз наши шинели. Было тепло и шинели только мешали. Вещмешки пришлось брать, а то сухой паек девать некуда. Правда, решили на двоих-троих брать один мешок. Я взял свой, а Беляков и Подосенов с готовностью уступили мне право таскать его до конца. Шинели свернули в скатки и сдали старшине. К искреннему своему удивлению я увидел, что у Авдеева тоже шинель, и он ее собирает крутить в скатку. Еще более удивительным было то, что на зеленых выгоревших петлицах его шинели были яркие следы трех шпал, знаки различия подполковника, к тому же я хорошо помнил, что в Ольгинском у него не было шинели вообще.

– Гриш, ты откуда шинель взял? – спросил я Авдеева, и тот посмотрел на меня так, как будто я спросил его, откуда у него глаза или руки.

– А ты что, салага, не знаешь, откуда шинели берутся? Вот и помалкивай.

Больше я ни о чем его спрашивать не стал.

Далее Ласточкин нам объявил, что рота будет расположена в небольшой щели на склонах Сунженского хребта, в двух километрах от Эльхотова. С обозом уходили человек десять разведчиков, чтобы как-то обустроить место расположения роты, а остальные разделились на две группы по двадцать с лишним человек каждая, одна отправлялась на самый правый фланг бригады, откуда вообще не было никаких вестей, а группе, в которую попал я, предстояло действовать на участке Верхний Акбаш–Дейское. Старшине роты было приказано прислать две пустые подводы к 17.00 на южную окраину Плановского. В составе нашей группы при выполнении самого первого боевого задания, будут находиться Ласточкин и политрук Попов. Мне казалось, что было бы для нас лучше, если бы они осчастливили своим присутствием первую группу. Правда, наша группа состояла в основном из бойцов нового пополнения, видимо, это и было причиной для принятия такого решения.

Заметно расстроенный Ласточкин повел нашу группу по какому-то заброшенному проселку краем неглубокой балки, дно которой было усеяно камнями. Шли молча. Впереди и слева гремел приглушенными взрывами фронт, где-то шел бой, а здесь было спокойно и не верилось, что может что-нибудь с нами случиться. Мне казалось, что вот этак походим, устанем, вернемся в роту, повар нас накормит кашей и на этом все кончится. В общем, как на тактических учениях, только с шумовым оформлением. Прошагали мы километров пять, давно свернули с проселка и где-то в открытом поле, в степи увидели два разоренных и покинутых жителями домика. Белённые мелом саманные стены, пустые оконные проемы без рам, соломенные крыши, большой запущенный сад, огород с небранной картошкой. Здесь не было ни наших солдат, ни противника, а где-то не

очень далеко гремел бой. Ласточкин приказал выставить часовых и не зевать. Меня поставили у куста сирени с пожухлыми от жары и безводья листьями, как раз возле окна дома. А в доме, как на военном совете в Филях под Москвой: собралось все начальство, даже Суменков там, расстелили на столе карту и что-то рассматривают.

Вначале разговаривали тихо, а потом страсти, видно, разгорелись.

Политрук стучал по карте карандашом и говорил что-то, а Ласточкин спорил с ним:

– А чего тут думать! В этом чертовом Акбаше сейчас уже вполне могут быть немцы. Береженого бог бережет, забодай вас комарь, идти надо только вот здесь, чтобы на огороды и на сады выйти.

– Ну в итоге – ты командир, ты и решай! – раздраженно проговорил Попов.

– Тут и думать нечего! Я и головной дозор обязательно вышлю.

– Твоё дело. Только на хрена он днем-то тебе?

– В данном случае он ночью ни хрена не даст, в темноте его и не видно, а днем другое дело.

Это Данилов поддержал Ласточкина.

– И знаешь, Попов, у нас так ни шута не выйдет! Давай лучше ты своими делами занимайся, а я своими. Я ведь не лезу в твои вопросы!

Ласточкин зашуршал картой, видимо, складывал ее и, считая все разговоры оконченными, сказал Суменкову:

– Ты как, главстаршина, пойдешь головным дозором?

– Кого взять еще?

У Суменкова голос немного глуховатый.

– Кого хочешь бери. Возьми, например, Соловьева – это крепкий парень, возьми Дубинина, Осейкина, ну и хватит с тебя.

– Ну вот Осейкина-то вовсе ни к чему, – снова встрял Попов.

– Осейкин разведчик и должен выполнять все, что положено разведчику. Давай, Суменков, выполняй! Да смотри в оба, будь осторожен – в таком бардаке там не только немцы, там японцы могут оказаться, забодай их комарь! Давай, Данилов, отправляя Суменкова, и минутки через три мы за ними.

Суменков и Данилов захотали каблуками по досчатому полу крыльца. А из комнаты снова донесся голос Попова:

– Эх, лейтенант, лейтенант! Осейкина! Додумался, кого послать!

– А что?

– Да я ничего. Просто предупредить хочу: погубишь ты роту, лейтенант, наживешь ты себе приключений. Что ты всё с этим Осейкиным возишься?

Явно невзлюбил политрук этого Осейкина, а Ласточкин за этого парня. Здесь не мне судить. Конечно, этот Осейкин, как я заметил, немного вроде чудноватый какой-то, замкнутый и молчун, слова из него не выдавишь. Может Попов и прав. Осейкина то он лучше знает, они вместе и под Москвой воевали. Сейчас первая боевая операция, мало ли что. А Ласточкин всё еще спорит с Поповым:

– Что тебе этот Осейкин – соли на хвост насыпал?

– Ты брось эти штучки, лейтенант! Ты не хуже моего знаешь, почему я так говорю. Забываешь, что ты разведчик, а не хрен собачий. С нас с тобой спрос особый.

– Здесь у меня совесть чиста. А тебя я вот не пойму, что ты этого урку всё время опекаешь. Он каждый день бузу в роте устраивает.

– Ну, знаешь! Имей в виду, самый верный в дружбе это урка, да Хорьков голову за нас с тобою положит...

– Хрен он за нас положит...

– Ладно. Теперь бои покажут, кто чего стоит. А кричать не надо. Криком дела не решишь. К тому же вон еще один твой подопечный под окном торчит, делает вид, что ничего не слышит. Тоже мне тип! А ведь это всё твои, лейтенант, заскоки – набрал интеллигентов и воевать с ними думаешь? Ну, да ладно. Пошли что ль?

Ласточкин вроде и не ответил ничего. Оба вышли на крыльцо, оставили дверь открытою и пошли в сад к ребятам. Застёгивая на ходу полевую сумку, Ласточкин бросил, на меня не глядя:

– Ступай к ребятам.

Последние слова политрука там, в доме, без сомнения, относились уже ко мне. «Интеллигентиком» меня окрестил! Что он во мне увидел такого очень интеллигентного? Школы я окончить не успел, работал и электромонтером, и пожарным; почему прилипло ко мне такое обидное, по нашим временам, прозвище? Бельтюков, так тот меня «Паустом» величает... Постой, а кто ж меня из ребят «интеллигентом» называет? Хорьков. Точно Хорьков! От кого пришло ко мне это прозвище, от Хорькова или от политрука?

Не ожидал я от Попова эдакого! Обидно, конечно.

Ребята собрались быстро, побросали окурки и снова цепочкой, друг за другом пошли к Верхнему Акбашу, где, по мнению Ласточкина, могли быть немцы. Ласточкин и Данилов шли впереди, замыкали цепь Попов и Медвинский. В походе, а особенно в поиске, замыкать цепь дело ответственное, не менее важное, чем возглавлять группу. Замыкают отряд проверенные и опытные бойцы.

О нечаянно услышанном там, около дома, я решил помалкивать и никому ни слова. А с Хорьковым, выходит дело, нужно быть осторожным, он умеет гадить любыми способами. А еще урка, называется!

Сейчас он идет сзади меня. Вообще-то парень он здоровый, выносливый, умеет выдерживать тяжелые марши, но чувства товарищества в нем нет никакого. Наглец он и единоличник. Соловьев, говорят, тоже сидел за что-то, но этот парень другого склада, с ним можно идти на любое задание.

Да ладно, сейчас не до того, хватит думать об этом! Верхний Акбаш уже рядом. В самом поселке или где-то за его окраиной рвутся мины, иногда слышна частая дробь пулеметов. А наш головной дозор шагает смело, без остановок. Суменков парень опытный, на рожон не полезет и просто по дурости рисковать не станет. В роте с ним считаются, ребята ему верят.

Наша группа давно уже свернула с проселка, спасительная балка осталась в стороне. Мы шагали напрямую, полем, где прямо на земле валялись краснобокие и никому не нужные помидоры. Впереди за частым гребнем жидких тополей виднелся нужный нам поселок.

За головным дозором мы вышли огородами прямо на широкую улицу Верхнего Акбаша. Дома стояли то ли покинутые своими хозяевами, то ли люди просто попрятались. Несколько воронок посреди улицы, стены ближних домов побиты осколками, невдалеке исходит синими струйками пепелище. На месте бывшего дома закопченная печь, обгорелая железная кровать, горшки, битое стекло.

К моему удивлению, никто нас не остановил, никто не поинтересовался, кто мы такие. Противника здесь явно не было. Цепочка наша сломалась, образовалась просто группа вооруженных людей. На улице появились двое спешащих куда-то солдат. Ласточкин остановил их:

– Ребята, вы из какого батальона?

Ласточкин, как и все мы, был в маскхалате, pilotка на нём такая же, как на всех и знаков различия не видно, поэтому солдаты ответили на вопрос неохотно:

– А какой тебе нужен? – вопросом ответил долговязый, и собрался было шагать дальше, но тут в разговор вступил Попов, его командирская фуражка, видимо, произвела нужное впечатление:

– Товарищ боец, к вам обращается командир. Где нам найти комбата? – голос Попова звучал непререкаемо и властно.

– Где комбат не знаем, а командир роты вон там, впереди, на окраине, – долговязый показал рукой.

Пошли на окраину. Нашли командира роты. Уставший, с провалившимися глазами, с перевязанной рукой, он сидел на бруствере окопа. В окопе связист с натянутой на уши, словно ночной колпак, пилотке, держит трубку аппарата и бубнит сорванным голосом:

– Ракита. Ракита. Ракита.

Лейтенант посмотрел на нас, поправил фуражку и спросил:

– Кто такие? А ты давай, давай вызывай! – кивнул он связисту.

– Командир отдельной разведроты Ласточкин, – представился наш лейтенант.

– Не знаю такого. Документы есть?

– Вообще-то, на задания с документами не ходят, – заметил Ласточкин, – но на сей раз есть.

Ласточкину неудобно было доставать из нагрудного кармана удостоверение, мешал маскхалат, пока он копался, командир роты язвительно заметил:

– Вообще, разведчики выполняют задания обычно впереди пехоты и командира стрелкового подразделения об этом заранее ставят в известность.

– А ты в бутылку не лезь, лейтенант, мы не на кухню к тебе пришли. Мне ведь тоже непонятно, что ты здесь сидишь? Связи у тебя с Ракитой нет, тыл никем не прикрыт, – парировал Ласточкин, протягивая лейтенанту своё удостоверение, но не выпуская его из рук.

Лейтенант, мельком взглянув на раскрытое удостоверение, устало махнул рукой и миролюбиво спросил:

– Да ладно. Это я так просто, для порядка. Чего нужно-то?

– Да вот обстановку здесь хотим понять.

– Ишь ты, какие быстрые! Я бы её тоже хотел понять. С самой ночи мы здесь. Я уже восемнадцать бойцов потерял и одного командира взвода, вот так вот! Вы не маячите все-то здесь! Вон посадку впереди на взгорке видите? Оттуда чуть свет автоматчики и два бронетранспортера на нас пошли. Отбились. Весь день минами нас долбал, а сейчас вон затих, не иначе что-нибудь еще удумал.

– Связь с бригадой имеешь?

– Была, да вся вышла. Вот этот нерв армии, – лейтенант мотнул головой в сторону связиста, – дует в трубку, а толку нет.

Связист, чуть было приумолкнувший, словно спохватился, снова стал монотонно повторять:

– Ракита, Ракита, отвечай, Ракита...

Ракита молчала. Наверное, и сам связист уже не ждал появления на проводе «Раки-ты», а повторял просто так, чтобы видели его старания.

– На линию-то кто-нибудь пошел? – спросил Данилов из сострадания к этому лейтенанту, который до нашего появления уже успел повоевать с противником.

– А что?

– Да чего он впустую «ракита, да ракита». Обрыв на линии, его устранять нужно. Чем трубку мусолить, по линии бы пробежался.

– И то правда! – будто спохватился лейтенант. – Слышал, нерв? А ну, дуй по линии!

Связист, не скрывая досады, крикнул, взял винтовку и вылез из окопа.

– Ладно, лейтенант! Мы сейчас на Дейское подадимся, а ты, будь друг, если связь появится, может, в штаб бригады прорвешься, сообщи Натынову, что Ласточкин мол был и подался дальше, – попросил Ласточкин.

– И всё? Ну, брат, не богато. Этак и говорить неудобно. А в общем, что ж, скажу: был, увидел и пошел. Однако, мой совет, на той дороге тоже поосторожней, там какая-то заваруха на рассвете была, и еще учтите, здесь у противника эсэсовские части действуют. Мы на поле их убитого подобрали. Документы в батальон отправил. Поняли?

– Всё ясно, лейтенант. У тебя дорога на Дейское прикрыта? Дай провожатого, чтоб там недоразумений не было.

– Не разведка, а красны девицы, – проворчал лейтенант и закричал: – Тарасенко! Тарасенко, будь тебе пусто!

Из-за куста бузины, что была метрах в двадцати от нас, появился рослый, широкоплечий парень с автоматом на шее и направился к нам.

– Тарасенко, ты? Живой? Привет, друже!

– Ось, туточки я.

Первый раз я видел у Авдеева такую широченную улыбку. Честно говоря, я тоже был искренне рад этой встрече. Хороший мужик этот Тарасенко.

– Что, знакомые? – поинтересовался командир стрелковой роты.

– С одного пополнения, дорогой познакомились – скупно ответил Авдеев.

– Вот и хорошо. Тарасенко, проводи разведчиков до первого взвода, к дороге и предупреди там, чтобы своих не постреляли.

– Есть проводить до первого взвода и предупредить! – с готовностью ответил Тарасенко.

Мы пошли на окраину посёлка, туда, где начиналась дорога на Дейское. По пути узнали, что Тарасенко сейчас связной роты, командир у него парень что надо. В общем, всё в порядке.

Командир стрелкового взвода, младший лейтенант, был черняв и худ, вместо офицерских сапог на его ногах были солдатские ботинки с туго намотанными серыми обмотками, а командирский его ремень сильно оттягивался кобурой с револьвером и перекосялся на бок. Он сидел под кустом смородины и аппетитно добивал банку с тушенкой. Тарасенко доложил ему всё, как положено, потом крепко пожал нам руки, бросил: «Бывайте, братва!» и быстрым шагом пошел обратно. Узнав кто мы, комвзвода мотнул головой – садитесь мол, не маячьте, и выскреб ложкой из банки остатки желе, белого жира и мяса. Глядя на то, как этот младший лейтенант аппетитно расправился с банкой, мы вспомнили, что со вчерашнего вечера еще ничего не ели и нам чертовски захотелось перекусить. Ласточкин разрешил прикончить половину сухого пайка. Вся наша группа расположилась здесь же в кустах. В мгновение ока был нарезан хлеб и вспороты финками банки с такой же тушенкой, одна банка на троих. Маловато, конечно, но что делать... Терпи, казак!

Тем временем Ласточкин, Попов, Данилов вместе с командиром стрелкового взвода уточняли обстановку.

– Как у вас здесь? – спросил Попов.

– А на кладбище всё спокойненько.., – словами какой-то песенки отвечал младший лейтенант. – Но драчка на дороге была, километра полтора отсюда. Видно какая-то часть на немцев нарвалась или те на неё. Похоже, за речку они драпали.

– Кто драпал?

– А кто сейчас драпает? Вам известно сие, товарищи разведчики?

Быстро там у них всё получилось. Помочь ничем не смогли, не успели бы и далеко.

– Много там наших было? – поинтересовался Данилов.

– Да хрен их знает. По полю драпало человек, пожалуй, пятнадцать, может и поболее.

Похоже, заблудились ребята и пробивались к своим.

– А потом не ходили туда?

– Нет.

– А чего? Страшно, что ль?

Младший лейтенант поёрзал и съязвил:

– А зачем? Мы ж знали, что разведчики придут, они и узнают всё...

– Ну ты не язви, ни к чему это...

– А ты, лейтенант, не задавай таких вопросов, и сам понимать должен, – командир взвода нарочито изменил ударение в последнем слове, – что ежели мне с моим взводом и с пэтээровцами наступать, так сил маловато, а ежели самостийно оставляю дорогу

неприкрытой и не дай бог что случится, меня комбат без всякого разговора к стенке поставит и, между прочим, правильно сделает. Усёк?

– Усёк.

– Ты, разведка, ты давай и иди вперед. А мое дело – здесь сидеть и ни шагу назад! По дружбе я вас предупреждаю, чтоб ушами не хлопали, будете близко – помогу.

В общем, всё ясно и командирам нашим, и нам. Покурили после сухого обеда, отдохнули малость, и Ласточкин подал команду «вперед!» Первым пошел головной дозор, их четверо: двое идут слева от посадки, а двое справа. Мы их за посадкой не видим. Это Суменков придумал правильно. Небольшая грейдерная дорога с двумя мелкими кюветами, слева от дороги луг с небольшим уклоном, там дальше редкие кусты, может, речка или арык какой. На дороге ни души. Идем цепочкой вдоль кювета, это правильно. Головной дозор мы не выпускаем из виду. Ребята шагают метрах в 150-200 от нас. Об усталости никто не думает, о ней просто забыли, не до нее сейчас, в этой пустынности и тишине на дороге чувствуется настороженность. У меня за плечами вещмешок. Сухой паек я тащил. Подосенов с Беляковым говорили вначале, что тащить будем по очереди, но до сих пор никто из них рвения не проявил, а я и не настаивал: кроме сухого пайка у меня были и другие вещи, в том числе два учебника из военно-морской школы, знал ведь, что в плавсостав я уже никак не попаду, ан нет, таскал, была и общая тетрадь в клеточку, русско-немецкий разговорник, несколько карандашей... Ну попробуй, объясни любопытным ребятам, для чего мне эти учебники нужны. Смеяться будут, а с меня и одного «Фауста» хватит. Поэтому я терпеливо тащил мешок, не напоминал, что сменить пора, тем более что осталось от нашего сухого пайка немного хлеба, да несколько кусочков сахара.

Впереди далеко слышен бой и сзади, видимо, по Акбашу, минами сажают. На дороге тоже воронки, сваленные телеграфные столбы, перепутанная ржавая проволока. От ветра шумят ветки акаций... Для засады здесь действительно место подходящее: из посадки, если лупанут, так костей не соберешь!

Головной дозор шагает вперед. Они, конечно, знают, что в случае засады, первые пули достанутся им, и даже мы им вряд ли успеем помочь.

А шагают ребята спокойно, уверенно, будто это не война, а очередные тактические учения, да и на учениях-то они бы чувствовали себя скованнее. Ничего не скажешь, волевые ребята, закаленные, а без риска в разведке всё равно не обойдешься.

Но вот головной дозор неожиданно остановился. Суменков с Соловьевым вышли на середину дороги, один из них оглянулся на нас и машет рукой. Что-то они нашли. Все пошли побыстрее. Вначале я не понял, что это такое и только когда подошел, увидел, что на обочине дороги лежал наш убитый солдат. На нем шинель, обмотки, пыльные потрескавшиеся ботинки, пилотка валяется посередине дороги. Лежит на боку, поджав ноги, лицо загорожено неживыми серыми руками, коротко стриженные волосы, затылок в запекшейся крови... Вот она, первая визитная карточка войны! Неужто к этому можно привыкнуть? Рядом с солдатом валяется его винтовка самого последнего 4-го выпуска – ложе с незачищенными заусенцами и покрашено оно простой морилкой, а уж до лака дело и не дошло, да и на черта он, лак-то! Ребята окружили убитого. Смотрят и молчат, потом кто-то сказал:

– А вон там еще лежат.

В поле, недалеко от дороги, лежало не менее десяти трупов, и всё наши солдаты, – ни одного немца. Неужто их избивали здесь как баранов?! Откуда здесь взялись немцы? Что здесь произошло несколько часов тому назад? Вот лежит человек на обочине дороги, еще недавно он дышал, на что-то надеялся... Он убит. Его уже нет... Кто-то стал, может быть, сиротой, вдовой, кто-то лишился сына и всех надежд, но этого еще никто не знает. Страшное горе, беда еще только пошли по белому свету, вот с этого места пошли, здесь их точка отсчета. На лугу разбитая и опрокинутая на бок повозка, две убитые лошади с задранными ногами. Около повозки неподвижные люди в бинтах. Они тоже мертвы

и, похоже, их просто добили: не стали бы наши бойцы везти покойников, не то сейчас время.

Ласточкин приказал проверить, не остался ли здесь кто живой. Проверяли Данилов и еще несколько ребят. Раненых не было. Здесь только убитые.

– Раненых добили, – заявил Данилов. – У некоторых две, три пули в голове. Стреляли в упор, пороховые ожоги на коже.

Да что ж это такое, господа! Вот здесь ходили здоровые, молодые люди и добивали других, раненых, беззащитных!

Смерть изуродовала всех, кто остался на этом поле. Это вовсе не те чинные покойники в красных гробах, здесь валялись люди на спине, на боку, на животе, скорчившись, раскинув руки, валялись в самых неестественных позах, с залитыми кровью лицами, с вытаращенными глазами, в которых, кажется, и сейчас еще был виден ужас.

В газетах много пишут о жертвах и зверствах фашизма, читают это все, а представляют не многие. И я не представлял, не мог представить такого. То, что мы видели воочию, было следами дикого, страшного преступления. Это страшнее, чем след войны, это след фашизма.

– Нужно осмотреть хотя бы этого убитого. Может, документы у него, – указал Попов на убитого на обочине дороги.

Слова Попова ни к кому конкретно не адресовались, поэтому все молчали и не изъявляли готовности обшаривать карманы убитого.

– Ну, кто смелый? Чего молчите? – уже громче сказал Попов и снова не получил ответа.

– Давайте я, – вдруг вызвался Хорьков. – Подумаешь, чистоплюи!

«Чистоплюи» стояли молча. А Хорьков, что ж, парень без предрассудков – он быстро перекапнул труп на спину... нам открылись светлые, невидящие глаза убитого, его открытый рот, половина лица залита кровью. Он словно еще кричал, молил, требовал помощи...

В карманах убитого документов не было. Хорьков нашел треугольничек письма, медальон смерти, кисет, зажигалку, сделанную из медной гильзы нашего винтовочного патрона. Зажигалку и кисет он сунул себе в карман, а остальное барахло передал Попову, тот убрал найденное в полевую сумку.

– Все, товарищи, хватит. Пошли вперед! – скомандовал Ласточкин. Вперед первыми снова пошли разведчики головного дозора.

* * *

Справа от дороги, прижимаясь к посадке, шагали Суменков и Соловьев. Крепкие, уверенные в себе ребята, и шаг у них неторопливый, широкий, твердый. Мы видели их спины в зеленых маскхалатах с коричневыми, похожими на амёб пятнами. Справа от посадки шли Осейкин и Дубинин. Осейкин – парень среднего роста, плечистый сибиряк, голова коротко острижена, лицо все в небольших белых шрамах. На чалдона* ёлка упала, всего исцарапала – шутили ротные остроловы. Осейкин был парнем молчаливым, немного замкнутым, но на шутки не обижался. Он и в этот раз шагал молча, сосредоточенно посматривая вперед и вокруг, шагал, стараясь не отставать от ребят, которые шли от него слева за посадкой, и не забегать вперед. Идти было тяжело: шагни вправо – и под ногами какая-то развороченная земля (видно, весной трактором пахали), шаг влево – и бьют по лицу колючие ветки акации, стоит крепкий, как дерево, высокий репейник. За маскхалат уже зацепились вездесущие репы и множество еще каких-то мелких серых семян. За Осейкиным шагает Дубинин – худой, жилистый и выносливый парень лет двадцати трех, по нашим ротным меркам уже старик. Дубинин, единствен-

* Чалдон – название коренных русских в Сибири.

ный в роте, не расстается со своей винтовкой СВТ. Самозарядная полуавтоматическая винтовка очень капризна, отказывает при стрельбе постоянно, если в её сложный механизм попадет хоть одна песчинка. Бойцы не любили этого оружия. Упрямый Дубинин, в гражданке хороший слесарь, решил довести эту винтовку «до ума», каждую свободную минуту он разбирал её, что-то точил напильником, даже клепал – не расставался он с полюбившейся СВТ, и она его не подводила.

Шли, конечно же, молча: в поиске, а тем более в головном дозоре, болтать смертельно опасно. То, что осталось там, на поле после разгрома нашего отряда, настораживало и испортило настроение. И мы тоже – гуси. Оставили убитых. Будут тлеть их трупы возле этой проклятой дороги...

А погода портится. Из серых туч посыпал мелкий дождь. Ветер усилился, раскачивалась и шумела акация. Дорога плавно, широкой дугой поворачивала влево. Впереди, что-нибудь около километра, перпендикулярно нашей – еще посадка. Деревья там на равном расстоянии друг от друга, так всегда бывает около большой дороги.

Дождь словно туманом всё подернул, даже зелень впереди стала серой. Брюки маскхалата у ботинок становятся сырыми и грязными. От Верхнего Акбаша прошли, наверное, километра три, а дорога по-прежнему пуста. Это, может быть, и хорошо, но чувствовалась опасность в этой безлюдности. Осейкин человек опытный, он повидал многое, поэтому идет осторожно, не вылезает в открытое поле.

Он не знал, откуда ведет та дорога, что была за перпендикулярной посадкой, да это и неважно, но, похоже, что там еще и ручей или речка какая-то, значит, мост должен быть, вот здесь-то и надо смотреть – место для засады и для мин самое подходящее.

Внимание Осейкина привлёк внезапно возникший неясный шум.

Он поднял руку, остановился, вошел под ветки акации и стал смотреть. Дубинин мгновенно последовал его примеру. А шум, похожий на треск многих моторов, стал слышен более явно, он приближался.

Еще немного и ребята заметили, как там, впереди, за посадкой замелькали между деревьями мотоциклы и еще что-то большое и серое. Треск моторов стал слышен отчетливо, и сомнений не было – большой моторизованный отряд движется к нашей дороге, и он непременно свернет по ней либо к Дейскому, либо в нашу сторону. Всегда следует ориентироваться на худший вариант, поэтому Осейкин ужом проскользнул колючую посадку, за ним Дубинин, не теряя времени.

– Полундра, – Осейкин не крикнул, а сказал это Суменкову.

Соловьев с Суменковым тоже услышали моторы и остановились. Они еще не видели противника за своей посадкой.

– Что там?

– Мотоциклисты и броневик какой-то, не разобрать сколько. Они выезжают на нашу дорогу.

– Давай, ребята, жми со всех ног. Нужно предупредить группу, а то вяпаемся, – решил Суменков.

Мы сразу заметили, как ребята нашего головного дозора, часто оборачиваясь, торопливо не шли, а бежали к нам и по всему поняли, что там у них что-то случилось. Шума моторов мы еще не слышали, может, ветер глушил эти звуки, может, шаги скрадывали звуки, мы остановились и тут до нас донесся треск мотоциклов.

– Впереди моторизованный отряд противника. Нам навстречу идет. Ближе уже. Его численность установить не удалось, посадка мешает.

Доклад Суменкова был предельно краток.

– Всем в посадку! Развернуться цепью! Оружие к бою и без команды не стрелять! – скомандовал Ласточкин.

В течение нескольких секунд дорога опустела. Мы укрылись в посадке, залегли цепью метрах в двух друг от друга, защелкали затворы автоматов.

– Не стрелять без команды! Я первый стреляю! – снова повторил Ласточкин.

Я лежал в посадке у ствола довольно крупного дерева, вжимался в землю и, видимо поэтому, плохо видел дорогу, к тому же куст высокого репейника мешал обзору. Шум моторов был слышен хорошо, и этот звук нарастал с каждой секундой. Противника пока не видно, а в голове вихрем неслись сумасшедшие, обрывочные мысли: «Началось!... Неужто это и вправду немцы? Может быть, я сплю, может быть, всё это кошмарный сон, бред?.. Нет, я сейчас увижу их... Первый раз в жизни увижу живых немцев! А если они меня увидят первыми?.. Мне нужно будет стрелять!.. Это не просто враги, это живые люди, а я в них буду стрелять!.. Неужто они и вправду сейчас будут здесь?»

Эти немцы, которых я был должен сейчас увидеть, вдруг показались мне неуязвимыми, вездесущими и всевидящими. Мне казалось, что им отлично известно, что мы, как последние дураки, затаились в этой несчастной посадке. Мы, конечно, будем в них стрелять, но это же немцы, и наши пули не принесут им никакого вреда, а они будут нас расстреливать из своих «шмайссеров» и пулеметов... Наши пули будут от них отскакивать, как горох от стенки. Они остановятся, будут громко смеяться и показывать на меня пальцами... Для меня это первый бой, а эти фрицы пришли сюда из самого Берлина... Неужто я бессилен? Неужто я жалок? Неужто я трус?!.. А, черт возьми! Скорее бы уж, скорее бы! Страшна не столько пуля, сколько её ожидание. Держись! Главное, теперь держись... Где же ребята? Где они?

– Не крутись! Лежи спокойно! – цыкнул на меня Подосенов.

Гул и треск моторов нарастал... Оказывается, вот чем может обернуться эта предательская пустыньность дороги! Чужало сердце! Сторона дороги, где были мы, была чуть повыше её полотна, на другой стороне посадки не было, там луг с небольшим уклоном в сторону дальних кустов.

Треск мотоциклетных моторов слышен отчетливо, кажется, они уже совсем рядом... Вот они! Немцы!!! Самые настоящие немцы!!! Это теперь уже не шутки, не кино, не залихватские рассказы... Вот они! По дороге неторопливо катило машин десять-двенадцать. Я видел их совсем рядом. Они не торопились, внимательно рассматривали нашу посадку... По всему видно, что они тоже изготовились и едут, чтобы убить меня и их больше, чем нас, они лучше вооружены, с ними бронетранспортер, который неуязвим для нашего оружия...

Я боялся поднимать высоко голову, поэтому не мог рассмотреть все как следует... Вот они, мотоциклисты! Я вижу их по пояс, они все в касках, сытые, крепкие рожи, серо-зеленые френчи у одних, некоторые в накинутах плащ-палатках. Все мотоциклы с колясками, на каждой машине трое немцев, у многих впереди на колясках укреплены пулеметы... Что будет! Что сейчас будет?! На дороге синий дым от выхлопных газов... Едут медленно сукины дети... От меня до них не больше 20-25 метров... Я вижу их лица! В голове вдруг пропали все мысли. Я лежал с взведенным автоматом и ждал команды...

Всё! Больше ни слов, ни мыслей! Здесь я, а рядом со мной испытанная, проверенная, жестоко-равнодушная, безотказная и умело устроенная машина убийства, она готова расстрелять и вдавить колесами меня в эту чужую землю... А я тоже неожиданно почувствовал себя затаившимся хищным и злым зверем... Проклятый репейник, он мешает мне видеть цель! Переползать поздно, шевелиться нельзя. Малейшее неестественное движение ветки, и мы сразу лишимся главного своего преимущества – внезапности. За мотоциклистами бронетранспортер с крупнокалиберным пулеметом впереди... Внезапность! Такая ли уж это внезапность? Похоже, немцы приготовились к неожиданностям. Каски, защитные очки, плащ-палатки, мундиры, руки в перчатках... Вот они! Рядом, за стебельками тонкой рыжей травы... Всё! Теперь только бой! Уже поздно что-либо менять! Только бой!.. Сплошной треск моторов, синий дым над дорогой... Тела своего не чувствую, одни напряженные, струною натянутые нервы, одно ожидание страшного момента первого выстрела... Автомат взведен, приклад у плеча, палец на

спусковым крючке, обрез прорези и мушка на плече первого мотоциклиста, его серый контур проплывает мимо меня... Немцы что-то громко кричат друг другу, стараясь перекричать треск моторов. Не боясь, сволочи, катают как дома, по нашим дорогам!

Первый, второй, третий мотоциклы проплывают мимо меня. Вот он и бронетранспортер, здоровый, серый с белым крестом на борту. Как шляпки поганых грибов на пеньке торчат над броней открытого верха каски. А одного видно по поясу. Он в своём зеленом мундире стоит за щитком пулемета... Этого нужно сшибить сразу, этот может дать нам шороху! Я держу его на прицеле... Ну же, ну! Почему не стреляют?! Что там молчит Ласточкин, они же сейчас проедут. Может, он пропустить их хочет? Я веду ствол автомата, не спуская с прицела пулеметчика в бронетранспортере... А может, действительно их лучше пропустить, там пэтээровцы...

И вдруг очередь – хлесткая, длинная, и с первыми ее выстрелами вся наша посадка словно взорвалась этими очередями. Я нажимаю на спусковой крючок. Стрелять мне удобно, с моей стороны этот пулеметчик не защищен броневым щитком. Автомат лихорадочно бьется в руках. Пулеметчик в бронетранспортере взмахнул руками и исчез внутри машины. Бронетранспортер остановился, один мотоцикл почти воткнулся в нашу посадку и заглох, второй отвернул в другую сторону, перепрыгнул мелкий кювет и, виляя, покатила в поле, третий опрокинулся в кювете на бок и крутится колесо его коляски. Кто-то выскочил из посадки и швырнул в бронетранспортер гранату, она не долетела, рванула сбоку машины. И всё это в одно мгновение. Еще один мотоцикл развернулся, замер посреди дороги, с него стали падать люди, а он вспыхнул пламенем, вначале без дыма, а потом потянулись языки копоти. Прошла еще секунда-другая и по посадке ударили длинные, пулеметные очереди. На меня посыпались листья, ветки, внезапно сама земля брызнула искрами, песком прямо в лицо, в глаза. Глаза запорошило, я ничего не видел, но куда-то стрелял... Еле протер глаза... Бронетранспортер откатывается назад, какие-то мотоциклы прячутся за его броней, две машины, подпрыгивая, несутся назад по лугу. На дороге валяются солдаты в серо-зеленой форме, один из них приподнимается на руках, но вокруг него пули клюют дорогу и он падает лицом вниз.

– Бей сволочей! – кто-то кричит в нашей посадке.

Не успел замолкнуть этот голос, как басовитый, оглушительный треск крупнокалиберного пулемета заглушил, подавил все остальные звуки. Он бьет разрывными, молотит нашу посадку. С деревьев падают, повисают на белых жилах разломанной древесины целые сучья, посадка наполняется синим дымком от разрывов этих пуль. Я буквально вжимаюсь в землю, а пулемет бьет, не умолкая, стреляют пулеметчики с мотоциклов. Опомнились, гады! Нашу посадку буквально косят пулеметным огнем, и я чувствую, что дальше опасно оставаться на одном месте. Бронетранспортер отошел от нас метров на сто и с этого расстояния, как в тире, поливает нас струей разрывных пуль. Мы ничего не можем теперь поделать с этим бронетранспортером, автоматные очереди не причиняют ему вреда. А он вдруг взревел мотором, выбросил клубы выхлопного дыма и медленно двинулся вперед, ближе к нам. Я не могу глаз оторвать от стального чудовища, меня поражает сознание собственного бессилия. Кто-то толкает меня в бок. Гогаберидзе молодой совсем парень, машет мне рукою и ползет в глубину посадки. Всё ясно, мы отходим. Теперь мне нужно тоже предупредить соседа справа. Как доползти до него? Невозможно поднять головы, это просто какая-то дикая молотба. Кажется, сейчас больше и деревьев не останется.

Был бы хоть малый окопчик! Но, шут его знает, где тебя достанет пуля! Отполз чуть правее. Дубинин стреляет из своей СВТ бронебойно-зажигательными... Махнул ему рукой, он увидел, кивнул головой – понял... Мы укрываемся за посадкой, быстро отползаем. Здесь спасает нас от пуль канава на краю вспаханного поля. Немцы продолжают обстреливать то место, где мы только что были, а мы ползем, потом, пригнувшись, отбегаем вдоль посадки. Пули пронзительно и злобно свистят, визжат от рикошета, нас подгоняют пулеметные очереди. Откатились метров на 250 и снова залегли в посадке.

На огонь противника мы пока не отвечаем. Бронетранспортер остановился против того места, где мы лежали в засаде и продолжает истязать посадку. Уцелевшие мотоциклисты бьют из пулеметов веером, пули щелкают по веткам, снова падают сбитые листья, но огонь уже не такой плотный. Видно, как немцы, прикрываясь этим огнем, торопливо подбирают своих убитых и раненых. Что потом предпримет противник? Пустится за нами в погоню? Тогда плохо, я не представляю, как мы справимся с бронетранспортером – больше они не пролопоушат. Лежим, не шевелясь, и огонь противника начинает стихать. Бронетранспортёр стоит на дороге и водит стволом пулемета для острстки, бьет короткими очередями вдоль посадки. Похоже, немцы нас потеряли. За бронетранспортёром немцы торопливо суетятся, потом срываются с места мотоциклисты, они уходят назад. Бронетранспортёр на прощание закатил длинную очередь по посадке, отошел задним ходом, развернулся и покатил вслед за мотоциклистами. Покалеченные мотоциклы они бросили. Снова становится тихо. В этой неожиданной тишине слышен чей-то голос ...бинта не хватило. Кровь садит. Давай еще пакет... Перетяни ему руку...

Голос говорящего неестественно громок, а кто говорит – узнать не могу, в ушах всё еще звенит от стрельбы. У нас один разведчик ранен, пуля попала ему в правый локоть. Рана, видно очень болезненная, он стонет, глаза зажмурил и зубы оскалил. Яркого-красное пятно расплывается на бинтах, рукав гимнастерки разрезан ножом.

– Раненого нужно отправить немедленно, – это, по-моему, Попов говорит.

– Ты ногами идти сможешь? – спрашивает раненого Ласточкин. А что спрашивать! Куда ему еще деваться? Ласточкин отправляет в качестве сопровождающего одного салажонка, что покрепче. После ухода раненого еще минут десять мы пролежали в посадке. На дороге снова было тихо и пустынно, дождь вроде перестал, против того места, где была наша засада, догорал мотоцикл...

Это был мой первый бой! Выдержал я его или нет? Кто скажет, кого спросить? Об этом не спрашивают, об этом молчат. В ушах еще звон стоит от стрельбы и руки дрожат мелкой противной дрожью. Испугался? Если честно, то конечно. Особенно этот бронетранспортер проклятый!

Что теперь решит Ласточкин? Идти, как шли – опасно, можно нарваться на засаду... На дороге дымит один мотоцикл, около нашей посадки стоит второй, на противоположной стороне дороги – третий, дальше в поле, метрах в двухстах от дороги, на лугу четвертый. Все машины с колясками...

Неужто, мы им врезали? Это мы и я, салага, в том числе!? Получилось здорово, но радости я почему-то не чувствую. Ребята ждут: что сейчас еще предпримут немцы, не может того быть, чтобы вот так они и смылись умытыми.

Ласточкин послал Медвинского с тремя разведчиками осмотреть мотоциклы, собрать документы, письма и прочую муру. Мы ждем ребят в посадке и пока не сменили позиций. Ласточкин в бинокль рассматривает дорогу, дальнюю поперечную посадку, откуда появились немцы.

– Товарищ лейтенант, перекурить бы это дело, – гудит Авдеев.

– А потерпеть нельзя?

– Больно уши пухнут. Да и ребятам пора нервы успокоить.

– Курите, забодая вас комарь, только без фокусов, на дорогу и в поле не вылезать!

Над головой шумят на ветру ветки акаций. Ребята понемногу успокаиваются, и слышно как Костя Кудряш кому-то говорит торопливо и возбужденно: – ... а я, значит, как врежу ему, как врежу, фара у него вдребезги и сам с машины!

– Ага, я видел, – отвечает кто-то, – а я тому, что в бронетранспортере, в морду очередью...

– Ладно вам! По фаре, в морду!.. Хватит трепаться! – это Данилов говорит. – Только вы и стреляли? Стреляли все и на этот раз здорово. Если бы не этот гад, бронетранспортер, мы бы их всех здесь оставили...

Разговор перебил чей-то тревожный возглас:

– Ракета!

Из-за дальней поперечной посадки взлетела в серое небо яркая мерцающая розовая искра, на секунду она зависла в воздухе и стремительно упала.

– Вон они где, гады! Что там еще этот Медвинский копается! – сразу чего-то занервничал Ласточкин.

А Анатолий не видел ракеты и действительно не очень торопился.

Теперь становилось ясно, что для врага была неожиданностью наша засада. Немцы обескуражены, и возможно, напуганы, но далеко они не ушли, они где-то рядом и не оставят нас в покое... Что же копаются там Медвинский!? Все понимают, что нам нужно, как можно скорее, сматывать отсюда удочки.

Наконец ребята вернулись. Оказывается, немцы успели собрать не только всех своих раненых и убитых, они успели пулеметы снять с мотоциклов, пока нас бронетранспортер держал под огнём своего пулемета...

– А у них это дело здорово поставлено. Порядочек у сволочей, – сокрушенно сказал разведчик Курочкин, и все невольно вспомнили брошенные трупы наших солдат там, сзади нас, у дороги.

– Внимание! – громко оказал Ласточкин. – Впереди за лугом кусты видите? Похоже они вдоль канавы какой-то. Вот туда группами по четыре-пять человек бегом!

Первыми побежали разведчики головной дозора, за ними остальные. Здесь действительно какая-то канава, по краям заросли кустов, похоже, пересохший арык. Вдоль этого арыка мы и пошли дальше, снова вперед. Теперь дорога от нас справа и на порядочном расстоянии. Идём осторожно, противник здесь где-то рядом, и если на этот раз пролопушим мы, то заплатить за это придется жизнью. А ребята идут спокойно. Может, они не понимают?

Шли молча минут пятнадцать и вдруг снова стремительно нарастающий шум моторов.

– Воздух!

Над дорогой низко летели два странных самолёта. У каждого два фюзеляжа и сзади кабины летчика толкающий винт между тонкими фюзеляжами. Самолеты летели совсем низко над дорогой и ударили из пулеметов по посадке примерно в том месте, где мы вели бой. Потом самолеты где-то развернулись, снова пронесли над дорогой и дробно стучали их пулеметы. Вовремя мы убрались. Ребята затаились в своих кустах и молча наблюдали, как штурмовали, прочесывали огнём придорожную посадку два истребителя, два Фоке-Вульфа-198.

Самолеты ушли, затих шум моторов.

– Кончай ночевать. Пошли! – снова подал команду Ласточкин и снова мы двинулись цепочкой, напряженно вслушиваясь в шум ветра, в шелест листьев, старались заблаговременно поймать звуки приближающейся опасности.

Вскоре дорога как-то незаметно приблизилась к арыку, вдоль которого мы шагали. Здесь был небольшой деревянный мост и развилка дорог. На непросохших досках настила следы шин. Нам нужно шагать к Дейскому, а что делать с этим мостом? Оставить его фашистам? Толовых шашек у нас не было, костер разложить было невозможно.

– Погодите! Шагайте вперед. Оставьте мне пяток гранат и пусть Осейкин останется.

Мы пошагали вперед, а двое ребят остались. Вскоре послышалось несколько звонких взрывов гранат. Мы остановились, подождали ребят.

– Порядок. Без ремонта не проедут, – доложил, вернувшись, Сашка Суменков, а Осейкин уже потом добавил:

– Мы по настилу гранатами – только пыль да щепки летели.

Ребята устали. Большой переход, напряженный бой, нависшая над нами опасность изрядно вымотали силы. Шли молча.

Только сейчас я заметил, что фуражка у Попова прострелена, голова перевязана и по лицу размазана кровь. Зацепило мужика, а он храбрится, не показывает вида,

держится. Ребята, видимо чуя опасность, не проявляют особого желания долго сидеть в этом неудобном месте, поэтому команда «кончай ночевать» выполняется без промедления. Впереди снова головной дозор, но теперь повышенное внимание уделяется и арьергарду, где шагают Попов с Медвинским. Если мост, от которого мы ушли, станет непроезжим, то увеличится вероятность того, что немцы двинутся за нами следом. Здесь уж не зевай! Дорога снова пустая, безлюдная, чуть слышно звенят бездействующие телеграфные провода. Тучи над головой светлеют, появляются яркие белые просветы.

Шагали не менее часа, и пришли в Дейское. Станица это или поселок, нам неизвестно, но это большой населенный пункт. По всему Дейскому грохочут взрывы мин и снарядов, на северной окраине что-то горит, черные клубы дыма сносит в сторону ветер. Где-то там, на окраине, захлебываются от длинных очередей пулеметы – бой идет. Обстановки мы не представляем и спросить не у кого, изуродованные воронками улицы пусты, здесь, похоже, и жителей не осталось. На дороге перепутанная железная проволока с телефонных столбов, обрубленные осколками ветки деревьев, камни от разбитых плитняковых изгородей.

Наконец увидели двоих связистов, которые, опасливо прислушиваясь к визгу и близким разрывам мин, тянули связь.

Связисты народ особенный, к ним подход нужен. Они знают все последние новости, им известны расположения штабов, частей, артиллерии, от них нет секретов, недаром же наши ротные старики говорят, что нет более ценного языка, чем связист.

Первым к связистам подкатился Суменков, здесь, в Дейском, он шел с основной группой, надобность в головном дозоре отпала.

– Привет, братья!

Братья ответили неохотно, подчеркивая собственную занятость. Опасаясь, что Суменков ничего от них не добьется, к разговору присоединился Попов. Его командирская фуражка, перевязанная голова, пистолет на боку, полевая сумка, видимо, произвели некоторое впечатление, но не настолько, чтобы они стали разговорчивыми.

– Товарищи бойцы, где ближайший штаб? – спросил Попов.

– А вы кто такие? – в свою очередь поинтересовались связисты.

– Я бригадный разведчик.

– А-а! Не знаем.

– Не валяйте дурака, ребята, у нас очень важное дело, – снова начал Суменков.

– Сказано, не знаем.

– Куда ж вы, охламоны связь тянете?

– А это наше дело.

Тут произошло непредвиденное и немного смешное:

– Отойди, лейтенант! – вдруг грозно выступил бородатый и очень солидно выглядевший Авдеев. Он небрежно локтем отстранил Суменкова и командирским, не допускающим возражений, тоном скомандовал связистам:

– А ну, встать, как положено!

– Товарищ подполковник, разрешите я сам... – мгновенно подыграл Суменков голосом услужливого подчиненного.

– Лейтенант, встаньте в строй! – снова скомандовал Авдеев и, указав потом пальцем на пожилого связиста, строго произнес:

– Боец, подойдите сюда!

Естественно, что под маскхалатом не было видно знаков различия, но весь вид Авдеева был серьезным и внушительным. Немного напуганный видом Авдеева, связист подошел к Авдееву, козырнул и доложил:

– Рядовой Тузенко.

– Плохо! Очень плохо, рядовой Тузенко! Кто так докладывает? Что за вид? Забыли, как к командиру подходят?!

Авдеев Гришка явно входил в роль.

– Виноват, товарищ подполковник...
– Отставить! Куда связь тянешь?
– На батарею, товарищ подполковник.
– К старшему лейтенанту Митрофанову? Тогда передайте ему, что подполковник Климашевский..., – Авдеев нарочито потянул время, т.к. решительно не знал, что следует передать выдуманному старшему лейтенанту.

Выручил его сам связист:

– Виноват, товарищ подполковник, мы не туда... мы к лейтенанту Вовченко, к сорокопятчикам, на батарею...

– Ну, тогда другое дело. А где Вовченко?

– Да ось, метров триста отсюда, справа от дороги.

– Ладно. Не болтай лишнего! Давай связь быстрее. Из-за вас, разгильдяев, только морока одна! Коли через двадцать минут вы мне связь на батарею не дадите, всех к чертовой матери, в пехоту направляю. Больше терпеть не буду! Хватит с меня!

– Виноват, товарищ подполковник...

– Отставить! Виноват, виноват... Заладил как попугай. Бегом связь давайте! Чего рты поразинули?!

– Слушаюсь. Разрешите идти?

– Разрешаю.

Авдеев повернулся и пошел к ребятам.

– Ну, ты даешь! – искренне удивился лейтенант Попов.

Теперь мы знали, что впереди есть еще батарея сорокопятков лейтенанта Вовченко и она от нас в трехстах метрах справа от дороги. Мы и пошли в этом направлении.

Батарея противотанковых сорокопятимиллиметровых пушек (сорокапятков) разместилась возле полуразрушенного домика, справа от дороги за плитняковой оградой. Ограду артиллеристы тоже почти всю раскидали, чтобы можно было просунуть низко посаженные стволы пушек. Две пушки стояли здесь под деревьями, а одна правее, на соседнем участке. Командир батареи, до смерти уставший, небритый лейтенант встретил людей в масках латах немного подозрительно.

– Кто такие?

– Лейтенант Вовченко? – в свою очередь осведомился Ласточкин.

– Я.

– Тогда, здравия желаю. Лейтенант Ласточкин, командир разведроты бригады. Имею специальное задание. Как у вас здесь обстановка? Связи еще нет?

Вовченко рассказал, что противник здесь рядом, передовые части немцев закрепились по существу на окраине Дейского. С утра удалось отбить две атаки противника и с тревогой ожидают очередную. Держаться нечем, снаряды почти все израсходованы. Связи нет ни с артдивизионом, ни со штабом бригады. Люди у него голодные, с самого утра на подножном корму. Часа три назад ушел в дивизион связной и как в воду канул. В свою очередь, мы тоже не утешили лейтенанта. Он никак не мог поверить, что по дороге на Верхний Акбаш, т.е. в нашем тылу, свободно разъезжают немцы, мосты оставлены им целыми и на дороге ни единой нашей души. Командир батареи был уверен, что дорога эта надежно прикрыта нашими стрелковыми батальонами.

По словам Вовченко, рядом с батареей возле дороги окопались два пулеметных расчета, левее еще какие-то части, но связи с ними нет. Что и говорить, обстановка невеселая. Лейтенанта особенно беспокоило направление, где находилась школа, по его словам здесь вообще никого не было. Ласточкин пообещал артиллеристу, что это направление временно прикроют его разведчики, т.е. мы, а как только появится связь, лейтенант даст нам знать.

Недалеко от школы, по обеим сторонам дороги действительно были огневые двух станковых пулеметов. Пулеметчики тоже жаловались, что патронов маловато, жрать нечего, но главное, не осталось совсем табака, а пушки сами побираются. Мы, конеч-

но, поделились табаком и снабдили ребят хлебом. Пулеметчики были уверены, что наше появление это только начало и за нами непременно придут и пехота, и автоматчики, и даже их старшина с кухней.

Около школы мы устроили капитальный перекур, добились остатки сухого пайка и ждали, что скажет Ласточкин.

– Ну вот что, забодай вас комарь: Суменков, Данилов, ну и еще Курочкин с Гогаберидзе – все пойдете со мной. Нам нужно связь с соседями установить и понять, где противник. Медвинскому – расставить ребят в оборону здесь, возле школы, а вы, – Ласточкин обратился к лейтенанту Попову, – попрошу, возьми двоих разведчиков и быстро в роту. В Эльхотове доложите всю обстановку, не стеснясь. Расскажи про весь бардак, который мы видели. Потом нужно узнать, доставлен ли раненый в медсанроту. Проверь, как там старшина, мать его за ногу, чтобы ужин был готов часам к девяти вечера и еще передай, чтобы немедленно две повозки послал за нами, и пусть они ждут нас здесь, у дороги, при въезде в Дейское или в крайнем случае на северной окраине Ивановского. Если Анохин вернулся, без меня штабу о результатах не докладывать. Вот насчет санинструктора поговори, – что ж это за порядок, забодай их комарь, до сих пор у разведчиков санинструктора нет. Да, бабу в случае чего не бери – тут наши жеребцы взбесятся. Всем всё ясно?

– Ты, лейтенант, пошли в роту Данилова или Медвинского – они не хуже моего управятся. Я хотел бы сегодня в роте побыть, – запротестовал было Попов, но Ласточкин стоял на своём. Вообще-то он был прав. Попов, ко всему прочему, был ранен. Терпел лейтенант, но ведь всем было видно, что мучает его рана.

Политрук взял с собой Хорькова и еще одного молодого парня из салажат, и они все трое двинулись в обратный путь в направлении Плановского. Предстояло им проделать немалый путь, но Хорьков парень ушлый, какую-нибудь попутку он непременно поймает.

Когда ушел Попов и скрылся с глаз Ласточкин, меня послал Медвинский зачем-то осмотреть школу. Длинное одноэтажное здание с высокими окнами, открытое крыльцо без навеса, на выкрашенных охрой дверях амбарный замок. Вот первое препятствие. Ударил в дверь ногой, но она и открывается наружу, поэтому мои удары ровным счетом ни к чему не приводили. Увидев мою беспомощность, поднялся на ноги Бельтюков, выплюнул окуроч и, не торопясь, подошел ко мне:

– Салага ты и Пауст! Чему тебя только учили? Смотри как надо!

Гришка взялся обеими руками за дверную ручку и, что было силы в его железных мышцах, резко рванул её на себя. Ручка двери отлетела, а Гришка, не удержавшись на ногах, скатился со ступенек крыльца. Бельтюков растирал ушибленное колено, а ребята держались за животы от смеха.

– Ух, трактор! Ух, ЧТЗ проклятый!

– Салаги чертовы, – проворчал Авдеев. Он встал, подошел к двери, осмотрел замок и петли, потом достал руками верх доски и рванул её на себя раз, другой, и заскрипели ржавые гвозди. Авдеев чисто по-медвежьему корежил дверь и доски не выдержали, он их выдрал от поперечных планок вместе с замочными петлями.

– А ты боялась! – ухмыльнулся Авдеев.

Глядя на нас, ребята покатывались со смеху. Мы трое, каждый по-своему, старались приложить свои знания и силы к тому, чтобы разломать дверь, а Медвинский под дружные взрывы хохота комментировал наши старания. Когда Авдееву удалось руками сломать дверь, смеялись буквально все. Почувствовав какой-то подвох, Гришка Авдеев смотрел на ребят, пытаясь понять, над чем они смеются. А Анатолий Медвинский показывал рукой на Авдеева и сквозь смех говорил:

– Долбляк, охламон бородатый... Ой, не могу больше... Нет, вы только посмотрите на него! Чертов ты медведь, тухес* надо иметь, – при этом Медвинский постучал себя по

* Тухес (пер. с иврита) – задница.

лбу костяшками пальцев. – Все окна настезь, стекла в рамах выбиты – иди, не хочу, а они, долбяки, стараются, они дверь ломают! Нет, вы посмотрите на них! Кого в разведку берут, а?!

И снова сплошной смех. Бельтюков хмыкнул и пробурчал:

– С этим Паустом только свяжись...

И опять взрыв хохота. А ведь действительно! Вот же окно, рамы распахнуты и без стекол. Я ухватился за подоконник, подтянулся и вот уже в школьном коридоре, а ребята заливаются еще пуще:

– Нет, все! Я пошел, ребята! Я не могу больше, – смеялся Медвинский. – Вы только посмотрите на этого салагу. Это ж надо – сломать дверь, а потом лезть в окно!

Да, и впрямь нескладно вышло. Теперь они, гады, мне проходу не дадут.

Школьный коридор, напротив несколько дверей в классы. Ни одного целого стекла, ни одной неповрежденной рамы. На крыше школы, видно, взорвалась мина, разворотило взрывом железные листы, пробило потолок над коридором. На полу крошево обрушившейся штукатурки, битое стекло скрежещет под ногами. Классные двери не заперты, растворены настезь...

Сколько времени я не видел школьного класса! Мне нестерпимо захотелось немного посидеть за партой. Я уселся на светло-коричневую скамейку, на черный покатым столик положил свой автомат. Вот так вот – автомат вместо учебников и тетрадей! Неожиданная точка в моем школьном образовании. На секунду мне показалось, что я в нашем 9-м «А» классе московской 584-й школы. Вот сейчас войдут мои одноклассники, вот секунда, я и голоса их услышал – такой привычный и милый сердцу нестройный гам... Нет, не открылась дверь. Господи, сон какой-то! А что сон? То, что было или то, что есть? Как оказывается дорога, как мила эта древняя музыка далеких школьных дней! Даже горло сдавило что-то. Неужто всё бывшее утрачено теперь навсегда? Суждено ли увидеть кого-нибудь из моих старых школьных друзей? Почему я не догадывался, какими дорогими они могут быть все, все до единого! Конечно, в московской школе классы попросторнее, чем здесь, и света в них побольше, и парты в три ряда, а здесь в два. Здесь, в классной комнате, вдоль стены, напротив окон, шкафы со стеклянными дверцами. Стекла почти все треснутые или вообще выбиты, хрустели осколки под каблуками. В среднем шкафу я заметил чудом уцелевший и всеми забытый школьный гальванометр – деревянный ящик, за его стеклом большая белая шкала с яркими черными делениями, серебристая, с красным концом, длинная и легкая стрелка, красно-синий массивный магнит, никелированный сердечник и тонкий волосок пружинки – ну всё точно такое, как в кабинете физики в нашей школе. Гальванометр! Это был предел нашей мечты с Юркой Ковалевым – моим товарищем. Как нам хотелось иметь такой гальванометр – он нам был нужен просто дозарезу. Без него мы не могли поймать слабое движение электрического тока, которое должны были дать наши самодельные приборы. У нас с Юркой было общее хозяйство: электромоторчик, трансформатор, прорва катушек с проволокой, электродинамик и тот был, а вот гальванометра не было. А здесь вон он стоит – бесхозный и уже никому не нужный, всеми забытый и обреченный. Может быть, в следующую минуту разнесет его взрывом мины.

Я подошел к шкафу и потянул дверцу с треснувшим стеклом за жестяную штампованную ручку, дверца скрипнула и открылась. Взял я в руки гальванометр, а он тяжелый – еще бы, вон какой магнетище с литым сердечником...

Вдруг случилось что-то со мной. Вначале вроде бы машинально, безотчетно, толком не соображая, что и зачем я делаю, я поставил гальванометр на учительский стол, поддел финкой крышку, а потом, страшно торопясь, поминутно оглядываясь на классную дверь, стал снимать с доски сердце прибора. Я вывинчивал финкой шурупы и винты, снял магнит с сердечником, обломил у основания тонкую и хрупкую стрелку, потом завернул магнит с сердечником в чистую запасную тряпку и сунул это добро в веще-

шок. Всё это я проделал торопливо, воровски, пугаясь, что кто-нибудь из ребят сейчас войдет в класс и застанет меня за этим неблагоприятным и непонятным занятием... А вдруг сюда войдет учитель этой школы или даже ученик? Что я им скажу? Нелепо, стыдно – я понимал это, но... «Ну, а что? Что здесь такого?!» – кричал во мне какой-то голос. «Вот влезет сюда какой-нибудь фриц и ударит автоматной очередью по всем этим шкафам! Или просто выбросит всё это добро, как ненужный хлам, в яму»... «Может еще индукционную катушку взять? В ней прорва отличного провода самого нужного сечения! Да нет... Шут с нею. Таскать тяжело. А гальванометр – такого второго случая может и не быть во всей моей жизни!» Примерно такие мысли точили душу, и гальванометр оказался в моём вещмешке.

Закончив своё «черное» дело, я подошел к окну, выходявшему в школьный огород. Вся рама покалечена, ни одного целого стекла. В огороде несколько свежих воронок. Взрывами искромсано всё, что было на том участке. Чуть в стороне высокий подсолнечник с черными тяжелыми лепешками семечек, кое-где молодые побеги сверкали золотыми цветами, словно солнечные искры.

В классную комнату заглянул Костя Кудряш:

– А, это ты здесь? Чего это ты здесь ломал? – Костя кивнул головой на растерзанный ящик гальванометра.

– Да так я.

– Ну, валяй! Только посматривай, что-то немцы там зашевелились. Слышишь, как долбать начали?

Кудряш вышел. Мины действительно рвались часто и где-то правее нас. У нас было относительно тихо, но Кудряш прав – зевать не следует. Пока я решил дозарядить диск. У меня в карманах были рассыпанные патроны. Ничего нет удобнее, сидеть за партой и заряжать автоматный диск! Едва я успел справиться с этой работой, как послышались всполошенные голоса: «Воздух! Воздух!»

За окнами нарастал прерывистый гул бомбардировщиков. Ветер разогнал низкие дождевые тучи, но вначале я ничего не видел – мешали деревья, а потом на фоне облачности я увидел тройки юнкерсов. Их зловещие косяки шли сравнительно низко и прямо над нами. Машины проплывали над школой... вот если сейчас они сбросят бомбы, то они будут нашими, вон их сколько и всё выплывают из-за деревьев! Вот сейчас завизжат и... и никуда уже не убежишь.

Юнкерсы прошли мимо, но через какие-нибудь пару минут раздались глухие, тяжелые взрывы где-то за Дейским или на его южной окраине. Земля и воздух задрожали от той бомбежки. Потом всё смолкло. Обрато юнкерсы прошли стороной и мы их не видели.

Я ждал, что сейчас вернется Ласточкин с ребятами, и мы куда-нибудь уйдем, потому что в один день не может быть несколько таких испытаний, как там, на дороге, так мне вначале казалось.

Мины рвутся и слева, и справа от нас, частой дробью заговорили пулеметы. А они, эти проклятые мины, оказались легки на помине. Воздух разодрал пронзительный визг, и он внезапно оборвался сразу тремя оглушительными взрывами. Не успел смолкнуть стон осколков, а в небе снова визг и снова взрывы. Ударил немецкие пушки. Вой snряда короткий, злой, резкий. Взрыв грохнул рядом со школой. Snряды и мины начали рваться непрерывно. В воздухе повисла пыль и едкий толовый дым. Впереди, на окраине, всё грохочет от взрывов, что-то горит, грязно-синий дым стелится над поселком. Взрывы, взрывы... Они сливаются в один грохот, без конца тяжелые взрывы! Я встал в простенок между двумя окнами и чувствую, как дрожит школьное здание, позвякивают в школьном шкафу какие-то колбы, весь мир в сплошном грохоте. «А, чертов переполох! Вот ведь лупит, вот долбает, вот даёт жизни!» Naших ребят что-то не слышно. Может, они отошли, а я сижу здесь, как дурак, жду, когда меня миной накроет... Вновь близкий, оглу-

шительный взрыв. Зазвенели и рассыпались стёкла шкафа, на потолке закачалась на проводе мертвая электрическая лампочка, в окно рванулись пыль, дым. И еще взрыв, где-то здесь, рядом. Я бросился бежать вон из класса, потому что мне показалось будто в школе никого, кроме меня, уже нет. Заглянул в соседний класс там несколько человек, в том числе и Медвинский. Посмотрел на меня, будто впервые увидел, спросил:

– Ты чего?

– А вы чего? Словно вымерли все!

– А ты что, один?

– Один.

– Беляков, ступай с ним. Одному не годится.

Беляков сидел у окна, я его и не заметил сразу. В это мгновение снова взрыв. Рядом! Ребята пригнули головы, со стены брызнула известковая пыль.

– Во! Это уже про меня! – Медвинский потряс головой, видно уши заложило, и вдруг пропел:

*Друзья, скажите маме,
Что нет сильнее драмы,
Чем поп у пса свинину отымал.*

У дороги залились очередями станковые пулеметы, посыпались звонкие, короткие очереди автоматов.

– Браты, к бою! Патроны беречь. Давай к окнам!

Мы с Беляковым побежали в свой класс. На полу известковая пыль и крошки, парты в белой пыли – осколки крошат штукатурку. Беляков у одного окна, я у другого. Стоим на полу на одном колене, стволы автоматов на подоконнике. Снаряды и мины рвутся рядом, осколки гудят шмелями, стонут, около шкафов на полу битая лабораторная посуда, искалеченные приборы. Справа начинают хлестко, со звоном, стрелять наши сорокапятики. Я ничего не успел увидеть и сообразить, как изо всех окон ударили дружно наши автоматы. Мишка Беляков тоже стреляет, и по полу катятся медные стреляные гильзы.

– Ты какого хрена не стреляешь?! – кричит Мишка. Лицо у него злое, желваки ходят под кожей.

– Куда стрелять? – кричу ему в ответ.

Тот дал короткую очередь и снова кричит:

– Тебя сейчас фрицы за задницу возьмут, мать твою!

А я, правда, еще ничего не видел. Вот там, на дороге, я видел цель, я знал куда стрелять, а здесь?.. Сидеть с автоматом в руках перед окном и молчать, когда все стреляют, – неприлично! Я это понимал и слышал, как разгорается перестрелка. В звонкую скороговорку наших автоматов стали вплетаться более редкие и глуховатые очереди немецких автоматов. Я не видел цели, но чтобы не молчать, вlepил короткую очередь в тарелку подсолнуха – брызнули черные искры семечек, и отвалился белый мясистый кусок подсолнуховой тарелки. Вроде бы ничего, не мажу... Пули взвизгнули рядом, ударили в стену, зазвенело стекло в шкафу. Стреляли в нас откуда-то из-за низенькой ограды, что за школьным огородом. Следующей очередью я ударил уже туда. Мне показалось, что кто-то перебегает в саду, за той оградой, и я стал стрелять туда, по этим движущимся целям. В наш класс залетели какие-то солдаты с винтовками, видимо из стрелковой роты. Они смотрели в окна шалыми глазами и один всё твердил:

– Жмут, гады. Транспортерами жмут! Всю передовую минами измолотили...

– Какого хрена торчишь против окна? Жизнь надоела? – ругается Миша.

Солдаты по чьей-то команде убегают. Ружейно-пулеметная стрельба раскатывается всполошным звонким треском, она заметно перемещается на левом фланге. Похоже, что там сбили наших ребят с занятых позиций.

– Вперед! Полундра-а-а! Мать их в господа бога!!! – кричит Медвинский так, что его слышно во всей школе.

Разведчики прыгают из окон, выбегают из-за углов школы, прыгает Мишка Беляков и все бегут через огород к каменной низенькой ограде. Я тоже вскочил на подоконник и прыгнул из окна вниз, а окно оказалось неожиданно высоким. Я не удержался, упал под этим окном и в это мгновение – взрыв. Оглушительный, страшный взрыв, что-то невыносимо больно ударило по ушам, в глазах полыхнуло красное. В первое мгновение не мог понять, на каком я свете, а потом снова услышал крики и стрельбу... Еще взрыв – этот чуть подальше. Я поднялся и увидел на земле человека в маскхалате – наш разведчик. Ноги его согнуты, рукой держится за живот, а пальцы в крови. Другой разведчик лежит между каких-то грядок на спине, а над бровью у него дыра, струйка крови через весь лоб на висок. Ребята подбегают к изгороди, на ходу стреляют и кто-то кричит:

– Раненых! Раненых оттащите!

Сплошной автоматный треск. Я нагнулся было над раненым, а земля словно взорвалась от автоматной очереди, пули рядом подбрасывали землю и мелкие камешки. Пришлось растянуться за грядкой. Показалось, что автоматчик ударил слева из-за заборчика. Послал туда несколько очередей, потом схватил раненого в живот и поволок его за школу. Его ноги волочатся по земле, он кричит надрывно и хрипло. Здесь, за школой, разрезал финкой раненому маскхалат, брючный ремень и невольно отшатнулся: страшная рана – распорота, видно осколком, вся брюшина, кровь течет живыми пульсирующими ручейками, голубые кишки и кровь, крови! Как его перевязывать? Разорвал прорезиненную ткань своего перевязочного пакета и пытаюсь обмотать его марлевым бинтом. «А-а-а!» – воет раненый, и крик у него какой-то нечеловеческий – сама смерть кричит! А я его и фамилии не запомнил, новый парень, это у него тоже первый бой был.

За школу забегают еще один в маскхалате – разведчик Айнулин. Он держится за левое плечо. Постоял секунду, опустив голову, и осел у кирпичного фундамента дома. Как умел, перевязал одного, положил его на землю, а он хрипит и дышит отрывисто, кадык у него дергается.

– Ранен, друг? – спрашиваю Айнулина.

– У-у!

Этот ранен в плечо. Входное отверстие чуть больше горошины, а у лопатки вывороченное мясо и кровь по спине полосой. Глаза сумасшедшие, остановившиеся, ничего не выдающие.

– У-у-ух!

Рвется из kloкочущего горла надсадный стон. Видно, боль у парня непереносимая. У него в кармане два перевязочных пакета, одним перевязываю ему плечо, а вторым думаю замотать еще живот первому раненому. Стрельба идет сумасшедшая. Из-за школы появляются наши ребята, какие-то пехотинцы с ними – все они пятились назад и беспрерывно стреляли, не обращая на меня никакого внимания, словно не замечая меня... Тогда я тоже закричал. Закричал не от страха, а от злости, от негодования. Мне показалось, что все они сейчас убегут, а я останусь один с двумя ранеными, которых я не могу защитить и не могу оставить. Я кричал, ругался:

– Стой! Стойте! Ребята, помогите! Стойте, мать вашу!

Ко мне подбежал Подосенов, откуда-то взялся Пашка Давыдов.

– Чего орешь?

– Драпаете, сволочи, а здесь раненые!

– Ванька! – кричит Давыдов. – Бери на себя Айнулина, а этого мы двое потащим!

– Ребята, прикройте! Огоньком прикройте! – кричит Подосенов.

Кто-то из ребят тащит, волочит по земле убитого. Подосенов ловко приподнял Айнулина, ухватил его за здоровую руку, взвалил на спину и побежал мелкими семенящими

шагами подальше от школы. Давыдов схватил тяжелораненого за ноги, а я за руки, мы тоже старались бежать, но я еле удерживал безжизненные, беспомощные руки, они выскальзывали у меня. Мои руки почему-то в крови и поэтому всё кажется очень скользким.

– Давай, тащи его боком! Боком тащи! – кричал Давыдов.

Взрыв мины, еще взрыв... Нужно скорее, скорее уйти из-под обстрела! Мы оба почти бежим. Впереди узкая улочка, каменный заборчик, перелезаем через него и перетаскиваем раненого. Скорее! Пули щелкали по камням, по сучьям. Кругом горит что-то, смрадный дым сносит туда, к передовой. Немецкие минометы били по школе, дым и пыль стояли над тем местом, от взрывов взлетали в воздух палки, камни, сорванные с крыши листы железа. Хорошо ушли вовремя! Еще бы минуты три и хорошо! Где же остальные ребята? Куда все подевались? Главное, подальше отсюда!

Мы шли садами, а параллельно проходила какая-то улочка. Там послышался натужный гул мотора и басовитая дудукающая очередь крупнокалиберного пулемета. Сквозь ветки деревьев и пелену дыма мы увидели бронетранспортер. Он шел медленно по улице и непрестанно хлестал тяжелыми пулеметными очередями. Нас, пробирающихся садами, немцы не видели.

– Давай за забор вправо! – кричу я полуоглохшему Давыдову и тот понял, быстро повернул вглубь сада.

Мы перелезли через несколько заборов из каменных плит, а в той стороне, где мы были, звонко бьют наши сорокопята, стреляют прямой наводкой: выстрел – взрыв, выстрел – взрыв. Замолчал, осёкся крупнокалиберный пулемет. В той стороне какие-то крики и еще взрывы, над деревьями поднимается столб угольно-черного дыма.

– Горит, сволочь! Горит! – торжествует Пашка.

– Пашенька, давай, давай, не останавливайся! Нам бы ребят поймать!

В это время весь мир наполнился тугим, прерывистым гулом многих моторов. В небе шли двухмоторные юнкерсы, шли, как и прежде, тройками. Их было много. Мы невольно остановились, положили раненого на землю и задрали головы. Пересчитать самолеты мешали деревья. Где-то захлопали одиночные винтовочные выстрелы – наша пехота пыталась защищаться от этой хищной стаи. Они были почти над нами, когда я заметил, как отделились от них маленькие черные точки и стремительно понеслись вниз. Бомбы! Конечно же, бомбы!

– Ложись! – закричал я Давыдову и плюхнулся сам под какую-то яблоню.

В это мгновение даже минометы и вся стрельба смолкли, всё замерло в напряженнейшем ожидании страшного удара. Весь мир распорол, придавил оглушительный свист падающих бомб. Всё сознание, вся жизнь сжались в точку под этим адским визгом. Земля вздрогнула от тяжелого грохота, еще и еще. Всё вокруг обвалово загрохотало, земля задрожала, запрыгала, словно в припадке... Оглушающая, горячая, смертельная волна бомбовых взрывов накатывалась на нас, на то место, где мы лежали. Вот она! Вот сейчас!.. Взрыв и снова визг. Тяжелые удары рядом, и свет померк. От земли отрываает, земля подбрасывает... Взрывы гремели, кажется, бесконечно долго, больше самой жизни. В ушах всё звенело, грохотало... Вокруг чадный дым, пыль, пахнет взрывчаткой. В нашем садике поваленное дерево, срубленные осколками сучья и ветки, комья земли... Внезапно все смолкло. Давыдов хмурит брови, шевелит губами – ранен он что ли!

– Ты что, оглох? – наконец доносится до меня его крик.

Да я и вправду оглох – голос Давыдова слышу, словно сквозь подушку.

– Ты ранен? У тебя руки и морда в крови, – снова кричит Давыдов.

Я отрицательно мотаю головой. Тащим раненого. С трудом перелезаем через ограду, а дальше они все, эти ограды, разбиты и раскиданы. Горят дома, валяются срубленные взрывами деревья, глубокие воронки, комья земли, камни, тяжелый смрадный дым,

коричневый туман от оседающей пыли. Ноги дрожат, они стали вдруг непослушными, ватными, словно чужими.

Нам навстречу попадает группа солдат с автоматами, с винтовками, в касках. Они идут быстрым шагом в сторону школы и чего-то кричат. Я слышу крик, но не могу разобрать еще их слов. В той стороне, где школа сплошной дым.

– Давай отдохнем, – прошу я Давыдова, и он соглашается сразу, у самого сил больше нет.

Мы осторожно опускаем раненого на землю. Нести его на спине боимся – кишки у парня вывалются, ранение больно хреновое. Опустили его на землю, а у него голова безжизненно сваливается на бок, рот полуоткрыт, на белке глаза какая-то соринка, а глаз не моргает.

– Готов, – говорит Давыдов.

К нам через искореженный сад подходит Костя Кудряш. Он без пилотки; лицо серое от пыли, грязные струйки пота на лбу и висках, на щеке кровь. Подошел к нам, посмотрел на убитого, спросил:

– Готов?

– Готов, – Давыдов кивает головой.

– Помочь? – спрашивает Кудряш.

Давыдов отрицательно крутит головой, берет тело товарища на спину и мы шагаем туда, где должны быть остальные ребята. Понемногу мы начинаем соображать, и нас пугает догадка, что ребята попали в самую кашу бомбежки. В ушах всё звенит, но я начинаю слышать. Вскоре мы нашли остальных разведчиков, здесь уже были Ласточкин, Данилов. Ребята выскользнули из зоны бомбежки, но всё равно есть раненые и убитые.

Ласточкин посмотрел на нас и сказал:

– У, забодай вас комарь, где вас носит? Мы вас искать идем! Ладно, нашлись. Медвинский, организуй – нужно осмотреть раненых, поправить перевязку, там шины, кому нужно, остальным не расходиться, перекурить и подумать нужно.

У меня табак кончился, один диск пустой, во втором патронов штук пятнадцать – на одну хорошую очередь. Табаком угостил кто-то из ребят, а патроны у всех на исходе.

– Что будем делать-то? – спрашивает Суменков Ласточкина.

Ему можно так спросить командира, с ним считаются. Ласточкин затянулся дымом, подумал, глотнул воды из фляжки и ответил:

– Раненых эвакуировать в первую очередь. Нужно сборный пункт найти. Трое убитых и шестеро раненых – шутка что ль. Вон Данилов тоже!

Данилов сидит молча. Маскхалат у него на спине порван, лицо серое, на щеке кровь, он ничего не слышит, молчит, – контужен, видимо, серьезно. Вот он, мой первый бой, первый боевой день, он еще не закончился, но в нем уже произошло что-то трагическое, большое и значимое: сегодня погибли и покалечены мои товарищи, а сам я уцелел только по чистой случайности, да и не я один, многие так. Было ли страшно? Конечно же, было. Не один раз сжималось от страха сердце, но, слава богу, я не испытал одуряющего, панического ужаса и этим был уже доволен, это позволяло мне поставить себя еще на одну малую ступеньку повыше и, если повезет, я смогу когда-нибудь сравняться со своими опытными товарищами. В общем, сегодня досталось. Эти проклятые мины, да и бомбы, и пулеметы тоже – да всё дай бог, на пасху!

Противник продолжает перемешивать минами нашу передовую. Обстрел сильный, но не похоже, чтобы готовилась атака. Атаку отбили. Теперь просто злобствуют фашисты.

Эвакопункт для раненых располагался на окраине Дейского.

Раненых сдали медикам. Здесь же нашли лопаты, вырыли братскую могилу, положили на дно своих погибших товарищей, накрыли чьей-то плащ-палаткой. Сделали небольшой холмик, на куске фанеры написали их фамилии, инициалы и дату, когда они были убиты. Хотели написать, что они разведчики 60-й ОСБр, но Ласточкин не разрешил – наи-

менование части, это военная тайна. За один день мы потеряли сразу десять человек, если так пойдет дальше, то при всей везучести, моя очередь не за горами. Мы были на окраине Дейского, у шоссе, у дороги, которая шла на Плановское. Данилов отказался ехать в медсанроту, он остался с нами, а остальных раненых ребят довольно быстро погрузили на повозки и увезли в тыл. Сюда, к дороге, пришли и уцелевшие пулеметчики, всего один расчет, по словам бойцов, второй расчет разнес бронетранспортер вместе с пулеметом. Перестрелка в поселке вроде стала стихать, только пожаров прибавилось, над поселком висит дым, его сносит ветром на север. А время бежит... Вроде даже смеркаться стало. Из поселка выехала упряжка с сорокопяткой. Знакомый командир батареи лейтенант Вовченко без каски, без пилотки, голова перевязана почерневшим бинтом с бурыми пятнами крови, рука на перевязи. Увидев нас, коней придержали.

– Живой? – спросил Ласточкин.

Вовченко досадливо сморщился:

– Толку-то что! Две пушки потерял вместе с расчетами. Ни одного снаряда больше!

Лейтенант слегка заикался. Тоже схлопотал вроде нашего Данилова.

– Да-а, – понимающе протянул Ласточкин. – Куда ж теперь?

– В Плановское. Надо дивизион найти. Связи так и нет.

– Ты бронетранспортер-то спалил?

– Я их два спалил и один танк. Мы им тоже дали прикурить. А в вашей школе немцы.

Да, считай, половина Дейского уже у них. Завтра утром нас вышибут. Вот посмотришь, вышибут. Как без связи-то?

Артиллерист помолчал, а потом снова спросил:

– Что, разведка, оборону будете здесь держать или вместе пойдем?

– Двигай, лейтенант. Мы подождем малость.

– Ну, бывайте.

– Валяй. Счастливо тебе.

Артиллеристы уехали. А мы всё сидели на окраине, и мне показалось, что Ласточкин просто не знает, как поступить дальше. Он подошел к молчаливому Данилову, тронул его за плечо, спросил:

– Ну ты как, Данилыч, забодай тебя комарь?

Данилов поднял на Ласточкина голову и с трудом отвечает:

– П-п-по-рядок. Ж-жи-ивы б-б-будем н-не п-п-по-омрем.

– Ладно. Подождем еще малость. Старшина, паразит, куда-то пропал.

– П-по-ора. А-а т-то т-те-емно с-сов-всем.

Данилов отвечает невпопад – видно плохо слышит.

– Ты до Плановского дойдешь?

– Ч-что?

– До Плановского, говорю, дойдешь?

– Я-я д-до Б-берли-ина д-дойд-ду.

Ласточкин присел рядом с Даниловым, помог ему свернуть папиросу. Закурили. Бой заметно затих, а вот правее нас и где-то слева еще гремит. Так вот случилось, что из нашей многочисленной группы осталась половина. В общем, повоевали. Надо сказать, что там, на дороге у Верхнего Акбаша, у нас как-то складнее получилось. Суменков сидит и молчит, а Подосенов Иван, тот дергается:

– Чего сидим-то? Жрать до смерти охота. Надо навстречу старшине двигать.

Я с Подосеновым согласен. Без толку сидеть у дороги смешно. Раненых мы отправили, убитых похоронили, боеприпасы на исходе...

У командира роты Ласточкина были свои заботы, для него прошедшие события дня выглядели в ином свете: обстановку на этом участке мы примерно знаем, однако, мы потеряли половину группы убитыми и ранеными. Там, на дороге, мы упустили реальную

возможность выполнить основную задачу – взять «языка», а здесь, в Дейском, вообще всё перепуталось – командир роты оставил почему-то группу, а та ввязалась в бой. С кем воюет бригада, разведке неизвестно, а пехота в Верхнем Акбаше какие-то документы немцев отправила в штаб. Что по этому поводу скажет Натынов и командование бригады? Много неприятных мыслей было у Ласточкина, но и выхода он больше не видел – ребята вконец измотаны, связи со штабом нет...

– Подъем! Пошли понемногу, – вздохнув, сказал Ласточкин.

Уставшие ребята молча поднялись на ноги и неторопливо пошли по дороге к Плановскому. Нужно было прошагать километров девять. Над нашими головами уже не висела прямая угроза, прошла нервная взвинченность и теперь все почувствовали чужую усталость. Мы шли нестройной группой по обочине широкой дороги, обсаженной по обеим сторонам деревьями. Нам навстречу тащились груженные повозки, кухни, шагали молчаливые солдаты. Дорога вся разбита, покалечена бомбежкой. Кругом воронки, поломанные деревья, сваленные телеграфные столбы, комя земли, камни, сучья деревьев, обрубленные осколками – здесь сама смерть оставила свой след.

Стало быстро темнеть. В небо полетели первые осветительные ракеты. Теперь эта иллюминация на всю ночь. Убийственно хочется спать. Сколько же прошло дней с тех пор, как мы вышли из Ольгинского? Действительно, сколько? Когда мы выгрузились из вагонов? Утром? Сегодня утром? Не может того быть! Это было очень давно, тогда еще не было войны!

Мы прошагали не менее трех километров, прежде чем повстречали ротные повозки. Дальше мы уже ехали по невыносимо тряской дороге, так что зубы стучали. Лошади шли рысью.

Поздней ночью мы были в роте. Ветер действительно разогнал тучи, в их разрывах появилась яркая луна. Группа Анохина еще не вернулась.

* * *

Разведрота бригады расположилась в довольно глубокой щели на склоне Сунженского хребта, километрах в двух от Эльхотова. Старшина ухитрился привезти сюда несколько повозок кукурузной соломы, и ребята оборудовали себе подобие куропаточьих гнезд, каждое на два-три человека. Только командиру роты, политруку и командирам двух взводов поставили совсем маленькие шалаши из двух плащ-палаток каждый.

Мы расстелили с Мишкой Беляковым шинель под высокими кустами, положили в головы вещмешки, поужинали на скорую руку и завалились спать. Оба словно провалились в черную бездну. Спали как убитые после вчерашнего тяжелого дня.

Группа Анохина, которую посылали к черту на куличики – в Кескем и Индиево, вернулась утром. Ребята в одном только марше вымотались до самого крайнего предела, и то сказать, километров тридцать пять в один конец отмахали. Никакого «языка» они не притащили. Какой там «язык»! Дал бог, еще своего не оставили. Немцы жмут мотопехотой, наши части только появились, местность незнакомая, никакой подготовленной обороны нет, пушки и минометы поставили, не оборудовав даже простейших огневых позиций... Еле отбились. Группа Анохина тоже попала в переpleт – один убитый и двое раненых. Раненые кое-как дошли, им сменили повязки уже в роте, а убитого похоронили там, на месте, на окраине Кескема.

Подъем сыграли рано. Утро еще только расцвечивалось своими красками, а уже все были на ногах. Каждому хотелось узнать, с чем столкнулись разведчики группы Анохина (их вчерашнее вполне могло оказаться сегодняшним для многих бойцов). Да еще, несмотря на раннее утро, по нашему оврагу растекался дьявольски вкусный запах чего-то мясного – тут уж невольно встанешь.

Вскоре и повар застучал половником по баку и закричал:

– А ну, бери ложки, бери хлеб! Живо!

«Бери ложки, бери хлеб, выходите на обед!» – эти солдатские слова, придуманы на сигнал горна «на обед». Разве здесь улежишь! Самый ленивый понимал, что в этом случае промедление смерти подобно. Мишка Беляков решительно сбросил с себя уютную шинель и побежал на кухню. Ходить на кухню это было Мишкиным делом. Ему удалось установить добрые, приятельские отношения с поваром, а это было серьезным преимуществом. Мне оставалось, по морскому закону, мыть котелки, и я мыл, тер их песком и полоскал водой.

Мишка ушел, а я принялся перетряхивать шинели, повесил их на сучки высокого кустарника, чтобы отвиселись, а то после ночевки у них вид такой, будто их теленок жевал. Я решил, что сейчас после завтрака и мытья котелков, немедленно дозаряжу диски, почищу и смажу автомат и займусь письмами, непременно займусь.

Я привел себя в порядок, нацепил поясной ремень и ... обомлел. В голову ударила горячей волною кровь: у меня исчезли обе гранаты – одна лимонка и другая – тротильный стаканчик. Они были привязаны на шнурках к поясному ремню, и вот... от лимонки остался один шнурок, а от тротильного стаканчика РГ-42 остался один взрыватель на шнурке, а самой гранаты не было. Я хорошо помнил, что когда мы сидели на окраине Дейского, я полез за кисетом и мне еще мешались эти гранаты, они были же тогда на этом самом ремне... Я обшарил всё кругом, развязал зачем-то вещмешок, хотя знал, что их там нет, и вообще гранаты в вещмешке не носят ... Случилось, как я представлял себе, самое страшное, что могло случиться с бойцом Красной Армии – потеря боевого оружия во время боевых действий... Мне сразу вспомнилось строгое выражение лица капитана третьего ранга, начальника Военно-морской школы боевой подготовки Москвы Цветкова. Он умел придавать особое многозначительное звучание своему голосу, когда вдавливал в наши головы основные положения Устава. Тогда он говорил нам, что «утеря или утрата боевого оружия, личного оружия бойца Красной Армии, расценивается как передача этого оружия врагу, как предательство и измена Родине со всеми вытекающими последствиями»...

«Предательство»... «Измена Родине»... «Вытекающие последствия». Последствие в этом случае может быть только одно – это, бесспорно, «ЧП» и сегодня же мне предстоит объяснение с Особым Отделом бригады. Надо же, чтобы случилось это самое страшное и дурацкое именно со мной! «Вот тебе и первый бой!» «Обрадовался, дурак, салага, что не испытывал в бою животного ужаса перед врагом!» Что же теперь будет? Неужто я действительно раззява и предатель?!

Какая-то внезапная слабость заставила меня сесть на землю, что-то засосало под ложечкой. Я еще шарил в соломе, вокруг нашего лежбища, хотя знал, был уверен, что потерял гранаты, когда мы ехали на повозке вчера вечером... «Вот сейчас ребята нашей роты первыми произнесут свой приговор. Скажут: недотёпа ты, Пауст, вечно с тобой что-нибудь случается. А может быть, еще жалеть будут, ведь каждый поймет, что меня может ожидать, скажут – «как же это ты, а?» А это совсем не легче, это, пожалуй, еще хуже!

В это время я увидел, что от кухни идет Мишка Беляков. Он нес котелок и чему-то улыбался. Тоже нашел время для улыбок! Беляков поставил котелок на траву, пристроил на вещмешок краюху хлеба и достал из кармана складную немецкую ложку с вилкой.

– Жора, рубай компот – он жирный! – обратился Мишка ко мне с какой-то одесской присказкой. Он уселся около котелка с желтой кукурузной кашей, из которой торчали большие куски варёной свинины, подцепил ложкой кусок побольше и вцепился в него зубами.

– Давай, начинай, чего ждешь-то?

А мне было совсем не до каши. Есть я просто не мог.

– Ты что? Случилось чего? Ты что, как пыльным мешком ударенный? Письмо что ль нехорошее получил?

Мишка перестал есть и вопросительно смотрел на меня, ожидая объяснения такого непонятного и несуразного, с его точки зрения, поведения.

А у меня неслись в голове сумасшедшие мысли: «Нужно молчать, никому ни слова. Может быть, что и придумаю, может, как-нибудь всё образуется». А Мишка ждал ответа. И я решил Мишке рассказать. Я ему верил, он не выдаст, не побежит сейчас вот докладывать командиру роты, а может, что и посоветует. И я решился:

– Знаешь, Миш, беда у меня. Только пока никому, хорошо?

– Ладно. Что случилось-то?

– Оружие я потерял.

Мишка удивленно посмотрел на меня и спросил:

– То есть как потерял? Какое оружие?

– Гранаты. Не заметил как. Только сейчас вот и хватился. Наверное, когда на повозке ехали...

– Я что-то тебя ни хрена не пойму. Какие гранаты?! Ты что, серьезно?

– Да не кричи ты, как дурак! Я ж просил пока никому.

– А ты не валяй дурака и говори толком.

– Чего непонятного! Гранаты нам выдавали?

– Ну, выдавали.

– Вот их-то я вчера и потерял, когда в роту ехали. У лимонки шнурок развязался, а другая вывернулась наверное.

– Ну и что?

– Ты что, не знаешь что ль, что утеря оружия во время боевых действий...

– А-а, вон оно что! Ты, значит это всерьез.

– А ты как думал? Знаешь, что в Уставе-то по этому случаю написано? А ты тут с кашей! Миш, только пока не трепани никому. Может, я что и придумаю, а?

Мишка помолчал, доел кусок свинины, подумал, посмотрел на меня как-то косо и протянул:

– Да, действительно! Как же ты теперь, а? Это, брат, серьезно, это «ЧП» – ты прав. А ну, сиди здесь и ни шагу не смей ступить! Понял?

– А ты что?

– Не твоего ума дело. Твое дело телячье – жди, когда вытрут!

Мишка положил на край котелка ложку, поднялся и неторопливо пошел к повозкам, к ротному скарбу, сложенному под кустами.

«Всё! Неужто доложит? Пошел-то в ту сторону... Не может быть! Такие, как Мишка доносчиками не бывают»...

Вскоре Мишка появился из-за кустов. Он тащил тяжелый ящик с веревочными ручками и шел прямо ко мне. Подошел, поставил ящик на землю, открыл крышку и самодовольно произнес:

– Вот решил выручить тебя. Так уж и быть. Пользуйся моей добротой. Обвешайся теперь ими, как дурак, и ходи. Может, поуменьшь!

В ящике лежали гранаты – лимонки без запалов, а в специальном отделении этого ящика в коричневой промасленной бумаге были взрыватели.

– Ты откуда взял?

– Хватит с тебя? Или еще притащить, пока я добрый?

Я не знал, что сказать. Я был удивлен, ошарашен, несказанно обрадован и начинал познавать бездну собственной глупости. Я лепетал что-то бессвязное, а Мишка сел снова около котелка с кашей и вдруг расхохотался:

– Ладно, уж! Хрен с тобой, никому не расскажу, а то Бельтюков узнает, так он тебе, Хауусту, проходу не даст. Ешь кашу, остыла ведь. Вечно я с тобой мучаюсь!

Да, этот давящий страх позора, страх перед грозным наказанием прошли, я неестественно громко смеялся над собой и над собственным испугом, смеялся от радости, что есть у меня такой друг, как Мишка Беляков, матрос береговой обороны, смеялся потому, что в роте много таких ребят, как Мишка... Вместе с тем на душе осталась какая-то неосознанная горечь от сознания, что долгое, очень долгое время забивали мне голову пустыми, никчемными «истинами». Глупцы и пустомели писали уставные благоглупости, писали люди, которые и представить себе не могли современную боевую обстановку, которые не способны были понять то, что повседневно и ежечасно происходит на поле боя.

После завтрака, я дозарядил диски, отволок обратно тяжелый ящик с гранатами, оставив себе две лимонки. Рядом с повозками, возле своей палатки увидел лежащего на траве младшего лейтенанта Данилова. Спросил его, не нужно ли чего? Данилов посмотрел на меня и только теперь я заметил, что у него очень большие, тёмные и какие-то грустные глаза, он мотнул головой и, заикаясь, ответил:

– Сп-па-асибо. Н-нич-чего не н-на-адо!

В госпиталь бы ему, а он не едет. Говорят, что это у него не первая контузия. Может быть, поэтому он такой нервный, горячий, но в принципе он парень добрый и неглупый.

Начальство всё куда-то разъехалось, ребята сидели вокруг костра и «травили баланду», многие просто спали. А я уговорил Мишку Белякова сходить в разведку вверх по нашему врагу, посмотреть, что там такое. Мы шли по руслу высохшего ручья и вскоре попали в кизилевые заросли. Конечно, мы еще не знали, что это за кусты с мягкими бледно-зелеными листьями и сплошь облепленные красными продолговатыми ягодами. Попробовали – ягода кислая, но приятная. Очень много было осыпавшихся ягод, они усеяли всю землю под кустами, были более темными, как спелая вишня. Они были особенно хороши и совсем не кислые. Где-то на этикетке конфет я видел нарисованную похожую ягоду – барбарисом называлась, но Мишка упорно называл её кишмишем. Наелись ягод досыта, набрали по полной пилотке и вернулись в роту ребят угощать.

В ягодах нам помог разобраться опытный в этих вопросах парень – Гогаберидзе. Он посмотрел на ягоды, понимающе улыбнулся и безапелляционно произнес:

– Слушай, какой тебе кишмиш! Не знаешь – не говори. Это обыкновенный кизил.

Вот даёт! Кизил для него обыкновенный! Да я его сроду не видел, не пробовал, он мне и не снился, а для него «обыкновенный»! Вот буржуй!

В нашем овраге было на удивление спокойно. Грозный грохот войны долетал до нас как гром далекой грозы, в общем, живи, отдыхай и поправляйся. Многие уселись писать письма. И я тоже написал письма в Москву, двум своим тёткам, и еще одно на работу, на последнюю свою работу, здесь я не пожалел красок для описания патриотических чувств всех бойцов нашей роты, о том, что мы полны решимости разгромить ненавистного врага и, конечно, после своей полевой почты каллиграфически вывел: «отдельная разведрота», по-моему, это звучало почти как «отдельная истребительная авиаэскадрилья». Политрук предупреждал нас, что в письмах мы не имеем права писать о месте своего нахождения, о том, когда и в каких боях мы участвовали, нельзя называть фамилии и звания своих командиров и начальников и т.д. Можно было сколько угодно писать о сердечных муках, о любви и дружбе, о семейных заботах и неограниченно можно было писать о патриотизме. Письма складывались треугольничком, на котором указывался адрес получателя и обратный адрес. Те письма, которые получали мы, обязательно имели штамп: «проверено военной цензурой». Ответов на свои письма я пока не получал. Видно почта не торопилась или не могла спешить по какой-то причине. Да что там почту винить! С самых первых чисел августа у меня сменилось за месяц с небольшим столько адресов, что некоторые я вообще и не знал: Московский, Ярославский флотские экипажи, сколько времени катил в эшелоне из Ярославля в Астрахань и еще месяца не прошло, как обрел я постоянную полевую почту и то надолго ли? А как идут к нам эти письма? Ведь сухопутной дороги к нам нет. Через Сальские степи к Астрахани, говорят,

не перейдешь, там песок один, от колодца до колодца десятки километров. Фашисты на что народ настырный и те туда не лезут. Подохнешь там без воды, и все танки и автомашины их встанут, и солдаты подохнут. Там, если воевать, то только на верблюдах.

Мы не успели еще проголодаться, а повар начал кормить нас обедом. Красно-коричневый густой борщ необыкновенной жирности, на второе снова каша кукурузная со свиной варёной. Наш старшина не растерялся и где-то добыл пару больших свиных. Поэтому нас кормили «на убой», как выразился Тазиев. Многие запасливые ребята брали котелок борща на ужин, в таком котелке к ужину застывал жир и тогда котелок можно было опрокидывать – слои застывшего жира на три пальца не позволяли выливаться борщу. После обеда, пользуясь тем, что Ласточкин где-то пропал, многие решили вздремнуть. «О, если б навеки так было!» – пел когда-то Шалапин. Дремлешь и слышишь дальний гром, и он действует как-то усыпляющее, хрустально чистый горный воздух, сытный обед, родниковая вода...

Наше «сачкование» было пресечено самым решительным образом. В овраг бурей влетели два всадника – Натынов и Ласточкин. Оба спрыгнули с разгоряченных коней, бросили поводки подбежавшим ездовым, а сами, разминая ноги, направились прямо к костру, где сидела группа разведчиков. Из своего шалаша вылез наш политрук Попов, отряхнул обмундирование от налипшей соломы и, будучи старшим по команде, деловито доложил Натынову, что разведчики после обеда отдыхают и чистят оружие. У начальника разведки презрительно скривились губы, а Ласточкин даже плечами передернул, как будто ему на спину холодной водой плеснули.

– Ну, ты даешь, лейтенант, – процедил Натынов, обращаясь не столько к Попову, сколько к командиру роты, стоявшему рядом. – Бригада бой ведёт, батальоны от атак отбиваются, потери несут, а они откушали и отдыхать изволят! И это разведрота называется! Ну и порядочки у тебя в роте, лейтенант! Не ожидал. Ну, никак не ожидал. Отдыхать изволят, а! На курорт они приехали. А ну, построить роту!

Ласточкин не просто скомандовал, он просто завопил:

– Рота, становись!

Мы схватили автоматы и в мгновение построились.

– Направо равняйся! Смирно!

– Товарищ старший лейтенант, рота отдыхала после выполнения боевого задания и сейчас...

– Вольно.

Натынов досадливо махнул рукой и пресёк попытку Ласточкина поправить впечатление от неудачного доклада Попова.

– Вольно! – повторил тот команду Натынова.

Натынов смотрел на нас раздраженно и зло. А мы стояли в строю, готовые к выполнению любой команды, чувствовали себя под этим презрительным взглядом Натынова, как нашкодившие мальчишки. Натынов помолчал немного и продолжил свою разносную речь:

– Значит, отдыхали? Загораем, спим после обеда... Значит, пусть дядя воюет, а вы придуриваться будете. Хватит! Я этого больше терпеть не буду! Вчера поставленную задачу вы не выполнили. Это не рота, а сборище разгильдяев и трусов! Бегаєте от немцев, как зайцы от легавой собаки. Кто так воюет?! Вы зачем в маскхалаты вырядились? Зачем вам автоматы выдали? Позор! Предупреждаю: цацкаться я с вами не буду. Командир роты! Отобрать человек десять и направить в Верхний Акбаш. Задача – взять языка. Вторую группу, человек пятнадцать, направить в район Нижнего Курпа. Действовать совместно со стрелковым батальоном и взять языка в районе Нижнего Курпа. Языка немедленно доставить в штаб. Если вы и на этот раз думаете воевать так же как вчера, то сюда, в роту, не возвращайтесь. Здесь, в таком случае, делать вам больше нечего! Всем понятно?

– Понятно, – за всех ответил Ласточкин.

Строй распустили. Натынов ускакал в Эльхотово, а мы были в какой-то ошарашенной растерянности, Я еще не мог дать оценки вчерашнему дню, но все-таки был бой, мы понесли потери и нанесли урон врагу. Зачем же называть нас трусами – это самое тяжелое обвинение для солдата. Да, мы не знали обстановки, местности, но это был первый поиск и первая встреча с врагом лицом к лицу, по крайней мере, для меня. А как на всё это смотрят другие опытные ребята, для которых бой это уже знакомое дало?

Суменков сплюнул, махнул рукой и сказал:

– А хрен с ним! Дальше пехоты всё равно не пошлют. Тоже мне, напугал бабу!..

А вот Гриша Бельтюков, этот раскипятился не в меру:

– Это я трус? Я?! Да я в Севастополе немцев руками душил, да он, гад, и не видел того, чего я насмотрелся. Да пошел он к матери! Это он мне такое, а!

Действительно, негодование Бельтюкова было понятно всем. У него, у единственного в роте, был орден, да какой орден! Орден боевого Красного Знамени. Ох, как тяжело, как непросто доставались рядовым солдатам и матросам такие ордена в 1941-м году! У Гришки от обиды, от перенесенного незаслуженного оскорбления даже глаза засверкали. Бурчал в бороду Гриша Авдеев:

– Сказал бы хоть одному мне, ну дал бы в морду... А то всей роте в душу плюнул.

Вася Боев, комсорг роты, молчал. Сидел у потухающего костра, исходящего тонкой струйкой синего дыма, смотрел в одну точку и молчал. Ласточкин с Поповым залезли в одну палатку и о чем-то тихо спорили. Не унывал особенно Хорьков. Он стоял возле троих разведчиков и говорил громко, чтобы слышали его все:

– А какого хрена сидеть и бурчать по углам, будто им жрать не дали! А мне черт с ним! Пусть треплет, я еще и не то слышал. Я без него перебыюсь, а вот он без роты, да кому он будет нужен!

На сей раз, видимо, прав Хорьков.

Наш ротный связной и он же почтальон вместе с пачкой писем принес в роту новые тревожные сведения. По всем дорогам с севера идут беженцы, гонят табуны лошадей, стада, отары; скотина орет непоеная, недоеная, некормленная, плачут малые ребятишки, а навстречу им идет артиллерия, стрелковые части, автомашины, а кругом воронки, убитые лошади и коровы со вздутыми туловищами, смрад стоит страшный – это дурной признак.

Повар разрубил на куски почти целую свиную тушу и варил её в котле по приказанию Ласточкина. Тоже неспроста.

Перед ужином Попов собрал роту на политбеседу. Разведчики сидели, надувшись, они тоже не могли Попову простить его нескладный доклад: «отдыхают после обеда» – нашел, как доложить, голова садовая! Попов зачитал сводку Совинформбюро, рассказал, что тяжелые бои идут под Сталинградом, где бой идет за каждый дом. Здесь, на Кавказе, особенно тяжелые бои под Туапсе и под Малгобеком. Не упустил возможности отругать нас за то, что вчера мы не взяли «языка».

– Ну, у кого будут вопросы? – спросил Попов.

– У меня.

Суменков встал.

– Я вот что хотел сказать. Для выполнения главной задачи нам нужно две вещи: знание обстановки и время. И не надо нас называть трусами. Вчера, товарищ лейтенант, вы были вместе с нами, скажите, кто из нас трус? Вчера был бы «язык», если бы нам не пришлось ходить по незнакомым дорогам неведь зачем. Доверьте нам лист топокарты, чтобы мы хоть местность себе представить могли, а как взять языка – мы сами сообразим. Про это в уставах не пишут, здесь всегда всё по-разному. И потом: зачем нас пугать? Не нужен я в разведке, так переведите меня по-хорошему в любую другую часть, мне от этого хуже не будет...

Потом говорил Ласточкин:

– А вы думали как! – почти кричал командир роты. – Здесь фронт, здесь воюют, а не только кашу едят, забодай вас комарь! А они обиделись. Тоже мне! Девушки нашлись! Сегодня в бой пойдём. Задача прежняя – обстановка и «язык». Одну группу в Верхний Акбаш сам поведу. Вторую, человек пятнадцать не меньше, поведет Анохин в Нижний Курп. Обстановка там пока неясная. Туда выдвигается второй батальон Марёнова, связи с ним пока нет еще. Действовать в тесном взаимодействии с батальоном. Специальную записку об этом получите у меня. Сейчас подготовить оружие, взять побольше боеприпасов, на сутки получите сухой паёк. Всё! Анохин, ко мне в палатку, остальным приготовить оружие. Разойдись!

Группе Анохина выделялись даже транспортные средства, учитывая, что до Нижнего Курпа никак не менее двадцати километров. Транспортными средствами у нас были две пароконных повозки.

Данилова решили оставить на сей раз в покое. Пусть малость отлежится парень. Стукнуло его изрядно, нужно время, чтобы прийти в норму.

Я попал в группу Анохина вместе с Авдеевым, Суменковым, Медвинским, Бельтюковым, Тазиевым, Федькой Фроловым... Группа собралась сильная. А вот Мишка Беляков угодил в группу Васьки Боева, Бергалиева, Дубинина и других опытных ребят, которыми будет командовать сам Ласточкин.

Нашей группе приказано поторапливаться – дорога дальняя. В качестве сухого пайка получили по большому куску варёной свинины, хлеб, соль; завернули всё это добро сначала в листья лопуха, которого в нашем овраге были заросли, потом уже в чистую портянку. Ребята предчувствовали, что ожидает нас непростое задание. Разговоров было мало, все были заняты делом. Помимо двух автоматных дисков насыпали патронов в карманы брюк и в вещмешки. Когда укладывались, я хотел как-то незаметно вытащить и спрятать магнит от гальванометра, но всё время кто-то рядом крутился, заметят ребята, смеяться будут, просто забросить жалко – гальванометр всё-таки. Так и оставил его в мешке.

Все мы уже были готовы и к походу, и к бою. В ожидании команды сидели двумя группами около погасшего костра. Наконец, появился Ласточкин. Скомандовал:

– Анохин, построить группу.

– Группа, становись! Направо равняйся! Смирно! Товарищ лейтенант, разведгруппа по вашему приказанию построена.

– Вольно.

– Вольно! – повторил Анохин.

Ласточкин обошел группу, придирчиво осмотрел экипировку каждого. Поинтересовался, нет ли у кого жалоб на здоровье, обувь, не потеряны ли ноги. Не услышав ни одной жалобы, отступил от строя на пару шагов и сказал громко, чтобы слышали все, кто в то время находился не только в строю, но и просто поблизости:

– Действовать решительно, с разумом и быстро. Чтоб одна нога здесь, другая – там! Свои действия скоординировать с действиями всего батальона. Марёнов на этот счет указания получит. Вернетесь – не обижу. Старшина! К их возвращению припаси и выдай каждому по 200 грамм вина, забодай их комарь. Всё понятно?

– Понятно, товарищ лейтенант, – за всех ответил Анохин.

– Тогда по машинам, едрена вошь!

Машин, конечно, никаких не было. Нас ожидали две пароконных обозных повозки.

От расположения роты до Нижнего Курпа было далеко. Телефона в роте не было, поэтому связаться со вторым батальоном бригады, который должен был в этом районе занимать оборону, было совершенно невозможно. Обстановки не только на этот час, но и на этот день мы не представляли. Видно, такова судьба разведчика. Что здесь поделаешь? Если бы начальству было всё ясно, тогда и разведка бы не потребовалась.

Я ехал на первой повозке вместе с Суменковым, Анохиным, Фроловым – компания самая подходящая. Мне в этом отношении просто везло. Наш ездовой – добродушный

татарин Садыков, у которого страстная любовь к лошадям осталась еще от его прапрадедов-кочевников – чмокал губами, пошевеливал вожжами, и лошади шли рысью по забытому богом просёлку.

Наша Одиссея началась. Не исключено, что кто-то в этом поиске будет убит, кто-то ранен, а я и писем не успел получить. Давно читал, что обычно письма пишут перед боем, но перед боем как-то и времени не находилось. Мне казалось, что в бою я уже побывал. Теперь вот поиск. Что такое поиск разведчиков? Что-то романтически опасное, рискованное или снова придется с пехотой в бой? На войне, на передовой, не бывает легко, везде тебя караулит опасность, это я уже успел понять.

Лошади шли рысью, повозку трясло так, что при разговоре голос вибрировал и самокрутку свернуть было невозможно. А Садыков всё погонял, поторапливал послушных лошадей.

Справа от нас тянулись горы со склонами, поросшими лесом, слева – равнина, перечеркнутая струнами степных дорог и посадок. Бескрайние поля помидоров, осыпающегося и склонившего тяжелые головы подсолнуха, неубранной кукурузы – всё было безлюдным, брошенным, пропадало добро! Опалила война своим смертоносным дыханием это благодатное место. Километров в семи от нашей роты повстречалась нам отара овец. Большая отара. Гнали её куда-то два седобородых пастуха в лохматых шапках и горских бурках и мальчик-подпасок лет двенадцати. Две тощие серые овчарки охраняли отару. Овцы запрудили дорогу, и Садыков остановил лошадей, ожидал, когда пройдет отара. Старики что-то гортанно кричали, подгоняли отару длинными палками, похожими чем-то на посох папы римского.

Самым языкастым и прилипчивым, как репей, был у нас Федька Фролов – среднего роста, худощавый, скуластый парень лет двадцати пяти. Он не мог пропустить стариков так просто, не вступив с ними в переговоры.

– Салям Алейкум, деды! – закричал Федька.

Старики остановились, и самый старый из них подошел к нашей повозке, остальные продолжали подгонять отару.

– Ассолом Алекум, – ответил подошедший. Он вытащил из кармана штанов серую тряпицу и вытер со своего лица пыль и пот.

– Издалёка идете? – поинтересовался Федька.

– Далеко. Степ идём.

– А чего сюда отару гоните? Здесь война!

Старик отвечал с сильным акцентом, но было понятно:

– Наш прысыдатыл говорил, горами ыды, а здесь кургом война.

– Ты, отец, не ходи вдоль гор. От Илларионовки через горы гони. Здесь наживешь беды, голову вместе с отарой потеряешь. Иди на Заманкул, но и к Малгобеку не ходи – там бой идет. Через Эммаус на Брут гони, к станице Ольгинской идите. Там тихо пока, – вмешался в разговор Анохин.

– Спасибо. Всо поныл. Спасибо тэбэ, солдат. Ты хороший чыловек.

– Через Нижний Курп отару гнал?

– Нэт, дорогой, Ныжны Курп, Верхны Курп вызде немец ест, вызде стрыляют. Стороной утром еще прошлы. Сычас тыхо. Утром сильно стрылял.

– Ты не путаешь, отец? Какой немец может быть в Верхнем Курпе?

– Может, может, сын мой. Наш рускы солдат в балке сыдыт, а в Курпе и на горах нэмыц.

Анохин замолчал в недоумении, подумал, а потом снова сказал:

– Давай, дед, иди через горы. К Эльхотову не ходи – разбомбят вас вместе с отарой.

Отара освободила дорогу для проезда, и пастухи остановили её на лугу, усталые овчарки легли возле овец и высунули длинные языки. Второй пастух и мальчик стояли поодаль и не приближались к нашей повозке, видимо, стеснялись вступать в разговор тогда,

когда вел беседу их старший. Молодцы горцы, умеют они уважать старость! По-моему, это их национальная черта характера, не грешно её перенять всем народам Союза.

Тут бы нам и разойтись по своим дорогам, но Федьку Фролова снова бес за язык потянул:

– Слушай, отец, продай барана.

– Продай, говоришь? Зачем продай! Зачем деньга давай! Бери так. Сколько хочешь бэры. Толко бумага дай, что Красный Армий взяла. Всо бэры!

Старик смотрел на нас строго, без улыбки и не похоже было на то, что он шутит. Пожалуй и правда, что за любую сомнительную расписку он был готов отдать хоть всю отару. Обе стороны понимали, что здесь прифронтовая полоса и здесь уже не действуют общепонятные человеческие законы: мы могли взять одного или нескольких баранов, могли дать, а могли и не давать никаких расписок – все можно было списать на войну, на внезапный минометный огонь или налёт авиации. За дни, проведенные в пути с отарой, старики понимали это, поэтому были серьезны их лица...

Мне почему-то стало стыдно, и ребята молчали, никто не поддержал Фролова. Стыдно от сознания незащитности этих пастухов, было как-то неловко перед ними, прошагавшими может быть более сотни километров с этой отарой. Рискую своей головой, они спасали отару, берегли колхозное добро, это по нашей прямой вине они снялись с привычного места, оставили свои дома и бредут невесть куда... Федька Фролов так просто, шутя, ляпнул, не нужен нам никакой баран, мы со свининой не знаем, что делать. А старик смотрел на Фролова, не принимая его слова за шутку. Стараясь смягчить обидную нелепость вопроса, Фролов неловко помялся, а потом сказал:

– Спасибо, отец! Пошутил я. Думал, что пожалеешь, не дашь, А ты вон оно как...

– Почему так говоришь? Мой народ не жадный, и я не жадный. Нада кушат – беры, кушай. Сила будыт. С немцем воеват будыш. Тогда я с отарой домой пойду.

– Ладно, старик. Вот кончится война, тогда приду в гости.

– Правильно говоришь. Прогонишь немца – приходи. Дорогим гостем будыш. Прогонишь немца – сам барашка резат будым, шашлык делат будым и вино найдом. Прогони немца. Поныл, да?

Федька Фролов аж крикнул, поёжился от дедовых слов. Вроде и вежливо и уважительно, а вот заноза где-то воткнулась.

– Спасибо на добром слове, отец. Смотри, будь сейчас осторожен. А насчет немцев не сомневайся – турнём мы их скоро, – сказал Анохин и подтолкнул в спину Садыкова. Тот шевельнул вожжами. Повозки тронулись, а старики и мальчик всё стояли и смотрели нам вслед.

– Ну и как баранинка? – ядовито спросил Суменков у Фролова.

– А! – Фролов досадливо махнул рукой и стал сосредоточенно крутить сигарку.

Табак от тряски сыпался с листочка бумаги, и Федька злобно матерился, ругал, на чем свет стоит, войну, Гитлера, божью мать и командование нашей Краснознаменной бригады.

Ехали долго, начинало смеркаться, по равнине пополз седой туман, на фоне закатного неба четко отрисовывались крутые горбы ближних гор. Темнело быстро. Впереди взвились в небо первые осветительные ракеты, завязалась ленивая ружейно-пулеметная перестрелка. По нашим прикидкам, до Нижнего Курпа было еще далеко, а тут, на тебе, стреляют рядом. Выходит, что тот старик-пастух прав: обстановка в этом районе изменилась самым решительным образом. Осторожный Садыков стал придерживать лошадей, и те пошли неторопливым шагом. По словам Анохина, примерно в полутора километрах от нас должна быть широкая балка, за ней Верхний Курп и за ним, километрах в пяти, Нижний Курп. По той ориентировке, которую мы получили от Натынова, наши части должны были обороняться именно там, а тут вдруг вот она, пулеметная перестрелка и ракеты летят!

Из зарослей и кустарника появились трое бойцов. Один из них вышел на дорогу и поднял руку – сигнал «стоп» на солдатском языке. Обе повозки остановились. Стоявший на дороге солдат, не приближаясь к нам, спросил пропуск.

– Мушка, – назвал пропуск Анохин и спрыгнул с повозки.

– Мурманск, – ответил «отзывом» боец и тут же любопытствовал:

– Кто такие?

– Ишь любопытный. Свои. Где начальство?

– Бельметдинов, проводи, – скомандовал боец. Он, очевидно, был старшим. Невысокий боец повесил винтовку на плечо и предложил следовать за ним. Анохин взял с собой Суменкова и оба они ушли по чуть различимой тропинке. Разведчики соскочили с повозок и устроились под кустами возле дороги. Ездовые завели повозки в кусты «от греха». Солдаты, охранявшие дорогу, попросили угостить их табаком, устроились вместе с нами и с удовольствием закурили.

– Что здесь происходит? – спросил Медвинский.

– Как что? Война происходит. А вы кто такие?

– Разведчики мы.

– А-а. Так какого дьявола вы к немцам едете?

– А вы сами-то здесь давно?

– Вы вообще-то поворачивайте оглобли – дальше дороги нету! – затягиваясь дымом, говорил небритый солдат. – Здесь уже с утра на повозках не ездят. В Верхнем Курпе немцы.

– Как немцы?

– А так вот и немцы. Днём еще они дали нам жигу так, что еле ноги из балки унесли. Они Курп захватили и на той вон высоте тоже они. Им, гадам, оттуда ну прямо всё видеть. Утром-то здесь еще были кто-то не из нашей бригады, так фрицы её всю раздолбали и нас умыли. Народу побили – страсть.

Незнакомый боец прищурился от едкого табачного дыма, замолчал.

– Дела-а! – протянул Тазиев. – А Натынов-то, мать бы его в лоскуты, «языка» ему только из Нижнего Курпа подавай. Ему бы еще из Берлина!

Сложилась действительно неприятная и неожиданная для нас обстановка. На месте оказалось совершенно не то, к чему мы готовились, на что были ориентированы.

Быстро темнело. В кустах фыркали и хрустели овсом в торбах наши обозные кони. Балку, что была впереди нас, незаметно стал наполнять седой туман. За балкой потонул в вечерней дымке Верхний Курп, оттуда раздавались дежурные пулеметные очереди. Звук выстрелов у них был какой-то чудной – то ли эхо их повторяло, то ли фрицы что удумали: тр-р-р-р – слышалась пулеметная очередь; др-р-р-р – тоном пониже разносилось по балке. Правее, у подножья невысоких гор, гремели редкие и раскатистые минные взрывы.

– Что это у них, гадов, звук пулеметного выстрела дублируется? – поинтересовался кто-то из ребят.

– Разрывными лупит. Слышь – с другого места вроде отдается, – предположил другой.

– Не похоже. Скорей всего, эхо.

– Может, и эхо. Только почему от мины эха нет, а от пулемета эхо?

Разговор неторопливый, вроде бы ленивый и скоро смолк. Мы лежали в кустах, курили, слушали очереди шалого пулемета.

Анохин с Суменковым пропали на КП батальона, не возвращались долго. Слышался негромкий голос Арабова – пел он свою любимую украинскую песню, кто-то неуверенно ему подтягивал:

*За Сибиром солнце всходит,
Хлопцы, не зевайте,
Вы на мэнэ Кармелюка
Всю надию майте.*

Анохин с Суменковым пришли поздно, их сопровождал незнакомый старшина в фуражке.

– Ребята, вещмешки свои разобрали? Тогда все, приехали. Садыков, ты на повозках за старшего. Сейчас заберете раненых и аллюр три креста отсюда. Раненых сдадите на сборном пункте в Эльхотово, там разыщите потом Натынова, скажите ему, что в Верхнем Курпе немцы, мы продолжаем выполнять боевую задачу во взаимодействии с батальоном. Ясно? Вопросы будут? Сейчас двигайте с этим старшиной, он покажет, где раненых взяли. Садыков, на обратном пути не зевать – сплошной обороны тут нету!

Ездовые засуетились, скрипнули повозки, застучали колеса и всё, будто и не было наших повозок.

Анохин, убедившись, что повозки уехали, а все разведчики в сборе, уточнил поставленную задачу:

– Обстановка хреновая, – говорил младший лейтенант, – наступают здесь эсэсовцы. Второй день тяжелая драчка идет. Днем врезали нашему второму батальону и частям девятой бригады. На рассвете наш батальон контратакует противника. Наша задача, значит, такая: мы должны зайти в тыл немцам, что сидят в Верхнем Курпе, и по сигналу красных ракет ударить по ним, перемешать все, устроить панику. Главное, сшибить их с обороны, а дальше они сами покатятся. В общем, нам пошуровать у немцев нужно, как только можно повеселее и погромче. Для усиления нашей группы сейчас к нам придет взвод батальонных разведчиков. Это еще человек тридцать, не меньше. Командовать всей разведгруппой приказано мне. Ясна задачка?

Ребята помолчали, все понимали, что задача не из простых и не из легких, потом послышался голос Тазиева:

– Совсем хорошо, все понял, а кто через ихнюю передовую дорогу знает?

– Ты разведчик? Вот ты и покажешь дорогу, – ответил Анохин

Всё, в общем, ясно: поможет нам определить брешь в немецкой обороне его величество случай, наша везучесть и собственная сообразительность. Кажется, начинается то, что называется настоящим поиском. Для меня это еще одно новое испытание, да только ли для меня! На что уж Гришка Авдеев, Суменков – ребята опытные, и те что-то примолкли, голоса не подают.

Мы сидели в канаве возле самой дороги под кустами и ждали батальонных разведчиков. Ночной прохладный воздух заставлял ребят жаться друг к другу. Конечно, здесь юг, днём жарко, а вот ночи становятся холодными. Вообще, «придавить жучка» (на солдатском жаргоне «вздремнуть») – дело совсем не лишнее. Я прижался спиной к Тазиеву, положил под голову вещмешок, но уснуть никак не мог: этот проклятый гальванометр, хоть и был завернут в запасную байковую портянку, всё равно каким-то острым углом давил в висок. Связался я с ним, как с фальшивой монетой! Многие спят уже, а я всё никак не пристроюсь.

Мне показалось, что наступило самое подходящее время выбросить этот магнит так, чтобы никто не видел. Конечно, по мирному времени это была бы ценная штука, но сейчас это все сошлется, как непростительное детство. Пора поумнеть! Давно пора! И как это меня умудрило только! Просто смешно. Нужно только незаметно как-нибудь. Если ребята увидят – насмешек не оберешься. Я приподнялся и хотел развязать вещмешок, но тут же недовольно заворчал Тазиев:

– Ну, какого хрена крутишься? Только задремал, а он крутится...

Я решил подождать. Тазиев уснет, сейчас уснет и тогда я тихонько достану. Но случилось так, что я как-то незаметно сам задремал и проснулся от громкого топота ног, много людей шли прямо к нам. Поднялся на ноги Анохин, он тихо спросил «пропуск?» и откликнулся обусловленным отзывом.

– Разведка? – спросил чей-то голос.

– Разведка. А вы кто?

– Батальонные разведчики. Командир разведгруппы старший сержант Купоросов.
– Привет, Купоросов. Ждем вас. Я младший лейтенант Анохин. Сколько вас?
– Восемнадцать вместе со мной, – ответил Купоросов.
– Как восемнадцать?! Марёнов весь разведвзвод обещал, тридцать человек!
– Тридцать это нас вчера утром было, а сейчас вот, все что осталось, – невозмутимо отвечал Купоросов.

Что поделать. Мы считали, что нас будет человек 45, а оказалось 33 богатыря, как в сказке, но по тем временам и это совсем неплохо. Анохин, Суменков, Купоросов и Медвинский вместе с ними отошли в сторону и в кустах о чем-то советовались, светили на топокарту тусклым светом фонарика с севшей батареей.

Противник вел ленивый методический минометный огонь по балке. Со стороны Верхнего Курпа слышался хлопок минометного выстрела, в воздухе долго и нудно стонала мина, потом этот стон обрывался, и по балке прокатывался хлесткий взрыв. Невесть куда продолжал стрелять немецкий пулемет короткими очередями: протрещат выстрелов пять-шесть, прокатится непонятным эхом звук выстрелов и минут пять молчит немец. Ракеты взлетают в небо чаще и неизменно падают в молоко седого тумана, заполнившего всю балку.

Те ребята, которые спали, ёжятся от сырого прохладного воздуха, на голой земле ночью зябко, шинели в роте остались, на нас только летнее обмундирование, да маск-халаты. Меня спасает тельняшка под гимнастеркой – практичная штука.

Что-то нас ждет сегодня? Первый неожиданный бой вроде бы я выдержал, но сегодня первый поиск. Сегодня нужно незаметно и нахально пролезть прямо к немцам. Сегодня нужно будет не обороняться, а наступать, лезть в открытую драку. Что греха таить, не было у меня абсолютной в себе уверенности, а тут еще невеселые и сумасшедшие мысли лезли в голову. Вон сколько земли немцы у нас оттяпали! Только вчера еще были мы в Верхнем Акбаше, а сейчас и Акбаш, и Дейское, и все эти Курпы захвачены немцами. Справа по фронту где-то далеко грохочет бой. Словно гроза мерцает зарницами и громовыми раскатами в стороне Ивановского. Положение напряженное, неустойчивое, против нашей страшно растянутой по фронту бригады какие-то части «СС», отборные части фашистов. От них можно ждать жестоких ударов, их непременно поддержит авиация, танки... Неужто дело новым драп-маршем закончится? Все понимали, что мы могли ворваться в Верхний Курп, устроить немцам панику, даже захватить этот поселок, но продержаться долго без средств поддержки не удавалось еще никому – будь ты хоть трижды героем! Ребята, которым довелось уже повоевать и пережить дни отступления здесь, на Кавказе, рассказывали страшные вещи.

Те наши немногочисленные части, на которые обрушились стальной лавиной танковые дивизии и сотни самолетов врага, не выдержали этого удара и покатались по степям Кубани и Ставрополя, покатались на юг по почти безводной равнине к самым Кавказским горам. Жара, безводье, дороги, запруженные беженцами, стадами скота, повозками и автомашинами с ранеными, с боеприпасами и всё это в чудовищном хаосе, в дикой неразберихе валом покатилося на юг, а сзади в сатанинской пыли сотни немецких танков и мотопехоты, а в небе сотни немецких самолетов. Пыль, грохот, огонь, стоны, дым, горящие дома и автомашины, разбитые повозки, брошенное военное имущество, сама земля стонала и содрогалась от страшной беды. Отступавших подгоняли чудовищные слухи о вражеских десантах, о диверсионных отрядах и шпионах... На всём огромном пространстве от Батайска до Нальчика ни одного подготовленного оборонительного рубежа... Как могло такое случиться? Кем допущен такой страшный просчет? Где была наша разведка, куда смотрело наше большое начальство?!

Вот, не дай бог, просчитаемся в сегодняшнем поиске мы, так с Анохина шкуру спустят, его несчастный кубарь с петлиц может слететь запросто. А в высоких штабах на целый Кавказ просчитались! В сентябре 1941 года в Москве, на Серпуховской (ныне Добрынинской) площади, на брандмауэре старого трехэтажного дома между Люсинов-

ской и Большой Серпуховской улицами висело огромное панно «Три богатыря». Художники, работавшие в окне ТАСС, используя композицию Васнецова, изобраили трёх богатырей, посадив на коня Ильи Муромца Клим Ворошилова, по правую от него руку – Тимошенко, а слева – Буденного. Очевидно, по мнению его авторов, три знаменитых маршала должны были расправить свои богатырские плечи и уж тогда непременно «на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом»..., как тогда пелось в очень популярной песне...

Что ж, уже не секрет, что богатыри оказались битыми, показали свою беспомощность в руководстве войсками. Мы многие годы говорили о неизбежности войны с фашистами, но на деле дальше болтовни мы не ушли в подготовке своей обороны. У немцев оказалось больше автоматического оружия, неизмеримо больше танков и авиации, пушек и минометов, у них четко поставлено взаимодействие. Мы смогли противопоставить всему этому только море собственной крови, в которой захлебывались сами и топили своего врага.

Тимошенко еще в довоенное время казался мне больше бюрократом от инфантерии*, чем боевым маршалом. Ворошилов, Буденный были хороши в своё время, в 1918 году, когда наша конница с пиками наперевес и с шашками ходила в атаки. К тому времени мы недалеко ушли от средств и стратегии Золотой Орды. Но сейчас совершенно не то время, сейчас эта конница уже явный анахронизм. Нам еще в школе твердили, что грядущая война будет войной моторов! Значит, понимали это, а не готовились к делу серьезно, а в песнях славили «тачанку-ростовчанку, все четыре колеса». Суворовское правило «пуля дура, а штык молодец» снова стало расхожим в начале войны, хотя это и было сказано полтора столетия назад! Всё у нас отстало, всё устарело, ничему не научились хваленые маршалы. Как-то получилось, что более или менее толковые маршалы оказались врагами народа, а оставшаяся бестолочь прохлопала войну. Интересно, что Сталин думает по этому поводу? Говорил ведь тоже, что «еще полгода, еще может быть годик и Германия рухнет под тяжестью своих преступлений!» Прошел годик, а она не думает рухнуть. Если немцам хребет не переломить, то они, пожалуй, сами и не рухнут. А чего бы им рушиться?! Вон она, Германия, теснит нашу непобедимую, которая «от тайги до британских морей»... Да нет, богохульство всё это. Что винить Ворошилова, когда драпаем мы сами! Просто чего-то мы еще не понимаем, просто не знаем большой военной тайны!..

Тожe мне! Каждый солдат если начнет философствовать, тогда воевать будет некому! Стратег нашелся!..

...А все-таки непонятно... Конечно, насчет оценок это я лишку хватил, но все-таки расплачиваться приходится мне и моим товарищам за просчеты маршалов. Чего их только Сталин держит на таких постах? Привык к ним? Жалеет их? Так не время сейчас для жалости! Такая жалость во вред народу! Сейчас нужны по-настоящему думающие командиры вроде Жукова, Рокоссовского... Ох, невеселые, ох опасные мысли лезут в голову! Вот этак брякнешь, кому не следует... «Ну, а что с тобой сделают?! – не унимался в душе упрямый голос. – Что, передовой напугают? А ты где сейчас находишься?..» Да нет, пожалуй, передовой пугать не станут за такие мысли. Тут дело хуже обернется, тут найдется, кому сказать, что боец такой-то сознательно разлагал боевую дисциплину, сеял неверие и панику, действовал на руку нашему лютому врагу. В общем, «по имени Родины, залпом...» и чирик-воробышек, как скажет Бельтюков. Даже фанерной дощечки не поставят, а домой напишут, что ваш сын такой и разэтакий расстрелян за трусость в бою и за предательство... Вот это будет номер!.. Правда, ну её к черту эту всю философию! Опасное это дело, опасное и ненужное. После войны разбираться будем, кто уцелеет, конечно, а сейчас не до этого. Сейчас бой впереди!

* Инфантерия (устар., воен.) – пехота.

А время к полуночи. Сон ломает, веки слипаются... Главное, прижаться спиной к спине товарища, тогда теплее... Нужно письма написать. Если останусь живым, завтра же напишу... А ночь прохладная... Вместе с дремотой приходят старые, пережитые еще в начале войны картины. Тогда тоже была прохладная ночь, роса на траве и зенитки гремели, а перепуганный Андрюшка, мой младший брат, бежал босым по огороду, тянул вперед ручонки и кричал: «Ай, Федя, боньба, боньба!»... И средний брат Лёвка бежал из леса по тропинке возле реки. Там, в лесу, была огромная воронка. Ночью грохнуло так, что земля закачалась... Испугался мальчонка... Лёвке в то время едва исполнилось шесть лет, а Андрюшке было всего-то три года, и их уже придавил слепой не детский ужас. Завтра же напишу письма... Только бы живым остаться в этой передрыге...

Всех подняла на ноги негромкая, но настойчивая команда:

– Подъем! Кончай ночевать!

Ребята поднимались с земли, дергали плечами от ночной сырой прохлады, застегивали пряжки тяжелых поясных ремней, огруженных запасными дисками и гранатами... «А я ведь уснул... Надо же, незаметно получилось».

– В две шеренги становись!

Анохин командует тихо, вполголоса. Все привычно построились. Анохин коротко повторил задачу:

– Слушать внимательно! Всей группой команду я. В случае чего, меня заменят Суменков или Купоросов. В общем, тогда разберетесь. Главное, мы должны незаметно просочиться сквозь оборону немцев. Сплошной обороны здесь нет ни у нас, ни у немцев. Главное, дуриком не напороться. Зайдем в тыл к Верхнему Курпу. Серия красных ракет – начало атаки и для нас, и для батальона. Мы ударим по фрицам с тыла, главное, нарушить связь, посеять панику, подавить огневые точки. Учтите, что если мы пролопушим, то всех наших бойцов из стрелковых рот положат в этой проклятой балке. В общем, будем действовать по обстановке. В головной дозор Суменков с Соловьевым. В общем, разведка боем у нас с вами. «Языка» взять обязательно. Все понятно?

Разведчики молчали. Вопросов не было. А чего здесь не понять? Разведка есть разведка – всего здесь не предусмотрить.

– Пошли! Головному дозору далеко не отрываться.

Небо вызвездило. Ковш Большой Медведицы висит низко над Верхним Курпом и скоро уже полетится вода из этого ковша через его ручку – значит за полночь уже, глухое время. Из-за гор выползла яркая луна и ни облачка на небе – это плохо. От этой дурацкой луны длинные черные тени на росистой седой траве. Луна блестит на касках батальонных разведчиков. В нашей роте ни у кого касок не было, нам их не выдали – блестят они при луне и при свете ракет, а это опасно. Мы цепочкой шагаем к балке, по-прежнему слышен треск пулемета, а вот минометный огонь прекратился. Немецкие ракетчики освещают балку перед Верхним Курпом.

Засветло мы не смогли ознакомиться с местностью, не изучили топографической карты, нам неизвестна насыщенность переднего края обороны противника огневыми средствами. Мы надеемся на батальонных разведчиков – они уже двое суток здесь, а батальонные разведчики, видно, полагаются на нас – все-таки бригадная разведка, она к начальству ближе и обстановку должна знать лучше. Опаснейшее заблуждение, а вообще-то как повезет: не напоремся на боевое охранение врага, значит, сумеем пройти в тыл, а там уж будет видно; обнаружат – вся операция провалится, перебьют наших ребят из батальона, в лоб этих эсэсовцев не возьмешь, что уж там говорить – воевать они умеют!

У края балки остановились, чтобы еще раз послушать, сама балка эта неглубокая, склон здесь крутой, но не более 25-30 метров. В балке тихо, она кажется пустынной... Кажется! Обманчивой может оказаться эта пустота. Там, среди редких кустов, под пологом тумана могли затаиться секреты противника, его боевое охранение, могли быть мины, да мало ли еще что. Правда, Суменков высказывал предположение, что в балке вряд ли кто есть, так как здесь немцам морду еще не мылили, поэтому они довольно

беспечны и ведут себя нахально и самоуверенно, они только утром могут зашевелиться.

Может быть, Суменков и прав, он мужик опытный, немцы вряд ли ожидают с нашей стороны активных действий, привыкли они к тому, что Иваны либо драпают, либо сидят и не рыпаются. Сейчас этой самоуверенности по уши у каждого фрица, поэтому и «секретов могли не поставить». Сейчас для них важно отдохнуть, выспаться, чтобы утром с новыми силами гнать нас в горы.

Тихо в балке, вроде и вправду нет никого. Впереди идущие взяли влево наискосок через балку. Где-то завыл шакал, рядом воет и непереносимо противно. Стегануть бы его очередью, да нельзя. Зверь воет, словно плачет, это чаще всего, когда чует человека. Немцы этого не знают, у них там в ихней Германии шакалов давно уже нет.

В балке сырой неподвижный воздух, плотный белесый туман, как пар какой. Это хорошо, это нам на руку. Немецкий пулемет теперь слышен правее и почти за спиной у нас, его огонь не доставляет нам беспокойства...

Помню, мой дед Терентий ходил ночью сторожем по деревне с деревянной колотушкой. Я тогда его спрашивал: дедушка, зачем ночью ходят и стучат колотушкой? Дед отвечал: «Чтобы добрые люди спали спокойно, они услышат колотушку и будут знать, что их покой оберегают, а уж если злой человек услышит, то и не пойдет в деревню, учует, что в ней сторож не спит». Милый и наивный дед Терентий хранил древнюю традицию тех времен, когда злой человек на Руси был большой редкостью, когда и замки-то были только у людей более или менее состоятельных...

А немец тоже для порядка долбит, только не в колотушку, а лупит, дурак, из пулемета, жжет патроны, нас пугает. Ох, и много же этих патронов Германия наделала! А наши солдаты с передовой даже не отвечают на дурацкий пулеметный огонь. Они, видно, забеспокоились бы, если немцы вдруг замолчали, это показалось бы непривычным и странным. А так что ж, редкие пулеметные очереди, осветительные ракеты – все как надо, все привычно, значит, живет передовая.

Идём по балке. Обильная роса на траве, она кажется серебряной в лунном размытом свете, на этом серебре заметна темная полоса наших следов – это вот плохо. Впереди меня маячит полурастворенная в тумане черная тень впереди идущего товарища, я иду за ним, слеую каждому его движению. Главное, не потерять из виду идущего, за мной идет еще кто-то, он следит за моими движениями, за шумом моих шагов. Из тумана странно торчат макушки отдельных деревьев, высокого кустарника. Ребята шагают осторожно, часто останавливаются, особенно перед кустами, все слушают ночную тишину, которая мгновенно и неожиданно может взорваться пулеметными очередями и ярким светом ракет... Тихо. Даже шакал замолк. Шакал не дурак – он в этой балке долго расхаживать не будет, зверь чует, что его здесь погибель ждет... Сюда только человек может пойти...

Прошли еще метров двести и вдруг вся цепочка замерла. Никаких команд, но никто не двигается с места, замерли ребята. Упаси бог кашлянуть, споткнуться – рискуешь не только своей головой, но и жизнью товарищей!

Что-то насторожило наш головной дозор. Слева размытый в тумане контур какого-то куста, впереди спина товарища, и все словно дышать перестали. Тихо. Вдруг справа от нас звонко и оглушительно громко хлопнул выстрел ракетницы. Белая искра стремительно рванулась вверх и вспыхнула ярким магниевым огнем. В тот же момент почти бесшумно вся наша цепочка упала на землю, лежим неподвижно, не дыша. Над нами змей шипит ракета, туман в балке наливается ярким дрожащим светом, по траве плывут тени. Ракета упала в траву в стороне от нас и короткое время еще продолжала шипеть, разбрызгивать белые искры и исходить белым дымом. Снова хлопок ракетницы и яркий шевелящийся свет. Справа раздалась оглушительная и длинная пулеметная очередь. Розовые трассы перечеркнули балку над нашими головами, сверкнули в тумане пламенем. Потом пулемет перенес огонь правее, и теперь туман впереди нас окрасился

розовыми сполохами. Что это?.. Обнаружили нас? Услышали шум или лупят просто для порядка? Вся цепочка разворачивается в сторону пулемета, автоматы наготове... Пулемет дал несколько очередей и затих, немцы пустили еще несколько осветительных ракет и снова абсолютная тишина в балке. Прошло несколько минут. Тихо. Видимо, здесь боевое охранение у немцев, а может просто патруль. Выстрелы не повторились. Мы пролежали, как мне показалось, не менее получаса. Наконец, впереди меня поднялся с земли разведчик, в тумане видна его согнутая черная тень. Я тоже встал, оглянулся, за мною стал приподниматься кто-то из ребят. Предельно осторожно вся цепочка двинулась снова вперед... Неожиданно кто-то споткнулся, приглушенно звякнуло оружие.

– Тихо, мать твою! – зашипел злой голос, а весь строй замер, все ожидали тревоги... Нет, не всполошил немцев неожиданный шум, тихо в балке. Мы повернули левее, прошли еще не менее километра. Ракеты взлетали сзади нас. Неожиданно справа снова ударила длинная пулеметная очередь, и снова в молочном тумане балки розовые сполохи. Теперь мы все почти уверены, что немцы стреляют по балке просто для порядка, но все-таки залегли в сырую траву среди каких-то кочек. Пулеметчик явно не видел определенной цели. Ухо уже научилось отсеивать дежурные пулеметные очереди от прицельного губительного огня, оно настороженно ловило что-то неожиданное, грозящее, направленное против нашей группы. Видно, немцы пока не подозревают о нашем присутствии, но нужно быть начеку, ох, как нужно быть осторожным!

Мне абсолютно непонятно, каким образом наш головной дозор определяет направление нашего движения, но мы продвигаемся довольно быстро, место здесь стало более ровным, а туман вроде бы реже. Похоже, мы подошли к противоположному краю балки, забрав много левее по фронту. Если здесь на склоне немцы, то они нас вполне могут заметить – тридцать человек это не шутка. Прошли немного и снова залегли. Слушаем. А вокруг всё тихо, даже пулеметчики замолчали, только много в стороне ракеты. Эта натянутая настороженная тишина беспокоит, кажется подозрительной, будто кто-то караулит нас. Осторожно поднялись и прошли еще немного вдоль молчаливого склона балки, потом круто повернули вправо в какой-то овраг. Овражек вроде неглубокий, весь зарос корявым и жестким терновником, здесь темно, под ногами ветки, корни и камни. Шуму от нашего движения сразу заметно прибавилось. Головной дозор останавливался через каждые десять метров, но вокруг явно никого не было, иначе бы нас давно обнаружили – шума много. Наконец, заросли кустарника кончились, виден край оврага. Тумана здесь нет и луна такая, хоть газеты читай. Наверное, прав этот хитрый мужик Суменков: немцы здесь попались уж очень самонадеянные, считают, что перепуганные Иваны сидят и дрожат от страха в своих окопах, ожидают покорно своей горькой участи. А мы вот они! Мы еще поцарапаемся.

Овражек стал совсем мелким, и мы выбрались на его правый склон. Залегли на самом краю оврага и снова долго вслушивались и рассматривали залитое луной поле. Широкая балка теперь осталась справа от нас, в ней по-прежнему молочно-белый туман. Мы, похоже, уже на немецкой стороне, но только здесь почему-то нет никого. Ракеты видны далеко впереди, они теперь служат для нас хорошим ориентиром.

– Вперед, – шепчет Анохин.

Первым снова пошел головной дозор, за ним поднялась вся группа. Мы забирали теперь влево, подальше от края балки, где могли быть дозоры противника. Впереди голая степь, травинки сверкают от лунного света... Стоп! Вся цепочка разведчиков падает на землю, словно косточки домино, хотя совершенно не понятно еще, что там впереди, почему тревога? Вокруг тихо. Оказывается, головной дозор обнаружил линию проводной связи и кто-то поднял левую руку – сигнал тревоги. Провод. Судя по скользкой пластиковой изоляции, это немецкая полевая связь. Анохин не разрешил резать провода – внезапно нарушенная связь могла преждевременно насторожить противника, а нам до самого рассвета ничем нельзя себя обнаружить, сейчас вся наша группа должна

быть невидимкой. Редкие пулеметные очереди теперь слышались сзади и справа. Хрен его знает, куда зашли! Страшно? Нас, конечно, много, мы можем вступить в бой, можем дать отпор, но в тылу врага не бывает не страшно, осознанное чувство смертельного риска холодит спину. Любой поиск разведчиков это в первую очередь риск, серьезный риск – на то она и разведка! Что делать, назвался груздем – полезай в кузов! Идем совершенно открытым полем, нигде ни кустика – поле, лунный свет и черные тени шагающих ребят стелятся по земле. Шагаем быстро, нужно скорее убраться с открытого места. Под ногами шуршит жнивье, потом пошла трава, бурьян какой-то, шуму прибавилось... Вдруг все валяется на землю. Тихо. Мне пока непонятно откуда грозит опасность. Пальцы у всех на спусковом крючке автомата... Во всем мире только проклятущая луна и до крайности напряженные нервы... Проходит всего несколько секунд и стал слышен чей-то непонятный разговор впереди. Слов не разобрать, но голоса все ближе. Что делать? Это, конечно, немцы – кому ж еще здесь быть. А мы лежим неудачно – в случае чего, стрелять придется над головой товарища. Похоже, не уйти от драки. Неужто бой? Тогда может вся задуманная операция сорваться! В лунном свете там, впереди, видны несколько человеческих фигур, каски блестят, идут они прямо на нас. А они все еще нас не видят, хотя Суменков теперь от них совсем рядом! Никто из ребят не шевелится, стволы автоматов, как магнитные стрелки, повернуты в сторону идущих... Семеро немцев не дошли до роковой черты, когда уже больше нельзя было бы лежать молча, когда для всех оставалось только одно – стрелять и броситься вперед, они не дошли самую малость. Продолжая спокойно разговаривать, семеро взяли в сторону и прошли мимо нас... Анохин и Суменков не открыли огня, не крикнули идущим «хальт!» Никто не бросился на них... Всё правильно – мы должны быть в Верхнем Курпе, должны появиться там неожиданно для врага и только там мы обретем право на собственное слово. Пахнет на земле полынью и пылью. Голоса немцев постепенно смолкли. Снова тихо. А сердце ошалело стучит в груди, кровь бьется в висках... Впереди что-то чернеет, полоса какая-то, похоже, посадка. Суменков предусмотрительно меняет направление движения, огибая то место, откуда появились семеро немцев. Молодец Суменков, хитрый и осторожный он мужик, уходит от неоправданного риска. Возле посадки тяжелый смрадный запах. Здесь проселочная дорога и возле неё неубранные человеческие трупы, убитые лошади со вздутыми животами и неестественно растопыренными ногами. Трупов много, не менее тридцати. Видно, какая-то наша часть напоролась на немцев, её здесь и положили всю, на этом неведомом поле. Дни стояли жаркие, трупы разлагаются быстро. Картина просто чудовищна, мороз продирает по коже. Возле посадки разбитые повозки и снова трупы, земля исполосована танковыми гусеницами. Раненых здесь не было, смерть управлялась со всеми, у неё было достаточно времени.

Все невольно остановились возле той посадки и смотрели молча, никто не проронил ни слова. А небо тем временем понемногу и незаметно наливалось густой синевою, и луна потускнела. Нужно было торопиться, мы прибавили шаг, стал слышен нестройный топот ног по сухой земле. Тридцать три человека и все спешат, конечно, будет шум. Прошли с километр и снова посадка, и опять та же картина: опрокинутые повозки, на земле искореженные ящики из белых досок, воронки от снарядов, убитые лошади с растопыренными ногами и трупы, трупы солдат. Сколько же здесь положили нашего брата! Посреди дороги молодой стриженный мальчишка лежит, раскинув руки, возле него винтовка, через плечо скатка...

Нам некогда даже документов собрать у убитых. Анохин торопится, скоро будет светло, и если мы не найдем до света надежного укрытия, тогда беда!

Прошли и эту посадку, за ней поле, небольшой овражек, снова поле. Справа в посиневшем небе стали видны тёмно-серые громады гор. Мы торопимся, а Верхнего Курпа всё не видно. Куда мы зашли?! Может, с дороги сбились? Впереди еще какая-то небольшая посадочка, за ней полоса неубранной кукурузы. Желтые высокие, в человеческий

рост, стебли предательски громко шумят, трещат, раскачиваются метелки стеблей, указывая наше местонахождение. Светает заметно, небо посинело, на востоке его уже тронули рассветные краски. Полоса кукурузы оказалась неширокой и вскоре мы оказались на её краю. По цепочке передается команда «стоп!» Теперь мы лежим на самом краю кукурузной полосы, нам здорово повезло на сей раз. Впереди не очень широкий луг, всего метров сто пятьдесят, а за ним огороды, контуры деревьев, крыш – это и есть Верхний Курп. Вышли точно! Всё в легком голубом тумане, там, за Курпом, довольно высокая гора и небо, расцвеченное светло-золотистыми и зеленоватыми красками. Пулеметов не слышно, и ракеты уже не взлетают. Тихо кругом, но мы знаем, что там впереди, в Верхнем Курпе, полно немцев, и вокруг немцы, и мы у них в тылу, за их линией обороны; теперь без злой, смертельной драки нам никак не обойтись и отсюда не выбраться. Нервы напряжены, главное нас еще не обнаружили, и мы нашли укрытие. Теперь всё дело во внезапности и во взаимодействии.

По вершинам синих гор разливаются золотые солнечные блики, а мы лежим и стараемся не прозевать сигнала красными ракетами, сигнала, когда поднимется в атаку наша пехота. Мне кажется, что лежим долго, вокруг тихо и тут, в напряженной до крайности тишине, раздаётся откровенный и залихватский храп.

– Какой дурак!.. дайте ему по балде, чтоб затих! – яростно шипит Анохин.

Через секунду храп обрывается, видно, «дали по балде». Впереди луг стал седым от росы, стала видна проселочная дорога перед огородами, низкие каменные заборчики. Теперь бросок через этот луг, теперь только бой, назад пути уже не было. Друг от друга мы на расстоянии вытянутой руки, автоматы у всех взведены, все готовы к любой неожиданности. Главное, не прозевать серии красных ракет. Тихо. Зверски хочется спать. Перед восходом солнца всегда так – самый сон. К тому же ребята устали до предела и немного прошло нервное напряжение. Предательская тишина размагничивает, притупляет. Чтобы не уснуть, перебороть навалившуюся дремоту, стараюсь взбудоражить себя нагнетанием чувства опасности, мобилизовать внимание, пытаюсь представить себе, что все мы на краю пропасти – один неверный шаг и... Вообще-то, добром нам отсюда не выбраться. Мы в тылу врага и это не просто расхожая фраза, истертая на страницах боевиков и военных кинофильмов, это уже не романтический загиб на встрече воинов с пионерами, это суровый факт, и никто не знает, чем все это кончится, и ведь наверняка кто-то будет убит, а кто-то ранен. Только сейчас вот внешне выглядит всё до странности обычно и буднично: рассветное спокойное небо, высокая желтая кукуруза, четко отрисованные метелки стеблей на фоне неба, белесая низенькая трава на лугу... Внешне всё так тихо и мирно... А что, если комбат вдруг отменил наступление, если, пока мы сюда шли, изменились планы командования, у нас тогда не останется больше никакого выхода, нам придется идти на прорыв и совсем неизвестно, что из этого у нас получится. Может быть, всем нам тогда конец, если роты не пойдут в атаку... А земля здесь тёплая, прокаленная солнцем, она не успела остынуть за ночь. Солнца еще не видно, а уже светло и листья кукурузы больше не кажутся тёмными контурами, они стали золотыми. Вон, по одному листу прямо перед моим носом ползет божья коровка... Вот глупая! Погибнет она здесь вместе с нами. Она даже не представляет себе, что её здесь ожидает. Вот ползёт и воображает себя здесь хозяйкой. Ей вон туда нужно... там зеленый луг и на нём ослепительно яркие, золотые пятнышки цветущих одуванчиков... Так это же старая пасека в деревне и над ней ласточки, ласточки...

– Какая там сволочь снова храпит?! Придушу сейчас!

Неужто это я? Точно я! Тоже мне одуванчики, божьи коровки с ласточками!.. Надо же, никогда не храпел во сне, а тут как назло...

Справа видна балка, там еще туман держится, а вершины гор облиты золотом восходящего солнца. На холмах его золотые и розовые блики, сейчас оно брызнет нам в глаза ослепительным светом... Впереди в поселке не слышно ни петухов, ни собачьего

лая, вымер поселок, не осталось в нём жизни, там затаилась настороженная и злая вражеская сила и сейчас схлестнемся мы с ней.

В этот час справа, оттуда, с нашей стороны, ударила полковая пушка, эхо прокатилось по всей округе. Снаряд с тугим напористым воем распорол воздух и грохнул взрыв где-то на окраине поселка. Следом ударили сразу несколько орудий, захлопали минометы, громовые разрывы прокатились по окраине Курпа перед балкой, рвануло в самом поселке, и над садами пополз дым, подкрашенный солнцем. Здорово лупят! Мне еще не приходилось слышать такого многоголосья нашей артиллерии. А фрицы не отвечают, не проснулись еще, гады! А наши пушкари на сей раз не жалели снарядов и особенно старательно обрабатывали огнём окраину со стороны балки. Несомненно, наши начали артподготовку, значит, сейчас могут быть ракеты! Нельзя нам тянуть дольше – немцы опомнятся. Вон, уже откуда-то из поселка послышались выстрелы немецких минометов. Мы видели, как по окраине пробежало в сторону передовой человек пятнадцать немцев. Наши пушки еще не смолкли, а в золотистое небо взлетели маленькие и яркие, словно снежинки в солнечный морозный день, розовые искры трёх ракет. Мы их заметили сразу.

Ну что ж, теперь пора! Анохин привстал на одно колено, взял автомат и тихо сказал: – Без шуму и что есть духу вон в те огороды и к домам! Полундра, ребята!

Он первым выскочил из кукурузы на открытый луг и побежал вперед. За Анохиным дружно и молча высыпали все ребята, бежали что есть духу, легкая пыль летела из-под ног. Ребята быстро обогнали Анохина... Я бежал, как на спринтерской дистанции, выжимал из ног всё, на что они были способны. А в них появилась непонятная сила, они упруго отталкивались от земли, они словно летели над нею... Скорее, скорее, не дай бог задержаться, отстать... Главная задача этих секунд, как можно скорее добежать до крайних садов, зацепиться за ограды из камня-плитняка. Рядом топот ног, частое дыхание, скорее! Скорее! Под ногами серо-зеленым полотном бежит земля... Каждую секунду можно ожидать встречного губительного огня... Скорее! Вот они, огороды! Дорога. Не глубокий кювет, ограда... Секунда и мы уже за этой оградой... Прозевали нас фрицы, ей богу прозевали! На спине у меня подпрыгивает вещмешок, кроме сухого пайка и прочего солдатского барахла в нем проклятый гальванометр, магнит больно бьёт по позвоночнику, дурак! Надо было выбросить его там, в кукурузе. Огород, рыхлая земля, увядшая картофельная ботва... Справа, на окраине, видно: яростно трещат немецкие пулеметы, а впереди откуда-то из поселка, от нас совсем рядом, слышны выстрелы минометов. А мы уже в саду и по нам еще не стреляют, нас еще просто не видят! Сквозь ветви деревьев пробивается золотое солнце... Вот первый дом, он пустой, а за ним вдоль улицы на земле целых два провода в темно-красной пластиковой изоляции. Бородатый Авдеев пытается их перерезать финкой, но под изоляцией прочные стальные жилы.

– Гришка, погоди! У ребят ножницы! – кричу я Авдееву.

– А где там ребята!

Но кто-то появился из разведчиков батальона с ножницами и провода связи перекусили мгновенно, выстригли из них по несколько метров. Разведчики бежали дальше вглубь поселка... Скорее! Скорее! Взрывы наших снарядов и мин грохочут рядом. Этак под свой снаряд угодить можно, но никто не допускает и мысли, что свой осколок заденет своего бойца... Анохин ведёт всю группу левее.

– Минометы тут, минометы! Скорее! – хрипит Анохин, и все бегут на звук частых минометных выстрелов.

Какой-то пустой луг среди садов, на краю дом, а на лугу минометная батарея. Здесь суетятся немцы, а один из них стоит позади батареи и что-то кричит минометчикам. При каждом выстреле минометчик, опускавший в ствол мину, отворачивался и закрывал ладонями уши при выстреле. Минометчики не ожидали нашего появления, они сразу

даже не поняли, кто перед ними, когда мы оказались на этом лугу. Дружный треск автоматов дробью раскатился по всему поселку. Первым упал тот немец, что стоял позади батареи. Остальные падали, бежали, да куда там – тридцать автоматов не шутка!

– Полундра!!!

Ребята бросились вперед, стреляли прицельно короткими очередями. Батарея была уничтожена в несколько секунд. Кто-то разнес вдребезги ударом ботинка пластмассовую коробку полевого телефона... Сине-зеленые куртки, черные петлицы, каски с двумя белыми молниями – всё мелькало словно в калейдоскопе.

– Что делать с минометами?

– Сыпь земли в эти трубы, сыпь скорее!

– Может, по фрицам стрельнем?

– Сыпь, тебе говорят! Некогда! Скорее!

Наши снаряды и мины рвались по всему поселку, а мы снова побежали куда-то садами, здесь небольшая улочка, а на углу несколько немцев ставят противотанковую пушку... Анохин молодец – он действует напористо, нахально и ребята не отстают. У пушки расставлены сошники, рядом у заборчика ящики. И все живое сметено бешеным автоматным огнём, чей-то сумасшедший крик, на дороге возле пушки немец с окровавленным лицом.

– По прицелу бей, по прицелу! – кричит кто-то из разведчиков.

– Падажды! Падажды! Разворачивай пушка, там машины в саду! – кричит неугомонный Тазиев, но пушку развернуть не успели – впереди появилась еще какая-то большая крытая брезентом автомашина... А Купоросов оказался парень что надо – успел бросить в казенник пушки снаряд, клацнул стальной челюстью замок – и выстрел! Пушка подпрыгнула, одновременно с выстрелом грохнул недалёкий взрыв, и машину окутало облако грязного дыма, мелькнули в воздухе какие-то рваные железки, и пламя мгновенно охватило машину.

– Заряжай!

Второй выстрел и снова взрыв. Горели посреди улицы останки тяжелого «Бюссинга». Откуда-то прозвенела автоматная очередь, пули ударили в оружейный щит, полетела белая крошка от забора. Немцы, видимо, начали приходить в себя, теперь к нахальству нужно добавлять немного осторожности. У нас еще никого не задело, а Купоросов под автоматным огнём ухитрился искалечить прицел пушки и бросить горсть дорожной пыли и песка в открытый замок.

– Ребята! Давай сюда, скорее!

Все бросились на крик в сад. Там к белому домику в глубине тянулись телефонные провода, рядом с широким крыльцом стояла еще одна небольшая автомашина. Раздумывать некогда... Из дома выскочило двое немцев и тут же оба свалились, срезанные автоматными очередями. Крики, стрельба. Из разбитых окон замелькали искры выстрелов нескольких автоматов, в ушах от стрельбы сплошной треск. Стреляют в нас. Кто-то из ребят упал, а мне повезло – промазали. Я падаю на землю и стреляю длинной очередью по окнам, от саманных стен фонтанами брызжет пыль. В саду возле дома раненый эсэсовец лежит на животе, пытается приподняться, отползти за дом... Чья-то хлесткая очередь и у немца подломились руки, он упал лицом вниз и больше не шевелился. А разведчики уже «оседлали» два окна, теперь они стали для ребят бойницами. Несколько секунд и у этого дома бой закончен, небольшая автомашина с железными бортами словно решето исклевана пулями.

– Вперед! Вперед!

Я не узнал голоса кричащего, но какая-то сила понесла меня к соседнему дому. Я выстрелил наудачу по окнам дома, а справа за оградой снова тесная улочка, по ней торопливо бегут четверо немцев, они часто оборачиваются и стреляют куда-то назад из автоматов. Вокруг стрельба, и я с колена стреляю по бегущим. Двое немцев упали, а

третий стоял, схватившись обеими руками за живот, шатался и не падал, а в него лепили за пулю пулю, потом он запрокинул голову и тяжело осел возле каменного заборчика. Я побежал за угол дома. Впереди меня оказался Гогаберидзе, он, пригнувшись, бежал вдоль забора и стрелял по убежавшему немцу. Я тоже вскинул автомат, а сзади очередь, оглушительная автоматная очередь... Что-то сильно ударило в спину, и звон какой-то... Я отшатнулся, а Гогаберидзе мгновенно выстрелил длинной очередью куда-то, краем глаза я увидел падающего с крыльца дома немца, а Гошка отпрыгнул в сторону и снова очередь – у него не ноги, а стальные пружины!

По мне больше не стреляют, но я вначале свалился от внезапной очереди сзади, потом вскочил и выстрелил по бегущему фашисту. На улице сплошной автоматный треск и жестокая стрельба справа. Я обежал дом, рядом со мной оказалось еще несколько разведчиков, и вдруг длинная пулеметная очередь.

– А-а! – послышался крик рядом. А я возле какого-то брошенного на землю бревна, рядом странный, круглый сарайчик с плетневыми стенами, раненый разведчик возле него, а пулемет бьет так, что головы не поднять. Мне показалось, что пулеметчик в небольшом домике в углу сада и стреляет из глубины помещения в окно. Окно распахнуто наружу и я стреляю в него снова длинной очередью, вижу как рассыпается стекло... Кто-то из ребят бросил вперед гранату, она взорвалась недалеко от дома, пулемет на несколько мгновений смолк.

– Сейчас я его заткну, мать бы его!

В руках у Суменкова ракетница, он выстрелил из неё в соломенную крышу этого дома. Ракета, прочертив в воздухе легкий дымный след, воткнулась в крышу, и по ней пополз белый дым. Снова пулеметная очередь, ребята под огнём начинают отползать назад.

– Гончаренко ранен! Оттащи его за дом! – кричит кому-то Медвинский. Ремешок его мичманки оборвался и болтался возле уха. Дом мы взяли в кольцо, уцелевшие в нем немцы продолжают стрелять, а крыша дома быстро занялась огнём... Рядом в доме тоже немцы, да их здесь прорва! В окруженном доме пулемет смолк, к соседнему дому побежали грузный Авдеев, тонкий и злой, как пантера, Гогаберидзе и еще несколько человек. Из дома выскочил немец и побежал через сад.

– Гад! Дыржи его! – кинулся за ним Гогаберидзе, но возле убежавшего оказался еще один здоровый, плечистый эсэсовец в каске. Гогаберидзе оказался рядом с ним и немец не выстрелил, а сильно ударил Гошку кулаком в лицо. От неожиданного и сильного удара Гошка отлетел в сторону. В ту же секунду возле немца оказался Авдеев, а немец был ловок, он наотмашь ударил набежавшего Авдеева, Гришка отлетел на шаг, а потом с каким-то звериным рёвом бросился на немца и оба они покатались по земле. Бежавший впереди немец обернулся и хотел выстрелить в поднимавшегося с земли Гошку, я успел ударить по фрицу очередью, опередил его на полсекунды. Немец рухнул на землю, а Гошка бросился на катавшихся по земле немца и Гришку. У немца в руках был пистолет, Гришке удалось вывернуть немцу руку, а Гошка вцепился немцу в горло своими руками. Вначале я даже не сообразил, что я убил человека, того, который обернулся, чтобы выстрелить в Гошку. Похоже мы влипи в кашу! А Гришка Авдеев уже верхом на лежащем немце и своим чугунным кулаком бьёт его в лицо. Подбежал Тазиев, и они уже троём связывали руки за спиной у поверженного немца, а тот вдруг стал кричать протяжно и громко. Вскочивший на ноги Гогаберидзе ударил ногою в бок немца, тот сразу замолчал, потом перевернулся на спину и обреченно смотрел на Авдеева. Физиономия у немца была разбита, кровь стекала по щеке. Телефонным кабелем немцу связали также и ноги... А вокруг стрельба. За заборчиком у самой улицы дом, у стены мотоцикл, в саду полевая громоздкая кухня... Из двери дома выскочил немец, буквально впрыгнул в седло мотоцикла и резким толчком ноги завёл мотор. Мотоцикл стрельнул голубым дымом, сорвался с места, но немец вдруг выпустил руль, машина вильнула, ударилась

о забор и упала. Воздух наполнился синим, едким дымом пожаров, а из дома рядом стреляет кто-то из окон из винтовки. Мы с Гогаберидзе стреляли короткими очередями по этим окнам. Выстрелы затихли. Гошка подозрительно посмотрел на меня и спросил:

– Вай, ты правда живой?

– Что?

Уши заложило от стрельбы, я плохо слышал.

– Ты живой?

– Живой. А что?

– Савсем хорошо. Этот гад тэбэ в спыну очерыд всадыл. Сам видыл. Давай пыры-выжу.

– Да я не ранен.

– Ты в горячке ны чуешь.

Я и сам понимал, что лопухнул, не заметил немца сзади и если бы не Гошка... Но как фриц мог промазать?! В упор, гад, стрелял! Появился Авдеев, под глазом у него расплылся синяк. Бой откатился немного в сторону.

– Что у вас? – кричит Авдеев.

– Да фриц какой-то стрелял из дома.

– Ну и что?

– Больше вот не стреляет.

– Так чего сидите?

Рядом с нами появился Анохин и еще несколько разведчиков. Парень из батальонной разведки тащит в руке черный немецкий портфель с никелированными замками.

– Разведка, чего здесь торчите? Давай вниз, к балке! – закричал Анохин.

– Фриц у нас здесь связанный.

– Где?

– В соседнем саду.

– Какого ж хрена вы его бросили?! – негодовал Анохин, и мы снова вернулись в сад соседнего дома.

Немец лежал по-прежнему на земле под охраной Тазиева. А вокруг снова сумасшедшая автоматная стрельба, треск пулеметных очередей. Над нами с тяжелым шелестом и воем летели наши снаряды, а грохот взрывов, кажется, гремел по всему поселку.

Мы побежали в сторону, где особенно жарко вспыхнула перестрелка. Впереди ограда и с неё брызнули от пуль каменные крошки. Стреляли откуда-то из-за дома. Я приподнялся и с колена ударил из своего автомата в том направлении, но мой автомат делает два выстрела и замолкает – задержка! Я падаю на бок, выбиваю диск, но патрон застрял и не вываливается из автомата. Такая задержка может стоить жизни! Ответная очередь заставляет влипнуть в землю. Стреляют явно из-за противоположной ограды... Подвёл, подвёл проклятый автомат! Чья-то звонкая очередь рядом. Наконец патрон вывалился, снова вгоняю сильно опустевший диск – очередь! Стреляю над оградой, стреляю по окнам... Стоп! Всё, диск пустой. Быстро ставлю запасной, а рядом Гогаберидзе почему-то лежит на земле...

Неожиданно справа от нас послышался мощный рёв мотора. Из-за соседнего дома окутанный грязно-синим дымом и пылью появился танк. Под его гусеницами, словно скорлупа, рассыпалась каменная ограда, какое-то деревце отчаянно встряхнуло кроной, мгновенно упало, с силой хлестнув ветвями о землю. Я схватил Гогаберидзе и мы оба мгновенно перемахнули через изгородь – авось не заметит. Ребята, что были с нами, куда-то уже исчезли. А там, где мы только что были, связанный и оставленный всеми немец пытался подняться с земли на колени, он что-то кричал отчаянно и громко, кричал, стараясь перекричать рёв танкового мотора.

– Очередью его стреляй! Стреляй, говорю, чего смотришь! – кричал на меня Гогаберидзе. Он, видно, боялся, что танкисты подберут своего собрата, но те не заметили немца. Танк ушел, а поднявшийся на колени немец снова рухнул на землю. А у Гошки

рука в крови, с пальцев капаят на землю огненно-красные капли. Появились Тазиев, Селиванов, еще кто-то. Немец продолжает выть.

– А, паскуда, добыю я этого гада!

– Погоди, дуrolом, это «язык» все-таки!

Снова крики, автоматная стрельба и уже трудно разобрать, кто куда стреляет. Танк ушел, рев его мотора растворился в очумелой стрельбе, немец еще продолжал выть на земле, а Тазиев торжествующе кричал:

– Ву, что я вам говорил! Умыли мы их, умыли!

На узкой улочке и в нашем саду появляются бойцы стрелковых рот. Они бегут в нашу сторону небольшими группами, на ходу стреляют куда-то.

– Браты! Сюда, славяне! Нашего фрица не добейте, он нам нужен! – громко кричит Анохин, но родные братья, заметив нас, быстро укрылись за ближайшей оградой и кто-то из них пронзительно нам кричал:

– Хальт! Хенде хох, сволочи!

Кому-то из бойцов показались подозрительными непривычные маскхалаты, а всё, что непривычно или непонятно в бою воспринимается как враждебное.

– Пошел ты к едрене маме, да! Куда, дурак, целышь?! Зачем голова целышь?! – остервенело кричал Бергалеев.

– А вы кто такие, мать бы вашу?

– А вы что, охламоны, раздолбаи, своих разведчиков не признали?! Кричал Анохин, размахивая наганом.

– Так бы сразу и говорил. Ребята, это, кажись, разведчики вчерашние.

От дома к дому бежали вперед наши бойцы из стрелкового батальона. Вроде бы ленивой трусцой бежали, осторожничали, но уже теперь стало ясно, что атака удалась, что не удержались немцы в Верхнем Курпе.

Над поселком стелется дым пожаров, пороховая гарь, черный дым от горящих автомашин поднимается над садами...

А Гогаберидзе ранен в правую руку, чуть ниже локтя. Ребята его перевязывали, Гошка морщился от боли. Пулевая ранка вроде небольшая, а кровоточит сильно, на белом бинте быстро расплзается красное пятно и маскхалат у парня в крови, к тому же синяк под глазом.

Когда перевязали, Гогаберидзе кивнул на меня головой и сказал:

– Панымаешь, этот гусь, праворонил фашиста, тот ему в упор в спину попал, а меня зацепило, когда вроде и стрелять перестали. Обидно, цхе!

– Ладно, Гоша, мы свои люди, сочтемся. А ты меня спас сегодня.

Все мы еще не остыли от боя, движения у ребят порывистые, резкие. Стрельба откатилась куда-то к окраине, но пули бьют по сучьям деревьев, тонко и коротко свистят над нами. Двое разведчиков принесли Гончаренко, положили его под дерево. У него дела плохи – в пах ранен. Легко ранен Костя Кудряш, у него два ранения и оба легкие, касательные на боку и на руке. Рана на боку кровоточит. Его тоже перевязали. Костя воюет с 1941 года, уходил на эсминце «Артём» из Таллина, у него столько ранений, что и сосчитать трудно. Всё его тело в шрамах. После боя он неестественно говорлив и всё рассказывает ребятам, что теперь у него девятнадцать ранений. У батальонных разведчиков раненых трое, двое из них – тяжело.

Анохин приказал обыскать связанного немца. Федя Фролов вытащил у пленного бумажник, солдатскую книжку «зольдбух», тонкую пачку сигарет, зажигалку, вытащил из кармана френча небольшую пачку любительских фотоснимков, рассматривать их не стали, и это спасло фашиста от немедленной мстительной пули. Немец затравленно и испуганно смотрел то на Федьку Фролова, то на бородатого Авдеева.

Появился Суменков, в его руке трофейный пистолет «Вальтер», где-то уже успел подцепить его. Ребята, словно по сигналу, собирались возле дома, где сидел на крыльце усталый и чумазый Анохин.

Анохин отправил раненого Гончаренко вместе с ранеными батальонными разведчиками на сборный эвакуационный пункт. Гоша не ушел, сгорая, наверное. А меня, видно, бог спас в этой страшной свалке, иначе и не объяснить случившееся – две пулевые пробоины в вещмешке, а на вылете пули разодрали ткань так, что лохмотья байковых портянок наружу вылезли и на боку маскхалат прострелен. Кто же молился за меня в этот день?!

– Ну ты, Пауст, даешь! – восхищался чем-то Бельтюков.

Долго нам хороводиться было некогда – еще шел бой, на окраине Курпа жестокая ружейно-пулеметная перестрелка, в балке и в самом поселке рвутся мины, слышны выстрелы танковых пушек. Нам нужен был все-таки минутный перерыв, небольшой перекур. Ребята уселись у ограды и жадно глотали едкий табачный дым. Сумасшедшее напряжение ночного поиска, горячая беспощадная схватка, что только закончилась, требовали перекура. Не успели мы накуриться, как возле дома, где мы обосновались, появился лейтенант с зелеными кубарями в петлицах пыльной гимнастерки и с автоматом на шее. Его сопровождали трое рослых автоматчиков, они тоже еще не остыли от боя. Лейтенант увидел нас и весело закричал:

– А, разведка, мать вашу за ногу! Вы что придуриваетесь – бой не закончен. А вообще-то вы молодцы – подмогнули! Потери большие? Эт-то еще ничего, на войне бывает и хуже. А мы уже за Курпом. Приходите в гости! У меня канистра спирта есть. Угощу героев!

– Это уж точно, придём. Куда топать, товарищ лейтенант? – подхватил Селиванов.

– Вот правильно! Топайте в сторону противника, там, на окраине и встретимся.

– А чего это вы сами-то не в ту сторону?

– К комбату, хлопче. Сначала к комбату, а потом еще повоюем, поищем себе чести, а нашему князю славы. А это кто?

Лейтенант кивнул на лежащего связанного немца.

– Да вот фриц в гости пришел, а нам и угостить человека нечем, улыбнулся Анохин.

– Как так нечем? Я по его морде вижу, что уж не обидели – угостили чем бог послал.

Что теперь вы с ним делать-то будете?

– Посмотрим. Может, пригодится.

– Давай его мне. Я его сейчас до комбата доставлю, что ж добру пропадать, – предложил лейтенант.

– Нет, мы с этим управимся сами, – несогласно мотнул головой Анохин.

– Как знаете. Только ведь дорого яичко-то знаешь когда?

– Да кому как. Потому и бережет каждый свои яички. А где комбат?

– Шукайте его на южной окраине.

Веселый лейтенант ушел, а Анохин подумал и обратился к раненому Гогаберидзе.

– Гоша, как твоя рука?

– Нормально рука, только не гнется и пальцы не шивелятся.

– Худо, брат. Нужно тебя в госпиталь отправлять.

– А что, мы в роту не пойдем?

– Не пойдем, Гоша, да и из роты тебя всё равно в медсанроту отправят. Гоша помолчал. Он и сам не знал, как ему лучше поступить: конечно, ранена правая рука, значит, вести бой он уж никак не может, а уходить из роты ему тоже не хотелось, он привык и сроднился со всеми ребятами, и разведчики относились к нему по-доброму, ценили его за верность дружбе и бескорыстие, а командиры взводов, и даже сам Ласточкин, старались щадить парня за его молодость – едва семнадцать ему исполнилось... Называли его все по имени – Гоша, наверное, это и было его настоящее имя. В роте нередко переименовывали имена, так вот окрестили Костю Кудряшева – просто Кудряшем, благо у него и волосы вились, как у цыгана, мелкими завитушками, все привыкли и называли его просто Кудряшем.

– Слушай, Гоша, а ты до роты дойти пешком сможешь? – Вдруг спросил его Анохин.

– Конечно, дойду. Рука ранена, а не нога. Почему не дойти!

– Подумай, Гоша. Дело одно есть.

– Чего думать! Нужно дойти, значит дойду.

– Я хочу дать вам с Кудряшем одно важное задание. Вот нужно взять этого пленного и доставить его к самому Ласточкину. Задание, повторяю, важное. Справитесь? Только чтобы без дураков, ясно? Берегите этого фрица, как родного брата.

Горячий Гоша тут же взвинтился:

– Какого брата! Зачем брата?! Ты не трогай, командир, моего брата. Мой брат не может быть фрицем!

– Ладно, Гоша, не придирайся. Сам знаешь, какой кровью «языка» добывают. Живым и невредимым его в роту нужно доставить. Понятно что-ли?! – теперь уже Анохин повысил голос.

– Вот теперь понятно, – согласился Гогаберидзе.

– Кудряш, возьми у Фролова все документы, все фрицевы бумаги и давайте в роту. Смотрите мне оба! Развяжите этому гаду ноги.

Пленный лежал на боку. Когда ему развязали ноги, он поморщился и сел, привалившись спиной к дереву.

– Не рискуй, лейтенант, сдай ты этого фрица в батальон и хрен с ним, – посоветовал Суменков.

– Сдай... – проворчал Анохин. – А ты подумал, что нам с тобой Натынов скажет? Документов целый портфель – батальону, «языка» – батальону, а нам опять шишки! Они ж по своему тылу пойдут, на дороге попутных машин и повозок полно... А ты, Кудряш, не зевай – лови на дороге любой транспорт. Так как, доберетесь?

– А как же, товарищ лейтенант, всё будет в полном ажуре. Порядок на Балтике!

Кудряш расплылся в довольной улыбке. Он был откровенно рад этому поручению: что там греха таить, в тыл идти намного приятнее, чем торчать на передовой, да еще нужно вести такого пленного. Пленный немец в то время был большой редкостью, вызывал всеобщее любопытство, а Костя был честолюбивым человеком. Пленного подняли, Костя взял у Фролова все бумаги, и ребята пошагали по узенькой улочке к балке, которая теперь уже стала нашим тылом. Впереди шел Гоша, держа раненую руку на перевязи, свой автомат он повесил на шею так, чтобы в случае необходимости можно было стрелять с левой руки. За Гошей, опустив лохматую голову, шел пленный, пальцы рук у него посинели, видно, туго перетянули за спиной у него руки. Последним шагал Костя, по-морскому, с легкой развалочкой.

Ушли ребята, а мы докурили свои сигарки, и Анохин повел всех к штабу батальона.

Части испытанной в боях, лучшей дивизии Гитлера «Викинг» были выброшены из Верхнего Курпа неожиданной атакой нашего батальона. Операция удалась. И мы не преуменьшали своих заслуг, напротив, Фролов весь успех операции приписывал нашей группе и его полностью поддерживал Тазиев. Они разговаривали между собой, чтоб слышали все, и будто спорили:

– А что ты думаешь, – говорил Федька, – мы им врезали, аж перночевать негде. Хрен бы что получилось, если бы не мы!

– А я что говорил! – кипятился Тазиев. – Да за такую операцию все должны медали получить, Анохину орден дадут!

– А ты что думаешь! И получим! Такое не каждый день бывает.

– Правильны! О таком в газете писать нада, как отважный разведчик Гришка Авдеев по прозвищу подполковник Климашевский взял «языка»...

– Хватит трепаться! Гришке под глаз медаль уже подвесили, – остудил всех Медвинский.

КП батальона нашли быстро. Анохин, Купоросов и Суменков ушли к комбату, а мы устроились в неглубокой канаве у огорода. В поселке рвались мины, у нас было сравнительно тихо. Пока было время, мы решили перекусить.

* * *

В жизни иногда случается такое, что и представить себе невозможно. Такое может случиться, что сам себе не поверишь!

Никто из нас и представить себе не мог, что этот проклятый день принесет нам еще столько потерь и мучений.

В то время, когда наш батальон вышиб эсэсовцев из Верхнего Курпа, Гогаберидзе и Кудряш конвоировали пленного. Здоровенный детина со скрученными за спиной руками покорно шел следом за Гогаберидзе, а Кудряш шагал следом за немцем с автоматом на шее. Они сравнительно спокойно перешли через широкую балку, вышли из зоны минометного обстрела и неторопливо пошагали к горам, по той самой дороге, по которой вчера вечером ехали сюда на повозках. Встречные бойцы с любопытством рассматривали рослого и здорового немца со связанными руками. В то время пленные фашисты были еще в диковинку, поэтому вызывали острое любопытство. Солдаты отпустили в адрес пленного и его фюрера соленые шутки, а тот шел молча, не реагируя на них и вроде бы даже не понимая. Пилотку он потерял в драке, физиономия была разбита, длинные светлые волосы растрепаны, падали на лицо, на губах, на щеке засохла кровь, кровью был испятнан его френч и брюки. Всю дорогу Костя Кудряш настырно высматривал какой-нибудь попутный транспорт, но откуда было ему знать, что еще с вечера командир бригады строжайше запретил всякое движение по этой дороге в дневное время. Стало жарко, хотелось пить. Раненая рука у Гогаберидзе опухла и сильно болела, он терпел, но каждый километр ему давался с трудом, его особенно мучала жажда. Костя Кудряш понимал, что товарищу тяжело и начал присматривать место для привала. Они шли вдоль склонов гор, поросших лесом, справа широкая, залитая солнцем, долина. Прошагали еще километра два. На пути им попался разросшийся куст колючего шиповника с красными крупными ягодами, здесь они и решили сделать короткий привал. В стороне в степи двое связистов возились с телефонным проводом – то ли связь тянули и сращивали два конца, то ли обрыв на линии нашли. Костя подошел к связистам, поинтересовался насчет воды, но и у них фляжки оказались пустыми, правда, они сообщили, что километра через два будет овражек с небольшим родником. Ребята решили просто отдохнуть. Кудряш вытащил из кармана тощую пачку немецких сигарет, решили попробовать. Сигареты оказались кислыми, безвкусными и совершенно слабыми. Костя сморщился и решительно заявил:

– Ни-и, это не по мне. Я такую гадость курить не могу. Пусть ихний фюрер это дерьмо курит. Фриц, ты курить будешь?

– Мой имя есть Клаус. Их виль раухен, – ответил немец, с трудом шевеля разбитыми губами.

– Надо же! Русский язык усвоил. Хочет, паразит, чтобы его по имени величали. Влеплю вот между глаз – будет тебе Клаус! – проворчал Кудряш, но воткнул немцу в рот зажженную сигарету, а сам соорудил себе самокрутку из привычного отечественного табака.

Война еле доносилась сюда раскатистыми взрывами снарядов, словно дальняя гроза. Было тихо, почти безветренно и жарко. В небе, правда, появились редкие ватные облачка, но они словно текли яркое солнце и не давали тени. Ничего не предвещало неприятных неожиданностей, война осталась далеко позади. Но вдруг из синевы неба свалился на землю звенящий вой авиационного мотора. До бреющего полёта снизился небольшой двухфюзеляжный истребитель с толкающим винтом ФВ-198. Он летел вдоль дороги, по которой только что прошли разведчики, стремительно приближаясь к кусту шиповника, в котором они укрылись. Кудряш, Гогаберидзе прижались к колючим веткам, ожидая неминуемой пулеметной очереди. Пленный немец даже не шевельнулся, он лишь выплюнул дымящуюся сигарету и Кудряшу показалось, что губы пленного скривились в презрительной усмешке, а этот двуххвостый змей вдруг отвернул немного в

сторону, где-то развернулся и пошел на копавшихся с проводом связистов. Те слишком поздно побежали в сторону. Прогремела гулкая пулеметная очередь. Самолет стремительно, со свистом пронесся вперед, еще развернулся, заложив крутой вираж, снизился и пошел обратно. В это время двое связистов вскочили на ноги и побежали к нашему кусту. Наши бойцы ничего не могли поделать с этой двухвостой кометой. Связисты бежали рядом, и по ним полоснула пулеметная очередь. Оба упали, а самолет взмыл вверх и ушел в сторону Верхнего Курпа.

– Сиди здесь! – крикнул Костя Кудряш и побежал туда, где лежали оба связиста.

Тогда немец вдруг заговорил торопливо, обращаясь к Гогаберидзе:

– Иван, расфяши рука. Мне есть ошень болит.

– Терпи, терпи, фриц, мне тоже «есть ошень болит», а я терплю. Вот и ты потерпи.

– Я не есть бешать.

– Я тоже так думаю. Вот видишь? – Гогаберидзе погладил левой рукой свой автомат. – Пуля догонит, как ни беги.

– Тфой товарищ ист офицер? – снова спрашивал немец и Гогаберидзе искренне удивлялся его внезапной словоохотливости.

– Мой товарищ солдат. Он просто мой товарищ.

– О, йя понимают. Слюшай, зольдат, я буду тебе сказаль один ошень фашный слов.

Ты нихт пук-пук?

– Валяй. Говори. Не бойся, мы не стреляем пленных.

– Я тебе делайт ошень хорошо. Ты спасайт дойче зольдат. Мой офицер довайт тебе свобода и ошень много денег. Ферштейн?

– Если ты будешь еще так говорить, я тебе буду «делайт» по морде. Ферштейн?

Немец замолчал, но потом начал снова:

– Тебе надо думайт, зольдат. Криег аллес капут! Сталин капут. Думай, тфой жить. У тебя есть хороший шанс.

– У тебя, гада, тоже есть хороший шанс. Во, видал?

Гогаберидзе приподнял автомат и покрутил его ствол перед носом немца. Он встал с земли и посмотрел в сторону, куда пошел Кудряш. Он увидел, что Костя тащит на плечах раненого связиста. Гогаберидзе не мог ему ничем помочь: он сам был ранен и не решился оставить одного этого здоровенного немца, который подбивал его на злое дело. У Гоши появилось настороженное недоверие к эсэсовцу, но он был молодым солдатом и добрым, доверчивым человеком. Гогаберидзе был опасен в бою, но здесь он считал, что игра окончена, немец проиграл и теперь должен покорно ждать своей не очень уж страшной судьбы.

Подойдя к кустам, Кудряш осторожно опустил на землю раненого.

– Понимаешь, а тот готов... пуля в спине и другая в затылке, а у этого нога перебита и бок прострелен. Пакет у тебя есть?

Пакет оказался один у Кости, другой у связиста. Его перевязали, израсходовали все перевязочные средства. Раненый связист тихо стонал.

– Что ж теперь делать-то? – сокрушался Кудряш – Ладно. Пошли что ль?

Гогаберидзе снова шел впереди, за ним немец, а последним Костя тащил на своей спине связиста. Через полкилометра Костя выдохся окончательно и, как на грех, сколько прошли и ни одной попутной подводы. Кудряш злился. Он представлял себе, что они без особых трудностей и забот придут в роту, а тут на вот тебе!

– Пристукнуть бы сейчас этого гада. Идет такой боров здоровый, а тут!..

– Ты с ним осторожно. Он, гад, русский язык знает.

– С чего ты взял? – удивился Кудряш.

– Он мне советовал отпустить его, большие деньги, между прочим, обещал. Всё равно, говорит, войне капут и Сталину капут.

– Я его, гада, научу свободу любить. Он у меня узнает, какой Сталину капут, он у меня сейчас своего фюрера вспоминать будет!

Костя затрясся от злобы, его слова немец понимал и теперь боялся, что его прикончат. Он начал что-то бормотать по-немецки.

– Слушай, – примирительно начал Гогаберидзе, – подожди, дорогой. Мне командир взвода говорил, чтобы я эту сволочь как брата берег. Хрен с ним. Положи мне раненого на левое плечо, я сильный, я его немного понесу, а там увидим.

– Нет, Гошка, это не дело. Давай отдохнем и пошли дальше. Ты только винтовку раненого возьми, не бросай ее.

Прошли еще с полкилометра и снова в изнеможении опустились на землю. Раненый стонал и просил пить. У всех ребят тоже губы от жажды потрескались, во рту пересохло. Как назло ни одного встречного на дороге.

– Потерпи, потерпи, браток! Там впереди где-то овражек, вы сами говорили, дойдем и напоим тебя. А сейчас нет у нас воды.

Костя сам еле держался на ногах. Раны у него были пустяшные, но здорово саднили, а главное, он уже был здорово покалечен войной, и сейчас от напряжения ныли старые раны, всё тело разламывалось от тупой боли. В чисто физическом плане лучше всех себя чувствовал и был здоровее всех пленный.

– Слушай-ка! – Косте пришла в голову гениальная мысль, – какого хрена этот бугай идёт себе и прохлаждается, а мы тащи?! Они же, сволочи, покалечили человека – так они и отвечать за это должны. Пусть тоже тащит – не маленький. Давай развяжем ему руки и пусть тащит. Никуда он не уйдет, я его, гада, в случае чего, первой пулей свалою.

– Хитрый он. Ему верить совсем нельзя, – пробовал возразить Гогаберидзе. Но и он понимал, что положение их сильно осложнилось, бросить раненого невозможно и дотащить его они тоже не в силах. В итоге Гогаберидзе согласился, и Кудряш принялся развязывать на руках пленного узел. Немца связали телефонным кабелем, и тугие стальные жилы очень больно стягивали ему руки. Ну а что было тогда делать? Немец, морщась, растирал себе затекшие руки, на его припухших запястьях были глубокие синие рубцы.

– Ты, ариец, у нас кто не работает – тот не ест. Ферштеен? Ты будешь нести раненого. И смотри – без дураков. Стреляю без предупреждения. Ферштеен?

Немец понял. Он согласно кивнул головой, взял раненого за руки, сноровисто положил его себе на спину, и вся процессия двинулась дальше, по пыльному и пустынному проселку, сквозь изнурительный зной и ослепительный свет южного солнца.

Вообще, и Кудряш, и Гогаберидзе понимали, что таким манером и с такими темпами они доберутся в роту только к вечеру. Если бы не раненый связист, то другое дело. Попутного транспорта не было, даже пешие солдаты их не нагоняли. Все были хорошо знакомы с манерами фашистских летчиков и старались без особой нужды не маячить на открытой местности. Даже учитывая физическую силу немца, приходилось делать непредвиденно частые остановки для отдыха. Ребята выбирали тенистое место, лежали неподвижно на земле, курили, по их лицам стекали соленые капли пота, оставляя на пропыленной коже грязные следы. Раненый связист всё просил пить. Немец тоже, по всей видимости, умаялся окончательно и буквально валился на землю на привалах. Немецкие сигареты давно кончились. Разведчики делились с немцем своим табаком. У немца не получались самокрутки, он удивлялся тому, что русские кладут табак в газету, считал это признаком отсутствия культуры.

Шло время. Мучительно медленно тянулись километры, все продолжительнее становились привалы. Ребята помнили, что Анохин собирался позвонить в роту, чтобы их встретили, но, похоже, связи снова не было, и они не надеялись на встречу. Клаус явно сдавал. Он тяжело дышал, чаще стал останавливаться и просил: «айи минутен». Измученный ношей, голодный, переживший тяжесть собственного пленения, измученный жаждой не меньше разведчиков, он со стоном опускался на землю. У Гогаберидзе все сильнее болела рука, он стойко, мужественно переносил страдания, а сейчас даже лицо у него стало землисто-серым, и Костя начинал побаиваться, что Гоша не сможет дойти до роты. Одна повозка все-таки встретилась, сидевший в ней ездовой сказал, что

он сам едет за ранеными, но пообещал, что непременно сообщит, что им всем нужна срочная помощь или захватит их на обратном пути.

Разведчики не знали, что и это обещание было невыполнимо, потому что днём эта дорога считалась непроезжей, а всех раненых в Верхнем Курпе везли через Лакисово на Старый Батако-Юрт. Ребята надеялись, что помощь подоспеет скоро. Разведчики шли самой короткой, но и самой безлюдной дорогой, не многие отваживались передвигаться по ней – здесь разбойничали немецкие истребители, гонялись буквально за каждым солдатом. Разведчики упрямо шагали вперед, и судьба-индейка вроде бы щадила их, если не считать того фокке-вульфа. Вражеские истребители появлялись еще пару раз, но в каждом случае ребятам удавалось укрыться от глаз немецких ассов.

Время давно перевалило за полдень, когда они подошли к неглубокому, но обрывистому овражку. Внизу рос ольшанник, перевитый колючками. Дорога здесь сворачивала вправо в объезд, а слева подступали заросли леса. Через овраг тянулась крутая тропинка.

– А ведь там должно вода, – предположил Костя.

Решили остановиться здесь, у края оврага. Кудряш молча полез по ступенькам тропинки вниз, а Гоша в изнеможении опустился на землю чуть в стороне от немца и раненого связиста. Голос Кости раздался откуда-то из-за кустов:

– Лужа здесь мутная и лягушка в ней, мать бы её!

– Пройди немного вверх, может, там родник, – посоветовал Гоша.

Костя что-то буркнул, на дне оврага затрещали сухие сучья, застучали камни. Костя медведем лез по валежнику и бурелому в поисках чистой воды. Гогаберидзе поднялся с земли, подошел к краю оврага, чтобы посмотреть, где его товарищ и в тот же момент сильнейший удар в спину сбил его с ног, он закричал и покатился вниз по глинистому обрыву. Всё произошло непостижимо быстро. Всего на две-три секунды Гогаберидзе упустил из вида эсэсовца, тот подошел сзади и сильным ударом сшиб Гошку вниз, он ударил его сапогом в поясницу. Разведчик, не ожидавший такого удара, выпустил из рук ремень винтовки и покатился вниз. Немец успел подхватить винтовку, он передернул затвор и выстрелил в Гошку метров с десяти. Свинцово-тяжелый удар огнем и болью парализовал все тело, припечатал его к земле, погасил сознание.

Кудряш, услышав крик товарища, выстрел, понял, что произошло что-то непредвиденное и недоброе. В ту же секунду Костя выскочил из зарослей ольхи, краем глаза заметил неподвижного Гогаберидзе, но на поверхности немца уже не было. Какое-то чудо стальной пружины выбросило Кудряша на поверхность из этого оврага. Он сразу увидел бегущего по краю оврага к лесу немца и закричал:

– Стой, мать твою, стой!!!

И, не дожидаясь ответа, наверняка уже чувствуя, что немец не остановится, Костя ударил по бегущему короткой очередью и, видно, промазал, поторопился. Немец обернулся и выстрелил из винтовки. Пуля зло взвизгнула рядом с Кудряшом. Тогда Костя прицелился с колена, остановил дыхание, накрыл поясницу бегущего мушкой автомата и ударил длинной очередью. Очередь настигла эсэсовца, он словно зацепился ногой за что-то невидимое и упал вниз лицом. Кудряш подбежал к немцу, держа палец на спусковом крючке. Немец лежал на животе почти на самом краю оврага. Он, видно, хотел прыгнуть вниз и не успел. Рядом с ним валялась винтовка связиста. Костя перевернул немца на спину, и он застал, на его губах запузырилась розовая пена.

– Думал уйти, сволочь?! – кричал Костя.

Злоба, досада душили его. В иступленной злобе Костя поднял автомат и ударил короткой очередью в голову умирающему немцу. Потом он бегом вернулся к Гогаберидзе. Тот был без сознания. С уголка губ стекала ему на шею бледно-розовая струйка крови. Перевязочных пакетов больше не было, Костя содрал с себя маскхалат, гимнастерку, разорвал финкой полосатую тельняшку и перемотал ею грудь товарища. Ранение было тяжелое. Гогаберидзе еле дышал. Двоих раненых Костя тащить не мог. Он стрелял из

винтовки, чтобы кто-то услышал, стрелял одиночными выстрелами из автомата. Прошло немало времени, прежде чем на дороге показалась повозка, это была та самая, что повстречалась ему еще утром. Костю Кудряша и двоих раненых доставили в разведроту перед вечером. Гогаберидзе почти не проявлял признаков жизни. Костя свалился на свою шинель, его бил какой-то приступ, его ломало, трясло, он долгое время не мог толком объяснить, что с ним произошло.

* * *

Стрелковые роты батальона, поддержанные батареей семидесятишестимиллиметровых пушек и минометами, к полудню полностью очистили Верхний Курп от противника. Однако, в полутора километрах за Верхним Курпом наступающие наткнулись на организованное сопротивление противника. Плотный пулеметный огонь и минометный обстрел вынудил бойцов стрелковых рот залечь и спешно окапываться под огнем противника. Роты понесли серьезные потери. Раненых удавалось оттащить в поселок и уже оттуда эвакуировать повозками на перевязочный эвакупункт.

В душе Анохин соглашался с Суменковым, что разведчики свою задачу выполнили: неожиданным ударом во фланг обороняющимся эсэсовцам они способствовали успеху наступательной операции, взяли язык, захвачен какой-то портфель с документами. Правда, этот портфель передали батальонным разведчикам (они участвовали в общей операции), вроде можно было бы возвращаться. Но... Анохин понимал, что уйти вот сейчас из батальона было бы очень похоже на предательство. Фашисты не смирялись с потерей Верхнего Курпа, с часа на час следовало ожидать контратаки, а он, лейтенант Анохин, в это самое время поведет свою группу в тыл, поведет в то время, когда уже потрепанные стрелковые роты собирают все имеющиеся силы, когда в строй возвращаются раненые для отражения контратак противника. Анохин не уходил из Верхнего Курпа и вынужден был напомнить «любителям легкой жизни», что Натынов приказал действовать совместно с батальоном, а «языка» взять не где-нибудь, а только в Нижнем Курпе, к тому же комбат приказывал, ссылаясь на того же Натынова, оставаться разведчикам в батальоне, а в случае неповиновения, грозил жаловаться комбригу и даже расстрелять Анохина.

По этому поводу «народ безмолвствовал», но духом не падал и не терялся, многие ребята прибрахлились и щеголяли в немецких сапогах. Федька Фролов вообще учудил: нашел рыжий немецкий ранец с новым немецким обмундированием, хотел он было сейчас же вырядиться под немца, но Анохин не разрешил – свои ненароком пристрелят. По приказу комбата батальонные разведчики оставили нашу группу, а мы отправились на окраину, где встретили и того пропыленного лейтенанта – командира роты, который обещался угостить нас спиртом. Мы сидели в каком-то ровике.

– А, раз-звездка! И в-вы здесь?

– Здесь, – подтвердил Анохин. – А вас где-то черти носят. Ни комбата, ни командиров рот – никого не найдешь.

– К-кто ищет, т-тот всегда н-найдет! Жрать х-хотите?

– И выпить тоже. Кто-то обещал даже отметить заслуги разведроты.

– Н-ну вы даете! Хрен с-с вами, п-пошли.

Мы послушно пошли за лейтенантом. Он привел нас в небольшой овражек на окраине поселка. На краю оврага был отрыт глубокий окоп, там сидел телефонист, а на дне оврага лежало несколько вещмешков, канистра и брезентовые сумки с дисками к ручному пулемету.

– Захаров! – крикнул лейтенант.

Из зарослей терновника тут же появился усатый дядька с длинными руками и неестественно тонкими и кривыми ногами, перетянутыми серыми обмотками.

– По вашему приказанию рядовой Захаров явился, – отчеканил усатый дядька, козырнул и замер по стойке «смирно».

– С-смотрите н-на него. Иис-сус Христос яв-вился. Яв-вление Хри-иста н-народу, – ворчал добродушно лейтенант. – Ск-олько я теб-бе гов-ворил, что Хрис-стос являет-ся, а боец в-сегда п-прибыв-вает!

– Виноват, товарищ лейтенант, рядовой Захаров прибыл.

– Ты, ряд-довой Захаров, в-видишь этих геро-о-ев-с-ув-воровцев? Это и есть т-те чу-до-богаты-ыри, которые г-гонят врага от Рос-стова до Ка-азбека. Выд-дай им все-ем по полкружке сп-пирта, а их к-команд-диру и вон еще т-тому боро-одатому с с-синяк-ком на морде да-авай без ог-граничений! Т-ты ребят накорм-мил?

– Всех накормил.

– Т-там у т-тебя что о-осталось?

– Осталось, товарищ лейтенант.

– Н-накорми ра-азведчиков.

Рядовой Захаров оказался весьма расторопным дядькой. Буквально через пять минут мы уже ели полуостывший гороховый суп. Каждому было налито примерно по сто грамм спирта трофейного немецкого, а полюбившийся лейтенанту Авдеев хватил почти кружку. Спирт пили, не разбавляя, только потом, проглотив последний глоток огненной жидкости, запивали водой. Потом нам выдали по куску вареной баранины. Мы финками срезали с костей остывшее жирное мясо и с наслаждением ели. Никогда в жизни не приходилось мне есть такого вкусного мяса. Вообще ребят здесь здорово кормят, правда, в сравнении с нами, их ряды значительно быстрее редуют.

К нашей пехоте подтягивались тылы, меняли огневые минометчики и артиллеристы, тянули связь. Передовая жила своей очень напряженной и опасной жизнью.

Наевшись до отвала, довольный Авдеев развалился на траве, блаженно затаился цигаркой и сказал, обращаясь к командиру роты:

– Ну бывают же хорошие люди на белом свете! Слушай, лейтенант, хочешь, я тебе часы подарю? Хорошие часы, еще тепленькие.

– Хочу.

Авдеев достал из кармана наручные часы с черным циферблатом и на черном ремешке и протянул их лейтенанту.

– Держи на память.

– См-мотри-ка, золот-тые, – говорит лейтенант, рассматривая подарок.

– А что ж ты думаешь, барахло не держим!

– Ну ты даешь, борода! Не жалко?

– Тоже удумал – жалко! Да мне фюрер знаешь, чего еще приготовил. Всё ждет, бедолага, когда я к нему в Берлин загляну. Надо будет заглянуть!

– Эт-то точно. Хочешь, я тебе еще в-водки налью?

– Товарищ лейтенант, разве об этом спрашивают старого матроса?

– А пьяный н-не будешь?

– Могу. Только для этого мне нужно всю эту канистру выпить.

– Ну, ты даешь! Ладно. Наливай и пей п-по п-потреб-бности.

Над передней линии обороны наших стрелковых рот гремела ружейно-пулеметная перестрелка. Наши части, напоровшись на организованную оборону противника, больше не предпринимали попыток для наступления, ожидая огневой поддержки наших артиллеристов и минометчиков. А немцы, видимо, накапливали силы для контратаки. Вот в это время и появились тяжелые двухмоторные «Юнкерсы». Они шли на порядочной высоте, их серебристые со светло-желтыми концами крылья растворялись в голубом сверкающем небе. Самолетов было много, и их грозный моторный гул заполнил собой всю вселенную.

– Ну, сейчас дадут, аж переночевать негде! – проговорил Фролов.

Все замерло, все затаилось, попряталось в ожидании бомбового удара.

– Двадцать два самолета. Ни хрена уха! Если сейчас вдарит, то чирик-воробушек! – констатировал Бельтюков.

Самолеты прошли вроде бы даже курсом правее Верхнего Курпа, потом развернулись и высыпали груз бомб куда-то за окраину поселка, похоже, ударили по его южной окраине и по балке. Многоголосый свист и рев бомб сменился обвальным тяжелым грохотом взрывов, все гудело, грохотало, и вся планета дрожала словно в лихорадке. В синее небо мгновенно подымались с земли серые лохмы разрывов тяжелых бомб и медленно оседали, оставляя в воздухе пыль и клубы дыма. Отбомбившись, самолеты пошли на север прямо над Верхним Курпом, и мы все ждали, что они не все бомбы сбросили в балку, но и для нас оставили. Гулом моторов они придавили к земле всё живое, даже деревья стали ниже, но бомб не сбросили, ушли в дальние степи, растаяли в голубом мареве неба. Спустя некоторое время, низко над землей прошли два двухфюзеляжных истребителя «Фокке-вульф-198» с толкающим винтом между двумя хвостами, пролетели над Курпом, над балкой, ушли к дальним вершинам Сунженского хребта.

– Любуются, сволочи! – сказал кто-то из ребят.

Я заметил, что бойцы как-то стали привыкать к безраздельному господству в воздухе вражеской авиации и редко кто материл сталинских соколов и удалых зенитчиков, которые словно сквозь землю провалились.

В роте появился связной командира батальона, сухощавый форсистый парень в маскхалате и с полевой сумкой на боку. Он передал, что командира роты и командира разведгруппы срочно вызывает к себе командир батальона. На сей раз Анохин взял с собой Суменкова и Тазиева, а мы по-прежнему сидели в овраге, курили и «травили баланду». На передовой начали рваться немецкие мины. Опытные ребята говорили, что это еще цветочки, это пристрелка, которую ведут батареи с новых огневых позиций. «Вот сейчас пристреляются, а потом уж и влепят». Действительно, минометный огонь противника усиливался, несколько мин перелетели наш овражек и рванули в поселке. Особенно жаркая перестрелка слышалась правее Верхнего Курпа, у высоты 488.

Вскоре появился весь красный, разгоряченный лейтенант, который угощал нас водкой. Он прыгнул в овражек, увидел нас и сразу же зашумел:

– Разведка, мать ваша перечница, курортный сезон закончился! Какого хрена сидите! Война идет, а они в яме сидят! Захаров! Собирай шмотки, пойдем в окопы, там непременно скоро начнется! Не бери пример с разведки...

– А, товарищ лейтенант, мы без дела не останемся, прощаться даже не будем, скоро увидимся. Разведку не забудут и без дела не оставят, – ответил Медвинский.

Анохин появился минут через десять. Они с Суменковым и Тазиевым свалились словно с неба и привели с собой еще троих саперов с туго набитыми вещмешками.

– Кончай загорать! – выпалил Анохин с ходу. – Славяне, сейчас идем к дороге, что на Верхний Акбаш. Там фланг ничем не прикрыт. Задача: разведать обстановку, заминировать эту дорогу. В случае опасности дать серию белых ракет и отойти к окраине Верхнего Курпа, не драпать, а отойти!

Какие здесь могут быть вопросы? Все предельно ясно. Снова пошли цепочкой, настороженно вслушиваясь в надрывный и угрожающий визг падающих мин, в некоторых местах двигались короткими перебежками, а потом пошли уже в открытую полем к дороге на Верхний Акбаш и как-то повезло – по нашей группе не стреляли.

* * *

Горячий и вспыльчивый начальник бригады разведки, старший лейтенант Натынов, был рассержен на командира разведгруппы Анохина, на командира разведроты Ласточкина и обижен на командира батальона майора Марёнова. Как же не рассердиться: он знал, что Ласточкин со своей разведгруппой на пути к Верхнему Акбашу напоролся на немцев, попал под сильный пулеметный огонь, потерял двоих ранеными и одного уби-

тым и откатился, не выполнив задания; командир взвода Анохин действовал в Верхнем Курпе, сведений о нем никаких не было. Разведчики Марёнова доставили в штаб бригады портфель с немецкими оперативными документами. Документы очень ценные, по ним можно было судить, что основная гроза собирается здесь, в районе Плановского, чтобы подтвердить всё это, нужен язык, а Анохин не дает о себе знать и не возвращается из Верхнего Курпа. Обстановка в Верхнем Курпе пока непонятная, связи с батальоном нет. Марёнов, тот самый Марёнов, который выпрашивал у него разведчиков, теперь оставляет его без информации, не желая даже связного прислать, и он, Натынов, оказался в смешном положении перед штабом.

Натынов полагал, что всеми разведчиками бригады и даже батальонов в первую очередь мог распоряжаться только он сам, у разведчиков свои задачи. Разведанные о противнике должен представлять начальнику штаба только он, Натынов, и никто другой, и ответственность за достоверность сведений о противнике возложена на него. А в это время Марёнов в обход его, Натынова, присылает какие-то сведения о противнике непосредственно начальнику штаба, задерживает самовольно разведчиков у себя в батальоне – на чужой шее в рай въезжает, а его, Натынова, оставляет в дураках.

Здесь нужно проявить характер, но как? Штаб бригады расположился на южной окраине Эльхотово, а отсюда до Верхнего Курпа около двадцати километров! Связь с батальоном еще ранним утром оборвалась и до сих пор не восстановлена. Разведотдел (Натынов, его заместитель, переводчик и связист) находились в заброшенном домике на окраине Эльхотово. Натынов метался по комнате, матерился, ругал связиста, а тот с завидным спокойствием, видимо, привыкший к шумливому начальству, беспрестанно покручивал ручку телефонного аппарата и безразлично-монотонным голосом говорил в трубку:

– Алло! Ракита, ракита. Алло, ракита!

– Тоже мне – ракита! Дерьмо, а не ракита!

– Хиба я шо? Ну, нэма связи... Алло, ракита, ракита.... Це ракита? Какого хрена мовчишь, мать твою! Давай сосну! Шо? Соедыняй, говорю, бо сам десятый будэ балакаты! Як нэма? Та вы шо! Хто там на линии?

– Слухай, як пробьется, соедыни!

Связи не было, но что-то там происходило в этом Верхнем Курпе. Штабу уже было известно, что батальон перешел в наступление, бои идут в самом посёлке. Натынов был уверен, что разведгруппа действует совместно с частями батальона, но ничего не знал о том, что там происходит. Связь на короткое время появилась еще ранним утром, ему доложили, что Анохин ушел «туда»... И вот до сих пор ни звука! Конечно, во многом виноват Ласточкин. Это он инструктировал разведчиков и уж нарочного они могли бы послать, и вообще, чего там Анохин делает! Сейчас уже полдень...

– Давай, давай связь! – подгонял связиста Натынов.

– Ну, нэма звязи... Алло, ракита, ракита... Це ракита? Де сосна?..

«А этого Анохина с Суменковым нужно убирать из разведки», – приливы праведной, как казалось Натынову, злости мучили его. – «Да и насчет Ласточкина пора подумать. Самое место для них в пехоте. Тоже стратеги нашлись! И Данилов хорош: ранен – так крути в госпиталь, на его место всегда человека найти можно. А то взял моду – лечиться в роте! Нашел санаторий! Тоже мне деятель! И Купоросов хорош: целый портфель с документами передать командиру батальона, а не ему, Натынову! Всему виной мягкотелость, шлепнуть бы одного за невыполнение боевого задания – остальные бы поняли».

Связист всё гудел и гудел в свою трубку, мало обращая внимания на мечущегося старшего лейтенанта. И вдруг... Слава богу! Связист торопливо, боясь, что связь снова пропадет, закричал:

– Алло! Сосна? Алло! Семнадцатого давай! Ты шо, зчумыв? Давай, говорю, семнадцатого! Оглох мабуть! Семнадцатого... Товарыш Семнадцатый?

– Десятый на проводе!

Связист торопливо протянул трубку Натынову:

– Марёнов у аппарата, товарищ старший лейтенант!

Натынов торопливо вцепился в трубку, так что пальцы побелели:

– Алло! Семнадцатый? Привет. Десятый говорит. Слушай, какого хрена ты моих ребят там держишь? Дураков нашел? Что? Громче говори! Я не кричу, я говорю. Что? Ты не обижайся! Алло! Семнадцатый? Не обижайтесь, говорю. Мне здесь другую задачу ставят, а людей нет. Посылай сюда моих. Что? Как до вечера? Слушай, ты меня без ножа... Что? Давно? Кого? Повтори, я не понял. Эсэсовца?.. А вы как думали! Плохих не держим! Вот и я говорю! Но, ребят мне верни!... Ребят, говорю... Алло, алло, ракета! Ракита, мать твою!.. Давай сосну... Что?! Давай, тебе говорю!..

Натынов снова приказал связисту непременно найти «Сосну», а сам стал метаться по комнате, материть связь, Марёнова, Ласточкина, Анохина и всех, кто попадался ему на язык. Но сердце его уже начало дрожать от еще не осознанной вполне радости: как же, на второй день боевых действий – и уже «язык», и не какой-нибудь, а эсэсовец. Радость и одновременно злость брала, от злости и праведного гнева трясло Натынова – взять «языка» и чего-то еще тянуть. Чего-то болтаться там, в батальоне, который вполне мог обойтись и без бригадных разведчиков!

Натынов уже начисто забыл или не хотел вспоминать, что, ставя задачу разведчикам, он подчеркнул, что действовать они должны в тесном контакте с батальоном, что «языка» они должны были взять не где-нибудь, а в Нижнем Курпе. А вот к этому Нижнему Курпу разведчики не могли пробиться, накануне этот населенный пункт был захвачен противником.

Но, как бы там ни было, «язык» есть! Это хорошо. Это очень хорошо. Теперь по всей армии, по всему фронту пойдет разведсводка... Бесспорно, что значимость разведки бригады, а это в первую очередь его личная значимость, возрастут.

Натынов немного подумал и бросил связисту значительно:

– Соедини меня с Пекаревым.

Начальника штаба бригады майора Пекарева Натынов немного недолюбливал, считал его «штабной крысой», штабным бюрократом, но одновременно он понимал, что от Пекарева многое зависит, т.к. сам Натынов, будучи начальником разведки, являлся структурным подразделением этого штаба и был подчинен Пекареву. Всегда шумливый и вконец задержанный майор был способен задержать и других, отчитать, даже накричать. Только утром он отчитывал начальника связи бригады и его, Натынова. Пекарев требовал немедленно точных сведений о противнике, о его замыслах, о расположении его частей и резервов...

Группа Ласточкина ночью напоролась на противника, разведчики понесли потери и едва убралась из-под пулеметного огня. Когда до Натынова дошли сведения о том, что не только Нижний, но и Верхний Курп заняты противником, он был почти уверен, что и группу Анохина ждет неудача... Однако, вот... Не будет же комбат врать. Разведчики конвоируют в штаб бригады пленного да еще эсэсовца, а у самого комбата еще какая-то пачка захваченных оперативных документов противника... Это успех! Это несомненный успех!

– Товарищ старший лейтенант, восьмой у телефона!

Сказал связист, протягивая Натынову теплую телефонную трубку.

– Товарищ восьмой? Десятый докладывает. Разведгруппа бригадных разведчиков взяла языка, задание выполнила... Да-да... Нет, его еще конвоируют сюда... Понимаю... Так точно... Сейчас же доложу.

– Вот так-то!

Последнее Натынов самодовольно бросил связисту, возвращая ему телефонную трубку, и потер руки.

Натынов приказал связисту разыскать по связи переводчика, который был в Плановском и непременно дозвониться до Ласточкина – пленного он должен сразу же до-

ставить сюда в штаб и «без всяких там выкрутасов». Натынов взял со своей постели трофейную алюминиевую фляжку, обтянутую серым сукном, потряс её возле уха, потом отвернул крышку и сделал пару больших глотков. Огненная река перехватила дыхание. Он закусил куском кукурузной лепешки и вслух произнес, ни к кому не обращаясь:

– Ну, начало положено. Разгильдяи они, в руках их держать нужно, но как поднажмешь, так ничего – работают.

Часа через полтора на взмыленном коне к дому, где размещался разведотдел, прилетел лейтенант Ласточкин, прогромыхал сапогами по крыльцу и ввалился в комнату. Вытер взмокший лоб и плюхнулся на пристенную скамейку. Натынов по одному виду его понял, что стряслось что-то неприятное и непредвиденное. Он выжидательно смотрел на командира разведроты, и в душе его уже начинала подниматься волна безотчетной злости.

– Плохо дело-то! – выпалил Ласточкин.

– Что еще?

На щеках у Натынова желваки заходили.

– Языка ребята прикончили.

– К-как это прикончили? Что значит прикончили? Вы там, что, в своем уме?!

– Да при попытке...

– Что «при попытке»? Да я вам головы всем поотворачиваю! Под трибунал! В штрафроту всех! Ты этого хочешь?! Ты чего расселся? Где группа? Какого черта твой Анохин там крутится?!

Натынов уже кричал. В голове не умещалась эта страшная новость – прикончить «языка» – уму непостижимо!

– Да, что вы шумите-то, забодай их комарь, выслушай сначала...

– Что? – все больше кипятился Натынов. – Ты еще учить меня! Развел в роте бардак! Где «язык» я спрашиваю?!

Натынова буквально трясло. Человек он был горячий, несдержанный, а тут еще такое! Ласточкин побелел, он не мог переносить подобных криков Натынова и воспринимал их как личное оскорбление.

– Чего кричишь! Я ж говорю при попытке его...

– А ты что из меня дурака делаешь?! Почему не обеспечили доставку пленного?!

Многоопытный связист, видя такое дело, оставил свой телефонный аппарат и вылетел из дома.

– Вы на меня не кричите, старший лейтенант, прошу вас не забываться...

– Хватит болтать! Где твой Анохин? От заданий отлынивает! Придушивается там в батальоне.

– Батальон там бой ведет! Курпом овладел! Там не придушиваются, это вам не Эльхотово...

– Что?! Вот ты как заговорил! Кто «языка» убил?

– Его конвоировали два разведчика, одного он тяжело ранил...

– Отставить болтовню! Как это пленный мог ранить? Его что, твой Анохин не обезоружил? Кто в конвое был?

– Там не всё так просто, старший лейтенант.

– Кто конвоировал, спрашиваю!

– Разведчик Кудряш и этот, как его, Гогаберидзе.

– Обоих в штрафную роту! Понятно? Чтобы завтра же их обоих в роте не было!

– А их уже и нет, старший лейтенант, – оба в госпитале, оба ранены.

– И Анохина с Суменковым гнать! Под твою личную ответственность! Понял? А о тебе и об Анохине буду докладывать Пекареву. Я в роте бардак терпеть не буду. Развалил роту! Никакого порядка! Убить «языка»... это ж подумать только! Такого за всю войну еще не было... Всё! Хватит! Вались в роту и к едрене матери! Сам в Курп к этому разгильдяю поезжай, а «язык» чтоб к вечеру был!

Ласточкин как-то медленно спустился с крыльца, словно о чем-то раздумывая, взобрался в седло и вдруг неожиданно резко вытянул жеребца нагайкой. Жеребец коротко взвизгнул, встал на дыбки, а потом рванулся на дорогу. Ласточкин едва увернулся от промелькнувшей над головою перекладины ворот.

* * *

Наша разведгруппа, которой командовал Анохин, потеряла троих ранеными (Костя Кудряш был ранен легко), отослала пленного под конвоем в роту и была занята выполнением уже другой задачи. На фронте батальона сложилась опасная ситуация: выбив части дивизии СС «Викинг» из Верхнего Курпа, командир батальона попытался таким же наскоком овладеть господствующей высотой 488 и одновременно на плечах отступающего противника продвинуться к Нижнему Курпу. Однако, из этих попыток почти ничего не получилось. Немцы довольно быстро оправались от шока внезапности и встретили наступающих плотным огнем, под которым наши стрелки залегли. Командир бригады заверял комбата в том, что к нему будут направлены подкрепления и новые огневые средства, он требовал от Марёнова, чтобы тот собрал все силы и продолжал развивать успех, не позволял закрепиться противнику... но время было упущено. Бригада завязла в боях под Плановским, где действовали крупные силы противника. Противник атаковал наши части в районе Верхнего Акбаша. В резерве комбрига оставалось мало сил, а чтобы помочь Марёнову в Верхнем Курпе, нужно было пройти пешим маршем не менее 20 километров, ближе резервов не было, а на это требовалось время, много времени, обстановка же менялась ежечасно, ежеминутно. Единственное, что практически мог сделать комбриг – так это дополнительно послать батарею 76-миллиметровых пушек и батарею батальонных минометов. И то хлеб, но шло время, а эти батареи были в пути и не появлялись в расположении батальона.

Бросив все силы на штурм высоты 488 и на преследование отступающего противника, Марёнов оголил левый фланг батальона. Со стороны Верхнего Акбаша, очень опасного направления, противник мог неожиданно и, не встречая сопротивления, ворваться в Верхний Курп, буквально на КП батальона. Никаких больше сил на то, чтобы прикрыть это направление у Марёнова не было.

Марёнов решил на дорогу из Верхнего Акбаша в Курп направить разведчиков Анохина и дать им еще троих саперов. Они должны были заминировать дорогу и прикрыть фланг батальона. Комбат знал, что малочисленная группа разведчиков не сможет и нескольких минут противостоять моторизованной роте противника, её сомнут танки и бронетранспортеры, тем более там не было никакой подготовленной обороны и некогда её было готовить. Но если разведчики ухитрятся хоть какое-то время задержать наступающих и своевременно предупредить батальон об опасности, то и это уже большое дело – можно будет как-то сманеврировать силами.

Анохин просил комбата связаться с Натыновым, рассказать ему о действиях группы и согласовать дальнейшие задачи. Марёнов обещал. Заверил, что как только появится обещанное подкрепление, он немедленно сменит разведчиков и обо всем договорится с Ватиновым. Среди большого количества трофеев мы раздобыли ракетницу, ракеты, похожие на патроны к охотничьему ружью. Боеприпасы у нас были в достаточном количестве, и мы отправились в сторону дороги, ведущей из Верхнего Курпа в Верхний Акбаш. Стояли еще по-летнему теплые дни солнечной южной осени. Перевалило за полдень, наступило самое жаркое время дня. Обычный деревенский проселок тянулся по пологим невысоким горбам, горизонт зыбился в мареве, а мы шли цепочкой по полю к дороге на Верхний Акбаш. Бой гремел правее нас, а здесь было подозрительно тихо и это настораживало. Далеко в поле стояли два стога старой соломы, мы шли в этом направлении. Прошли, наверное, километра два, прежде чем подошли к этим стогам. Они

стояли забытые и никому не нужные. Верхний слой соломы, вымытый дождями, просушенный солнцем и ветром был грязно-серого цвета. Дальше за стогами виднелась жиденькая лесопосадка вдоль дороги, той самой, которая и определяла, по мнению комбата, опасное направление. Мы свернули с проселка и шагали по старой пашне, зарастающей полынью, татарником и конским щавелем. Солнце жгло плечи, от яркого света глазам было больно, маскхалаты пропылились. Шли по открытому месту, если нарвемся на засаду в той посадке, перебьют всех, никто не уйдет. Анохин выслал вперед головной дозор. Впереди шагали Осейкин и Селиванов. Если в посадке немцы, то первые пули получают эти два парня, а нам достанется всё остальное. Вообще-то к этому необходимо привыкать и не думать много. Ребята шли спокойно, уверенно, автоматы, как и у всех, висели на шее, а ствол вперед и палец на спусковом крючке, затворы взведены и все шутики в сторону. Это очень плохо, что здесь так подозрительно тихо.

От жары что ли, в глазах зеленеет и временами ну ничего не видно. Топаешь по пашне, из-под ног плывет легкая пыль, пить хочется, соленый пот лезет в глаза и их начинает щипать, как от перца. Наконец, вот она, эта несчастная жиденькая посадка из зловредной колючей акации. Дорога пустыня.

Неширокая ухабистая дорога начиналась метрах в пятнадцати от посадки. Кое-где еще торчали телеграфные столбы, а провода на них оборваны, валялись сбоку дороги у мелкого кювета. Жиденькая акация даёт мало тени, трава под деревьями выгорела, засохла на солнце. Жарко. Теперь наша вареная свинина непременно протухнет. Часть мы уже съели, а остальное, видимо, придется выбросить. Перекусить Анохин не разрешает, не время. Дорога здесь делает небольшой изгиб. Мы расположились как раз на этом повороте. Отсюда по обе стороны дорога далеко видна. На этом повороте саперы решили поставить мины. Несколько разведчиков помогают им долбить стальными саперными лопатами с коротенькой ручкой сухую и твердую, как камень, землю. Те, кто делом не занят, молча курят, внимательно смотрят за дорогой и добра от неё не ждут. Саперы и ребята торопятся – понимают, что противника можно ждать с минуты на минуту. Мины ставят противопехотные и противотранспортные в деревянных коробках. Почти все мины успели поставить, как послышался шум мотора и через мгновение раздался крик:

– Воздух!

Все ребята бросились в посадку и лежали, не шевелясь. В небе показалась «рама» – двухфузеляжный и двухмоторный самолет-разведчик. Он появился откуда-то с запада и прошел низко над дорогой на высоте не более трехсот метров. Самолет прошел к Верхнему Курпу, покружил над ним и снова ушел на запад, низко пролетев над дорогой. По «раме» никто не стрелял. Её, окаянную, сбить трудно, только себя обнаружишь. А нам снова повезло – мы на этой дороге раньше немцев оказались. Теперь нужно ждать «гостей» – эта «рама» не даром кружила. Немецкие самолеты летают здесь безнаказанно, зениток у нас мало, на нашем участке их вообще нет. Ребята говорят, что под Плановским и под Малгобеком их против танков используют, а уж авиацию – ладно, перетерпим.

Еще около часа было тихо, потом со стороны Верхнего Акбаша послышался какой-то шум. Вначале понять было трудно, а потом стало ясно – шли мотоциклы. Совсем как в прошлый раз у Дейского.

– Приготовиться и без меня не стрелять! – скомандовал Анохин.

Ребята замерли. Только б не было бронетранспортеров. Все вжались в землю, автоматы взведены... Шум моторов всё ближе и от этого проклятого треска почему-то стало сосать под ложечкой. Сейчас схватимся. Сейчас начнется. В голове пусто, только уши настороженно ловят нарастающий треск моторов. Мотоциклисты долго не показывались на дороге, потом в зыбком мареве, в пыли над дорогой, зашевелились какие-то неясные серые тени. Я невольно приподымал голову, мешала смотреть довольно высокая сухая трава.

– Не маячь! – зашипел Суменков.

Из пологой низины, которую я как-то сразу и не разглядел, вдруг появились на дороге первые машины. Они были сравнительно близко и их было много, не менее полутора десятков. Машины подняли пыль и за ее завесой не было видно, что там за ними, за мотоциклистами. Трескотня моторов глушила все остальные звуки. Мотоциклисты шли на малой скорости, почти все машины с колясками и в них пулеметчики. Они все ближе. За высокой травой мне их стало совсем не видно, но я не приподнимаю головы, чтобы преждевременно не обнаружить засады, да и стрелять все равно раньше Анохина нельзя. Душа замерла и дыхание вроде прекратилось. Нас двенадцать, да трое саперов с винтовками. Немцев больше, но мы в засаде, а это большое преимущество. Правда, подобные мысли приходят потом, а в те мгновения все нервы были наполнены и напряжены ожиданием первой автоматной очереди. Секунды растянулись в вечность, все автоматы повернуты в сторону дороги. Наконец, я вижу их. Вот они, рядом. На головах каски, на глазах защитные очки. Еще секунда и они буквально напротив меня. Анохин молчит. Первый мотоцикл проехал мимо, едет второй, третий... и вдруг взрыв! Серый клубок дыма и пыли подбрасывает машину, кувыркается в воздухе оторванное колесо. Машины резко тормозят, слышны крики и... еще взрыв – в воздухе куски рваного железа и тряпок, чей-то крик. Машины начинают разворачиваться, и здесь ударила первая автоматная очередь. Сразу страшный треск автоматов! На дороге пыль, крики... еще взрыв. Я приподнимаюсь на колено, теперь отлично вижу мотоциклистов и стреляю в них короткими торопливыми очередями...

Крики, стрельба, треск моторов, пыль... Какой-то мотоцикл, потеряв управление катится на нас, прямо в посадку, в его коляске убитый пулеметчик, за рулем раненый или тоже уже мертвец. Мотоцикл ударился рулем в колючее дерево, заглох, с седла свалился немецкий солдат.

Несколько машин успели развернуться и откровенно удирают. По нам ударили пулеметы, но их огонь неприцелен и пока не причиняет нам урона.

Два мотоцикла лежат на боку прямо посреди дороги и около них убитые или раненые... Какой-то мотоциклист успел откатиться от нас метров на сто, он залетел в посадку и оттуда ударил по нам пулеметным огнем.

Этот уже бьет прицельно, пули зло крошат белое мясо деревьев, летят сшибленные листья и ветки. В ответ по мотоциклу стреляют почти все автоматы, и огонь пулемета прекращается. Пулемет подавлен. Прошло не больше полутора минут боя, а диски почти пустые, уцелевшие мотоциклисты умчались обратно, исчезли за сплошной завесой пыли. Внезапно всё затихло. На дороге трупы убитых, стонут раненые. У нас потерь нет. Еще с минуту мы лежим, не двигаясь, пыль оседает, моторов больше не слышно. По команде Анохина Медвинский берет ракетницу и трижды стреляет вверх. Три белые искры одна за другой врываются в небо, оставляя за собой серую тонкую полосу дымного следа. Там, в Верхнем Курпе должны понять наш сигнал: «встретились с противником, ведем бой».

– Собрать у убитых документы. Осторожно, на мины не лезьте, – командует Анохин.

На дорогу вышло несколько человек, в том числе и я. Вот он, немец! Лежит на спине, раскинув руки, в каске пулевая пробоина, лицо залито кровью... Вот и всё! Покорил весь мир, и этот мир в одну минуту стал ему больше не нужен, и все идеи фюрера, и все теории расового превосходства превратились в пустую и глупую блажь. Где-то в «Германии туманной» остались его родные, они ждут писем и, может быть, посылок, а его уже нет и через несколько часов на этой убийственной жаре от его трупа поползет тяжелое зловоние... На обочине дороги лежит еще один на животе, уткнувшись лицом в дорожную пыль, каска с него упала и откатилась в сторону, светлые волосы в пыли, рядом лежит его автомат. Я наклонился, чтобы вытащить у первого убитого документы и вдруг заметил, что рука второго, перебирая пальцами, подтаскивает к себе автомат.

Ранен? Притворился? Зевать нельзя! Я наступил на автомат ногой и, направив ствол своего автомата на лежащего, почти закричал:

– Хальт, сволочь! Ауфштейн! Шнеллер!

Немец с трудом переворачивается на бок и стонет. Он смотрит не на меня, а на ствол моего автомата, направленного ему прямо в лицо, глаза вытаращены, губы трясутся. Он ранен в ноги и в живот, его френч в крови, он боится очереди моего автомата, пытается приподняться, но не может и со стоном валится снова на дорогу. Подходит Козловский, уже пожилой (лет тридцати) разведчик и равнодушно говорит:

– Добей его, гада.

Я вытащил из карманов раненого его солдатскую книжку – «зольдбук», кожаный бумажник, в котором какое-то бумажное барахло. Добивать его я не стал – не могу стрелять в поверженного противника! Нас, конечно, отсюда выкурят, вот тогда и помогут немцы своему собрату. Больше всего повезло Соловьеву: с убитого лейтенанта он сорвал железный крест, забрал его документы и в покореженном взрывом мотоцикле нашел планшетку с топографической картой. Анохин повесил планшетку себе на плечо.

– Здесь еще раненый. Что с ним делать? – кричит Селиванов. Он стоит над лежащим немцем, а тот протянутой рукой с растопыренными пальцами загораживается от направленного на него ствола автомата.

– Оставь его. Хрен с ним. Мы сейчас уйдем, а немцы непременно вернутся и силенок у них будет побольше, – говорит Анохин.

Раненый враг это всё равно враг, он вылечится и снова возьмет в руки оружие, но тащить их в Верхний Курп – это далеко и перевязочных пакетов у нас лишних нет.

– Не трогать раненых! – строго повторяет Анохин.

А их никто и не трогает...

Вдруг раздается короткая и хлесткая очередь немецкого автомата. Один из разведчиков, словно, переломился и упал на дорогу. Из кювета вскочил немец и побежал в поле. Селиванов дал короткую очередь, но промазал, немец бежал довольно резво. Один из саперов вскинул винтовку, не торопясь прицелился и выстрелил. Немец упал. К нему побежали сапер и Селиванов. Хорошо стрелял этот молодой сапер. Немец был уже мертв, пока к нему подбежали. До этого он был легко ранен, упал с покалеченного мотоцикла. Пуля задела ему левую руку. К нему неосторожно подошел наш разведчик, совсем молодой пацан и заработал очередь в сердце.

– Дай я их, гадов, добыю! – в какой-то истерике кричал Есипов.

У него вырвали ребята автомат и затолкали в посадку.

Мы сняли один ручной пулемет, взяли две коробки железных пулеметных лент с патронами, собрали немецкие автоматы. Нашего убитого разведчика решили похоронить возле тех стогов, там земля податлива и копать могилу легко. Четверо потащили убитого, семеро остались у посадки на всякий случай. Я был в числе четверых, которые должны были заняться похоронными делами. Убитый совсем молодой еще парень лет семнадцати со светлыми голубыми глазами, которые погасли, помертвели и больше уже ничего не видели. Мы по очереди копали могилу. Земля на старой пашне была податливой. Могилу выкопали глубиной по пояс, положили в нее своего товарища и забросали землей. На могильный холмик положили его пилотку.

Мы не успели еще и посмотреть на дело рук своих, как со стороны дороги послышались выстрелы, и мы увидели бегущих по полю к нам ребят. Они ни от кого не отстреливались, они просто бежали. Что там произошло?

Наверное, что-то очень неприятное, если они так драпают. Здесь, в поле, тоже не спасение, постреляют на открытой местности всех до одного. Ребята бегут молча и прямо к нашим стогам. Что делать? Занять здесь оборону? Но уж если там, в посадке, не удержались, то у этих стогов нас постреляют и сожгут за милую душу. Мне приходит в голову какая-то шальная мысль. Толком еще не сообразив, зачем я это делаю, прео-

долевая в душе непонятное сопротивление, я достал коробок спичек, чиркнул одну и поджег солому. Невидимый в солнечном свете огонь лизал сухую солому, она чернела, корчилась, соломинки падали и от них загорались другие, появился белый едкий дым и его медленно сносило в сторону Верхнего Курпа.

– Ты это зачем? – удивляется Митька Козловский.

– Нужно. Дымом прикроемся.

– Спят, хрен моржовый!

А огонь разгорался... Солома сухая, прокаленная солнцем, теперь уже не погаснет пока вся до земли не выгорит. Белый дым становился всё гуще, он тяжелыми белыми клубами полз над полем. Я успел поджечь и второй стог, пока к нам бежали ребята. Разведчики бежали красные от усталости и мокрые от пота, тащили на себе трофейные автоматы и пулемет.

– Вы что? Что там? – спрашиваю Подосенова.

Тот вытирает пот пилоткой и в голосе его тревога:

– Бронетранспортеры прут. Три машины сам видел. И еще что-то – танк навроде.

– Хлопцы, полундра! Тикаем до Курпа. Кто догадался солому поджечь?

– Я, а что?

– Ничего. Молодец, салага!

Мы бежим все вместе, прикрываясь белым удушливым дымом, к Верхнему Курпу, а до него далековато, километра два. Дым ползет медленно, его сносило от нас в сторону. От дороги, где мы только что были в засаде, ударили крупнокалиберные пулеметы. Это явно адресовано нам, но пулеметчики не видели цели – нас скрывал густой дым – солома занялась быстро, как порох. Первые пули ударили в землю рядом, подбросили высоко комья земли, взбили сухую пыль, срикошетили, завывали над полем. Потом немцы стреляли правее нас, видно, били просто по дыму. Честно говоря, за этим дымом мы тоже мало, что видели. Мы не заметили сзади и правее себя широкую полосу густой пыли, за стрельбой не слышали тяжелого гула танковых моторов.

Противник нас не преследовал. Бронетранспортеры стреляли с места еще некоторое время, потом и пулеметы смолкли. Мы пошли шагом.

– Если бы не мины, дали бы они нам жигу, – говорит Суменков. – Мин они напугались и сейчас не иначе как дорогу разминируют или просто убитых и раненых подбирают.

– А мы их еще раз умыли, гадов, запомнят. Это им не 41-й год! – злорадствует Козловский. С ним солидарны все. Только душа болит: прикрыли фланг или нет?

Мы вышли снова к полосе кукурузы, в которой побывали уже на рассвете. Неужто это всё было сегодня? Да будет ли конец этому тяжелому, сумасшедшему дню?

На краю полосы кукурузы увидели окапывающихся солдат, их было много. Увидев нас, они не прекратили работы, и только когда мы подошли вплотную, разогнули усталые спины, и один высокий парень спросил:

– Разведчики?

– Точно.

– Это вас там долбали?

– Угу. Бронетранспортеры.

– Много?

– Пока три или четыре. Водички у вас не найдется, братья?

– Вон канистра и кружка там. Пейте.

Минуты три посидели, отдышались и пошли в Верхний Курп. Здесь узнали, что Марёнов сменил свой КП (командный пункт), что немцы постоянно контратакуют, но пока их атаки удалось отбить. Комбат находился на северной окраине Курпа. Анохин доложил ему обстановку на левом фланге. Марёнов поморщился и принялся снова крутить ручку полевого телефона, пытаясь связаться с штабом бригады. Связь была плохой, поминут-

но рвалась, слышимость – никуда. Марёнов кричал в трубку и убеждал кого-то, что ему не удержаться, если не подбросят огурцов и ложек. Он также просил, чтобы пока ему оставили натыновских ребят в его распоряжении хотя бы до вечера. Марёнов протянул трубку Анохину и сказал:

– Слушай, на проводе первый.

Первым был командир бригады, и Анохин послушно взял трубку, доложив сразу, что у аппарата Анохин (позывного у него не было – чином не вышел).

– Так, так! – говорил в трубку Анохин. – Ребят у меня почти не осталось... Так... Слушаюсь, товарищ первый!

Анохин вернул трубку комбату.

– В общем, вместе нам с тобой здесь расхлебываться, младший лейтенант. Перекурите пока.

Марёнов снова взялся за телефон:

– Сосна? Давай ракиту!.. Ракиту, говорю, давай! Ракита? Двенадцатого давай. Двенадцатого, мать твою!.. Давай быстрее!.. Двенадцатый? Слушай, Борис, мне ж обещали еще утром... Да-да, я это, Марёнов... Да хрен с ними, пусть слушают, они и без того всё знают. Дело не в том... Ты мне по дружбе, Борис Васильевич... В Верхнем Акбаше уже зашевелились... Там пока ребята Натынова отбили, а дальше что?.. В районе Акбаша и Нижнего Курпа у них танки... Знаю вот!.. Ты меня тоже пойми – мне огневые средства и огурцы противотанковые в первую очередь – понял? У меня от терпения уже штаны мокрые! Гони их сюда! Нет их еще... Откуда мне знать! Загорают, сволочи!.. Как увижу – расстреляю паразита! Слушай, я тебя прошу, а?! Ты проверь сам!

Марёнов еще кого-то упрасивал, грозил, а потом связь снова внезапно исчезла. Комбат дул в трубку, матерился, но связи не было. Два связиста побежали по линии искать обрыв «нитки».

Майор усталыми глазами посмотрел на Анохина, на нас. Скулы и подбородок у него заросли рыжеватой щетиной, глаза ввалились от бессонных ночей, от усталости, от нервного напряжения.

– Сколько вас, разведчики?

– Одиннадцать, товарищ майор.

– Н-да, не густо. Однако ж вы, черти полосатые, сила! Это ж, по моим масштабам, целый взвод. Да какой взвод! Вот что, разведка, жмите к дороге на Нижний Курп. Там моя вторая рота, а связи с ней нет, а это самое главное сейчас направление. Помогите там, да скажите командиру роты: до темноты продержаться надо. Подкрепление к нам идёт. Вечером снимайтесь и уходите к своему Натынову. Хрен с вами. А пока вы мой резерв. Слышал, что первый сказал? Вот так-то! Марёнов сидел в глубоком окопе, вместе с ним связист с телефоном, рядом еще несколько окопов – там автоматчики, человек пять. Позади, около дома, три оседланные лошади, у крыльца часовой. Вот и всё КП. Мы собрались было идти, но здесь вдруг взмолился Бельтюков:

– Слушай, командир, перекусить бы малость. Пять минут и чирик-воробышек. А то ведь до ночи теперь не соберемся.

Действительно, давно пришла пора перекусить. Стоило об этом напомнить Бельтюкову, как засосало под ложечкой – есть охота.

– Ладно, – согласился Анохин, – только, ребята, давай по-быстрому.

Мы немного отошли от КП батальона и на каком-то огороде, в тени кустарника расположились группой. Пошли в ход финки и варёная свинина, ломти хлеба и соль. У меня мои полбуханки хлеба прострелены, показал Подосенову. Тот покачал головой:

– Сегодня тебе пока везет, салага! Дай бог не сглазить!

Бой гремел, кажется, вокруг всего Верхнего Курпа. Частые минные разрывы, гром рвущихся снарядов. В поселке горело несколько домов, в бирюзовой синеве неба расплывался дым пожаров и взрывов. В том направлении, куда нам предстояло идти, слы-

шались выстрелы танковых пушек, откуда-то вела огонь наша артиллерия, и снаряды с тяжелым шелестом проносились над головою. В какую-то минуту минные разрывы и грохот снарядов немного ослабли, но небо наполнилось тяжелым, давящим гулом авиамоторов. Мы быстро сложили остатки нашего сухого пайка и напряженно всматривались в небо: эти крокодилы могли внезапно обрушить бомбовый удар на любую площадь, в том числе и на ту, где мы находились, а здесь ни единого окопа, никакого укрытия. В небе появилась стая пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Машины шли звеньями по три штуки, звено за звеном. Шли довольно высоко, в солнечных лучах поблескивали их фюзеляжи. Они шли вроде бы мимо Верхнего Курпа и мимо нас, но мы уже знали их повадку. Юнкеры заученно заходили со стороны солнца, стали выстраиваться в цепочку. Потом первый самолет сделал крутой вираж и, переворачиваясь через крыло, камнем стремительно пошел в пике. Изогнутые крылья, хищные неубирающиеся шасси в обтекателях придавали машине поразительное сходство с хищной птицей, которая, выпустив когти, бросилась с поднебесья на свою добычу. Машина страшно взвыла мотором, включила сирену и с ошаленной скоростью стала почти отвесно падать вниз. Оглушительный рев сирены, вой мотора слились с пронзительным визгом падающих бомб.

Земля тяжело вздрогнула, ахнула, зашаталась от первых ударов. За первой машиной пикировала вторая, третья уже переваливалась через крыло. Сплошной сумасшедший вой, рев, визг, обвальный грохот взрывов. Земля ходуном ходила, дрожала и казалось, что стонала от этих страшных ударов. К небу взметнулись тяжелые грязно-синие клубы дыма и пыли, не видно стало неба, а самолёты продолжали пикировать в этот ад и из его дымной завесы всё выплёскивались новые и новые султаны бомбовых разрывов. Бомбы рвались от нас метрах в трехстах, непосредственно нам они не причиняли пока вреда, но там, в неглубокой балочке, бушевал настоящий ад. Отбомбившиеся самолеты взмывали в небо, снова выстраивались цепочкой в круг и делали новый заход для бомбежки. Небо дрожало от взрывов, вибрировало от рева мощных моторов, а земля билась в смертельных судорогах. Мы молча смотрели в небо. Люди ничего не могли поделать с разбушевавшейся смертью. Никто не задавал вопросов о наших зенитчиках и истребителях, все смотрели на бомбежку, как на стихийное бедствие, как смотрят на извержение вулкана и землетрясение – противопоставить этой злой стихии было нечего.

Тяжесть бомбового удара пришлась на пологую низинку впереди Верхнего Курпа и, возможно, на передовую – мы этого еще не знали. Едва самолеты ушли, как снова загрохотали минные взрывы. Сомнений быть не могло – противник готовил атаку, он расчищал себе дорогу к Верхнему Курпу.

– Ребята, кончай базар, полундра! – закричал Анохин, и мы все бросились бежать наискось по краю подсолнухового поля туда, где только что отгрохотала бомбежка.

Впереди небольшой луг и дорога. В воздухе сплошной стеной висит не успевшая осесть пыль и дымный чад, остро пахнет сгоревшей взрывчаткой. Из этой дымной пелены вдруг выскочила ошалевшая лошадь с мотающейся порванной сбруей. Она тонко ржала и очумело неслась вперед, ничего не видя, ничего не разбирая. В пологой низинке, пересеченной грейдерной дорогой, сплошные воронки и дым, на земле бьется раненая лошадь, вокруг искромсанные повозки, разбитые ящики, узлы, обрывки брезента и трупы, их много...

Передо мной что-то непонятное – потом разобрал, что это страшно обезображенное человеческое тело... Головы нет, туловище всё неестественно изломано, расплющено, одежда разодрана, лоскутья белого белья и зеленой гимнастерки, синяя ткань юбки и голубые штаны. Да ведь это было женщиной! Какая-то девчонка-санинструктор попала в этот ад и вот... Теперь всё! Какая-то дурацкая мысль. Просто жутко и противостоительно, страшно, что так обезображено это загадочное женское тело, которое не положено никому видеть, которое – нежная тайна... и вот так страшно и жестоко! Один солдат

в рваной гимнастерке и с окровавленной рукой бредет сквозь этот дым. Он без оружия и одной рукой держит покалеченную другую, словно ребенка несет. Кислый запах тротилового дыма мешается с тяжелым, густым, сладковатым запахом крови. Убитые, убитые, хрипящие раненые, чей-то крик о помощи, а нам нельзя сейчас задерживаться, нам нужно бежать вперед, иначе здесь сейчас могут появиться немецкие танки и автоматчики, они добьют стонущих раненых, они передавят их танковыми гусеницами, перемешают их окровавленные тела с серой сухой землей. Скорее вперед... Разодранная взрывом санитарная сумка, подыхающая лошадь с разорванным брюхом и вывалившимся на землю голубыми кишками и люди, и все они в каких-то уродливых изломанных позах. Всего ни рассказать, ни представить невозможно – седьмой круг Дантового ада... Да нет, ему не приходилось видеть такого...

А впереди всё грохочут близкие минные взрывы и захлебываются пулеметы длинными глухими очередями. Навстречу нам бредут покалеченные люди, зажимая руками раны, на их лицах брызги застывшей крови, кровь на их одежде, сжатые зубы и в глазах страдание.

Вот они, первые окопы, наша передовая. Здесь тоже бомбовые воронки, обрывки неестественно белых бинтов на земле, дым, хлесткие звенящие удары минных разрывов. В большой бомбовой воронке возятся два солдата, неумело перевязывают третьего. В голову, в грудь и в ноги ранен командир роты, которая занимает здесь оборону.

– Медвинский! Медвинский! Помоги им, мать иху за ногу! – кричит Анохин.

Медвинский сползает в воронку, стараясь не задеть сапогами раненого. Анохин становится злым, порывистым, он что-то кричит. Ребята, повинувшись команде, занимают свободные окопы. В соседних окопах полузаваленные землей солдаты, но передовая живет, и кто-то еще стреляет. За стеной дыма и пыли я не вижу цели. Из одного заваленного землей окопа вытаскивают оглушенного младшего лейтенанта, в волосах у него земля, он без пилотки, растерянно и очумело моргает глазами. Совсем молодой младший лейтенант оказался командиром стрелкового взвода. Он, как и все солдаты, в обмотках, одна из них размоталась зеленой змеей.

– Подосенов! Подосенов, мать твою..., давай с Есиповым к пулемету! – кричит Анохин.

Рядом станковый пулемет с заправленной лентой и ни одного пулеметчика – все побиты. Сейчас мы на возвышенном месте, сзади нас та самая низинка, которую бомбили, впереди ровное поле, дорога и примерно в полукилометре лесопосадка – там противник. Пыль оседает, и я начинаю разбираться в обстановке. Из той посадки, тоже поредевшей и изрядно размолоченной нашими снарядами и минами, выползают три танка и за ними жиденькая цепочка автоматчиков.

– К бою! Полундра! – снова кричит Анохин. Он смотрит в полевой бинокль и кому-то снова кричит:

– Связь! Связь давайте!

Гришка Авдеев, забыв о всяком чинопочтении, трясет командира стрелкового взвода и зло кричит ему в лицо:

– Ты что, хрен собачий, в себя не пришел?! Командуй, тебе говорят! Ранен твой комроты, понял ты или нет! Командуй, а то в морду дам!

Как ни странно, но от этой ругани младший лейтенант действительно приходит в себя. Он вначале бросил испуганный взгляд на Авдеева, а потом вдруг закричал высоким, пронзительным голосом:

– Хватит болтать! Понавесил бороду!... Гранаты приготовить! По пехоте противника... Огонь!

Защелкали частые винтовочные выстрелы. Подосенов ударил из пулемета, правее застучал еще один. Автоматы пока молчали. Ребята выжидали – из автоматов стрелять еще рано.

... Танки приближались, за ними по полю тянулись шлейфы пыли, черного выхлопного дыма, длинные стволы танковых пушек вытянулись прямо к нам, вынюхивая подходящую цель. Перед выстрелом танк на несколько секунд останавливался, на конце орудийного ствола сверкало короткое пламя, раздавался оглушительный двоянный удар выстрела, мгновенный взвизг снаряда и грохот взрыва. Танки били по передовой осколочными снарядами и уже снова закричали раненные – нечеловеческое страдание и отчаяние было в этом крике.

Танки всё ближе, ближе... Немецкие минометы теперь начинают переносить огонь глубже в наш тыл, они кромсают огнём и осколками ту несчастную ложбинку.

У нас за спиной вдруг часто захлопали выстрелы наших батальонных минометов. Небо застонало от мин, и серые клубки разрывов вспыхнули за танками, там, где шли цепочки немецких автоматчиков. Было видно, как метались и падали немецкие солдаты. Справа зазвенели выстрелы противотанковых ружей. Ага! Живы славяне!... На сердце стало как-то полегче. Признаться, сильно муторно на душе, когда сидишь в окопе и смотришь на приближающийся танк...

Взрыв снаряда. Рядом. Едва успеваю втянуть в плечи голову... Еще взрыв... На спину падает земля, серые струйки бегут по стенке окопа... Взрыв, без всякого взвизга, мгновенно и оглушительно, глаза запорошило песком и в ушах такой звон, что ничего больше не слышу, в горло лезет кислая тротильная гарь. Во всем теле какая-то тупая, гудящая боль – рядом, гад, рванул... А зевать нельзя. Выстрелов я больше не слышу, но осторожно приподнимаю глаза на уровень кромки бруствера. Танки близко... А рядом в окопе солдат, у которого винтовка с оптическим прицелом. Откуда и когда он появился? Солдат, несмотря на минометный и орудийный обстрел, с завидным хладнокровием выискивает цель и нажимает на спусковой крючок. Я вижу, как дернулась от выстрела у него винтовка, но не слышу самого выстрела. Неужто контузия? До первого танка не больше ста пятидесяти метров, видно, как сыплется с его гусениц земля и вижу огромную черную дыру его орудия. Автоматчики повели огонь... Нет, все-таки я слышу автоматную дробь! Глухота отходит... Взрыв! Горячая, тугая волна напористо бьет в грудь, в лицо... Оседают пыль. За пыльным шлейфом танков бежит человек с пистолетом в руке и что-то кричит... Справа винтовочный выстрел – у человека слетает фуражка, он падает быстро, словно его припечатали к земле. Нестерпимо пронзительный визг мины и взрыв...

– Огоны! Огоны! – вопит младший лейтенант. Он знает, что его уже никто не слушает, сейчас каждый ведет бой с уже видимым противником, который находится совсем близко. Теперь уже дуэль, и каждый торопится, каждый знает, что опоздание на долю секунды – это смерть и... поэтому мажут, стреляют с короткой дистанции и мажут...

Наши окопы взорвались сплошным автоматным треском и винтовочными выстрелами. Огонь кажется беспорядочным, всполошным, но серые фигурки автоматчиков почти не рискуют выйти из-за танковой брони, а там, за укрытием, их достают осколки наших мин...

Один танк вдруг резко остановился, качнувшись вперед. Его башня вдруг повела злобный хобот орудия в ту сторону, где хлопали выстрелы пэтээровцев. Но с кормы танка, из-под его брони, поползли черные космы дыма. Танк так и замер с повернутой в сторону башней, дым становился гуще и тяжелее с каждой секундой и его продолжали клевать тяжелые бронебойные пули. Открылся верхний люк танка, в нём показалась человеческая фигура, танкист хотел вывалиться из танка, но его настигла пуля, он беспомощно свесился с края люка и дымилась его одежда. А в черных клубах дыма показались тускло красные, копотные языки пламени – танк горел. Два других остановились, ударили из пушек по нашей передовой, затараторили танковые пулеметы. Они стояли на месте, эти танки, стояли в туче пыли и дыма минных разрывов и стреляли по нашей передовой из пушек. Вся передовая грохотала взрывами, пулеметными очередями, за-

ливалась треском автоматных очередей. Вдруг один из танков, тот который, как мне казалось, стоял прямо против меня, выбросил клуб черного моторного дыма и двинулся вперед с нарастающей скоростью. Противотанковых гранат у меня не было, я оглянулся по сторонам, увидел, что снайперская винтовка торчит из окопа стволом вверх, а бойца не видно, а слева видел только макушку Гришки Авдеева, и пилотка на его макушке перевернулась поперек головы. Рев танкового мотора приближался, и сердце у меня сжалось в комок, перестало биться... Сейчас эта стальная громадина вырастет над моим окопом... Вот она, эта минута... сейчас! Но танк и не появился... Он загородил собою подбитую, горящую машину, бил из пушки по нашим окопам и буквально, словно ветром сдувал, резал пулями брустверы наших окопов. Взбесившаяся от пуль земля брызгала песком и пылью, пули коротко взвизгивали и не было никакой возможности поднять голову. Вдруг танковый пулемет заглох, оборвался надсадный рёв танкового мотора. Я выглянул и увидел, что танковая пушка как-то странно задралась вверх и второй танк откровенно, чадно горит, как и первый... Ага, стервы, умылись?! Умылись! Может быть, я даже не думал, а кричал это вслух и громко. В душе кипела какая-то не испытанная мною раньше, животная, бешеная радость.

Третий танк, ударив еще несколькими снарядами туда, где сидели пэтээровцы, закоптил грязно-синим дымом и пополз назад, оставляя на рыжей, исковыренной воронками земле две темные полосы от гусениц. Побежали назад уцелевшие автоматчики, а там, где они бежали, рвались наши мины. Над окопом слева показалась бородатая Гришкина физиономия, он что-то кричал мне, а я не мог разобрать.

– Что?

– Спрашиваю, спички есть?

Гришка кричит и только теперь я расслышал:

– Есть. Оставь сорок.

Я кидая в окоп к Гришке спички, а он согласно кивает головой. Теперь уже мирный бледно-синий дымок тянется над Гришкиным окопом. Минометный огонь и ружейно-пулеметная перестрелка понемногу начинают стихать. Не успела еще в голове мелькнуть мысль, что вот «пронесло», не успел никто порадоваться этому, как воздух разорвал стремительно нарастающий визг падающих мин. Взрыв грохнул рядом, второй, третий... Горячая взрывная волна ударила больно по ушам, снова оглушила. В глазах на мгновение стало темно. Почему-то полон рот земли. Разрывы следуют один за другим и нет им числа, над головой не смолкает смертельный страшный визг и дрожит земля – взрыв и сразу еще и еще!... Потом внезапно всё смолкает. То-ли в воздухе, то-ли в ушах стоит сплошной гул, меня почти засыпало землей... Нестерпимо ломит всё тело, как будто палками били... Может ранен?... Нет, вроде цел... Повезло, ей-богу повезло! Отплевываясь от земли, за пазухой и на спине земля – надо же так! Тихо. Не стреляют. Сознание возвращается к жизни, сердце из пяток становится на своё место.

– Гришка! Авдеев! – кричу соседу. – Ты про сорок не забыл?

Авдеев медведем ворочается в тесном окопе и материт меня за что-то. Потом я слышу чей-то крик. Крик раздается откуда-то из воронки, что за Авдеевым. Мы оба ползем туда. На дне воронки лежит человек в маскхалате, лежит скорчившись и кричит. Анохин! Ей богу, Анохин! Осколками мины он ранен в руку и в живот. Руку буквально размозжило в локте, она как-то странно вывернута.

– Ребята, ребята! Анохин ранен, Анохин! – кричу я, что было силы.

К воронке подползают Медвинский, Суменков.

– Ранен, лейтенант? – зачем-то спрашивает Медвинский.

– К-карту в-возьми... – через силу выговаривает Анохин.

Суменков знает, что немецкая топокарта у Анохина за пазухой. Он осторожно разрезал отточенной финкой маскхалат, гимнастерку и вытащил карту, край бумажного листа в крови.

– Какого вы хрена... на руку жгут и перевязать быстро!

Медвинский ловко вытаскивает у Анохина брючный узенький ремень и перекручивает им раненую руку, потом бинтует живот, где с левого края черная дырка с посиневшими краями и из этой дыры медленно течет черная кровь. Побледневший Анохин теперь совсем тихо, глядя на Суменкова, говорит:

– Т-теперь ты в-валяй.

И все понимают, что теперь Суменков станет нашим командиром и это до тех пор, пока мы не выберемся отсюда, а это еще очень проблематичная штука.

– Потапенко, Курочкин! – кричит Суменков, и к нему подползают наиболее крепкие и надежные ребята. – Тащите его быстрее и не оставлять, пока медикам на руки не сдадите! Понятно? Смотрите, если что не так сделаете!

После боя почему-то все кричат, нервы у всех взвинчены, говорить спокойно, рассуждать, даже нормально приказывать уже никто не может. Курочкин и Потапенко вначале осторожно волочат на себе, по-пластунски, своего раненого командира, потом тащат просто его на спине. Немцы возможно видят, но не стреляют почему-то.

Через минуту раздается чей-то всполошный крик:

– Воздух! Воздух!

Мы не сразу заметили, как все небо, весь мир снова наполнился тугим, прерывистым гулом моторов. На средней высоте прямо на нас шли бомбардировщики. Грозные двухмоторные машины со скошенной назад передней линией крыльев казались медлительными и неотвратимыми, как судьба.

– Ну, сейчас дадут прикурить... – сказал кто-то негромко.

Все лежали в окопах, задрав головы смотрели на приближающиеся машины. Вот они уже рядом! Если по нам, то должны уже сейчас сбросить бомбы. Машины уже над нами, всё потонуло в гуле их моторов, но бомб они не сбросили.

– По Курпу сейчас вдарят – опять комментирует кто-то из солдат.

Там, в поселке, ударили несколько пулеметов, редкая цепочка белых трассирующих пуль потянулась к самолетам. Что там! Разве их этим напугаешь! Они летели, не ломая строя, зная точно, где им надлежало освободиться от бомбового груза. И снова тяжело вздрогнула земля. Бомбили далеко от нас. На сей раз бомбы кромсали и корежили очевидно южную окраину Верхнего Курпа и балку за поселком. Издали донесся глухой грохочущий рокот бомбовых разрывов. Темно-серая туча стала подниматься в половину неба за поселком. Там мгновенно, пачками, десятками вспыхивали бомбовые взрывы, стремительно вздымались лохматые темно-серые кусты разрывов и медленно оседали сотни тонн испепеленной, растерзанной, поднятой к небу земли. Потом уже еле видимые в дыму самолеты развернулись и стороной прошли назад. На нашем участке бой явно затихал. Разрывы мин слышались где-то в низинке за нашей спиной. По нашей передовой били из дальней посадки несколько пулеметов, над головой металась белая струна пулеметных трасс, пули взвизгивали, ныли, но это уже были «семечки» по сравнению с тем, что пришлось пережить буквально несколько минут назад. Нас это уже мало беспокоило и мы курили в своих окопах. Очень хотелось пить, а воды не было.

Прошло немного времени и ожесточенная перестрелка, удары танковых пушек слышались уже где-то сзади, нас это беспокоило больше всего. Что там происходит? Почему бой слышен сзади? Телефонной связи с КП батальона у нас не было – линия была перебита и её, похоже, никто и не восстанавливал. Какая-то тревога была в самом воздухе над передовой, все предчувствовали беду и смотрели больше назад, на поселок, чем вперед, где засел противник.

Спустя некоторое время к нам приполз связной от комбата. Пыльный, чумазый, с потрескавшимися губами. Он смотрел на нас какими-то белыми глазами с черными точками зрачков:

– Где командир роты, где лейтенант? – хрипло спрашивал связной.

– Лейтенант, – ответил за всех Медвинский. – Здесь из всего генералитета один младший лейтенант остался и тот чумной, контузило его.

– Где он?

– Вон, в окопе лежит, обмотку мотает. Не вразумил господь, не умеет.

Ошалевший от минометного обстрела, от сумасшедшего бега, связной кричал полуоглохшему младшему лейтенанту, чтобы всех оставшихся в живых быстро оттянуть назад, на окраину Верхнего Курпа.

– Что там? – спрашивает младший лейтенант, перематывая непослушную обмотку.

– Точно не знаю. Вроде танки нас обходят...

Связные обычно знают всё, а этот ничего не знает – новенький, наверное.

– Какие танки? – почти кричит полуоглохший младший лейтенант, а в глазах уже беспокойство, тревога.

– Немецкие танки. Вроде бы в ту балку за Курпом лезут. Окружают нас. Бой там идет.

Больше ничего путного узнать от связного не удалось. Но становится понятным, для чего противник нанес сильнейший бомбовый удар по балке, по северной окраине Курпа, почему там с таким накалом гремит бой. Похоже, что и у нас здесь было не самое главное, хотя и досталось нам. Ясно одно: если немцы ворвутся в ту балку, то наше дело – табак.

– По одному, по-пластунски, на окраину поселка, вали, ребята! – кричит снова младший лейтенант.

Какой там, по-пластунски, по одному. Не приучены славяне к такой деликатности. Бойцы один за одним и группами по два-три человека быстро выползали из окопов, потом бежали метров пятьдесят пригнувшись, а уж дальше – во весь рост к поселку, их подгоняли минные разрывы. Все понимали, что в поселке легче найти укрытие от этой напасти, поэтому откровенно бежали.

Только мы выскочили в искореженную бомбами низинку, как снова раздался крик: «Воздух!» Впереди какая-то воронка, я просто нырнул в неё и в ту же секунду с ревом, звоном, свистом, с барабанной дробью пулеметов пролетели два истребителя. Мессеры, сволочи! Любуются, гады! Истребители исчезли, и мы снова бежим к жиденьким садам поселка, к белым домикам с камышовыми крышами, к низеньким каменным оградкам, которые сейчас нам кажутся самым надежным укрытием. В поселке горело несколько домов, сизый дым стелился над садами, цеплялся за ветки деревьев. Сумасшедшая перестрелка разгоралась на южной окраине Курпа и это было самым неприятным, кажется, нас действительно противник отрезал, и мы оказались в мешке. Правда, ширина балки, мне казалось, не больше километра, но всё равно, как этот километр пройти, если там немецкие танки и автоматчики. Суменков решил искать КП батальона, который снова сменил место своего расположения. Роту младшего лейтенанта в обмотках мы оставили. Фашисты с господствующих высот, видимо, отлично просматривали весь поселок и повели плотный минометный обстрел. Мины рвались в поселке, особенно часто – на южной и восточной окраинах. Суменков вел всю группу в том наиболее опасном направлении. На узких улочках воронки, глыбки сухой, как камень, вывороченной взрывами земли, разбитые вдрезг дома, белые стены, избитые осколками.

– Кучей не ходите, лопухи. По открытому месту перебежками!

Командует Суменков. Его старшинство в группе было признано беспрекословно. Во-первых, у него боевой опыт – он воюет с самого первого дня войны, он прошел большой путь в разведподразделениях и он старше нас всех – ему лет тридцать, не меньше.

Нервы, конечно, у всех взвинчены. Шутка сказать, с самой ночи бой и конца ему еще не видно. Уже и солнце стало клониться к западу, к дальним горам, а сатанинский бой всё еще грохочет. Интересно, успели ребята вытащить отсюда Анохина? Сколько же нас осталось? У нас в группе, когда выехали из роты, было пятнадцать человек, а сейчас всего восемь, а бой еще не закончился. Раз бой – значит, еще кого-то караулит пуля или

осколок. Правда, двое здоровых потащили командира взвода, но все равно настроение у ребят не очень веселое. Каждый понимает, что выход у всех один – прорыв. Ну, а как при прорыве ранят и, не дай бог, тяжело – кто тебя потащит, если все в бою? Об этом пока лучше не думать, на эти вопросы никто не ответит. Сейчас команды Суменкова, человека, принявшего на себя ответственность за наши действия, наши судьбы, нужно было выполнять быстро и точно...

Обстановка в Верхнем Курпе менялась быстро и в худшую для нас сторону. Судя по всему, автоматчики противника были уже где-то на окраине поселка. Короткие очереди «шмайсеров» доносились четко. Стрельба шла буквально вокруг, и нам приходилось соблюдать осторожность, чтобы не напороться на автоматчиков врага так же, как утром они напоролись на нас. Резко усилился обстрел поселка артиллерией и минометами. Прибавилось пожаров, едкий дым щипал глаза, пахло взрывчаткой, небо стонало от раздирающих его снарядов и мин.

– Нам КП Марёнова нужно найти. Он здесь где-то должен быть, он теперь от стрелковых рот ни на шаг... – на ходу говорил Суменков. Он ловко перепрыгнул каменную ограду и по пустому огороду побежал к дому, мы за ним. Нас пока еще спасали сады и дома, за которыми нам удавалось укрываться от наблюдателей противника. Надворных построек здесь почему-то было мало, в основном небольшие круглые птичники с плетневой стенкой и камышовой или соломенной крышей. Мы перебежали небольшой огород, направляясь к полосе высокой, еще зеленоватой кукурузы, она должна надежно укрыть нас от противника.

Едва мы успели вбежать в эти зеленые заросли, как послышался резкий, нарастающий визг падающей мины, и тут же грохнул оглушительный взрыв. Я упал на землю, на меня посыпались крошки кукурузных стеблей, измолоченных осколками. Быстро поднявшись на ноги и ожидая очередной мины, мы побежали, стараясь быстрее выскочить из зоны обстрела. Визг новой мины снова положил нас на землю. Мины падали часто и близко от нас, и не оставалось сомнений – нас видели минометчики и вели прицельный огонь по нашей группе. Мы оказались на краю кукурузного поля, впереди снова пустой огород, круглый птичник и белый дом. Мы побежали через огород, но в этот миг снова над головой визг и тяжелый взрыв. Все, как по команде, падают на сухую землю, разноголосый стон осколков еще не смолк, как ребята снова вскочили и кто-то первый нырнул в этот проклятый птичник, за ним все остальные. Это был какой-то безотчетный поступок – все знали, что птичник с плетневой стенкой и соломенной крышей не может служить укрытием от мин, скорее это была попытка скрыться от глаз невидимых наблюдателей и корректировщиков. Мины рвались одна за другой с интервалом в несколько секунд. В полутемном птичнике твердый, словно камень, земляной пол, куриный помет и перья на полу, сквозь щели в плетне тянутся косые струны солнечных лучей... Снова короткий страшный визг, оглушающий взрыв. Не видно, где она взорвалась, проклятая... Еще визг и снова тяжелый, горячий удар разрыва. В плетне появляются свежие дыры, в солнечном луче пляшет очумелая пыль, на нас сыплется труха от крыши и плетня.

– По нам, сволочь, бьет! Накроет, паразит, – произносит кто-то из разведчиков.

Мы лежим на полу, прижавшись друг к другу, защищая тех, кто в середине собственными телами. Пока я «чухался», естественно, оказался с краю, спиной к стене. Земля, стены, крыша вздрагивали от близких разрывов. Неужто бьют по проклятому курятнику? Взрыв! Еще взрыв! Осколки насквозь, навывлет пробивают плетень. На нас падают палки, солома; воздух полон запаха взорвавшегося тола. Взрыв! В голове бьется беспомощная шальная мысль: «Накроют нас здесь, ей богу, накроют, тогда всё, ни один не уйдет...» Снова визг – «Вот она!» – Взрыв! Оглушительно звонкий взрыв и снова стон осколков. Теперь и не выскочишь – через пять-шесть секунд взрыв. Выскочишь – и как раз под мину! Ребята лежат вроде даже спокойно. Неужто они не чувствуют, что сейчас нам всем конец?.. Визг мины... Господи спаси!.. Взрыв! Страшный и тяжелый

взрыв. Рядом, совсем близко... Снова визг... Тра-ах! Визг... Тр-ра-ах! На спине дернулся вещмешок, лязгнула сталь, дым тянет сквозь плетень... Визг... Взрыв! В ушах всё звенит, нестерпимая боль в ушах от каждого... Взрыв! Господи... Визг... Это наша... Взрыв! Снова стонут осколки. Еще взрыв, еще! Мать родная, спаси меня!.. Взрыв! Да долго ль еще? Бейте, сволочи! Бейте, гады! Взрыв! Еще взрыв! Нестерпимая боль в ушах... Семь, восемь секунд, еще пробегает время – тихо, фашисты решили, что они добились нас... Отстали, гады! Уши ничего не слышат... больно их! Тихо. Даже стрельбы не слышно. Стрельба есть, это только уши не слышат. Рядом со мною Федька Фролов. Он морщится... маскхалат на ноге выше колена разорван, на сухой земле капельки крови.

– Задело, говорю, малость! – кричит кому-то Федька. Пользуясь затишьем, кто-то стаскивает с него штаны. Осколок разорвал кожу, зацепил мышцу, из рваной раны тонкой струйкой течет кровь.

– Ни хрена, до свадьбы заживет! – кричит Авдеев.

Фролов отвечает что-то. Я почти ничего еще не слышу... Фролову торопливо перевязали ногу. Он встал, потоптался, пробуя ногу на прочность и, не улыбнувшись, сказал:

– Ничего, повоюем.

Медвинский смотрит на меня, спрашивает:

– Тебя, случаем, не задело?

– А что?

– Да бледный ты и мешок у тебя пропорот.

– Ты тоже не очень румяный, – огрызнулся я. Снял с плеч вещмешок – действительно, убедительные две дыры, из одной клок белой портянки и белая нитка торчат. Запихнул обратно пальцем. Мешок тяжелый от того магнита. Так и не успел я его выкинуть... Понемногу возвращается слух. Слышны в стороне взрывы, перестрелка.

– Кроем отсюда! – говорит Суменков и первый бежит к дому.

Глинобитные белые стены все в темных щербинах, побиты осколками. Мы бежим следом, прыгаем через ограды, идем садами. У Фролова, видно, нога болит, но мужик он на редкость живучий и терпеливый – морщится и прыгает не хуже других. Из-под обстрела вышли, остановились за каким-то домом. Гришка Бельтюков присел на ступеньку крыльца, вытирает потное скуластое лицо, говорит, обращаясь сразу ко всем:

– Тихо здесь. Перекурим малость. Всю душу вывернуло. Думал всё – чирик воробышек!

Эти слова Бельтюкова меня немного утешают. Я думал, что у меня одного душа была в пятках, но уж если Бельтюков говорит такое, значит и моя реакция вполне терпимая.

Бельтюков дрожащими пальцами сворачивает самокрутку, прикуривает и щурит глаза от попавшего в них табачного дыма. Вообще-то он прав: одно дело попасть под такой обстрел где-то в окопе, но совсем другое, когда на пустом месте – хреновое дело тогда получается. А нам повезло. Правда, Фролова задело, но он терпит, он в строю, могло быть хуже. Я еще не знал, что хуже всего могло быть со мной.

Минуты две сидим, курим, а потом подымается Суменков и снова командует «пошли». Никто не спорит. Докуриваем на ходу.

Боль в ушах прошла, стало слышно, как посвистывают шальные пули, щелкают по веткам и стенам домов. Впереди сплошной пулеметный треск, хлопки винтовочных выстрелов. Вокруг происходило что-то недоброе, и Суменков торопился к своим частям, к стрелковым ротам. Он совершенно прав, сейчас необходимо действовать всем сообща, а то догуляешься – возьмут фрицы за штаны. Где-то справа слышались сдвоенные выстрелы танковых пушек, накал боя всё возрастал, нужно торопиться.

Неожиданно встретили Потапенко. Он заметил нас первым, перебежал огород и пошел к Суменкову.

– Ты откуда взялся? Где Анохин? Почему его оставили?

– Та здесь Анохин, недалечэ. Курочкин з ним.

– А ты почему ушел? Вам было приказано отправить Анохина до самых главных медиков! Почему он еще здесь, а не в медсанроте?

Суменков был явно недоволен, в его голосе звенело раздражение, а Потапенко переминался с ноги на ногу, дал Суменкову выплеснуть раздражение, а потом спокойно сказал:

– Ну до чего все вумные! Наша медсанрота мабуть километров двенадцать отсюда. Та мы б угробыли лейтенанта, если б взялись на горбах его тащить. Сборный эвакуопункт батальону на тий стороне балкы, а тамочки немцы з танкамы...

– Не бреши. В балке немцев нет!

– А ось бачитэ танки бьют з пушек, там бой иде. А усих раненых туточки збирают по приказанию комбата.

Потапенко кивнул головой в ту сторону, где находились раненые. Пока это был самый безопасный и сравнительно тихий пятачок в Верхнем Курпе. Потапенко поступил правильно, это понимали все ребята, понимал и Суменков, а кипятился больше для порядка и еще потому, что появление Потапенко было для него неожиданным.

– А ты чего сам-то здесь делаешь?

– Та вас шукаю.

– Веди, покажи, где раненые.

Раненых собирали в небольшом пологом овражке. Здесь стояли запряженные пароконные повозки и на них, на подстеленной кукурузной соломе лежали раненые. И повозок, и раненых было много. Около них сутились медсестры и какие-то солдаты с винтовками. Увидели Курочкина и нашли повозку с Анохиным. Ему делали какой-то укол, уже перевязали как следует, а он был в беспамятстве. Суменков приказал Курочкину оставаться при этой повозке, помогать при эвакуации, а мы всей группой отправились на КП батальона, нам указали, где он сейчас находится.

По дороге мы снова попали под минометный огонь, но на сей раз было легче, немцы били по площадям. Однако, близкие разрывы заставляли невольно кланяться осколкам.

– Во, чертов переполох, аж переночевать негде! – ворчал Фролов.

– Не паникуй! – в голосе Суменкова уже чувствуется уверенность. – Садами, садами давайте, нечего рты разевать. Сейчас комбата найдем и порядок.

Командира батальона мы нашли в окопе на краю небольшого овражка. С ним было еще два незнакомых офицера, один из них лежал рядом с окопом и смотрел куда-то в бинокль. На дне овражка человек пять автоматчиков и связисты.

– Постойте здесь, ребята. Я один.

Суменков осторожно пошел на КП, а мы залегли в каком-то саду, снова закурили.

Измотанный до последнего предела, получивший отказ в какой-либо помощи в штабе бригады, Марёнов был зол и резок. Успешно начавшаяся утром операция, заканчивалась неудачей. Еще вчера днем командир бригады поставил перед Марёновым задачу овладеть Верхним Курпом, высотой 488 и развивать успех в направлении Нижнего Курпа. Вероятно, командир бригады понимал, что для выполнения поставленной задачи батальону не хватит сил, одного батальона здесь мало, но, кроме неопределенных обещаний, ничем не подкрепил батальон Марёнова. У командира бригады не было необходимых резервов, а ширина занятого бригадой фронта и ограниченные транспортные возможности исключали необходимый маневр имеющимися силами. На рассвете, собрав в кулак все силы, воспользовавшись тем, что разведчикам и автоматчикам батальона удалось просочиться в поселок и активными действиями дезорганизовать оборону противника, батальон решительным ударом овладел Верхним Курпом, две стрелковые роты бросились на штурм господствующей высоты 488, однако несколько их атак были отбиты, роты понесли серьезные потери.

Марёнову не хватало огневых средств, чтобы подавить пулеметы, артиллерию и минометные батареи противника. Просьбы Марёнова о резервах, о помощи огневыми

средствами для развития наметившегося успеха не находили в штабе бригады достаточного понимания, да и сам Марёнов не очень надеялся на помощь. По его мнению, основным и наиболее вероятным направлением главного удара противника было Дейское-Плановское-Эльхотово. Это выводило противника наиболее коротким путём к Эльхотовым воротам, открывало возможности к широкому его наступлению на Орджоникидзе и Грозный. Не случайно там, в районе Плановского, и были собраны основные силы бригады. Боевая инициатива пока полностью находилась в руках противника, и в такой обстановке надеяться на оперативную помощь для развития своего скромного успеха Марёнов не мог. Все, что ему обещали, это подбросить одну батарею 76-миллиметровых пушек и батарею 45-миллиметровых противотанковых пушек на механической тяге. Эти средства должны были уже давно прибыть, но пока о их нахождении ничего Марёнову не было известно.

Марёнов прекратил бесплодные атаки на высоту 488, он решил усилить одну роту, которая отбивалась от контратак противника севернее поселка – со стороны Нижнего Курпа, и прикрыть свой, ничем незащищенный левый фланг. Однако, он не успел сманеврировать силами, потерял драгоценное время, занявшись штурмом проклятой высоты. Мощным бомбовым ударом пикировщиков противник накрыл роту, оборонявшуюся севернее Верхнего Курпа. Рота едва удержалась на занятых рубежах. Стрелковая рота, направленная на левый фланг, тоже попала под бомбежку, понесла потери и не успела закрепиться, как противник именно с левого фланга нанес сильный удар по батальону Марёнова. Свыше двадцати танков и мотопехота на бронетранспортерах противника попыталась форсировать балку, выйти на её противоположные, южные, скаты, закрепиться на них и, таким образом, прочно завязать мешок, в котором оказался наш батальон. Танки и механизированные части врага, к счастью, были отбиты артиллерией. На той стороне балки артиллеристы и минометчики отбили атаку противника, вели долгий бой, не имея прикрытия со стороны стрелковых частей.

Правда, в балку, поросшую редким и низким кустарником, просочились немецкие автоматчики. Всякая связь с бригадой была прервана. Боеприпасы у минометчиков и артиллеристов, которые находились в Верхнем Курпе, были на исходе, стрелки начинали экономить патроны, скопилось много раненых. Марёнов не видел иного выхода, кроме прорыва из фактического окружения. Для этого он собирал все имеющиеся силы. Вот в этот злополучный час и явился к нему Суменков. Он сразу узнал знакомого уже разведчика и, махнув рукой на официальный доклад, проговорил:

– А, разведка. Кстати. Где вас леший носит?

– Дальше передовой нигде не были. Поддерживали вашу роту у дороги на Нижний Курп, а сейчас хотел у вас узнать...

– Нет, вы только посмотрите, это он узнать пришел! – перебил Марёнов, – Видели гуся?! Кто из нас разведчик? Это я у тебя должен узнать!

– Обстановку мы и так знаем, – спокойно заметил Суменков, – свою задачу мы выполнили. Ожидаем дальнейших ваших указаний.

– Правильно, – уже более спокойно заметил Марёнов. – Сейчас действительно здесь только мои указания. Никакого другого начальства здесь нет. Сколько у вас людей?

– Девять человек, товарищ майор, в том числе один раненый.

Марёнов потер небритый подбородок и добродушно-ворчливо добавил:

– Не густо. Узнать он пришел! Вы, разведчики, вот что... Теперь мы повернулись фронтом на юг, всё наоборот у нас получилось. Так давайте, жмите на правый фланг. Там вторая рота наша и без командиров – всех выбило. Дам я тебе сейчас записку... А где ваш лейтенант?

– Тяжело ранен, товарищ майор.

– Кто за него?

– Старшина первой статьи Суменков.

Сашка вытянулся, как положено, и козырнул, чтобы было понятно, что Суменков это и есть он самый.

– Так вот. Со второй ротой связи тоже сейчас нет. Дам я тебе записку, передашь старшему по команде. Прорываемся атакой через балку по сигналу серией красных ракет. Понял?

– Так точно. Атака через балку напрямую по сигналу серией красных ракет.

– Всё правильно. И давай так, старшина первой статьи, иди со своей группой вперед, чтобы пехота за тобою. Ясно? Смотрите, разведка, я надеюсь на вас.

– Слушаюсь, товарищ майор, не подведем.

– Тогда жмите. На, держи записку.

Марёнов написал несколько слов в блокноте, вырвал листок и передал его Суменкову.

Суменков торопился, и минут через десять наша группа была на правом фланге батальона, на участке, занятом остатками второй роты. После того, как первая атака противника была отбита, его танки и бронетранспортеры, исполозовав балку следами от колёс и гусениц, отползли за бугор. На его гребне то и дело показывались две или три машины, они стреляли по окраине Верхнего Курпа, где занимала оборону вторая рота, когда наши снаряды рвались в опасной близости от танков, они отползали за гребень бугра. Немецкие минометы и артиллерия вели огонь по поселку, особенно по его окраине, обращенной к балке, сама балка простреливалась пулеметным огнем противника. Частям дивизии «Викинг», после нескольких попыток, удалось зацепиться за северную окраину Верхнего Курпа, положение батальона продолжало усложняться. День был на исходе, но противник не станет дожидаться вечера, никто не сомневался в том, что эсэсовцы предпримут еще более решительные атаки.

А солнце уже позолотило дальние горные вершины, бросило голубые тени в балку, в сады поселка.

В стрелковой роте оставалось не более тридцати человек. Они окопались, довольно умело используя каменную ограду на окраине поселка как дополнительное укрытие. Здесь тоже горело несколько домов, дым наполнял балку, подымался вверх, стены домов были частично разрушены, побиты осколками и пулями, кругом воронки... Интересно, а где же жители? Эта мысль только сейчас пришла мне в голову. Действительно с самого утра мы не встретили ни одного гражданского человека. Неужто прячутся? Тогда беда для них. Было бы лучше, если бы они догадались уйти. Остатками второй роты командовал старший сержант, высокий худощавый парень с перевязанной головой. Он прочитал записку комбата, подумал и сказал:

– Давай так, старшина, до самого выхода из этого окружения командовать будешь ты. Я всех ребят своих предупрежу. У тебя, видать, опыта побольше.

Сашка не стал отнекиваться – обстановка не та. По примеру стрелков мы тоже спешно занимали и оборудовали окопы. Лишние окопы были и, увы, не мало: после первой атаки противника несколько человек были убиты, несколько выбито по ранению. Неизвестно, успел ли Суменков договориться обо всем со старшим сержантом, потому что воздух вновь разодрал вой снарядов, визг мин, дымные разрывы вспыхнули на окраине Верхнего Курпа и на склонах балки. Вскоре отдельных выстрелов и разрывов невозможно было уловить – всё слилось в сплошном треске и грохоте. Ухо выделяло только двойные гулкие удары танковых пушек. Вдруг откуда-то сзади нас раздался раздирающе-скрежещущий, воющий прерывистый рев, и сразу небо заполнило странное трубное гудение. Я не знал, что это такое и ожидал чего-то очень плохого и непонятного.

– Ну, сейчас врежет, аж переночевать негде! – прокричал Фролов и вдруг по балке, по ее склонам ударили шесть тяжелых взрывов. Черные клубы дыма какими-то грибами вскинулись ввысь.

– Что это за хреновина? – крикнул я Фролову.

– Салага! Шестиствольный миномет долбаёт! Запомни на всякий случай.

Шестиствольные минометы давали залп за залпом, они перепахивали тяжелыми минами балку, её склоны, окраины поселка. По всему было видно, что готовится новая атака. И снова как там, на северной окраине, невозможно поднять головы: от огады брызжет каменная пыль, летят мелкие осколки, на спину сыплется земля и уши больше не выносят этого грохота, не терпят непрерывные горячие удары взрывной волны.

– Хана, братцы, танки прут..., – слышен чей-то голос.

Положение действительно поганое. Противотанковых гранат у нас нет, связи нет, патронов осталось только два диска. Пехотинцы щедро снабдили нас патронами еще днем, но наши автоматы по сумасшедшему жгут патроны, да вдобавок то и дело отказывают при стрельбе: то утыкание и перекося патрона, то улитка в диске заедает – беда одна.

Я осторожно выглядываю из-за бруствера. Из-за того бугра, где скрывались танки, теперь выползло не менее восемнадцати машин. В клубах сизого дыма, покачивая оружейными стволами, они быстро скатываются в балку, за ними развернутыми цепочками бегут автоматчики. По танкам почему-то никто не стрелял. Рыча моторами, они шли по балке, давили редкие кусты и начали поворачивать в нашу сторону. С короткой остановкой они били из пушек по нашей передовой. При выстреле танк вздрагивал, с его брони поднималась пыль, снаряд коротко взвизгивал и хлестко взрывался. Земля вздрагивала от удара так, словно хотела выбросить тебя из окопа, последнего и ненадежного укрытия, которое у нас оставалось. Среди пехотинцев кто-то был ранен, слышался надрывной страшный крик, он выделялся в сплошном адском реве и грохоте...

Солдат не видит всего поля боя. Ему всегда кажется, будто то, что происходит у него перед глазами, это и есть основное событие, главный эпизод сражения. В начале войны и в то океанное лето 1942 года бойцы еще не умели видеть систему взаимодействия родов войск, не умели чувствовать её. Поэтому всегда было жутковато видеть атакующего врага, всегда это вызывало либо естественный страх, либо бешеное остервенение, когда люди рвут на груди рубаху...

Прямо на нас лезли грохочущие, стреляющие из пушек и пулеметов стальные машины, специально сделанные для уничтожения людей, а у тебя в руках бесполезный в этом случае автомат и бессильные противопехотные гранаты для ближнего боя. Прямо на твой окоп лезет стальное чудовище и непременно кажется, что ты остался с ним один на один... Где она, надежда?! На что тебе надеяться?! Что спасет тебя от ужаса и неминуемой смерти?!

Даже у таких закаленных бойцов, как Авдеев, Фролов, Суменков, Бельтюков побледнели лица, сжались губы, глаза лихорадочно заблестели. Все неотрывно смотрят на приближающуюся грозную стальную лавину. Танки уже близко, они направились на склоны балки, над ними грязно-синий моторный чад. За танками цепочки автоматчиков, они уже открыли огонь, у них на стволах «шмайсеров» засверкали искристые огоньки выстрелов, а вокруг нас запели, засвистели пули.

Немецкие пушки и минометы перенесли огонь вглубь нашей обороны, а мы, по воле эсэсовских командиров, должны быть расстрелянными танковыми пушками и пулеметами, раздавленными танковыми гусеницами, а те из нас, кто каким-то чудом останется живым или раненым должны быть добиты идущими за танками эсэсовцами с автоматами. Кажется, на свете уже не было силы, способной помешать осуществлению этого плана. Мы приготовились к худшему, но пока даже не открывали огня, берегли патроны, стрелять можно было только наверняка.

Вдруг стало видно, что бегущие за танками фигурки падают и остаются лежать, остальные забегают сбоку за танки – кто-то с нашего левого фланга лупит по автоматчикам из пулеметов и здорово лупит. Среди идущих танков сверкнули взрывы наших

снарядов. По танкам били пушки из Верхнего Курпа и откуда-то из-за балки, что для танков оказалось особенно опасным – они развернулись бортами к стреляющим пушкам. Взрывы снарядов наполнили дымом и пылью всю балку, среди автоматчиков загрозотали минные разрывы, и открыла ружейно-автоматный огонь наша залегшая цепь. Первые танки взревели моторами, рванулись вперед, стараясь быстрее сблизиться с нашей передовой, но склон балки оказался тяжелым даже для танка.

Однако, первая машина вырвалась с крутизны подъема, разбила гусеницами низенькую каменную ограду и поползла по огороду к первому саду, остановилась на секунду, ударила из пушки, но вдруг там, на самом краю покалеченного снарядами сада, танк дернулся, как подстреленное животное, замер и через несколько секунд задымил...

Другой танк на подъеме неожиданно развернулся боком, расстелил по земле за собою перебитую гусеницу и остановился, а по нему кто-то стрелял – от брони летели белые искры. И его добили. Из щелей брони, с его кормы поползли черные и тяжелые космы дыма. Танк круто накренился на один борт и, казалось, что он сейчас завалится на бок, но танк устоял и догорал стоя. Третий танк, лязгая гусеницами, вдруг пополз назад с неестественно развернутой в сторону пушкой.

Украина Верхнего Курпа была вся искромсана, разбита снарядами. Жарко, с шумом и треском горели дома и их камышовые крыши. В садах на земле расщепленные, изломанные стволы деревьев и сучья, листва почернела от пламени, копоти и дыма, каменные заборчики разбросаны взрывами; кругом воронки, трупы, кровь, белые лоскутья бинтов... Нам еще везёт: наша каменная ограда почти цела, но дом сзади нас горит, ядовитый дым стелется над нашими окопами. Суменков, видно, ранен, у него рассечены лоб и бровь, кровь заливает лицо, глаза, он вытирает то и дело её рукавом маскхалата и стреляет из автомата. Немецкие автоматчики близко, слышно как они кричат, подбадривая себя этими криками, а Потапенко стреляет в них из трофейного пулемета. Вокруг сплошной треск выстрелов. Я стреляю короткими очередями, и все-таки каждая очередь это пять-шесть выстрелов, этак скоро кончатся патроны. А как быть? Вон лежит немец и стреляет лёжа из автомата, его плохо видно, мне видна его каска и автомат. Я целюсь в каску – очередь, еще очередь – автомата больше не видно, каска не двигается. Вдруг целая туча песка и земли срывается с бруствера моего окопа и больно бьет в лицо, в глаза. Я мгновенно ослеп, в глазах нестерпимая резь. Ударили по мне и довольно метко, но попали в бруствер пулями. Старюсь протереть глаза рукавом маскхалата.

– Салага ранен! – слышу чей-то крик и не пойму, о ком это идет речь.

– Ты живой? Не ранен? А я думал тебе всё – чирик-воробышек!

Я еще не вижу Бельтюкова, а он, оказывается, подполз ко мне. В конце концов, мне удастся протереть глаза. Я вижу снова. Передняя цепь немцев залегла, на склонах подбито несколько танков. Теперь они почему-то стоят и бьют из орудий по нашим пушкам. А немецкие автоматчики, оказывается, совсем недалеко от нас залегли. Я не вижу, что сейчас делают наши ребята, и Бельтюков уже словно провалился. Я потянул за шнурок и в руках у меня стаканчик гранаты. У меня сейчас нет иного выхода, автоматчики хорошо меня видят и не дают поднять головы – чуть повернешься, и в бруствер шлепают пули. Я сжимаю мягкие проволочки чеки и вытаскиваю кольцо, пальцами прижимаю металлический рычажок к корпусу гранаты. Теперь, если разжать пальцы, рычажок отскочит от корпуса гранаты и через две-три секунды взрыв. Наши окопы на самом склоне балки, я мгновенно выбрасываю гранату вперед и она, подпрыгивая, катится по склону к немцам. Секунды – и звонкий хлопок взрыва. Теперь я первый поднимаю голову и стреляю по автоматчикам, у них нет окопов, я в более выгодном положении.

Над Курпом и в балке сплошной дым и грохот. Уже не разобрать, откуда и кто стреляет. Наши артиллеристы саданули в борт еще одного танка, чудовище вздрогнуло, из его утробы рванул черный дым, от второго снаряда брызнули искры от танковой баш-

ни с наשלёпкой люка, и пушка танка вдруг опустилась и замерла, будто нюхая землю. Эсэсовцы явно не рассчитали: склоны, где оборонялась наша рота, были затруднительно круты для танков, дальше склоны были более пологими, но там стояли на прямой наводке пушки и били по танкам; вдобавок, видимо, прибыли обещанные Марёнову артиллерийские батареи, они встали прямо в поле, на другом краю широкой балки. Немецкие танки находились для них в мертвом пространстве, но как только они начинали карабкаться вверх к поселку, то невольно подставляли свои уязвимые борта под наш артогонь. В этой необычно жаркой схватке батальон нес потери, не меньшие потери несли наступающие, и наступил тот миг, когда танки остановились, а потом стали пятиться назад, оставляя на дне балки коричневые гусеничные следы...

– Ага! Кишка тонка! Умыли, в господа бога вашу мать!!! – кто-то кричал.

Трещали автоматные очереди, мы стреляли в автоматчиков, они отвечали нам сумасшедшей пальбой. В своём окопе приподнялся Тазиев и швырнул вперед лимонку:

– Лови, твою мать!..

Лимонка черной запятой кувыркнулась в воздухе, упала на землю, подскочила на крутом склоне, полетела дальше и рванула. Застонали, заныли осколки.

– Гранатами их, гранатами!

Кто кричал непонятно, но в воздухе закувыркались черные точки и часто, как горох по железному листу, затрещали разрывы. Серые клочки дыма потянулись по нашему склону там, где залегли немецкие автоматчики. Танки отползали назад, а автоматчиков прижимал к земле пулеметный и автоматный огонь.

В тот момент, когда мне показалось, что наступил перелом в этом бою, и фашисты сейчас вынуждены будут бежать, в это самое время немецкие минометчики словно взбесились. Небо завывало и застонало от десятков падающих мин, взрывы забарабанили один за другим, одновременно, пачками, и земля снова превратилась в ад, в проклятие, в место, где разгулялась смерть в своей страшной пляске. Проклятые мины падали прямо в меня и, казалось, только необъяснимое чудо в самый последний момент заставляло их взрываться где-то в стороне. Страшной силы огонь обрушили немецкие минометчики и артиллеристы по окраине Верхнего Курпа, по склонам балки, где окопались наши стрелковые роты. Наши артиллеристы и минометчики перепахивали снарядами и минами всю балку и то место, где еще стояли немецкие танки. Наши низенькие и вездесуще-юрки сорокопята, оказались на противоположном краю этой балки, и среди немецких танков брызнули серые клубки разрывов, это заставило их попятиться снова, туда, за бугор, из-за которого они вылезли.

С окраины Верхнего Курпа, левее нас красными искрами полетели в небо три красные ракеты – условный сигнал к контратаке. Первым из окопа встал Суменков, он ударил вперед из автомата и закричал:

– Полундра! Впере-ед, ребята!

По нему стреляли... конечно, стреляли, не могли не стрелять, а он, словно заговоренный от пуль и осколков, не оглядываясь больше на нас, побежал вперед и что-то еще кричал. За ним поднялись Тазиев, Медвинский, остальные, поднялась стрелковая рота и все бросились бежать вперед. Секунда, две, три, четыре ошалелой неприцельной стрельбы на бегу, и немецкие автоматчики начали подниматься с земли. Вначале они еще стреляли, а потом уже просто бежали, за ними разведчики в маскахалатах, бойцы стрелковых рот с винтовками наперевес, и на каждой винтовке длинная тонкая игла примкнутого штыка.

– А-а-а!... Ур-ра!...

Растекался по балке сумасшедший крик злости, ненависти, страха, азарта – всё было вложено в этот неосознанный страшный крик... Кто-то в маскахалате взмахнул руками, выронил автомат, упал и покатился по крутому склону. Сознание мельком отметило это мгновение. Кто-то из ребят закричал:

– Тазиева! Тазиева убили!

– Козловский, мать твою!.. Бери Тазиева! Бери, тебе говорят!!!

А это уже кричит Медвинский и почему-то падает набок. Я перепрыгиваю через него, торможу на склоне, оборачиваюсь и вижу, что Медвинский встает и снова бежит и кричит теперь уже на меня:

– Какого хрена... Вперед!!!

И мы бежим вместе, догоняем наших ребят... задержка на полсекунды... А мы уже в балке, и здесь нас уже не долбят немецкие минометы, им сейчас уже нельзя стрелять – своих побьют. Впереди меня бежит немец в каске, в серо-зеленой куртке с черным поясным ремнем, он недалеко и ему некогда оборачиваться, он слышит, наверное, топот наших ног. Я нажал на спусковой крючок, автомат брызнул искрами выстрелов... Промазал... С десяти метров ухитрился промазать... У немца в руках тоже автомат и если он сейчас обернется, то несдобровать уже мне. Ударил второй очередью: на серо-зеленом френче несколько дыр, немец делает еще несколько шагов, спотыкается и падает, на меня смотрят исполненные ужаса и боли оловянные глаза, черная дыра открытого рта... Перепрыгиваю его, бегу дальше... Вместе со всеми я куда-то стрелял, останавливался и бил из автомата с колена...

Под ногами исполосованная танками земля и воронки, воронки... Впереди какие-то кусты или высокая трава, и оттуда сверкнул огонек выстрела. Кидаюсь мгновенно на землю и стреляю очередью в том направлении. Автомат делает несколько выстрелов, и затвор хлопает впустую – всё, патроны в диске все. Заученно выбиваю диск из приемника, вставляю другой и снова бегу вперед. Меня перегоняет Подосенов, он тоже стреляет по высокой траве, мельком замечаю лежащего там немца... Слева отчаянный, нечеловеческий крик – наш пехотинец проткнул немца штыком винтовки, тот вцепился в ствол, лежит на земле и страшно кричит и наш солдат не может вырвать из его рук винтовки... Мгновение и уже этот боец выронил из рук свое оружие и тяжело осел на землю рядом с кричащим немцем... Вокруг один автоматный треск и крик... Быстрее, быстрее... Уже всё перемешалось: разведчики, стрелки, автоматчики... Вот горящий танк и прямо из-под него автоматная очередь, я лечу в подвернувшуюся воронку. Уцелел! Но что теперь делать? Он, гад, не выпустит меня из этой воронки! Граната! Пусть последняя, хрен с ней... Вырываю кольцо и кидаю гранату вперед... Взрыв! Одновременно с этим хлопком взрыва я кидаюсь к танку и стреляю в какого-то согнувшегося человека в каске...

– Полундра! – теперь уже кричу я и бегу вместе с ребятами. Рядом со мной оказывается Суменков, зубы стиснуты, оскалены и он куда-то стреляет. Впереди воронка, и там мелькнула каска... Не сообразил ничего, не успел, а туда, в эту воронку, прыгает, как в воду, Авдеев... Там, в воронке, короткая (в два выстрела) очередь... Снова бежит вперед Гришка... Какой-то заросший травой проселок, на обочине лежит молодой, совсем молодой немец, без каски, с растрепанными светлыми волосами, глаза удивленно смотрят в чужое неведомое небо, в руках у него автомат, на ремне серый подсумок с прямыми, как палки, запасными магазинами. Рывком беру этот автомат, расстегиваю пряжку ремня с подсумками и навешиваю этот ремень на себя поверх маскхалата, беру и автомат – пригодится.

Опасаясь, что в последнем диске моего автомата скоро закончатся патроны. Немецкий автомат, кстати, только тем непривычен, что ручка затвора у него слева... Впереди какие-то кусты... там люди в касках... Кто-то из ребят падает на землю... Подосенов кидает в кусты гранату – взрыв... Из кустов выскочил рослый немец в пилотке, в руках у него автомат, он не успевает обернуться и выстрелить, рядом с ним Подосенов, он стреляет первым...

...Когда же кончится эта проклятая балка и почему здесь так много немцев?! Сколько метров мы пробежали и сколько минут мне еще будет так по-дурацки везти? Далеко,

слева от нас, попереk балки катятся повозки, их много, их тащат бешеные кони, а ездо-
вые еще хлещут по их спинам ременными кнутами.

– Полундра!!! Вперед, братва! Полундра-а!!!

Еще немного... Пожалуй, половину пробежали... Теперь только смерть остановить
может...

Кто-то кричит, кто-то бежит рядом и тяжело, с надрывом дышит... Впереди, похоже,
заросли высокого репейника, нужно бежать туда... Неожиданно оттуда летит нам на-
встречу граната, похожая на лимонку. Я падаю на землю... секунда – взрыв! Хлесткий
хлопок и тут же автоматная очередь. Бельтюков, Авдеев и я бросаемся туда. Несколько
коротких очередей... Крик... Страшный крик, похожий на рычание и вопль отчаяния.
Бельтюков кидается первым на немца, бьет его тяжелым, как пудовая гиря, кулаком в
лицо, а потом в этой руке сверкнуло лезвие финки. Рядом на земле крутятся немец и
Гришка Авдеев, он держит руку немца, в которой зажат пистолет. Немец ухитрился уда-
рить Гришку ногой в живот, тот крикнул и обрушил на физиономию эсэсовца страшный
удар. Тот клацнул зубами, откинул голову, но не выпустил пистолета. Я кидаясь фашисту
на ноги, придавливаю их своим телом, а Гришка продолжает молотить кулаком лежаще-
го немца. Тот выпускает из рук пистолет, я его успеваю схватить, а Авдеев заламывает
немцу руки за спину. Подлетает Бельтюков, глаза у него красные, нос сморщен, как у
бульдога, в руках финка...

– Я ж его, гада!..

Бельтюков размахивается ножом, но Авдеев отталкивает его:

– погоди, дурак! Я ему сейчас еще по морде...

Авдеев вскакивает на ноги, поднимает с земли немца и еще раз коротким боксер-
ским ударом в челюсть бросает его на землю. Несколько секунд немец неподвижно
лежит на земле, потом тяжело встаёт на колени и подымает руки... Физиономия у него
разбита, глаза вытаращены, он испуганно и торопливо говорит:

– Рус, рус! Нихт шиссен! Капут не нада!

– А, гад! Федька, проверь у него карманы!

Кто-то бежит мимо нас. Подбегает прихрамывающий, и поэтому немного отста-
вший, Фролов. На поясе немца большая черная кобура с левой стороны, но его пистолет
у меня в руках. Я поднял еще один немецкий автомат и тоже повесил себе на шею –
пригодится!

– Нет у него больше оружия. Форвертс, гад! Шнеллер унд хенде хох!

Мы бежим сами, гоним перед собою немца и он послушно бежит, боясь опустить
руки, каску он давно потерял, на френче выдраны с мясом пуговицы.

– Федька, гони эту сволочь к берегу! Пригодится! И дай, брат, пистолет мне, – гово-
рит на бегу Авдеев.

Что ж, парабеллум по праву его трофей и сегодня это у Гришки второй «язык»... Я с
готовностью протягиваю Гришке пистолет.

В балке начинают рваться мины. Это уже немцы ведут обстрел. По балке всё бегут и
бегут люди и некоторые еще в самом её начале, на том берегу. Видимо, это те, кто при-
крывал наш прорыв, сейчас им тяжелее всего. Из-за балки лупит беглым огнем наша
артиллерия, помогает отойти прикрытию. А конец балки уже вот он, рядом... Немцев
больше не видно, в нас никто не стреляет, и теперь мы идем шагом, а по балке из Верх-
него Курпа всё еще несутся повозки, пушки на конной тяге, минометчики тащат свои
«самовары», пэтэровцы свои длинные ружья...

Батальон Марёнова отошел из Верхнего Курпа с большими потерями... А солнце уже
тронуло вершины большого Кавказа. В балке не то туман, не то дым, в синеву оделись
все «господствующие» высоты, из поселка и с тех высот беспрерывно летят в небо пока
еще тусклые ракеты – теперь до утра светить будет – все-таки напугали эсэсовцев. Вот
он – подъем, край балки, который вначале казался нам недостижимым, далёким... Все-
го-то минут двадцать, а кажется, что бежал через эту балку всю свою жизнь!

Небольшой овражек, колючие терновые кусты с синими ягодами.

– Перекурим, ребята, – на сей раз просит Федька Фролов, мой тезка. Ему тяжело – раненая нога болит, повязка давно съехала, рана снова кровоточит, он сильно хромает, но держится солдат. Мы тут же перевязываем его снова.

– Где Козловский с Тазиевым? – спрашивает Суменков.

Все молчат – кто его знает, где они сейчас?

– Я пойду, посмотрю, – спокойно говорит Медвинский, берет на плечо автомат и уходит молча обратно в балку.

– Мы будем здесь, в этом овраге! – кричит ему вдогонку Суменков.

Нервная взвинченность, напряжение боя постепенно оставляют ребят, и наваливается на них чрезмерная усталость. Всем хочется пить, а воды нигде нет и фляги пустые. Лежим и курим. Немец сидит рядом и бросает на нас испуганно-затравленные взгляды. Он сплевывает кровавую слюну, вытирает грязным носовым платком кровь с лица, физиономия у него опухает и расплывается чудовищной величины синяком... Интересно, о чем думает он и что я бы чувствовал на его месте? Не дай бог, конечно! Теперь этому гаду, глядишь, повезет больше, чем мне, и он доживет до конца войны, уедет в свою чертову Германию и будет рассказывать своим детям о том, каким он был храбрым солдатом на войне с русскими... А мы? А я? Безумно и несправедливо устроен этот мир!

...Минут через пятнадцать возвращается Медвинский, он тащит на себе Тазиева, рядом с ним шагает худощавый Козловский, несет два автомата – свой и Тазиева. Тазиев ранен тяжело в голову, в правое плечо около шеи и еще касательное ранение над ухом. Повязка наложена Козловским плохо, но его никто не упрекает в том. Медвинский не трогает ран, он перевязывает Тазиева новым бинтом по старому.

– Ну, что, хлопцы, надо бы Тазиева отправить, узнать об Анохине и как быть с Фроловым? Не дойти ему до роты, – размышляет Суменков.

Решили всей группой разыскать эвакупункт раненых и КП батальона. Нашли довольно быстро. Анохина уже отправили, положение у него тяжелое. Курочкина в сопровождающие не взяли и его мучало, что до конца он не смог выполнить приказание Суменкова. Сдали Тазиева и Фролова, Федька поартачился малость, но остался. Нашли Марёнова. Комбат отходил с группой прикрытия одним из последних. Потный, пропыленный, он узнал нас:

– А, разведка. Сколько вас осталось? – спросил комбат у Суменкова.

– Девять человек, товарищ майор.

– А было?

– Шестнадцать.

– Вон оно как... И командира взвода своего потеряли. Плохо, брат!

– Да уж чего хорошего.

– А этого фрица что ж – на память прихватили?

– Пригодится, товарищ майор.

– Это точно. Ладно, ребята, спасибо вам за службу. Что делать, не удержались мы в Верхнем Курпе, но хоть поцарапались! А за потери нам с тобою, старшина, вместе попадет. Такая уж наша жизнь проклятая!

– Разрешите быть свободными, товарищ майор?

– Что, о Натынове соскучились?

– Да не то чтобы очень...

– Но, но... Потише. Все начальство от бога, старшина, запомни на всю жизнь! Ладно, ступайте! А в случае чего – давай ко мне в батальон – не обижу.

Мы вышли на дорогу, по которой ехали сюда и, почувствовав себя свободными, выполнившими все приказания и указания своего начальства, еще раз перекурили на дороге, и только тогда Суменков сказал:

– Все, славяне! Пошли в роту. И давай поскорее, а то загулялись мы!

Минули долгие, более долгие, чем сама жизнь, сутки. Все, что удерживалось в памяти об этом времени – это бой, бой, бесконечный бой, разрывы мин и снарядов, автоматный треск и ползущие на каждого танки. В тот миг никто бы, пожалуй, не смог даже рассказать последовательно о пережитом.

Прошли километра полтора, стало почти совсем темно, зажглись первые звезды. По нашему краю балки ударили немецкие минометы, били лениво, по площадям, «для острастки».

– Из Верхнего Курпа, с новых огневых шпарит, – заметил Суменков и зашагал быстрее.

Однако, усталость, накопленная за день, давала себя знать. Километра через два снова сели перекурить и решили добить остатки ужина. К моему удивлению, изрядно посленная свинина еще не испортилась, мы ужинали, сидя на траве около дороги. Решили накормить и немца, дали ему кусок жирного вареного мяса. Ел он с трудом – после Гришиных кулаков ужин стал для него делом затруднительным.

* * *

Поздней ночью мы вернулись в роту. Вторая бессонная ночь, сумасшедший напряженный день забрали все силы до самой последней капли. Увидели свои родные обозные подводы, сняли тяжелые поясные ремни, сложили оружие и единственное, что попросили у повара – это чая. Чай был еще чуть тёплый, каждый из нас выпил не меньше котелка...

Из сбивчивых, торопливых рассказов мы успели узнать, что группе Ласточкина, которая пошла в район Верхнего Акбаша, здорово не повезло – на рассвете разведчики неожиданно для себя напоролись на немцев. Завязался бой в очень невыгодных для наших ребят условиях. Бой продолжался несколько часов, ребята израсходовали все боеприпасы и с большим трудом оторвались от противника. Были потери – трое раненых, из которых одного донести до роты не удалось, умер в дороге.

Страшной вестью для нас оказалось то, что нашего первого «языка» Костя Кудряш и Гогаберидзе не довели до роты. Это было чудовищно, но ребята Кудряша поняли и не осуждали его – война, а на войне может и не такое произойти...

Со стороны начальника разведки приходилось ожидать неприятностей: всезнающие связные, ординарцы и связисты были надежным источником информации. Они и поведали о том, что Натынов поторопился доложить начальнику штаба, что разведгруппой взят «язык», а потом он был вынужден докладывать вновь, что «языка» этого разведчики не довели до роты. Натынову пришлось выслушать тяжелые упреки от начальника штаба, в сердцах он разнес Ласточкина, грозил отчислить Кудряша из роты, вдобавок сама разведгруппа Анохина пропадала в батальоне Марёнова, с которым не было связи. Переполненный негодованием и «праведным» гневом Натынов скрылся в батальоне автоматчиков, подальше от штабного начальства.

Ребята, которые находились в роте, с нескрываемым любопытством рассматривали пленного, в штаб послали нарочного за переводчиком и за Натыновым.

Больше никаких новостей наш усталый организм воспринять не мог. Мишке Белякову я просто сказал:

– Миша, больше сил нет. Давай все разговоры на завтра.

Спать! Только спать! Уставшие солдаты заснули мгновенно, не спал один лишь Костя Кудряш, не спали часовые и не спал военнопленный...

Рано утром нас подняли, ставшей привычной, командой: «Кончай ночевать!». Небо рябое от высоких перистых облаков. Прохладно. Ребята зябко подергивают плечами. Слабо дымит кухня и по нашему оврагу растекается аппетитный запах каши и варёного мяса. Около колеса повозки сидит пленный эсэсовец. Глаз у него иссиня-желтый, сильно

заплыл, белок наполнился кровью, губы разбиты, на них запеклась кровь, несколько зубов выбито, щека от уха до губ распухла. Авдеев тоже разукрашен порядочно, под глазом синяк и бровь рассечена. Взглянув на немца и на Авдеева, Арабов заключил: «если говорить языком дипломатов, произошел полезный обмен мнениями в духе полного взаимопонимания».

В роту уже успел прикатить верхом младший лейтенант – переводчик и помощник Натынова. Натынова не было, а без него переводчик не решался везти пленного в штаб – это могло вызвать неудовольствие шефа.

Фигура сидящего на земле немца – сама осознавшая обреченность и покорность судьбе, сыгравшей с ним такую неудачную шутку. Корчит сироту казанскую, жмет на снисходительность рыцарскую к поверженному противнику. Разведчиков накормили сытным завтраком, не обидели и немца – повар выделил ему завтрак по полной норме, дали закурить и еще в карман табака насыпали. Немец обрел спокойствие, к нему вернулась некоторая самоуверенность. И действительно, если его собираются расстреливать, то зачем кормить и тем более снабжать табаком. В глазах немца мелькнул внезапно вернувшийся страх только тогда, когда к нему направился бородатый Авдеев – видно, он не забыл Тришкиных кулаков. Но он теперь все-таки поверил, что самое худшее – расстрел, избиение ему не грозит. Немец понемногу разговорился. Ребятам было интересно поговорить с человеком из того, совершенно другого мира, мира враждебного и сильного, хорошо организованного, несущего какие-то свои совершенно непонятные нам идеи. Вокруг немца собралось довольно много народа, ему задавали вопросы, он отвечал, и переводчик переводил.

Многие вопросы немцу казались наивными и странными. Так могли спрашивать взрослые дети. Немец воевал в России с июня 1941 года, он многое повидал, он своими глазами видел десятки тысяч русских пленных и почти все они опускали, прятали глаза, были в массе своей покорными и послушными. Он был убежден, что любой немец на несколько ступеней выше в своей организованности, знаниях и, что самое главное, в породе. Он, конечно, понимал, что с этими Иванами сейчас нужно вести себя спокойно и осторожно, но понятие «осторожность» удерживало его всего лишь от откровенной грубости и демонстрации собственного превосходства. Он заученно повторял то, что ему годами вдалбливали в голову, но повторял это в данной ситуации очень сдержанно и вежливо.

– Зие шпрехен русиш?

– О, ошень плёхо.

– Ты рабочий, крестьянин? Чем ты занимался до войны?

– Мой отец крестьянин и он еще имел небольшой магазин. Мы работали и жили одной семьей.

– Почему Германия напала на Советский Союз? У нас с вами был договор. Вам что-нибудь говорили по этому поводу?

– Да, конечно. Война была неизбежной. Был или не был договор, это неважно – у войны свои законы. Фюрер просто упредил удар, который большевики готовили много лет, в результате мы победили в этой войне.

– Что ты думаешь вообще о войне?

– Война есть война, и в ней побеждает сильнейший. На войне не думают, на войне дерутся.

– Ты сказал, что вы победили в этой войне. Ты уверен в этом?

Немец немного подумал, настороженно посмотрел на молчаливых солдат, которые внимательно слушали его ответы и замялся. Переводчик заметил это.

– Не бойся. Тебя никто не убьет. Мы не стреляем пленных. Смело говори, что думаешь. Мы кое-что знаем о пропаганде Геббельса и читали ваши листовки. Нам просто интересно, что думает немецкий солдат.

– Мне нечего больше сказать. Вы видите сами. Войска вермахта уже на Кавказе, на нижней Волге. Весь мир уверен, что это уже самые последние бои.

– Да, но ты у нас в плену.

– Это верно. Вчера погибло много наших и ваших солдат, мне не повезло – я оказался в плену, но на войне случается всякое. Это не есть наш главный удар. Если вы правда меня не расстреляете, то я пробуду в плену от силы месяц или два. Здесь, на Кавказе, не будет долгой войны. Заверяю вас, что я буду рад свидетельствовать перед своим командованием, что вы обращались со мной очень хорошо, можно сказать по-рыцарски.

Лейтенант Попов, политрук роты, еле сдерживал себя, он кипел от возмущения и негодования:

– Спроси этого гуся, что он лично для себя ждет от этой войны?

Переводчик перевел вопрос Попова.

– О, пока я в плену, меня не ждет ничего хорошего. Но все надеются, что тех, кто останется жив, не забудет фюрер. Солдаты рассчитывают неплохо подзаработать.

– Ты уже подзаработал! – не выдержал и вставил переводчик.

Немец понял, о чем шла речь.

– О, да, – с готовностью согласился он, – поверьте, я умею драться, у меня привычные к труду руки, но у него, – немец кивнул в сторону Авдеева, – хватка медведя. Если бы у нас были такие солдаты, их ждал бы почет и награды.

– А мы не за награды воюем, а о почете мы после войны будем думать. Запомни, фриц, – Авдеев говорил медленно, давая переводчику возможность переводить не торопясь, без искажений, – это земля наша, и хрен ее ваш фюрер получит!

Наконец, на пропыленной полуторке в роту прикатил Натынов. Наш знакомый шофер по прозвищу «Чижик» резко тормознул, будто осадил норовистую кобылицу, и вылез из кабины – посмотреть на живого фрица ему тоже было любопытно.

Натынов громко хлопнул дверцей кабины, отряхнул седую пыль с синих галифе и, насупив черные, сросшиеся на переносице брови, мельком взглянув на пленного, словно для него это было привычное и даже надоевшее дело, сразу же взялся за Суменкова:

– Старшина, подойдите сюда!

Суменков в самом тоне Натынова почувствовал нависшую угрозу, но неторопливо поднялся, одернул маскхалат и подошел к Натынову. Голова у Сашки была перевязана и по этому случаю он был без пилотки, поэтому по-уставному приветствовать Натынова не стал. Просто подошел и подчеркнуто спокойно доложил:

– Товарищ старший лейтенант, по вашему приказанию старшина первой статьи Суменков прибыл.

– Ты, старшина, давно в армии?

– Я срочную отслужил и с начала войны в действующей.

– Как же это у тебя так получается? Кто тебя так воевать учил?

– В основном немцы учили, а сейчас вы учите.

– Ты мне не заговаривайся, не забывай перед кем стоишь и как отвечаешь!

– Как вы спрашиваете, так я и отвечаю, товарищ старший лейтенант.

– Языкастый! А соображать кто за тебя будет? Кто тебе позволил целый день в батальоне крутиться? Забыл, кто ты есть в бригаде? Почему доверил конвоировать пленного двум дурошлепам?!

– В батальоне крутиться вы приказали. Перед строем. В бригаде я рядовой разведчик в звании старшины. Конвоировали пленного не дурошлепы, а два бойца Красной Армии...

– Молчать! – рявкнул Натынов. – Не забывайся, старшина! Совсем обнаглели! Вместо поиска торчал в батальоне. Половину разведгруппы потерял! Ты что думаешь, тебе так пройдет это дело? Какой ты, к черту, разведчик! Сидит там целый день, как пехота. «Языка» потерял! Послать эсэсовца с двумя лопухами! Ты в какое положение меня пе-

ред командованием поставил?! Ты подумал об этом? Слушай, старшина, я тебя не отдам под суд только потому, что вам другой «язык» дуриком попался, но предупреждаю... Да что там!.. Ласточкин! Суменкова больше командовать разведгруппой не ставь – не дорос он еще...

– Товарищ старший лейтенант, разведгруппой командовал не Суменков, он был вынужден принять командование! Я говорил с...

– Отставить, лейтенант! – перебил Натынов попытку нашего политрука оправдать Суменкова. – Не вступай с замечаниями. Я знаю, что говорю! До чего распустили роту. Позор! Объясняться с Пекаревым я тебя, лейтенант, вместе с Ласточкиным возьму. Посмотрим, какими умниками вы там будете.

Суменков стоял перед Натыновым по стойке «смирно» и кусал побелевшие от злобы губы. Смуглое его лицо потемнело еще больше. Ребята стояли чуть в стороне и молчали. Недобро молчали, и Натынов это, видимо, почувствовал и уже тише произнес:

– Столько людей и каких разведчиков потерять! И ладно бы в поиске, а то... Оборону они занимали!...

– Разведгруппой Анохин командовал, а действовать вместе с батальоном приказывали вы и комбриг.., – вмешался вдруг Гриша Авдеев, но Натынова это взбесило, и он грубо оборвал Гришку:

– Эт-то еще что! Тебя кто спрашивает? Митинг устраивать?! Я тебя быстро в стрелковую роту определю!

– А это хоть сейчас. Напугал бабу...

– Ты как разговариваешь?!

– А ты на меня, старший лейтенант, не кричи, а то я и так нервный...

Я ошалел от Гришиной дерзости: называть самого начальника разведки на «ты», да и говорить таким тоном... За это в военморшколе я столько бы нарядов вне очереди отхватил! А Натынов вроде бы даже осекся. Помолчал немного и спокойнее добавил:

– Знаю, ты обоих «языков» брал. Только поэтому сразу к тебе мер принимать не буду! Ласточкин, что у вас в роте делается? Если еще что-нибудь повторится, смотрите тогда! Вещи раненых в медсанроту послали? Что – напоминать, подсказывать нужно? Это я, выходит, горяч, а вы о людях думаете. Тоже мне, деятели! Ладно, я еще с вами побеседую! А сейчас, лейтенант, давай мне двух... нет, трех разведчиков для сопровождения, да только не таких, которые у себя в тылу «языков» добивают!

Ласточкин быстро выделил троих ребят, они вместе с немцем разместились в кузове, Натынов водрузился в кабину и Чижик погнал свою «антилопу» в Эльхотово.

Слава богу, уехал! Но в роте у всех настроение было испорчено, не слышно было ни шуток, ни песен, каждый делал вид, что был занят каким-то делом или подчеркнуто независимо курил и плевался в костер. Обида, какая-то отчужденность, неловкость, кажется, были не только в душах, в глазах ребят, она висела в самом воздухе, в замерших бледно-зеленых листьях кизильника...

Все разрядилось самым неожиданным образом.

Я еще в Курпе заметил на своём вещмешке две дырки – пулевые пробоины, и две дыры были побольше, похоже, входное и выходное отверстия от осколка. Маскалат тоже с пулевой пробойной. Чудом вывернулся я из лап смерти. Мишка Беляков откровенно этому удивлялся. К нам подошел Подосенов, посмотрел пробоины и Гриша Бельтюков, хмыкнул и заявил, что у него под Севастополем тоже такое случилось. Все как-то обошлось, если бы не настырность Подосенова и Потапенко. Один из них поднял мой тяжеленный мешок за слабо затянутые лямки, они соскользнули с горловины и из мешка вывалился тяжелый узел. Портянка раскрутилась, и красно-синий магнит с никелированным сердечником предстал перед изумленными ребятами. Я начал лепетать что-то о гальванометре, а они явно ничего не понимали и не могли объяснить, какого хрена я таскаю в вещмешке этот окаянный магнит и явно ненужные учебники по во-

енно-морскому делу. Оба учебника пришли в явную негодность – они были пробиты пулей и порваны осколком мины. Судя по всему, пуля и осколок ударились в стальной магнит, помяли сердечник, вдрызг изуродовали катушку гальванометра, срикошетили от довольно массивного стального изделия, и на вылете пуля и осколок выдрали изрядный кусок ткани из вещмешка.

Всем было ясно, что эта непонятная штука, которая невесть зачем мне понадобилась, спасла мне жизнь дважды за один день. Опытные ребята легко и неоспоримо точно проследили траекторию пули и осколка в моем вещмешке, но зачем я таскал в вещмешке эту штуку, никто из них сразу понять не мог.

– А что это такое? – удивленно спрашивал Мишка Беляков.

– Не видишь что ли! Это магнит и сердечник от гальванометра.

– А что это такое?

– Ну, прибор такой для лабораторных измерений слабого тока.

– А на хрена он тебе? Где ты его нашел?

– Да просто так вот взял в школе, в Дейском, на всякий случай...

Более убедительно я ничего объяснить не мог, и это всё более озадачивало ребят и забавляло их.

– Случится же такое! – удивлялся Подосенов. – Скажи кто, не поверил бы! Но кто догадал тебя этот магнит в вещмешок положить?

И тут всех как будто взорвало. Первый Бельтюков, сморщился, прыснул от смеха и сквозь смех с трудом выговаривал:

– Ну Пауст, ну салага, – хитер! Я думал, он по дурости магнит таскает, а он – по хитрости! Ну, салага!

Ребята каким-то чутьем поняли, что таскание в мешке магнита не что иное, как последняя отрыжка, пережиток моего детства, ребячества, и именно это их больше всего потешало.

– Хлопцы, вин больше нэ салага! Вин боеву перемогу увчора зробыв. Отставить салагу! Предлагаю Натынову напысать донесение, як наикраше добытиса сокращения боевых потэрь у Червоний Армии посредством магниту. Ось побачыте як усе просто и дуже гарно: яка там пуля чи восколок лэтит у Хведора, а тут ций магнит – бац и примагнытились! А Хведор, як Хведор, ему хрен по дэревне! Он их, гадив, ловыт усим магнитом. Це-ж революция у военном деле!

Дурачился и издевался надо мной Потапенко, а ребята покатывались от смеха, за животы держались. Даже Суменков забыл про свои неприятности, мотал, забинтованной головой и от души хохотал. Медвинский вдруг серьезно добавляет:

– А что! Главное, теперь это изобретение Федора надо от Гитлера в строжайшей тайне держать, он ведь, паскуда, всех солдат магнитами обеспечит – под штаны привесят и будь здоров! Старшина! Закажи на складе магниты для всей нашей роты и на долю Натынова штуки четыре, пусть таскает!

Авдеев сквозь смех добавляет:

– Ну дает, ну дает! А вы, гады, над моим синяком издевались! Сапоги, салаги! Подумаешь, немец мне по морде ударил – морда пройдет. Говорите спасибо, что он Федьке по магниту не врезал. Насмерть бы тот фриц разбился! Что б тогда Натынов делал?

Ржут окаянные, многие уже просто по земле катаются, да я и сам уже удержаться не в силах. А тут еще снова Потапенко подливает масла в огонь:

– Хлопцы, ну на хрена Хведору автомат, нахрена вин патроны переводить. Вин и без автомату цим мешком, с пид угла любому фрицу врежить, так ни одна каска не спасет!

От смеха, аж скулы болят, а ребята все не унимаются, каждый норовит что-нибудь сморозить по поводу этого злосчастного магнита. Ржут дьяволы, кобели! Им смешно, а я действительно попал с этим магнитом в «вагон некурящих»! Селиванов предлагает

выпустить специальный боевой листок по обмену опытом борьбы за наше правое дело: «Магнитная защита от пуль и осколков методом Федьки Журавы – салаги первой статьи»... И снова взрыв хохота.

Как-то померкли, забылись обиды и неприятности, которыми начался сегодняшний день, упреки Натынова за непорядки в роте, за слабую дисциплину. Дисциплина – это вещь серьезная, особенно в боевой обстановке. В армии нужна даже просто привычка к дисциплине...

* * *

Совсем не просто послать человека почти на верную смерть и еще не проще выполнить такую команду. Правда, мне порою казалось, что наш начальник разведки слишком много уделяет внимания чисто внешней, показушной стороне дела. После этой истории, когда никто не понял, за что разнес нас Натынов, он показался мне крикуном, себялюбцем, мастером показухи и фанфаронства, а это не только излишне, это просто вредит делу. Разведгруппа – это самостоятельно действующее, небольшое подразделение, ее действия нельзя регламентировать, здесь все держится на инициативе. Ну, а если по строгому счету? Натынов все-таки должен требовать выполнения конкретных задач, а не случайных пиратских действий. Где-то он прав, но, в общем, конечно, шалый он мужик и горяч не в меру, не умеет видеть и понимать собственных ошибок. Но в армии начальство не выбирают. Начальство от бога, как говорят армейские острословы.

Мы надеялись, что после того сумасшедшего дня в Верхнем Курпе нам дадут отдохнуть, ну хотя бы денек, да не тут-то было:

– После войны у тещи на печке отдыхать будете. Пол-России просрали, забодая вас комарь, а теперь им отдохнуть захотелось! – ворчал командир роты.

В первую и в последующие ночи небольшими группами по шесть-восемь человек расходились разведчики по разным направлениям с заданием взять «языка». Но получалось у нас всё как-то нескладно: в первую же ночь мы напоролись на подготовленную оборону противника южнее Верхнего Акбаша; через день наш батальон вышиб противника из Верхнего Курпа, было много трофеев, а пленных не было.

В следующую ночь, уже по знакомым дорожкам, мы пошли к Нижнему Курпу, но были обнаружены противником, попали под жесточайший пулеметный огонь и с потерями откатились к своей обороне. Потом немцы неожиданно предприняли серию атак, потеснили наши части, удар противника оказался для нас неожиданным, и эта неожиданность тоже не украсила бригадной разведки.

Натынов бушевал, он израсходовал на нас весь свой запас ругательств и угроз. Политрук роты замучил нас политбеседами о том, что «выполнение боевого приказа есть неотложный и священный долг каждого бойца и командира Красной Армии», а «языка» все равно не было. Потеряв всякое терпение, получив нагоняй от начальства, рассерженный Натынов однажды сказал, что если мы и в очередной раз задачи не выполним, то он запрещает нам возвращаться в роту, тогда мы можем всем составом убираться в любой стрелковый батальон, если, конечно, нас там примут, или вообще валить к разным матерям и в любом направлении.

Целыми днями мы разбирали причины собственных неудач, драили оружие, зашивали порванные в клочья маскхалаты, а вечером снова отправлялись на передовую. До предела измотанные ребята засыпали на марше, откровенно храпели в засадах...

Прошло несколько дней, но характер поисков не изменился и поражал своим образом: мы появлялись перед противником в одном и том же месте, в одно и тоже время. Разведгруппы, которые в силу своей малочисленности, по мнению начальства, должны быть незаметными ночью, всегда оказывались обнаруженными настороженным противником, и действия разведчиков подавлялись пулеметами и огнем минометов. Это позволяло нам изучить передний край противника, систему его огня, засечь

пулеметные точки и минометные батареи, но не обеспечивало выполнения главной задачи – захвата «языка». Вскоре наиболее «ловкие и находчивые» ребята заметили, что чем сильнее огонь противника, чем громче он доносится до слуха командиров, тем меньше попадает за невыполненное задание, и некоторые хитрили: они отыскивали на «нейтралке» воронку поглубже или пустой окоп, укрывались там и бросали в сторону противника несколько гранат. Вспокоенные неожиданными и близкими разрывами, немцы открывали сумасшедший огонь из всех видов оружия, нещадно молотили нашу оборону и «нейтралку». Когда всё стихало разведчики возвращались, объясняя неудачу тем, что были обнаружены, жестоко обстреляны (сами ведь слышали) и вынуждены были отойти... А «языка» не было. Между тем по всему чувствовалось, что немцы что-то готовят: куда, например, делись их танки, где они затаились? Когда и в каком направлении противник готовит удар? Конечно, нужен «язык», только где его, гада, взять?

Над головой самого Натынова собирались тучи. В боях за Верхний Курп бойцы нашего батальона собрали документы убитых, что позволило установить, что немецкая дивизия СС «Викинг» ушла с этого направления. Куда она делась? Где появятся её моторизованные полки? Командование бригады и начальство повыше требовало точных разведданных, а Натынов ими не располагал. Начальник разведки ежедневно появлялся в роте и один его вид говорил о том, что он нас всех жутко презирает и ненавидит. Он шумел, ругался, грозил, но эти шумовые эффекты не приносили нужных результатов, в роте увеличились потери.

Однажды ночью группа «новичков», которой командовал комсорг роты Вася Боев, действовала северо-восточнее Плановского. Каким-то непонятным образом группе удалось пройти незамеченной сквозь оборону противника и там, на тропинке, сделать засаду. Трудно сказать, чего у Боева в этом случае было больше – слепой надежды или трезвого расчета. Ребята затаились в низкорослых кустах терновника и лежали в засаде очень долго. Их час настал, они дождались: на тропинке появились три темных силуэта. Немцы шли спокойно, довольно громко разговаривали между собой, явно не чувствуя опасности. Не доходя до кустарника, один из немцев вдруг отстал. Когда первые два поравнялись с засадой, ребята прыгнули на них, сбили с ног, на земле завязалась борьба, а оставший немец, сообразив в чем дело, ударил по кустам автоматной очередью и бросился бежать. По нему стреляли, но в темноте никто не заметил, подстрелили убегающего или нет. В драке одного фашиста кто-то саданул ножом, а второго быстро связали. Теперь разведчики торопились уйти к своим, но видно стрельба насторожила немцев, к тому же луна, как назло, вылезла из облаков. Разведчики были обнаружены на ровной, как стол, местности и их прихватили пулеметным огнём. От осветительных ракет полыхало небо, землю исполосовали огненные трассы.

Двое разведчиков и пленный были ранены, с большим трудом их удалось вытащить за линию наших окопов и только там перевязали. Один из разведчиков был ранен тяжело в грудь, другой ранен в ногу, а немцу перебили обе ноги. По дороге в роту раненый в грудь разведчик скончался. Немец терял сознание, на вопросы отвечал бессмысленным мычанием и стоном.

По документам установили, что немецкий солдат принадлежал к дивизии «Викинг» и это всех насторожило: отборная дивизия вермахта сосредоточила свои силы на узком участке фронта напротив Ивановского – это неспроста, «быть здесь грому великому»!

Прошла еще одна ночь в бесплодных поисках, а утром роту подняли по тревоге.

Нас накормили щедрым завтраком, снабдили боеприпасами и небольшими группами почти вся рота направилась в Эльхотово. Во главе нашей группы шагал младший лейтенант Данилов. Последствия его контузий внешне выражались только в легком заикании, но на подобную «мелочь» никто не обращал внимания.

Человек сорок разведчиков собрались в густом разросшемся саду возле дома, где размещался разведотдел во главе с самим Натыновым. День был солнечным, жарким. Начальство разошлось куда то, а мы сидели на земле под яблонями и курили, кто поум-

нее, те спали, накапливали силы. Чего мы здесь ждали, никто не знал и не спрашивал, начальству виднее.

Через некоторое время появился Ласточкин, он построил роту в две шеренги и придиричиво осмотрел строй, значит, будет что-то важное. Действительно, вскоре из дома прямо к нам в сад вышли Натынов и еще какой-то незнакомый подполковник со звездочкой на рукаве. Ласточкин подал нам команду «смирно!», подошел к подполковнику, четко печатая шаг, и козырнул с особым форсом. Не подходя еще на положенное расстояние, он поднял полусжатый кулак к виску и, щелкнув каблуком, на последнем шаге распрямил пальцы рук так, что выгнулась лодочкой вовнутрь тыльная сторона ладони. Ласточкин по-курсантски звонко доложил:

– Товарищ старший батальонный комиссар, по вашему приказанию отдельная разведрота построена. Командир роты лейтенант Ласточкин.

– Здравствуйте, товарищи.

– Здравия желаем, товарищ старш. бат. комиссар! – дружно ответил строй.

– Вольно, – разрешил подполковник.

– Рота, вольно! – повторил команду Ласточкин.

Мы немного расслабились, не ломая строя. Слушали, что скажет большое начальство.

Подполковник неторопливо обошел строй, рассматривая лица разведчиков. Мы были в маскхалатах с откинутыми капюшонами, автоматы за спиной, на пояском ремне по два запасных диска в брезентовых подсумках, по две гранаты, на правом боку финки в серых ножнах. В общем, рота построилась в полной боевой готовности. Кто-то из ребят в строю чуть слышно шепнул: «комиссар бригады это»...

Подполковник был чуть выше среднего роста, плечистый, из-под козырька фуражки смотрели на нас умные и усталые серые глаза. Подполковник остановился против нашего строя и негромко сказал:

– Ну что ж, разведчики, в прошлую ночь вы взяли «языка», правда, по известным вам причинам, он не мог дать полных показаний, его пришлось срочно эвакуировать в тыловую госпиталь, но его документы оказались очень важными. От имени командования бригадой объявляю вам благодарность, отличившиеся в этом поиске будут представлены к наградам. Строй на секунду замер, а потом дружно ответил:

– Служим Советскому Союзу!

– Так вот, – продолжал комиссар бригады, – не забывайте, куда и зачем рвется враг! Для вас, разведчиков, сейчас особо ответственная пора. У врага еще много сил. Жестокие бои сейчас идут под Сталинградом, под Новороссийском, под Туапсе и здесь, на этих рубежах, которые мы должны оборонять. Чтобы бригада смогла выполнить поставленную перед ней задачу, мы должны знать, что и когда замышляет противник. Короче, нам нужен контрольный пленный, живой пленный и взять его необходимо на участке севернее Плановского. У вас получается пока не всё так, как надо, но командование бригады надеется на вас. Помните, что положение на нашем участке опасное. Сейчас многое зависит от разведки. Вы разведчики-добровольцы, вы моряки! Поэтому не хочу говорить вам о храбрости, я знаю, вы смелые и верные бойцы; знаю, что на вас можно положиться... Вам не только приказывают, на вас надеются. Ясна вам задача?

– Так точно.

– Ну, раз ясно, тогда прошу коммунистов и комсомольцев остаться в строю, остальные могут отдохнуть.

Из строя вышло несколько человек, шеренги сомкнулись, строй чуть укоротился.

– Выходит, у вас большинство коммунисты и комсомольцы?

– Так точно. Остальные сочувствующие, – ляпнул Ласточкин.

Подполковник чуть заметно улыбнулся и сказал:

– Тогда продолжим, товарищи. Вы понимаете, что сейчас с вас особый спрос. Нужен контрольный пленный. Нужен! От этого сейчас зависит успех всей операции, жизнь со-

тен бойцов – ваших товарищей. Скажите прямо, понимаете вы это или нет? Нужно вас агитировать, приказывать или вы, коммунисты и комсомольцы, и без того чувствуете меру собственной ответственности? Сейчас судьба всей нашей Родины здесь решается! Вам это понятно?

– Понимаем, товарищ комиссар, – ответили мы вразнобой, но зато слова эти произнес в строю каждый, никто не отмогался.

– Смотрите. Командование надеется на вас. Завтра на рассвете ждем результатов. Детали поисков уточните с командиром роты. Знаю, что это непростое задание. Понимаю, что это большой риск, но война не бывает без риска. Помните, что это дело вашей партийной и комсомольской совести. Совесть и чести! Понятно? Если что-нибудь нужно – просите... Есть просьбы?

– Просьб нет. Все понятно, товарищ комиссар, – ответил наш правифланговый Ванька Подосенов.

– Ну, что ж! Тогда счастливо вам, разведчики, и я надеюсь на вас, товарищи коммунисты и комсомольцы.

Подполковник козырнул строю и ушел в сопровождении автоматчика. Всем и всё было понятно, и каждый почувствовал, что слова комиссара бригады были обращены не только к строю, а к каждому лично. Теперь без «языка» действительно возвращаться нельзя, от этого очень многое зависит, а главное, на нас надеются. Помимо всего, разведка – это наша работа, вот и нужно теперь работать – без дураков.

Мы собрались было разойтись, т.к. комиссар уже скрылся в воротах, но тут Натынов поднял руку – знак внимания. Он встал перед строем на то самое место, где стоял комиссар и произнес краткую речь уже в другом ключе:

– Ну что, орлы! Сдрейфили перед начальством? Ничего, пока вы со мной – ничего не бойтесь.

Начало речи Натынова было для нас еще непонятным, потому что перед комиссаром бригады никто не дрейфил, ничем он нас не пугал, а Натынов продолжал:

– Я давно говорил, что вы молодцы, но, вместе с тем, и порядочные прохвосты. Конечно, перед начальством я вас подхваляю, но настоящую цену всем вам знаю. Да ладно, я не мелочный, я зла не помню, но вот ты, – он пальцем погрозил Суменкову, – ты мне смотри! А для всех сообщаю: я приказал, начиная с завтрашнего дня, выдавать вам по двести грамм вина, для храбрости! А то некоторые думают, что Натынов только шуметь умеет. Запомните, что такого, как Натынов, вам еще поискать надо. Ясно?

Жаль, Федьки Фролова нет. Он бы непременно «ура» закричал. Этот бы непременно удумал. А ребята молчали, не зная, как им реагировать на столь неожиданное решение нашего непосредственного начальника.

А Натынов выдержал паузу, чтобы мы почувствовали весомость сказанного, а потом добавил:

– Сейчас до особого... разрешаю здесь отдохнуть. Придуривайтесь, «околачивайте груши», а потом получите задание. И чтоб без дураков у меня! Понятно?

– Понятно.

– Тогда р-разойдись! А Ласточкина и Попова прошу со мной.

Начальство снова ушло по своим важным делам, а мы сидели на земле под яблонями, курили, некоторые снова улеглись спать, зная наверняка, что в эту ночь спать не придется.

Мне показалось, что своим выступлением перед строем Натынов словно вытер из души бойцов те слова, что сказал комиссар бригады, приземлил их значимость. А некоторым речь понравилась:

– Завтра, ребяташки, выпьем и душа из них вон! – радовался кто-то из разведчиков.

В саду тихо. Слабо шелестят листья, а со стороны Плановского, приглушенная расстоянием словно дальняя гроза, гремит канонада – всё это валит в дремоту уставших

ребят. Хронические недосыпания, непроходящая усталость, нервная взвинченность и, как бы сказали теперь, бесконечные стрессовые ситуации тяжким гнётом давили на организм человека. Единственной его защитой был сон... Глаза невольно слипаются, достаточно развалиться вот так, на земле – и сразу засыпаешь. Что хочешь делай, а сон ломит, сон валит с ног даже самых крепких ребят. А как приятно, с каким наслаждением весь организм, каждая его клеточка растворяется в тёмном, как беспмятство, провале сокрушительного сна... Слабый ветер удивительно мирно шелестит пыльными и усталыми листьями...

– Воздух! Воздух! – раздается чей-то крик.

Сон улетучивается, но в первые секунды разум еще не воспринимает сигнала тревоги. Потом становится слышен нарастающий, многоголосый, прерывистый гул моторов. Глаза настороженно ищут в небе надвигающуюся опасность, но за листвою деревьев видно плохо и только потом, почти над нашими головами, появляется первая тройка самолетов, за ней еще и еще. Их много, летят тяжело нагруженные бомбами двухмоторные «Ю-88». В ярко-голубом небе их плохо видно, они серебристо-белые, а концы крыльев и середина фюзеляжа бледно-желтые.

Бегут секунды, а визга бомб не слышно, значит, пронесло, задача у них другая. Летят на юг, к Эльхотовым воротам. Тревожная настороженность сменяется грешным любопытством: кому сейчас достанется?..

А наших истребителей не видно... Никто из нас не сомневался в отчаянной храбрости наших летчиков, все были уверены в том, что будь сейчас в небе один единственный наш истребитель – он непременно ввязался бы в неравный бой. Просто их нет, вот и все...

В стороне Эльхотовых ворот застучали зенитки, но что могут поделывать с такой стаей три или четыре зенитные пушки... Нет истребителей! В воздухе безраздельно, нахально господствует немецкая авиация, бомбит, штурмует, с утра до самого вечера в небе маячит окаянная «рама» – двухмоторный и двухфюзеляжный самолет-разведчик. Кажется, что из-за этого дьявола немцы в курсе всех наших дел и получается, что мы под Плановским собираем силы, а противник бьет по Малгобеку; их там останавливают, а они – по Верхнему Курпу... Прямо как у царя Додона получается! Что ни говори, а инициатива в руках противника. Нехорошие мысли лезут в голову. Боец, хотя он и есть «механизм артикулом предназначенный», как говаривал недоброй памяти император российский Павел I, а все равно лезут ему в голову нездоровые мысли. Однажды Мишка Беляков брякнул: «А все-таки непонятно мне, как это получилось, что война для нашего большого начальства оказалась неожиданностью? Мы, пацаны, и то знали, что фашизм – это война. Мировая-то когда началась? Как ты считаешь, могла мировая война без одной шестой земного шара обойтись? Лопухнуло высокое начальство, ой как лопухнуло, а теперь мы своей задницей расплачиваемся. Армия-то у нас всё время была? Так на кой же хрен ее народ кормил, если для армии война – неожиданность?!» Мишка парень не дурак, как ему ответить? Понятно, что подобные вопросы он знает, кому можно задать, а где лучше помолчать. Разговоры на эту тему запросто могут посчитать, как проявление паникерства и провокацию. В голову вбивают одно: «ни шагу назад!», «победа будет за нами!» Что зря талдычить, когда мы с Мишкой и без того знаем, что драпать дальше некуда! «Отстали мы, Мишка, крепко отстали», – на кой-то хрен говорил я ему тогда. – «Ведь до войны всё про лихие тачанки песни пели, твердили суворовскую истину, что пуля дура, а штык молодец. Хватались за истины вековой давности и свою стратегию на этом строили. Ну, а таким умникам, это всем известно, обычно бьют задницу». А Мишка не унимался: «Так про тачанки это в кино пели. Кино оно и есть кино. Но ведь помимо кино у нас и генеральный штаб был, маршалы были: Ворошилов, Тимошенко, Буденный, академии разные были. Интересно, где это сейчас те маршалы, когда дело до драки дошло? Это ведь нам с тобой, как Тазиев говорил, «хрен одна», а они-то, эти маршалы, штабы, академии куда смотрели?»

«Тяжелый это вопрос, Мишка. С таким вопросом и после войны без пол-литры не разберешься». «Это точно!» – соглашался Мишка. – «Без пол-литры. Надо бы до войны разбираться!» Прав он. Сколько крови, страданий из-за этого лопоушества. Интересно, Сталин это видит или нет? Наверняка видит и конца войны ждет – сейчас чехарду с начальством затевать не ко времени. Но потом, после войны, всем этим старым грибам по заднице метлой, а заодно и тем, кто дурацкие песни сочинял, кто народу голову задушивал. Ведь даже в фильмах были и хорошие песни, вроде той, как «Ночь над Белградом». Пели её, народ пел. Ну, а по радио, наверное, до сих пор гремит:

*С нами Сталин родной,
И железной рукой
Нас к победе ведет Ворошилов.*

Привел к победе! И родного Сталина, и всю страну, от границы и до Казбека, и всё железной рукой!..

– Воздух!

Снова низкий, тяжелый гул. Это юнкерсы возвращаются. По Эльхотову рассыпалась трескотня винтовочных выстрелов, а они летят, гады. И вдруг все разом увидели, что в стороне от основной группы один юнкерс летит ниже остальных, с одного крыла у него срывается шлейф черного дыма и моторы режут надрывно, как ошалевшая труба в оркестре.

– Горит! Братцы, горит сволочь!

Все напряженно следили за теряющим высоту самолетом. Он должен был упасть и этим пусть здесь будет положено начало! Молодцы зенитчики, молодцы, чертовы переносчики! Юнкерс терял высоту, дымил, но еще тянул к своим и скрылся за дальними посадками. Сады, дома помешали нам увидеть его падение, но главное – его подбили!..

Эльхотово – станица большая, и народ здесь живет гостеприимный, добрый. Идут солдаты по улице, а из домов выходят к ним женщины, старики, подростки, протягивают уставшим бойцам свежую воду, молоко, чуреки и даже молодое вино, но последнее – если командиры не видят.

«Выпей, сынок, молока и чурек у меня свежий, утром пекла». Чурек (кукурузный хлеб), действительно еще теплый, душистый, а молоко холодное и необыкновенно вкусное. Только вот некоторые ребята из роты: Суменков, Подосенов, Осейкин и еще кое-кто никогда не брали предлагаемых угощений. Спросил я Подосенова, в чем тут дело? Иван объяснил доходчиво:

«Доверие и горячую любовь народа мы, брат, с тобою ну, никак не заслужили и поить нас молоком не за что. Вот ты драпанешь отсюда, а что здесь немцы с этой женщиной, её малыми детьми, с её домом сделают? Ты пытался себе хоть раз это представить?» Что тут скажешь... Может быть, Ванька излишне строг и придирчив, но бесспорно прав; только меня, грешного, к этим чурекам всё равно тянуло, уж больно они вкусны и наголодался я на скудных московских харчах...

Мы сидим под яблонями и «сачуем» по образному выражению Медвинского. Известно ведь, что солдат спит, а служба идёт. Кто-то вспоминает ротного старшину, нашего повара и, от нечего делать, матерят их, пока незлобиво.

Мне было видно, как на соседнем участке старый осетин в белой войлочной шляпе убирает спелую кукурузу, ему помогает невысокая девушка. Они отламывали от пожелтевших стеблей крупные початки, очищали их от тонких, как пленка, белых листьев и от золотисто-коричневых нитей, а сами початки с крупными янтарными зернами кидали в плетеную из прутьев корзину.

Все мы отвыкли от подобной семейной идиллии, а их мирный и добрый труд был таким не похожим на наш солдатский, что мне вдруг очень захотелось им помочь, про-

сто поучаствовать в этом труде, прислониться к нему. Задумано – сделано. Автомат я перевернул за спину и постарался этак легко, по-спортивно, перемахнуть через невысокую каменную ограду. Перепрыгнул, конечно, но при соскоке заработал чувствительный удар по спине тяжелым диском автомата. Виду, конечно, не показал, что вышло у меня неловко, а старик, видно, заметил, чуть усмехнулся в седые усы.

– Давай, отец, помогу.

– Спасибо. Мы управимся, осталось совсем немного, – ответил старик.

– Да что там! Вместе веселее.

В шесть рук дело пошло заметно быстрее. Старик, высушенный беспощадным южным солнцем, смотрел на меня настороженно, видно, не мог себе объяснить, с чего это солдат напрашивается в помощники. Может быть, он забеспокоился за девушку, которая изредка смотрела на меня своими угольно-черными глазами, он даже прикрикнул на неё, и та стала держаться от меня подальше. Некоторое время работали молча, потом старик стал поторапливать девушку, которая доводилась ему внучкой, как я понял из разговоров. Старик говорил по-русски. Врожденное чувство деликатности подсказало ему, что разговаривать при постороннем человеке на языке, которого тот не понимает – невежливо. Я тоже чувствовал, что старик опасается банальных и неприятных ухаживаний солдата за молодой девушкой, поэтому старался не смотреть и не разговаривать с ней. Просто отметил про себя, что девушка красива, ну и всё – не про меня её девичья краса, судьбинушка у меня совсем иная, да и у нее тоже.

Когда корзина наполнилась, старик и девушка взялись было за её ручки, я же отстранил девушку:

– Давай, отец, вместе. Побереги девушку – корзина тяжелая.

Корзина действительно была тяжелой, вдвоем мы оттащили ее в какую-то сараюшку и вывалили кукурузу прямо на утрамбованный земляной пол, потом оба сели на ступеньках крыльца, закурили, девушка ушла куда-то по своим хозяйским делам. Старик немного помолчал, пососал мундштук старой трубки, потом сказал:

– Спасибо, ты мне помог. Жаль, что я не могу угостить тебя так, как велит наш обычай. Но если у тебя есть немного времени, то я раздобуду вина, у меня есть свежий чурек, свежая зелень, вареное мясо, нам внучка сейчас приготовит курицу.

Старик поднялся было на ноги, но я остановил его:

– Спасибо. Я сыт. Нас хорошо кормят. Я просто соскучился по мирной работе. Человеку нужен мирный труд, а не война, мне было просто приятно поработать немного вместе с вами.

– Ты говоришь разумно. Откуда ты родом? У тебя есть жена, дети?

– Моя мать с двумя младшими братьями в эвакуации. Я даже не знаю где они. Отец в армии. А родом я из Москвы. Жены у меня нет. Какая тут жена, когда смерть приходит к человеку раньше, чем его свадьба.

Старик снова помолчал, подымял своей трубкой и снова спросил:

– Далеко ты улетел от родного гнезда. Надо ж, из самой Москвы! Получаешь из дома письма?

– Нет. Все мои друзья на фронте. Невесты у меня нет, а вот внучка твоя просто красавица. Дай ей бог хорошего мужа.

– Она еще молода, да и не время думать о женихах. Мой сын, а её отец, – старик кивнул головой в сторону двери дома, – тоже на фронте. Мы даже не знаем, в каких он краях...

Старик помолчал и добавил:

– Мать ее умерла перед самой войной. У нее были тяжелые роды. У меня остался только один сын и вот еще она. Моя старуха совсем больна, горе разбило ей сердце... От сына уже больше трех месяцев нет писем...

– Не отчаивайся, отец. Я вот два месяца воюю и тоже не получил ни одного письма,

я уверен, что и моих писем не получал никто, кому я уже написал. Сейчас и почта здесь не работает, немцы-то километрах в десяти отсюда.

– Да-да, такая война! Всё может быть. Я и подумать не мог, что война придет в наши края оттуда, с запада. Видно, немцы очень сильны, если они дошли до наших гор... Закури-ка моего табачку.

Старик снова набил потухшую трубку, а я свернул сигарку. Табак у старика был душистый приятный. Помолчали немного, а потом старик осторожно задал вопрос, который мучил его неотступно все эти дни:

– Ты солдат. Ты военный и знаешь больше, чем я. Наши старики говорят разное и каждый боится, что сюда придет враг. Меня успокаивают, говорят, что сам Сталин написал такой приказ, что мы теперь не будем больше отступать... Однако, люди всё равно бояться: сила есть сила... Скажи, как ты считаешь, придут сюда немцы или нет? Посоветуй, что делать – оставаться здесь или уходить, пока не поздно?

В глазах старика была тревога и мне она была понятна.

– Я слышал, что немцы подошли к Тереку, – продолжал старик, – если немцы придут сюда, то нам лучше уйти. В горах у меня есть родственники. Это далеко, но может лучше уйти? Это, конечно, непросто, у меня совсем больная жена... Скажи мне так, как ты сказал бы своему отцу, для нас это очень важно.

Старик преступил извечную гордость убеленного сединами горца и обратился за советом ко мне, мальчишке, которому едва исполнилось 18 лет. А я воспринял эти слова, как тяжелый и заслуженный упрек. Я понимал, что страшна наша вина перед этим стариком, перед всем народом, и мои слова сейчас могут круто изменить судьбу этой семьи... Ох, прав был Ванька Подосенов, трижды прав, когда говорил мне злые слова о наших «заслугах» перед народом. Куда ни кинь, а это по нашей вине пришла в дом старика такая злая беда. Трудно старому бросить свой дом, тяжело уходить в горы с больной женой и внучкой. Страшно подумать, что эти люди могут завтра же превратиться в беженцев, в бродяг, которым негде будет укрыть голову. Преступно было бы болтать мне сейчас о нашей конечной победе, о «тачанке-ростовчанке» – тут не девичьи посиделки, а серьезный мужской разговор. Пустая бравада сейчас глупа и безнравственна.

– Отец, я скажу тебе горькую правду. Ты только не говори военным, что узнал всё от бойца Красной Армии.

– Хорошо. Пусть мой язык станет языком шакала, если я скажу что-нибудь тебе во вред.

– Тогда слушай, отец. Немцы уже давно перешли Терек, заняли Нижний Курп, идут бои за Верхний Курп. Они захватили Дейское и не сегодня-завтра бои начнутся в Плановском. У немцев здесь много танков, они непременно будут наступать на Эльхотово. Мы не жалеем в боях крови, но я не уверен, что мы удержимся, слишком не равные наши силы. Ты видел, сколько прошло сегодня над нами самолетов? Это немецкие самолеты. Если бы они сбросили бомбы сюда, то от Эльхотово ничего бы не осталось. Они недаром бомбят, они расчищают дорогу для своих танков. Я уверен, что в итоге войну мы выиграем, но сегодня здесь, у немцев, сил больше. Даже если им не удастся проваться через Эльхотовы ворота, то здесь будут такие бои, что не останется камня на камне. Вам нужно уходить, отец, уходить сегодня же, иначе будет поздно. Советую уходить вам перед вечером, еще засветло, чтобы вечером пройти Эльхотовы ворота, иначе попадешь под бомбы. Плюнь ты на эту кукурузу и уходи. Я сам видел, что из Ольгинского люди уходят, а ты думаешь здесь отсидеться.

– Там тоже немцы?

– Там нет немцев и, наверное, их там не будет. Помни, отец, когда начнется бой, то уходить будет уже поздно.

Старик выслушал меня внимательно, выколотил потухшую трубку, его смуглое худое лицо еще больше потемнело. Конечно, я выложил ему неприятную, тяжелую истину.

Старик молчал. Мне показалось, что разговор не возобновится и мне пора уходить, не мешаться – помочь ведь я ему все равно ничем не мог.

– Спасибо тебе, – сказал старик изменившимся глуховатым голосом, – ты сказал мне правду. Я и сам так думал, да только не знал, что враг так близко от нашего дома. Если бы сейчас здесь был мой сын, то вы стали бы с ним друзьями. Мы уйдем сегодня же. У меня есть старая арба и ишак. Я сделаю так, как ты советуешь. Хорошо, что ты не стал мне лгать и попусту успокаивать. Хочешь, я подарю тебе кинжал? Это старинный и надежный кинжал.

– Спасибо. Не нужно. Я не смогу носить этого кинжала, по форме не положено. Не будь я солдатом, то не отказался бы от такого подарка. Спасибо и прощай, отец. Счастливого тебе пути. Если останусь жив, то после войны приеду к тебе в гости. Тогда и внучка твоя подрастёт, если я к ней посватаюсь, не будешь против?

– Га! Ты думаешь воевать так долго? Приезжай, только пусть бог поможет сохранить твою голову. Если мой сын жив, я ему расскажу о тебе.

– Добро! Будешь писать ему, передай привет от солдата, что воевал на вашей земле.

– Как тебя зовут?

– Фёдором.

– Оставайся живым, Фёдор!

– Спасибо.

Я пошел к ограде, к своим ребятам. Почему-то на душе стало тяжело и неприятно. Да ладно! Вроде он меня понял и не осудил.

Перелез через ограду, и она словно отрезала меня от старика и от его забот. Осталась чья-то судьба за спиной, прошел мимо кусочка чьей-то жизни и это теперь навсегда, я их больше никогда не встречу, такова наша солдатская, бродяжническая жизнь, всегда и всё она оставляет в прошлом.

Я вернулся к ребятам, которые продолжали «сачковать» в саду, ожидая команды. Часам к четырем к нам прикатила наша долгожданная ротная кухня, и повар кормил нас жирнейшим густым борщом. Он наливал по котелку на брата, можно было с добавкой. Правда, он тут же предупреждал, что второго не будет и вопрос с ужином тоже несколько проблематичен: если к вечеру нас куда-то не угонят, то уж он, повар, постарается, ну, а если мы снова все разбредемся по разным направлениям, то что тут поделаешь!

– А ты, брат, насчет ужина-то постарайся. И нам, и тебе лучше будет, – с какой-то скрытой ехидцей говорил повару Суменков. – А то ведь знаешь, как бывает. Пошлют тебя с кухней следом за нами в Плановское, а там обстановочка, дай бог. Главное, лошадей жалко.

– А что лошади?

– Как что! Покалечить их могут.

Ладно. С ужином там видно будет, а пока есть возможность «рубай компот – он жирный», как говорили старые, опытные матросы, наедайся так, чтобы ресурсов до утра хватило. Ну и старались, конечно... Бывают же в жизни повороты, о которых и предположить было нельзя: два месяца назад было еще полуголодное московское существование, а тут на вольном воздухе, на Кавказе, да такой вкуснейший борщ... Если бы еще и войны не было, то сто лет так бы прожил и не охнул.

После сытного обеда мы с наслаждением курили, травили ленивую баланду, т.е. болтали о том, что на ум придет.

Мне кажется, что в то время я вполне мог бы обойтись без курева, на марше, например, я никогда не курил, с куревом устаешь быстрее и всегда пить хочется. Но сейчас под яблонями, когда такие авторитетные и заслуженные столпы разведки как Авдеев, Соловьев, Подосенов, даже сам Суменков мусолили сигарки, то отстать от них, не делать так, как они, не пытаться быть похожим на них, я не мог. Хватит с меня обидных кличек: то я «салага», то «пауст», то вообще недотёпа! Я страстно хотел быть равным со всеми. Я был уверен, что со временем, если только останусь живым, уйдут все эти обидные клички, но для этого я должен быть таким, как все.

...Приятно все-таки осознать чувство собственного достоинства. Не превосходства, а равенства – великая вещь! Как самоутверждаешься, если можешь вот так запросто, на равных, наклониться к сидящему рядом Суменкову и вроде даже равнодушно попросить: «дай прикурить» или обратиться с подчеркнутой доверительностью к Авдееву: «Гриш, сорок», т.е. 40% от его сигарки. По какому-то неписанному закону товарищу прощалось, если он не делится своим сухим пайком, если он не давал табака («свой нужно иметь» – бывали такие), но считалось неприличным и недостойным не оставить покурить, не поделиться в бою патронами.

В роте были и некурящие, например Бергалева, борцовского вида татарин лет тридцати, интеллигентнейший Костя Бычков, лейтенант Попов и еще несколько человек. Но как было справиться со страстным и неосознанным влечением к подражательству, стремлением быть похожим на своих кумиров или даже на тех, кого другие считают кумирами. Именно от этого источника берется начало великих дел, унылого распутства и преступлений. Эту купель проходит большинство молодых людей и особенно тех, которые не слышали библейской истины: «не сотвори себе кумира».

Характерным было и то, что в те далекие уже годы среди солдат не придавалось никакого значения национальности товарища. Человек оценивался только по его поведению в бою. Национальных проблем у нас не существовало. Национальность человека проявлялась только в его темпераменте, только в проявлениях его национальной культуры. С нескрываемым интересом слушали ребята грузинские песни, вслушивались в слова бессмертного Руставели, украинские песни по праву считались интернациональными, и так во всем.

В свободные минуты пели старые матросские песни, переименовывали песни, почерпнутые из фольклора. Так, например, песню про шахтерского коногона* пели по-своему:

*Гудки тревожно загудели,
Матросы шли в последний бой,
А молодого краснофлотца
Несли с разбитой головой.*

*Прощай, прощай, моя Одесса,
Тебя я грудью защищал
И за тебя, моя Одесса,
Жизнь молодую я отдал.*

Натынов, Ласточкин и Попов где-то пропали, Данилов, сидя под яблоней, чистил свой револьвер, а мы пели. Одна песня сменяла другую и это продолжалось бы долго, но всё испортил неугомонный Хорьков. Он шатался без дела от дерева к дереву, безразлично смотрел по сторонам, сшибал свои «сорок» у куривших ребят и вдруг словно замер. Выплюнув измусоленный окурочок, он удивленно и обрадованно протянул:

– Смотри-ка, смотри – тикает! Эй-бо, тикает со своею бл...ю Я ему сейчас шмон устрою, я ему, подлюке, дам! Кто со мной? Сейчас драка будет!

Хорьков смотрел на тот самый участок, где жил старик со своей внучкой и больной женой. Он собирался сделать какую-то гадость человеку, которого я совсем недавно именовал отцом, он сквернословил в адрес девочки, отец которой воевал с фашистами. Я поднялся, посмотрел в ту же сторону и увидел, что на том соседнем участке у дома стоял впряженный в арбу ишак. Старик с внучкой укладывали в эту арбу свои пожитки. Это и разожгло Хорькова: ну как же, вместо того, чтобы воевать, они бегут в горы... Он, Хорьков, должен кровь проливать, а они бегут!

* Коногон – рабочий, управляющий лошадьми в шахте, одна из шахтерских специальностей, ныне устаревшая.

Хорьков, уже не ожидая добровольцев-соучастников, повесил на плечо автомат и решительно направился к каменной ограде, разделявшей два участка.

– погоди, Хорьков, погоди! Не трогай их!

Я обогнал Хорькова и встал перед ним, загородив дорогу. Мой поступок был выше понимания Хорькова. Он не привык к тому, чтобы такие, как я, мешали ему выполнить задуманное дело.

– Ты шо? А ну отойди! – процедил он пренебрежительно, даже немного удивленно, а в его голосе уже прозвучала нескрываемая угроза.

– Не трогай их, Хорьков. Это я их научил, я им посоветовал, чтоб уезжали. У старика сын в армии...

– Шо? Да пошел ты! Тоже мне!

Хорьков передернул плечами так, чтобы оттолкнуть меня и смотрел он при этом не на меня, а на старика. Он шагнул было вперед, но я не уступал ему дороги.

– Прошу тебя, Хорьков, не трогай их.

Я старался говорить твердо, но подсознательно почувствовал, что в моем голосе проскользнула просительная нотка, и это тут же усек Хорьков. Мы были недалеко от ограды. Хорьков упрямо смотрел с хищным вожелением мародера на девушку, укладывавшую в арбу узел. Он считал все эти вещи, и даже людей, своей законной добычей. Его раздражали неожиданные помехи.

– Отойди, салага! Рыло начишу, лярва!

Хорьков даже взвизгнул от негодования. Он крикнул громко, так что песни ребят враз оборвались.

Такие люди, как Хорьков, опасны непредсказуемостью и жестокостью своих действий. Среди нормальных людей не принято преступать границы дозволенного в общении с другим человеком, со своим товарищем, но Хорьков не знал таких правил. У таких, как он, право одно – право силы. Если хорьковы видят своё превосходство хоть в чем-то малом, они, не задумываясь, используют его, к тому же они довольно решительны в своих поступках и привыкли подчинять безоговорочно своей воле всех, кто слабее физически или просто уступчивее.

Мои действия показались Хорькову прямо-таки оскорбительными и совершенно непонятными, он стремился подавить их в зародыше, а для меня было сейчас главным любой ценой не пустить этого хмыря на участок старика и выбора для меня тоже не было.

– Хорьков, стой! Тебе говорю – не ходи туда!

Я тоже почти закричал и невольно приготовился к его резкому рывку, но тот, считая себя физически сильнее, опытнее, решительнее, неожиданно перестал торопиться. Он решил прежде проучить меня. Он не мог уступить мне, салаге, на виду у всех ребят. Проучить меня для него было теперь делом необходимым. Он начал «заводиться», теперь ему было нужно также на глазах у всех настоять на своём и решительно подавить этот непредвиденный бунт «салаги», чтобы неповадно было другим, чтобы в глазах нескольких «дружков» не уронить собственного «достоинства».

Хорьков ошетинился, лицо его перекосило злобой, он немного пригнулся, словно для броска, и зашипел:

– Што-о?! Ты мне, лярва, што-о?! Брысь, салага!!!

Хорьков сорвал с плеча свой автомат и ткнул его тупой ствол мне в грудь:

– Ты кому, падла, грозишь?! – продолжал он шипеть. – Я ж тебя, суку, одним пальцем...

Я не ждал выстрела. Пугал он, сволочь, но ударить он мог, даже прикладом автомата. Для себя я считал, что имею право действовать активно только в том случае, если он ударит первым.

Хорьков не успел исполнить угрозы, и я сам не сообразил вначале, что произошло. От соседней яблони стремительно быстро к нам подошла мощная фигура в маскхалате. От толчка или удара Хорьков отлетел в сторону. Немного грузный и бородатый Авдеев

вырвал из рук Хорькова автомат и неторопливо, пока тот вставал на ноги, выбил из него диск. Хорьков, поднявшись с земли, словно раненый зверь, угрожающе двинулся на Авдеева. Рука Хорькова лежала на рукоятке финки. Тогда я взял в кулак лимонку – если ей двинешь, то череп проломишь запросто. Однако, Авдеев спокойно смотрел на приближающегося Хорькова, держал за ствол его автомат и с нравоучительно-угрожающими нотками в голосе сказал:

– Тебе, гаду, сколько раз было сказано, что наставлять боевое оружие на товарища запрещено. За такие шутки морду бьют! Понял?

Хорьков хрипел от злости:

– Ты шо?! Ты за этого салагу?! Это ты меня, мать твою! Яж тебе зенки...

Хорьков явно брал Авдеева «на горло». Он все-таки побаивался этого бородатого великана, «подполковника Климашевского», как его, шутя, называли ребята. Но Авдеев был невозмутим, теперь даже голос не выдавал его злости:

– И еще предупреждаю тебя, – говорил Авдеев, – что «салага» слово флотское, а ты, гусь, даже на морском берегу еще не был, поэтому непонятными словами больше не бросайся. Ты уж давай по-блатному, хотя у тебя на морде написано, что среди ЗЕКов ты был сексотом. Да ты и сейчас сексот...

– Да я тебя, хрена бородатого... – взорвался было Хорьков.

– Цыц! – на сей раз рявкнул Авдеев и добавил: – ты меня лучше остерегись, курва, я зазря грозить не умею!

Пудовые кулаки Гришки сжались, на них веревками вздулись вены. Он готов был молниеносно обрушиться на Хорькова, но тут раздался начальственный окрик Данилова:

– А ну, ч-что п-про-оисходит?! Х-хорьков, н-на м-место марш! Враз п-прис-тук-кну, кт-то к ог-граде под-дойдет! Т-тоже мне, ра-азошлись, суб-бчи-ки. З-забыли, где воевать над-до?!

Вспыхнувший конфликт погас под командирским окриком Данилова, и каждая из конфликтующих сторон внутренне была рада подчиниться своевременной команде. Бог весть, до каких пределов могла разгореться ссора. Двое из компании Хорькова вскочили было на ноги, но после окрика Данилова шагнуть в нашу сторону не посмели. Хорьков поднял с земли автомат и диск, небрежно брошенные Авдеевым, не удержался, и с нескрываемой злобой пригрозил нам обоим:

– Найдется времечко – посчитаемся!

Авдеев проводил Хорькова недобрый взглядом и потом выдал уже в мой адрес:

– А ты, хрен моржовый, таких, как Хорьков бей первым. Ты с ними разговаривай меньше, их разговоры нервируют. В морду и всё – коротко и ясно! А то стоит и ждет, пока ему в ухо врежут! Чертов интеллигент!

А идущего Хорькова, вроде шутя, задержал Бельтюков:

– Ты знаешь, друг ситный, ты к Паусту не приставай, а то он контуженый и шибко нервный стал – огреет по башке магнитом и чирик-воробышек! Понял?

Внезапно возникшее напряжение разрядилось хохотом. Хорьков молча отошел от Бельтюкова, сел под яблоню в компании дружков и занялся какими-то негромкими разговорами, кивая изредка в мою сторону. Я знал, что Хорьков не забудет и не простит обиды, не упустит случая, чтобы отплатить сторицей. Настроение было испорчено. С этого дня в роте появился человек, которого я должен остерегаться. Лучше всего не оказываться с этим хлюстом в одной разведгруппе... «Все от безделья. Какого черта, мы торчим здесь столько времени?!» – неожиданная и злая мысль прорвалась в адрес нашего начальства...

Прошло время, и я увидел, как ушел со двора старик со своей семьей, как потащил облинялый ишак тяжело груженную, скрипучую арбу.

– Слушай-ка, а ты не прав, – вдруг выдал мне Беляков. – Ты в Ольгинском сам указывал на того, кто в горы собирался удрать. А здесь что? То же самое. Только ты девку пожалел!

Мишкин приговор был для меня неприятной неожиданностью.

– Ну, Мишка! Каким местом думал? Тоже, сравнил хрен с пальцем! Там, в Ольгинском, были два лба, которым место в нашем батальоне автоматчиков, а не в горах. Им воевать вместе с нами нужно, а они в горы! Да еще меня уговаривали ехать с ними, к дезертирству подбивали! А здесь старик, с ним больная жена, внучка, ей лет четырнадцать, не больше. Они могут вместе с нами оборону держать?! Мишка подумал и согласился, правда, не очень охотно...

Солнце стало клониться к Большому Кавказу, и в это время появился в нашем саду Ласточкин. Вид у него был деловито-озабоченный. Он хмуро посмотрел на наше стойбище и сердито сказал:

– Все груши околачиваете? Бригада воюет, а они околачивают. Рота, становись!

Ну вот, видно, и начинается. Подошло наше время. Мы привычно построились, и Ласточкин не стал дрессировать нас другими командами, а сразу перешел к делу:

– Слушать внимательно, забодай вас комары! В общем, обстановка на нашем участке хреновая. Немцы прут на всех направлениях и бахвалятся, что ихние альпийские стрелки фашистский флаг на Эльбрусе поставили, это гора здесь такая, почти как Казбек. Конечно, врут, гады! Вы этой ихней трепотне не верьте и вообще – лишнего не болтать! Ясно? Под Малгобеком тяжелые бои идут, но там все танковые атаки отбиты и этих танков там накрошили, дай бог! По всему видать, немцы и здесь что-то готовят, а что и когда, это мы должны узнать во всех подробностях. Сегодня ночью тремя разведгруппами уходим за «языком». Командиры групп: Данилов, Суменков и Медвинский. После поисков всем собраться в Плановском на КП батальона. Учтите, невыполнение задания будет караться расстрелом. Так Натынов и велел передать. Сейчас подготовить оружие, поужинать – и в дорогу. Всем – разойдись! Командиров групп прошу ко мне, уточним личный состав каждой группы. Что ж, теперь всё внимание подготовке к поиску, наше сачкование окончилось и, как оказалось, на долгое время.

В деловой обстановке подготовительных забот забылась ссора с Хорьковым, отошла на самый последний план. В саду, у зарослей вишен появилась наша кухня, исходя синим дымком и аппетитным запахом. Пожилой наш повар готовился к раздаче ужина.

Я оказался в группе Данилова. В группе было тринадцать человек – чертова дюжина. Район действий нам определили севернее Плановского, правее шоссе, по мнению опытного Селиванова, это вроде бы самое опасное направление, да еще ребят чертова дюжина, в общем, по приметам – добра не жди. Суменков действовал где-то левее нас, а Медвинский – правее.

Мы двинулись в путь сразу же после ужина. Прошли опустевшее и замершее Эльхотово, вышли на шоссе, обсаженное с двух сторон разросшимися деревьями. Справа поле, за ним густая посадка вдоль железной дороги, слева – ровная долина и там, в низких берегах, разбегаются рукавами сверкавший, словно расплавленное олово, Терек, а за ним непомерно высокая, синеющая цепь гор Большого Кавказа. Вдоль дороги всё чаще стали попадаться воронки, посеченные осколками стволы деревьев, на асфальте валялись сучья с помертвевшей листвой. Нам встречались редкие повозки, ездовые погоняли лошадей, стараясь поскорее выбраться из опасной зоны.

В стороне Плановского грохочут взрывы. Противник вел методический огонь по станции, по железной дороге, по шоссе...

Жмут, гады! Жмут и нечем их остановить. Нам бы сейчас десятка два танков, немного самолетов и побольше пушек, дали б мы им жару!

А то, надо же, на Эльбрусе флаг поставили. Уж если Ласточкин сказал, что это брехня, значит это правда! Конечно, может уже и сбросили тот флаг с Эльбруса, но то, что туда дошли немцы, это факт. Ладно, шут с ним, с Эльбрусом, нашим бы войскам под Туапсе удержаться, на перевалах выстоять, за Эльхотовы ворота врага не пустить! Там ведь прямая дорога на Орджоникидзе, а дальше и подумать страшно: Грозный, Дербент,

Баку, там через Дарьял выход в Грузию...Тогда всё! Тогда нам конец, и не только нам, не только бригаде, тогда всей стране может быть конец!

А по всему чувствовалось, что нашей бригаде держаться трудно. Неужто у нас резервов нет?! Неужто вместо реальной помощи нам только этот Приказ 227 под нос?! Приказ-то нужный, слов нет, но мы и без него знали, что драпать дальше некуда. Все понимают, что докатились мы до таких рубежей, когда дальнейшее отступление превращается в поражение. Видели мы, что наши солдаты дерутся геройски, что они держатся до самой последней возможности, но она, эта возможность, во многом определяется наличием боеприпасов, техники и живых солдат. Что греха таить, были случаи боязни танков, привычки к драпмаршу, но это уже перестало носить массовый характер.

* * *

На юге темнеет быстро. Мы подошли к Плановскому, когда над Большим Кавказом почти догорели последние закатные краски, на землю опустились сумерки, над Заманкулом повисла тяжелая оранжевая луна, замер, заснул до утра ветер. Для поиска хуже обстановки не придумаешь, ночь будет тихой и до сумасшествия светлой. Попробуй-ка в такой обстановке быть незаметным, невидимым!

В Плановском замершие от тревоги и страха улочки, вечерняя темень садов, на дороге сбитые осколками мин и снарядов ветки деревьев, поваленные плетни, куски белого камня от низеньких оград, перепутанная проволока на сваленных телеграфных столбах. На главной улице повозки, стук колёс, цокот копыт, матерные крики ездовых, стоны перегретых автомобильных моторов.

Без особого труда мы нашли КП батальона. Данилов ушел к комбату, а мы расположились под стеной пустого дома. Ночь накатила мгновенно, поднялась выше, разгорелась луна; белые стены дома стали голубыми от лунного света. Мины и снаряды рвались где-то в станице позади нас, с передовой доносилась ружейно-пулеметная перестрелка, в небо летели осветительные ракеты – в общем, передовая, как передовая. Мы лежали на траве, пахло полынью и чем-то горелым. Пока было время, накуривались в запас, до одури, до мурашек в пальцах, до позеленения в глазах. Шло время, а Данилов не появлялся.

– Чего он там тянет? – удивлялся Осейкин.

– Правильно делает, – замечает Подосенов. – Идти нужно не раньше часов двух ночи, к утру их, сволочей, сильнее в сон клонит.

В сон клонило не только немцев, многие разведчики начали похрапывать, и я не устоял перед навалившейся дремотой... Показалось, что едва глаза сомкнул, а тут вдруг команда:

– Подъем!

Команда была подана негромко, но услышана всеми. Послышался тихий, металлический стук оружия и все уже на ногах. Стало прохладно, многие зябко поводят плечами. Данилов сообщил, что по данным, имевшимся в батальоне, противник на протяжении трех дней вел сильный огневой бой, измолотил минами всю дорогу на Дейское. Передний край противника в посадке севернее Плановского, ширина нейтралки большая, метров пятьсот, правда, на рассвете противник выдвинул своё боевое охранение у дороги метров на 150-200 вперед, оно обнаружено батальонной разведкой и артиллеристами. Сегодня на переднем крае немцы ведут себя подозрительно тихо. Данилов решил, что нам удобнее всего действовать против этого боевого охранения и именно здесь взять «языка». Он назначил в головной дозор Селиванова и Осейкина, группой захвата командовал Подосенов, а трое разведчиков, в том числе и я, должны быть в группе прикрытия. Я решил, что в этой последней группе оказались разведчики, на чей опыт и сообразительность меньше всего было надежды. Споров по этому поводу не было. Не

принято спорить с командиром или выдвигать иные предложения – здесь передовая, а не профсоюзное собрание, как не раз говорил Натынов.

Через несколько минут мы были уже на передовой, в траншее среди солдат первой линии обороны. Здесь шла своя беспокойная и напряженная жизнь: пока ночь, нужно было углубить траншею, как следует зарыться в землю – это закон передовой, ведь днем этого не сделаешь. Все здесь заняты, разговаривают очень тихо, даже матерятся почти что шепотом. Со стороны противника бьет пулемет трассирующими пулями, огонь неприцельный, стреляет для острастки, красные струны трасс на мгновение перечеркивают поле. Здесь мы снова немного задержались, приказано всем наблюдать за поведением противника, а Данилов расспрашивает наших бойцов о противнике, те всегда делятся охотно с разведчиками своими наблюдениями и предположениями. Данилова особенно интересует боевое охранение противника. Около него двое бойцов. Один, видно, молодой, горячий, говорит торопливо, словно спорит с кем-то:

– Вот я и говорю, – слышен его приглушенный голос, – стрельба там все эти дни была сильной, лупили по нам, дай бог! А в запрошлую ночь там и гранаты рвались. Фрицев там много. Сегодня они, правда, потише, а то стреляли и днем, и ночью...

– Ты погоду, не путай человека, – перебил хрипловатым голосом пожилой боец. – Там что-то непонятное. Траншейка-то она и вправду днем заметна. Если присмотреться, конечно. Вон в той стороне. – Пожилой боец высунулся из траншеи и указал туда, где чуть виднелась в ночном небе тёмная полоса посадки. Стрельба там и вправду была сильная только кто в кого стрелял – непонятно.

– Как это?

– Да так. Ежели бы в нас палили, то это бы и чувствовалось, и опять же гранаты. Не станут фрицы с такого расстояния в нас гранаты кидать...

– А почему в нас? – встрял молодой. – Там либо разведка была, либо сами они взбе-
сались. Чего с них спросить, с окаянных фрицев...

– Ты погоду! – останавливает его пожилой. – Та дорога вся простреливается и долбили её страшно. А вчера и нонче днем туда фрицы минами долбили, что ж они, по своим вдарили?

– А д-далеко зд-десь д-до них? – спрашивает Данилов.

– Во! Я и говорю, – снова торопится молодой. – Ежели бы там, скажем, не фрицы, а наши? Тык они сигнал бы подали, они бы связного направили, здесь до них и пройти-то шагов триста, не боле.

– Пройти! – презрительно бурчит старший. – Тоже мне, прошел он. Да здесь ни днем, ни ночью головы не поднять! Это сегодня навряд ли тихо. Вчерась перед рассветом оттуда раненый приполз. Ребята рассказывали, что азербайджанец, парень шибко покалечен был, русский язык знает, видно, плохо, твердил одно: «лытинант», «лытинант», а что «лейтенант» и сказать бедолага не мог...

– Во! Я и говорю, – опять голос молодого, – что там наша разведка была и перебили ее у той траншеи.

– К-кто ж там к-кроме нас м-мог быть? М-мне к-комбат ск-казал, ч-что н-немцы там.

– А я что говорю.

Это голос молодого, а старший молчит. Видно, сам сомневается, потом неуверенно произносит:

– Сейчас, может, и немцы, а были наши. Почему ж немцы два дня тогда лупили минами по этой траншее. Они народ аккуратный, если уж раз по своим и вмажут, то второй раз не станут.

Вопросов много. Поди разберись во всем. Данилов что-то думает.

– Вместо того, чтобы в Эльхотове целый день груши околачивать, лучше бы днем здесь посидеть, посмотреть бы на эту траншейку, – замечает Подосенов.

В ярком лунном свете едва заметна посадка на противоположном конце поля.

черные разросшиеся деревья вдоль дороги, похоже, скрывали тайну, а предательская луна светила так, что газеты читать можно. Данилов вслушался в пулеметный треск, помолчал.

– А что, сегодня ночью с той траншейки по нашей передовой трассирующими лупили? – поинтересовался Подосенов.

Иван мыслит правильно. В то время наша передовая трассирующими пулями стреляла редко, а вот немцы, так всю ночь стреляли трассирующими.

– Что-то не обратил внимания, – говорит молодой.

– Да, вроде нет. Вот правее, там кустики какие-то, оттуда бьют. Да вон сами смотри-те, – говорит старший.

Действительно, откуда-то правее посадки сорвалась струя огненных пуль, ударилась в землю посреди поля и веером разлетелась в стороны,

– Ладно, п-посмотрим, – говорит Данилов. – Г-головной дозор к п-посадке. Ид-дет вд-доль п-прид-дорожного кюв-вета от д-дерева к д-дереву. На от-крытом м-месте не м-маячить и по п-пласт-тунски. От основ-ной груп-пы не отрыв-ват-ться больше ч-чем на 15-20 м-метров. Всё. Вп-перед.

Две фигуры ловко, бесшумно выскользнули из траншеи и шагнули на ничейную землю. Головной дозор сразу пошел с отклонением влево, в сторону придорожной посадки. За ним через несколько секунд пошли остальные. На поле много воронок, поломанные кусты татарника, от лунного света вся трава словно серебряная и по этому серебру от каждого идущего черные тени. Это плохо, очень плохо! Данилов ведет группу ближе к дороге, здесь старые деревья, пятнистая тень на земле, у шоссе неглубокий, поросший травой кювет. Впереди без умолку бьет немецкий пулемет, взлетают в небо ослепительно яркие ракеты, их желтый свет ярче лунного. От горящих ракет по дороге ползут оранжевые пятна и черные тени. Данилов хитер, опытен, он старается двигаться так, чтобы эта шевелящаяся тень помогала им маскироваться. Потом при каждой вспышке ракеты мы послушно кидаемся на землю, пережидаем пока исчезнет проклятый свет. Стоп! Наша цепочка останавливается. Осейкин поднял левую руку – он что-то заметил. Мы осторожно подтягиваемся к головному дозору. Слышу осторожный шепот:

– Убитый. Наш.

– Осмотри и заberi документы.

Долгое молчание. Потом снова:

– Похоже, младший лейтенант – кубарь в петлице. Давно убитый, от трупа запах уже.

Документы взял.

– Вперед.

Чуть слышен крадущийся шорох. Все ползут по-пластунски по кювету, здесь нас не достает свет немецких ракет. Снова стоп... Тихо... Дозор молчит.

– Вперед! Ч-чего вст-тали? – подгоняет Данилов.

– Вроде и вправду здесь кто-то есть, – чуть слышно шепчет Осейкин.

Лежим долго, вслушиваемся – ни звука. Может, показалось? Тихо. Только треск неугомонного пулемета, да шипенье падающих ракет. Течёт настороженное время. Снова шорох – головной дозор осторожно двинулся вперед, за ним ползут остальные. Кажется, Данилов уже не отпускает головной дозор вперед – ползём все вместе. Часто останавливаемся. Ни звука, ни шороха... Еще самая малость и, наверное, будет та самая траншейка, где, по не очень проверенным данным, должно находиться немецкое боевое охранение. Еще самая малость, но теперь нужна предельная осторожность. Каждый метр проползаем крадучись, каждый вершок земли прощупываем пальцами...

Вдруг в угольно-черной тени деревьев, как гром грянул, угрожающе клацнул затвор винтовки.

– Стой! Чья идет? – раздался в темноте хриплый шепот. Эти три слова были сказаны так и с такой интонацией, что становится предельно ясно, что никакого боевого охранения

ния противника здесь нет. Это свой окликает – ни один немец не смог бы окликнуть с таким выраженным узбекским акцентом.

– Своя, ешь твою мать! – шипит в ответ Селиванов и пробует ползти в сторону окликнувшего голоса. Но там, в убийственной темноте деревьев, человек не воспринимает юмора и до нас снова доносится хриплый и угрожающий шопот:

– Стой! Мало-мало стрелям будым!

– Ты что? Очертенел? Говорят тебе – свои.

– Какой такой свои? Стой!! Целусь!!! Сычас стрелям будым!

Что делать? Не отвечать же огнём на оклик своего бойца! Мы послушно лежим в кювете, а голос слышится откуда-то спереди. Если он и вправду будет стрелять, то кювет нас не спасет – позицию он выбрал умело.

Сомнений не оставалось в том, что здесь вовсе не немцы, а какая-то наша группа и остановил нас боец, находившийся в дозоре. Чертовщина! Если он сейчас выстрелит вдоль кювета, то вряд ли промажет и своим выстрелом всполошит немцев, которые должны быть где-то рядом.

– Слушай, юдаш, что ты заладил – «стрелям», «стрелям»! Зови начальника, говорить надо, – раздраженно шепчет Селиванов, он лежит ближе всех к часовому.

– Ты кто будыш, да?

– Разведчики мы. Свои.

– Зачем твоя сразу молчал? Сиды ни с места! Сырджанта зват будым.

Слышно, как Данилов тихо матерится. Действительно, более дурацкого положения не придумаешь. Пока молчит часовой, Данилов попытался подползти к Селиванову, но с того же места слышится уже другой, тихий, настороженный и строгий голос:

– Кто здесь?

– Свои! Мать твою в креста и в бога! Ты долго еще разговаривать будешь!?

– Ни с места! Пропуск?

– Какой тебе хрен пропуск!? Ты ведь сам не знаешь ни пропуска, ни отзыва!

– А вы кто?

– Я китайский император, а ты жопа, японский твой бог! Будь я немцем, то давно бы уж тебя шлепнул, – матерится Селиванов и, видимо, эта его брань больше всего убеждает невидимого сержанта, что перед ним все-таки свои.

– Похоже, свои, – снова слышится тихий шопот. – Чуешь, матерятся как. А ну, давай первый ползи сюда, остальные на месте!

Последнее произносится уже громче.

– Вы, дуrolомы, и вправду здесь ошалели!

Этот дурацкий анекдот закончился тем, что вся наша группа втянулась в наспех открытую траншею.

Здесь оборонялись остатки стрелкового взвода под командованием молоденького сержанта. Их оставалось десять человек. Уже двое суток они держали оборону, не имея никакой связи с нашей передовой. Их командир взвода, младший лейтенант, отступал вместе с ними из Дейского, где их взвод и вся рота понесли большие потери. Командир роты приказал им здесь окопаться и ни шагу назад, а сам с остатками другого взвода ушел в Плановское. Что произошло дальше, можно было только гадать, но на том этапе войны такое случалось часто.

По шоссе, по оборонявшемуся взводу противник обрушил сильный минометный огонь, пулеметы не смолкали ни на минуту. Днем их атаковало примерно около двух взводов немецких автоматчиков, они отбились. Прошлой ночью после огневого налета группа фашистов пыталась их окружить, солдатам противника удалось выйти на противоположную сторону дороги, но наши бойцы и на этот раз выстояли. Как только наступило затишье, они старательно окапывались. Сам лейтенант вместе со связным еще в позапрошлую ночь, несмотря на сумасшедший обстрел, поползли в Плановское.

До окраины станицы здесь всего метров 250, не больше, но эти метры оказались непроходимыми. Ни лейтенант, ни его связной обратно во взвод не вернулись, однако, сержант был убежден, что лейтенант установил необходимую связь, он верил, что к ним придет помощь, либо им разрешат уйти отсюда. Сегодня перед вечером ранило одного бойца. Раненый лежал на дне траншеи. Подчиненные сержанта более двух суток были без сна, без воды, без пищи, они остались практически без боеприпасов. Бойцы тем не менее не сетовали – им было приказано до последнего удерживать эту траншею и они держали ее. А немцам, видимо, эта траншея здорово мешала или представлялась легкой добычей, поэтому они часто атаковали её, измочачивали минами и пулеметным огнём. Сегодня, по сравнению с прошлыми, выдалась спокойная ночь, поэтому сержант решил было послать еще одного связного и вытащить раненого, но этому помешал наш приход. Вначале они решили, что вернулся их лейтенант. А Данилова ориентировали в штабе батальона, что здесь находится противник и порекомендовали действовать в этом районе. Хорошо еще, что искру сомнения заронил тот старый солдат на нашей передовой, а то бы было дело!

Узнав, что разговаривает с младшим лейтенантом, сержант, понизив голос, доверительно сказал:

– Прямо не знаю, что делать, товарищ лейтенант, главное воды нет, обороняться уже нечем, один раненый вон доходит. Посылать людей боялся и надеялся, что наш командир взвода вернется... Днем решили портянкой нашим помахать, так по нам и немцы, и свои из пулеметов вдарили. Хорошо, что еще траншею откопать успели. Немцы-то здесь рядом. Вон посадочка и кусты навряд, видите? Так вот там уже фрицы, их там много.

– Танков не вид-дели? – спросил Данилов.

– Видеть не видели, а моторы где-то режут, сам слышал... Товарищ лейтенант, у ваших ребят табачку малость не найдется? Двое суток не куримши, уши пухнут.

Мы поделились табаком с намучившимися бойцами, сидели с ними на дне траншеи, а над головой сверкали трассирующие пули. Сзади нас, на окраине станицы, рвались мины.

– А п-почему здесь т-только один взвод в-ваш команд-дир роты ост-тавил? – спросил Данилов.

– Откуда мне знать? Нам сказали, что мы здесь временно, вроде прикрытия. Наш лейтенант приказал, чтобы без его команды никуда ни шагу.

Данилов помолчал, а потом сказал медленно, растягивая слова и почти не заикаясь:

– Не д-дошел ваш млад-дший лейтенант до станицы. Похоже, это он лежит на дороге. Метров сто отсюда. А в станице рассказывали нам, что дополз до передовой один раненый юлдаш, только покалечен был парень т-так, что слова ск-казать не м-мог. А на КП б-батальона и на п-переднем крае о вас ничего т-толком не з-знают. Д-даже д-думают некоторые, что н-немцы здесь.

– Это как же так?

– Т-ты который год воюешь? П-пора-бы знать, что на войне т-такое случ-чается. Смотри, как-бы ут-тром по вам свои не в-дарили.

– Как же теперь? Как нам быть-то?

– А ты вот ч-то, сержант, мот-тай-ка отсюда и чем с-скорее, тем луч-чше. Если мы ш-шум сейчас поднимем – вам т-тоже достанется, а в светлое время пойдете – в-вас п-перестреляют всех до ед-диногo. Уход-дите быстрее и зап-помни – пропуск сегодня – «курок», от-тзв – «Курск». Понял?

– Понял, товарищ лейтенант.

– М-может, в-впереди вас еще к-какой-нибудь д-дурак сидит?

– Ни! Впереди наших нема, впереди только немцы. Товарищ лейтенант, а не спросят там с нас – по какому это праву мы свою позицию оставили? – чего-то засомневался сержант.

– Не знаю, как-кой д-дурак и чего т-тебя там будет сп-прашивать. На всякий слу-учай знай, что я к-командир взвода разведки млад-дший лейтенант Д-данилов. Н-нужно будет подтвердить - я не от-ткажусь. Т-топайте быстрее, пока тихо.

– Слушаюсь, товарищ лейтенант! Мы и вправду отойдем. Нам бы раненого вытащить, да воды напиться. А в случае чего – вернемся.

Через минуту сержант ушел со своими бойцами. Ужами поползли они по придорожному кювету. А немцы словно вдруг что почуяли – их минометы обрушились на дорогу огнем, короткие яростные вспышки взрывов сверкали на дороге, в поле, в ветвях деревьев. Так продолжалось минут десять и снова всё утихло – только редкие пулеметные очереди, да всполохи осветительных ракет.

– Пошли! – выждав время, тихо сказал Данилов. – К кустам возле посадки, по-пластунски!

Мы осторожно вылезли из спасительной траншейки и поползли. Поздняя ночь, самое волчье время.

Ползли предельно осторожно, замирали при ярком всплеске ракет, а они теперь падали на землю уже за нашей спиной, не успев полностью сгореть в воздухе, шипели, исходили белым дымом и разбрызгивали в пожухлой траве последние искры. Впереди довольно хорошо просматривалась посадка и небольшой клин кустарника. Ползли осторожно, очень осторожно. Чуть заметная низинка, переползли ее, и теперь кусты совсем недалеко, до них менее пятидесяти метров. Мы уже приготовились для броска... Только куда бросок: на пустой куст или на немца-пулеметчика, как угадать, как не промазать – ошибку потом не исправишь, ошибка потом будет стоить жизни. Решили минут десять полежать тихо, чтобы увидеть цель... Столько потеряно времени с той траншейкой, нас ведь именно на неё нацелили... Проходят минуты... Нужно сделать один бросок вперед, а там уж, что Бог даст! Еще бы метров пятнадцать-двадцать проползти вперед и... В кустах раздается сразу два или три выстрела ракетниц. Белые мерцающие звездочки стремительно ринулись в небо и рассыпались над нашими головами нестерпимо ярким светом... Секунду-другую было тихо, а потом близкие и оглушительные выстрелы. Бьют из пулеметов и автоматов, сверкающие трассы мелькают буквально над головой, пули бьют в землю совсем рядом, рикошетят. Теперь ракеты летели пачками, непрерывно. О рывке вперед не могло быть и речи – нас явно обнаружили, мы лишились преимущества внезапности, больше не было возможности приподняться с земли...

Команды никакой не слышно из-за сплошной стрельбы, но все дружно отползают назад, и мы оказываемся в той чуть заметной ложбинке. Чуть заметная морщинка земли, она спасла нас от пуль. Мы лежали, вжавшись в землю, над нами сверкали розовые и зеленые молнии пуль, желтый дрожащий свет ракет блеснул на каждой травинке...

Пулеметные очереди и огонь «шмайсеров» держали нас не менее часа. Нас можно было искромсать минометным огнем, но немцы не посмели этого сделать – видно боялись попасть по своим. Огонь противника стал понемногу утихать, ракеты взлетали реже. С большими предосторожностями мы отошли назад. Теперь уже ясно, что поиск не получился. Мне казалось, что он просто не был подготовлен. Взять «языка» из обороны противника – дело не простое. Отправляясь в поиск, мы должны были знать, где эта оборона, как она насыщена огневыми средствами. Мы зря проболтались в Эльхотово, бесполезно растратили драгоценное время – если бы мы потратили его на наблюдение! Мы поставили на случайное везение и... проиграли. Предпринимать что-нибудь новое было слишком поздно – приближался рассвет.

– Давай к д-дороге и по кювету назад!

Команду Данилова выполняли молча. Если мы благополучно выберемся на свою передовую, то неизбежно на нас обрушится гнев Натынова, да и Ласточкина тоже. Расстрелять обещали. Пугают, сволочи, на нервах играют, но все-таки... Неправедные, злые угрозы возводили невидимую, но непреодолимую стену отчужденности между нами и

нашим начальством, которая только мешала работе разведки, порождала обиды, ложь, недовольство и никак не способствовала успехам дела...

Но случай спас нас от неприятностей. Еще ночью, задолго до рассвета, первой с задания вернулась группа Медвинского и вот ей-то неожиданно повезло. Неожиданно потому, что ребята попали в нестандартную ситуацию и воспользовались ею. На участке их поиска еще прошлой ночью наши саперы ставили мины. Немцы обнаружили минное поле, и в эту ночь саперы противника стали снимать эти мины. Уже один этот факт был значительным – он неоспоримо свидетельствовал о том, что противник готовит наступление. Группа Медвинского заметила немецких саперов. Зная проходы в нашем минном поле, разведчики подкрались к саперам на близкое расстояние и неожиданно напали на двоих. Одного немца свалили, начали вязать ему руки. Немец отчаянно сопротивлялся, пытался кричать, но Бергалеев железными пальцами сдавил ему нижнюю челюсть и вогнал в рот перевязочный пакет. Второй немец бросился было бежать, по нему не успели даже выстрелить – под ним сверкнуло желтое пламя и грохнул взрыв противопехотной мины... На поле находилось еще несколько вражеских солдат, по ним открыли огонь из автоматов. Несколько секунд немцы не стреляли, они либо не поняли сразу, что произошло, либо ответным огнём боялись задеть своих. Потом вражеская передовая словно взорвалась стрельбой. Однако, группа Медвинского успела отойти на некоторое расстояние. В нескольких шагах от наших окопов один разведчик был ранен в обе ноги, в ногу был ранен и пленный.

За цепочкой наших окопов, в овражке, раневых перевязали и заторопились в Плановское.

Группе Суменкова не повезло больше, чем нашей. Их обнаружили в поле и там не оказалось спасительной морщинки земли, в результате двоих ранило, одного очень тяжело – его не удалось живым дотащить до Плановского.

За одного «языка» наша рота заплатила двумя ранеными и одним убитым – печальная арифметика, если так дело пойдет и дальше, то... А, лучше не думать и не вести этой бухгалтерии.

Раненого немца выхаживали, как только могли. Военфельдшер сменил ему повязку, сделал обезболивающий укол и после кружки горячего чая, приготовленного ординарцем комбата, немец пришел в себя, отошел от шока.

На наше счастье, немец оказался человеком довольно покладистым и информированным. От него удалось узнать, что в 10.00 сегодня немецкие войска перейдут в наступление на нашем участке фронта. Он утверждал, что сам видел много танков в районе Дейского и Верхнего Акбаша. Против Плановского были сосредоточены дивизия «Викинг» и танки прославленной 13-й танковой дивизии. Большие силы должны действовать по левому берегу Терека в направлении Змейской.

Показания пленного оказались настолько важными, что его сразу же на специальной машине увезли в тыл. По всему фронту зазумерили полевые телефоны, в Плановском появились новые артиллерийские батареи, минометы, спешно окапывались какие-то стрелковые части. Все ожидали грозных событий.

* * *

Что уж там говорить! Немецкая пехотная дивизия по своей численности примерно вдвое превышает нашу стрелковую, а бригада – это, считай, половина стрелковой дивизии. Вот и выходит, что изготовившийся к наступлению противник только по пехоте примерно вчетверо превосходит наши силы, да еще танки, да еще авиация. От такого соотношения сил что-то сосало под ложечкой. Сил в Плановском у нас, конечно, прибавлялось, но все-таки! К тому же, наша бригада занимала широкий участок фронта и не могла снять стрелковые роты из-под Илларионовки, Верхнего Курпа и из-под какого-то

Индеево, а фрицы изготовились бить кулаком, концентрировано. Это еще больше увеличивало перевес сил в пользу противника. Где же все-таки наша Красная Армия, где резервы?

Утешала только одна мысль, что мы просто всего не знаем, что где-то тоже готовились к бою наши свежие дивизии, наши танки и уж они-то...

Наступило утро. На передовой тревожная, непонятная тишина, даже пулеметные очереди затихли, все знали, что это затишье вот-вот взорвется адским огнем и грохотом.

– Кофе пьют гады, – решил Анатолий Медвинский. Сегодня он был героем дня, за ценного языка он уже получил благодарность и, по словам Попова, его решили представить к правительственной награде. Завистью у нас ребята не мучились, в роте завистников не было, к тому же все знали, что Медвинский боец стоящий и награду он вполне заслуживает. Некоторые просто любопытствовали насчет самого ритуала награждения – какая награда, а то, может, и в штаб фронта вызовут, да еще денечка два там попридуриваться дадут. Нашлись, конечно, и скептики, по мнению которых награду дадут только в том случае, если от всех атак отобьемся, да еще вперед пойдем, а если нет, то и ждать нечего – скажут: прохлопали станицу, а теперь вам ордена подавай! Тоже логично. Вобщем-то шут с ними, с наградами! Хорошо хоть похвалили.

Пехоте-матушке притащили в термосах завтрак, в траншеях скребли ложками по котелкам. Нам тоже приказано оттянуться в тыл – там, метрах в четырехстах от передовой, появилась наша кухня. Мы ели остывшую кашу с жирной свининой, пили сладкий чай, пахнувший комбижиром и еще чем-то горелым. После завтрака старшина забрал у нас котелки и вместе с поваром торопливо укатил из станицы. С нами находились Ласточкин, Попов и мы вначале ждали от них разрешения отправиться в Эльхотово, чтобы поспать немного, хотя бы часик. Было уже более восьми утра, но отдыха нам так и не дали. В это время все силы, оказавшиеся под рукой у начальства, были брошены на укрепление нашего оборонительного рубежа. Конечно, в первой траншее, которая проходила по краю станицы, перед самым полем, ничего уже делать было нельзя, при заметном движении противник открывал пулеметный огонь, поэтому мы копали вторую линию, метрах в ста пятидесяти позади первой, у самых домов станицы. Копали буквально все, и мы включились в эту работу. Невдалеке работали артиллеристы – оборудовали огневые для пушек, НП для корректировщиков огня, связисты торопливо тянули запасные нитки связи, к передовой солдаты тащили ящики с гранатами, патронами, пулеметными лентами, канистры с водой. Предстоял бой, бой нешуточный, не вылазка, а сражение – в этом уже никто не сомневался.

Из-за горы Заманкул выкатилось рыжее, в облачной, размазанной по небу мути, солнце. Кто-то уже не увидит его захода, и эта беспокойная, тревожная мысль одних делала чересчур разговорчивыми, других – молчаливыми и замкнутыми.

Ласточкин и Попов не давали никому покоя, придирчиво и настырно проверяли качество земляных работ. Сразу же после завтрака нас снабдили лопатами, и мы вкалывали почти без перекуров, копали вторую траншею, потом нужны были ходы сообщения. На руках появились мозоли, но было не до отдыха даже тогда, когда раздавались с немецкой стороны винтовочные выстрелы и пулеметные очереди. Мне пришлось копоть ход сообщения. Недостаточно глубокий, но в принципе он был готов, в его изломанной линии было сравнительно безопасно. А Ласточкин всё придирался, заставлял зарываться в землю глубже, шумел, ворчал... Что поделаешь, приказ есть приказ и старые моряки, хотя и матерились, так как были непривычны к земляным работам, но копали, работали добросовестно.

Левее меня орудовал лопатой Селиванов, этот перекуры устраивал почаще других – много курит старый матрос, своего табака ему никогда не хватает, поэтому частенько просит оставить «сорок» у соседа, затягивается дымом жадно, старается поглубже вогнать его в легкие и задержать там немного. Этому балагуру и, в сущности, очень

доброму парню редко кто отказывает, он человек общительный и со всеми в дружбе. Селиванов устало воткнул в землю лопату и обратился ко мне:

– Слушай, кореш ты мой дорогой, у тебя закурить не найдется?

– На, закуривай.

Я протянул Селиванову кисет, тот оторвал аккуратный четырехугольничек от сложенной газеты, присел на дно траншеи и с удовольствием закурил.

– На хрена ты только куришь? Я вот смотрю на тебя и думаю: парень ты еще молодой, неиспорченный, даже малость грамотный и травишь организм никотином! – куда-то гнёт хитроватый парень.

– Ладно! Давай сюда кисет. Тебе бы самому курить поменьше.

Селиванов нехотя возвращает кисет, протягивает мне его так, будто это я у него весь табак выкурил.

– Ты со мной не равняйся, – меланхолично замечает Селиванов, – я, брат, человек все равно пропащий. Был и я таким же, как ты, да вот как схлестнулся с нею окаянной, узнал вкус этой самой водочки, так с тех пор и стал бабником и пьяницей, вся моя жизнь наперекосяк пошла. Поэтому мне курить сам бог велел, мне все равно пропадать и по таким, как я, никто плакать не станет. А вот ты – это совсем другое дело, таких беречь нужно. Я бы специальный приказ по армии издал, чтобы всех нецелованных на передовую не пускать. Тебя ведь обязательно еще какая-нибудь дура полюбит. А ты куришь! Здоровье портишь! Отдай мне табак, а?

– Хватит. Лопухи повывелись, – я решительно забрал свой кисет, спрятал его в карман.

– Вот надо же – и таких жмотов дуры любят! – сокрушаясь, говорит Селиванов.

– А это почему ж меня, если полюбит, то дура?

– Всенепременно дура. А ты что думал? Умная, она нашего брата любить не станет, недолгая это у неё любовь получится.

– Трепач ты, Селиванов, и охота тебе настроение людям портить?

– Настроение! Причем тут настроение? Ты, брат, на войне, а война она и придумана для того, чтобы людей убивать. Вопросы роста населения в её задачи не входят.

Теперь копает молча. Грунт податливый и работа у нас идет довольно быстро.

Вообще-то Селиванов, наверное, прав. Война придумана действительно для того, чтобы человека убить, искалечить его физически и морально. А у меня какие-то нелепые довоенные вывихи, сентиментальные заскоки – гальванометр мне, дураку, понадобился! Пора понять, что война это совсем иная категория и форма человеческого существования. Каждый день убивают кого-нибудь из моих товарищей. Убьют и меня, потому что я вовсе не исключение. Даже сегодня совсем неизвестно, кто доживет, уцелеет до конца этого дня. Может быть Селиванов и прав, что он пьёт, курит и не ищет святой любви! Не заблуждается мужик, не строит химер и воздушных замков.

В воздухе появилась «рама» – двухмоторный и двухфюзеляжный самолёт-разведчик. Переваливаясь с крыла на крыло, описывая в воздухе замысловатые дуги и окружности, самолет с черными крестами покрутился над нашей станицей и полетел в сторону Эльхотова. По самолёту стреляли из винтовок и ручных пулеметов, но, говорят, он бронированный и не берет его обычная пуля.

Время шло. Судя по всему, дело приближалось к полудню. Ребята умаялись на земляных работах и снова есть захотелось. Небо словно поседело, затянула его белесая пелена. На передовой по-прежнему сравнительно тихо. Странно. Пленный говорил, что в 10.00 они пойдут в наступление. Неужто наврал фриц?

Ласточкин и Данилов сидят на дне траншеи и Данилов говорит, по-прежнему немного заикаясь:

– Я бы, на в-вашем месте, его с-сукиного сына в ст-трой п-поставил. Н-на недельку. Сч-читает, что он пуп з-земли! Ни х-хрена не думает. Вот с-сейчас-бы об-бедом и пок-кормить, пока т-тихо. Чего он в с-своем ов-враге сидит?! Его м-место зд-десь!

– Ты прав, – отвечает Ласточкин, – я и сам думал. Только кем его заменишь. Он, по крайней мере, не жулик, но шкуру я с него спущу, забодай его комарь, я его научу свободу любить. Вот если к 12.00 он сам не появится и немцы не начнут – пошлю за ним нарочного и прикажу, чтоб вместе с поваром в термосах сюда несли!

Это они о нашем старшине толкуют. Вообще-то старшина у нас парень порядочный, честный, но с чуднишкой – он не скупердяй, не трус, но, похоже, искренне убежден в том, что вся разведрота существует только для того, чтобы охранять обозное добро.

А пообедать было бы сейчас неплохо. Я пошел по ходу сообщения к кучке ребят, среди которых находился наш политрук, он что-то рассказывал, наверное, политбеседу проводил, а я опоздал, пришел к ее окончанию.

– Вы не хуже моего знаете, – говорил Попов, – вы сами видите, с каким остервенением враг рвется к нефти. Но это его последние судороги, он выдыхается, все его блицкриги провалились. Да, враг еще силен, он давит и главное сейчас, выдержать этот натиск. Война – дело нелегкое, но нужно, товарищи, верить! Верить в неизбежную нашу победу. Красная Армия разбила врага под Москвой, теперь дело за нами!

Ребята сидят, смолят сигарки и слушают явно одобрительно – всем очень хочется верить, и все верят, что Попов прав! Накостыляем мы фрицам, нам только бы техники побольше – дали-б мы им прикурить!.. А время словно остановилось.

– А ведь тихо! Набрехал тот фриц, теперь уж точно набрехал!

Мишка Беляков возмущается так, словно обещанное наступление немцев это его давнишняя мечта.

– А может, он и с умыслом брехал, – соглашается кто-то из ребят, – чтоб внимание отвлечь. Мы их здесь ждем, а они в другом месте ка-ак вдарят!

По траншее, пригнувшись, шагает Ласточкин.

– Ну как здесь? – спрашивает он.

– Трошки загораемо – отвечает Потапенко.

– Товарищ лейтенант, и долго мы еще здесь сидеть будем? – спрашивает Курочкин.

– А мы не сидим. Мы оборону держим, прошу всех это запомнить! Здесь не печка, а передовая, а вы не у тещи!

– От це точно, бо теща давно-б борщом накормила, – резюмирует Потапенко.

– Вы что, забодай вас комарь! Только завтраком накормили, а им обед давай. Еще не заработали! Вот если обстановка позволит, то через часок отойдем в Эльхотово или нарочного за кухней пошлем. Малость потерпите...

Ласточкин хотел еще что-то добавить, но не успел, его перебил звонкий, тревожный крик:

– Воздух!

С севера наплывал тяжелый, давящий гул. В белесом небе показались самолеты. Их было много, они медленно наплывали на нашу оборону. Разговоры смолкли, шеи вытянулись, все следили за приближающейся грозной стаей.

– Ну, сейчас вдарят. Сейчас дадут прикурить.

– А время-то, время! Малость соврал фриц.

– А ни хрена не набрехал. Все точно! Они, мать их за ногу, по берлинскому времени живут, на пару часов позади нас, – предположил Подосенов.

Самолеты шли на солидной высоте. Это были пикирующие бомбардировщики Ю-87. Старые знакомые с изогнутыми крыльями, неубирающимися шасси в обтекателях. При пикировании они поразительно напоминали злую, хищную птицу, которая, выпустив лапы с когтями, кидается на свою жертву. Тройки самолетов начали выстраиваться в одну длинную цепочку, которая летела чуть правее нас...

– Всем в траншею!

Это крикнул Попов и побежал по ходу сообщения к первой траншее, все ребята побежали за ним. А самолёты вроде бы пролетели мимо и немного в стороне от нашей окраины, но в голове мелькнула мысль: «эти по нашу душу!»

Самолеты заходили против солнца, в этом случае смотреть на них трудно, но белесая дымка в небе помогла совершенно четко увидеть, как первая машина свалилась на правое крыло, заложила крутой вираж и круто рухнула вниз. Жуткий, оглушительный рёв мотора, вой сирены, самолёт набирал чудовищную скорость в почти отвесном пике; за первым, таким же манером, свалился на крыло второй самолет... Кажется, прямо на меня кинулась огромная хищная птица со сверкающим диском бешено вращающегося винта, пронзительный визг бомб... Земля дрогнула от тяжелых взрывов, черная туча земли и дыма взметнулась в небо. В небе вой, визг, рёв, на земле – бешеный грохот разрывов. Все окуталось дымом, пылью. Комья земли, палки, камни валились с неба. Темная мгла поглотила весь белый свет и в этом содоме жуткий рёв пикировщиков, адский визг бомб и страшные, молотящие удары. Грохот разрывов неумолимо накачивался на нашу траншею. Землю трясло как в лихорадке, упругие грохочущие удары обжигали горячей волной, выбрасывали вон из окопов сжавшихся людей... Визг бомб и удары взрывов ближе, ближе... Да хватит же! Сколько еще?! Прямо над спиной истощенный рев мотора, оглушавший визг... «Моя!» – успел подумать и страшный в сатанинском грохоте удар больно обрушился на всё тело, земля подпрыгнула! Потемнело в глазах... Воздух перемешан с землей, с камнями, с дымом и пламенем... Острая боль в ушах, кислый запах взрывчатки, со стенок стрелковой ячейки отваливаются и падают пласты земли и песка... Снова визг... Еще сильнее удар... Вся планета встала на дыбы, плещет тугими рывками взрывов, вздымается ввысь, рушится оттуда на наши головы и вновь с рёвом и визгом, со страшными ударами вскидывается к небу.

В голове нет уже больше мыслей, нет ничего, будто и не было никогда человеческого разума! На этом свете осталась только одна, сжавшаяся в комок, живая человеческая плоть, ожидающая последнего удара, своего неотвратимого конца...

Человек не может запомнить, отмерить продолжительность времени такого столпотворения – здесь минуты растягиваются в вечность, а жизнь сжимается до единого и последнего мгновения...

Взрывы внезапно оборвались, а в ушах все звенело, тело ломила непонятная боль, во рту, в ушах, за пазухой полно земли; режет глаза, першит в горле от толовой гари, дыма и пыли, нечем дышать, ничего не видно вокруг... К своей досаде и удивлению чувствую, что меня сильно мутит, меня может этак вырвать... и в глазах плывет, а по телу мурашки... «Живой я?.. Вроде бы живой... Да что это со мной? Никогда так не было! Вырвет сейчас... Ребята увидят – позор! Ноги не шевелятся... Это их землей засыпало... А где ребята? Почему никого не видно?» С трудом вытаскиваю из-под земли ноги, стряхиваю землю со спины, сажусь на дне траншеи... «Автомат?! Вот он, здесь, только весь в земле... Пронесло. Вроде пронесло! Где ребята?»

Проходит немного времени, и пыль оседает, дым сносит в сторону, становится видно, а места почти невозможно узнать: кругом воронки, травы больше не видно – одна пыль, комья земли, от ближних домиков не осталось и следа. Впереди меня, метрах в десяти, довольно глубокая воронка – это ведь она, сволочь! Та самая бомба. Еще бы малость и влепила мне прямо в спину, килограмм этак сто пятьдесят тола... Хорошо, что здесь земля податливая, бомба в неё глубоко ушла и вся сила взрыва саданула вверх, а то бы... Становится светлее, утихает понемногу боль в ушах, только в голове шум. По траншее бежит куда-то Бельтюков, он увидел меня и что-то кричит, а я не разбираю его слов.

– Что?

Бельтюков снова что-то кричит и бежит дальше, на всякий случай бегу за ним.

– Данилова-а! Данилов! – вдруг слышу я чей-то приглушенный голос, и тяжелый смысл этого крика доходит до меня не сразу...

Данилов! Нужно спасти Данилова... Елки зеленые, только бы меня не вырвало... В ходе сообщения обрушена земля и воронка почти на его краю. Из-под земли торчат пыльные яловые сапоги. Двое разведчиков руками откапывают заваленного землей

человека. Ребята торопятся – задохнется человек. У ребят серые от пыли лица, у одного на затылке кровь. Наконец Данилова откопали. Он лежит на дне траншеи, лицо серое, бескровное, как у мертвеца, из носа и из уха по пыльной коже скатываются капельки крови – видно живой еще парень.

– Данилов, ты живой? Ты живой, Данилов? – младшего лейтенанта шевелит за плечо подошедший откуда-то Попов, его самого будто черт изжевал – весь в пылище, ремень перевернулся пряжкой набок. Данилов медленно открывает глаза, вначале равнодушно, а потом ошалело смотрит на ребят. Он пытается встать на ноги, но, застонав, снова опускается на землю.

– В санроту его! Быстро! Есть еще раненные? – кричит Попов.

У нас двое раненых, один тяжело в голову, он еще дышит, но без сознания. А Данилов снова контужен и здорово. Данилов, собрав силы, садится на дне траншеи. Двое ребят пытаются взять его под руки, чтобы тащить к медикам, но командир взвода сопротивляется, словно пьяный, отталкивает одного, пытается вырвать свою руку у другого. Его оттащили бы, но тут наваливается на всех новое испытание.

Только смолк грохот бомбовых взрывов, многие еще не пришли в себя, как по окраине станицы, по нашей обороне ударили немецкие пушки и минометы. Воздух наполнился рёвом и визгом снарядов и мин, взметнулись хлесткие взрывы, вокруг стон и жужжание осколков. Взрывы гремели все чаще, все ближе и слились в один обвальный грохот. Горячие ударные волны упруго били в голову, блестящие осколки рваной стали шлепали в бруствер, падали на дно траншеи.

Кто-то кричал, это была какая-то команда, но я еще не мог разобрать слов, только увидел, что Мишка Осейкин побежал вперед по ходу сообщения и я бросился за ним к первой траншее. Здесь находились наши автоматчики, пехотинцы в касках, на них падала земля, поднятая взрывами. На дне траншеи истоптанные ногами бинты, брошенные противогазные сумки, растянутая пулеметная лента без патронов... Огневой налёт был сильным, жестоким, казалось, что сама смерть выбивала над нашей передовой чудовищную чечетку. Головы поднять невозможно – схлопочешь наверняка осколок. Появились раненные, кто-то их перевязывает прямо здесь, на дне траншеи; пока не утих огонь, они будут лежать здесь. Убитых кто-то положил на край траншеи, противоположный от бруствера – им теперь не страшно схватить еще один осколок, а в траншее тесно...

В станице горели дома, черные клубы дыма подымались в небо, перемешивались с дымом разрывов снарядов и мин. Особенно сильный обстрел грохотал левее нас, там, где дорога. Снаряды кромсали станицу, шоссе, небольшую посадку, что правее нас...

Еще не смолкли взрывы мин и снарядов, как послышался впереди тяжелый, стелящийся по земле гул моторов. Слух возвращался ко мне, я отчетливо слышал этот моторный гул, он нарастал, пробивался в сознание сквозь глухоту и звон страшной тревогой. В траншее раздался чей-то беспокойный, встревоженный крик:

– Танки! Держись, славяне, – танки!

Из посадки, что была перед нами на другом конце поля, выползло сразу несколько серых приземистых машин. Они двинулись прямо на нашу передовую. За кормой каждого танка густым шлейфом ползла серая пыль и грязно-синие выхлопные газы. Первые танки неожиданно скрылись в пологой низинке, оставалась видна только поднятая ими пыль, а из посадки появлялись новые машины, и за пыльной завесой было трудно определить, сколько же их всего. Танков было много, они накатывались на нас мощной стальной волной. Снаряды и мины стали теперь рваться в основном в станице, а нас ожидал удар танков.

Наша передовая словно затаилась, замолкла в страшном напряжении. Гул танков нарастал. Первые танки вышли из низины и теперь до них оставалось не более трехсот

метров. Они двигались всё быстрее, стал слышен скрежет и лязг танковых гусениц. Танки делали короткие остановки, шевелили длинными стволами орудий и начали бить прямой наводкой по нашей передовой, по посадке, по станице. Сдвоенный удар танковой пушки, короткий мощный взвизг снаряда и трескучий взрыв: Ба-бах! Вжь! Тр-рах! Выстрел-взрыв, почти одновременно. По всей степи перед нами пыль, тяжелый угарный чад, желтые искры пушечных выстрелов, взрывы!!! Танки неотвратимо накатывались на нашу оборону и, казалось, ничто не может противостоять этой адской силе. Холодок пробежал между лопаток, от страшного напряжения у всех лица бледные, только желваки ходят на скулах и глаза неотрывно следят за приближающимися машинами.

«Началось! Вот теперь началось! Теперь даже та сумасшедшая бомбежка и артиллерийская подготовка покажутся цветиками по сравнению вот с этим – самым главным и самым страшным! Теперь держись!!!» «Почему молчат наши пушки, почему они молчат, окаянные?! Может, пушки у них все перекалечены и вообще больше нет никаких пушкарей?!» Шальные обрывки мыслей бегут в воспаленном, тревожном сознании...

Танки все ближе и там, между этими стальными коробками, за завесой пыли и мотторной гари показались многочисленные фигурки бегущих автоматчиков, их было много, очень много...

Вон они, фашисты! Наступают смело, напористо, тренированно прикрываются броней танков, маскируются за завесой пыли и дыма... Это уже не кино, это настоящий бой, где враг не дурнее и вовсе не слабее тебя; бой, в котором еще никто не знает, чем всё это кончится. Открыли огонь танковые пулеметы, окаянные «шмайсеры» стреляют пока неприцельно, больше для нервотрепки, но пули взвизгивают рядом, глухо шлепают в бруствер, рикошетят и ноют. С каждой секундой огонь нарастает, становится опаснее. Фашисты бегут за танками трусцой, но в этой их неторопливости я чувствую силу их самоуверенности. Они идут всей своей мощью, чтобы убить меня, моих товарищей, захватить вот этот край, его живую землю, они не скрывают своих целей, лезут нагло, беззастенчиво, они все уверены, что сильнее нас, не сомневаются в своём успехе. Их командиры, наверное, думают, что еще минута – другая и атакующим останется только добить раненых солдат противника, т.е. наших раненых, погнать в плен тех, кто поднимет руки и подсчитать трофеи...

Почему молчат наши пушки и минометы? Какого хрена они молчат?!! Движущиеся на нас стальные чудовища огромны, они вооружены мощной пушкой и пулеметами, наше вооружение – противотанковая граната, в сравнении с ними кажется неуклюжей и бессильной – ее далеко не бросишь, это уже последнее средство, это на крайний случай, когда кто кого...

Огонь танковых пушек усилился, сзади нас, на второй траншее, рвутся мины и в ушах снова звон от близких взрывов... Выстрел-взрыв! Много выстрелов и взрывов, оглушительный грохот, рев моторов, дым, пыль!..

– ...А-а-а!

Слышится сквозь глухоту отчаянный крик Мишки Осейкина. Пронеслась было мысль: ранен Мишка! Но он смотрит на меня и зло кричит, только сейчас я понял, что он кричит мне:

– Федька-а-а! Хрен моржовый! По пехоте бей, по пехоте! Не зевай, твою господу мать!!!

Конечно! Мишка прав, какого черта еще ждать! Там же бегут автоматчики. Я поставил диском на бруствер автомат, но первое время глаза как-то странно не видели ничего, кроме этих проклятых танков. Они уже рядом, уже видно, как с их отшлифованных земель гусениц летят земля и пыль, длинные стволы пушек с надутым тормозом при движении танков подымались, опускались, будто вынюхивали цель, будто искали что-нибудь живое и, найдя, били по нему оглушающим, страшным ударом. Танки приближались неудержимо, сталь их гусениц струилась белой лентой. За танками бежали

серые фигурки автоматчиков и пехотинцев в глубоких касках. По нашей траншее рассыпался звонкий автоматный треск, винтовочные выстрелы. Я стрелял неплохо и, прицелившись, ударил по наступавшим длинной очередью. «Ни хрена, сволочи, дешево не купите!» Еще очередь, еще. Безостановочно стреляет вся наша передовая, серые фигурки в касках падают, прячутся за броней танков...

А танки совсем близко, один из них, кажется, ползет на меня. Прямо на меня! Он ближе остальных, и уже глаза ничего не видят кроме черного жерла его пушки, смотрящего прямо в мою душу, ничего не осталось на свете, кроме окутанных пылью блестящих, словно зубы, гусениц... Сейчас ударит его пушка! Руки торопливо хватаются за противотанковую гранату... сейчас... нет, бросать её рано – промажу или недокину, а тогда... Скрежещат гусеницы, слышны отовсюду крики, не смолкая, густо трещат выстрелы... Из-за танка снова появляются фашисты, они стреляют, бегут к траншее... Очередь! Еще! Рядом стреляет Осейкин, стреляет еще кто-то, и в это время сверкнуло пламя выстрела танковой пушки и одновременно грохнул взрыв... Оглушающей силы взрыв у хода сообщения, почти за моей спиной. По брустверу ударили пули, брызнула в стороны земля. Осейкин стреляет непрерывно, стреляет и кричит:

– А-а! Мать вашу раздери!!!

Он, наверное, и не замечает, что кричит. Проклятый танк совсем близко, его гусеница раздавила куст надломленного татарника... По всей степи пыль и дым, дым над нашей траншеей. Только сейчас заметил, что наши пушки ведут огонь, но они словно не видят того танка, который лезет на меня... Что-то сейчас будет! Очередь! Еще очередь! Еще... Я видел, как два наступающих солдата свалились, упали как подкошенные... Удар! Ошеломляющий грохот взрыва. В ушах нестерпимая боль, в глазах красная пелена... Не успел прийти в себя – еще взрыв и горячий удар взрывной волны... Чувствую, что падаю на дно траншеи... «Нельзя! Нельзя! Пристрелят!!!» – кричит во мне какой-то голос... Надо стрелять... Стрелять! Вроде не ранен – просто взрывной волной шибануло. Преодолевая тупую боль, поднимаюсь на ноги, осторожно выглядываю из-за бруствера: вот они... зелено-голубые френчи, глубокие четырехугольные каски, даже видно их красные разгоряченные лица, сжатые кулаки, в них черные «шмайсеры», черные с широкими голенищами сапоги, белые алюминиевые пряжки на черных ремнях. Стреляю в них из автомата длинной очередью... В диске осталось мало патронов, еще несколько секунд и не останется времени даже для того, чтобы сменить диск... А танк почему-то остановился... Взрыв! Земля подпрыгнула, норовя выбросить меня из траншеи... Кислый запах тола, пороховая гарь... «Нет, гады, живой я еще! Я живой, сволочи! Не возьмете!!!» Исчезли мысли, пропал страх, осталась одна животная ненависть... Может, и убьют, но теперь один уж хрен! Снова появились из-за брони танка автоматчики во френчах, с большими накладными карманами... Почти не целясь, стреляю. Стреляю еще... Хлоп! Затвор щелкнул впустую – либо задержка, либо патроны в диске все. Выбил рукой диск, вставил запасной (все дело трех секунд). Очередь! Что ж этот танк стоит, стоит, паразит, перед самой передовой и водит пушкой?! Нет, вот он, снова лезет... Где Осейкин? Есть ли кто в траншее кроме меня? Почему молчат?

Над бруствером стриженная голова Осейкина, он стреляет, над его автоматом фонтаном летят стреляные гильзы...

– А-а, гады!!! – теперь уже кричу я, и этот крик усиливает поднявшуюся волну дикой, неумной ярости... Танк! Вот он! Он дышит смрадом выхлопных газов, горячим металлом, он дышит самой смертью... Теперь граната. Теперь только граната! «Ну, давай, гад, теперь уже все равно, теперь неизбежно кто-то должен подохнуть!»... Взрыв! Хлесткий, оглушающий взрыв... Мгновенно и инстинктивно прячу голову под обрез бруствера... Рядом ревет танковый мотор, скрежещут гусеницы. Сзади оглушительно звонкие выстрелы наших противотанковых пушек. Выглянул из-за бруствера, а танк нелепо разворачивается боком к нашей траншее, за ним на покореженной земле растягивается

перебитая гусеница... «Ага-а-а!!»... Еще выстрел пушки, взрыв брызнул искрами на бортовой броне танка, тот дернулся всем своим стальным туловищем, словно зверь присел от смертельного удара, он только лишь не застонал, но выдохнул плотный клуб черного дыма.

– А, сволочи! Получил, гад!!

Танк горел. От него поперек поля полз густой, тяжелый дым, а на броне прыгали мелкие, злые языки пламени.

Тем временем вся наша траншея раскатилась неудержимым и неуправляемым автоматным и пулеметным огнем. Автоматчики залегли, стали отползать назад, а их на открытом поле кромсал пулеметный огонь и частые, как град по железной крыше, разрывы мин и снарядов. Я, слава богу, только взялся за противотанковую гранату, но не вырвал чеки, не бросил ее. А тут к подбитому танку стал приближаться второй, он шёл и стрелял из пулемета по нашей траншее, пули взмели с бруствера землю, кто-то из наших ребят отлетел, как от удара, к противоположной стенке траншеи и сполз по ней вниз с запрокинутым лицом залитым кровью. Танковая пушка снова грозила неминуемой смертью – она качнулась, вытянулась словно хобот в сторону нашей траншеи... Еще миг!.. Не успел гад выстрелить – взрыв полыхнул огнем и дымом на его броне, сплошная грязно-синяя завеса окутала танк. Потом я увидел, что и этот танк больше не движется, его башня нескладно повернута в сторону, а пушка, та самая, что грозила смертью, тупо и обреченно уставилась в землю. Немецкие автоматчики откатились теперь от нашей траншеи, укрылись за бронёй подбитых танков и вели по нам автоматный и винтовочный огонь... А Осейкин жив, он стреляет, черт стриженный!

Левее нас, в стороне шоссе, творилось что-то невообразимое, там всё грохотало, все было окутано черным дымом, его космы висели в поломанных, посеченных осколками сучьях деревьев; правее нас тоже танки. Всё потонуло в дыму и пыли, только черные султаны взрывов выплскивались выше этой завесы. В поле горело уже много танков, а остальные еще грозно и упрямо двигались к низенькой посадке, которая казалась мне пустой, а сейчас она огрызалась огнем. Танки стреляли, снаряды продолжали раздирать воздух и землю. По всем правилам на этом истерзанном снарядами и минами клочке земли больше не могло быть ничего живого, но оборона каким-то необъяснимым чудом жила... Несколько танков ворвалось на нашу передовую у посадки, они пошли к станице, но спустя короткое время два танка вспыхнули коптящими факелами.

В этот момент басовитый, грозный рев заполнил небо, из дымной пелены, нависшей над станицей, на бреющем полете вырвались три наших штурмовика ИЛ-2. Они ударили по танкам и по пехоте противника из пушек и пулеметов, засеяли всё поле разрывами многочисленных мелких авиабомб. Штурмовики развернулись за дальней посадкой и снова застучали их пушки и пулеметы. Бомбовые взрывы прогремели как горох по листу железа, над полем густой черный дым... ИЛы прошли над дорогой и там тоже гремели их выстрелы. Уже трудно было разобрать, что творится на этом поле... Все чувствовали, что захлебнулась немецкая атака. Танки, продолжая стрелять из пушек, начали пятиться назад, а немецкую пехоту прижали к земле наши минометчики и пулеметы.

Еще немного и танки неуклюже и быстро покатались назад к посадке, оставив на поле догорать своих собратьев. С земли поднимались вражеские пехотинцы и автоматчики и перебежками, отстреливаясь из винтовок и автоматов, тоже начали отходить назад. В страшном, жутком азарте смертельного боя кто-то кричал:

– А-а, сволочи, выкусили, гады!!!

Автоматный и пулеметный огонь усилились от этой нестерпимой, торжествующей злости.

– Умыли гадов, умыли!

Однако, торжествовать было рано. Пронзительный визг мин вдавил нас в землю,

загрохотали вокруг звонкие и трескучие взрывы. Немецкие минометчики долбили минами нашу траншею, прикрывали отход своей пехоты, их огонь становился просто невыносимым...

Тут я услышал чей-то пронзительный крик и увидел сумасшедшего, который вылез из траншеи на бруствер, держал в руке автомат и что-то кричал. Я не сразу узнал Попова, это он стоял под минометным огнем, а из траншеи стали подниматься люди в масках, в полосатых тельняшках, в бушлатах, в гимнастерках, в пилотках и бескозырках... Так это ж атака! Та самая атака моряков, что сметает все в своем безудержном, сумасшедшем порыве. Вперед! Теперь только вперед! Мы с Осейкиным выскочили из траншеи почти одновременно. Впереди уже Авдеев, Соловьев, Селиванов, вон и Мишка Беляков... Сквозь винтовочный и автоматный треск доносился нестройный крик атакующих, бежавших сквозь дым и пыль.

– А-а-а!!! Ур-ра-а-а! Полундра, мать иху в кость!!!

Матросы, солдаты бежали вперед. Злая, неудержимая сила несла очумевших людей, и всем было теперь наплевать на выстрелы, на взрывы, на упавших товарищей, на жизнь, на смерть!

– Полундра-а-а!

– А-а-а!

– В бога!.. В креста! Ур-ра-а-а!

Все что-то кричали, матерились и все неслись с автоматами и с винтовками наперевес, с грозящими жалами штыков. Сумасшедший крик подгонял, заглушал звук выстрелов, крики подталкивали в спину, люди перепрыгивали через упавших, через убитых и раненых... Вот они, подбитые и горящие танки врага, на их броне трижды проклятые закопченные белые кресты и еще что-то, вот первые убитые немцы и вон они, спины живых, бегущих. Те, кто убегает, торопливо оборачивается, неприцельно стреляет в орущую и преследующую их волну. Атакующие тоже изредка стреляют, огонь наш неточен, но кто-то падает, кто-то лежит на земле и отчаянно кричит, чье-то залитое кровью лицо, скорченное тело, вытаращенные глаза. По нам не стреляют немецкие минометы, поле затихло от грохота разрывов и наполнилось криком, одиночными выстрелами, короткими автоматными очередями... Подбитые танки давно позади, земля исхлестана следами танковых гусениц, изрыта воронками. Я бежал вместе со всеми и что-то отчаянно кричал, перепрыгнул через лежащего немца, а рядом в воронке еще один – этот живой, он быстро переворачивается в мою сторону, в его руках короткий черный «шмайсер»... Мне повезло: на долю секунды я опередил его, нажал на спусковой крючок автомата и короткая очередь вцепилась в лицо лежащего. На нем словно вспыхнули несколько розовых пулевых пробоин, которые мгновенно почернели от заполнившей их крови... «Это ж я его! Я ж его убил!!!»

Выстрелы, крики... Мы догоняем убежавших солдат противника, уже недалеко, уже совсем рядом спины бегущих врагов. У них больше не было выбора, они не могли теперь убежать, оставалось одно – жестокая рукопашная схватка... Сейчас сцепимся! Кто-то из наших бойцов вырвался немного вперед и достал одного бегущего штыком, ударил его яростно, зло, во всю силу. Кто-то еще стрелял, падали люди, убитые, раненые, свои, чужие... У людей не было больше разума, осталась одна ярость и еще проснулся инстинкт, древний, животный инстинкт хищника... А впереди уже свалка: выстрелы, крики, удары. Люди больше не бегут, они истребляют друг друга, бьют прикладами, колят штыками, стреляют в упор. Очумелые глаза, оскаленные зубы, красные лица, кровь! Какой-то матрос в порванной тельняшке, с окровавленным лицом отбил удар прикладом своего автомата и яростно вцепился окровавленными пальцами в горло немца, оба полетели на землю... Мгновение – и другой наш боец внезапно остановился, качнулся и повалился на спину, здоровый, рослый немец выдернул из упавшего штык-кинжал...

Слева немец с автоматом... Очередь! Немец словно захлебнулся, но он смотрит на меня внезапно побелевшими глазами, стоит на ногах и не падает... Еще короткая очередь! Автомат послушно дернулся в руках, а вражеский солдат тяжело осел на пыльную, политую кровью траву. Крики, вопли, мат, стрельба... Впереди кто-то в гимнастерке орудует штыком винтовки и падает... Прямо передо мной оказывается белобрысый высокий немец с винтовкой, он без каски, без пилотки, верхние пуговицы френча расстегнуты... Мой автомат в это мгновение направлен в сторону и опущен немного вниз, а в меня яростно, неудержимо летит нацеленный штык-кинжал. Вороненый штык направлен мне прямо в живот. Мгновение... Удар! По какой-то случайности штык немца ударил в диск моего автомата. Железо взвизгнуло под острием штыка, мой автомат и винтовка врага от удара пошли в сторону. Я ничего не успел сообразить, как оглушающий удар прикладом пришелся мне по скуле и уху. В глазах брызнули искры, завертелась земля каруселью. Я упал на спину, припечатанный этим тяжелым ударом. Автомат у меня в руках, а я опоздал направить его на противника. Прямо надо мной снова занесенная винтовка со штыком, теперь он наверняка ударит мне в грудь... Все!!! Мгновение и на меня с хрипом падает тяжелое, горячее тело белобрысого немца. Некогда разбираться... Я вернулся, сбросил с себя хрипящего вражеского солдата, быстро встал на расставленные ноги. В голове шум, во рту соленый вкус крови... Что это? Кто это меня? Тяжелый нокдаун проходит, я снова отчетливо вижу и слышу, чувствую обстановку. В голове еще пронзительная боль от удара, болят скула, ухо, на губах кровь, капельки крови на маскхалате. А бой не закончился. Сейчас никто никуда не бежит – на этом поле страшная, смертельная схватка...

Бородатый Авдеев в порванном маскхалате, автомат у него за спиной, а в руках трофейная винтовка со штыком. Он в самой гуще схватки, он неистовствовал, его удары сокрушительны, страшны, как страшен он сам. Ловкий, быстрый и злой, как рысь, в полосатой тельняшке, Ваня Подосенов с автоматом стреляет, бьет прикладом, ухитряется парировать удары. Удары, лязг металла, крики, стоны, на землю падают люди, наши и немцы, с раскроенными черепами, изрешеченные пулями, исколотые штыками...

Рукопашная схватка всегда бескомпромиссно жестока, зла и коротка... Оставшиеся немцы снова бегут... Они не выдержали! Они бегут!

– Ур-ра-а-а! Полундра-а-а!!!

Вперед! Все тяжело дышат, хрипят. Короткие секунды рукопашного боя забрали все силы, невозможно бежать быстро, для этого нет больше сил! Цепь убегающего противника сильно поредела, уцелевшие немцы бегут к посадке, они надеются, что она их укроет, из нее уже хлопают винтовочные выстрелы. Наступающих тоже осталось мало, но люди упорно и зло идут вперед широким размашистым шагом. В ответ на винтовочные выстрелы врага по посадке хлещут автоматные очереди. Все что-то нестройно кричат, и вдруг я начинаю улавливать песню – они не просто кричат, они поют... Вначале несколько хриплых, сорванных голосов подняли знакомую мелодию, ее подхватили другие, песню почти декламировали, слова песни короткими хриплыми звуками вырывались из глоток людей. А шаг стал тверже, от слов песни вырастали крылья, как от гимна:

*Вперед же, това-рищи, все по мес-там!
Послед-ний парад насту-па-ет!
Врагу не сдает-ся наш гор-дый «Варяг»,
По-щады никто не же-ла-ет!*

Педи все, и я тоже шевелил разбитыми губами. Люди шли быстрой, неотвратимо-упрямой поступью. Идущих с этой песней уже нельзя было остановить, повернуть назад или задержать – их можно было только убить. Эту песню нельзя было петь долго, она была богиней мгновенья, с этой песней идут только на смерть и на подвиг!

*Ревет и гре-мит, и грохо-чет кругом
Гром пушек, шипенье сна-ря-а-дов.*

И снова штыки и автоматы вперед, уже рядом посадка, в которой находился враг, из которой недавно выползали их танки...

*Не думали, брат-цы, мы с вами вче-ра,
Что нынче умрем под волна-ми!..*

Идет Мишка Беляков, у него на голове черная бескозырка, его белобрысые брови нахмурены, скулы сжаты. Вот так он и ходил в атаку под Одессой и Севастополем и снова шел вперед, к своей гибели и к своей славе!.. В какую-то секунду оборвалась песня, и цепь атакующих что было силы рванулась вперед к посадке, а оттуда неожиданно длинной очередью ударил пулемет смертельной струёй пуль, а люди бежали вперед, падали, кричали:

– Ур-ра-а-а!!

До посадки оставалось метров двадцать, но страшная цена этих последних шагов, последнего рывка станет ясной уже потом, после, а сейчас люди, не задумываясь, бросали на чашу весов боевого успеха свои жизни...

В посадку полетели гранаты, град смертоносных гранат, часто захлопали взрывы, запели осколки даже над головами атакующих. Оборвался страшный треск немецкого пулемета. Вот она, окаянная!.. Кругом изломанные стволы колючей акации, посеченные осколками, изуродованные танковыми гусеницами, какие-то тряпки, белые и узкие полосы размотавшихся бинтов... Нога запуталась в поломанных сучьях, я упал, и тут же через меня перескочил кто-то из наших ребят и стал продираться дальше на другую сторону этих зарослей.

Те немцы, кому было суждено на сей раз остаться живыми, бежали из посадки, а те атакующие, кто уцелел, посадку заняли. В азарте боя кто-то бросился было преследовать противника дальше, но навстречу ударили огнем пулеметы и люди откатились назад.

Наша поредевшая цепь не смогла подняться в новую и дружную атаку – больше не было сил, нас осталось мало и мы не знали сил противника. Впереди изуродованное танками поле, за лугом метрах в трехстах еще одна посадка и оттуда длинными очередями лупят немецкие пулеметы. Бьют разрывными, звонкие, трескучие щелчки в ветках акаций, на маскхалат падает белое крошево древесины. В посадке лежат убитые вражеские солдаты, на их френчах сбитые пулями лепестки, валяются круглые гофрированные банки противогазов... Пулеметный огонь пока не принес нам урона, пули проходят выше, но приходится все время лежать, подняться в рост невозможно. Если сейчас нам не помогут наши артиллеристы и минометчики, нам не только не продвинуться дальше, но и здесь не усидеть. Похоже, это чувствуют все.

– Может, артиллеристы вдарят? – выражает робкую надежду кто-то из ребят. Говорит больше для того, чтобы кто-нибудь разделил, поддержал эту робкую надежду. Но все молчат, а артиллерия «не вдаряет». Мне кажется, что первыми по занятой нами посадке «вдарят» немцы.

На небольшой высоте над нами со звоном и свистом пронеслись два мессершмита, застучали их пулеметы над станицей, потом наступила странная тишина. Она продолжалась недолго, всего несколько минут. А потом «вдарили» по посадке немецкие минометы. Мы еще и отдышаться не успели, не смогли закончить перевязку раненых, как послышался раздирающий визг падающих мин. К этому визгу невозможно привыкнуть, сколько бы раз не пришлось человеку испытать огневой налет, всякий раз этот визг будет вжимать его в землю... Мины рванули за посадкой с некоторым перелетом, потом две взорвались перед нами, вокруг застонали осколки. Наша передовая молчала.

– Хана нам здесь! – слышался чей-то встревоженный голос. Это был не паникерский трусливый вскрик, это была просто оценка ситуации, в которой мы оказались.

Впереди нас совсем невысокий холмик, он пока нас же спасает от прямого пулеметного огня – пули идут выше. Сил для новой атаки у нас уже не было – много бойцов полегло, кончались патроны, мы лишены поддержки с нашей стороны. Каждый понимал, что нас осталось слишком мало для активных действий, если мы сунемся – нас положат на этом поле пулеметным огнем, а здесь, в посадке, нас измолотят минами, нам нечем окопаться, нас не поддерживает огнем наша артиллерия, у нас нет связи...

Взрывы мин следовали один за другим, хлесткие трескучие взрывы, стон и жужжание разлетающихся осколков. Взрывы неумолимо приближались, в посадке слышался чей-то крик. Кричал раненый человек, это был крик не просто от боли, кричала изуродованная, забрызганная кровью человеческая плоть, кричала своим последним, предсмертным криком. Взрыв! Еще взрыв... Надрывный крик раненого оборвался – добили! Неожиданно минометный огонь затих, а в небе появились юнкерсы. Неужто по нам долбанут?! Над нами шли пикировщики Ю-87. Снова они – эти хищники, только их стало больше, чем прежде, шло машин двадцать. Они выстроились в цепочку и, по заведенному правилу, с крутого виража, машина за машиной, с трубным ревом бросились вниз на окраину Плановского. Даже здесь, в нашей посадке, земля вздрогнула от взрывов, грохот прокатился над всем Кавказом, высокие черные и бурые султаны взрывов вскинулись над станицей, заслонили собой небо. Самолеты отбомбились, ушли на север, тогда за нас с еще большим ожесточением взялись минометы, они долбили, кромсали посадку, серый дым и пыль висели в воздухе. В это время слышался снова моторный гул, мне вначале показалось, что идет новая партия самолетов, но в посадке слышался тревожный крик:

– Танки! Танки справа!!!

Я еще не видел самих танков, но рёв их моторов стелился над полем.

– Приготовиться – танки! – закричал Попов.

Бог мой, опять эти проклятые танки! У нас и гранат нет, и не окопаны мы – к чему я теперь должен приготовиться?! Минометы продолжали свой страшный огонь, и теперь почти каждый взрыв мины оставлял на земле искалеченных, стонущих людей, а справа наплывал грозный рёв танковых моторов и тяжкий скрежет гусениц. Танки шли вдоль посадки, минометы переносили огонь слева направо. Тут я увидел, что справа из посадки выбежало несколько человек и, пригнувшись, они побежали по полю назад к станице. За ними показалась еще одна группа.

Посадку секли осколки мин, и не было от них никакого спасения. В сознание врезалась беспокойная, тревожная мысль о том, что мы безнадежно оторваны от наших главных сил в станице, нас забыли, оставили на произвол судьбы, наша гибель здесь неизбежна...

По посадке ударили танковые пулеметы... Бежали секунды, и с каждой из них наше положение становилось всё более безысходным...

– Давай назад!!! – крикнул кто-то рядом, и эти слова током ударили по напряженным нервам всех, кто лежал в посадке. Всем сразу стало понятно, что еще несколько секунд и будет поздно – танки безнаказанно раздавят гусеницами всех, кто еще здесь оставался. И мы побежали! Побежали назад все, кто совсем недавно с отчаянной решимостью шел сюда, сходил с немцами в стыки... Бежали, и вряд ли кто знал, сколько в посадке осталось убитых и, может быть, оставлено раненых.

Мы бежали по полю, по которому шли в победной атаке... Нас не прикрыли огнём, не поддержали резервами, не дали связи, не помогли развить наметившийся успех... Даже после этой трагедии нам не приходило в голову обвинять кого-то – всё было воспринято, как дерзкая вылазка, которая и не могла закончиться чем-нибудь иным... Такая оценка была правильной...

Сейчас мы бежали и нам стреляли в спину. Пули подымали пыль с земли, свистели рядом, рикошетили и ныли в воздухе. Впереди пологая низинка, она нас спасла от пуль, теперь мы не видели ни посадки, которую оставили, на своей передовой, куда старались уйти... Сзади шли танки врага, они вот-вот покажутся в этой низине... Скорее! Скорее! Мы выжимали из ног все, на что они еще были способны, мы бежали к окраине Плановского. Кто-то падал, кого-то волокли товарищи... С окраины станицы ударили противотанковые пушки. Наши. Наши бьют! Выстрел – шелестящий звук летящего снаряда и взрыв... На поле трупы, много убитых – и наших, и немцев... Вон они, подбитые два танка, они еще горят, горят танки и в поле, горит станица, ветер размазывает по степи ядовитую дымную гарь. Воронки, воронки, убитые наши и немцы, они валяются рядом, люта смерть примирила их... Вокруг пулеметный треск, кажется, все вокруг стреляет... Скорее, скорее! Нужно добежать до траншеи, ну хотя бы до горящих танков, там, за их броней, можно укрыться от пуль... Впереди наш боец на земле, он пытался приподняться и снова падал. Он видел меня, боялся, что пробегу мимо него, он, видно, кричал что-то, но я не слышал за треском выстрелов его голоса, я видел только раскрытый рот, сумасшедшие, молящие и готовые проклясть глаза... «Раненый! Конечно раненый», – мелькнула мысль. – «Нельзя его оставить, его здесь добьют, непременно добьют».

Я схватил раненого за ворот гимнастерки и попробовал тащить его волоком. Плохо выходит, неудобно. Гимнастерка задралась, нижняя белая рубаша вылезла у раненого из брюк, а спина у него вся в размазанной крови. Я сразу отстал от ребят и болтался на виду у контратакующих немцев. Там, похоже, за танками пошли автоматчики противника... «Сейчас мне врежут, сейчас дадут прикурить!»

– Терпи, браток! – кричу раненому.

Автомат у меня на шее, я взял за руки и втащил раненого себе на спину... Сзади ударила танковая пушка, коротко взвизгнул снаряд и впереди грохнул взрыв. Оглянулся – вон они, железные гады, ползут по полю и за ними хвосты светлой пыли. Автоматчики бегут за танками... догоняют, сволочи!

– Терпи, браток!

Бежать я не мог, я шагал мелкими, семенящими шагами... Еще немного! А раненый мужик терпеливый – не стонет даже... Еще немного! Скорее, скорее! Вот полоса дыма от горящих танков. А немцы близко. По броне горящих машин шелкают пули. Теперь нужно укрыться за броней этих горящих дьяволов... Сил больше нет... Задохнулся... Опустил раненого на землю, вот теперь он застонал, и губы у парня свело от боли... Мать честная! Немцы совсем недалеко, сквозь дым их видно – френчи, белые пряжки, каски, черные, сверкающие огнем «шмайсеры»... Как же они меня не пристукнули?! Сейчас я вам вмажу, мать вашу!.. Автомат к плечу, я стреляю длинной очередью, веером... Теперь у меня в последнем диске не более двадцати патронов – на две небольшие очереди... Где наши ребята? Поддержали бы огоньком! Посылаю еще короткую очередь, потом взваливаю раненого на спину – тот стонет...

– Терпи, браток, терпи!

Мины бьют по всему полю и по нашей передовой, а мне уже как-то все равно... Я не могу иначе, не могу бросить раненого, не могу тащить его быстрее... Успеть бы до траншеи... Сейчас! Теперь и вправду осталось немного, теперь рядом... А наши стреляют, их огонь прикрывал меня – молодцы, ребята! Вот она, наша первая траншея, я уже на ее бруствере...

– Быстрее! Прыгай! Какого хрена встал?! – кто-то кричит мне.

Кругом ничего невозможно узнать – одни воронки кругом, все искорежено, траншеи наполовину обвалились. А я не могу перешагнуть траншею или спуститься в нее вместе с раненым.

– Ты что, пули ждешь?! – снова кричит мне незнакомый молодой боец.

Мне помогли, спустился. В траншею какие-то незнакомые бойцы.

- Ребята где те, что сейчас оттуда прибежали?
- Мотай отсюда побыстрее, ваши во вторую пошли.

Снова тащу раненого, но теперь уже по траншее, а за моей спиной наша оборона, теперь я иду спокойнее. Здесь рвутся мины, здесь тоже ноют пули, но за мной уже больше не бегут, меня не преследуют.

А немцы, наверное, пошли в новую атаку, сзади бьют танковые пушки. Снова сдвоенный звук выстрела, короткий визг снаряда, взрыв! Еще взрыв... На передовой захлебываются пулеметы, автоматный треск... Раненый тихо стонет. Долго ли я его буду мучить? На дне хода сообщения лежат убитые, я перешагиваю через них, раненый цепляется за них ногами... Куда же его теперь тащить? Нужно бы санитарам сдать. Куда они все провалились? В глаза лезет соленый пот, губы кровоточат... Вот уже крайние сады станицы, вернее то, что от них осталось – искромсанные сучья, обгорелые и расщепленные стволы яблонь, битый кирпич, ломаные доски, камни, развороченная земля и всё это перемешано. Вот она, вторая траншея, она тоже разбита, завалена убитыми, наших ребят и здесь не было. Куда-же они подевались? Выбрался из траншеи, сзади ошалелая стрельба, вокруг серый, едкий дым, недалеко рвутся снаряды и мины, пахнет взрывчаткой, горелым тряпьем, на земле дымят раскиданные взрывами головешки, хрустит под ногами битое стекло. У бомбовой воронки вижу человека в маскхалате, он мне машет рукой... Да это Мишка, он даже кричит:

- Давай сюда! Сюда давай, хрен глухой!

Тороплюсь к нему и вдруг взрыв! Вместе с раненым запоздало падаю на землю. Через несколько секунд подбегает Мишка Беляков.

- Живой?
- Пока живой, – отвечаю Мишке и сам удивляюсь тому, что я пока живой.
- Ты ранен?
- Нет. А что?
- Морда в крови. Кого тащишь?
- Не знаю. С поля тащу. Помогите!

Мишка помогает тащить раненого, мы подхватываем его подмышки, стараемся приподнять повыше, почти бежим, чтобы побыстрее выйти из зоны обстрела. У раненого безжизненно мотается голова, но осмотреть его, перевязать пока невозможно. Где-то рядом оглушительно стреляет наша противотанковая пушка, горят два дома, гудит, беснуется пламя, обдаёт нас нестерпимым жаром, и взрывы... кругом взрывы.

- Чертовый переполюх! Давай левее! – кричу Мишке.

Еще немного – какая-то улица, сад, деревья с поломанными сучьями. Неужто выскочили?

- Где ребята?
- Найдем. Вроде на КП батальона пошли. Куда этого-то? – Мишка кивает головой на раненого.
- Перевязать бы его для начала.
- Угу. Давай вон за тот дом.

У дома одна стена разворочена снарядом, здесь под какими-то кустами кладём осторожно раненого на траву. Лицо у него худое, глаза в потемневших впадинах, гимнастерка в крови, брюки порваны и тоже перемазаны кровью.

- А он живой? – спрашивает Мишка.
- Был живой. Кричал даже.

Боец ранен в обе ноги и, видно, небольшим осколком в бок. Одна нога изуродована так, что смотреть страшно – видно разрывной влепило или большим осколком – сплошное кровоточащее мясо. Как умели, перевязали его. Изуродованную ногу перетянули ему выше раны его же брючным ремнем. Раненый медленно открывает глаза.

- Пить, – тихо просит он.

Мишка вроде бы даже не слышит этой просьбы, воды у нас всё равно нет...

На сборном эвакуопункте, расположенном в двух домах, сутились люди в халатах. Несколько человек раненых сидели и лежали около домов. Сюда подкатывали повозки, стояла даже одна полуторка с побитыми осколками зелеными бортами. Перевязанных раненых устраивали на повозках и ездовые, не задерживаясь ни на минуту, рысью катили куда-то в тыл. Все торопились, нервничали, эта нервозность передавалась и раненым...

– Давай вот сюда клади, – командовал нам какой-то усатый дядька в халате и указал рукой на землю возле дома.

– Сам ложись! Тяжелый он, не видишь что ли, хрен усатый? – ругается Мишка.

Вообще мы еще не остыли от боя, от сумасшедшей свалки и разговаривать нормально оба не можем.

– Полостной что ли? – снова спрашивает санитар.

Но нам с Мишкой еще неведомы эти термины и Мишка продолжает ругаться:

– Сам ты полостной! Куда тащить его, мать твою за ногу?!

– А ты не кричи! Сегодня много вас, крикунов! Тащи в дом.

В сенях темно, пахнет хлоркой и еще какими-то лекарствами. Дверь из хаты открывается, выходит женщина в испятнанном кровью халате. После света она плохо видит нас в темных сенях и спрашивает:

– Вы кто?

– Адмирал флота, – зло отвечает Мишка. – Принимайте раненого.

– Иванченко, почему здесь посторонние? – тоже сердится женщина.

– Не вопи! Куда раненого положить? Говорю, он тяжелый.

Женщина хотела что-то ответить, а потом, махнув рукой, указала на дверь.

– Тащите туда. Этот тоже ранен? – кивает она на меня.

– Про этого сам не знаю. Пусть посмотрят.

– Давай, тащи и его.

Мы втащили раненого в светлую комнату и сдали его двум медсестрам.

Все! Наша совесть спокойна. Но сестры взяли и меня в оборот. Помазали физиономию йодом, перевязали. У меня выбит зуб, разбиты губы, содрана кожа со щеки и огромный, в половину физиономии багровый синяк. Правый глаз начинает заплывать.

Потом, когда мы вышли на улицу, свернули по сигарке, закурили и пошли искать КП батальона. Мы нашли ребят быстро. Сзади нас, на окраине, все еще гремел бой, снаряды рвались по всей станице. Ребята расположились на траве возле каменного заборчика, что недалеко от КП батальона. Ласточкин и Попов там, на КП. Данилов лежит на охапке старого сена и смотрит в небо странно неподвижными глазами. С трудом он отходит от перенесенной контузии. Рядом с ним сидят Медвинский, Суменков, Боев.

В этом бою наша рота потеряла четверых убитыми и пять человек были ранены. Это за один только бой! Жаль ребят. В основном это были молодые, только что начавшие воевать хлопцы. У Васи Боева перевязана шея, у Хорькова перевязана правая рука. Если посчитать и тех, кто был перевязан медиками, но не покинул строя, то раненых выходило девять человек.

По моим подсчетам, за один этот еще не кончившийся день мы уже потеряли пятеро убитыми и одиннадцать человек ранеными, правда, четверо еще не покинули строя. Дорого обошлась нам эта атака! А ребята говорят, что нам еще повезло, в стрелковых ротах потери больше.

Все были еще возбуждены, все еще не отошли от пережитого.

Сашка Суменков как-то подозрительно посмотрел на меня и без тени улыбки спросил:

– Живой?

– Живой. А что?

– Лопух ты, вот что. Как же ты немца-то проворонил? Ох, и врезал бы он тебе штыком-то! Повезло тебе, парень. Самую бы малость – и будь здоров. А вывеску он тебе все-таки попортил основательно. Скажи спасибо Гришке – успел он тому фрицу очередь влить. Кабы не Гришка – добил бы тебя немец, как пить добил.

Бельтюков сидит у забора, шурит глаза и лениво бросает:

– Ладно, чего там. А на морду наплевать – до свадьбы заживет, а в другой раз смотри: ткнет немец штыком и чирик-воробышек!

Сидевший рядом с Бельтюковым Арабов, человек лет тридцати (уже старый по нашим понятиям) заметил:

– Какие вы все умные, погляжу! Один мой знакомый еврей говорил: «Если бы я был таким умным, как моя жена потом, то я давно бы был в Совнарком». Так и вы – пошли поучать! А ты, – Арабов обратился ко мне, – все-таки парень ничего, воевать можешь и, главное, везучий. Из тебя толк выйдет, а бестолочь останется. Ничего, брат, нос не вешай!

Ребята подтрунивают незлобиво, в их голосах звучат добрые и сочувственные нотки. Я уже понимаю, что отныне я добился признания в нашем общем товарищеском братстве. Всё! Сегодня закончился «салага», меня начали признавать за равного те, кому довелось побывать во многих боях, пережить серьезные испытания. Несмотря на тяжесть сегодняшнего боя, страшную усталость, мне вдруг становится весело и хорошо в компании этих ребят, моих добрых товарищей. Я и Хорькову с готовностью простил бы недавнюю обиду и был готов первым протянуть ему руку. Все эти ребята мои самые настоящие друзья и я среди них равный. Они молодцы! Ведь только сейчас они сходились с врагом в штыки, это они завязали и выиграли рукопашный бой, они вывернулись из-под танковой атаки врага и еще не остыли, не отошли от страшного напряжения боя, у них еще трясется пальцы, поэтому рассыпается табак, когда делают самокрутки. Они матерые волки этой войны, у них на счету не один подобный бой, и вот они признали меня за равного. Теперь, что бы дальше ни случилось, эти самые ребята скажут: «мы знаем его, мы были с ним в бою!» Я еще никогда не испытывал такого чувства!

– Иван, а где Ласточкин с Поповым? – спрашиваю я у сидящего Подосенова.

Ловлю себя на том, что в голосе у меня появились самоуверенные нотки. Подосенов на сей раз вроде и не заметил моего «нахального» тона, он просто и буднично ответил:

– На КП батальона оба пошли. Давно уж их нет, должно быть сейчас вернутся.

Старшина первой статьи Подосенов воюет с 41-го года, он себе цену знал, бойцом был опытным, дерзким, смелым. Он не зазнайка, а очень хороший и компанейский парень, но раньше на подобный салажечий вопрос, он непременно нашел бы шуточный или ироничный ответ, а тут отвечает мне так же, как ответил бы Авдееву или Суменкову.

Что ни говори, а чувство равенства это великое чувство и, подстать вину, кружит голову.

– Гриша! Бельтюков! На, закури едрена мать! Должник я твой, хоть табачком с тобой рассчитаюсь.

Я протягиваю Гришке кисет, тот улыбается, и глаза на его скуластой физиономии становятся щелочками. Предложение закурить он принимает спокойно и с достоинством:

– Давай закурим. А морду-то тебе разукрасили, как яйцо на пасху, не хуже чем Авдееву в Курпе. Тебе случаем не магнитом вклепили?

И ребята снова ржут, но теперь этот смех веселый и добродушный. Я смеюсь вместе со всеми, смеюсь сквозь разбитые губы, выбитый зуб, сквозь ноющую боль в голове, кажется, громче всех смеюсь. Страшное напряжение боя, пережитое чувство смертельной опасности требуют нервной разрядки, и этой разрядкой в какой-то мере становится заразительный смех, вызванный незлобливой шуткой Бельтюкова.

В полукилометре от нас, там, где мы только что были, не умолкает тяжелый бой. Выстрелы танковых пушек слышны отчетливо и не только там, на окраине, они гремят вос-

точнее и западнее Плановского. Это настораживает, это грозит тяжелыми последствиями, это похоже на угрозу окружения. Рано размагничиваться, бой еще не кончился!

С северной окраины везут раненых, те, кто держится на ногах, бредут сами. Один из таких раненых с перевязанной рукой, висевшей на петле из бинта, подошел к нам. На его гимнастерке, на лице засохли маленькие капли крови, распоротый и окровавленный рукав болтается. Раненый просит:

– Хлопцы, дайте закурить или «сорок» оставьте – сам свернуть не могу.

Раненым отказывать не принято. По закону солдатской чести мы обязаны сделать для раненого всё, что в наших силах, всё, что он попросит. Все понимают, что завтра любой из нас окажется в таком же положении и тогда тебе люди сделают то, что ты сам сегодня сделаешь для раненого. Этот закон на войне соблюдался свято. Важнее и неотложнее дела помощи раненому могли быть только несколько одномоментных причин: атака, отражение вражеского натиска, выполнение неотложного боевого задания.

Хуже всего раненым, когда наши части драпают, тогда много людей гибнет зазря, потому что я, например, могу тащить одного раненого, а если их много!? Кто-то из ребят сворачивает большую сигарку, старательно раскуривает её и потом суёт прямо в зубы раненому, тот блаженно затягивается дымом, вытаскивает её здоровой рукой и облегченно говорит:

– Во, спасибо! А то в голове шумит и всю руку будто в кипятке окунули, никакого сладу нет, да еще курить нечего...

– Как там? – спрашивает кто-то из ребят.

– А! – раненый досадливо машет здоровой рукой, с зажатой между пальцами сигаркой. – У них, гадов, танков – тьма, штук сорок, наверное. Всю передовую вспахали гусеницами. Над траншеей сволочь разворачивается и гусеницей весь бруствер на спину, а потом еще приутюжит. Страсть сколько народу положили, но и им, гадам, досталось... Народу не хватает, оборону держать некому, наши пушки почти все побитые... А вы-то, что не воюете, резерв что ли?

– Мы, браток, не придуриваемся – со вчерашнего дня в бою, в штыки с немцами сходились. Тебя, случаем, в той атаке не было?

Раненый шурится от табачного дыма и говорит примирительно:

– Ясно. Вы, хлопцы, не обижайтесь. Еще в себя не пришел... Спасибо за табачок, братья. Потопаю.

– Давай, парень, топай, да не рассиживайся попусту, а то попадешь в переплет.

Раненый ушел. Он надеется, что спокойно доберется до Эльхотова, а уж оттуда в тыл, в госпиталь. Он еще не чувствует нарастающую проблематичность этого дела.

После разговора с раненым веселое настроение малость поугасло, вновь пришла тревожная настороженность, да и само место, где мы расположились, не очень уютное – шелкают по ветвям деревьев, по стенам домов, по каменным оградкам шальные пули, дым ползет по земле, мины и снаряды рвутся неподалеку, да тут еще проклятые танковые пушки бьют то справа, то слева. Очень похоже, что мешок нам немцы готовят. Бой огненной подковой охватывает Плановское и ничего толком нам неизвестно о боевой обстановке. Незнание действует на нервы, угнетает. Ласточкина с Поповым все нет, а Данилов сам ничего не знает. Ему здорово не везет, правда, пули и осколки словно облетают мужика, но сколько контузий он уже перенес, а такие вещи даром не проходят. Однако, Данилов держится и роту оставлять не хочет.

Первым с КП батальона пришел Попов. Его еще не оставила лихорадка пережитого боя, он был возбужден, взвинчен. Свою командирскую фуражку политрук потерял в бою, всем показывал полевую сумку, пробитую осколком. Вообще-то он мужик смелый и решительный, ведь это он людей в контратаку поднял и за ним пошли, да и не только бойцы нашей роты, вся передовая поднялась.

– Ну как, разведка, дали вам фрицы жару?!

Попов говорит возбужденно, громко. Разведчики молчали, что тут сказать, строго говоря, конечно дали, но и мы тоже кой-кому всыпали... Спорить сейчас с политруком никому не хочется, даже Медвинский молчит, да и не любит Попов спорщиков. Как-то рассказывал нам Попов, что много у нас и танков, и артиллерии, и самолеты есть. Но главное, командование бережет свои резервы и пустит их в дело только в нужное время. Хотелось бы верить, да только как объяснить, что с резервами, с танками мы пол-России врагу отдали, из каких это стратегических соображений?

Появился Ласточкин. Командир роты злой, покрасневший, возбужденный, он был явно чем-то расстроен и озабочен. Вокруг Ласточкина собрались Попов, Суменков, Подосенов, поднялся на ноги Данилов, даже Хорьков с перевязанной рукой и тот прилепился. Ласточкину в бою досталось тоже: куртка маскхалата порвана, на щеке здоровая багровая ссадина. По какому-то поводу он ворчал, не очень зло отчитывал кого-то:

– А вы что, забодая вас комарь, на курорт сюда приехали? Хватит прохлаждаться. Как с боеприпасами?

– Хреново, товарищ лейтенант, – доложил Суменков, – патронов почти не осталось, гранат тоже, противотанковых средств никаких, перевязочных пакетов тоже нет – израсходованы.

Ласточкин секунду помолчал и подозвал Медвинского. Анатолий считался в роте мужиком хозяйственным, оборотистым и расторопным. Ласточкин поручил ему взять двоих разведчиков покрепче, раздобыть где-нибудь вещмешки, найти склад боепитания батальона и по записке комбата получить там всё необходимое для нашей группы.

– И жми, аллюр три креста! – напутствовал Ласточкин Медвинского, потом встал, отряхнул маскхалат и строго сказал:

– Не надоело груши околачивать? Всем почистить оружие! Вы что, загорать сюда пришли? Будем воевать, пока от фрицев не отобьемся. Понятно?

– Понятно.

– Вопросы есть?

– Есть. Табак, товарищ лейтенант, кончается и как там насчет пожрать, ничего нам не обломится?

Этот самый нужный вопрос осмелился задать Селиванов.

– Тебе бы только пожрать! Некогда нам обеда да ужины разводить! Слышишь, где танки бьют?

– Так с рассвета не жрамши.

– К ужину, может что и придумаем, а обед бог простит.

Насчет обеда понятно, это мы и сами чувствуем, но обещание насчет ужина Ласточкин произносит настолько неуверенно и неопределенно, что все догадались о невозможности выполнения этого обещания. Как только эта мысль в сознании оформилась, у всех появилось чувство голода, как назло! Да и то сказать, разведчики устали и были измотаны до предела – всю прошлую ночь провели в поиске, весь день – в напряженном бою, надежд на отдых и на обед практически не было.

Да и это не всё. Мы еще не знали, что на КП батальона Ласточкин брякнул нехстати комбату, что должен отвести разведроту в Эльхотово, как было приказано начальником разведки. А в этот самый момент, слушая донесения командиров рот об обстановке и потерях, принимая сведения о количестве боеприпасов у артиллеристов, комбат в отчаянии хватался за голову. Комбат решительно заявил, что не разрешает разведчикам покидать передовую, а Ласточкин заявил, что он не подчинен командиру батальона. Наш командир роты попытался по телефону связаться с Натыновым, но телефонисты не смогли разыскать начальника разведки. Возмущенный до глубины души комбат обвинил Ласточкина в трусости и в попытке дезертирства. Комбат был старшим по званию, Ласточкин не решался ответить ему равнозначным оскорблением, но от этого боль обиды была сильнее.

Комбату удалось связаться с командиром бригады. Доложив обстановку, подчеркнув ее тяжесть, комбат сообщил комбригу, что в сложившейся критической ситуации разведчики, спасая собственную шкуру, пытаются оставить передовую, что в свою очередь создаст брешь в обороне батальона, и этим может легко воспользоваться противник. Комбат раздраженно говорил, что его «ложки» (т.е. бойцы – на кодированном армейском языке) уже двое суток без сна и без горячей пищи, что в его хозяйстве на счету каждый обозник, все писари и весь штаб – в обороне, а вот натыновская разведка вместе с ее командиром... В общем, комбриг потребовал к телефону Ласточкина и сказал ему, что он будет отдан под трибунал и непременно расстрелян, если рота оставит свои позиции на переднем крае!

А к этому времени мы, вместе с другими подразделениями батальона, фактически уже оставили свои позиции на переднем крае и «околачивали груши», по выражению комбата, возле его КП.

Нас не вернули в первую траншею, т.к. поступили сведения, что немецкие танки и автоматчики к этому часу обошли Плановское с флангов и стремятся выйти к дороге на Эльхотово. Южнее Плановского у какого-то переезда шел тяжелый огневой бой. На северной окраине немцы смяли оборону в районе первой траншеи и там засела уже немецкая пехота. Наступление противника с севера удалось приостановить. Командир батальона капитан Свистунов пытался наскрести хотя бы пару взводов – слишком много дыр оказалось в обороне и нечем их было закрыть. Положение осложнялось также и тем, что бронепоезд, который своим огнём поддерживал наши части в Плановском, почувствовав, что может оказаться в «мешке», медленно и незаметно оттянулся в сторону Эльхотова, что заметно ослабило огневую мощь обороняющихся. Сообщение о «коварстве» командира бронепоезда, донесения командиров рот, тяжелые потери у артиллеристов и в стрелковых частях, хоть кого выведут из «состояния душевного равновесия»...

После разговора с комбригом, не успев оправдаться перед ним, Ласточкин вначале заявил, что он этого так не оставит, что капитан Свистунов дезинформировал командира бригады. Разведчики не оставляли самовольно переднего края, сейчас они остались без боеприпасов, понесли потери, это ведь они поднялись в штыковую атаку, а комбат не поддержал атаки силами батальона и все это будет известно комбригу и кое-кому повыше. Бог весть, чем закончилась бы эта ссора, но появившийся комиссар батальона прекратил этот шум. Командиры перешли от взаимных упреков к практическим делам. Комбат написал распоряжение на свой склад боепитания о снабжении разведчиков всеми видами боеприпасов и оставил роту временно у КП в качестве своего оперативного резерва. Он обещал обеспечить роту даже питанием, чему Ласточкин не очень поверил...

Невинный вопрос Селиванова «насчет пожрать» неприятно кольнул Ласточкина. Говорили ведь ему о старшине, Ласточкин понимал, что проявил мягкотелость, а тут еще Селиванов лезет... Что греха таить, старшина умел угодить и Ласточкину, и Попову, разумеется, не обижал и себя – в обозе у него было припрятано немало добра, что могло скрасить тяжелые будни фронтовой жизни. Но сейчас Ласточкин не мог простить старшине того, что он оставил разведчиков голодными, не подумал, не проявил инициативы. Командир роты старался быть требовательным и справедливым...

Обстановка ухудшалась с каждой минутой. Мы сидели, курили, с тревогой вслушивались в нарастающий грохот боя и ждали своей очереди – не хотелось думать, но все к тому шло, что пережитый бой был не последним. Полной обстановки мы не знали, да и представить себе не могли, что танки противника проломили нашу оборону на флангах, отсекали станицу с двух сторон и старались выйти к окраине Эльхотова, чтобы окончательно замкнуть кольцо окружения, отрезать нас от штаба и тылов бригады.

Еще не зная этого, Ласточкин отозвал Попова и убеждал его в необходимости немедленно отправиться в Эльхотово, разыскать там Натынова, доложить ему обстановку во

всех подробностях, зайти в политотдел и рассказать о работе разведчиков, разыскать старшину и приказать ему немедленно обеспечить роту питанием, предупредить, что его интендантская карьера может быть навсегда перечеркнута сегодняшним днём. Попов согласился выполнить эту миссию, он понимал её важность. Потом Ласточкин обратился к Данилову:

– Данилов! Пойдешь вместе с Поповым в роту. Дотянешь?

Данилов поднял голову, посмотрел на командира роты взглядом усталого до крайности человека, к которому пристают с чепухой и ответил:

– Н-ни-икуд-да не пойд-ду!

– Ступай, лейтенант, тебе отлежаться надо, а то вообще дело может госпиталем кончиться.

– Я с-ска-азал.

– Да, что вы, товарищ лейтенант, нужно идти, а то может быть хуже, – встрял Сашка Суменков. Он хотел Данилову добра, а тот вдруг вспылил:

– А-а т-ты не лезы!

– Зря ты этак, Данилов. Какой из тебя сейчас командир. Сейчас ты не можешь командовать людьми и второго такого боя не выдержишь. Рядовым мы с Ласточкиным тебя поставить не можем и никогда не сделаем этого. Иди и не мешай пока.

Попов говорил это спокойно, а тот продолжал заводится.

– К-как-кого х-хрена в-вы мне в д-ду-ушу...

– Младший лейтенант, я вам приказываю: пойдете вместе с Поповым и без разговоров! Товарищ Попов, возьмите с собою одного из разведчиков, желательно легкораненого, для сопровождения. Общая задача вам понятна, с вас за все и спрос. На месте принимайте любые меры, которые сочтете нужными.

Ласточкин на сей раз был строг и официален, это подействовало – Данилов перестал спорить и с трудом поднялся на ноги. Все ребята считали Ласточкина правым – какой сейчас из Данилова командир, он на ногах еле держится. Его упрямство и раздражительность это тоже, видно, от контузий – чего-нибудь в мозгах сдвинулось. Бывает. Лейтенант Попов посмотрел на остающихся ребят и спросил:

– Боец Хорьков, что у вас с рукой?

– Да так, пулей садануло.

– Пальцы работают?

– Не очень, но шевелятся малость. Пройдет. По нынешним временам – царапина.

– Пойдете с нами.

– Есть идти с вами.

В голосе Хорькова прозвучали вроде бы недовольные нотки, весь его вид говорил о том, что он с превеликой неохотой подчиняется приказу, но он быстро поднялся на ноги и, поморщившись, повесил свой автомат на шею.

Мишка Беляков сидел на траве рядом со мной и тихо, чтобы услышал только я один, сказал:

– Так и знал, что смоемся.

– Он же ранен.

– Его болезнь – мое здоровье, а смыться отсюда сейчас самое время... У меня знаешь, едрена мать, после ранения голова поворачивается только на пятнадцать градусов. В шею навывлет был ранен, шейный позвонок зацепило. В госпитале говорили – еще бы сантиметрик и будь здоров. Сейчас головой чуть покрутишь – так болит проклятая, и шея, и голова, а меня на передовую без всяких там отпусков или разговоров...

Мишка, как и я, недолюбливал Хорькова и в каждом его поступке готов был видеть притворство и злой умысел.

Попов, Данилов и Хорьков ушли. Медвинский с ребятами еще не вернулись. На душе было как-то неуютно и пакостно от нехороших предчувствий. Похоже, не будет кон-

ца этому распроклятому дню. Ласточкин ходит, нервничает чего-то, то курит, то травинку грызет, ни с кем не разговаривает. Оружие мы вычистили, а зубоскалить пропала охота.

Вскоре объявился Медвинский, Пашка Давыдов и Митька Козловский. Они притащили вещмешок с гранатами Ф-1 – «лимонками», много патронов, запасные диски и перевязочные пакеты.

– Налетай, хлопцы! Хватай, чтобы патронов у каждого было, как у дурака махорки.

Пачки с патронами тяжелые, большие, из коричневой, пропитанной парафином бумаги, да еще сверху покрытой варом. Раздережь бумагу, а там пачки поменьше – просто переложенные бумагой патроны, штук по 25. Патронами набиваем опустевшие диски, кладем в карманы про запас – пригодятся. В общем, приготовились к нешуточному бою, а тут снова крик: «Воздух!» В небе проклятые пикировщики Ю-87 и много их – штук двадцать. Идут на порядочной высоте правее станицы. Мы молча и настороженно смотрим. Поблизости у нас не было ни окопов, ни других укрытий, если они пробомбят нас, то дешево не отделаемся, брызги от нас останутся. Басовитый прерывистый гул заполнил небо. Юнкеры стали выстраиваться в цепочку, но так, что нам стало ясно – бомбовый удар придется не по нам, а скорее всего по южной окраине Ивановского или чуть подальше. Тревожная настороженность сменилась болезненным любопытством: куда ж они вдарят?

С воем сирен, надрывным ревом моторов, со страшной скоростью в отвесном пике, юнкеры ныряли вниз машина за машиной. Один самолет, сбросив бомбы, выходит из пикирования, второй в это время с рёвом пикирует, а третий уже сваливается на крыло, закладывает вираж и входит в пике. Самолеты не сбрасывают сразу все бомбы, после пикирования они круто взмывают вверх и образуют большое кольцо. Машина за машиной, следуя друг за другом, они снова заходят на цель и пикирование повторяется. Земля дрожит от бомбовых взрывов, черное облако толовой гари и земли поднялись в небо. В том районе бушевал обвальный грохот, творилось светопрествление. Мы смотрели на этот ад и никто не благодарил бога за то, что мы остались в стороне от бомбежки – грешно благодарить судьбу за то, что она обрушила свой меч не на тебя, а на голову товарищей.

– Не зря они там бомбят, не иначе туда танки пойдут, – заключил многоопытный Суменков.

– А бронепоезд убрался вовремя – дали бы ему сейчас эти юнкеры! – говорит Ласточкин.

Грохот бомбежки затих, юнкеры ушли, только дым висел над местом бомбежки. Вскоре послышалась автоматная и ружейная стрельба где-то на восточной окраине. Вначале мы не придали ей особого значения, но стрельба становилась всё активнее, и это нас насторожило, это был признак близкой неприятности.

В расположение нашей группы прибежал связной батальона. Молодой чернявый парень сходу закричал:

– Разведка, где ваш Ласточкин?

Ласточкин в это время сидел под яблоней. Он поднял голову, посмотрел на связного и с прохладцей в голосе (видно, не отошла еще обида на шумливого комбата) ответил:

– Ну, я Ласточкин. Что скажешь?

– Товарищ лейтенант, вам записка от комбата!

Связной не забыл козырнуть, потом достал из полевой сумки сложенный листок бумаги и передал его Ласточкину. Тот взял письмо, прочитал, сложил листок вчетверо и спрятал в нагрудный карман гимнастерки под маскхалат. Потом неторопливо сказал связному:

– Все ясно. Ступай и скажи своему комбату, что всё будет сделано – разведка трепаться не любит.

Ласточкин говорил всё это нарочито медленно, подчеркнуто безразличным тоном,

но как только связной ушел, командир роты подал нам команду совершенно иным тоном:

– В ружье!

Это самая всполошенная армейская команда, которая подается в минуту внезапной опасности. Мы похватали оружие и ждали конкретной задачи.

– Значит так, – пояснил Ласточкин, – на восточной окраине немецкие автоматчики. Этот комбат досиделся, забодай его комары! Они теснят там два каких-то потрепанных взвода. Наша задача: совместно с теми бойцами выбить автоматчиков из станицы, восстановить положение. Комбат обещает немедленно поддержать нас всеми имеющимися у него средствами. Операцией поручено командовать мне, стрелковые взводы временно переходят в мое подчинение. Мой заместитель – Суменков. Стрельбу слышите? Так вот, – развернуться и бегом! Действовать по обстановке!

Задача понятна. Снова бой! Теперь нужно действовать быстро, так, чтобы они не успели расползтись, как тараканы, по всей станице. Они могут наделать бед! Снова будет свалка! В общей развернутой цепи мы действуем вместе с Мишкой Беляковым. Мы бежали вперед по замершим избитым улочкам Ивановского, подгонять ребят не требовалось – каждый понимал, что сейчас «промедление смерти подобно». Если промедлишь – беда: вслед за автоматчиками, едва те зацепятся за край станицы, сюда влезет пехота противника, подтянут технику, и мы окажемся в самом невыгодном положении, наша оборона может оказаться рассеченной, она рухнет.

Впереди трещат беспорядочные выстрелы, хлопают взрывы ручных гранат, в светлое небо летят розовые и зеленые искры сигнальных ракет. Нам попались первые наши бойцы, которые сдерживали просочившихся автоматчиков, один из них ранен – голова перевязана.

– Браты, прижимайтесь к правому флангу! Давай ваших командиров сюда к лейтенанту! – командует Суменков, и встретившиеся бойцы быстро перестраиваются. Все делается быстро, на ходу.

– Много их здесь? – спрашивает Подосенов у бойца с автоматом.

– Точно не знаем, но на всех хватит.

– Где они засели?

– Хрен их знает. Отовсюду лупят гады!

– Вперед! Вперед! – машет рукой Суменков.

Мы с Мишкой Беляковым только успели перемахнуть через невысокий каменный заборчик, как по нам ударила автоматная очередь. Белая пыль и крошки полетели от камня. Мы оба свалились на землю за какую-то грядку и пытаемся разобраться, откуда в нас лупанули. Перестрелка разгоралась с каждой секундой, вражеские автоматчики не жалели патронов: они стреляли из-за заборов, из окон домов, еще откуда-то... Мы с Мишкой, кажется, поторопились перепрыгнуть через этот забор, теперь нас прижали огнём к земле, а я не могу разобрать, откуда стреляют...

– Федька! Прикрой меня, прикрой! Бей по окнам! – кричит Мишка.

Впереди нас старый дом с соломенной крышей, пустые глазницы окон, распахнутая досчатая дверь. Вроде показалось, что там, внутри этого дома какая-то тень прошла. Я прицелился и ударил по окнам. Три окна и в каждое я лепил быстрые короткие очереди. Мишка вскочил, быстро подбежал к дому и швырнул в окно лимонку. Через пару секунд грохнул взрыв, дом словно тяжело вздохнул, выбросил из оконных проемов клубы пыли. В тот же миг у окна оказался Мишка, он стрелял внутрь дома и я бросился к нему на помощь. Один немец выскочил в другую дверь с противоположной стороны дома и побежал, прихрамывая, по саду. Его настигла автоматная очередь, он упал, взмахнув руками. В доме еще двое убитых.

– Мишка, возьмем их автоматы, пригодятся!

– А, пошли они!

Все-таки я один автомат взял и запихнул за пояс два прямых, как палка, магазина, набитых короткими толстыми патронами...

Немцы маскировались умело, выбирали выгодные позиции, выкурить их оказалось совсем непростым делом... А мы торопились. Кругом стрельба, треск, взрывающихся гранат.

– Вперед, мать бы их за ногу!

– Полундра!!!

Разведчики и бойцы стрелковых взводов бежали вперед от дома к дому, они стреляли, что-то кричали. В нас тоже стреляли, пули цокали по камням, шлепали в стены домов, крошили древесину...

– Ребята, сюда! Здесь они, сволочи!!!

У крайних домиков снова крики, озверелый мат, стрельба. На земле валяются люди в гимнастерках, в маскахалатах, в сине-зеленых френчах...

– Ур-ра! Мать их в господа бога!!!

Вот они, последние домики окраины. Один дом горит, а по огородам бегут человек пятнадцать немцев, они сейчас на открытом месте и по ним ведут огонь, стреляют торопливо, почти не целясь, поэтому мажут...

Всё! На восточной окраине противника больше нет. У нас тоже есть потери: один разведчик убит, другой тяжело ранен в грудь и в руку, ребята его перевязывают, он коротко, часто дышит и в горле что-то хлюпает.

Да когда же кончится этот проклятый день?! Он длится уже вечность и всё нет ему конца...

Впереди за огородом ряд молодых жиденьких тополей, за ними ровный луг с выгоревшей рыжей травой, пыльный проселок наискось пересекал этот луг. Слева углом на восток огорода, низенький каменный заборчик, от него небольшим клином заросли кустарника. Отсюда хорошо видно! За лугом, наверное, балка – в ней и скрылись убежавшие автоматчики, по краю балки кустарник, невысокие деревья, за балкой, поле и горы в голубоватой пелене. Там у гор наши, оттуда можно ждать помощи. Ласточкин решил занять оборону по краю балки, что была за лугом, но не успели мы на него выйти, как по нам ударил крупнокалиберный пулемет, брызнула от пуль земля. От неожиданности, от злобного визга пуль все побежали назад, к огороду, здесь перед ним была неглубокая канава, по её краю цепочка тополей, а за канавой небольшой бугор, заборчик, сложенный из белых камней и непролазные заросли колючей ожины*.

Мы укрылись от обстрела в канаве, правее нас залегли бойцы стрелковых взводов. Нам повезло – пули никого не задели.

– Бронетранспортер лупит из кустов напротив. Дорога там, – успел рассмотреть Соловьев.

Крупнокалиберный пулемет продолжал стрелять короткими очередями, от его разрывных пуль летела с молодых тополей кора и щепки. Здорово бьет сукин сын – головы не поднять. Спасительная канава надежно укрывает нас от пулеметного обстрела, а что делать дальше – непонятно. Откуда-то из-за домов несколькими выстрелами ударила противотанковая пушка, пулемет замолчал, наступило короткое затишье. Теперь можно немного осмотреться: правее нас сад, оттуда и стреляла наша сорокопятка, а за нами и чуть правее окапываются ПТРовцы – это вовремя, теперь живем, теперь, может, и отобьемся, если фрицы чего-нибудь еще не выдумают. Комбат все-таки молодец – сдержал своё слово и прислал подмогу. Справа от нас обороняются бойцы стрелковых взводов, с которыми мы выкуривали немецких автоматчиков. А что слева от нас – нам неизвестно, похоже, что там вообще никого нет, это вызывает тревогу. Там огорода выдаются углом вперед, да еще кустарник какой-то. Немцам, если они не дураки, легче всего зацепиться за этот кустарник и тогда, прикрываясь им и низенькими оградами, сложенными из

* Ожина – ежевика сизая.

незакрепленного камня, они снова окажутся в станице, у нас на фланге, а то и в тылу. Народу у нас осталось мало, но все равно Ласточкин наверно пошлет туда кого-нибудь.

Пока еще тихо, мы готовимся к обороне. У Курочкина трофейный пулемет МГ-15 и две алюминиевые коробки с пулеметными лентами – сейчас это вещь стоящая. Курочкин основательно устроил свой «машиненгеве» на краю канавы, у ствола тополя. Курочкин мне кажется человеком очень интересным: он скромен до застенчивости, немногословен, скрупулезно добросовестен и честен. Ему лет двадцать, воюет, по-моему, с 41-го, но говорит о себе очень мало... Пока тихо. Теперь и перекурить не грешно.

Все бы ничего, но скула болит, окаянная, и губы кровоточат, самокрутку в них держать больно, на газетной бумаге остается розовый след. Ни хрена себе смазал, паразит, попал бы по виску с такой силой и хорош.

Подошел Селиванов, попросил закурить. Свернув сигарку, он покачал головой:

– Ну и морда у тебя! Глаз-то видит?

– Да видит еще.

– Тоже кровью залит, красный, как жопа у обезьяны. Слушай, а ты приложи к морде диск или приклад автоматный.

– Спасибо. Один уже приложил приклад.

В нашей канаве появился младший лейтенант-артиллерист, его сопровождал автоматчик.

– Разведка? – спрашивает артиллерист.

– Угу, – отвечает Ласточкин. – А ты, выходит, пушкарь?

– Так точно. Бог войны младший лейтенант Лазаренко. Как обстановка-то? Ласточкин что-то бурчит неразборчивое, а Лазаренко говорит громко, видно, он с глушиной от стрельбы или от контузии.

– Это вы по бронетранспортеру шарахнули? – спрашивает Ласточкин.

– Мы. Ушел, гад, в балочке спрятался. Сейчас ребята огневые меняют, мы его поймем.

– Он непременно вылезет, здесь или вон там, левее.

– А что там, на левом фланге?

– Хрен его знает. Связи нет. Да и нас здесь, вместе со стрелковыми взводами, всего человек около тридцати. Сильно оборону не растянешь, тянуть не из чего. А вы давно здесь?

– Да только что. Сразу вслед за вами. Развернули пушку, пуганули фрицев, а сейчас вот уже на новом месте – боимся, минами вдарит. У меня здесь две сорокапятки, а две еще утром накрылись там, на северной окраине.

– А там что?

– А там тихо пока, все силы, похоже, сюда немцы бросили. Вот фланг и укрепили, а в случае чего снимемся – дело недолгое.

– Может, с Эльхотова что подбросят, – высказал предположение Ласточкин. Лазаренко удивленно смотрит на нашего командира роты.

– Да ты что, лейтенант! На южной окраине уже немцы и с Эльхотовым связи никакой. Похоже, там, в Эльхотове, сами еле держатся, так что помощь утопающим – дело рук самих утопающих!

– Ты бы с паникой-то потише, младший лейтенант, а то знаешь за такие разговорчики что бывает!

– Вот чудак! Что ты мне грозишь, когда полчаса назад комбат об этом сказал. Уже раненых с южной окраины в центр станицы тащат, обозы оттуда оттянули. Связи с миром никакой, боеприпасы только те, что при себе. У меня есть еще выстрелов пятнадцать на обе пушки и я считаю, что это очень даже хорошо!

– Ни хрена себе уха! Утешил. Значит, жди приключений.

Ласточкина, видимо, обескуражило это сообщение. Он не хотел этому верить.

– Не может такого быть. Мне бы комбат сказал.

– Да иди сам посмотри. Здесь до передовой, что на южной окраине, километра полтора не больше. И за Тереком уже немцы, мы туда стреляли. Так, что в колечке мы! А ты как думал? Эти фрицы не такие уж дураки – у них в лоб не получилось, они взяли да и обошли... Обойти-то нас нетрудно: там, в степи, у нас и обороны-то не было, так – полтора Ивана на километр фронта, их и смяли за милую душу. Ладно, посмотрим! Артиллерист докурив самокрутку и пошел к своим пушкам.

Слух о том, что мы в окружении распространился мгновенно. Это известие не породило паники, но тяжелым грузом легло на сердце – каждый ясно представлял, что с течением времени кольцо окружения будет становиться прочнее, а наши силы и боеприпасы будут убывать. С минуты на минуту следует теперь ждать активных действий противника. Теперь без отчаянной драки, без боя на прорыв из окружения, нам никак не обойтись. Тяжело думать о том, что с каждой минутой увеличивается количество раненых, которых некуда отсюда эвакуировать и негде укрыть. Теперь становится отчетливо слышно, что бой гремит со всех сторон, очевидно, немцы все чаще и настойчивее атакуют нашу оборону, прощупывали ее прочность...

Относительному затишью на нашем участке положил конец нудный и пронзительный свист мины. Хлесткий трескучий разрыв полыхнул впереди нас. Вторая разорвалась сзади у домов станицы, а потом загрохотало так, что головы не поднять. Огонь минометов еще не утих, когда из кустов, что были по краю балки, показался бронетранспортер и снова ударил из крупнокалиберного пулемета.

– К бою! Патроны беречь! Стрелять только по команде! – кричал Ласточкин. Мы вжимались в землю, пули и осколки мин не давали поднять головы. До хрена мин и патронов у этих фрицев – вся Европа на них работает! В ушах все звенело, на спины падали комочки земли. Хорошо, что бог послал нам эту канаву... Взрыв! Еще взрыв!.. Наша передовая молчит, пока не подает своего голоса...

Минометы перенесли огонь вглубь нашей обороны, зато чаще затрещали автоматы, а на дорогу, ревя моторами, из балки выкатились два бронетранспортера, они лезли на нас по кочковатому лугу и били из пулеметов. За ними высыпали немецкие автоматчики, их было много, они шли вперед густой цепью. В воздухе пели срикошетившие пули, били перед нами по земле. Сквозь пулеметный и автоматный треск было слышно, что немцы что-то кричат, подбадривая себя этим криком. Я невольно оглянулся назад – а мы в этой канаве, как в мышеловке, сзади колючие непролазные заросли и открытые огороды, возможности маневра – никакой.

Все равно! Теперь началось! В первые секунды, признаться, сердце сжималось – наступающих было много, гораздо больше, чем нас, да еще два бронетранспортера, которые буквально задавили нас огнём. Потом все мысли исчезли, остались одни напряженные до крайности нервы и мышцы, которые действовали сами по себе, подсознательно.

Еще нет команды стрелять, но уже все приготовились, лица у ребят бледные, напряженные... Немцы бегут трусцой, не очень быстро, но не отстают от бронетранспортеров. Среди автоматчиков, видимо, офицер в фуражке, он размахивает пистолетом, подгоняет солдат. Прицелиться невозможно из-за плотного огня пулеметов противника. А они все ближе... У кого-то из ребят не выдержали нервы: Ласточкин еще не успел подать команду, а из нашей канавы треснула звонкая скороговорка автомата и сразу началось. Будто холст разорвали – раскатилась сумасшедшая трескотня автоматов. Курочкин ударил из своего трофейного пулемета, сзади захлопали оглушительно и звонко выстрелы противотанковых ружей. Оба транспортера вдруг остановились и стреляли с места. Курочкин стрелял из своего трофейного пулемета, но плотный огонь врага заставлял его то и дело прятать голову за обрез канавы.

Справа от нас хлопнул выстрел сорокапятики, среди наступающих взметнулось облачко серого дыма, еще выстрел и второй снаряд ударил в бронетранспортер. Машина вздрогнула от удара, несколько раз беспомощно дернулась и задымила.

– Ага! Влепили гаду, влепили!

Я кричал так, будто это мне удалось поджечь боевую машину противника. Неожиданно из станицы ударили наши минометы, мины взорвались на краю балки, а вторая серия – среди наступающих. Уцелевший бронетранспортер выпустил густой моторный дым и, не прекращая вести пулеметный огонь, стал отползать назад. Один бронетранспортер со скошенными стальными бортами, на которых в белом обводе намалёван черный крест, горел. Тяжелый черный дым стекал по его бортам и стелился по рыжей траве, по кочкам, цеплялся за тела убитых немецких солдат. Вслед за бронетранспортером попятись автоматчики, они пятились и стреляли из автоматов, а в них длинными очередями, беспрестанно стрелял из пулемета Курочкин. А у немцев хорошие пулеметы – Курочкин стреляет и ни одной задержки!

Уцелевшие автоматчики откатились в балку. Стрельба замолкла. Впереди ничего живого, только дымит бронетранспортер, а машина большая, тяжелая, на гусеничном ходу, с развороченным снарядами бортом.

– Ух, гады! – тяжело вздыхает Курочкин и устало сползает на дно нашей канавы.

Тихо. словно не было боя. Только на лугу среди рыжих кочек дымит транспортер, несколько человек убитых в сине-зеленых мундирах. Разведчики сидят на дне канавы, привалившись к её склону и курят. Табак кончается – все крутят тонкие сигарки, в которых табак, перемешан с крошками хлеба.

Интересно, сколько сейчас время? Белесая дымка на небе превратилась в ровную серую пелену, солнца не видно, часов нет...

– Соловьев, сколько время на твоих серебряных?

Соловьев устало лезет в карман гимнастерки, достаёт трофейные карманные часы и, щелкнув крышкой, говорит:

– Четыре уже.

– Этому дню не будет конца.

Бой гремит на южной окраине, а у нас тихо. Никто почему-то не вспоминает, что туда, в сторону Эльхотова, ушли Попов, Данилов и Хорьков. Интересно, успели они выбраться или нет? Наверное, успели, иначе вернулись бы... Примерно через полчаса после первой, немцы поднялись во вторую атаку. Они цепью вылезли на луг перед нами, стреляли из «шмайсеров», что-то кричали и довольно резво бежали прямо на нас. Курочкин поправил пулеметную ленту. Все ждали, когда противник окажется на расстоянии верного выстрела. Немцы шли как-то неожиданно для нас, без предварительной артподготовки, без сопровождения бронетранспортеров. Ребята приготовили гранаты. Что там ни говори, а немецкие солдаты воевать умеют, это были упорные, смелые, привыкшие к победам солдаты. Они, конечно, знали, что мы окружены и, видимо, их бесило то, что окруженные Иваны вместо того, чтобы поднимать руки, оказывают сопротивление... Подобное упорство должно быть обязательно сломлено и жестоко наказано... Ну что ж, посмотрим, мы люди не гордые. Наша передовая словно взорвалась автоматными очередями, вперед полетели, запрыгали по земле черные грозные лимонки, взрывы полыхнули колючими искрами перед неприятельской цепью. Пулемет Курочкина не умолкал, с ним рядом Митька Козловский помогает стрелять, смотрит, чтобы не перекосило ленту. Рыжий от выгоревшей травы луг испятнали сине-зеленые кочки. Истощенные крики наступающих оборвались, они словно захлебнулись, не выдержав огня, откровенно побежали назад. Бежали, падали, пытались подняться и снова валялись на землю. Часть уцелевших солдат вдруг повернули к кустарнику, что клином вдавался в луг перед нами. Это был опасный для нас маневр, мы боялись, что противник обойдет нас с фланга.

– Отсекай, отсекай их огнем! – кричал Ласточкин, но не все, видимо, поняли его команду... Однако тут произошло нечто неожиданное для нас и для противника. Когда немецкие автоматчики были уже метрах в тридцати от кустарника, по ним из этих кустов ударил огнем ручной пулемет. Он бил по врагу почти в упор. Вражеские солдаты пада-

ли, многие залегли, несколько человек повернули к балке, они попали под кинжальный огонь двух пулеметов, им добавили из автоматов – противник откатился в балку с очень чувствительными потерями. Перестрелка смолкла.

– Ну, дали прикурить, выучили гадов! – злорадствовал Подосенов.

Толстогубый, кажущийся неповоротливым, Селиванов осторожно приподнял голову над краем канавы, осмотрел луг и произнес всем знакомую фразу:

– А ну, кто еще хочет в Питер?!

Помолчал и спокойно добавил:

– Закурить теперь не грех.

С куревом у нас плохо, решили курить одну сигарку на двоих. Ребята сидели в канаве, за исключением двух или трех человек, которые вели наблюдение, остальные топорливо пополняли патронами опустевшие диски – нельзя было терять времени, мы ожидали новых атак.

– Патроны попусту не жечь, стрелять только прицельно, – говорил Ласточкин.

Мы это и сами понимали. Рядом со мной на дне канавы лежал немецкий автомат с двумя запасными магазинами, который я притащил сюда. Как это я про него забыл? Теперь пригодится. Прошло немного времени и где-то слева по балке захлопали выстрелы минометов, в воздухе раздирающе завизжали мины. Огнем налётом немцы измолачивали наш передний край. Горячие, оглушительные взрывы следовали один за другим. Одна мина рванула в правом конце нашей канавы. Оглушительный, хлесткий взрыв и злобный короткий взвизг осколков. Этими осколками были убиты трое бойцов из стрелкового взвода, убит один разведчик и тяжело ранен другой.

– Суменков! Суменков! Проследи, чтобы раненых перевязали, – кричал сорвавшимся голосом Ласточкин.

Нас молотили минами долго, минут пятнадцать, потом мины стали рваться в кустах слева от нас, откуда стрелял пулемет. «Сейчас снова полезут, сейчас пойдут!» Мелькнула мысль. «Это что ж, уже третья атака – ни хрена себе!» Мы берегли патроны, и наше молчание подбодрило противника. Правда, они изменили направление атаки. Большая группа автоматчиков разом выскочила из балки и они побежали не в нашем направлении, а пошли прямо на кустарник.

– Огоны! Огоны! Отсекай их от кустов! – снова кричал командир роты.

Нам был виден левый фланг атакующих и мы открыли по нему огонь. Курочкин очередь за очередью лепил из своего пулемета. Пулеметная лента подпрыгивала, бежала из коробки, будто живая, и выползала с другой стороны приемника пулемета, как линялая змеиная шкура. Наш пулеметный огонь и наши автоматы достигали цели: атакующие падали, немцы быстрее побежали к спасительному для них кустарнику, который смог бы укрыть их от нашего прицельного огня. Им оставалось пробежать немного, как вдруг на самом краю зарослей низкорослого кустарника встал на ноги человек в тельняшке. Я его видел, видел отлично. Широко расставив ноги, он стоял в полный рост и держал в руках ручной пулемет Дегтярева с растопыренными сошниками. Матрос в упор, веером стрелял по наступающим. Атакующие словно ударились о невидимую стену – одни падали, скошенные огнём, другие стреляли в матроса, третьи побежали назад к балке. Казалось, что пули облетали этого сумасшедшего, он стоял и стрелял, в его руках бился от выстрелов пулемет с тяжелым круглым, словно тарелка, диском. Огонь матроса был точен и губителен, он подавил атаку. Потом, когда луг опустел, матрос исчез в кустах, его больше не было видно. Может быть, он был ранен или убит, может, у него кончились в диске патроны.

– Курочкин, Курочкин, прикрой его, огнем прикрой! – кричал Ласточкин, хотя сам видел, что и Курочкин, и остальные разведчики делали все, чтобы помочь тому матросу.

Немцы откатились в балку в третий раз. Через короткое время в балке послышался рёв мотора и на дороге показался бронетранспортер, теперь он стрелял из пулемета по

терновнику, где был матрос и по нашей обороне. Над головой пели, визжали пули, от разрывных пуль вдруг надломился тонкий ствол одного тополя и лег на луг, распластав на рыжей траве свои серебряные листья. Чуть сзади нас захлопали выстрелы противотанковых ружей, их выстрелы были оглушительны и часты, ревущий мотор бронетранспортера вдруг смолк, и машина бесшумно исчезла в балке: похоже, подбили его и он скатился под горку уже без мотора. А первый транспортер догорал чадным пламенем на лугу. Вслед за бронетранспортером на сей раз автоматчики почему-то не появились. Стрельба снова затихла. Все наши ребята в пороховой копоти. Чтобы не маячить белыми бинтами я натянул на голову капюшон маскхалата. А глаз действительно у меня запыл, и видеть стал плохо, к тому же, глаз-то правый. Ладно, жаловаться здесь все равно некому. Затишье у нас продолжалось не более пятнадцати минут, и в воздухе снова истошный визг мин. Минометы противника измолачивали терновник и нашу передовую. Нас спасала канава, но там, где был матрос, кажется, не могло остаться ничего живого. Невольно я представлял себе искалеченного, беспомощного человека или его изуродованный труп. Откуда там взялся этот матрос? Когда успел выбрать себе огневую позицию на наиболее опасном направлении?

После огневого налета немцы поднялись в четвертую атаку.

– Стреляй, стреляй! Не давай им подойти к кустам! Рота, огонь!!! – снова кричал Ласточкин.

Ребята стреляли, а по нам тоже вел огонь немецкий пулемет и мы не видели его, а огонь был плотным, прицельным и еще один наш парень сполз на дно канавы с окровавленной головой. Немецкие автоматчики решили одним рывком зацепиться за терновый кустарник. Они бежали вперед быстро и стреляли набегу, пулями окатывали несчастный кустарник.

Снова произошло невероятное! Он, тот самый матрос, встал на ноги! Он шатался, стоял наклонившись вперед, он был явно ранен, но ливень пуль его пулемета погасил и эту атаку. Конечно, ему значительно помогал и наш огонь, особенно пулемет Курочкина... Но мы были свидетелями не просто подвига, это было чудо, матрос был апофеозом мужества, казалось, что сама смерть страшилась его.

– Почему встаёт?! Его мала-мала сапсем убьют! – кричал Бергалеев. Он кусал от бешенства губы, потом встал в полный рост и тоже ударил по флангу немцев длинной очередью из своего автомата. Фашисты не попятись, они побежали от этого «черного дьявола», а тот бил из пулемета в их сине-зеленые спины... Потом матрос покачнулся и упал...

– Все, конец мужику... – в отчаянии проговорил Митька Козловский.

Стрельба снова затихла. Только бил по нашей канаве немецкий пулемет. В левую руку легко был ранен Ласточкин, его кто-то перевязывал на дне канавы, он морщился от боли и зло кричал:

– Суменков! Бери двоих ребят покрепче и бегом к тому матросу! Мертвого, но вытащи, забодай его комарь! Продержитесь там, хоть немного продержитесь!

С края канавы от пулеметного огня летела сухая земля, с упавшего тополя пулями сшибало листья.

– Авдеев! Бегом к пушкарям! Какого хрена они молчат?! Пусть по кустам на краю балки врежут!

Суменков взял с собой Соловьева и меня. Канава наша была неглубокой, поэтому пришлось ползти, потом и канава кончилась у неширокой улочки, от которой шла проселочная дорога через злосчастный луг. На другой стороне низенькая каменная ограда из плитняка. Улочку нужно перебежать, перепрыгнуть через забор и все это под прицелом вражеского пулемета.

– Ну, теперь чтоб за две секунды эту улочку перемахнуть – и за ограду. Только по моей команде, – говорит Суменков.

Он дождался, когда пулемет затих и скомандовал: «Вперед!» Всех словно пружиной подбросило. Секунды четыре и мы все уже за изгородью. На пятой секунде пулемет ударил вдоль улочки, брызнула пыль с дороги и белая крошка от камня. Опоздал сукин сын, на секунду опоздал! А мы успели, мы ушли. Однако, встать на ноги нельзя, вслед за Суменковым ползем по-пластунски к саду, в саду пошли короткими перебежками к разрушенному дому, за домом заросший чертополохом огород, каменный забор и начало тех терновых кустов, в конце которых находился тот матрос. Левее, по краю огородов, я заметил окопы. Там, похоже, и есть наш левый сосед, и ребята свой солдатский хлеб не задаром ели – боялись немцы огня этого левого соседа. Стык в обороне между нами и левым соседом, с которым у нас и связи не было, похоже, оборонял один этот матрос; если это так, то он действительно герой и совершил сейчас подвиг, который оценить трудно...

Немецких солдат тем временем снова погнали в атаку. Опять взрывы мин, тяжелое гудение и визг осколков, нестройный треск автоматов... И что они, гады, к нам привязались?! По-моему, это уже пятая атака. И среди ихних командиров лопухов немало – их бьют, а они лезут! Искать ответ на эти вопросы уже не было времени. Приподнял голову, посмотрел вперед, а то место, где был матрос-пулеметчик затянуто дымом от разрывов мин...

– Вперед... Вперед! – уже не говорил, а хрипел Суменков.

Мы продирались по кустарнику, а впереди крики, беспорядочная стрельба, сплошные хлопки выстрелов. Теперь нам отлично видно атакующих. Это была группа автоматчиков человек в тридцать. С нашей передовой ударили автоматы и пулемет Курочкина...

– Бей! Стреляй по ним! – прохрипел Суменков и первым закатил звонкую очередь, следом ударили и мы двое. Три автомата – это сила, это не шутки! Соседи слева тоже открыли огонь, и вместе с винтовочными выстрелами грозно застучал станковый пулемет.

И в это время оттуда, с самого края измолоченных минами и пулями кустов, словно призрак неожиданно показался бессмертный матрос. Только теперь он, видно, не мог больше стоять на ногах, он стрелял с колена, но стрелял! Он был без своей бескозырки, но уверенно держал пулемет, и сокрушительная струя пуль опять ударила в наступающих. Огонь был точен, губителен... Фашисты остановились, попятились, а потом бросились бежать в балку, и не только пули погнали их в балку – нам тоже казался этот матрос призраком и бессмертным, как все призраки.

– Ну, дает! Ну, дает! – восхищался скупой на слова Соловьев.

Пулемет матроса внезапно замолк, он выпустил его из рук и ткнулся головой в пыльную, избитую сталью и пулями землю.

По вражеским солдатам стрелял из своего «машиненгевера» Курочкин, стрелять парень умел и приспособился быстро к трофейному оружию. Без умолку, осатанело трещали наши автоматы. Из садов со звоном ударили противотанковые пушки и несколько взрывов дымными клубками рванули в кустах по краю балки.

Мы торопились, бежали по краю кустарника, нам оставалось совсем немного. Отсюда хорошо просматривался кочковатый луг, дымящийся бронетранспортер, а на лугу было много, очень много лежащих немецких солдат. Честно говоря, мне и в дальнейшем не часто приходилось видеть подобную картину.

– Не иначе как пьяными лезли, гады, – предположил Суменков.

Похоже. Очень похоже...

Впереди избитая минами пыльная земля, срезанный пулями и осколками кустарник – просто торчащие из земли корявые, с ободранной корой, обрубленные палки. Среди этого содома, где на каждом квадратном метре смерть оставила свои страшные следы, был виден мелкий окоп и там лицом вниз лежал тот, кому мы были обязаны успехом в отражении настойчивых атак противника. Матрос скорее всего не копал этого окопа,

а просто нашел его случайно и приспособил для себя. Вокруг полно медных стреляных гильз, валялись покалеченные осколками и пулями пустые пулеметные диски. Рядом с окопом ручной пулемет Дегтярева и распоротая осколком бескозырка. Соловьев снял с пулемета диск, а в нем ни единого патрона – всё расстрелял матрос и только тогда оставили его силы.

По кустарнику, где мы находились, шелкали пули, откуда-то стрелял пулемет, но в бою наступил короткий переломный миг, когда чаша успеха качнулась в нашу сторону. Здесь, на нашем участке, немцы понесли тяжелые потери, они были деморализованы, подавлены неудачами своих атак, а танков и крупных артиллерийских средств у них, видимо, не было – попытка взять нас нахрапом не удалась.

В это время на нашей передовой послышался нестройный крик:

– А-а-а! Ур-р-ра-а! Полундра-а-а!!!

Наши ребята, бойцы, что были правее нас по фронту, поднялись в контратаку. Над лугом раскатывался протяжный вопль и ошалелый автоматный треск. В контратаку поднялись наши соседи слева. Захлопали немецкие минометы, мины разорвались на огородах, далеко за спинами наступающих. Поздно! Поздно хватились, господа! Сейчас наши ребята уцепятся за кустарник на краю балки и тогда эта балка станет уже нашей союзницей – она не укроет за своим склоном фашистов. Там, возле кустов стрельба и взрывы гранат.

– Не зевай! Бери его под руки и назад, за забор, краем кустарника!

Суменков торопит, подгоняет.

– Братцы, кажись он того, готов, – высказал предположение Соловьев.

– Тащи, мать твою за ногу! – прикрикнул Сашка.

Мы потащили матроса по краю кустарника к каменной ограде, чтобы укрыться за ней от обстрела и перевязать раненого, если тот еще дышит. Суменков нес на плече пулемет и бушлат матроса, мы с Соловьевым тащили подмышками бесчувственное тело моряка. Голова матроса безвольно моталась из стороны в сторону, волосы слиплись от крови, в крови шея и руки, ноги волочатся по земле. Мы торопимся, откуда-то все стреляет немецкий пулемет. На лугу, где догорал бронетранспортер, и на окраине станицы рвутся немецкие мины. Наконец, вот он – невысокий каменный забор, нам он казался спасением. Только собрались перелезть его, как на той стороне, на огороде, рванули две немецкие мины – вот теперь и гадай – с какой стороны забора укрытие. Матроса положили на землю возле забора. Только теперь я мог немного рассмотреть его – тельняшка на нём порвана, пропитана кровью. Смотреть на этого человека даже нам, успевшим повидать разное, было просто страшно: по его темени прошла пуля или осколок, все волосы в крови, левая бровь рассечена, половина носа отбита, вместо губ висели кровавые клочья и оскалены розовые от крови зубы. Матрос ранен в плечо, в грудь, у него прострелена нога... Соловьев обматывает бинтом голову, раны кровоточат – значит еще живой... Ну и силушка, ну и упрямство у мужика!

– У кого есть пакеты? Давай! – требует Суменков, а у матроса ран больше, чем у нас пакетов. Не торгуясь и не задумываясь, все что было, израсходовали на раненого...

А на краю балки не смолкает автоматная и ружейная перестрелка, гулко стучит пулемет, хлопают ручные гранаты – там, судя по всему, завязалось жаркое дело. От нашей канавы, где мы держали оборону, через весь луг к балке бегут ПТРовцы, по двое тащат свои длинные ружья.

– Вот, что, Федор, тащи матроса и сдай санитарам. Сам возвращайся на край балки. Там нас ищи. Понял?

– Понял.

Вместе-то, конечно, лучше, но Суменков прав: зачем таскать троим одного раненого. Обстановка изменилась, нужно принимать новые решения...

Тяжел же этот «черный дьявол», килограмм восемьдесят не меньше. С трудом взвалил его на плечи, матрос тихо застонал, значит все-таки живой!

Проклятущее место – на лугу рвутся мины, осколки гудят шмелями, коротко, зло посвистывают пули. Может, немцы по мне стреляют? Да хрен с ними – будь что будет!

Иду во весь рост, тащу раненого, сзади не утихает бой. Я подгонял себя, старался шагать быстрее. На войне у каждого солдата существовало странное убеждение, что как бы тяжело не был человек ранен, достаточно только передать его побыстрее живым в руки медиков, и они спасут его, непременно спасут. Я шел к улочке, которую мы перебегали под пулеметным огнем. Эвакопункт для раненых, в котором я сегодня уже побывал, слишком близко находился к северной окраине и непременно теперь сменил место своего расположения. Придется искать – ничего не поделаешь. Я шагал вдоль огорода за разбитым домом и не сразу сообразил, что услышал обращенный ко мне явно женский голос:

– Эй, боец! Тебе что, малохольный, жить надоело?!

Буквально в нескольких шагах от меня, за полуразрушенной оградой – девчонка-санинструктор в пилотке и гимнастерке, с нескладной сумкой, из-под пилотки выбивались густые темно-русые волосы. Гимнастерка у нее в пыли, лицо чумазое. Перед ней раненый, она перевязывает ему плечо. Контузило что-ли меня так, что голова перестала соображать. Я даже не понял, что ей от меня нужно и задал самый непутёвый вопрос:

– Ты что, ранена?

– Ложись, дуrolом, подстрелят тебя сейчас.

– Так видишь, я раненого несу. Слушай, где эвакопункт?

– Тащи его сюда...

Девчонка не успела сказать еще чего-то, в воздухе раздался нарастающий визг мины и грохнул взрыв. Вместе с раненым я свалился на землю рядом с оградой. Еще вой и взрыв! Мин пять взорвалось на проклятом лугу. Девушка осмотрела раненого матроса, наложила жгут на ногу, перевязала грудь и лицо, чувствуя себя хозяйкой положения, спросила:

– Кто перевязывал?

– А что?

– Бинтов много, а толку мало. Кто вас учил?

– А нас никто не учил. Нас стрелять учили.

– Оно и видно. А ты что, тоже ранен?

– Да нет. Это так, грехи молодости.

– Понятно. Слушай-ка, мне с двоими ранеными не справиться. Помоги дотащить матроса. Здесь недалеко санитарная повозка.

Я снова взвалил на спину моряка, девушка помогла подняться другому раненому, тот пошагал рядом с ней. Повозка действительно оказалась недалеко, около нее суетился ездовый, рядом копалась в сумке другая девушка.

– Куда его? – спросил я у своей спутницы.

– Клади на повозку. Галя, помоги ему. Поосторожнее, он тяжелый.

Матрос не приходил в сознание.

– Кто он? – спросила девушка, с которой я пришел сюда.

– Матрос и герой. Парень что надо.

– Это я сама догадалась. Фамилия его? Из какой части?

– Вот этого не знаю. Воевали рядом, а вот этого не знаю.

– Бывает. Ладно, жми, дорогой, к своим. И на том спасибо.

– Может, помочь?

– Управимся. Ты своим ребятам помогай.

– Жить-то он будет?

– Это от бога и от хирурга теперь зависит. В тыл их надо побыстрее. Ты сам-то из какой части?

– Из разведроты.

- Не знаешь, долго здесь сидеть будем?
 - Думаю, что недолго. Слушайте, милые, там у нас в канаве тоже раненные были.
 - В какой еще канаве?
 - Да вон по краю луга.
 - Уже вытащили ваших раненных, – ответила вторая девушка.
 - Ладно, держитесь, милые. Как зовут-то вас? – для чего-то спросил я русоволосую.
- Та посмотрела на меня, даже не улыбнулась и спокойно ответила:
- А на что тебе? Ты давай, топай к своим. Потом познакомимся.

Вот так всегда. Некоторым ребятам познакомиться с девушкой – это самое простое дело, а у меня даже здесь проблемы. Надо же, имени и того не сказала. Я передал ездovому бушлат матроса, пулемет его так и остался в том месте, где мы перевязывали раненого, да и шут с ним! Патронов-то в нем всё равно нет. Вроде моя миссия закончена, пора возвращаться опять на войну и как можно быстрее.

Там, где открытый луг, я бежал бегом мимо убитых немецких солдат, наверное, здесь были и раненные, но в этой каше было не до них, а потом, что с ними делать? Куда их девать? Мы сами в окружении и впереди у нас только бой, жестокий бой на прорыв... Добежал! Вот они, кусты по самому краю балки...

– Ложись! – кто-то крикнул мне, и я рыбкой полетел в зеленые заросли. В ту же секунду над головой ударили пули по сучьям, смачно шлепнули в землю. В стороне противника ничего не видно, откуда стреляет – не понять. Патронов в диске оставалось мало-вато, в кармане еще есть малость, но дозаряжать диск под таким огнем невозможно...

– Хлопцы! Обходят нас, ей-бо обходят! Давай назад! – кто-то говорит хрипло и громко.

Сразу что-то сжалось в груди.

– Я тебе в господа бога мать сейчас обойду! Еще пикнешь – пристрелю как собаку! – грозит кому-то Суменков.

Конечно, паника в бою это страшное дело, поддаваться ей смертельно опасно. Все понятно, а все равно от этого крика неуютно на душе: а что если он и не очень паникер, но увидел такое, чего мы пока не видим. Здесь в кустарнике немецкие окопы, они мелкие и повернуты бруствером не в ту сторону. У ребят появились саперные лопаты, многие копают. Я тоже взялся за дело. Окапываться приходится лежа, а это трудно, неудобно, да еще и земля здесь – сплошные корни!

... Сколько прошло времени? Неужто это все тянется один бесконечный день?! Неужто останутся люди, которым суждено его пережить? Кажется, уже не осталось сил для того, чтобы отражать атаки, атаковать. Неужто немцы чувствуют себя лучше? Не может того быть! В последней атаке они еле шли, их напоили шнапсом, им офицер грозил пистолетом, а их турнул назад матрос, который сам едва держался на ногах... Да, воевали конечно все, но подвиг совершил только один этот матрос. В бою должны быть трезвый расчет и отвага – в этом залог успеха, но если ко всему добавить боевой азарт, вдохновение и самоотверженность – рождается подвиг.

Минометный обстрел оборвался, на нашей передовой слышны только отдельные винтовочные выстрелы. Видно, опять гады что-то готовят. Полуоглохшие, мы не сразу расслышали давящий гул авиамоторов. Осторожно кручу головой, чтобы понять, откуда и куда идет беда. В небе появились двухмоторные бомбардировщики Ю-88, их было не меньше двадцати машин. Ну, сейчас дадут прикурить! Это уж точно дадут. По нам вряд ли ударят, побоятся своих задеть. Самолеты идут над станицей, и сквозь звенящую глухоту в ушах долетел многоголосый вой падающих бомб. Бомбовый удар был нанесен по самой станице. Снова задрожала земля, густой серый дым, бурая пыль тучей поднялись в небо. Грохот разрывов сотрясал землю минут пять. Отбомбившись, самолеты ушли в сторону Терека. В станице появились пожары, дым серой тучей висел над станицей, ветром его размазывало по всему небу. Правее нас, на южной окраине, разгорелся

бой, там неистовал минометный и артиллерийский огонь, не умолкали пулеметы, слышались выстрелы танковых пушек.

Мы не знали общей обстановки, у нас была своя конкретная задача: вначале мы вышли из станицы просочившихся автоматчиков противника, нам удалось улучшить свои позиции, отбить несколько контратак, мы контролировали не очень широкую, похожую на старое русло речки, балку. Мишка мне сообщил, будто бы Ласточкин, поступившись собственным самолюбием, отправил комбату донесение об обстановке. В это время наши части на южной окраине, очевидно, бросились в новую атаку и там загрохотал бой. Батальон и части еще какого-то соединения стремились прорвать кольцо окружения, открыть дорогу на Эльхотово. В этом месте кольцо окружения казалось наиболее тонким. Однако противник предугадал направление наших атак, и именно туда двинулась 13-я танковая дивизия немцев, намертво перекрыв пути отхода наших частей в южном направлении. Наши части уже дважды поднимались в атаки и каждый раз откатывались назад с чувствительными потерями. Северную окраину Плановского противнику удалось захватить, там шел тяжелый огневой бой. Развить успех в этом направлении противнику не удалось, мало того, им приходилось отбиваться от наших контратак, но они не могли не видеть, не чувствовать, как ослабевало сопротивление окруженных, становился расчетливо экономным наш огонь.

Кольцо окружения понемногу сжималось и это приносило массу хлопот: в садах, в домах, особенно в тех, что ближе к центру, скопились обозы с ранеными и армейским имуществом. Фашисты вели артиллерийский и минометный огонь по станице, эти тылы попали под бомбы юнкеров. Дым стелился над станицей, по изуродованным улицам, по садам металась очумевшие кони, повсюду валялись неубранные трупы. На улицах воронки, размотанные и испачканные кровью бинты, перепутанные провода, поваленные деревья, сучья, разбитые повозки, горящие дома, тяжелый и едкий дым пожаров.

Чувствовалось, что еще немного и для прорыва будет упущено время – некому будет прорываться, не останется боеприпасов, не хватит сил, невозможно будет вытащить раненых. Убитых уже не хоронили – некому было заниматься этим скорбным делом, они оставались там, где их застигла смерть. Трудно было сберечь раненых: там, где они размещались, рвались вражеские мины и снаряды. Раненые, если они еще могли держать в руках оружие, не уходили с передовой – всё равно уходить было некуда, передовая была везде.

Связь с бригадой прервалась давно. Когда комбату стало ясно, что в сторону Эльхотова прорваться невозможно, он, наверное, острее других почувствовал, как уходит драгоценное время, что у него, может быть, осталась всего одна, последняя, возможность прорыва, вернее, последняя надежда на его успех. Второй попытки могло уже и не быть, для этого просто не останется сил. Боевой опыт капитана подсказывал ему, что попытку прорыва в сторону Эльхотова ожидает и противник, поэтому здесь он собрал солидные силы, значит, оставалось только одно направление – в степь, к отрогам гор, в сторону Илларионовки, а потом уж как получится! Для прорыва в степь вроде бы существовали жиденькие шансы: здесь стрелковые части и разведроты отбили несколько вражеских атак, контратаковали сами и заняли довольно выгодные позиции. Почему бы не использовать этот последний шанс, тем более что по сведениям разведчиков у противника здесь нет больших сил. У немцев наметился успех: 13-я танковая дивизия опрокинула наши части и вышла к окраинам Эльхотова, завязался бой на окраине этого очень важного в стратегическом отношении населенного пункта. Немецкое командование, видимо, считало первоочередной задачей развивать успех, а окруженные в Плановском подождут – бой на их уничтожение можно провести несколько позже. Непосредственно за Эльхотовым начиналась узкая горловина между двумя хребтами – Эльхотовы ворота. Сходу вломиться в неё, опрокинуть русских и двинуться по равнине к столице Осетии – заманчивая, соблазнительная цель. У фельдмаршала Листа вроде

бы были для этого возможности. Даже если русские вырвутся из Плановского, то удар со стороны Малгобека и наступление в сторону Орджоникидзе поставят соединения целого фронта Красной Армии в критическое положение: они окажутся в мешке в горной местности, и на этом тяжелая борьба на Кавказе должна закончиться – начнется простое победное преследование разгромленных, неуправляемых, бегущих частей Красной Армии. Этого упускать нельзя. А окруженных будут держать румынская дивизия и часть 23-й пехотной дивизии немцев – сил на это более чем достаточно.

Расклад сил и возможностей был не в пользу оборонявшегося батальона, это Сви-стунув понимал, и он принял решение использовать последний шанс. Вырваться из окружения значило спасти раненых, собрать уцелевших людей, снабдить их боеприпасами и снова вести бой. Альтернативой была геройская, но бесполезная гибель всего батальона. Решение было принято. Теперь нужно было скрытно от врага перебросить все силы в нужное направление, скоординировать действия с командирами всех находившихся в Плановском частей.

На том направлении, где мы занимали оборону, стали подтягиваться подразделения стрелковых частей, автоматчики, появились ПТРовцы, поодаль выкатились на прямую наводку вездесущие сорокопятики.

На южной и северной окраинах станицы группы прикрытия завязали ошалелую ружейно-пулеметную перестрелку с противником, создавая видимость подготовки новых активных действий.

На нашем участке каждый боец догадывался, что именно здесь готовится последняя, решительная попытка прорыва и, если она провалится, то всем нам конец. Атака должна состояться сейчас и ни минутой позже!

Группы прикрытия сделали многое для успеха, особенно в стороне Эльхотова, куда введенные в заблуждение немцы стягивали все свои силы. Все, кто был еще способен стрелять, находились с нами. Уцелевшие обозы и раненых собрали в тех садах, откуда совсем недавно мы вышибли немецких автоматчиков. Ласточкину передали, что сигнал к атаке – серия красных ракет. По этому сигналу мы должны броситься в атаку, туда, на другую сторону балки, где закрепился противник. Ждём этого сигнала. Мы не видали всех собранных на нашем участке сил, многим представлялась наша попытка авантюрой, поэтому настроение у многих было ниже нулевой отметки. Казалось, что если по сигналу ракет мы выскочим из окопов в балку, то скорее всего нас перестреляют, не дадут добежать до ее противоположного края. К тому же среди нас находятся раненые: у Василия Боева перевязана шея, у Селиванова в бинтах рука, вместе с нами в окопе лежит один тяжело раненый осколком в живот, который, похоже, умирает. Тащить его назад в станицу ребята не хотели, считая, что для раненого это хуже – прорвемся, так вытащим его первого, не прорвемся – конец один.

Небо прояснилось, очистилось от дымки. Солнце склонилось к горам Большого Кавказа, пора начинать действовать... У нас сравнительно тихо. Может, нам немцы ловушку приготовили? Что ж, посмотрим. Теперь уж «нам татарам хрен одна», как сказал бы наш веселый парень Тазиев. Где он сейчас? Поди уж в госпитале, медсестры в белых халатах вокруг него – лечат, кормят, убаюкают всячески... Кто-то после этой атаки тоже в госпитале окажется, а кто-то останется лежать здесь до страшного суда, и истлеют его кости, обглоданные шакалами... Скучные мысли, но в те времена они не казались неприличными, они были естественны. Каждый день люди на передовой видели столько смертей и страданий, что воспринималось это, как нечто естественное и, увы, неизбежное. А вообще перед атакой лучше эти мысли отогнать, не думать об этом.

Этот проклятый день вроде идет к концу, заметно удлинились тени, посинели горы Большого Кавказа.

– Ну, славяне, сейчас держись, забодай вас комарь! Сейчас на прорыв пойдем. Как только поднимитесь, назад пути уже не будет. Смотрите, раненых не бросать! – говорит Ласточкин.

Мы и сами это всё понимаем: не пробьемся – хана нам! Оставим раненого – никто за ним уже не вернется.

– Ночью бы на прорыв идти, – рассуждает Медвинский.

Мне кажется, что он прав, но эти рассуждения под корень рубит Ласточкин:

– Оно ночью, может, и лучше, только к ночи прорываться уже некому будет. Если там, у Эльхотова и на северной окраине наше прикрытие продержится еще полчаса, то всем им ордена нужно давать, а через час там ни одной живой души не останется – все полягут.

Теперь, пожалуй, Ласточкин прав. Все это чувствуют, и никто не спорит, даже сам Медвинский.

– Перекурим пока, – предлагает Селиванов и с ним соглашаются.

Действительно, сейчас перекурить кстати, потому что идти в атаку не покуривши как-то нехорошо. Ребята курят. Противник ввязался с нами в ленивую ружейно-пулеметную перестрелку. Все внешне спокойны, ничто не выдает волнения, но все понимают, что очень скоро наступит мгновение, когда снова потребуется забыть все на свете, когда исчезнут мысли, переживания, когда подхватят тебя общая злоба, единая команда и азарт боя. Перед этим есть одна или несколько секунд, в которые нужно окончательно собраться, раздавить в душе естественный страх перед ликом смерти, вдавить его в землю вместе с недокуренной сигаркой и вперед! Когда ты поднимаешься из окопа, оставишь навсегда этот кусочек спасавшей тебя земли, шагнешь вперед под пулеметный ливень, под артиллерийскую грозу, не оглядываясь назад и пусть тебя ведут общий крик, общая злоба, ярость... пусть ведут, пока не клюнет тебя пуля или осколок и боль, беспомощность не вернут тебя в страшную действительность. Самое главное те первые секунды, когда ты, преодолев себя, должен шагнуть вперед, преодолеть притяжение земли и жизни. Упаси бог отстать от товарищей – они не прощают такого...

По чьей-то команде враз ударили наши пушки и минометы. Не очень сокрушительным был этот огонь, не очень мощным, но он был неожиданным для противника и точным, его корректировали непосредственно с переднего края. Артиллерия била прямой наводкой по редким кустам, по окопам на другой стороне балки, где могли караулить нас немецкие пулеметы. Нам хорошо были видны огненные вспышки взрывов. Куда-то стреляют наши ПТРовцы – зеленые трассы их тяжелых пуль перечеркнули балку. Били наши минометы, и мины исхлестали степь за балкой. Ни одна артподготовка не сможет полностью уничтожить огневой системы противника, но если хотя-бы половина огневых средств будет уничтожена, то это уже хорошо.

Наши артиллеристы и минометчики больше не жалели своего боезапаса, во имя последнего шанса без оглядки расходовали последние снаряды и мины. Пушки еще не смолкли, а в небо взмыли три мерцающих розовых искры... Атака! Теперь атака! Вот они, те первые секунды! Ласточкин первым встает из окопа и кричит:

– Впере-о-од!

Вон уже поднялся бородатый Авдеев, встал Соловьев, вскочил с оскаленными зубами Мишка Беляков. Ребята стремительно, будто их толкает пружина, вылетают из окопов и я лечу вместе с ними. Впереди крутой, но невысокий спуск в балку. Все летят вниз и нет больше ходу назад... Больше не слышно свиста пуль, только один автоматный и пулеметный треск, кто-то уже падает. Люди бегут правее нас и левее, кричат, подхлестывая этим криком себя и товарищей:

– Полундра-а-а!!

Впереди с перевязанной шеей наш комсорг Васька Боев, он чешет напрямую через балку к её противоположному склону...

– Ур-р-а-а! Полундр-а-а! Мать вашу в господ бога, ур-ра-а-а!!!

Бежали люди в маскахалатах и гимнастерках, в тельняшках и в куртках, с автоматами и винтовками – вперед катилась раскаленная отчаянием и злостью людская лавина...

Нужно скорее перебежать балку, зацепиться за склон на другой её стороне... Топот ног, тяжелое хриплое дыхание, крики, выстрелы... Дно балки усыпано белыми камнями, откуда-то мелкая вода между камней... Справа ударил длинной очередью немецкий пулемет, а люди бежали вперед и брызги воды летели из-под ног. Вперед! Как можно скорее вперед!

Вот он, противоположный, невысокий и тоже крутой склон, наверху редкий кустарник... Теперь вверх! Скорее!..

Взрыв! Оглушающий, страшный взрыв – и в глазах метнулась красная молния. Я услышал крики, хлесткие взрывы мин и пришел в себя окончательно. Ранен? Осматриваю себя – нигде ничего, вроде цел, а мимо меня на склон балки торопливо взбирались люди... Я поднялся на ноги, а они как ватные. В голове шум. Ничего, вроде живой! Нужно лезть вверх. Все тело словно не мое и правая рука висит плетью... Наверное все-таки ранен я... В правую руку? Это плохо. Главное не упасть... Автомат мотается на шее, цел автомат. Как теперь стрелять с левой руки? Когда меня шарахнуло, я ведь почти вылез из балки и на вот – скатился обратно. Скорее наверх! Нужно догнать ребят! Наконец я выбрался. Впереди ровное поле. Где-же ребята? Вон они! Видны маскхалаты на рыжей траве. Меня догоняет Костя Кудряш, он тащит на спине здорового парня, и я не вижу кого, не могу узнать. Вот бежит Митька Козловский.

Наконец разобрал, что Костя Кудряш, невысокий, крепко скроенный моряк-балтиец с эсминца «Артем», тащит рослого и грузного Соловьева.

– Что с ним? – кричу Косте.

– Ноги перебиты. Помоги!

Голоса еле слышу, даже свой собственный – уши словно водой залиты...

– Хватай его под мышки и давай побыстрее. Наши вперед пошли. Нужно помогать.

Я сам держусь на ногах еще неуверенно – не отошел после взрыва и рука сильно болит. Я подхватил Соловьева левой, а Костя правой рукой и оба почти бегом тащим Соловьева по заросшей бурьяном степи. Впереди и по сторонам везде стрельба. Цепь атакующих залегла под неожиданным и сильным огнем крупнокалиберного пулемета, лупит откуда-то из посадки. На наше счастье рядом груды белых камней на краю пашни, укрылись за ними. Соловьев открыл глаза, морщится парень от боли и все лицо у него в каких-то крапинках.

– Ты его перевязал? – спрашиваю у Кости.

– Когда? Я его еле из-под пулеметного огня вытащил.

– У тебя пакет есть?

Перевязочных пакетов у нас у обоих не было.

– Что делать? Давай рубахи рвать, – предлагает Кудряш.

– Когда? Елки твои зеленые!

К нам коротким броском подбегает Козловский. У него, слава богу, есть пакет. По куче камней бьют пули, летит в стороны белая пыль и каменные брызги. Перевязывать невозможно.

– погоди, – советует Козловский. – Больно этот гад лупит. погоди малость, сейчас заткнут ему глотку.

Действительно, в стороне посадки часто и хлестко взрываются снаряды наших сорокопятаков. Артиллеристы катят свои легкие пушки на руках, им помогают бойцы из стрелковых рот и эти пушки сейчас самое непосредственное средство поддержки. Огонь пулемета обрывается... Снова бегут люди... Финками вспарываем одежду Соловьева, ранки вроде небольшие выше колена, но кровь бежит ручейком. Обе ноги навывлет. Нужен жгут. Козловский брючным и поясным ремнем перетягивает Соловьеву ноги. У меня на руке кровь. Это замечает Митька Козловский.

– Ты ранен?

– Наверное. Так, пустяк. Пройдет.

Козловский подменил меня, и теперь они с Костей тащат Соловьева. Ноги у него волочатся по земле, он стонет. Ребята догнали. Ласточкин что-то спросил меня, а я не расслышал и ответил невпопад. Здоровенный Потапенко отстранил и низкорослого Кудряша, и Козловского. Он взвалил Соловьева на спину и быстрым шагом пошел вперед.

Вперед! Снова вперед! Нас нагоняет вторая волна наступающих, а за ними в клубах пыли, в сплошных криках несутся обозы. Ошалелые кони тащат дребезжащие, прыгающие повозки с ранеными, с каким-то военным имуществом, несколько солдат тащат сорокопятаку, бегут минометчики со своими «самоварными трубами»...

Впереди ровное поле, расчерченное низкорослыми посадками, островки кустарника... Сзади в Плановском в предвечернее небо одна за другой летят сигнальные ракеты – синие, красные. Слух постепенно возвращается, я слышу сдвоенные удары танковых пушек, злобный и резкий вой снарядов, истошный визг мин. Взрывы и стрельба, кажется, со всех сторон стрельба! А прошли мы уже много... Прорвались! Ей богу, прорвались! Впереди еще какие-то посадки, кусты, но теперь они наши союзники. А немцы лопухи! А наш комбат молодец и Ласточкин не дурак! Вырвались!

Сзади столбом стоит розовая, в последних лучах солнца, пыль. За завесой пыли повозки, конское ржание и такое впечатление, что движется очень много людей, словно полчища Чингисхана стронулись с места.

Вдруг впереди неожиданно и быстро, как порох, вспыхнул сплошной пулеметный треск, ливень пуль брызнул навстречу и уже кто-то падает, кто-то, очумевши, бежит назад...

– Ложись! – слышен чей-то крик.

Среди наступающих короткое замешательство... Навстречу с сумасшедшими глазами бежит боец. Невозможно разобрать, откуда ведется огонь, кто стреляет. Впереди какая-то канава и оттуда бьют пулеметы. Плотный встречный огонь всё сметает, передние залегли, а сзади напирают новые волны людей, летят навстречу гибели сумасшедшие, исхлестанные кнутами кони.

– Хлопцы, тикай! Тикай – нымцы!!!

Где немцы? Сколько немцев? Откуда здесь немцы?! Надрывный крик леденит сердце, некоторые поднимаются с земли, бегут с очумевшими глазами назад...

– Стой! Стой, сволочи! Застрелю!!! – какой-то лейтенант размахивает револьвером, пытается остановить бегущих, повернуть их назад, но вдруг, переломившись, падает, прошивший пулями. Пулеметы бьют из канавы, что впереди нас. Для немецких пулеметчиков неожиданное появление такой массы людей тоже дело опасное, но они открыли огонь неожиданно, а это всегда опасно и страшно. До канавы совсем недалеко, она рядом. Кто-то из наших ребят опомнился первым и, чуть приподнявшись с земли, кидает вперед гранату – черное крутящееся яйцо лимонки летит в сторону врага. Взрыв! Пулеметный огонь смолк – пулеметчики на секунду пригнули головы от осколков гранаты, но и этого оказалось достаточно, чтобы к ним полетело сразу несколько лимонок. Звонкие хлопки взрывов! Пулеметы молчат!

– Вперед! Вперед их мать!!!

Поднимаются с земли несколько человек, среди них Васька Боев, его можно узнать по перевязанной шее. Короткий бросок – и люди прыгают в этот арык. Не очень глубокая, заросшая гигантским репейником канава. Среди поломанных, посеченных осколками лопухов несколько трупов в немецких мундирах, на краю арыка два пулемета, алюминиевые коробки с лентами. Это, видимо, была часть заслона с внешней стороны окружения – оборудованные стрелковые ячейки на другой стороне арыка, они повернуты в сторону гор.

Теперь уж действительно всё! Левее нас деревянный настил, вроде мостик через канаву, к нему потянулись пушки, повозки – всё, что на колесах. Здесь же, на краю арыка, по чьей-то команде стрелковое подразделение, только что вышедшее из боя, снова и поспешно занимало оборону.

Над горами Большого Кавказа догорали малиновые краски вечерней зари. Из Плановского ударили немецкие минометы, мины рвались далеко в поле, в сгущавшихся сумерках немцы не могли вести прицельного огня, этот обстрел не приносил урона. Скорее всего, немцы стреляли со зла и с досады, что не удержали нас в кольце окружения. Вырвались! Все-таки вырвались!!!

* * *

На юге сумерки коротки. В свой овраг на склоне горного хребта, где уже несколько дней стоял наш обоз, мы пришли затемно. В ночной степи, где-то далеко, на самом ее краю шевелились желтые искры пожаров. Луна посеребрила степь и еще больше сгустила непроглядную темень в нашем овраге. Правее Эльхотова непрерывно взлетали в небо осветительные ракеты, а по степи с кажущейся медлительностью текли строчки трассирующих пуль. Кончился этот проклятый день. В последней атаке при прорыве кольца окружения мы потеряли еще одного убитым и троих ранило. В роту вернулась одна треть ребят, от той группы, которая вчера уходила в Эльхотово. Некоторые раненые – Вася Боев, Курочкин, Данилов и еще несколько человек – отказались ехать в медсанроту.

Руку мне перевязал прибывший в роту новый санинструктор Петренко. По его мнению, мне вцепило в руку, в верхнюю часть правого бицепса, осколком камня, выброшенного взрывом. Небольшая рана, но крови натекло в рукав порядочно, рука ноет, думается, что к утру пройдет. Больше меня беспокоит физиономия: губы разбиты, зуб сломан, ухо болит... Вцепил гад, дай бог! Челюсть цела, но синяк здоровый и физиономия опухла.

– Ладно, отлежишься. А если что, так завтра отправим, – решил Петренко.

Раненых, которых притащили в роту, немедленно после перевязки отправили на бричке в санроту, а она была где-то далеко. О тех раненых, что мы сдали на сборный эвакуопункт в Плановском, нам ничего неизвестно.

В роту давно вернулась одна разведгруппа, которая уходила в район Илларионовки и действовала отдельно от нас, – там пока тихо.

Жалко погибших ребят, жаль верных и добрых друзей. А пережитое и вспоминать страшно, – мороз пробирает. Сколько раз в этот день пронеслась смерть над головой, сколько раз, промахнувшись, она взвизгивала, ныла, гудела от досады, что не смогла поймать тебя, что удалось тебе увернуться. Конечно, каждый уцелевший понимал, что он не заговорен от смерти, просто судьба сберегла его для дальнейших тревог, посчитала, видно, что не всю еще чашу страдания испили те, кто остался на сей раз живым. Кто же молился за мое спасение? Чью молитву услышал Бог?

Встревожило ребят и то, что до сих пор в роту не вернулась наша кухня с поваром и с политруком Поповым. Данилов, Хорьков и даже старшина вернулись в роту благополучно, а вот Попов... Попов, несмотря на некоторые странности характера (подозрительность, вспыльчивость, придирчивость к подчиненным), был, бесспорно, человеком смелым, честным и добросовестным.

Когда Попов, Данилов и Хорьков оставили роту в Плановском и по приказанию командира роты отправились в Эльхотово, им на первых порах здорово повезло, потому что еще в Плановском их подобрала машина – полуторка. Шофер оказался старым знакомым и добрым парнем. За рулем сидел тот самый Чижик, который возил нас на самые первые разведздания, он по маскхалатам определил, что впереди «голосуют» свои ребята и остановил машину.

– Чижик, ты?

– А вы думали!

– Раненых везешь?

– Раненых и вместе с доктором, – Чижик кивнул головой на сидящую в кабине женщину-военврача.

– Вон, у меня тоже двое покалеченных. Прихвати до Эльхотова, – просил Попов.

Чижик вопросительно посмотрел на женщину и та поняла, что шофер тоже ждал разрешения.

– Машина полна, но давайте попробуем, – согласилась военврач.

Чижик проворно вылез из кабины, посадил Данилова и Хорькова, те залезли в кузов, а Попов встал на подножку кабины и так решил ехать – до Эльхотова здесь всего-то километров пять или шесть. Машина выехала из станицы на прямую дорогу, Чижик ловко объезжал воронки, разбитые повозки и за жалобным завыванием перегретого мотора никто сразу и не расслышал тяжелый, прерывистый гул юнкерсов. Те летели почти над самой дорогой и их было много. В прыгающем, качающемся кузове Хорькову было трудно и некогда их пересчитывать.

– Воздух! Воздух! – кричал Хорьков и барабанил здоровой рукой по крыше кабины.

Чижик притормозил, поглядел в окно кабины и загнал машину на обочину под крону уцелевшего дерева.

– Пикировщики. Вроде мимо идут. В таком разе лучше переждать, – решил Чижик и не ошибся: самолеты выстраивались в цепочку. Раненые с тревогой вслушивались в гул авиационных моторов. Самолеты бомбили дорогу, по которой шла автомашина, окраину Эльхотова. От бомбового удара земля вздрогнула так, что с капота автомашины посыпалась седая пыль. Впереди, примерно в километре от того места где остановилась машина, выросла тяжелая свинцовая туча, черные фонтаны взрывов вылетали из этой тучи и тяжело, медленно оседали на землю. Туча заслонила белесое солнце, стало сумрачно, как перед грозой.

Некоторые раненые в кузове автомашины беспокойно крутили головами, стараясь увидеть, откуда грозила опасность, а многие, чувствуя собственную беспомощность, покорно и обреченно ждали – будь, что будет. Самолеты дважды заходили на бомбежку и когда ушли на север, Чижик снова покатиł вперед, выжимая из машины ее последние лошадиные силы. Перед Эльхотовым дорога была разбита вдрызг: кругом воронки, сломанные деревья и сучья перегородили дорогу. Какой-то обоз оказался в зоне бомбового удара: на дороге и около нее валялись доски, переломанные колеса, убитые лошади, какие-то ящики и люди в бинтах с изломанными искалеченными туловищами – видно, обоз с ранеными попал здесь под бомбы. Чижик остановил машину, чтобы проверить, не осталось ли кого в живых. Нашли только двоих, один из них был без сознания. Раненых разместили в кузове, для чего пришлось потеснить остальных. Попов, Данилов и Хорьков сошли с автомашины на самой окраине Эльхотова и дальше пошли пешком. На окраине горели разбитые дома, дым полз от снопов кукурузы в каком-то огороде, в переулке жарко горела автомашина, опрокинутая на бок, рядом валялись разбитые ящики со снарядами. Центр этой большой станицы и ее южная окраина были пока целы. Дом, в котором располагался разведотдел, оказался пустым. Но кухня, ротная кухня со старшиной и поваром по-прежнему была в саду, в вишневых зарослях. Повар и старшина сидели возле кухни и выскребали ложками котелки, рядом паслись выпряженные кони. Лейтенант Попов коршуном кинулся на старшину и повара, он грозил их обоих расстрелять, размахивал револьвером, называл старшину предателем и врагом народа. Перепуганные и пристыженные старшина и повар стояли навтыжку перед разгневанным политруком. Бледный старшина пытался что-то объяснить Попову, но тот не давал рта раскрыть. Поэтому у старшины получалось только беспомощное:

– Дык... дык... дык я...

И только когда Попов разрядился от праведного гнева, старшина сумел объяснить причины своего «преступно-беспечного поведения». По его словам, кухня с готовым обедом давно была готова выехать в Плановское, но Натынов приказал ожидать им раз-

ведчиков здесь, на месте, т.к. разведчикам давно было передано приказание быстро вернуться в Эльхотово. Натынов даже сказал, что разведчики уже на марше и с часу на час будут здесь. Потом начальник разведки ускакал куда-то верхом, а старшина и повар терпеливо ожидали появления своих ребят.

Неистово матерясь, что для нашего политрука было совершенно необычным, Попов велел старшине вместе с Даниловым и Хорьковым немедленно отправляться в расположение обоза, а сам решил вернуться вместе с кухней в расположение нашей разведгруппы и накормить всех борщом. Попов запретил ему перечить или выдвигать какие-то другие предложения, он действовал по принципу, что приказ не обсуждается и велел повару гнать лошадей «аллюр-три креста». Попов, как только были запряжены лошади, уселся с поваром на кухонный ящик и лошади пошли резвою рысью.

Им потребовалось немало времени, чтобы проехать Эльхотово и его разбитую северную окраину. Повар немилосердно хлестал кнутом лошадей, чтобы быстрее проскочить сквозь дым, пламя и треск пожаров. Их никто не остановил, никто не предупредил о нависшей опасности. Дорога на Плановское была пустынной, где-то, много правее, в посадке вдоль железной дороги слышалась стрельба, но она не насторожила Попова, подозрительным ему показалось другое: на дороге воронки, разбитые повозки, убитые и... ни единой живой души. Дорога словно вымерла, онемела, она как-будто заслонилась изуродованными деревьями от страшного удара и замерла в этом ожидании. Повар тоже не был новичком на войне и невольно попридержал лошадей. Позади них ударила мина, вторая..., а потом послышался истошный вой немецкого шестиствольного миномета, реактивные мины, как тяжелые оркестровые трубы загудели в небе. Шесть разрывов поперек дороги взметнули в небо узкие и черные столбы дыма. Повар натянул вожжи и запаленные кони остановились.

– Товарищ лейтенант, как бы того.., – начал было повар, но остановить Попова было уже невозможно:

– Ты мне что?! Ты что встал?! Вперед, твою мать!

– Н-но-о, проклятые!

Повар ожег кнутом круп рыжей кобылы, и кухня снова затарахтела ошипованными железом колесами по сухой покалеченной дороге. За этим стуком и треском они не слышали перестрелки уже сзади себя, а потом выстрелы винтовок и автоматные очереди затрещали неподалеку и правее дороги.

– Ну-ка стой! Что-то здесь не так, – сказал Попов и спрыгнул с кухонного ящика на землю.

На дороге у кювета лежал убитый наш боец в гимнастерке, рядом с ним валялась винтовка с неструганным ложем и вокруг по-прежнему ни единой живой души. Две рыжие лошади беспокойно пряли ушами. В это время из посадки за узким полем, сзади кухни взревел мотор. Отчаянно взмахнув ветвями, упали на землю сбитые стволы акации и показался низкий темно-серый немецкий танк.

– Поворачивай! Назад, мать твою!!! – закричал Попов.

Повар задергал вожжами, закричал, ременный кнут снова ожег круп лошади, оставив на нем темно-коричневую полосу. Коня беспокойно перебирали ногами, вскидывали головы, разворачивали кухню в обратном направлении, а тем временем ствол танковой пушки сверкнул пламенем выстрела и тут же мгновенно на дороге грохнул взрыв. Лошади испуганно рванули в сторону, потом одна упала и судорожно забила ногами...

– Постромки! Руби постромки! – закричал не своим голосом Попов, но было поздно, слишком поздно! Повар спрыгнул на землю, но не успел вытащить топора. Немецкий танк длинной пулеметной очередью прошел поперек всю дорогу в том месте, где стояла кухня. Вторая лошадь тонко заржала и тоже рухнула на дорогу.

Танк неторопливо шел к дороге и стрелял короткими очередями из пулемета.

– Назад! Назад! – закричал Попов и кинулся бежать вдоль посадки по другой стороне дороги.

Из посадки, откуда вышел танк, показались автоматчики, застучали их автоматы, запылили скрикошетившие о дорогу пули. Попов вместе с поваром, оставив на дороге кухню, с которой они уже ничего не могли поделать, побежали назад к Эльхотову. Они увидели, как танк выполз на дорогу, ударил стальным корпусом ротную кухню, та опрокинулась, с котла слетела крышка и клубок белого пара начал растекаться по дороге. Танк раздавил гусеницами раненых лошадей, развернулся на том месте и устоялся пушкой в ту сторону, куда бежали Попов и повар. Какое-то время им везло, они уходили от пуль, но у повара неожиданно разматалась проклятая обмотка, она серой змеей волочилась за ним, цеплялась за репейник. Повар упал, коротко матюкнулся, вскочил на ноги и здесь его достала автоматная пуля. Она ударила его в спину, он вскрикнул, взмахнул руками и упал. В это время Попов бежал метрах в пятнадцати впереди. Лейтенант услышал короткий крик, он не ушел от раненого. Спрятавшись за дерево, он ударил по дороге длинной автоматной очередью и заставил преследовавших немцев укрыться за деревьями, залечь в кювет. Этих нескольких секунд ему было достаточно, чтобы подхватить раненого на спину и бежать вдоль посадки. Вполне возможно, что немецкие автоматчики не позволили бы уйти русским Иванам, они добились бы их, но со стороны Эльхотова выстрелила наша противотанковая пушка, снаряд взвизгнул и рванул на дороге как раз там, где были автоматчики. Этот взрыв заставил их снова укрыться в кювете и за деревьями. Было выиграно еще несколько секунд и еще десяток метров расстояния.

Попову удалось уйти. Он тащил раненого метров триста и вышел на небольшой отряд наших автоматчиков. Ранение повара было опасным. Досталось немного и Попову – пулей содрало ему кожу и повредило немного мышцу на ноге. Последние метры он шел заметно прихрамывая. Автоматчики помогли обоим добраться до окраины Эльхотова, а там их погрузили на подводу и отправили в медсанроту. Повар был еще жив, но врачи откровенно сообщили Попову, что случай почти безнадежный: задет спинной мозг, ранение слепое. С первой же машины повара отправили в тыл, а Попова перевязали и он дожидался оказии, чтобы вернуться из медсанроты в Эльхотово. Здесь, в медсанроте, он и повстречал Федьку Фролова. Тот был легко ранен под Верхним Курпом в ногу и ему удалось упротить главного хирурга и командира медсанроты не отправлять его в тыл. Он рассуждал правильно: с таким ранением всех дел для полного выздоровления на полторы недели, а потом он может потерять свою роту, потому что солдат выписывали в близлежащий запасной полк и без разговоров направляли в любую часть, а Федька задался целью вернуться в роту.

– Здесь хирург Магерамов – не мужик, а золото. Он меня и надоумил. Вот пока кантуюсь, девкам помогаю, здесь ихней сестры столь, аж переночевать негде, и каждая мною командует, – рассказывал заросший черной щетиной Фролов.

– Ну ты, надеюсь, вел-то себя прилично?

– Вел до того прилично, аж самому противно. Да этот Магерамов меня бы и пяти минут здесь не держал, если бы я там что-нибудь...

Врачи медсанроты разрешили им обоим вернуться в роту и оказии долго ждать не пришлось. На попутной полutorке они вернулись на южную окраину Эльхотова. Здесь Попов неожиданно встретил Натынова и узнал от него, что наши части в Плановском попали в окружение, связи с ротой никакой нет. В свою очередь Попов проинформировал Натынова о положении дел в Плановском по состоянию примерно на два часа дня. Это было кстати и помогло Натынову уяснить настоящее положение дел, так как информация комбата, переданная комбригу по телефону в отношении разведки, была, мягко говоря, предвзятой и обросла нелепыми слухами. По этим слухам получалось так, что разведчики якобы при первой же атаке немцев оставили передний край, весь день мотались по станице, не подчиняясь командиру батальона и не участвуя в боях. Не имея никакой связи, Натынов и представления не имел о действительном положении дел и не мог опровергнуть нелепых вымыслов. Выслушав Попова, Натынов потряс кулаками

и бросился к начальнику штаба с воплем: «Ну, уж я им сейчас дам!» Попов успел зайти в политотдел и проинформировать политотдельцев о действиях разведроты, нашел заместителя командира бригады по тылу майора Горобченко и договорился, что разведроте будет немедленно оказана помощь в выделении новой кухни и лошадей, а вот в отношении повара Горобченко ничего не обещал. Оказывается, такая хлебная и сытная армейская специальность как повар, была в дефиците. Только перед рассветом Попов вместе с Федькой Фроловым появились в роте.

* * *

Впоследствии хитрой гадюкой приползли к нам слухи о злоключениях командира батальона капитана Свистунова. Обо всем мы узнали много позже, но неприятность настигла комбата именно в ту ночь, когда мы вырвались из окружения.

В тот момент не было в батальоне, да и не только в нем, такого человека, который не был бы рад тому, что угроза полного уничтожения батальона и разгрома других частей миновала, что удалось многим вырваться из огненного кольца, опоясавшего станицу Плановское, удалось вытащить раненых, обозы и почти всё военное имущество... Радовались... На радостях охотно делились бойцы с вырвавшимися из ада товарищами табаком и твердыми, как дубовая доска, солдатскими сухарями.

В то самое время, когда все уверовали, что страшное уже позади, командиру батальона передали, что его срочно вызывает в Эльхотово командир бригады полковник Добровольский.

На южной окраине Эльхотово в небольшом, покинутом хозяевами домике, при свете копилки колдовали над топографической картой комбриг, начальник штаба бригады и комиссар. Оперативная обстановка складывалась самым неприятным, угрожающим образом. Начальник штаба докладывал о том, что батальон капитана Свистунова, потерявший половину своего личного состава и средств усиления, вырвался из окружения, его стрелковые роты заняли оборону в степи. Бригада, занимая фронт от Пседаха до Эльхотова, а это никак не меньше тридцати километров, продолжала удерживать рубежи обороны узлами сопротивления, не имея сплошного фронта. Фланги узлов сопротивления ничем не прикрыты. Отступление соседа слева, отсутствие сплошной линии обороны облегчили противнику задачу по окружению Плановского. Возможности маневра силами у бригады не было, т.к. при таком растянутом фронте, чтобы перебросить одну стрелковую роту с правого фланга на левый по горным проселочным дорогам потребовалось бы не менее суток. Авторота бригады полностью была занята на подвозе боеприпасов и эвакуации раненых, в последних боях она потеряла примерно одну треть машин и не управлялась с перевозками. Опаснее всего было то, что шоссейная дорога, единственная в этом месте, в связи с окружением батальона Свистунова, оказалась открытой. Бронепоезд, поддерживавший огнем батальон в Плановском, был вынужден оттуда уйти, т.к. непрекращавшиеся бомбежки и прорыв немецких танков создали угрозу уничтожения бронепоезда. В спешном порядке в оборону по окраине Эльхотова были посажены находившаяся под рукой саперная рота, комендантский взвод и еще какие-то случайные мелкие подразделения. То, что днем враг не воспользовался обстановкой, не развил успеха, не двинул танки на Эльхотово можно было объяснить только чудом и тем, что в окружении Свистунов держал активную оборону, непрестанно контратаковал и сковывал своими действиями силы противника.

Командир бригады и начальник штаба понимали, что утром немцы непременно возобновят наступление, постараются овладеть Эльхотовым, тем более, что на левом фланге, за Терекком, противнику удалось сильно потеснить оборонявшиеся части, занять станицу Змейскую, подойти вплотную к Змейскому горному хребту и приблизиться к Эльхотовым воротам по левому берегу Терека. Целый день бои гремели теперь уже от Эльхотова слева.

До утра нужно было принять все меры, чтобы этот день выстоять, а возможностей, гарантирующих успех, не было. Единственный резерв комбрига представлял одну роту автоматчиков и две батареи противотанковых пушек. Комбриг собирался просить у штаба армии помощи, это нужно было сделать немедленно, но ему было известно, как тяжело даётся положительное решение подобных вопросов в подобной обстановке.

Положение осложнялось еще и тем, что недавно начальник штаба бригады доложил в штаб армии о том, что батальон бригады дерется в окружении, но удерживает Плановское. Это вроде бы позволяло надеяться, что бригада в какой-то мере управляет событиями. Правда, командующий армией потребовал удерживать станицу всеми силами, принять меры к деблокированию окруженных частей и даже обещал направить для поддержки бригады танковую часть и штурмовую авиацию. При этом комбриг, да и сам командующий, чувствовали некоторую иллюзорность обещанного: танковая часть это не более пяти танков, а штурмовая авиация – не более звена штурмовиков ИЛ-2. К тому же все были уверены, что противник двинет в бой не менее 30-50 танков и его бомбардировщики сделают не менее сотни самолетовылетов. Все это так, но все это свершится завтра. А что докладывать сейчас, немедленно? Как сказать командующему, что батальон бригады из окружения вырвался, но станица, очень важный узел обороны на направлении главного удара противника, оставлена? В какой форме все это докладывать? Пока комбриг тянул, в это самое время принесла нелегкая капитана Свистунова.

Еще не остывший от боя, но вообще-то довольный тем, что батальону хотя и с тяжелыми потерями, но удалось вырваться из завязанного мешка, он ожидал чего угодно, но только не разноса. Свистунов докладывал бодрым голосом и с таким настроением, будто он добился успеха и не оставлял Плановского, а напротив – освободил его от оккупантов.

Комбат еще не закончил своего доклада, когда появился адъютант Добровольского и доложил, что его просит к телефону член Военсовета армии.

Член Военного Совета, шумливый и беспокойный генерал, потребовал от комбрига немедленного объяснения по поводу самовольного отступления и сдачи противнику Плановского. Генерал метал громы и грозил примерно наказать виновных. По репликам Добровольского, по его ответам все присутствующие поняли, что над бригадой собрались тучи начальственного гнева и дело принимает нехороший оборот. Добровольский едва положил трубку на зеленый ящик полевого телефона, как на крыльце послышались шаги и в комнате появился капитан, уполномоченный Особого отдела бригады. Капитан попросил разрешения присутствовать и тут же получил его, так как все особисты пользовались особыми правами, на их лицах всегда можно было прочесть, что они, словно Дельфийский оракул, являются обладателями высших тайн и знанием истины, недоступной смертным. Уполномоченный Особого отдела обычно заходил к комбригу или другим работникам штаба только тогда, когда они были одни и если вел разговор, то только с глазу на глаз. Однако капитан сделал исключение и неспроста. Он дождался, когда Свистунов закончит докладывать и тут же спросил у комбрига разрешения арестовать Свистунова для предания его суду военного трибунала. Накапились страсти, вспыхнули споры и ссоры и попутно выяснилось, что Свистунов дал даже письменные распоряжения командирам рот, артиллеристам и медикам, в которых указывался порядок оставления Плановского. С ведома комбата была брошена поврежденная техника и оружие и не исключено, что там остались сознательно отдельные предатели и изменники. Уполномоченный Особого отдела намекнул, что всё уже известно особистам наверху, даже то, чего еще не знают в бригаде.

Конечно, полковник Добровольский понимал, что Свистунов там, в Плановском, не струсил и выхода иного у него не было, что парень он не дурак, раз сумел целый день удерживать Плановское, отражать атаки врага, который во много превосходил его в силах, но нажим на комбрига со стороны особистов и членов Военного Совета был ве-

лик – все все поминали известный Приказ № 227, все грозили, даже ему, комбригу, и, словно древние язычники, требовали принести жертву богу войны.

На плечах комбрига лежала огромная ответственность и главной её составляющей теперь была оборона Эльхотово. Удержать Эльхотово – в этом теперь вся истина и вся правда, только этому должно быть подчинено всё. Комбриг понимал, что в той ситуации, в которой оказалась бригада, еще и отстранить от должности толкового командира, умеющего держать оборону, было бы опрометчиво. Комбриг негромко, но строго, пресек все споры и взаимные упреки и предупредил уполномоченного, что он не разрешает никаких арестов, а тот в свою очередь заявил, что вынужден подчиниться командиру бригады, но обязан доложить об этом письменно в Особый отдел Штарма*. Капитан понимал, что он грозит самому командиру бригады, но на то он и Особый отдел. Однако комбриг не изменил своего решения и сказал капитану, что он, старший уполномоченный Особого отдела, может быть свободным. Это обидно кольнуло капитана, но он не показал и вида, он четко повернулся и через секунду его каблуки прогремели по ступенькам крыльца.

Как только ушел особист, комбриг обрушил свой праведный гнев на Свистунова и разнес его за то, что тот оставил Плановское и за дурацкую привычку писать неумные и вредные бумаги. Он приказал немедленно изъять и лично уничтожить всю эту писанину. Начальнику штаба было приказано подготовить в Штарм донесение, где указать, что под Плановским в жестоких боях было уничтожено столько-то танков, бронетранспортеров и другой военной техники врага, столько-то солдат и офицеров, но в свою очередь батальон понёс очень большие потери, с трудом вырвался из окружения.

Комбриг также просил комиссара переговорить с политотделом армии, чтобы как-то нейтрализовать возможное донесение «этого чудака особиста».

Комбат понимал, что Добровольский только что спас его от тяжелейших неприятностей и, возможно, взял огонь на себя. Он был благодарен комбригу, но не знал как выразить вспыхнувшее чувство благодарности. А комбриг посмотрел на Свистунова и строго сказал:

– Надеюсь, вы понимаете капитан, что в Эльхотово вы должны стоять насмерть. Для нас с вами нет иного выхода. Вы поняли меня?

– Так точно, товарищ полковник!

Свистунову также было приказано накормить бойцов батальона, довооружить их и, не медля ни единой минуты, занять оборону по северной окраине Эльхотово. К утру должна быть открыта траншея полного профиля с ходами сообщений и отсечными позициями.

Начальнику штаба также было приказано обеспечить минирование всех танкоопасных направлений.

Добровольский отпустил начальника штаба и Свистунова, потом приказал адъютанту разыскать командующего артиллерий и начальника разведки. Когда комбриг остался один, он почистил коптивший фитиль в снарядной гильзе, устало потёр виски и прилёг на застланную плащ-палаткой деревянную кровать. Он чертовски устал, он уже забыл, когда ему последний раз удалось поспать часа два или три. И на сей раз он только прилёг, как назойливо зазуммерил зеленый телефонный ящик.

* * *

Вывавшихся из Плановского разведчиков мучили голод, жажда, нечеловеческая усталость и беспокойство за судьбу политрука Попова и ротного повара. Каждый допускал, что они вполне могли в той сумятице нарваться на автоматчиков противника. Горячего ужина не было. Старшина выдал нам сухой паёк: на четверых по банке консервов,

* Штарм (сокр.) – штаб армии.

по буханке хлеба, немного колотого сахара и вдоволь было холодной родниковой воды. Костра разводить не разрешили. Потом при лунном свете дозарядили диски, запаслись гранатами и свалились спать. Мы с Мишкой Беляковым спали на своём привычном месте. Судя по звездам, время двинулось к полуночи...

У нас в овраге тихо. Далеко ухают редкие взрывы снарядов, доносятся приглушенные расстоянием короткие пулеметные очереди, они, как тиканье часов, убаюкивают, делаются незаметными и совсем неопасными... Спать! Сейчас только спать. Глаза слипаются, сон наваливается сокрушающей чёрной тяжестью и вместе с ним в воспаленный мозг влезает лязг танковых гусениц, пыль, грохот... Тёмно-серая громада танка лезет прямо на меня, а в мышцах нет сил, чтобы откатиться в сторону... Желто-серый бруствер окопа, за ним черный танк и на бруствере противотанковая граната. Нужно обязательно дотянуться до нее, бросить навстречу танку, а рука не шевелится, она словно онемела, ее сковала мучительная боль... Черная дыра танковой пушки смотрит прямо в лицо... Вдарит! Сейчас вдарит! Нет больше спасения! Дикое чувство отчаяния! Каково-то уголочек неспящего сознания чувствует, что это ведь сон, нужно только собрать силы, стряхнуть наваждение. До боли сжимаются зубы и невероятным усилием, со стоном сбрасываю с себя остатки кошмара...

Тихо. Луна. В небе, словно серебряная пыль от голубого света, с гор стекает свежий хрустально-чистый воздух. Ребята спят и некоторые, также как и я, стонут во сне. Здесь в кустах чертовски темно, где-то рядом всхрапывают лошади, этак спокойно, мирно, как в деревне у деда Терентия. Над головой черные ветки кизильника, сквозь них пробиваются голубые искры звезд. Рядом сопит Мишка Беляков – вот ведь нервы у парня! И сны ему не снятся... Веки тяжелеют и снова наваливается обморочный сон... Рвутся мины, пыль, потом все перемешалось: чьи-то каски, красные искаженные злобой лица, немецкие френчи с белыми пряжками на чёрных поясных ремнях... Прямо в меня летит немецкий штык-кинжал. Вороненый, длинный штык нацелен мне прямо в живот и уже нет сил остановить это упрямое и странно медленное движение, нет сил отвести удар, загородиться от него – мои мышцы парализованы, мои руки не подчиняются воле... Полсекунды! Мгновение!..

Да это же снова проклятый сон!.. Проснуться, скорее проснуться, чтобы он не успел ударить, чтобы выйти из кошмара... Сколько же я спал? Должно быть скоро утро. Я уже боюсь засыпать, а непомерная усталость снова кидает в пропасть сна... Нестерпимый, адский грохот, на меня падают в страшном пике юнкеры, кругом пыль, пламя, дым и прямо надо мною занесен штык...

Просыпаюсь и чувствую на лице бисер холодного пота. Проклятая фантазмагория! Слышен где-то стук топора, гром железного кухонного бака. Мишка ворочается, тянет на себя полу шинели... Чудовищно! От таких снов свихнешься! Небо фиолетово-серое. Светает. На фоне неба кружева неподвижных тёмных листьев кизила. Невдалеке что-то жуют и фыркают обозные лошади, слышны голоса:

- Пусть спят. Им досталось.
- Пожрать-то нечего?
- Ты лучше помоги под баком костер раскочегарить.
- Давай. А курить охота, аж переночевать негде. Ласточкин-то когда будет?
- Да уж пора бы ему.

Чертовски знакомый голос. Один это старшина, а другой? Снова клонит в сон. Только подъём уж скоро. Может, денек отдохнуть дадут? В овраге становится холодно и сыро – роса сильная. А у Мишки спина тёплая. Спать! Спать! Кошмарные сны оставляют меня. Теперь мне снится, что я сплю. Прохладно, зато нет никакой войны. Просто все смертельно устали и все спят... Так приятно спать... Это мы все в товарном вагоне, на двери которого кто-то написал мелом: «скотский». Ну и пусть! Всем нужно спать. Делови-

то стучат колеса, покачиваются деревянные нары, они застелены сеном и шинелями. Шинели уютно пахнут потом, вошебойкой. Как же здорово спать... Ритмично стучат колёса и больше ни звука. Все спят. Спать будут долго и спокойно. Главное – спать...

* * *

– В ружье!

...Громкий, резкий, безжалостный крик... Да нет, это мне всё еще снится.

– В ружье!

Нет, это не сон. Это команда, команда всполошенная и это не просто подъем, это тревога...

– Быстро! Быстро! Тоже мне, развалились... А ну, встать! Встать, тебе говорят! Бегом! Рота, становись! – гремит чей-то нестерпимо нудный, назойливый голос.

Разведчики сбрасывают с себя шинели, навешивают поясные ремни с дисками, хватают автоматы. У всех невыспавшиеся, моргающие глаза, недовольные, помятые сном и несколько удивленные физиономии. Однако, все привычно выстраиваются в одну шеренгу у холодного кострища и многие из ребят просыпаются окончательно уже в строю. В строю оказался и Федька Фролов, тот самый, что был ранен в ногу при прорыве из Верхнего Курпа. Федька коренастый парень лет двадцати пяти, худощавый, цыганистый, обросший черной щетиной. Он стоит в строю, как будто и не пропадал никуда.

– Ты как здесь оказался? – спрашивает Федьку Подосенов.

– А ты что, первый день замужем? Не знаешь, как здесь оказываются?

– Сбежал что ли?

– Скажешь тоже, сбежал! Причем здесь сбежал? Вижу, что вы без меня зашились, затыркались, да еще и Попов просит, умоляет: «Иди, – говорит, – а то там в роте без тебя такое творится, аж перночевать негде»...

– Смирно! – подал команду Ласточкин. Лицо у него стало серым от усталости и недосыпания, измучен мужик до самого крайнего предела и опять что-то срочное. Ласточкин обошел шеренгу ребят, в строю оставалось не более 30-35 человек, примерно половина от того состава, который был в Ольгинском до вступления бригады в бой.

– Боев, два шага вперед. Марш!

Боев послушно вышел из строя.

– Как шея?

– Нормально, товарищ лейтенант.

Боев самоотверженно врал, многие знали, что шея у него болит так, что головой повернуть не может, но терпит, не жалуется.

– Останешься в роте. Старшине поможешь.

– Фролов!

– Я.

– В распоряжение старшины.

– Хорьков, как рука?

– Да вроде ничего, товарищ лейтенант, только вот пальцы...

– Ложку держать можешь?

– Так, что ложку-то?

– Если с ложкой управляешься, значит, и автомат удержишь.

Подошла и моя очередь. За ночь синяк на физиономии стал фиолетовым и тронулся желтизной, губы еще побаливали, и рука ныла, но не дай бог Ласточкин про ложку спросит.

Ласточкин подозрительно осмотрел меня и не выдержал:

– Ну и морда, хоть на выставку.

Санинструктор Петренко что-то шептал Ласточкину.

- Как рука? – спросил командир роты.
- Ложку держит уверенно, товарищ лейтенант.
- Ласточкин чуть улыбнулся и оставил меня в строю.
- У кого есть жалобы?

Естественно, что жалоб ни у кого не было.

– Боев и Фролов остаются при обозе. Попова и Данилова прошу решить вопрос с кухней и поваром, иначе всем труба. Остальные р-равняйся, смир-рно!

Мы ожидали каких-то официальных, уставных, набивших оскомину слов, но услышали другое.

– Сами видели, что вчера творилось в Плановском. От батальона полтора Ивана осталось. Воевать некому, а продержаться сегодняшний день нужно обязательно. Сегодня он непременно на Эльхотово поперет. Не удержимся – тогда труба дело, забодай вас комарь! Так вот, задача прежняя: закрепиться на окраине Эльхотово и держаться. Главное удержаться. Понятна задача?

– Понятна.

– Тогда позавтракать, получить сухой паек и в Эльхотово бегом. Разойдись!

До Эльхотово километра полтора-два. Солнце еще не встало, над степью белесый туман, а небо уже голубеет.

Наученные вчерашним опытом, мы запаслись сухим пайком и насыпали полные карманы патронов так, что от тяжести штаны еле держались.

Всю ночь по Эльхотову противник вел методичный артогонь. В станице что-то горело, синеватый дым наполнял сады, на улицах воронки, битый камень, стекло хрустит под ногами. На каждом шагу страшные следы войны. На северной окраине слышалась редкая ружейно-пулеметная перестрелка. «Опять кофий пьют», – как говорили наши ребята о немцах, – «привыкли воевать по удобному для них расписанию, избаловались, гады!» Мы и не знали, не знал даже сам командир бригады, что в этот самый час генерал-фельдмаршал Лист нервничал – ему было доподлинно известно, что его действиями не доволен сам фюрер...

Конец первой части

У БОЛЬШОГО КАВКАЗА СОБИРАЛИСЬ ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ

Часть 2

ЖУРАВОВ
Федор Николаевич

Гвардии старший сержант
отдельной разведроты 60-й отдельной
Краснознаменной стрелковой бригады

УДК 93/94
ББК 63.3(2)62
Ж 91

Журавов Ф.Н.

У Большого Кавказа собирались грозовые тучи : Воспоминания о войне : в 3-х частях. – Ч. 2. / Ф.Н. Журавов. – Пушкино, 2025. – 190 с.

Текстовое электронное издание

Что сегодня означает для нас слово «война»? Стрельба, героические подвиги и много смерти, когда смотришь военные фильмы и читаешь книги. Эта книга – воспоминания о Великой Отечественной войне, написанные ее непосредственным участником – ветераном войны, разведчиком Журавовым Ф.Н., который в совсем юном возрасте добровольцем ушел на фронт.

В книге описаны простые военные будни, которые поражают своим ежедневным героизмом. Читая ее, невольно начинаешь чувствовать то, что чувствовал солдат на фронте, пытаешься рассмотреть эти события через ощущения участника войны и понимаешь, что же такое война и как трудно и страшно было молодым солдатам там, где лилась кровь и, казалось, не было спасения от боли и страданий.

Действия происходят в период 1942 года на Кавказе, там, где автор принял свой первый бой, там, где насмерть стояли бойцы Красной Армии, не давая врагу достичь его главной цели – завладеть нефтью. В книге описаны и солдатский быт, и взаимоотношения, и боевое братство в бою – читая о них, война становится ближе, понятнее и страшнее....

Историки находят и еще будут находить новые объяснения событий 1941–1945 годов. Но мы, потомки наших прадедов, сегодня понимаем, что в тот период решалась судьба нашей Родины и судьба еще не рожденных детей, внуков и правнуков. Тогда решался вопрос о свободе и независимости России, и их героическое поколение решило его в нашу пользу.

В книге использованы личные дневники автора, архивные документы.

Компьютерная верстка: Кузнецова Е.Б.
Подписано к использованию 10.02.2025 г.
Объем 2.0 Мб
Тираж 10 CD-ROM

Всероссийский научно-исследовательский институт
лесоводства и механизации лесного хозяйства
Московская область, г. Пушкино, ул. Институтская, д. 15
www.vniilm.ru, e-mail: info@vniilm.ru
Тел.: +7 (495) 993-30-54

Минимальные системные требования: процессор AMD, Intel от 1 ГГц, 100 Мб HDD, ОЗУ от 1 Гб, CD-ROM, видеоадаптер от 1024 Мб или аналог, Windows Vista/7/8/10 или аналог; ПО – Adobe Acrobat Reader или аналог

ISBN 978-5-94219-315-7

© Журавов Ф.Н., 2025
© ФБУ ВНИИЛМ, 2025

Немецкая разведка по тонко продуманному плану Канариса к весне 1942-го года добила многого: в Генеральном штабе Красной Армии и в Ставке предполагали, что ожидаемое летнее наступление немецких войск будет предпринято на центральном направлении, фюрер постарается исправить летом неудачу зимы 1941-42 года.

Крушение Москвы, тяжелейшее военно-политическое поражение Советского Союза – от подобной цели вряд ли откажется Гитлер. И все вроде подтверждало подобные намерения Германии. По заданию немецкой разведки самолеты врага проводили демонстративную аэрофотосъемку районов Ярославля, Горького, Костромы, Владимира. На Западном фронте нашей радиоразведкой было запеленговано много новых армейских и корпусных радиостанций, в руки советской разведки попали вновь отпечатанные крупномасштабные топографические карты Московской, Владимирской и Ярославской областей. Все говорило о том, что немцы готовят удар на центральном направлении.

И никто не догадывался у нас о том, что радиостанции только и работали для того, чтобы их запеленговала советская разведка, и многое другое нарочито делалось так, чтобы вроде случайно стало ее достоянием.

Но вместе с этим втайне, при полном радиомолчании, строжайше соблюдая методы маскировки, Гитлер сосредоточил на юге нашей страны огромные силы: тысячи танков и самолетов, много пехотных дивизий, артиллерии. Сюда были стянуты отборные части вермахта: альпийские стрелки, боевые соединения СС, два воздушных флота, множество сил союзников. Здесь был сосредоточен корпус «Ф», о задачах которого было известно только высшему командованию вермахта. К лету 1942-го года на юге были собраны такие силы, которые были способны одерживать не просто победы, решать не просто стратегические задачи, они могли сокрушать государства. Этим силам удалось, в конце концов, в июне 1942 года сломить оборону Севастополя, оборону Керченского полуострова, полностью овладеть Крымом. Теперь вермахт был готов к наступлению.

От той же разведки фюреру стало известно, что русские проявляют поразительную беспечность: если по берегу Дона части Красной Армии еще строили скороспелые полевые укрепления, то дальше, на юге, на необозримых пространствах Кубани и Ставрополя подготовленных рубежей обороны не было, как и не было достаточного количества войск.

А стратегические цели были для немцев настолько заманчивыми, что перед ними блекла перспектива захвата Москвы. Открывалась возможность захватить богатейший край, способный обеспечить продовольствием не только наступающие армии вермахта, но и всю Германию; нефть – эта кровь боевой техники оказалась бы в руках фюрера. Но и это только начало – дальше открывались такие перспективы, что голова шла кругом: захватив Кавказ, немецкие ударные части должны были вступить в Иран и Ирак! О, здесь Турция уже больше не станет тянуть резину, она непременно захочет получить долю советского пирога за счет Грузии и Армении. Однако фюрер считал, что союзная Турция направит свою армию на Ближний Восток, к Египту, и высвободит силы фельдмаршала Роммеля. Гитлер знал, что в Иране найдутся силы, которые будут способствовать корпусу «Ф», специально предназначенному для того, чтобы шагнуть к границам Индии. В этом случае Япония перестанет отделяться обещаниями, она двинется в Сибирь. Остатки Красной Армии, лишенные техники, продовольствия, откатятся за Северный Урал и погибнут в бездорожье и топях. Именно здесь, на юге, будет решена судьба

войны. А Москва? Что Москва! Она какое-то время еще будет оставаться прибежищем горстки большевиков, но дни ее сочтены – она рухнет, как рухнули Париж, Брюссель, Прага, Варшава! Тогда фюрер разыграет с этой проклятой Москвой такой спектакль, что содрогнутся Англия и Америка, содрогнется мир! И вот оно – мировое господство, до которого не смогли дотянуться ни Александр Македонский, ни Чингисхан, ни Наполеон. Само провидение избрало для этой миссии фюрера Германии. Немецкие войска уже шли по пути к этой цели, которая стала теперь не мечтой, а реально планируемым делом.

Фельдмаршал Лист прошел сотни километров победным маршем, остались несколько десятков километров, за которыми уже зримо обозначались контуры великих целей...

К превеликой досаде нетерпеливого фюрера темпы наступления фельдмаршала Листа резко снизились, он не укладывался в те сроки, которые были ему указаны верховным командованием. Мало того, за своей спиной Лист умудрился оставить Новороссийскую группировку красных, он не мог преодолеть оставшихся двадцати километров до Туапсе, чтобы изолировать эту Новороссийскую группировку и выбраться на стратегически важную дорогу по берегу Черного моря.

До фельдмаршала докатывалось эхо недовольства фюрера. По мнению Листа, фюрер и представления не имел о том, что Красная Армия, несмотря на колоссальные потери, это уже совсем не та армия, что была осенью прошлого года. Представители Генштаба, приезжавшие на Кавказ, желая угодить фюреру, докладывали ему только то, что импонировало речам и мыслям вождя немецкого народа: они всячески обыгрывали тот факт, что на Туапсинском направлении солдаты фюрера с вершин захваченных ими гор уже видят блеск Черного моря, что альпийские стрелки водрузили флаг со свастикой на высочайшей вершине Европы – Эльбрусе.

Вначале Листу казалось, что здесь, на подступах к Казбеку, он близок к удаче: солдатам его армий удалось пройти огромные расстояния, положить к ногам Рейха богатейшие земли, форсировать бесчисленное количество рек, захватить десятки городов и сотни станиц, каждая из которых по числу жителей и занимаемой площади, могла быть приравнена к европейскому городу. Отступая, части Красной Армии оказывали довольно слабое сопротивление, по данным разведки, у русских здесь не было крупных резервов, и вдруг наступление застопорилось. Части вермахта еще наступали, но это наступление не имело ничего общего с победным шествием, каждый километр теперь давался ценой многодневных боев и огромных потерь. Русские дрались с отчаянием обреченных, приходилось постоянно отражать их многочисленные контратаки. Листа поражала необыкновенная стойкость в обороне, фанатичное упорство в бою, особенно советских моряков, сражавшихся на суше, их страшная дерзость в контратаках. Лист одобрял своих солдат, не бравших в плен этих дьяволов, хотя такая возможность и случалась довольно-таки редко – этих фанатиков нужно было уничтожать сразу и без колебаний.

Фельдмаршала брала досада: беспомощно топтались на месте такие прославленные соединения вермахта, как мотодивизия «Викинг», как 13-я танковая дивизия! Между тем Эльхотовы ворота были первой ступенью к рубежам полной победы...

В Генштабе Красной Армии, в штабе генерала Тюленева, видимо, понимали не хуже Листа, что на Кавказе сложилась критическая ситуация. Правда, генералу Петрову удалось остановить под Туапсе и Новороссийском наступление немецких дивизий, навязать им позиционные бои, которые изматывали врага, съедали его силы. Но в ряде случаев противник, по-прежнему преодолевая упорнейшее сопротивление, продвигался вперед. В обстановке, когда одна бригада могла выдержать удар танковой и пехотной дивизий противника, когда один батальон принимал на себя удар двух полков диви-

зии СС, выдерживал этот удар и осмеливался еще контратаковать, в такой обстановке невозможно было упрекать тех, кто находился в окопах.

Накал тяжелых кровопролитных боев возрастал с каждым днем и с каждым километром пространства. Гитлеровцы боялись позиционных боев, они могли принести выигрыш во времени для генерала Тюленева, они позволят изыскать резервы... Фельдмаршал Лист торопился. Угрожающие покрикивания фюрера заставляли его торопиться.

По планам ОКВ*, в октябре Лист должен быть в Баку и в Грузии, он должен был опрокинуть оборону Красной Армии, найти ключ к победе. Но, как на зло, части Красной Армии цеплялись за каждый метр земли, стояли насмерть, и мир удивлялся их стойкости.

Наступавшие дивизии вермахта не жалели крови своих солдат, командование пулей и снапсом гнало их вперед на смерть и не было иного выхода. «Да поможет нам Бог!», – подумал Лист и отдал приказ на решительный штурм Эльхотовых ворот.

Лейтенант Ласточкин, не говоря уже о нас, не знал стратегических планов фюрера и фельдмаршала Листа, но то, что «он» сегодня «вдарит» и непременно танками и авиацией, чтобы прорваться к Эльхотовым воротам, на этот счет ни у кого не было сомнений. Полковник Добровольский приказал всех, кто может стрелять, посадить в оборону на северной окраине Эльхотова, и лейтенант Ласточкин послушно вел подчиненных ему бойцов в указанное место обороны.

Северная окраина Эльхотова чем-то напоминала Плановское. Тоже шоссейная и железная дороги в густых посадках на окраине, где была подготовлена глубокая траншея, обычные огороды, цепочка тополей, а за ними большое поле, часть которого была занята помидорами. Белые и красные крупные помидорины валялись на земле и оказались никому ненужными...

Примерно в полукилометре была видна посадка, поперек пересекавшая поле, вот там изготовились к атаке боевые части противника, оттуда хлопали одиночные винтовочные выстрелы и короткими очередями бил пулемет. Сзади нашей траншеи стояли замаскированные сорокапятки, полковые 76-миллиметровые пушки, даже длинноствольные зенитки здесь использовались как противотанковая артиллерия. Ночью наиболее танкоопасные участки нашими саперами были заминированы противопехотными и противотанковыми минами.

Наша рота, приданная какому-то стрелковому батальону (этой мелкой подробностью никто не интересовался), заняла оборону по окраине станицы, правее нас было поле, перечеркнутое грязно-желтой полосой траншеи, там тоже копошились бойцы, оборудовали себе удобные стрелковые ячейки.

Нам тоже было приказано заняться делом и мы работали, не жалея сил – углубляли траншею, от нее чуть вперед каждый для себя копал стрелковые ячейки. От ломаной линии траншеи прямо в станицу вводили ходы сообщения.

Чуть позади траншеи оборудовали наблюдательные пункты корректировщики огня, командиры стрелковых рот. Все понимали, что каждая минута сейчас на вес золота, нужно зарываться в землю, маскироваться, оборудовать ячейку так, чтобы было удобно вести огонь.

По земле еще стелился седой туман, но вот-вот из-за гор выглянет солнце и тогда туман рассеется, тогда работать в траншее станет опасно – вполне достанет снайпер или пулеметчик. Ребята копали, углубляли траншею, наращивали бруствер, в стрелковых ячейках оборудовали ниши для дисков и гранат. Работа спорилась, даже у Хорькова, который копал недалеко от меня. Рука у него вроде в порядке и ячейка у него глубиной по плечи. А у меня не все ладилось – рука болела, бинт снова набух от крови, повязка грозила съехать на локоть, от туго завязанного бинта немели пальцы.

* ОКВ (от нем. *Oberkommando der Wehrmacht*, от нем. *OKW*) – Верховное командование вермахта.

То, что я отстаю в работе, заметил Ласточкин, подошел ко мне сзади и недовольно спросил:

- В чем дело? Чего копаешься?
- Я сейчас, товарищ лейтенант, рука малость болит – не разгонишься.
- Зря я тебя взял. Гранату на двадцать пять метров кинешь?
- Сейчас вряд ли.

Ласточкин чего-то подумал, потом вдруг подозвал Хорькова:

- Хорьков, помогите товарищу,
- Шо? Ему копать? Этому придурку? Да у меня у самого рука...
- Оставить разговоры! Я про твою руку знаю, Хорьков, мне санинструктор докладывал.

- Дык я...
- Я кому сказал?!

Было совершенно непонятно, почему Ласточкин приказал помочь мне именно Хорькову. Этого я и сам бы меньше всего хотел. Хорьков поплевал на руки, взял у меня лопату, покрутил ею, пока Ласточкин не отошел в сторону, а потом, когда тот скрылся за поворотом траншеи, зло воткнул лопату в землю у своих ног, прислонился к стенке траншеи, бросил окурок, раздавил его пяткой и спросил:

- У тебя табак есть?
- Есть.
- Давай сюда кисет.
- Зачем? – спросил я, видя, что он только что бросил окурок и чуя какой-то подвох.
- А ты шо, думал я за так на тебя ишачить буду? Дурака нашел! Черт на попа не работник. Рука у него заболела! Когда кашу жрал не жаловался? А у меня тоже рука и почище твоей!
- Знаешь, Хорьков, пошел ты к черту, без тебя обойдусь!
- А это дело твое. Так и доложим, что не желает, мол, интеллигент с уркою связываться. Чистоплюй московский!
- Давай лопату и жми отсюда!
- Ты потише, салага. И так должок за тобой.

Я резко вырвал из рук Хорькова свою лопату, тот ухмыльнулся и неторопливо пошел к своей ячейке. Он даже затынул какую-то песенку:

*Товарищ, товарищ,
А может быть, ударишь,
А может быть, рубашку разорвешь...*

Минут через пять подошел Бергалеев.

- Слушай, дай мало-мало вода.
- Вон на бруствере фляга – бери, только и мне оставь.
- Какой такой вопрос. Коньчно оставляю.

Бергалеев сделал несколько глотков, заткнул горлышко фляги пробкой и потом критически осмотрел мою стрелковую ячейку.

- Пачему окоп такой, да?
- Сейчас докопаю. Немного рука болит, повредило вчера.
- Бергалеев хитровато улыбнулся и добавил:
- Морду тоже мало-мало задело. Дай-ка лопату.

Бергалеев взял в руки лопату, и земля у него полетела с лопаты, как с транспортной ленты. Десяти минут не прошло, как окоп был готов и даже самый придиричивый проверяющий не нашел бы изъянов. Бергалеев поставил лопату, вытер вспотевший лоб рукавом и удовлетворенно сказал:

- А ты мала-мала боялась.
- Закури, Бергалеев.
- Нет. Курым не нада. Вредна! Моя отец, моя дед не велел курым. Бабка, тот курым.
- Спасибо, друг, помог ты мне.
- А! – Бергалеев махнул рукой и пошел, пригнувшись, по траншее к своей ячейке.

Прошло еще немного времени. Солнце вызолотило косыми лучами дальнюю посадку, поле, туман растаял, оставив на земле седую росу, слабый ветер завозился в листьях тополей, и наступил день.

В небе появилась «рама». Немецкий самолет-разведчик плавал в небе, закладывал виражи, сверкал на солнце крыльями и казался бойцам не очень опасным явлением. Потом он улетел к горам, к Эльхотовым воротам, и было слышно, как там застучали зенитки, отгоняя разведчика.

Стало снова тихо. Затаившаяся война готовила нам сюрпризы, но сейчас она, как тигр в засаде, ничем себя не проявляла.

Пригнувшись, по траншее шел Селиванов. Он остановился против моей стрелковой ячейки и спросил:

- Все смотришь?
- Смотрю.

– Ну и дурак. Все равно ничего не увидишь. Знаешь, у фрицев железная система: вначале они будут, гады, бомбить, потом сыграют артподготовку, а уж тогда, когда их командование решит, что мы наполовину перебиты, а наполовину в штаны наложили, вот тогда они и сами явятся.

- Может быть.

- То-то, что может быть. У тебя табачку не найдется?

– На, кури. Только я на твоём месте выпросил бы у старшины еще пайку или спер бы на худой конец.

Селиванов старательно делает самокрутку, прикуривает, с удовольствием выпускает синий табачный дым и раздумчиво отвечает:

– Ты вот москвич, человек, можно сказать, почти культурный, а такие вещи говоришь: «спер бы». Ты еще не соображаешь по младости. Самому старшине спереть нужно? Нужно. Да Гришка Бельтюков вон сопрет, потому что он все сопрет, что плохо лежит. Да я еще сопру. А тебе тогда что достанется? У кого мне тогда на закрутку табачку стрельнуть, как солдатскую боевую дружбу и верность товарища проверить? То-то же. Спереть... Спереть – дело нехитрое, да вот...

- Воздух! – послышался крик.

– Ну вот, что я тебе говорил! – сказал Селиванов и неторопливо, попыхивая сигаркой, пошел по узкой траншее к своей стрелковой ячейке.

В ясно-голубом небе со стороны Плановского появилось много черных точек, казалось, что они летят очень медленно, словно повисли в воздухе, а от них к земле во всю ширь их строя, словно серая кисея, стекала полоса моторных выхлопных газов. Машин шло много. Грозный, прерывистый и нарастающей силы гул заполнял все небо.

Неужто началось? Что-то сегодня рано. Сейчас не более девяти утра. Куда же они сейчас вдарят? Самолеты все ближе. Теперь вроде и летят они выше и быстрее... Идут двухмоторные юнкеры. На этот раз их много, очень много – больше сорока машин. Ну, теперь держись. Самолеты идут прямо над нами. Я с тревогой смотрю, когда отделятся от них черные капельки бомб. Земля мелко вибрирует, как будто тоже ждет страшного бомбового удара. С бруствера, со стенок окопа текут тоненькие струйки мелкого песка.

Самолеты мощные, двухмоторные, концы крыльев у них бледно-желтые и на них четкие стилизованные черные кресты, поперек фюзеляжа тоже желтая полоса и на ней черный крест, а на хвосте, обведенная тонкой белой полосой, черная свастика. Надо же выбрать себе этаким знаком – ну в точности черный паук. Недобрый, страшный, зловещий

это знак – свастика, а люди, избравшие паука своим символом, опасные люди: у них на уме преступление, жестокость, варварство.

Мы сидим в траншее и следим глазами за полетом злых машин. Самолеты проходят над Эльхотовом и всем становится ясно, что нас бог миловал и обрушат они бомбы на Эльхотovy ворота – танкам дорогу прокладывают, паразиты. Действительно, через некоторое время донесся мощный, раскатистый, как гром надвигающейся грозы, грохот бомбежки. Там, за Эльхотовом, в небо поднималась серая туча. Мы представляли себе, что сейчас там творилось!

Теперь следующего удара мы ждали по нашей обороне. Было ясно, что враг рассчитал дорогу для своих танков. До Эльхотовых ворот здесь недалеко – километров 6-7 от силы, для танков это на полчаса всех дел, если, конечно, мы не удержимся. Тот факт, что фашисты свой первый удар обрушили на Эльхотovy ворота, а не на нас, приводил к мысли, что нашу оборону враг всерьез не воспринимал, рассчитывал быстро опрокинуть ее танковым тараном.

Не знаю, как на других ребят, но на меня такое пренебрежение действовало даже неприятно: ну как – мы действительно ничего не стоим и это известно противнику? Где же истина? Ладно, сейчас увидим истину.

– Федька! У тебя противотанковые есть? – кричит из своей стрелковой ячейки Мишка Беляков.

– Есть одна.

– Еще одну дать?

– А ты?

– У меня их три.

– Тогда давай.

Ко мне в окоп, кувыркаясь в воздухе, летит килограммовая «толкушка», она ударилась о бруствер и свалилась мне под ноги...

– Ты что, ирод, спятил?! А если бы взорвалась?!

– А ты думаешь, я дурак, думаешь, не знаю? Если бы взорвалась, то все – конец бы тебе, даже мокрых штанов от тебя бы не осталось, это уж как пить дать! Только я из нее чеки-то не вытащил!

Ничего себе шуточки! Но для споров и упреков уже не было времени. Из посадки, что впереди, с переднего края немцев взлетели в небо серией зеленые ракеты... Какой-то сигнал. Мы было насторожились, да нет, вроде тихо. Война затаила дыхание, замерла, даже стрельба стихла, стало слышно, как трещит шальной кузнечик в траве.

Неспроста так тихо. Война притаилась, как тигр в засаде, все ее мышцы напряжены до предела, сейчас и жди свирепого прыжка. «Быть грому великому»!

– Воздух!

Ну, кажись, началось!

Над Плановским снова появились самолеты, их было много и, как и в первый раз, за ними тянулась до самой земли серая вуаль отработанных газов. Большая стая бомбардировщиков в четком строю, звеньями, наплывала прямо на нас, и бойцы передовой неотрывно смотрели в небо, которое заполнилось прерывистым гулом десятков моторов. Сквозь сплошной гул слышится чей-то голос:

– Двадцать один. Очко, мать их за ногу. Сейчас врежут!

...Вот они, почти над нами. Желтые оконечности крыльев, черные кресты... Тут я явственно заметил, как от самолетов, сверкнув на мгновение в солнечных лучах, отделилось множество мелких, как пыль, точек, и тут же они исчезли в ослепительном блеске голубого неба. Это бомбы, и я знал, что они только показались такими мелкими и незначительными, это обманное впечатление: на самом деле это грозная смерть, страшная сила, и она сейчас стремительно несется к земле. Секунда, другая, третья... и мир растворился в свирепом визге падающих бомб. Разноголосый вой и визг, как рев са-

таны, придавил к земле все живое. Мгновение – и земля тяжело вздрогнула от первого чудовищного удара, и сразу же планету бросило в дрожь и в судороги. Земля норовила выбросить из окопов людей, засыпала их тяжелым ливнем из песка, пыли, камней. Грохот, визг, дым... Стало темно... Снова ад, снова горящие, тяжелые, болезненные удары по спине, по голове и ушам, и тело корчилось от боли и ожидания неминуемой смерти...

Сколько прошло времени этого ада? Для тех, кто его творил прошло минуты три-четыре, для тех, кто оказался в этом аду, прошла вечность...

Грохот разрывов затих. Только звон и гул в ушах, только черное небо над головой. Наверное, прошло сколько-то времени, прежде чем сквозь дым и пыль пробился оранжевый диск солнца.

«Юнкерсы» прошли над Эльхотовом, где-то развернулись, и только сейчас мы услышали бешеную скороговорку зениток, раскатились в злобном треске десятки пулеметов. За немного поредевшей завесой из дыма и пыли мы еще не видели неба, еще не пришли в себя, но все услышали внезапно возникший трубный, дребезжащий вой. Мутное от пыли и дыма небо перечеркнула прямая, густо-черная полоса дыма и было видно, как двухмоторный «Юнкерс», свалившись на одно крыло, выпустив черный траурный шлейф, теряя высоту, заревел, как подстреленный зверь, и грохнулся в поле, выплеснув вверх высокий гриб черного дыма вместе с оранжевым пламенем. Ударил тяжелый взрыв. В небе, словно два белых пузыря, повисли парашюты...

– А-а, паразит, доигрался! – злорадно вопил кто-то из ребят.

– По парашютам, по парашютам стреляй!

– Очертенел! Куда они уйдут? Все равно наши будут.

Наше торжество не было долгим. Оглушительно рванули перед нашей траншеей снаряды, потом еще и еще. Землю снова тряс лихорадочный припадок.

В лицо, в спину, в голову били жаркие и упругие, как резина, взрывные волны. Снова над всей передовой пыль, острый запах сгоревшей взрывчатки. Сила огня нарастала с каждой секундой. Поднять голову невозможно – верная смерть от осколка. Окоп осыпается, по его стенкам все время текут струйки сухой земли... «А ребята живы?» Мне вдруг показалось, что вокруг никого нет. «Может, я один здесь, как дурак, остался?» Взрыв! Еще взрыв! В ушах болезненный звон, череп раскалывается от оглушительного грохота. Земля непрерывно вскидывается гейзерами взрывов, серый и синий дым вокруг, а мины и снаряды рвутся все ближе, злее непрерывный оглушительный грохот. Арталет длится целую вечность. Откуда у них, гадов, столько снарядов и мин?!

С особенным остервенением немецкие артиллеристы бьют по нашей траншее. Все потонуло в грохоте и дыме. Визг снаряда, громовый удар взрыва сзади стрелковой ячейки моего окопа, еще взрыв, еще! Нет этому конца. Ничего нет больше на свете, кроме этой сатанинской пляски смерти.

В какое-то мгновение волна взрывов перекатилась через нашу траншею и тут же послышались знакомые вдвоенные выстрелы танковых пушек, короткие, рвущие душу взвизги снарядов и оглушительно хлесткие взрывы.

Впереди по всему полю стелился низкий моторный гул, слышалась тяжелая поступь танков, страшный накатывающийся грохот и скрежет стальной лавины. Над степью пыль и дым, за этой грязно-синей завесой стали различимы немецкие автоматчики. Они неторопливой трусцой бежали за танками. Все повторялось, казалось, что все это еще не кончившийся вчерашний день...

Наша траншея молчала. Это молчание казалось мне страшным – да есть ли кто-нибудь здесь живой?! Сзади, из станицы, часто захлопали батальонные минометы. Серые клубки взрывов вспыхивали среди танков, среди наступающих автоматчиков. Танки усилили огонь, стараясь найти, подавить минометные батареи. Часть танков шла правее Эльхотово, они отсекали станицу, повторяли вчерашний маневр, но неожиданно наткнулись на минное поле, поставленное ночью саперами. Из нашей траншеи было

немного видно, как первый танк вздрогнул, окутался дымом, и стальное чудовище замерло, пораженное смертью. На правом фланге танки остановились. Они стреляли из пушек, но и сами представляли неплохую мишень, на них обрушили огонь наши противотанковые пушки. Но в центре танки продолжали двигаться вперед, несмотря на сильный огонь наших ПТРовцев и пушек. Немецкая артиллерия продолжала измолачивать тяжелыми снарядами и минами окраину Эльхотово. Взрывы грохотали непрерывно. Со стороны Плановского заскрежетали шестиствольные минометы, трубно загудели реактивные мины и тяжелые взрывы взметнули за нашей передовой черные столбы дыма. Жестокая бомбежка, артиллерийская подготовка врага, не утихающий огонь артиллерии и минометов по обнаруженным целям делали свое дело – мне показалось, что наш ответный огонь, огонь по танкам начал ослабевать. В нашей траншее уже валялись бинты, окровавленные лоскутья одежды. Снова тела убитых укладывали на край траншеи с другой стороны бруствера, в горячке боя их некому было оттаскивать в тыл и они продолжали войну, своими костями и мышцами укрывая живых от осколков.

Танки подходили все ближе, сквозь стрельбу и взрывы стали слышны скрежет гусениц и лязг металла. В нашей траншее кто-то кричал сорванным голосом, слов команды невозможно расслышать из-за сплошного автоматного и пулеметного треска. Я выглянул вперед. Танков пятнадцать накатывалось на нашу передовую, за ними тянулась сплошная пылевая завеса, но в ее серой мути можно было разглядеть бегущих автоматчиков. Наши пушки заговорили в полный голос, сейчас их огонь снова усилился, но танки уже в опасной близости от траншеи. Вот он, первый! Он вырвался из плотной тучи белесой пыли, его пушка шевелилась, нащупывая цель, и выплюнула из длинного хобота оранжево-белый язык огня... Ба-бах! Тр-ра-ах!!! Снаряд рванул где-то слева. За первым танком появились новые серые машины, а все поле покрылось вспышками взрывов. От башни одного танка брызнул в стороны сноп белых искр. Правее нас уже горело несколько танков и напротив нас один горел красным коптящим пламенем. Один из танков подошел близко и выстрелил из пушки, я аж присел в окопе, в ушах оглушительный звон и я не слышал разрыва снаряда. От пуль танковых пулеметов, от непрерывной стрельбы автоматчиков брызгами разлетается земля на бруствере.

Танки рядом и уже некуда от них деваться! Теперь уже все равно! Теперь только бой, драка, смерть!!! Скрывшись за обрезом бруствера, полагаясь на слух, я следил за нарастающим визгом и скрежетом танковых гусениц... Сейчас, сейчас! Пора! Рывком вытащил матерчатую петлю чеки из противотанковой гранаты и приподнялся, чтобы бросить, но в то же мгновение раскатились очередями «шмайсеры», я снова невольно пригнул голову. Надо бы вначале лимонку! А, все равно! Привстал и швырнул тяжелую гранату. «Толкушка» кувыркнулась в воздухе... Промазал! Тяжелый взрыв грохнул в нескольких метрах от танка. Недокинул, гад! Танк сверкнул пламенем выстрела... От тяжкого, оглушающего удара потемнело в глазах, в ушах гудящая боль. Я ударился спиной о стенку окопа и сполз на его дно...

Видно, несколько секунд я не приходил в себя, а за это время случилось многое. Выстрел противотанковой пушки остановил этот проклятый танк. Выстрел, еще выстрел – огненные брызги от брони. Танк дернулся, остановился и следующий снаряд вцепил ему под основание башни... Я живой? Вроде живой. Подбитый танк метрах в двадцати от траншеи. По всей нашей траншее сплошной треск выстрелов – хлестко бьют противотанковые ружья, стучат зенитки, и белые стремительные трассы снарядов перечеркнули поле... Несколько танков горело, черный дым стелился по полю. Мы стреляли из автоматов по солдатам противника, а Серега Мартынов – из ручного пулемета. Над передовой сплошной грохот, рев и треск выстрелов, все потонуло в угарном чаде. Атака фашистов захлебнулась. Танки, огрызаясь огнем пушек, отползали назад. Поле почернело от толовой гари, его исполосовали танковые гусеницы, исклевали снаряды и мины. Пушки и минометы еще неистовствовали какое-то время, потом их огонь ослаб и, нако-

нец, смолк. Война устала от боя, захлебнулась в человеческой крови, наверное, ей тоже требовался отдых.

...Очень хотелось пить. Воды мало. Отпил глоток из фляжки, остальное решил поберечь. Тяжко. Честно говоря, после вчерашнего боя мне казалось, я больше не выдержу такого напряжения, такой изматывающей, физически нервной встряски. Сколько же это может продолжаться? Будет ли этому конец? Хоть бы ранило в руки или в ноги, только бы не в живот, не в голову... Где-то есть госпитали, белые простыни и подушки, и нет стрельбы! Что делать – война! И чего это я? Как же другие ребята?

Кто-то отдал приказ собрать документы убитых солдат противника, у тех, что лежали поближе к нашей траншее. Трое разведчиков поползли, вернулись обратно двое. Но эти двое притащили своего убитого товарища и раненого в обе ноги немца. Раненый был без сознания, его перевязали, наложили жгуты, кое-как привели в чувство. Лицо у немца в земле, ладони рук в крови. Поняв, где он находится, немец вдруг отчаянно закричал, пронзительно и громко.

– Ну ты, ферфлюхтер! Молчи, гад, пока не врезал!

Сергея Мартынов, который и притащил этого немца, еще не остыл от боя и мог действительно «врезать». Сергей замахнулся прикладом автомата, и немец мгновенно замолчал. А Сергей продолжал его допрашивать:

– Ферштеен русиш?

– Наин, найн, – немец что-то быстро сказал, но никто из ребят ничего не понял.

– Нумер дивизион?

Немец снова начал быстро и громко говорить.

– Чего это он? – спросил Арабов.

– А хрен его знает. Вроде грозит даже, говорит «аллес капут». Только не разобрал я кому капут, – ответил Сергей.

– Гитлер капут? – переспросил немца Арабов.

– Найн. Хитлер никс капут. Ду зайн капут унд ду... – немец указывал глазами на наших ребят, предвещая каждому неминуемый «капут».

– А, мать его за ногу!

Мартынов рывком взвел автомат и наставил его на раненого немца, тот загородился руками, ожидая выстрела. Сергей не выстрелил, опустил автомат.

В траншее появился Ласточкин с перевязанной головой, без фуражки. Узнав в чем дело, приказал оттащить пленного на сборный эвакуопункт. Бежали минуты, на передовой было тихо, только где-то на левом фланге слышались разрывы снарядов. Горячка боя постепенно проходила, ребята набивали патронами опустевшие диски. В этом бою у нас один разведчик погиб и один был ранен.

Отбили одну атаку. Только одну! Что еще нас ожидает? Немцы, конечно, не успокоятся – им во что бы то ни стало нужно нас уничтожить, а нам любой ценой нужно удержаться на этом рубеже. Который сейчас час? Еще долго будет тянуться этот проклятый день?

Пригнувшись, по траншее шагает Селиванов, тащит в руке тощий вещмешок. Увидев меня, спрашивает:

– А где Беляков?

Беляков сидел в своей стрелковой ячейке и старательно устанавливал патроны в улитке автоматного диска.

– Ребята, давай все сюда на собрание, – требовательно произнес Селиванов.

– Ты чего удумал? – не поднимая головы, спросил Мишка Беляков.

– Я так считаю, что с сухим пайком нам нужно кончать. Какого хрена его беречь?

При такой жизни того гляди убьют и пайек пропадет.

– А что, это дело, – поддержал Селиванова Мишка Беляков.

Пайек старшина выдавал сразу на троих. В нашем «колхозе» были Селиванов, Мишка и я.

– Та-ак, – удовлетворенно протянул Селиванов. – Большинство «за», а Федька молчит. Не понимает, что этим молчанием он играет на руку классовому врагу, подрывает, так сказать, мощь Красной Армии!

Селиванов дурачится и развязывает вещмешок. Пример нашего «колхоза» оказался заразительным и через несколько минут, пользуясь затишьем, разведчики за один присест расправлялись с сухим пайком, выданным старшиной на сутки. А как растянуть в наших условиях одну банку консервов?

На передовой затишье, бойцы расправляются с сухими пайками, курят, приводят в порядок траншею и стрелковые ячейки, уносят убитых и раненых, готовятся к новому бою. Тревожной и напряженной жизнью кипят штабы, решаются вопросы о резервах, боеприпасах, эвакуируются раненые, кто-то хоронит убитых...

Спустя много-много времени станет известно, что примерно в это же время после неудачной первой атаки на Эльхотово командир 13-й танковой дивизии немцев, которого лично знал фюрер, выразил своим офицерам недовольство. Подобные неудачи покрывают позором славное знамя дивизии, которая победным маршем прошла по полям Бельгии, Франции и Польши... Дивизия победным маршем прошла по степям Украины и Кубани и после всего остановиться здесь, у неведомой миру станицы?! Кровь павших товарищей требует отмщенья!

Против дивизии стоит горстка русских, которые едва ли опомнились от первого удара немецких танков. Командир считал, что только танковым тараном, стремительным ударом врезаться в оборону врага, смять ее, уничтожить огневые средства и взять штурмом Эльхотовы ворота. Вслед за танками автоматчики довершат начатое дело. «Я за-прещаю моим храбрым солдатам отвлекаться на второстепенные дела, их цель – Эльхотовы ворота. Не нужно брать пленных, не обременять себя необходимостью их охраны и конвоирования. Только вперед!» Еще не старый и пылкий генерал говорил с пафосом, с пафосом заявил офицерам, что он сам лично на своем танке поведет на штурм свою прославленную дивизию, он будет впереди и в течение часа его танки должны выйти на равнину Осетии! Для потомка рыцарей-крестоносцев война была смыслом жизни, и он не понимал жизни вне войны. Ко всему прочему, это был, бесспорно, талантливый командир, он все рассчитал, он умел зажечь людей и повести их за собой. Ему давно и верно сопутствовала удача, он был уверен в ее постоянстве и сумел внушить эту уверенность своим офицерам.

* * *

Полковнику Добровольскому наконец удалось связаться с частями на северной окраине Эльхотово. Связь была восстановлена. Из докладов своих подчиненных он уже знал, что атака противника была предпринята малыми силами и ее отбили. Правда, проклятая бомбежка, артобстрел, вывели из строя две батареи противотанковых пушек и батарею тяжелых минометов. С минуты на минуту Добровольский ждал повторения атаки и полагал, что она будет предпринята противником гораздо большими силами. Общая обстановка на участке складывалась тревожно. По левому берегу Терека противник продолжал теснить части соседней армии и вышел на подступы к Эльхотовым воротам, оказавшись левее и чуть позади Эльхотово. Правда, там, на той стороне, не было дорог. Эльхотово нужно было удерживать, здесь шли дороги в Северную Осетию, отсюда начинался оперативный простор для действий вражеских войск. Кроме того, падение Эльхотово неминуемо привело бы к тому, что бригада окажется прижатой к горам, лишится возможности маневра... Добровольский отдал свой единственный резерв – две батареи противотанковой артиллерии под обещание командующего армией немедленно направить в поддержку бригаде танковый батальон и дивизион противотанковых пушек... Бригадные саперы не знали отдыха: труженики войны ставили мины

ночью, утром вместе со стрелковыми частями отбивали атаку врага, а сейчас, в минуты затишья, минировали местность позади нашей траншеи; работали до изнеможения, соленный пот разъедал глаза, промокли гимнастерки – саперы не знали передышек.

На переднем крае воцарилась неестественная тишина. Бойцы бригадного химвзвода притащили к нам в траншею бутылки с прозрачной жидкостью и втолковывали недоверчивым бойцам:

– Спички есть?

У кого спичек не было, тому выдавали десятка полтора рассыпанных спичек и кусочек коричневой шкурки от коробка.

– Так вот, подпалишь этот фитиль, он зашипит, а ты кидай пол-литру и старайся попать ею в моторную часть танка сверху. Только не зевай, а то вместо танка сам сгоришь к едрене бабушке. В общем, чиркнешь и кидай! Понятно?

Ребята без особого энтузиазма брали эти пол-литры, подозрительно их рассматривали и убирали в нишу для гранат в стрелковой ячейке. Не внушали доверия эти пол-литры.

Вдоль траншеи снова прошел Ласточкин, проверяя готовность своего воинства к бою. Худой, небритый, лоб перевязан грязным бинтом, он спрашивает почти каждого одной и той же затверженной фразой:

– Ну как, славяне, боеприпасы есть? Давай, держись!

У меня вроде проходят звон и шум в ушах, только вот чувство времени потеряно: что сейчас – утро, день, вечер? Ничего сообразить не могу. А немцы все молчат. Только редкие и короткие пулеметные очереди из посадки. И наши солдаты зря стрелять не приучены.

– А может, он, гад, обжегся и теперь будет сидеть тихонько и не рыпаться? – предположил кто-то из ребят.

– Как же, усидит он!

У молодых ребят пережитые стрессовые ситуации, напряжение боя постепенно проходят, и в нашей траншее неподалеку от меня собралось несколько человек. Закусили сухим пайком, закурили и чешут языки, без всякого осуждения слушают записных трепачей, по-детски откровенно радуются любой шутке, даже не очень складной. Особенно весело умели «травить баланду» Анатолий Медвинский и Федька Фролов. На сей раз Анатолий с выражением рассказывал как Яшка-артиллерист пострадал на войне и попал прямо в рай на небо. Медвинский рассказывал:

– Значит, идет Яшка по голубой земле, а кругом ангелы в белых балахонах, с белыми крыльями и, конечно, нежными голосами разные песни поют. Привели Яшку к самому главному ангелу, божьему заместителю по строевой части, тот сразу узнал, с кем имеет дело и тут же спрашивает:

– Ну как, солдат, не забыл ли ты чего на земле?

А Яшка и скажи:

– Ваше благородие, вот позавтракать я не успел и обеда не дождался, а к обеду солдату чарка была положена – вот обидно-то.

Как узнал про то главный ангел, рассердился. Приказал старшину этого, который солдата на небо нежрамши отпустил, кинуть прямо в ад к сатане, пусть тот с ним разбирается. А Яшку велел пока проводить к богу заместителю по тылу, чтобы там солдата накормили и чарку, не скупясь, выдали. Тут ангелы взяли Яшку под белы ручки и повели в райские кущи, а там уже и стол накрыт под белой скатертью, а на нем-то и рыбочка вяленая, и мясо жареное, и сальце кусочками с прожилочками, и борщ горячий, картошечка с гусиными шкварочками, компоту, конечно, ведро, не меньше.

– Ешь, солдат, от пуза, за все свои муки на земле отведи душеньку здесь, на небе, – сказал один ангел Яшке и тут же вышиб беленькую пробочку из пол-литровки.

Тяпнул Яшка стакан граненый и показал божьим ангелам, что такое аппетит сол-

датский, а те только Яшке на тарелку все яства разные подкладывают. Упрел Яшка от такой работы, хоть на земле и неплохим солдатом считался, а ангелы с него белыми рушниками пот вытирают, а разные там девы непорочные ему еще винограду и райских яблочек на блюдах несут.

– Как, наелся, солдат? – спрашивает его один ангел, а Яшка на скамейке крутится и дев непорочных чуть не матом гонит подальше к самой божьей матери. Ангелы удивились, в чем дело полюбопытствовали, понять не могут, что это солдат так разнервничался. Тут Яшке делать было нечего, он и поведал, что с голодухи-то навалился на жирный борщ да на сало – ну вот с животом у него и приключилась беда, вроде расстройство внутреннего устройства приключилось, а как тут быть, на небе-то, он и сообразить не может.

Тут ангел успокоил Яшку, сказал, что все сейчас устроит в самом лучшем виде. Вынул он тут огненный меч и вырезал в голубой тверди дыру:

– Валяй, – говорит, – Яшка, и ничего не бойся!

Поглядел Яшка в ту дыру, да и назад скорее.

– Не могу туточки, – говорит.

– Что так? – удивился ангел.

– Да як же, побачьте, ваше ангельское благородие, прямо под этой дырою наша батарея стоит и возле пушек друзья мои батарейцы сухари грызут.

Посмотрел ангел – правда. Говорит:

– Ладно, Яшка, я тебе сейчас другую дыру устрою.

И опять тем же мечом – хлоп, и другую дыру вырезал. Поглядел Яшка в ту дыру и видит: прямо под ним фрицы у своих заряженных пушек кофий пьют. Обрадовался Яшка и говорит:

– Спасибо, ангел. Вот в эту дыру я за милую душу и сколько угодно...

Некоторые ребята смеются над незатейливой сказкой. Может, кто другой рассказывал бы, то и слушать не стали, а Медвинский «травить баланду» умел. Настроение у ребят поправилось, дымят самокрутками, смеются, шутят друг над другом. В траншее появился наш связной, это был молодой, очень худой, чернявый и смешливый парень, подвижный как белка. Он бежал по траншее и каждого спрашивал:

– Ты Ласточкина не видел?

– Здесь где-то. Да ты подожди-ка...

Каждый норовил задержать связного, узнать новости – он ведь узнает их раньше других.

– Ну что тебе?

– Как там?

– Как какали, так и какают.

– Брось шутить. Там подмоги не видно?

– Эвакопункт раненых разбомбили. Прямое попадание. От раненых и от девок одни бинты да тряпки. Батарею пушек тоже вдрызг – сам видел. А вот танки стоят.

– Какие танки?

– Наши танки. Штук пять видел. Окопали их и им хрен по деревне, стоят, а над бруствером одни пушки... Так где Ласточкин?

– Да вон он идет, твой Ласточкин.

А на передовой по-прежнему подозрительно тихо.

Ласточкин повстречался в траншее с Суменковым. Я слышал, как лейтенант спросил:

– Хорьков не возвращался?

– Еще нет. Говорят, эвакопункт разбили, так хрен его знает, куда он того фрица теперь потащит.

Впереди из вражеской посадки розовой мерцающей звездочкой полетела в голубое

небо сигнальная ракета. Опять какой-то сигнал. Посмотрим. «Нам татарам хрен одна», как говорил Тазиев, по милости которого большинство из нас оказалось в разведке.

Прошло еще несколько тихих минут, и в траншее послышался снова тревожный крик:

– Воздух!

Все разговоры смолкли, ребята разбежались по своим стрелковым ячейкам и напряженно вслушиваются в нарастающий гул. Началось. Снова началось! Пыль что ли не улеглась еще или дымка в небе, но я еще не вижу самолетов, а их прерывистый гул уже отлично слышен... Да вон они! Мать родная, сколько же их! Осталось в душе одно напряженное ожидание, в ушах словно метроном стучит... Вон они! Идут звеньями двумя большими партиями: одна чуть впереди, другая – правее и сзади. Всего никак не меньше пятидесяти самолетов.

– Вот это да! Вот это сейчас врежут, эти дадут прикурить! – говорит Мишка Беляков и странно, что в голосе его звучит чуть ли не злорадство, как мне показалось, будто «врежут» не по нему, а по чужому дяде.

Снова наполнилось все грозным гулом... Тройки, тройки самолетов, звено за звеном, справа, слева... Одна партия, та, что шла чуть впереди, летит над Тереком, похоже, она идет к Эльхотовым воротам, а может, и дальше. Вторая летит чуть ниже первой и идет прямо на нас. Они уже почти над нами... Ну! Если сейчас сбросят, то все бомбы наши! Может, пролетят? Может, цель у них другая?.. Но в этот момент первая тройка самолетов высыпала бомбы, потом второе звено, потом третье... Снова резкий нарастающий визг, земля подпрыгнула, а небо содрогнулось от грохота. Снова вернулся ад: погасло солнце, остановилось время, и раскаленный смерч взревел над нашими головами...

Потом в черном хаосе мглы, дыма, толовой гари постепенно затих гул авиационных моторов, перестала бесноваться земля, и смолк страшный грохот. Сквозь мглу стал виден диск тусклого солнца, и к людям возвращалась способность воспринимать действительность. Уши словно водой залиты, звуки еле доходят, вокруг все изрыто воронками. На окраине станицы пожары, где-то слышен отчаянный человеческий крик... Ад! Проклятие!

Вот это долбанули! Вот это, сволочи, врезали! Видно, всерьез за нас взялись, и то, что было – это цветики, сейчас увидим ягодки...

Коротко взвизгнув, перед нашими окопами рванули сразу три снаряда и еще, еще! В лицо, в спину, в голову били тугие и жаркие взрывные волны. Над траншеей повисла пыль, вокруг кислый запах взрывчатки. На спину летели комья земли, пыль скрипела на зубах, слепила глаза. Сила вражеского огня нарастала с каждой секундой. Трескуче, со стоном разлетающихся осколков рвались мины, взрывы слились в один сплошной грохот, в бесконечный град страшных ударов. Даже узкий и глубокий окоп или стрелковая ячейка больше не казались надежным укрытием, будто сама земля отреклась от нас и уже не хотела укрывать солдат от верной гибели. Головы было невозможно поднять, на спине, за воротом, в ушах полно земли... Взрыв! Еще и еще! В ушах болезненный звон, череп раскалывается от ударов, от невозможной боли... Взрыв! Прямо на бруствер окопа упал большой сук какого-то дерева с обломанными безлистыми ветками. Снова где-то надрывной крик, сквозь звенящую боль в ушах, я его все-таки слышу! В той стороне Гришка был. Неужто достало его?! Нужно ползти... Взрыв! Снова на спину сыплется песок и пыль... Откуда у них, гадов, столько снарядов и мин? Пригибаясь, то и дело падая на дно траншеи при близких разрывах, добираюсь до стрелковой ячейки Гришки Бельтюкова. Тот лежал, уткнувшись носом в землю, и прижимал к себе автомат. Стукнул его по ноге, тот поджал ногу и не оборачивается – не понял, что его стукнуло... Взрыв! Еще взрыв!.. Снова стукнул Гришку, тот, наконец, обернулся.

– А-а?

– Ты что кричишь?

Гришка очумело смотрит на меня и не понимает, что я от него хочу. Нет, кричал, конечно, не он. Искать сейчас невозможно. Еле добрался до своей стрелковой ячейки... Мать родная! Мой окоп наполовину завален землей, мина рванула почти на бруствере... Слава богу, автоматные диски, гранаты и пол-литра, как лежали в нише, так и лежат нетронутыми... Взрыв! Нет, больше уж в меня не могут попасть – воронки в воронке не бывает.

Волна разрывов откатилась от нашей передовой на окраину станицы, и тут же слышались частые, сдвоенные удары танковых пушек. Теперь надо смотреть – снова танки! Взрывом мины с бруствера отбросило в сторону упавший сук. Вон они! Их больше, чем было в первый раз. Тяжелый приближающийся гул танковых моторов леденит кровь в жилах, и я ничего не могу с этим поделать! Наверное, я трусоват или не привык еще. А как здесь привыкнешь, разве к смерти можно привыкнуть?! Впереди дым, пыль и там быстро накатывается на нашу траншею лавина танков. Их много и плохо видно за сплошной завесой дыма и пыли. Наша артиллерия уже открыла по ним огонь, по всему полю взлетают лохматые султаны дымных взрывов.

А танки все ближе. На сей раз они катятся быстро, и вроде их не сопровождают автоматчики. В разогретом солнцем воздухе, в горячих выхлопных газах все зыбится, но танки уже отчетливо видны. Многие из них делают короткую остановку и бьют из пушки, потом, изрыгнув из выхлопных труб облако грязно-синего дыма, резко дергаются корпусом и снова идут вперед. В нашей траншее кто-то кричал, подавались какие-то команды, но в сплошном грохоте взрывов и наплывающем реве танковых моторов уже ничего нельзя было разобрать. Теперь было видно, что танки больше не приравнивают свое движение к ленивому бегу автоматчиков, они катятся на нас страшным стальным тараном. Не оставалось сомнений в том, что фашисты решили проломить нашу оборону, ворваться в станицу, передавить, расстрелять и разрушить все, что попадется на их пути, а уж потом придут автоматчики, чтобы расправиться с теми, кто уцелеет.

Танки близко, и один из них в клубах пыли и дымного чада летел почти прямо на меня, уже видно, как в бурой пыли сверкают на солнце траки гусениц и пыль с них летела вперед. Танковая пушка приподнималась, опускалась от качки танка, но норовила смотреть черной пропастью ствола прямо в душу, готовая сверкнуть пламенем, ударить неотвратимой смертью. Слева, справа – везде танки. У одного открыт башенный люк, и мне показалось, что я видел немецкого танкиста, который стоял в этом люке, прикрываясь, как щитом, его круглой стальной крышкой. Этот стервец был явно уверен, что вот сейчас, через несколько секунд он ударит стальной машиной в спины наших бегущих солдат, которые не выдержат этой сокрушающей атаки, потому что человек не в состоянии такое выдержать... Выстрел – взрыв! Выстрел – оглушающий удар взрыва! Что делать?! Что делать!? Теперь даже и убежать нельзя – вне траншеи верная смерть! Где ребята? Чего молчат?! Уши не слышат выстрелов наших пушек, а глаза фиксируют только то, что делает противник...

Внезапно наступило мгновенье, за которым погасли все чувства. Теперь только один этот неравный бой со стальными чудовищами. Автомат сейчас бесполезен. Вот он, танк! Теперь он рядом с подбитым собратом и продолжает лезть на траншею... Граната! Только граната! Только не выстрелил бы он первым! Только бы не выстрелил! Я выдернул тряпочную петлю с чекой... Пора! Размахнулся и бросил гранату вперед, навстречу танку... Сухо и злобно ударил короткой очередью танковый пулемет – мимо! Грохнул взрыв гранаты. Но моторный гул не оборвался – опять промазал, растяпа! Еще бутылка... Я схватил бутылку, автомат и вовремя выскочил из стрелковой ячейки в траншею: огромная черная громада ревущего танка заслонила весь белый свет. На долю секунды увидел неподвижно висящую над траншеей гусеницу, с которой сыпалась земля. Танк взревел, опустил задравшийся нос, потом тяжело, со скрежетом, лязгом перелез через траншею, обрушив ее. Я оказался чуть в стороне, почувствовал яростный рев мото-

ра, обжигающую вонь выхлопных газов и горячего металла. Корма танка в нескольких метрах, рядом. Не раздумывая, швырнул в танк бутылку. Она сверкнула прозрачным стеклом, ударилась о броню, брызнула осколками, но... пламени не было... Черт возьми, шляпа! Нужно ведь было спичкой чиркнуть! Сволочи! Нашли время чиркать спичками! Через траншею теперь правее меня лезет еще один танк и едва он перевалился через нее, как на его броне сверкнул взрыв. Тяжелый, мощный взрыв! Танк качнулся и замер, словно его ударило током. Потом он несколько раз бессильно простонал мотором, затих и из его чрева повалил густой дым. Стрельба, грохот, рев моторов... Кругом дымный чад, запах взрывчатки и пороха, пыль висит и не разобрать, что творится по сторонам. Я бросился к своей ячейке, там граната... Вдруг в реве и лязге вырос новый танк, отскочил от него на несколько шагов по траншее и наткнулся на Серегу Мартынова, тот держал в руке противотанковую гранату и кричал:

– Отойди! Отойди, тебе говорят!

Танк переполз траншею, а Серега швырнул гранату и упал на дно траншеи. Взрыв! Танк прошел еще метра четыре и вдруг развернулся бортом, по нему хлестко ударила противотанковая пушка, но тоже поторопилась – мазила!

Сзади нас вдруг в реве и грохоте треснула земляная стенка траншеи, рассыпалась и рухнула вниз. Снова над траншеей нависли неподвижные гусеницы танка и стальной дракон перелез через траншею, фыркнул облаком дыма и пошел вперед в станицу, но метрах в сорока за траншеей с грохотом подпрыгнул, окутался дымом и замер – мина! Молодцы саперы! Артиллеристы добивали другой танк, который стоял боком прямо за нашей траншеей.

И опять какой-то крик в траншее, автоматная стрельба, хлопки взрывающихся противопехотных гранат.

– Ты что лежишь?! Стреляй! – тормозит меня Серега. Я и правда ошалел! Что со мной? Так ведь и прибьют. Поднялся на ноги и теперь увидел, что к траншее бегут немецкие автоматчики. Зевать нельзя! Если они заскочат в нашу траншею, тогда пропащее дело! Автоматчики стреляют на бегу, и там вместе с ними снова танки! Мартынов на кого-то матерится и стреляет длинной очередью. Сзади нас сплошная стрельба, впереди отчаянный треск автоматов, вокруг разрывы снарядов и мин, и теперь даже не разобрать, кто куда стреляет. Один диск у меня кончился, выбил его, вставил запасной. Там в моей ячейке еще должна быть пара дисков... Пробился на свое место... Один диск лежит, другого нет. Ладно, считать некогда. Очереди! Еще! Оглох совсем от адского грохота и рева. Правее меня лупит наш пулемет, и я стреляю, но экономными короткими очередями.

– А-а-а! – кричит кто-то: либо Мартынов, либо Мишка.

Смотреть некогда! Кто-то толкает меня в спину. Оглянулся – Сашка Суменков. Он что-то кричит и показывает мне рукой направо. Я понял. Схватил диск, гранату и бегом по траншее направо. В траншее убитый, маскхалат залит кровью, вся голова в крови. На бруствере траншеи на боку лежит пулемет Дегтярева и на дне обвалившейся траншеи брезентовая сумка с дисками. Поставил новый диск.

Впереди цепью бегут автоматчики, левее их танк ползет, метров пятьдесят до них не больше. Только бы не отказал пулемет. Автомат забросил за спину и ударил из пулемета по наступающим автоматчикам веером, длинной очередью. Пулемет дрожит от злости, а диски заряжены трассирующими – белые искры упираются в наступающую цепь.

– Ага! Ага, гады!

Я чего-то тоже кричал, рядом из автомата стрелял Арабов, откуда-то появился бородатый Авдеев, он швырял вперед лимонки. В густой пыли, да еще за выбросами из пулеметного ствола газов я все-таки плохо видел результаты огня, но Арабов рядом что-то кричит и показывает большой палец. Наша траншея, несмотря на потери, встретила

наступающих немцев плотным огнем пулеметов и автоматов. Новая волна танков опять подкатывается все ближе...

– Стреляй! Стреляй! – кричит мне Арабов.

А я и так стреляю... Хлоп! Все – диск кончился. Нагнулся за новым... И вдруг удар! В глазах потемнело от близкого взрыва. Я почувствовал, что свалился на дно траншеи. Через меня кто-то перешагнул к пулемету. Боль во всем теле... С трудом встал на ноги, а танк вот он, рядом и словно тяжелый серый носорог переваливается через траншею. И тут же его броня треснула от оглушительного взрыва, танк вздрогнул и неуклюже сполз кормой в траншею, перегородив ее своим горячим туловищем. Еще один танк лезет слева, там, где уже прошло несколько вражеских машин. Сзади оглушительно бьют наши пушки, вокруг танка от взрывов взлетела земля, и следом снаряд угодил в танк так, что ему сбило набок башню. Вместе с Арабовым мы снова перешли на левый фланг, здесь близко к траншее подошли автоматчики. Нельзя было оглянуться, некогда вспомнить о товарище – все внимание только вперед, и огонь! Огонь! Автоматчики залегли, несколько танков стреляют из пушек с места, не двигаясь вперед. Впереди все поле исполосовано гусеницами. Наша траншея наполовину обрушена, горят танки на поле перед нами и сзади нас, кругом воронки и человеческие тела...

– Ага, гады, доигрались! Допрыгались!

Очередь! Еще очереди! Вдруг тяжкий и хлесткий взрыв рядом с окопом Мишки Белякова, это рядом! Вжался в землю всего на полсекунды. Выглянул – где же Мишка? Его не видно. В это мгновение на бруствере Мишкиной стрелковой ячейки выросла фигура солдата в каске, в кургузом френче с закатанными рукавами, это от меня всего метрах в двадцати. Солдат опустил ствол своего автомата, готовый выстрелить вниз в Мишкин окоп... Торопясь, почти не целясь, я ударил длинной очередью. Автоматчик не успел выстрелить, он упал навзничь, и мне были видны подошвы его сапог на бруствере Мишкиной стрелковой ячейки.

– Мишка! Мишка! – кричал я и не ждал ответа.

Конечно, Мишка ранен или убит – иначе не подпустил бы он к своему окопу этого фрица. В сплошных выстрелах и взрывах не разобрать, что там произошло. На помощь к Мишке бежать сейчас нельзя – немецкие автоматчики рядом. Теперь даже не танки, а именно эти автоматчики представляли для нас главную опасность. Они что-то кричали, бежали к нашей траншее и поливали нас огнем из своих автоматов.

Кругом сплошной треск выстрелов. Впереди траншеи горит сухая трава, мелкие язычки пламени лижут черную, как сажа, землю, седой дым перемешивается с черным дымом горящих танков... А Мишки-то не видно! Стонут, визжат скрикошетившие пули. Автоматчиков много, они упрямо лезут к нашей траншее, падают, скошенные огнем, их сменяют другие и все-таки лезут. Для них остался один рывок. В нас полетели немецкие гранаты на длинной деревянной ручке. Видно, их кинули по команде сразу пачкой, они кувыркнулись в воздухе, упали перед траншеей, несколько попало в траншею, туда, где были раненные. Некоторые перелетели траншею, их взрывы забарабанили часто, будто вывалили воз кирпичей на железную крышу.

– Пауст, справа, справа смотри! – Бельтюков кричит так, что я, наполовину оглохший, все-таки слышу этот крик.

Справа по краю черной плешины выгоревшей травы бегут четверо немцев, бегут быстро к молчавшему Мишкиному окопу. Под прикрытием бруствера стрелковой ячейки я стреляю в них очередью и вдруг... задержка! Автомат не стреляет! А, черт бы его взял! Затвор не дошел до конца – перекося патрона. Взвел затвор, перевернул автомат диском вверх, а патрон не вываливается... Сейчас конец мне из-за этого проклятого патрона! И вдруг из Мишкиного окопа в упор по бегущим саданула злая трескучая очередь. Немцы словно споткнулись, словно ударились о невидимую стену и падают на дымящуюся землю.

Перекосившийся патрон, наконец, вытряхнулся из окна затвора. Выглянул за бруствер... Вот они! Двое! Рядом! Один вскинул автомат, я успел укрыть голову за срез бруствера, а с него полетела земля от пуля. Граната! Вот она, рубчатая, тяжелая лимонка... Я научу вас свободу любить! Выдернул кольцо и, не глядя, бросил гранату за бруствер. В воздухе хлопнул взрыватель... секунда, другая – взрыв! Тут же выглянул за бруствер – лежат двое в касках, ударил по ним из автомата...

– Ага, сволочи!!!

В ту же секунду оглушительные хлопки выстрелов... Теперь сам ангел-хранитель за четверть секунды до этой вражеской очереди пригнул мою голову. Брызнувшей с бруствера землей запорошило глаза. Кругом сплошной автоматный треск, а я ничего не вижу! Пилотка куда-то слетела... Проморгались глаза... Откуда же он в меня вдарил? Выглянуть опасно, и гранаты больше нет, чтобы за бруствер кинуть. Теперь только риск. Не будет же он караулить меня – не до этого! На всякий случай выкатился из своей стрелковой ячейки в траншею, выглянул – поблизости ничего не видно...

Нестерпимый, адский, смертельный огонь бушевал повсюду, и длилось это бесконечно, а может быть, один только миг. Ожесточенная пулеметная и автоматная стрельба слышалась сзади в Эльхотово – неужто там немцы?! Где ж они просочились? Как теперь быть?! А танковые моторы режут уже где-то сзади – это совсем неприятно. Оглянулся на секунду, а из Эльхотово торопливо удирает немецкий танк и тащит на буксирном стальном тросе другого подбитого собрата, у того пушка беспомощно смотрит в сторону. Оба ползут к нашей траншее. Танки закамуфлированы, они в зеленых и черных и желтых пятнах, а на борту черный крест, обведенный белой краской. По танкам бьют наши пушки, но почему-то все мимо, мимо! Танки шли левее нас, и туда побежали Мартынов с Гришкой Авдеевым, у обоих в руках противотанковые гранаты. Они скрылись за изгибом траншеи, а в это время под первым танком-буксировщиком сверкнуло пламя, и серый дым расползся в стороны. Мина! Сработала противотанковая мина, там саперы их ставили. Танк качнулся и замер. Около танка взорвались два снаряда. В это время открылся башенный люк и из танка вывалился немец, он быстро встал с земли и, пригнувшись, побежал к нашей траншее с пистолетом в руке. Немец, видно, очумел, ведь у него практически не было шансов. Он куда-то стрелял, и тогда я поднял автомат, но кто-то закричал на меня:

– Не стреляй, мать твою! Не стреляй!

До немца было, может быть, метров семьдесят. Он бежал, по нему кто-то несколько раз выстрелил из винтовки с окраины станицы. А танк, из которого высочил этот немец, задымил, с его брони стекали густые клубы черного дыма. Немец подбежал к траншее и его больше не было видно... А, хрен с ним, с немцем! Нужно смотреть вперед. И снова за несколько секунд картина боя изменилась: еще по-прежнему выгорала трава, исходили черным дымом подожженные танки, пулеметным и автоматным треском полилась наша траншея, но наши пушки стреляли реже, и реже вскидывались султаны разрывов на поле.

Зато там, за пеленой дыма и пыли, было видно, как откатывались назад немецкие танки, и вместе с ними редкой нестройной цепочкой бежали назад автоматчики.

– Ага, стервы, умылись! Умылись, гады! – кричал Арабов и продолжал стрелять короткими прицельными очередями.

По траншее снова ударили немецкие минометы. Взрывы, взрывы, пыль и дым над траншеей, визг и стоны осколков. Успокаиваться рано, атака может повториться и в гораздо худшем для нас варианте. В траншее лежат люди в маскахалатах, в гимнастерках, кто-то в шинели. Раненых перевязывают, кто-то стонет... Постепенно стихает стрельба. Как там Мишка? Я пошел к его стрелковой ячейке и крикнул:

– Мишка! Беяков!

Голос у меня стал хриплым, не моим, но Мишка услышал, выглянул из своей стрелковой ячейки. Капюшон маскхалата у него откинут на спину, щека в крови, кровь размазана по лицу. Мишка вопросительно смотрит на меня.

– Ты ранен? – спрашиваю Мишку.

– Похоже, немного. Посмотри мне ухо. Гад, что наделал, а!

Мишка подал мне перевязочный пакет в прорезиненной тканевой упаковке. Я осмотрел его ухо – пуля красной полосой обожгла ему щеку и разодрала ухо. Как умел, перевязал Мишку и только увидел, что на нем не обмотки, а трофейные немецкие сапоги. На бруствере стрелковой ячейки, где был Мишка, лежал убитый немецкий автоматчик, тот был без сапог в проношенных серых носках...

Огонь немецких минометов тоже стал стихать. Над передним краем нашей обороны стелился горький дым пожаров, его сносило в поле, где еще горели немецкие танки. Вокруг воронки, воронки... и нет числа этим следам слепой смерти. На поле много убитых. Все вокруг изменилось, стало не похожим на то, что было утром: дома разбиты, покорежены сады, земля перепажана воронками и танковыми гусеницами, траншея наполовину обрушена, даже от цепочки тополей, что росли поблизости, остались всего три или четыре обрубленных ствола. Было удивительным и невероятным, что часть людей каким-то образом уцелела в этом аду!

Сергей Мартынов и Гришка Авдеев – вот уж кому везет в этом деле – притащили немецкого танкиста, того самого, что вылез из танка. Он был ранен в левую руку, его перевязали. На немце обычная полевая форма, что показалось нам странным. Белые узенькие погончики словно из тусклых оловянных шнурочков, на поясе с левой стороны пустая черная кобура пистолета, сам пистолет уже у Сереги за поясом. Лейтенант – это ценный «язык». Ему лет тридцать, лицо гладко выбрито, но худое и усталое, тяжелые жилистые руки. Немец сидел на дне траншеи, прислонившись к стенке и, казалось, был абсолютно безразличен к своей судьбе, даже глаза закрыл.

– Зи шпрехен русиш? – спросил я его.

Немец открыл глаза, посмотрел на меня равнодушно, спокойно и ответил:

– Я! Гофору ошен плёхо.

– Номер дивизии?

Немец с трудом объяснил по-русски, что он из 13-й танковой дивизии. Мы также узнали, что дивизию повел в бой ее командир, танкистам было приказано прорваться в Эльхотово и обязательно выйти к Эльхотовым воротам. Пленный лейтенант ничего не скрывал и ничему не верил. Он не верил, что мы его оставим в живых, он был убежден, что русские убивают всех пленных, и командование Красной Армии поощряет этот вандализм – он сам видел советские газеты и плакаты, где было написано: «Смерть немецким оккупантам».

– Ты хотя и лейтенант, а дурак, – заключил Авдеев.

Ребята предложили немцу закурить, тот от табака не отказался, но сворачивать из листка газетной бумаги сигарку не умел, пришлось ребятам ему помочь.

– Я вас понимаю, – с сильным акцентом говорил немец, – вы тоже боитесь плена, но мы не варвары... Вся Европа в плену у Германии, но люди спокойны, для них войны нет...

– Для тебя тоже войны нет. Ну и как? Ты доволен? – перебил Подосенов.

– Да, я в плену. Я есть офицер. Большевик меня сегодня пук-пук. Я это знаю.

– Ишь ты! Большевик его пук-пук. А сколько русских, украинцев, белорусов, поляков, чехов сегодня пук-пук? Ты думал об этом? А ты сам, лейтенант, давал русским пленным табак? – не унимался Подосенов.

– Нет, я не давал табак. Но у нас есть много лагер для пленных зольдат и офицер, где им давал кушайт.

– Ага! Я об этом уже слышал. Там эсэсовцы пленным столы накрывают, супом куриным их кормят. А сигарами тоже угощаете? И пивом поите?

Пленный промолчал. Он чего-то знал, но не хотел говорить, а в том, что он говорил, чувствовался скрытый зондаж – ему очень хотелось слышать подтверждение, что его не расстреляют. А Подосенову словно вожжа под хвост, он старательно уходил от подобных подтверждений.

– Мы дойдем, фриц, до твоей Германии. Попомни мое слово – дойдем! Тогда мы сами эти лагеря посмотрим. Вот когда мне с тобою поговорить бы!

Пленный, очевидно, понимал, что ему говорил Подосенов, чувствовал непримиримую злость в его голосе и это настораживало лейтенанта, он ожидал от этого злого русского либо удара, либо выстрела.

А в это время появился Ласточкин. Он уже знал, что поймали танкиста, поэтому с нескрываемым любопытством осмотрел пленного и осведомился:

– Этот самый?

– Он и есть, – прогудел Авдеев.

– Ты его приволок?

– Вон, Мартынов. Ну и я тоже.

– Молодец, Авдеев! Из боя выйдем – буду представлять тебя к награде.

– Служу Советскому Союзу, товарищ лейтенант! Только вот ждать-то этой награды долго придется. Вы бы приказали старшине авансом двойную порцию.

– Ну, забодай тебя комарь! Ладно. Живы будем – прикажу.

Ласточкин весь в пыли, лицо почернело от пыли, пороховой гари и от усталости. Рота снова понесла потери: четверо убитых и шестеро раненых, трое ранены тяжело и неизвестно, дотянут ли они до санроты. Что поделаешь, война!.. Нам еще в военморшколе втолковывали, что война без жертв не бывает. Тогда это воспринималось как-то абстрактно, как не очень большой процент от общей численности. Я и представить не мог, что жертвы – это не только подавляющее большинство, это намного больше. От роты ничего не останется: ее пополнят и снова всю выбьют, и так, видимо, много раз. Так разве здесь уцелеешь! Хорошо, что пока живы Авдеев, Беяков, Суменков, Осейкин, Медвинский и еще ребята, которых я теперь считаю своими боевыми товарищами и друзьями.

Ласточкин устало курит, а Мишка, когда только успел прибахлиться, хвалится карманными часами:

– А время-то уже скоро три, по моим серебряным.

– Сапог! Подведи стрелки на два часа, – советует Медвинский.

– Хлопцы, у кого вода есть? – спрашивает Ласточкин.

– С превеликим удовольствием!

Беяков отстегивает от поясного ремня новую алюминиевую фляжку в войлочном чехле и с какой-то плутовской ухмылочкой подает ее Ласточкину. Тот неторопливо открывает пробку и, запрокинув голову, делает большой глоток. Потом отнял фляжку от губ, поморщился и вымолвил:

– Какая ж тут вода! Ром. Забодай тебя комарь, ей богу ром!

Это внесло веселое оживление. Ласточкин сделал еще пару глотков, а потом фляжка пошла по кругу. Мне тоже достался глоток огненной жидкости, после чего отпустила сушевшая напряженность. Стало легче. В траншее появился наш связной.

– Товарищ лейтенант, на КП вызывают.

Ласточкин встал с земли, одернул гимнастерку и сказал:

– Ладно, хлопцы, главное – держитесь. Умыли мы их сегодня, будут помнить! Суменков, остаешься за меня. Авдеев, бери своего фрица и давай со мной.

Ласточкин ушел. Мы дозаряжали диски. Карманы опустели. Патроны идут к концу. Еще на один такой бой патронов не хватит.

Очень запоздало, с тяжелым ревом на бреющем полете пронеслось звено наших

штурмовиков ИЛ-2. Они прошли над шоссеиной дорогой и было слышно, как застучали их пушки, потом развернулись над посадкой, из которой противник начинал атаку, и засеяли ее градом мелких осколочных бомб. Взаимодействие у нас ни к черту, хотя сердце все равно радовалось.

Во второй половине дня все атаки на Эльхотово со стороны противника были прекращены. Бои затихли даже в районе Змейской на левом берегу Терека. Уставшая за день, захлебнувшаяся в крови война убрала свои тигриные когти и затихла. Только ленивые пулеметные очереди на передовой, да какой-то миномет со стороны противника плюнет мину, она долго и нудно визжит в воздухе, а потом раскатисто взрывается. Бьет по площадям просто так, соблюдая немецкий порядок. В нашей траншее успели перевязать всех раненых, отправить их в тыл, убрали мертвых. Те, кто остались в живых, выставили в стрелковых ячейках наблюдателей, сидели в траншее, курили и молчали. Все силы без остатка были отданы бою, слишком тяжелы и горьки были потери, поэтому и молчали.

Вернулся Хорьков, которому было поручено вытащить в тыл раненого в ноги немца. Хорьков тоже был в трофейных сапогах. Скорее всего разул того раненого немца, а что? С него хватит, это такой уж человек...

В траншее чуть поодаль от остальных сидел, вытянув ноги, Медвинский. Перемазанный, прокопченный, в своей неизменной мичманке, уставший наравне с остальными, он вдруг запел. Он тянул уже известную ребятам свою пародийную песенку о попе и его собаке, в которой подражал манере исполнения Утесова, Вертинского, Козина. Может быть, не всегда точно у него это получалось, но он старался:

*С одесского кичмана
Бежали два уркана,
Бежали в сад поповский на тишок,
Узрели они драку,
Как поп лупил собаку
За то, что мяса стырила кусок.*

*Друзья, скажите маме,
Что нет сильнее драмы,
Чем поп у пса свинину отымал...
Был праздничек престольный
И поп наш малохолный
В своем саду собаку зарывал...*

Это Медвинский пел, подражая Утесову, стараясь имитировать его голос, а потом переходил на Вертинского, пел подчеркнуто грубо:

*Где вы сейчас, мой нежный, славный пес,
Ужели поп Акакий зарыл вас среди берез?
В последний раз я видел вас так близко –
В пролетах улицы автобус мчал,
А может быть, потом в притонах Сан-Франциско
Лиловый негр на вас ошейник одевал...*

Может быть, так себе песенка и не стоила доброго слова сама пародия, но в ней не было тяжелой издевки над талантом знаменитых исполнителей, скорее напротив... Только после сумасшедшего боя, после криков и стонов, грохота взрывов и смерти товарищей, звучание этих совершенно не военных слов помогало людям отойти от боя,

вернуть себе что-то человеческое. Многие помнили эту незатейливую песенку и сейчас слушали Медвинского, не перебивая.

Ласточкин что-то долго задерживается на КП, значит, принесет какие-нибудь новости. Так уж получалось, что в последнее время появление командира никогда не приносило чего-нибудь приятного: всегда задание, всегда разнос, тревога. Поэтому никто не сетовал на долгое отсутствие командира роты – нет его и не надо. Придет, никуда не денется, явится, как сама судьба. У бойцов передышка... А там, в поле, еще догорают танки, красные язычки пламени лижут обгорелую броню, черный дым тянется по всему полю. В поле воронки и тела убитых, их много, среди них могут быть и раненые, истекающие кровью люди. Сейчас отыскать их нельзя, даже для того, чтобы оказать им помощь – со стороны противника непременно выстрелит снайпер, протарахтит пулемет или накроют минометным огнем. До безумия жестока война! Ну, а если пойдут по полю немцы для того, чтобы собрать своих раненых? Наши ударят? Ударят! Война не на жизнь, а на смерть идет...

Сзади нас горят дома в Эльхотово, дым тянется от пепелищ над нашей траншеей, ползет по степи... Тоже, стервецы, как из мешка вывалили бомбы на станицу. Сколько сегодня там погибло мирных жителей?.. Хорошо, что тот старик ушел, из-за которого у меня с Хорьковым конфликт вышел.

«Гот мит унс» – написано на пряжках ремней у этих потомков рыцарей! На кой шут они к нам пришли? Кто их звал освобождать нас от большевиков? Почему из-за их сумасшедших идей должно страдать столько народов? «Гот мит унс» – Бог с нами... Какой бог?! При чем здесь бог?! Как можно совместить Бога, Христовы заповеди с этими танками, самолетами, скорострельным оружием?! Сколько лжи, лицемерия, фарисейства на белом свете! И людям еще нужно прикрыть низость обмана и лжи символами благопристойности! Вот она, благопристойность, – перед глазами: искалеченная земля, горящие дома, трупы, изуродованные страдающие люди, окровавленные бинты, горы стреляных гильз. «Гот мит унс»...

Медвинский крепкий парень – он еще песни поет. А я, видно, слабак, мне не до песен. Рука разболелась. Весь день боли не чувствовал, а сейчас болит. Чувствую, что бинт на руке ссохся и сползает на локоть. Где-то ухитрился снова губу повредить, и на щеке кровь. Бинт на голове черный от пыли и грязи, надо его, пожалуй, снять – мешает, да и прошло уже все.

Доведенные до крайней степени усталости, нервной взвинченности, подавленные горечью потерь, мы как-то не думали, что немцы, эти опытные, умелые и привыкшие к победам солдаты, сами впервые начали познавать на деле тяготы войны и действительную цену даже незначительного успеха. Их потери были настолько серьезными, что они уже не могли продолжать бой, подниматься в новые атаки.

Уже потом, гораздо позже, дошли слухи, что командир 13-й танковой дивизии немцев, желая воодушевить своих танкистов, повел их в атаку лично. Он сделал так, чтобы танковые экипажи знали – в головном танке их ведет в бой сам командир, генерал, потомок крестоносцев, не знавший неудач и поражений. Судьба распорядилась так, что бой в районе Эльхотово стал последним для генерала. Он погиб по-рыцарски – в смертельном бою. В сражениях он не знал пощады, и его не пощадил смертоносный снаряд.

А фельдмаршал Лист? Он еще не знал, что через несколько дней кончится его карьера, что он станет опальным фельдмаршалом у разгневанного фюрера. Но пока, предчувствуя недоброе, этот повидавший виды пожилой потомственный генерал заявил, что он предвидел неудачу – у противника было время, чтобы подготовить прочную оборону. Но это еще далеко не последнее слово фельдмаршала. Штаб фельдмаршала обратил внимание на то, что в районе Илларионовки довольно сносная дорога через горы на Заманкул. Авиаразведка не обнаружила на перевале признаков присутствия войск противника... Это неплохая идея – пока стоит сухая погода, дорога вполне может быть

проходимой для техники, и тогда один хороший полк способен оседлать сравнительно невысокий перевал, спуститься на другую сторону гор, выйти в тыл Эльхотовым воротам. В результате решительного и быстрого маневра можно рассечь оборону русских у Илларионовки, выйти к Бруту, к Беслану, и оборонительный пояс в Эльхотовых воротах потеряет всякое значение. Это пока штабной замысел, это завтрашний день войны...

Сегодняшний день будет отмечен в штабных сводках по-разному. Генеральный штаб Красной Армии подготовит сводку, в которой наряду с другими важными событиями на Советско-Германском фронте будет отмечено, что войсками Закавказского фронта были отбиты ожесточенные атаки противника в районах Новороссийска, Туапсе, Эльхотово и Малгобека. При этом противнику был нанесен большой урон в живой силе и технике.

Верховному командованию вермахта также станет известно, что доблестные части фельдмаршала Листа на Кавказе, преодолевая ожесточенное сопротивление большевиков, которые бросили в бой свои последние резервы, продолжали наступательные операции, продвинулись вперед и расширили фронт прорыва.

У солдат была тоже своя правда и свои сводки. Здесь, на границе Азии, под Эльхотовом доблестным немецким войскам, покорившим Европу, набили морду. Нам это тоже дорого стоило – набить морду такому противнику, как немцы, совсем не просто, если учесть еще и то, что мы были в явном меньшинстве и враг превосходил нас в танках, авиации и артиллерии. Мы все-таки выстояли и заставили противника отказаться от повторения атак на этом направлении.

Все пережитое за день казалось кошмаром. Становилось даже жутковато от сознания, что ты уцелел в этом аду по чистой случайности, но в душе уже зрело другое торжествующее чувство от осознания того, что мы не уступили, мы отбили от очень сильного противника, от его подготовленного натиска.

На дне траншеи сидит с перевязанной головой Митька Козловский, уже пожилой солдат, которому наверняка за тридцать, он «смолит» коротенький, обжигающий пальцы и губы окуроч и убежденно говорит:

– А что, это им не сорок первый год! Теперь за все сполна платить надо, нахрапом нас не взять!

С Козловским никто не спорит, он прав. Похоже, что немцам накостыляли так, что сегодня они уже больше не полезут.

Солнце уже покатилося над горами Большого Кавказа к западу. С КП вернулся Ласточкин с каким-то незнакомым лейтенантом, а за ними мелкими группами по 3-4 человека по ходу сообщения в нашу траншею втягивались бойцы какой-то новой части.

– Разведка, собирайся и за мной шагом марш! Суменков, Подосенов, проверьте траншею, чтобы кого не забыть!

Уже минуты через полторы, соблюдая дистанцию, тоже мелкими группами мы уходили в Эльхотово. «Наконец-то! Сколько ночей не спали, вчера сумасшедший бой, сегодня – да долго ли может человек такое выдерживать!»

Уходили с передовой не только мы, по соседнему ходу сообщения тоже осторожно, пригнувшись, уходила рота автоматчиков и еще какие-то подразделения, вернее то, что от них осталось. За первыми разбитыми, еще дымящимися развалинами собирались, поджидая тех, кто отходил в последнюю очередь. В одном месте собирались и автоматчики, и разведроты. Один из автоматчиков прикурил от моей сигарки, затянулся всласть дымом и вдруг спросил:

– Не помнишь меня?

– Да вроде виделись где-то, – ответил, чтобы не обидеть товарища, хотя никак не мог вспомнить, где мы могли встречаться.

– А я помню. На барже мы вместе были и в Верхнем Акбаше виделись. Ваш дружок у нас был.

– Какой дружок?
– Васька Тарасенко.
– Вон оно что. А где он?
– Накрылся сегодня Васька. Мужик был что надо и воевать умел. Сегодня как этот танк-то через нас полез, Васька ему гранатой противотанковой по моторной части как врежет! Только сам-то очень уж близко к танку был, не рассчитал. Она как рванет, а Ваське осколком в голову – сразу готов...
– Жалко! Хороший мужик был.
– То-то оно! Хороших-то и долбаёт в первую очередь.
Помолчали. Каждый по-своему помянул Ваську. Потом автоматчик тихо спросил:
– Значит, снимаемся. Не слышать, теперь нас куда?
– Кто ж его знает.
– Разведка должна знать. На то она и разведка. Может, отдохнуть денек дадут – больше мочи нет.

Не успели докурить сигарки, как скомандовали для разведки подъем.

– Ладно, бывай, – кивнул автоматчик.

– Счастливо, брат.

Гремят вразнобой ботинки по сухой земле. Идут солдаты в пыльном, порванном обмундировании, многие в бинтах, лица у всех чумазые, многие обросли щетиной... Созда слышны короткие пулеметные очереди, правее нас рвутся редкие мины. В станице много разбитых домов; воронки, сломанные сучья деревьев, распухшие туши убитых лошадей в придорожных канавах. Я уже и позабыл, что на свете бывают совсем другие дороги.

* * *

В расположение роты мы пришли в сумерках, еле дотащились до своего оврага. На своем привычном месте сложили автоматы, поясные ремни с тяжелыми дисками и минут двадцать лежали молча. Подняться снова на ноги нас заставила единственно всесильная команда: «Всем на камбуз!» Сам старшина раздавал ужин из большого закопченного бака. Я подставил свой котелок и нахально сказал:

– Сыпь на меня и на Журавова.

Этот трюк у меня всегда гладко проходил с нашим невезучим поваром, прошел и со старшиной. Правда, кто-то из стоящих за мной ребят фыркнул от смеха, может быть, поэтому у старшины рука дрогнула, на секунду черпак завис в нерешительности над подставленным котелком, а потом все же положил две порции. Было заметно, что ужин варил не повар: кукурузная каша оказалась неразваренной, пересоленной, зато мяса было вволю. Ребята стряхивали с вареной свинины полусырую кукурузу и жевали мясо с черствым солдатским хлебом.

Сегодня каждый «активный штык» получил по 200 грамм крепленого вина. Раздавал вино санинструктор Петренко и при этом заметно шельмовал: он отмерял порции какой-то подозрительно мятой кружкой, уверяя каждого, что «в ней аккурат двести грамм – проверено». Спорить с ним никому не хотелось. На что Хорьков – и то смолчал. Только Гришка Авдеев с Подосеновым категорично заявили, что если Петренко им не нальет так, как положено, то они ему морду набьют. Быть бы спору, но его на корню пресек подошедший Ласточкин. Петренко был вынужден обоим разведчикам налить с небольшой добавкой, а Авдееву выдать двойную порцию, как обещал еще днем командир роты. Поужинали, почистили оружие и спать... Скорее спать! Спать, и пропади все пропадом! Только в этом сейчас спасение.

Ночь звездная и холодная. Мы с Мишкой жались друг к другу спинами и во сне каждый бессознательно старался перетянуть шинель на себя. Холодно. Видно, осень и сюда

дотянулась. В Москве, может быть, сейчас мокрый снег лепит... Не сон, а мученье – то и дело просыпаешься от холода.

Только было пригрелись, кажется, только успели уснуть, как всех переполошил, встревожил, поднял возмутительно-противный крик:

– В ружье! В ружье!

Опять «в ружье», опять что-то случилось. Когда подается такая команда, то первым делом хватай оружие, а потом сапоги. Когда ж этому будет конец?!

Встал со стоном. Никак не мог проснуться, не мог сообразить, что от меня хотят, не мог стряхнуть с себя остатки обморочного сна. Все ребята злые, невыспавшиеся, но уже доходит до каждого, что спать долго теперь не придется, иначе не подавали б такой команды.

Разведчики собираются на привычном месте возле кострища. Темно. Зябко. Небо в россыпи холодных звезд.

– Становись! Пошевеливайся! – подгоняет командир роты.

Судя по голосу, он тоже злой и чем-то недовольный. В нашем овраге темно и никто не знает, который сейчас час. Ребята в строю толкаются, кто-то не может найти своего привычного места. Это дает повод Ласточкину ворчать и покрикивать на нас:

– Тоже мне, разведка! Вы что, к теще на блины приехали? По команде «в ружье» вам десять секунд на сборы, а у вас что? Собиралась кума на базар. Рота, р-равняйся! Сми-ир-но!

Мы построились, подровнялись. Соблюдаем ли мы правила стойки по команде «смирно» – в темноте не видно, но Ласточкин все равно ворчит:

– Что за порядок, забодай вас комарь, – автоматы у одного на шее, у другого на плече, у третьего за спиной. Вы что, партизанить собрались? Кого нет в строю?

Оказалось, что в строю все, кроме хозяйственного отделения. Там ребята суетятся возле повозок и лошадей. Всех построившихся около тридцати, включая хромого Федьку Фролова и самого командира роты.

– Слушать внимательно! – начал Ласточкин. – Обстановка на нашем участке хреновая. К концу дня противник Илларионовку захватил. Вечером положение восстановили, но часть автоматчиков-диверсантов скрылась в лесу. Ваша задача: прочесать лес, выйти в Илларионовку и провести разведку боем на участке батальона Котенкова. Нужен «язык». Понятно?

– Понятно.

– Место поиска уточнить с комбатом. Запастись боеприпасами до упора. Получить у старшины сухой паек на сутки. И еще – мы отсюда снимаемся. Утром обоз будет в Заманкуле, это от Илларионовки через перевал. Понятно?

– Понятно.

Ласточкин помолчал и мы подумали было, что пора расходиться. Строй было зашевелился, но Ласточкин вдруг сказал с нескрываемым раздражением:

– Кто разрешил? Смирно! Главного еще не сказал. Вчера в бою был взят «язык» – раненный в ноги ефрейтор, при этом погиб один разведчик, ваш, между прочим, товарищ. Он за этого «языка» жизнь отдал, а вы подло расправились с этим «языком». Это что за новости, я вас спрашиваю?!

Все ошарашенно молчали и не могли понять, кому обращены конкретно эти упреки, кто догадался расправиться с немцем и что все это означало? Текли секунды. Строй молчал. Тут Ласточкин снова подал команду:

– Хорьков, два шага вперед!

Из строя вышел Хорьков. Был виден только его темный силуэт.

– Хорьков, вам было приказано вытащить с передовой раненого пленного и доставить его на сборный эвакуопункт. Вы приказание выполнили?

Вон оно что! Теперь все ясно. Теперь понятно даже, откуда у этого хмыря на ногах немецкие сапоги. Неужто убил?

Все почувствовали, что вопрос Ласточкина был для Хорькова неожиданным.

– А я шо? Как велено, так и сделал...

– Вы как отвечаете?! – Ласточкин вспыхнул, что было явлением редким. – Устав для кого писан?! Кому сдали пленного?

– Дык, шо? Как было приказано, сдал на этот... на эвакопункт.

Все почувствовали, что лейтенант подавил в себе готовый выплеснуться гнев. От злости и негодования он перешел с Хорьковым на «ты».

– Так вот, Хорьков, не был ты на эвакопункте. Ты где гулял, я тебя спрашиваю?!

– Дык, врут они. Мне шо? Приказано – я и сдал.

– Так-так. Думаешь, дураков нашел? Тогда с тобою в трибунале или в особом отделе поговорим!

– Дык шо?..

– А то, что пленного нашли убитым. Вот что.

– Ву шо! – попытался оправдаться Хорьков. – Обстрел был такой..., шарахнуло его – и с приветом. Сам еле спаси.

– Врешь ты, Хорьков. Пленный был убит не осколком, а пулей.

– Дык шо! Можя и пулей. Мне плевать на того фрица...

– Отставить! Ты врешь, Хорьков. Перед всеми товарищами врешь! Раненый немец убит выстрелом в лоб, в упор, автоматной пулей. Так что отвечать тебе придется за воинское преступление и за невыполнение приказа, а заодно и объяснить, где ты пропадал во время боя. Ты намеренно убил пленного, которого взяли в бою разведчики.

– Дык за шо отвечать?! Ваш Кудряш пленного ухлопал – ему ничего! Ему можно! А как Хорьков – так отвечать... Я ить все знаю, я ить скажу, где надо...

– Молчать! Шаромыжник ты, а не разведчик! До выяснения дела будешь при обозе под арестом. К старшине шагом марш!

Хорьков ушел, а впечатление такое, будто каждого из нас грязью вымазали. Ну и прохвост!

– Для всех остальных: группой командует младший лейтенант Данилов, его заместитель – Суменков. Всем быстро позавтракать и аллюр три креста! Р-разойдись!

Разошлись. Занялись подготовкой, а Беяков ворчал:

– Напугали! Да ему даже лучше. Где только голова у начальства? Вот кто не виноват, тот сегодня же подставит лоб под пули, а этот хлюст будет сачковать в обозе!

Данилов и Суменков ушли в шалаш к Ласточкину уточнять детали задания, а мы запасались гранатами и набили патронами карманы брюк так, что от тяжести того гляди штаны свалятся. Торопливо позавтракали чуть теплыми остатками ужина. Похоже, время еще раннее, коли еще ужин не остыл. Сухой паек – вареное мясо и хлеб – был подготовлен старшиной заранее. На сей раз таскать вещмешок очередь Беякова. Продуктов, кажется, маловато, но опытный Медвинский успокаивал тем, что «солдат и на подножном корму проживет».

– Данилов! Какого хрена копаешься? Давай быстрее! – подгонял Ласточкин.

Мы не построились, как положено, все равно в темноте не видно, просто собрались в кучу и слушали, как Данилов доложил командиру роты, что разведгруппа к выполнению боевого задания готова.

– Все! До встречи в Илларионовке или на перевале. Шагом марш!

Вот и все! Так просто и буднично. Прощай, наш гостеприимный овраг с кизилковыми зарослями и родниковой водой, больше не увидимся...

Ласточкин и Попов на сей раз участия в поиске не принимали и их никто не осуждал:

Попова по голове изрядно навернуло, еле на ногах держится, а сейчас его куда-то в штаб бригады вызвали; Ласточкин тоже немного подранен и несколько суток не спал, ребята говорят, что он даже «с лица сошел». Среди разведчиков у нас еще Боев перевязан, но под маскхалатом не видно, у Мишки Белякова перевязано ухо, поэтому у него капюшон на голове, а моя рука еще перевязана, болит немного, и на физиономии солидный синяк, окруженный желтым, как спелая кукуруза, пятном. Повязку с головы я еще в Эльхотово содрал – бинт размотался и на глаза съезжал.

Сегодня начинается в нашей жизни что-то новое, только ждать добра от этого нового не приходится – все равно бой, кровь, чья-то смерть и чьи-то смертельные муки...

Поселок Илларионовка стоит у самого подножья гор, на краю старого леса. Отсюда шла дорога на довольно высокий перевал через горы. Захватив поселок, немцы фактически рассекали фронт нашей бригады и открывали себе путь на перевал. Для нас это было очень опасно. Да что для нас – для всего закавказского фронта было опасно, так же, как потеря Эльхотовых ворот или Малгобека. Все это понимали и в штабе фельдмаршала Листа. Первый оперативный успех в направлении Илларионовки окрылил противника. Ему потребовалось сравнительно немного усилий, чтобы опрокинуть оборону наших частей, захватить Илларионовку и двинуть автоматчиков к перевалу. Илларионовка и перевал на данном этапе казались немцам ключом к воротам Осетии. Желанные перспективы казались близкими и реально достижимыми. В конце концов, военный талант – это дар божий, это наследственный дар, это разум поколений достойнейших полководцев. Настало время, и нужно поставить одну из завершающих точек в гениальных, провидческих планах фюрера. Фельдмаршал знал, что здесь, на Кавказе, у генерала Тюленева нет достаточных сил, нет резервов, нет даже подготовленных рубежей обороны, чтобы остановить, задержать бронированный кулак группы армий «А». Русские могли временно задержаться в районе Эльхотовых ворот, но сколько еще брешей в их обороне: Вознесенская, Малгобек, Лакисово, Илларионовка. Этот Тюленев не может рассчитывать на помощь своего Сталина, т.к. группа армий «Б» завязала бои в Сталинграде, а этот город с точки зрения престижа и стратегии очень важен, к нему сейчас прикованы основные силы и Красной Армии, и народа. Все говорило за то, что древнегерманский бог войны Вотан и гений фюрера неизменно ведут к победе, и теперь уже видны ее сверкающие крылья. Большевистский Колосс повергнут, и ничто не спасет его, в этом уже никто больше не сомневался... Сообщение о том, что неожиданным контрударом русские восстановили положение у Илларионовки, не обескуражило Листа. Это досадно, но это далеко не трагедия. Он много раз повторял своим офицерам, что благодушие и недооценка сил противника – это скрытые союзники врага. В который раз его подводит разведка – она прозевала момент, когда русские сосредоточили силы для контрудара. Но главное выяснено: оборона у противника и здесь шаткая, а перевал, этот ключевой рубеж, вообще не укреплен, и никто его не обороняет. Нельзя упустить этот благоприятный момент.

Фельдмаршал приказал в ночь стянуть сюда основные силы, утром бросить их на Илларионовку, уничтожить врага и к середине дня выйти на перевал. Он был уверен, что к концу дня и перевал, и первые селения за перевалом будут в руках его войск. Уверенность в исходе операции – это уже часть боевого успеха!

* * *

Наша разведгруппа прошла километра три по дороге вдоль гор к Илларионовке. Невыспавшиеся, злые, не отдохнувшие после тяжелого боя ребята шли молча, экономии силы. Даже о проступке, а может, и преступлении Хорькова, о настоящем ЧП для любого другого времени, сейчас не хотелось говорить. Все осуждали Хорькова, у всех на душе было гадостно от того, что этот хмырь пытался приравнять свое ничем не спрово-

цированное убийство пленного к выстрелу Кости Кудряша. Неловко было и от того, что вот перед всеми бросил, прохвост, незаслуженную тень на Кудряша – смелого и добросовестного разведчика, и никто из нас не дал отпора, не осадил его. Многие из ребят чувствовали себя неловко, вроде даже виновными перед товарищем в совершенной над ним подлости.

В стороне Эльхотово и правее по всей степи всполохи осветительных ракет. Над Эльхотово в небе «люстры» висят, далеко ухают разрывы мин и обманчиво медленно плывут над степью пунктиры трассирующих пуль. Здесь у подножья гор, у кромки большого леса тихо и темно. Слышен только нестройный топот ног, кто-то лениво ворчит:

– Это ж надо! Нагрузились как выючные ишаки: два диска на ремне, две гранаты, в карманах патронов столько, что штаны спадают! – ворчит человек, хотя хорошо понимает, что иначе нельзя. Ворчит потому, что не он сам решил, а ему приказали нагрузиться, ворчит потому, что выполняет чужую волю, а скажи ему: «Ты идешь в бой, определи сам, сколько тебе боеприпасов нужно» – он бы больше взял, он бы сухой паек оставил, а боеприпасы взял. Такова человеческая натура.

А брючный и поясной ремни, кажется, действительно кожу на поясе до костей протрут. Больно – спасу нет, того гляди наружу мослаки вылезут.

– Привал! – командует Данилов.

Все рады передышке. Уставшие люди опускаются на пропыленную придорожную траву и вытягивают натруженные ноги.

Над нами звездная бесконечность. Становится прохладно. Меня спасает тельняшка, которую еще в Московском флотском экипаже выдали, а у кого просто красноармейское х/б обмундирование – начинают стучать зубами. А все-таки здорово лежать ночью вот так в степи на голой земле: пахнет степными травами, полынью, землей пахнет... Только бы никто не трогал, не нарушал покоя. Помню закатное небо в деревне, и я так же лежал в душистых луговых травах... Там были странные цветы – на высоком тонком стебле их бывает иногда до десятка. Это даже не цветы, а только бутоны светло-коричневые с легким фиолетовым отливом и тускло-желтыми маленькими лепестками, сложенными вместе. Все бутоны обязательно склонены к земле, и если хоть один из них раскроется, то цветок очень быстро роняет свои лепестки. Я не знал, как эти цветы называются, на них и внимания никто не обращал, а они, как сказка, как печальная и незаметная Аленушка... Золотисто-розовое небо, на траве закатные блики и эти странные почти незаметные цветы, их на лугах всегда много. Их только не надо трогать – пусть растут, они не бывают красивыми, они сама застенчивость, сама скромность, незаметность и загадка, как русская душа... Вон, деревенский парень Васька Артемов сидит на лугу. В пятнистом маскхалате его не скоро заметишь. Откуда у Васьки маскхалат? И сапоги у него немецкие с белыми шляпками гвоздей на толстых подошвах...

– Подъем! Хватит спать! А ну, подъем!

А я опять уснул... Даже сон какой-то видел, спокойный и хороший сон. Ребята встают на ноги нехотя. Нам бы денечек отдыха! Нам бы только ночку спокойно поспать! Сколько же прошло времени с того первого боя у Верхнего Акбаша, когда я впервые увидел немецких мотоциклистов и бронетранспортер? Сколько? Похоже, что здесь уместилась уже вся жизнь, целая вечность! Похоже, всегда был и никогда не закончится бой, и уже вся земля – это воюющая планета... Все в голове перепуталось, сплошная чехарда... Что-то еще ждет нас сегодня? Уже сегодня! Завтра воспринимается как нечто далекое и нереальное: кто это еще доживет до завтра, но что-то случится с нами еще сегодня?

Данилов начинает объяснять сиюминутную задачу и на сей раз говорит не языком приказа, не в повелительном наклонении и с командирским нажимом, а будто оставляя за каждым из нас право возражать, высказывать свое мнение. Это не похоже на Данилыча, что-то происходит с ним непонятное: то он за пустяковую мелочь убить человека готов, то говорит вот так:

– З-знач-чит п-пост-тавлена нам з-зад-дача п-прочесать лес... В-вот и д-думай! Эт-то, д-думаешь, ш-шут-точки? Д-давай так: т-три г-груп-пы пошлем. К-как думаете?

Услышав такое, ребята даже растерялись. «Как думаете?» И это говорит Данилов – человек прямой, резкий, решительный и даже грубоватый.

Тяжко ему, и нам плохо. Ни возражать, ни советовать никто командиру не стал.

– М-мед-двинский!

– Я!

– Б-бери в-восемь ч-челов-век и п-п-по в-верхней к-кромке леса.

– С-суменк-ков!

– Я!

– Б-бери с-семь ч-человек и п-п-по ц-центру. Со мною о-ост-тальные. Я п-пойду н-нижней оп-пушк-кой. Соб-браться н-на д-дороге в килом-мет-тре от Иллар-рионовк-ки. Если п-понятно, т-тогда п-пошли. Д-давай, М-мед-двинский!

Медвинский отобрал ребят и отправился в горы. Подождали минут пятнадцать, тихонько покурили:

– С-суменков, д-давай!

В свою группу Суменков взял Авдеева, Подосенова, Митьку Козловского, Золотова, Бельтюкова и меня с Мишкой Беляковым. Как-то все привыкли, что мы с Мишкой старались бывать вместе, нас и не разлучали без надобности, в разведроту это даже поощрялось.

Мы в лесу. Темень адская. То и дело попадаем в непроходимые заросли корявого горного дубняка. По-моему, здесь не то, что немецкий автоматчик, здесь мышь не пролезет. А спины уже взмокли на крутом подъеме, жарко делается. Все начинают понимать, что наши старания совершенно напрасны, здесь нет ни единой живой души, здесь даже шакалы не воют. Автоматчиков, если они есть, стоит искать возле Илларионовки или внизу у дороги, а что делать им здесь? Чего ради они станут блуждать ночью по горам, в лесу и в такой темени... Идти по кособокому тяжело – невольно с направления сбиваешься, вниз сами ноги тащат. Все идут, вытянув вперед руки, чтобы глаза ветками не выдрать. На полянах чуть светлее, заметны группы деревьев или кустарника. Отсюда хорошо видно, как внизу, в стороне Эльхотова, немцы кидают осветительные ракеты, чуть выше ракет висят «люстры» – там, очевидно, действуют немецкие ночные бомбардировщики. «Люстрами» бойцы называли немецкие осветительные бомбы – это та же осветительная ракета, только во много раз более мощная и подвешенная на парашюте. Поток горячего воздуха от пламени позволяет парашюту очень долго висеть почти неподвижно в воздухе. Часто такие бомбы сбрасывают с самолетов пачками, по три-пять штук, поэтому их и окрестили «люстрами». Их желтоватый свет настолько ярок, что сегодня и нам малость помогает вовремя заметить черный провал оврага и не свалиться в него. В темноте ребята проламываются сквозь заросли, словно медведи, трещат сучья, все сопят, кто-то громко матерится. От нашего прочесывания толку никакого. Мы идем цепочкой друг за другом, идти развернутой цепью невозможно. Мне кажется, что теперь главное для нас не прочесать, а пройти заданным маршрутом. Если здесь и есть автоматчики, то мы пройдем мимо них в двух шагах и ничего не заметим. Хуже будет, если они в засаде – на всех нас хватит трех хороших очередей из автоматов. Думать можно всякое, а идти нужно – это приказ и в армии он не обсуждается, а выполняется. Это железное правило мне хорошо знакомо еще с военно-морской школы.

Прошли с километр, может быть, и больше, и вышли на сравнительно ровную с небольшим уклоном поляну.

– Перекур! Посидим, послушаем, – скомандовал Суменков.

Остановились и устало плюхнулись на землю. Тихо так, что слышно, как в ушах кровь шумит. Минут десять сидели молча, а потом Витька Золотов вдруг предложил:

– Давай я очередью по лесу шарахну.

- Зачем?
- А этих автоматчиков и диверсантов пугану.
- Удумал! А если там Медвинский с ребятами? – рассуждает Подосенов.
- Так Медвинский выше нас.
- Ночью, брат ты мой, в два счета все перепутается: кто был выше, станет ниже.
- А я вверх садану, – не унимался Золотов.
- Выстрел – это сигнал тревоги! Зря не стреляй, – заметил Суменков.

В это время Гришка Авдеев вопреки всем правилам маскировки вдруг чиркнул спичкой и начал прикуривать. Может быть, потому он делал так открыто, что не мог иначе – бороду опалить боялся, а может и по другой причине. Пламя спички кажется нестерпимо ярким, как ракета, оно освещает Гришкино лицо, даже трепещет на листьях соседнего куста.

– Ты что делаешь?! Охренел совсем! – возмущается Козловский, но Авдеев совершенно спокойно, невозмутимо прикурив, затянулся дымом и, не маскируя огня папиросы, ответил:

– Курю, Митя! И пошел ты на хрен с твоей маскировкой. Вот если бы сейчас немцы этот лес прочесывали – они бы с фонарями шли и стреляли бы по каждому подозрительному шороху или тени. А мы все трусимся, как бы нас Гитлер из Берлина не увидал. Какого черта и прочесывать, если мы всего боимся! Вон, смотри – сидят фрицы на передовой и пуляют ракетами. А мы, как тараканы в щели, сами себя боимся, а я не хочу бояться. Я здесь хозяин! И пусть фрицы подвинутся и меня не злят, я человек нервный. Будь я командиром бригады, я приказал бы не прочесывать, а по всем горам костры разжечь. Пусть, паскуды, думают, что здесь наша оборона, пусть бояться.

Суменков, видно, согласен с Гришкой, не останавливает его, а мне кажется, прав Козловский, и я поддержал его:

– Вы что, ребята! Зажженную спичку в бинокль за десять километров можно увидеть. Что – маскировку зря, что ли выдумали?

– Не зря, – упирается Авдеев. – Только она нужна там, где действительно нужна. Вот лазили к фрицам – там, конечно, курить не стоило, ну а здесь? Ну, вот увидят меня сейчас фрицы, что – они мне на хвост соли насыплют? Из пушки сюда пальнут? Чего мы жмемся?

Суменков тоже закуривает, за ним и остальные, даже мы с Козловским, и нам становится забавно, что немцы видят, а укусить не могут. Правда, мы с Митькой по привычке курим в кулак.

В горах тихо и нестерпимо холодно. Дураки, что шинелей не взяли. В черной бездне, где растворилась ночная степь и, по всем правилам, должен быть горизонт, видна очень далекая, но яркая звездочка желтоватого пламени. Она почти неподвижна и действительно похожа на очень большую оранжевую звезду, но если долго и внимательно на нее смотреть, то становятся заметными переливы, трепет пламени, будто эта звезда шевелится.

– Сильный пожар. Это нефть горит, – замечает Золотов.

Видимо, он прав, только уж больно далек этот пожар.

– Не иначе, как в Майкопе. Там нефти много, а пожар с гор и видать, – предположил Беляков. Он считался знатоком Кавказа, так как после опасного ранения в шею в госпитале лежал в Нальчике.

– Не говори зря. В Майкопе! Эка хватил. До Майкопа теперь, что до Берлина. Отсюда ни Майкопа, ни Эльбруса не видно. Это где-нибудь в Майском или в Котляревской, – определил Суменков.

Все молча смотрели на далекое пламя, дальний и грозный пожар. Он напомнил нам о войне, о тревоге, о том, что огромный кусок нашей земли сейчас под немцем, и там устанавливают захватчики свой «новый порядок».

- Интересно, где сейчас Медвинский? – слышится голос Подосенова.
- Где-нибудь на траверзе. Авдеев! А ну, свистни погромче, – командует Суменков.
- А если немцы? – снова осторожничает Козловский.
- Если немцы, то они на свист не пойдут, они драпанут отсюда. В окружении здесь они, а не мы.

Суменков и Авдеев, на мой взгляд, ведут себя неосторожно и нагло. Гришка засовывает пальцы в рот и мертвую тишину раздирает пронзительный и невероятно громкий свист. Вот так свистел, наверное, Соловей-разбойник во лесах во киевских. Тихо. В ответ ни звука...

- Да что они, дураки что ли? Они точно уже вниз пошли, – вслух рассуждает Золотов.
- Пожалуй, – соглашается Суменков. – Сейчас и мы пойдем.
- Слушай, старшой, давай и вправду на страх врагам костерик маленький. Малость погреемся, как люди, и тогда уж пойдем, – просит бородатый Авдеев.

Теперь даже Козловский молчит – вроде бы опасно, непривычно, но хочется. Если кто из ребят и сидел у ночного костра, то только до войны.

- Давай, – соглашается Суменков.
- Давно бы так. Хлопцы, тащи сухих веток побольше, – говорит Авдеев и первым шагает к опушке леса.

Я тоже отправился. Автомат за спицу и пошел. Рядом овраг, а на дне оврагов здесь непременно прорва валежника. Осторожно, цепляясь за ломкие сучья, спустился в овраг – ни шута внизу, одни камни и темень. Прошел немного вниз, а овраг стал заметно круче. «Этак голову здесь сломишь», – подумалось мне. Я вернулся немного назад и вылез на противоположную сторону оврага. Там крутой горб, заросший старым лесом, и снова овраг. Меня зачем-то понесло туда. Спустился. Тьма такая, будто меня в ящик из-под сажи посадили. Воздух здесь влажный, холодный и конца этому склону нет. Нужно вернуться. Отсюда и валежины не вытащишь. Здесь при такой крутизне загудишь в какую-нибудь пропасть – костей не соберешь. Обратно еле вылез, похоже, с пути сбился. Раз два ноги скользили, и я с трудом удерживался, ухватившись за сучья руками, а камень, вывернувшийся из-под ноги, зашуршал, зацокал, куда-то далеко улетел. Все-таки вылез обратно. По моим расчетам, теперь следовало перелезть еще овраг. Ничего себе принес валежин! Смеяться ребята будут. Спустился в первый овраг, он не такой глубокий. На дне столько валежника, что перелезть его невозможно. Как же это в первый раз я прошел мимо. Валежины мокрые, обросшие мхом, и гнилые. Они неподъемно тяжелые. Здесь дай бог самому вылезти! Пришлось пролезть немного вверх по склону и там уже выбрался на другую сторону оврага. Надо просто вернуться к костру и поискать сучьев на опушке леса, но прежде необходимо подняться по противоположному склону оврага. Склон здесь скользкий, глинистый, среди старых деревьев непролазные заросли мелколесья. Автомат цепляется стволом за какие-то ветки, словно меня кто-то назад тянет. Я карабкался вверх и клял себя на чем свет стоит, исцарапал руки, без костра стало жарко. Наконец, все-таки выбрался из проклятого оврага. Уф! Правда, жарко, да еще диски и, главное, гранаты на поясе – это опасно! Если какая-нибудь ветка за кольцо гранаты в темноте заденет – непременно подорвешься, тогда не будет спасения. Занесло меня! Правду говорят: заставь дурака богу молиться... Наверху я ожидал увидеть нашу поляну и костер, но здесь не было ни костра, ни самой поляны – один крутой склон и лес! Наваждение какое-то! Я решил, что спутал овраг и пошел в том направлении, которое мне показалось правильным. Тихо. Только сухие сучья трещат под ногой. Взял немного вверх и повернул вправо. Опять овраг. Нужно что-то предпринимать. Лазить по оврагам опасно, и сил больше нет. Я начал кричать, надеясь, что меня услышат и ответят, помогут сориентироваться. Немо! В зарослях леса что-то неожиданно затрещало и потом, удаляясь, затихло. Видно, кабан. Нужно подняться выше, и тогда сверху я должен заметить костер... А если ребята его не разожгли по какой-то причине? Тогда я пропал.

Темень такая, будто мне глаза завязали черной тряпкой. Продираться сквозь заросли нет сил. Мое положение уже перестало казаться мне досадным недоразумением, все оборачивалось бедой. Этак я до утра буду здесь блукать*. Что тогда будут делать ребята? Как они объяснят исчезновение одного разведчика? Тоже мне, разведчик! В лесу заблудился! Сколько ни всматривался, я не видел ни малейшей искры огня, до меня не долетало ни единого звука. Я, конечно, не боялся темноты, даже не боялся напороться на немцев – вряд ли занесет их сюда нелегкая – меня пугало другое: ребята не могут без меня уйти, не пойдут из леса, потеряв одного человека, они должны поднять тревогу. Вот тогда уже все группы должны по-настоящему прочесывать лес. А как же задание? Пройдет время, станет светло, меня найдут, но задание будет по моей вине сорвано. Станет светло, и я сам выйду вниз на дорогу, но как я объясню случившееся? Начнется бой, а разведчики будут сидеть в лесу, искать заблудившегося олуха! Позор! Стыд! Мальчишество!

Справа еще какой-то овраг. Иду его краем, поднимаюсь по склону горы вверх и попал в цепкие лапы колючек и непреодолимых зарослей. Время идет, нарастает тревога... Делать нечего – я поставил автомат на одиночный выстрел и стал стрелять вверх. Выстрел-то должны услышать! Тихо. Ни крика, ни ответного выстрела. Попробовал слезть вниз, в овраг, карабкался между камней и валежин, ощупывая каждый предмет ногами и руками, стрелял... Тихо. Словно и не было никого на склоне гор... Заблудился! Увы, свершилось то самое нелепое и постыдное, чего я так боялся. Это следовало признать. В небе вроде что-то посветлело – глаза привыкли или это рассвет? С огромным трудом, потеряв всякую надежду на благополучный исход моих блужданий, я вылез на противоположный склон оврага. Хотел было еще раз выстрелить, но вдруг явственно увидел на вершинах деревьев мерцающие отблески огня. Они были едва заметны, но то, несомненно, были отблески. Дьявольщина! Торопливо направился в ту сторону и вышел на поляну. Здесь горел костер, возле него черные силуэты людей и красные, освещенные огнем, лица ребят. Золотые искры, перегоняя друг друга, взлетали почти до самых вершин деревьев. Ребята подбрасывали в огонь сухие ветки, они мгновенно занимались яркими белыми язычками пламени... Так вот же они. Почему не откликались? Меня взяла обида на товарищей, в душе кипели злые упреки – вот же они все, спокойно отдыхают и никто меня не хватился, даже не среагировал на выстрелы! Да что ж это такое?!

– Да вон он идет! Где тебя носит, салага? – раздраженно спросил Бельтюков.

Я подошел к костру и меня прорвало:

– Салага, значит, я? Где меня носит? А вы кто?! Разведчики, называется! Моряки, мать вашу!

– Но-но, потише! – слышится злой голос Подосенова.

– Что потише! Вам откликнуться было трудно? Может, вы и выстрелов не слышали?

– Каких еще выстрелов? Ошалел что ли? Мы его здесь ждали, кричали, свистели...

– Да, хватит врать-то!

– Да ты что, всерьез что ли? – возмутился Мишка Беляков. – Ты где был-то? Нахрена ты ушел? Почему не откликнулся? Искать тебя, дурака, собрались. А он матерится еще!

Мишка не пойдет на злую шутку, ему верить можно. Но тогда как все объяснить? Злость и обида на душе не утихали. Сел около костра, закурил.

– Я от вас был через овраг. Я кричал, стрелял... Что, ответить было трудно? Там ведь голову свернуть недолго!

– Вот ведь разошелся, салага! – прогудел Авдеев. – Я тебе, дураку, свистел, ребята кричали. Ты сам-то почему молчал?

* Блукать – путать, блуждать.

– Да пошли вы все...

– Отставить разговоры! Шатается, хрен его знает где, а потом других винит. Сейчас вниз пойдем и от меня ни шагу в сторону! – отрезал Суменков.

Никто больше не обращал на меня внимания, они мне не верили, считали, что я ваяю дурака. До моего появления они, видно, затронули беспокоящую всех тему и не хотели на полуслове оборвать разговор.

– Ладно, вот докурим и пойдем. А все-таки мы, может, и зря, может, и не убивал он его? На войне чего только не случится... – раздумчиво говорил Козловский.

Подосенов отвечал, раздраженно, зло:

– Да брось ты, Митька, добрым прикидываться! Он уж и сознался. Конечно, хлопнул он его. Откуда ж у немца входное пулевое ранение на лбу? Если он тащил его на плечах, то входное отверстие будет на затылке, на спине, на заднице, но не на лбу!

Это они о Хорькове. Случай-то действительно ни в одни ворота не лезет – пленного, раненого «языка», из-за которого погиб один разведчик, взять и пристрелить из-за сапог – это преступление, варварство! А у Подосенова логика железная. Несмотря на непроходящую обиду, я невольно прислушиваюсь, а Подосенов продолжает:

– Вроде бы хитрый урка, а дурак. Думал, раз война, так она и спишет все, никто и не хватится. Это если кого б из нас пристукнуло, то, может, и не хватились бы, а тут пленный, тут «язык». Здесь о нем уже штабу доложили, на сборный эвакуопункт команда пошла: перевязать, привести в чувство и доставить в штаб! А этот хрен взял и шлепнул фрица и, главное, тело за бруствер выкинул! А это для чего? Ну убили – так ты приди и доложи, что такое, мол, дело. А он, ишак, как мелкий урка, сапоги стянул и сам ходу. До конца боя его в траншее не было.

– Это точно. Одно слово – урка! – поддержал неразговорчивый Бельтюков.

– При чем тут «урка»? – гудит Авдеев. – Конечно, суд, тюрьма, лагерь – это он знает, но, по всему виду, попал он туда за какую-нибудь мелочевку, вроде как сапоги украл. Потом заложил своих дружков, а в лагере стал сексотом.

Гришка слово-то произнес вроде неприличное. Я еще, помнится, в детстве в Москве его слышал – пацаны так друг друга обзывали, ничего не ведая о значении этого слова. Многие ребята тоже, видно, слово это слышали, но не задумывались над его значением. Молчат. Не знают, как среагировать.

– А сиксот, это что такое? – спросил Мишка Беляков.

– Тоже мне, – поясняет опытный Авдеев, – не «сиксот», а «сексот» и это не только на тюремном или блатном языке. Означает это – «секретный сотрудник». Это тот, кто на своих корешей в бараке лагерному начальству капает. Его за это подкармливают, на работу, что полегче, ставят, он тем и живет. Он, гад, даже боится, что срок ему скостят – к жизни на воле он не приспособлен, ему в лагере сытнее.

– Похоже, – поддержал Подосенов. – Смотри, как он Попову задницу лижет, а тот уши развесил, все воспитывает его. Будь моя воля, я б его воспитал.

– Что ж теперь с ним будет-то? – поинтересовался Золотов.

– Да ни хрена не будет. Вывернется он, – убежденно говорит Подосенов. – Попов его выгородит. Это Кудряша тогда чуть из разведроты не выперли, хотя по-другому он и действовать не мог. А этот гусь выплывет. Сейчас он слезу пустит, все продумает и завтра будет говорить уже другое. Сегодня он не ожидал, да еще спросонья, ну и растерялся малость.

К тому же мы другого «языка» притащили – офицера. Ну и сойдет все. В порядочной роте за такого «языка» к награде бы представили, а у нас только одного Хорькова «воспитывают». Голову даю, что и в роте он сексотничает, поэтому Попов с ним и возится. Ох, и наплачется он еще с ним.

Суменков встал, поправил поясной ремень на маскхалате и решительно сказал:

– Всё, славяне! Попридуривались и хватит. Светать скоро начнет. Пошли вниз.

Ребята поднялись. Костер прогорел, на земле осталась кучка углей, тронутых серой золой. Костер затоптали. Он в последний раз выпустил стаю искр и стал исходить горьким дымом. Все! Пошли!

Я шел за Мишкой Беляковым. Это удобно – у него ухо перевязано, и в темноте белый бинт немного виден. Меня все еще грызло сомнение: а не разыграли меня ребята? Пусть, мол, салага потрусится в ночном лесу – в другой раз умнее будет! Снова зашевелилась обида. «Тоже мне, субчики. Ну, а если бы я напоролся на немецких автоматчиков? Открыл бы огонь, а они так и сидели бы у костра? Эх, люди! – думалось мне. – Это после танковых атак, после сумасшедших бомбежек, после рукопашной пытаться испугать меня темным лесом! Всему виной моя идиотская доверчивость и розовый романтизм! В жизни все намного проще, грубее, осязаемее». Я шагал вниз по склону и горько упрекал себя, старался разрушить остатки полудетских, романтических стереотипов. «Хорьковым сейчас легче, им наплевать на морскую дружбу, на солдатское товарищество, на всю эту книжную дребедень!»

Суменков каким-то чутьем находит дорогу, в овраги не лезет, старается идти по горбу склона. А склон крутой, болят ноги от постоянных усилий торможения. Вообще Суменков прав, что повел группу вниз: не привело бы к добру это прочесывание, сломали себе голову и все.

– Мишка! Неужто и ты мне правды не скажешь? Только честно. Я не обижусь. Ты слышал выстрелы? – спрашиваю шагнувшего впереди Белякова.

Мишка отвечает тихо и не оборачиваясь:

– Дурак ты. Если бы кто услышал, то тревогу поднял. Не слышал никто никаких выстрелов.

Впоследствии я убедился, что меня не разыгрывали, понял, насколько коварны могут быть горы, какую западню могут таить, как они умеют глушить звуки, десятикратно усиливать их или приносить с совершенно неожиданной стороны...

Все! Конец мучениям! Мы вышли к подножью на опушку леса. Еще немного и будет дорога. Вскоре встретились и с группой Данилова. Двое разведчиков стояли у кустов в дозоре, остальные откровенно спали. Нас окликнули. Злой и раздраженный Данилов встретил нас неприветливо:

– Гд-де вас ч-черти н-носят?

Станный вопрос. Может быть, поэтому Суменков тоже разозлился и ответил резко:

– По чьей-то дурости по оврагам лазили и ноги ломали.

– Д-дуракам з-закон не п-писан. Ч-еего м-мотались?

– Так вы же задание ставили!

– З-зад-дание! Об-бстановку н-на м-месте у-учитывать надо. Г-де этот ох-хламон М-медвинский?

– Так вы его сами на верхнюю кромку леса послали.

– В-вот и в-воюй с т-такими. Г-где не н-надо, т-там лоб рас-сшибут. А к-какой д-дурак т-там ст-трелял?

– Мы стреляли. Думали, кто из вас ответить догадается, чтобы знать кто и где.

– Р-ракет-тницу н-надо б-было взять. П-пошли вп-перед. Он к Ил-ларионовке выйд-дет.

Не выдал меня Суменков, и ребята ни гу-гу о том, что со мной приключилось, перед всеми не опозорили. Это все правильно. Но почему Данилов слышал выстрелы, а ребята, что были рядом, нет? Опять сомнение, а для меня очень важно было его разрешить – здесь крылся ответ на самый важный вопрос: могу я доверять ребятам полностью или нет?

После крутого спуска Данилов не дал нам времени для отдыха, мы пошли в сторону Иларионовки. Из-за гор выползал ущербный месяц, стало немного светлее. Шли, не

выслав вперед головного дозора, чувство опасности на знакомой дороге притупилось. Прошли еще километра полтора и вдруг шагнувший впереди Данилов внезапно остановился и прошептал:

– А н-ну, т-тихо!

Вся группа замерла. Ребята на всякий случай перетащили автоматы из-за спины на грудь.

– Тс! – снова шипит Данилов.

Впереди чуть слышен какой-то неясный шум. Это еще не шум шагов, не бряцание оружия, это чуть уловимые, неясные звуки. Вскоре шум становится отчетливее и через некоторое время уже можно понять, что нам навстречу движется группа людей, шагают они вразнобой, нестройно и их много.

– Медвинский это, – предположил кто-то из ребят.

– Т-тихо! Давай к к-кустам!

Мы сошли с дороги и, развернувшись, встали в густой темноте под небольшими деревьями.

– Да Медвинский это!

– Т-тихо, м-мать т-твою!

Что-то насторожило и впереди идущих. Они остановились. Шагов больше не слышно. Они стоят и слушают. Это явно не Медвинский. К чему бы Медвинскому идти от Ил-ларионовки в обратном направлении? Оттуда, от остановившейся группы, слышался оклик:

– Кто здесь?

Вообще-то ситуация совершенно обыденная, все объяснения сторон в таких случаях занимают несколько секунд. Но с Даниловым что-то случилось, он явно «полез в бутылку». Наш командир вытащил из кобуры револьвер. В настороженной тишине звонко щелкнул курок. В ответ мы услышали, как защелкали затворы взводимых автоматов. Данилов молчал, и напряжение с обеих сторон быстро нарастало.

– Кто здесь? Стрелять буду! – слышался все тот же строгий и решительный голос.

– В-вы к-кто т-такие? – вызывающе громко спросил Данилов, держа револьвер наготове.

– Пропуск? – снова слышался голос.

Мы знали пропуск, но что-то явно стряслось с нашим командиром, опять у него заскок от контузии. Данилов шагнул вперед, но никакого пропуска не называл.

– Стой! Пропуск! – теперь это звучало как команда и предупреждение.

Кто-то из ребят нарочито шумно зашевелился, пытаясь этим шумом разрядить мгновенно накалившуюся обстановку, показать, что мы не скрываемся, мы не боимся, потому, что мы свои. Но Данилов зашипел на нарушителя тишины. Впереди люди заученно рассыпались цепью. Мы, реагируя на опасность, бесшумно взвели автоматы – для этого нужно было нажать на спусковой крючок, отвести затвор до упора, отпустить крючок, а затвор, придерживая за рукоятку, поставить в положение боевого взвода. Сложилась опасная, грозящая неожиданностью ситуация: ночью на дороге у края леса отряд встречает затаившихся в тени людей и это, когда известно всем о немецких автоматчиках. С обеих сторон автоматы на боевом взводе... Теперь уже я не представляю, как мы выйдем из этого дурацкого положения.

– Т-ты кто т-такой, чт-тобы у меня п-пропуск сп-прашивать?! Эт-то т-ты мне д-должен п-пропуск ск-казать!

– Взвод, к бою! – слышалась команда.

В темноту, которая нас укрывала, сейчас было направлено самое малое пятнадцать автоматов. Мы тоже держали на прицеле встретившихся товарищей по оружию. Наша позиция была явно лучше, похоже, что нас даже больше. Отряд, напротив, этого не зна-

ет... Неужто дело до стрельбы дойдет?! Перебьем друг друга «своя своих непознаша» – только этого нам не хватало.

– Пропуск?

У того мужика хорошие нервы. Он уже мог бы и стрелять, но тоже, видно, чувствует, что впереди свои, только шальные немного. Однако, голос требовательный.

– Я т-тебе ч-что, п-пропуск н-на весь К-кавказ кричать б-буду?!

И Данилов скомандовал:

– Разведка, к бою!

Наш младший лейтенант пошел вперед, держа в руке взведенный револьвер, а мы пошли вслед за своим командиром – не могли же мы оставить Данилова в этой ситуации одного!

– Стой! Всем на месте, один ко мне! Пропуск или стреляю!

– Взвод, за мной! – кричал Данилов и смело шагал прямо на вооруженную группу людей. Он шагал и продолжал зло говорить:

– Я т-тебя н-научу уст-тав ув-важать! Я т-тебе ст-трельну, я в-ас всех с гов-вном с-сме-шаю!

– ...Взвод!

– ...Разведка!

Мы тоже упрямо шли с автоматами наготове за своим командиром, готовые ко всему, что может случиться всего лишь через один шаг.

– Я с-скажу п-пропуск! Я п-пропуск з-знаю, но не ск-кажешь от-твета – з-заст-трелю!

Данилов словно умом тронулся. Он неразумно накалил обстановку до самой последней крайности. Он, несмотря на предупреждение, подошел к командиру встретившего взвода и наставил ему в грудь револьвер. А тот, в свою очередь, почти уперся стволом автомата в грудь Данилова. Вся эта нелепая фантазмагория продолжалась несколько секунд. Данилов остановился, встали и мы – строй против строя. Автоматы с обеих сторон взведены и направлены друг на друга. Я был рядом с Даниловым и наставил свой автомат на какого-то рослого парня, который из-под плащ-палатки наставил автомат на меня. Каждый из нас уже видел, знал, что это не немцы стоят против нас, это свои, но из-за нелепых амбиций или просто по недоразумению творилось что-то страшное, досадное и неуправляемое. В этом диком безрассудном напряжении достаточно было не то что выстрела, а просто нечаянного громкого крика, и нервы у людей не выдержали бы, мы непременно должны были перестрелять друг друга. У всех уже пальцы на спусковых крючках, каждый уже чуть надавил на них, чуть сдвинул с нейтрального положения, чтобы успеть выстрелить первым, чтобы выиграть десятую долю секунды. До выстрела, до трагедии оставался единственный и последний миллиметр, а этот сумасшедший Данилов, видно, разволновавшись, никак не мог начать говорить и тянул смертельно опасную паузу.

– М-м-муш-шка! От-т-твет? – наконец произнес он.

– Мурманск, – тихо ответил стоявший напротив Данилова человек.

Даже теперь, когда вроде бы не стало причин для чудовищного накала, страсти не улеглись: настороженные люди, доведенные безумием одного до черты взаимного уничтожения, несмотря на то, что были правильно названы и пропуск, и отзыв, не опустили оружия – слепая враждебность сковала души.

– Ну, что теперь, командир? Стрелять друг в друга будем?

– В-вы к-кто такие?

– Патрульный отряд батальона автоматчиков. А вы кто?

– Бригадные разведчики мы, – не дожидаясь Данилова, ответил Суменков и первым повесил автомат на плечо. Он старался делать все, чтобы быстрее разрядить до крайности накаленную обстановку.

– Опустите пугач! А то у нас тоже нервные есть, – сказал человек, стоявший напротив

Данилова, и демонстративно снял свои руки с висевшего у него на шее автомата. Потом даже небрежно и подчеркнуто спокойно сказал своим бойцам:

– Свои, это! Шальные только они.

– Чт-то?! – снова взвинтился было Данилов. – Я м-м-млад-дший лейт-тенант, а т-твое з-звание? И с-скажи с-своим с-суб-бчикам, чт-тоб ст-тволы в зем-млю!

– Они, младший лейтенант, не субчики, а бойцы Красной Армии и, между прочим, матросы. Давай-ка без гонору. Мы тоже не лыком шиты и пугать нас не надо, мы пуганые. Звание мое – главстаршина, в пехоте приравнивается к старшему лейтенанту.

– Во дает! – громко вставил Подосенов. – Да у нас в переводе на пехоту подполковник здесь есть. Климашевский, давай на линию огня! Здесь шум на баке.

– Вот салаги! Так и знал, что без меня не разберутся... Ты что автомат на меня наставил? Давай, клади оружие на землю и пошли врукопашную. Врежем друг другу по ключам* и будет что вспомнить!

Напряжение разрядилось. Автоматы поставлены на предохранители, еще несколько секунд неловкого молчания, а потом главстаршина первым сказал:

– Давай, лейтенант, закурим и проясним обстановку, а то ведь чуть было не доигрались.

Данилов насколько быстро завелся, так же неожиданно быстро остыл. Спокойно убрал в кобуру револьвер и достал кисет.

– Закуривай, – предложил он главстаршине.

– Спасибо. Давай покурим, – не отказался главстаршина, оторвал кусочек газеты, свернул сигарку и затянулся душистым дымом.

Закурили и остальные, расселись и разлеглись возле дороги. Постепенно исчезало чувство настороженности и недоверия. Около меня оказался тот самый рослый парень в плащ-палатке, который две минуты назад стоял, наставив мне в живот автомат.

– Не угостишь табачком, земляк? – обратился он ко мне. – С утра здесь такая свара была, не приведи господи – целый день ни пожарить, ни покурить.

– На, закуривай. А то ведь чуть-чуть и постреляли бы мы друг друга.

– Вполне даже возможно. Я чуюл, что у тебя уже палец на спусковом крючке.

– А у тебя?

– Что ж, у меня тоже.

– А если выстрел нечаянный?

– Ну, тогда все... Тогда и курить здесь некому было бы.

Боец сделал несколько затяжек, а потом снова сказал:

– Ты не обижайся, друг, только чего это ваш лейтенант такой малохолный? Ему что, стрелять не в кого? Чего он завелся-то?

– Ну, ваш главстаршина тоже хорош – кто первый команду «к бою» крикнул? Если мы на то счет поведем, то сейчас снова за автоматы схватимся. А наш лейтенант не малохолный, он парень что надо, только у него за последние дни несколько тяжелых контузий было. Бывает вот на войне такое: пули и осколки его милуют, но зато как бой, так контузия. Может, нервы и сдвинулись. Что у вас тут было-то? Говорят, немцы в лесу остались? Мы и лес было прочесывали, да только ночью там не пролезть.

– Правильно говорят – дела здесь хреновые. Вчера фрицы дали нам прикурить, ну а кто уцелел – драпанули. Фрицы в Илларионовку влезли. Потом вышли их. А в лесу из немногo осталось. Это точно, как пить дать. Перед вечером они возле дороги появлялись, постреляли малость и опять в лес. Сейчас, может, и ушли. Дыр у нас в обороне много.

*Ключ – отверстие в носовой части или в середине палубы или борта для проводки кабельтов или якорных цепей.

- Дела...
 - Куда там! Откуда родом-то? Случаем, не земляк?
 - Из Москвы.
 - То-то и оно. Я земляка по разговору чую.
 - А ты откуда?
 - Из Ногинска. Знаешь город такой?
 - Конечно, знаю.
- Автоматчик помолчал, а потом заметил:
- Видал, как выходит? И земляки, и парень ты вроде свой в доску, а вот по чьей-то дурусти влепил бы я тебе очередь в бочину.
 - А может, я тебе.
 - Вряд ли. Мне в эти дни везет – все пули мимо идут.
 - Не сглазь. Тебя как величают?
 - Колотов я, Петр. Фамилия видная. Есть Молотов, так то не я, я Колотов. Давно воюешь?
 - Недавно.
 - А я с начала. В Белоруссии ранило. Драпали так, что вспоминать страшно. В госпиталь привезли, а тот тоже драпает, да так, что его раненные догнать не могут. Что было!.. В это время и наши командиры заканчивали свои разговоры.
 - У н-нас од-на груп-п-па в лесу. К-командир М-мед-двинский. Не п-постреляйте А-друг друга.
 - Он пропуск знает?
 - З-знает.
 - Тоже в бутылку полезет?
 - Н-не з-знаю. А т-ты не ш-шути с р-разведкой. Т-ты з-знаешь, я т-тебе з-зажигалку под-дарю. Т-трофейную. Н-на п-память о н-нашей н-нежной в-встре-ч-че.
- Конечно, сказывались проклятые контузии у Данилова. Состояние заторможенности, депрессии у него внезапно сменялись вспышками беспричинной ярости, и так же быстро ярость сменялась чувством доверия и дружелюбия. Странно. К нему невозможно было ребятам приспособиться и ничего нельзя предугадать. Это тяжело сказывалось на настроении ребят, пропадало доверие к командиру, бойцы сомневались в обоснованности и продуманности его решений, а это опасно, особенно в разведке.
- Наступила пора расставания с этой патрульной группой – ей в одну сторону, нам в другую. На прощание Колотов хлопнул меня по плечу и дружески сказал:
- Бывай, земляк, может, встретимся.
 - Всего! Удачи тебе. В другой раз не торопись пальцем на спусковой крючок нажимать.
 - Ты тоже. Особенно, когда не на передовой.

* * *

Группа Медвинского, как и договаривались, ожидала основную разведгруппу на подходе к Илларионовке. Хитроватый Есипов, неизменный дружок Хорькова, убеждал всех в необычной тяжести совершенного перехода. А простодушный и честный парень Курочкин потихоньку сообщил, что они и не думали лезть на верхнюю кромку леса, прошли чуть повыше опушки, убедились, что в лесу голову сломать недолго и быстрым шагом потопали к Илларионовке. Они благополучно разминулись со всеми патрульными группами и около часа спокойно «давили жучка» – откровенно спали, дожидаясь нашего подхода. Вероятно, Медвинский поступил умнее всех.

Небо налилось предрассветной синевой. Где-то в степи долбил короткими очередями дежурный немецкий пулемет, улицы поселка были пустынными. Редкие часовые у

разбросанных домиков окликали нас, а иногда молча провожали нас сонными, уставшими глазами. Комбата мы нашли быстро. Маленький домик с камышовой крышей притулился почти что к опушке леса. У дома и на крыльце часовые, в саду еще двое часовых. Нам приказано стоять на месте. Часовой, что стоял на крыльце, узнав, кто мы такие, вошел в дом, через минуту вышел и сказал:

– Кто командир? Давай, заходи. А вы, – он кивнул нам головой, – давай в сад.

Перед рассветом всегда убийственно хочется спать. Холодно, но все равно спать!

К комбату пошли Данилов и Суменков. Капитан Котенков сидел в комнате с занавешенными плащ-палатками окнами. На столе бело-зеленая топокарта и коптилка из снарядной гильзы, поясной командирский ремень вместе с портупеей и кобурой пистолета. Котенков в гимнастерке с расстегнутым воротником. На пристенной скамейке разостлана шинель. В углу комнаты, ближе к двери, дремал пожилой усатый связист с подвешенной на бинте к уху телефонной трубкой. Как только открылась скрипучая дверь, язычок пламени заплясал на фитиле светильника, и по стене замелькали тени. Данилов остановился в двух шагах от двери, давая войти Суменкову и растягивая слова, стараясь справиться с заиканием, доложил:

– Т-товарищ к-капитан, р-развед-дгруппа в с-составе д-двад-д-цати ч-человек п-приб-была для в-выполнения б-боевого з-задания. К-командир группы м-млад-дший лейт-теенант Д-данилов.

– А, разведка! Жду вас еще с вечера. Мне ваш Натынов о вас говорил. Давай к столу. Угощать сейчас нечем, а поговорить стоит. Что заикаешься?

– От к-контузии не оот-тошел.

– А это кто с тобой?

– М-мой з-зааместитель с-ст-тааршина С-суменков.

– Понятно. Вроде твоего переводчика. Давай докладывай старшина, где болтались столько времени?

– Товарищ капитан, разведгруппа выполняла задание по проческе леса.

– Чего? – переспросил Котенков.

– Лес прочесывали.

– Какой лес?

– Н-наа с-ск-клоонах г-гор, т-товарищ к-каап-питан, – вставил Данилов.

– Чего же вы там чесали?

– Нас ориентировали на то, что в лесу могут быть немецкие автоматчики.

– Н-да, – усмехнулся капитан. – Автоматчиков, так автоматчиков, если больше почесать нечего... Обстановка здесь сложилась такая...

Капитан довольно подробно познакомил прибывших разведчиков с обстановкой на фронте батальона. Обстановка эта была запутанной, сложной. Вчера, когда под Эльхотовом противник прекратил атаки, батальон немецких автоматчиков при поддержке нескольких танков и бронетранспортеров прорвал нашу оборону и ворвался в Илларионовку. Остатки оборонявшихся частей с боем отходили к лесу, к отрогам гор, которые окружали Илларионовку. В самом поселке завязался упорный бой, в котором были подбиты два бронетранспортера и один танк. Часть немецких автоматчиков прорвалась на дорогу к перевалу. Собрав все оставшиеся силы, при активной поддержке соседнего батальона, наши части контратаковали противника. На окраине Илларионовки завязалась рукопашная схватка, враг откатился на свои исходные позиции, но ему удалось зацепиться за отдельный хутор у перекрестка проселочных дорог и оказаться на фланге обороняющихся частей батальона. Небольшое количество немцев остались отрезанными от своих частей и скрылись в лесу. Сегодня ночью от немцев приполз наш раненый боец, которого немцы посчитали за мертвого. Он рассказывал, что видел своими глазами, что перед вечером на этот участок подошло очень много танков и артиллерии. Наше командование считало, что противник перейдет на участке Илларионовки к активным

действиям. Под прикрытием выдвинутых вперед стрелковых подразделений вокруг Иларионовки спешно возводились оборонительные сооружения.

– Ваша задача такая, – закончил комбат, – любой ценой влезть в этот хутор, что как чирей торчит в нашей обороне, выбить оттуда противника, взять «языка» и удерживать хутор до подхода подразделений батальона. Донесение о выполнении задания направить с нарочным. Сигнал о том, что вы в хуторе – красная ракета. Ракетница есть? Какие же вы разведчики без ракетницы? Возьмете ракетницу в третьей роте. Поговорите с командиром роты, он вам подскажет пути подхода к хутору, и не тяните время. Понятно?

– Понятно, товарищ капитан.

– Вопросы есть?

– Есть ли сведения о силах противника в этом хуторе?

– Силы там у него небольшие. Исходной позицией для наступления танков на хутор быть не может – вокруг него глубокие рвы, а слева вроде арык. Это по карте так. На месте посмотрите сами. В ротах установили, что в саду этого хутора пулемет. Больше никаких сведений нет. Ясно?

– Так точно.

– Кулябко! Третью роту мне живо!

Это уже относилось к связисту. Усатый дядька встряхнул головой от тяжелой дремоты и крутанул ручку телефонного аппарата. Связались быстро. Комбат взял трубку и закричал в микрофон:

– Алло! Акимов? Давай мне быстро Акимова... Алло! Акимов? Слушай, к тебе сейчас мальчишки придут... Да нет! Ну, полосатые!.. Ты мне дурака не валяй... Так вот, ты сделай там все, что нужно для них и чтоб полный контакт с ними... Контакт, говорю, чтоб полный!.. Да-да! Работать будут... Как там у тебя?.. Так... Так... Ну, ладно, докладывай!

Комбат вернул трубку связисту.

– Ну что ж, если вам все ясно, действуйте!

Быстро светало. По лесистому склону гор медленно сползали растрепанные, волокнистые космы тумана. Туман стелился по степи, за его серой пеленой скрылись дальние и ближние посадки. На передовой почти смолкли выстрелы – передовая то ли вздремнула в это раннее утро, то ли настороженно затаилась,

Минут через пятнадцать мы уже были на участке третьей роты. Здесь не спали, в траншее звенели лопаты, бойцы углубляли траншею, оборудовали пулеметные гнезда и стрелковые ячейки. Здесь мы в последний раз перед поиском курили и слушали, как Данилов разговаривает с командиром роты.

– Вы по полю не лезьте – на пулемет нарветесь. Ночью он бил трассирующими с правого угла сада. Сейчас вот молчит что-то. Туман мешает – ни хрена не видно. Вы давайте по сухому арыку остороженько, – говорил командир роты.

– В случае ч-чего ог-гоньком п-прик-кройте.

– Прикроем. У нас не заржавеет.

– И ракетницу н-нам д-дайте с крас-ными ракет-ками.

– А где я вам возьму?

– Т-так к-комбат велел.

– Велеть легче. Нет у меня ракетницы. Да вы не журитесь. Хутора не возьмете – вам и ракетница не нужна, возьмете – так найдете на месте, у немцев этого добра хватает.

Данилов промолчал. Да и действительно, что там говорить, когда нет этой ракетницы.

– Ладно, м-мы п-пошли.

– Ну, ни пуха!

– К черту!

По траншее мы подошли к зарослям невысокого кустарника, за которыми и была та самая канава, именуемая сухим арыком. Из довольно плотного тумана были чуть

видны макушки тополей вокруг хутора. Нейтралка здесь широкая, до хутора около километра. Тихо. Листья кустарника и пожухлая трава поседели от росы.

– Т-туман ск-коро уйдет. Т-тороп-питься надо. П-подосенов, Д-дуб-бинин в г-голов-ной д-дозор. Г-группа з-захвата – Авд-деев, Б-бельтюков, Б-бергалеев и З-золотов. Ост-тальные в яд-дре раз-звед-дки, д-действуют по к-команд-де. Яс-сно?

– Ясно!

– Вп-перед!

Воины стрелковой роты смотрели на нас с нескрываемым любопытством, как на людей, собравшихся показать им интересный цирковой трюк, но нам было не до шуток и не до бравады. Бойцы молча пропустили нашу группу через свои боевые порядки. Первые двое разведчиков, пригнувшись, побежали вдоль кустов терновника и прыгнули в довольно глубокую канаву. За ними пошли все остальные. Канавы глубиной не меньше метра, земля на дне, несмотря на сухое время года, влажная и липкая, по сторонам гигантские листья лопуха. Правая сторона арыка заметно выше левой – здесь старый, поросший травой и редким кустарником земляной вал.

Идти трудно – грязь налипала на ботинки и по тяжести своей они стали похожи на водолазные сапоги. Грязь скользкая, липкая, словно не земля ее основа, а густой мазут. Зеленые заросли скрывают небо и нас маскируют надежно, но напрочь лишают всякой видимости. Сколько прошли, далеко ли хутор, что там наверху, держится еще туман или нет – неизвестно, шли вслепую. А Данилов все подгонял нас, он спешит действовать пока туман. Часто останавливались, слушали – что там впереди? Пока вроде ничего нас не настораживало, но не следовало забывать, что немцы далеко не дураки, воевать они умеют, и одна единственная ошибка вот сейчас, днем может стоить нам жизни.

Идти тяжело... Ребята сопят как паровозы, хватаются руками за твердые, словно дерево, стволы репейника, чтобы не упасть в эту липкую грязь. Воздух в канаве сырой и пахнет прелым.

– Т-тихо. В-вп-переды ск-коро мост. Ос-ст-торожно! – предупреждает Данилов.

Раз мост, то следует ожидать, что противником он охраняется. Как тогда? Среди бела дня незамеченным под мостом не пролезешь. Да и что может представлять мост через канаву? Наверное, два бревна да настил из досок – вот и весь мост. А если пулемет? Лупанет вдоль канавы и «чирик-воробышек», как Гришка Бельтюков скажет. Тяжелые шаги, сопенье... Головной дозор вдруг остановился, и мы замерли. Что их насторожило? Пока тихо. К головному дозору подтягиваются осторожно остальные ребята. Доносится тихий шепот:

– Деревянный мост. Разбитый весь... Должно быть, взорвали его.

Нас не предупредили, что деревянный мост через сухой арык еще вчера взорвали наши саперы. Расщепленные взрывом бревна и доски валяются в грязи и по сторонам арыка, под ногами изломанные и разодранные листья лопухов.

Осторожный Дубинин ухитрился выглянуть из канавы. Тихо... Над степью редет туман, стал хорошо виден край хуторского сада.

– Чудно что-то. Вроде и нет никого! – слышен голос Подосенова.

Действительно, чудно и странно. Не может быть, чтобы немцы оставили этот сад... А может, они обнаружили нас и знают, что к ним лезут разведчики? Тогда они затаились, чтобы больнее ударить, тогда мы пропали, они не выпустят нас отсюда. До окраины сада оставалось не более 250 метров. Подосенов и Данилов внимательно проверили, прощупали все биноклем и не обнаружили присутствия противника.

– В-вперед! – шепчет Данилов.

У разбитого моста противника нет. Все правильно – зачем им охранять взорванный мост?

За мостом арык становится глубже и сворачивает под углом к саду. Разведчики осторожно, по-кошачьи перелезают через искромсанные бревна. Взрывом раскидало

грязь по стенкам канавы, все мгновенно перемазались. Прошли немного, а здесь еще одна канава под углом сходится с нашей. Снова остановка. Что там, за поворотом? Вокруг ни единого звука. Нужно и нам потише...

– Вп-перед!

Снова цепочкой друг за дружкой крадемся вперед. А может быть, и вправду здесь нет немцев. Эта дурацкая мысль все назойливее сверлит мозг и уже вовсе не кажется такой дурацкой. Что за черт, всякая стрельба вроде прекратилась. Прошли еще метров тридцать, и вдруг наверху необычайно хлестко и громко протарахтела пулеметная очередь. Все затихли, замерли. Кому предназначалась эта очередь? Стреляет вроде из сада, значит, там немцы! Сидят, голубчики! Стреляли явно не в нас, иначе над нами свистнули бы пули. Похоже, просто дежурная очередь. Почему же немцы оставили без догляду эту канаву – такой удобный и скрытный подход к саду? В чем тут дело?

Пулемет протарахтел, и снова тихо. Головной дозор двинулся вперед. Под ногами стали попадаться мутные лужи. Ноги тонут выше щиколотки в отвратительной жиже. Обувь давно промокла. Ботинки хлюпают и чавкают в грязи непозволительно громко. Данилов клянет кого-то, чертыхается, но что-либо поделать с этой бедой невозможно. Лопухи исчезли – не растут они в этакой грязи, вместо них, похоже, тростник с метелками на концах высоких стеблей. Дальше двигаться становится необычайно трудно, этак мы просто завязнем. Здесь уже не лужи, а сплошная вода, из тины ног не вытащишь. Грязная жижа булькает, пузырится, чавкает грязь. Теперь приходится держаться руками за редкий корявый кустарник, за пучки высохшего камыша, а его стебли тревожно вздрагивали, хрустели, ломались – все выдавало наше движение. Ноги проваливались по колено, руки изрезали об осоку, изодрали о корявый кустарник...

Стоп! Головной дозор что-то замешкался. Что там еще? Ванька Подосенов остановился в нерешительности. В этом месте сошлись две канавы и обе с водой. Мутная, грязная жижа, из которой торчали осклизлые мертвые палки, вода и грязь засасывает, бурлит под ногой. Что делать? Похоже, дальше двигаться по канаве невозможно. Подосенов делает еще один отчаянный шаг вперед и действительно проваливается по пояс. Вокруг него с характерным громким хлюпаньем вырываются вонючие пузыри. Подосенова молча вытаскивают из этого омуты грязи. Что же дальше? Видно, немцы считали эту канаву абсолютно непроходимой, пожалуй, только этим можно объяснить ее безнадзорность. Но ведь назад не вернешься! Мы топчемся на месте и чувствуем, как тина намертво засасывает ноги. Подосенов решается на риск: цепляясь руками за кустарник, он с трудом вылез на край канавы. Долго лежал, не двигаясь, смотрел и, наконец, махнул рукой. За ним вылез Дубинин.

Мы оказались на самом краю сада с западной его стороны. Напротив нас, всего метра в двадцати, невысокий полуистлевший плетень, а за ним старый разросшийся сад. Снова прогремел пулемет короткой очередью, теперь он слышен справа от нас. С нашей стороны начали бить минометы, слышен хлопок выстрела, потом надрывной визг падающей мины и хлесткие взрывы где-то за садом. Это хорошо! Это маскирует шум, производимый нами.

– Вп-перед!

Головной дозор пополз к плетню, а мы лежим по краю канавы, даже не все еще из нее вылезли. Одно звено плетневой ограды свалено и лежит на земле. Подосенов и Дубинин скрылись в саду. Тихо, никакой тревоги. По команде Данилова остальные тоже по-пластунски ползут к саду. Собрались все вместе. Ребята лежат, слушают и каждый понимает, что сейчас пора действовать. Теперь только быстротечный и жестокий бой – только в нем наше спасение. Уже забыты промокшие обувь и одежда, никто не обращает внимания на грязные маскхалаты... Справа снова слышен пулеметный треск. Пулемет от нас недалеко, он рядом, но мы не слышим в саду голосов и пока нам еще ничего не ясно. Нас укрывают заросли вишни, смородинные кусты, яблони.

– Похоже, там один пулемет. С одного места выстрелы, – шепчет Суменков.

– Тихо!

Раздается еще пара очередей действительно с одного и того же места. Данилов направляет туда всю группу захвата. Шепчет им:

– П-пулемет п-подавить без ш-шума. В-перед!

Группа захвата во главе с Авдеевым осторожно, стараясь не выдать себя шумом, уходит к южной окраине сада.

– С-суменков! Бери шестерых и проверь восточную окраину. Если там спокойно, выходи на северную окраину.

– Есть.

Весь разговор – это еле слышный шепот. Сейчас осторожность прежде всего. Любая мелочь может стать причиной провала. Тогда не уйти нам отсюда. Данилову известно, что на северной окраине сада есть дом и какие-то хозяйственные постройки. Очень может быть, что именно там наибольшее число немцев. Суменков с группой разведчиков ушел. Теперь наша очередь.

– Тихо!

Данилов слушает. Группа Суменкова бесшумно растаяла в глубине сада.

– Т-теперь г-группа з-захвата: Боев, А-арабов, Беляк-ков, – Данилов называет мою фамилию, – в-перед!

Головной дозор идет впереди метрах в пятнадцати. Все происходит днем! Неужто немцы не чувствуют беды?! Почему они ведут себя так странно?

Сад очень большой. Мы прошли метров сто и только тогда за открывшейся прогалиной, из-за поросли мелких груш увидели камышовую крышу дома. Тихо. Неужто здесь, в таком большом саду, нет никого, кроме пулеметчика на южной окраине? Странно. Вот теперь виден почти весь домик. Беленые мелом стены, низко нависшая камышовая крыша, невысокое крыльцо под навесом, полуоткрытая досчатая дверь. Окна дома без стекол, ставни открыты, рамы сломаны. Левее дома какой-то сарай. Мы, группа захвата, тихо выдвинулись вперед. Нужно понять, что здесь происходит. Васька Боев чуть слышно шепчет:

– По команде – вперед, к дому, сразу всем!

Но в этот момент за порослью груш у сарая звякнула дужка ведра. Мы насторожились. Там кто-то был. Сзади нас снова ударил пулемет. Он еще живой, Авдеев до него еще не добрался.

Небо поглубело, туман уходит. Время словно остановилось, только сердце стучит, даже в ушах отдается этот стук... Опять звякнуло ведро. Теперь сомнений уже не было: там человек! Там мог быть только немец. Мы его не видим, и он нас не чувствует... Дальше все произошло почти мгновенно. Досчатая дверь дома вдруг заскребла о половицы крыльца, заскрипела, и из дому вышел белобрысый, среднего роста немец. На голове пилотка, винтовка на плече, френч расстегнут, на ногах сапоги с широкими раструбами голенищ. Он обернулся и что-то громко сказал, потом прогрохотал коваными подошвами сапог по ступенькам крыльца и, беззаботно насвистывая, пошел прямо на нас...

Просто удивительно, что он нас так поздно заметил. Он увидел тогда, когда группа захвата бросилась на него. Немец опешил. Его веселый свист оборвался, он не успел даже крикнуть. Боев наотмашь ударил немца кулаком в лицо, сбил с ног, и сразу двое навалились на него, сдавили челюсти. Он захрипел, замычал и Васька еще раз ударил ему в зубы, потом ему вогнали в рот какую-то тряпку, заломили руки, связали их по локтям за спиной петлей из телефонного кабеля, припасенного заранее, и кто-то из ребят волоком потащил его в глубину сада. Мы сами еще не успели опомниться, как в двери появился другой немец в каске и с винтовкой в руках.

– Хельмут! – окликнул немец.

Ждать больше уже нельзя! Теперь все! Таиться дальше не имело смысла. Мы бросились вперед. Немец увидел бегущих к нему людей. В первое мгновение он вытаращил глаза, потом закричал каким-то странным рычащим криком и схватился за винтовку. Он не успел выстрелить. Короткая автоматная очередь сбила его с ног, немец взмахнул руками и скатился со ступенек крыльца.

– Федька, к сараю! – крикнул Боев.

Я бросился к сараю. Открытая широкая дверь. Внутри темно. В доме раскатились звонкие автоматные очереди и грохнула граната... Здесь где-то был немец, звенел ведром. В сарае? Внутри темно. Со света вообще глаза не видят. В эту темноту я ударил длинной очередью – зазвенело разбитое стекло... Оглянулся и увидел, что от колодца в сад бежит в белой рубашке немец.

– Хальт! Доннер веттер!

Немец бежит, он сейчас скроется за кустарником... Очереди! Еще очередь! Немец споткнулся, упал и закричал страшным криком отчаяния и боли. Мгновение – и я увидел на его белой рубашке красное небольшое пятно, а он вы... Очереди! Крик словно оборвался. Рядом с колодцем ведро с начищенной картошкой... В доме резко, как от удара, распахнулась сломанная оконная рама, в которой не было стекол, и в оконном проеме появился немец. Вначале я увидел только его автомат и приготовился стрелять, но кто-то опередил меня – немец выронил автомат на землю, а сам свалился обратно в комнату. В доме четверо убитых, приторно пахнет теплой кровью и сгоревшим порохом. Здесь несколько человек ребят. Я выглянул в окно, выходящее на север в поле, и увидел, что там бежит немец. Я вскинул автомат. Очереди! Немец продолжал бежать.

– М-мазила!

Данилов схватил валявшуюся на полу немецкую винтовку, вогнал патрон в патронник, прицелился и выстрелил. Немец споткнулся, но продолжал бежать. Тогда лейтенант положил винтовку на подоконник, прицелился с упора и выстрелил еще раз. На сей раз он не промахнулся.

– П-понял, к-как над-до?

Через минуту появилась наша первая группа захвата. Авдеев вместе с Бергалеевым волокли под руки немца. Физиономия у того была разбита, а шея и плечо повреждены ножом, френч залит кровью. Авдеев положил раненого немецкого пулеметчика возле дома и доложил вышедшему на крыльцо Данилову:

– Пулеметная точка уничтожена без выстрела, как было приказано. А этот мужик, – Авдеев кивнул на немца, – ничего, здоровый, все драться лез.

Бельтюков и Золотов притащили и сам пулемет с тремя коробками пулеметных лент. В это время послышалась отчаянная стрельба на восточной окраине сада. Там в дело вступил Суменков со своей группой. Данилов направил туда бегом группу Авдеева и нашу группу. Сад дьявольски большой. Впереди автоматный треск, звонкие разрывы гранат. Мы прибежали, когда уже все было закончено и на этой окраине. Здесь оказалось два пулеметных расчета. Ребята подошли к ним почти вплотную и ударили из автоматов. Несколько немецких солдат успели спрыгнуть в глубокий ров и ответили огнем. Тогда в дело пошли гранаты. Один наш разведчик был ранен в ноги. Но нам удалось захватить одного фрица невредимым. Потом мы сами допрашивали пленного немца. Появление на хуторе нашей разведгруппы оказалось для них совершенной неожиданностью. Еще ночью их здесь было до роты, но сегодня утром их должна сменить какая-то новая часть. Основные силы отряда уже ушли, оставив небольшое боевое охранение, на которое мы и наткнулись. Что за силы должны их сменить, немец не знал. Ему было также известно, что сегодня должно быть предпринято наступление на Илларионовку. В боевом охранении их оставалось 17 человек. По нашим подсчетам, двум немцам удалось либо уйти незамеченными, либо спрятаться в этом саду. Немец довольно прилично

знал русский язык и просил не убивать его. Что ж, немец давал важные показания, его нужно было как можно скорее отправить к командиру батальона.

Командир стрелковой роты лейтенант Акимов, который провожал нас на задание, оказался прав насчет ракетницы. Теперь у нас их три, но случилось так, что найденные у немцев ракеты были белыми и зелеными и ни одной красной.

– Ш-шут с ними, д-давай зеленую, – согласился Данилов и Подосенов выстрелил дважды вверх зеленой ракетой в нашу сторону.

Что ж, сигнал передан, теперь в батальоне должны понять, что разведчики задание выполнили. С минуты на минуту мы ожидали прибытия стрелковых подразделений.

Данилов и все разведчики были в приподнятом настроении. Это ж надо! Такой успех! Судьба совсем нечасто балует войсковых разведчиков такими результатами поиска. Вот, что значит внезапность. Задание мы выполнили, и опытные ребята говорят, что теперь без наград дело не обойдется. Конечно, мне лично думать о наградах еще рано, но Авдеев, Медвинский, Суменков, Боев, Данилов – все они бесспорно награды заслужили. Они молодцы, и я искренне был доволен тем, что в меру своих сил способствовал успеху поиска. Если ребят наградят, то я их первый искренне поздравлю с заслуженной наградой, а уж в следующий раз, если доживу, конечно, и я могу рассчитывать на медаль.

Данилов тоже был очень доволен, у него даже вид стал гордый, самоуверенный, независимый, как у самого товарища Ворошилова на открытке.

Наш лейтенант стоял на крыльце дома, что выходило в сад, и от радости даже заикаться стал меньше.

– Коз-зловский, б-бери нашего раненого и пленного и жми б-бегом вдоль к-канавы на п-передовую. Фрица сдашь самому комбату, а раненого – на сборный эвакуопункт, и сам проверь, чтоб его быстро в санроту отправили. Ран-не-неного неси сам и без дураков чтобы! Фрицу рук-к не раз-звязывать! Уз-знаю – г-голову от-торву!

После истории с Гогаберидзе все стали недоверчивыми и осторожными.

Митька Козловский собрался быстро и ушел. Все было бы хорошо, но тут Васька Боев дурака сваял. Мы как-то сразу и не заметили, и значения не придали, что в доме, исклеванном снаружи и изнутри нашими пулями и осколками гранаты, оказался совершенно неповрежденным полевой телефонный аппарат в коричневой пластмассовой коробке. Не зацепило его ни пулей, ни осколком. Может, на него так и не обратили бы внимания, если бы он неожиданно не зазуммерил. Боев находился ближе всех к аппарату и он, не раздумывая, взял трубку и брякнул:

– Алло!

Слышимость оказалась хорошей, и на другом конце провода быстро и раздраженно залопотал какой-то фриц. Боев, конечно, ни слова не понял из сказанного, но усек, что запросто может поговорить с немцем, и он закричал в трубку так, что немцы смогли бы услышать его и без телефона:

– Ахтунг! Хенде хох! Фриц сопливый, давай своего фюрера, я ему сейчас выдам и в креста, и в бога!

После короткого молчания в тихо шуршащей трубке послышался уже другой голос и тоже произнес что-то по-немецки.

– Фюрера давай, твою в господу мать!

– Иван! Ду ист шайзе! Иван, Сталин капут!

– Накось выкуси! Мы тебе морду-то умоем, гад!

– Иван! Мы вас наушим воеват!

– А мы вас, гадов, отучим! Ты у меня еще побегаешь, хрен собачий!

К нашему общему восторгу Васька очень активно и, на наш взгляд, убедительно вел дипломатические переговоры, но тут в комнату вошли Данилов с Суменковым, они все поняли, и Данилов повел себя как-то странно. Он вырвал из Васькиных рук телефонную

трубку и трахнул ею по пластмассовой коробке так, что только брызги посыпались. Едва сдерживая ярость, Данилов почти кричал:

– Т-ты что! Т-ты ч-что д-делаешь?! Ты соображаешь, чт-то немц-цам т-ты вот с-сейчас д-доложил, ч-что мы х-хутор з-заняли и ихних с-солд-дат п-перебили! Д-да з-за т-такое д-дело!..

Вот ведь как на войне случается: от награды до командирского разноса всего полшага!

– А вы ч-что рт-ты п-поразовали, а-ахламоны! Б-быстро ок-кап-пываться п-по к-краю к-канавы! П-понятно?

– Лопат нет.

– Я д-для т-тебя лоп-пату ис-скать должен? Ч-чтоб ч-через п-пять минут ок-копы у всех были. П-проверю – г-голову от-торву. Од-дин п-пулемет и п-пару к-коробок с лент-тами на в-восточный край сада. Б-бегом!

Все команды Данилова выполнялись быстро и старательно, сейчас не до мелочных обид. Да, пожалуй, и прав он. Теперь жди, сейчас начнется! В сарае, где я автоматной очередью перебил пыльные бутылки и прострелил худое железное корыто, мы нашли несколько исправных железных лопат, да у запасливых немцев оказалось несколько саперных, складных лопат. Не мешкая ни минуты, мы взялись за дело. Раненого немца мы поместили пока в доме и приставили к нему часового.

Сад, окопанный с трех сторон довольно глубокими канавами, представлял собой удобную позицию для обороны. На северной окраине сада слева и справа канавы были короткими, примерно посередине дом, невысокий забор, сложенный из камня-плитняка, деревянные столбы для ворот, самих ворот не было. Здесь, справа от дома, мы стали оборудовать окопы, несколько человек заняли оборону по восточной опушке. Все остальные направления оставались неприкрытыми. От северной окраины сада немцы были на расстоянии около трехсот метров. Нас разделяло поле со жнивьем, а на другой его стороне, в реденькой посадке, были немцы. Оттуда раздавались винтовочные выстрелы, несколько раз ударил пулемет, но активных действий противник не предпринимал. Странно! Не могли же они смириться с потерей хутора. Окапываться нам приходилось с большой осторожностью, стоило немного лопухнуть, как тут же раздавался выстрел. Окопы мы копали на бугре, перед канавой, в зарослях колючей акации.

А небо от облаков расчистилось. Стало тепло. Шумел в листве слабый ветер. Говорили, что конец сентября – это самое благодатное время в этих краях: уже нет изнуряющей жары, становятся прохладными ночи, а воздух хрустально чист, прозрачен и целебен. Сады уже пустые – ни яблок, ни груш. Некоторым везет – обнаруживают заброшенные бахчи, виноградники и даже пасеки, но на пути нашей роты одна кукуруза и подсолнечник – не разживешься. Однако, сейчас вовсе не до красот природы. От подножья гор шарахнули наши пушки, снаряды с подсвистывающим шелестом прошли над нашими головами и рванули за немецкой посадкой. Немецкая артиллерия ответила, ну и пошло. С нашей стороны гулко захлопали наши тяжелые полковые минометы, в небе послышался характерный нарастающий визг, и вдруг тяжелые 120-миллиметровые мины рванули в нашем саду, с визгом и стоном разлетелись осколки. Конечно, ошибки могут быть, но такие ошибки кровью пахнут. Ребята беспокойно зашевелились в своих окопах, стали оглядываться, прислушиваться к выстрелам. Снова выстрелы, визг и мощные взрывы ближе к нашей траншее. Они что, ошалели что ли!

– З-за т-такие шут-тки м-морду быют! С-сам гад-дов п-постреляю! – ругается Данилов.

А минометчики взялись, видно, за нас серьезно – в саду рванули еще три мины.

– Сволочи! По своим же лупят! – зло ругается Медвинский, но это не помогает, и еще три взрыва с раскатистым треском рванули в саду.

Дым, головая гарь, от деревьев летят сучья и ветки. Подосенов еще раз торопливо стреляет вверх из ракетницы. Зеленая искра взлетела в небо, на секунду словно за-

висла в нем и упала, оставив в небе похожий на дугу дымный след. Но минометчики, наверное, не поняли сигнала, приняли его за сигнал немцев, и следующая серия мин разорвалась еще ближе к нам.

Наш связной Митька Козловский, видно, еще не дошел до передовой, предупредить никого не успел, а они, паразиты, лупят здорово.

– Просигналить бы им, лейтенант! – кричит Медвинский. – Пошли Федьку к дороге. Он сигнальщик, пусть, паразитам, просигналит. Что ж они делают-то, ведь побьют всех!

Данилов согласно мотнул головой. В немецком ранце из телячьей кожи нашли два белых полотенца – сойдут вместо флажков. Ракетницу тоже прихватил с собой. Переждав серию очередных взрывов, я бросился на южную окраину сада, но не успел пробежать и ста метров, как снова завизжали мины. Плюхнулся на землю, а три тяжелых взрыва грохнули левее меня... Снова бегом вперед. По спине больно стучит тяжелый диск автомата... Скорее! Скорее! Теперь мины разорвались сзади меня, и мне показалось, что саданули они прямо по нашим ребятам. Скорее! Вот уже и край сада. Перепрыгнул через каменный заборчик, чуть не полетел в канаву... За канавой проселочная дорога, и за ней поле. Выскочил на поле, отсюда видно нашу передовую, и чтобы привлечь внимание наших наблюдателей и корректировщиков, вначале выстрелил в воздух длинной очередью из автомата, а потом пустил зеленую ракету. Они должны меня заметить, теперь слепым нужно быть, чтобы не видеть! Я взял в руки две белых тряпки и замахал ими над головой сигналом «внимание!», «начинаю передачу». Конечно, если на нашей передовой пулеметчики такие же шальные, как и минометчики, то они мне сейчас влепят. Торопясь, сбиваясь, я передаю флажным семафором: «прекратить огонь, прекратить огонь, здесь свои, здесь свои». Может, видно меня плохо или некому прочитать у наших ребят сигналы флажного семафора... Мины снова завизжали в небе, и три тяжелых разрыва грохнули в саду. Наверное, зря я здесь сигналю. Может, добежать до передовой – минут за пятнадцать обернулся бы. Здесь, со своим семафором больше времени потеряю! Но не могут же меня не увидеть корректировщики, они ведь огонь ведут! У них примерно через пятнадцать-двадцать секунд залп. Но вот прошло положенное время, а минометы молчали. Может, поняли, что по своим стреляли, сукины дети! Сделал отмашку о конце передачи и трусцой побежал обратно к своим ребятам. А мины накорезили в саду немало – поломанные деревья, сбитые со стволов сучья, что-то горит, и сизый дым ползет между деревьями. Вдобавок впереди послышалась ожесточенная стрельба, засвистели пули по всему саду. Что там еще?

Потом уж узнал, что одна наша тяжелая мина попала в дом, да так, будто целились в него. Раненого немца и нашего разведчика – насмерть, от дома остались одни огрызки саманных стен, внутри горит что-то, густые клубы дыма сносит в сад. Из посадки около роты немцев поднялись в атаку, наши ребята огнем из пулемета и из автоматов заставили их залечь. Я тоже взялся за автомат – разговаривать некогда. Откуда-то ударили немецкие пулеметы, да так, что головы не поднять. Вот когда поддержать бы нас минометным огнем, так нет – молчат, паразиты! Зато ударили батальонными минами немцы, тоже били сразу батареей. Первые взрывы трескуче рванули в саду, второй залп пришелся уже ближе, но немного левее нас. И пошло! Как в Верхнем Курпе, когда творил я себе отходную, ожидая следующей «своей» мины. Может, и зря Васька Боев с этими фрицами разговоры вел... Трудно сказать, сколько времени продолжался этот бой, но отбились, трофейный пулемет помог здорово. А Данилов начал нервничать – маловато нас, силы неравные.

Не дай бог, бронетранспортеры или танки пойдут, чем их остановишь?! Спасаясь от минометного огня, мы оттянулись ближе к восточному краю сада и укрылись в канаве, а немцы еще минут десять измолачивали минами нашу оборону. Дом продолжал гореть, и клубы дыма ползли прямо над нами. Когда обстрел затих, немцы, что залеги в поле, поднялись в новую атаку, но мы их снова встретили огнем, и они откатились за посадку.

Бой вроде затих, но нашу северную окраину сада узнать было нельзя: от деревьев остались посеченные осколками, расщепленные и опаленные огнем стволы, на акации, где были наши окопы, листьев почти не осталось, вся земля избита осколками в пыль и из этой пыли вместо акации торчали измочаленные палки с ободранной корой. Если бы мы вовремя не ушли с этого места, то вряд ли кто из нас уцелел. Однако, у нас все равно двое раненых, один тяжело в голову. Раненых перевязали, оттащили на южный конец сада и поручили Бергалееву оттащить их обоих на нашу передовую. Если не считать Суменкова, который с пятью разведчиками и одним пулеметом ушел на восточную окраину, нас осталось здесь всего тринадцать человек – много не навоюешь...

Неожиданно с нашей стороны снова ударили полковые минометы. Когда в воздухе злобно завизжали мины, у ребят невольно голова ушла в плечи. Все ожидали нового удара, но на сей раз мины рванули много впереди, в поле и в посадке, откуда немцы начинали атаку. С самого начала бы так! Примерно через полчаса снова все затихло, но все понимали, что это затишье не может продолжаться долго, атака непременно повторится в худшем для нас варианте.

– Закуривай, братва! – предложил кто-то из ребят, и все словно вспомнили, что давно не курили и пора успокоить табачным дымом взвинченные нервы. Курили и набивали патронами диски – в бою заниматься этой работой некогда.

– А вообще-то, если фрицы танки двинут, то здесь будет хуже, чем в Эльхотово – ровное поле кругом, да и оборона у нас того..., – словно читая мои мысли, проговорил мишка Беляков.

Все промолчали. Действительно, положение у нас здесь не очень прочное: сад большой, а нас мало, связи со своей передовой нет, Козловский что-то не возвращается, от комбата нет никаких вестей.

Но на наше счастье через некоторое время в саду стали появляться новые бойцы из стрелковых подразделений. Небольшая группа с лейтенантом по-пластунски приползла к нашим окопам.

– Разведка? – спросил лейтенант. – Кто из вас Данилов?

Мы все, включая Данилова, были в масках, различия не видно.

– Ну, я Данилов.

– Привет, разведка! Не узнаешь собрата? Зря. В Плановском еще встречались. В общем-то я к тебе с приветом от комбата. Вот, держи!

Лейтенант достал из нагрудного кармана листок бумаги и передал Данилову. У того от недоброго предчувствия на ввалившихся скулах желваки заходили. Лейтенант был общителен, разговорчив и немного возбужден.

Пока Данилов читал записку комбата, лейтенант продолжал:

– Вообще-то я вас, ребята, поздравляю. В батальоне только о вас и говорят: надо ж, среди бела дня у немцев хутор отбили. Готовьте дыры для орденов и медалей, это батя велел передать, а он трепаться не любит. А когда уж обмывать станете, то меня не забудьте!

Но Данилов, судя по выражению, не разделял радужного настроения лейтенанта и был чем-то озабочен.

– Т-так оно в-выход-дит... – протянул Данилов с таким выражением, что мы, не читая записки, догадались об ее содержании и уже знали, что вопрос о нашем выходе из боя на сегодняшний день отпадает полностью. Похоже, и пришедший к нам лейтенант знал содержание записки, поэтому и говорлив был не в меру.

– Что там? – поинтересовался Медвинский.

– А т-то, ч-что по ук-казанию Нат-тынова м-мы в-временно п-под-дчиняемся к-ко-ом-бату и в-мест-те с этим в-вот лейт-тенантом б-буд-дем уд-держивать эт-тот хут-тор.

– Ни хрена себе уха! Ни хрена себе разведка! Хуже всякой пехоты – и день и ночь войей, ребята уже с ног валятся!

– Раз-зговорчики! Т-тоже м-мне... – Данилов сразу взвинтился, а говорливый лейтенант, лежа у полузасыпанного окопа, продолжал балагурить в том же духе:

– Можно подумать, что славная победа над озверелым врагом вам в тягость...

– Да-да хват-тит т-трепаться! – не скрывая раздражения перебил Данилов. – Н-несколь-ко ноч-чей не сп-пали, из б-боя в б-бой... не ж-жравши, ранен-ных т-таск-ать не ус-сп-певаем!

– Ну, тогда ты уж прости, друг, – не знали. Моя рота только вот от тещи пришла. Мы о войне и не слышали ничего...

Данилов посопел, но взял на сей раз себя в руки и уже миролюбиво, стараясь как-то сгладить свой резкий тон, сказал:

– Т-ты не об-бижайся, лейт-тенант.

– А я уже вышел из девичьего возраста. Давай, Данилов, определимся – у тебя сколько бойцов?

Обиженный резким тоном Данилова, лейтенант перестал балагурить и говорил серьезно.

– С-семнадц-цать.

– Где ж остальные?

– З-здесь од-динад-дцать и ш-шест-теро на в-вост-точ-чной ок-краине.

– У меня бойцов в два раза больше. Давай так: я занимаю оборону здесь – это самое опасное сейчас направление, ну а ты, учитывая, что твои хлопцы не выпались, жми со своими разведчиками на восточную окраину, там потише, там, глядишь, и вздремнуть малость можно. У вас, вижу, два пулемета – оставьте их мне, потому как тещу вы и без пулеметов, одними своими портками напугаете.

Лейтенант начал колюче язвить. Его бойцы, слыша весь разговор, не скрывали усмешек. Конечно, что там говорить, свои маскхалаты мы еще не привели в порядок, и обмундирование не успело просохнуть после той гнилой грязи в канаве.

Рядом с Даниловым в окопе лежал Подосенов. Иван повернулся к лейтенанту и нарочито громко протянул:

– Ну, народ пошел! Хутор им отбей, немцев вытури, пулемет им дай – вот тогда они и повоюют, и то если ты им поможешь. После теплой печки у тещи оно, конечно, с непривычки, страшновато. Да вы не бойтесь, хлопцы, тут немцы смирные, с ними жить еще можно, здесь за своими минометчиками смотреть нужно!

Медвинский откровенно захохотал, а Данилов уже более миролюбиво скомандовал:

– П-под-досенов, ост-тавь лейт-тенанту п-пулемет и т-три к-коробки пат-тронов. Ост-тальным п-по д-два-т-три ч-человека к С-суменк-кову, б-быстро! Б-бывай, лейт-тенант! В с-случае ч-чего, д-дай знать!

Полушутливые подначки, как тогда это называлось, были в моде, во всяком случае до уровня командира роты. На подобные шутки не принято было обижаться.

Небольшими группами мы вылезали из своих окопов за покалеченную посадку, ползли по избитой минами земле, а потом уже бежали вглубь сада и на восточную окраину. Иначе было нельзя – мы могли снова попасть под минометный или пулеметный огонь противника, а так обошлось, немцы не заметили.

На восточной окраине, по самому краю сада, был невысокий вал земли – давно заросший травой и мелкой порослью кустарника, за ним глубокая, более метра канава, метрах в десяти параллельно ей шла проселочная дорога, а дальше широкое поле, покрытое жнивьем. Среди поля виднелись небольшие кучи соломы и неубранные валки хлеба. Поле широкое, около километра, на его другой стороне жиденькая лесопосадка, зеленые островки кустарника. Левее нас поперек поля тоже посадка, говорят, там окопались наши передовые отряды, и до того, как мы заняли этот хутор, немецкие пулемет-

чики били по флангу наших обороняющихся подразделений. Следующая за ней посадка, более густая и чуть на возвышенности, была занята немцами, оттуда бил длинными очередями пулемет.

На этом краю сада обстановка другая, здесь можно было стоя копать окопы. Нам было приказано занять оборону тоже по этому земляному валу над канавой, это правильно: с бугра лучше видно и под его прикрытием есть возможность маневра. Мы уже по опыту знали о преимуществах подготовленной обороны, поэтому взялись за работу дружно, копали на совесть. Лопат, правда, на всех не хватало, поэтому копали по очереди – десять минут один, потом другой. Многие сушили ботинки, портянки, шаровары маскхалатов.

Время приближалось к полудню, стало по-летнему тепло, да еще ветерок небольшой – одежда сохла быстро. Огонь противника нас почти не беспокоил. Подошло время, и мы решили уничтожить весь сухой паек, которым нас оделил старшина на сутки. Да нам еще повезло: в доме на северной окраине в качестве трофеев нам досталось штук шесть банок немецкой говяжьей тушенки. Кто-то заикнулся, чтобы оставить их на ужин, но Селиванову удалось переубедить ребят:

– Что?! На ужин? Может, еще и на завтрак? Ну салаги, ну дураки! Нужно давно всем понять, что у солдата на войне не может быть будущего времени, есть только одно настоящее и прошедшее. Вот и лопайте то, что есть сейчас. Вы как хотите – хоть назад старшине все отнесите, а я съем все сейчас. Тоже мне, туристы нашлись! Они об ужине думают, они до ужина дожить собираются!

Селиванова поняли, он получил поддержку большинства. Те, кто еще не был занят на окопных работах, поделили продукты на равные части и через несколько минут все запасы были уничтожены без остатка.

* * *

Сад, который недавно был в руках противника в прошедшие сутки, доставлял нашим частям немало хлопот. Он углом вдавался в нашу оборону, отсюда вели фланговый пулеметный огонь по стрелковой роте в посадке, и отсюда же было кратчайшее расстояние до Илларионовки, немецкие пулеметчики вели огонь по ее окраине из этого сада. Представляю себе недовольство, бешенство командиров немецких частей, у которых в полосе обороны находился этот сад и неожиданно был отбит. А между тем сад наполнялся солдатами, появились ПТРовцы, немного позади и правее нас, где бугор земли был почти незаметен, расположилась батарея противотанковых пушек. Немцы молчали, они словно нарочно давали нам возможность закрепиться на новом рубеже, подтянуть сюда противотанковые средства. Поведение немцев нас озадачивало. Мы привыкли бывать битыми, поэтому даже явную оплошность противника готовы были принять за продуманную хитрость, за хитро подстроенный сюрприз. Наше сознание, сформированное трагедией 1941 года, не воспринимало факты явных просчетов противника. Даже случай, когда немецкие автоматчики оказались в окружении на склоне гор под Илларионовкой, не только нашими бойцами, но и командованием бригады расценивался, как продуманная врагом чрезвычайно хитрая операция по засылке в наш тыл автоматчиков-диверсантов.

Действительной реальностью было то, что противнику удалось вчера неожиданным ударом небольших сил прорвать нашу оборону. Эта атака была предпринята силами всего лишь одного батальона и нескольких танков с бронетранспортерами. Конечно, одна стрелковая рота, не имевшая никаких противотанковых средств и надежно подготовленной обороны, не выдержала удара. Напрасно некоторые горластые командиры упрекали оборонявшихся бойцов в трусости. Достаточно было подтянуть сюда артиллерию и немного пехоты, и противник не устоял против контратаки. Уцелевшие немецкие

танки быстро ретировались, пехота отступила, оставив в нашем тылу небольшую группу своих автоматчиков. Немецкие автоматчики остались вовсе не потому, что им были поставлены заранее диверсионные задачи, просто они не успели ударт. Конечно, их небольшой отряд был составлен из опытных, уверенных в себе солдат. Они успели укрыться в труднопроходимом лесу и представляли опасность для наших небольших отрядов и отдельных посыльных. Они не ушли из леса и решили ждать генерального наступления своих войск на этом направлении, которое, как они считали, должно начаться утром следующего дня.

Наше командование справедливо полагало, что противник не прекратит своих атак и попытается восстановить положение. Загадкой для нас оказалось то, что противник по непонятным причинам перестал считать второстепенным участок Илларионовки и именно здесь было намечено направление главного удара. Фельдмаршал Лист решил именно здесь проломиться через горы в Северную Осетию. Он был уверен в том, что русские не ждут на этом направлении концентрированного удара, здесь у них нет достаточно подготовленной обороны. По данным авиаразведки, на перевале у русских не было войск! Это удача! Нужно только время, не более 36 часов, чтобы стянуть к Илларионовке пехоту и танки. Здесь не требовались очень большие силы, здесь для этого не было достаточно широкого фронта – основная масса танков должна по горной дороге перейти за перевал и вот тогда... Тогда будет достаточно целей для авиации и широкая полоса для действий танков. Немецкие штабы работали напряженно и действенно.

У нас пока передышка, и у неисправимых оптимистов появилась снова робкая надежда, что нашу группу сейчас отведут к Илларионовке и дадут возможность поспать хотя бы часа два. Но едва мы управились с сухим пайком, не успели подивиться раннему возвращению Митьки Козловского, как над садом на бреющем полете молнией промелькнул вражеский истребитель Фокке-Вульф-198, двухфюзеляжный, двуххвостый; рев мотора, свист и тонкий звон, частый и дробный стук пулеметов. Ребята укрылись в окопах, а истребитель где-то развернулся и беззвучно, стремительно приближался к нам. Секунды и снова мощный рев мотора, звон, свист и стук пулеметов.

– Вот, гад, избаловался... Я ему врежу, я его научу свободу любить! – бородатый Авдеев стал прилаживать трофейный пулемет, чтобы можно было стрелять по воздушным целям, но больше этот змей не появлялся. Появление истребителя над нашим садом было правильно истолковано – как предвестник серьезных событий. Предстоял бой, и мы понимали, что должны были выдержать натиск врага, иначе нас заставят драпать по открытому месту и вот тогда, но об этом лучше вслух не говорить – не дай бог, за паникера сочтут.

Вначале я не мог понять, зачем нам было нужно занимать оборону фронтом на восток, когда немцы были на севере. Только потом дошло, что восточнее нашего хутора ровное поле без всяких канав и арыков и только здесь немцы могли широко использовать танки и бронетранспортеры. Если так, то мы окажемся на фланге наступающих, а у нас уже есть ПТР и даже пушки вездесущие, выносливые и злые сорокапятки. Немцы, очевидно, и не предполагали, что мы успели укрепиться на этих новых рубежах. Что греха таить, мы, конечно, побаивались танковой атаки – это страшная штука, и в последнее время проклятые танки вымотали нам всю душу!

Солдату всегда не хватает времени, но иначе и быть не может – попробуй успеть сразу выкопать окоп, высушить и привести в порядок одежду, пообедать, почистить автомат, дозарядить диски и это при том, что частенько приходится укрываться или от серии мин, или от пулеметной очереди...

Мы с Мишкой оборудовали окопы рядом, т.к. у нас была одна лопата на двоих, правда, это была не маленькая саперная, а настоящая штыковая лопата с длинной ручкой, найденная в сарае. Грунт здесь был податливый, копать легко. Прошло немного времени и оба окопа были глубиной уже по пояс. На наш взгляд, больше и не надо, но Дани-

лов буквально свирепел от нашего «халатного и преступно-равнодушного» отношения к фортификационным работам. Он требовал от каждого, чтобы окопы были в полный профиль, т.е. по плечи. Как здесь успеешь откопать такой окоп, но препираться с Даниловым нельзя: во-первых, он командир, а во-вторых, он что-то опять занервничал.

Хотелось пить, а колодец здесь только один, да и тот на северной окраине, в зоне активного пулеметного обстрела. Потапенко рискнул, он с трудом набрал четыре фляги воды – ведро оказалось пробито осколком и дыра большая, пока вытащишь – ведро пустое. Четыре фляжки, это по два глотка на брата. Решили воду выпить всю и снова идти по очереди, пока все не напьются. Воду выпили, но сходить к колодцу еще раз уже не успели.

Со стороны противника слышались частые выстрелы минометов и пушек. Немцы открыли огонь по единой команде, и сразу воздух наполнился визгом и стоном летящей смерти. Тут же взметнулись серые, дымные султаны разрывов левее нас, в посадке. Интенсивность обстрела стремительно нарастала, и разрывы слились в единый грозовой грохот. Не оставалось сомнений в том, что началось то главное, чего все невольно ожидали, и за этой артподготовкой последует атака. Ну, теперь держись! В ревушем, грохочущем аду не видно стало самой посадки – один сплошной дым, столбы пламени и земли, беспрерывно взлетали лохматые султаны все новых и новых взрывов. Там перемешались пламя, дым, земля, пыль, кровь, сталь, смерть и жизни! И вдруг из этого ада вырвалась в поле шальная пароконная повозка. Очумевшие кони несли ее по полю, повозка летела, подпрыгивала, оставляла за собой шлейф пыли. Казалось, что она обречена и ей не вырваться из содома. На передке повозки сидел ездовой, он отчаянно размахивал кнутом, а рыжие кони и без кнута понимали, что только от скорости зависела их жизнь. Повозке удалось выскочить на проселочную дорогу, она вырвалась из зоны обстрела. Повезло! Если в ней были раненые, что вероятнее всего, то повезло ребятам, молодец ездовой! Вскоре вслед за повозкой из истерзанной посадки выскочили на поле люди. Их было немного, они бежали назад жидкой нестройной цепочкой, многие падали сраженные осколками, некоторые повернули в нашу сторону – в открытом поле им негде было укрыться, и мы ничем не могли им помочь.

Со стороны Илларионовки ударили наши пушки и минометы, с некоторым опозданием они ставили заградительный огонь, чтобы сорвать или ослабить готовящуюся атаку противника. Я не успел еще удивиться, что артиллерия противника не трогает нашего сада, как внезапно и в нашем саду грохнули первые раскатистые разрывы снарядов, за ними еще и еще, в основном противник измолачивал снарядами северную окраину сада. Там слышалась мгновенно вспыхнувшая сильная автоматная стрельба – похоже, тот разговорчивый лейтенант со своими бойцами отбивались от начавшейся атаки.

Позади наших окопов появился какой-то старший лейтенант, он бежал вдоль нашей обороны с пистолетом в руках под роем свистящих пуль и кричал:

– К бою!

Откуда он взялся? Ошалел что ли? Мы и так готовы к бою, но пока не видим перед собой противника и поэтому не стреляем, чего зря жечь патроны. Впереди нас жнивьё на пустом поле, охапки высохшей на солнце соломы и первые черные язвы воронок. За старшим лейтенантом появился взвинченный Данилов.

Наш младший лейтенант тоже кричал:

– К-какого хрена прохлаждаетесь?! К бою!

Снова зря нервничает лейтенант. Ну что кричит, когда все ребята в окопах, и для него окоп приготовлен, гранаты в нише окопа, диски дозаряжены... Ненужная нервозность передается нам, только не в форме раздражительности, а в виде какой-то неуверенности.

Несколько снарядов рвануло в поле недалеко от нас. Земля здесь мягкая, податливая, поэтому ударная волна взрывов взметнулась высоко вверх. Комья земли с глухим

стуком тяжело падали на землю, рассыпались от удара в пыль. В нашем саду грохотали разрывы.

Артподготовка длилась минут двадцать, бог весть сколько она унесла крови и жизней. Потом огненные смерчи обрушились на район Илларионовки, а здесь еще не осела пыль, еще дым разрывов не успело снести в сторону, как стало видно, что из немецкой посадки двинулись танки. Они смяли гусеницами то, что осталось от нашей передовой там, в поле, и двинулись дальше быстро, уверенно. Опять эти проклятые танки! Позади нас слышались звонкие крики наших артиллеристов, но они еще не открывали огня. Танки, оказавшись на поле уже сзади посадки, где оборонялись до этого наши подразделения, взревели моторами и рванулись вперед, за ними тащились длинные и плотные хвосты пыли. С короткой остановки танки били из пушек. Снова знакомое – бабах, короткий оглушительный взвизг снаряда и трескучий разрыв – и так без конца!

Взрывы, взрывы, лязг гусениц, вой моторов, пыль, облако выхлопных газов – крошечный ад катился волной по полю, уже проломил правую совсем реденькую посадку и навис над Илларионовкой. Танковые моторы ревели уже где-то рядом, недалеко от нас слышался лязг и скрежет гусениц, но мы еще ничего не видели и не могли представить размера надвигающейся опасности. Ребята беспокойно крутили головами, потому что казалось всем, что танки грохочут уже в саду... И вдруг они показались. Их было машин десять. Они быстро катились вдоль проселочной дороги, повернув башни с пушками в нашу сторону... Танкисты, видимо, были уверены, что русские разбежались, но порядок есть порядок! Первый танк сверкнул огнем выстрела, и громовый удар взрыва раздался позади наших окопов. Еще выстрел – и мгновенный взрыв. Еще! Еще! Танковые пулеметы метелью прошли над нашими головами. Взрыв! Взрыв! На спину падают комочки земли – шарахнул, гад, рядом... Взрыв! А, чертов переполох! Взрыв! И нет возможности поднять голову над бруствером окопа. Танки грохотали гусеницами совсем рядом, и первые машины уже проходили нас. Наша передовая молчала, и это было непонятно и страшно. Мы не стреляли потому, что пули из автомата бессильны, но молчали ПТРовцы, молчали почему-то пушкары... А может, они драпанули или перебило их всех?! Танки шли мимо нас, нацеливаясь на Илларионовку, они вполне могли и, наверное, надеялись сходу ворваться на перевал.

Сама земля стонала и дрожала от тяжелого лязга гусениц, от рева моторов, от грохота оглушительных выстрелов... Бензиновая черная гарь и пыль висели над дорогой... Камуфлированная броня, запыленные черные кресты в толстых белых обводах... Никто сейчас не слышал взрывов мин и снарядов в саду – все внимание только танкам! Они напротив нас, до них не более семидесяти метров. Длинными стволами пушек они будто нюхают нашу оборону и бьют страшными, неотвратимыми ударами... Взрыв! Еще взрыв!.. Кажется, на сей раз нам не вывернуться... Взрыв! А, чертов переполох! Что же молчат наши окайные пушкары и ПТРовцы молчат? Чего ждут?!

Первые машины уже приблизились к южной оконечности сада. Мимо нас проползали другие машины, и они шли уверенно, не обращая больше внимания на хутор. И в это время внезапно часто и звонко захлопали выстрелы сорокопятак. Они стреляли беспрепятственно, со звоном из их казенников вылетали медные стреляные гильзы. Хлестко стреляли противотанковые ружья. И пушки, и ружья ударили внезапно из засады по бортам движущихся танков. Случилось невероятное: беспомощно дернулся, словно в параличе, один танк, задымил другой, третий еще двигался, но уже горел! Быстрые и точные удары в танковый борт делали свое дело, они были смертельными для танков. На поле горело уже пять или шесть танков, а уральские снаряды крошили крупновскую броню, со стороны Илларионовки гулко, прямой наводкой били 76-миллиметровые полковые пушки. Горело уже много машин, горело само поле, и белый дым от жнивья перемешивался с черным и тяжелым дымом горящих танков. Все происходило мгновенно, непостижимо быстро менялась обстановка.

Часть танков на поле и за дорогой разворачивалась против нас. Они не могли передавить нас гусеницами – нас загромождала от них спасительная канава, зато снова оглушительно ударили танковые пушки и перед нами среди окопов, в саду взметнулись взрывы. Несколько секунд и вся наша передовая покрылась дымом и пылью. Захлебывались от злости танковые пулеметы...

Потом мы услышали знакомую и опасную трескотню «шмайсеров». Теперь за стеной дыма и пыли к нам приближались немецкие автоматчики. Мы их еще не видели, но пули, словно большие свинцовые градины, зашлепали по брустверу, рикошетили о землю, нудно занули в воздухе. Теперь смотри! Теперь не зевай! Там в завесе пыли и дыма, спасаясь от наших пушек, некоторые танки развернулись, отошли немного, укрылись за закопченной броней подбитых машин и крошили снарядами наш сад. Кисло воняло взрывчаткой, дым, гарь и пыль стояли сплошной стеной. Головы не поднимать – взрывы! Взрывы! И зловещий треск «шмайсеров» – значит, автоматчики врага рядом. А в ушах нестерпимая боль, на зубах песок, во рту кровь от искусанных губ; летит вверх земля, сучья деревьев падают в окопы.

Вон они! Идут цепью, и стали смолкать танковые пушки, теперь раскатился по полю сплошной треск автоматов. На нервы, сволочи, давят! Их огонь пока неприцелен, неточен, стреляют для того, чтобы все в страхе зажалось в своих окопах и уж тогда... Тогда они будут стрелять в упор, тогда никому не будет пощады. Пули свистят, взвизгивают, шлепают в бруствер. А нашим пушкарям тоже досталось: отсюда видно, что одна сорокапятка накренилась набок, ее щит разодран танковым снарядом, огонь наших пушек заметно ослаб...

Они идут! За завесой пыли и дыма плохо видно и высовываться много тоже опасно... Кажется, нам не уйти сегодня без лютой драки! То ли в ушах что, то ли правда впереди крик... Чуть приподнял голову над бруствером – да вот они рядом, за дорогой! Несколько фигур в сине-зеленых мундирах, лучи белесого солнца отражаются на их стальных касках. Вот теперь пора! Я стреляю длинной очередью, стреляет уже вся наша передовая. Сплошной автоматный треск. Некоторые немцы кидают в нас гранаты, но они рвутся перед канавой. Прорезь, мушка... некогда долго целиться. Очереди! Еще очереди! Еще! Автомат дрожит от выстрелов... Хлоп! Впустую! Задержка. Некстати! Меня же сейчас пристрелят! Взвел затвор, перевернул автомат – не вылетает проклятый патрон... Нажал на затыльник, открыл автомат, чуть не вылетел затвор... Перекосившийся патрон вылетел, теперь диск немного книзу, автомат закрыл, диск на место, затвор взвел. Все нормально, стреляй! Приподнял голову – оглушительная хлесткая очередь, земля фонтаном с бруствера... Они рядом, меня засекли, заметили, какой-то автоматчик меня караулит... Что делать?! Ну, гады! В руке рубчатая грозная лимонка, выдернул из взрывателя кольцо и быстро швырнул ее вперед, за канаву... Взрыв! Сразу вместе со взрывом приподнялся с автоматом... Конечно, риск – можно схлопотать в лоб осколок своей же гранаты, но если прозеваешь – схлопотать пулю... Вон он, гад, лежит за дорогой. Очереди! Брызнула земля вокруг немца от пуль. Попал? А хрен его знает, лежит, не шевелится! На поле появляются, как из-под земли, все новые и новые фигуры автоматчиков, их много! Их гораздо больше, чем нас! Снова по ним длинной очередью. Раздумывать некогда, теперь кто кого быстрее ухлопает... Очереди! Еще очереди! Справа треск рвущихся гранат... Стреляю, стреляю торопливо и неприцельно... Хлоп! Неужто снова задержка? Спрятал голову под обрез бруствера и вовремя – сбита пулями земля с бруствера летит мне на голову... Полсекунды и эта вражеская очередь была бы для меня последней. В диске все патроны. Быстро сменил диск. Осторожно и быстро выглянул за бруствер и в то же мгновение увидел, как несколько немецких автоматчиков прыгнули в канаву прямо перед нашими окопами... Гранатой! Вот она, лимонка. Выдернул проволоочную чеку на белом металлическом колечке... Ну! Почти не размахиваясь, кинул гранату так, чтобы скатилась она в канаву. Как выстрел, хлопнул взрыватель... секунда, вторая – взрыв!

Стон тяжелых, горячих осколков. Немцев не видно. Что там наделала моя граната? Очереди, автоматные очереди, на дне окопа и на бруствере полно стреляных гильз... Ответный огонь немецких автоматчиков ослаб. Немцев что-то не видно – залегли, паразиты! Наши пушки стреляют. Стреляют пушкари! А танки попятались. Ей богу, попятались! На подступах к Илларионовке они попали под огонь наших полковых пушек. Над полем дым – горит поле, и почернело оно от огня и взрывов, само солнце светит мутным пятном в этом содоме. К небу над стелящимся белым дымом от горящего жнивья поднимаются черные столбы дыма от подбитых стальных машин...

– Ага! Ага! Выкусили! – кричит кто-то рядом.

Танки не выдержали, они отползают назад за посадку, и вместе с ними бегут и спасаются от огня пулеметов немецкие автоматчики, они оборачиваются и стреляют, но огонь их автоматов перестает быть грозящим. Стреляют отходящие танки, но и это уже только отдельные выстрелы с большой дистанции. Огонь их еще опасен - оглушительный сдвоенный выстрел, злой и остервенелый взвизг снаряда и тяжкий удар взрыва. Брызги стальных осколков заставляют вжиматься в землю. Но отбились! Атака противника, поддержанная большим количеством танков, захлебнулась!..

Впереди нас неузнаваемое поле, исполосованное танковыми гусеницами, оно больше не желтовато-серое, оно откровенно черное – жнивье истребил огонь, поле изрыто воронками, земля дымится, по ней ползут змеистые волокна дыма, разрастаются в размерах черные плешины. Дымят подбитые танки. Сколько же их? Мать честная, их не меньше пятнадцати. Черный дым поднимается к небу, потом слабый ветер ломает эти столбы и сносит в сторону. Все горит! Планета горит! На поле валяются убитые, раненые, чернеют кочки брошенных касок. Кругом дым! И в нашем саду удушливый дым!

– Умыли! Умыли сволочей!

А наша позиция действительно удачна. Мы сидели в засаде, и противник напоролся на нее! «Откатились, голубчики! Драпают, сволочи! А Васька Боев прав - отучим мы их воевать!»

Среди ребят есть раненые, кто-то перевязывает их. Бой понемногу стихает. Надолго ли?

Над соседним окопом показывается голова Мишки Белякова. Он смотрит на меня и спрашивает:

– Живой?

– Живой.

– Ни хрена, живы будем – не помрем!

– Миша, кого там ранило-то?

– Сейчас узнаю.

Мишка выполз из своего окопа и кубарем скатился по невысокому склону нашего бугра, а через полминуты приполз к моему окопу.

– Двоих садануло. Одного тяжело в голову, а Олега Божко в затылок и насмерть.

Жалко! Особенно Божко жаль. Как этот парень умел петь задумчивые и такие красивые украинские песни. Как он ждал возвращения на Украину, как умел петь: «Дывлюсь я на нэбо...» Ах, Божко, Божко...

– У тебя воды нет? – спрашивает Мишка.

– Ни хрена нет.

– Может, к колодцу пойти?

– Не рискуй. Потерпим пока.

На северной окраине хутора перестрелка тоже затихла. Только минометы и артиллерия продолжают бить по саду методичным, выматывающим душу, огнем. Над нами поют, ноют, стонут осколки...

– Мишка!

– Чего тебе?

- Сколько сейчас время?
- Не знаю. Часы стоят. Что осталось – все наше.
- Это точно.

Раненых утащили. Кто-то распорядился собирать раненых на южной окраине, там дежурит повозка. Пока есть время, ребята курят. У меня снова болит правая рука, это еще с Плановского. Пустяшное вроде дело, а вот болит. Попробуй теперь скажи об этом... Нужно терпеть. Если жив останусь, то непременно попрошу Петренко посмотреть руку... А пока можно покурить и нужно выкинуть из окопа осыпавшуюся землю. Окоп – это спасение, это самое надежное в обороне дело, сколько раз земля-матушка спасала от неминучей смерти. Я немного углубил окоп для надежности, все равно теперь до вечера сидеть, а ночью, не дай бог, снова «язык» потребуется. Сил больше нет. У всех ребят языки вываливаются, как у загнанной собаки... Сколько же мы ночей не спали? В прошлую ночь хорошо, если часа два удалось поспать, а сколько не спали до этого?! Откуда-то стреляет немецкий пулемет, а нам хрен по деревне, пусть стреляет – в этом окопе разве он достанет... Вот ноги еще мокрые, за весь день не просохли... Мишка Беляков зачем-то кидает мне в окоп медные автоматные патроны, он мне их кидает, а я диск набиваю...

Черт возьми! Я же уснул... Конечно, уснул – какой там Мишка, какие патроны?! А диск действительно нужно дозарядить, и пустой диск нужно набить патронами пока есть время, пока тихо...

Едва я успел управиться с дисками, как раздался тревожный крик: «Воздух!» У меня от сумасшедшей стрельбы, от близких разрывов снарядов ослаб слух, будто в ушах вода. Я сразу не услышал шума моторов и ожидал молниеносного появления истребителей и штурмовиков нашей передовой. Истребители не появились, но в небе стал слышен прерывистый, многоголосый гул моторов. Вон они! Идут, гады! Теперь я их вижу. Одиннадцать штук пикировщиков. Они летели на солидной высоте и заученно стали выстраиваться в цепочку. Через короткое время там, в ослепительно сверкающей вышине, со стороны солнца небо разверзлось трубным ревом сирен, оглушительным ревом моторов и вот он... раздирающий небо и душу осатанелый визг бомб... Грохнул чудовищной силы взрыв, земля зашаталась... еще и еще удары... Весь мир превратился в оглушительный, прыгающий адский барабан, внутри которого беспомощно цеплялись за жизнь обреченные люди... Громовый, обвальный грохот взрывов неумолимо и грозно накатывался прямо на наши окопы... Сейчас достанет... Сейчас! Взрывы, взрывы, истощный вой пикировщиков. Вжимаюсь в дно окопа, на меня летят комья земли, песок ... Удар, оглушительный взрыв – горячая, обжигающая и упругая, словно резина, взрывная волна бьет в спину, в затылок, норовит вытряхнуть из окопа, вывернуть его наизнанку. Визг! Грохнуло так, что в голове полыхнуло красным и померк свет в глазах. Земля подбросила меня и еще каким-то уголком сознания я чувствовал, как сама земля корчилась в судорогах, как ее трепала смертельная лихорадка и мне передавалась ее боль...

Сколько прошло времени? Где ребята? Сильная боль в ушах горячими сверлами кромсала барабанные перепонки. Ноги не шевелятся. Во всем мире набатный непрекращающийся звон. Нет, я вроде живой... Где ж она, проклятая, грохнула? Протираю глаза... кровь на руках... ранен? Кровь из носа и немного из уха. Ноги засыпаны землей. Ни хрена себе врезало! В воздухе висит тяжелая муть пыли и дыма. Нужно вылезти из окопа. Где ребята? Почему никого не видно? Тело стало вдруг ватыным и бессильным, голова ничего не соображает. Автомат лежал на бруствере, сейчас он валяется на дне окопа, пилотки на голове нет... Ничего, жив. Вот, ей-богу, жив! Вот чертов переполох! Автомат! Елки-палки! Осколком бомбы врезало по автомату, кожух ствола искорежен и ствол вроде покалечен. Как же теперь быть? Пыль оседает, дым сносит в поле, становится светлее... Позади моего окопа и чуть правее воронка и еще одна захватила край какого-то окопа. Кто ж рядом был – Осейкин? Неужто его это?.. Неужто его?! Страх за

судьбу товарища прибавил силы. Вылез из окопа, встал на ноги, но земля вдруг качнулась, в глазах снова стало темно. Я упал...

– Федька, ты ранен? Ты живой?

Кто-то нестерпимо противно трясет мою голову, отчего подкатывается приступ рвоты. Собираю все силы для того, чтобы встать на ноги.

– Отстань. Контузило его, сейчас отойдет, – звенит чей-то голос.

Возвращается зрение. В воздухе еще дым и пыль, солнце оранжевым пятном. Господи, где же я? Сада нашего не узнать, его нет... На черной земле черные воронки, все перепаханно бомбами, кое-где торчат из земли тоже черные, опаленные огнем, избитые осколками стволы деревьев. В ушах звон... Я все-таки встал. Ноги противно дрожат, подламываются, пошел к тому окопу, край которого обрезала воронка от бомбы. Из земли торчит ствол автомата, выдернул его, положил рядом с окопом. Бруствера почти не осталось – взрывом, как ветром сдуло. Окоп завален землей, стал разгребать ее руками. Чей-то затылок, чья-то спина, гимнастерка... без маскхалата парень, автоматчик должно быть. Видно, убит. Пытаюсь крикнуть, позвать на помощь, но голоса своего не слышу... Кто-то идет... Только Медвинский. Он щурится словно от яркого солнца, и у него седые ресницы. Я показываю ему на окоп. Находим руки лежащего и тащим его на себя. Голова человека беспомощно свесилась вниз, показывается поясница... А дальше ничего нет, одни окровавленные лохмотья гимнастерки, и за ними тянется что-то розовое и синее... Меня явно мутит. Медвинский грубо отталкивает меня и сам переворачивает оставшуюся от человека половину лицом вверх. Подошел еще кто-то с лопатой и забрасывает окоп землей. Вот и все! И никаких ритуалов и салютов – здесь место неподходящее.

Медленно возвращался слух, оседала пыль, стало хорошо видно. Немцы открыли огонь по нашей передовой, пули зацвикали где-то рядом. Я взял автомат убитого и пошел к своему окопу. Моему автомату конец – покалечен кожух, что-то заклинило и автомат не открывается, затвор был взведен – внутри все забито землей. Жалко, как друга. Он и был другом, даже иногда подводил, как друг. Медвинский ушел. Появился Мишка Беляков, сказал что-то – я не расслышал, он стал кричать:

– Что, контузило?

Ворочая непослушным языком, я спросил его:

– А к-кого-ж т-то-огда у-убило?

Ни хрена себе – я стал заикаться, как Данилов. Мишка не понимает меня, я спрашиваю снова:

– К-как-же т-ты уц-целел?

– Сундук! Я справа от тебя был. Я думал, что ты накрылся. Чего ты здесь маячишь? Пули ждешь?

Я снова в окопе. Впереди в поле дымят подбитые танки. В одном, видно, снаряды рванули – башню снесло, и она валяется в нескольких метрах от танка. На поле и в саду загрохотали разрывы мин и снарядов. Снова дым и пыль – тяжелые пушки лупят. Сволочи! Когда только затихнут, здесь уже пришлось по тонне взрывчатки на брата. Автомат чужой, непривычный. Открыл – все смазано, земля, конечно, набилась, диск заряжен. Продул от земли, потер затвор о маскхалат, поставил на место и ударил по пустому полю короткой очередью – ничего, стреляет. Свой автомат бросил, только диск забрал. Обстрел усиливается, кажется, сейчас повторится все, что только что было пережито.

Вдоль окопов бежит, пригнувшись, Данилов, он без пилотки, весь в земле, рукав в крови и на лице размазанная кровь.

– К-кто еще ж-живой, к б-бою!

Началось! Разрывы снарядов и мин все ближе. Земля снова задрожала и загудела, загрохотали выстрелы танковых пушек...

Поднял из окопа голову, и оторопь взяла: по полю в тучах пыли и дыма снова шли танки, только теперь их стало гораздо больше. За танками в плотной завесе из пыли бежали автоматчики, и эта лавина шла к Илларионовке. Они снова почти не обращали на нас внимания. А наши пушки и ПТРовцы молчат, ведет огонь только один станковый пулемет. В полосе наступающих стали часто рваться мины и снаряды...

Слева, на окраине сада, сплошной автоматный треск. Что там произошло?! Нам еще ничего не видно, но вот ударили сдвоенным звуком выстрела танковые пушки, грохнули близкие разрывы, волной раскатился сплошной грохот. Все сразу почувствовали непонятную угрозу с этого направления.

– Танки! Танки! – слышится чей-то пронзительный крик.

Теперь я увидел бегущих солдат, тех, что занимали оборону там, на северной окраине, где раньше находились мы. Солдаты бежали редкой, нестройной цепочкой, их было совсем немного – там что-то случилось. Теперь перестали рваться снаряды, только сплошной пулеметный треск. Ливень пуль ударил по земле, полетела пыль, стали падать бегущие люди. Там, в клубах пыли, появился немецкий танк, за ним другой, еще и еще. Они ворвались в наш сад и ползут по искалеченной земле, переваливаясь с борта на борт, а пушки молчат. Танки зашли нам в тыл, они у нас на фланге и нет больше от них спасения. Железные чудовища переползают воронки, стреляют из пушек, пулеметная метель над нами... Что делать? Где Данилов? Сейчас здесь будут немецкие автоматчики и тогда не спасет нас никакая канава. Несколько наших ребят прыгают из окопов вперед в ров...

– Какого хрена?! Прыгай!

Я даже не разобрал, кто мне это крикнул, но в ту же секунду скатился в ров. Там трое убитых немцев, я перепрыгнул через них и побежал следом за товарищами к южной оконечности сада. Здесь тоже неглубокий ров, и над ним справа еще ограда из сложенного камня-плитняка. На краю канавы у этой ограды старший лейтенант с пистолетом в руке, он для чего-то старается задержать бегущих и кричит сорванным голосом:

– Стой! Назад, мать вашу!

Танки утюжат наши пустые окопы, танки раздавили огневые наших сорокапятков и теперь там остались только убитые и, может быть, раненые.

– Гранаты к бою! – кому-то командует старший лейтенант.

Какие к шуру гранаты? Нет у нас больше гранат! Из проклятой канавы нам не видно самих танков, но мы знаем, что они продолжают ползти и доламывают оставшиеся черные, расщепленные стволы яблонь. Не смолкает огонь танковых пушек, а старший лейтенант, наверное, ошалел и все грозит кому-то оружием. Взрыв! Еще взрыв! Сдвоенный выстрел и взрыв одновременно. От каменной ограды летят осколки камней, белая пыль, дым, земля... По склону рва вниз головой сползает тело старшего лейтенанта. Кто-то из ребят подхватил его. Мы бежим вдоль канавы за Даниловым к тому арыку. Несколько солдат сзади нас перепрыгнули нашу канаву и побежали по полю, а им вслед стреляют танковые пулеметы и вроде застучали уже «шмайсеры». Неудержимо быстро летят мгновенья... Скорее! Секунды – и половина бежавших по полю солдат валяются на земле... Над головой взрыв снаряда и снова едкий дым, пыль, ни шута не видно. Кто-то из наших ребят хотел было выскочить из канавы в поле, но их осадил свирепый крик Данилова:

– Куда, мать вашу?! Застрелю! За мной!..

Данилов бежал первым, и мы за ним. Над нами за оградой и в поле взрывы танковых снарядов. Каменную ограду разнесли в куски, но канаву танкам здесь не перелезть, сейчас страшны автоматчики. Если хоть один из них окажется у этой канавы – он перебьет нас всех. Скорее, скорее! Кто-то потерял запасной диск, чей-то ботинок вдавил его в землю и некогда нагнуться, чтобы подобрать его. Получилось так, что я замыкаю нашу цепочку, и если сейчас ударят в нас из «шмайсера», то первые пули будут у меня в

спине... Сзади сплошной треск автоматов... Бежать тяжело, канава здесь узкая и стала еще мельче. Я уже не бегу, а просто иду, даже не очень быстрым шагом – наши ребята колупаются впереди, им неудобно тащить раненых. Вот он, конец канавы. Впереди невысокая насыпь, за которой наш грязный арык. Скорее! Скорее! Первым бежит Данилов. Он вбегает на насыпь, у него в руках револьвер. Данилов ловок, у него худое жилистое тело. Одним прыжком он выскочил из нашей канавы и оказался на гребне невысокой насыпи. Вдруг взмахнул руками, резко остановился и, будто в замедленном кино, стал падать с насыпи назад, переворачиваясь набок.

Ребята, бежавшие за Даниловым, остановились, словно налетели на невидимую стену. Кто-то в растерянности повернул было назад, но прошло секунды три и в арык полетели гранаты, один за другим захлопали взрывы.

– Вперед! Вперед, иху мать! – кричит кто-то из ребят.

Несколько человек взбегают на насыпь, куда-то стреляют и прыгают вниз в канаву. Им быстро подают раненых, и все торопливо пошли по канаве. Нас всех, кто уцелел в этой свалке, снова спас случай, слепое везение, нежданное солдатское счастье: когда немецкие танки ворвались в наш сад с северной окраины, когда следом за ними пошли автоматчики – они кромсали и расстреливали все живое, что встречалось на их пути. Несколько автоматчиков проникло в арык на западном краю сада. Внизу в канаве было сыро, липкая грязь засасывала сапоги, это на какое-то мгновение отвлекло внимание немецких солдат от того, что происходило в поле, поэтому выросшая внезапно фигура Данилова на насыпи оказалась неожиданностью. Но немцы опомнились первыми. Немецкий автоматчик ударил очередь в упор, он не мог промахнуться... Через мгновение на немцев полетели гранаты. Их было шестеро, и если бы они обнаружили нас первыми, если бы у них был наблюдатель на насыпи, то никто бы не ушел от огня их «шмайсеров».

Оказавшись в уже знакомой канаве, ребята заторопились – нам нужно было скорее уходить отсюда, пока не появились новые немецкие автоматчики... Я спрыгнул с насыпи в канаву последним. Внизу в грязи и крови лежали шестеро немецких солдат.

– Федька, заberi у них документы! – на ходу крикнул Суменков.

Половина убитых лежала лицом вниз, их тела засасывала клейкая грязь и перевернуть их, чтобы вытащить из карманов их солдатские книжки было совсем непростым делом, требовало сил и времени, а ребята торопливо уходили, и мне их еще нужно было догонять. Я решил забрать документы только у тех, у которых это было легко сделать.

Убитые, искаженные гримасой лица, измазанные липкой грязью и кровью мундиры... И вдруг я увидел живые глаза, и из них выливался на меня ужас. Немец лежал, вернее, сидел, привалившись к стенке канавы, френч и брюки перемазаны грязью, руки почти по локоть в этой тине, автомат на шее. Вытаращенные глаза на перемазанном лице смотрели прямо в мои глаза и читали в них страшный приговор... Зубы оскалены. Он в каске, неотрывно смотрит на меня, ловит взглядом каждое мое движение и пытается вытащить руку из засосавшей ее грязи. У немца, видимо, перебита рука, и он ранен в ноги. У него не было сил что-то предпринять против меня для собственной защиты. Бессилие, ужас, ожидание неотвратимой смерти, отчаяние – все было в его глазах. Возможно, четверть минуты назад он еще надеялся, что наши ребята посчитают его убитым, уйдут, и его найдут свои, вытащат из этой канавы, окажут помощь. В таком положении солдат еще надеялся на чудо, оно казалось возможным, но вот один русский в маскхалате (видно, немец считал меня за обычного мародера) стал вытаскивать из карманов убитых документы и...

Что мне делать? Конечно, автоматная очередь и конец всем раздумьям. А его глаза исполнены ужасом, они безмолвно молили и готовы были проклясть... Я сорвал у него с шеи автомат, собрал другие, но тащить все шесть автоматов, да еще свой – тяжело. Три автомата из тех, что погрязнее, выкинул из канавы наверх в заросли высокой травы.

Что делать? Что делать с раненым немцем? Мне некогда с ним возиться, мне нужно догонять товарищей. Тащить его на себе? Он непременно будет оказывать сопротивление, будет кричать. И на хрена он нужен – раненый? Не дай бог кто-нибудь из ребят его просто пристрелит. Ну а что бы сделал он с нашим раненым бойцом? Что бы он сделал, окажись я на его месте? И думать бы гад не с тал – очередь и все разговоры. Передо мной враг, раненый, но враг. Он поправится в госпитале и снова вернется в строй, чтобы убить меня. Может быть, это именно он убил только что Данилова... Какой-то озноб пробежал по спине. Я поднял немецкий автомат, и раненый понял, что сейчас произойдет. Он вырвал из грязи левую руку, загородил ею лицо так, что остались одни глаза и говорил только одно слово:

– Найн! Найн!

Мы смотрели друг на друга. Два смертельных врага, два солдата, обязанные убивать один другого... А глаза у него такие же, как у меня – серые, только в них разлиты сейчас ужас и отчаяние. Волею судьбы среди нас двоих в этой грязной канаве я судья и я палач, он – жертва, и в моей власти. Какой-то гаденький голос в моем мозгу подзуживал: он, этот немец, только что стрелял в тебя, он бы не задумался ни на секунду, скольких он уже убил и он снова будет убивать. Совесть-то шептала, голос ее был тих, но слышен...

Нет, не могу я в него выстрелить. Это будет уже не война, а идиотское убийство безоружного и раненого человека... Идиотское! Убийство! А он из самой Германии приперся сюда грядки копать?! Он беспомощен...

– Найн! Найн! – продолжал повторять немец.

– У, гад, стерва! Хрен с тобою, живи!

Я повернулся и побежал вслед ушедшим вперед товарищам, а перед глазами словно продолжали прокручивать одну и ту же киноплентку: я видел падающего Данилова и молящие глаза немца...

Наверное, я тряпка, я бесхарактерный дурак. Не стоит об этом рассказывать ребятам – осудят. Наверное, я чего-то не понимаю...

Ребят я догнал быстро. Нас оставалось всего двенадцать человек – половину мы оставили в этом страшном бою. Почти все тащили раненых – тех, кого мы успели подобрать, кто оказался на нашем пути. Идти было тяжело – под ногами глубокая, липкая грязь. Бой откатывался к Илларионовке, он обогнал нас. Впереди все грохочет, сплошные раскатистые взрывы. Несколько раз в небе проносились вражеские истребители, но нас они не замечали. Прошли еще немного, и дно канавы стало суше, пошли быстрее. Я по-прежнему шел сзади, прикрывал нашу группу. Над нами огромные лопухи, закрывшие небо, в канаве от этого сумрачно, в глаза лезет какая-то мошकारа. Суменков торопится. Наше место там, у Илларионовки, где грохочет бой.

Ребята остановились. Что там впереди?

– Стой, – командует Суменков. По осыпающемуся жирными черными комьями склону канавы он выбирается вверх. Осмотрелся и громко сказал:

– Давай все сюда! Подавай раненых. Данилыча осторожно...

Один за другим мы выбрались из канавы, вытащили всех раненых. В стороне Илларионовки – ад крошечный. Волна танков уже прошла. По полю, нещадно пыля, катятся бронетранспортеры. По проселку за жиденькими тополями, примерно в полукилометре от нас, ползут немецкие автомашины с пехотой. Впереди слышны выстрелы танковых пушек, сплошной пулеметный треск и несмолкающие взрывы. Осмотрелись и всем стало ясно, что в самую Илларионовку нам уже не пройти, от нее мы отрезаны. Теперь нам нужно брать правее, к подножью гор – только там наше спасение. Над нами и здесь посвистывают шальные пули, но нас не видят, никто не видит, иначе свои нас обстреляли бы, приняв за немцев, а немцы стреляли бы в нас, разобравшись кто мы такие. Мы вместе с ранеными укрылись в зарослях терновника на краю канавы.

– Раненых перевязать нужно быстренько. Смотрите, Данилыча осторожно, – говорит Суменков. Парню тоже сегодня досталось, и голос у него хриплый, срывающийся.

Данилов плох, глаза у него закрыты и ввалились в потемневших глазницах, с уголка губ стекает розовая струйка крови, не лицо, а серая маска. Старший лейтенант слабо стонет, у него мелко-мелко дрожит верхняя губа, кажется, два осколка у него в теле – в груди и в животе. Потрепали нас здорово. Суменков без пилотки, маскхалат разодран на груди, на правой руке кровь. Я помогал перевязывать раненых, но получалось у меня плохо и руки чего-то тряслись.

– Жгуты нужны, – говорит кто-то из разведчиков.

– Снимай брючный ремень, – ответил другой.

– Портки потеряю.

– Хрен с ними. Без порток обойдешься.

Вдруг сзади нас в канаве послышалось чавканье грязи под ногами, кто-то там шел следом за нами. Мы приготовили автоматы и залегли по самому краю – вполне возможно, что это немецкие автоматчики. У нас затворы взведены, но заросли лопухов укрывают идущих, только листья вздрагивают, указывая этим место, где находятся люди.

– Давай скорей, скорей... – хрипит кто-то под лопухами.

Похоже, свои.

– Стой! Кто такие?

Солдаты испуганно останавливаются. Секунда молчания, а потом слышится тоже вопрос:

– А вы кто?

Идущих, видно, смутили наши маскхалаты, они непривычны для них, а все неожиданное и непривычное невольно ассоциируется с противником.

– Ребята, это свои, – громко говорит Курочкин.

Четверо наших автоматчиков тащили двоих раненых. Мы им помогли выбраться из канавы, вытащили раненых. Одного я узнал, усатого, это из той роты, которая сменила нас на северной окраине сада.

– А мы видели, как вы канавой пошли. Мы по полю бежали, но стреляли по нам. Мы вот успели, а раненых только двоих вытащили...

– Это вы нас у разбитого дома сменили? – спросил я усатого.

– Мы.

– А где ваш лейтенант?

– Накрылся лейтенант. Схлопотал пулю в лоб, будто метили.

– Документы забрали?

– Забрали. Только тот, что забрал, тоже накрылся еще там, в саду, танком его...

– Раненых перевязали?

– Какой там! Когда перевязывать-то?!

Наши ребята помогли перевязать и тех раненых, что притащили наши автоматчики. Все торопятся – нужно уходить отсюда скорее, пока не появились здесь немцы.

– Покурить бы, – просительно предлагает Селиванов.

– Я тебе сейчас покурю меж глаз! Давай, жми к горам на всю железку!

Теперь мы пошли в сторону от канавы, раненых тащили на спинах. Шли торопливо и не ведали, где будет конец нашего тяжелого и скорбного марша. Раненых несли, меняясь. Сейчас мне достался старший лейтенант. Я встал на одно колено, взял его за руки, кто-то помог втащить раненого мне на спину. Тяжел парень или взял я его неловко. Смотреть по сторонам нельзя, только вниз и вперед исподлобья. Пожухлая, высохшая на солнце трава желто-зеленой ковровой лентой течет назад. От старшего лейтенанта немного пахнет порохом и потом, но все отбивает приторно-тяжелый сладковатый запах крови. В стороне Илларионовки гремит бой, тяжелый и жаркий бой. Суменков торопится – это понятно: нужно скорее отправить раненых, чтобы оказать им квалифицированную

помощь. И все понимают, чувствуют, что мы очень нужны там, в бою, где из последних сил защищают наши товарищи эту Илларионовку и дорогу на перевал.

...А Данилова жалко. Смелый он мужик, стойкий боец. Сколько времени его словно облетали пули и вот, на тебе, – напоролся. На наше счастье справа пошла полоса небранной кукурузы, она надежно укрыла нас от вражеских и от наших наблюдателей.

Спасительные горы и лес теперь уже недалеко. Неужто вышли? Неужто нам снова повезло? Такое везение на войне, в боях – страшно неустойчивая штука, но на сей раз оно с нами. Этой кукурузе, похоже, конца не будет. Сил больше нет, но нужно идти, все равно идти, даже если нет сил. Бесконечно долго тянется желтая полоса кукурузы, трещат ее стебли, шуршит листва...

– Стой! – командует Суменков.

Мы останавливаемся, осторожно опускаем на рыхлую землю раненых. Кто-то стонет, кто-то тихо матерится...

– Бельтюков, Осейкин, вперед и проверить все метров на двести. Вернуться через десять минут. Бегом, – Суменков говорит тихо, не повышая голоса, но его команды выполняются быстро и беспрекословно.

Я осторожно опустил раненого старшего лейтенанта со своей спины. Его тело безвольно, безжизненно упало на землю среди высоких желтых стеблей кукурузы, глаза открыты и смотрят сквозь меня, мимо меня, они уже ничего не видят, они застыли в удивлении, узнав большую, извечную тайну, которую нам еще не довелось узнать.

– Ребята, он помер!

Подшли сидевшие рядом Подосенов, Курочкин.

– Готов, – утвердительно сказал Курочкин.

Неторопливо подошел к нам Суменков, для чего-то приподнял умершему веко, с его ладони упала на глаз соринка, и глаз не дрогнул.

Суменков вытащил из карманов гимнастерки умершего от ран старшего лейтенанта документы, письма, из карманов брюк – бумажник и запихнул все это в его полевую сумку, которую взял себе, кто-то снял командирский ремень с портупеей и протянул Суменкову, тот взял, нацепил его поверх своего ремня и спросил у меня:

– Где его пистолет?

– Не знаю. Не видел я пистолета.

– Ладно. Убитого тащить до конца. Понял?

Появились Бельтюков с Осейкиным.

– Кукуруза метров через пятьдесят кончается, дальше поле. Никто не стреляет и горы недалеко.

– Хорошо. Пойдете первыми. Кончай ночевать. Шагом марш!

Кукуруза кончилась, дальше картофельное поле, увядшая мертвая ботва на земле. Земля рыхлая, идти по ней тяжело. Кажется, не осталось ни единой капельки сил, я шел и шатался от страшной, тяжелой, как паралич, усталости... Не я один! Все тащат на плечах раненых, и никто не стонет. Надо идти, надо! А я вот сейчас свалюсь на эту рыхлую, темно-серую землю... Когда же кончится этот проклятый день?!

Всему когда-то приходит конец, пришел конец и картофельному полю, и лугу, что был за этим полем. Здесь полузаросшая травой проселочная дорога, кустарник, а там, за оврагом, уже лес. Теперь-то мы по-настоящему вышли.

– Стой! Кто идет? – уеожиданно раздался из кустов оклик.

– Негры, твою в господу мать! – ругается Подосенов. Он тащит раненого, конечно, зверски устал. Все мы измучены боем и каждого из нас злит почему-то этот оклик. Но солдаты, что были в кустах и представляли боевой дозор стрелкового подразделения, признали нас за своих и спокойно ждали нашего приближения. В кустах трое солдат с винтовками, один из них, пожилой и усатый, видно, за старшего.

– Где народ? – почему-то раздраженно и зло опросил Суменков.

– А вы кто?

– А ты не видишь кто! Сидят здесь, груши околачивают!

Вот ведь как бывает: набросились на человека ни весть за что, хотя он поступил так, как поступили бы и мы. Нам почему-то и в голову не пришло, что эти бойцы сами недавно вывернулись из боя, что от их роты почти что ничего не осталось и не просто они здесь сидят, а прикрывают совершенно открытый фланг батальона, который продолжает вести бой под Илларионовкой. Сказывались сумасшедшее напряжение боя, нервная взвинченность и убийственная усталость. Вскоре мы нашли командира роты, рыжеватого и необыкновенно худого человека, и единственно уцелевшего помкомвзвода, который находился сейчас вместе со своим командиром.

Вначале они смотрели на нас недружелюбно и подозрительно. Разобравшись, кто мы и откуда, лейтенант заметно оттаял и решил нам помочь. Мы положили раненых на приготовленное кем-то сено на краю неглубокого овражка, и сами в полном изнеможении повалились на землю... Ну вот, теперь кажется все, теперь можно сказать, что вышли, выкрутились и раненых вытащили, кого смогли. Теперь отправить бы их побыстрее. Суменков разговаривал по этому поводу с лейтенантом. Этот лейтенант вымотался, видно, не меньше нас: оброс рыжей щетиной, глаза ввалились, обмундирование грязное и прожженное. А многим раненым плохо. Кровью ребята истекают. Данилов дышит хрипло, как-то мелко и часто, глаза так и не открывает, выживет ли?

Командир роты, бегом осмотрев раненых, крикнул кому-то в овраг:

– Репиенко! Где Иноземцева? Быстро ее ко мне с сумкой!

Потом лейтенант взялся за полевой телефон и было слышно, как он кричит:

– Алло! Алло!.. Рябина! Рябина! Рябина, мать твою!.. Рябина? Какого хрена от аппарата уходишь?! Ты у меня зарабатываешь! Позови Рожкова... Рожков? Здесь у меня на участке наши ребята вышли. У них восемь раненых. Давай быстро подводу... Подводу, говорю, давай!.. Я тебе такой резерв выдам, сукин ты сын! Я тебя шлепну вместе с резервом, ты меня доведешь сегодня!

Наверное, убедил. Только после этого разговора с лейтенантом Суменков подошел к нам, повалился на спину и устало сказал:

– Сейчас подвода будет. Перекурите пока. Переобуйтесь.

Это он правильно говорит. В ботинках снова вода и грязь. Рядом в овражке лужица, выполоскали там портянки, шаровары, вымыли обувь... Господи, боже мой! Как хорошо лежать на земле, смотреть в небо, видеть, как шевелятся на ветру темно-зеленые ольховые листья, лежать и ни о чем не думать... В ушах еще звон, все тело болит от непреходящей усталости, но уже тихо и никто в нас не стреляет. Бой остался позади, он еще грохочет в стороне Илларионовки – тяжелый, бесконечный бой. А солнце позолотило небо. Наверное, скоро вечер...

– Товарищ лейтенант, сержант Иноземцева ...

Чудо! Женский голос! Откуда? Это явление было удивительным не только для меня – все ребята, кто не спал мертвецки, закрутили головами: в таком аду и вдруг женщина!

– Ольга, осмотри раненых, может, что им нужно, а то эти вахлаки ни хрена толком не сделают, – говорил лейтенант.

Откуда здесь может оказаться женщина, что она тут делает? И как можно с женщиной говорить не «высоким штилем», а бросать такие обыденные словечки, как «ни хрена», «вахлаки», «осмотри»? Я посмотрел в ту сторону и узнал ее сразу: так это ж ей я сдал того раненого матроса в Плановском, того геройского парня. И опять вот она, рядом. Откуда только сила в ногах появилась? Думал, что краном меня с земли не подымешь, а тут встал и пошел к раненым, где возилась Иноземцева. А она девушка складная и необыкновенно красивая. На ней невысокие хромовые сапожки, синяя юбка, гимнастерка, перехваченная командирским ремнем по такой узкой талии, что того гляди переломится. На голове обычная пилотка, а из-под той пилотки такая пышная волна

темно-каштановых волос. Ванька Подосенов, парень из тех, кто девочкам нравится, откровенно спал, Гришка Авдеев, тот не спал, но смотрел на колдовство Ольги над ранеными как-то равнодушно.

Я подошел к Иноземцевой:

– Привет, землячка!

– Привет, – сухо ответила Ольга и даже глаз на меня не подняла.

Я понимал, что надоели ей подобные липучие, как репей, ухажеры и их знаки внимания. Не хотелось мне обижать девушку и быть похожим на тот репей.

– Не узнали, выходит, меня. Да ладно, может, помочь чем?

Только теперь девушка посмотрела на меня... А глаза-то у нее голубые, брови вразлет...

– Подержи-ка раненого вот так.

Руки у нее быстрые, ловкие... А может, только кажется это мне? Здесь может все показаться, когда на женщину смотришь, как на явление Христа народу. Одичали мы все. Нужно попроще, чтобы мое поведение не смахивало на банальное ухаживание, которое ее, видимо, просто раздражает.

– Потерпи, мой милый, потерпи... Вот так. Сейчас тебе легче станет. До свадьбы все пройдет. Подлечат и будешь как новый. Ну, вот и все. Все теперь будет хорошо.

Ольга говорила раненому словно ворковала. В голосе у нее журчали такие нотки, будто она не раненого, а своего возлюбленного утешала. Конечно, здесь не только раненый, здесь мертвый на ноги встанет.

Она осмотрела всех, некоторым сменила повязки, поправила жгуты и только тогда поднялась на ноги. Из-под пилотки у нее выбилась непослушная прядка волос, она подала на нее и спросила:

– Так где же мы виделись, земляк?

– В Плановском. Раненого матроса я вам притащил.

– А-а, помню. Ты и сам вроде перевязанный был.

– Все точно.

– Ранение?

– Да нет. Немец, гад, прикладом вlepил. Малость прозевал я его.

– Это вы тогда в атаку ходили?

– Мы.

– Слышала. Молодцы вы, ребята. А ты не сердись, если я что тогда сказала. С вашим братом без этого нельзя, вы доброго отношения не понимаете.

– Я на вас не сержусь, даже и в мыслях этого не было. Я просто хотел помочь и спросить, как тот матрос-то?

– Тоже ваш парень?

– Нет. Только в бою и свиделись.

– С матросом тяжело получилось. Юнкеры на нас налетели и по станице бомбами. Повозку у нас разбило, а матросу ноги покалечило, ампутируют. Если живым останется, то уж без ног.

– Жалко. Мужик он геройский. А как наш лейтенант?

– Плох он. Ранения тяжелые... Ну ладно, бывай, земляк.

– Счастливо, Оля.

Я вернулся к ребятам. В обычное время кто-нибудь из них обязательно съязвил бы по поводу моих заигрываний с Олей, а тут даже шутить никому не хотелось. Только Авдеев, не поворачивая головы, спросил:

– Как там Данилов?

– Говорит, что хреново.

– Живой будет?

– Кто ж его знает.

Лежим и молчим, а тут вдруг голос рыжего лейтенанта – командира роты:

– Эй, старшина! Я говорил с заместителем комбата, так тот велел вам немедленно на КП батальона прибыть.

– Мы, лейтенант, только из боя. Вот там наш раненый командир доходит. Пока мы своих раненых ребят не отправим – никуда не пойдем, и если через десять минут повозки не будет, то мы всех на себе потащим... Пойми нас правильно, товарищ лейтенант.

– Давай, как знаешь. Вы где держались-то?

– В хуторе.

– А я в посадке, правее. Видели, как мы от танков-то драпанули?

– Видели. Нам тоже пришлось, – лейтенант безнадежно махнул рукой, будто ждал для себя неприятностей и смирился с их неизбежностью.

Вскоре на дороге появилась пароконная повозка. Она подкатила к нам, и ездовой, пожилой усатый солдат в застиранном и коротком обмундировании, сказал:

– Давай, братья, стелите в повозку сено и укладывайте, да так, чтобы все вошли.

Лейтенант пошел к повозке, а ездовой на ходу докладывал ему, что повозка прибыла. Лейтенант выслушал ездового и потом строго сказал:

– Поедешь мимо Рожкова, передай ему, чтобы часть раненых переложил на вторую повозку. Здесь все раненые тяжелые, легких нет. Легкие из боя не ушли, они воюют. Пусть позвонит мне по телефону и доложит, что приказание выполнил. Сдадите раненых в Эльхотово и назад галопом! Понял?

– Так точно, все понял. Как тут не понять.

– Тогда пошел!

Колеса повозки застучали по сухой дороге. Увезли наших раненых, увезли Данилова, а старшего лейтенанта из политотдела бригады решили похоронить здесь, у края дороги – место здесь красивое... Правда, нам этим скорбным делом заниматься уже не пришлось, мы пошли к Илларионовке. Похоронят его бойцы этой роты, где командиром рыжий лейтенант и, как оказалось, очень хороший парень. Похоронят его, поставят палку с куском фанеры, где химическим карандашом выведут фамилию, инициалы и дату смерти убитого, а Ольга Иноземцева положит ему на могилу зеленую ольховую ветку. Мы поднялись, повесили на себя ремни с дисками и пошли. Ох, как мало нас осталось! На задание отправилось 24 человека, осталась всего половина. Правда, с нами вместе пошли те четверо бойцов, что повстречались с нами, когда мы уходили из сада по канаве. Там, у штаба батальона, они разберутся.

А бой все еще грохочет, черные клубы дыма в стороне Илларионовки...

ИЗ АРХИВА СОВЕТСКОЙ АРМИИ:

... «В политотдел 9-й армии.

27 сентября 1942 года.

В районе Илларионовки противник начал наступление на 4-й отдельный стрелковый батальон.

Автоматчики противника проникли в лес на стыках и стали зажимать батальон. В процессе боя батальон понес большие потери. В бою погиб комиссар батальона Базаров. Нет сведений о 3-й батарее противотанковых орудий.

В районе Илларионовки бронебойщики и артиллеристы подбили 26 танков врага»...

... «В бою убит командир 3-го отдельного стрелкового батальона капитан Свистунов, ранены командир 4-го ОСБ, политрук батальона Скоромный и представитель политотдела бригады Левченко»...

... «Из расположения противника выполз раненый боец-автоматчик. Он рассказал, что немцы сосредоточили восточнее Илларионовки около ста танков».

* * *

День в сплошной стрельбе, в атаках и контратаках; день, наполненный до краев кровью и мучениями людей, заканчивался боем в самой Илларионовке. В поле перед этим небольшим, покинутым жителями поселке, горели танки, бронетранспортеры, несколько тяжелых грузовых автомашин, и черный мазутный дым стелился над степью.

Солнце как-то незаметно подкралось к высоченным пикам Большого Кавказа, вызолотило его заоблачные вершины и рассыпало по ним снопы золотых лучей. Теперь уже и сумерки близко, и сама война вроде устала.

В сражении наступил тот самый час, когда у противника истощились силы и нечем было нанести последний, завершающий удар, уже не было времени для ввода в бой свежих резервов, снять и передислоцировать соединения с других направлений – время было упущено.

И для нас наступил тот час, когда нечем и некому было перейти в решительную контратаку, чтобы отбросить противника на исходные позиции. Ворвавшись в Илларионовку, враг вскоре дрогнул под губительным огнем наших пушек и минометов. В Илларионовке скрестились трассы губительного пулеметного огня. Противнику не удалось уничтожить наши огневые средства, и неприметный поселок стал огненным мешком для вражеских танков, бронетранспортеров и автоматчиков. Наши бойцы видели убегающих немцев, но у них тоже не хватило сил для преследования – их было мало, и они представляли силу только до тех пор, пока находились в укрытии, на подготовленных для обороны позициях.

Получилось так, что всего лишь одна решительная атака врага могла вывести немцев на перевал.

В середине этого отчаянного боя немецкие танки, несмотря на чудовищные потери, ворвались в Илларионовку на стыке 3-го и 4-го батальонов. Оборона бригады оказалась расчлененной, связь между батальонами прервалась. В этот критический момент из леса, у нас в тылу, появились немецкие автоматчики. Их было, как утверждали впоследствии бойцы 3-го батальона, не меньше сорока человек. Они стремительно ударили в спину оборонявшимся, расстроили нашу оборону и, показалось, что исход боя теперь уже предрешен. Нечеловеческими усилиями наши бойцы собрались с силами, выдержали неожиданный удар в спину, мало того, они рассеяли группу автоматчиков – часть из них была перебита, некоторые прорвались к своим, незначительная их часть снова ушла в лес. Наша артиллерия и минометы открыли огонь по прорвавшимся танкам и автоматчикам и не жалели скудного запаса снарядов и мин. Пушки били только прямой наводкой, минометы стреляли только по видимым целям. В жестоком бою капитан Котенков был ранен в голову и в руку, но не покинул в критическую минуту свой батальон. Комиссар батальона Базаров, поднявший бойцов в контратаку, был убит. Командир 3-го батальона капитан Свистунов, принявший на себя тяжесть танкового удара, был убит. В какой-то момент батальоны дрогнули – в обороне образовалась ничем не прикрытая брешь, но противник не смог этим воспользоваться, для этого у него тоже не хватало сил.

Бой замирал, захлебнувшись в крови, и теперь в сумерках методичный минометный огонь, треск дежурных пулеметов и мерцающие искры сигнальных ракет в потемневшем небе; только тяжелый дым догорающих танков, дым тлеющей, дымящейся земли были эхом отгремевшего боя. Как знать, может быть, и не помнили старые, седые горы за всю историю человеческой цивилизации такого дикого и кровавого побоища.

Остатками нашей разведгруппы командовал Суменков, и все безоговорочно признали его главенство. Его почему-то недолюбливал начальник разведки, но Ласточкин даже ввиду явного недовольствия со стороны начальника разведки, даже под угрозой его гнева, все-таки ставил Сашку во главе разведгруппы. Суменков никогда не кричал на своих товарищей, не допускал никаких угроз, но ребята знали, что с самого начала войны он в разведподразделениях, верили ему и выполняли каждое его распоряжение, каждую команду со скрупулезной точностью.

Суменков изредка подгонял уставших ребят, и все торопились к Илларионовке – туда, где постепенно затухал бой. Перед Илларионовкой нас остановил какой-то патруль и с его помощью мы нашли КП батальона. На лесистом склоне небольшого отрога гор, у неглубокого овража, заросшего молодой ольхой, у наспех отрытых окопов мы увидели нескольких офицеров штаба, связистов и автоматчиков, охранявших штаб. Капитан Котенков с перевязанной головой, с рукой на перевязи кричал кому-то в телефонную трубку:

– Некого мне посылать! Понял? Некого! Ну... ну... Ну и что? Слушай, ты меня не пугай! Меня сегодня так пугали и до сих пор еще пугают, что больше меня пугать уже нечем. Что? Говори громче! Нет. Нет. Связи с ним никакой... Да. Базарова вытащили... Поздно... Поздно, говорю! Нет. Я тебя прошу, срочно подбрось огурцов. Срочно подбрось! И ложки давай! Откуда хочешь бери... А мне наплевать!... Пойми, мне хлебать щипать нечем! Понял? А вот и посмотри! Да восьмому я уже докладывал и сейчас еще раз... Алло! Алло!... Все, оборвалась, – комбат досадливо поморщился и бросил дежурившему связисту:

– Ну, ты чего сидишь-то? Давай связь немедленно!

Наша небольшая группа стояла чуть поодаль от комбата. Сгущались сумерки, степь одевалась синим туманом. Суменков по всей форме доложил комбату о действиях разведгруппы и передал ему документы убитого старшего лейтенанта. Тот внимательно просмотрел их, убрал в свою полевую сумку.

– Та-ак, – протянул комбат, – вот где он конец-то нашел. А мы гадали... Ну, так что, старшина, сколько вас осталось-то?

– Двенадцать, товарищ капитан, и четверо из других подразделений по дороге уже пристали.

– Приставших отправляй по своим подразделениям. Как же вы своего командира не уберегли?

– Так уж получилось. В засаде они, паразиты, сидели, в канаве. Он первый и напорлся.

– Плох, говоришь?

– Боюсь, что до госпиталя не дотянет.

– Батарею пушек противотанковых в саду видели?

– Так точно. Прямо за нами были.

– Успели они отойти? Хоть кто-нибудь?

– Никто. Танки в сад ворвались, и пушки даже развернуться не успели.

– Это вы там руками махали?

– Какими руками? Кто махал? – не понял Суменков.

– Вы должны знать, кто там махал. То, что не немец, так это точно. Поставил своего архара – он чего-то и махал.

Сашка Суменков мог не знать, что меня посылали сигналить. Медвинский знал, когда и по какому случаю меня посылали сигналить, но слышать от комбата «архар» (это козел горный) и «махать руками» – было немного обидно, а ребятам казалось все это смешным. Им бы только поржать. Тут, правда, вступился за меня Медвинский:

– Это не архар, и не просто он махал руками, товарищ капитан. Это был наш сигнальщик и передавал он флажным семафором, что наши минометчики, сволочи, долбанули по своим. Разведчика убили и одного «языка» прикончили.

– Сильно долбанули?

– Так долбанули, что потом немцы сразу в атаку пошли, как после артподготовки, – продолжал Медвинский. – Я знаю, что сами минометчики здесь ни при чем, они не видели, где их мины рвались, но этого идиота-корректировщика, прошу прощения, товарищ капитан, я непременно найду и удавлю собственными руками. Он от меня не уйдет!

– Поздно, брат. Уже ушел от тебя тот корректировщик. Накрылся он прямо на своем наблюдательном пункте. Танк его раздавил. Вот так-то. Ладно, старшина, будь здесь и никуда далеко не отлучайтесь. Ты со своими ребятами мне скоро понадобится, – сказал комбат, обращаясь уже к Суменкову.

– Разрешите с просьбой, товарищ капитан?

– Разрешаю.

– Ребятам перекусить бы малость.

По приказанию комбата повар одной из стрелковых рот накормил нас еще теплой разваренной картошкой с кусочками вареной свинины, дал чаю без сахара, по куску хлеба каждому. Конечно, и на том спасибо!

Пока мы управлялись с ужином, совсем стемнело. Где-то скрипели повозки, кричали ездовые, редкими и длинными очередями били пулеметы на передовой, на склоне гор, левее нас, рвались мины, и грохот взрывов, многократно отраженный и усиленный горами, казалось, гремел совсем рядом. Ребята стали сворачивать тоненькие самокрутки – табак кончался. Голова у меня гудела, ныла раненая рука, все тело, кажется, разламывало от болезненной усталости, которой я еще в жизни не испытывал, она будто припечатала меня к земле и уже не было сил пошевелиться. Я засыпал. Далекие пулеметные очереди во сне слышались и переходили в сновидение, как громовая канонада, как страшный лязг гусениц, они превращались в испуганные и молящие глаза того немца в канаве. Над нами далекие равнодушные звезды. Господи! Неужто это никогда не кончится? Мне бы один, только один денечек той мирной довоенной жизни!

Мудрый старик Ромэн Роллан словами всех человеческих судеб сказал: «Живите вы, обреченные на жизнь, страдайте вы, обреченные на страданье! Жизнь дана не для того, чтобы быть счастливым, она дана во исполнение моего закона: живи, страдай, умри, но будь тем, чем должно тебе быть – человеком!» «Человек», «бог» – как страшно и непонятно звучит это сейчас, когда война, когда убийство становится долгом, а убийца увенчан славой и наградами! И все именем Всевышнего: «Гот мит унс!» – даже на пряжках ремней у немцев: «Господи, даруй нам победу и покарай врагов наших!», «О, Аллах! Покарай неверных и пощади раба своего!» Сколько молитв и закланий, на всех языках, на всех наречиях и везде, всюду греховные молитвы о спасении, о ниспослании погибели для себе подобного! Да что ж это такое?! Как нам сохранить человеческий облик в этом море греховно пролитой крови? Неужто заповеди Христа и поучения пророка Магомета совместимы с предательством, кровью, страданием, проклятиями и гибелью неповинных?!

С высоких гор течет нестерпимо холодный воздух. Но здесь еще божий дар... В Москве сейчас затемнение, белые бумажные кресты на оконных стеклах, синие лампочки в подъездах, скелеты умерших деревьев стучат и скрипят на ветру своими голыми безлистыми костями, и сеет мелкий и холодный осенний дождь...

– Подъем! Кончай ночевать!

До чего же противен голос и ненавистна эта команда!

– Подъем! Подъем! – не устает повторять Сашка Суменков.

Неужто это у него такой сволочный голос? Ребята расталкивают друг друга, беззлобно и тихо матерятся, с трудом стряхивают с себя остатки обморочного сна. Темно и холодно. Портянки и обувь до сих пор мокрые, не успели просохнуть и от этого еще холоднее.

Суменков проверил всех оставшихся поименно, а мы стояли, зябко подергивая плечами.

– Слушать внимательно, – говорил Суменков. – Задача, значит, такая: сейчас идем в Илларионовку. Обстановка здесь неясная – вроде бы там немцы должны быть, а вроде и нет их. Если обнаружим противника – вверх красную ракету и завяжем бой – немцы ночного боя не любят. Если никого нет – пойдем по дороге на перевал. Основная наша задача – на том перевале оседлать дорогу и держать ее до последнего. Все понятно?

– Угу. А какого хрена батальонная разведка Илларионовку не проверила? – спросил Подосенов.

– Боялась, что тебе будет делать не черта! У батальона хватает забот, не беспокойся.

Суменков говорит спокойно и беззлобно. Всем, конечно, понятно, что вот сейчас разведчикам нужно установить связь с 3-м батальоном, взять «языка», да мало ли что. Какие там вопросы? На все вопросы мы сами должны искать ответы. А темень адская. Идем цепочкой друг за другом, ориентируясь только на чуть заметный черный силуэт впереди идущего. Первыми в нашей цепочке шагают Суменков с Подосеновым, они самым непонятным образом определяют направление и путь следования всей нашей группы. Кажется, что прошли очень много, и вдруг неожиданный оклик:

– Стой! Кто идет?

Слава богу, повстречалась одна живая душа, а то сколько прошли и никого! Этак немцы к самому КП батальона подойдут незамеченными...

– Свои.

– Пропуск?

– Боек.

– Батайск. Кто такие?

– Разведка. А вы кто?

– Вторая рота...

Суменков с Подосеновым ведут с бойцами какие-то разговоры, а мы стоим и ждем дальнейших команд. Слева от нас взлетают осветительные ракеты, от их дрожащего света по земле ползут от кустов черные тени.

Здесь, в стрелковой роте, нам рассказали о том, что батальонная разведка с наступлением темноты ходила в Илларионовку и противника там не обнаружила, а вот совсем недавно выполз оттуда раненный в ноги боец и клялся, что видел немцев, слышал немецкую речь у самых крайних домов Илларионовки, почти у леса. Вот кому верить? Что там, в этой Илларионовке? Это работа для нас, это наш хлеб. Комбат, оказывается, отвел нам только полтора часа, чтобы выйти к нашей передовой и пройти поселок. Если за это время от нас не поступит сигнала тревоги – следом за нами пойдут стрелковые подразделения. Не дай бог, если мы лопухнем и бойцы батальона попадут в засаду – не будет тогда для нас на земле места. К нашей группе подошли еще трое бойцов. У нас завязался свой разговор.

– Сами-то вы там немцев видели? – спросил Володька Золотов.

– Днем их там полно было, и танки были.

– А сейчас?

– Кто ж их знает? Темно.

– Ну, стрелять-то оттуда стреляют? Ракеты бросали?

– Перед вечером-то было, а сейчас вроде тихо, – отвечает нам молодой парень в шинели и флотской бескозырке.

– Не пробовали туда лазить?

– Пока нет. А вы туда?

– Туда.

– Рисковые вы ребята.

– Такая уж наша работа. А вы здесь с вечера?

- Угу.
- И не курите?
- Почему ж, потихоньку курим.

Мы решили тоже в последний разок по-тихому, т.е. пряча огонь сигарки так, чтобы в двух шагах его не было видно, перекурить перед поиском. Прошло минут десять. Суменков и сам потихоньку курит, не лишает нас последнего перекура перед неизвестностью. Торопливо бегут секунды. Там, где Илларионовка, загадочно тихо, там может быть засада, может быть минированная дорога, и в таком случае только собственной жизнью мы сможем это проверить, а может и ничего не быть – шут его знает, каким боком повернется к нам слепое солдатское счастье.

– Пора, – тихо говорит Суменков. – Подосенов, Бельтюков – в головной дозор. Смотреть внимательно. Не торопиться. Всем приготовить оружие.

Щелкнули затворы автоматов. Вслед за головным дозором отправляется в затаившуюся темноту вся наша группа. Идем цепочкой осторожно. Слева взлетают ракеты, это далековато, но они помогают нам ориентироваться. Идем осторожно. Все понимают, что шум, неосторожность могут обернуться большой бедой. Стоп. Какая-то тропинка... Что делать? Если засада, то она, вероятнее всего, будет на дороге или вот на такой тропинке... Мины тоже здесь могут быть. Разумеется, что никаких миноискателей у нас еще не было. Останавливаемся через каждые 70-100 метров и вслушиваемся в затаившуюся тишину. Тихо. В одном месте наш головной дозор останавливается потому, что возле тропинки два трупа – наши солдаты.

– Оставь. Рота придет, разберется с ними, – тихо шепчет Суменков.

Снова вперед. Впереди замершая громада подбитого танка. От него пахнет горелой тряпкой и мазутом. Здесь лежат двое немцев. Мы их тоже оставляем – документы убитых соберут и без нас. Как тихо. Кажется, что здесь все мертво: и танки, и поселок, и лес, и сами горы.

Еще немного и мы вышли на дорогу. Обычная проселочная дорога, правда, довольно широкая, даже с кюветами. Вон, впереди что-то большое и черное, может быть, это сад или лес. Справа от дороги вроде протоптанная тропинка, ее чуть заметно – значит скоро поселок. Постояли, еще послушали. Тихо. Абсолютно тихо. Даже наши бойцы, те, что сейчас занимают оборону справа и слева от поселка и находятся от нас в каком-нибудь километре, а то и меньше, молчат, хотя бы единый выстрел. Позади нас редкие и дальние пулеметные очереди и ракеты – это немецкая оборона. А здесь неужто и вправду никого нет? А раненый? А автоматчики, которые остались в лесу?

Снова идем вперед. Вот первая изгородь. Разбитый дом с остатками побеленных стен. Здесь широкая улица, кругом воронки, один дом догорает, светятся угли красными дьявольскими глазами. На пожарище что-то потрескивает, но кроме оставшихся следов разорения, разбоя, разрушения, беды – ничто не указывает на присутствие человека. Поселок, похоже, пуст – здесь подозрительно тихо и тишина какая-то напряженная. Глаза привыкли к крошечной тьме и различают белые покинутые жителями домики. Идем, крадучись, двумя группами по обеим сторонам улицы, от дома к дому. За домами большие разросшиеся сады, но проверять их нет времени и это невозможно – там тьма такая! Если бы были здесь немцы, то не разминулись бы мы с ними на этой вот улице, и засаду они сделали бы где-нибудь здесь, где больше открытого места и поэтому стрелять удобнее. Конечно риск. Каждый наш шаг – это риск. А что еще придумать? Только собой, подставив себя под выстрел, можно проверить, есть ли здесь противник. Чудно и странно идти по населенному пункту, где только что был противник. Все здесь настороженно, во всем видится ловушка. Конечно, если здесь затаился враг, то первым ударит автомат или пулемет, конечно, взлетит ракета. Нам еще не доставало опыта, мы еще не ведали, что такое преследование противника, поэтому все кажется, может быть, сложнее и опаснее, чем это есть в действительности. Правда, Суменков, Подосенов –

они и под Москвой воевали, они знают, что такое наступление и преследование врага, но мне это еще было неизвестно. Главное, не нужно искусственно взвинчивать и без того напряженные нервы. Спокойно. Это наша работа. А потом, бабушка надвое сказала – кто выстрелит первым... Под ногами видна белесая лента дороги. По сторонам белые домики с черными провалами окон. Тихо! Даже собак здесь нет. Прошли порядочно. Суменков остановил группу и выслал дозоры вправо и влево от маршрута. Ничего обнаружить не удалось, и у всех складывается впечатление, что противника в поселке нет. Жаль, что мы условились дать ракету только в случае опасности... Мы прошли всю Илларионовку. Последние ее дома и сады граничили со старым лесом, куда уходила лента дороги. На краю леса еще раз остановились, послушали... Нет, ничего нас не настораживало, и мы шагнули в лес. Над дорогой сомкнулись кроны старых могучих деревьев. Идем будто с завязанными глазами. Теперь уже ничего не видно по-настоящему. Если впереди идущий останавливался, то ты невольно натыкался на его спину. Дорогу просто нащупывали ногой, а она в засохших комьях земли, кто-то о них спотыкается, шепотом клянет войну, дорогу, Кавказ... Воздух здесь влажный, неподвижный, как в погребе с закрытой крышкой. Дорога вильнула в сторону раз, другой, мы ногами нашли, нащупали ее повороты. А идем медленно, в такой тьме не очень-то разбежишься.

Прошло уже много больше часа, как мы прошли Илларионовку. На нашей передовой не отметили сигналов тревоги, которые мы могли подать, и теперь наши бойцы уже наверняка в поселке. Там сзади стрельбы не слышно, значит все в порядке, противника там действительно нет, а для нас сейчас единственную угрозу могут представлять только те автоматчики, что остались в лесу. Сколько бы их ни было, но засада на этой дороге для нас опасна, очень опасна.

Вообще-то сегодня случилось невероятное. На войне такое бывало, но довольно-таки редко. Противнику не хватило сил, чтобы удержаться в Илларионовке, он не осмелился оставить в поселке своих солдат. А наши части, выбитые из поселка еще днем, не осмеливались туда сунуться – для решающей атаки не было сил. Сейчас наши бойцы обязаны быть в поселке, мы просто не имели право прозевать такой невероятный случай, подаренный нам судьбой.

Наша дорога заметно пошла на подъем, мы полезли в горы. Шаг за шагом мы взбираемся все выше. Возможность засады кажется уже нереальной. Ведь тем, кто сейчас мог бы находиться здесь, в засаде, тоже не весело, они тоже ни хрена не видят. Эта мысль мелькает в голове просто как возможный вариант и не вызывает эмоций. Вот только бы выбраться из этого окаянного леса! Но осторожность – это железное правило разведки. Ребята шагают осторожно, предельно тихо. Кажется, в пяти шагах нас уже не слышно... Вдруг неожиданный шум, треск, какое-то хлопанье над нашими головами... Все замирают, не могут понять, что это такое. Шум также неожиданно в лесной чаще. Какая-то ночная птица. Дьявольщина!

Здесь, в этой чаще совершенно не слышна перестрелка на передовой, сюда не проникает ни единой искры от осветительных ракет. Вообще, как будто на белом свете больше ничего нет, кроме нас, леса и абсолютной темноты.

– Прибавьте шаг, – шепчет Суменков.

Подосенов старается шагать быстрее, но на дороге появились какие-то выбоины, кто-то из ребят споткнулся, звякнуло в темноте железо.

– Тихо ты!

Вроде бы поднимаемся все время в гору, но из-за неожиданных поворотов кажется, что в темноте мы бессмысленно кружим на одном месте. Прошло много времени с тех пор, как мы вошли в этот лес, бесконечный подъем измотал уставших ребят. Прямо у дороги присели отдохнуть и еще раз послушать лес. Курить нельзя. Упаси боже! Слышим только дыхание сидящего рядом... Снова неожиданно для нас откуда-то сверху послы-

шался вой шакала. Говорили, что их вой похож на плач человека. На человеческий плач не похоже, но воем противно, долго.

– У, гад! – произносит кто-то шепотом.

– Тихо, – шепчет Суменков. – Он, паразит, человека чувствует.

Сидим и молчим. Тихо... Шакалу выть надоело, замолк. Прошло минут десять.

– Скоро лес кончится, – шепчет Сашка Суменков, – а за лесом какой-то домик, «Новая Москва» называется, там и отдохнем малость.

– Как называется?

– «Новая Москва».

– Надо же.

Действительно интересно, что на северном склоне больших, поросших лесом гор притулился к проселочной дороге домик «Новая Москва»! Раз домик, значит, там жили люди, и их довоенный адрес, наверное, был: Северная Осетия, поселок Имларионовка Эльхотовского района, Новая Москва, такому-то или такой-то. Чудно! А не будь войны, может быть, и разросся здесь уютный и красивый населенный пункт Новая Москва...

– Подосенов, давай пошаговитее, нам бы поскорей на перевал, – тихо командует Суменков.

Наш головной дозор старается, но эта убийственная темнота! От усталости, от постоянного нервного напряжения чувство опасности, ожидание вероятной встречи с противником явно притупились, в голове текут отвлеченные, но тоже беспокойные мысли...

Москва... Почтовый адрес. Улицы с трамваями, магазины. Оттуда, из дома, из настоящей Москвы ни единого письма. Два месяца я в армии, полтора в бригаде, за это время отписал всем родным письма, даже на работу письмо послал, а ответов нет. Меня тревожили судьбы отца, братьев, матери. Отец был под Сталинградом, а там сейчас такая свалка, такие бои! Мать с братьями, а Андрюшка совсем малыш – мальчонке только три года. Они были в деревне под Угличем и оттуда уехали. Куда? Где они сейчас обитают? На всей Волге сейчас наиболее безопасные места – это Углич, Ярославль, Кострома, Горький... Где они? Наверное, не стоило им уезжать из Москвы. А что с бедной бабушкой Матреной, старой и больной, которая осталась совершенно одна на Рязанщине? А как оставшаяся в Москве бабушка Наташа? Из дома все разъехались, с кем она сейчас? Уж очень она боялась, что меня заберут на войну. Она хорошо помнила первую мировую, гражданскую войны, она знала и испытала тяжесть страданий, которые несут с собой эти войны. То, что было до мировой войны и до революции она называла «мирным временем» и, сравнивая что-либо, говорила: «Вот в мирное время – тогда было проще»...

Я получил из военкомата ожидаемую повестку. Сколько я заявлений написал с просьбой отправить меня на фронт... И последнее, по совету мичмана военно-морской школы в системе всеобщего, я направил капитану третьего ранга Зуеву в Министерство Военно-морского флота. Прошло время, и вот она, повестка. Военком открыл жиденькую папку, посмотрел в нее и спросил, показывая письмо, написанное моей рукой, – «Это вы писали?» Я подтвердил, что писал действительно я. «Ну что ж, – сказал комиссар, – мы тебя направляем в Московский флотский экипаж, с этого дня начинается ваша служба в Вооруженных Силах страны. Служба трудная и опасная. Вы добровольно вступили в ряды защитников... Что ж, служите и не посрамите звание воина». Комиссар выдал мне одного сопровождающего, который должен был меня сопровождать до Московского флотского экипажа и сдать там меня под чью-то расписку. Сопровождающий понял, конечно, что предварительно мне нужно было зайти домой. На мое счастье в Москве оказался отец, он приехал всего на два дня, был проездом по дороге в Сталинград. Отец раздобыл где-то четвертинку водки и мы выпили ее трое – отец, я и сопровождающий. Собрать мне было нечего, нужно было просто найти одежду пострее, понегоднее, чтобы ее не жалко было выбросить при получении обмундирования.

Самое трудное было с бабушкой Наташей: она села на свою кровать, закрыла лицо ладонями и заплакала. Она лучше меня знала, что такое война, хотя была неграмотной, не ходила в кино, не смотрела боевых сборников, не могла понять передаваемых по радио сводок. Бедная бабушка Наташа! Будто сейчас ее вижу: железная кровать с гнутыми завитушками и никелированными шарами, лоскутное одеяло, сшитое ее руками и частые мелкие слезинки, бежавшие из ее голубых глаз по глубоким морщинам лица. «Господи, да что ж делается-то! Да куда ж его, непутевого? Что ж теперь будет-то? Не свидимся мы больше, Федюшка, ведь помру я скоро». «Да что ты, бабушка! Ты за меня не бойся. В училище меня берут. Учить меня еще будут. Пока меня, дурака, выучат, здесь уж любая война кончится. Что, не веришь мне? Вон спроси у товарища – куда он меня будет сопровождать? В Московский флотский экипаж. В московский, бабушка, а не на войну!» Деликатный сопровождающий, не солгав ни капельки, подтверждал и даже крестился, что вот ей же богу в экипаж не какой-нибудь, а московский. «Так тебя не на войну что ли?» «Да нет, бабушка, в экипаж меня, а это училище такое». «Ну, дай-то бог! Слава тебе, Господи! Ну, благослови тебя Господь». Бабушка крестила меня своей натруженной морщинистой рукой и кончиком платка вытирала слезинки, которые ну никак не останавливались. Так она и считает, что я в училище, если ей не прочитали моего письма. Пусть так считает. Так даже лучше. Как много разделяет меня сейчас со всеми родными, одних километров более двух тысяч, да линия фронта.

Линия фронта... как она перепахала все человеческие судьбы, как разделила всех! Хорошо еще, что у меня нет никого из родных за этой страшной чертой. Не только от родных, от самой жизни отрезала нас всех эта линия. Оказывается, раньше у меня было много возможностей: я мог учиться, работать, иметь друзей, мог даже полюбить кого-нибудь и ни одну из этих возможностей я не использовал толком, и ни одну девчонку я не могу назвать своей любимой. Даже ребятам признаться в этом стыдно, неловко как-то...

– Тихо! – шепчет кто-то из ребят.

Головной дозор замер на месте и следом остановилась вся группа. Да нет, все тихо, должно быть показалось. Интересно, где эти проклятушки автоматчики, что остались в лесу? Ведь не полезут они в чащобу в такую вот темень. Если они здесь есть, то торчат где-нибудь возле этой дороги, у перевала или у этой загадочной Новой Москвы. Послышались шаги впереди идущих, пошел и я, за мной еще кто-то. А дорога здесь по своей крутизне вполне преодолима для автотранспорта, не говоря о танках и бронетранспортерах. Неужто так вот и прохлопали немцы реальнейшую возможность захватить эту дорогу и оседлать перевал? Как бы там ни было, а мы их умыли, дали им трепу, это им не 41-й год!

Глаза чуть-чуть привыкли к темноте, стала различимой спина впереди идущего – просто бесформенная шевелящаяся тень, ее и видно только когда она движется, остановится человек – и его смутные очертания растворяются в этой угольной темноте. Дорога поворачивала то вправо, то влево, мы послушно следовали ее изгибам. Крутизна подъема стала вроде бы больше или это стала сказываться усталость.

Трудно сказать, сколько времени мы шли, наверное, не один час, и поднялись на солидную высоту. Деревья здесь стали пониже, и теперь стало видно небо с россыпью звезд. Головной дозор прибавил шаг. Вокруг все спокойно. На нашем пути стали попадаться большие и малые поляны с небольшими группами кустов возле дороги. Стало чуть светлее, мы прошли еще немного по дороге и увидели впереди черные силуэты высоких деревьев среди низкорослой поросли и справа от них широкую поляну. Слева началась ограда из жердей. Это и есть Новая Москва, чему еще-то быть! Подосенов остановился. Он разумно осторожен, это правильно. Доведись нам делать здесь засаду, то удобнее места сыскать трудно. За оградой высокие заросли кукурузы, впереди виден бревенчатый дом с соломенной крышей. Кажется, что и здесь нет жителей. Тихо. Хотя

бы мышь пискнула. Подошли ближе. Ставни окон закрыты, дверь заперта на ржавый амбарный замок.

– Проверить дом, огород, сад и вот эту поляну. Быстро! Ясно?

– Крик шакала – назад! – командует Суменков.

Нам с Мишкой Беляковым достался дом. Дверь у дома простая, досчатая, ударь по ней ногой – она и рассыплется. Замок на двери носит просто символический характер. Любому честному человеку он должен сказать: «проходи мимо – хозяев дома нет». Так то доброму и честному, а нам необходимо проверить и убедиться так ли это. Ставни закрыты обычной палкой, вдетой в скобы. На противоположной стороне дома тоже дверь, поодаль от дома небольшой сарай. Задняя дверь дома закрыта.

– Видно, на засове, – предположил я.

К досчатой, грубо сколоченной двери прибита железная ручка. Мишка осторожно взялся за нее и дверь с ужасающе громким скрипом медленно приоткрылась.

– У, зараза! – шепотом ругается Мишка.

Мы заученно встали под прикрытием стены и ждем, что будет. Тихо. Ни малейшего движения. В сених темно, еще темнее, чем в лесу. Осторожно шагнули в сени, под ногами пол земляной. Однако, странно – почему первая дверь на замке, а вторая открыта, даже на засов не заперта. Я шел первым, осторожно ощупывая правой рукой бревенчатую стену. Дьявольщина!.. Такая темень, а у нас нет даже карманных фонариков. До войны их было навалом в каждом магазине, а сейчас, когда они особенно нужны, их нет. В темноте я случайно задел рукой какую-то палку, похоже, ручку висящей косы. На стене заскрежетали, загремели какие-то железки, наверное, железные обручи.

– Тихо, ты! – зло шипит Мишка.

Немного постояли молча. В доме ни звука. Этак можно до утра стоять и слушать. Будь здесь немцы, они либо окликнули бы нас, если дураки, а нет – так ударили бы очередь. Смелее! Смелее! Пусть они, гады, боятся. Шут с ним, с риском, на этой проклятой дороге каждый наш шаг это риск. Беляков, видимо, думает так же. Он чиркнул колесиком трофейной зажигалки, она брызнула белыми искрами, и на коротком фитиле вспыхнул жиденький голубоватый язычок пламени с белым венчиком наверху. При скудном свете мы успели рассмотреть бревенчатую стену и чем-то обитую дверь с порожком. Замка на двери не видно... Может, там за дверью укрылись от осеннего холода в горах те немецкие автоматчики? Здесь все может быть. Если они слышали шум, то жди неумолимой автоматной очереди в упор. Огонек зажигалки погас, видно, бензин в ней кончился. Я медленно потянул ручку двери на себя, дверь громко заскрипела на ржавых петлях. Из избы пахло еще не выветрившимся запахом человеческого жилья и еще чем-то приторно-кислым. Внутри ни единого звука. Мы оба даже дышать перестали. Тихо... Если бы кто-то был, то непременно выдал бы себя хоть малейшим шумом. Тихо вошли в комнату, досчатый пол тоже скрипит. Видно, никого здесь нет. Нервы у немцев давно бы не выдержали. Мишка еще раз крутанул колесико зажигалки, снова сноп белых искр, но фитиль не загорелся. С третьей или четвертой попытки появилось жиденькое пламя. Нет, здесь все-таки никого нет. Стены оклеены какими-то очень старыми, лохматыми рыжими обоями, а у двери – газетами, видно, обоев не хватило. Я оторвал полоску газетной бумаги и зажег ее от мишкиной зажигалки. Быстрое пламя на горящей бумаге показалось нам ярче автомобильных фар, оно вмиг разогнало по углам дрожащие и шатающиеся черные тени. Стол, сколоченный из досок, пристенные скамьи, побеленная печь справа... Бумага догорела и снова темно. Ощупью нахожу оклеенную газетами стенку. Я нарвал полосок бумаги, а Мишка снова ухитрился высечь бледный беспомощный огонек. При свете в первую очередь запаслись еще бумагой и теперь рассмотрели свисающий с потолка проволочный крюк для керосиновой лампы, на столе щербатое старое блюдо... Стоп! В блюде пепел от папиросы или от сигаре-

ты... Снова темень – сожгли всю бумагу. В темноте нащупываю стену и снова обдираю клочья бумаги. Мишкина зажигалка брызжет искрами, но больше не зажигается.

– Погоди, я спичкой.

Спичечных коробков у нас тоже нет. Старшина получал огромные коробки со спичками, но носить с собой такую коробку страшно неудобно. Старшина раздирал эти коробки, выдавал каждому по клочку коричневой шкурки от коробка и штук по сорок спичек на брата. Спички клали в кисет, но часто сера с них попадала в табак, тогда стали их носить насыпью в карманах, спички быстро приходили в негодность. Вот и сейчас я нашел шкурку и чиркал об ее облезлую поверхность спички, у большинства которых обсыпались головки. На шкурке появлялся зеленоватый свет, но спички тоже не загорались. Мишка тихо матерился, но это помогало мало. Многие ребята обзавелись «катушками» – обломком плоского напильника, кремнем и куском шнура из бумажной ткани. Это приспособление было более безотказным, но у нас его не было. К тому же, чтобы им пользоваться, тоже сноровка нужна. Спичка все-таки зажглась... При свете горящей бумаги мы увидели на полу окурки немецких сигарет. Кто-то еще курил здесь трубку – в блюде пропитанные жирной никотиновой смолой крошки табака. Наших привычных «чинариков» нигде нет. Теперь я голову мог дать на отсечение, что здесь недавно были немцы.

– Пошли за Суменковым, – все еще шепотом говорит Мишка.

Вышли из дома на улицу, а все равно ничего глаза не видели, только спустя некоторое время мы рассмотрели возле дороги силуэты сидящих людей. Мишка тихо прошептал:

– Полундра!

Тени поднялись с земли и быстро подошли к нам.

– Что? – слышится голос Суменкова.

– Фрицы здесь были, – ответил я.

– С чего взял?

Я рассказал все по порядку.

– Ну-ка пошли вместе.

Осмотрели все заново. Суменков, Авдеев, Бергалеев, мы с Мишкой теперь увидели то, что не заметили сразу. Когда-то задняя дверь дома была закрыта на задвижку и ее открыли при помощи штыка или кинжала. В щель между дверью и брусом дверного проема втыкали штык и постепенно отодвинули задвижку, благо что все запоры здесь были сделаны только для честных людей и носили больше символический характер. На гладкой поверхности задвижки мы уже в доме рассмотрели ножевые проколы. Замок на двери из сеней в избу был сорван и валялся на земляном полу вместе с ржавыми петлями, в которых даже гвозди остались. Ржавчина на петлях и на шляпках гвоздей была темная, а на согнутых стержнях гвоздей светло-коричневой. Гвозди тонкие, небольшие – такие и выдрать не составит большого труда. В избе на столе и на полу обнаружили небольшие кусочки хлеба, они еще не зачерствели и не были растащены мышами. Кисловато-приторный запах в комнате был, несомненно, от немецкого табака.

– Ну что ж, братва, часа полтора назад ушли отсюда немцы, и по случайности не состоялось наше нежное свидание с ними, – заключил Авдеев.

– Может, и так. Только с чего это ушли они из этого дома? – вслух рассуждал Суменков. – Кто их отсюда гнал? Для засады место хорошее и удобное. Не большие любители они по лесу ночью шастать. Непонятно что-то.

– А может, они перевал оседали? – предположил я.

– Очень может быть. Но что-то здесь мне не нравится. Проверьте все! Все нужно облазить, руками прощупать и никаких перекуров чтобы. Бергалеев, свистать всех наверх!

Бергалеев не стал свистеть по-разбойничьи, как Авдеев, он сложил перед губами ладони лодочкой и вдруг завыл шакалом. Похоже завыл. Ребята собрались быстро и у всех

были одинаковые доклады – ничего подозрительного обнаружено не было. Суменков не стал долго вводить в курс дела, он приказал занять вокруг дома круговую оборону и быть готовыми к бою. Подосенову, Белякову, Бергалееву и мне было поручено проверить сарай, чердак и все, что может показаться заслуживающим внимания. Если бы не эта проклятая темень!

В сарае, к своему удивлению, мы нашли метра четыре нашего телефонного кабеля. Откуда он здесь? Не исключено, что в доме были наши связисты, а мы-то нагородили! Но Бергалеев нашел еще одно: на истоптанной соломе в сарае была кровь. Кровь уже давно загустела, но это была явно кровь, целая лужа крови. Около сарая в зарослях крапивы нам удалось обнаружить две полных катушки нашего телефонного кабеля – этого мы объяснить никак не могли.

Как оказалось, совсем недавно здесь разыгралась трагедия. Впоследствии, собирая воедино мозаику фактов, нам удалось примерно восстановить произошедшие события.

* * *

Наша бригада передала свой участок обороны в Эльхотово другим соединениям. Обозы, колонны штабных машин запылили по дорогам за Эльхотовскими воротами на Дарг-Кох, Эммаус, Заманкул. Штаб бригады еще не развернул по-настоящему своей работы на новом месте, а под Илларионовкой разгорелся жестокий бой. Начальник связи бригады худощавый, до крайности задержанный майор, смертельно устал. Он не помнил, когда в последний раз ему удалось уснуть, его донимало упреками за плохо действующую связь бригадное и даже армейское начальство. Однако, он ухитрялся делать в тех условиях почти невозможное. Он одним из первых оказался в Заманкуле и тут же приказал командиру роты связи обеспечить проводную связь с батальонами в районе Илларионовки. Командир роты связи направил тут же двоих связистов к перевалу и вниз по дороге к батальонам, которые вели жестокий бой. Связисты нагрузились катушками с кабелем словно вьючные ишаки, но они знали, что этого запаса им не хватит и придется еще возвращаться – шутка сказать, протянуть проволочную связь к Илларионовке! День уже близился к концу, когда взмыленные связисты прошли Новую Москву – запертый и заброшенный одинокий домик на краю дороги. Линия связи шла много левее этого домика, и связисты, оставив катушки, решили отдохнуть немного и раздобыть воды. Но колодца около дома не было. Связисты вернулись к своим катушкам и повели нитку связи напрямую через поляны, стараясь этим сократить расход провода. Было слышно, что внизу у Илларионовки гремит бой, а здесь не было ни души, и звуки боя долетали до связистов, как гром дальней грозы. Они шли рядом, за спиной с тихим скрежетом и звоном разматывалась очередная катушка. Склон здесь был довольно крутым и спускаться стало трудно – ноги болели. Одна широкая полянка оказалась довольно ровной, и здесь оба связиста решили еще раз немного отдохнуть и перекурить. И вдруг из кустов, что были впереди метрах в двадцати, вышли три солдата в квадратных глубоких касках, во френчах и с короткими автоматами на шее, которые были недвусмысленно направлены на связистов. Это было настолько неожиданным, что связисты опешили, несколько мгновений стояли в нерешительности, а потом бросились бежать обратно в гору, бросив свои тяжелые катушки

– Хальт! – послышалось сзади, но они продолжали бежать и внезапно увидели, что впереди, в том направлении, куда они бежали, тоже стояли немцы, их было человек пять. Один из них чему-то смеялся и повторял:

– О, Иван, ты есть капут!

Незнакомая местность, ни единой души вокруг, только одни немцы. За плечами у связистов оставались еще карабины, но оба понимали, что солдаты противника не да-

дут им времени, чтобы воспользоваться ими. Молодой связист не выдержал, он опрометью бросился в сторону по поляне и попытался рывком снять из-за спины карабин. В эту же секунду простучала короткая автоматная очередь. Связист упал. К нему подошел один из немецких автоматчиков. Увидев, что русский еще дышит, он поднял короткий черный автомат и выстрелил в него очередью. Второй связист понимал, что малейшая попытка побега сейчас же кончится для него смертью. Шансов на спасение не было никаких, но, как каждый солдат в экстремальных условиях, он неосознанно еще надеялся на какое-то чудо. Тем временем двое автоматчиков подошли к нему и один скомандовал:

– Хенде хох!

Связист поднял руки. С него первым делом сняли карабин, вытащили из него затвор и забросили все это в разные стороны. У пленных вывернули карманы, забрали все вещи и документы. У убитого немцы увидели контрольную телефонную трубку. Один из немцев подсоединился к линии связи, что-то долго слушал и говорил своим товарищам. Связист продолжал стоять с поднятыми руками и не понимал ни слова. Пока текли эти бесконечно долгие минуты, связист начал понимать всю отчаянную тяжесть своего положения. Ему казалось, что он попал в руки немецкой диверсионной группы. В Иларионовке бой, значит, там были и наши части; за перевалом в Заманкуле не было никаких немцев, так почему вдруг здесь немцы? Конечно, диверсанты! А если это так, то живым они его не отпустят, и он невольно позавидовал товарищу, который был уже мертв. Немец закончил прослушивать линию связи и довольно сносно по-русски спросил связиста:

– Вы куда вели этот провод?

При этом немец наставил ствол своего автомата почти что в глаза связисту.

– В Иларионовку.

– Откуда вы идете?

– Из Заманкула.

– Что есть там Саманкуль?

Вопрос для связиста был понятен, но он чувствовал, что вот теперь все остальные вопросы будут касаться той области, которая называется военной тайной. Он понимал, что его вынудят говорить и лихорадочно придумывал, как себя вести и что отвечать на подобные вопросы. Получилась невольная пауза, которую уловил спрашивавший его немец. Оберефрейтор криво усмехнулся, и эта усмешка показалась связисту смертным приговором. А немец сказал своим товарищам:

– О, он еще молчит! Я уверен, что это большевик и сейчас он будет нам лгать. Что ж, я знаю, как развязывают языки у этого дерьма. Келлер, эта большевистская свинья хочет мне лгать. Приведи его в чувство!

Здоровый, крепкий немец был ростом на голову выше связиста, тяжеловатый на вид, с квадратным подбородком и узко посаженными свинцовыми глазками. Он подошел к связисту и, коротко размахнувшись, ударил его в лицо. Связист не удержался на ногах, упал на бок и тут же заработал тяжелый удар сапогом в спину. Немец хотел ударить еще, но оберефрейтор остановил его:

– Подождите, Келлер, вы еще успеете... Ты, свинья, ауфштейн! – крикнул оберефрейтор, и связист медленно поднялся на ноги, вытер бежавшую из носа кровь рукавом гимнастерки и обреченно ждал, что последует за этим. Теперь он даже хотел, чтобы его убили, быстрее убили и не мучили, не били зря.

– Ты будешь мне отвечать правда?

– Буду.

– Кто есть тот дом, где ты биль?

– Какой дом?

– Дом у дорога.

«Вон они откуда за нами шли», – подумал связист и быстро ответил:

– Нет там никого.

– Ты опять фрешь! Келлер!

Связист невольно загородил лицо руками и сказал оберефрейтору:

– Не нужно меня бить. Я говорю правду.

Немцы нагрузили на связиста все телефонные катушки с кабелем, но повели его в другую сторону. Там оказалось еще два немца и двое раненых.

Раненых тащили сами немцы, связист шел впереди и вел их к Новой Москве.

Не доходя до дома метров двести, немцы остановились в кустах и долго наблюдали за домом. Потом оберефрейтор приказал двоим немцам идти вместе с пленным русским в дом и проверить все вокруг. С пленного глаз не спускать!

В домике действительно никого не было. Оберефрейтор не разрешил трогать замка на внешней двери, а заднюю, запертую на деревянную задвижку, один из немцев без труда открыл плоским штыком-кинжалом. У дома связисту скрутили за спиной руки, связали ноги телефонным кабелем и бросили его на истоптанную солому на пол в небольшом сарайчике, приставив часового. Связист заметил, что немцы вели себя осторожно и не очень уверенно, боязливо, поэтому он утвердился во мнении, что это были диверсанты. Немцы втащили раненых в дом, очевидно, там им меняли повязки. Один из солдат вскоре потащил куда-то ведро с грязными бинтами, связист увидел это сквозь неплотно притворенную досчатую дверь. Связист лежал на истоптанной соломе, перемешанной с куриным пометом, и до его сознания доходила абсолютная безнадежность его положения. Он понимал, что немцы долго возиться с ним не будут – он им просто не нужен. Попади он в плен при наступлении немцев, то, может быть, у него и остался бы маленький шанс, остаться живым, по крайней мере, до лагеря, но в такой ситуации, в которую он попал, даже маленького шанса не оставалось. В кожу рук и ног нестерпимо больно врезался туго затянутый кабель. Связист чувствовал, что его убьют, скоро убьют... «Что ж, на войне всех убивают, теперь мой черед. Только не мучили б, гады» – думал связист, но каждая живая клеточка его измученного тела протестовала против своей гибели, требовала жизни, а его мозг понимал, сколь несбыточны подобные надежды.

Вскоре в сарай вошли оберефрейтор и этот палач Келлер. Келлер стоял молча, наготове, а оберефрейтор допрашивал пленного связиста.

– Иван, яя все знал. Ты ест зольдат зекстен... как это? Да, ты ест зольдат шест десят бригад... Келлер, вы слышали где-нибудь более варварский язык, чем русский... Так йа сказал? Ты понимай?

– Так точно. Все правильно.

– Гофори правда, Иван. Это твой последний шанс. Много ест зольдат... как это... тфой ... откуда ты идиош?

– Заманкул?

– Йа, Саманкуль.

– Там много.

– Гофори все, что ты зналь!

У связиста нестерпимо болели руки и ноги, болели разбитые губы, а рядом с оберефрейтором стоял этот проклятый немец, который его бил. Связист понимал, что пришли они не из праздного любопытства – он им нужен, один должен у него все узнать, а другой его должен убить – здесь все четко. Теперь все... теперь даже чуда больше ждать нечего, он не дождется его. Жалость к себе и злоба на немцев наполнили его душу, и он решил врать, врать зло и убедительно. Связист рассказывал, что в Заманкул еще вчера начали прибывать новые части, пришла одна морская бригада, он видел еще танки и много автомашин с боеприпасами и пушками, но если господа немцы оставят его живым, то он еще расскажет им такое, что спасет и их. Связист и не догадывался, как

он кстати врал, как своим враньем он помог всей бригаде, спас многих солдат и нас в том числе.

– О, Иван ест ошен умный шеловек. Зеер гут! Келлер, развяжите этой скотине ноги, но рук не трогайте (это говорилось по-немецки).

Келлер послушно развязал связисту ноги и оберефрейтор скомандовал:

– Ауфштейн, Иван!

Связист понял и с трудом встал на онемевшие ноги.

– Немецки зольдат имеет дершайт слово. Тепер гофори ты. Сколько, где ты видел танк?

– Ей-богу, много. Штук двадцать пять видел.

– Они ест сам Саманкуль?

– Нет. Они в балках. Мы еще утром к ним связь тянули.

– Келлер, как вы думаете, врет эта свинья или нет?

– Может быть, и врет. Русским верить вообще нельзя, но для чего они тянули новую линию связи?

– Вы правы, Келлер. Наверное, он от страха напустил в штаны и поэтому говорит правду. Это дерьмо, может быть, действительно думает, что я его отпущу.

– Хорошо, Иван. Скажи нумер бригад, которые ест Саманкуль.

– Я не знаю новой бригады. Но по линии связи слышал... Господин немец, а вы правда меня отпустите? Я ничего про вас не расскажу. Отпустите!

– Йа, йа. Гофори, что ты знайт.

– Я по линии связи слышал, что два батальона этой новой бригады пойдут по этой дороге вниз, к Илларионовке. Они уже скоро пойдут...

– Йа понималь.

Оберефрейтор повернулся и стал выходить из сарая, загородив собой узкий и низкий дверной проем.

– Господин немец, вы обещали... – крикнул связист.

– Йа, йа! Келлер, кончайте его. Он больше не нужен. Только прошу вас без шума, главное, без выстрелов. Нам нужно уходить Келлер, не тяните.

– Йа воль, господин оберефрейтор. Все будет сделано в лучшем виде. У меня это уже седьмое ухо. За одно это мне положен отпуск.

Немцы разговаривали между собой. Связист не понимал слов, но чувствовал, что разговор шел о нем и невольно смотрел то на одного, то на другого. Оберефрейтор вышел из сараюшки, остался один Келлер, он смотрел на связиста своими узко посаженными глазками и вытаскивал из ножен вороненый штык-кинжал...

Часовой, карауливший русского пленного, услышал в сарае несколько глухих ударов. Он знал, что Келлер сейчас бьет русского сапогами, бьет жестоко, насмерть. Потом послышался отчаянный крик и хрип, тяжелый булькающий хрип. Часовой поморщился. Ему не нравился Келлер, это был довольно тупой и жадный парень, к тому же он был жесток – ему недаром поручали грязную работу. Хрип оборвался. Кругом невозмутимо тихо. Через несколько минут из низенького сарая, пригнувшись, вышел Келлер. Из телефонного кабеля он сделал петлю, она была накинута на шею русского. Келлер выволакивал на этой петле удушенного русского, лицо трупа было залито кровью, в крови была одежда, кровь была на руках Келлера. Он поволок тело через сад, говорят, там был обрыв. Вскоре Келлер вернулся и спросил у часового:

– Что ты здесь стоишь, Виг? Больше охранять здесь некого.

– Я это видел. Но меня никто не снял с поста.

– Виг, хочешь, я подарю провод, которым я удушил русского? Говорят, веревка повешенного приносит удачу.

– Пошел к черту со своим проводом. Нужна для этого веревка, а не кабель, и повешенный должен провисеть на ней хотя бы день.

– Как хочешь.

Келлер бросил кусок провода в сарай, поднял с земли две катушки кабеля и снова пошел к обрыву, две другие, вернувшись, он бросил в крапиву возле сарая.

На склоне гор осталось две группы немецких автоматчиков и обе они просто не смогли вырваться к своим. В бою за Илларионовку их отсеки пулеметным огнем, отбросили контратакой, отогнали от основных сил, и они снова ушли в горы. Положение у них было скверным – здесь негде было разжиться продовольствием, нельзя показаться вблизи населенных пунктов, приходилось экономить боеприпасы. Обе группы знали, что они находятся недалеко друг от друга на одних и тех же склонах гор. Однако, подать сигнал друг другу они не могли, на этот сигнал могли откликнуться русские. Они надеялись на прорыв к перевалу своих основных сил, они были уверены в их успехе. Как знать, чего здесь было больше: прямой боязни наткнуться на русских или жажды наград и славы. Но сегодня у оберфрейтора оказались очень важные сведения, о которых просто необходимо было сообщить командованию, а надежды на прорыв своих основных сил значительно поубавилось. Отряд решил спускаться с гор и прорываться к своим. Им было известно, что левее Илларионовки у русских нет сплошной обороны... Ранним утром десять немецких автоматчиков спустились к опушке леса у подножья гор.

Неожиданно они наткнулись на остатки стрелковой роты во главе с рыжим лейтенантом, который помог нам отправить раненых. Автоматчики хотели незаметно отойти в лес и взять еще левее, обойти роту, но их заметил часовой. Оставалось одно – идти напролом, и немцы пошли, стараясь не дать опомниться русским. Четверо прорвались и ушли в степь, ранний туман скрыл их следы. Трех раненых немцы бросили на опушке леса, четверо были убиты. Как ни странно, Келлера убила женщина. Вначале он убил или ранил сразу двоих русских, которые спали возле подвоя, но тут в магазине кончились патроны. Сменить магазин – дело трех секунд, но именно эти секунды решили судьбу Келлера. На мгновение увидел лохматую фурию, которая целилась в него из винтовки, он не успел вскинуть автомата, пуля попала ему в голову.

В этой короткой и злой схватке из двадцати трех человек, остававшихся в роте, были убиты и ранены девять. Всех раненых, в том числе и немцев, перевязали. У убитых и пленных собрали все документы. В кармане того убитого, в которого выстрелила Ольга, помимо документов, писем, порнографических карточек и презервативов, нашли отрезанное человеческое ухо.

* * *

Нашей разведгруппе в этом домике со странным названием «Новая Москва» больше ничего обнаружить не удалось. Все понимали, что враг был рядом, был здесь недавно. Возможно, он где-то затаился, но мы пока не знали очень многого. Тяжелый осадок остался на душе от этой неразгаданности – почему здесь оказались катушки с телефонным кабелем, чья кровь в сарае? Очень похоже, что немцы здесь что-то натворили, но ночью в такую темень нам ничего не удалось больше рассмотреть.

– Время – начало четвертого, – сказал Суменков. – Пошли, ребята. Во всех случаях на перевале мы должны быть первыми. Всем смотреть в оба!

Примерно через час мы были на перевале. Ни единой души здесь не было. Лопухнули немцы. Они вполне могли бы оседлать перевал. Только, видно, немцы остерегались встречи с нами. В последние дни мы их кое-чему выучили. Нет спору, по нашим тылам ходили опытные немецкие солдаты, но совсем не тренированные диверсанты – эти бы непременно приготовили нам сюрпризы, к примеру, заминировали бы эту дорогу или дом в Новой Москве и наверняка не оставили бы таких улик, как окурки или выданный замок. Скорее всего, это просто солдаты, которые сами не знают, как выбраться из этого леса. Только откуда же взялись спрятанные катушки с телефонным кабелем?

– Все, славяне, мы на перевале! Отсюда теперь ни шагу. Курочкин и Золотов на пост. Меняться через каждые два часа. Нет, давай через час, – подумав, поправился Суменков. – Упаси вас бог прозевать что-нибудь! Остальным отдыхать. Курить до рассвета нельзя!

Слава богу, мне не выпала злая доля сразу встать на пост. Я могу немного поспать. Заснул мгновенно и, как мне показалось, так же мгновенно проснулся от лютого холода. Холод выстудил тело, зубы мелко и противно стучали. Многие ребята тоже проснулись, некоторые встали на ноги и шумно, как зимой, хлопали себя руками по бокам. Чертовски холодно в горах!

– Костерик бы сейчас малый, – поеживаясь, говорит Курочкин.

– До утра потерпишь, – бурчит чей-то недовольный голос.

Два часа я провел в неравной борьбе с холодом, и наступила очередь вставать на пост мне и Медвинскому. Мы оба встали на пост без сожаления – все равно не уснуть от холода. Воздух просто ледяной. Крупные, как горошина звезды глупо и равнодушно плят на нас глаза. Мы расположились правее дороги, чуть выше ее. Гребень высоты в этом месте обрывался крутой осыпью в черную пропасть. Перед обрывом кустарник, невысокие деревья. Здесь возле кустарника и спят ребята, крутятся во сне от ледяной горной стужи, и нет у нас ни шинелей, ни плащ-палаток. Рядом с кустарником небольшая горная вершина, и на самой ее макушке растет молодое дерево, груша, наверное. Отсюда отлично виден перевал, даже в холодном и скудном звездном свете видна белесая лента дороги, а если смотреть вдаль, на север, в черную провальную пустоту, то на самом краю земли виден все тот же незатухающий пожар, который мы рассматривали в прошлую ночь, все также чуть заметно шевелится эта золотая искра – видно, и правда горит нефтяная скважина. Снова тоскливо и нудно воют шакалы, они словно перекликаются этим воем. А холод просто донимает. Я хожу, как заведенный, от одинокой груши по направлению к дороге и обратно, так же ходит Медвинский и каждый раз мы, повстречавшись, поворачиваемся и топаем каждый по своему направлению. Нашел в небе ковш Большой Медведицы, здесь на юге он висит низко над землей, не то, что в Москве. Ковш давно перевернулся, и из него через ручку должна вылиться уже вся вода, значит, скоро рассвет. Проклятый холод! А небо чуть тронулось синевой и теперь оно кажется сшитым не из черного бархата с блестками звезд, а из самых темных сине-фиолетовых тонов. У нас за спиной, ничем не опираясь на землю, прямо в фиолетовом небе, вдруг нежно-розовым светом стала разгораться двуглавая шапка Казбека. Отсюда его здорово видно этот сказочный, лермонтовский Казбек. От его света стало вокруг немного виднее, уже свободно просматривалась белая лента дороги, черная кромка леса на склоне гор. В той стороне, где светился розовым светом Казбек, сразу же за нашим перевалом, начиналось плато, оно было все изрезано оврагами и поло-го опускалось вниз, там все еще было заполнено густой предутренней синевой. Небо светлеет, а розовый свет на снегах Казбека от его ледниковой вершины спускался все ниже; стали гаснуть звезды. Рыжая, иссушенная солнцем трава поседела то ли от росы, то ли от инея. Внизу, под осыпью в гигантской распадке, откуда-то взялся белесый туман, он зацепился на склонах за макушки деревьев и словно раздумывал, спуститься ему в степь или растаять бесследно над лесом. Наступает новый день. Что-то будет сегодня...

На посту мы уже больше часа. Давно пора бы будить смену. А Медвинский ходит как маятник, а насчет смены молчит. Спать убийственно хочется, это всегда так на рассвете бывает, но на таком холоде разве уснешь! Вон ребята жмутся друг к другу, ворочаются, храпят...

Анатолий Медвинский мне нравится, и все больше мы чувствуем крепнущую симпатию друг к другу. Мужик он неунывающий, веселый, хороший товарищ, воет парень честно, смело, даже с какой-то удалой и нахальством. Вот только мичманку свою он вчера потерял, может, пулей или осколком снесло – такое бывает. Порой мне кажется,

что в некоторых деталях биографии он капельку привирает, например, утверждает, что до войны жил и работал на Шпицбергене. Мне что-то не верится, может быть потому, что я сам дальше Рязанщины носа не казал. Анатолий здорово оброс черной щетиной – в последние дни и побриться было некогда. Мне так легче, я еще ни разу не брил свой жиденький и белесоватый семинаристский пушок на подбородке. Трофейную безопасную бритву с лезвиями я себе раздобыл, но еще не трогал ею своего подбородка и не умел этого делать.

Медвинского, наверное, наградят. Посмотреть бы разок, как это делается на фронте. Данилова тоже должны бы наградить, только, может быть, посмертно... Промахнулся он в последний раз, ох как промахнулся!.. А собственно, как это промахнулся? Меня не послал вперед или кого другого? Конечно, мог бы послать, и я пошел бы и так же, как он, заработал бы очередь в грудь. Мы ж и предположить не могли, что в ту проклятую канаву залезут немцы. На войне всего не предусмотреть и не угадаешь, где тебя караулит смерть.

– Замерз? – спрашивает меня тихо Медвинский.

– Как сукин сын.

– Ни хрена, солнце взойдет – отогреешься. Теперь нам к холоду привыкать пора – зима на носу... Порубать бы сейчас каши горячей и чаю с сахаром.

– Это верно. Кто ж нас теперь кормить-то станет? Для ребят повар, что твой полирук, только его агитация еще быстрее до всех доходит.

– Это правильно. Без повара война – хреновина одна!

– Слушай, уже пора смену будить.

– Не нужно. Пусть спят, коли пригрелись. Ты ведь ляжешь все равно от холода не уснешь. А до солнца полчаса осталось. Вот тогда и разбудим, тогда жучка и придавим минуток на шестьсот.

– Так тебе и дадут!

– Посмотрим. Только сейчас ты один хрен не уснешь.

Походили, помолчали. Небо посветлело, и золотисто-голубые краски тронули восток. Теперь уже стала хорошо видна дорога, которая уходит за перевал, она кружит по голым скатам гор, пропадает, появляется вновь, а в долине, похожей на чашу, похоже, населенный пункт, над ним висит серый туман. Гимн света и наступающего дня несется из-за горбатых гор с востока, ширится пламенем восход солнца. Из-за посиневших от холода гор выкатилось солнце большое и яркое. «И день настал!» Стали розовыми горбатые горы, и в розовом тумане просыпался в долине поселок Заманкул, там свечами стоят пирамидальные тополя, кое-где топят печи – серыми, прямыми столбами поднимается дым из труб. Правее нас гора Заманкул, она почти на километр вздыбилась к небу, по краям она обросла лесом, а макушка лысая и наполовину розовая от солнечного света. Мы немного ниже – все-таки перевал и высота здесь немногим более 860 метров. Внизу, над лесом, откуда мы пришли, висит еще холодная сумеречная тень и серые лохматые клочья облаков. Оттуда снизу до нас не долетали автоматные очереди и винтовочные выстрелы...

Ребята просыпаются, приводят себя в порядок, чертыхаются, дозаряжают диски автоматов и теперь с наслаждением курят, вытряхивая из карманов последние остатки завалявшихся патронов и крошек табака.

Ласточкин говорил, что наш ротный обоз придет сегодня ночью сюда, в Заманкул. Может быть, уже и пришел. Может быть, для нас уже кашу варят. Суменков рассматривает топографическую карту, сильно потертую на сгибах. А Медвинский убедительно и категорично говорит ребятам:

– Вы, сачки, всю ночь спали, а мы с Федькой охраняли вас. Вас бы фрицы всех за ноги перетаскали. Так имейте совесть – теперь мы будем спать, а вы решайте все

боевые и хозяйственные задачи. Будить нас только к завтраку, а если немцы, так отбивайтесь сами, а нас не трогайте.

Возражать никто из ребят не стал. Мы улеглись с Анатолием под кустами на краю обрыва и через несколько минут спали, словно убитые. Расчет Медвинского был прост, как все гениальное: день обещал быть ясным, выкатившееся солнце сейчас начнет пригревать, станет теплее... Мы спали. На сей раз даже кошмарные сны больше меня не мучили – может быть, я уже привык к кошмарам. Человек ко всему привыкает...

Гораздо ниже нас и левее дороги на опушку леса вышла группа немцев человек в пятнадцать. Они были в касках, во френчах, с тощими заплечными ранцами. По лицам солдат было заметно, что они провели почти бессонную ночь, изрядно намерзлись и были голодны. Старший группы фельдфебель Крашке осмотрел гребень высоты в полевой бинокль.

– Кидлинг, на перевале по-прежнему нет ни души. На что надеются эти русские? Может быть, нам все-таки попробовать перекрыть дорогу? Посмотрите сами.

Крашке передал бинокль Кидлингу. Его товарищ, оберфрейтор Кидлинг, прощупал биноклем гребень и тихо сказал:

– Вы ошиблись, Крашке. Полюбуйтесь, там отчетливо видны две фигуры. Смотрите немного левее самого перевала. Видите голую высотку с деревом? Ну?

– Да, теперь вижу.

– Вряд ли там держат оборону всего два Ивана. Мы опоздали часов на восемь. Оседлать дорогу мы могли еще вечером, но этот проклятый оберфрейтор Бауэр, он совсем не искал с нами встречи!

– Всем укрыться за кустами! – скомандовал фельдфебель.

Солдаты послушно укрылись в сырой холодной тени густого кустарника.

Через некоторое время вся группа немецких автоматчиков пошла в сторону старого леса по склону и скрылась в дремотной холодной тени старых деревьев. По дороге они случайно обнаружили заброшенный ветками труп русского солдата. Крашке верно предположил, что это дело рук оберфрейтора Бауэра.

* * *

Казалось, что наша разведгруппа никогда не сумеет выполнить до конца бесконечно возникающих новых и новых задач. Так уж, наверное, устроена жизнь – одна задача порождает другую, другая – третью и так без конца.

Только позавчера вечером мы навсегда покинули овраг, заросший густым кизильником, и задача нам была поставлена вроде бы короткая: пролезть в отдельный хутор за Илларионовкой, взять «языка» и после того, как нас сменят стрелковые подразделения батальона, быстро отойти и оседлать на перевале дорогу.

Но это только на первый взгляд может показаться простым, а на самом деле все обернулось для нас непомерными сложностями и потерями.

Хутор мы захватили и «языка» взяли, но пришлось отбивать атаку немецких автоматчиков, а потом танковые атаки, потом нужно было выдержать сумасшедшую бомбежку. В заключение мы откровенно драпали из захваченного хутора. Не всем удалось уйти и мы еще вдобавок потеряли своего командира взвода. Вообще, в последние дни нашей роте изрядно досталось, даже повара своего не уберегли. Теперь нам надлежало оседлать дорогу на перевале. Тоже дело-то вроде спокойное: этак поднимемся вот по гладкой дорожке на перевал, потеряем на этом часа два от силы, а там наверху сядем на камушек, перекурим, а утром нас сменят, мы пойдем в Заманкул отсыпаться и отдыхать.

Как бы не так! Помимо того, что по склонам гор бродили отряды немецких авто-

матчиков, положение нашего оборонявшегося батальона в районе Илларионовки было крайне опасным: стрелковые роты потеряли примерно половину своего личного состава, тыловые коммуникации были страшно растянуты, рокадные дороги простреливались артиллерией противника. Батальон не имел связи со штабом бригады, оказался прижатым к самым горам и все считали, что единственная и кратчайшая дорога через перевал уже перехвачена немецкими автоматчиками. Никто не рисковал, все пользовались долгим кружным путем.

Еще никто не знал, что один из двоих попавших в плен связистов своим отчаянным враньем подарил бригаде один более или менее спокойный день и заставил уйти один из двух отрядов автоматчиков со склона гор, т.к. немцы поверили в выдумку о прибывшей в Заманкул свежей морской бригаде. Немецкое командование целый день стягивало к Илларионовке дополнительные силы и готовилось к отражению нашего наступления.

Мы не знали и того, что на склоне гор осталась сравнительно большая группа немцев, которая смогла бы оседлать перевал раньше нас, и даже думала это сделать, однако, мы опередили ее примерно на полчаса.

Немецкие автоматчики, уже измотанные в боях и не имевшие связи со своими основными силами, очевидно, приняли нас за свежую полнокровную часть и не решились лезть с нами в открытую драку.

Подобная нерешительность была обусловлена не слепой боязнью, нет – немцы отличные, умеющие воевать солдаты, но их отряд уже двое суток был практически без пищи, у них оставалось мало боеприпасов.

Они надеялись на соединение со второй группой, но та ушла, и ее бесплодно искала первая группа. Командир немецких автоматчиков надеялся на большое наступление основных сил, но оно, по непонятным для него причинам, задерживалось.

Если говорить честно, то мы находились не в лучшем положении: сухой паек мы уничтожили еще утром прошлого дня, нас было всего двенадцать человек, в автоматах оставалось по одному неполному диску и на всех одна граната.

Командир разведроты лейтенант Ласточкин, отправляя нас на задание, сказал, что он непременно встретит нашу разведгруппу на перевале с горячей пищей и с боеприпасами. Мы были уверены, что так оно и случится, но что-то Ласточкина задержало. Нужно было дожидаться утра, и мы терпеливо ждали.

После дежурства мы с Медвинским спали в кустах на краю крутой осыпи. Анатолий рассчитал правильно – взошло солнце, стало теплее и можно было спокойно спать, не корчась от холода. На юго-востоке в золотой дымке, в низине, как сказочный мираж, виднелся поселок Заманкул. Из легкого тумана вытягивались пирамидальные тополя, отдельные крыши домов и прямые розовые и серые столбы легкого дыма из печных труб. Там была земля обетованная! Конечно же, раз топят печи, значит, там были теплые чуреки, молоко, но... уйти с перевала никто не имел права. Суменков, ставший командиром нашей разведгруппы, дорожил каждым бойцом. Опасаясь артиллерийского обстрела или налетов вражеской авиации, он приказал не маячить на голой высоте, где росла одинокая небольшая груша, а укрыться в кустах и вести наблюдение за дорогой. Здесь было очень тихо и все живое будто вымерло, только в голубом небе, распластав крылья, широко кружил орел. Не чувствовала птица, что с земли могла ударить по ней бесцельная, но очень опасная автоматная очередь.

Мы с Медвинским проспали часа три, по фронтовым масштабам это роскошь неопытная и непозволительная.

– Ну, вы что пристали-то? Мы с Федькой вас всю ночь охраняли, так что – это уже не в счет? Какого лешего вам надо? – ворчал Медвинский, когда нас бесцеремонно растолкали.

– Хватит жучка давить! После войны отоспитесь, – строго говорил Суменков.

Медвинский сел, протер глаза, оторвал от шаровар маскхалата прицепившиеся сухие репы и продолжал незлобиво ворчать:

– Ну, люди! Выспаться человеку не дадут! Ну какая была надобность нас поднимать?

– Сейчас Ласточкин объявится, он тебе обеспечит мирный отдых, он тебе даст жизни!

– Ну вот, есть правда на земле или нет? Я вас спрашиваю, – философствовал Медвинский. – Вот если спит, например, не Федька, а какой-никакой генерал, то как об этом скажут? Скажут, что генерал почивать изволит. Спит полковник – скажут, что они отдыхают. Ну, ежели спит там капитан или лейтенант какой, то так и скажут – спит, мол. Скажут и не осудят, оно и понятно, нужно же человеку спать. А вот если солдат спит, то как об этом говорят? Говорят, что солдат НАГЛО спит! Не просто спит, а спит нагло! И вы после этого будете говорить, что на земле есть правда? Какая правда, если свой же брат Сашка Суменков, потеряв совесть, будит уставших в бою товарищей и еще говорит: «хватит жучка давить»!

– Ну вот, теперь вижу, что проснулся, теперь трепу до конца дня хватит. Оружие пора почистить, – ответил Суменков.

– Нет, Федька, ты только посмотри, оказывается, они нас разбудили, чтобы почистить автоматы, которые мы языком вылизали еще вчера. Здесь они проявляют вроде бы заботу о нас, а вот если бы завтрак сейчас привезли, так думаешь твой уважаемый командир Сашка Суменков стал бы тебя будить? Как же! Эти мазурики слопали бы и нашу долю, а потом стали бы говорить, что решили нас пожалеть и не будить! Вот как получается, а то нашел причину – автомат почистить!

– Ты, трепач, лучше молчи. Твоим языком не автомат, а башенное орудие главного калибра вычистить можно! – огрызнулся Суменков.

Впереди нас над степью еще не истаяла белесая утренняя дымка, только синие скалистые горы Большого Кавказа четко рисовались на небе, да сверкала, будто алмазная, снеговая шапка чудовищно высокого Казбека.

Давно наступило утро, ветер шелестел листвою в кустарнике и тонко свистел в высушенной солнцем траве. Ласточкин где-то пропал. Отсутствие курува и голод заметно портили настроение. Левее нас, со стороны Заманкула, на гору поднялись двое связистов с катушками кабеля. Заметили нас, положили на землю катушки и один направился неторопливо в нашу сторону. Для многих бойцов были непривычными наши маскхалаты. Мы поняли осторожность и недоверие связистов, поэтому Серега Мартынов громко закричал им:

– Эй, славяне, чего там зря маячите? Шагайте сюда!

Связисты подошли. Один из них, молодой и здоровый парень, спросил:

– Разведка что ли?

– Разведка. А вы кто?

– Мы связисты. Вы из Илларионовки пришли?

– Точно. Сегодня ночью, а что?

– Ничего по дороге такого не заметили?

– А чего такого мы могли заметить?

– Двое ребят у нас вчера днем пропали. Пошли, вон ту нитку вниз потянули и пропали.

– Нет, мы никого не встретили.

– Ладно, мы пошли тогда. Пока, ребята.

Связисты ушли. Внизу раскатисто ударили первые взрывы мин и снарядов. Синеватый туман над степью истаял, и мы увидели, что здесь до Илларионовки сравнительно недалеко, было просто непонятно, как это мы прокрутились почти всю ночь на этом проклятом склоне. Через полчаса Суменков не выдержал и послал двоих разведчиков в Заманкул разыскивать Ласточкина и старшину. Внизу всё гремели и гремели взрывы,

но в их интенсивности не было грозного накала – предвестника наступления, это был изматывающий душу методичный артиллерийский и минометный обстрел.

Солнце забиралось все выше по небосклону, стало по-летнему тепло. На самой вершине горы под грушевым деревом лежал с биноклем Подосенов. Он видел какое-то передвижение по дорогам у немцев в тылу, что-то говорил по этому поводу Суменкову, а нам нестерпимо хотелось спать. Пропали куда-то посланные Суменковым разведчики, все еще не появлялся Ласточкин. Ну и шут с ними. Так хотелось спать! Вдруг на дороге от Илларионовки к перевалу Подосенов заметил двух бойцов, которые то шли торопливым шагом, то пытались бежать. По их торопливости чувствовалось, что люди чем-то обеспокоены и встревожены.

– Ребята, фрицы там! Немцы! – поравнявшись с нами, закричали запыхавшиеся на крутом склоне связисты. Это были те самые ребята, что утром подходили к нам. Они рассказывали сначала, сбиваясь, что еще вчера два их товарища потянули связь из Заманкула в Илларионовку и оба пропали. Утром, чуть свет, их послали с катушками по нитке, чтобы дать связь батальону и разобраться, куда могли деться те связисты. На склоне горы, на поляне, поросшей кустарником, они обнаружили на земле конец провода. Осмотрев вокруг местность, они нашли труп одного связиста, заваленный ветками, и в траве нашли алюминиевую ложку с выбитыми на черенке инициалами другого связиста, которого обнаружить не удалось.

После этого рассказа разведчики вспомнили, что они видели две катушки провода у сарая в Новой Москве, кусок провода в сарае, где солома на полу была залита кровью. Непонятные события начинали выстраиваться в одну последовательную и полную трагизма цепочку. Значит, здесь, на склоне гор и в Новой Москве совершенно точно были немцы и это они убили связистов, которые, скорее всего, попали к ним в засаду. Мы не могли тотчас прочесать склон гор, еще раз осмотреть Новую Москву, мы должны были находиться на этом перевале. Связисты ушли, мы попросили их рассказать в роте связи все, что было известно и нам.

А Ласточкин где-то пропал, и посланные за ним ребята не возвращались. Терпеть голод, обходиться без курева мы уже немного привыкли, нас беспокоило малое количество оставшихся боеприпасов. Хотелось пить. Я решил посмотреть где-нибудь источник и вскоре нашел его. Начинаясь за нашими кустами осыпь была вроде бы двумя уступами. Первый уступ сравнительно небольшой, метров пятнадцать, а дальше крутой обрыв уходил в распадок, на дне которого был старый и, похоже, непроходимый лес. У основания первого уступа был небольшой родник. Из-под мощной каменной плиты сбегала на другой камень струйка чистой холодной воды. Я набирал воду в пригоршни и пил. До чего ж вкусна здесь вода, как она разбивается алмазными брызгами о старую рыжую плиту из камня! Брызги летели мне на куртку и шаровары маскхалата... Конечно, есть тоже хотелось, от голода кишка кишке шиш показывала, как говаривали ребята; курева нет, а без табака еще хуже, чем без пищи. Что поделаешь. Здесь тихо. Война гремит внизу за Илларионовкой...

Я наполнил доверху взятые у ребят две трофейные фляжки, пристегнул их к ремню и полез обратно. Выбрался на дорогу, но не успел пройти по ней и двух десятков шагов, как услышал стремительно нарастающий, звенящий вой мотора. Точно! Он самый, двуххвостый истребитель Фокке-Вульф с толкающим винтом между хвостами... Летчик, видимо, меня заметил, и истребитель летел низко, вдоль склона гор прямо на меня. Что делать? Не успеть мне спрыгнуть под обрыв! Уже ничего не успеть – сейчас он резанет в меня очередями... Я сорвал с головы пилотку и начал махать ею летчику... Потом я даже сам себе не смог объяснить, почему именно так я поступил. Самолет черной двуххвостой молнией промелькнул надо мной... Летчик не стал стрелять, не нажал гашетки. Я еще и не понял, почему меня не срезало пулеметными очередями, а самолет отвалил в сторону от горы Заманкул, заложил крутой вираж и пошел со снижением снова на

меня. Он приближался стремительно, и я видел, что хищная птица вновь нацелилась на меня. Ну, сейчас врежет!... Я стоял на совершенно открытом месте в пятнистом маскхалате с автоматом за плечами и махал летчику пилоткой. Ветер трепал мои длинные, светлые, выгоревшие на солнце волосы. Звенящим, ревушим метеором Фокке-Вульф промелькнул снова совсем низко над головой, заложил еще вираж, сверкнул на солнце крыльями, и теперь машина летела чуть правее меня и была со мной почти на одном уровне. Летчик накренил самолет на одно крыло, сквозь прозрачные стекла его фонаря я отчетливо видел голову летчика в черном шлеме и больших очках, он смотрел на меня. Я стоял лицом к самолету и успел еще раз помахать ему пилоткой. Мне показалось, что летчик кивнул мне головой. Самолет увеличил скорость и отвернул от гор в сторону степи. Конечно, летчик принял меня за немца. Очевидно, ему не приходилось видеть русских солдат в маскхалатах, вдобавок я светловолосый. Волосы отросли, а нам разрешали не стричься... Конечно же, в представлении немецкого летчика русский должен быть коротко остриженным и просто обязан был бежать от самолета, а случилось все по-другому... Сейчас этот дурной летчик будет докладывать своему начальству, что на перевале немецкие солдаты... Пронесло! Ух, дьявольщина! Обманул я его, обманул! У этого гада была скорострельная пушка и два пулемета, он бы из меня решето сделал. Не стал стрелять – за своего принял... Надо же так! Ушел, гад, и его мотора больше нигде не слышно! Я одел пилотку и пошел к ребятам. Они все видели самолет, а меня – нет. Ну и слава богу – попробуй объясни ребятам, чего это я немецкому летчику пилоткой махал.

Ласточкин с группой разведчиков пришел часа через полтора. Ребята притащили тяжеленные вещмешки с боеприпасами и сухим пайком. Они рассказали, что нашей роте выделили новую кухню, только повара не было. Старшина пробовал варить сам, но у него что-то там не получилось. Оказывается, что быть армейским поваром – это совсем не простое дело.

Возле перевала собралась почти вся наша рота. Теперь у нас помимо автоматов и гранат были ручной пулемет Дегтярева с двумя брезентовыми сумками дисков, один немецкий пулемет и несколько коробок пулеметных лент к нему. Теперь живем! Теперь есть чем отмахнуться от противника. Все ребята наелись и набивали патронами запасные диски. Вот только шинелей не догадался старшина нам прислать – это плохо. Днем-то тепло, даже жарко, но от ночного холода просто спасения нет.

Ласточкин, Попов вместе с Суменковым и Подосеновым о чем-то совещались в стороне под кустами. Меня вооружили полевым биноклем. Я рассматривал степь, но с такого расстояния ни шута, кроме дыма пожаров, не было видно, под Илларионовкой на дорогах никакого движения. Ласточкин развернул топокарту и объяснял:

– Вот эта груша – как раз отметка 860. Гора Заманкул вон она, самая высокая. В общем, здесь нам стоять насмерть, пока нас не сменят! Ясно что ли?

Все понимают, что этот перевал удерживать нужно, здесь дорога на селение Заманкул, а оттуда дороги к Малгобеку, Лакисово, в долину Алханчурт, к Беслану. Перевал этот стратегически важен – если не удержимся, то может страшное случиться. Держаться здесь непросто: место совершенно голое для автоматчиков, везде дорога, они и обойти нас могут. Маловато у нас людей, обороняться некому.

После короткого военного совета Ласточкин с Поповым и нас ввели в курс дела. Ласточкин был как всегда краток:

– Ну что! Что теперь скажете? Это ж надо! Дали прихлопнуть своего командира. Тоже мне, разведчики, забодай вас комары! Да за такое разогнать вас всех и то мало... Вот и войей с такими, надейся на них! Так вот, чтобы всем ясно было, обстановка, значит, такая: сегодня на рассвете группа немцев пыталась прорваться из этого леса в степь к своим. Захватили наши одного пленного, тот показал, что здесь на склоне еще одна группа – человек пятнадцать. Задача нам поставлена такая: прочесать окрестный лес, здесь устроим НП (наблюдательный пункт) и будем вести наблюдение. Без команды от-

сюда ни шагу! Понятно? Наблюдение будут вести... – Ласточкин минуту подумал и ткнул пальцем в меня. – Ты будешь за старшего на НП, с тобой Хорьков и Бергалеев. Часа через полтора вам дадут сюда нитку связи и связиста. Обстановку докладывать четко и вразумительно, чтобы без дураков. В случае тревоги или нападения на вас – вверх красную ракету. Понятно? Суменков, тебе с группой прочесать лес, особенно в районе Новой Москвы. Понятно? Одна группа остается здесь на перевале.

Потом политрук роты Попов рассказывал нам об обстановке на фронтах, об ответственности, которую должен прочувствовать каждый, обороняя этот перевал, о том, что двойной спрос будет с коммунистов и комсомольцев. Все было ясно. После этих бесед одна группа ребят с Подосеновым выдвинулась к дороге и установила там оба пулемета. Пока дорога была пустой, ударили по ней для пробы двумя короткими пулеметными очередями – с дороги только пыль полетела. Получилось здорово. Если нас здесь минами не накроют, не перебьют всех, то по дороге действительно не пройти. Ласточкин был особенно доволен.

Часа через два появились связисты с катушками и телефонным аппаратом. Они тянули нитку связи напрямую, чтобы экономить провод, лезли из Заманкула по голым и крутым горбам, взмокли ребята.

– Разведка? – спросил длинный и тощий связист в короткой английской шинели с высоко намотанными на ногах обмотками и в пилотке, надетой поперек головы.

– Угу.

– Кто у вас тут старшой?

Бергалеев кивнул головой на меня.

– Привет, старшой! Куда тебе телефон-то ставить?

Длинновязый связист снял с плеч увесистый мешок, положил его под дерево. Он явно не отличался никаким чинопочтением, но чем-то мне сразу понравился.

– Давай сюда. Ставь под эту грушу. Да не маячите здесь понапрасну, этот пупок немцы отовсюду видят.

Связисты поставили телефон, подсоединили к клеммам провод и заземление. Первый связист прислонил трубку к уху, подул в нее зачем-то и загудел хрипловатым голосом:

– Волна, волна. Это волна? Я ласточка. Как меня слышишь? Порядок. Слышу хорошо. Проверочка.

Только после этого связист снял из-за спины карабин, положил его на свой вещмешок и уж тогда представился:

– Связист я. Рядовой Панарин. Еще Лешкой кличут.

– Я тоже рядовой, Федькой зовут. Вот это Бергалеев – мужик что надо и свой в доску, а вон у кустов жучка давит (т.е. спит) – то своя статья, то рядовой Хорьков.

– Все понял. Значит, вместе будем.

– Стало быть, я пошел? – спросил второй связист.

– Валяй, топай. Да иди не по нитке, а по дороге.

Напарник связиста согласно кивнул головой и неторопливо отправился по дороге обратно. На НП нас стало четверо, это, пожалуй, даже много. С нашим Хорьковым, как и предвидели ребята, действительно ничего не случилось. Мы думали, что его накажут за проступок, но вот он лежит себе преспокойно и спит как ни в чем не бывало. Точно – спас его Попов.

На наш НП пришли Ласточкин с Суменковым, оба долго рассматривали склон нашей горы в бинокль. Потом все мы собрались возле кустов.

– Вот что, – строго сказал Ласточкин, – я сейчас ухожу в штаб, Суменков идет на проверку леса. Старшим на перевале остается Подосенов. Все его команды для вас обязательны. Понятно?

– Понятно, товарищ лейтенант. А Попов придет?

– А тебе что за дело? Разговорчики!

– Виноват, товарищ лейтенант.

Вот и все разговоры. Дело к вечеру покатилося. Группа Суменкова реденькой цепочкой друг за дружкой скатилась вниз левее дороги, исчезли словно их и не было никогда.

У нас здесь удивительно тихо. Внизу еще слышны раскатыстые взрывы, но и их грохот поредел, а здесь тихо. Будто и не было вчерашнего сумасшедшего дня, не было танковых атак и дьявольской бомбежки. Так хотелось верить, что сегодня уже больше ничего не грозит этому перевалу.

Мы еще не знали, что оберефрейтор, прорвавшийся с несколькими солдатами через расположение нашей стрелковой роты, доложил немецкому командованию полученные от нашего несчастного связиста сведения, которые быстро докатились до весьма высоких штабов. «У русских появились резервы, возможно, что это новая морская бригада. Русские закрыли наглухо перевал и теперь их не так просто сбить с занимаемых позиций». Немецким солдатам в районе Илларионовки приказано окопаться, сюда начали стягивать артиллерию... Но днем немецкий летчик, облетающий на истребителе горы, доложил, что на перевале немецкие солдаты, и он не заметил на дороге к перевалу ни единого русского солдата. Сведения были противоречивы и непонятны. В этот день немецкие войска не пошли в наступление и никто из нас не знал, что этим днем мы были обязаны замученному, истерзанному связисту, изуродованный труп которого, падая, застрял среди корявого кустарника и голых камней на осыпи недалеко от Новой Москвы, потому там и кружили теперь два орла с распростертыми крыльями.

Над склонами гор, над перевалом, над нами, затаившимися в кустах, стала низко кружить, завывая моторами, «рама» – двуххвостый самолет-разведчик. Черные кресты на крыльях и фюзеляжах, свастики на двух хвостах. Свастика обведена белой краской по всему контуру, а кресты черные на бледно желтых оконечностях крыльев и на таком же поясе фюзеляжей. Мрачная у фрицев символика. Все к тому, чтобы напугать человека, душу его заморозить страхом... Летает низко, гад. Рубануть бы его из ручного пулемета! Подосенов молчит, даже шевелиться не разрешает. «Рама» покружила над горами и ушла на север... Снова тихо. Я рассматривал в бинокль степь, Панарин приделал к телефонной трубке петлю из бинта, с ее помощью подвесил трубку к уху, а сам дремал, привалившись спиной к груше.

Время снова потянулось утомительно однообразно. Конечно, не то чтобы он, мятежный, просил бури или уж очень томился от скуки – в последнее время этих приключений было столько, что сиюминутный покой воспринимался даже как заслуженный отдых. Просто время не летело, не шло, а тянулось, и никто его не подгонял – пусть себе тянется. В данной ситуации это для нервной системы полезно.

Метрах в двадцати от нас под кустами мирно спал Бергалеев, Хорьков – этот успел выспаться и просто лежал на земле, смотрел в небо и тянул какую-то песенку из своего неизменного репертуара:

*Течет речечка, да по песочечку,
Бережочки моет,
А молодой жулик, молодой жулик
Начальничка просит:*

*«Ты, начальничек, начальник,
Отпусти до дому.
Ох, наскучило, ох, наскучило
Парню молодому!»*

*«Отпустил бы я тебя,
Да боюсь, не прийдешь.
Ты напейся воды холодной –
Про любовь забудешь!»*

*«Пил я воду, да пил холодную,
Пил не напивался,
Любил жулик проститутку,
Ею наслаждался».*

Бесконечно тянул Хорьков. Меня он подчеркнуто игнорировал и вообще не признавал над собой никаких старших, за исключением офицерского состава. Меня раздражал его дребезжащий голос, раздражали его песни и он сам, но я ничего не говорил и связываться с ним не хотел не потому, что его боялся – после всего пережитого в боях чувство боязни несколько притупилось, но будет хуже, если разгорится у меня с Хорьковым какая-нибудь свара по-пустому, ничего не значащему поводу – услышат ребята, соберутся, и я со своими претензиями покажусь всем смешным, отстаивающим свое временное право командовать. Хорьков это тоже, наверное, знал, парень он опытный и не совсем глупый. Он подчеркнуто не обращал на меня внимания и пел, бесконечно повторяя одни и те же слова незатейливой песенки.

Минут через сорок на НП пришел Ванька Подосенов, он свалился на бок у ствола груши и спросил:

- Ну как здесь?
- Плохо видно, Иван. Снова дымка какая-то ползет по степи.
- Ну-ка дай бинокль.

Подосенов взял бинокль, подстроил окуляры под свои глаза и долго просматривал склоны гор, степь. Потом вернул бинокль и сказал:

– Действительно, видно неважно. Ты за Новой Москвой смотри – там ребята. Мало ли что там случиться может.

Подосенов помолчал, послушал, как связист проверяет линию и собрался уже уходить обратно к дороге, но вдруг спросил:

- А у тебя ракетница есть?
- Нету.

– Тоже мне гусь! Тебе ж приказал Ласточкин в случае опасности дать красную ракету.

- Так это он нам всем вместе приказал.

– Не вместе, а конкретно тебе. Ты здесь на НП старший, тебе и приказано. Значит, нет ракетницы?

- Нету.

Подосенов плюнул с досады и пошел вниз к дороге, а я расстроился. Как же это я дал такого маху? Ну что мне стоило сразу спросить об этой проклятой ракетнице? Что теперь делать? А если действительно немцы полезут? Ситуация! Правда, у нас есть проводная связь, но нитку может перешибить, да мало ли что...

По всей видимости, Хорьков слышал этот разговор, и когда Подосенов ушел, он неторопливо поднялся, вразвалочку подошел ко мне.

- Дай-ка я позекаю.

Он протянул руку к биноклю. Я дал ему возможность «позекаль». Тот посмотрел в степь, на горы Большого Кавказа и особенно пристально на Заманкул, на поселок, что был у нас за спиной.

– Гы! Ей-бо, гонят. Пользительная это штука – бинокль.

– Кого гонят?

– Да это я так. Козу пацаны гонят... Ну что, начальник, как же это ты остался без ракетницы, как теперь сигнал подашь?

– Ничего, обойдемся.

– Смотри. Ты все-таки какой-никакой, а начальничек, с тебя и спрос! – подлил масла в огонь и замолчал – дает мне время прочувствовать. А потом вроде бы нехотя предложил:

– Выручить тебя что ли?

– А у тебя что, ракетница есть?

– Во деревня! Да я тебе, что хошь найду. Мне до роты слетать – пара плюнуть... Ну, а не хошь, тогда как знаешь. Я особо-то не набиваюсь, у меня ноги-то не казенные.

Не хотелось мне связываться с Хорьковым, парень он ненадежный, от него одни неприятности, но и без ракетницы плохо. Сейчас вот тихо, а дальше – поди знай!

– Давай, жми. Только быстро. Чтоб через пару часов вернулся!

– Сразу видать – начальник! Ни хрена не знает, даже где она, эта рота, а два часа, так сразу определил. Здесь два часа в один конец топать! С горы так ладно, а в гору?

Но, видимо, боясь, что я раздумаю, он кинул за спину автомат, взял с собой свой тощий вещмешок и пошагал напрямую, по линии связи.

У времени есть странное свойство: оно может сжиматься в мгновения и может тянуться до одури медленно. Сейчас оно тянулось. Я упорно смотрел в бинокль, но только однажды заметил столб белой дорожной пыли в стороне Плановского. Что-то двигалось по дороге в нашем направлении, но рассмотреть подробнее мешали придорожные посадки и синеватая дымка над степью. Рядом со мной пристроился Бергалеев, плечистый, могучий татарин. Он был лет на шесть старше меня, внешне очень спокойный, невозмутимый человек с широкоскулым лицом, на котором в хитром прищуре блестели темные глаза. С нашего НП отлично был виден Казбек и я не удержался от искушения – направил на его шапку полевой бинокль. В хрустально чистой синеве сверкала его вершина и в бинокль отчетливо было видно, что над его седой головой развевался, очень медленно шевелился и уплывал влево какой-то белый шлейф, словно благородную седую прядь волос трепал ветер. Красиво! Дух захватывает, как красиво!

Я дал бинокль Бергалееву, тот посмотрел и тихо сказал:

– Ветер белый волоса вьет. Однако, вьюга там.

Ребята у дороги занялись сухим пайком, ну и мы решили не тянуть с этим делом. Не успели мы закончить обед, как увидели на дороге из Илларионовки поднимающуюся повозку и двоих сопровождающих бойцов. Я предупредил Подосенова, чтобы случаем не пугнуть эту повозку. Повозка приближалась, теперь ее видели и остальные ребята, что были у дороги. Двое бойцов шагали за повозкой с автоматами наизготовку. Подосенов подпустил их метров на тридцать и вышел на дорогу. Повозка мгновенно остановилась, а двое бойцов вышли вперед. Подосенов, не скрывая ухмылки, крикнул:

– Ну чего встали? Злякались мать вашу за ногу!

– Пропуск? – вдруг спросил один из бойцов.

– Чего-о? – протянул Подосенов. – Так это я тебя должен пропуск спрашивать, а я по вашим мордам вижу с кем имею дело. Давай, проходи за перевал и нечерта здесь маячить, да еще повозке. Были бы мы немцами, то уж давно перестреляли вас к шуту.

– Н-но! – дернул вожжи ездовой.

Он оказался мужиком наиболее сообразительным. В повозке были раненые, они тоже настороженно смотрели на нас. Ездовой перевалил за склон горы и остановился. К ним подошел Подосенов.

– Все тяжелые, – кивнул на них головой ездовой. – А нас пугали, что не проедем, будто немцы здесь.

– На перевале их нету. Здесь мы с ночи сидим.

- Сказывали будто связистов перебили.
- Было такое. Только это не на перевале, а ниже к Илларионовке. Какие там новости-то?
- Веселого мало. Воевать некому. Сегодня утром еще какие-то фрицы на нашу роту из лесу напали. Потери большие. Сонных они нас били. А одного фрица, здорового такого, наша баба санинструктор шлепнула. Ухо у того фрица в кармане нашли.
- Какое ухо?
- Человечье ухо, отрезанное. В кармане, гад, носил... для памяти, значит.
- Ни хрена себе коллекция! – Удивился искренне Подосенов.
- Вот так-то! И чего через перевал не велят! – посетовал ездовый.
- Ладно, ребята, поезжайте. Здесь Заманкул уже рядом. Обрато поедешь так имей в виду, что одна наша группа лес прочесывает. Где-то еще группа немцев бродит. Домик отдельный проезжали?
- Да.
- Вот это и было самое опасное место. Да ни шута, мы их отсюда выкурим.
- Дай вам бог! Н-но!

Повозка с ранеными тронулась под уклон, покатилаьс ходко. Сопровождавшие бойцы едва поспевали за повозкой, свои автоматы они теперь закинули за спину.

Текло время. Солнце зависло над Большим Кавказом, над степью загустела голубая дымка. Теперь там ничего не увидишь, и бинокль до самого утра будет бесполезным. А Хорьков все еще не возвращался. Где он, гад, только шляется?

* * *

Группа Суменкова, состоявшая из десяти разведчиков, быстро спустилась с гребня хребта к самой кромке старого леса. Здесь было жарко и тихо, только в стороне Илларионовки трескуче рвались мины. Сашка решил повести группу самой кромкой леса к Новой Москве, потом обратно, прочесывая таким образом эту местность.

– Смагин и Кудряш, в головной дозор. Смотреть в оба и двигаться к Новой Москве.

Двое морских пехотинцев, или, как говорили раньше, два матроса береговой обороны, пошли первыми. Отпустив их метров на пятьдесят, за ними двинулись остальные.

В том положении, в котором находился отряд Суменкова, головной дозор представлял людей, которые первыми могли напороться на засаду противника. Сейчас днем немецкие автоматчики отнюдь не загорают, они прячутся. Шансов на то, что головной дозор первым обнаружит противника, было очень мало. Первая автоматная очередь, направленная в грудь обоих ребят, и была бы для остальных сигналом, что впереди противник. Смагин и Кудряш понимали это, но кому-то нужно быть первым, быть в головном дозоре! Они шагали вперед осторожно, но твердой, уверенной поступью и зорко осматривали опушку леса и островки деревьев на полянах. Каждый из них понимал, что малейшая промашка с их стороны будет стоить им жизни, но шли!

Над этим феноменом человеческой души еще будут гадать ученые потомки. Но тогда и в мыслях не было, что найдутся словоблуды, которые будут искать разгадки самоотверженности в нелепых сказках о свирепых заградотрядах, о фанатизме, о слепой преданности вождям... Какая чепуха! Какой мерзостный поклеп и оскорбление отцовских и дедовских могил, памяти павших!

Смагин, Костя Кудряш, да и все остальные добровольно пришли в разведроту, отлично представляя себе, с каким риском сопряжена жизнь разведчика. Какой еще заградотряд мог быть за спиной разведгруппы. На нейтралке заградотрядом была только совесть и чувство долга. Люди видели смертельную опасность, они шли на нее сознательно, надеясь на его величество случай и на своего товарища.

Отряд прошагал около часа, и группа вышла почти точно к Новой Москве. Здесь решили устроить перекур. Правда, сам Суменков вместе с тремя разведчиками решили еще раз в светлое время суток осмотреть этот домик, сарай и сад.

Две катушки кабеля по-прежнему валялись в зарослях высокой крапивы, возле сарайчика. Внутри сарая лежала проволока длиной метра четыре, концы которой были связаны узлом. Телефонный кабель состоит из нескольких стальных жил и одного медного провода. Стальной провод пружинит, его трудно переломить, невозможно разорвать руками, но ребята заметили, что петля эта немного смята по бокам, как будто из нее еще делали и удавку.

Изоляционное покрытие кабеля было явно в крови, кровью была забрызгана старая солома на полу сарая, следы крови вывели ребят через сад на край крутого обрыва. Глубоко внизу, в распадке, был лес. Отсюда, как с самолета, были видны только кроны деревьев, уже тронутые осенней желтизной. Над распадом кружили два орла, они летали ниже ребят, на солнце сверкали темно-коричневые перья на крыльях хищников.

– Падаль чувт, – предположил Авдеев.

– Хлопцы, ось побачте-ка! – удивленно и тихо прошептал Колька Смагин, указывая вниз пальцем.

Там на очень крутом откосе был виден труп человека. Видно падая, он зацепился за росший внизу какой-то куст. Смагин заметил только ноги человека, перемотанные обмотками и подошвы ботинок.

– Может, еще живой? – предположил кто-то.

– А может, это тот второй связист?

Всех словно током ударило. Всех поразила страшная догадка, а на душе было нестерпимо тяжело, будто и они, разведчики, были причастны к преступлению.

– Гришка, бегом тащи сюда катушку провода! – приказал Суменков.

На этом телефонном кабеле, сложенном вдвое, вниз спустился Колька Смагин. Первым вытащили труп, вторым – Кольку. Документов в карманах убитого не было. От трупа шел уже тяжелый запах. Это был наш боец, руки у него были связаны телефонным кабелем за спиной, на лице следы страшных, изуверских побоев: оно было искалечено до неузнаваемости, вся голова и гимнастерка залиты кровью, на шее синие следы и ободранная кожа от петли удавки, на теле несколько ножевых или штыковых ран и еще... У трупа, вернее еще у живого человека, было отрублено ухо, потому что на щеке и на шее запеклась кровь...

Все ребята были ошарашены следами жуткого преступления. Разведчики видели многое, но это было следами жестоких, нечеловеческих пыток... Теперь разрозненные факты трагических событий со связистами выстроились в единую, взаимосвязанную и страшную цепь. Теперь неопровержимо понятна была и роль найденной в сарае проволоки. Похоронить связиста ребятам было некогда – проческа местности требовала времени, а день кончался. Вдобавок в доме нашли только одну страшно ржавую лопату со сломанной ручкой. Труп связиста положили у дороги рядом с домом. Суменков выдрал из полевого блокнота страничку желтоватой бумаги и написал: «СВЯЗИСТ 60-й ОСБр, ЗАМУЧЕННЫЙ И УБИТЫЙ ФАШИСТАМИ». Приписал дату смерти бойца и прикрепил записку к окровавленной гимнастерке трупа. На ноги убитого положили злосчастную удавку, рук развязывать почему-то не стали.

Ребята молча постояли возле убитого, и когда все надели пилотки и собрались уходить, Колька Смагин прохрипел:

– Ну, попадитесь мне!

Разведгруппа еще долго бродила по лесу, но напасть на след врага им не удавалось. Приближался вечер. Внизу у Илларионовки постепенно затухала перестрелка. Последние лучи солнца скользнули по вершинам гор, в оврагах сгустились сумеречные тени. В каком-то овражке остановились отдохнуть и перекурить в последний раз, а потом,

уже не торопясь, решили подниматься к перевалу. Немецких автоматчиков встретить не удалось.

Стемнело. Вызвездило небо и сразу стало холодно. Ночь обещала быть темной. Тронулись в путь и теперь уже головной дозор решили далеко не отпускать – все равно его не видно. Шли тихо и очень осторожно, понимая возможность неожиданной встречи с отрядом противника. Где-то рядом нудно и долго выл шакал.

– Проснулся, сволочь! – проворчал кто-то из ребят в адрес недоброго зверя.

– Тихо вы там! – шепотом одернул Суменков слишком разговорчивого товарища.

Шли с зауценно короткими остановками: метров пятьдесят вперед – и остановка. Все напряженно вслушивались в ночную тишину, в непонятные шорохи, крики каких-то ночных птиц, которых еще не распугала война. Все команды выполнялись молча и четко. По своему характеру Суменков был не то чтобы замкнутый, а просто не любил много рассказывать о себе, но во всем остальном это был простой и добрый «старик» примерно тридцати лет. Сашка был выше среднего роста, физически очень крепкий и выносливый парень, смуглый, словно всю жизнь на берегу Черного моря прожил. Осторожность Суменкова никак нельзя было поставить рядом с нерешительностью, он умел напористо и зло идти на разумный риск, а в нужный момент словно взрывался. Ласточкин ему доверял полностью, доверяли ему ребята больше, чем командиру роты, но вот Натынов его недолюбливал...

С неба лился странный звездный свет, глаза привыкли к темени и стали немного различать отдельные предметы, островки деревьев на полянах. Стоп! Остановился головной дозор, но руки никто не поднял, не пригнулся – значит, тревоги ребята не видят, их остановило что-то другое.

– Тропа какая-то. По ней что ли? – спросил Костя Кудряш.

Суменков остановился, послушал и прошептал:

– Давай чуть правее.

Прошли еще метров пятьдесят и снова остановка.

– Что еще?

– Вон, костер на горе.

– Должно быть, наши жгут. Теперь до перевала недалеко.

Спроси кто-нибудь Суменкова, почему он не пошел по тропе, он не ответил бы на этот вопрос – вот показалось ему, что не стоило по ней подниматься и все тут. Ребята неторопливо поднимались в гору правее тропы вдоль зарослей кустарника. Вдруг головной дозор остановился, кто-то из двоих невольно отступил на шаг назад, видна тень поднятой руки – тревога! Впереди что-то есть. Пальцы ребят привычно легли на спусковые крючки автоматов. Крадучись, предельно осторожно ребята еще немного продвинулись вперед и замерли возле кустов. Вначале ничего не было слышно, и никто ничего не видел. Но неосознанная тревога, слепое звериное предчувствие подсказывали, что в темноте что-то есть – тоже осторожное и крадущееся. Действительно, сверху донесся еле уловимый непонятный шум. Что это? Снова тихо, а потом шум донесся уже явственнее – кто-то, видно, поскользнулся на крутом спуске, послышался шум шагов. Разведчики как шли цепочкой, так и развернулись в сторону невидимой тропы. Шум внезапно затих. Кто-то там тоже остановился и вслушивался в настороженную тишину. В этот момент снова завыл шакал... Вот ведь гад! Нашел время. Шакал замолк, а сверху теперь отчетливо слышались шаги идущих навстречу людей. Очевидно, их было много. Что делать? Кто они? Внизу у Илларионовки еще ведет бой наш батальон. Может быть, это наш отряд торопится вниз на подмогу? Тогда почему они идут не по дороге? Если это немецкие автоматчики, то почему они идут сверху? На этом склоне гор возможно буквально все. Шаги слышны теперь отчетливо. В темноте послышался сдержанный шепот. «Хальт!» Шаги мгновенно прекратились. Может, кто из наших дурака валяет? Наши ребята осторожно легли на землю, но как ни старались, встречные люди уловили шум.

– Вер ист? – слышался тихий шепот.

В этот момент снова завыл шакал – тонко, протяжно, жалобно. Повыл и затих. Молчали и люди. Впереди чуть звякнул металл оружия. Ничего не видно. Все скрывает ночь. Очевидно, идущие сверху люди тоже присели и пытаются всмотреться в слепую темень. Все бывает довольно понятным на обычной нейтралке, а вот в данной ситуации... Этак и своих пострелять можно... Но все-таки ребята уже дважды слышали немецкие слова. Ошибки не может быть... Снова доносится шепот, но слов разобрать нельзя. И вдруг команда:

– Форвертс!

Шаги совсем рядом. Стали видны нечеткие силуэты людей. От засады их отделяло теперь метров пятнадцать. Для раздумий не оставалось времени, но Суменков еще что-то медлил. Вот проходят уже последние, сзади них больше никого не видно. Перестраховываясь уже на самый крайний случай, Сашка окликнул:

– Стой!

Он окликнул тихо, но голос его прозвучал словно раскат грома. Люди на мгновение остановились, и тут же вместо ответа брызнул пламенем пистолетный выстрел.

Словно по команде разорвали ночь злые автоматные очереди. За вспышками выстрелов своих автоматов ребята не очень отчетливо видели цель, но они стреляли по вражеским вспышкам. Крик, стоны, сплошной автоматный треск... Ребята не могли промазать с такого расстояния, несколько человек упало. В ответ тоже сверкали выстрелы, но вражеские очереди были неточными. Страшный по своему накалу бой продолжался не более двух минут. Снизу еще стреляло несколько автоматов, но туда полетели гранаты, и звонкие взрывы прокатились по окрестным горам. Ребята заученно меняли свои позиции, им было удобно кидать гранаты вниз с крутого склона. Стрельба внезапно замолкла. Уцелевшие солдаты противника откатились вниз, а здесь слышался чей-то протяжный отчаянный крик.

– Авдеев, Бельтюков, Курочкин и Дубинин – вниз метров на двадцать и шарахнуть по кустам. Дальше не ходить. Остальным собрать документы и стащить раненых в кучу. Все у нас целы? Быстро! Быстро! – распоряжался Суменков.

Ребята безмолвно и четко выполняли команды. Через несколько секунд снизу доносилась плотная дробь наших автоматов, рвануло несколько гранат. Значительно ниже нас сверкнула короткая очередь шмайсера, и перестрелка замолкла. На тропинке и на траве чуть поодаль разведчики обнаружили четверых убитых и нескольких раненых. Двое были ранены очень тяжело – в голову, грудь, живот. Раненый в живот корчился на земле и кричал.

– А-а! А-а! – разносился страшный надрывный крик.

Вдруг в темноте раздался довольно громкий шепот:

– Братцы, так это ж свои!

Сказанные кем-то слова повергли всех в немое оцепенение. Своих побили! Как же это? Что ж это такое? Что ж теперь будет?! Случись все это днем, ребята увидели бы, какой смертельной бледностью вдруг мгновенно покрылось лицо Суменкова. Как ни темно, а ребята рассмотрели на убитых наши шинели, каски...

Над одним раненым склонился перепуганный насмерть Колька Смагин:

– Браток, ранен? Куда тебя?

Вдруг неожиданно и хлестко ударила короткая автоматная очередь – Смагин коротко вскрикнул и упал навзничь. Туда бросилась чья-то черная тень, слышался глухой удар, чей-то хрип, еще удар...

– Ребята, Кольку Смагина убили!

– Хлопцы, да ведь фрицы это. Переодетые они, гады!

Кто-то, остервенясь и пренебрегая маскировкой, чиркнул спичку (фонариков в то

время у нас еще не было). Под нашей шинелью у раненого был немецкий мундир. Суменков в это время бросился к Смагину, но Смагин был убит сразу, а немца, который стрелял в Кольку, кто-то приколол финкой. Суменков вытер в темноте с лица холодный пот.

– Авдеев! Стукни вниз еще раз покрепче и давай сюда! – крикнул Суменков в темноту.

Внизу снова треснули автоматные очереди... Двоих тяжелораненых оставили. Не дотащить их до перевала, да и там что с ними делать? Вернуться за ними немцы, значит, вернуться, а нет – так верная гибель этим фрицам под чужим небом в незнакомых горах.

– Может, добить их к едрене бабушке? – спросил кто-то из ребят.

– Как знаешь, – буркнул Суменков и теперь первым пошел вперед.

Сзади него выстрелов не последовало, добивать умирающих никто не стал, только все тише и тише стонал тот немец, который прежде кричал.

Сзади группы замыкающими шли Медвинский и еще кто-то из ребят. Остальные несли двоих раненых немцев и тащили убитого Смагина.

* * *

На перевале стемнело быстро. Внизу у подножья гор и еще дальше в степи беззвучно и медленно взлетали и гасли ракеты, еще дальше этих ракет чуть заметно шевелились огни пожаров. Далеко, у самого горизонта, все еще горела нефтяная скважина, на самой горе Заманкул, которая вымахала над землей почти на тысячу метров, горел большой костер. Немцев там не могло быть, это, конечно, наши жгли костер самым нахальным образом. Наверное, это правильно – чего ребятам мерзнуть, да и пусть гады знают, что мы их не очень-то боимся. Но вот здесь, на перевале, мы почему-то маскируемся. А костер, конечно, не помешал бы. Холодно. Становится очень холодно! На вершине Казбека меркнут последние розовые блики вечерней зари... А Хорькова все нет! Отпустил я его на свою голову. Ведь знал, что ничего он по-человечески не сделает, а вот отпустил. Нашел, кому верить! Будет мне теперь за этого хлюста.

Связист, сидевший с подвешенной трубкой, поерзал, а потом попросил:

– Ребят, поддержите кто-нибудь трубку, послушайте, а я сейчас, а?

– А чего ты?

– Живот что-то, да и устал сидеть. Размяться бы малость.

– Валяй. Но далеко не уходи, здесь где-то немецкие автоматчики шастают. Ты лучше устройся вон там, на дороге, и минируй ее – все какой-нибудь гад поскользнется.

Панарин с готовностью согласился с моей шуткой, а я взял нагретую им трубку и стал слушать далекие, живые шорохи какого-то нереального мира. Кто-то далеко и невыразительно повторял:

– Береза! Береза, ты слышишь, береза?..

Береза, наверное, не слышала. И вдруг где-то на линии раздался девичий голос. Мягкий, спокойный, он врывается в шуршащую тишину неожиданно и довольно громко, называл то одну неведомую мне позывную, то другую. Этот женский голос был дивом, сравнимым только с видением Казбека. Здесь, в этой окаянной и смертоносной пустыне – и вдруг женский голос! Конечно же, это необыкновенной красоты и достоинств девушка, которую не иначе, как караулит в пещере Кощей Бессмертный. А может, это обыкновенная симпатичная девушка, которая дежурит на каком-нибудь коммутаторе, получает регулярно нежные письма и никому их не показывает. Я понял из откликов этой девушки, что ее позывная «Волна» (вот ведь и позывная у нее необыкновенная, романтическая!) Недолго думая, я крутанул ручку на деревянном ящике телефонного

аппарата с единственной целью услышать девичий голос, обращенный непосредственно ко мне. Мне казалось, что я вовсе не стремлюсь к банальному телефонному знакомству, мне просто хотелось перемолвиться словом с далеким, неземным созданием.

– Алло! Волна, волна, – заговорил я в трубку и голос тотчас же откликнулся:

– Волна слушает.

Все точно, ее это голос – такой спокойный, бархатный и очень девичий.

– Волна, это Ласточка беспокоит...

– Одну минуту. Подожди, Ласточка...

Голос оборвался, пропал в мышином шорохе, а потом снова появился внезапно и близко:

– Слушаю, Ласточка.

Ух, черт! Что же мне ей сказать-то? Ведь скажет сейчас «дурак» и отключится.

– Девушка, милая, – заторопился я, – посоветуй, что делать. Нам старшина сухим пайком муку выдал, а что с ней делать никто не знает. Научи, дорогая, а то ведь с голодудохнем...

Голос пропал. Видно, моя собеседница проверяла по таблице позывных, что это такое «Ласточка». Вообще я девушке не соврал: старшина действительно выдал нам муку, чем нас изрядно озадачил. Лучшие умы роты предлагали собрать всю муку и обменять ее в Заманкуле на самогонку или на худой конец попросить местных жительниц испечь из нее чуреки. Но это были проблемы завтрашнего дня, а поговорить с девушкой можно было сейчас и, как мне показалось, предлог был весьма уважительный.

– Алло, Ласточка, слышишь?

– Слышу, слышу.

– Так чего ты хотел?

– Я говорю, что старшина нам сухой паек мукой выдал, а что с ней делать, мы не знаем. Вот и прошу – научи.

– Вот чудаки. Вода там у вас есть?

– Воды найдем.

– Так насыпьте в котелок муку, налейте воды, размесите, чтобы тесто было, не забудьте посолить, жирку добавить, а потом такие оладьи можно сделать! – А они, недотепы, еще раздумывают, что им с мукой сделать, эх вы! Растопите жир на сковородке...

– Милая, да откуда ж у нас здесь сковородка! У нас и котелков-то едва один на всех найдется.

– Оно и видно, что котелки у вас не у всех – с мукой сладить не можете! (Вот ведь язва девка). Растопите побольше жиру и кидайте в него тесто. Напечете пончиков – приглашайте на чай. Приду попробовать.

– Вот пришла бы, вместе бы и наделали!

– Вот-вот! С вами наделаешь и попробуешь! С вами такого напечешь, что потом долго хлебать придется!

В трубке послышался озорной девичий смех... И вдруг в разговор ворвался чей-то грубый, властный и, как мне показалось, вызывающе нахальный голос:

– Почему посторонние разговоры на линии? Прекратить болтовню!

Девичий смех мгновенно оборвался, как будто провод обрезали, как будто и не было никогда этого голоса, а грубый мужской все еще продолжал брюзжать: «Прекратить болтовню!» Слова-то какие! Грубо. Обидно и неделикатно!

Мне показалось, что кто-то из связистов влез в разговор и разрушил идиллию.

– Слушай, друг, ну чего ты там выпендриваешься? Чего ты в чужие разговоры лезешь? Это знаешь, как называется?! – с досадой и резко прокричал я в трубку.

– Что?! – возмутился мужской голос. – А ну, прекратить немедленно!

– «Прекратить... Немедленно...» Напугал тоже! Сапог ты необразованный!

– Что?! Кто это говорит?!

– Все говорят.

– Молчать! С тобой тридцать шестой разговаривает!

По глухому молчанию девичьего голоса я догадался, что этот грубый человек имеет какую-то власть. Видно, это и был тот самый Кощей из Заманкула. Таблицы позывных у меня под рукой не было, а сам по себе двузначный номер мне ничего не говорил. Однако мне было обидно, меня оскорблял этот тон, и я с мальчишеской запальчивостью ответил:

– А по мне хоть миллионный. Подумаешь! Один черт ты пень осиновый!

– Кто у телефона?!.. Я сейчас вызову тебя, да я тебя... – голос аж задохнулся от злости.

– Хрен ты меня отсюда вызовешь, и сам сюда не придешь, здесь стреляют, и такие, как ты, сюда не ходят...

– Я спрашиваю, кто у аппарата?!!

– Красная Армия у аппарата! Хватит тебе этого?

Я досадливо отпустил клапан трубки и положил ее на ящик аппарата. Настроение было испорчено.

Бергалеев сидел рядом, мои слова он слышал и поэтому спросил:

– Ты с кем эта говорил?

– Не знаю.

– Может быть, начальник?

– Возможно.

Мне эта мысль сразу не пришла в голову, а Бергалеев покачал головой. Появился Панарин. Он сел под грушевое дерево, спросил для порядка:

– Ну как здесь у вас?

– Нормально.

– Ну и хорошо.

– Слушай, Панарин, а кто такой тридцать шестой?

– А на что тебе?

– Да так просто.

– Ну, начальник связи бригады майор Карпилин, а что?

– Да я его пнем осиновым и еще как-то назвал.

– Брось разыгрывать!

– Слушай, он совсем правда говорит. И еще сказал, что он сапог, твой тридцать шестой, – подтвердил Бергалеев.

– Да вы что! – забеспокоился Панарин. – Чудики! Вы что, правда, что ли?!

Связист Панарин забеспокоился всерьез, а мы молчали, начиная понимать, что подвели товарища. А Панарин уже сердился не на шутку:

– Оставь дураков на минуту, так они натворят! Что теперь будет-то?

– Что твоя беспокоится? Что-нибудь да будет.

– Вот паразиты! Вы ж меня прямо под монастырь...

– Ладно, Панарин. Чего-нибудь до утра придумаем.

– Ух, сволочи!

Часа через полтора послышалась сумасшедшая стрельба где-то на склоне гор, ша-рахнули гранаты. Сомнений не было, что бой ведет Суменков, и невольное беспокойство закралось в душу – кто на кого напоролся? Если наши ребята на немцев – тогда беда, тогда будут потери. Подосенов приказал никому не спать и смотреть в оба, чтобы в ночной темноте не проворонить противника.

Только часа через полтора на дороге к перевалу появились люди...

Возбужденные боем, уставшие, разведчики разговаривали громко, все движения их были порывистыми, резкими. Они притащили на перевал тело убитого Смагина и

двух раненых немцев. У Смагина в сердце четыре автоматные пули – с ним, к сожалению, все понятно. С ранеными немцами возился Петренко. Тяжело раненный в грудь и в плечо немецкий солдат тихо стонет, в груди у него что-то хлюпает, похоже, что он тоже не жилец. Другой ранен в обе ноги, смотрит на нас настороженно, затравленно.

– Петренко, стащи с них наши шинели к едрене матери! Вырядились, гады! – зло бросил Суменков и направился к телефону. Связист Панарин откровенно спал, привалившись к стволу дерева, а мы с Бергалеевым стучали зубами от холода. Связисту хорошо – у него шинель.

Суменков толкнул телефониста и сказал:

– Эй, нерв войны, давай мне Натынова или Ласточкина.

Храп Панарина оборвался, он торопливо поправил трубку у уха и загудел:

– Алло! Волна, Волна!...

Связи не было. Он дул в трубку, снова кричал Волне, но по всему было видно, что дело это безнадежное.

– Ну, ты что? – недовольно спросил Суменков.

– Да вот связи нет. Похоже, обрыв на линии.

– А какого хрена ты сидишь?

– Так у нас порядок такой. Они должны...

– Я тебе дам сейчас – порядок. Здесь я порядок устанавливаю. Связь нужна. Бегом, понятно?

– Да я что! Я сейчас, мигом...

Панарин взял свой карабин, повесил его на плечо, запихнул в карман контрольную трубку и пошел было по нитке, но Суменков остановил его.

– Постой-ка. Где Хорьков?

Вопрос относился ко мне.

– В роту я его послал.

– Зачем?

– За ракетницей. Ласточкин приказал в случае тревоги на перевале дать красную ракету, а ракетницы у нас нет.

– Давно послал?

– Да недавно пошел, – соврал я Сашке.

– Нашел, кого послать! Доверил козлу капусту. Этот хмырь теперь до утра не придет. Ладно. Подосенов, Ваня! Выдели одного парня побойчее со связистом по линии пройти. Порядок такой: по нитке пойдете метрах в пятнадцати друг от друга. Понятно? Смотреть в оба – похоже, что со связью фрицы балуют.

– Все понял.

– Пока у телефона ты посидишь, – кивнул мне Суменков.

– Нет, его не надо! Вон пусть Бергалеев сидит, – забеспокоился Панарин.

Суменков не стал спорить, Бергалеев так Бергалеев, какая разница. От дороги пришел Лешка Тарасов на помощь Панарину.

– Давайте быстрее, – подогнал их Суменков, а Бергалееву приказал:

– Как связь появится – крикнешь!

Откуда было нам знать, что возмущенный моим нахальным тоном начальник связи майор Карпилин сразу же учинил разнос той телефонистке, которая «позволила себе болтовню на линии», а потом он решил найти старшего по команде на НП с позывным Ласточка и примерно наказать грубияна, который нагрубил ему, самому начальнику связи. Однако майор не успел сделать задуманного – связь с Ласточкой оборвалась. Начальник связи знал о том, что в горах объявились немецкие автоматчики и ему показалось странным то, что связь с НП оборвалась в то время, когда не было никакого обстрела, и сама дорога к горам была совершенно пустой. Видно, со зла майор приказал командиру роты ночью на перевал по линии никого не посылать до утра.

Панарин нашел обрыв. Провод был явно перекусан и один конец его заброшен далеко в сторону. С превеликими предосторожностями ребята соединили провода.

В трубке у Бергалеева раздался шорох, потрескивание, а потом близкий голос Панарина спросил:

- Ласточка, как слышишь?
- Хорошо слышу. Это ты, Панарин?
- Я. Нашли обрыв. Приду, расскажу.

Панарин отключился от провода, но вскоре телефон зазуммерил снова, и недремлющий Бергалеев громко крикнул в микрофон:

- Алле!
- Что «алле», что «алле»! Ты кто такой?
- Бергалеев я, а ты кто?... Что?... Ты чего кричишь! Нет, связист моя есть. Слушай, какой тебе командир, война здес... Ты, что все кричишь, как ышак... Дело говоры... Тэбе что нада?... Правылны, приезжай, вместе оборону дыржат будым, а то кургом нет никого, фрицы одны... А крычат зачем?

Так уж случилось, что мы дважды подвели связиста Панарина и ему попало за это. Уже утром попало, но наказать его тяжелее, чем послать вместе с разведчиками на перевал, где только вчера погибли два связиста, было просто невозможно. Подумав, тридцать шестой оставил Панарина вместе с нами в этом гиблом месте, а за проявленное нами обидное неуважение к властям предержавшим, он взгрел командира роты связи, а с нами решил расправиться руками Натынова. Забегая вперед, скажу, что бедному Панарину еще долго не везло по службе.

Как только появилась связь, Суменков разыскал начальника разведки, доложил ему обстановку и результаты поиска. Натынов обещал приехать на перевал самолично. Вернулся Панарин. Мы не стали расстраивать парня рассказом о новой стычке с его начальством, хотя Бергалеев был искренне убежден, что он был до предела вежлив и выдержан в разговоре с начальством!

На перевале все успокоилось, только было очень холодно, просто убийственно холодно! Все ждали наступления дня. Получается до смешного странно: ночью мы ждем солнца, чтобы согреться, а днем ждем ночи, чтобы отдохнуть от бесконечного боя.

Я успел заметить, что рассветы в этом благословенном и поруганном войной крае необыкновенно красивы. Ночью яркая звездная россыпь покрывает небо, сотворенное из черного бархата. Замирает в неподвижном воздухе черная листва на черных деревьях. Природа готовится к свершению таинства рождения нового дня. Торжественный ритуальный гимн свету начинает звучать здесь совсем не там, где должно взойти солнце, а на юго-западе. Небо совсем незаметно, вкрадчиво пропитывается густой синевой, тускнеют и гаснут звезды и только тогда там, на юго-западе, загорается нежным розовым огнем двуглавая, чудовищно огромная, снеговая шапка Казбека. Свет, едва тронув седую вершину, опускается книзу, Казбек словно разгорается розовым и золотистым огнем. Это горное сияние рождается, как мираж, прямо в середине неба. От этого света становится видимой пыльная дорога, седая от росы трава. Только тогда небо на востоке начинает светиться смешением нежных акварельных зеленовато-голубых и розовых красок. Ночь еще прячется в оврагах, в распадках, наполненных синим туманом. В степи тускнеют искры дальних пожаров, потом вся широкая долина заполняется седым туманом, еще немного – и из-за гор брызнут расплавленным золотом первые солнечные лучи. Чертовски прекрасно это волшебство! Если бы еще не война, если бы было возможно вот этак спокойно увидеть такой рассвет и услышать гортанную горскую песню!

Мы с Бергалеевым отдежурили всю ночь попеременно. К утру Панарин несколько реабилитировал себя перед начальством сообщением, что разведчики нашли второго

связиста и положили его изуродованный труп возле дороги у Новой Москвы. С восходом солнца туда, вниз через перевал, прошел отряд связистов. У нас на перевале один из пленных, тот, что был ранен в грудь, умер. Его положили у края дороги на склоне, обращенном в сторону Заманкула, положили рядом со Смагиным. Теперь два лютых врага лежали рядом. Второй немец с трудом пережил ночь, лицо его было темно-серым, видимо, он много потерял крови. Теперь он обреченно ждал своей участи. Он немного знал русский и с большим трудом объяснил, что наши шинели и каски они поснимали с убитых возле Илларионовки. Их в отряде было всего четырнадцать человек. Этой ночью они спускались за перевал, переломили кабель связи, но в открытый бой старались не вступать – у них оставалось очень мало боеприпасов. Встреча с отрядом Суменкова была для них совершенной неожиданностью. Немец просил пить и ему дали воды. Между тем Хорьков с наступлением утра не вернулся. Это меня начинало тревожить. На кой шут я его послал?!

Неожиданно ожила наша дорога. С треском и стуком прокатили через перевал несколько подвод в сторону Илларионовки, прошли туда же две полевые кухни, а снизу потянулись подводы с ранеными. Дорога ожила. Мы понимали, что это заслуга группы Суменкова, правда, сам он вряд ли задумывался над этим. К нам на НП поднялся Медвинский, лег под деревом, закурил и спросил:

– Ну, как вы здесь?

– Да вот сидим, как дураки. Ночью с начальником связи полаялись нечаянно.

– Ну и хрен с ним. Подумаешь! Ты знаешь, ребята вместе с документами у фрицев целую кипу фотокарточек вытащили – и все голые бабы. Хочешь, покажу?

– Нет. Смотри сам.

– Да мне тоже не нужно. Сейчас с фрицем разговаривал. Между прочим, говорит, что большие силы здесь должны быть собраны. Оказывается, этот перевал им шибко нужен. А раненый батальонный разведчик сейчас говорил, что они этой ночью «языка» взяли, как будто сегодня они с нами побеседовать собираются.

Раненого в ноги немца пристроили на проходящей к Заманкулу повозке. Недружелюбно и недоверчиво смотрели наши раненые бойцы на пленного. На переднем крае сейчас тихо. Обычной стрельбы и то не слышно.

– А ты гляди-ка, ведь по всей степи облачность пошла, – заметил Медвинский.

Действительно, под нами вся степь покрылась сплошной пеленой белых, как снег облаков. Мы были словно на острове. Только гора Заманкул да высокие горы Большого Кавказа высились над седым клочковатым морем. Даже поселок Заманкул, что сзади нас, и тот в седом тумане. Солнце начало заметно пригревать, когда на дороге из Заманкула показались всадник и едва поспевавшая за ним повозка. В бинокль было видно, что верхом ехал Ласточкин, а кто был в повозке, я не разобрал.

Ласточкин остановил коня за скотом, обращенным в сторону Заманкула, передал поводки уздечки своему ординарцу и поднялся прямо к нам на вершину. Сашка Суменков, увидев командира роты, подошел и доложил ему о ночном поиске и об обстановке на перевале. Ласточкин раздраженно махнул рукой:

– Да что этот ваш пленный стоит? Пленный у батальонных разведчиков – вот то пленный. Загораете здесь, забодает вас комары! Раньше доложить не могли о поиске? Хулиганить только мастера!

– Связи не было, товарищ лейтенант, – оправдывался Суменков.

– Хватит болтать. Связи у них не было! А какой дурак дважды начальника связи бригады по телефону облаял? Вы что здесь, вы где находитесь?! Вы в армии или на базаре? Что у тебя здесь за бардак?! Кто разговаривал с начальником связи?

Суменков был не в курсе дела, и воцарилось неловкое минутное молчание.

– Кто, я спрашиваю, по телефону разговаривал? – повторил вопрос Ласточкин.

Что делать, нужно признаваться. Вон и Панарин молчит и смотрит на меня – хватит у меня мужества ответ держать или нет.

– Я, товарищ лейтенант, – признался я Ласточкину.

– Ты? Ну не ожидал! Да ты как посмел! Ты что ж забыл, как по уставу отвечать старшему офицеру положено?! Да для чего тебя здесь посадили!?

– Да я...

– Молчать! За такие штучки я тебя завтра же из роты вытурю! До чего разболтались! Это ж надо, майора ишаком назвать! Ты думаешь, это тебе так пройдет?! Я тебя выучу свободу любить!

– Товарищ лейтенант, никто того начальника не обыжал. Это он шумел, а мы нет. Я только и сказал, что ты кричишь как ышак... – встрял в разговор Бергалеев.

Стоявший неподалеку Подосенов сел на траву, обнял свою голову руками и беззвучно смеялся.

– И ты?! – изумился Ласточкин.

– И я. Да ведь я только спросил чего он кричит как ышак, а я его не обыдел.

– Ну, компания собралась – один другого чище! Суменков!

– Слушаю, товарищ лейтенант.

– Смени обоих. К телефону их больше не подпускать. До чего разболтались! Ну, я займусь вами, я вас воспитаю! Где Хорьков?

– Я его в роту за ракетницей послал, – ответил я, решив: «А! Семь бед – один ответ!».

– За какой ракетницей?

– Вы приказали вчера в случае опасности на перевале выстрелить красной ракетой, а ракетницы у нас не было. Вот я его и послал.

– Когда послал?

– Ночью пошел.

– Сам додумался ночью одного послать? «Языка» немцам подарить решил! Не было Хорькова в роте, понятно тебе?

По этому поводу я не знал, что и ответить. Все оборачивалось скверно. Хорьков ушел еще засветло и вполне мог обернуться еще до рассвета, но не пришел, а здесь нарушенная линия связи, а немец говорил, что их группа была за перевалом... Может быть, он влип в засаду? Такое могло случиться, если он не валял дурака... Ребята настоженно слушали, как разносил меня Ласточкин.

Хлюст Хорьков вернулся примерно через полчаса после появления Ласточкина. К тому времени командир роты разрядился и немного успокоился. Правда, он все-таки скривил свои тонкие губы и презрительно спросил:

– Где был?

– В роте, товарищ лейтенант. Вот он послал.

Хорьков кивнул на меня и вытащил из кармана немецкую ракетницу и пяток патронов к ней.

– Где болтался столько времени?

– Дык, я шо? Я ведь только перед рассветом и пошел, – несусветно врал Хорьков, но спорить с ним никто не стал, только когда мы с ним вдвоем остались, я не выдержал и сказал ему:

– А ты сволочь, Хорьков.

– Шо? Салага! Я тебе язык-то прижму. Забыл, что за тобой должок?

– А ты меня не пугай.

– А ты, падла, помни.

Примирения у нас с Хорьковым не состоялось. Нас с Бергалеевым с НП прогнали, а Хорьков остался.

На подводе нам привезли два термоса теплой кукурузной каши и выдали по куску

вареного мяса. Мы уминали кашу, обменивались новостями, а они были тревожными. Тяжелая обстановка сложилась под Малгобеком: вроде бы там немцам удалось захватить этот городок и влезть в долину Алханчурт. С новой силой разгорелись бои под Эльхотовом.

После завтрака Ласточкин вызвал Мишку Осейкина и приказал ему отправляться в роту вместе со старшиной. Оказывается, Мишка до войны работал в системе нарпита. Повара нам не давали, поэтому Ласточкин то ли насовсем, то ли временно решил приставить Осейкина к ротной кухне, попробовать его силы. Что говорить – повезло парню.

События побежали своим чередом. Нас с Бергалеевым сменили, вручили торжественно саперные лопаты, и мы начали долбить сухую каменистую землю, оборудовать себе стрелковые ячейки. Хорьков расположился под кустами, снял с себя поясной ремень с одним автоматным диском и двумя флягами, в которых что-то булькало, не иначе как рака.

Вместе с выкатившимся из-за гор солнцем проснулась и война. Грохнули первые взрывы внизу у подножья гор, потом загрохотало так, будто там разразилась гроза. Бой нарастал стремительно. Несколько снарядов рвануло в лесу ниже нас. Грязно-серый дым разрывов повис над деревьями, смешался с седым туманом. По перевалу немцы огня не вели, видно, облачность мешала. Ласточкин вместе с Суменковым и Подосеновым пошли куда-то на левый фланг. На НП остался вместе со связистом Хорьков и Лешка Тарасов. Мне было слышно, как зазуммерил телефон. Тарасов вначале что-то говорил, а потом я услышал, что он зовет меня.

– Давай скорей! – шипел Панарин.

Он протянул мне телефонную трубку и тихо предупредил:

– Смотри мне! Это восемнадцатый – начальник штаба, сам!

Я взял трубку и доложил, что рядовой разведчик Журавов у телефона. Трубка хрустнула, и я услышал холодноватый строгий голос:

– Сможете доложить обстановку?

– Так точно.

– Докладывайте.

– В районе Илларионовки слышна сильная артиллерийская и минометная перестрелка, несколько снарядов разорвалось в лесу на склоне гор. Сейчас с нашей точки вести наблюдение невозможно – над степью облачность или туман, и мы, как на острове...

– А чего вы там сидите?

– Нам было приказано оседлать дорогу на перевале.

– Спокойно у вас?

– Так точно, товарищ восемнадцатый. Ночью на склоне обнаружена группа немецких автоматчиков, переодетых в нашу форму. Численность группы была четырнадцать человек. Восемь уничтожено. Один взят в плен и отправлен с повозкой раненых. В районе Новой Москвы вчера вечером обнаружен изуродованный труп нашего пропавшего связиста.

– Ваши потери?

– Убит рядовой Смагин.

– Кто у вас старший?

– Лейтенант Ласточкин, товарищ восемнадцатый.

– В следующий раз военного звания по телефону не повторяйте.

– Слушаюсь, товарищ восемнадцатый.

– Позовите Ласточкина к телефону.

– Товарищ восемнадцатый, это займет минут пятнадцать времени – Ласточкин ушел на левый фланг.

– Передайте ему, чтобы сразу мне позвонил.

– Слушаюсь, товарищ восемнадцатый.

Я вернул телефонную трубку Панарину. Тарасов посмотрел на меня и одобрительно произнес:

– Ну, ты силен, гвоздь!

– Иногда у него получается, – заключил Панарин.

Ласточкин вернулся быстро, и я передал ему приказание начальника штаба. Лейтенант посмотрел на меня недоверчиво, зло. Ласточкин доложил примерно то же, что и я, добавив, что в его распоряжении осталось всего двадцать ложек, не хватает шанцевого инструмента. Потом Ласточкин долго слушал и повторял ничего не значащие «есть», «слушаюсь», «понял». Передав трубку Панарину после закончившегося разговора, Ласточкин стащил с головы пилотку и озабоченно скреб поломанными когтями свой белобрысый затылок. Весь его вид говорил о переживаемых тревогах и неприятностях.

А внизу продолжал нарастать накал злого боя. Там, под седой пеленой бушевала грозная артподготовка, и мы ждали неприятных для себя событий.

– Воздух! – слышались тревожные крики.

В небе появилась проклятушая «рама». Она начала кружить над склоном и приближалась к нам. Нам было приказано укрыться в кустах над осыпью, затихнуть и не стрелять по этому летающему крокодилу. «Рама» несколько раз пролетела над нами, но в этот момент дорога была пуста, никаких укреплений видно не было. Завывая моторами, самолет-разведчик отвалил от гор и ушел на север.

Ласточкин не разрешил нам разойтись, собрал всю группу вокруг себя и ввел в курс дела:

– Ну вот что, ваша спокойная жизнь кончилась! Отдохнули, выспались, забодая вас комары! Слышите, что внизу происходит? Немцы в наступление пошли. Наш батальон пока отбивается, но жмут на него сильно. В общем так, славяне, отсюда ни шагу! Вот здесь на этом перевале либо все ляжем, либо выстоим. Понятно?

Ребята молчали. Что тут скажешь...

– Обойти нас здесь могут запросто, – заметил Суменков.

Вообще Сашка прав: отряд автоматчиков мог почти безнаказанно перевалить через гребень в двух километрах от нас, и ничем мы не смогли бы ему помешать. Они могли зайти к нам с тыла, разогнать весь штаб бригады в Заманкуле и тогда уже не удержишься, тогда наша песенка спета! На замечание Суменкова Ласточкин смог найти только один ответ:

– Не обойдут! На то мы здесь и сидим. Всем проверить, подготовить оружие, дозарядить диски.

Эта команда означала конец всем душещепательным беседам. Оружие у нас было в порядке, мы с энтузиазмом взялись за окопы.

Тем временем разрывы мин и снарядов загрохотали в лесу и выше кромки старого леса. Дым разрывов сносило в сторону распадка, слабый ветер разгонял облачность над степью, и в ней появились первые мутно-синие окна, дорога стала оживать. Какое-то стрелковое подразделение торопливо шло к перевалу. Поравнявшись с нами, один молодой парень с хомутом скатки через плечо на бегу крикнул:

– Эй, сачки, воют там, внизу! Чего вы здесь-то делаете?

– А ты, милок, где до сих пор был, если воют там, внизу?

Что и говорить, Ванька Подосенов за словом в карман не полезет. В роте таких языкатых всего трое: он, Арабов и Медвинский. Снизу тащились к перевалу повозки с ранеными, и мы пытались узнать у них, что там происходит. Сообщения раненых были тревожные и разноречивые:

– Жмут, гады... От батальона ничего не осталось... А мы им как врежем!

– А тебя, друг, где цапнуло?

– В Илларионовке.

- Осколком?
- Пулей.
- Что, в Илларионовку немцы влезли?
- Влезли, гады. Бронетранспортеров много... У вас закурить, братцы, не найдется?

Ребята крутят сигарки, суют их в потрескавшиеся губы раненых. По крохам мы начинали представлять себе картину случившегося там, внизу. После сильной артподготовки противник перешел в наступление в направлении Илларионовки. Несколько его атак было отбито, но все же потрепанные, малочисленные роты четвертого батальона не выдержали концентрированного удара атакующих танков, бронетранспортеров и пехоты. Танки сметали огнем пушек и гусеницами все живое на своем пути. Тяжелые бронетранспортеры на гусеничном ходу шли следом за танками и свинцовым дождем поливали нашу оборону. Нашим артиллеристам и ПТРовцам удалось поджечь несколько машин, но огонь наших противотанковых средств на сей раз был слаб, а наступающих было много. Часть подразделений батальона откатилась в сторону Верхнего Курпа, а там тоже гремел бой. Часть наших бойцов отходила в горы, отбивалась в лесу от наступавших автоматчиков. В лесу бой стал затяжным и жестоким. Ни бронетранспортеры, ни танки не рискнули прорываться к перевалу по горной дороге в лесу, это рискованно. Вдобавок догадливые бойцы толовыми шашками свалили на дорогу порядочное количество деревьев и временно сделали ее непроходимой для техники. Автоматчиками велся упорный огневой бой. Туда не успевали подтаскивать боеприпасы и вывозить раненых. Через перевал, по дороге вниз то и дело скатывались повозки с боеприпасами и умные кони упирались на крутом склоне, приседали на задние ноги, старались удержать готовую раскатиться повозку, а обратно из последних сил, исхлестанные кнутами они тащили повозки с ранеными. В эту суматоху, дорожную пыль, в крики, матерщину и стоны ворвался звон и свист истребителей противника, дробный и гулкий стук их пулеметов... Там, на склоне, падали расстрелянные кони, опрокидывались повозки и вываливались из них беспомощные раненые бойцы, перемотанные белыми бинтами.

- Ну, теперь держись, забодай вас комарь, теперь не соскучишься!

Ласточкин метался от дороги к наблюдательному пункту, его кто-то требовал к телефону, он докладывал обстановку и всех заверял, что мы будем держаться на перевале до последнего. Можно было подумать, что главной нашей задачей было лечь костями, а не удержать сам перевал.

Время перевалило за полдень, облачность незаметно растаяла, но синеватая дымка мешала рассмотреть, что происходило внизу, в районе Илларионовки. Там что-то горело, серые и черные волокна дыма стелились над лесом, ползли в степь. Над горами появились двухмоторные бомбардировщики Ю-88, они шли стаями в двенадцать машин на порядочной высоте. Мы думали, что они пробомбят перевал, но они отвернули от гор и сбросили бомбы в степи. Перестрелка неотвратимо приближалась к нашему перевалу, и все больше появлялось повозок с ранеными, со все большим остервенением ездовые исхлестывали кнутами взмыленных лошадей.

К перевалу пришел Попов с каким-то капитаном, к ним присоединился Ласточкин, а через десять минут задерганный, нервный Ласточкин уже кричал в телефонную трубку:

- Так точно, товарищ восемнадцатый... Слушаюсь... Есть, никуда ни шагу... Все понял, товарищ восемнадцатый!... Никак нет... Что?... Нет, говорю, видно плохо... Степь бомбили... Плохо видно, товарищ восемнадцатый... Понял... Есть, товарищ восемнадцатый!

Ласточкин оставил трубку и, пригнувшись, побежал к дороге. Начальник штаба бригады предоставил Ласточкину всю полноту власти и полноту ответственности на перевале: он имел право и был обязан останавливать всех бойцов, которые отступали из Илларионовки. Но оттуда, снизу, пока никто, кроме раненых не появлялся. Наши бойцы

не бежали, они дрались до последнего, и пока были боеприпасы, они использовали трофейное оружие и снова дрались – останавливать было некого. Два небольших отряда, человек по 12-15 каждый, прошли через перевал из Заманкула. Мины и снаряды врага начали рваться уже на опушке леса, на полянах среди кустарника, вероятно, что и Новая Москва уже была захвачена врагом – с той стороны доносилась перестрелка. Попов, освободившись от капитана, приказал собраться в кустах на краю осыпи всем коммунистам и комсомольцам. Мы собрались. На нас, делая вид, что ничего не слышит, искоса поглядывал беспартийный Панарин.

– Товарищи коммунисты и комсомольцы, – начал Попов, кашлянул, а потом стал рубить чеканными фразами, – озверелый враг рвется в Северную Осетию. Над землей братского народа нависла смертельная угроза. Наш священный долг в едином порыве...

Вот хороший, смелый мужик этот Попов – сам видел, как он без красных слов мог под сумасшедшим огнем подняться первым и повести за собой людей в атаку, но как начнет говорить вот этак, то только с понтальку сбивает. Да ладно, бог с ним, главное, чтобы нам как-нибудь удержаться...

Ласточкин заметно нервничает, разогнал Панарина за то, что тот не откопал себе окопа. Здесь Ласточкин, конечно, прав. Из леса на склоне гор появились первые люди. По одному, по трое они карабкались по склону горы вверх, оборачивались, стреляли, падали и всем стало понятно, что там, в лесу, наши разрозненные, не имеющие между собой связи стрелковые подразделения не выдержали натиска противника, они отходят, и это уже свершившийся факт.

Ласточкин закричал Панарину, чтобы его срочно связали с восемнадцатым или даже с десятым. Нашу позывную, которую нам дали, видимо, по фамилии командира, знали связисты и соединяли со штабом мгновенно.

– Алло! Это восемнадцатый? Товарищ восемнадцатый, докладывает Ласточкин. Слева от дороги вижу разрозненные небольшие группы наших бойцов, они отходят к гребню высот... К гребню высот, говорю!... Так точно, товарищ восемнадцатый... Мой политрук... Будет исполнено, товарищ восемнадцатый... Так точно, буду докладывать!

Ласточкин ткнул в руки Панарина телефонную трубку с привязанной к ней петлей из старого бинта и тут же позвал Попова.

– Вот что, друг мой боевой, восемнадцатый приказал: бери троих ребят поздоровей и посмышленей и жми по хребту наперерез отступающим. Любой ценой останови их. Стреляй, если слушать не будут, забодай их комары! Нужно, чтоб залегли, остановились. Пусть отбиваются и ни шагу назад!

Конечно, обстановка складывалась критическая. Еще немного – и немецкие автоматчики вырвутся на вершины гор, тогда нам здесь не усидеть, тогда им рукой подать до Заманкула... Минуты решали нашу судьбу. Попов понял это. Он взял с собой Авдеева, Подосенова, Белякова, прихватил, конечно, Хорькова (Ласточкин не стал спорить – некогда), и все они побежали в сторону за обрезом хребта, укрываясь от наблюдателей противника. Нам приказано продолжать окапываться, только лежа, чтобы не маячить на виду у немцев. Возле Ласточкина собрались Суменков, Медвинский, Серега Мартынов, Вася Боев – все рассматривали развернутую топокарту, а командир роты говорил:

– Ну вот, накрылась наша оборона, конец ей! Нам приказано подохнуть, но отсюда – ни шагу. Попов сейчас этих вон охламонов задержит, а то они до Ирана добегут. Ну, дела! В общем так: в случае чего вот по этому обрыву уходим в лес... Партизанить будем! Леса здесь большие. Увижу, кто драпает без команды – пристрелю, забодай вас комары!

Мы уже привыкли к странной присказке своего командира, который повторял ее кстати и некстати. Во всяком случае, эта присказка была признаком, по которому мы определяли, что командир еще не очень разозлился. На НП вместо Хорькова Ласточкин посадил Серегу Мартынова – человека серьезного и обстоятельного. Мы с Бергале-

вым находились в обороне с остальными ребятами и не жаловались на судьбу – как всем, так и нам. Мы находились чуть выше проходящей дороги, здесь по краю крутого ската были реденькие кусты и какая-то высокая трава с метелками коричневых кисточек. Трава уже высохла, стала грязно желтой, а маскхалаты ярко-зеленые, их хорошо видно, это для нас плохо.

– Сидеть, не крутиться! Фрицы заметят – разнесут нас минами! – наставлял командир роты.

Взрывы мин загрохотали на скатах высот, возле дороги ниже нас, в общем, началось! Ребята старались ничем не выдать раньше времени своего присутствия, все были настороже.

Неожиданно на дороге показалась какая-то сумасшедшая повозка, тяжело нагруженная военным имуществом. Кони тяжело тащили ее по крутому склону, на передке стоял ездовой и стегал немилосердно лошадей по потным, лоснящимся крупам. Вслед за повозкой появилось человек пять бойцов, за ними еще человек восемь и еще небольшая группа.

– Во славяне драпают, во драпают! – констатировал Суменков.

На дорогу мы смотрели сверху вниз, хотя была она от нас в каких-нибудь сорока метрах. Мы решили на самом перевале не останавливать людей. Сразу за склоном ее остановил Суменков и еще двое наших ребят.

– Кто такие?

– Саперы.

– Где командир?

– Сзади, с последней группой идет.

– Подожди, друг, здесь самую малость, – сказал ездовому Суменков.

Тот с готовностью слез с повозки и сказал:

– А нам и не велено дальше драпать.

Кони, разгоряченные крутым и долгим подъемом, беспокойно перебирали копытами, всхрапывали, кожа на их боках мелко подрагивала. Саперы устало опустили на пыльную придорожную траву.

Командир отдельной саперной роты бригады старший лейтенант Орин, измотанный до самого последнего предела, остановился на перевале и кричал растянувшимся по дороге людям:

– Скорей, скорей, мать вашу! Возле брички привал. Ветренников, Губарев, давайте сюда ко мне. Никого не потеряли?

Орин свалился со своими командирами взводов рядом с Ласточкиным и сразу спросил:

– Привет, Ласточкин! У тебя воды не найдется?

Сапер был званием постарше, но держался непринужденно, ничем не подчеркивая своего превосходства, к тому же они давно и хорошо знали друг друга.

– Давно загораете? – спросил Орин, возвращая флягу.

– Со вчерашнего дня. А вы откуда сейчас?

– Из леса. В Иларионовке уже немцы.

– Начальник штаба звонил, просил звонить ему сразу, как только ты появишься.

– А у тебя и связь есть? Богато живешь!

Догадливый Панарин уже сразу взялся крутить телефонную ручку.

– Алло! Волна, Волна! Голубушка, давай восемнадцатого. Не торгуйся, давай быстрее, не то подольет тебе сейчас фриц кипятку под задницу... Алло! Восемнадцатый, – прошептал Панарин и протянул старшему лейтенанту трубку.

Командиры взводов терпеливо дожидались своего командира, укрываясь вместе с нами за мелкой порослью кустарника. Старший лейтенант поговорил совсем немного и вернулся к Ласточкину.

- Ну, что там?
- А! – махнул рукой Орин. – Злой мужик. Видно, и его достало.
- Что теперь делать будем?
- Делать всегда есть что.

Командир саперной роты повернулся к своим командирам взводов и говорил им так, чтобы слышал Ласточкин и все, кто находился рядом:

– Вот что, соратники, меня вызывает сейчас начальник штаба к себе на цугундер, а для вас задача такая: снять с повозки все противопехотные и противотанковые. Здесь занимают оборону разведчики, вы – левее. Окопаться немедленно. Мины будете ставить, как стемнеет, под прикрытием разведчиков. Противотанковые ставить на дороге и по ее бокам, проходы обозначить, как положено, и отсюда ни шагу. Теперь вот что, эту грушу срубить сейчас же, потому как это репер для немцев лучше не найти. После разгрузки повозку немедленно в Заманкул. Ищите старшину с продуктами и боеприпасами... Ты как, Ласточкин, не против такой диспозиции? Про овраги мы с тобой не забыли? Тогда пока.

– Что ж, славяне, занимайте оборону и чувствуйте себя как дома, забодай вас комарь, – добавил Ласточкин.

По нашему склону гор противник вел методичный артиллерийский и минометный огонь, однако его пехота на открытом месте не показывалась. Саперы начали окапываться. С левого фланга приходил Попов, у него там тоже человек восемнадцать набралось, так что теперь мы чувствовали себя поуверенней. Некоторые стали вспоминать про нашего старшину, а наш командир только подгонял нас с окопами. Копать лежать было неудобно, да и грунт здесь – дай бог! Лопата то и дело стучала о камни, откалывала от них светлые крошки, от железа летели искры.

Невысокую, густолистую и очень красивую молодую грушу, выросшую на самой макушке нашей высоты, саперы безжалостно срубили и бросили ее на обратном скате. Война и сюда принесла смерть, и даже дерево здесь совсем не исключение.

Мы привыкли уже, что мины рвались значительно ниже нашей обороны и внезапно близкий разрыв развеял иллюзию нашей безопасности. Мины загрохотали часто и близко на дороге, левее ее по фронту. Кого-то уже ранило... Разрывы ближе, точнее. Запахло толом...

– Фрицы идут! – раздался чей-то тревожный голос.

Вначале я ничего не видел, а потом рассмотрел цепь немецких солдат, которые неторопливо выходили из зарослей кустарника на склоне и шагали вверх к перевалу. Серо-зеленые мундиры, каски, автоматы у пояса. До цепи противника оставалось метров двести крутого подъема. Нас не поддерживала наша артиллерия, молчали минометы, и залегшие в обороне бойцы пока не открывали огня. Немецкие мины стали рваться за гребнем высот, а у нас на какие-то секунды воцарилась страшно напряженная тишина. Ласточкин посмотрел в бинокль и подал команду:

– К бою! Передать по цепи: не стрелять! Я стреляю первый!

Он напряженно смотрел на приближающегося противника. На сей раз немцы вели себя непонятно: обычно они не рисковали вот так – без достаточной подготовки вести наступление... Что случилось сейчас? Они либо спятили, либо считают, что все мы давно уже разбежались. Неужто мы их еще ничему не выучили?!

Немцев было не менее пятидесяти человек. Силы у нас сейчас уравновешены. Правда, у немцев есть еще минометы, но у нас зато наиболее выгодные позиции. Конечно, абсолютно спокойным никто из нас не был. В простой кулачной драке и то, бывает, сердце сожмется. К настоящему бою нельзя привыкнуть. Можно научиться владеть собой, можно собрать в кулак все свои нервы, но все равно напряжены в тебе все мышцы и не замечаешь, как сжимаются зубы, как сам себе кусаешь губы.

Цепь противника подошла ближе, уже слышны их гортанные, непонятные крики, отчетливо видны белые пряжки на черных поясных ремнях, те самые, на которых отштамповано «гот мит унс».

Немцы первыми ударили по гребню высот короткими автоматными очередями. Взвизгнули пули, взбили пыль с дороги, ударили в камни, скрикоштели и запели лютую песню смерти. Из мелкокося на склоне появилась еще одна цепь противника, которая была более многочисленной, чем первая. А мы-то успокоились! Конечно, с таким количеством немецких солдат нам рукопашного боя не выдержать. Противник близко и особенно кучно его солдаты идут вдоль дороги... Стучат в сердце секунды, подгоняют время... Ну!.. Ну!.. Вдруг – хлесткий огонь автоматов и винтовок обрубил секунды молчаливого и страшного напряжения. До немцев оставалось метров семьдесят, не больше! Цепь атакующих словно споткнулась, и тут ударил наш трофейный пулемет длинной злой очередью. Розовые струны трасс уперлись в цепь наступающих. Немцы падали на землю, а левее нас гулко затараторил станковый пулемет – это уже Попов дал жизни! Немцы явно не ожидали такого огня. Первую цепь врага выкашивали пули, и противник не выдержал, покатился вниз. Вторая цепь тоже остановилась и попятилась назад, поливая нас автоматным огнем. Скорее всего, это была разведка боем, и фашисты обожглись на этой затее – их атака захлебнулась. Из-за укрытий немцы ответили нам сильным автоматным и винтовочным огнем, откуда-то ударил вражеский пулемет, снова грохнули минные разрывы. Стон падающих мин, треск разрывов, шмелиное жужжание осколков, короткий визг пуль вжимали нас в землю, но больше всего, кажется, доставалось саперам. Нас измолачивали минут двадцать, потом выстрелы и разрывы мин начали стихать. Косые лучи солнца вызолотили пожухлую траву на склонах, посинели волокна дыма над лесом. Скорей бы кончился этот день! Впереди нас, это было хорошо видно, лежало около двух десятков убитых. А мы им все-таки врезали! Будут знать, гады!

На прощание немцы обстреляли нас шрапнельными снарядами. В воздухе разорвалось несколько снарядов, а потом все стихло. Видимо, наступление вечера не позволило немцам повторить атаки.

Вечером, когда Ласточкин давно уже доложил обстановку в штаб, когда на горе Заманкул снова разгорелся костер, к нам прикатила наша ротная новая кухня. Нам выдали по двести грамм вина, и Мишка Осейкин самолично кормил нас сразу обедом и ужином. Я подошел к кухне, протянул котелок и, смеясь, сказал:

– Миша, сыпь на меня и на Журавова.

– Гы! – усмехнулся Мишка, – ты брось свои штучки и голову не дури, но, учитывая проявленную доблесть в разговоре со старшим командным составом бригады, так и быть, дам еще полпорции.

Надо же, откуда-то узнал, гусь. После двухсот грамм вина на душе стало малость полегче. Мы почти все сидели на обратном скате высот и с наслаждением накуривались, зная, что там, на самой передовой, курить не разрешат. Тут я вспомнил о Панарине, которого, похоже, никто кормить сегодня не собирался. Я взял свой котелок и снова пошел к Осейкину. Тот посмотрел на меня, как золотая рыбка смотрела на неразумного старче.

– Ты чего?

– Миш, связист здесь сидит с нами, парень он хороший, ну а сухой паек свой он еще утром прикончил. Если у тебя там что осталось, а?

– Давай котелок.

От щедрой души Мишка налил горячего жирного борща почти полный котелок. Я притащил ужин Панарину.

– Ешь, Панарин! Хоть и облаял ты сегодня нас с Бергалеевым ни за что, но Родина тебя помнит, и мы не забыли.

Панарин был откровенно тронут проявленной о нем заботой.

– Ну спасибо, а то, понимаешь, утром я свой сухой паек добил, а в роту как мне оторваться, звонят тут разные... то тридцать шестой, то восемнадцатый...

Вечером саперы начали ставить мины, у дороги противотанковые, а левее – несколько рядов противопехотных, небольших, с виду даже безобидных, деревянных коробочек. На поле боя саперы выбрали двух раненых немцев. Одного из них удалось нашему санинструктору Петренко привести в сознание.

Едва успел уехать со своей кухней Мишка Осейкин, на дороге из Заманкула снова зацокали лошадиные копыта. Прискакал Натынов. Он взлетел прямо на бугор, лошадь беспокойно крутанулась на месте, вскинув голову. Подбежавший к коню Бергалеев привычно и ловко поймал поводки уздечки, а Натынов легко, по-спортивному, с шиком соскочил с седла.

– Ласточкина сюда быстро! – бросил Натынов непонятно кому, и кто-то побежал с шапки высоты вниз к дороге.

Я в это время оказался рядом с Панариным. Натынов подошел к связисту и вдруг спросил:

– Кто вчера ночью на НП дежурил?

– Я, товарищ старший лейтенант, – ответил я за Панарина, уже внутренне готовясь принять грозящую неприятность.

– Не старший лейтенант, а капитан! – поправил меня Натынов.

– Виноват, товарищ капитан, не знал еще. Поздравляю вас, товарищ капитан!

– То-то! Кто здесь из вас с начальником связи беседу вел, а?

– Я, товарищ капитан.

– Ты? Ну, силен! Как же это ты мог этак с майором разговаривать, а? Как ты его назвал-то?

Натынов стоял напротив меня и перебирал в руках ногойку. «Ну, сейчас огреет», – мелькнула в голове мысль.

– Да я уж и не помню, товарищ капитан. Я ж не знал, что это начальник связи. Говорит мне, что он тридцать шестой, а я откуда знал, что это такое... Ну, я и сказал, что по мне – хоть миллионный...

Натынов вдруг откровенно рассмеялся. Мне была абсолютно непонятна причина его смеха, но ежели смеется, то большой неприятности для себя я уже не ждал.

– Ну, а дальше?

Я еще не успел ответить, как на бугре появился Ласточкин. Он уже знал о повышении в звании Натынова и стал четко докладывать ему обстановку.

– Погоди-ка, лейтенант, здесь вот твой орел докладывает, как он начальника связи отбрил. У тебя здесь цирк, а не рота. Ну, так что дальше-то?

– Виноват, товарищ капитан, я бы не позволил такого, если бы знал...

– Да погоди ты! Не позволил, не позволил! Дальше-то что?

– Да дальше он сказал, что сейчас он сам придет и расправится со мной. Ну, а я ему ответил, что хрен он сюда придет, здесь стреляют...

– Так и сказал?

– Виноват, товарищ капитан!

– Ну, дает! А за что ты его ишаком назвал?

– Ишаком?

– Да, ишаком.

– Зачем она врет, зачем неправда говорит? – буквально взвился взявшийся откуда-то Бергалеев. – Я не называл ишаком, я просто спросил, зачем кричит как ишак...

Натынов снова непонятно чему рассмеялся. Вдоволь насмеявшись, он сказал Ласточкину:

– Вот дают, а! Ну рота у тебя, Ласточкин! Компания оторви да брось! Ты это того,

Ласточкин, ты этих архаров с передовой никуда не отпускай, и к телефону чтобы они оба близко не подходили. Будут спрашивать – скажешь, что оба убиты или ранены и отправлены к шутам. Хрен с ними! Ребят предупреди, чтобы лишнего не болтали. Понял, Ласточкин?

Они еще о чем-то говорили, а мы с Бергалеевым отошли в сторону – неудобно и опасно солдату маячить на глазах у начальства. Потом Панарин мне рассказывал, что когда наша группа ушла на задание, звонил начальник штаба, и очень хороший разведчик Лешка Тарасов как-то не очень складно доложил ему обстановку. Узнав, что на перевале находится Натынов, начальник штаба приказал позвать его к телефону. Тот подошел, доложил как надо и в конце разговора восемнадцатый спросил:

– Кто из разведчиков дежурил днем? Кто мне докладывал днем обстановку?

Натынов настроился на то, что начальник штаба будет упрекать его за разболтанность разведчиков и поэтому ответил неопределенно:

– Да был здесь один. Их двое дежурило.

– Где тот, что докладывал?

– А что такое, товарищ восемнадцатый?

– Я спрашиваю, где он?

– Убит, товарищ восемнадцатый.

– Когда убит?

– Убит при отражении атаки противника, а второй, что был с ним, ранен. Неважные были разведчики, разболтанные.

– Да? А мне понравился тот, что докладывал. Жалко, что убит. Раненых всех вывезли с перевала?

– Так точно. Всех вывезли, товарищ восемнадцатый.

Натынов отдал связисту трубку и недовольно бросил Ласточкину:

– Бардак у тебя в роте, лейтенант.

Командир роты понял, что тень неприятности была связана со мной и Бергалеевым, он что-то проворчал в наш адрес, и они спустились с Натыновым вниз, где караулил Бергалеев его стреноженного коня.

Разведрота получила задание этой ночью взять «языка» и уточнить передний край противника. Вторая часть задания представлялась нам сразу невыполнимой: какой может быть у них здесь передний край?! У немцев здесь, конечно, нет никаких окопов, скорее всего, что отдельные группы противника просто укрылись в оврагах или зарослях леса и кустарника и ждут утра. Кругом темнота, хоть глаз коли, звезд и тех не видно. Рассчитывать мы могли только на слепой случай, на вероятность удачи.

В разведку пошли две группы с одинаковыми задачами, командирами были назначены Подосенов и Суменков. Я оказался в группе Подосенова, которая должна действовать вдоль дороги в районе Новой Москвы. У нас в группе было всего семь человек.

Мы осторожно прошли по самому краю осыпи, не ступая на дорогу, там уже стояли мины, тучи заволокли небо. В такой темноте немцев можно было обнаружить только тогда, когда на них ногой наступишь. Мы понимали, что оказались в не очень выгодном положении, так как немцы, сидя в дозоре, непременно первыми услышат наши шаги и успеют подготовить нам встречу так же, как и мы им в прошлую ночь. Что делать – на нас могла работать одна только осторожность. Этой ночью даже шакалы не выли, видно, днем распугали их. Мы часто останавливались, вслушивались в тишину. Впереди далеко и глухо бил очередями дежурный пулеметчик. Иногда туман ниже по склону набухал тусклым зеленым или белым сиянием – это взлетали осветительные и сигнальные ракеты. Если в Новой Москве немцы, то они, конечно же, караулят дорогу. Мы взяли значительно левее дороги, потом долго лежали в траве и слушали. Ни единого звука! Подосенов

приказал нам с Мишкой Беляковым идти головным дозором к дому у дороги. Осторожно, предельно тихо мы подкрались к дому. В крошечной тьме мы не видели своих ребят, и они нас тоже, сигналом тревоги могла быть только автоматная очередь. Мы стояли у угла дома минут пять, но ни один звук не насторожил нас.

– Нет здесь никого, – тихо прошептал Мишка, и в это мгновение метнулась в сторону какая-то непонятная черная тень, послышался топот ног, треск изгороди и сухого бурьяна...

Это было настолько неожиданным, что мы оба невольно отскочили в сторону, готовые стрелять в сторону этого шума. Но все так же мгновенно затихло.

– Что это?

– А хрен его знает.

Что делать? Ребята, наверное, тоже слышали этот шум и где-то настороженно затаились. Мишка тихо, чуть слышно свистнул. Рядом кто-то откликнулся.

– Что там? – шепотом спросил Подосенов.

– Вроде никого нет.

– А кто плетень ломал?

– Хрен его знает. Возможно, кабан. Человек – вряд ли, человек стреляет.

Мы всей группой подошли к дому и ощупали его буквально руками. Немо! Никого там не было. Куда же провалились немцы? Неужто они отошли в Иларионовку? Не могло этого быть!

Пока мы гадали, с километр левее нас по фронту, в воздух взвилось несколько белых ракет и тут же, словно из мешка, выпала дробь автоматных очередей.

– Суменков должно напоролся, – прошептал Подосенов.

Нет, не ушли немцы в поселок, они где-то здесь, но почему-то оставили Новую Москву. Где ж они, стервецы! В стороне не смолкает перестрелка. Теперь немцы на склоне гор насторожились, теперь у них уши на макушке.

– Пошли левее, и вниз, – сказал Подосенов, и на сей раз не послал вперед головного дозора.

Не успели мы пройти и пятидесяти шагов, как впереди нас оглушительно звонко хлопнул выстрел ракетницы. Беленький огонек рванулся в небо, оставляя за собой короткий хвост маленьких искр, и в тумане вспыхнул ослепительно яркий магниевый свет, в его лучах засверкала каждая травинка, от кустов кругами поползли черные тени. Ракета упала сзади нас, мы лежали не шевелясь. Тут же за первой в небе вспыхнула вторая ракета, и ударили немецкие автоматы. Ракета упала на землю, выплевывая шипящие искры. Через несколько секунд снова слепая темнота и в ней колющие искры выстрелов. Мы не отвечали на огонь противника. Когда стрельба смолкла, мы неслышно отползли назад и в сторону. Похоже, нас немцы не обнаружили, но что-то заподозрили и для собственной перестраховки ударили из автоматов по подозрительному шуму.

– Пошли вверх к Новой Москве.

Мы цепочкой полезли обратно. Прошли порядочно, уже рядом должна быть дорога.

– Слишком вправо взяли... – прошептал Ванька, и неожиданный крик:

– Рус! Хальт!

И снова ракета. Здесь обнаружили нас точно, поэтому мы стреляем все в сторону крика, стреляем длинными очередями. Стреляют в нас, вокруг сплошные оглушительные хлопки выстрелов. Отстреливаясь, мы отбежали назад и в сторону. Потом полезли вверх по склону, а там, где мы были, сплошной автоматный треск, трассирующими бьет пулемет. Мы задыхались от быстрого бега по крутому подъему, но, по-моему, ушли. Нам не везет сегодня – уже два раза неожиданно наткнулись на немцев. Похоже, их здесь полно и им намного проще, чем нам, переловить или перебить на этом склоне всех разведчиков. Наверное, правду говорит Натынов, что никудышные мы разведчики.

– Что дальше-то? – шепчет кто-то из ребят.

– Подождем покамест, подумаем, – ворчит Подосенов.

Он тоже чем-то недоволен.

– Немцы оставили много убитых и раненых возле нашей обороны. Я фрицев знаю, они непременно пойдут за ранеными, – шепотом рассуждал Подосенов. – Давай к дороге и там покараулим.

Никто из ребят не спорил и не предлагал иного. Еще неизвестно, что из этого получится, но это был все-таки хоть какой-то план поиска. Снова очень осторожно мы пошли вверх, все круче забирая влево к дороге. Нам пришлось бы совсем плохо, если бы немцы не кидали ракет – их свет позволял ориентироваться. Мы вышли из полосы тумана и увидели далекий от нас костер на вершине горы – это тоже неплохой ориентир. На склоне гор снова воцарилась тишина... Наконец-то, вот она, дорога. Ниже осталась Новая Москва. На противоположной стороне дороги заросли высокого почти высохшего репейника. Мы знали, что за этой порослью начиналась опасная осыпь, крутая и бесконечная. Здесь, у дороги, мы и залегли в засаду. Убийственно долго и нудно потянулось время. Тихо... и становится холодно. Только бы не уснуть! Самое страшное сейчас – вот так взять и уснуть. Сейчас холодно, а что в январе или в феврале здесь будет! В феврале... Эк куда хватил! До февраля еще дожить надо, до него далеко, как до звезд, это время вообще кажется за пределами реальной жизни...

Рядом слышится тихий храп. Вначале я думал, что мне показалось, но в темноте послышался злой, негодующий шепот Подосенова:

– Врежь по шее, чтоб помнил!

Слышится несильный глухой удар, и храп мгновенно оборвался. Снова тихо. Мы лежим под кустами, напоминающими чем-то кусты орешника – сразу из земли много тонких стволов торчит... Говорят, что самое терпеливое животное это хищник – он может много часов подряд неподвижно лежать в засаде, караулить свою жертву. Мы чем-то похожи на этих хищников, только, кажется, мы во много раз хуже: зверь выходит на охоту, чтобы насытиться, его гонит голод. А мы почему? Хищник дает своей жертве шанс на спасение, если у нее быстрые ноги. А мы? Мы медлительны и неловки, но мы умеем посылать вместо себя пулю – быструю, молниеносную смерть. Мы научились оправдывать убийства. Люди выдумали для себя удобные молитвы, приспособленную мораль и само убийство возвели в ранг подвига. Все разумное в мире не смогло бы понять и оправдать его поступков... «Додумался! Дофилософствовался несчастный Пауст», – корю я себя. Справедливые войны – это вторично, а первично... «Ай, Фадя, боньба!», – испуганно кричал мне младший трехлетний брат Андрюшка еще совсем недавно, в августе прошлого года. Вот, что первично, вот, что расставляет все нужные акценты. Неожиданный удар по спине в одно мгновение стирает в сознании все философские мысли.

– Ты что, паразит, сопишь! – зло шипит Беляков.

Так и есть, снова уснул. Нагло спит солдат! Тихо. Ракеты почти не взлетают, время остановилось и никуда больше не движется. Чует сердце, что недалек рассвет. Нужно еще ухитриться вовремя убраться отсюда, а то досидимся – здесь, похоже, кругом немцы. Вот что делает проклятое время: за единую секунду можно снов досыта насмотреться, былое вспомнить, а их, этих секунд, бессчетное множество...

Затекло все тело, ноги онемели, пронизывает все суставы холод. Пора бы и уходить отсюда. Утро скоро. Чего там Подосенов тянет? Все уже ясно: никого мы не увидим. Охватят нас здесь пулеметным огнем.

Похоже, небо тронулось каким-то неуловимым предрассветным свечением. Сейчас я стал различать соседний куст, а раньше даже не замечал его...

– Тихо!

Что там еще? Ничего не слышно. За эти проклятые дни изрядно сел слух. Кажется, действительно какой-то непонятный шум... Елки-палки! Вот они, рядом! Их много. Впереди четыре черные тени, а за ними еще... Ванька Подосенов молчит. Уснул он что ли?!

Четверо проходят мимо нас, я отчетливо вижу их силуэты. Вот уже основная группа. Идут, пригнувшись, друг за другом, почти вплотную... Сколько их там?!

Оглушительно звонкая очередь разорвала тишину, и тут же ударили все семь автоматов... Крик, ответная стрельба. Со ствола автомата в стороны и вверх летят искры от выстрелов. Очередь! Еще очередь веером! Огонь наш неточен – прицелиться в такой темноте невозможно. Первые секунды просто свалка, беспорядочная стрельба и крики, но вот огонь противника становится плотным. Похоже, немцев здесь много. Очередь! Еще очередь! Вдруг оглушительно звонкий взрыв гранаты недалеко от нас, это хуже.

– Назад! Назад, мать вашу!.. – слышен голос Подосенова, а головы не поднять и кажется, что каждая пуля в тебя.

Мы нарвались на крупный отряд немцев, и они успели опомниться от неожиданного удара. Мы откатываемся, отбегаем от куста к кусту, отстреливаемся, но, похоже, нас прищучили – немцев неожиданно много. Отбегаем заученно – с колена очередь и в сторону. Пули щелкают по веткам, шлепают в землю, взвизгивают тонко где-то рядом... Скорее! Скорее! Особенно активно стреляют снизу. Я швырнул в ту сторону тротильный стаканчик гранаты. Взрыв! Вспышки выстрелов в той стороне погасли – это выигрыш целых двух секунд... Ребята нестройной цепочкой отбегают назад – и вовремя. По тому месту, где мы только что были, ударил длинной очередью пулемет. Разрывными бьют – по земле сверкают белые искры... Скорее! Теперь нужно брать в гору. Нас спасает темнота, она укрывает нас ненадолго. Немцы выстрелили вверх ракетой, яркий белый свет, полукружьем бегущие тени, трава сверкает под этим светом как спутанная алюминиевая проволока. Скорее! Скорее! Все куда-то стреляли, и я стрелял и отбегал дальше, с трудом успеваю следить за местом расположения остальных ребят. Мы бежали вверх по склону гор и держались все правее от дороги. Скорее! Но куда они? Там же минное поле! Подосенов, видимо, тоже об этом помнит и неожиданно он поворачивает резко влево, снова к дороге. Этот маневр нам удался, он нас спас. Немцы считали, что мы ниже и отходим вправо, они теперь преследовали призраки. Теперь мы снова идем цепочкой, молча и осторожно идем к дороге, к осыпи, которая очень похожа на пропасть... В диске, наверное, осталось не более десятка патронов. Очень уж высока скорострельность наших автоматов, не успеваешь диски набивать. Подосенов торопится. Правильно Ванька делает – фрицы сейчас ведь хватятся, поймут, что перед ними никого нет. Они могут еще найти нас, их гораздо больше, чем нас.

Мы торопимся к дороге, а она словно пропала куда-то. Прошло минут двадцать после того, как нам удалось оторваться от противника. Выстрелы смолкли, немцы поняли, что мы каким-то образом ускользнули от них. А дороги все нет. Нет и все! Проклятье какое-то. Вон он, огонь на Заманкуле, его видно, а дороги нет! А если немцы тоже догадались, что мы идем к дороге? Тогда они должны сделать на нас засаду, постараться опередить нас.

– Давай, Иван, пошаговитее, – кто-то шептал Подосенову.

Он прибавил шаг. Наконец-то, вот она, дорога. Мы поднялись по ней немного вверх. Слева чувствуется глубокая пропасть – тянет здесь свежий ветер. Видимо, недалеко уже и перевал.

– Стой, хлопцы! – хрипит Ванька Подосенов и останавливается под кустами с правой стороны дороги.

Все останавливаются. По тихим щелчкам слышно, что ребята меняют в автоматах диски.

– Все целы?

– Вроде все.

– Сейчас уже рассвет недалеко, – говорит Подосенов. – Давай на всякий случай еще и здесь покараулим. Самую малость.

– Не отобьемся. Много их здесь.

– А ни хрена. Здесь до нашей передовой уже недалеко. Нырнем за минное поле и порядок.

– Ладно. Ты только, Иван, не пропускай их вперед, а то они нас в эту пропасть загонят, – предложил Селиванов.

Так и сделали. Решили подождать. Снова залегли цепью параллельно дороге, метрах в двадцати от нее. Успокаивается хриплое дыхание уставших людей, только сердце еще лупит по ушам гулками ударами. Правда, светает. Облачность на небе, но все равно уже стала заметной белая лента дороги. Кустарник здесь совсем небольшой, похоже, впереди начинаются уже совершенно открытые скаты...

Стоп! Вон они! Шагов еще не слышно, но стало заметно, как зыбкие черные тени мелькнули по обеим сторонам дороги. Они ниже нас и, видимо, уверены, что нас здесь нет. Похоже, они решили подготовить для нас засаду. Что делать? Сейчас они наткнутся на нас. Перестрелки нам уже не избежать и не удастся отойти незаметно, а их много, опять много! Проходят торопливые секунды: одна, вторая, третья... Вот теперь уже отходить без боя невозможно, а лежим мы нескладно, надо бы поперек дороги. Теперь мы друг друга перестрелять можем.

– В первого не стрелять, – успел прошептать Ванька, но немцы не дураки, они почувствовали что-то, остановились и снова неожиданно хлопнул выстрел ракетницы... Очередь! Звонкая очередь нашего автомата – и началось. Снова гортанные крики, мощный автоматный огонь и головы невозможно поднять...

– Отходи наверх!

На наше счастье здесь дорога делает поворот, прижимается к краю пропасти. Еще достаточно темно, немцы не могут вести прицельного огня, но они наседают, и снова крики:

– Рус, хальт! Хальт!

Похоже, они уверены, что взяли нас в клещи. Подосенов делает неожиданный резкий рывок к дороге. Стрельба кругом и не разобрать уже, откуда в нас стреляют... Скорее, скорее! Мы явно не рассчитали своих сил – немцев здесь много и они отлично ориентируются на местности. Теперь мы бежим вверх по дороге, а немцы стреляют, преследуют нас и стараются обойти справа, обогнать, отрезать нам единственную возможность к отступлению. Скорее! С нашей стороны вдруг застучал пулемет «Максим». Глухое, грозное дудуканье прокатилось по горам. Трассирующие молнии сверкнули значительно правее нас, пулеметчик лупит, видимо, просто для острастки, но это здорово! Правее нас мгновенно смолкли выстрелы. Мы теперь бежим по самому краю осыпи. Единственной и совершенно ненадежной защитой от пуль для нас стали придорожные заросли репейника, а где-то здесь еще мины... Немцы подгоняют нас сильным огнем. Судя по этим выстрелам, их не менее двадцати человек. Но они отстают от нас. Светлеет заметно, и теперь они боятся сами попасть под наш пулеметный огонь. Снизу ведет огонь немецкий пулемет, а сверху ударил очередью наш трофейный «машиненгевер» – красные, зеленые струи трассирующих пуль перепутались в небе.

Просто удивительно, что у нас пока нет потерь. Мы бежим короткими перебежками... Вокруг сплошной треск выстрелов, пули рикошетят на склоне, злобно визжат. Кто-то из ребят бросил далеко вправо от дороги гранату, треснул взрыв. Немецкий пулемет ударил очередями по месту взрыва. Мы снова выиграли секунд пять. Скорее! Скорее! Быстро светает, уже над горами становится видно небо, внизу, в распадке, седой туман.

– Ванька! Здесь спуск к роднику, за ним укрыться можно! – крикнул я Подосенову.

– Давай! Мы за тобой.

Ребята один за другим почти прыгают вниз.

– Тише, покалечитесь!

Ничего, удержались все. А наш «машиненгевер» лупит по дороге. Ребята, что оставались в обороне, довольно точно определили место нахождения наших преследователей и буквально отсекали их огнем от нас.

Теперь ушли! Ушли без потерь, если не считать содранной на плече кожи у одного из разведчиков. Саднит, конечно, но в наш лютый век это ранением не считается. Пулеметный и автоматный огонь постепенно стихает, и мы снова выбираемся на дорогу. Теперь мы идем по ней нахально, не очень торопимся. Со стороны противника нас надежно маскируют заросли репейника и какой-то очень высокой травы.

На нашу передовую мы вернулись первыми, Суменков еще не возвращался. Ласточкин выслушал доклад Подосенова, поморгал заспанными глазами и буркнул:

– Все понятно. Натынову о результатах поиска сам докладывать будешь.

Скучно, конечно, от сознания, что всю ночь мучились, чуть не влипли, но задания все же не выполнили.

Примерно через час, когда стало уже совсем светло, вернулась группа Суменкова. У него в группе один тяжелораненый. Они, правда, прихватили одного немца, но тот тоже был ранен пулями в голову и в грудь. Петренко перевязал раненых, немцу дал глоток вина, он глотнул, закашлялся, с уголка губ на подбородок и шею у него побежала темная струйка крови. Немец медленно обвел глазами собравшихся вокруг него разведчиков, потом сказал, не то спросил:

– Рус.

– Йа, рус! Нумер дивизион, комрад?

Немец довольно безразлично посмотрел на спрашивающего, потом перевел взгляд на меня и вдруг сказал:

– Ду... капут! Зие алес капут!

У него в горле забулькало, захрипело и его голова бессильно откинулась затылком на землю... Вот и все! И это не «язык»...

Я выпил из фляги несколько глотков холодной воды, залез в свой окоп и решил немедленно спать, скорее спать, но... сон, как назло, куда-то пропал. Тихо. Где-то далеко короткими очередями стреляет пулемет. Стало почти светло, постепенно успокаиваются взбудораженные нервы. Незаметно и вкрадчиво приходит дремота...

Кажется, поспать мне пришлось всего несколько минут, а потом меня безжалостно растолкали и передали, что меня срочно требует командир роты. Что еще там случилось, неужто я еще что-нибудь наделал?

– Держи бинокль и на бугор бегом! И смотри там! Сболтни только что-нибудь, забоддай тебя комар!

Восходило солнце, оно вылезало из-за пепельно-голубых горбатых гор и заполняло долину золотым светом. В небе снова сверкал Казбек, и над его головой по-прежнему развевалась седая прядь метели. Природе, похоже, наплевать на все дурости человеческие, она знает больше, чем люди, у нее совсем иные ценности, и сама жизнь – это ее выдумка... Внизу от подножья наших гор и по всей степи белые, взрыхленные, словно вспаханные плугом, облака – ничего там не видно.

Мы с Панариным лежали на животах около пенька от несчастной красавицы груши. Мы ничего не видели, что творилось там, на земле, и нам обоим мучительно хотелось спать. Внизу, как и вчера утром, слышались редкие взрывы мин. Телефон молчал, только изредка связисты прозванивали линию и однообразно равнодушный голос Панарина повторял: «Волна, как слышишь? Порядок». Я начал клевать носом. Панарин видел это и не возражал – понятливый мужик этот Панарин. Часам к девяти внизу дробно застучали немецкие пулеметы. На склоне, метров на сто ниже нашей обороны, грохнуло сразу несколько разрывов мин. Панарин толкнул меня в плечо и сказал:

– Слушай-ка, тут фрицы вроде зашевелились.

Под облачной пеленой, правее Илларионовки загремела вражеская артиллерия, слышались выстрелы танковых пушек. Зазуммерил телефон.

– Ласточка слушает... Так точно... Сей момент! – Панарин уставил на меня округлившиеся глаза и предупреждающе зло зашипел:

– Ты, гусь! Десятый тебя... Смотри мне! Командир бригады это!

Я взял телефонную трубку, нажал на ручке клапан и подчеркнуто внятно, слегка подражая диктору радио Левитану, сказал:

– У телефона разведчик Журавов, товарищ десятый.

– Доложите обстановку.

– Сегодня низкая облачность полностью закрывает видимость, начиная от высот в 350-400 метров. У подножья гор, северо-восточнее Илларионовки, противник ведет активный артиллерийский огонь, отчетливо слышны выстрелы танковых пушек. На склонах гор ночью были рассеяны две группы автоматчиков противника численностью до 50 человек каждая. Наши потери – один человек раненый. С опушки леса по нашей обороне противник ведет пулеметный огонь и обстреливает из минометов.

– Поблизости есть кто-нибудь из командиров?

– Так точно. Ласточкин, товарищ десятый.

– Позовите его к телефону.

– Слушаюсь, товарищ десятый.

Я передал трубку Панарину, шепнул ему, что на проводе комбриг, и побежал за Ласточкиным, который был возле дороги. Ласточкин бегом бросился к телефону:

– Ласточкин слушает, товарищ десятый. Так... Так... Слушаюсь, товарищ десятый!... Буду докладывать... Так точно... Что?... Очень мало, товарищ десятый... Что?... Так точно... Рядовой, товарищ десятый... Так точно. Слушаюсь, товарищ десятый!

Ласточкин вернул трубку Панарину, подозрительно посмотрел на меня и буркнул:

– Ну, дает! Когда захочешь, так можешь, забодай тебя комарь. А все-таки ты чудной.

– А что, товарищ лейтенант?

– Ничего. Сиди пока, – махнул рукой Ласточкин и побежал снова к ребятам.

Мины рвались довольно редко, одна за другой, с интервалом в секунд двадцать. Противник пока что вел нудный методичный огонь.

Саперы ребята умные и трудолюбивые, худо ли, бедно ли, но они окопались. У нас дело обстояло хуже. Окопчики, самые глубокие, на полтора штыка саперной лопаты.

На перевал, на своем тонконогом коне снова прилетел Натынов. Мы его издали узнали по черной горской бурке. Никто не мог так ловко поймать по-царски небрежно брошенные поводья, успокоить разгоряченного коня, как это делал Бергалеев. Этот внешне грузный, обманчиво кажущийся неповоротливым парень был дьявольски ловок, физически крепок и по-детски застенчив, не то что остальные ребята – изрядные мастера трепы и подначки.

Держа в руках нагайку, Натынов направился к кустам над осыпью, и к нему тотчас же подбежал Ласточкин. Натынов встал к подбегающему командиру роты боком и этак сверху вниз посматривал на него, может быть, потому, что стоял на бугре повыше, а может... Да что там говорить? Все мы грешны, у всех есть червячок себялюбия, все умеют радоваться похвале, награде, званию. Натынов тоже человек, мы в какой-то мере понимали и прощали его. Только вчера он вместо трех кубарей прикрепил к петлицам гимнастерки по одной рубиновой шпале. Многие командиры носили в петлицах зеленые – полевые кубари и шпалы, а у Натынова шпалы красные. Капитан – это уже не шутка! В бригаде комбаты сплошь одни капитаны, в штабе среди начальников служб только один начальник связи в майорах ходил и еще начальник оперативного отдела. Нач. оперотдела – это понятно, (видимо, так думалось новоиспеченному капитану), это правая рука начальника штаба, но начальник связи... Начальник связи целыми днями

сидит в штабе возле своих девок. Правильно его вчера разведчики отбрили! Со шпалой в петлицах Натынов стал еще грознее подвигать черные брови, и весь его вид свидетельствовал о том, что он знает цену себе и цену всем, кто его окружает.

Натынов выслушал доклад Ласточкина, уголки его губ презрительно опустились, но он не успел ничего ответить, в этот момент закричал Панарин:

– Товарищ капитан, вас восемнадцатый вызывает!

Не сказав ни слова, капитан повернулся и неторопливо полез на бугор, где еще совсем недавно росла красивая груша. Капитаны не бегают бегом – это участь лейтенантов. Натынов шел неторопливо, в конце концов, он не груши здесь околачивает.

– У аппарата тридцать четвертый... Да, слушаю вас, товарищ восемнадцатый. Да, так точно... Нет, решил сам проверить, посмотреть – наговорить можно всякое, а здесь факты нужны... Да-да, внизу слышен бой... Понятно, товарищ восемнадцатый... Конечно! Я понимаю это... Сейчас разберусь... Это ж было ваше приказание, а я говорил... Я это помню... Уже приказал... Слушаюсь, товарищ восемнадцатый! Так точно, товарищ восемнадцатый!

Натынов не просто отдал, а досадливо сморщась, зло бросил телефонную трубку связисту, тот поймал ее. Все, кто находился рядом, заметили, как чувство горделивой независимости менялось на лице Натынова выражением досады. Искры праведного гнева сверкнули в его черных очах:

– Сидят тут!... Штаны просиживают! Бабы вы, а не разведчики! В таких условиях и «языка» не взять! Позор! А сейчас чего сидите? Ласточкин, чего твои дармоеды здесь на яйцах сидят?... А, к черту вас всех! В пехоте ваше место! Ласточкин! Я спрашиваю тебя, лейтенант, почему дозоры не выставлены?! Где сейчас противник? Какие у него силы?

– Вот ночью, товарищ капитан...

– Ночью! Он еще все ночью живет! Мух здесь ловите! Вояки! Не ожидал от тебя, лейтенант! Подводишь ты меня, на каждом шагу подводишь! Сейчас же направить группу разведчиков вдоль дороги. Мне нужно знать, где противник, что это за противник – все нужно знать! Понятно? Через час мне лично доложишь! Смотрите мне тут! Я больше терпеть не буду!

Раздраженный, негодующий Натынов, не сказав больше ни слова, круто повернулся и пошел под уклон, туда, где терпеливый Бергалеев караулил его коня. Натынов ловко сел в седло и размашистой рысью конь пошел к Заманкулу. Ласточкин сел под кустами и задумчиво скреб отросшими ногтями затылок. У него в душе тоже накапливалась обида на Натынова – ну что это, приехал, накричал! Хотя, конечно, задание ночью рота не выполнила, «языка» взять разведчики не смогли, притащили одного умирающего немца, а тот только и успел сказать, что всем «капут». Подосенов, этот хитрый и проворный малый, натрепал про какую-то большую группу немцев, которая якобы его преследовала. Ласточкин не верил этому, хотя стрельбу, и активную стрельбу, в районе действия этой группы он слышал сам.

С виду послушный и тихий Ласточкин все-таки был упрямым, поэтому, несмотря на грозные окрики Натынова, сразу на задание он ребят не послал, решив предварительно накормить разведчиков и дать им хотя бы малую передышку.

Примерно через полчаса появился Осейкин, на нем поверх гимнастерки был одет заляпанный фартук, который когда-то был белым.

– Эй, охламоны, бегом ко мне, пока не остыло!

Повторять вторично эту команду не пришлось, разведчики дружно потянулись к кухне. Вместе с Осейкиным появился Попов, они с Ласточкиным уединились со своими котелками под кустами и о чем-то разговаривали. Мы получали у Осейкина жирную, разваренную перловую кашу с мясом и прямо здесь же, возле кухни, устраивались на траве и уминали завтрак. Не знаю, как уж там у Осейкина было с отчетностью, как он

сводил концы с концами, но кашу он сыпал в котелки без ограничений, «ешь от пуза»! Мало того, он отмерил каждому по двести грамм вина.

– Рубай компот – он жирный! – приговаривал Мишка известной морфлотовской поговоркой и оделял всех вином и кашей. Я выпросил у Осейкина порцию каши для Панарина, пытался выпросить и вина, но Мишка пригрозил черпаком.

После завтрака собрали группу разведчиков, человек в десять, и поставили им задачу спуститься вниз, узнать, где противник и каковы его силы и взять «языка». Командовать группой снова поставили Суменкова. Смуглое лицо Сашки осунулось и почернело еще больше. Откуда только силы брались у этого жилистого мужика. Ни одна лошадь не выдержала бы такой нагрузки, слон бы свалился, а у этого дьявола только скулы заострились да глаза покраснели. По отрывочным сведениям, по разговорам на линии связи, нам стало известно, что стрелковые роты нашего батальона атаковали противника и попытались ворваться в Илларионовку, но все атаки были отбиты с тяжелыми для нас потерями. Я в разведгруппу на этот раз не попал и остался на НП вместе с Лешкой Тарасовым. Внизу из-за низкой облачности по-прежнему ничего не было видно, но грохот боя стал заметно перемещаться куда-то вправо от Илларионовки. Волокнистая муть висела над лесом и в бинокль было видно, как из молочно-белой пелены лезли к свету неясные контуры деревьев. Группа Суменкова ушла, но насчет «языка» никто из нас не питал особых иллюзий, хорошо если успеют ребята красной ракетой выстрелить в случае опасности и оторваться от противника. Мы были уверены, что немцы сейчас тоже готовятся к удару по нашей обороне, накапливают силы и если что и сдерживало их от активных действий, так это туман, мешавший корректировать огонь.

Прошло время. Поднявшийся небольшой ветер начал тонко посвистывать в сухой траве на перевале, облачность внизу медленно поползла в сторону распада, длинные волокна тумана таяли в воздухе. Постепенно внизу открылась степь, перечеркнутая струнами дорог и лесопосадок. В бинокль было видно, что по дороге к Илларионовке идут тяжелые машины, я насчитал двенадцать крытых автомашин, последние четыре тащили на прицепе пушки. Машины я обнаружил сразу по поднятому шлейфу седой пыли. Не успел Ласточкин доложить об этом по телефону, как в небе появилась стая двухмоторных юнкерсов. Немцы начинали бой по отработанной схеме. Все понимали грозную опасность этого налета, в смысле укрытия мы больше полагались на Господа Бога, чем на свои окопы. Мы постарались замаскироваться в кустах на самом краю осыпи, но юнкерсы шли левее нас на порядочной высоте. Вся их стая пролетела над гребнем гор, развернулась, и воздух наполнился знакомым многоголосым визгом падающих бомб. Юнкерсы буквально засеяли бомбами обратные скаты наших высот. Там никого не было, даже Осейкин давно уже уехал. Летчики, может быть, видели, что там никого нет, но с немецкой педантичностью они выполнили приказ своего командования. Над местом бомбежки прокатился вселенский грохот, облако темно-серого и черного дыма загородило полнеба, и исчез с глаз белоснежный двуглавый Казбек. Толовую гарь и пыль понесло через гребень гор к опушке леса, к распадку, в котором исчезало все, как в прорве. Едва успели отвернуть от гор самолеты, как по нашей обороне ударили пушки и минометы, особенно доставалось саперам. Телефон молчал, бомбовыми взрывами была перебита нитка связи, и Панарин побежал искать порыв. Все напряженно следили за лесом, что был ниже нас – именно там изготовились к атаке немцы, но по какой-то причине по ним не вели огня наши пушки и минометы. Вдруг там, внизу, взлетела ракета. На темном фоне леса был хорошо виден розовый мерцающий огонек, который оставлял за собой чуть видную голубую трассу дыма. Ну вот, теперь, кажется, началось.

– Приготовиться к бою! – крикнул Ласточкин, и эту команду кто-то повторил у саперов.

Мне было приказано приготовить трофейный пулемет. Я укрепил «машиненгевер» на сошниках, вставил в его приемник металлическую пулеметную ленту, набитую не

медными, как у нас, а железными, покрытыми лаком, патронами. Коробку с лентой при- тащил Беляков и помог мне вставить ее в пулемет. Наша огневая позиция находилась в кустах чуть выше дороги, отсюда я контролировал всю местность.

Внизу слышались короткие автоматные очереди, это, похоже, Суменков отбивал- ся от немцев и, действительно, через несколько минут наша группа появилась у само- го края осыпи. Ребята бежали, оборачиваясь, стреляли куда-то, но мы пока не видели противника. Однако Ласточкин приказал нам с Беляковым дать несколько очередей по кустам, куда стреляли наши ребята.

– Аккуратнее! Своих не заденьте, забодай вас комары!

Я поправил прицел и нажал на спусковой крючок. Пулемет не сильно ударил в плечо отдачей, несколько зеленых искр от трассирующих пуль сорвались со ствола и вроде бы медленно дотронулись до кустов, что были ниже наших ребят. Еще очередь, еще!

– Так, мать бы их за ногу! – радовался чему-то Мишка Беляков.

Группа Суменкова вернулась в оборону. Усталые, запыхавшиеся ребята рассказали, что пехоты в лесу полным-полно. Им просто повезло, что они увидели немцев первыми. У Суменкова снова в группе один раненый и, конечно, никакого «языка».

Снизу слышались выстрелы минометов. Мины завизжали в небе, и раскатистые взрывы рванули перед гребнем высот. Обстрел нарастал с каждой минутой. Взрывы гремели все чаще и все ближе к нашим окопам. Издали ударили пушки и началось! Мины и снаряды рвались в опасной близости к нашей обороне, прямо на дороге, на склоне, где саперы ставили ночью мины. Снова каждый вжался в спасительную землю, каждый просил ее защиты. Несколько мин подряд рвануло прямо в обороне саперов. Там кто-то закричал пронзительно, громко. От осколков уже и головы не поднять и ра- неного, видно, вытащить невозможно. Осколки жужжали, как тяжелые шмели, фырчали и шлепали в землю, взбивая пыль. Среди разведчиков потерь не было, доставалось в основном саперам и нашему левому флангу, где был Попов.

Когда немцам показалось, что там, где были саперы, не осталось в живых никого, огонь пушек и минометов был перенесен на обратные скаты наших высот, а внизу из кустов выпала густая цепь немецких автоматчиков. Их было много, не менее сотни. По всему чувствовалось, что это была не разведка, а самая настоящая атака. Автомат- чики шагали уверенно, быстро. Глубокие и тяжелые каски на голове, короткие френчи, черные ремни, черные автоматы на шее, сапоги с короткими и широкими голенищами. Все замерло, затихло в ожидании какого-то самого главного события, в ожидании труб- ного гласа судьбы.

– Не стрелять! Не стрелять без команды! – нервно и зло повторял Ласточкин.

Автоматы у всех взведены, и наступавших автоматчиков мы видели теперь только сквозь прорезь прицела и мушку боевого оружия. Раздались их первые короткие ав- томатные очереди. Пули взвизгнули по всему склону, подпрыгнули фонтанчики земли, внезапно оборвался надрывный крик раненого в цепочке саперов. Чего же ждет Ла- сточкин? Чего он ждет?! Минное поле перед нами жиденькое, узкое, да и не следует сейчас пускать фашистов на минное поле – оно еще пригодится... Фашисты подошли настолько близко, что мне показалось мы уже прозевали тот момент, когда следовало открыть огонь. Немцы что-то закричали, они видимо подгоняли себя этим нестройным криком, их цепь сломалась, и они побежали вперед. В цепи саперов хлопнули первые винтовочные выстрелы.

– Огонь! – крикнул Ласточкин, и по всей цепи прокатился дружный автоматный треск.

Я нажал на спусковой крючок пулемета. Пулемет забился в лихорадочной дрожи, брызнул огнем, струя трассирующих пуль сверкнула над головами наступающих... «Ма- зила! Высоко взял!» – мелькнуло в сознании, и следующая очередь огненно-зелеными трассами впилась в их цепь. Скорострельность у пулемета высокая, Мишка едва по-

спевал следить за прыгающей и струящейся лентой. В мерцании выстрелов, за волной горячих пороховых газов я не очень четко видел результаты огня. Мишка что-то кричал, я не понимал того, что он кричит, не разбирал слов. Правее и чуть выше меня беспрерывно грохотали выстрелы еще одного ручного пулемета. Несколько секунд, всего только несколько мгновенно пролетевших секунд – и цепь атакующих залегла, автоматный и пулеметный огонь изрядно выкосил ее ряды. С левого фланга длинными очередями непрерывно бьет наш станковый пулемет. Секунды, мгновения и вражеские солдаты покатались вниз, многие из них самоотверженно тащили раненых товарищей, но им вслед стреляли, их прихватили на склоне жестоким кинжальным огнем. По нашей обороне снова ударили немецкие минометы, снизу из кустов били немецкие пулеметчики. У нас удачная позиция – можно отползти на несколько шагов, и ты становишься недостижимым для пулеметного огня противника, но проклятые мины! Мы перестали стрелять, а перед нами и среди нас сплошной грохот разрывов, снова чей-то крик, снова толовая гарь и свирепый визг падающих мин, снова болезненные и горячие удары взрывных волн по черепу, по ушам.

Взрывы ближе, ближе, сейчас достанет, гад! На полтора штыка окопчик, но он – спасение, без него все, конец бы. Еще кричит кто-то, вроде близко, значит, кому-то из наших ребят врезало. Немецкие минометчики нещадно измолачивали нашу оборону, переносили огонь на обратные скаты гор, били просто по площадям и вновь принимались за нас. Наш санинструктор Петренко лежал в общей цепи и никак не мог оказать первую помощь раненым. Вдруг внезапно обстрел прекратился. Тихо. Только в ушах звенит.

– Ну, сволочи! А мы им все равно врезали! Ей богу врезали! – кричал один из разведчиков.

– Погоди радоваться, дурак, похоже, это только начало, – гудел кто-то в ответ.

Изредка хлопал где-то винтовочный выстрел или раздавалась короткая очередь пулемета. Пока можно перекурить. Не прошла еще нервная взвинченность, табак просыпается на землю с малого клочка бумаги, да и сама бумага все время расклеивается – мучение одно.

Самым молодым в разведроту был краснофлотец Вася Сальников. На вид мальчишке едва ли исполнилось семнадцать, хотя для солидности он прибавлял себе годик. Вася никогда не расставался с бескозыркой и бушлатом. Круглолицый, курносый, коротко стриженный, с плутовскими карими глазами – он везде ухитрялся поспевать и везде бывал нужным. Это был очень симпатичный парень, человек смелый и решительный до дерзости. На сей раз ему поручил Ласточкин важное дело:

– Быстро в роту и передай старшине, чтобы всех поднял, кто еще там остался. Всем тащить сюда боеприпасы, патроны для автоматов, обязательно немецкие патроны для пулемета и гранаты. Понял? Слушай, Вася, от тебя сейчас жизнь всех ребят зависит. Жми, аллюр три креста!

Вася сорвался с места будто его пружиной подбросило. Этот – не Хорьков. Этот выполнит, из кожи вылезет, а сделает.

Пока передышка, собрались вместе Ласточкин, командир взвода саперов лейтенант Ветренников, наш политрук Попов. Попову сейчас даже не до политбесед, он действует как войсковой командир и, надо сказать, у него это получается совсем неплохо.

Связи с Заманкулом по-прежнему не было. Ребята вытащили раненых и убитых на обратный скат наших высот. У нас только двое раненых, у саперов двое убитых и двое раненых, есть потери и в группе Попова. Петренко занят перевязками и вопросом эвакуации раненых.

Наиболее вероятным направлением контратак противника остается дорога. Для ее прикрытия направили двоих саперов и двоих разведчиков к краю осыпи, где родник, оттуда удобно вести фланговый огонь по наступающему противнику. Ребята забрали с

собой ручной пулемет, несколько дисков с патронами, гранаты и ушли по самому краю опасной осыпи. Все ждут повторения атаки, а я слабо надеюсь на чудо: вдруг немцы не пойдут больше, а за ночь командование что-нибудь да придумает. Ведь сколько ночей уже без сна, черт бы их побрал... и обеда, и ужина! Сейчас только бы поспать! Ну хотя бы часика три. А если бы еще шинель была, да ею накрыться...

Внезапно сильнейший артиллерийский и минометный огонь обрушился на нашу оборону. Снова грохот, взрывы, вой и визг, разгул и вакханалия смерти. Просто чудо спасало нас от визжащей и стонущей горячей стали. Один снаряд разорвался прямо на нашем бугре, осколками в щепки разнесло телефонный аппарат и бинокль. Из разведчиков никто не пострадал, так как все лежали в обороне, а Панарин ушел искать обрыв нитки. Впереди меня снаряд ударил в осыпь, земля подо мной даже подпрыгнула. Грохнуло так, что снова уши заложило и заболело что-то под ложечкой. Меня кто-то тащил сзади за ногу. Оглянулся – Бергалеев. Он чего-то кричал мне, а я его не мог понять. Оказывается, нам приказано сменить позицию, переместиться влево, ближе к дороге. Едва пробежали мы шагов двадцать, как сзади ударил взрыв и словно толкнул кто-то в спину. Я упал вместе с тяжеленным пулеметом и сильно ушиб ногу, рядом уткнулись носами в землю Беляков и Бергалеев. Хуже всего, что, кажется, ранен Мишка, рука у него в крови, но парень держится. Снаряд снова рванул на скате осыпи, да так, что часть наших кустов взлетела в воздух. Через некоторое время снаряды стали рваться на самом гребне высот и на обратных скатах. Минометы и артиллерия противника не смолкли, когда из мелколесья снова показалась цепь наступающей пехоты, а на дорогу выползли два бронетранспортера. Тяжелые машины на колесно-гусеничном ходу шли неторопливо, стараясь не отрываться от цепи наступающих. Солдаты широкой цепью поднимались на склон, и когда цепь прошла метров семьдесят, из мелколесья показалась вторая цепь. Вражеских солдат было так много, что невольно сжималось сердце – их не успеешь перестрелять, они перевалят на другую сторону гор и тогда нам труба, «аллес капут», как говорил тот раненый немец. Главное, у нас нет никаких средств поддержки... Немецкие солдаты все ближе, они идут мелкими шагами, подъем в этом месте крут. Мы их отлично видим, они уже близко! Нам нельзя дольше ждать, их сейчас нельзя подпускать близко, это опасно! Мины и снаряды рвутся на обратных скатах гор. Первая вражеская цепь открыла автоматный огонь – и снова оглушительные хлопки выстрелов. Казалось, что стреляют в нас со всех сторон.

Первым открыл огонь станковый пулемет с нашего левого фланга, длинная очередь полоснула по первой цепи, и сразу же там свалилось несколько человек.

– Огонь! – закричал Ласточкин.

Вся наша передовая словно взорвалась треском автоматных очередей. Я тоже ударил из «машиненгевера», и зеленые трассы вонзились смертельными жалами в наступающих. Секунда, другая, третья... Первая цепь наступающих бросилась было бегом на сближение с нами, но тут по ее флангу ударил ручной пулемет из засады... Несколько секунд – и первую цепь словно выщипало, там солдаты замедлили движение и залегли. По нам стреляли два немецких пулемета, стреляли крупнокалиберные пулеметы с бронетранспортеров. Залегшие пехотинцы вели огонь из автоматов, открыли огонь солдаты второй наступающей цепи. Свинцовая метель, адский смерч разразились над нашими окопами. Земля фонтанами разлеталась в стороны, брызгала каменной крошкой. Тяжелые гусеничные транспортеры продолжали лезть по дороге, и мы ничего не могли с ними поделать. Они расстреливали нас крупнокалиберными пулеметами, огненные трассы, словно раскаленные добела струны, впивались в нашу оборону... Головы не поднимать... Наш огонь как-то расстроился, стал более редким, мало эффективным. В какой-то момент огонь крупнокалиберных пулеметов ослаб немного, и это дало нам возможность ударить по второй наступающей цепи. Наши ребята из засады внезапно открыли сильный огонь и фактически отсекали немецкую пехоту от бронетранспортеров,

но это не принесло нам облегчения – у нас не было противотанковых средств. Я тоже ударил очередью по бронетранспортерам, стараясь зацепить пулеметчиков. Зеленые искры пуль ударились в броню и разлетелись брызгами в стороны... Все! Пулемет заглох. Пустая металлическая лента выползла из него, как линялая шкура гадюки... Мишка убежал за коробкой патронов и пропал где-то. Я взялся за автомат, ударил очередью... Задержка! Случится же такое! Это может стоить жизни! Скорее, скорее! Отдернул затвор, перевернул автомат окном вниз, а перекосившийся патрон не вывалился. Стрельба вокруг сумасшедшая, а я молчу! Вышиб диск и пальцем вытолкнул перекосившийся патрон. Вон Мишка торопится, рука у него в крови...

– Скорей, мать твою! Скорей, гад!

Мишка торопится и подползает ко мне, двигая впереди себя коробку с лентой. Быстро заправили ленту в приемник пулемета, а бронетранспортеры уже почти рядом. Они увидели нашу беспомощность, почувствовали собственную безнаказанность и пошли быстрее. Тем временем вторая цепь, более многочисленная, чем первая, приближалась к залегшим солдатам, поравнялась с ними. Те поднялись и все одной волной двинулись на нас в новую атаку. Похоже, теперь терять больше нечего! Хрен с ними, с транспортерами – будь что будет! Я прицелился и ударил длинной очередью по цепи наступающих. Розовые трассы, похоже, достигли цели. На какую-то секунду я увидел бронетранспортер, который направил ствол своего пулемета на меня... Ну вот сейчас!... В этот момент колющее пламя сверкнуло под передним колесом первого бронетранспортера, и машина окуталась клубком синего дыма, рванула противотанковая мина! От коричнево-зеленой, камуфлированной, с белым крестом машины отлетело переднее колесо, отлетело в сторону. Бронетранспортер стал неуклюже и неуправляемо сползать вниз по склону, а под его гусеницей рванул второй взрыв. Машина подпрыгнула, ее всю окутали дым и пыль, она беспомощно развернулась боком и замерла. Я не видел, чтобы кто-нибудь из солдат выпрыгнул из машины.

– Дай, моя! Дай, моя! – кричал Бергалеев и старался оттеснить меня от пулемета.

– Ты чего?

– Дай, моя!

– Хрен с тобой, стреляй!

Бергалеев прилачился к прикладу пулемета, спокойно прицелился и брызнул длинной очередью по центру наступающей цепи, но там в эту секунду произошло что-то невероятное: от наступающих солдат неожиданно ударили в нашу сторону длинные струи яркого огня. Там, куда эти струи попадали, мгновенно вспыхивала земля, в разбегающихся языках пламени горели трава, бурьян, язычки пламени сверкали на камнях. Ядовитый черный дым скрыл наступающих, пополз по склону к дороге. Второй бронетранспортер остановился, и к нему бежали немецкие солдаты...

– Бергалеев стреляй, по автоматчикам стреляй!...

Бронетранспортер стоял метрах в пятнадцати от края осыпи, а из-за ее среза вдруг показался человек, он размахнулся и бросил тяжелую противотанковую гранату-толкушку в бронированную машину. Кувыркнувшись в воздухе, граната не попала сверху в кузов машины, а ударилась в его борт, но и этого было достаточно. Грохнул взрыв и, когда снесло ветром дым, стало видно, что у бронетранспортера разорвало броню как раз там, где был нарисован свирепый и мрачный крест, обведенный белой краской. Мы еще не успели вскрикнуть от радости, как длинная и яркая струя огнемата ударила по срезу осыпи. В ярком пламени исчезли заросли репейника и еще каких-то кустов. Еще одна фырчащая струя – и в мгновение я увидел, как огненный клубок покатился вниз по осыпи. Бергалеев стрелял из пулемета по автоматчикам у дороги, но часть из них успела укрыться за подбитыми бронетранспортерами. Мы стреляли по дороге, по огнеметчикам, по наступающей цепи. Из-за подбитой машины огнеметчик ударил в нас страшной

раскаленной струей, но она не долетела до нас. Ниже нас горела трава и расплзалась по склону огромная черная плешина. Наступавшая цепь напоролась на минное поле и, отстреливаясь, начала отходить назад. По ней продолжал вести огонь невероятно живучий станковый пулемет с левого фланга, а с правого, не умолкая, стрелял наш «машиненгевер». Немцы не выдержали, они стали отползать и отходить все быстрее, но их доставал наш автоматный и особенно пулеметный огонь. Огнеметчики пустили еще несколько огненных струй и под прикрытием дыма покатались вниз. Раненые, кто мог, преодолевая лютую боль, скатывались по крутому склону вниз, стараясь укрыться за первыми кустами от злых прицельных очередей. Немцы отходили умело: часть из них лежа вела огонь по нашим позициям, другая часть отползала вниз под прикрытием этого огня, солдаты волочили за собой раненых.

...Огонь понемногу ослабевал, похоже, что мы отбили злую атаку. Дорого нам это обошлось. Еще одну мы вряд ли выдержим... На сей раз спасло нас минное поле. А молодцы саперы! Если бы не эти труженики войны, нам бы огнеметчики врезали.

Бой затих, у нас снова трое раненых и в том числе Мишка Беляков. Похоже, двумя пулями его задело, но не сильно, только крови выцедило порядочно. Я помог Белякову поползти до гребня, а там уже оба в рост пошли к Петренко, который на склоне оврага перевязывал раненых. Я оставил Мишку на попечение Петренко.

– Ну что, Миш! Не увидимся, пожалуй, больше. Прощай, дружище.

– Ты что! Разве это ранение? Я, как Федька Фролов, попридуриваюсь денечка три и приду. Вот когда меня в шею шарахнуло... Во, посмотри, еще бы на один сантиметрик и как раз мозг бы задело. Вот это ранение, с таким не грех и в госпитале поваляться, а это не ранение, а хреновина одна – ни одной печенки, ни одной косточки не задето. Ты сам-то продержись как-нибудь до моего возвращения, – стукнул меня Мишка здоровой рукой по плечу, а я его слегка по спине, вот и все прощание...

Я полез обратно на наш бугор.

– Ты где шляешься, забодай тебя комарь! – заворчал Ласточкин, заметив меня на склоне.

– Раненого таскал.

– Кого это?

– Белякова.

– Тяжело его?

– Да нет. Два пулевых, одно, похоже, касательное на ребрах. Говорит, дальше санроты не поедет.

– Этот не поедет. Такие бывают тихими, но упрямыми, забодай их комарь. Ты вот что: жми к дороге и вместе с Мартыновым и Бергалеевым давайте туда, к подбитым бронетранспортерам. Что-то никого нет оттуда. Наверху, где связист, катушка провода была, возьми непременно с собой, может, вытаскивать кого из этой прорвы придется.

– Слушаюсь, товарищ лейтенант.

Сергеа Мартынов первым пополз вдоль дороги вниз. Осторожно, по всем правилам, ползли и мы с Бергалеевым тоже. Едва показались на изгибе дороги, где все почернело от ядовитого огнеметного пламени, как снизу ударил пулемет. Зло свистнули пули, срикошетили от брони транспортеров, взбили с дороги пепел от сгоревшей травы.

– Вот ведь дураки, – ворчал Мартынов. – Ну ни хрена не соображают, стреляют, куда ни попадя, ведь этак и убить могут!

Сергеа быстро свалился под обрез крутого склона, за ним и мы. Здесь было безопасно. Здесь, пожалуй, и мины не страшны. Направо от нас был родник. Всем нам хотелось пить, но Сергеа без колебаний повернул в другую сторону, там могли быть раненые, до них еще по крайней мере не меньше ста пятидесяти метров. К нашему удивлению, здесь была не каменная осыпь, а просто очень крутой склон, кое-где поросший мелким кустарником...

Раненого сапера мы нашли сразу. Он сидел на выступающем камне, прислонившись спиной к обрыву. По-моему, он был очень плох – пулевое ранение в голову. Остальных не было видно. Бергалеев долго отматывал провод с телефонной катушки, потом сделал петлю, закрепил ее на корнях обугленного деревца и полез вниз. Вытащили всех троих. Все трое были уже мертвы... Сапер был убит и наполовину сгорел, оба разведчика превратились в обезображенные, обугленные и еще дымящиеся куски почерневшего мяса. Мрачная фантазия Октава Мирбо не смогла бы нарисовать ничего более ужаснее. Нечего было и думать, чтобы вытащить всех убитых и раненых – противник снова начал минометный обстрел, дорога простреливалась пулеметом. Обожженные огнем трупы товарищей мы оставили под обрезом осыпи, в то время не осуждали за это, всем нам предстояло под прицельным огнем пулемета, под минометным обстрелом вытащить раненого, которого, по всей вероятности, еще можно было спасти. С трудом, большим трудом, мы выбрались на свою передовую, оттащили раненого сапера. Доложили Ласточкину, тот сокрушенно помотал головой. Немцы продолжали измолачивать нас минами, правда это был ленивый методичный огонь, он выматывал душу и, конечно, появлялись все новые раненые...

В голове все перемешалось: непонятно даже, что сейчас – утро, вечер? Чувство времени потеряно, казалось, что этот проклятый день никогда не кончится. Кажется, остановилось солнце, прекратилось течение времени и во всей вселенной реально-стью были только страдающие, искалеченные люди и смерть. Склон нашей горы засеян трупами убитых немецких солдат. Сами склоны изменились до неузнаваемости: они почернели от огня и сплошь изрыты воронками. Конечно, безосновательная самонадеянность врага жестоко наказана, но и мы понесли тяжелые потери, особенно саперы.

Их позиция находилась на седловине самого перевала, поперек дороги, там, где и следовало занять оборону. Немцы тоже так считали, поэтому именно здесь они сосредоточили всю мощь своего огня. Ранен командир саперного взвода лейтенант Ветренников, младший лейтенант Губарев контужен, стал заикаться, как наш Данилов, но свой взвод не покинул, воевать еще может...

Как бы там ни было, а не прошли через перевал эти чертовы «Викинги», не прошли! Мы выдержали атаки напористого, сильного врага, мы выстояли!

Тяжкое нервное напряжение, как чугунная усталость, придавила людей к земле. Лежали молча, курили и даже не разговаривали. Никто пока не вспоминал о пище, ничего больше не надо! Только вот так бы лежать и молчать...

А небо снова помутнело, и всю ширь его заволокла беспросветная серая пелена... Минометный огонь ослабевает, становится реже. За серой мутью исчезли благородные очертания Казбека, а внизу пока все видно.

Страшно подумать, что это еще не последний день в бесконечной цепи солдатских мучений, даже сегодня может повториться бой и в еще более худшем варианте... Неужто я опять жив? Неужто бережет меня судьба для еще более тяжких страданий? За что, Господи?!

Пользуясь затишьем, прикатил Мишка Осейкин вместе с Васей Сальниковым. Мы наелись густого горохового супа, пополнили боезапас, закурили и неожиданно ребята снова забалагурили. Первым начал Арабов. Нарочито перемешивая украинскую речь с русской, он поучал Селиванова:

– Ну шо, ты робышь? На хрена ты диск набиваешь? Тебэ сыю годину Осейкин так зарядыв, шо мы поставим тебэ на пряму наводку, та ни одын хрыц на перевал не придет. Ты ж одын котелок гороху зрубав – це ж такой заряд, шо пострашней самого шестиствольного «Ванюши».

Ребята смеялись, принимали солдатскую шутку, и Селиванов добродушно отшучивался. Появился Панарин. Он притащил новый телефонный аппарат, и теперь было принято решение поставить его на обратном склоне нашей высоты. Панарин принялся

копать окоп и переругиваться с Бергалеевым за то, что он без спросу взял целую катушку провода, да еще приспособил ее на бруствере своего окопа как дополнительную защиту от пуль и осколков. Тем временем Мишка Осейкин, накормив нас до упора, кормил обедом не растерявшихся саперов и Панарина – правильно делал. Была у нас одна на всех общая передовая, общая судьба, общий бой, должен быть и общий обед.

На перевале появилась связь. Ласточкин кому-то докладывал по телефону обстановку, и всем стало немного легче от надежды, что начальство теперь в курсе дела, что теперь-то нам непременно помогут, подойдут свежие части, а нас должны непременно сменить... Наивные надежды! Командир бригады и без связи понимал, он знал об отчаянном положении потрепанных подразделений на перевале, но резервы могли подойти не раньше ночи, а до этого времени нужно было продержаться. По его приказанию в Заманкуле вооружили автоматами всех штабных работников, весь комендантский взвод, но это на самый крайний случай. На это надежды мало, все зависело от стойкости тех, кто держался на перевале. По расчетам штаба на перевале еще могли выдержать от силы одну атаку, но потом... Потом просто некому будет его оборонять. Пожалуй, можно было еще спасти положение, но только в том случае, если ему, командиру бригады, удастся убедить в необходимости помощи, в опасности риска этого несговорчивого и скупого генерала Коротеева – командующего девятой армией.

На перевале передвигаться можно было только по-пластунски, да ребята и не позволяли себе «свободного общения», они лежали в своих окопах и внимательно следили за мелколесьем, из которого появлялись немецкие солдаты. Меня Ласточкин снова посадил на бугор и вместо разбитого вручил новый бинокль, оставшийся от лейтенанта Ветренникова. Мы лежали на животах вместе с Лешкой Тарасовым и прощупывали буквально каждый куст. Как ни хитры и ни опыты в маскировке немцы, но нам все-таки удалось засечь пулемет противника, который нам буквально житья не давал. На самом краю мелколесья торчали из земли два небольших камня и между ними рос отдельный невысокий куст, вот здесь-то и засели пулеметчики. Ничего не скажешь, позиция была удобной и отлично маскировала противника, правда, сзади пулеметной точки было голое пространство этак метров на тридцать. Я крикнул Бергалееву. Тот осторожно приполз к нам и долго смотрел в бинокль. Пулемет как назло долго молчал, а потом все-таки дал пару коротких очередей. Бергалееву оказалось этого достаточно. Он что-то сказал на своем языке, а потом сказал нам по-русски:

– Она у меня научится стрелять!

Бергалеев часто путал местоимения, наверное, они были отличными от русского правила его родного языка. Ребят это немного забавляло, но главное, всем было понятно и воспринималось как должное. Бергалеев пополз обратно к своему пулемету, он долго прилаживался, проверял прицел «машиненгевера», а потом влепил между теми камнями удивительно точную, сокрушающую струю пуль. Я внимательно смотрел в бинокль. После очереди Бергалеева немецкий пулемет затих. Прошло несколько минут, и я увидел, как из-за того куста один немец потащил вниз своего раненого товарища. Пулемет больше не стрелял. Ох, непрост этот окаянный Бергалеев! Откуда у него такой верный глаз, такая рысья осторожность, злость и медвежья сила? Получилось у него здорово. Я повел бинокль еще правее, где за кронами высоких деревьев виднелись сады и крыши Илларионовки... Стоп! Что это? На дороге к Илларионовке седой шлейф пыли и сквозь ее завесу все-таки видно, что к поселку тянутся серые коробки... Танки! Конечно же, танки! Их много, не меньше двух десятков... И автомашины. Все они деловито въезжают в поселок, останавливаются на обочине дороги, у домов, в садах. Они даже не маскируются, они уверены, что у нас здесь нет авиации, не стреляют наши пушки и минометы – они попросту привыкли к безнаказанности! Я попросил Ласточкина подойти на НП. Он не пополз, а просто быстро подбежал ко мне и плюхнулся рядом.

– Что увидел?

– В Илларионовке накапливаются танки и пехота. Неспроста это.

– Ну-ка!

Ласточкин взял бинокль, долго рассматривал Илларионовку, а я ждал, что он там рассмотрит, что скажет, ведь если они двинут на нас такую силищу... А Ласточкин здорово устал, оброс рыжеватою щетиной, лицо все пропыленное, маскхалат порван и пилотка прострелена... Явно прострелена, на сантиметр от смерти был наш командир.

– Пилотка-то у вас прострелена, товарищ лейтенант.

– Что?

– Говорю, пилотка у вас прострелена.

– Да знаю, что уж теперь, забодай ее комарь. Суменков! – крикнул Ласточкин.

Суменков тоже прибежал, пригнувшись, и смотрел в полевой бинокль.

– Н-да, – протянул Суменков, – если это все для нас приготовлено, то набьют они сегодня нам задницу. Ты сколько их насчитал? – Спросил Суменков, и я понял, что речь идет о танках.

– Двадцать танков насчитал, да что-то было у них, и что-то еще подойдет. Пехоты не меньше пятнадцати машин, а это, считай, батальон, не меньше, да здесь в кустах их человек сто двадцать. Не меньше полка они могут двинуть.

– Эт-то точно, – согласился Сашка. – Двинут не меньше двух батальонов, да еще широким фронтом, чтобы с фланга нас обойти, да и танки пойдут...

– А ты откуда знаешь? – недоверчиво спросил Ласточкин.

– А что же, дураки они что ли? Два раза обожглись, так теперь ударят как следует.

– Н-да. Ты вот что, Суменков, паники не поднимай, о танках никому ни слова, а сейчас же заставь всех окапываться как следует. Как кроты пусть копают, голову сниму тому, кто придирается, а я пойду самому все расскажу.

Ласточкин и Суменков ушли. Панарин окопался недалеко от меня так, чтобы голос слышно было, поэтому я слышал, как кричал в охрипшую трубку Ласточкин:

– Давай прежде десятого... Да подожди ты, потом еще восемнадцатого и тридцать четвертого будешь давать... Алло! Алло! Алло, это десятый? Товарищ десятый, докладывает «Ласточка»...

Командир роты доложил командиру бригады о том, что мы увидели с наблюдательного пункта, о результатах закончившегося боя, и неожиданно Ласточкин закончил свой доклад на надрывной ноте, которая вряд ли могла понравиться командиру бригады:

– Потери большие... Да, говорю, потери большие... Все понимаю, товарищ десятый, только все равно раздавят нас всех... Да не паникую я, и никто не отойдет отсюда, просто подавят всех... Да... Слушаюсь, товарищ десятый...

При многих прочих недостатках, Ласточкин, нужно отдать ему должное, в главных вопросах был честен. Он доложил обстановку самому командиру бригады как есть, без утайки, мало того, он сказал комбригу о своих опасениях, он не испугался высказать неуверенность в успехе дела... Он знал, что за это взыскивают с командира, знал, что это сильно не понравится комбригу, но – сказал. Другой, более осторожный и хитрый командир, в подобной ситуации оставил бы вместо себя другого, к примеру Суменкова, а сам отправился бы на личный доклад к начальнику штаба. Возможно, что ему приказали бы срочно вернуться в роту, но вернуться можно в разное время. Но после того, как нас передавали бы танки, он мог сказать: «Я же говорил!» Он непременно оправдался бы и уже завтра приступил к срочному формированию новой роты. «Что делать, на войне жертвы бывают!» Ласточкин получил нагоняй, вызвал недовольство комбрига, но не ушел от своей роты. Он действительно позвал Суменкова, Подосенова, Медвинского, они о чем-то советовались, даже спорили, а нам приказано было, не жалея сил окапываться, углублять свои окопы. Ребята работали молча, но никто не был уверен в целесообразности этой работы. Мы просто выполняли приказ, понимали, что заняты пустым делом, но делали его потому, что было приказано. На НП оставили пока

что одного Тарасова, мне приказано залечь в общей цепи. Мы долбили неподатливую землю, курили, разговаривать не очень хотелось. Как и многие другие, я понимал, что перед атакой немцы раздолбают наше жиденькое минное поле снарядами, нас они сожгут огнеметами, подавят танками. Конечно, мы успеем, видимо, нанести противнику какой-то урон, но нам нечего было противопоставить этой грозной силе.

Жиденькое минное поле, где саперы едва успели поставить мины в два или три ряда, было наполовину уже уничтожено снарядами и минами противника, а у нас не то, что противотанковых средств, обычных патронов с бронебойными пулями не было, хотя и они для танков – что комары для бегемота. Прошло около часа сравнительно спокойного времени, в течение которого мы старались углубить окопы. Рядом со мной в соседнем окопе возился неторопливый Курочкин, его лопата все время попадала в камень, из окопа доносились сдержанные проклятья.

– Ты что, Курочкин?

– Камень здесь здоровенный, прямо хоть в другом месте начинай копать.

– Не успеешь.

– Вот и я так думаю. Слышь, если танки попрут, тогда что?

– Тогда «аллес капут».

– Ни хрена уха! А знаешь, драпать нужно в сторону горы Заманкул или вниз головой по осыпи, может, уцелеем. Ты сам-то как?

– Чего «как»?

– Как думаешь-то?

– Стараюсь не думать пока. Там видно будет.

В воздухе послышался тягучий и долгий визг летящей мины. Клубок тяжелого темно-серого дыма вспыхнул чуть ниже минного поля и грохнул взрыв. Внизу слабо хлопнул еще выстрел миномета, снова визг и раскатистый удар взрыва.

– Ну, теперь жди. Теперь скоро начнется, – объявил Курочкин.

Выстрелы минометов и взрывы мин участились. Немецкие минометчики зло и точно принялись молотить нашу передовую. Сейчас они пристреляются, потом ударят артиллерийской подготовкой, а за ней придется встречать танки. Услужливое воображение уже рисовало картину, как подойдут эти стальные чудовища к нам метров на семьдесят и прямой наводкой начнут выковыривать каждого из окопов и не будет от них никакого спасения. И убежать, гады, не дадут – покосят всех пулеметным огнем. Только если какое-нибудь чудо спасет наши души. Всегда солдат надеется на чудо, много в подобной ситуации не бывает.

Моя позиция на сей раз была в худшем положении, чем раньше – пулями и осколками почти полностью выкосило росший здесь кустарник и высокую траву, окоп стал хорошо заметен по свежевырытой земле и уже поздно думать о маскировке – минометный огонь противника усиливался с каждой минутой. Грязно-серый дым стелился по скату гор, его сносило в сторону распада... Танки пойдут, конечно же, по дороге, иначе им нельзя – левее крутой склон, который даже танк не осилит... Нам бы батарею пушек, хотя бы этих сорокапятков...

Вдруг случилось что-то непонятное для меня, да такое, что невольно в первые секунды ужас сковал всю душу. Это случилось сзади нас, где-то на невидимой стороне ската. Прямо над нашей головой сверкнули ревущие и грохочущие молнии. Из-за перевала в сторону Илларионовки стремительно понеслись кометы с яркими огненными хвостами. Все горы надрывно заревели, застонали, да так, как я еще ни разу в жизни не слышал. Кометы летели сериями, сразу же друг за другом, штуки по четыре сразу...

Вначале я решил, что эта какая-то новая, неизвестная мне каверза, придуманная немцами, и уж теперь-то они дадут нам прикурить. Все это непостижимо стремительно промелькнуло в мозге. Вселенский рев и грохот не продолжался слишком долго, он

внезапно стих, но там, возле Илларионовки, где были сосредоточены танки и пехота противника, вдруг взметнулся первый чудовищно огромный и широкий сноп яркого огня, растворившийся в плотном дыму взрыва. Потом эти взрывы замелькали часто, один за другим. Все потонуло в дыму и невероятно тяжелый, громовый грохот разнесся по горам, по всему Кавказу. Сила сокрушающих грозных взрывов, снопы яркого огня, сплошная дымовая завеса заполнили мир... Теперь я уже понял, что это не выдумка немцев, направленная против нас, я видел, что это кара господня, обрушившаяся на головы нашего врага, хотя и не знал, как называется эта кара.

– Ур-ра! Катюши! Катюши врубили! – кричал кто-то из ребят, а я смотрел молча и не мог оторваться от страшной, доселе невиданной картины.

Промелькнуло время, и затихли раскаты грома. Густой дым поднялся над лесом, над Илларионовкой, в него влетали столбы ядовито-черного дыма. Там горело все: танки, машины, постройки. Все дымы перемешивались и их медленно сносило низовым слабым ветром в степь.

Пушки и минометы противника смолкли. Наступила странная тишина, так, наверное, было сразу после потопа. Катюши стреляли со стороны дороги на Заманкул, и их мины прошли очень низко над перевалом, где мы держали оборону, это и создало такой поразивший меня эффект. Сзади, откуда стреляли Катюши, поднялось огромное бурое облако. После этого залпа на передовой воцарилась тишина, замолкла стрельба, кажется, что и ветер перестал свистеть в сухой траве на перевале. Сама смерть замолкла в немом изумлении, увидев весь ужас того, что она сотворила. Прошел час, полтора – было тихо. У подножья гор снова пополз серый волокнистый туман, на шапке Заманкула зажгли костер. Значит, теперь уже скоро вечер. Неужто до утра доживем?..

Осенью сумерки бывают короткими, даже здесь, на юге. А на фронте от Мурманска до Казбека тишина всегда обманчива, она что-то в себе таит, какую-то неожиданность и поэтому настораживает. Однако после залпа «Катюш» немцы больше не предпринимали попыток возобновить атаки. Мы надеялись на малую передышку и на то, что в это время командование бригады найдет возможность усилить нашу оборону на перевале. Действительно, чудно получалось: перевал имел стратегически важное значение, а обороняли его саперный взвод, да потрепанная рота разведчиков, правда, еще Попов насобирал человек пятнадцать.

Ласточкин с кем-то долго разговаривал по телефону. Мы рассчитывали на то, что после этих переговоров наступит что-то новое. Однако последующие события развивались по старой схеме. Выполняя чье-то указание, Ласточкин снарядил две группы за «языком», выставил боевое охранение: одно к подбитым бронетранспортерам, второе к камням на левом фланге. Я оказался в группе Медвинского, ползали всю ночь. На этот раз не повезло обеим группам. Бывает такое! Вроде бы были все самые благоприятные условия для действия поисковых групп: на склоне гор мелколесье с большими полянами, темная ночь, небольшой ветер, шум которого скрадывал неосторожные шаги и, что самое главное, у противника не было сплошной линии обороны и вообще никакой обороны не было: идеальные условия для поиска, но... Но обе группы не имели успеха. Наша группа была обнаружена противником, ее пытались окружить. Немцев оказалось значительно больше и действовали они тоже зло и напористо. Нам удалось с боем вырваться из западни. Мы вернулись ни с чем, вернее, с двумя ранеными разведчиками.

Нахальный Подосенов ввязался в драку с немцами и ему удалось захватить раненого немецкого солдата, но в этой драке оказался тяжело раненым и наш один разведчик. Увы, обоих раненых притащили на нашу передовую уже мертвыми.

Ласточкин матюкнул нас за невыполнение боевого задания, а Сашка Суменков сказал, что нужно было действовать более осторожно и одной группой, что дало бы нам перевес в силе. Умен русский мужик задним умом!

Саперы всю ночь ставили мины, им тоже досталось: при минировании один малоопытный парень подорвался на своей же мине.

Главные события произошли несколько позже, перед самым рассветом. К нам на перевал пришли две стрелковые роты нашей бригады, ПТРовцы и батарея сорокапятков. Это уже сила! А нам Ласточкин приказал собираться. Более желанной команды для нас и придумать было невозможно.

В последний раз мы посмотрели с перевала в степь, растворенную в ночной темноте, рассыпанные по ней огни пожаров, осветительные ракеты по всему фронту и короткие строчки трассирующих пуль.

Все! Прощай, перевал! Прощай, гора Заманкул с негасимым костром, мы куда-то уходим и снова надеемся, что ТАМ хуже не будет.

– Все в сборе? – для порядка спросил Ласточкин. – Тогда шагом марш и не растягиваться.

Прямо от перевала мы и пошагали проселочной дорогой под уклон в долину. Снова наступало что-то неведомое. Война перевернула очередную страницу. Сейчас на марше вряд ли кто ломал себе голову над нашим недалеким будущим. Главное – с каждым шагом мы все дальше от перевала, от тревог и прямой угрозы смерти. Мы шли туда, где, возможно, сможем вымыться, выполоскать портянки и спать, спать, спать!

* * *

Что греха таить, идти в тыл всегда приятнее, чем на передовую – перспектив больше, а если шагаешь к тому же под гору, то совсем благодать.

Дорога крутилась по голым скатам гор, было темно, холодно, пахло сухой дорожной пылью, горькой полынью и увядшей осенней травой. Разведчики, не таясь, курили, сдержанно разговаривали и все считали, что пройти предстояло совсем немного, и где-то рядом уже ожидали их ужин и отдых. Наконец-то можно будет выспаться. До чего же здорово спать без оглядки, спать, не ожидая тревожной команды, просто спать, как спят все нормальные наработавшиеся люди.

В небольшом поселке Заманкул было тихо. Сюда не доносились из-за гор выстрелы, здесь только слышны одинокий и ленивый, с подвыванием, собачий лай да изредка звонкие шаги торопящегося связного. Мы безошибочно нашли свой обоз, который, по всему было видно, тоже собрался в дорогу. Осейкин в темноте раздавал остывшую и чуть пригоревшую кашу.

Ласточкин куда-то ушел и не появлялся долго. Некоторые ребята уже пристраивались вздремнуть немного. На небе крупные осенние звезды, с них изливался на землю ледяной холод. Шинелей нам пока не выдали, старшина сказал, что сейчас он повозки развязывать не станет, вот прибудем утром на место, тогда получим свои шинели.

– Интересно, куда это теперь нас загонят? – начал было гадать Селиванов, но Подосенов ядовито брякнул, припоминая давние и необоснованные предположения ребят:

– В Иран!

Разговоры погасли, поэтому в ночной тишине стук сапог раздался необыкновенно громко и неожиданно. Появившийся Ласточкин уже на ходу подавал команду раздраженно и громко:

– Подъем! Подъем! А ну, шевелись!

Разведчики неохотно подымались на ноги, затапывали окурки, вешали на плечи, а кто за спину, сразу потяжелевшие автоматы. Обоз пошел первым, чтобы мы всегда были под рукой на случай крутого подъема или спуска, когда уже и на лошадей надежды нет. Мы снова спускались в какие-то балки, в которые стекал с гор холодный воздух, поднимались на невысокие горы, где тянул слабый ветер, настоящий на травах. На земле нет конца белесым пыльным дорогам.

* * *

Старый Батакоюрт – большое селение в широкой котловине, вокруг которой проклянные солнцем и продутые ветрами невысокие рыжие холмы. Мы расположились на самой окраине, где кончался сад и начинались заросли корявых кустов терновника. Все сразу завалились спать. Спали все: и разведчики с обозниками, и измученные обозные кони... Спать! Какое же это великое благо – обнять вот этак землю и спать!

Не знаю, сколько времени я спал, но проснулся сразу и без всякой побудки. Над нами ослепительно голубое небо, из-за холмов на эту небесную лазурь выползают ярко белые комья облаков. Рядом шелестит темной листвой высокая акация, на ее стволе целые пучки длинных, твердых, как сталь, и очень острых колючек...

Ласточкин и Попов, ей богу, неплохие люди – на сей раз они не устраивают побудки, дают ребятам выспаться, а может быть, их просто нет в роте. Некоторые ребята тоже проснулись и молча, пока никто не мешает, перечитывают старые письма... Вот ведь проклятая война, что с человеком делает: на передовой смерть, жестокость, приливы страшной злости, отчаяние заполняют души, а здесь, вдали от передовой, возвращается беспокойство, ложится тяжесть на сердце за судьбу близких. Тревога, чувство горькой досады, порожденное собственным бессилием, приходили к людям даже во сне, мучили их кошмарами и горькой обидой. Люди искали спасения в осознании общности этих тревог, тогда они казались мельче, становились малой частицей в огромном горе, в большой беде всего народа. Были спасением и дружеские шутки, подначки, веселый треп, досуший вымысел, добрые песни...

А бывали патристические чувства большого благородного накала, такие, о которых певалось в песнях? Бывали! Даже сами песни – это проявление патриотизма, в особенности народные песни. Конечно, это не в самом бою, не в мгновения жестокой схватки, когда вообще не до размышлений, когда все сосредоточено на конкретных действиях; это не на исходе долгого марша, когда чугунная усталость гасит все мысли, но выносливость человека, его напористость, отвага в бою, незаметно формируются тем, что мы называем чувством патриотизма. Чувство осознанного патриотизма подкреплялось и мыслями о том, что «со времен Олеговых» наш народ в жестоких битвах отстаивал свою независимость. Память поколений говорила сердцу о том, что чужеземные завоеватели никогда не приходят с благотворительными целями. Огонь и меч несет с собой захватчик. Наши предки сумели отстоять свое отечество, отстояли его от завоевателей и грабителей, от полчищ Чингисхана, Тамерлана, Мамай, от других не менее жестоких и наглых ханов, отстояли от турок, шведов, немецких рыцарей, Наполеона, от похода четырнадцати держав – и вот теперь наступил наш черед показать, на что мы способны. И если мы не отстоим, не выдюжим в этой войне, то будет уничтожена наша держава, пойдет в рабство наш народ. Тогда мы перечеркнем все, что было сделано нашими предками, нас проклянут наши отцы и деды, проклянут потомки, все наше поколение будет проклято историей и людьми, мы проклянем себя сами, мы станем недостойными наших отцов и дедов, нашим костям не будет места на кладбищах и изрыгнет земля проклятия самим именам нашим. Сознание этого было убедительнее всех политбесед. Политбеседы передавали настроения и напряженность дня, от силы – недели, но не памяти веков и поколений.

Верили ли мы в гений Сталина? Да, верили. Нельзя на войне без веры!

Мы верили, как непоколебимо верили воины своим князьям и полководцам далекого прошлого. Мы верили своим командирам, надеялись на их удачливость, разум и военный талант, надеялись, как Мальчиш-Кибальчиш, что им известна военная тайна, которая несет гибель врагу. Всегда так легко верить в то, во что хочется верить. Труд-

но, невозможно идти на риск, почти невысказанно подняться под ливнем пуль в атаку в свой, может быть, последний бросок, не веря в верховный разум, не надеясь на командира, на собственную везучесть и не чувствуя рядом плеча товарища. Самопожертвование? Да, оно было, но то особая статья, то всегда сплав героизма, самоотречения, упорства и... отчаяния.

Сталину верили все – и те, кто оказался на поле боя, оставив свой завод или колхоз, и те, кто покинул магаданский лагерь, чтобы кровью искупить свой грех, в котором не всегда был повинен. Сталину верили, как большинство верит Богу. Мощными средствами пропаганды и массовой информации эта вера формировалась в течение двух десятилетий. Во время войны все мало-мальски военные успехи нашей армии, удачные маневры советской дипломатии неизменно увязывались с гениальностью Сталина, с его ленинским предвидением, с его разумной последовательностью в свершении предначертаний пророков марксизма.

Даже успехи в малом и скромном не обходились без имени вождя. В наших бригадной и армейской газетах сплошь и рядом в корреспонденциях «с места боев» удручающе однообразно и неправдоподобно сообщалось, что «в едином порыве, с боевым кличем «За Родину, за Сталина», наши отважные бойцы Н-ского подразделения бросились в штыковую атаку и обратили врага в бегство». К таким газетным оборотам люди привыкли, смирились с обычностью нелепой формы рассказа и не обращали на это внимания. Редко кто критически оценивал ритуальные, обрядовые фразы, их считали неизбежными, как «аминь» в молитве.

За военные поражения страшного 1941 года и лета 1942 года винили армейское начальство, обвиняли популярнейших маршалов, но не Сталина.

За ниспосланные страдания чаще обвиняют бесов, чем небожителей. Да и то сказать, Сталин с первых дней войны стал Председателем ГКО, он с августа 1941 года стал Верховным главнокомандующим. Он стоял во главе партии большевиков, которая подняла Советский народ на борьбу с фашизмом. Огромнейший груз возложенной на него ответственности, страшная тяжесть этой «шапки Мономаха» были понятны каждому и заставляли относиться к имени верховного вождя с глубочайшим уважением.

Страшные потери народа, крушение всех военных доктрин, нелепость военных уставов, отчаянное положение страны – все это относилось на счет генералитета, не способного претворить в жизнь идеи и указания вождя, относилось на счет некомпетентности командования среднего звена, его нераспорядительности, предательства неизвестных людей и вероломства правительств союзных держав.

Култ Сталина, как и другие всевозможные культы вождей и их соратников, создавались не народом, не случайно. Зерна култов всегда падали на подготовленную историей почву, народ в этом деле был не творцом, а жертвой. Нередко безмерное, безудержное славословие в адрес вождя вызывало в народе чувства непонимания и досады, воспринималось, как явные перегибы пишущей братии, только вредящей авторитету и истинной значимости личности в истории.

В своем многовековье народы создали и оставили в памяти поколений свои незабываемые сказания и прекрасные песни. В песнях были слова о Родине, о любви, о природе, о грозных и непокорных атаманах, но не было истинно народных песен о вождях, политических деятелях. Деятелям ставили памятники и грандиозные обелиски, но не слагали песен. Култ личностей, легенды об их непогрешимости были и будут нужны только тем, кто привык к повелеванию, кому нужно тешить тщеславие, тем, кто привык кормиться и сыт бывает только от барского стола, только тем, кто из слез обездоленных наловчился выжимать золото, кто ухитрился балансировать на канате, сплетенном из лести и угодничества.

На кой шут было нужно словоблудие о вождях окопному солдату? Солдаты не умели курить фимиам* и не изощрялись в прославлении вождей. Руки солдата, рабочего, крестьянина, их мозг и система мышления были созвучны с понятиями борьбы и созидания в самое решительное, последнее и скорбное мгновение... «Когда умирали товарищи, по-русски рубаху рванув на груди», тогда они не вспоминали вождей, не говорили о маршалах, тогда непроизвольно и люто с их языка срывалось такое, чего не выдержала бы и бумага.

Но человеку нужна вера. В те тяжкие дни верили люди в Господню благодать и в Царствие Небесное, в справедливость и грядущий Страшный суд, верили в коммунизм и его идеалы...

Течет время, и совершенствуется разум человеческий, и на какой-то ступени человек сознает, что любая вера – это еще не есть знание.

Тогда, очень давно, полвека назад, человек верил, но относился к вере, как к чему-то параллельно следующему линии его судьбы и жизни. Недаром же в то время особенно употребима была поговорка: «На бога надейся, а сам не плошай».

Мало, очень мало времени оставалось у человека для раздумий. Война – это совершенно особенное физическое и психическое состояние людей. Война – это всегда действий больше, чем раздумий и анализа. Война – это свои, отличные от мирного времени законы, это правосудие мгновения и жребий судьбы...

Бесконечен и бесперспективен спор поколений. Не нужно спорить! Неразрушима цепь времен. Никогда бы не наступил сегодняшний день в настоящем своем облики, если бы не выдержали солдаты танковых атак под Москвой, под Сталинградом и на Кавказе, если бы не была полита земля солдатской кровью. Не нужно спорить, нужно не забывать!..

* * *

В это утро, впервые в истории нашей роты, побудку разведчикам сыграл не старшина и не командир роты, а Мишка Осейкин, который вроде бы стал осваиваться с ролью ротного кока.

Мишка стучал черпаком по крышке кухонного котла и кричал:

– Подъем! Полундра! Шум на баке! Бери ложки, бери хлеб!

Проснувшиеся ребята расталкивали еще спящих своих товарищей, быстро разбирали котелки, отряхивали маскхалаты от пыли и налипших сухих травинок.

Осейкин был придирчив и бескомпромиссен: он ни за что не положит каши в немытый котелок и не станет кормить разведчика в неряшливой одежде. Все команды ротного кока выполнялись незамедлительно, с превеликим тщанием и без пререканий.

После завтрака Ласточкин приказал всем сдать маскхалаты старшине и разобрать шинели – ночи становились прохладными. Это решение и по другой причине было правильным: я сам заметил, что на светло-коричневой или откровенно рыжей траве наши зеленые маскхалаты уже не маскировали нас. Что поделать, начался октябрь, изменились в природе краски, изменилась погода.

Вот тут-то и началось для меня совершенно неожиданное. Большинство ребят без колебаний и без всякого ропота стащили с себя уже порядком изодранные и не очень умело зашитые маскхалаты, но некоторые вдруг непонятно уперлись. Например, Хорькова Ласточкин буквально силой заставил снять маскхалат. Каково же было удивление многих, когда, сняв маскхалат, Хорьков предстал перед всеми в исподнем белье не первой свежести. Он стоял в кальсонах и нижней рубахе с тесемочками вместо пуговиц

* Курить фимиам – неумеренно восхвалять кого-либо.

и не мог внятно объяснить, куда у него делись красноармейские гимнастерка и штаны цвета хаки из х/б ткани. Он неуверенно лепетал о том, что кто-то украл у него гимнастерку и брюки, когда он их выстирал и повесил сушиться на кустах еще там, в овраге под Эльхотовом. Этому никто не верил, потому что ребята и припомнить не могли, когда это мы устраивали постирушки, не до них было. Все ждали от Хорькова какой-нибудь более убедительной выдумки, более складного вранья, но, видимо, ему в голову ничего не приходило.

Командир роты сразу определил, в чем тут дело, у него уже не было сомнений. Ласточкин оказался догадливее меня, он кричал, что Хорьков шаромыжник и пьяница, что он будет строжайше наказан. Ласточкину вторил старшина. Но что Хорьков! Этот факт не подействовал бы так ошеломляюще, если бы дело касалось одного Хорькова. Но Авдеев! Да-да, Гришка Авдеев оказался в таком же положении, мало того, у него и подштанники вдрызг драные. Федька Фролов, связной Ласточкина и даже... даже сам Ванька Подосенов оказались без гимнастерок, и не только они! Старшина взялся за голову, Ласточкин и Попов неистовствовали. Кажется, единственным человеком, который сохранил рассудительность, был Толька Медвинский. Анатолий помотал головой, стер со своей физиономии улыбку Мефистофеля и спокойно сказал:

– Тю! Подумаешь! Война все спишет, на войне и не такое бывает. Вот у нас на Балтике, помню...

– Хватит баланду травить! Понимаешь, что половина роты голые! – взвинтился старшина.

– А ты не шуми, – спокойно говорил Медвинский. – Еще Петр Великий говорил, что тот не солдат, кто после бани штанов не пропил... А тут не оружие ведь, а штаны. Подумаешь! Давай акт составим, что в результате героических подвигов, проявленных в боях с озверелым врагом, часть наших доблестных разведчиков утратили штаны, которые пришли в полную негодность и для сдачи на вещевой склад не пригодны...

– Хватит трепаться! Акт, акт! Так и поверят твоим актам. Там на складе вещевого снабжения такой хмырь сидит, он ничему не верит, ему тряпье, да сдай! – не успокаивался старшина.

– Так ты и сдай ему тряпье.

– Откуда мне его взять?

– Какой ты старшина, если тряпья не найдешь! А тряпья нет – составляй акт на повозку с конями, так быстрее поверят. Вон кухню вместе с конями и поваром в момент списали! Составляй акт и поедем вместе, я этого хмыря враз уболтаю.

Не знаю, как там был составлен акт, как «убалтывал хмыря» Медвинский, только в этот же день к вечеру все, кто пропил обмундирование, получили другое, совершенно новое, а остальные ходили в старом. Но все это к концу дня, а пока связной роты был без рубахи, с пакетом в разведотдел штаба послали меня.

Пакет я сдал быстро, без приключений самому Натынову и направился обратно в роту. Я шагал по улицам большого селения и с любопытством рассматривал добротные дома с белеными стенами, с широким крыльцом вдоль всей стены, с крашеными ставнями на окнах. На стенах под крышей крыльца висели длинные косы, сплетенные из золотых луковиц, гирлянды высушенного красного перца. По улицам ходили жирные зазнавшиеся гуси. На ступенях крыльца или на скамейках сидели неподвижные старики в лохматых шапках. Возле домов и надворных построек хлопотали женщины с закутанными в черные платки лицами – все непривычно, все интересно.

Возле двух пожилых мужчин, сидевших на ступеньках крыльца, я остановился и поговорил с ними в традиционном восточном духе:

– Салям алейкум!

– Алейкум ассалям. Чего, дорогой, спешишь? Присядь, покури, поговорим.

Я подошел. Меня действительно угостили душистым, но непривычно слабым табаком.

- Нравится табак? – спросил мужчина с бородой, сильно тронутый сединой.
- Хороший табак.
- Кури на здоровье. Как там у вас дела на фронте?

Чем-то неуловимо холодным царапнул меня этот вопрос, он словно отгораживал спрашивающего от общих больших тревог и забот.

– Дела на фронте вам, наверное, известны, это общие дела всех народов. Разве ваши сыновья не в армии?

– Да-да, все так. Но откуда нам знать новости, когда радио не работает и газет не продают. Мы совсем ничего не знаем.

- Тяжелые бои идут. От Моздока до Эльхотово бои.
- Да-да, – задумчиво протянул хозяин. – Скажи, немцы придут сюда?
- Думаю, что нет.
- Это хорошо.

Из дома вышла женщина с небольшой кастрюлькой в руках, стрельнула на нас глазами и торопливо спустилась по другой лесенке крыльца, ушла в какой-то сарайчик. На крыльце возились два мальчика лет семи-девяти, они с любопытством прислушивались к нашему разговору.

– Слушай, хозяин, у вас раки не будет? – Вдруг спросил я, хотя знал, что ничего не смогу предложить взамен.

- Нет, раки нет. Откуда у меня рака? Хочешь, я угощу тебя молоком?

– Не откажусь. Спасибо. Я уже и вкус забыл этого доброго напитка. Мужчина повернул голову к сарайчику и что-то громко закричал на своем языке. Из сарайчика показалась женщина, она что-то переспросила, и мужчина снова ей что-то сказал, кивнув на меня. Женщина пошла в дом и вернулась оттуда с небольшой глиняной миской, в которой было налито топленое золотисто-коричневое молоко, в котором плавали стручки перца. Женщина молча подала мне мисочку.

– Пей, – сказал мужчина, – это наше национальное блюдо. Мы угощаем им только уважаемых людей. Это блюдо для мужчин и оно помогает от многих болезней.

Я сделал глоток и чуть не подавился, словно огнем обожгло глотку. Мужчина спрятал усмешку под седыми усами. Я сделал еще один небольшой глоток и вернул миску.

- Спасибо. Здесь слишком много перца.

– Это хорошо. Вот мы привыкли – и ничего. Мы едим много перца, и у людей проходят болезни.

Я вернул хозяину посудину с молоком и вытер горевшие огнем губы. Хозяин передал недопитое молоко своему товарищу и тот отнес мисочку в дом.

- Так как там у вас на фронте? – повторил хозяин свой вопрос.

– Ты как-то странно спрашиваешь, хозяин. Фронт – он для всего народа фронт – и для меня, и для тебя. Это не только у меня, это у нас с тобой одна беда.

- Оно, конечно, так...

Мы сидели с хозяином дома на крыльце, из дома вышел его собеседник и устроился на ступеньке повыше, сзади нас. И тут я краем глаза случайно заметил, что собеседник хозяина что-то безмолвно показывает маленькому мальчику на меня. Он явно старался сделать так, чтобы я ничего не заметил. Это невольно насторожило меня. Я продолжал какой-то односложный, ничего не значащий разговор с хозяином, а сам прислушивался к тому, что делается за моей спиной. Через несколько секунд я неожиданно почувствовал легкое, очень осторожное прикосновение к карману брюк. По заведенной традиции и по привычке в карманах у меня были автоматные патроны. На ступеньки крыльца я сел так, что карман оттопырился и патроны были видны. Тот, другой мужчина, собесед-

ник хозяина, увидел патроны и указывал на них маленькому мальчику. Тот осторожно просунул в мой карман пальцы и... резким движением я поймал ручонку воришки. В его зажатом кулачке был автоматный патрон. Все это увидели хозяин, женщина, вышедшая в этот момент из двери дома. Все они что-то громко закричали на перепуганного мальчика, который отчаянно вырывал руку и не догадывался выбросить патрон. Поднялся такой шум, гвалт, что вышла женщина из дома напротив. Я разжал пальцы мальчугана, отобрал у него патрон и встал со ступенек.

– Мальчик, воровство не украшает джигита. Зачем тебе нужен патрон?

Мальчик ничего не отвечал, я отпустил его руку, он рванулся и убежал домой. Вслед ему негодуяще кричали что-то хозяин дома, его собеседник и стоявшая на крыльце женщина.

– Он совсем дурной. Он маленький, это для него игрушка, но я его накажу. Залезть к чужому в карман! Вай, такого еще не было в нашем ауле...

Хозяин говорил еще что-то, а мне вспомнились рассказы ребят, что в этих краях местное население (в основном ингуши) скупают оружие и боеприпасы, даже такса установлена: автомат – 25 тыс. рублей, винтовка – 15, винтовочный патрон – 15 рублей, автоматный – 5. Сам я не видел и не был свидетелем подобных сделок, но упорные слухи об этом ходили во всех подразделениях. Ходила даже такая байка, будто бы трое наших прохиндеев продали ингушу автомат. Один договорился и пришел продавать, двое других спрятались рядом и нацепили друг другу красные повязки на рукав. Первый не брал деньгами, он попросил будто бы за автомат несколько бутылок раки и пять штук баранов. Когда он получил требуемую плату и вышел из дому, то вроде бы случайно нагрянули двое его товарищей. Короче, была разыграна пошлая комедия с проверкой документов и обыском. У ингуша был отобран автомат, а у бойца «конфискованы» рака и бараны. Бедному, перепуганному ингушу пригрозили, что его будут судить... В общем, болтали многое. Поэтому меня насторожила попытка мальчика украсть у меня патроны, а тут еще непонятное поведение собеседника хозяина, который явно подталкивал мальчика к краже.

Я встал, повесил на плечо автомат и сказал хозяину:

– Спасибо за угощение, кунак. И прими совет солдата: хочешь иметь оружие? Хоть пушку? Пойдем со мной вместе. У нас воюют грузины, армяне, азербайджанцы, осетины и ты среди нас не будешь лишним. Да, ты немного стар, но вот твой товарищ подойдет как раз. Только если он хочет сидеть дома, так зачем ему оружие? Это ведь он учил того мальчика красть патроны. Только твоему товарищу, хозяин, больше подойдет бабья юбка, чем автомат. Все! Бывайте здоровы, не кашляйте и лечитесь перцем, может, станете мужчинами.

Я повернулся и пошел в роту. Там я не стал рассказывать о случившемся. Хватит с меня приключений в Ольгинском. Только вот на душе было до того противно, будто это я научил мальчика воровать. Ребята драили оружие. Мне сменили автомат, так как мой иногда отказывал в бою, а это всегда смертельно опасно. Потом нам устроили баню, и это тоже было очень нужно – у нас в одежде появились вши. Мы вымылись, и над огнем прожарили белье. В общем, привели себя в порядок.

Перед обедом Попов провел короткую политбеседу. Он начал с обстановки на фронтах. Вообще, он пересказывал то, что мы уже знали, но все слушали его охотно. На всем огромном фронте от Баренцева моря до Казбека шли тяжелые, кровопролитные бои. Не сидят славяне без дела. Летом этого года вся тяжесть сражений пришлось, кажется, на южное крыло огромного фронта. Конечно, не пишут о нас в сводках, а бои здесь страшные. Союзники колуваются в Африке и на островах Тихого океана – где-то на задворках большой войны, совсем не там, где решалась ее судьба. Дураку было ясно, что они дают возможность и нам, и Германии пустить друг другу побольше крови. Вя-

зались они в войну с Гитлером, но нас за друзей не считают и тянут со вторым фронтом. Попов об этом не рассказывает, такие мысли рождаются сами по себе, но внешне люди словно сговорились говорить не то, что думают. По каким-то высшим соображениям нужно было не говорить правды. В конце политбеседы Попов как-то ловко перевернул все на ребятам, которые проявили полную несознательность, недисциплинированность, преступную разболтанность и обменяли на раку, то бишь пропилы, обмундирование. Мы дружно осудили несознательные поступки своих товарищей и пошли обедать.

После обеда в расположение роты прикатил на пропыленной и исклеванной осколками полуторке начальник разведки Натынов. За рулем машины был хорошо знакомый нам шофер Чижик. Пока начальство вело разговоры, в которые никто из нас соваться не имел права, Чижик успел управиться с котелком борща. Мишка Осейкин оказывал Чижикю явное покровительство, рад был накормить приветливого парня, да и то сказать – с фронтовым шофером дружбу терять нельзя, говорят «не плюй в колодезь».

Капитан Натынов, несмотря на теплый день, был в длинной кавалерийской шинели, в петлицах которой горели новенькие рубиновые шпалы. Увидев меня возле автомашины, он скомандовал:

– А, это ты! А ну быстро в кузов! Поедешь со мной. Будешь сидеть в кузове и следить за воздухом. Понятно?

А чего тут понимать? Конечно, проще задачи не выдумать. Проехать на автомашине по тыловым дорогам представлялось мне делом приятным. Я быстро вскарабкался в кузов, где возле задней стенки лежали две пустые железные бочки из-под горючего и возле них бухта грязной растрепанной веревки, наверное, чтобы бочки не катались по кузову. Я уселся возле кабины на пустой снарядный ящик, Натынов сел в кабину рядом с Чижиком, мотор постонал стартером, фыркнул и машина покатила не спеша по улицам Старого Батакоюрта. Вскоре селение осталось позади, машина отчаянно запрыгала на выбоинах проселочной дороги, в кузове загрелись пустые бочки. Чижик прибавлял газу. По непонятным законам аэродинамики густая пыль не просто волочилась за автомашиной, она крутящимися вихрями обрушилась в кузов, слепила глаза. Я попробовал встать на ноги за кабиной, чтобы пыль уносило встречным потоком воздуха, но удерживаться на ногах на такой ухабистой дороге было невозможно. Машина подпрыгивала, переваливалась с боку набок, грохотала и стонала, а Чижик все гнал и гнал. Железные бочки перепрыгнули через веревку и катались теперь по всему кузову, норовя переломать мне ноги. Я едва успевал отбиваться от них, в кузове все прыгало, дрожало, гремело и не было конца этой сумасшедшей скачке. Машина вырвалась в широкую долину, дорога стала прямой, но ухабов на ней не убавилось. Меня жестоко трясло и подбрасывало чуть ли не выше кабины, бочки оглушительно гремели, ударяясь о борта кузова и друг о друга, остервенело кидались на меня, и я едва успевал ногами отбиваться от них. Ни за каким воздухом я естественно следить не мог. Так продолжалось долго, очень долго. У меня сложилось впечатление, что Натынов с Чижиком задались целью вытряхнуть меня из кузова, да если бы я и вправду вылетел – они бы не сразу хватились.

Мы выкатили на шоссе, и машина остановилась возле каких-то белых домиков. В последний раз я оттолкнул ногами бочки, улеглась пыль, хлопнула дверца кабины и над бортом автомашины показалась голова Натынова. Мне показалось, что посмотрел он на меня с каким-то странным недоверием, удивлением и вдруг брякнул:

– Ты живой? Ну, ты силен!

Я даже не нашелся, что ответить на вопрос моего командира. Натынов пошел к дому, из кабины вылез Чижик и тоже как-то странно посмотрел на меня. Я молча pokrутил пальцем у своего виска. Он, очевидно, понял, пожал плечами и сказал извиняющийся голосом:

– А я что? Он же приказывает – гони, да гони!

– Ладно, хмырь, придешь в роту, мы тебя научим выполнять приказы так, что переночевать негде.

– Да ты не обижайся. Этот ваш капитан как с цепи сорвался...

– А, брось, Чижик, за рулем был ты, а не капитан. Дурной ты джигит, не варит у тебя котелок.

– Так приказывает же! Жми, говорит, на всю железку. Интересно, сколько он там в кузове продержится.

Я вылез из кузова, отряхнул шинель и встал так, чтобы сподручнее было врезать Чижику по шее для памяти.

– Значит, ждали, когда я из кузова вылечу или меня бочкой пришибет?

– Да нет! – ответил Чижик и опасливо отошел от меня. – Ему ж, дураку, просто с ветерком прокатиться захотелось, да еще ждал, когда ты крик подымешь, а ты не кричал. Ты тоже гусь – хотя бы «воздух!» крикнул.

– Знал бы, вмазал тебе очередь по скатам и хрен с тобою! Ты знаешь, если я ребятам расскажу, то какой тебя кашей в следующий раз накормят?

– Брось сердчать! На войне, да еще с дурным начальником еще и не то приключиться может. Хочешь, я тебя ракой угощу?

Чижики прищурился и причмокнул.

– Ладно, давай уж. А закусить есть чем?

У Чижики оказалось полбуханки солдатского хлеба, небольшой шматок сала в тряпиче, несколько больших помидорин и фляжка крепчайшей раки. Сам Чижик выпил немного, а меня, чувствуя собственную вину, не ограничивал. Примирение у нас состоялось, и через минуту мы забыли о сумасшедшем автопробеге по пересеченной местности. Мы успели выпить, закусить, вдоволь накуриться, когда появился Натынов. Он даже заодно подмигнул мне и сказал:

– Давай в кузов. А ты, Чижик, гони в Брут. И чтоб с ветерком!

Я ожидал повторения скачки, но теперь Чижик катил быстро, но аккуратно. Не знаю, каких чертей сажал Натынов по дороге Чижику, но когда мы оказались в Бруте и Натынов вылез из кабины возле склада горюче-смазочных материалов, в небольшом овражке на окраине поселка, я услышал, как Чижик оправдывался:

– Я ж говорил вам, товарищ капитан, машина старая, ходовая часть ни к черту. Кардан это не шутка, его так не починишь, да и рессора вон, посмотрите сами, вон что делается. Не знаю, как назад доедем.

Говорил Чижик убедительно. Натынов нахохлился и замолчал. На складе мы с Чижином сдали две пустые бочки, а две полные нам помогли закатить в кузов.

– Смотри, курить не вздумай! – строго предупредил меня Натынов.

– А что?

Я притворился непонимающим.

– Как что? Знаешь, если искра попадет, что будет?!

– А что будет? Вы знаете, товарищ капитан, как от бочек искры летели, когда мы сюда ехали? Они как стукнутся друг о дружку, так искры снопами.

Натынов посмотрел недоверчиво на меня, на тяжелые бочки и захлопнул дверцу кабины. Обрато мы ехали, не торопясь, с предельной осторожностью преодолевая ухабы.

* * *

Утром произошло памятное и впечатляющее событие: к нам в роту пришло пополнение. Это кстати, а то от нашей роты почти ничего не осталось. Много полегло ребят в боях под Курпом, под Дейским и Верхним Акбашем, под Плановским и Эльхотовом, под Илларионовкой. В боях-то всего полтора месяца, а дорог уже пройдено, а крови проли-

то – много! Человек двадцать новеньких пришло, да несколько человек из батальонной разведки в роту перевели. Так пришел к нам уже знакомый разведчик Купоросов, его за бой под Верхним Курпом к медали представили. Были и новенькие, необстрелянные ребята, и вместе с ними пришел довольно пожилой мужик лет около сорока, с круглым лицом, с глазами-щелочками и огромным красным, как у Колы Брюньона, носом. Фамилия его была Михайлов, родом он был с Кубани из какой-то большой станицы. Он был очень добр и застенчив не в меру. Несколько человек из пополнения пришли в роту из госпиталей – эти освоились быстро, им было не привыкать. Мы, старички роты, ходили среди новичков петухами и «оказывали покровительство». Новички даже на меня смотрели как на закаленного морского волка. Это мне немного льстило, хотя в глубине души я еще считал себя салагой. Как бы там ни было, а с этими ребятами нам придется в самом скором времени идти в поиск. Как они? Как поведут себя в бою?

Ласточкин распустил строй и приказал всем вновь прибывшим перезнакомиться с нами, смелее осваиваться в нашем боевом коллективе. Ко мне подошел молодой парень с нескладно накрученными на ногах обмотками, в короткой шинели, едва доходившей ему до колен.

– Привет. Я Николай Серазов... Вот, к вам в роту теперь, значит, – сказал он неуверенно.

– Привет, Коля, садись, покурим, познакомимся.

– Спасибо. Не курю я, не научился. Ты с какого года?

– С двадцать четвертого.

– Годок значит. Давно воюешь?

– С августа. А ты? Откуда родом-то?

– С под Челябинска я. А воевать, что ж, вот начинаю воевать. А ты откуда?

– Из Москвы.

– Из самой Москвы? – недоверчиво переспросил Серазов.

Меня всегда забавляло то, что некоторые ребята, пришедшие в армию из далекой сибирской глубинки, считали, что уж ежели ты москвич, то непременно родился в самом Кремле и жил в одной коммуналке с вождями революции.

– Из самой Москвы, – подтвердил я Серазову.

Тот молча pokrutil головой и укоризненно посмотрел на меня, будто упрекая за розыгрыш.

С Серазовым у нас сразу установились добрые и доверительные отношения, парень он был простой, общительный и хороший товарищ.

Среди пополнения был и еще один, по нашим понятиям, пожилой мужик, тоже, как и Михайлов, лет около сорока. Этот был родом из Рязанской области. Рязанщину я немного знал – приезжал на лето в деревню к бабушке.

– Откуда родом-то? – спросил меня рязанец.

– Старожиловский я.

Рязанец искренне удивился и обрадовался.

– Ты гляди-ко – земляк! Ну, здорово, мужик.

– Здорово. А ты сам-то откуда?

– Из-под Пронска. Я ж говорю – земляк. Царевым Митрием меня величают. А ты с какой деревни-то?

Я тоже представился. Царев, видимо, был человеком дела и дорожил землячеством. Он тут же предложил:

– Вообще-то, вот что, земляк, нам нужно вместе держаться. Письма-то получал?

– Ни хрена. Ни одного письма еще. Да у меня там и осталась одна бабка.

– А что ж, жены-то нет что ли?

– Нет покамест.

– Н-да, а вот у меня дочка, да еще жена на сносях, да еще и старуха жива. Прямо и подумать страшно, как они там без меня... Ну, а у вас-то здесь как? Достается, поди?

– Всяко бывает, а в общем, скучать некогда.

– А насчет харчишек?

– Чего?

– Ну, кормят-то как?

– А, вон оно что! В бою насчет пожрать вспоминать некогда, а вообще-то ешь от пуза.

Я, конечно, был рад и Цареву – как-никак, а земляк тоже. Любил я рязанскую деревню, любил бабушку. Поговорить о Рязанщине, услышать характерное слово, рожденное в незапамятные времена в рязанской деревне, было приятно и на душе становилось легче.

Перед обедом в роту приехал Натынов вместе со старшим лейтенантом из особого отдела бригады. Старший лейтенант поговорил почти с каждым вновь прибывшим и, кажется, снова остался недоволен или только вид такой сделал. Потом всю роту построили. Натынов обошел строй, хмуря густые черные брови, а потом, рассказав немного о задачах разведки, спросил:

– Ну как, орлы, освоились на новом месте? Может, кому не понравилось, может, кто и в разведке оставаться не желает? Говорите сразу и проваливайте тогда в другие подразделения. Но предупреждаю, кто раздумал – говори сейчас, завтра поздно будет. Завтра с вас и спрос другой!

Строй молчал. Никто не изъявил желания уйти из разведки. После Натынова держал речь старший лейтенант-особист. Этот о бдительности говорил. Говорил страстно и убедительно. Ему верили, хотя, по его словам, выходило так, что в наших войсках и среди гражданского населения полно немецкой агентуры и встречаются даже притаившиеся до поры враги народа. В общем, здесь тоже нам казалось все ясным.

Ласточкин появился перед строем вместе с незнакомым младшим лейтенантом. Нам представили его: младший лейтенант Надирян, прибыл в роту на должность командира взвода. На вид ему было не больше девятнадцати лет. Небольшого роста, коренастый и плечистый, очень улыбчивый, он оставил у всех хорошее впечатление. Было по всему видно, что он только что окончил курсы младших лейтенантов, и его военная биография только что начинается. Новый младший лейтенант, командир взвода разведки, понравился всем – пришелся ко двору Надирян.

Натынов и старший лейтенант из Особого отдела долго в роте не задержались. Начальник разведки бросил Ласточкину:

– Ну, ты продолжай здесь, я еще заеду к вам.

В обед Осейкин накормил ребят из нового пополнения так, что у них отпала всякая охота покидать разведроту, но они ведь еще не представляли себе самого главного. Жизнь наша потекла снова размеренно и спокойно. Ванька Подосенов, расправившись с сытным обедом, ухмыльнулся и справедливо заметил:

– Этак воевать можно.

Но, как оказалось, у Подосенова был дурной глаз. Сглазил он, и надолго сглазил.

Безмятежная наша жизнь в Старом Батакоюрте была прервана перед самым ужином тем же Натыновым и самым решительным образом. Натынов прилетел к нам на своем беспокойном и горячем аргамак*, крутанулся на месте и, не слезая с коня, приказал Ласточкину:

– Подобрать разведгруппу из ребят поопытнее, сейчас будет машина – и в Лаки-

* Аргамак – рослая породистая азиатская лошадь.

сово. Я буду ждать вас при въезде в поселок. Остальные, вместе с обозом, туда же. Понятно? Все!

Аргамак крутанулся еще раз на месте, мотая вскинутой головой, сорвался с места и исчез, только копыта зацокали по сухой дороге. Все сразу беспокойно закрутилось в роте: Ласточкин формировал разведгруппу, ездовые и старшина собирали обоз, Осейкин доваривал кашу, разведчики в который раз чистили, смазывали оружие, запасались патронами, разбирали гранаты. Я попал в разведгруппу, которая отправлялась на задание. Странно слеплена человеческая натура: я представлял себе, что поиск может оказаться непростым и опасным, ведь мы не знали местности, где предстояло нам действовать, не представляли своего переднего края и обороны противника, так что всего можно было ожидать, а в случае неудачи Натынов и Ласточкин снова обрушат на наши головы упреки и ругань.

Остаться при обозе представлялось намного удобнее и спокойнее: марш небольшой, нетрудный, но если бы меня не включили в разведгруппу, мне было бы обидно, я почувствовал бы себя бойцом второго сорта и страшно неудобно было бы мне перед новичками из пополнения. Эти новички смотрели на меня, как на закаленного в боях разведчика, ведь даже сам Натынов сказал, чтобы подобрали на задание ребят поопытнее, а тут даже в разведгруппу не включили!

Перед ужином в роте появился наш связной, притащил кучу газет и писем. Сегодня я получил сразу три письма! Теперь я знал, что мои мать и братья уехали из Углича, но случилось с ними нечто чудовищное – тревожась за судьбу малышей, мать решила уехать в еще более спокойные места и такими местами ей казались среднее и нижнее течение Волги. Они все оказались под Камышином, а недалеко от них загремела страшная Сталинградская битва. Положение у них оказалось отчаянным, а я ну ничем не мог им помочь – посылки посылать рядовой боец не имел права, да и что я мог послать? Что у меня есть, кроме трофейного черного бумажника! Душа онемела от боли за братьев. Я получал, правда, ежемесячную зарплату в размере 90 рублей, как специалист-краснофлотец, но оставалось у меня от нее не более 25 рублей, а остальное, по общему решению коммунистов и комсомольцев роты, мы сдавали безвозмездно в фонд обороны. Да и что сделаешь на 80 рублей, когда буханка хлеба на базаре стоила 500 рублей. Вообще деньги сейчас потеряли свой смысл и стоимость, все менялось товар на товар, а какие у солдата вещи? Вон, Авдеев выменял и без штанов остался...

Второе письмо было от тетки из Москвы и тоже, несмотря на округлый, казенный заученный стиль, на осторожность выражений, было пронизано тревогой и неприятностями. Бедная старая тетка писала, что они с мужем работают, устают очень, и глаза у нее совсем стали больные. Из деревни, где осталась одна старая бабушка Матрена, нет никаких вестей, и вообще неизвестно, жива она там или нет. В Москве воздушные тревоги стали редкими, но с продуктами плохо, а продовольственные карточки, что я ей оставил, у нее украли...

Третье письмо было с работы. Мне писали, что помнят меня и желали бить захватчиков до полного их уничтожения, а работа идет, правда, людей не хватает, остались одни девчата, которые все мне шлют приветы и самые наилучшие пожелания...

В письмах одна тревога, одни нерешаемые проблемы, грозные, как судьба, они заполняли сердце. Заполняли баз остатка...

Пужинали молча. Тут и появилась знакомая полуторка с Чижиком, он всегда ухитрялся попасть к обеду или ужину. Чижик вылез из кабины, хлопнул наотмашь дверцей, иначе она не закрывалась, и шел к нам, улыбаясь всей своею чумазой физиономией.

– Все загорают! Там мешками кровь проливают, а они все еще ужинают! – говорил Чижик, направляясь прямехонько к кухне.

– Кашу рубать будешь? – лаконично спросил Осейкин.

– Во, народ пошел! Ну какой же боец нашей славной армии, да еще если он фронтовой шофер, станет от каши отказываться?

Мишка Осейкин, не скупясь, положил в котелок каши и Чижикик уминал ее с заразительным аппетитом.

– Ты был там под этим, как его, под Лакисовом? – спросил Чижикику Суменков.

– А как же!

– Далеко отсюда?

– Да что там, километров около двадцати, но дорожка – дай бог на пасху. Вообще-то все начальство уже там, под Лакисовом, одни вы здесь загораете, – просвещал нас Чижикик, не переставая расправляться с кашей.

Вскоре появился Ласточкин. В последнее время он стал каким-то дерганным, раздражительным. Увидев Чижикику, он подошел и стал его тут же подгонять:

– Хватит! Хватит! Давай закругляйся. Ты сейчас разведгруппу подбросишь, а потом еще ездочку сделаешь, остальных ребят с дороги возьмишь, забодай тебя комарь.

Чижикик отставил опустевший котелок и поскреб в затылке:

– Рисковое это дело, товарищ лейтенант, начальство ведь оно шкуру с меня спустит за такие дела.

– Ты здесь дольше кашу рубашешь, чем катаешься. Напугался тоже! Ну, спустят разочек шкуру, так что, забодай тебя комарь! Ну, а как мы с тебя шкуру спустим? Усек, кто сейчас для тебя ближе – мы или твоё начальство?!

– Ладно. Попробуем. Оно, конечно, бог не выдаст, так свинья не съест. Давай, кто там, в кузов!

В кузове поместилась вся наша разведгруппа и еще человек пять народу, которые должны будут встречать наш обоз и помочь ему обустроиться на новом месте. Ласточкин сел в кабину вместе с шофером. Как-то незаметно небо затянулось волокнистой серой пеленой, может быть, поэтому так быстро и потемнело. Мы разместились в кузове плотно, один к одному, как патроны в обойме. Машина постонала стартером, фыркнула и покатила по улицам селения. Дорога кружила по черным горбам горных склонов, забиралась все выше и была совершенно пустынной, в этот час не встретилось нам по пути ни единой живой души. Чижикик вел машину уверенно, но не в таком сумасшедшем темпе, как в прошлый раз с Натановым. Мотор натужно стонал на подъеме, за нами вдогонку снова летела дорожная пыль. В этой местности, мы уже заметили, все южные скаты гор были безлесными, выжженными солнцем, а северные, как правило, заросли густым, почти непроходимым лесом. Мы выбрались на перевал, когда уже совсем стемнело. В утробе машины прогрохотали шестерни, она сбавила ход, а потом вначале медленно, но все наращивая скорость, покатила вниз. Как только въехали в лес, Чижикик включил фары, и машина полетела по опасно узкой, с неожиданными поворотами дороге вниз. Навстречу нам стремительно неслись золотистые и изумрудные сверкающие стены сплошного тоннеля. Опасно было сидеть у борта – ветки деревьев исхлестали крышу кабины и спины ребят, над нами мелькали тяжелые корявые сучья старых деревьев, каждый из которых мог запросто снести человеку голову. Чижикик, видно, полагался на нашу сообразительность и способность уворачиваться от грозящей опасности, он непостижимым чутьем угадывал неожиданные повороты и близость опасного края дороги, за которым чернел пугающий провал оврага или пропасти. Наконец дорога стала отложе, Чижикик сбавил скорость и выключил фары. Проехали еще километра полтора и оказались в начале долины. Неожиданно у края дороги мелькнул свет карманного фонарика, машина остановилась, мотор заглох, стало необыкновенно тихо. Похоже, что здесь на каждом километре своя погода: над Старым Батакоюртом небо было затянуто тонкой пеленой облаков, а здесь звездное небо и молодой, еще тонкий месяц над черными горами.

Из кабины вылез Ласточкин. Посреди дороги стоял Натынов и с ним еще несколько человек, значит, приехали. Командир роты перебросился с Натыновым несколькими словами, а потом скомандовал нам:

– А ну, вылазь! Быстро!

Ребята быстро спрыгнули на землю, размяли затекшие ноги. Чижик развернулся, и машина покатила обратно, подслеповато мигнув нам на прощание красным глазком.

Натынов распоряжался решительно, словно чеканил команды:

– Разведгруппа вся здесь?

– Все здесь, товарищ капитан, – отвечал Ласточкин.

– Значит так. Слушать всем внимательно. Впереди в километре – Лакисово. За Лакисовом противник. Пойдете по этой дороге через Лакисово и там, за последними холмами, просочитесь сквозь передний край противника. Там дальше степь и проселочная дорога... Погоди-ка. Ни хрена вы не знаете, – Натынов достал из планшетки топокарту, в темноте зашуршала бумага, свет фонарика выхватил из темноты ярко-белый кусок бумаги.

– Вот смотрите, – продолжал Натынов, – вот Лакисово. Сразу за ним холмы, за ними противник, а дорога дальше идет по степи. Вот слева от дороги отдельный сарай или еще там что-то. Видите? Да нет, не туда ты смотришь! Вот сарай, возле самой дороги. Места для засады я здесь лучше не вижу. Вот здесь и взять «языка». Понятно? Без «языка» лучше не возвращайтесь! Ясно? Теперь так. Кто здесь останется?

– Я и еще четверо разведчиков, – доложил Ласточкин.

– А кто разведгруппой будет командовать?

– Главстаршина Суменков, товарищ капитан.

– Опять Суменков? Почему Суменков? А ты что, к обозу приставлен? Что это за порядки такие? Местность еще незнакомая, противник неизвестен, а он помкомвзвода посылает! Сам группу поведешь! А твой Суменков пусть на сей раз здесь обоз сторожит. Ясно? Утром вместе с «языком» явишься сам лично в штаб, он здесь рядом, справа от дороги. И запомни мне – без «языка» сразу всех веди в пехоту и сам туда отправляйся...

– Товарищ капитан...

– Что «товарищ капитан»?! Привыкли болтать! Выполняйте приказание! Все думай за них!

Натынов резко повернулся, кто-то подвел к нему коня, он лихо вскочил в седло, и по дороге зацокали копыта. За Натыновым сразу же ускакали в ночную темень и те, кто был с ним вместе.

После минутного неловкого молчания Ласточкин крякнул и сказал:

– Значит так. Рота будет располагаться в этом месте, слева от дороги. Суменков, проверь местность вокруг, поставь маяка у дороги. Обоз сразу замаскировать, построить шалаши. Чтобы к нашему возвращению завтрак был готов. Дай-ка мне свой автомат, забодай его комары!

Ласточкин забрал у Суменкова автомат, повесил его себе на плечо и буркнул уже другим тоном:

– Пошли. И не растягиваться.

Было заметно, что Ласточкина обидел оскорбительный тон Натынова, тем более, что все это было сказано в присутствии подчиненных. Действительно, во многих случаях Натынов был непредсказуем, хотя на сей раз, мне казалось, что он где-то был прав.

Прошли километра полтора и оказались в затихшем, словно вымершем, поселке. Небольшие домики с глинобитными стенами, выкрашенными известкой, окна затворены ставнями. Посреди поселка в неглубоком овражке ручей, перешли его по мелкому перекасту, не разуваясь. Воды здесь ниже шиколотки, но все равно ноги промокли. За ручьем снова улочка, прошли немного, и кончился поселок. Слева и справа от дороги

голые бугры, за ними степь. Кругом темно, тихо и нигде ни единой души, даже ракет не видно и стрельбы никакой. Совершенно не понятно.

– Стой. Послушаем малость, – остановил группу Ласточкин.

Тихо. Очень тихо. Слева отсветы далеких ракет, справа тусклое зарево дальнего пожара.

– Смотри-ка, что-то на передовую не похоже. Нет здесь никого, – шепотом протянул кто-то из ребят.

Действительно, если впереди где-то немцы, то и наши должны здесь быть...

– Не сглазь, а то рубанут пулеметом, аж переночевать негде, – рассуждает Федька Фролов. – Не может быть, чтобы на передовой была такая глухая тишина и ни единой ракеты.

– Медвинский и Фролов, в головной дозор! Идти осторожно, чуть правее дороги. Далеко не отрываться!

Две черные тени пошли вперед, мы за ними. Если здесь противник, то прежде всего он перекроет дорогу. Мы пошли правее дороги, прошли метров триста – никого. Повернули к дороге и вскоре вышли на нее. Степной проселок с заметно выбитыми тележными колесами колеями прямой струной тянулся по широкому полю. Что там впереди, за краем этого поля, никто из нас не знал. Далеко слева, а потом впереди простучали очереди немецких пулеметов – характерный сдвоенный звук выстрелов. В той стороне слева были видны сполохи осветительных ракет. Головной дозор шел осторожно, часто останавливался, вслушивался, но ничего нас не настораживало и именно это было неожиданным и странным. Если верить топокарте Натынова, то мы уже прошли передний край обороны противника...

Впереди показалась какая-то черная тень – не то старый стог сена, не то сарай. По команде Ласточкина развернулись цепью, взяли этот сарай в полукольцо и пошли к нему, стараясь не выдать себя шумом. Подошли совсем близко, но и здесь было абсолютно тихо. Похоже, никого здесь нет. Медвинский и Фролов обошли сарай вокруг, вошли внутрь. Мы услышали тихий условный свист. Сарай пуст. Никого здесь не было. Мы несколько раз прочесали местность вокруг сарая, но не обнаружили ни единой души, ни единого следа. Широкие дощатые ворота сарая распахнуты, плетневые стены и земляной пол. И тут ни единой души. Сарай был построен метрах в тридцати от дороги, за дорогой скошенное поле и разбросанные по нему охапки соломы.

– Н-да, – протянул тихо Ласточкин. – А места и впрямь для засады лучше не найти.

Все так же развернутой цепью мы залегли метрах в пятнадцати от дороги в разбросанных больших охапках соломы, закопались в нее, замаскировались и теперь уже ждали появления противника. При малейшем движении солома предательски шуршала, но этот шорох был слабым. Под соломой было тепло, пахло дедушкиным амбаром, по-домашнему уютно. В этом проклятом поле, кажется, кроме нас, дураков, не было ни единой живой души... Как знать, а может быть, что вот в эту самую минуту приближается к нам группа противника... За это время уже столько всего рассмотрелись, что удивляться ничему не приходится. Глаза привыкли к темноте, я различаю дорогу, бурьян вдоль ее колеи, черный силуэт сарая на другой стороне дороги. Время снова тянулось мучительно медленно и не было конца растянутому до бесконечности однообразным минутам... Прошло много времени и вдруг справа какой-то непонятный и близкий шум. Прислушался. Дьявольщина! Из соседней копны соломы доносится громкий и нахальный храп. Кто-то из разведчиков уснул и храпит безмятежно здесь, у дороги, где может появиться противник. По полю метнулась черная тень, и возле храпящего послышался злой шепот Ласточкина:

– Застрелю к чертовой матери, раздолбай!

Храп оборвался. Снова тихо. Действительно, очень хочется спать. Сон становится сильнее меня, в голове какие-то нестройные бредовые мысли, перемешанные со сновидениями. Сон подкрадывается коварно, незаметно... Чтобы прогнать его, чтобы не уснуть окончательно, грызу какую-то сухую соломинку, до боли сжимаю зубы. Сон отступает на считанные секунды, а потом наваливается с новой силой. Теперь слышался храп справа от меня.

И опять кто-то тихо матерится. Я сам засыпаю. Сознаю, что засыпаю, уже ничего не могу с собою поделать и боюсь только одного – как бы не захрапеть...

– Ты что, охренел?! Пулю схлопотать хочешь? Ребят подвести?!

По-моему, это голос Подосенова. Неужто это на меня? Вообще-то я не храплю во сне. Может быть, это не ко мне относится. Хороший парень Ванька Подосенов, но до чего же противно он шипит... Идет неравная борьба с храпунами, но ведь кто-то спит и по-тихому. Слышится негромкая, поданная шепотом, команда Ласточкина:

– А ну, встать всем! Всем встать, забодай вас комары!

Ребята нехотя поднимаются, а человека три еще продолжают лежать в соломе. Они спят тихо и крепко, они поднимаются только от неожиданного толчка в бок сапогом.

– Давай на другую сторону дороги, к сараю. Быстро, быстро!

Мы переходим на другую сторону ближе к сараю и снова расположились развернутой цепью, здесь соломы нет, здесь сухие и твердые комья земли. А дорога по-прежнему пуста, кажется, и ночь уже на исходе, а вокруг ни души. Все-таки странно. Странно до нелепости и не похоже на то, что мы позади немецкой обороны. Неужто мы до утра будем здесь торчать? Еще немного нужно вытерпеть. Кажется, и небо чуть-чуть посветлело, над полем незаметно появился седой туман. Утро. Наступает утро. Чего же мы еще ждем?! Если мы позади обороны противника, то в светлое время нам отсюда просто не выбраться. Ласточкин будто услышал мои мысли, он встал и тихо сказал:

– Все, пошли назад.

Все расстроены, у всех на душе чувство досады – провалялись, как дураки, всю ночь, в каком-то поле и все без толку.

Ребята встали, повесили на шею автоматы и молча пошли обратно в сторону Лакисова. Но не прошли еще и двухсот метров, не успели перейти дорогу, как впереди слышался стук колес подводы.

– Ложись. К бою, – тихо командует Ласточкин, и все снова заученно залегли в поле, развернулись в сторону дороги.

Еще темно и туман, но странно отчетливо слышны голоса людей, шагающих вместе с повозкой. Они разговаривают, не таясь, громко, ничего не остерегаясь и, к удивлению своему, я явственно слышу совсем не немецкие слова.

– ... Тай жук цый пысары!

– Во-во, – подтверждает другой, – и я ему говорил, как мне на всех-то разделить.

– Тай командиру, або комыссару треба доложыты. То ж обман один!

Шли явно наши, шли спокойно и были заняты каким-то будничным разговором о плутоватом писаре и собирались жаловаться на него самому комиссару. Они шли по дороге возле повозки, курили, сдержанно матерились... Нет, так немцы не ходят, так только одни наши обозники могут.

Подосенов вышел из-за сарая и пошел к дороге наперерез идущим. Его заметили, и разговор сразу оборвался. Автомат у Ивана на груди, руки он держит на автомате – он готов к любой неожиданности, но спокойно спросил:

– Здорово, хлопцы, вы кто такие?

Идущие остановились, их было четверо, и подозрительно осмотрели Подосенова.

– А ты сам-то кто?

– Да я с роты связи. Ось ждем як ще хлопцы кабель притащат, – говорил Ванька, щедро пересыпая свою речь украинскими словами, да еще врал зачем-то.

– А-а, – протянул украинец, – а мы в батальону, ось хлопцев гудуваты треба.

– Далеко?

– Шо далеко?

– Та ваша передовая.

– А-а, передовая? Та ось туточки.

Украинец как-то неопределенно махнул рукой, Иван на секунду повернул в том направлении голову, и этой секунды оказалось достаточно, чтобы украинец мгновенно сорвал с плеча винтовку, клацнул затвор и ствол уперся Ваньке в грудь.

– А ну, руки у гору, гад! Связист говорышь? Бачилы связиста – куда связь тянет не знает, де передовая тоже. Руки, гад! Пристрелю як погану собаку!

– Да ты...

– Стреляю, гад! А ну, хлопцы, стащите з него автомат, та пошукайте документи.

Ванька попал! Он уже был уверен, что это свои и применять оружие не собирался, но украинец держал палец на спусковом крючке винтовки – одно подозрительное движение Подосенова и этот парень выстрелит, по всему видно, что он не шутит. Спокойный и беззаботный с виду украинец опередил опытного Подосенова.

Ласточкин тоже видел всю эту картину, он быстро поднялся, за ним остальные и все направились с автоматами наизготовку прямо на группу обозников. Их было всего четверо, нас двенадцать, у них винтовки, у нас автоматы. Роли переменились.

– Стой, мать твою в четыре перечницы! – говорил Ласточкин, шагая к дороге, – опусти винтовку, забодай тебя комары!

Обозники поняли сразу, что силы у нас неравные, украинец нерешительно опустил винтовку.

– Кто такие? – снова спросил Ласточкин.

– Тай мы з першого батальону, ось до хлопцев харчи везем, боеприпасы.

– Кто старший?

– Ну, я старшой, так шо? Шо вы як скажени на людей кинулыс?

– Опуст, говорю, винтовку! Здесь все свои. Шляются тут по ночам! Порядка не знаешь? Пропуск?

– Та що пропуск, ну «мушка» пропуск.

– Вот так и говори! А то стрелять он будет! «Могилев» ответ. Мы вот только прибыли, – уже спокойно продолжил Ласточкин, – еще и не знаем тут ничего. Нам сказали, что противник здесь рядом.

– Так бы и казав. А то мутят мозгы! Ось по дороге ще верста с гаком, там балочка така, ось там и оборона наша, а за балочкою на высотах, там немцы, нехай им грец! Лупят, гады, з минометив, вот мы по туманчику и едымо.

– Ладно, шагайте, хлопцы. Мы своих дождемся и тоже пойдем. Только в другой раз сразу пропуск спрашивайте.

– Но! – дернул вожжами украинец.

Повозка дернулась, отошла от нас шагов на сорок, и только тогда послышалось недовольное ворчание, не то ругань. Видно, они нас ругали – уж больно неожиданно мы на них вышли.

Небо стало заметно серым, снова тихо. Не знаю, как другие ребята себя чувствовали, но мне было страшно и стыдно – значит, мы просидели ночь действительно как дураки позади нашей передовой. Что было бы, если эта повозка появилась на дороге полчаса назад?! Как могло случиться, что засаду мы сделали на своей фронтовой дороге?! Запросто мы могли притащить такого «языка», что потом и трибунал не сразу бы с нами разобрался, да и срам на всю бригаду. Хороши разведчики!

Мы сидели у дороги, курили и молчали, по-моему, у каждого были похожие мысли.

– Повоевали... Взяли «языка», что ж, в роту теперь? – прогудел Авдеев.

Все молчали, никто Гришке не ответил даже. Просто мы были настолько обескуражены, что и не знали как теперь нам поступить.

– Обрадовались, в роту им захотелось! Об Натынове соскучились? Пошли на передовую, там хоть в обстановке разберемся, – резко ответил Ласточкин и решительно встал на ноги.

Светало быстро. Стало хорошо видно дорогу и темно-коричневые метелки засохшего конского щавеля. Над землей белесый туман и небо от этого казалось беспросветно-серым. Ту самую «версту с гаком» мы отмахали быстро. Перед нами была довольно широкая, неглубокая балка, посередине которой было видно поле неубранной кукурузы. Кукуруза высохла на корню, была низкорослой. Никаких высот на другой стороне балки мы пока не видели – все скрыл довольно плотный туман. Перед нами край балки был крутым и неглубоким, по его склону заросли мелкого тернового кустарника. Здесь, под самым обрывом, были отрыты окопы, в которых расположились бойцы стрелковой роты. На краю балки стояла знакомая нам повозка.

Командира роты мы нашли под обрывом в окопе. Его окоп был замаскирован кустом и по своим размерам был чуть поглубже и пошире, чем у остальных солдат. Не-выспавшийся и охрипший лейтенант встретил нас все-таки приветливо и пояснил, что это и есть передний край обороны, впереди только немцы, они за балкой на высотах. Напротив роты высота с нефтевышкой, ее из-за тумана не было видно, так то – опорный пункт противника, а правее этой высоты, через другую неширокую балочку, на высоте пониже, там третья рота их батальона. Высота с нефтевышкой господствует над местностью, оттуда великолепно просматривается вся наша оборона, поле вплоть до Лакисова. С этой высоты немцы ведут пулеметный огонь, откуда-то бьют минометы, но вот сегодня на удивление тихо. Левее занимают оборону пулеметчики из отдельной пульроты. Фронт батальона здесь тянулся до самого Индеева, это не меньше четырех километров. Что там делается, лейтенант не знал, проводной связи с соседями у него не было.

– Вот такие, брат, дела, – вздохнул лейтенант. – Сидим и ждем, когда они нам по заднице врежут. Оборону держать некому, из огневых средств только винтовки да один ручной пулемет.

– А у соседей?

– А что у соседей? То, что у них – то не наше. И попробуй-ка здесь взаимодействуй, когда связи никакой. Сидим вот и пуляем изредка, чтобы немцы не считали, что мы уже драпанули. Не война, а хреновина одна!

– А на кой хрен вы здесь внизу сидите? Наверху по краю балки сподручнее было бы? – спросил Ласточкин.

– Везде хорошо. А вообще-то окопы копать под обрывом начальство приказало, а начальство, сам знаешь, оно от бога, с ним не спорят... Слушай, разведка, говорят там, сзади нас какие-то новые части появились, связисты связь тянут. Не слыхали, случаем?

– Ни, ничего не знаем, – мотнул головой Ласточкин.

Вернулись мы в свою роту уже к обеду, усталые и злые. Ласточкин, не доходя до роты, свернул с дороги в штаб бригады. Наш обоз расположился на небольшой покатоj лужайке, окруженной ольховыми зарослями. Рядом оказалась скирда сена, ее тут же растаскали и устроили под кустами лежбища. Никаких землянок никто не строил. По опыту нашего оврага под Эльхотовым, для Ласточкина и Попова соорудили шалаши, а сами в таких вот утиных гнездах ютились.

Из штаба Ласточкин пришел злой, как черт. Он сразу залез в свой шалаш, к нему нескладно, на четвереньках заполз Попов.

Уже потом дошел до нас слух, что снова разнес Ласточкина Натынов за незнание обстановки, за дурацкую засаду, сделанную в собственном тылу, где мы могли бы натво-

рять дел. По оценкам Натынова выходило, что все мы никуда не годные разведчики и командует нами лопух... Вроде бы Ласточкин тоже не смолчал, несмотря на всю свою мягкость, и сказал Натынову все, что он о нем думает.

А мы что ж, мы к вечеру снова отправились в поиск, куда-то влево по фронту. В ту ночь мы неожиданно попали под жестокий пулеметный огонь. Спасла нас довольно глубокая дорожная колея. Часа два лежали мы под огнем двух немецких пулеметов. При отходе один разведчик был ранен. Утром нас Натынов выматерил и вновь пообещал разогнать всех поголовно.

К середине дня командованию стало известно, что на правом фланге обороны бригады в районе Индеево-Кескем противник перешел к активным действиям, т.е. бросился в атаки. Эти обстоятельства, видимо, сильно обеспокоили командование бригады. Ласточкина вместе с Поповым срочно вызвали в штаб, пропадали они там долго, а вернулись в роту вместе с грозным и хмурым, как солдатская судьба, Натыновым.

Сразу же были сформированы две разведгруппы. Группой из разведчиков второго взвода командовал младший лейтенант Надирян, другой, наиболее сильной, из разведчиков первого взвода численностью в двенадцать человек командовал сам Попов. У Ласточкина сильно разболелась раненая рука, поэтому он остался в роте. Суменков его заменить не мог – он с небольшой группой действовал в каком-то другом районе. Политрук роты, человек беспокойный и смелый, вызвался сам командовать нашей группой. Я попал в группу Попова. Вскоре нашу группу построили, и Натынов медленно обошел весь строй, наделяя нас не просто взглядом, а холодом немого презрения, смотрел на каждого из нас, как на своего личного врага или недоброжелателя. Потом, остановившись перед строем, он начал говорить негромко, чеканя каждое слово:

– Значит так, слушать всем внимательно, чтобы потом дураков не искать и не ссылаться! Понятно? Так вот, я лично разговаривал с комбатом и предупредил, что на его участке сегодня будут действовать разведчики. Ночью придете в Индеево, за ним в балке найдете штаб батальона, доложите, что вы пришли, но не действовать самостоятельно, выполнять только мои команды! Понятно? В километре за балкой противник. Главное – внезапность. План действий такой: сегодня одного из вас переоденем в немецкий мундир, дадим немецкое оружие. Он пойдет первым на максимальное сближение с врагом и бояться здесь нечего – немцы в своего стрелять не станут. Вот тут-то нужен решительный бросок вперед. Десять секунд на всю операцию. И возвращайтесь! На сей раз учтено и продумано все до последней мелочи. Сами думать не умеете, так вот за вас приходится! Чтобы сегодня мне без дураков! Ясно?

– Так точно, ясно.

– Р-разойдись! Всем готовиться к поиску, – командовал Натынов, потом круто повернулся и, не сказав больше никому ни слова, пошел к своему коню.

Мы готовились. Старшина вытащил из недр повозки необходимый реквизит: немецкий мундир, сапоги, каску и автомат «шмайсер» с магазинами. Обмундирование пришлось впору только одному – небольшому ростом Федьке Фролову. Его вырядили и критически осмотрели. Если сказать правду, то со своей скуластой, черноглазой и плохо выбритой физиономией Федька был не очень похож на немца, но старшина правильно решил, что ночью все кошки серы. К тому же, Федька знал несколько немецких слов, он даже часто употреблял их к месту и не к месту. Вместе с Федькой в головном дозоре пойдет Гришка Авдеев, что, по мнению ребят, увеличивало Федькины силы примерно в пять раз. За ними метрах в десяти должна двигаться группа захвата во главе с Подосеновым...

Действительно, на сей раз была продумана каждая деталь поиска, каждый знал свою роль и затвердил ее, усвоил до последнего движения. Но именно в этом и была допущена главная ошибка, которая обрекала поиск на неудачу.

Поиск разведчиков далеко не театральное действо, поиск в боевой обстановке – это, прежде всего, импровизация, это всегда непредвиденная ситуация, и расписать роль каждому – значит, сковать инициативу и свободу выбора действий с учетом самой неожиданной обстановки. Вряд ли в тот момент мы все это понимали, иначе плюнули бы на расписанные роли, но все-таки некоторые отнеслись к принятому сценарию без энтузиазма и с недоверчивостью. Когда Попов подчеркнуто бодро и весело вдруг спросил Авдеева:

– Ну как, возьмем сегодня «языка»?

Авдеев почесал бороду и брякнул:

– Вряд ли.

Попов аж сморщился, но Авдеев не стал уточнять причины сомнений.

И вот снова ночь. На сей раз ночь облачная и темная. Мы вышли из Лакисово и там, в степи, нас неотступно сопровождал близкий и унылый вой шакалов. Впереди были видны нечастые всполохи ракет и отдельные пулеметные очереди. Раз два мы останавливались, чтобы перекурить и сориентироваться. Как мне показалось, прошли километров пять. Стрельба теперь слышалась совсем близко. Правее, видимо, была дорога – раз два прогрохотали там колеса повозок, но мы их не видели – темно. Прошли еще немного, в дрожащем свете ракет рассмотрели впереди какие-то деревья и пошли в ту сторону.

– Индеево, наверное. Больше не курить и чтобы тихо! – почти шепотом скомандовал Попов.

В темноте мы наткнулись на край какой-то балки и пошли этим краем. Пока мы еще не встретили на своем пути ни единой души, это нас озадачивало и настораживало.

Мы еще не знали, что пока мы готовились к поиску, немцы при поддержке нескольких танков ворвались в Индеево. Наши стрелковые роты, понеся чувствительные потери, откатились назад, стали окапываться по краю балки. Сейчас реденькая и далеко не сплошная цепочка обороняющихся бойцов из перепуганных и потерявших между собой связь стрелковых подразделений была единственной линией обороны, что прикрывала подходы к горам и к Лакисову. Ночью в кромешной тьме наши солдаты и сами точно не представляли обстановки своих собственных сил и сил противника на этом участке. Вот в этой неразберихе и оказалась наша разведгруппа. Нам, может быть, и повезло бы, но все испортил, так нам казалось, Федька Фролов со своим «концертом».

Мы осторожно прошли краем балки метров сто и нас из темноты кто-то окликнул:

– Стой! Пропуск?

– Приклад. Отзыв?

– Проскуров. Кто такие?

– Разведка, – коротко ответил Попов и тут же получил:

– Какого хрена здесь шляется?

– Ты как разговариваешь! Кто здесь старший?

Мы подошли вплотную, но все равно ничего рассмотреть не могли в сплошной тьме перепутанных веток каких-то кустов. Там в глубине кто-то завозился и послышался уже другой голос:

– Ну, что там еще? Ну, я старший.

– Я лейтенант Попов, а вы кто такой?

В голосе Попова зазвенело раздражение – кто-то уж больно неуважительно с ним разговаривал.

– Виноват, товарищ лейтенант. Я за командира взвода тут. Старший сержант Макуха.

– Оборону занимаете?

– Так точно, товарищ лейтенант.

Наконец, мы рассмотрели людей, окопавшихся по краю балки в густом кустарнике. Их было пять или шесть человек.

- Где противник?
- Везде, товарищ лейтенант. Нас как из поселка-то днем фрицы вышибли, так нам командир роты приказал пока здесь окопаться. Пока окапывались, тут и стемнело.
- Из какого поселка вас вышибли?
- Да с того ж Индеева. Только какой уж это поселок, там всего два дома с одним сараем. Да мы и отбились бы, только вот танки, что б их намочило.
- Так что ж, в Индеево немцы что ли?
- Так я ж и говорю – немцы, товарищ лейтенант... А мы вот здесь. Они по нам из Индеева-то пулеметом норовят.
- Индеево это вон там, где деревья? – спросил Попов, – которые немного видны при свете ракет?
- Не, то просто роща, а Индеево малость полее. Только в роще-то тоже немцы.
- А где командир батальона?
- А кто ж его знает.
- А командир роты?
- Где-то позади нас. Пошел комбата искать.
- Нет там позади никого. Только сейчас там прошли.
- Как же это? – недоверчиво спросил старший сержант Макуха.

В общем, ничего больше от Макухи мы не узнали. Противник стрелял по краю балки из пулеметов, выстрелы слышны со стороны Индеева и левее. На вопрос есть ли кто-нибудь еще из наших бойцов по краю балки влево, Макуха точно не знал, но выразил уверенность, что нет никого. Немецкий пулеметчик стрелял трассирующими, и огненные строчки пуль метались над черной степью. Мы потеряли уже порядочно времени и теперь, если искать командира роты или батальона и уточнять с ними обстановку, то скорее всего мы проторчим до утра, и поиск придется тогда отложить на следующую ночь, а Попову этого не хотелось. Он решил действовать, и действовать немедленно – все равно войны без риска не бывает.

– Мы вперед пойдем, а вы здесь того, поосторожней, своих не перестреляйте! – предупредил Макуху Попов и скомандовал:

- Фролов и Авдеев, давайте вперед!

Снова, крадучись, пошли краем обрыва. Другой стороны балки в темноте не видно даже при свете ракет, и сама балка здесь стала глубокой. Пока все было тихо. Мы прошли не менее четверти километра, когда наш головной дозор остановился, услышав впереди подозрительный шум. Мы все подтянулись ближе и залегли на повлажневшей мертвой траве. Сомнений быть не могло – какие-то люди окапывались. Копали осторожно, стараясь не шуметь, и это нас настораживало. Наши непременно бы уже матюкнулись или закурили, а тут такая подозрительная осторожность.

- Окапываются, гады, – прошептал кто-то в темноте.

- Тс! Тихо!

Мы лежали и слушали минут двадцать, стараясь понять, сколько же там народу. То, что там немцы, после короткой кем-то сказанной реплики, уже никто не сомневался. Лязг лопат внезапно затих, то ли устали копавшие люди, то ли их что-то насторожило. От нас они были, пожалуй, не далее тридцати метров. Мы боялись, что противник примет что-нибудь или его солдаты незаметно уйдут отсюда, мы могли упустить верную возможность. Попов решил больше не медлить.

- Фролов, вперед, – прошептал политрук.

Федька поднялся на ноги, за ним встал Авдеев. Фролов поправил съехавшую ему на глаза немецкую каску и пошел вперед. Отпустив его метров на десять, поднялись мы. Федька помнил свою роль досконально. Нарочито громко топая сапогами, он пошел туда, где нам слышался лязг лопат. Впереди было по-прежнему тихо, люди, видимо, насторожились, услышав Федькин топот. До запланированного броска оставалось совсем

мало разделяющего нас пространства и времени, счет пошел на секунды. Тут Федька решил, что нужно действовать по программе, пора ошеломить, одурачить противника и Федька заговорил:

– Вorum шнапс! Зольдат компани!

Он нес по-немецки чистейшую абракадабру, знал, что городит непотребное, но продолжал нести чепуху на языке пьяных всего мира.

– Хальт! Хальт, твою мать! – послышалось оттуда, куда шел Фролов.

– Комрад, зольдат «Викинг»...

В темноте сверкнула колючая искра, и грохнул близкий винтовочный выстрел. Слава богу, стрелявший в Федьку человек в темноте промазал, но я успел заметить, как две черные тени махнули с обрыва вниз, в балку, и оттуда снизу хлопнуло еще два выстрела, а чей-то голос завопил:

– Ребята! В тылу фрицы-ы!

Слева гулко и басовито застучал станковый пулемет «максим», рядом зло взвизгнули, запели пули. Мы скатились тоже под обрыв, пулемет нас уже не доставал, но кто-то стрелял из винтовок. Так получалось, что мы не могли на огонь отвечать огнем, мы уже поняли, что по нам стреляли свои – опять мы попали в нелепую передрагу. В это время и немцы, не понявшие настоящих причин нашей огневой активности, открыли по балке и ее склонам сильный пулеметный огонь, и наша группа крутилась под этим огнем, пока не удалось нам укрыться от него за каким-то бугром. Здесь и остановились, чтобы отдышаться.

– Что-то не так у нас получается! – с досадой заметил Боев.

Попов молчал.

– Да что там! Все ясно: комбат не предупредил командиров стрелковых рот, что разведка будет действовать, а потом немцы зашешуршились и не до того ему было. А у нас Федька, как дурак, полез болтать по-немецки! – вставил Подосенов.

– А я что? Как велено, так и делал! Еще хорошо, что тот наш Иван мазил, а то вцепил бы пулю и переночевать негде, – отбивался от упреков Фролов.

– Вот что, друзья хорошие, хватит дурью мучиться, – Попов решительно поднялся на ноги. – Хватит! Пошли к своей передовой, там уточним обстановку, потом видно будет.

Командиру не перечат. Все поднялись. В головной дозор на сей раз направили Только Медвинского и меня. Мы пошли снова через бугор и вдоль балки. Перестрелка утихла, только осветительные ракеты довольно часто вспыхивали в небе, и туман наполнялся дрожащим жемчужным светом.

– Куда топаете? Возьмите левее, – поправил нас Попов.

Мы взяли левее. Медвинский тихонько предупредил меня, чтобы очень-то не шагал – от ребят оторваться можно. Шли осторожно, вслушивались в тишину. Я немного боялся, что мы снова можем неожиданно напороться на какой-нибудь стрелковый взвод нашего батальона. Бойцы сейчас тоже нервные все, они весь день от атак отбивались и если перепутают, то влепят очередь. Впереди показалось что-то темное, кустарник, видно, мы направились к нему по очень пологому подъему. Позади слышались шаги остальных ребят, старались идти потише, а все равно слышно. Внезапно оттуда, от кустов, хлопнул выстрел ракетницы. Белая звездочка стремительно рванулась в небо, с каждым мгновением набирая силу света.

Мы заученно повалились на землю. Над нами разлился яркий белый свет, и сразу окрик, близкий и яростный:

– Рус, хальт! Хальт!

Прямо по этому голосу длинной автоматной очередью – и в сторону. В воздухе снова ракета, и из кустов частые мерцающие искры выстрелов. Автоматные очереди сзади нас, частая и хлесткая скороговорка автоматов – ребята открыли огонь. Ошарашенные неожиданностью, мы откатились назад. На наше счастье рядом ложбинка, где нас не

достают пули. Откуда-то ударили немецкие пулеметы – головы от пуль не поднять. Мы отползли в сторону – и вовремя. Здесь в балке рвануло сразу несколько мин, потом еще. Теперь началось, теперь часа полтора молотить будут. Мы ушли из-под обстрела. У нас один раненый. Пулей разбит локоть и на боку сквозное ранение. В кромешной темноте Серега Мартынов перевязал раненого, у него это здорово получалось... Мы, кажется, все ухитрились перепутать, опасно перепутать: своих приняли за немцев и чуть сами не пришли к немцам в лапы. Пока Серега перевязывал, мы даже перекурили по-тихому. Все молчали. Никто не решался задать вопрос, а что же дальше? Пожалуй, поздно было предпринимать повторную попытку и потом, если уж ее предпринять, нужно было действовать на другом участке. Было страшно представить, как мы вернемся и на сей раз в роту, не выполнив задания. А у раненого набухли кровью бинты, он слабел с каждой минутой, просил пить. Наконец, Попов встал и решительно сказал:

– Все! Давай наверх и вдоль балки.

Мы выбрались из балки и пошли ее краем в сторону Лакисова. Раненого тащили по очереди. Было еще темно, и туман перед утром стал вроде гуще, стрельба позади нас не затихла, там слышались длинные и злые пулеметные очереди, редко рвались мины. Всем казалось, что мы окончательно выбрались из той передраги, однако судьбе было угодно еще раз сыграть над нами шутку. Мы прошли краем балки метров пятьсот и неожиданно услышали впереди непонятный шум, похоже, что котелки там звенели.

– Похоже, нашим славянам ужин, а может, и завтрак привезли, – предположил сообразительный и молчаливый Дубинин, который шел с Фроловым впереди, метров на тридцать от основной группы – на всякий случай.

Ребята остановились, и мы тихо подтянулись к своему головному дозору.

– Что там еще?

– Вроде кухня. Видно, наших солдат кормят.

– Тихо! – зашептал Попов. – Кто его знает, может, и вправду свои, а может...

Шум впереди нас затих. А мы ждали – может, матюкнется кто, тогда уж и сомнений никаких больше не осталось бы. Но было тихо, только раза два что-то хлопнуло, вроде крышка котла. Непонятно почему, но после ряда неудач нас оставило нахальство, мы стали осторожничать и от этого было только хуже.

– А разрешите, товарищ лейтенант, сейчас все досконально узнаю, – потерял терпение Федька Фролов.

Я уж и не помню, разрешил ли ему Попов или он выкинул номер на самостоятельной основе, как бы то ни было, Федька действовал решительно. Этому плутоватому парню чутье подсказало, что здесь свои, но появившаяся вдруг потребность озорства толкала его на нелепые поступки. Федька был наряжен в немецкую форму. Убедившись, что это действительно кухня, и повар в настоящую минуту возле нее остался один, Федька направился прямо к нему. Он не поленился зачем-то сделать крюк и подошел к кухне с противоположной от нас стороны. Повар совершенно спокойно возился возле кухни и поругивал беспокойных лошадей, при этом он употреблял такие выражения, которые вконец рассеяли сомнения относительно принадлежности повара к нашей родной армии. Было еще темно, но Федька как-то рассмотрел, что карабин повар заткнул, видимо, в кухонный ящик, где лежал всевозможный кухонный скарб. Повар заметил Фролова только тогда, как он подошел почти вплотную к кухне и никоим образом не среагировал на его появление. Очевидно, он просто решил, что кто-нибудь из бойцов роты подошел выпросить добавку или еще с какой-нибудь подобной просьбой.

– Ну шо тобі? Бачишь – усе, – проворчал повар.

Федька подошел к нему вплотную и тихо, но властно сказал:

– А ну, хальт! И чтобы мне тихо, без шуму! Ферштейн?

Однако и на сей раз повар ровным счетом не придавал Федькиным словам никакого значения и продолжал ворчать:

– Ну ты шо, сказывся? Хлопцы усе зрубалы... Тпру, шоб вас!

– Ты, твою мать, понимайт кто я есть? – снова спросил Федька, нарочито коверкая русские слова...

Видимо, только теперь повар рассмотрел в темноте короткую немецкую куртку на Федьке, белую немецкую пряжку на ремне и необычной формы каску.

– Н-не-ет..., – уже удивленно и испуганно протянул повар и невольно отступил от Федьки так, что стукнулся спиной о корпус кухни.

– Я есть зольдат великой германской армии. Ферштейн?

Повар молчал.

– Ты сей момент пойдешь со мной немножко плен. Ферштейн?

Федька говорил решительно и держал руки на немецком автомате, это повар, бесспорно, видел и, наверное, понимал, что не сможет оказать нужного сопротивления. Прошло несколько молчаливых мгновений, в которые повар еще лихорадочно соображал, что ему следует делать, а Федька уже думал, как ему выходить из этой игры. Может быть, все как-то еще и обошлось бы, но перепуганный повар вдруг ни к селу, ни к городу спросил робким и просящим голосом:

– А-а к на-ашим зайдем?

Как потом рассказывал Федька, в этом вопросе прозвучало столько наивной надежды, столько растерянности, что Федька не удержался и откровенно громко расхохотался, он взялся за живот и согнулся от смеха... Долго смеяться Федьке не пришлось. Непостижимо быстро повар схватил в обе руки черпак на деревянной ручке, который он еще не успел убрать, и огрел им перегнувшегося от смеха Федьку Фролова. Федьку спасла немецкая каска, но удар был настолько сильным, что он не удержался и упал на землю. Черпак сломался. Повар кинулся на поверженного Федьку, испуганные кони дернули кухню и понесли ее по ночной степи. Федька вывернулся, отпрыгнул в сторону и закричал:

– Стой! Стой, дурак! Хальт, тебе говорю!

Повар вторично бросился на Федьку, но тот успел подняться на ноги и предупредительно выстрелил в воздух из немецкого автомата. Повар закричал и побежал к обрыву, где была расположена его рота.

– Хлопцы, нимци! Нимци туточки! – кричал повар, скатываясь вниз по крутому откосу балки.

Все это произошло в течение нескольких секунд, и мы успели только сообразить, что нам необходимо скорее убираться отсюда. Повар, конечно, поднял тревогу и сейчас по нам откроют огонь.

Мы бежали по степи и тащили нашего раненого. Только через минуту или полторы сзади нас треснуло несколько винтовочных выстрелов. Мы бежали по ночной степи минут десять, сзади стреляли, но стреляли куда-то в сторону, нас они явно потеряли. Когда мы поняли, что можем уже не бежать, а просто идти, как нормальные люди, то первым взорвался Попов:

– Опять за свое! Шаромыжники, а не разведчики! Гнать вас метлой! Как на немцев идти, так их нету, как у себя в тылу чудить, так они первые! – кричал на нас Попов.

– Я его, дурака, мать его в швабру, сейчас научу и по-русски, и по-немецки разговаривать! Я его научу свободу любить! – гремел Авдеев и пытался поймать Федьку за шиворот, но тот уворачивался, как вьюн.

Когда все немного успокоились, Федька обиженно сказал:

– Все у них Фролов виноват! Сами вырядили меня, как шута горохового, а теперь Федька! И повар – дурак, долбанул так, аж переночевать негде.

Ребята все равно были злыми, и Федьку в порядке наказания заставили тащить раненого.

Стало светать. Когда ж вышли на дорогу, нам повстречалось отделение наших бойцов. Они заинтересованно посмотрели на нас, на Федьку, и кто-то из них весело сказал:

– Разведка, видать. Молодцы ребята, гляди-ко фрица спымали. Эй, фриц, мать твою за ногу, Гитлер капут?!

На сей раз Федька молчал. А тот веселый голос еще не успокаивался:

– Глянь-ко, молчит, гад! Понимает, что ихнему Гитлеру капут!

Лакисово ж проходили, когда было уже совсем светло. У крайнего домика наполом глинистом обрыве перед ручьем мы остановились. Раненый хрипел и просил пить.

– Давай глоточек дадим ему, крови он потерял много.

– А если у него кишки?

– Да нет, сам смотри, грудь у него и рука, – компетентно посоветовал Мартынов.

Федька устало положил на землю раненого. Из дома вышел пожилой ингуш в белом кожушке из сыромятной кожи и в лохматой шапке.

– Салям, отец!

Мужчина осмотрел нас, увидел раненого в окровавленных бинтах, цокнул языком и спросил:

– Чем вам нужно помочь? Заходите в мой дом.

– Спасибо, отец. Дай нам воды.

Ингуш что-то закричал, повернувшись лицом в темные сени, и из дома вышел молодой парень лет четырнадцати с полным ведром воды и с жестяной кружкой. Первому мы дали воды раненому, он пил долго и жадно.

– А это кто? Немец? – спросил мужчина, кивнув головой на Фролова.

– Самый что ни на есть проклятый фриц, – ответил Авдеев.

– Э-э, – покачал головой мужчина, – почему же вы не отобрали у него оружия?

– А у него патронов нет.

– Враг не должен нести оружия. Это закон.

Мы все напились холодной, родниковой воды, поблагодарили хозяина и пошли дальше...

В роте нас уже ожидал Натынов и встретил нас таким взглядом, который не сулил нам ничего хорошего.

– Группа, стой! Смир-рно! – скомандовал нам Попов. Четко печатая шаг, он подошел к Натынову и начал было докладывать, но тот, пренебрежительно махнув рукой, остановил нашего политрука:

– А, все уже знаю. Сам вижу. Мне все ясно: бригада воюет, бойцы кровь проливают, а они груши околачивают. Да вам известно, политрук, что вражеская разведка сегодня ночью по всей нашей передовой под Индеевым действовала?! На нашу передовую немцы ворвались! А где вы были, я вас спрашиваю? В копне отсыпались?!

– Товарищ капитан...

– Отставить! А вы вот что, – это Натынов к нам обратился, – я вас больше агитировать не буду! Это Попов пусть вам молебны читает! Вы – придурки, а не разведчики. Сегодня вы, не выходя на нейтралку, могли «языка» взять, ихнего разведчика прихватили бы!

– Товарищ капитан...

– Отставить! За то, что вы придуриваетесь и вводите командование в заблуждение, виновные будут отданы под трибунал. Особый отдел и политотдел уже в курсе и дали «добро»! Понятно? В военное время за это расстрел полагается! Дошло? Кому еще не понятно?! Сам расстреляю! А то есть здесь некоторые – кулаком в грудь стучат: мы моряки! Засранцы вы, а не моряки! Ласточкин! Приготовь группу в шесть человек, я через пару часов им сам задачу поставлю!

Натынов ушел, строй разошелся, ребята молчали. Нас накормили завтраком, ели молча, как на поминках. Поспали часа полтора, потом нас подняли всех.

Мы драили оружие, запасались гранатами. Ласточкина, оказывается, вызывали в штаб бригады, оттуда он вернулся чернее тучи. Часа через полтора он построил первый взвод, прошел вдоль строя и отобрал шестерых ребят. В эту группу попали Серега Мартынов, Бергалеев, Пашка Давыдов, Костя Кудряш и я. Командовал группой Ванька Подосенов. На сей раз поужинали рано, и Ласточкин отправил всю группу к штабу бригады, где начальник разведки должен был поставить перед нами задачу. В сам штаб мы не пошли, не разрешалось этого делать, чтобы не демаскировать. Мы сели в кустах у дороги, а Ванька пошел докладывать один. Его не было долго, мы успели уже и накуриться, и отругать в очередной раз Федьку Фролова, и помолчать немного.

Натынов и Ванька Подосенов появились на тропинке как-то неожиданно. Мы поднялись, построились на всякий случай. Ванька скомандовал нам «смирно» и доложил Натынову, что разведгруппа в составе шести человек к поиску готова. Сам он тоже после доклада стал в строй и «ел начальство глазами».

– В общем, вот что, – сказал Натынов, – даю вам последний шанс. Слушать внимательно: с НП третьего батальона доложили, что противник оборудует по ночам траншею севернее перекрестка дорог за Кусовым. Сейчас отправитесь в батальон. Ночью пойдете небольшой подвижной группой, незаметно подойдете вплотную к траншее... Внимательно слушать, мать вашу! Ровно в час тридцать наши минометчики ударят по этой траншее огнем налетом. Как только налет закончится, забрасывайте траншею гранатами и вперед! Противник в это время сидит и не дышит. Хватаете пленного и назад. Дошло?

– Дошло.

– То-то! Все за вас думать нужно. Сами ни хрена не соображаете. На этот раз вам все разжевали и в рот положили. Попробуйте задачи не выполнить! Ваше придурство больше не пройдет! Я вас предупредил!

Натынов вытащил из кармана пачку папирос «Казбек», вытащил одну, постучал мундштуком о коробку, закурил, поморщился от дыма, убрал пачку в карман и, не вынимая папиросы из зубов, спросил:

– Понятно?

– Понятно, товарищ капитан, – за всех ответил Подосенов.

– Не возвращаться без «языка»! – еще раз напомнил Натынов и пошел к штабу, больше не сказав нам ни слова.

Подосенов проводил взглядом капитана, поправил на плече ремень автомата и негромко сказал:

– Все, пошли, ребята. Какого хрена здесь торчать.

Мы шагали пыльной дорогой через невысокую гряду холмов, окружающих Лакисово со всех сторон. Сумерки подкрались незаметно и застали нас еще в пути к Кусову. Когда время не подгоняешь, оно летит быстрее. Какое-то слепое предчувствие неудачи угнетало всех ребят, каждый из нас словно знал, что за подчеркнутой скрупулезностью плана задания, кроется неуверенность, незнание, авантюризм. Откуда все это происходило? Сгоряча мы винили Ласточкина, Натынова, но не хотелось нам верить, что подобные нелепости рождаются где-то выше.

На передовую мы пришли уже затемно, и это тоже было одной из причин неудачи. Нам бы посидеть здесь в светлое время, рассмотреть ту проклятую траншею, понаблюдать за ней. А тут еще и погода испортилась, даже дождь принялся моросить, этакий осенний, мелкий, нудный. У нас на севере, если такие дожди зарядят, то неделю будешь грязь месить. Вот сегодня такой дождь, пожалуй, нам на руку – тьма, ни зги не видать.

У стрелковой роты, которая здесь оборонялась, сплошной траншеи не было, бойцы сидели в отдельных окопах. Чаще всего слева по фронту немцы кидали осветительные ракеты, но в тумане за сеткой мелкого дождя самих ракет не было видно, просто небо наполнялось дрожащим молочно-белым светом и на этом мерцающем жемчужном

фоне, были видны сухие репейники с пожухлыми листьями и корявые ветки низкорослого кустарника. Бойцы стрелковой роты подтвердили, что впереди них по фронту на небольшой и пологой возвышенности, действительно днем видна траншея. Она была длиной не больше пятидесяти метров, но бойцы не заметили, чтобы кто-то стрелял из этой траншеи или кидал ракеты. Это нас насторожило, но менять план поиска, тем более что ожидался огневой налет наших минометчиков, нам казалось уже невозможным. У командира стрелковой роты была проводная связь, правда, слышимость – никуда не годится, но Ванька кому-то докричался в телефонную трубку, что мы на исходных и будем действовать, как договорились. До той вражеской траншеи, по словам бойцов стрелковой роты, было никак не меньше трехсот метров. Ночью это для нас не менее десяти минут хода. Чтобы нам не сбиться в этой кромешной темноте с нужного направления, договорились с командиром роты, что бойцы будут изредка стрелять трассирующими из винтовок чуть правее и чуть левее этой траншеи. Правда, в заключение командир роты младший лейтенант в перемазанной глиной плащ-палатке сказал:

– Чего она вам далась эта траншея? Здесь, похоже, и у фрицев сплошной обороны нет – вот и шагайте в дыру за траншеей, а здесь хрен его знает, что получится.

– Мы бы так и сделали. Однако начальство все расписало, и огневой налет к тому же, – бурчал Подосенов.

Минут за сорок до того времени, когда минометчики должны были обрушить огневой налет на траншею противника, мы вышли за передний край нашей обороны. Было очень темно. Помогали нам немецкие ракетчики, да спустя некоторое время сзади хлопнул винтовочный выстрел, сверкнула розовая трассирующая пуля справа от нас, через несколько секунд все повторилось слева. Молодцы ребята, эти своему слову верны – делают все, как договаривались.

Мы крадемся предельно осторожно, нам нельзя обнаружить себя до времени, нельзя подойти слишком близко к траншее – попадем под свои же мины. Тихо шуршит мелкий дождь, чавкает намокшая земля под ногами, мы идем развернутой цепью, левее меня уже нет никого, а шаги соседа справа я еле слышу. При всплеске белого света ракеты, мгновенно ложимся на землю и ждем, когда этот свет погаснет, ракеты светят часто, но значительно левее нас. Сзади выстрел, и пуля сверкнула слишком близко от меня. Я шепчу соседу, что нужно взять немного правее. Правее идет Серега Мартынов, он осторожен, внимателен, может быть, поэтому он первый заметил в свете ракеты черный бруствер вражеской траншеи.

– Стоп! Вот она! – шепчет Серега.

Мы лежим на земле, смотрим вперед. В сполохах ракет слева действительно видно что-то, вроде бруствера траншеи. До нее метров двадцать, это опасно – сейчас нас могут свои минометчики накрыть минами. В такую темень они, конечно, пристрелку вести не будут, очевидно, траншея у них уже пристреляна, они и долбанут по ней всею мощью.

– Давай назад немного, – шепчет Подосенов.

Мы, осторожно пятась, отползаем назад еще метров на двадцать пять. Ползти назад очень неудобно – мы в шинелях, и полы шинелей при отползании задираются, лезут под локти.

– Все. Теперь будем ждать, – снова слышен шепот Подосенова. Он, наверное, за Серегой Мартыновым. Мы лежим на отсыревшей земле, сзади изредка продолжают стрелять бойцы нашей передовой, на сей раз мы находимся точно в вилке сверкающих трасс, значит, вышли правильно, теперь нужно изготовиться, приготовить гранаты.

Перед нами тихо, подозрительно тихо... Прошло порядочно времени, кажется, не будет конца этому дурацкому лежанию под носом у немцев, кажется, что скоро и ночь пройдет, а минометчики молчат. Когда же начнется этот огневой налет? Может, опять что-нибудь перепутали? Правее нас, далеко, правда, я слышал разрывы мин, так может, нам нужно было идти туда? Брюки на коленях уже промокли. Я осторожно шепчу:

- Серега!
- Чего тебе?
- Налет долгим будет?
- Тихо, мать твою...

Всплох ракеты слева, Серега тычется своей вечно щетинистой и худой мордой в мокрую траву. Связались тоже с этими минометчиками, сейчас бы уж рискнуть, кинуться вперед... Но теперь как кинешься? Ты в траншею, а по ней минами...

Пах! – сзади неожиданно раздается хлопок минометного выстрела. Через несколько мгновений в воздухе послышался тягучий, нарастающе злой визг падающей мины. Впереди сверкнуло желтое пламя и раскатисто прогремел первый взрыв. Стреляли батальонные 82-миллиметровые минометы. Следом за первым выстрелом хлопнуло сразу два. Снова визг, и два тяжелых взрыва – кажется, началось... Прошло время, но больше ни выстрелов, ни взрывов не последовало. Тихо. Шли минуты, было поразительно тихо. Даже наши бойцы с передовой перестали стрелять трассирующими... Да что ж это такое? Где же огневой налет?! Мы лежим, напружинившись, ждем огневого налета, но кроме этих трех несчастных выстрелов, похоже, больше никто не собирался стрелять. Текли одна за другой минуты, мы лежали на сырой пожухлой траве и чего-то еще ждали.

- Гранаты к бою, – прошептал, наконец, Подосенов.

Вот она, в руке – холодная, рубчатая граната.

- Кидать по команде. Вперед!

Все! Теперь побоку все маскировки, теперь только вперед, скорее вперед, и спасение наше может быть только в ближнем бою! Мы бежим, хлопают по ногам отсыревшие полы шинели.

- Бей! – кричит Ванька.

Автоматы на шее, левой рукой вырываю кольцо лимонки и швыряю ее вперед. В воздухе, словно одиночные автоматные выстрелы, хлопают взрыватели гранат. Взрывы! Взрывы трескучие, со стоном осколков, как горох, один за другим. На наше счастье снова сполох немецкой ракеты слева и в освещенном пространстве теперь виден бруствер странно молчаливой траншеи.

- Вперед! – Снова кричит Ванька.

Ракета погасла, впереди слепая тьма, в нас еще никто не стреляет, сердце уже перестало биться, автомат в руки и вперед! Каждой клеткой своего организма вперед, быстрее вперед! Вот она! Вот ее черный провал. Я прыгаю в траншею и бегу по ней влево. Но здесь не разбежишься, траншея узка, но неглубока, где-то чуть выше колен. Метр, пять метров, при каждом шаге жду колючей вспышки выстрела... Никого! Вот он, конец траншеи... Траншея пуста! Может быть, кто-то есть справа? Мы с Серегой поворачиваем и бежим вправо, а справа ребята бегут к нам навстречу.

- Вы что? – испуганно спрашивает Подосенов.
- А вы что?
- Нет никого?
- Нет.

...Траншея пуста, здесь никого нет. Здесь и не было никого... Эта страшная по своей жуткой нелепости мысль приходит в голову всем одновременно. В траншее нет брошенного оружия, касок, круглых гофрированных банок противогАЗов. Это было чудовищно! Как такое могло произойти? Куда стреляли наши минометчики? Зачем сюда мы лезли сами?

– Слушай, мало-мало эту траншею наши копали, – вызывающе громко и бесцеремонно заявил Бергалеев.

- Почему наши?

– Как почему, как почему? – быстро и нервно ответил Бергалеев. – Голова есть, да? Смотри сам, где его бруствер, да? Не в нашу сторону бруствер!

А ведь прав Бергалеев, сто раз прав. Нет сомнений, что это наша старая, неизвестно кем вырытая и заброшенная траншея, а мы штурмовали ее, мы забросали ее гранатами! Мы попадали в какие-то дурацкие ситуации, нам фатально не везло.

– Закуривай, славяне! Повоевали! – слышен голос Подосенова и он сам, не таясь, со зла даже не маскируясь, скрутил сигарку, чиркнул спичкой и молча курил.

– Ты все-таки потише, подстрелят ведь, – посоветовал ему Серега Мартынов.

– Ну и хрен с ним! – с чувством лютой досады ответил Ванька.

Он сидел на бруствере, обращенном в сторону противника, и курил, в него никто не стрелял.

– Все, наигрались, – сказал, накурившись, Подосенов. – Нет здесь немцев, даже близко их нет. Будь они где-нибудь рядом, они бы уж врезали нам для памяти. Пошли назад.

На своей передовой от командира роты Подосенов кому-то звонил по телефону и просил сообщить о результатах поиска. Потом мы еще долго сидели у окопа командира роты, снова курили, и младший лейтенант неторопливо говорил нам:

– Да я и сам не знал, что это за траншейка. Мы здесь недавно. А вот чуть правее, там дыра у фрицев в обороне, это точно. Я уж заметил, что с вечера оттуда ракет пять бросят, постреляют малость из автоматов для порядка, конечно, и до утра ни гу-гу. Вчера перед утром я туда сам из ручного пулемета трассирующими врезал – и ничего. Остайтесь на день, вместе посмотрим, а ночью, может, что и можно будет устроить...

Пошли обратно часов в пять утра, еще темно было. Шли молча, перевалили через невысокие горы. Стало светать. Здесь уже и до роты оставалось недалеко. Дождь вроде бы перестал, только в воздухе сырой, липкий туман. На ворсинках шинели оседала мелкими бусинками, как пыль, морось. Оружие, одежда, пилотки – все стало мокрым. Примерно в полутора километрах от расположения нашей роты мы неожиданно встретили отделение наших разведчиков. К своему удивлению, среди ребят, в основном это были новички, я увидел Мишку Белякова, значит, вернулся мой боевой товарищ. Мы собрались было загалдеть от радости, но другая неприятная неожиданность удивила и насторожила нас: чуть позади вместе с отделением стоял капитан Натынов. Он был грознее тучи, возле него с автоматом находился Хорьков. Мы почувствовали, что нам не уйти от тяжелого разговора, но мы еще и не представляли себе, что нас ожидает.

Подосенов поправил свою мичманку, перекосившийся поясной ремень с флотской пряжкой, остановил нашу разведгруппу и шагнул навстречу Натынову.

– Товарищ капитан, разведгруппа возвращается... – начал было докладывать Подосенов, но Натынов прервал его.

– Отставить! А ну, построиться!

Мы построились в шеренгу. Натынов хмуро осмотрел каждого из нас и уже негромко сказал сквозь зубы:

– Все знаю.

С минуту мы стояли молча, и из глаз начальника разведки изливалась на нас презрительная злоба. Этот взгляд сразу разделил нас невидимой стеной: по одну сторону были мы, по другую – Натынов. На правом фланге нашей шеренги стоял по стойке смирно Подосенов. Натынов снова немного помолчал, нервно покусывая губы, а потом зло рявкнул на разведчиков, которые пришли вместе с ним:

– А вы чего рты разинули? Играть пришли?! В шеренгу становись!

Десятеро ребят построились напротив нас и видно было, что никто не понимал этих действий, не осознавал своей роли. Мишка Беляков был напротив меня, рядом с ним стоял хмурый Хорьков. Мишка тоже внешне был строг, только в глазах у него прыгали чертики. Две шеренги разведчиков стояли молча друг против друга, нас разделяло расстояние не более шести метров. Между шеренгами стоял Натынов, по всему чувствовалось, что он зол до крайнего предела и продолжает накачивать себя этой злостью.

Желваки на его скулах судорожно дергались, брови слились в единую черную линию, а глаза выкатились и застыли. Он стоял в длинной кавалерийской шинели, в полевой фуражке и нервно притопывал носком выставленной вперед ноги.

– Тэ-экс! – наконец протянул Натынов, и в том, как он это произнес, послышалась решимость и беспредельная злоба, да такая, что даже Мишка Беляков перестал улыбаться, насторожился, замер. Мы уже чувствовали, что нас ожидает неординарный разнос, что для нас приготовлено что-то нежданно тяжелое.

– Так где ж «язык»? – сверля черными глазами Ваньку Подосенова, спросил Натынов.

– Товарищ капитан, разведгруппа в точности...

– Отставить! Я спрашиваю «язык» где?

Мы молчали, не зная как ответить, а Натынов вдруг взвинтился и буквально закричал срывающимся голосом:

– Предатели! Я... я предупреждал вас... Вы знали... А ну, положить оружие перед собой! Кому говорят!

Мы положили перед собой на землю автоматы.

– Та-ак! А ну, снять всем поясные ремни! Кому сказал – снять!

Эта команда была настолько неожиданной, что мы даже растерялись и не могли понять, что все это значит.

– По голой заднице бить будете? – вдруг ляпнул Серега Мартынов.

– Разговоры! Кому приказано?!

Натынов произнес последнее слово раздельно по слогам. Мы сняли поясные ремни и положили их рядом с автоматами у своих ног. Никто ничего не мог понять, даже те ребята, которые стояли против нас, только почему-то вдруг болезненно заныло сердце в недобром предчувствии.

– Кру-у-гом! – скомандовал Натынов.

Мы послушно и четко повернулись.

– Вперед ша-агом марш! Стой!

Мы прошагали вперед шагов десять и по команде остановились. Несколько секунд ледящего душу молчания.

– Кру-гом!

Повернулись.

– Вторая шеренга четыре шага вперед, ша-агом марш!

Ребята напротив нас выполнили команду, и теперь они оказались почти что у наших вещей, которые мы положили на землю.

– Сми-ирно!

Натынов отошел к правому флангу стоящей напротив шеренги и, оказавшись рядом с Мишкой Беляковым, начал не говорить, а отрывисто и зло кричать:

– Я вас пре-ду-преж-дал! Невыполнение боевого приказа на фронте карается смертью! Вы не бойцы! Вы предатели! Вы хуже изменников! Я долго терпел... За систематическое и умышленное невыполнение... Я, как командир, как офицер Красной Армии... В боевой обстановке... Я имею полное право! Отделение, к бою!

Последнюю команду он подал тем, кто стоял напротив нас. Ребята нестройно и недоуменно стали переворачивать автоматы из-за спины на грудь. Один только Мишка Беляков не наставил на нас автомата.

– А ты что, сука! Кому приказано?! – взвизгнул на него Натынов.

Мишка молчал, он стоял, опустив голову. Он понял, что замыслил Натынов, он слышал его приказ, но поднять оружие на товарища у него не было сил.

– Я кому сказал! Да ты что, приказов не выполнять?!

Беляков хмуро набычился и молчал.

– Ах ты, сволочь! А ну положи оружие!

Беляков послушно снял с себя автомат, поясной ремень и положил все это у своих ног.

– А ну встань, твою мать, рядом с этими предателями!

Натынов матерно выругался и толкнул Мишку в спину в нашу сторону. Мишка не ожидал толчка, споткнулся на какой-то кочке, но не упал, а пробежал шага три и послушно встал рядом с нами. Мы все стояли по стойке смирно. Страшная, зловещая тишина нависла над обеими шеренгами. Один Ванька Подосенов стоял по-другому, чем мы. Он сбросил с головы свою мичманку, она валялась шагах в двух от него, запрокинул немного свою белобрысую вихрастую голову, а руки держал за спиной. Натынов, видно, не решался одернуть его.

Происходило что-то нелепое и страшное. Все смахивало на кошмарный бредовый сон, а сердце сжалось, затаилось в груди, перестало биться от чудовищной догадки. Натынов вытащил из кобуры револьвер и, подняв правую руку на уровень своего плеча, снова закричал, повторяя уже то, что говорил минуту назад, он будто убеждал и взвешивал сам себя:

– За невыполнение боевых приказов во время боевых действий, как офицер и командир, имею полное право... Вы, как изменники Родины, как враги народа... Я вас приговариваю к расстрелу! Я вас предупреждал! По-хорошему вы не понимаете...

– А вы не имеете права, товарищ капитан! Во-первых, здесь не передовая и я, как коммунист...

– Ах, ты еще и коммунист, твою мать! А ты вспомнил, что ты коммунист, при выполнении боевого задания?! Он коммунист! Да мне хрен с тобою, что ты коммунист! Понял? Насрать мне на вас на всех! Отделение, приготовиться!

Явственно громко, как приговор трибунала, щелкнул взведенный кем-то автоматный затвор.

Господи, да ведь это же на самом деле! Это же расстрел... Лица ребят, тех, кто стоял рядом, и тех, кто был напротив, стали бледными как бумага, а губы сжались в тонкие нити... Да что же это? Как же это можно?! Своих?! Вот сейчас?...

– За невыполнение боевого приказа, – снова растянуто прокричал Натынов, – по изменникам Родины...

Мгновенно голова стала пустой – ни мыслей, ни чувств. Какое-то онемение и ожидание страшного удара... Против меня стоял Хорьков, он навел мне в грудь тупую морду своего автомата...

Натынов теперь стоял с высоко поднятой рукой, в которой был зажат револьвер, и команда «огонь» готова была сорваться с его белых губ... Страшные, звенящие натянутой струной несколько мгновений – и молчание... Сейчас вот поднятая рука Натынова резко опустится вниз и... Вот сейчас... Господи, за что?!

Еще несколько мгновений оцепеневшей напряженности... Рука Натынова не рубанула воздух, она медленно опустилась к бедру. Он шагнул по направлению к нам и снова закричал:

– Что, думаете, я шучу с вами?! Я с особым отделом согласовал! Со мной фокусы не проходят! Что, в штаны напустили?! А мне хрен с вами – невелика потеря, война спешет! Хрен с вами! Я вас, придурков, все равно расстреляю. Не сегодня, так завтра! Я с вами еще поговорю!

Не сказав больше ничего, не подав никакой команды, Натынов резко повернулся и быстро пошел по тропинке, под уклон, в сторону Лакисова. На небольшой полянке остались два онемевших строя боевых товарищей, которые смотрели в глаза друг другу – у одних в глазах было презрительное недоумение, у других – растерянность. Мы не могли сдвинуться с места, будто ноги наши приросли к этой мокрой рыжей траве.

Первым опомнился, по-моему, Серега Мартынов. Он передернул плечами, словно сбросил с них что-то липкое и противное, и длинно, зло выматерился и тут началось, все перемешалось. Пашка Давыдов сорвал с головы пилотку, зло шмякнул ею о землю и закричал на ребят, стоявших напротив нас:

– И вы, гады, стрелять бы стали?! Вы на кого автоматы подняли! Да вы ж, суки, сегодня же со мной в поиск пойдете, мы ж вместе на нейтралке будем...

– Да ты что на меня кричишь, я как дурак стоял, я в тебя стрелять и не собирался. Во, смотри – у меня и автомат не взведен.

Мишка Беляков коршуном кинулся к Хорькову, тот стоял немного растерянный, он держал свой автомат опущенным стволом вниз, и поэтому многие увидели, что его автомат взведен – в окне затвора желтел патрон. Хорьков, парень немного худощавый, но физически очень крепкий, не ожидал нападения, а Мишка коротким, резким рывком вырвал у него из рук автомат.

– Во, братва, во! Гляди! Этот сексот автомат взвел, этот стрелять собрался!

– Ты шо, сука! Дай сюда автомат!...

Хорьков кинулся было на Белякова, но тот, почти не размахиваясь, с небольшим выпадом, ударил Хорькова кулаком в лицо. Тот отлетел назад, а потом с озлобленным визгом бросился было на Мишку. Я его успел остановить вторым ударом в ухо. Хорьков свалился на одно колено, из разбитого носа у него показалась кровь. Хорьков встал, ссутулился, выхватил финку и пошел на меня, смотря из-под бровей злыми, яростными глазами. Я успел отойти на шаг. Никакого оружия у меня сейчас не было – мой автомат и поясной ремень с гранатой и финкой еще лежали на земле. А Мишка успел схватить оружие и наставил на Хорькова автомат.

– А ну, затихни, гад, и жми отсюда, шкура! Жми отсюда, пока цел! Понял намек?

Мишка решительно вышиб диск из автомата Хорькова и забросил его со зла куда-то в кусты, а сам автомат швырнул на тропинку, по которой ушел Натынов. Хорьков коротко, опасливо посмотрел в ту сторону, куда был брошен его автомат, отошел от меня на шаг, повернулся и трусцой побежал под уклон. Из ребят второго взвода, что стояли против нас, автомат взвел только один Хорьков...

Чуть в стороне от кучи ребят, на том самом месте, где недавно стоял в строю, сидел на земле Ванька Подосенов. Он положил скрещенные руки на свои худые колени, положил на них голову и то ли просто смотрел в землю перед собою, то ли плакал и не хотел, чтобы кто-то увидел его слезы, только плечи его чуть вздрагивали. Но в зажатом кулаке правой руки у него чернела граната-лимонка, а на указательном пальце левой – белело колечко с чекою от этой гранаты. Ой, Ванька, забубенная твоя головушка!

Неизвестно откуда, каким образом раньше нас до ребят долетела весть о том, что всю нашу группу Натынов то ли собирался расстрелять, то ли вправду уже расстрелял за злостное невыполнение боевого задания.

Все, кто был в роте, встретили нас молча – ни шуток, ни расспросов, ни подначек. Командира роты и политрука на месте не было. Серега Мартынов снял с поясного ремня запасные диски и, не сказав никому ни слова, молча куда-то ушел. Мишка Осейкин кормил нас завтраком. Есть не хотелось, на душе было до крайности мерзко и обидно, однако Мишка с таким смаком и так щедро сыпал в котелки кашу с салом, что и без комментариев было ясно, что симпатии рядового состава роты на нашей стороне, нам сочувствовали. А те ребята, что стояли там, на поляне напротив нас с автоматами наизготовку, сидели в стороне от нас, за обозными повозками, курили и тоже молчали.

До сознания каждого доходило все отчетливее, что над нами только что было совершено несправедное и страшное действо. Я представить себе не мог, как повели бы себя на моем месте Авдеев или Суменков, а главное, я не видел разумной цели всего этого спектакля. Страшно было собственное осознанное бесправие и нелепая беспомощность. Кажется, только Беляков высказал свое отношение к этому страшному делу,

да Подосенов приготовил свое последнее и неожиданное дело с зажатой в кулаке «лимонкой».

Необычайность случившегося подчеркивалась еще и тем, что в течение дня так и не появились в роте ни командир, ни политрук, а вечером, когда пришли, они избегали встречаться с нами взглядом, а мы не могли понять, что тому послужило причиной: признание нашей вины или скрытое сочувствие.

Каждому из нас было известно, что в соответствии с уставом, приказ командира не обсуждается, а выполняется, каким бы нелепым он тебе ни показался. В боевой обстановке мы сами оправдывали это железное правило, но здесь уже не было боевой обстановки, здесь было проявление спеси и деспотизма. Здесь могли разобраться только армейские парторганы и только они могли дать оценку тому, что произошло, назвать это дурацкой спесью или необходимостью строгой требовательности к подчиненным.

К вечеру мы отлежались, отошли немного, успокоились, а к ночи собрали новую разведгруппу, в которую вначале не включили никого из тех, над кем производил экзекуцию Натынов. В группу вошли непонятно откуда появившийся Хорьков со своим неразлучным другом Есиповым, Костя Бычков, Курочкин и еще двое новеньких ребят из последнего пополнения. Старшим группы был назначен Анатолий Медвинский. Задание для группы было поставлено непривычно упрощенное: разведать передний край противника в районе правее Кусово и, если будет возможность, взять «языка». Вот это «если будет возможность» было самым непонятным и непривычным в постановке задания. Мне даже показалось, что группа направляется лишь для того, чтобы не дать «размагнититься» бойцам нашей роты, чтобы подчеркнуть, что в роте не произошло никаких неприятностей и проинформировать штаб, что и в эту ночь разведчики активно действовали перед фронтом бригады.

Признаться, я был рад, что меня не послали в разведку. Настроение было ниже нулевой отметки и восстанавливалось оно медленно. Мы лежали с Беляковым под своим кустом ракиты на охапке сена и молча мусолили папиросы, свернутые из листка армейской газеты. А тем временем разведгруппа привычно и быстро собиралась. Анатолий Медвинский в своей неизменной и немного покалеченной мичманке подошел к нам, присел рядом, вроде бы просто прикурить, а потом, не глядя на меня, сосредоточенно раскуривая папиросу, испытующе спросил:

– Пойдешь со мной, а?

Что мне было ответить испытанному товарищу? Другу не скажешь, что вот, мол, у меня настроение паршивое, иди уж без меня. Язык не повернется брякнуть такое. Конечно, настроение-то паршивое, да еще этот Хорьков в группе... Да хрен с ним.

– Пойдем, Толя. С тобой пойду, а так бы ни в жизнь, – сказал я, поднимаясь.

– Я тогда тоже, – поднялся было Беляков, но Медвинский остановил его.

– Ты, Мишка, в роте пока побудь. Рука заживет, вот тогда и пойдем, а за дружбу спасибо, мужик ты свой в доску!

Мишка не стал долго спорить – рука-то у него действительно еще болела.

* * *

От Верхнего Курпа и до высоты «Нефть» противник захватил всю цепь высот. В районе Верхнего Курпа и поблизости от Кусово немцам удалось перебраться через балку, окопались на ее краю. Получилось так, что и Лакисово оказалось во вражеском полукольце. Со стороны противника можно было ожидать самых активных действий, тем более, что с выходом его передовых частей на другую сторону широкой балки, он обретал возможность скрытного маневра.

Ночью, не зная точно линии вражеской обороны, уточнить ее, установить насыщенность огневыми средствами, можно было только вызвав огонь на себя. Врежут по тебе

из пулеметов, вот и считай тогда их количество, если цел останешься и если голову поднять под огнем сможешь, а уж если совсем повезет, то по вспышкам выстрелов можно определить, где у немцев минометы и откуда лупят пушки.

В перекрытом досками окопе, возле вдрызг разбитого домика, мы нашли командира стрелковой роты, лейтенанта, который только было устроился спать. Он недовольно крикнул, узнав, что мы, разведчики, будем действовать на участке его роты.

– Вам что! Вы – гастролеры: придете, нашумите и смотаетесь. Толку от вас с гулькинос, а нашего брата фрицы вою ночь долбать будут и ни тебе людей покормить, ни отдохнуть. В общем, лучше бы вас здесь не было! – сетовал лейтенант.

Ни хрена себе, теплая встреча! Что делать... Лейтенант прав по-своему, а мы по-своему.

– Конечно, в тишине загорать оно всегда приятнее, а мы тут со своею войной лезем – беспокойство одно, товарищ лейтенант, – съязвил Медвинский.

В общем, обменялись любезностями, но на подобные подначки не принято было обижаться. Просто перекинулись вроде бы шуточками. У каждого, конечно, свое в смысле оценок.

Лейтенант поерзал в темноте, пошумел соломой, а потом снова слышался его голос:

– До наших первых окопов метров двести. Сплошной обороны у нас нет. Нас как шуганули из Верхнего Курпа, мы сразу после драпа закрепились по краю балки. Несколько дней держались, а потом он, сволочь, как врежет! Понимаешь, танки по балке пустил, а наши пушки позади, и их не видели, прямой наводкой бить не могли. Вот нас с края балки и вышибли. Они было и дальше хотели, но тут, на открытом месте, мы им тоже по морде. Сейчас темно, а то слева четыре подбитых танка до сих пор торчат. В общем, считай, что край балки – ихний, а что там, в той балке творится, сами не знаем.

– Значит, фрицы по краю балки сидят? – уточнил Медвинский.

– Да где как. Правее нас в степи уже. Сплошной обороны нет, так они как вши расползаются. Левее наших окопов подсолнуховое поле, так они, стервы, уже там сидят. Так что вы ушами не хлопайте.

На сей раз в головной дозор пошли мы с Курочкиным. В последний раз перекурили за стеной дома по-тихому и пошли. Лейтенант до своей передовой послал с нами связного, чтобы ненужного шума ненароком не произошло. Прошли немного – тут они, и окопы нашего переднего края. В темноте их еле заметили. Немцы изредка освещали нейтралку ракетами, короткими очередями перестукивались пулеметы. А в общем-то спокойно, как обычно на передовой в ночное время, где нет активных действий. В темноте мы залегли в пожухлой траве рядом с окопом, а боец – хозяин этого окопа, шепотом рассказал:

– Тут, братцы, такое дело: впереди подсолнухи и старый проселок скрозь них, так вот с того места, где проселок, с вечера он немного постреливал...

Впереди приглушенно хлопнул выстрел ракетницы, и в небе вспыхнул дрожащий магниевый свет. Выстрелов не последовало, и боец продолжал свой рассказ:

– Вон, видать сейчас край подсолнухового поля, а ракета упала, глянь-ка, в подсолнухи. Чудно это.

– А что чудного?

– А как же! Ракетой прямо вверх не стреляют. Значит, из-за этих подсолнухов стрельнули.

Ночь облачная и тянет вдоль гор сырой, холодный ветер. Что ветер, так это хорошо, это нам на руку, вот только темень такая, что и фрица не рассмотришь, пока в него лбом не влепишься. Полежали еще немного, послушали и поползли вдоль проселка, которого

и на топокарте не было, видимо, еще с весны осталась простая колея, позаросла мелкотравьем, но вот ориентир остался.

На нашей передовой ни шума, ни стрельбы, ни единой искорки света. Мы привыкли к маскировке, считая ее основой основ в военном деле, с нашей стороны будто и нет никого, а немцы в этом отношении не очень стесняются, бросают ракеты, бьют короткими очередями из пулеметов. Проползли метров семьдесят, остановились. Раз-два ударил слева пулемет, пули цвикнули над головами, но никого не задело, наугад стрелял, паршивец. Впереди тихо, голосов не слышно. Мы с Курочкиным пошли, пригнувшись, вперед, шагов через тридцать снова залегли. Лежали минуты три, все было тихо, но как только встали, хлопнула ракетница. Мы молча плюхнулись на землю. В небе разлился живой, шевелящийся, нестерпимо яркий свет. Впереди стали видны засохшие на корню подсолнухи с наклоненными к земле тяжелыми тарелками семечек. Полосатые тени побежали по всему лугу, на котором мы залегли. Подсолнучье поле совсем рядом и, похоже, на его краю действительно никого нет... Осторожно! Нужно быть очень осторожным, малейшая ошибка будет стоить жизни. Ракета сгорела в воздухе, несколько маленьких беспомощных искр погасло в черном, придавившем нас небе. После яркого света глаза совсем ничего не различают. Похоже, что ракетой выстрелили действительно откуда-то из-за подсолнухов. Конечно, могло быть и так, что этот паршивый ракетчик сидит чуть позади, а здесь, по краю подсолнухов, боевое охранение. Тогда мы с Курочкиным запросто можем влипнуть – подпустят они нас и врежут! Глаза привыкли к темноте, и я снова стал различать подсолнухи. Ребят сзади что-то неслышно.

Пах! В небо взвилась новая ракета. Сзади ровное поле, там затаились наши ребята, а мы с Курочкиным совсем недалеко от края подсолнухов. Ракета прошипела в воздухе, свет метнулся по увядшей траве, и снова темнота, хоть глаз коли. Похоже, по самому краю подсолнухов и вправду никого нет. В чем же дело? Осторожно, крадучись, пригнувшись, шагаем с Курочкиным вперед. Автомат на изготовке, палец на спусковом крючке... Вот они, окаянные подсолнухи! Я могу уже дотронуться до них. По краю поля они совсем низенькие и чахлые, а дальше стоят сплошной стеной черные их скелеты. Носок ботинка ударился в высокий сухой стебель, он затрещал, зашумел, падая и цепляясь за соседние стебли. Мы замерли. Что делать? Бесшумно по этому полю не пройдешь.

– Давай правее, к дороге, – шепчу я Курочкину.

– Угу.

Пах! Чш-ш-ш. Ракета! По земле плывет сетка из черных и светлых полос. Мы оба присели. Лечь на землю нельзя – шуму будет много. Несколько секунд сумасшедшего света и снова темнота, как сажа.

Заметили нас ребята, поняли, что мы немного свернули влево? Мы сидим, несколько секунд не двигаясь. Сзади слышен слабый хруст сухого стебля подсолнечника. Ребята поняли. Шум был слышен прямо за нами. Мы прошли еще немного вперед. Вроде здесь нет никого... Странно, позиция-то для немцев удобная! Почти ни шута не видно. Справа стена подсолнечника, слева тоже, прямо на дороге редкие и совсем низенькие высохшие побеги. Метров через сорок подсолнечник кончился, слева еще заметна его темная полоса, а перед нами что-то вроде луга. Близко простучал короткой очередью пулемет. Откуда он взялся? Пах! Чш-ш-ш – новая ракета. Мы с Курочкиным на самом краю подсолнечника лежим на земле. В свете ракеты успели разобрать, что впереди небольшой луг, а за ним кусты какие-то. Теперь я уверен, что ракетчик сидит именно в тех кустах, там и есть немцы, но сколько их? Похоже, что кусты растут по краю балки, а до них совершенно ровный луг шириной метров пятьдесят и даже трава на нем выкошена. Что теперь делать? Сзади слышен осторожный шорох. Подполз Медвинский.

– Что там? – тихим шепотом спрашивает Анатолий.

– Немцы вон в тех кустах, давай малость послушаем.

Лежим, не шелохнувшись, сравнительно много времени, и вдруг неожиданно до нас с той стороны от кустов доносятся сдержанные тихие голоса. Слов разобрать нельзя.

Пах! Чш-ш-ш – снова ракета. На сей раз выстрел ракетницы послышался рядом. Ослепительный свет над головою. Кажется, что теперь вот нас просто невозможно не заметить – мы на самом краю подсолнечника, на совершенно открытом месте. Ракета погасла в воздухе, две тусклых искры упали в подсолнечник.

– Ясно, – шепчет Медвинский. – Давай по краю подсолнухов влево, там они к краю балки подходят. Значит, мы броском, а вы прикроете. Ясно?

Медвинский неслышно отполз назад.

Конечно, броситься на фашистов с той точки, где находились мы с Курочкиным – дело рискованное. Бросок будет не очень коротким, шагов в пятьдесят, а это, пожалуй, четверть минуты. Немцы услышат топот – ракету и вдарят. А нас всего восемь человек. Всех положат пулеметом на этом лужочке. Медвинский хочет сократить бросок. Наверное, он прав. Только нужно тихо, чтобы все сейчас было бы тихо! А проклятый подсолнечник предательски трещит. Нам слышно, как ребята развернулись короткой цепью. Сердце в ушах стучит. Бегут секунды... Еще немного, еще несколько шагов и их тогда гранатой – и вперед!...

Пах! Чш-ш-ш – снова море света, и в то же мгновение хлесткий выстрел и оглушительная пулеметная очередь оттуда, из кустов. Очередь длинная, злая, прицельная, направленная как раз туда, где залегли ребята. В том, что нас обнаружили, у меня больше нет сомнения. В небе больше не гаснут ракеты, они взлетают одна за другой, оглушительные пулеметные очереди хлещут по краю подсолнечного поля. Секунды через две я уже сообразил, что весь огонь сосредоточили левее меня. Неожиданно совершенно четко я увидел колючие и близкие от меня вспышки выстрелов пулемета. Вот же он, гад! Он рядышком. Я приподнялся на колено и ударил автоматной очередью по этим вспышкам. Мой автомат рассыпал дробь выстрелов в десять и внезапно смолк. «А, черт возьми, снова проклятая задержка!» Мне показалось, что открылся почему-то замок затыльника, я прижал его пальцами и покатился по земле в сторону. Быстрее в сторону! Тут же по тому месту, где я только что находился, ударила длинная пулеметная очередь. Пулеметчик стрелял разрывными пулями – на земле вспыхивали пляшущие белые искры мелких разрывов. Но мне повезло, я откатился на несколько шагов вправо, но если бы прозевал всего лишь секунду, то все – конец бы мне! Промелькнула эта мысль, я хотел откатиться еще и узнать, что с Курочкиным, но здесь новая вспышка ракеты и я вжался в землю. Пока горела ракета, пулемет поливал свинцом то место, откуда я только что откатился, а слева ударил еще пулемет. Ракета погасла, вспыхнула другая, а красные струны трассирующих пуль сверкали над головой. Немцы перенесли огонь левее, а я в перерывах между ракетами торопливо устранил задержку в автомате. Слева рассыпалась дробь автоматных очередей, то открыли огонь наши ребята. Я тоже пополз влево, рядом заметил Курочкина... Вот он, пулемет! Я опять вижу дрожащие вспышки выстрелов... Стрелять? А если опять откажет?

– Курочкин, видишь?

– Ага.

– Давай!

Я стреляю длинной очередью, выстрелов в пятнадцать, по пулеметным вспышкам. Вместе со мной стреляет Курочкин. Пулемет не ударил ответным огнем, зато замелькали выстрелы автоматов, и розовые трассы правого пулемета впились рядом с нами в землю. Я откатился еще раз. Выстрелы ребят слышатся левее и чуть позади – похоже, они начали отходить. Мы с Курочкиным поползли к основной группе. Вокруг трещат, ломаются сухие стебли подсолнечника, но теперь на это не стоит обращать внимания – вокруг сумасшедшая стрельба...

Наша разведгруппа не выдержала плотного огня двух пулеметов и нескольких автоматов. Тот, кто не попадал в подобный переплет, может упрекнуть разведчиков, не понять, почему это они не кинулись на один из пулеметов. Чтобы все понять, нужно самому побывать под огнем. Следует помнить, что этот проклятый «машиненгевер» давал не менее 600 выстрелов в минуту, а их было два и не менее десятка автоматов. На несчастный пяточок земли, где находилось всего восемь простых смертных людей, по скромным подсчетам, обрушивалось ежесекундно более сотни пуль. Единственной нашей защитой были возможность небольшого маневра и ночь, разорванная ракетным светом.

Мы все откатились влево, а немцы продолжали измолачивать пулями место правее нас. Кто-то приглушенно стонал – задело парня. Потом мы немного отползли назад и лежали долго, не отвечая на огонь противника. Каждый уже понимал, что из задуманного поиска сейчас ничего уже не получится.

Постепенно огонь противника стал стихать, и ракеты полетели реже.

– Кого задело? – послышался голос Медвинского.

Молчание, а потом тихий беспокойный шепот:

– Одного нет. Кажись, этого пацана новенького.

Немецкие пулеметчики потеряли нас и теперь стреляли по всему подсолнуховому полю. Звонкие щелчки разрывных пуль слышатся повсюду, розовые трассы прошивали насквозь все подсолнуховое поле, и казалось, что стрельба идет кругом. Медвинский послал двоих разведчиков обратно, чтобы найти этого пацана, вытащить его непременно.

Возле окопов на своей передовой мы разобрались с положением дел: молодой пацан был убит сразу, мгновенно – пуля вцепилась ему в лоб над самой бровью. Тело его ребята притащили. Второй был тяжело ранен разрывной пулей в ногу, в темноте не было видно, что осталось у него от ноги, был только слышен его негромкий стон, да шепот того, кто его перевязывал:

– А кровищи-то, кровищи...

Ранен Есипов. Он показывал всем простреленную кисть правой руки, искалеченные пальцы и пробитую пулей насквозь ручку противотанковой гранаты. При свете ракет можно было рассмотреть окровавленную руку и простреленную ручку гранаты, из которой на вылете пуля выдрала и загнула рваные куски железа. Есипова перевязывали, а он торопливо и нервно рассказывал, похоже, в горячке, не чувствуя боли:

– Ты понимаешь, я подполз-то к нему близко. Я б его гранатой-то изничтожил в клочья. Я только размахнулся, а он ка-ак врежет... Хорошо еще не взорвалась. Ты только посмотри-ка – взрыватель-то как покорежен. Рванула бы в руке и будь здоров.

У бойцов стрелковой роты тоже двое раненых, досталось и им. Из нашей группы боеспособных осталось пятеро. С такими силами пытаться повторить поиск – дело безнадежное.

Сборный пункт для раненых находился за Кусовым, но у нас всегда возникали некоторые осложнения с эвакуацией – перед поиском мы сдавали писарю все документы и даже личные письма. Нам, конечно, верили на слово, но раненому в ногу почему-то очень хотелось заполучить свои документы и письма. Мы, конечно, пообещали, что писарь переправит документы, куда следует и все сделает, как надо. А Есипов пошел с нами, не остався. Парень он крепкий, а в случае чего ребята не оставят.

Стало светать, когда мы, изрядно измученные, проходили то самое место, где сутки назад Натанов разыграл с нами нелепый спектакль. На сей раз в группе было только два свидетеля того действия – я и Хорьков. Я шел последним вместе с Курочкиным, мы молчали, а впереди слышался все еще возбужденный хриловатый голос Есипова. Он говорил, обращаясь к Хорькову:

– В случае чего, адресок у тебя есть. Так что я завсегда, глядишь, пригожусь еще. Я навроде отвоевался теперича.

– Ладно. Рука шибко болит?

– Мозжит, стерва, прямо спасу нет.

На Есипове не шинель, а короткая теплая куртка подлиннее телогрейки, вся она испятнана порывежшей кровью.

* * *

После того памятного дня Натынов вообще не показывался в роте, с докладом о результатах поисков к нему в штаб ходил Ласточкин и пропадал там подолгу.

Однажды после обеда политрук Попов объявил, что сейчас будет партийно-комсомольское собрание о задачах коммунистов и комсомольцев по беспрекословному выполнению боевых приказов и о повышении воинской дисциплины.

На собрание собралось человек тридцать, расселись полукругом на небольшой поляне, а в центре устроились Ласточкин, Попов, Серега Мартынов, Вася Боев – ротный комсорг, и наш ротный старшина. С сообщением по повестке дня выступил сам лейтенант Попов. Он одернул гимнастерку и взял сразу «быка за рога», сказав, что командование бригадой недовольно разведчиками. В проведении поисков нам не хватает решительности, дерзости и смелости, т.е. именно тех качеств, которыми должен быть наделен каждый разведчик. Как пример Попов привел поиск, где командиром разведгруппы был Медвинский. По словам Попова, разведчики вышли на цель правильно, но в самый последний момент нам не хватило решительности для броска, время было упущено и мы без толку откатились назад, потеряв убитыми и ранеными трех бойцов.

Мы сидели молча и слушали нелепую критику. Подосенов, хитрый и наблюдательный парень, вдруг, чуть пригнувшись, прошептал мне на ухо:

– А ты заметил, у Есипова входное отверстие от пули было на тыльной стороне ладони?

– Нет. А что?

– Дурак ты. Ну попробуй, брось в немца гранату да так, чтобы пуля в тыльную сторону ладони попала! Если уж она влетит, то непременно вначале в пальцы.

– Брось, Ванька, в бою чего только не случится. А граната? Ведь она действительно рвануть у него в руке могла!

– Угу. Если только она в это время к ручке привернута была.

– Да ты что! Зря ты это.

– Да я так просто. Одному тебе...

– Что там у вас за разговорчики? – оборвал нас Попов.

Больше мы к этой теме уже никогда не возвращались. Намудрил здесь Ванька. Есипов парень был неплохой, а в бою действительно такое случиться может, что и объяснить невозможно. Ванька парень что надо, только порой мудрить любит.

После Попова выступил Ласточкин и начал с того, что ему стало стыдно ходить в штаб бригады и каждый раз говорить только о причинах наших постоянных неудач. Потом выступали Арабов и Купоросов. Арабов выступать был мастак, он признал критику правильной, призвал, пообещал, заверил... Купоросов – тот хуже говорил. Воевать он бесспорно умел, а говорить – нет. Все испортил своим выступлением Купоросов, и всем стало понятно, что еще кто-то должен выступить, чтобы поправить положение, а все молчали, молчали упорно. Из-за этого нескладного выступления Купоросова Попов никак не мог сразу перейти к принятию мобилизующего решения. Тогда Попов молча посмотрел на нас, среди которых больше не находилось желающих выступить, и тихо, без всякого пафоса сказал:

– Вот смотрю на вас на всех и думаю, что через десять минут после того, как мы примем решение, вы разойдетесь и там за кустами будете обязательно говорить между собой и скажете то, о чем молчите вот сейчас. А давайте попробуем без кустов, давайте, говорите то, что вы считаете нужным. Нам ведь главное – найти причины наших неудач, сделать так, чтобы потерь было меньше... Кто хочет, курите, подумайте и давайте смелее. Мы ведь с Ласточкиным такие же солдаты, как и вы, нам и звание офицерское только в начале войны присвоили...

– А морду потом мылить будете? – раздался чей-то голос.

Загудевшие было ребята замолчали и не потому, что ждали подтверждения, что не будут мылить, а просто интересно было, как ответит Попов, какие слова он найдет.

Попов помолчал несколько секунд, а потом сказал сдержанно и негромко:

– Заверяю вас, что все вами сказанное будет выслушано без обид и со вниманием. Прошу вас не забывать, что здесь собрались единомышленники и задача перед нами одна.

– Тогда можно мне? – вдруг попросил слова Медвинский.

Анатолий хотел встать с земли, но Попов, подчеркивая демократичность нашего собрания, разрешил не вставать, что для нас было совершенно непривычным.

– Я вот что, – начал Медвинский, – конечно, командирам виднее, кто мы такие – дерьмо или разведчики. Но нам ведь тоже кое-что видно. Если мы уж договорились говорить не за кустом, а в открытую, то я скажу. Так, как это делаем мы, в разведку вообще ходить нельзя. Вот вы говорили о прошлом поиске, говорили, что решительности нам не хватило. Неправильно это. Нас было восемь человек, а мы на два пулемета и на подготовленную оборону напоролись. Вот дали бы нам дня два-три, чтобы мы могли, по крайней мере, передний край противника прощупать, изучить его, мы бы «языка» непременно взяли и с пулеметами справились бы. О какой решительности мы толкуем, если восемь человек сами не знали, куда нужно ползти, а когда разобрались, то поняли, что мы должны были метров 50 бежать прямо на два пулемета. Да, правда, мы троих потеряли, но если бы проявили «решительность», то никто бы назад не вернулся. Я считаю, что к поиску нужно готовиться серьезно, точно знать обстановку, а потом уже и решительность проявлять. Все у меня.

Попов крикнул, поправил ремень и спросил:

– Еще кто хочет высказаться?

– Я хочу, – сказал вдруг Ванька Подосенов, подняв руку, как в школе.

– Ну что ж, давайте вы.

– Вообще-то я согласен. Это не война, а хреновина одна. В Индееве мы совершенно неожиданно на немцев нарвались, пустую траншею штурмовали, даже засаду сделали у себя в тылу. Сказать и то стыдно. Только ведь каждый раз задание со всеми там подробностями от командования получали. Самим нам и думать не черта. Нам знания обстановки не хватает, самостоятельности у нас нет. Вот, что главное. А на расстрел нас сколько хотите столько и ставьте, все равно толк один. Мы что, нерешительно Плановское обороняли? Мы нерешительно под Верхним Курпом и под Илларионовкой воевали? А под Эльхотовым? Воевать ребята умеют, а их на расстрел ставят. Они на задание идут, а их предупреждают, чтобы назад не возвращались! Это порядок что ли? Я с сорок первого на передовой, но такого... таких порядков еще не встречал.

Ванька закончил. У него даже нос вспотел от напряжения, а Попов спокойно заметил, подчеркнуто спокойно:

– Конечно ты, товарищ Подосенов, хватил малость. У нас не махновский сброд, а армия, а дисциплина в армии – дело святое. Дисциплина это даже важнее, чем отдельная неудача в поиске. Ну что, все что ли высказались? Суменков, у тебя есть, что добавить?

Суменкову говорить не хотелось, но он встал и спокойно сказал:

– Если бы не выступал Подосенов, то это же самое сказал бы я. Дисциплина дисциплиной, товарищ политрук, но кроме этого еще и умение требуется.

Суменков сел и тут неожиданно для всех встал бородатый Авдеев.

– Разрешите пару слов? Я много-то не умею.

Попов даже улыбнулся и снисходительно сказал:

– Ну, давай. Только покороче.

– Да я только что хотел сказать – ни хрена у нас так не выйдет и никакого толку не будет. У нас начальство еще от парадов отвыкнуть не может, все норовит распланировать: кому где встать, куда повернуться... А здесь война идет! Здесь стреляют и убивают, между прочим. Вы нам не расписывайте, как мы должны пойти, да куда рывок, куда бросок сделать. Нужен «язык» в районе Индеево? Формируйте группу и все, а уж когда и куда бросок сделать и нужно ли Фролова в немецкую форму переодевать – это мы сами на месте сообразим. Здесь не маневры, а война!

Авдеев, видно, еще хотел сказать что-то, но махнул рукой и сел на место. Рядом с Поповым решительно поднялся на ноги Ласточкин и сказал резко, будто на обиду отвечая:

– В общем, хватит, поговорили. Так только в деревне на посиделках разговоры разные ведут. Я смотрю, у вас выходит по правилу: «нас не трогай – мы не тронем». А тут дело не о роте, а о всей стране идет. Кое-какие ваши предложения мы продумаем, хоть шибко умного вы сказали мало, забодай вас комарь. У тебя еще что есть, товарищ политрук?

– Я считаю, что поговорили мы с пользой, – сказал Попов, явно стараясь сгладить резкость Ласточкина. – Замечания ваши мы продумаем. У меня все. После собрания прошу задержаться Мартынова.

– Ну так вот, – продолжил Ласточкин, – теперь кончай ночевать! Всем готовиться к поиску. Надирян со своим взводом пойдет в район Индеево. Суменков! С группой в десять человек в район Верхнего Курпа. Подосенов! Тебе восемь человек и к высоте «Нефть». Всем все ясно? И, как здесь болтали, решайте на месте. Все сами, но без «языка», повторяю, лучше не возвращайтесь – голову сниму. Дошло?

– Все ясно.

– Тут решение нужно принять, – вставил Попов

– Решение у нас может быть только одно, – твердо сказал Ласточкин, – бить врага до полного его уничтожения и до полной победы.

– Что ж, давайте так и оформим. Кто «за»?

Все подняли руку и потом разошлись. Может быть, так и надо – действительно, какие еще решения сейчас можно принимать, кроме как бить врага. Может в этом и заключается вся мудрость момента?!

Пока все расходились, Попов отчитывал Серегу Мартынова, нашего парторга.

– Почему на собрании был Авдеев? – строго, нахмурясь, спрашивал Попов. – Он что, комсомолец, а может, даже коммунист?

– А что особенного? Товарищ политрук, да Авдеев лучший боец нашей роты, сколько «языков» уже на его счету! Мы ж вместе на смерть идем, а тут почему-то все отдельно. Да какие секреты тут могут быть? Мы у себя на заводе так все время открытые собрания и проводили...

– Ты мне гражданкой голову не морочь. Здесь армия – и условия особые.

– Товарищ политрук, можно начистоту? Да я сам этому Авдееву первый рекомендацию в партию дам, да и вы тоже не задумаетесь...

– А я подумаю, – перебил Попов. – Мне еще непонятно, почему его из флота убрали.

– А у нас всю роту «убрали». У нас только вы, Ласточкин да Надирян не из экипажей.

– Ладно. Разберемся. Но больше таких номеров себе не позволяй. Это в каждом случае согласовать нужно.

– Виноват, товарищ политрук, я на товарища Сталина сориентировался – ведь это он говорил о единстве партии и народа.

Попов недобро посмотрел на Серегу, а тот резко, по-уставному, повернулся через левое плечо и пошел готовиться к поиску.

Я оказался в группе Подосенова. Группа была небольшая, но в нее вошли такие «киты» разведроты, как Авдеев, Арабов, Бергалеев. Как говорили в роте – группа «оторви да брось». Как только стемнело, мы пошли к высоте «Нефть». Ночь выдалась темная, ветренная. По всей передовой немцы кидали осветительные ракеты, короткими очередями перестукивались вражеские пулеметчики. Мы еще к балке не подошли, как в небе послышался треск мотора. Маленький учебный самолет «У-2» или «ПО-2», как его окрестили впоследствии, тарахтя мотором, на небольшой высоте невидимкой шел к вражеской обороне. Немцы, словно по команде, перестали стрелять и кидать осветительные ракеты. Через некоторое время на высотах, где проходила оборона противника, грохнуло несколько взрывов. Один из немецких пулеметчиков пустил со зла по самолету-невидимке длинную струю трассирующих пуль.

– Понимаешь, он, дьявол, противотанковыми гранатами бомбит. Летчик как выйдет на цель, так за борт гранату. У них это ловко получается, – слышался голос Савельева.

А в небе неумолчно трещали моторы «кукурузников» и тяжело грохали взрывы в обороне противника.

Видно, после собрания нам указали только район наших действий, но никто не говорил ни о каких бросках и не указывал нам точку, которую мы должны были штурмовать или захватить. Подосенов предложил перевалить за невысокий горный хребет, где занимали оборону наши автоматчики и посмотреть, что делается там. С этим предложением ребята безоговорочно согласились. Мы пересекли какую-то неширокую балку и за ней облазили несколько сопков. Эти голые, выжженные беспощадным летним солнцем холмы оказались никем не занятыми, «нейтральными» – как определил Подосенов. В небе по-прежнему стрекотали моторы «кукурузников», немцы, маскируя свою оборону, ракет не бросали, и мы оказались в затруднительном положении: незнакомые холмы, густая темнота, ветер и редкие одиночные выстрелы где-то в стороне. Снова, несмотря на все наши выступления, повторялась обстановка, когда место незнакомое, переднего края обороны не знаем (даже своих здесь поблизости нет), а мы рискованно лазили по незнакомым сопкам. По всей видимости, сплошной обороны здесь не было и у немцев, поэтому в выигрыше окажется тот, кто первым заметит врага. Но при таком нашем блуждании мы все были уверены, что первыми обнаружены будем мы, и это в нас внезапно и беспощадно ударит пулеметная очередь. Мы шли цепочкой, часто останавливались, но ничего, кроме таракания «кукурузников» не слышали. Ходили долго, было уже далеко за полночь, и мы решили немного передохнуть. На склоне какой-то высотки в небольшой складке, поросшей мелким терновым кустарником, ребята повалились на землю. Ноги гудели от усталости.

– По-тихому покурить бы, – предложил Арабов.

Ребята помялись – каждый понимал, что в поиске... курить не только не принято, но опасно, тем более ночью.

Но у Подосенова у самого терпение кончилось и бесплодное шатание по склонам незнакомых холмов притупило бдительность, поэтому он согласился:

– Давай, только по-тихому, аккуратно чтобы.

Нам казалось, что мелкий овражек на склоне, кустарник, надежно скроют огонек цыгарки. Поэтому вскоре запахло уютным и спокойным табачным дымом. Единственным некурящим человеком в нашей разведгруппе оказался Бергалеев. Он немного полежал вместе с нами на боку, погрыз горькую веточку терновника, потом встал на ноги, надел на шею свой автомат и тихо сказал:

– Пойду мала-мала посмотрю кругом. Я быстра вернусь.

Бергалееву никто не возразил, тем более, что у ребят бдительность притупилась и по краю овражка мы даже наблюдателей не поставили.

Кажущиеся неповоротливостью, неуклюжестью Бергалеева были обманчивы: он мог быть ловким и увертливым, как кошка, а бороться с ним даже Авдеев не брался. Бергалеев, не торопясь, выбрался из овражка и пошел вдоль зарослей кустарника по довольно крутому склону. Шум его шагов мгновенно потерялся в шуме ветра. По небу быстро летели бесконечные вытянутые тени темных облаков. Видно возшла поздняя луна, и между облаками появились заметные просветы. Бергалеев с большим трудом различал край зарослей низкорослого кустарника и неторопливо шагал вперед. За его спиной чуть заметно шевелилось красноватое зарево – горело что-то в Малгобеке. Бергалеев шагал, положив руки на висевший на шее автомат, и собирался было повернуть назад, но в этот момент и произошло обычное для фронта и неожиданное для бойца событие. Надо же было случиться такому, что здесь же, в неглубоком узком окопчике, на самом краю зарослей терновника, в боевом охранении сидел немецкий солдат. Передовая оборона противника находилась сзади этого охранения всего в каких-нибудь пятидесяти метрах. Обычно в боевом охранении у немцев находилось не менее двух человек, но один то ли отошел, то ли еще по какой причине, – сидел в окопе один. Поздней ночью его клонило в сон, и солдат отгонял от себя дремоту мыслью о том, что сплошной обороны здесь нет, русские бродят, где попало, особенно отбившиеся от своей части. Им приходилось ловить таких. Но кроме них в последнее время по ночам немецкую оборону стали тревожить русские разведчики, а это опасно, здесь расслабляться нельзя. Шумел монотонно ветер, в небе трещали назойливые фанерные ночные бомбардировщики русских и вдруг... Немец явственно услышал чьи-то неторопливые шаги, он приготовил автомат и стал всматриваться в темноту. Вскоре он увидел на фоне неба, чуть подсвеченного заревом пожара, одинокую фигуру человека. Это был, несомненно, русский солдат, и он шагал прямо на окоп боевого охранения. Это удача! Вот так запросто поймать Ивана сейчас стало непросто. Окоп у немца был мелким, ниже колена, но шедший солдат не замечал немца. Теперь русский никуда не уйдет – одна короткая очередь и ему конец! Это, конечно, заблудившийся дурак, скорее всего житель Кавказа или Азии, это плохой пленный. Может быть, стрелять? До него не больше шести шагов. Нет, лучше взять живым...

Бергалеев не видел опасности, он не мог рассмотреть окопа на самом краю кустарника и, не ведая того, шагал прямо к своей гибели. Внезапно, он даже не успел сообщить, как это произошло, перед ним возникла черная тень в каске, и ствол немецкого автомата уперся ему прямо в грудь.

– Хальт! – негромко, но твердо произнес немец. – Хенде хох! Руку, рука вверх!

Бергалеев понял, что теперь он уже не успеет развернуть ствол своего автомата, к тому же он и представления не имел о том, сколько здесь немцев. Бергалеев стал медленно, очень медленно поднимать руки.

– Нун! Шнель, шнель! – почти крикнул немец и больно толкнул его в грудь стволом своего автомата.

Бергалеев чувствовал, понимал, что одно неуловимое движение немца и этот ствол брызнет огнем, ударит ему в грудь – и все.

Немец стоял еще в окопе и поэтому казался Бергалееву гораздо ниже ростом, чем был на самом деле и, видимо, слабее его, но силы у немца, конечно, хватит на то, чтобы нажать на спусковой крючок. Бергалеев поднял руки. Немец, не отрывая от его груди автомата, одной рукой стащил с шеи Бергалеева его автомат и отбросил его в сторону. Безоружный русский солдат теперь показался немцу неопасным, он даже решил немного покуражиться:

– Что, Иван, Сталин капут?

– Да, да, капут Сталин, – подтвердил Бергалеев, а сам в это время он настороженно следил за движениями немца. Похоже, фриц был один, никто не подошел к нему на помощь. Опытный Бергалеев сторожил каждое движение немца, а тот поставил одну ногу на край своего окопчика и стал быстро ощупывать брючные карманы Бергалеева. Разведчик заметил, что немец наклонился, а ствол его автомата отошел немного в сторону. Доли секунды оказалось достаточно, чтобы левой рукой Бергалеев вцепился в ствол немецкого автомата, рывком отвел его в сторону, а правой во всю силу ударил немца в лицо. Тот охнул и упал возле окопа. Разведчик кошкой бросился на поверженного врага, еще секунда – и немецкий автомат тоже полетел в сторону. Чтобы немец не успел закричать, Бергалеев ударил его еще раз и своими железными пальцами сдавил немцу горло. Немец хрипел, норовил оттолкнуть ногами разведчика, развести эти железные руки, но Бергалеев был физически очень сильным человеком, а неожиданный испуг удвоил его силы. Немец хрипел, но он был припечатан к земле нечеловеческой силой. Когда он уже перестал дергаться и хрипеть, Бергалеев не мог разжать своих пальцев, он продолжал душить врага, хотя тот был уже дважды мертв. Вся борьба проходила молча, без криков и выстрелов, зло и жестоко. Прошло несколько минут, прежде чем Бергалеев с трудом заставил себя разжать пальцы – он еще все боялся, что немец вскочит на ноги и снова завяжется борьба, но немец лежал неподвижно. Было видно белое пятно его лица, черный провал рта. Каска с немца слетела во время борьбы. Бергалеев поднял с земли свой автомат, нашел автомат немца и тоже повесил его себе на плечо. Потом он немного постоял, осмотрелся и поволок немца туда, где остались разведчики. Нельзя сказать, что в этой борьбе Бергалеев оказался невредимым, у него была рассечена губа и болел пах, в который немец угодил сапогом.

Перекур можно было считать законченным, но Подосенов еще не придумал, что следует предпринять дальше, а тут еще где-то Бергалеев пропал. Подосенов не успел выmaterить этого Бергалеева, как его черная тень показалась на краю нашего овражка.

– Ты, хрен моржовый, тебя где носит? Нашел время для прогулок! – заворчал было Подосенов, но Бергалеев перебил его злым шепотом:

– Ты чего кричишь! Кургом немца, а он курым давай!

Только тут мы заметили в темноте, что Бергалеев волочит по земле что-то тяжелое.

– Какие еще немцы? – не унимался Подосенов.

– Во, дыржы один.

Бергалеев толкнул к нам в овражек тело злосчастного немца и спустился сам. Для нас это было настолько неожиданно, что в первые мгновения даже слов не нашлось.

– То ж и вправду хрыц, – первым опомнился Арабов.

– Ты где его нашел? Или... может это ты его? – шепотом спросил Подосенов.

– Ты чыго прыстал. Она сама виноват. «Рука вверх», – говорил, как это по-ихнему, «капут и хинда хох»! Во! Я ему мала-мала по морде давал, и он дрался, тогда я его душил мала-мала, – вроде бы даже оправдывался Бергалеев.

– Эх, Бергалейч! Что ж ты этак-то, татарская твоя душа, его бы нам живым притащить, – сетовал Подосенов.

В это время и немцы, видно, заподозрили что-то неладное. С той стороны, откуда только что пришел Бергалеев, хлопнул выстрел ракетницы, секунда – и небо вспыхнуло ярким светом, потом еще ракета, и с высоты, под которой мы сидели, ударил очередями пулемет, затрещали автоматы с той стороны, где было немецкое боевое охранение.

– Все, теперь их нахрапом не возьмешь, они теперь такой шухер подымут, что до утра хватит, – буркнул Авдеев.

– Это точно. Давай все назад. Фрица не бросать, тащить его до конца! – Скомандовал Подосенов.

Мы цепочкой спустились в балку, переждали сумасшедший огонь пулеметов, а потом пошли к своей передовой. Надвигалось утро.

* * *

В роте бушевал лейтенант Ласточкин. Его возмущению не было границ:

– Это вы-то разведчики?! – кричал на нас Ласточкин. – Бандиты вы, а не разведчики! Форменные бандиты, забодай вас комарь! Вас не в поиск, вас просто на большую дорогу нужно выпускать, кошельки отбирать. Это ж надо натворить такое! В самое тяжелое для нас время взять – и немца удушить, а!

Несчастный Бергалеев спрятался где-то в обозе, Садыков его укрыв, чтоб он случайно на глаза не попался. Поэтому весь свой гнев Ласточкин излил на Подосенова, а тот тоже Бергалеева не выдал, не свалил на него всю вину.

Группа опытного Суменкова вернулась только к обеду и вернулась ни с чем. Во встречном злом бою потеряли двоих разведчиков.

От группы Надиряна никто толку не ждал: там были молодые малоопытные ребята, да и сам Надирян мальчишка еще, только воевать начал. Беспокоило только то, что от этой группы не было никаких вестей. Надирян не вернулся и к вечеру. Вот тут уже все-ррез забеспокоились и Ласточкин, и Попов. Взвод Надиряна действовал на самом правом фланге бригады, с оборонявшимся там батальоном связь была, но никто ничего не знал о взводе разведчиков.

Ночь прошла в тревоге. Забеспокоились не только командиры, но и все разведчики. Что могло произойти? Самое вероятное – это напоролись ребята на засаду и покрошили их всех до единого вместе с Надиряном.

На следующий день, утром, Ласточкин о чем-то беспокойно шептался в своем шалаше с Поповым, и они оба приказали ездовым седлать коней и вдруг... Это событие показалось сном, сном необыкновенным. Вернулась группа Надиряна, вернулась без потерь, но самым удивительным было то, что эти салажата, которых еще только что зачислили в состав разведроты, на которых никто и не надеялся, но именно они притащили «языка». Такие столпы разведки, как Суменков и Подосенов, не выполнили задания, а эти цыплята притащили насмерть перепуганного румына.

Конечно, в роте сразу же поднялся гвалт. Пацаны Надиряна, уставшие и чуть побледневшие после трудного поиска, не спеша, с чувством достоинства снимали с себя оружие, пояса с запасными дисками, переобувались и первыми отправились на камбуз, где Мишка Осейкин оделял их подчеркнuto завышенной нормой завтрака. Всем казалось, что пацаны сразу же зазнались, стали вести себя по-хозяйски и нахально, они даже как-то снисходительно поглядывали на стариков-разведчиков.

Перепуганный румын сидел у колеса обозной подводы и растерянно смотрел на разведчиков, которые его не только не били, но с готовностью и щедро угощали табачком, сытно накормили завтраком, никто его не охранял и относились к нему, как к желанному гостю. Это удивляло румына, он этого не мог понять. Эти странные русские не выказывали к нему лютой враждебности – все это совершенно не похоже было на то, как обращались с русскими военнопленными – румын видел это, единственное, чего он не знал, так это то, что охота за «языком» для разведчиков долгое время была неудачной, и вот он оказался первым и именно этому все были рады.

Румын успокоился и охотно отвечал на зачастую нелепые вопросы тех солдат, которых он совсем недавно считал своими непримиримыми врагами, способными только на месть, на жестокую месть.

- А, руманешти, гут морген! Что, капут Антонеске?
- Йа, Антонеске капут, – соглашался пленный румын.
- Ты давай, рубай, не теряйся!

Румын вопросительно смотрел на говорившего, не поняв ни единого слова из сказанного, но чувствуя по улыбке говорившего, что все его слова были добрыми.

– Ешь, тебе говорят. Война скоро капут. Ферштейн? Ты скоро дранг нах хауз. Ферштейн?

– Йа, криег капут.

– Да вы что к нему пристали? Дайте ему спокойно пожрать и опомниться!

А в это время Надирян немножко восторженно и по-мальчишески взалхлеб докладывал Ласточкину:

– Понимаете, товарищ лейтенант, мы с вечера всю нашу передовую облазили и на краю овражка, там, между Индеево и Падеево, обнаружили окопы боевого охранения. Днем там никого не было. Только начало темнеть – мы по овражку туда. Там этой ежевики – не пролезешь. Только стемнело, а они, субчики, топают. Трое их, значит, было. Мы им: «Хальт!», понимаешь, и еще кое-что добавили. Один убежал, другой из винтовки хотел стрельнуть, но его тут же прихлопнули. А этот вот, – Надирян кивнул в сторону обо-за, где был пленный, – этот умный, он сразу руки вверх и говорит: «рус, пук-пук не нада».

Короткий допрос пленного показал, что его часть прибыла сюда недавно из города Прохладный, они сменили немцев. Куда ушли немецкие части, он не знал.

Потом пленного увели в штаб бригады, а Надирян в превосходнейшем настроении в окружении бойцов своего взвода пел по-русски забавную армянскую песенку. Она понравилась, прижилась в роте и ее пели все, произнося слова обязательно с армянским акцентом:

*Ой, джан, Ереван,
Милые края,
Ой, джан, ой, джан,
Милый Ереван!*

*У меня есть дома
Тоже телефон,
Можно разговаривать
Сразу счетвером.*

*Здравствуй, Бабаян,
Здравствуй, Акопян,
Здравствуй, Кароян,
Здравствуй, Барцумян.*

*Ой, джан, Ереван,
Милые края,
Ой, джан, ой, джан,
Милый Ереван!*

Некоторые ребята успех Надиряна приписывали только слепому случаю, простому и необъяснимому везению, а мне казалось, что дело тут в чем-то другом, еще не понятом и не осознанном нами. Нужно Надиряну отдать должное – молодец он, и ребята его, хоть и салажата, но молодцы. А мы сделали что-то не так, чего-то не предусмотрели. Конечно, тут и Бергалеев у нас погорячился, мягко выражаясь, силушкой его бог не обидел – он и обрадовался...

А бедный, обруганный Бергалеев сидел под кустом, смотрел в землю и ни с кем не вступал в разговоры – расстроился парень.

* * *

Вместе с разведротой располагался химвзвод бригады. Мы были как бы вместе: единая кухня, единый обоз, правда, у химиков повозка была своя с химическим имуществом и туда мы свой нос не совали. Но взвод этот пользовался большой автономией: химики напрямую подчинялись начальнику химслужбы бригады, ревниво оберегали от посторонних свое имущество, жили рядом, но обособленно, и по сравнению с нами считали себя людьми образованными и интеллигентными. Вообще-то, они занимались непонятными для нас делами: каждый день мерили температуру воздуха, направление и силу ветра, писали об этом специальные сводки и носили их с нарочным в штаб бригады начиму – очень спокойному и незлобивому человеку, старшему лейтенанту. Протестуя против такого поведения химиков, разведчики всеми способами подчеркивали собственную значимость, считали, что вся химслужба это так, от нечего делать, и относились к ребятам из химвзвода, как к братьям нашим меньшим.

Бойцы химвзвода и разведчики, находясь все время рядом, хорошо знали друг друга, вместе топали на маршах, охотно делились трофеями или меняли у химиков пистолеты на водку и табак, но здесь на передовой, каждый занимался своим делом.

Сразу после завтрака, когда отправили румына в штаб бригады, меня и Мишку Белякова вызвал к себе Ласточкин. Возле его шалаша уже собрались командир взвода химиков, трое бойцов из его взвода, один незнакомый младший сержант и двое саперов с лопатами. Очевидно, предстояло какое-то не очень обычное дело. Я доложил Ласточкину о нашем прибытии, тот кивнул головой и коротко сказал:

– Садитесь и слушайте.

Мы с Мишкой терялись в напрасных догадках и понять не могли, что здесь происходит, и чем будет заниматься эта разношерстная кампания.

– Ну вот теперь вроде все в сборе, – начал Ласточкин. – Слушать внимательно: вам предстоит серьезная задача. Командир бригады лично приказал оборудовать наблюдательный пункт. Нужно найти такое место, забодать его комарь, откуда было бы видно весь фронт бригады от Верхнего Курпа и до Кескема. Понятно? Значит так, за подбор наблюдательного пункта отвечаешь ты. Ты за старшего. Понял? – кивнул на меня Ласточкин. – Советую посмотреть высоты за Лакисовом справа и слева от дороги. На выбранном месте оборудовать щель и блиндаж. Этим займутся саперы, а вы им поможете. Связисты дадут связь на НП. К концу дня НП должен быть готов, а утром, может быть, и сам комбриг приедет. Разведчикам и химикам дежурство и наблюдение вести круглосуточно и непрерывно. Обстановку докладывать начальству по его звонку. И чтоб мне без дураков там всяких, с тебя спрос особый, забодай тебя комарь!

Ласточкин погрозил мне пальцем, очевидно, вспомнив, как я разговаривал с начальником связи.

– Теперь вот еще что, – как бы вспомнил Ласточкин, – химикам и разведчикам получить у старшины бинокль, две саперных лопаты и сухой паек на сутки. Все! Исполняйте!

Недолгими были наши сборы и недолгим марш за Лакисово. Вначале мы полезли на лысую гору справа от дороги, но оказалось, что с ее вершины хорошо был виден Кескем, даже Малгобек, но совершенно не просматривался левый фланг. Мы полезли на гору, что слева от дороги, та была вроде бы повыше и заметно покруче первой. На вершине этой горы было старое горское кладбище, обнесенное неглубоким рвом. Каменные покосившиеся столбики с непонятной восточной вязью, кусты бузины по краю и рыжая, сожженная солнцем трава. Отсюда обзор был лучше, здесь и решили оборудовать

довать НП. Связист, младший сержант, сейчас же ушел в свою роту связи, чтобы оттуда тянуть нитку сюда, к нам. Мы принялись копать. Земля здесь сухая, неподатливая. Посоветовавшись, мы решили не тревожить кладбища, а копать траншею прямо по рву и выступом вперед для блиндажа наблюдения. Работы было много. Для перекрытия блиндажа саперы таскали откуда-то из селения старые доски и даже небольшие бревна. Несмотря на трудный грунт и камни, работа спорилась – семеро здоровых мужиков ловко орудовали лопатами.

Уже к вечеру НП с небольшой траншеей и блиндажом был готов, даже ход сообщения прокопали со стороны склона, который не просматривался противником. Связисты установили телефон, но телефониста не оставили. Дежурить должны мы с химиками, а в случае нарушения линии проверять ее будем и мы, и связисты со стороны своего коммунатора. Первыми прозвонили линию связисты, а потом уже я доложил по телефону Ласточкину, что его задание выполнено.

– Хорошо, – ответил Ласточкин и пообещал: – приду – проверю.

Саперы и связной ушли. Мы остались одни с химиками. Кости ныли от усталости, но это была совсем иная усталость, чем от долгого похода или от боя. Не было чувства досады и злости от длинной дороги и редких привалов, не было нервной взвинченности, как после боя, в душе было даже чувство удовлетворения от сознания выполненной работы. Нам все нравилось: и ход сообщения по склону горы, и траншея (глубокая, по грудь), и темный небольшой блиндаж, где были два лежака из земли, и сколоченный из досок небольшой столик с телефонным аппаратом на нем. Мы сидели в глубокой траншее и блаженно курили.

– Квартира что надо, – оценил Мишка. – В такой и после войны жить можно.

Надо признать, что химики оказались мужиками запасливыми и практичными, а следовательно, и более толковыми, чем мы. Они прихватили с собой из взвода пару ведер для воды. Как только мы пришли сюда, кто-то из ребят притащил два ведра, но сейчас они были уже пустыми.

После неторопливого перекура я взял ведра и отправился в Лақисово по воду. Это был ближайший путь: нужно было спуститься с горы, пройти заросший лопухами пустырь, потом по тропинке огородами в поселок, а там уже вода. Воду я черпал из ручья возле дома знакомого ингуша, где мы обычно останавливались, чтобы перекурить и напиться холодной воды, возвращаясь с задания. Не успел я наполнить ведра, как услышал сзади чьи-то шаги. Я оглянулся и увидел сына хозяина дома. Парень был в черкеске, перепоясанный узким наборным ремешком, на боку небольшой кинжал с белой костяной ручкой, на голове лохматая шапка из овчины. Парень среднего роста, широкоплечий и с узкой, как у девушки, талией. Увидев меня, он улыбнулся, остановился.

– Салям! – поздоровался я с парнем, тот улыбнулся еще шире и ответил по-русски:

– Здравствуй.

– Вы собираетесь уезжать? – спросил я парня.

Вообще, мне казалось вполне естественным, что жители покидают поселок, который оказался в трех километрах от передовой.

– Нет. Мы с отцом пока остаемся.

– А чего ты так вырядился?

– Я не вырядился. Таков обычай. Я хотел просто посмотреть наш огород. Может быть, там что-нибудь еще осталось.

Я закинул на спину автомат, взял наполненные ведра и стал подыматься по короткой, но крутой тропинке от ручья. Мы пошли рядом с парнем и тот предложил:

– Давай я тебе помогу.

– Спасибо. Я донесу ведра... А почему ты не знаешь, что у вас осталось еще в огороде?

– Да, так, – неохотно ответил парень. – Нам с отцом сейчас трудно, наша кукуруза осталась недалеко от той горы, где нефтевышка, но туда нас не пускают, туда ходить нам нельзя. А картошку мы не убрали вовремя, и ее всю выкопали солдаты.

– Какие солдаты?

– Ваши солдаты... Я не знаю кто.

Слово «ваши» царапнуло слух, но я смолчал и снова спросил:

– Как же вы живете с отцом? Чем питаетесь?

Парень помолчал, помялся, а потом ответил:

– Правду скажу: очень плохо живем. Кушать нечего, соли совсем нет. Бедно живем. Все, что было в доме, обменяли на кукурузу, и той осталось мало.

– А почему не уехали?

– Куда ехать? Здесь дом, здесь земля. Уедем – все пропадет. Фронт, может, уйдет, тогда кукурузу возьмем...

– Н-да, плохо, брат. Пожалуй, вам лучше было бы уйти. Здесь для гражданского населения становится опасно. А соли на днях я вам постараюсь притащить.

– Спасибо. Ты добрый, ты кунак, а бывают другие. Здесь один солдат шибко кричал на отца, нехорошо кричал.

– Как это кричал?

– Просто кричал. Говорил, что отец поганый ингуш, собака, что он ждет немца. А зачем отцу немец? Отцу хорошо, когда вообще солдат нет и тихо.

– Что это был за солдат?

– Не знаю. С винтовкой солдат был.

– За такие слова того солдата под трибунал могли отдать. Если бы отец пожаловался...

– А! – перебил меня парень. – Кому сейчас жаловаться? У нас нет никакой власти, одни военные. А военный всегда будет прав, за ингуша никто не заступится.

Мы шли, переговариваясь друг с другом, и мне очень хотелось подробнее узнать, что это за поганец кричал на ингуша. Зачем мне это было нужно, я сам не знал, я просто чувствовал, что ингуши и так относятся к нам с не очень большим доверием и вместо того, чтобы поправить положение, какой-то дурак оскорбляет старого ингуша, что смертельно обижает молодого, и вот уже два человека будут относиться к нам с неприязнью и недоверием. По морде бы такому крикну!

А улочка стала совсем узенькой. Два плетня, крапива по краям и тропинка. Я шагал с ведрами впереди, парень за мной, разговор наш постепенно затухал, становился односложнее, чувствовалось, что не хочет он продолжать эту тяжелую тему и не может сказать мне всего того, что у него накопилось в сердце. Мы замолчали, прошли совсем узкую улочку и на небольшом лужочке я поставил на землю ведра, чтобы отдохнули занывшие пальцы рук.

– Давай помогу, – снова предложил парень и решительно взялся за дужки ведер.

Теперь он с ведрами пошел впереди, а я за ним. Мы прошли немного и вдруг парень, не оборачиваясь ко мне, сказал:

– Знаешь, кунак, ты добрый человек, ты нам не враг и ты верь – я никогда не сделаю тебе зла. Ингуш никогда не сделает плохо другу, но не ходи впереди, не нада.

Это прозвучало совершенно неожиданно, непонятно, и я спросил:

– А что? Обычай у вас такой?

– Нет обычай. Зачем обычай? Ты русский, ты иноверец, а я родился здесь в горах. Знаю, что ты кунак, а рука чешется! Понял? Сердце не велит, а рука сам делать может.

Теперь до меня дошло и стало обидно, словно в душу плюнули. Я думаю, как им помочь с продуктами, а у него рука чешется! Надо ж такому случиться!

– Стой, кунак!

Парень остановился, поставил на землю ведра. Было видно, что он уже жалел, что сказал лишнее, не знал, что я собираюсь сделать в эту минуту. Он поступил предельно честно, предупредив меня, предупредив на всякий случай, предостерег от зла, которое мог совершить не он, а другой злой его соплеменник, но получилось все как-то нескладно, неприятно...

– Послушай, кунак, – сказал я тихо, не отступая и не приближаясь к парню, – ты сейчас шел впереди меня, у меня за спиной не кинжал, а заряженный автомат, почему у меня не чесалась рука? Почему мне даже в голову не пришло, что впереди идет ингуш! Почему ты вдруг стал считать меня врагом? Только потому, что мне на твоей земле приходится сражаться с немцами? Ты думаешь, они пришли сюда, чтобы принести тебе свободу? Я не по своей воле пришел к тебе, на твою землю, и пришел, чтобы выгнать с твоей земли фашистов. Если бы ты приехал ко мне в Москву, у меня не стала бы чесаться рука, я встретил бы тебя как гостя, а ты...

Парень молчал, а я бросал ему в лицо горькие слова, тяжелые упреки. Он протянул вперед руку и сказал:

– Не нада! Я тебе не враг. Был бы врагом – не сказал такого. Сказал только потому, что верю тебе и потому, что ты мой кунак.

Ни хрена себе кунак! Хрен их разберет этих горцев с их традициями и обычаями.

– Ладно, – сказал я спокойно, не повышая голоса, – пошли дальше. Иди вперед и не бойся, я не стану стрелять тебе в спину.

Парень взял ведра, мы пошли по огороду.

– Не обижайся, – говорил парень на ходу, – я сказал тебе честно. Ты мой кунак, а теперь делай, что хочешь. Будешь стрелять – стреляй! Только поверь – немец мне правда не нужен. Я простой ингуш. Здесь жили мои деды, и я хочу только одного, чтобы моему народу никто не мешал здесь жить вечно.

– Ладно. Давай ведра и ступай по своим делам. Я ведь тоже не хочу тебе зла, и живите все ингуши на своей земле сколько хотите. Я пришел сюда только затем, чтобы прогнать немцев и только. Сами-то вы не очень рветесь с ними в бой.

Теперь вскипел парень. Гордость горца не позволила ему стерпеть обиды:

– Слушай, зачем так говоришь! Дайте нам оружие, и мы выкинем врага с нашей земли. Ты еще не знаешь, как сражаются горцы! И никто из нас никогда не оскорбит могилы наших предков!

– При чем тут могилы?

– Так ведь это вы копали на кладбище, которому уже много лет. Там лежит мой дед, а вы трогаете его могилу и не боитесь гнева пророка! Вы только немцев боитесь.

– Постой, кунак, почему ты решил, что мы тронули могилы? мы копали около кладбища и никто из нас не дотронулся до ваших священных камней.

– Ты мне говоришь правду?

– Я тебе ни разу не соврал. Я сам копал там и все видел. Я не могу тебя привести туда, не имею права.

– Я тебе верю. Я скажу старикам в поселке. А то вас там видели, и кто-то говорил, что вы разрывали могилы.

– Какая чушь! Как можешь ты этому верить?! Мы здесь вечно не будем, мы прогоним немцев, и тогда пускай ваши старики поднимутся сами и посмотрят. Если я наврал, тогда пусть меня достанет пуля в первом же бою.

– Не говори больше. Я тебе верю.

– Ну, тогда прощай, парень. Ты уже на огороде. Давай ведра.

Я взял ведра и пошел по тропинке к кладбищу на НП, парень еще долго стоял и смотрел мне вслед.

Ребятам я не стал рассказывать о своем разговоре с молодым ингушем – боялся

разжечь в них несправедливый гнев, ненужную обиду. Я и сам еще толком не разобрался во всем произошедшем. Долго я думал о том, откуда у людей появилось это чувство вражды? То, что резали на дорогах солдат-одиночек – так это факт, то, что пытались даже скупать оружие и такса была установлена – это тоже факт, то, что в армии они не служат, и это в такой вот лютой войне – это тоже факт. Но как все непросто. Есть память человека и есть память народа, а она, народная память, наверное, цепко хранит то давнее, что не может знать один человек. Над этим нужно подумать. Непростое это дело: не может быть целый народ разбойником...

На наблюдательном пункте тем временем установили телефонную связь, но никто не поспешил потребовать от нас доклада об обстановке. По всей видимости, о нас забыли, мы существовали, по-моему, так, на всякий случай.

На следующий день утром я пошел за продуктами. В расположении роты почти никого не было – разведчики еще не вернулись из поисков, химики и те разошлись по каким-то заданиям, старшина уехал в тылы за продуктами. Осейкин Мишка по старой дружбе накормил меня «до упора», а писарь дал команду выдать нам вместе с химиками снова сухой паек еще на сутки. На сей раз нам даже мясные консервы выдали – жить было можно. Когда со всеми делами было покончено, я подошел к Осейкину и тихо попросил:

– Миш, дай мне соли побольше и еще чего-нибудь, что у тебя лишнее.

– На хрена тебе?

– Понимаешь, здесь в Лакисово старик один живет с сыном-малолеткой и уж больно они бедствуют. Картошку в огороде у них наша братия выкопала, а кукуруза под высотой «Нефть» на корню сохнет, теперь уже не взять той кукурузы.

– Врешь, наверное. Не иначе как девку нашел, а скорее, на раку обменять хочешь, – усомнился Осейкин.

– Брось, Миш, какие здесь девки. И не до самогонки здесь. Я тебе никогда не врал. Говорю – старик с пацаном с голодудохнут.

– Ингуши что ли?

– Ингуши.

Осейкин хмыкнул что-то, а потом протянул:

– Тебе известно, что на фронте продовольственные продукты лишними никогда еще не бывали.

– Знаю. Только люди-то живые и тоже вроде бы у нас не лишние.

Мишкино сердце, наконец, дрогнуло. Он насыпал мне в новую, еще даже неразрезанную портянку килограмм пять крупной серой соли и в старом мешке отдал килограмм восемь соевой муки, которой он не мог найти применения на кухне. Подумал немного Мишка и вдруг выложил на лист газетной бумаги около килограмма комбижира, похожего на парафин.

– Бери и чеши отсюда пока никто не увидел, и пока я не раздумал!

Повторять мне совет не потребовалось. Отпущенное добро разместилось у меня в вешмешке, а мешок с соевой мукой я просто взвалил на плечи.

Быстрым шагом я направился в Лакисово. На мое счастье старик и его сын оба были дома. Увидев меня, молодой парень заметно насторожился, а старик расплылся в добродушной улыбке, – то подсказывало мне, старику не было известно о нашем разговоре с его сыном.

– Саям алейкум, отец! Привет, кунак! – кивнул я и сыну так, вроде бы и не было между нами того разговора.

– Алейкум саям, давно я не видел тебя. Жив, здоров? Хранит тебя Аллах в это страшное время.

– Слава Аллаху! Пока жив. И я тут тебе кое-что принес.

– Заходи в дом. Поговорим, если у тебя есть немного времени.

Я не был у них в доме, и он поразил меня своей бедностью: дом небольшой, потолки низкие, закопченные, небольшие оконца с мутными потрескавшимися стеклами, керосиновая лампа на железном крюке – так все похоже на рязанскую деревню, только вот большой печи нет и икон в красном углу. Вдоль стен скамьи из струганных досок, в углу досчатый стол. Прежде всего я выложил на него мешок с соевой мукой. Старик смотрел на мои действия молча, и сын его не проронил ни слова.

– Отец, большего я сделать не мог. Вот вам с сыном соевая мука. Не бойся, я не украл ее, мне все это дал наш повар. Я ему рассказал, что вы бедствуете с продуктами. Вот здесь соль. Серая соль, но мы ее едим. Пересыпь ее куда-нибудь, а портянку мне отдай. А это вот комбижир – такое сало – придумали солдат кормить. Ничего, никто не умер, даже вкусно. Забирай все. А то мне некогда.

– Что у тебе должен дать взамен? – поинтересовался старик.

Видимо, он привык к тому, что люди редко что делают бескорыстно.

– Мне ничего не надо. Бери, это все твое.

Старик посмотрел на меня недоверчиво, а я стал снова надевать на плечи свой вещевой мешок с сухим пайком на всех ребят, которые ждали меня.

– Подожди. Не уходи, подожди немного.

Глаза старика беспомощно перебегали с одной стены дома на другую, он чего-то искал, но не мог найти. Потом, потупив глаза, он с достоинством сказал:

– Спасибо, сын мой, ты выручил меня в тяжелое время. Я должен отблагодарить тебя, но не смогу сейчас сделать этого. Вознаградит тебя Аллах.

– Чего там. Не стоит благодарности. В такое время люди должны помогать друг другу. До встречи, отец, мне нужно идти.

– Подожди, я провожу тебя.

Старик, ему было немногим более 60-и лет, сказал что-то сыну, и мы оба вышли из его дома. Я шел к нашему наблюдательному пункту и поэтому мы снова оказались на той же узкой тропинке, по которой мы однажды шли с его сыном. Я невольно задержался, чтобы пропустить старика вперед, а он сделал приглашающий жест рукой, ожидая, когда я пойду первым.

Я пошел первым, и тут словно меня бес толкнул, я спросил:

– Я слышал, что по горскому обычаю не принято, чтобы русский шел впереди горца.

– Кто тебе это сказал? Такого обычая у нас никогда не было. Ты не женщина, мы, двое мужчин, можем идти так, как нам покажется удобным.

– Скажи, отец, правда ли, что ингуши не любят русских, и если правда, то за что такая немилость? Я просто хочу понять это.

Старик замолчал, и некоторое время мы шли молча, старику, видимо, не хотелось разговаривать на эту щекотливую тему. Первым нарушил неловкое молчание старик.

– Ты меня сегодня выручил. Скажи, зачем ты это сделал?

Вопрос был для меня неожиданным.

– Так тебе же, отец, трудно. Ты в беде...

– Да, это так. Но ты же считаешь, что ингуши не любят русских, зачем ты помогаешь тем, кто вас не любит?

– Так вот... Все же нужно помочь человеку и потом, ты сам никогда... – начал я что-то говорить невнятно и старик перебил меня:

– Вот видишь! Оказывается, я тебе ничего не сделал плохого, но ты считаешь, что старый ингуш хитрит и у него на сердце другие мысли, а у меня болит сердце за тебя, за такого молодого, когда ты уходишь к тем горам, где идет бой. Хотя очень может быть, что твой прадед здесь в наших горах гонялся за Шамилем и стрелял в него. Ты слышал, кто такой был Шамиль?

– Немного слышал. На Кавказе было восстание Шамиля, и он сражался с войсками царя, но мы-то не царские войска...

– Все правильно. Только это непростой и долгий разговор. Ингуши не любят всех, кто идет разорять их родную землю. Зачем говорить только о русских? Если бы у нас было оружие, то мы не хуже вас сражались бы с немцами. Другое дело, что ингуш не очень верит русским. Еще ста лет не прошло после той войны, когда Шамиль поднял восстание против русских. Наши древние старики рассказывают молодым предания тех лет. Знаешь, сколько было пролито крови и сожжено аулов? Наши деды не щадили друг друга...

– Так тогда был царь!

– Ну и что? Стрелял и жег аулы не царь. Ты не сердись на меня. У ингушей давно прошло чувство кровной мести по отношению к русским, но для полного доверия, для такого доверия, как у нас с тобой, еще просто не пришло время, но оно стучится в наши двери.

– Ты прав, но известно тебе, что на ваших дорогах находят зарезанных русских солдат?

– Да, я слышал об этом. Если сказать вот так, как говоришь это ты, то меня нужно сейчас же стрелять. Не торопись с судом. Я бы разобрал каждый такой случай и, поверь, в этом не всегда бывали повинны ингуши.

– Сейчас война и нет времени разбирать такие случаи.

– Правильно. Ты человек, который уже ходил возле смерти. Все это учит, знаешь чему? Можно считать обиды – это будет плохо, очень плохо; можно считать добрые дела – тогда будет крепнуть дружба. Дружба и доверие – это дети добра, а не зла. Понял ли ты меня? Мы хорошо жили до войны и стали забывать старые обиды. Мой отец в этих местах видел вашего Кирова и говорил, что это был умный человек. Но кто-то еще считает обиды и помнит их – это недобрые люди, а они везде есть, и у ингушей, и у русских.

Мы прошли узкие улочки и остановились на пустом огороде.

– Спасибо тебе, отец. Ты сказал правильно.

– Спасибо тебе, ты сделал доброе дело. Если у тебя будет время, а меня не выселят из поселка, приходи, мы поговорим тогда, не торопясь.

Мы распрощались. Я был уже знаком с превратностями солдатской судьбы, но не думал, что мы виделись со стариком в последний раз. Я даже не предполагал, что найдутся люди, которые вновь разожгут пламя взаимного недоверия и в то время, когда это никому не будет нужно.

На НП меня удивил Мишка Беляков.

– Ты знаешь, кто здесь был?

– Кто?

– Аж сам Натынов!

– Зачем его принесло?

– А он что, докладывает? Стоял вот здесь и все в бинокль смотрел. Спрашивал, конечно, что мы видели?

– А ты что?

– А что я? Я как его увидел, так сразу и смотался на другую сторону кладбища. Ему вон Гребенюк и Мазинев обстановку докладывали.

Небольшого роста и вечно небритый, страшно худой Гребенюк сказал, что Натынов высказал недовольство тем, что оба разведчика отсутствовали на НП, но Гребенюку удалось каким-то образом выгородить нас с Мишкой из нависшей над нами неприятности. Остаток дня прошел спокойно, все мои мысли были заняты разговором со старым ингушем. Умный он мужик оказался! В середине следующего дня нам с Мишкой было приказано вернуться в роту.

За то время, что мы болтались с Мишкой на НП, нашу роту не обошло стороной несчастье. В поисках погибли трое разведчиков, а четверо были ранены. Хмурый Суменков, действовавший с ребятами в знакомом районе перед балкой у Верхнего Курпа, рассказывал, что немцы продвинулись в степи к нашей передовой настолько близко, что ночью можно расслышать их негромкие голоса, а один фриц, явно издеваясь над нашими бойцами, ночью кричал:

– Эй, Иван, у фас пропуск снова «мушка»?

А у нас, как на грех, в эти сутки действительно был пропуск «мушка». По немцу стреляли из винтовок с нашего переднего края, но ночью попасть не могли, а он, паразит, снова кричал:

– Эй, рус, ты плёхо стреляйт! Иван, давай один елдаш на два румын меняйт!

Ребята матерились, примерно определили место, откуда кричал немец, хотели забросать его гранатами, но напоролись на огонь нескольких пулеметов, еле раненых вытащили.

Последующие несколько дней не изменили характера наших боевых действий. Как и прежде, каждую ночь и в один и тот же час мы появлялись перед немецкой обороной. Мы ползли на сближение с противником, лежали, не шевелясь, под давящим светом ракет и неизменно бывали обнаруженными. Ласточкин нередко сам ходил в поиски, контролировал наши действия, но и это не меняло положения. У командира роты осложнялись отношения с начальником разведки. Даже вечно улыбавшийся Надирян ходил хмурым и все реже вспоминал песенку о ереванском телефоне, где «можно разговаривать сразу четвером». Как известно, беда в одиночку не ходит, и вот однажды утром совершенно для нас неожиданно напористой атакой немцам удалось захватить высоту «Нефть» с нефтевышкой на самой ее вершине. Командиру батальона было приказано вернуть высоту немедленно. Наши стрелковые роты несколько раз поднимались в атаку, но все они были противником отбиты. Атакующий батальон понес чувствительные потери. На следующий день в помощь этому батальону придали роту автоматчиков, сформированную полностью из моряков. Новую атаку поддержали активным огнем наши минометы, но и эта атака была отбита. Ее повторили трижды и безуспешно. От батальона и приданной ему роты остались жалкие остатки, а склоны высоты «Нефть» были усеяны трупами. Убитых вытаскивали ночью и хоронили в балке в пустых окопах.

А дни стояли жаркие, словно вернулось лето, зато ночи были ясные и холодные. Помимо поисков, постоянных потерь, случались вроде бы незначительные, совсем не приметные события, но вот одно из них запало в память. Однажды впервые в жизни я взялся за бритву. Примеривался я к ней давно, даже пробовал ногу брить и ничего – получалось. Решился я, наконец, сбрить с подбородка несолидный и какой-то грязноватый дыплячий пушок. Это таинство я совершал в одиночку, спрятавшись от остальных ребят. Намылился хозяйственным мылом (ничего иного у нас не было) и брился настоящей безопасной бритвой с немецкими лезвиями «Золинген». Старался, но все-таки порезался. Ребята догадались, в чем дело, стали учить, и было как-то неловко, снова я чувствовал себя салажонком.

* * *

В тот день, когда вроде ничего не обещало неожиданного, в роте после долгого перерыва вновь появился капитан Натынов. Тот памятный случай, когда он поставил на расстрел целую разведгруппу, видимо, сейчас ему самому казался досадным срывом. Горячий по натуре, временами взбалмошный, он теперь пытался доступными ему средствами восстановить добрые отношения с разведчиками. Он был подчеркнуто шумлив, улыбчив, сыпал шутками и легкими «подначками», стараясь подчеркнуть, что все старое

забыто, и что кто его помянет, тому глаз вон, а вообще он парень свой в доску и занят только тем, что печется о здоровье и удобствах разведчиков.

Но разведчики успели изучить характер капитана и вели себя подчеркнуто сдержанно, за исключением нескольких человек. Между бойцами разведроты и начальником разведки стала возникать невидимая стена отчуждения и недоверия.

– Ну что, разведка, наркомовскую норму получаете? Не обижают вас отцы-командиры? Если что – говорите. Шкуру спущу с любого, кто разведку обидит! – шумел Натынов, а разведчики безмолвствовали.

Политрук Попов, стараясь сгладить возникшую скованность и неловкость, сказал:

– Все в порядке, товарищ капитан. После выполнения задания каждому по кружке вина. Грех жаловаться.

– А почему это после задания? Сейчас ночи холодные, да и если уж выпить, то не после драки, а перед ней! Вы как считаете, разведчики?

Несколько человек прогудело одобрительно.

– Ха! Вот так-то. Слышал, Ласточкин, что твои орлы говорят? Действуй!

Потом начальник разведки с командиром роты и с политруком долго колдовали над развернутым листом топокарты, о чем-то спорили, в чем-то даже упрекали друг друга, а мы приводили в порядок оружие, набивали патронами диски, готовились к очередному заданию – недаром ведь пожаловал в роту сам начальник разведки.

Стало быстро темнеть. Осейкин накормил нас ужином и залил водой еще тлевший костер. В эту ночь взвод Надирына уже отправился на задание, а мы все еще сидели под своими кустами, курили, негромко травили баланду и ждали команды. А Натынов, видимо, не выдержал взятого тона и к концу разговора уже послышался его раздраженный и довольно громкий голос:

– В общем, вы сами еще ни хрена не знаете. Дерьмовые вы разведчики! Сегодня я сам все проверю, полную рекогносцировку сделаю! Дай мне одного разведчика, да такого, чтоб он сам хоть немного передний край знал, и быстро – мне рассиживаться с вами некогда!

Надо было такому случиться, что в эту самую минуту именно я попался на глаза Натынову. То ли он вспомнил, что уже ездил со мной на автомашине, может, по другой какой причине – он указал на меня нагайкой и сказал Ласточкину:

– Во, давай мне этого бойца.

Ласточкин возражать не стал и крикнул ездовым:

– Садыков! Седлай двух коней и быстро!

Сказать просто, что я плохой джигит, это еще ничего не сказать. Вырос я в большом городе и имел некоторое касательство к лошадям только летом в деревне, когда изредка случалось вместе с деревенскими ребятами гонять табун колхозных коней в ночное. Первые навыки деревенской джигитовки у всех мальчишек тогда начинались с отчаянных болячек на заднице: ездили мы без седел, и если конь шел даже небольшой рысью, то, подпрыгивая на его спине, каждый раз плюхаясь на хребет коня, мальчишки в кровь разбивали кожу на копчике. Так бывало со всеми, пока не набирались опыта. Ребята даже гордились такими болячками и показывали их друг другу, когда доводилось купаться. Седло я видел только со стороны и оседлать коня, конечно, не умел. Команду сопровождать верхом Натынова я воспринял, как приказ броситься в Ниагарский водопад. Конечно, я предпринимал попытки как-нибудь открутиться от этой высокой чести. Однако Ласточкин словно назло говорил, поддерживая выбор Натынова:

– Правильно. Этот парень передний край знает. Я его и на НП специально держал. Он передовую знает, забодай его комарь.

– Что ж, я сразу вижу, парень толковый, грамотный, – соглашался Натынов.

Я понял, что не отмотаться мне от сопровождения, а если буду отказываться, то Натынов, пожалуй, специально со мной конным спортом займется на виду у всей роты

– тогда пропал я, на всю жизнь пропал. А стервец Мишка Беляков сидел под кустом, смотрел на меня и не таил даже издевательской ухмылочки: «давай, мол, покажи, что такое Дон Кихот на Росинанте!»

Хотел я ему сказать... но в это время Натынов бросил на меня еще раз оценивающий взгляд и скомандовал:

– Ну, по коням!

Я подошел к светло-серой кобыле, которая недоверчиво косила на меня глазом, решительно поставил носок левой ноги в неустойчиво болтающееся стремя, взялся за луку седла и, слава богу, оказался верхом на лошади. Рядом со мной стоял Садыков, этот низкорослый кривоногий степняк, который, видимо, и родился в седле, был в сущности добрым парнем, но в данную минуту мне показалось, он больше переживал за коня, чем за наездника...

– Падажды, падажды! Мало-мало стремя коротко. Дай поправлю.

Пока он возился со стремянами, Натынов ловко вскочил в седло, крутанул своего гнедого и нетерпеливо бросил:

– Ну, что там закопался? Давай догоняй!

Его конь с места легкой рысью пошел по дороге, рассыпая четкий цокот копыт.

– Ты жопом не плухай, не плухай, ты ногой на стремя нажимай. На, кнут за рымьень заткны, – напутствовал меня Садыков.

Я взял в руки поводки уздечки, чмокнул губами для порядка, шевельнул поводки и крикнул:

– Н-но, милая!

Лошадь послушно шагом направилась к дороге, видно, давая мне возможность освоиться в седле. Лошадь была умная, но у меня не было времени на обучение, мне нужно было догонять Натынова. Я дернул под уздцы посильнее, лошадь поняла, что нельзя нам отставать от начальника разведки и пошла ходкой рысью. Меня подбрасывало в седле, но скоро я начал упираться ногами в стремяна, как советовал Садыков, и стало намного легче. Только автомат все время бил диском по горбу, пока я не догадался перевернуть его ствол вперед и придерживать приклад локтем. Натынова я догнал быстро, и на рысях мы проскочили молчащее Лакисово. Совсем стемнело. Луны не было, и щедрая россыпь звезд разукрасила небо. На переднем крае немцев все время взлетали ракеты. Натынов придержал свою лошадь и мы поехали рядом. Долго ехали молча, потом Натынов проронил:

– Вот забыл я твою фамилию.

– Рядовой Журавов, товарищ капитан.

– Журава значит. Та-ак. Нерусский?

– Русский, а что?

– Да ничего. По мне хоть японец. Фамилия у тебя не очень русская.

– Чисто русская, товарищ капитан.

– Врать ты здоров. Родом-то откуда?

– Из Москвы.

– Опять врешь?

– Да не вру я, товарищ капитан. Родился и жил в Москве.

Натынов подумал немного и заключил:

– Может, и не врешь. Там еще и не такие фамилии найдутся. Значит, и на Красной площади бывал?

– Бывал.

– А в Кремле?

– В Кремле не бывал, туда не пускают.

– Почему?

– Правительство в Кремле. Мало ли что может случиться, если каждый по Кремлю шлаться будет.

– Это правильно. Может, ты и Сталина видал?

– Видал. Два раза.

– Ну, и здоров ты врать! Да Сталина даже я не видал!

– А я видал. Был я на демонстрации на Красной площади, а он на Мавзолее стоял. Наша колонна близко шла, я и видал.

Натынов замолчал и с досады пустил своего коня ходкой рысью, а я плюхался за ним следом. Натынов сидел в седле, как влитой, как «Медный всадник», вроде бы конь и сам наездник были одним живым организмом. Я откровенно завидовал Натынову, его ловкости, его умению и привычке к коню, а Натынов немного злился и завидовал мне в том, что я жил в городе, в котором ему, капитану, еще не пришлось побывать и тому, что я, сопляк по сравнению с ним, видел живого Сталина, а он видел его только на портретах.

Мы ехали к балке, за которой была высота «Нефть», уже прославившая среди солдат бригады неприступной. Вдоль дороги все чаще стали попадаться воронки, один раз моя лошадь споткнулась, но я удержался в седле. Пока все шло нормально. Перед балкой пошли шагом, на дороге у спуска вниз нас кто-то окликнул:

– Кто идет?

– Свои.

– Пропуск?

– Мушка. (Опять эта проклятая «мушка», ставшая предметом издевательства над нами даже среди немцев)

– Мурманск, – ответил невидимый в темноте, да еще в кустах, часовой. – Смотри, поаккуратней здесь.

Все переговоры с часовым вел я. Натынов против своего обыкновения молчал. Мы спустились в неглубокую и хорошо знакомую для меня балку, шагом поехали вдоль широкой полосы кукурузы. В темноте были заметны почти совершенно белые, высушенные солнцем и ветром, изрядно поредевшие, скошенные пулеметным огнем и осколками высокие кукурузные стебли. Натынов уверенно ехал первым и правил прямо к высоте «Нефть». Я думал, что он повернет вправо к небольшим высотам, где оборонялась наша стрелковая рота и автоматчики, но вот уже осталась позади белесая кукуруза, а капитан все продолжал править чуть наискосок прямо к злосчастной высоте. Осветительные ракеты немцы, как назло, в это время кидать перестали, так как в небе послышался треск мотора кукурузника. Похоже, капитана ничто не настораживало. В балке было тихо, и даже слабый ветер совсем сложил свои крылья. Я шевельнул поводки, ударил каблуками по бокам лошади и поравнялся с капитаном, который ехал впереди.

– Товарищ капитан, мы сейчас на нейтралке и едем прямо на высоту «Нефть».

– Что? Ты что, сдурел? – в голосе Натынова послышались нотки досады и презрения.

– Тоже мне, разведчик! Ты сам-то когда здесь бывал? Во-первых, на высоте «Нефть» с самого утра уже наши сидят, а во-вторых, высота «Нефть» левее. Давай вперед!

Спорить с Натыновым было бесполезно, да и не полагалось рядовому спорить с капитаном. А может быть, я действительно чего не знаю, а обстановка-то изменилась пока мы в роте «загорали». Я послушно тронул своего коня. На сей раз Натынов пропустил меня вперед, а сам поехал следом шагах в четырех позади меня. Кони шли шагом. Мерно стучали копыта о сухую землю, тихо позвякивали удила. Мы выехали на заброшенный проселок, и кони пошли по дороге. Прошло немного времени, и я почувствовал, что начался подъем. У меня не осталось сомнений, что мы уже на склоне высоты «Нефть», на ничейной земле. Мы ехали прямо на немецкую оборону.

– Тпру.

Я натянул поводья, и моя на редкость понятливая лошадь остановилась. Сзади всхрапнул конь Натынова. Капитан поравнялся со мной и на сей раз тихо спросил:

– Ну, ты что встал?

– Мы прямо на высоту «Нефть» вышли.

– Ну и что? Чего встал-то?

– Немцы впереди, товарищ капитан.

– Какие тебе еще немцы! Ему все немцы мерещатся. Теперь мне понятно, как вы за «языком» ходите. Давай вперед!

– Нас вчера на рассвете здесь обстреляли немцы.

– Хватит врать! Сталина он видел! Немцы его обстреляли! Наши уже на высоте. Давай вперед!

Натынов был категоричен и не допускал возражений. Что мне оставалось делать? В общении с начальством, да и в жизни вообще я был малоопытным мальчишкой. Я твердо знал одно: что приказ командира в бою это закон, и я обязан был подчиниться и выполнить любой приказ Натынова.

– Но, н-но, пошла.

Я шевельнул поводки и послушное животное понесло меня вперед к моей и своей гибели. Натынов снова предупредительно приотстал от меня, видно, все-таки червячок сомнения шевельнулся в его душе. Он ехал в пяти или в шести шагах сзади меня, и в сущности мы одинаково подставляли себя под пули немецкого пулеметчика. Он полагался на чью-то неверную информацию, я – на слепую удачу, авось кривая вывезет!

Склон стал заметно круче. Я проехал еще метров тридцать и снова остановился. Нужно послушать. Тихо. Кукурузник давно куда-то улетел, а немцы молчали, хоть бы ракету бросили, как назло, молчали. У меня действительно закралось сомнение: а вдруг случилось необъяснимое, и нет на этой высоте немцев! Что тогда? Тогда выгонит меня Натынов из разведки. Мы тронули лошадей и еще проехали метров двадцать. Склон высоты совершенно голый, сухая трава под копытами лошадей... Да нет, ошибки не может быть. Мне показалось, что я уже вижу в темном небе металлические конструкции нефть-вышки. «Что же мы делаем! В лучшем случае нас сейчас перестреляют, в худшем – нас просто схватят!» Сердце словно перестало биться. Я осторожно взвел автомат и теперь левой рукой держал поводья, а правой – шейку приклада и палец на спусковом крючке. Моя лошадь словно чувствовала, что мы творим непоправимо глупое и смертельно опасное, она не всхрапывала, она шла крадучись. Я решил еще раз, в последний может быть раз, предупредить Натынова. Остановил коня и прошептал:

– Товарищ капитан, впереди немцы...

– Опять за свое! Ты мне брось, Журава, я ведь с тебя шкуру...

Капитан не успел закончить. Наверху хлопнул выстрел ракетницы, белая звездочка рванулась вверх и рассыпалась ослепительно белым дрожащим пламенем.

– Рус, хальт!

Донесся сверху истошный крик, и через мгновение оглушительная пулеметная очередь разметала тревожную, натянутую тишину. Розовые молнии трассирующих пуль за-сверкали вокруг. В какое-то мгновение я увидел, что Натынов на коне метнулся вниз, в балку. А моя лошадь словно взбесилась: перепуганное животное крутилось на одном месте, а сверху одна за другой летели ракеты и длинными очередями бил пулемет. Я не стрелял из автомата, но почему-то не выпускал его из рук, а одною левой не мог справиться с ошалевшим конем. Еще полсекунды, секунда и меня должна была свалить пулеметная очередь. Наконец я как-то оставил взведенный автомат, обеими руками рванул поводки и закричал:

– Н-но! Мать твою в господа бога!...

А крутом сверкают красные вспышки трассирующих пуль, летят короткие молнии.

Но лошадь словно опомнилась и птицей полетела вниз, а я приподнимался на стременах и все время боялся вылететь из седла, тогда я и лошади не поймаю...

– Н-но, проклятая!

Проклятая летела, что было силы, и догадалась сама круто свернуть влево и здесь, на краю кукурузного поля, я нагнал Натынова. Под ним крутился горячий жеребец, мотал головой, всхрапывал и словно пританцовывал. Наконец, пулеметный огонь смолк, и мы оба старались успокоить перепуганных лошадей и сами прийти в себя.

– Ты?! – спросил Натынов.

– Я.

– Ты что ж, раздолбай, ты куда ж правил?! Ты что, к немцам меня привести хотел?!

– Товарищ капитан...

– Что «товарищ капитан»?! Ты, шкура, что делаешь?! Начальника разведки к немцам, а?!

– Это не я, а вы к немцам! Я вас сколько предупреждал, что едем прямо на немцев, что на высоте «Нефть» немцы, а вы...

– Молчать! Разгильдяй. Вернемся – я еще разберусь с тобой!

Злая, тяжелая обида волной обожгла сердце, спазмом сдавила горло. Я боялся заплакать от этой обиды, боялся сорваться и крикнуть Натынову что-то очень злое, оскорбительное. Я заметил в руках Натынова пистолет, а у меня на груди был автомат. Мы оба крутились на нейтралке, здесь судьями мы были сами и свидетелем один бог.

– За такое знаешь, что бывает! Пристрелю ко всем чертям! – продолжал негодовать Натынов.

Он, похоже, уже и сам верил в то, что это именно я его затащил на склон высоты «Нефть».

– Стреляйте, товарищ капитан, вы уже меня однажды расстрелять хотели, только вот сейчас вы без меня и с нейтралки не выберетесь, так что поостерегитесь малость!

Как это у меня сорвалось, я и сам не знал, но Натынов, видно, насторожился и кричать перестал.

– Ладно, найдем время, поговорим еще, а сейчас давай назад и бери правее.

Стрелять в нас перестали, снова стало тихо, будто и не было ничего. Я тронул шагом коня и за мной, снова чуть приотстав, ехал Натынов. Во мне не утихала обида и чувство лютой досады и, как ни странно, досадовал я на себя, на собственную невезучесть: «Вот надо же так! Ну почему именно я попался на глаза этому Натынову и уже в который раз. Еще тогда, давно, в Аксае или в Энгель-Юрте я помогал ему перетаскивать вещи и за это топал целые сутки в одиночку и голодным; поехал с ним на грузовике, так он меня чуть не вытряхнул из кузова по дороге, а теперь вот еще... Интересно, как на моем месте Авдеев бы поступил? Этот бы что-то придумал, и Суменков, и Подосенов, а я...»

Натынов молчал. Я слышал за спиной негромкую поступь его коня. Темно. В призрачном звездном свете можно было различить контуры отдельных кустов, гряду невысоких холмов. Я знал, что по другую сторону этой неглубокой балки, куда мы сейчас ехали, занимала оборону наша пулеметная рота. Проехали немного, и я снова решил предупредить Натынова:

– Впереди наши пулеметчики, товарищ капитан, – сказал я это тихо – ночью не принято шуметь на передовой, а уж на нейтралке тем более.

– Какие еще пулеметчики?! Ни хрена ты не знаешь! Откуда-то пулеметчиков взял! Смотри, если снова меня к немцам приведешь – первая пуля будет твоя.

Что делать? Он с переляку*, как говаривал Арабов, действительно может меня шарахнуть и ему ведь, дураку, ну ничегошеньки за это не будет – ну убит солдат ночью на

* С переляку – (пер. с укр.) – с испугу.

нейтралке, никто и не удивится, мало ли этих солдат гибнет особенно здесь, в районе высоты «Нефть».

Я поехал тише. Оборона пулеметчиков должна быть уже совсем недалеко. Проехали несколько минут и остановились. Молчат немцы, и настороженно молчит наша оборона, только где-то справа по фронту не смолкает стрельба, слышны разрывы мин и видны какие-то красные сполохи, словно зарницы. А вот здесь тихо. Хоть бы окликнули, паразиты, спят, наверное.

– Я поеду чуть вперед и предупрежу пулеметчиков, а то они спросонья не разберутся.

Капитан неожиданно разозлился и зашипел на меня:

– Тс! Тихо! Ты заведешь, ты уже выводил меня на пулеметчиков... Стой, тебе говорят!

Последние слова он произнес так, что я и не понял, ко мне они относятся или к его лошади. Мы стояли в балке напротив обороны наших пулеметчиков и, очевидно, они нас еще не заметили. Натынов меня задержал, он не верил ни единому моему слову, и я на все махнул рукой, полагаясь на судьбу и на волю слепого случая. У меня появилось даже какое-то злорадство от сознания, что попадет в переплет вместе со мной и сам Натынов.

Со стороны нашей передовой не доносилось ни единого звука, но в этой тишине чувствовалась настороженность и скрытое напряжение, что-то караулило нас. Эта тишина и чуть различимая в темноте кромка кустарника по краю балки излучали угрозу. А тут еще туман какой-то появился.

– Давай немного вперед и чтоб тихо мне! – прошептал Натынов.

Я легко шевельнул поводки, понятливая лошадь мотнула головой и пошла вперед. Ну, что-то сейчас будет!

Мы проехали сравнительно большое расстояние и вдруг, как гром, из темноты близко и громко раздался оклик:

– Мало стой! Чья идет?

Юлдаш какой-то в дозоре, наш парень, немец не мог бы сказать с таким характерным акцентом. Звякнули удила моей лошади, и я собрался было немедленно крикнуть, что мы свои, но... позади меня вдруг тихо шелкнул курок револьвера и послышался тихий и по-змеиному злой шепот капитана:

– Тихо! Молчи!

– Товарищ капитан, так это ж наши...

– Цыц! Пристрелю!

– Стой, стрелять будем!

Снова послышался впереди предостерегающий оклик.

– Снова напоролись! А, мать бы твою! – прошептал Натынов, крутанул своего коня и с места рванул назад.

Я за ним. Цокот копыт прозвенел по балке, а сзади кто-то закричал:

– Стой, гады!

Вначале хлопнул одиночный винтовочный выстрел, а потом длинной очередью раскатился станковый пулемет «максим». Пули злобно взвизгнули чуть левее нас. А мы оба летели на конях по балке и придержали лошадей только когда высокие кукурузные стебли стали стегать по ногам. Наши пулеметчики еще немного постреляли и замолчали, снова тишина в балке. Натынов осадил своего коня, повернулся и зло спросил:

– Ну, что скажешь, разведчик хренов?!

– Я уже вам говорил, что это наши пулеметчики. Они и есть.

– Я вижу, что тебя все к пулеметчикам тянет. Ну, погоди, я с тобой еще разберусь! Это ж надо, к немцам привел! А говорит, он передовую знает! Ох, Журава, плачет и скулит по тебе особый отдел!

– А передовую я знаю, товарищ капитан, все так и вышло, как я вам говорил.

– Разговорчики! Ну, я займусь вами. Чего стоишь? Давай вперед!

– Куда вперед?

– К дому давай! Не знает еще, где у него перед, где зад, а берется передовую показывать! Давай шевелись!

Я дернул поводки, и лошадь пошла рысью вдоль полосы кукурузы. Недалеко от старого проселка, у края балки снова окликнули:

– Кто идет?

Не ожидая непредсказуемой реакции Натынова, я быстро ответил:

– Пропуск?

– Мушка! С твоим еще пропуском...

– Мурманск, – из кустов послышался ворчливый голос старого служака. – Проезжайте. Мотаются тут всякие. Никакого покоя нет.

– А ну, разговорчики! Где командир? – строго спросил Натынов, и голос его снова обрел уверенное стальное звучание.

Черная тень солдата качнулась и снова прогудел его хрипловатый голос:

– Да вот туточки командир.

– Журава, поддержи жеребца.

Натынов легко прыгнул на землю, бросил мне поводья, а сам скрылся в густой темноте кустов вместе с солдатом.

Разгоряченный жеребец Натынова мотал головой, звенел удилами и на мои «Тпру, проклятый! Тпру, тебе говорят!» не обращал внимания. А я боялся, что проклятый жеребец выдернет меня из седла или вырвется – поди поймай его тогда! На мое счастье вскоре появился Натынов. Он взял поводья и в мгновение ока оказался в седле – ничего не скажешь, ловкий мужик.

– Ну, Журава, не отставай теперь! – в голосе Натынова послышались веселые нотки.

Наши кони, словно ночные птицы, летели по ровному полю, прохладный ветер бил в лицо. Натынов не оборачивался в мою сторону, он словно забыл обо мне, только, когда пролетели Лакисово, он коротко бросил:

– А ты все-таки ничего! – и строго предупредил: – в роте лишнего не болтать! Понял?

– Так точно! Понял, товарищ капитан.

Конец второй части

У БОЛЬШОГО КАВКАЗА СОБИРАЛИСЬ ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ

Часть 3

ЖУРАВОВ
Федор Николаевич

Гвардии старший сержант
отдельной разведроты 60-й отдельной
Краснознаменной стрелковой бригады

УДК 93/94
ББК 63.3(2)62
Ж 91

Журавов Ф.Н.

У Большого Кавказа собирались грозовые тучи : Воспоминания о войне : в 3-х частях. – Ч. 3. / Ф.Н. Журавов. – Пушкино, 2025. – 138 с.

Текстовое электронное издание

Что сегодня означает для нас слово «война»? Стрельба, героические подвиги и много смерти, когда смотришь военные фильмы и читаешь книги. Эта книга – воспоминания о Великой Отечественной войне, написанные ее непосредственным участником – ветераном войны, разведчиком Журавовым Ф.Н., который в совсем юном возрасте добровольцем ушел на фронт.

В книге описаны простые военные будни, которые поражают своим ежедневным героизмом. Читая ее, невольно начинаешь чувствовать то, что чувствовал солдат на фронте, пытаешься рассмотреть эти события через ощущения участника войны и понимаешь, что же такое война и как трудно и страшно было молодым солдатам там, где лилась кровь и, казалось, не было спасения от боли и страданий.

Действия происходят в период 1942 года на Кавказе, там, где автор принял свой первый бой, там, где насмерть стояли бойцы Красной Армии, не давая врагу достичь его главной цели – завладеть нефтью. В книге описаны и солдатский быт, и взаимоотношения, и боевое братство в бою – читая о них, война становится ближе, понятнее и страшнее....

Историки находят и еще будут находить новые объяснения событий 1941–1945 годов. Но мы, потомки наших прадедов, сегодня понимаем, что в тот период решалась судьба нашей Родины и судьба еще не рожденных детей, внуков и правнуков. Тогда решался вопрос о свободе и независимости России, и их героическое поколение решило его в нашу пользу.

В книге использованы личные дневники автора, архивные документы.

Компьютерная верстка: Кузнецова Е.Б.
Подписано к использованию 10.02.2025 г.
Объем 45.0 Мб
Тираж 10 CD-ROM

Всероссийский научно-исследовательский институт
лесоводства и механизации лесного хозяйства
Московская область, г. Пушкино, ул. Институтская, д. 15
www.vniilm.ru, e-mail: info@vniilm.ru
Тел.: +7 (495) 993-30-54

Минимальные системные требования: процессор AMD, Intel от 1 ГГц, 100 Мб HDD, ОЗУ от 1 Гб, CD-ROM, видеoadаптер от 1024 Мб или аналог, Windows Vista/7/8/10 или аналог; ПО – Adobe Acrobat Reader или аналог

ISBN 978–5–94219–316–4

© Журавов Ф.Н., 2025
© ФБУ ВНИИЛМ, 2025

На той проклятой высоте, что находилась за передним краем противника вместе с батальонными разведчиками, вся наша группа попала под губительный кинжальный огонь трех немецких станковых пулеметов. Все небо полыхало от осветительных и сигнальных ракет. Откуда-то с тыла в спину залегшим ребятам ударил еще один пулемет. От сумасшедшего, злобного визга пуль, оглушительных пулеметных очередей невозможно было поднять головы. От ракет было светло словно днем, и каждая травинка на склоне, каждый комочек земли сверкал отраженным светом. Ребята пролежали несколько минут, появились первые раненые, застонавшие в этом аду, а огонь противника не стихал. Тогда по цепи раздалась команда: «Назад! Отходи в балку!» Ребята скатились в балку, а над склоном продолжали лететь ракеты и землю секли трассирующие пули.

– Отходи влево! – крикнул лейтенант, командир взвода батальонной разведки. А спустя минуту он уже сам, словно споткнувшись, упал с простреленной грудью и захрипел, захлебнулся кровавой пеной.

Отходили торопясь, группа прикрытия отстреливалась от группы фашистов, которые пытались преследовать наш отряд. Раненых под таким огнем перевязывать было невозможно и их несли на спинах хрипящих и стонущих, пока не дошли до овражка, которым спускали в ту злополучную балку рядом с Верхним Курпом. Здесь, освещенные отблесками ракет на низких тучах, кое-как перевязали раненых и тащили их дальше.

На подступах к Кусову подсчитали бабки: двое раненых, в том числе и лейтенант, скончались, четверо тихо стонали, но еще держались. Было темно и трудно определить, все ли на месте.

Теперь уж наш Руменков приказал батальонным разведчикам разобраться, забрать своих убитых и раненых и топать на командный пункт (КП) батальона.

Спросил наших ребят:

– Все на месте?

– Все, – ответил чей-то голос, в темноте не разобрать.

Троих наших раненых бойцы тащили на спинах по очереди.

С рассветом пришли в роту. Командир роты старший лейтенант Рябчунов (не знаю, право, какая причина задержала его в роте, и он не был с отрядом), видно, не спавший ночь, приказал как следует перевязать раненых и немедленно отправить всех в медсанроту. Пока ездовые торопились запрячь коней, повар помешивал кашу в походной кухне и готовился кормить всех завтраком. Рябчунов построил группу.

– Все на месте?

– Все! – ответил кто-то из разведчиков.

– Постой, а этот... длинный... Федька где?

Федьки не было.

– Убитых всех подобрали? – снова спросил Рябчунов.

– Всех, да насмерть убитых вроде и не было, дорогой богу душу отдали, – путаясь, говорил Медвинский.

– Подожди! Что это за разговоры! Где еще разведчик? Кто был в группе?

– Да этот, длинный... Журава Федька.

– На высоте он был?

Медвинский не мог ответить на этот вопрос, потому что разворачивались в цепь у подножья высоты в кромешной тьме.

– С кем вместе шел этот разведчик? – снова спросил.

Почему-то все молчали и никак не могли вспомнить, кто же шел рядом с пропавшим.

Подошел политрук роты и остальные, кто по какой-то причине не был включен в поисковую группу.

– Как были развернуты в цепь? – снова спросил Рябчунов.

Так, спрашивая каждого, в конце концов добрались до рязанца.

– Ты с кем шел?

– Слева от меня в цепи шел Бельтюков.

– А справа?

– А справа шел этот... длинный Федька.

– Так чего ж ты молчишь? – недовольно спросил Рябчунов.

– Да в голове уж все перемешалось. Ведь как начал лупить...

– Подожди ты! Лупить, лупить... – недовольно перебил его Рябчунов.

– Ты видел его справа от себя?

– Конечно, видел.

– А кто шел еще правее?

Ребята снова молчали.

– Значит, он шел в цепи на самом правом фланге? Левее его был ты? – кивнул Рябчунов на рязанца.

– Интере-е-сно! – протянул политрук и в его голове прозвучала нотка подозрительности.

– Может, он был ранен или убит? – предположил Рябчунов.

Пожилой рязанец молчал. Видимо, откатываясь с высоты в балку, он действительно потерял из виду соседа справа, хотя должен был посматривать. Да ведь легко сказать – посматривать. Посматривай, когда от пулеметного огня головы не поднять, когда ракеты летят одна за другой, да еще в спину лупят!

– Вместе мы шли, – ответил рязанец. – Еще перед поиском он мне свой адрес дал, а я ему свой – земляки ведь. Да я б его ни в жизнь не оставил. Я ему сказал: «Давай назад. Команда такая».

– Ну, а он что?

– А он ничего не ответил. Стали пятиться назад, и он пополз. Я видел, что он пополз.

– А потом?

– А потом пропал куда-то. Вот и сам дивлюсь. Только слышал, будто кто-то закричал.

– Он закричал?

– Будто его голос, только кричал наверху...

Никакого толка больше от рязанца добиться не могли, уяснили только одно, что этот Федька шел в цепи самым крайним справа. Потом его предупредили, что нужно отходить в балку и вроде бы, как показалось рязанцу, в чем он не очень уверен,

Федька вроде бы стал отползать, но вдруг пропал, и потом слышался его крик аж на самой высоте.

Ребята стояли в тягостном молчании. Как-то получилось не очень красиво: не то убит этот Федька, а еще хуже, если ранен и остался там, на высоте.

– Постой-ка, ты говорил, что он твой земляк и адрес тебе свой оставил, – спохватился политрук.

– Точно так, – подтвердил рязанец.

– А где этот адрес?

– Да сейчас, вот сей момент...

Рязанец поковырялся в кармане и вытащил кусочек газеты, где на полях было написано: «Рязанская область, Старожиловский район, деревня Сазоновские выселки»...

– Интере-е-есно, – протянул политрук. – Так ведь он вроде москвич!

– Точно, москвич. С Шаболовки улицы, он говорил мне. И письма из Москвы получал, – подтвердили Медвинский, Беляков, Боев и еще кто-то.

– Интере-е-есно, – снова протянул политрук. – Значит, вроде Москва, а вот товарища из Рязанской области называет земляком, да еще и адрес дает рязанский!

– А ты ничего не напутал?

– Да вот те крест, не вру! – клялся рязанец. – Я этот район знаю, бывал там и деревню такую слышал.

– Что-то непонятно и подозрительно получается, – вслух размышляет политрук.

– А что, что я вам говорил, – вдруг врывается в разговор Хорьков, – эта самая интеллигенция, за ним глаз нужен. Неспроста это все, вот чтоб свободы не видеть!

– Кто его хорошо знает?

– Да он все с Бельтюковым крутился, Бельтюков его знает. Авдеев, Медвинский еще. Все они хороши! – опять кипятится Хорьков.

– Рябчунов, давно вы с ним вместе? – спрашивает политрук.

Рябчунов молчит, ребят он еще знает плохо.

– С Астрахани.

– Так. Ну и как он?

– Да как... Ничего – парень как парень, только уставов много начитался. А так ничего.

– А ты, Бельтюков, что скажешь?

– А чего сказать? Ничего он парень, ничего я за ним плохого не замечал.

– Как не замечал, как не замечал?! – кипятился Хорьков. – Да он всегда выпендривался. Да было у него этакое с вывертом, сразу видеть. А кто на кухне соль воровал и все ингушу таскал?

– Было такое? – строго спросил политрук.

– Да вроде было. С солью у населения плохо, – начал было Бельтюков.

– Вас не спрашивают! – оборвал его политрук. – И не ваше дело решать, есть здесь соль у населения или нет. Вам что, неизвестно, что ингуши наших солдат режут? Неизвестно, что они немцев ждут? Авдеев, ты что скажешь?

Бородатый Авдеев посопел, подумал и ответил уверенно:

– Зря все это. Федька – парень свой и в деле проверен.

– Ты уверен? – глаза политрука сощурились.

– И я уверен, – вдруг выпалил Медвинский.

– Ладно, – политрук махнул рукой и обратился к Рябчунову:

– Всем разойтись и отдыхать.

Все разошлись и все еще гадали, что могло случиться с Федькой. Николай Вербицкий, лежавший на соломе рядом с Хорьковым, подошел и резко выдернул из-под него край своей плащ-палатки.

– Ты что, ты что, мать твою!

– Ничего! Хмырь ты, Хорьков!

– Чего это я хмырь? Ты что, дружочка выгораживаешь? Что, дружочек к немцам перебрался, а ты, значит, этого интеллигента все дружочком считаешь? – губы Хорькова сползли в презрительную усмешку.

– Слушай-ка, швабра! Я тебе говорил, чтоб ты со мною в одной разведгруппе не появлялся? – неожиданно раздался голос Потапенко.

Здоровый и с виду неповоротливый украинец стоял над Хорьковым и холодно смотрел ему прямо в глаза...

– Ну, что скажете, товарищ командир роты? – говорил в шалаше политрук Рябчунову. – Вроде бы и у нас перебежчик появился, а? Как вы считаете?

– Я так не считаю. И не советую торопиться с выводами. Он мог быть убит, его могли оставить раненым, в конце концов могло случиться и так, что он не мог выйти из-под огня и отстал. Я бы не торопился с выводами.

– Мне нужно писать политдонесение. Как я могу скрыть подобный случай?

– Мне тоже нужно подавать строевую записку и докладывать Натынову. Но я бы подождал, не стал торопиться.

– Ну-ну, – неопределенно протянул политрук.

Прошел день, наступила ночь. Батальонная разведка ходила в эту ночь к подножью высоты, но ничего не обнаружила. Утром в роту пришел Натынов. Каким-то образом до него дошли слухи, что один разведчик пропал без вести. Он явился в роту, как обычно похлопывая по голенищам сапог зеленым прутиком, залез в шалаш к Рябчунову, поговорили там немного, потом к ним присоединился политрук, а спустя некоторое время они собрали всех разведчиков, кто участвовал в поиске, вокруг кострища, и теперь Натынов повел разговор.

Рязанец в точности повторил свой рассказ, усилив акцент на том, что он отчетливо слышал крик на вершине горы и не очень уверен, что видел, как сползал пропавший, скорее, это ему показалось. На сей раз ребята молчали. Не унимались только трое: Медвинский, Авдеев и Беляков.

Политрук предполагал худшее и, постоянно шурясь, отклоняя голову от едкого дыма костра, говорил, загибая пальцы:

– Давайте потолкуем честно и не будем закрывать глаза на факты: во-первых, пропавший держался всегда несколько замкнуто, чего-то подозрительно скрытничал, у него не было в роте друзей. Он так, был себе на уме; во-вторых, никаких документов он писарю не сдавал перед поиском: при нем были краснофлотская книжка, комсомольский билет и другие документы; в-третьих, он не выполнил команды об отходе: когда все отошли, он остался на самой шапке высоты. Мало того, он перед этим зачем-то вошел в подозрительные связи с ингушом, живущим в Лакисово. И, наконец, последнее: свидетели слышали крик. По всей видимости, кричал он сам, кричал немцам, чтобы в него не стреляли. Никто из остальных, даже смертельно раненых, не кричал. Против логики не попрешь. Нам приходится признать, что к нам в ряды проник враг и долгое время находился среди нас. Мы с ним вместе ели наш солдатский хлеб, а теперь, вне всякого сомнения, он жрет вместе с немцами и рассказывает им все наши военные секреты. Вот нам еще один урок! Мы забыли о бдительности. Интересно, как он попал в роту? Завербовали его или

он, напуганный нашими временными трудностями, сам решил продаться фашистам? Здесь еще нужно разобраться. И это дело серьезное, этим ОКР «СМЕРШ» должен заняться.

Политрук замолчал, бросил на угли, подернутые серым налетом золы, дымившуюся палочку и она загорелась. Ребята молчали. Все, что говорил политрук, было похоже на правду и опровергнуть его версию вроде бы было нечем.

– Ну, чего молчите? – подстегнул Натынов.

– А чего говорить? – начал басом Авдеев. – Можно и этак думать, а можно и по-другому. Если к немцам-то, то он давно бы уже ушел. У каждого из нас таких возможностей здесь, на Кавказе, сколько хочешь было. Только вот не уходил он. Я не слышал, но если он кричал на высоте, значит, был ранен и кричал не немцам, а нам. А мы, как сволочи, оставили раненого и откатились. Скорее всего, не кофе он пьет с фашистами, а доби́ли они его на той горе.

– Я согласен, – заявил Медвинский. – И никакой замкнутости он не проявлял. Напротив, это мы его салагой считали, а он за спину не прятался.

– Да что вы все! – сорвался снова Хорьков. Опасливо оглянувшись на Потапенко, он затараторил:

– Падла он. Все норовил себе урвать. И мысли у него нехорошие были, я замечал. Товарищ политрук сказал правильно, он все как есть видит. Вот давай в его вещах шмон наведем. Я вот сей момент.

Хорьков сорвался с места, притащил мой вещмешок и вытряхнул его содержимое перед политруком. Из мешка вывалились злополучный магнит с сердечником – остатки школьного гальванометра, два учебника по навигации и сигнальному делу из военно-морской школы, старые письма, записная книжка. Политрук развернул красно-синий магнит с никелированным сердечником, смятой спиральной пружиной и двумя концами проволоочек и недоуменно рассматривал незнакомый предмет.

– Мина... – протянул Хорьков. – Братцы, так этот гад хитроумную мину носил!

– Какая еще мина! – Медвинский попросил у политрука «страшный» предмет, внимательно осмотрел его, покачал пальцем обломок стрелки и, усмехнувшись, сказал:

– Ты, Хорьков, хоть раз в своей уркаганской жизни всамделешную мину видел? Вот и помолчи. Это обычный покалеченный электроизмерительный прибор. Откуда он его взял и зачем таскал – не знаю.

А политрук в это время заинтересованно рассматривал учебник по сигнальному делу: знаки флажного семафора и знаки морзянки.

– Да, – тянул политрук, – зачем ему этот электроизмерительный прибор здесь нужен? Морзянка, флажной семафор... Все-таки непонятно и странно.

– В службе СНИС он числится, – заметил писарь Костя Бычков, – средства наблюдения и связи. Учили его этому.

– Учили! – усмехнулся Хорьков. – Выучили субчика! Руками махать и дурак может. Вы лучше скажите, когда были на вершине, он стрелял из автомата или нет?

– Да, действительно, – подхватил политрук, – кто-нибудь стрелял на высоте? – спросил он, обращаясь к рязанцу.

– Да вроде бы нет, – ответил тот.

– Вот вам и всё! К нему немцы ползут, а он лежит и не стреляет. Кричит им, мол, пук-пук, не нада..., – снова заключил Хорьков.

Натынов крикнул, встал, отряхнул галифе и сказал, словно черту подвел:

– Тоже мне, разведчики! Ни хрена вы не знаете!

Ему вспомнилось, видно, как с этим парнем он чуть было не заехал к немцам, не послушавшись его предупреждений. Действительно, куда уже лучше и проще было подшибить под ним лошадь, а потом кричать немцам. Вот «языка» бы им привел!

– В общем, сегодня не придет – будем считать пропавшим без вести. А ты, – он строго посмотрел на Хорькова, – ты сам-то в этой операции участие принимал?

– Никак нет. Я накануне простыл очень, так кашель прямо умучал. Меня и не взяли. Вот товарищ политрук подтвердить может.

– А какого ты хрена судить берешься? – нахмурил брови Натынов. – Как сейчас кашель-то?

– Да сейчас лучше, – непонимающе ответил Хорьков, но на всякий случай несколько раз тихонько кашлянул.

– Вот сегодня на задание пойдешь.

Натынов круто повернулся и пошел к своей оседланной лошади.

В эту ночь ребята действовали в районе севернее Кусово, но поиск снова не удался. Утром вернулись усталые, расстроенные и злые. Ранило еще одного разведчика.

Утром в штаб подали строевую записку с указанием, что один разведчик в бою пропал без вести. Днем на мое имя пришло от моей знакомой письмо. Ей ответил Медвинский, что такого-то октября, ночью в жестоком бою я пропал без вести...

* * *

К тому рязанцу сейчас я не испытывал ни чувства злобы, ни досады. Теперь буквально все осталось в далеком прошлом, даже неудачный ночной бой на проклятой высоте – все отошло на второй план, об этом не думалось. Была иная свирепая реальность, которая заслонила собой все остальное. Я находился один-одинешенек среди немцев, у меня был неисправный автомат и я никак не мог сориентироваться на местности. Немцы были впереди, справа, слева, сзади – фактически везде, как это ни парадоксально. Я вместе с ними находился в одной полосе обороны. И еще неприятность: сколько толковали об этом в роте, но не всегда придерживались золотого правила – оставлять документы у писаря. Сейчас в моем черном трофейном бумажнике, который я носил в брючном кармане, были моя краснофлотская книжка, выданная еще в Московском флотском экипаже, и мой комсомольский билет. В бою все может быть, и документы тогда окажутся в руках фашистов. Да что там документы! Оглушенный, раненый я и сам мог оказаться в их лапах. В такой обстановке, в которой находился я, это не исключено. Нужно было обезопасить себя от этой последней крайности. У меня была одна противотанковая граната, эта граната ударного действия – выдерни чеку, от рукоятки отделится металлическая пластинка и выскользнет вместе с ней из рукоятки тонкая стальная проволока. Вот тогда один толчок, одно движение и мгновенно взорвется килограмм тола – заряд, который способен раскрошить броню или гусеницы танка, что там человек – от человека разлетятся кровавые брызги и все это в одно мгновение. Я привязал гранату к поясу так, чтобы удобно и просто можно было выдернуть чеку взрывателя и чтобы в этом случае ничто не задержало металлической пластинки. Тогда всё, ма-

лейшее сотрясение и – мгновенный взрыв. Теперь я заминирован. Если бы была надежда на автомат!

Я просидел еще часа два. Поднялся слабый ветер, облачность стала выше, накладные тучи временами сеяли мелкий холодный дождь. Немцы немного поутихли со своей шальной стрельбой. Тогда я осторожно выглянул поверх подсолнечника. Позади меня за широкой балкой тянулась цепь высот, я знал, что там немцы. Впереди далеко виднелись горы. Их вершины укрывались в тучах, но это был, несомненно, Сунженский хребет, а там – наши. Впереди за подсолнечником ровный большой луг, брошенные конные грабли, дальше снова, видимо, подсолнечник. Кто там, немцы или наши? Рискнуть, выбежать на луг? Метров через сто-сто пятьдесят грабли, за ними можно залечь, потом снова бежать или ползти. А если там, в том подсолнечнике за лугом, опять немцы? Несколько десятков секунд – и решение всех проблем, но проигрыш будет стоить жизни, непременно жизни... Что же делать? Дождаться вечера, спуститься в балку и идти вдоль этих гор, ведь где-то там высота «Нефть», где-то там мы с Натыновым ездили на рекогносцировку. Мне показалось, что это самое надежное решение. Только бы не случилось ничего до сумерек.

Весь день накрапывал дождь, клубы сырого тумана цеплялись за вершины гор. Время тянулось утомительно медленно. Фашисты, что были рядом, еще раза три устраивали охоту на воробьев. Но я уже понял это, был начеку, но вел себя осмотрительно и тихо. Мне совершенно не приходили в голову мысли о пище, воде, мне не хотелось курить. Чудовищное нервное напряжение исключило все чувства, кроме одной осторожности, кроме обостренного слуха и зрения, кроме неослабевающего внимания. Все-таки я в окопе, и в случае чего – бой. Терпение – это тоже оружие. Кто-то мне сказал, что наибольшим терпением обладает хищник, он может сутками быть в засаде или преследовать жертву.

Я дождался своего часа. Окрестные горы потемнели, по балке пополз легкий туман, наступили сумерки. Не дожидаясь наступления полной темноты, я вылез из своего окопа, осторожно вышел на проселок и спустился снова в балку. Стемнело быстро, и немцы стали кидать ракеты. При каждой вспышке я падал на землю, видел, как в фиолетово-белых лучах света искрилась каждая увядшая травинка и ждал, что меня заметят. Мне и в голову не приходило, что противник бросает ракеты справа за балкой и при этом смотрит в другую от меня сторону, а свет ракет с высот Терского хребта сравнительно далек и вряд ли представляет для меня большую опасность.

Самое страшное – это, конечно же, было то, что я был один. Было бы нас хотя бы двое, тогда другое дело. А тут один с неисправным автоматом и с привязанной к поясному ремню противотанковой гранатой со сведенными усиками чеки взрывателя. Несколько раз я слышал приглушенный разговор людей и осторожно обходил это место. Здесь я мог встретить только вражеских солдат. Справа начался низкорослый, ниже колена, редкий кустарничек терновника. Я шагал по нему, пока не почувствовал, что он стал гуще и выше. Нашел какую-то полянку в этом кустарнике и прилег отдохнуть. Прошедшую ночь, целый день и еще одну ночь я был без сна, без воды, без пищи. Я стал быстро уставать. Невольно присматривался, где бы мне полежать и отдохнуть. Высшим счастьем было бы найти копну сена или стог старой соломы. Но это могло произойти только в случае великого везения.

Я свалился на землю среди кустов терновника, отдыхал и вслушивался в тишину. Черное облачное небо, черная земля – все это изредка освещается теперь уже далекими ракетами, ветер шумит в голых ветвях кустарника; где-то в той стороне, откуда я ушел, бьет пулемет дежурными очередями. Вроде ни одной живой души вокруг. Может, я зря пугаюсь и осторожничаю? Может быть, давно я на нейтралке, а то и свою передовую проскочил? Раньше здесь сплошной обороны не было. Вот сейчас встану и пойду вправо – там должен быть Сунженский хребет, а там везде наши, кроме Илларионовки. Но в этот момент начинает плакать шакал. Он воет где-то совсем рядом, ну от силы метрах в пятнадцати. Вот гад! Плачет будто его палками избили. Может, лупануть в него очередь? Кстати, и автомат проверю. Недаром же я его брезентовым узким ремнем перевязал. Вот только если задержка, перекося патрона, то развязывать ремень, открывать коробку затвора в темноте – это же снова мучение. А если диск снять, взвести затвор и выковырять перекошенный патрон снизу? Может и получится, только... Я не успел додумать, что только. По моим кустам прошла длинная очередь, а вверх полетела ракета. Били из немецкого автомата – это точно и, очевидно, лупили по тому же шакалу. Пули взвизгнули у меня над головой, и шакалий вой сразу прекратился. Ракета погасла где-то в кустах на земле, и снова тишина. Надо же, а я шел туда. Вот бы и нарвался... Влепили бы в брюхо очередь, и граната не понадобилась бы. Я осторожно встал, пошел назад и снова по балке. Час-другой я шел без отдыха. Было далеко за полночь, когда чувство опасности почему-то притупилось, а тело налилось непомерной усталостью. Я шел каким-то полем кукурузы. Сухие стебли шуршали, трещали под ногами, и если кто-нибудь здесь был, он должен был бы услышать мои шаги.

Поле было, видимо, большим, я шел по нему долго, но вот стебли стали реже, и я вышел на проселочную дорогу. Мои глаза привыкли к темноте, я видел пыльную проселочную дорогу, она явно была обитаема. Здесь, у дороги, я решил отдохнуть и, кстати, посмотреть, кто по ней пройдет: наши или немцы. Я лег с краю дороги в почти белой, перезревшей кукурузе на землю. Земля здесь была сухая, а листья кукурузы чуть влажные. Мне показалось, что здесь очень хорошо, как-то уютно... И вовсе это не кукуруза. Нет здесь никакой кукурузы, а я лежу на скате железнодорожной насыпи, а на рельсах грязно-красные товарные вагоны – их много, между ними бегают связисты с катушками кабеля и тянут от вагона к вагону. Кто-то из наших ребят говорит мне: «Ты не спи, не надо спать. Состав тронется, а ты отстанешь». А я и не сплю. Я так просто лежу и смотрю на наших ребят – вот они, ходят и тащат к вагонам какие-то вещи, а от вагона упал прямо ко мне зачищенный конец кабеля. Незадачливый связист не может его найти, а он вот он – и его растопыренные стальные жилы больно колют мне ухо. Боль была неприснившаяся. От этой боли я проснулся и услышал, как что-то зашуршало в сухой кукурузной листве. Мышь, наверное. Неужто это она меня за ухо-то? Я пощупал мочку уха, а в глазах опять побежал все тот же сон. Кажется, только стал видеть вагоны, как опять все та же мышь и опять за ухо своими острыми, как иголки, зубами... Прямо наваждение какое-то. Не дает уснуть зловредная тварь, и что это она к уху-то привязалась? Прошло много лет, а я помню тот сон и ту непонятную, загадочную мышь, что не дала мне уснуть.

С трудом я поднялся, вышел на дорогу и прошел по ней несколько шагов вправо. Перешел и тут же запутался ногой в телефонном кабеле. Пощупал его рукой – гладкий, немецкий, значит. Неужто и здесь немцы? Ведь сколько уже прошел. Так до Берлина дошагаю...

Неожиданно впереди послышалось характерное цоканье конских копыт и сдержанные голоса. Я быстро ушел с дороги в кукурузу, залег, выставив вперед автомат, и стал вслушиваться. На фоне неба я различил почти рядом с собой двигавшуюся не спеша пароконную груженую повозку. На повозке сидели трое солдат в касках и следом шли еще человек около десяти. Они лениво перебрасывались словами, но я не мог понять их разговор, улавливал только отдельные слова. Они поравнялись со мной, я был метрах в семи или восьми от них. Кто-то из них курил потихоньку и красная звездочка сигареты в руках солдата двигалась вперед, взлетала, как мотылек, то вверх, то вниз. И наконец я расслышал, расслышал явственно немецкую речь. Я не понял слов, но кто-то из позади идущих что-то спросил у тех, кто шел впереди. Это были немецкие слова... Ах, милая Алиса Ивальдовна, наша добрейшая немка-преподаватель английского языка в школе, как мало спрашивала она нас, как мало требовала. Какими мы были лентяями и как теперь приходилось тяжело расплачиваться за эту лень.

Колеса повозки поскрипывали, люди шагали вразнобой, кучей, без всякой опаски, и было бы нас здесь человек пять – был бы и «язык», был бы и удачным ночной поиск. А я лежал, не шевелясь, и молчал.

Немцы ушли по дороге, которая шла под небольшим уклоном в балку, стал неслышным цокот копыт, а я поднялся и пошел вперед, снова вперед, раздвигая и ломая сухие стебли кукурузы. Поле кончилось, за ним небольшой взгорок и луг с высокой некошеной травой. Я прошел немного, остановился, послушал ночную тишину – ничего меня не насторожило. Одно начало вселять тревогу: мне казалось, что ночь и силы мои на исходе и нужно было подумать, где и как провести светлое время суток. Не занимать же снова вместе с фрицами оборону, как прошлым днем!

Прошагав по крайней мере с километр, я присел на корточки и стал рассматривать луг, по которому шел. Мне показалось, что впереди меня какая-то посадка и что-то вроде копен – штуки три или четыре. Это вот та самая удача, о которой я думал. Если закопаться поглубже в сено, то можно было бы выспаться за день. Впереди было тихо, и я пошел к этой низенькой посадке и к копнам. Ничего не предвещало опасности. Густая некошенная трава цеплялась за ноги, может, это вика с клевером – темно, ничего толком не рассмотришь. Когда я был от посадки в каких-нибудь метрах двадцати пяти-тридцати, я неожиданно услышал звон лопат. Остановился, прислушался. Определенно в посадке были люди и что-то копали. Если копают ночью, то не иначе, как копают окопы, строят оборону, но кто – наши или немцы? Если разговаривают, то очень тихо, слов не разобрать. Никто не курит, матюков не слышно. Подозрительно! Я пополз по траве вперед, остановился, но слов снова разобрать не мог. Может, наши ребята узбеки или азербайджанцы, поди разбери их язык. Но курили бы тогда, окаянные, или командир бы их материл так, что было бы слышно и понятно. А если командир узбек, тогда как? Может, он и материт, и ругается, но по-своему. Не может быть, чтобы были немцы. Целую ночь иду. Я ведь без малого, считая частые привалы, прошел километров двадцать, никак не меньше. И снова немцы? Не может быть!

Я был недалеко от посадки, совсем недалеко. Я даже теперь различил, что это не копны, а небольшие деревья или высокий кустарник среди невысокой поросли, где что-то копают какие-то люди. Все во мне уж протестовало против опасности: ее

не может быть, уже не было сил куда-то идти, прятаться, возвращаться и слышать выстрелы...

– Кто здесь? – не выдержал и спросил я.

Мгновенно затих звон лопат, никто не откликнулся. Я повторил вопрос. И вдруг хлопнула ракетница. Белая искра, разгораясь, взметнулась вверх надо мной и кто-то закричал в кустах посадки:

– Рус! Хальт!

Я нажал на спусковой крючок автомата, протрещала короткая очередь и автомат замолчал. Я откатился в сторону и небо вспыхнуло белым дрожащим огнем. Я затаился, а из посадки раскатисто забарабанило несколько немецких автоматов. Били по мне и я не слышал свиста пуль, одни оглушительные хлопки выстрелов. Вдруг что-то обожгло правую ногу. Ракета в этот миг упала на землю, шипела сзади меня, стреляя из травы искрами. Я откинулся еще в сторону, а в посадке сверкали искры автоматных очередей. В небо взлетела еще ракета. Она снова упала за мной и немного в стороне, а я, воспользовавшись темнотой, пополз в сторону. Голову сверлила одна страшная мысль: неужто ранен в правую ногу выше колена? Пропал тогда, тогда мне не уйти от них, найдут, сволочи.

Я полз и полз в сторону и мне некогда было устранить задержку автомата, некогда вытащить перекошенный патрон, упершийся пулей в край патронника. Я полз, потом побежал, пригнувшись, потом уже бежал в полный рост и теперь старался уйти подальше от этой посадки. А из нее все стреляли веером по всему лугу и бросили еще несколько ракет. Ушел! Теперь ушел! В голове бились бессвязные мысли. Я уже больше не видел той посадки, скатился в какую-то балку, наверное, в ту, по которой шел, и здесь перестал бежать, а пошагал шагом, стараясь уйти от опасного места быстрее и подальше. Пощупал ногу – нет, крови не было, штанина сухая. Слава богу!

Я шел и шел. Слабый ветер шелестел в листьях брошенной кукурузы, раскачивал потрескивающий черный подсолнечник, и этот шум скрывал мои торопливые шаги. Я прошел еще километров шесть или семь, внезапно возникшая опасность подгоняла меня. Края лохматых бегущих по небу туч стали светлеть, стал отчетливо виден терновый кустарник по склону балки. Идти вот так дальше было делом опасным.

Выбрав кустарник повыше, я под его прикрытием поднялся наверх. Шумит ветер, но кругом нет подозрительных звуков. Впереди что-то накопано, я пошел осторожно туда и увидел брошенную огневую позицию зенитного орудия. Круглая неглубокая яма, по бокам перекрытые ровики для расчета и для боеприпасов. На огневой нет разбросанной бумаги, коробок, пустых пачек из-под сигарет, стреляных гильз. Похоже, наша была огневая, только не использовали ее.

Светало неудержимо быстро. Иное место для укрытия было искать поздно – меня могли заметить. Я решил переждать светлое время не на огневой позиции, а рядом в густом терновнике. Если здесь немцы, то на огневой они появиться могут, но на кой леший им лезть в этот колючий терновник?

Только сейчас, когда посветлело, мне пришло в голову проверить гранату. Пока катался по лугу под пулями и продирался сквозь кусты, я запросто мог за что-нибудь зацепить матерчатой петелькой чеки и тогда... Тогда...

Интересно, что по поводу моего исчезновения сейчас говорит наш бдительный политрук, что говорят ребята? Две ночи и третий день пошел, как меня нет в роте...

Сон разогнала тревога, нервное напряжение, но вот пить хочется. Снял поясной ремень – граната в порядке. Бог все-таки есть и сделал он так, что матерчатая петелька не зацепилась ни за одну терновую ветку. Устранил задержку в автомате. Автомат явно неисправный. Пацаны на заводах работают и грешно на них обижаться. Сам, дурак, виноват – не опробовал его стрельбой. Что теперь говорить да сетовать, теперь сориентироваться бы. Я подождал еще немного, поел кисловатых, вяжущих рот ягод терновника, словно вываленных в матово-синей краске, и осторожно вылез из-за веток.

Впереди, примерно в километре, видна гора с нефтевышкой на вершине. Ей же богу это высота «Нефть»! Справа крутые, покрытые пожелтевшим лесом, отроги Сунженского хребта, там, левее, конечно же, Лакисово. Теперь нужно идти по этому полю. Можно идти прямо сейчас, если здесь нет немцев, да их что-то и не видно. Вообще никого нет. Наконец-то! Похоже, вышел. Конечно, мне бы обойти ту посадку, это, видимо, немецкая передовая. А я-то шагал вдоль этой передовой, за ее линией. И как это до сих пор я не вяпался?..

Часа через два я услышал сзади в балке шум мотора. Я не видел из-за кустов что это такое, но шум приближался. Потом мотор фыркнул и заглох. Я снова затаился. Справа от брошенной огневой был небольшой курган, на его вершине маячил какой-то шест. От меня этот курган был метрах в семидесяти. Вскоре я увидел трех немецких автоматчиков, они были в шинелях, касках, с автоматами на шее. Вслед за автоматчиками появилась еще одна группа человек шести. Один из них был в фуражке, видно, офицер – на левом боку на ремне большая черная кобура. Офицер что-то говорил, показывая на бугор, на огневую позицию, на кусты, в которых я укрывался. Мало сказать, что я не спускал с них глаз, а мое сердце то стучало где-то в пятках, то вообще замирало. Немцы ходили свободно, не заботясь о маскировке, и это давало мне полное основание полагать, что там, впереди, занимают оборону какие-то немецкие части. Вскоре офицер с группой солдат ушел, а трое автоматчиков, которые пришли первыми, остались. Они сидели под бугром, курили, не чувствуя, что мушка моего автомата замерла на их группе. Но стрелять я решил только в самом крайнем случае – очередная задержка, отказ оружия и наступит мой неотвратимый конец.

Один немец поднялся, отряхнул зад шинели и направился в мою сторону. Ну вот, вот сейчас все и свершится... Его я, конечно, свалю, но те двое... Они меня не выпустят и, очевидно, где-то рядом есть и другие. Окружат кусты и тогда... тогда только граната. Это должно быть быстро, мгновенно. Вражеский солдат подошел к огневой, осмотрел ее, что-то крикнул своим, махнул рукой и вернулся обратно. В балке сзади меня снова фыркнул мотор и его гудение стало удаляться, а те трое спокойно сидели. Вскоре снова слышались голоса, пришли еще четверо солдат с винтовками и лопатами. Они сбросили шинели, поставили в козлы винтовки и принялись что-то копать. Они явно не торопились, часто устраивали перекуры. Глаза резало от непомерной усталости и – о ужас! – я начал клевать носом, дремота одолевала меня, несмотря на весь ужас моего положения. День тянулся нескончаемо долго, казалось, ему не будет конца. Но вот немцы о чем-то залепетали и ушли в балку. Что-то подсказывало мне – они вернутся, вернутся непременно. Но как только они скрылись, я ужом пополз по кустарнику в сторону по склону балки и выбирал при этом самые труднопроходимые заросли. Терновник тянулся длинной, нескончаемой полосой по самому склону балки, уходящей в сторону высоты «Нефть», и я

пробирался в ту сторону. Только однажды слева от себя я слышал разговор и снова не мог определить, кто это разговаривает, но искушать судьбу не стал.

Прошло еще, видимо, несколько часов. Силы совсем оставили меня. Мне мучительно хотелось спать. В голове стало путаться время, я потерял отсчет часам и не смог бы сразу ответить, сколько прошло времени с начала того поиска. Да-да! Целый день мы готовились, чистили оружие, потом пошли на задание. Это прошел день, потом мы лезли на ту высоту, попали под пулеметный огонь. Потом я вместе с фрицами занимал оборону в подсолнухах и какой-то идиот стрелял по воробьям. Потом я снова шел и чуть не уснул на обочине дороги, и если бы не тамыш, то непременно уснул бы. Потом нарвался на немцев – и все это было уже во вторую ночь. А сейчас, видимо, вторая половина третьего дня. Мне пока все еще везет и это просто непостижимо. Господи! Кто же молится за меня?! Главное, не проспять, ребята уже в вагонах и серый телефонный кабель от вагона к вагону...

Уснул ведь! И опять тот проклятый навязчивый сон. Проходят еще часы и вроде начинает смеркаться. Потемнело небо, темной цепью протянулась волнистая гряда Сунженского хребта и его самые высокие шапки: гора Заманкул и гора Курп. Мне почему-то кажется, что по равнине идти не следует – нарвусь. А вот в районе высоты «Нефть» фашисты занимают оборону по цепи Терского хребта, а здесь, в балке, должны быть где-то наши пулеметчики, которые гоняли нас с Натыновым. Мне, правда, показалось, что какая-то широкая балка пошла влево. Может, я спутал что? Может, следовало бы идти туда? Но советоваться не с кем. Полагаясь на интуицию, крадучись, пошел вперед. Снова дует ветер, но теперь я не знаю, он мой союзник или враг? Конечно, он скрадывает шум моих шагов, но и мне мешает слышать то, что происходит вокруг.

Темнеет быстро. Справа с равнины взлетела первая ракета, описала крутую дугу и упала на землю. Левее с высот бросили еще одну. Я пошел в том направлении, где этих ракет видно не было. Теперь я шел краем балки, потом полем. Шел очень медленно. Много раз садился или ложился на землю и пытался рассмотреть что-нибудь на фоне неба. Прошло часа три с половиной, но за это время я прошел слишком малое расстояние. Поле было ровным, под ногами какое-то жнивье, но впереди что-то темное. При каждой ракете я падал, неподвижно лежал на земле и с тревогой следил, как сверкают сырые травинки в дрожащем падающем свете. Внезапно ракета взлетела из тех самых черных кустов впереди меня, куда я шел. Это было недалеко. Выстрел ракетницы хлопнул близко. Я лежал под желтым светом, ракета падала в сторону от меня, но они летели как будто со всех сторон, и при каждой сердце тревожно сжималось, а мозг сверлила одна и та же беспокойная мысль: «Вроде здесь у фрицев оборона плотная. Неужто вляпался?» Я взял немного правее и пошел, крадучись, к черной полосе кустарника. Около кустов я лег на землю и долго вслушивался, но кроме тихого шелеста опавших листьев и легкого шума ветра ничего не слышал. Заросли кустов мне показались очень большими, широкими и теперь мне почудилось, что я иду в обратную от фронта сторону. Снова взмыла осветительная ракета и, описав в воздухе дугу, упала в противоположной от меня стороне. «Конечно же! Не будут фрицы освещать ракетами свои тылы. Они должны бросать ракеты в сторону нашей передовой!» Край зарослей терновника круто изогнулся и пошел, как мне показалось, в нужном мне направлении. Я шел, согнувшись, вдоль этих зарослей и молил бога, чтобы сейчас хлынул проливной

дождь, чтобы пошел град, чтобы взревела буря – только они могли стать моими помощниками, а то ведь может случиться как у Бергалеева: встанет немец, ткнет в грудь ствол автомата и граната не поможет.

Я мало шел и подолгу лежал. Что-то подсказывало мне, что я иду правильно и что еще немного, еще, может быть, километр, и я выйду к своим. Но этот километр был для меня невероятно тяжелым: третья ночь без сна и третий день напряженного ожидания. Теперь я стал чувствовать жажду. А ночь была на исходе. Еще час-другой и будет светать. Здесь нельзя долго лежать, нужно идти вперед, и я шел.

Этому краю зарослей будто не было конца. Вдруг я не разглядел, а скорее почувствовал ногами, что иду по какой-то тропинке. Откуда она здесь? Если здесь немцы, они непременно ходят по ней. Я решил не искушать судьбу и идти немного правее. Вот, кажется, и конец кустарнику. Стоп! Впереди тихие голоса. Я лежу на земле, вслушиваюсь, но я до того приучил себя ожидать немецкую речь, что и не сомневаюсь, что это немцы. Лежу долго. Голоса то слышны, то затихают, и мне начинает казаться, что мне просто послышалось. Внезапно с той стороны, очевидно от края кустов, обращенного к нашей передовой, взлетела ракета и прогремела очередь ручного пулемета. Я, конечно же, лежал на земле, но смотрел вперед и видел, как цепочка розовых трассирующих пуль сверкнула и светящимися точками улетела в том направлении, куда я шел. Парабола, очерченная ракетой, тоже была направлена в ту сторону. Значит, иду я правильно. Еще немного, не нарваться бы вот теперь. Пока в небе горела ракета, я успел рассмотреть, что за скошенным полем, по которому теперь я должен ползти по-пластунски, какая-то светлая полоса, видимо, кукуруза. Я полз осторожно, останавливаясь через каждые десять метров. С края кустарника еще бросили пару ракет и несколько раз простучал пулемет, но теперь он стрелял уже за моей спиной и левее меня метров на сто пятьдесят. Не иначе здесь у них было охранение. Но где же тогда передовая? Как уж я прошел ее? Теперь я полз и полз к той светлой полоске, и она действительно оказалась кукурузой. А среди облаков уже появились чуть заметные светлые пятна и резче обозначилась позади черная полоса кустарника, а впереди отчетливо белела кукуруза, наконец-то меня укрыли ее спасительные стебли. Кукуруза здесь не была высокой, многие стебли свалились на землю, но теперь я уже был уверен. Что ушел от немцев. Неужто ушел? Даже не верилось...

* * *

Только когда я оказался на краю кукурузного поля среди побелевших несрезанных кукурузных стеблей, когда повернулся лицом к противнику, туда, откуда я только что пришел, я узнал балку, край которой зарос большим клином кустарника, узнал высоту «Нефть», а сзади увидел отроги Сунженского хребта, за которыми спрятались Лакисово, я понял, что вышел. Вышел к своим, и никаких сомнений больше на этот счет не оставалось.

Я даже знал, что в самой балке такое же кукурузное поле, знал, что и по этому кукурузному полю мы ночью ползали, знали, что здесь где-то рядом засели немцы, но точно не знали, где они прячутся. Только сейчас я их видел у самого края терновых кустов. Я долго смотрел в ту сторону и все-таки увидел две каски над бруствером окопа. Бруствер был почти не виден – свежевыкопанная земля была прикрыта сорванной увядшей травой. Вот они, субчики, сидят, караулят какого-нибудь заблудившегося дурака вроде меня, чтобы срезать его автоматной очередью.

Ну, теперь-то мне пугаться нечего – я у своих. Я тщательно прицелился и нажал на спусковой крючок. Прогремела очередь выстрелов в пять – и снова задержка, но мне показалось, что я видел, как с бруствера немецкого окопа полетела земля от пуль. Каски тут же исчезли, а правее из кустов взлетела в мою сторону красная ракета. Она упала в кукурузу и еще несколько секунд шипела, разбрызгивая розовые искры. Я, пригнувшись, побежал по кукурузе, а мне вслед ударила длинная пулеметная очередь. Я сразу же, как меня учили, пополз в сторону, а немецкий пулемет бил и бил, не смолкая. Пули визжали где-то рядом, обламывали стебли кукурузы и я уже был не рад, что первым влил эту очередь. Но тут с нашей стороны раздался звонкий хлопок минометного выстрела, нескончаемо долго ныла в воздухе падающая мина и разорвалась в том терновом кустарнике. Немецкий пулемет сразу замолк, а наши минометчики посылали мину за миной, взрывы грохотали среди терновника. А я под спасительным прикрытием минометного огня даже не бежал, а шел во весь рост, открыто, по кукурузному полю, и мне казались больше не страшными пулеметные очереди врага, казалось, что теперь мне больше уже ничто не грозит. Сердце теперь болело, стонало от радости, от осознания того, что я вышел, выкрутился, кажется, из безнадёжного положения. А мои спасители, милые «самоварники», через равные и небольшие промежутки времени все крошили и крошили минами тот терновый кустарник, в котором сидели немцы. На ходу я устранил задержку в автомате, повесил его на плечо и направился напрямик на высоту, на которой, я знал, расположились наши наблюдатели.

До наблюдательного пункта нужно было прошагать еще километра полтора. Я прошел это расстояние и, как ни странно, не встретил ни единого нашего солдата, никакой передовой, никаких окопов. С большим трудом я вылез по лысому склону горы на вершину и увидел двух наших химиков и одного разведчика. Ребята устали на меня удивленно и даже испуганно.

– Ты? – спросил черный, цыганистый Гребенюк.

– Я.

– А ты знаешь?..

– Дайте мне воды и хоть корку хлеба, – перебил я Гребенюка.

Ребята, больше ни о чем не расспрашивая, дали мне полный котелок холодной ключевой воды, целую селедку и солидный кусок хлеба. Я повалился рядом с их окопом и только теперь почувствовал, какой смертельной усталостью налилось все тело. Руки, ноги, голову, плечи, спину опутали, как в сказке о Гулливере, тысячи, миллионы нитей. Мне даже есть стало тяжело. Я все-таки съел селедку с хлебом, выпил половину котелка воды и тут же темный, всепоглощающий сон свалил меня окончательно. Я спал, закрыв шею воротником шинели, спал, лежа на остывшей влажной земле, спал, словно провалившись в черную бездну наркоза.

* * *

Утром, когда ребята успели позавтракать и вымыть котелки, в шалаше Рябчунова раздался зуммер телефона.

Рябчунов взял трубку и ребята слышали его разговор:

– Да. Кто говорит? А, это ты. Как обстановка? Что? Кто говорит? Гребенюк? Так. Так. Когда? Немедленно его в роту! Что? То есть как не может? Он что, ранен? Спит? Да он что! Разбуди его. Что? Ну хрен с ним, через два часа разбуди и пусть идет в роту.

Рябчунов вылез из шалаша, отряхнул одежду от налипшего сена и громко сказал, чтобы слышали сидящие у костра и те, кто лежал под кустами:

– Нашелся этот самый парень, как его...

– Федька? – спросил, привстав, Беяков.

– Он самый. Вышел прямо на НП к Гребенюку. Пришел, свалился и спит. Через два часа разбудят и придет.

Писарь позвонил куда-то в штаб и сказал, что вышла ошибка и без вести никто не пропадал, все на месте. Ему ответили, что в отчете поправят, а вот сведения куда-то уже ушли.

* * *

Я проснулся от того, что меня немилосердно тряс за плечи и бил ладонями по щекам Гребенюк. Я долго старался уклониться от его агрессивных действий, но потом, стряхнув остатки сна, глядя в его небритую, обросшую черной щетиной, страшно худую физиономию, спросил:

– Ты что? Ты что, с ума спятил?

– Командир роты звонил. Понял? Звонил командир роты! – повторил Гребенюк, не переставая трясти меня за плечи.

Наконец, я пришел в себя. Остатки сна прошли, и я, понимая уже, где нахожусь, что случилось накануне, спросил Гребенюка:

– Кто звонил?

– Командир роты Рябчунов звонил и приказал тебе немедленно топать в роту.

С большим трудом я поднялся на гудевшие от усталости ноги. Снял брючный ремень с автомата и подпоясал им брюки. Повесил автомат на плечо и, не торопясь, стал спускаться с горы.

Проходя Лакисово, я увидел в отворенных воротах дома своего знакомого ингуша. Тот занимался каким-то делом, но, увидев меня, подошел, улыбнулся и мягко сказал:

– Салям алейкум, кунак.

– Алейкум салям, – ответил я ему.

– Вай-вай! На кого ты похож? Заходи в дом, отдохни с дороги.

Вид у меня был действительно не очень презентабельный: шинель вся в каких-то репьях, пола порвана, потом уже я рассмотрел, что шинель прострелена на плече и в двух местах на правом рукаве, прострелены полы шинели и даже брюки. На правой ноге на коже, как от ожога, красная полоса – скользнула пуля. Но это я разобрал и понял потом, а сейчас я поблагодарил доброго и старого человека, выпил традиционную кружку холодной воды и пошел дальше. Пройти мне было нужно не более двух километров, но эти два километра дались мне с таким трудом, будто я прошел все сорок: нестерпимо болели ноги, ныла спина, болело все тело, как будто эти трое суток меня все время били палками.

Наконец, я пришел в роту, увидел своих ребят, которые как-то странно молчали, и устало опустился около костра. Подошел Рябчунов, тоже как-то вопросительно посмотрел на меня. Я с большим трудом поднялся на ноги, взял под козырек, видимо, со стороны это выглядело опереточно и несерьезно, доложил, что я прибыл в роту после поиска. Видя, что я еле стою на ногах, Рябчунов разрешил мне сесть у костра

в окружении наших ребят и рассказать все, что произошло со мной за время моего отсутствия. Я рассказал примерно так же, как написал в своем рассказе. Рябчунов сказал, чтобы я отвязал гранату, взял ее, о чем-то подумал и, не торопясь, загнул провололочные ушки чеки взрывателя.

– Это самое... ушки-то разогнуть можно вот сейчас, по дороге, – заметил Хорьков.

– Можно, – согласился Рябчунов. Потом взял у меня автомат, передал его Хорькову и сказал:

– А ну, вкати-ка очередь вон в ту гору.

Хорьков взял автомат, осмотрел его, вздернул ручку затвора, направил ствол в сторону крутого холма рядом с нами и нажал на спусковой крючок. Автомат брызнул искрами двух выстрелов, потом открылся и, сверкнув сталью над головой Хорькова, затвор улетел за его спину.

– Ни хрена себе! Этак в лоб попадет, – возмутился Хорьков.

– Вот именно, – заключил Рябчунов.

Он приказал старшине подобрать мне новое оружие, мой автомат отправить в оружейную мастерскую бригады, приказал повару накормить меня и разрешил спать «сколько влезет».

* * *

После бессонных ночей, после невероятного напряжения всех сил и всех нервов я добросовестно проспал весь вечер, всю ночь и проснулся рано вместе с другими разведчиками. Меня снова позвал Рябчунов. У его шалаша сидели наш политрук и еще какой-то незнакомый лейтенант, переkreщенный скрипучими ремнями. Немного поодаль стоял навытяжку, без оружия, тот рязанец, с которым мы обменялись адресами.

– Ты почему не отошел, когда дали команду к общему отходу? – первым спросил политрук, и я понял, что это не просто разговор, что меня спрашивают не даром, меня подозревают в чем-то.

– Я не слышал никакой команды, – ответил я.

– Ты передал ему команду? – теперь спросил незнакомый лейтенант рязанца. Рязанец все время отводил свой взгляд, переминался с ноги на ногу, помолчал, но ответил довольно твердо:

– Да, я крикнул ему: «Давай назад отходи».

Лейтенант уставился на меня.

– Это неправда, – спокойно ответил я. – Мы с ним были на правом фланге и первое время по нам даже не стреляли. Я бы услышал его крик, я видел его. Но когда я выстрелил по немецкому пулемету, а немцы открыли огонь по мне, да еще затвор у меня из автомата вылетел, вот тут-то я покрутился. Но мне никто не кричал. Когда я оглянулся, внизу ребят не было.

– Как же ты ночью-то увидел, что ребят не было? – поинтересовался политрук.

– Так ракеты летели одна за другой, было светло как днем на той высоте.

– А кто это кричал на высоте? – спросил лейтенант, и я посчитал, что тот крик, который я слышал тоже, они принимают за крик рязанца.

– То немец кричал, когда я выстрелил.

– Ты что, его подранил?

– Вот этого не знаю, не видел, только крик раздался с немецкой стороны.

- Понятно, – протянул лейтенант.
- Слушай-ка, – внезапно спросил он, – а что это за передачи ты ингушу носишь? Вот ведь привязался! Да они меня подозревают, и подозревают в чем-то нехорошем. Видимо, изменника во мне видят.
- Товарищ лейтенант, – официально ответил я, – мне еще в школе разъяснили, что такое пролетарский интернационализм. Население здесь живет непонятно как, оно голодает, у них нет соли. Ну, я иногда и даю тому ингушу, который нас водой после поиска угощает.
- За так отдаешь? – спросил политрук.
- От этого вопроса меня даже покорило.
- А что я с него возьму? Он с сыном голодает, шаромыжником я никогда не был.
- А ты в бутылку-то не лезь, – раздраженно сказал лейтенант. – Ты вот лучше объясни, что это такое и откуда это у тебя?
- Лейтенант вытащил из-за спины мой изуродованный гальванометр.
- Откуда это у вас? – спросил я.
- Глаза у лейтенанта округлились, он смотрел на меня удивленно и негодуя.
- Отвечать на вопрос! Устав знаком тебе? – резко и раздраженно сказал лейтенант.
- Это остатки школьного гальванометра. Нашел я его в школе, когда бой был за Плановское. Ребята видели, как я это взял. Только это не шаромыжничество. Все равно бы немцам могло достаться, жалко оставлять.
- Ну допустим, – немного поутих лейтенант. – А что это за учебники у тебя?
- Вот ведь гады, вещмешок мой исследовали. Явно за предателя считают. А ребята молчат. Надо же! Я не знал ведь, что ребята давно уже сказали свое мнение и поэтому настоящее их молчание меня даже обидело.
- Я ни от кого не скрывал и могу предъявить вам справку, товарищ лейтенант, что перед призывом в действующую армию я обучался в военно-морской школе боевой подготовки. Группу, в которой я находился, готовили для службы во флоте по специальности СНИС.
- Что это такое?
- Средства наблюдения и связи. Я знаю флажной семафор, морзянку и все необходимое для наблюдения и связи.
- И рацию знаешь?
- Рацию не знаю.
- А зачем же тогда морзянку учил?
- На корабле светом морзянку передают, а на радиции специалист отдельно находится.
- Так-так... Ты что же, думаешь во флот попасть?
- Ничего я сейчас не думаю. У меня краснофлотская книжка. А если морзянка не пригодится, так и шут с ней!
- Так-так... – снова протянул лейтенант и о чем-то задумался. – Ну, у меня пока вопросов нет. Если вдруг что понадобится – вызову. А пока сами решайте.
- Лейтенант встал, отряхнул синие галифе, поправил кобуру и, ни с кем не попрощавшись, молча пошел куда-то к штабу.
- Слушай-ка, а мог бы ты с группой разведчиков пройти в ту балку? – спросил Рябчунов.
- Смог бы, только дня два или, вернее, ночи две понадобилось бы.

– Почему так долго?

– Потому что вначале пройти нужно, потом в светлое время скрытно понаблюдать, а уже потом действовать и выходить на свою сторону, - ответил я.

– Что ж, пожалуй, верно, – заключил Рябчунов.

Но в последующем события развивались страшно и неожиданно для меня. На следующий же день меня почему-то не включили в поисковую группу, а направили на НП к Гребенюку. Я получил новый автомат и опробовал его в овражке.

* * *

Дни установились удивительно солнечные и теплые. Если бы не прохладные ночи, то погода, можно сказать, стояла летняя. Тепло. Рыжие горы стали еще рыжее от сухой выгоревшей травы. На кустах терновника осталось мало листьев, но стало множество фиолетовых ягод, словно опудренных голубой пылью. Встречались кусты с удивительно вкусными ягодами, это разнообразило наш кукурузный и пшенно-концентратный стол. До расположения роты было всего километра два с небольшим, и мы решили не брать сухой паек, а получать на кухне положенное нам питание три раза в день. Конечно, приходилось на маленьком костре подогревать пищу, но это не доставляло трудностей. Когда приходила моя очередь, я брал ведро и бодро шагал в роту. Повар исправно отпускал порции на меня, на двух химиков (они стояли на довольствии в нашей роте) и даже связиста.

Каждый раз из роты приносили табак, старые газеты на раскурку и свежие новости. Новостей приятных было мало: рота получила пополнение, разведчикам стали выдавать в день по 200 грамм красного вина. Неприятных новостей было намного больше: нашего соседа, 62-ю морскую бригаду, вышибли из Малгобека. Но бригада держалась, контратаковала, отражала бешеные танковые атаки, несла большие потери, но фашисты не смогли взять соседнюю станицу Вознесенскую, не смогли вылезти в долину Алхан-Чурт. На подступах к Эльхотово все еще шли бои, там держался батальон нашей бригады, еще какие-то части, но откуда-то стало известно, что немцы в этом районе начали накапливать силы. В районе Кусово у немцев появилось минное поле. Наша разведгруппа наткнулась на какие-то прыгающие мины и потеряли сразу пятерых ребят.

Однажды за ужином ушел Гребенюк, вернулся обратно, как положено, без приключений, но новости, которые принес он, меня встревожили, обидели и вконец расстроили. Ну, прежде всего то, что наш политрук выражал мне полное недоверие, считая, что я вошел в контакт с противником и, возможно, был завербован немецкой разведкой. Свои сомнения он якобы выложил в ОКР «СМЕРШ» и ждет решения от вышестоящих начальников насчет моей судьбы. Одновременно этот политрук выразил недоверие и Осейкину Мишке, который был в плену, но бежал. Получалось как-то чудно: мы с Мишкой совершенно не рвались в начальники, сидели в основном на передовой десятки раз. Если бы были шпионами, могли бы уйти к немцам, столько же раз могли бы передавать им информацию, но в части информации мы знали только дела нашей роты. Воевали, как умели, не хуже других, а Мишка Осейкин вообще дрался напористо, зло. Нет, шпион не будет так усердно калечить и отправлять на тот свет солдат своих хозяев. Да и вообще смешно об этом говорить. Вот рязанца, правда, перевели куда-то в другую часть, а Хорьков, тот в чины попер – стал у политрука вроде ординарца, старался, сукин сын, выслуживался, наушничал. Особенно Хорьков невзлюбил Потапенко, который до войны был где-то

милиционером. Сказал также Гребенюк, что вроде бы нелады какие-то возникли у того политрука с Рябчуновым.

– А вообще-то, – заключил Гребенюк, – наш взвод недоукомплектован. Хочешь, я с начхимом поговорю, чтобы тебя к нам перевели? Ей-богу, у нас обстановка спокойнее.

– Спасибо, Гребенюк, хороший ты мужик, только я пока погожу. Виновным я себя не чувствую.

* * *

Через день или два на НП пришел из роты разведчик, сбросил с плеч свой вещмешок и сказал мне:

– Иди в роту.

Я спокойно собрался, распрощался с химиками и связистами и пошел в роту. Ребята как будто и не заметили моего отсутствия, только Суменков Саша, кивнув головой на шалаш, сказал:

– Рябчунов приказал зайти.

Я тут же, бросив свой вещмешок на привычное место, спросил разрешения и залез в шалаш к Рябчунову. Старший лейтенант что-то писал на листе бумаги, подложив под него полевую сумку. Он вроде бы и не обратил внимания на мое официально-уставное представление, буркнул только:

– Садись.

Я сел на подстеленную солому и еще долго ждал, пока Рябчунов колдовал над листком бумаги. Потом, когда уже закончил писать, он неожиданно спросил:

– Ты что там, на НП, видел?

– Да ничего особенного, товарищ старший лейтенант. Оптика у нас дрянная, но вообще-то фрицы по высотам траншеи оборудуют, засек несколько артиллерийских и минометных батарей, ну а пулеметные точки они меняют, и что было вчера, сегодня уже изменилось.

– Та-а-к..., – раздумчиво протянул Рябчунов. Подумал еще и спросил снова:

– А мог бы ты в ту балку разведгруппу привести?

– Думаю, что это и сейчас возможно.

– Понимаешь, «язык» нам нужен, до зарезу нужен.

Я вылез из шалаша и направился к Суменкову, чтобы посоветоваться. Только мы с ним поговорили и решили даже завтра с утра на НП сходить, как появился Хорьков.

– Ты, салага, – обратился он ко мне, – давай к политруку.

Суменков посмотрел на Хорькова каким-то тяжелым, недобрый взглядом. Хотел что-то сказать, но смолчал.

Я пошел к шалашу политрука. Там находился Вася Боев – комсорг роты, и незнакомый мне, худощавый, небольшого роста лейтенант.

– Ну-ка, вкратце повтори свою историю, – приказал политрук.

– Какую историю? – не понял я.

– Конечно же, не ту, как тебя папа с мамой сделали. Ты расскажи, как ты там, у немцев, был.

Меня что-то задело. Болью и обидой царапнуло душу. Чего он ко мне привязался, что нужно ему, что он все ковыряет под меня?!

– Мы у немцев почти каждую ночь бываем, работа у нас такая. Не верите? Вот Боев подтвердить может.

В шалаше наступила натянутая злая тишина.

– Ты как со своим командиром разговариваешь?! Ну пополнение же Ласточкин подобрал. Трое суток у немцев пропадаю, чем он там занимался – неизвестно. И сморите, тон какой! Ну, я на тебя, голубчик, управу найду.

В этот момент незнакомый лейтенант тронул за плечо политрука и он не договорил своей угрозы.

– Подождите! – остановил его лейтенант. – Ты комсомолец? – спросил он меня. Я расстегнул карман гимнастерки и вытащил комсомольский билет.

– Вот мой комсомольский билет.

Лейтенант открыл серую книжицу, посмотрел и снова спросил:

– Значит, с ноября 1941 в комсомоле.

– Так точно.

– А в армию добровольцем пошли?

– Добровольцем. Несколько заявлений написал.

– Ну и как с ребятами? Уживаешься?

– Конечно, уживаюсь.

– Скажи, когда от группы отбился, на немцев натыкался часто?

– Бывало.

– Страшновато было?

– Если честно, то конечно страшно – один ведь.

– Но все-таки шел?

– А что было делать, товарищ лейтенант, тогда иного выхода не было.

– А если неожиданно нарвался бы ты на немцев или они на тебя?

Я рассказал лейтенанту и про противотанковую гранату, и про отказавший автомат, и про то, как я нарывался на этих немцев и каким-то чудом уходил от них.

– Да-а... Нелегкая ваша служба, – протянул лейтенант.

– Да это у кого как, – не удержался и вставил политрук.

– Это точно! Иной хоть бы в бинокль на фрицев взглянул, – не удержался я и ответил встречным уколom.

– Ну ладно, ступай, разведчик! – сказал лейтенант.

Я вылез из шалаша, отошел немного и решил дожидаться Боева.

Откуда-то появился Хорьков и вдруг, дружелюбно улыбнувшись мне, спросил:

– Опять допрашивали?

– Не-е, больше все о тебе говорили, – не принял я шутки.

Хорьков хмыкнул и отошел. Вскоре появился Боев – комсорг нашей роты, коренастый, невысокий, коротко стриженный парень с перевязанной шеей – чирей выскочил и замучил его, проклятый.

– Слушай, Вась, может, и вправду мне не место в роте? Этот лейтенант из СМЕРШа? – напрямую спросил я Боева.

– Брось ты дурака-то валять! И не лезь в бутылку, когда не надо. А мужик этот, Левинтов, из политотдела. Он не с тобой одним разговаривал.

Я успокоился. Наш взвод сегодня отдыхал. Ребята уже почистили оружие, дозарядили диски и в ожидании ужина пели песни. Уже стало смеркаться, потемнело небо, а из-за горбатых гор выполз месяц, большой, красно-желтый. В вечерней

тишине лился чуть хриловатый голос Арабова. Этот украинец с русской фамилией тянул старую родную песню и ему подтягивало несколько молодых голосов:

*За Сибиром солнце всходит,
Хлопцы, не зевайте.
Вы на мэнэ Кармелюка
Всю надию майте.*

Не в мелодии, не в словах, а в протяжных голосах молодых ребят слышалось столько тоски и тревоги по далекой Украине... А потом звучала другая:

*Повив витер на Украину
Да оставыв я дывчину,
Да оставыв кари очи –
Повыв витер ни з пывночи.*

И опять та же тоска, та же тревога. Давно полюбились мне украинские песни, давно чаровали они душу своей напевностью, но не слышал я еще того, чтоб пелось с такой сердечной болью. А потом будто Потапенко затянул и голос его, раскатившись по осенним холодным кустам, вдруг взмыл к первым дрожащим звездам, и замерло сердце от страстных, молитвенных звуков:

*Дывлюсь я на нэбо,
Тай думку гадаю...*

Сколько уж талантов у людей, какие голоса, с какой проникновенной сердечностью ведут они песню... А тут война. Тут визг металла, дым пожаров, кислый запах взрывчатки, кровь на бинтах, смерть и страдание в глазах товарищей. Ох, и сложна, и непонятна эта самая жизнь.

Вчера я получил письмо из Москвы от девушки, с которой едва знаком. Я написал письмо всем своим товарищам на работу, а она обиделась, почему это я не написал ей лично. Ладно, напишу...

* * *

К рассвету стало холодно. Ребята были еще в поисках, а мне, можно сказать, повезло, здорово повезло – я мог спокойно выспаться. Самое главное сейчас выспаться. Днем я напишу письма, а сейчас спать... Я и представить себе до войны не мог, какое это счастье – спокойно спать на сене, под кустом, где сквозь сетку листьев видно, как мерцают на небе последние ледяные звезды. Все мои обиды на Натынова улетучились, показались ничтожно малыми перед величием царицы ночи, перед ожидаемыми сновидениями, которые обещали мне встречу с родными и друзьями. Всегда так: сегодня мне повезло и я ожидаю спокойного сна, а кто-то не спит, кого-то, может быть, мои товарищи вытаскивают из-под обстрела раненого, истекающего кровью. Спать! Сейчас только спать!

Я и предположить не мог, что в своем шалаше совсем рядом лежит молча младший политрук Попов. Человек не спит, а по его впалым небритым щекам бегут

скупые мужичьи слезы: только сегодня он узнал, что где-то на севере погиб в прошлом месяце его брат – командир артиллерийской батареи.

А у Ласточкина были свои заботы. Он ушел к командиру саперной роты, с которым завязалась у него дружба с того самого времени, когда обороняли вместе саперы и разведчики горный перевал у Илларионовки.

Саперы жили по сравнению с нами шикарно. У всех бойцов были оборудованы землянки, каждая на 5-6 человек, а у командира роты – блиндаж в три наката, стены обшиты досками, оборудован столик, топчан, печь-буржуйка – все по высшему классу. На столике чадила коптилка из снарядной гильзы, пламя дрожало, потрескивало, здесь же фляжка с водкой (это Ласточкин принес), откупоренная банка консервов из офицерского доппайка.

Слегка захмелевший Ласточкин поправлял пятерней непослушные, съезжавшие на лоб, светлые волосы, и говорил товарищу:

– Я тебе что скажу... Если бы я захотел, я бы ему такое вспомнил, но я подлецом и доносчиком никогда не был – ты меня знаешь. А вот он, – Ласточкин многозначительно указал пальцем в потолок, – он спит и видит, забодай его комарь! А, давай еще по махонькой.

– Давай, – согласился командир саперной роты.

Выпили, ковырнули ножами в банке, стараясь подцепить бычка в томате.

– Я тебе, друг, вот что скажу, – говорил сапер, – ты мужик правильный, и я тебе тоже, как на духу, говорю. Не будет у тебя с ним никакого толка. Он мужик не трус, не злопамятный, но выпендривается на каждом повороте. На твоём месте, я бы давно в батальон ушел. Ты пойми, здесь ты у него один, ему, кроме как тобой, и командовать нечем, а он любит это дело до страсти. Я его тоже насквозь вижу, у него на рупь амбиции и на грош амуниции. Пропадешь ты с ним, и ходу он тебе никакого не даст. Он все, что доброе, себе возьмет, а все дерьмо на твою голову вывалит. Вот у нас инженер – это человек, мы с ним запросто и с полслова. А вообще – плюнь. Запомни, что дальше фронта не пошлют, а меньше взвода не дадут.

Друзья выпили последнее, что было во фляжке, поговорили еще малость о своих каждодневных и ежечасных заботах. Муторно было на душе у Ласточкина.

Начальник разведки бригады капитан Натынов не успел вернуться с рекогносцировки, как ему передал связной штаба, что его вызывает к себе срочно начальник штаба майор Прокопчук, недавно назначенный на эту должность. Натынов откровенно не любил Прокопчука, не понравился он ему с первого взгляда – этакий «академик», небольшого роста, прямые черные волосы всегда причесаны, подтянут. Натынов считал, что новый начальник штаба человек казенный, сухой, злобный, который только и ждет случая, чтобы чем-нибудь кольнуть его, Натынова. Натынов и Прокопчук действительно были очень разными людьми, может быть, поэтому у них возникла пока еще еле ощутимая натянутость во взаимоотношениях.

Не обращая внимания на посыльного, Натынов покрутил ручку полевого телефона и попросил телефониста соединить его с шестым, т.е. с начальником штаба по таблице позывных. Натынов надеялся, что дежурный скажет «спит начальник штаба» и еще попросит не беспокоить его до утра без крайней надобности. В таком случае и Натынов с наслаждением стянет с ног хромовые сапоги, которые немного жали в подъеме, и немного поспит. Но Прокопчук был на месте и не спал. Мало того, сухим голосом, подчеркнуто официально, он сказал Натынову, чтобы тот при-

шел к нему срочно. Начальник разведки оставил телефон, чертыхнулся, натянул на гимнастерку безрукавку-душегрею из овчины, и пошел к начальнику штаба.

Майор Прокопчук разместился в пустом доме на самой окраине Лакисово. На крыльце часовой, в сенях еще один, в комнате окна занавешены плащ-палатками, на столе коптилка, разложены топокарты, какие-то листы бумаг.

– Товарищ майор, по вашему приказанию...

– Хорошо, хорошо, капитан, давайте побережем время. Подходите к столу. Для меня сейчас очень важны заключения разведки, у штаба очень скудные материалы о противнике.

Прокопчук освободил от бумаг топокарту, сплошь разрисованную синим карандашом, придвинул ее к Натынову и подчеркнуто спокойно сказал:

– Во-первых, я понимаю, капитан, у вас сейчас много работы, но в следующий раз, отлучаясь надолго из штаба, вы ставьте меня в известность, а то мы теряем много времени по-пустому. А теперь расскажите, что вам известно о противнике и каковы ваши выводы?

– Товарищ майор, я вам представляю сводки, там все написано...

– Сводки пишет ваш помощник, он пишет о фактах, а я хотел бы слышать ваши выводы.

– Что ж, я могу, я над этим делом уже думал. Разведданные говорят о том, что на нашем участке противник накапливает силы для перехода в наступление. Он улучшает свои позиции, захватил высоту «Нефть» в районе Верхнего Курпа, свою передовую придвинул к нашей. Крупные резервы противника сосредоточены в районе Нижнего Курпа и Верхнего Акбаша.

– Какова может быть цель его наступления?

– Цель известная, товарищ майор, – уничтожить нашу бригаду, овладеть Лакисовом и выйти на перевал.

Натынов замолчал, так как сразу еще не мог придумать, какую еще пакость готовит нам немецкое командование.

– Н-да, – вроде бы отвечая на собственные мысли, протянул начальник штаба, – признаю, что у разведчиков завидная осведомленность. Не подскажите, капитан, из каких источников вы почерпнули сведения о резервах противника и почему они сосредоточены именно там, если наступление противник готовит на Лакисово?

В тоне Прокопчука Натынов почувствовал явное недоверие, даже чуть заметную издевку, но теперь он уже не видел для себя иного пути, он продолжал отстаивать избранную для себя позицию.

– А как же иначе, товарищ майор, для чего ж он захватывал высоту «Нефть»?

– Вы меня не убедили, капитан. Все это может быть объяснено стремлением просто улучшить занимаемые позиции. Давайте вернемся к фактам еще раз. Я слушаю вас, капитан.

«Вот, паразит, гоняет меня как школьника. Дали власть, так он и рад ее показать».

– Что ж, пожалуйста. В разведдонесениях я сообщал об активных действиях противника в районе Кескем–Пседах. Моя разведгруппа обнаружила скопление противника восточнее Верхнего Курпа...

Натынов пересказывал содержание написанных им разведсводок и истории наших неудачных поисков, причем в его интерпретации они звучали так, что мы совершали героические подвиги и все достойны наград.

– Подождите, капитан. Все это вы действительно излагали в сводках, но в при-

веденных вами фактах все-таки нет подтверждения вашим выводам. Судите сами, по данным наших стрелковых батальонов и из показаний вашего пленного, на днях немецкое командование сняло в районе Пседаха и Индеево немецкие части и заменило их румынами. С наблюдательных пунктов докладывают, что в центре нашей обороны от высоты «Нефть» до Верхнего Курпа противник оборудует траншеи. Все это, скорее, похоже на то, что немцы переходят к обороне на нашем участке. Судя по документам того немца, которого ваши «герои» умудрились удушить, так это та самая растянутая по фронту дивизия, которая занимала оборону в районе Курпа. А куда делась знаменитая дивизия «Викинг»? Нами не обнаружены новые артиллерийские батареи у противника, на нашем участке, слава богу, не действует вражеская авиация, если не считать барражирующих истребителей. Затихли бои и под Малгобеком у нашего правого соседа. Все это говорит только об одном: противник готовит удар в каком-то другом направлении. В каком? Потом, вы извините, но ваши данные о «крупных резервах» противника не подкреплены ни единым фактом. Все ваши данные, говоря мягко, неточны. В чем дело? Что прикажете доложить командиру бригады?

– Товарищ майор, на войне обстановка каждый час меняется.

– Согласен. Только разведка на то она и есть разведка, чтобы быть в курсе всех дел противника. Разведданные недельной давности могут обернуться дезинформацией, а это на руку противнику. Штабу нужны проверенные данные о противнике, и данные самые свежие. Вы меня поняли, капитан?

– Так точно, понял, товарищ майор, только ведь вы сами знаете: разведвзводы в батальонах почти выбиты, пополнения нет, командиры батальонов норовят использовать своих разведчиков просто как стрелковые подразделения. А разведроты... что ж, я вам докладывал уже, пока там Ласточкин – толку никакого не будет. С подчиненными он за панибрата, дисциплины в роте никакой, боевые приказы не выполняются, в роте разведчики своего переднего края не знают: один из них меня на рекогносцировке чуть к немцам не привел, еле отбились.

– Это плохо, капитан! Это ваша служба. Только недавно вы хвалили этого Ласточкина и своих разведчиков за бои под Илларионовкой, что же сейчас вдруг произошло? Хорошо, с командиром разведроты мы разберемся, а вам необходимо подумать, нужно более тщательно готовить поиски, вплоть до того, что провести разведку боем, выбрав для этого подходящий объект. Нам нужен «язык», нужны данные о противнике и это нужно не только для бригады. Вам ясна задача, капитан?

– Так точно, товарищ майор.

– Если нужно, давайте подключать артиллеристов, саперов, кого угодно, но сведения о противнике должны быть самые достоверные и в самое кратчайшее время, это приказ командира бригады.

– Слушаюсь, товарищ майор.

Натынов вернулся в занимаемый им дом на окраине в самом скверном расположении духа. Он, не раздеваясь, бросился на кровать, смотрел в потолок, а в душе у него все кипело: «Нашел мальчишку! Ему легко там философствовать. Сидит себе академик, мать бы его! Пошел бы по передовой хоть раз. В штабе все легко и все можно!» Чувство досады и обида давили Натынова. «И еще этот Ласточкин – пентюх и дурак, сквалыга! У самого начальника разведки вон последние сапоги и те еле держатся, порядочного браунинга нет! Вся рота разболталась – и ни к черту! Надо было в тот раз пару разгильдяев шлепнуть или под трибунал отдать – остальные бы подумали!»

Действительно, разведке не было известно многое и не только той, которой командовал Натынов. Сам Гитлер страшно разгневался на фельдмаршала Листа. Он, фюрер, не мог найти оправданий этому беспомощному топтанию его армий у какого-то Малгобека, у совершенно безвестной станицы Эльхотово. Его танки, его испытанные танкисты, прошедшие все дороги Европы, вдруг застряли у каких-то станиц! Паулюс прорвался к Волге, днями решится судьба Сталинграда, а Лист, обязанный решить не просто престижный вопрос, а судьбу Средней Азии, застрял, когда до окончательного успеха остались считанные километры. Впереди город Орджоникидзе, здесь ворота Кавказа, а Лист не может пройти несколько километров! У большевиков на Кавказе больше нет резервов, один сокрушающий удар – и цель будет достигнута, и какая цель! По своему стратегическому замыслу, по престижности, по расстановке сил во всем мире это почти то же, что и разгром Англии! А старый маршал топчется, и его танковые атаки разбились об оборону большевиков. Лист утверждает о какой-то сверхмощной обороне, а разведка докладывает, что у большевиков на Кавказе не было подготовленных оборонительных рубежей! Жаль, но старого Листа необходимо заменить. Да, только Клейст, Эвальд Клейст – полководец божьей милостью. Клейст, прошедший Польшу, Францию, Югославию, тот самый Клейст, что отличился и в этой дикой России, командуя танковой армией, он способен решить эту задачу! Провидение дало Германии Клейста и Гудериана. Они оба большие мастера танковых ударов, сокрушающих ударов!

Начальнику разведки бригады не было известно и то, что этот самый Клейст испросил у фюрера всего три недели для того, чтобы подготовить удар и захватить столицу Северной Осетии, названия которой не могли выговорить офицеры Генерального штаба. Город Орджоникидзе, город Грозный, Дарьяльское ущелье и перевал Крестовый, Махачкала, Баку – и с Кавказом будет покончено.

Приближались большие и грозные события. Немецкие войска собирали ударный кулак в районе Плановского. Отсюда кратчайшая дорога к Орджоникидзе. На остальных участках активными действиями немецкие войска должны были сковать противника, лишить его возможности маневра.

У Большого Кавказа собирались грозные тучи...

* * *

Было похоже, что вернулось лето. По календарю приближалась третья декада октября, а солнце грело днем словно в августе. Холмы вокруг Лакисова совсем порыжели, лес на горах покрылся желто-бурыми красками, а заросли терновника, которого в этих краях страшно много, потеряли листву и стали голубовато-синими от обильного количества плодов на корявых ветках.

По неизвестным нам причинам одну ночь мы пропустили, и никто не ходил на задания. Мы отоспались, и все было бы хорошо, но Хорьков снова умудрился испортить мне настроение. Получилось так, что я остался без плащ-палатки, а ночи были холодными, утром на траве появлялся седой иней. Ротный писарь, тот самый израненный моряк, которого комиссовать собирались, выдал мне плащ-палатку. Плащ-палатка была старой и один ее угол был залит чернилами.

Днем у меня эта палатка исчезла, но я заметил ее на том месте, где спал Хорьков, узнал по этому чернильному пятну. Хорькова на месте не было, палатку я все равно забрал и притащил ее обратно, но тот пропажу обнаружил быстро. Он по-

дошел к тому месту, где располагались мы с Мишкой Беляковым и неожиданно резким рывком вырвал палатку.

– Ты что! Это моя палатка! – я попытался вырвать ее у Хорькова.

– А ну отцепись, падла, а то сейчас у меня схлопочешь! Понял?

Это было сказано с такой уверенностью, что в какой-то момент у меня мелькнула мысль о том, что, может быть, я ошибся и палатка действительно не моя, мало ли палаток с чернильными пятнами. Мишка Беляков оказался решительнее меня:

– Положи палатку! Ты снова, гад, за свое!

– Отцепись, шкура! Во! Во! видишь?! – хрипел Хорьков, указывая пальцем на чернильное пятно.

– Что видишь? Что?

– А то, что это моя метка.

Я ухватился за плащ-палатку и вырвал ее из рук Хорькова, да так, что сам отлетел в сторону.

– Ах, ты так?!

Хорьков выхватил финку и бросился было на меня. Тут угрожающе загалдели ребята, некоторые поднялись на ноги. Это вмиг остудило нас обоих.

Ко мне подошел Васька Боев, комсорг нашей роты, взял у меня палатку и с помощью писаря быстро установил истину.

– Держи палатку, – протянул ее мне Боев.

– А ты, – он обратился к Хорькову, – если еще раз сподличаешь, голову тебе свернем и из роты вылетишь!

– Тоже мне, напугал! Смотри, как бы сам не вылетел! – огрызнулся Хорьков. – Ну, а тебе я еще вспомню, гад!

Это Хорьков мне пригрозил. В жизни своей я еще никого не успел возненавидеть. Даже по отношению к немцам у меня еще не оформилась ненависть. Я воспринимал их как огромную, злую и беспощадную силу. Я стрелял в них потому, что они стреляли в меня. Они были врагами опасными и открытыми. Но я затруднился бы сказать, кого я больше ненавижу – Хорькова или немцев. В Хорькове я видел хуже, чем врага, я чувствовал в нем предателя и человека, способного на самую крайнюю подлость.

Но история конфликта с Хорьковым была аномальной в общей обстановке. В коллективе роты жизнь текла иным, более глубоким и чистым руслом. В этот день, наконец-то, я получил сразу несколько писем от родных и друзей. В письмах родных звучало нескрываемое беспокойство за мою судьбу, содержались скупые сведения о том, что у Коли после ранения перестали двигаться пальцы левой руки, а он художник, ему нужны пальцы. Володя по состоянию здоровья в армию не попал, но проходил службу в каком-то подмосковном военкомате. От Васьки (это все мои двоюродные братья, с которыми долгое время мы жили фактически одной семьей) писем не было, а воевал он где-то на Черном море – не так уж и далеко от меня. От знакомых узнал, что мой классный товарищ Митька Кондратов тяжело ранен, лежит в госпитале. Моя тетка писала, что мой отец разыскал мать с моими братьями. Слава богу! Как гора с плеч!

Утром 18 октября в штаб бригады вызвали Ласточкина и Попова. Никого не озадачил этот вызов – мало ли по какому делу вызывают командиров в штаб.

В обед Мишка Осейкин кормил нас картофельным супом и кукурузной кашей с салом. Кукуруза сварена была немолотой, цельными зернами, жесткая, зуб не берет. Нам изрядно надоела эта кукуруза.

– Почище шрапнели, – ворчали ребята.

Шрапнелью солдаты называли плохо разваренную перловку, но эта кукуруза была, по словам ребят, не шрапнель, а картечь.

– Вот такая зараза ведь кишки порвет. Не каша, а якорная цепь!

Гриша Бельтюков хмыкнул и выразил почти что противоположное мнение:

– Лишь бы душа приняла, а задница – хоть взбесись!

– После ций каши мы Грышу на пряму наводку поставим. Вин як шарахне, так от тих хрыцев шматки полетят!

Теперь ребята взялись за Бельтюкова так же, как прежде за меня с тем магнитом.

В последние дни на переднем крае было относительно тихо, шла нудная траншейная война. Противник вел методичный артиллерийский и минометный огонь по нашему переднему краю, по площадям действовали пулеметы, работали снайперы. Ночью в небе тархтели наши «кукурузники» и по нейтралке лазили разведчики. Мы не очень задумывались над причиной такого странного поведения противника. После сумасшедших дней, пережитых до этого, мы были откровенно рады относительному затишью. Такое на фронте случается крайне редко и не может быть продолжительным.

После обеда в роте появилось сразу много начальства: Натынов, Ласточкин, Попов и невысокий чернявый лейтенант из политотдела. Все это предвещало неизбежный конец нашему крайне короткому «загоранию».

Кто-то построил роту в две шеренги, кто-то доложил, что разведчики заняты подготовкой к очередному поиску. Четверо офицеров стояли напротив строя, Натынов чуть впереди. У начальника разведки лоб нахмурен, черные брови сошлись над переносицей – весь вид его полон торжественной решимости. Остальные тоже строги и многозначительно молчаливы. Натынов подал команду «вольно» и внимательно осмотрел весь строй. Всего нас было чуть больше сорока человек, для отдельной роты это совсем немного.

– Ну что ж, разведчики, настала ваша пора действовать и показать, на что вы способны. Слушайте внимательно! Я вам приказываю, – Натынов подчеркнул слово «приказываю», и все поняли, что предстоит что-то серьезное, – сегодня ночью провести разведку боем. Это дело непростое. Вот здесь-то мы все узнаем, чего вы стоите. Вас поддержат бойцы наших стрелковых рот и наши пулеметчики. Ваша задача такая: с тыла ворваться к немцам на их опорный пункт – высоту «Нефть». Высоту можно обойти по балке справа. На высоте нужно захватить «языка», определить систему обороны немцев, ее глубину и огневую насыщенность. Вам в помощь выделяются два связиста с телефонным аппаратом. Захватите высоту, закрепитесь и доложите обстановку. На высоте будете находиться до тех пор, пока вас не сменят стрелковые части. Они уже предупреждены и в курсе дела. Задача понятна?

– Так точно... – ответили мы не очень стройно.

– Ну, давай теперь ты, – Натынов кивнул чернявому лейтенанту из политотдела. Тот для солидности кашлянул в кулак и начал говорить срывающимся голосом:

– Товарищи красноармейцы! Жестокий, коварный враг стремится поработить нашу великую Родину. Наш народ, все как один, встали на защиту отечества от коричневой чумы...

Лейтенант говорил убедительно, хлестко, складно, но каким-то очень уж газетным языком. Его слова были правильными, гладкими, но когда он замолчал, эти слова

сразу забылись. Было понятно только одно – уж если политотдел прислал в роту своего представителя, значит, предстоит серьезное дело.

– Ну, теперь давай ты, командир роты, расскажи про план операции, – Натынов кивнул Ласточкину.

Получалось прямо как на собрании. Ребята в строю было зашевелились немного, какой-то шум пробежал, но комроты Ласточкин быстро навел порядок:

– Разговорчики в строю! Пойдет группа в пятнадцать человек и еще два связиста, они потянут связь сразу же за вами. Боеприпасов взять до упора. Группой командует Подосенов. Со мной будет еще одна группа в резерве на передовой. Как только в первую траншею к немцам ворветесь – тут не зевать. Бей все, что на глаза попадется. Чтобы на высоте закрепиться, к вам подходит вторая группа. Потом вас сменят наши стрелковые части. Вопросы взаимодействия все решены и согласованы, так что беспокоиться нечего, забодай вас комарь. Теперь значит так, в первой группе пойдут самые стойкие бойцы, на которых положиться можно... Ласточкин перечислил фамилии тех, кто пойдет в первой группе и меня немного озадачило то, что среди «самых стойких» не оказалось наиболее опытных ребят, таких, как Суменков, Бельтюков и других. У меня создалось впечатление, что наши командиры не были особенно уверены в успехе этого поиска или предвидели сразу большие потери, поэтому в первую очередь они жертвовали теми, кто еще не стал костяком роты, представлял наименьшую ценность по сравнению с другими. В этом, конечно, была своя жестокая логика, но приходилось мириться: ведь не спросишь командира роты почему в первую группу включили, к примеру, меня, а не Бельтюкова. Не принято задавать подобных вопросов, они считались свидетельством трусости, бесчестия и предательства по отношению к товарищам. Да и, действительно, разве спросил кто-нибудь из ребят, почему именно мы торчали на НП, в сравнительно безопасном месте, когда другие лезли под пули. А в итоге-то все равно, кто погибнет первым, а кто вторым с разницей в полтора часа. Судьба у всех одна, и никого не минет чаша сия.

Многие ребята, да и я в том числе, еще не очень представляли себе, что такое разведка боем. А разве бывает разведка без боя?..

До самого вечера нас больше не отвлекали от подготовки к поиску. Мы приводили в порядок оружие, набивали диски, получали гранаты. Некоторые писали письма родным, я тоже. Родным писал, чтобы они не беспокоились, что у меня все в порядке; знакомым писал, что вот сейчас ухожу в бой и если останусь жив – напишу еще. В этом не было неправды, но в словах чувствовался мальчишеский и газетный пафос.

Перед вечером в роту пришли двое молодых ребят-связистов. Они тащили три катушки провода и телефонный аппарат в зеленой деревянной коробке.

* * *

Стемнело. Каждому из нас выдали по сто граммов водки, накормили ужином. Ночь снова выдалась звездная и холодная, на передовой вроде бы ничего не изменилось. Там, куда мы шли, раздавались редкие пулеметные очереди и одиночные взрывы мин. Как обычно, немцы кидали ракеты, но нечасто. Эта обыденность понемногу успокаивала тревожное чувство, вызванное необычностью поставленной перед нами задачи. Вообще-то, разведка боем – это обычный бой, в котором участвуют стрелковые части, артиллерия, иногда даже танки и авиация. Разведка

боем – это испытание на прочность вражеской обороны, это наступление на не-большом, узком участке фронта ограниченными силами.

Мы, рассчитывая на свои собственные силы, ночью должны были ворваться в немецкую оборону и захватить опорный пункт – высоту «Нефть», где расколошматили наш батальон. Нам нужно было еще там закрепиться, захватить «языка», отбить неизбежные контратаки врага и дальше еще ждать указаний начальства.

Ночь. Знакомая степь. Все, как обычно. Только на сей раз вместе с нашей разведгруппой идет еще одна: Ласточкин, Попов, Суменков – шла почти вся рота. Какая-то другая задача была только у Надирына с небольшой группой.

Возле того места, где когда-то стоял в степи сарай, а сейчас осталась от него одна плетневая стена, решили в последний раз перекурить, чтобы потом уже не возвращаться к этому делу. Последний привал, последний перекур, а дальше уже будет бой! Что ж, на то она и война. Там, под Эльхотовом, под Плановским, было настолько тяжело и опасно, что, пожалуй, труднее и быть не могло. Что будет сегодня?.. Если судьба ко мне милостива, то, может быть, только ранит, если очень милостива, то ранит по ногам. Ноги – хрен с ними, были б руки, осталась бы голова...

– Курить осторожнее! Кто там искрами сыплет? – Ласточкин на сей раз ворчит зло.

Нам было неведомо, сколько лейтенант выслушал упреков и предупреждений от начальника разведки. Кстати, Натынов и сам обещал быть на передовой к утру. По всему было видно, что нынешней операции придавалось большое значение, это для нас, для командира роты и политрука было что-то вроде экзамена на бойцовскую зрелость, испытание на мужество и боевое упорство, только мы, рядовые бойцы, пока еще этого не знали.

– Все! Кончай ночевать, пошли вперед! – скомандовал Ласточкин.

* * *

В траншее на переднем крае относительно тихо. С немецкой стороны взлетают осветительные ракеты, дежурные пулеметные очереди. Траншея неглубокая, примерно по пояс. Впереди голая, без всякой растительности, седловина, а за ней видна черная громада высоты «Нефть». Она господствует над местностью, вероятно, оттуда отлично видны каждый изгиб нашей траншеи, каждая стрелковая ячейка, вся балка и степь до самых холмов перед Лакисовом. На самой вершине сопки металлическая нефтьвышка, довольно высокая, не меньше двадцати метров. Правее вышки на склоне высоты заметны два огромных, исклеванных пулями нефтебака, они серебристо-белого цвета и поэтому заметны даже ночью. За нашей траншеей голые и округлые шапки невысоких гор, которые тянутся хребтом до самого Малгобека. Сразу за траншеей небольшие заросли репейника или еще чего-то очень похожего. Земля пахнет полынью и сухой пылью. Ласточкин ушел к командиру роты еще раз проверить налаженность нашего взаимодействия, а мы расположились кто в зарослях репейника, а кто в траншее. Холодно. Нам всем выдали шинели и куртки. Воевать в куртке, конечно, удобнее, но в шинели, вот так сидеть в ожидании, наверное, теплее. У меня шинель б/у (бывшая в употреблении), один рукав у нее был с рыжим отливом, опалили у костра, а может быть, в вошебойке подгорела. Все карманы набиты патронами, на ремне три гранаты, одна из них противотанковая. Все, как положено, на шнурочках, привязаны за тело или за ручку гранаты и упасы бог зацепить ее за взрыватель. Документы мы на сей раз оставили все у ротного писаря.

Ласточкина не было долго и появился он с каким-то незнакомым сержантом.

– Связисты! Где связисты, забодай их комарь?!

– Здесь, товарищ лейтенант, – слышались в темноте их голоса.

– Давай, жмите вот с сержантом, подсоединяйтесь к нитке и ждите нас на выходе из траншеи. Сержант покажет. А все остальные, давай сюда!

Мы собрались в тесную кучу, и Ласточкин говорил нам тихо, почти шепотом, как будто немцы могли нас подслушать:

– Значит так! Группа Подосенова сейчас спускается в правую балочку, и вы обходите высоту «Нефть» с тыла. Там поднимаетесь на высоту и врываетесь в оборону противника. Первым делом захватываете «языка» и занимаете оборону. Докладываете сюда по телефону обстановку. К вам выдвигается резервная группа Суменкова, а дальше уже видно будет. Понятно, забодай вас комарь? Тогда все! Подосенов, начинай!

Подосенов поднялся на ноги, потоптался, отряхнул куртку и тихо, не по-командирски, сказал:

– Пошли, братцы.

Ну вот и все! Конец всем раздумьям. Снова впереди только бой, один бой и ничего больше...

Что такое бой? Где его начало и где конец? Для артиллериста установка орудия это чаще всего подготовка к бою, и первый выстрел – уже бой. Для пехотинца бой идет всегда, пока он в траншее (если речь идет об обороне). А у разведчика? Только он перешагнет бруствер и для него уже начался бой, и бой особый. Он ежеминутно должен ожидать выстрела, пулеметной очереди, очереди из автомата в упор, взрыва затаившейся в земле мины и многого другого. Перешагнув бруствер первой траншеи и уже дальше все изготовилось к тому, чтобы убить тебя, и ты сам готов к нападению, обороне, броску гранаты и удару ножом. Здесь за бруствером кончается милосердие, не действуют человеческие законы, здесь свои охотничьи инстинкты. За бруствером на нейтралке нет секунды без боя, и отсчет времени здесь другой, да и сами секунды здесь разные по величине. До траншеи и на передовой на тебя воздействуют все явления, которые действуют и на других, но как только вышел ты на нейтралку, так оставь все земные заботы, они помехой тебе станут. Здесь мы снова хищники и охотимся на таких же непримиримых и злых, как мы сами. Успех всегда будет за тем, кто хитрее и свирепее.

Прямо за траншеей начинался спуск в седловину между высотой «Нефть» и сопкой, где проходила наша оборона. Меня и Курочкина Подосенов направил в головной дозор. Мы шли не далее, чем метров 25-30 от основной группы. Если мы обнаружим что-то подозрительное, то остановимся, поднимая левую руку – знак тревоги, или отползем и предупредим ребят. Если просто напоремся, то заработаем очередь из автомата в упор, тогда эти выстрелы станут для ребят сигналом тревоги.

Призрачный звездный свет позволял рассмотреть какие-то предметы там, наверху, а здесь в балке темень – ни зги не видать. Если смотреть по фронту, то правее высоты «Нефть» есть еще одна балка, которая намного меньше той, что слева, и вдоль нее тоже гряды невысоких холмов. В балочке вроде тихо. Ракеты взлетают левее за высотами и от них слабый трепещущий отсвет на небе. Внизу в балочке забытый богом проселок, уже давно заросший травой, правда, колеи у этого проселка довольно глубокие – видно, еще весной по грязи повозки ездили. Постояли мы с Курочкиным несколько секунд, послушали и осторожно пошли вперед. Мы

знали, что помимо боевых дозоров у противника здесь могли быть и мины, но как их обнаружить в этой крошечной тьме? Их и днем найти непросто, а сейчас только взрыв скажет о минном поле, но этот взрыв может оказаться для нас последним. Все равно нужно кому-то шагнуть первым, это неизбежно... За два с лишним месяца боев мне ни разу не приходилось услышать от ребят отказа идти первым. К тому же идти первым – это и знак доверия твоих товарищей, которые полагаются полностью на твою осторожность, внимание и опыт. Это доверие – признание твоих бойцовских качеств и смекалки.

Слева на высотах слышны короткие пулеметные очереди. Это стреляют не в нас, это дежурные немецкие пулеметчики лупят просто для остротки и чтобы не уснуть на боевом посту. По сторонам дороги высокая трава, какие-то колючки. Мы с Курочкиным шли прямо по дороге – шума меньше, останавливались через каждые 15-20 шагов. Идти по дороге тоже непросто – то и дело нога проваливается в глубокую колею. Нечаянно я оступился и чуть не полетел. Курочкин тут же зашипел:

– Тихо, ты!

При остановках мы заученно приседали на корточки, так лучше видно на фоне звездного неба, а мы сами не так заметны. Тишина вокруг настороженная, точно струна перетянута. Сзади слабый шум – это приближаются наши ребята. Пусть подтянутся ближе, далеко от них отрываться тоже нельзя... Что это!? Сзади раздается громкий железный скрежет с каким-то звоном. Вначале мы не могли понять происхождения этих звуков. На несколько секунд он прекращался, а потом снова: «Дзинь-дзинь»... Курочкин отошел на несколько шагов назад и зло зашептал:

– Какого дьявола!

В ответ еле слышен чей-то шепот, слов я понять не мог. Оказывается, у приданных нам связистов оказалась катушка с металлическими погнутыми бортиками. Провод разматывался, и при вращении катушки та терлась этим бортиком о металлический станок. Что делать? Довольно громко у них это получалось, с таким оркестром вперед идти опасно. Ну кто ж это придумал: за разведгруппой проводочную связь тянуть – нелепость это! Неужто Натынов удумал? Не может быть! При всей своей взбалмошности, он разведку все-таки знает. К нам осторожно подошел Подосенов:

– Чего встали-то?

– Ты на этих связистов еще дугу с бубенцами одень! Скажи, чтоб поотстали малость, – прошу я Подосенова.

Снова вперед и метров через сорок останавливаемся, приседаем и пытаемся рассмотреть, что там впереди. Помолчали. Ничего не насторожило нас.

– Слева нефтебаки видишь? – шепчет Курочкин.

– Вижу.

– То, что там немцы, так это точно. Смотри в оба – не может быть, чтоб они эту балочку не перекрыли.

Снова вперед. Шаг в сторону от дороги, и под ногами слишком громко шуршит сухая трава, трещат какие-то сломленные стебли. По дороге можно идти только друг за другом. Я пошел первым. В двух шагах сзади шел Курочкин. Прошли еще метров двадцать пять. Что-то чудно: неужто здесь в балке немцы не выставили охранения? Не может быть такого. Снова остановились. Тупая морда автомата ППШ выставлена вперед, палец на спусковом крючке, напряжена каждая мышца. Теперь только и жди, что следующее мгновение разорвут выстрелы. Молча, не произнося ни единого лишнего звука, я снова, пригнувшись, иду вперед. Курочкин ухитрялся

шагать почти неслышно. Похоже, теперь недалеко осталось. Чтобы оказаться за высотой «Нефть», осталось пройти не больше ста пятидесяти метров. Тогда нужно будет круто взять влево и лезть вверх по склону. А эта проклятая сопка с нефтевышкой оказалась вовсе не похожей на горб верблюда, она несколько вытянута вдоль хребта. С двумя остановками мы прошли еще метров пятьдесят. Дьявольщина, этак и до Берлина топтать можно. А кругом тихо. Где-то уже позади нас слышны короткие пулеметные очереди. Шакалов и тех здесь нет, все словно вымерло. Сзади не слышно ребят, они тоже остановились. Что ж, еще малость вперед. Я только сделал первый шаг, как неожиданно увидел впереди, метрах в пятнадцати от нас, брызнувший снопик небольших белых искр, словно кто-то крутанул колесико зажигалки... Я мгновенно присел и поднял левую руку – тревога! Курочкин замер. Мы не произносим ни слова, напряженно, до рези в глазах смотрим вперед. Стремительно бегут секунды, но впереди все тихо: ни подозрительного шума, ни новых искр.

– Видел? – почти неслышным шепотом спросил Курочкина.

– Что?

– Будто зажигалкой чиркнули.

Сидим молча, но больше ничего не заметили.

– Показалось, должно, – шепчет Курочкин.

Сзади нарастает слабый шорох, и где-то дальше за этим шорохом снова слышится дзиньканье телефонной катушки. Потом все стихает. Что делать? Если мне не померещилось, то совсем рядом, впереди нас могут быть окопы с вражеским боевым охранением, но на сей раз нам нельзя на него размениваться, нам нужно еще прорваться на высоту «Нефть». Метрах в десяти впереди от нас видна какая-то высокая трава. Чуть заметна белесая полоса ее зарослей. Время бежит, а я все еще не решился шагнуть вперед. Сзади легкий шорох – крадучись подошел Подосенов:

– Что там?

– Искры от зажигалки вроде.

Все трое молча всматриваемся в ночную темень. Вроде тихо. Нет, спутать я не мог. Искры я видел совершенно четко и вначале принял их за искру выстрела. Сейчас снова тихо. Неужто и вправду померещилось?

– Давай вперед немного.

Пригнувшись, я шагнул вперед. Курочкин молодец – его шагов совсем не слышно. У меня длинные полы шинели чуть слышно шуршат по траве, нога, видно, зацепилась за сухой стебелек...

Вдруг выстрел!.. Выстрел совсем рядом, в двух шагах от меня, сбоку. Я еще не успел сообразить, в чем дело, а над головой шипящий звук ракеты. Мы с Курочкиным упали на дорогу, а через мгновение над балкой разлился убийственно яркий магниевый свет. Ракета вырвалась чуть ли не из-под самых моих ног, и в том месте я заметил легкий дымок. Здесь на дороге была установлена специальная осветительная мина-ракета, и я задел ногой за натянутую проволочку. Еще через мгновение справа и слева с высот взлетали ракеты, белый и красный яркий огонь расцветил небо, погасил звезды. Секунда-другая – и ночь словно разорвало оглушительными и длинными пулеметными очередями. Над самой головой сверкнули трассы, засвистели, запели пули. Пулеметный огонь был злым и плотным, немцы словно видели нас и стреляли справа, слева, стреляли в лоб. Я свалился в дорожную колею, втиснулся в нее и кожей чувствовал, что еще совсем немного, всего

несколько сантиметров, и пули достанут меня. Курочкин сзади, он потянул меня за ногу и почти крикнул:

– Назад! Отползай назад!

Я начал пятиться, но это оказалось непростым делом – мешались полы шинели, они попадали под локти рук и ползти становилось невозможно, а приподняться нельзя – непременно срежут пули. Курочкину проще – на нем короткая куртка. Как-то я исхитрился перевернуться в спасительной колее, прополз несколько метров. А где Курочкин?

– Курочкин!

– Здесь я.

Когда и как он ухитрился очутиться в соседней колее? Где-то за правыми высьями хлопнуло несколько минометных выстрелов, и в разодранном огненными трассами небе возник давящий на душу визг падающих мин. Взрыв! Желтая вспышка сверкнула неподалеку. Взрыв и еще взрыв! Рядом крик от чудовищной, обжигающей боли...

Наша группа торопливо отходила назад, пытаясь выскользнуть из-под пулеметного ливня, уйти от мин. А взрывы сверкали прямо на дороге, в том месте, откуда мы только что убрались, над нами свирепо стонали осколки. Пулеметные очереди, взрывы мин отражались склонами высот и от этого казалось, что нас окунули с головой в этот адский грохот. Мы отползали назад, а один из пулеметов вел огонь почти нам в лоб и этим он был очень опасен.

– От баков, гад, лупит, – сквозь зубы говорил кто-то из ребят.

В этой адской свалке нашелся Дубинин – он, рискуя быть срезанным пулеметной очередью или осколком, привстал и швырнул в сторону от дороги гранату. Взрыв гранаты был тут же замечен противником, и они обрушили весь пулеметный огонь на место замеченного взрыва. Мы продолжали ползти по колее, а немцы молотили это место минами и снова прочесывали пулеметами. Я потерял счет времени. В конце концов, противник, видимо, посчитал, что нам каким-то образом удалось уйти, либо все мы давно перебиты на этой проклятой дороге. Минометный обстрел постепенно прекратился, затихли пулеметы, только продолжали взлетать ракеты. Сколько времени это продолжалось? На этот вопрос, пожалуй, никто бы не ответил из наших ребят.

– Раненых нужно вытащить, раненых!

– Во врезали, аж переночевать негде!

– Дали прикурить, гады, – слышались сдержанные голоса.

Мы были еще на нейтралке, но казалось, что все опасности уже позади – обманчивое чувство.

– Все. Теперь их нахрапом не возьмешь, они теперь до утра нас караулить будут. Раненых нужно вытащить. Проверьте, чтобы никто не остался, – тихо говорил Подосенов.

Мы поднялись с земли и пошли назад в полный рост к своей траншее.

– Откуда та первая ракета взялась? – спросил Мишка Беляков.

– Не знаю. Похоже, ее, как мину, фрицы поставили, я и задел за проволочку.

– Ползти надо было.

– Опося мы всегда становимся умными. Раненых много?

– Вроде трое. А связиста – того сразу насмерть, того, который катушку мотал.

Наша попытка неожиданно зайти в тыл противнику закончилась неудачей, теперь это понимал каждый и каждый знал, какой разнос нам устроит Ласточкин. Мы

потеряли четверых. Ожидая разноса и тяжелых упреков, мы были бы не против переждать время здесь, на нейтралке, – но раненые! Двое были ранены тяжело, а перевязать их здесь не могли. Нужно было торопиться, и мы спешили.

Ласточкин, Попов и еще несколько разведчиков, остававшихся на передовой, слышали сильную стрельбу и сразу поняли, что немцы измолачивают в узкой балочке нашу разведгруппу. Они также знали, что как только начнет светать, появится Натынов и тогда уж держись! Одного крика не оберешься.

Возвращающуюся разведгруппу с нашей передовой обнаружили по тихим сдержанным голосам и по белым пятнам бинтов в темноте.

«Вот они, идут голубчики! Теперь им наплевать на все! А с Натыновым так мне расхлебываться, голову снимать так с Ласточкина!» Жгучая обида, чувство досады кипели в душе командира роты. Конечно, он не очень пугался крикливого начальника разведки, но он и сам понимал, что задание вновь не выполнено, поэтому все упреки, как ни кинь, окажутся справедливыми, и ему останется только твердить: «Так точно, виноват, не предусмотрели, но уж вот в следующий раз...» И еще неизвестно, как там аукнется в штабе, если эту проклятую разведку боем рекомендовал провести сам Прокопчук! Когда ребята затаскивали в траншею раненых, Ласточкин еще сдерживал кипевший гнев, дал возможность санинструктору осмотреть раненых, поправить повязки, утащить их куда-то в тыл и только потом подозвал Подосенова. Стрельба на передовой смолкла, только одни осветительные ракеты шипели над нейтралкой. Подосенов доложил о неудавшемся поиске, о раненых. Ласточкин выслушал, а потом протянул:

– Та-ак! Что же это вы, а? Куда вас черт понес, забодай вас комарь! Почему за нефтебаками сразу на высоту не свернули, а?

– Товарищ лейтенант, нефтебаки на фланге этой высоты, а нам ее обойти было велено с тыла, значит... – начал было Подосенов, но Ласточкин оборвал его:

– Отставить! – в его голосе прозвенели непривычные для разведчиков злые и раздражительные нотки. – «С фланга, с тыла». Вы что ж, со стороны Берлина что ли на высоту зайти хотели? Вы что думаете, в игрушки здесь играть?! Хватит, дураки поывелись! Медвинский! Сейчас ты группу поведешь. Твой заместитель – Подосенов. Знаешь, где нефтебаки? Вот пока еще темно – вперед! И без разговоров мне тут! Это было что-то новое в практике проведения поисков. Нам не давали время даже для того, чтобы опомниться. А потом мы наверняка знали, что сейчас немцы настороже.

– Перекурить бы малость, – слышался голос Селиванова.

Но Ласточкин на сей раз был непривычно зол и непримирим:

– Тоже мне субчики! Перекурить им захотелось, поспать малость, а уж потом они глядишь, и повоюют. Вот с такими засранцами до Казбека добежали! А ну вперед! Быстро!!!

– Это без нас разберутся, с какими засранцами мы до Казбека добежали. Зря в этом солдат упрекает. А вообще мне один хрен, пошли, Медвинский, – обиженно и тоже зло ответил Подосенов.

Ласточкин даже не нашелся сразу что ответить, а Ванька первым снова вылез на бруствер траншеи и пошел вниз. За ним пошли остальные.

Снова спускаемся вниз. Никто не верит, что на сей раз нам удастся нахальным рывком ворваться в немецкую траншею. Наверняка мы напоремся на боевое охранение противника и снова врежут нам для памяти, но, тем не менее, ребята пошли все. Спустились в балку быстро, но потом ребята вновь пошли осторожно,

ождая первых выстрелов. Темно. Слышен осторожный шум шагов по сухой траве. А небо справа уже чуть посветлело, стала более четко видна неровная, волнистая гряда гор. Что-то сейчас будет!..

Впереди в короткой куртке молча шагает Медвинский. Ванька Подосенов шагает в общей нестройной группе, он тоже молчит, но на расстоянии чувствуется, как все в нем сжалось от негодования. Головного дозора мы не выслали почему-то, и просто толпой шагаем к нефтебакам. В голове снова ни мыслей, ни чувств. В душе одно ожидание и отсчет страшных мгновений: секунда, вторая, шаг, еще шаг. Вот он, заброшенный проселок, – значит, мы в самой седловине, теперь бы побыстрее на сближение – и будь что будет!

Бах! Сверху взлетает осветительная ракета. Мы мгновенно залегли, но нас явно заметили. На высоте «Нефть» одна за другой захлопали выстрелами ракетницы и стало светло, как днем, а на этом голом скате мы, как вошь на ладони. Сверху короткой очередью ударил пулемет, пули брызнули землей перед нами и сразу же настороженную предостереженную тишину разорвали пулеметы, они били длинными очередями, били, не смолкая. В оглушительном треске выстрелов, кажется, раскололось небо. Мы залегли и вжались в землю, хотя теперь на этом клочке она перестала быть нашей союзницей.

Не знаю, как другие, но я потерял счет времени, не замечал его, молча и обреченно ждал своей пули. Наверное, то же испытывали и другие, потому что никто не подал команды «вперед!», и подобный бросок, когда до противника было не менее ста метров, стал бы погибелью всей нашей группы. А среди нас кто-то уже коротко охнул и кто-то застонал. Разведчики начали отползать, и словно обжог горячий шепот: «Назад, скорее назад!». Я полз назад, а проклятые полы шинели снова попадались под локти и я беспомощно дергался на месте. «Надо было их за пояс заткнуть, как не догадался!» – корил я себя. А кто-то в этот момент закричал:

– Раненых, раненых возьмите, мать бы вашу!

И кто-то первым приподнялся под пулеметным огнем и побежал вниз, и за ним побежали остальные, волоча беспомощных раненых. Подниматься к своей траншее тоже непросто: подъем крут и склон горы голый, как колено, ни единого кустика или спасительного камня. Вокруг злой визг пуль, сверкают красные и зеленые трассы, сзади захлебываются пулеметы, а серое предрассветное небо исчертили искристые дуги взлетающих ракет.

Вторая наша попытка ворваться в немецкую траншею на высоте «Нефть» также была неудачной – отбил противник нашу попытку. Едва мы успели укрыться от пулеметного огня в нашей траншее, а кое-кто из ребят замаскировался за траншеей в зарослях репейника, а тут и взялись за нас немецкие минометы. Где-то за высотами слышались хлопки минометных выстрелов, потом резкий, нарастающий визг мин и раскатистый разрыв со стоном и гудением осколков. Мины рвались часто, в сумеречной предрассветной мгле сверкали мгновенные вспышки, в серо-голубом небе крутились, падая, комья земли, и от тяжких ударов вздрагивали древние рыжие горы.

В траншею не прыгнул, а сполз Медвинский, правая рука у него в крови, он придерживал ее выше локтя.

– Понимаешь, зацепил малость, гад, все-таки зацепил, – говорил Медвинский каким-то извиняющимся, не свойственным ему тоном, как будто это он был непросительно виноват в том, что пуля пробила ему руку.

– Толя, ранен? Кость целая? Давай перевяжу. Голову, голову пригни!

Мы с Митькой Козловским осторожно стащили с Медвинского куртку, распорол финкой пропитанный кровью рукав гимнастерки. Ниже плеча у него небольшая черная дырочка и с другой стороны тоже – из обеих текут горячие струйки крови. Медвинского перевязали, и Козловский многозначительно заключил:

– Ничего, мужик, терпи. Это не ранение, а одно удовольствие, кость, похоже, не задета. Прокантуешься пару неделек и порядок.

А мне было мучительно жаль: неужто Медвинский уйдет из роты, неужто потеряю я доброго товарища.

А немцы минометный огонь усилили. Разрывы мин грохотали по всей нашей передовой, и среди бойцов стрелковой роты тоже появились первые раненые. Несколько мин рвануло в лопухах за траншеей, над ними пополз грязно-серый дым, в воздухе крутились черные клочья листьев. И не было возможности поднять голову. Этот день складывался чудовищно неудачно для нас: мы не смогли ворваться в траншею к противнику, почти не расходовали своего боезапаса, а уже понесли потери и нас еще продолжали бить.

Когда минометный обстрел немного утих, из побитых, покалеченных зарослей лопухов поднялись двое в шинелях, они вели, вернее, тащили третьего под руки. Этот раненый не шел, а всего лишь шевелил беспомощно заплетающимися ногами. Раненый был в куртке и шароварах маскхалата. Куртка сплошь залита кровью. Матерь божия!.. Голова раненого чуть запрокинута, лицо в крови, оскалены розовые от крови зубы, а глаз у человека нет – вместо глаз одни белки, а зрачки закатились под верхнее веко.

Вид раненого был просто страшен, осколок вклеил ему в череп, и на голове кровавая масса перепутанных волос. Двое бойцов торопились вынести раненого вниз в балку из зоны проклятого обстрела. В этот момент кто-то крикнул:

– Ребята, Арабова!.. Это Арабова садануло!!!

Неужто Арабов!? Страшно было смотреть на эти глаза без зрачков, на розовые от крови зубы. Осколок в голову – страшное, почти всегда смертельное ранение! Каждый из нас знал, что через несколько секунд или минут и нас могла ожидать подобная участь...

В траншее откуда-то появились Ласточкин и Попов.

– Ну что, доигрались?! Чем теперь оправдываться будем? – Ласточкин был сердит и свои упреки в первую очередь адресовал Медвинскому и Подосенову. Подосенов сопел и молчал, а горячий Медвинский, которому теперь все равно в госпиталь, ответил зло, резко, таким я его и представить не мог:

– Тем и оправдаемся, что хреновые мы разведчики, и такие же у нас командиры!..

– Но-но, не забывайся! – одернул Медвинского Ласточкин.

– А меня не в голову ранило, я и не забываюсь. Пока от нас начальство было подальше, тогда и «языки» были!

– Отставить разговоры! Под трибунал захотел?! Вались отсюда и чтобы духу твоего не было. Хватит!

Ласточкин тоже был зол и резок. Медвинский досадливо сморщился, вылез из неглубокой траншеи и, не прячась, не пригибаясь, пошел по склону вниз, в балку, продолжая придерживать раненую руку здоровой. Его никто не провожал.

Наконец обстрел прекратился, немецкие минометчики замолчали. Совсем рас-

свело, и вот-вот из-за невысоких горбов сопки должно было выглянуть солнце. В балке, где росла кукуруза, незаметно таял легкий голубоватый туман.

Мне казалось, что больше нам здесь делать нечего. Силой нашей уже потрепанной разведгруппы ворваться на высоту «Нефть», под которой раздолбали наш батальон и роту автоматчиков, было просто немыслимо. Пока еще не поздно, можно было убираться отсюда, пока не рассеялся легкий туман в балке, но Ласточкин чего-то тянул и не давал команды на отход. Удивлялись мы этому недолго. Минут через пятнадцать, как из-под земли, в траншее появился сам капитан Натынов. Он был зол, его глаза метали молнии, накал его злобы, кажется, был на самом крайнем пределе. После разговора с начальником штаба бригады он, конечно, не мог появиться там с докладом об очередной неудаче. А его подчиненные словно сговорились и снова провалили тщательно подготовленную операцию.

Натынов теперь, кажется, понял, что с таким составом роты его будут вечно преследовать неудачи. Нет, достаточно он терпел!

– Ласточкин, Подосенов, ко мне! Всем остальным сидеть на месте в траншее.

Мы сгрудились в траншее и, благо наши траншеи были довольно широкими, решили перекурить. Мы гадали, что еще придумает наше начальство? А начальство не заставило себя долго ждать и появилось минут через десять.

– А ну, все сюда!

Натынов сидел у стенки траншеи, рядом с ним были Ласточкин и Попов. До многих ребят не доносились слова Натынова, а я, как назло, снова оказался рядом.

– Та-ак, значит, люди воют, а они в бирюльки играют. Значит, вы думаете, что и в этот раз вам все пройдет? Не вый-дет! Водку выжрали, а задание за вас дядя будет выполнять?! Я спрашиваю, кто посмел? Какая сволочь первой назад повернула? Молчите?! Так я вам вот что скажу: вот сейчас вы пойдете в атаку, пойдете вперед! Чтоб через пятнадцать минут вы были на этой высоте! Это приказ командования и чтоб мне без дураков!

– Так светло уже... – проронил кто-то из разведчиков.

– Что «светло»?! – взвизгнул Натынов. – Привыкли ночью на печке баб щупать! Видите ли немцы в них стреляют, поэтому они воевать не могут! Трусы вы, а не разведчики! Но я вас заставлю, я вам покажу, как воют! Я спрашиваю, водку зачем вам давали? Выпили водку? Не испугались? А ну, вперед! Мать бы вашу! Подосенов – ты за все в ответе! Вперед! Я вам приказываю!!!

Во время этого приступа злобы он выхватил из кобуры револьвер и все время крутил его перед теми, кто был рядом.

– А ты перестань, капитан, своей пушкой крутить! – взорвался Подосенов. – В группе всего двенадцать человек осталось, сейчас уже светло и это на три хороших очереди одного немецкого автоматчика...

– А ты как думал? Загорать, придуриваться сюда пришел? Ты команду «вперед» понял или не дошло?!

Ванька секунды две помолчал, видимо, ожидая, что скажет Ласточкин или наш политрук, но те молчали. Тогда Подосенов подчеркнуто неторопливо встал в траншее во весь свой немаленький рост, повесил на грудь автомат, потом коротко и не очень по-командирски сказал:

– Ну что ж, братва, пошли.

Он первым вылез на бруствер траншеи.

Двенадцать человек разведчиков молча вылезли из траншей вслед за старшиной первой статьи Подосеновым, за своим командиром, сразу же развернулись

редкой и короткой цепочкой и в третий раз пошли вниз по склону к седловине. Теперь разведчики шли не в обход, не с фланга, а прямо в лоб на грозно молчавшую высоту. В седловине была еще тень и серебряная роса на траве, а вершину высоты «Нефть» уже тронули первые лучи восходящего солнца. Мы шли на врага в открытую, среди белого дня, нас было всего двенадцать, и каждый понимал, что это все означало.

Под ногами низкорослая седая полынь, еще какая-то высохшая серая и рыжая трава, мелкие, словно лишай на земле, воронки от мин.

Вперед! Может быть это и есть «наш последний парад»... Снова больше ни мыслей, ни воспоминаний... Под ногами по-мышинному шуршит сухая трава, уплывает назад серая земля... Сейчас начнется! На голом склоне нас отлично видно с высоты «Нефть». Вот уже седловина и старая, заросшая травой проселочная дорога.

Мы перешли ее, и сразу же начался подъем на проклятую высоту, на ту самую, о которую разбилось столько атак нашего стрелкового батальона, усиленного ротой моряков, на ту, на которую в эту ночь мы уже дважды пытались прорваться и дважды были отброшены. Мы шли молча, сжав зубы, как, наверное, ходили на Руси на последний и смертный бой, шли, выставив вперед обрубленные стволы взведенных автоматов, пальцы на спусковых крючках, а под ногами плывет и плывет серо-рыжая земля, уплывает, как сама жизнь...

А немцы не стреляют. Наверное, сволочи, ждут, подпускают ближе, чтобы бить в упор, наверняка... Двенадцать человек – это для пулеметчика одна хорошая очередь... Только бы не в живот и не в голову... Посредине цепочки идет Подосенов – лицо бледное, губы сжаты и в одну точку смотрят злые серые глаза. Справа от меня Дубинин, очень худой, жилистый мужик, еще правее Беляков, Костя Кудряш, Селиванов, другие ребята. Идут и дыхания не слышно, и сердца не бьются, а шагают уверенно, быстро. Шапка высоты освещена солнцем, уже виден бруствер траншеи противника... Молчат! Затаились, гады! Ни с нашей стороны, ни со стороны противника ни единого выстрела... Шаг, еще шаг, еще... До бруствера вражеской траншеи осталось не более семидесяти метров, уже видны на нем отдельные комья земли, у нефтевышки видна каждая деталь ее конструкции, под вышкой сложен штабелем красный кирпич, правее внизу видны серебристо-белые нефтебаки... Осталось не более пятидесяти метров! Самое время открыть по нам огонь! И что-то кричало в душе: «Ну! Ну же, стреляйте, гады!»... Если вот сейчас брызнет пулеметная очередь, то, может быть, из всех двенадцати, если повезет, уцелеют человека два, успеют откатиться вниз, но через пять, через три секунды и этого шанса ни у кого не останется...

Шаг, еще шаг, еще... Теперь я слышу тяжелые удары своего сердца... Чего ж они ждут? Чего им еще надо? Двенадцать человек цепочкой и несколько изготовившихся пулеметов в траншее, да еще не менее полутора десятков «Шмайсеров»... Все! Шансов больше нет!.. Шаг, еще шаг, еще... Подъем стал отлогим, мы почти что на высоте! Вот она, траншея! До нее не больше двадцати пяти метров, а она молчит почему-то!? Теперь, не сговариваясь, молча, не раздумывая, как можно быстрее – вперед! Теперь уже только вперед, и только в этом последний шанс и последняя надежда – вперед!

Несколько больших прыжков вперед, еще! Вот она, траншея!!! Дальше все свершилось настолько быстро, настолько неожиданно, неуправляемо... Больше не было времени, чтобы гадать, почему не стреляли немцы. Последний прыжок впе-

ред. На бруствере черный ствол пулемета, в него заправлена лента с патронами... Нога уже на бруствере, впереди за ним глубокая, в полный профиль, и узкая немецкая траншея со стрелковыми ячейками. Немецкая плащ-палатка на дне траншеи, на ней алюминиевые котелки, фляжки и какие-то коробки...

– Ур-р-ра! Полундра-а! – неудержимый рев, рычание...

Подосенов прыгнул в траншею, я за ним. Оба кинулись по траншее влево, хлестко и вразнобой ударили первые короткие очереди автоматов. Ванька бежал по траншее и куда-то стрелял, я пока не видел еще цели. Вот первый убитый немец, я перепрыгнул через него. Слева, в стенке траншеи у самого дна, какая-то черная дыра – «лисья нора», как впоследствии окрестили эти сооружения солдаты. Ванька пробежал мимо, а из черного провала «лисьей норы» внезапно появился ствол «шмайсера» и немецкая каска. Немец направил ствол своего автомата Ваньке в спину, но он не заметил меня, бегущего следом. Все свершилось в долю секунды – я не дал ему выстрелить. Не целясь, с каких-нибудь пяти метров я ударил короткой очередью по каске. На ней мгновенно, словно вспыхнули, несколько черных дыр и немец сполз в свою «лисью нору». А стрельба зазвенела вокруг густо, беспорядочно, со всех сторон. В самой траншее, за ней и под нефтевышкой появилось не менее десятка трупов немецких солдат. За первой траншеей в каких-нибудь тридцати метрах виднелась вторая – к ней по открытому месту побежало еще человек десять немецких солдат, но были буквально скошены огнем наших автоматов. Сложнее было с теми, кто уползал по еще не полностью готовому ходу сообщения слева – мы стреляли по мелькающим каскам и френчам, но не видели результатов огня.

– Вперед! Вперед! Полундра!!! – закричал Ванька, и несколько разведчиков, услышавших команду, выскочили из первой траншеи и побежали ко второй...

Напоровшись на плотный автоматный огонь, кто-то упал, раскинув руки, остальные вновь укрылись в захваченной у врага траншее. Из второй траншеи немцев целыми сериями полетели в светлое небо красные ракеты, и нам тоже было понятно, что это сигнал тревоги. У нас оказалось три немецких пулемета с запасом патронов, десятка полтора автоматов, и пулеметы тут же пошли в дело.

Минут через пять из второй немецкой траншеи выскочило человек около двадцати солдат, бешено стреляя из автоматов, они бросились на нас. Но теперь преимущества были на нашей стороне. Вся наша траншея вдруг взорвалась огнем. Пулеметный и автоматный огонь буквально скосил бегущих. Я стрелял длинными очередями. Чуть в стороне, прижавшись к штабелю красного кирпича, стрелял Дубинин из своей СВТ. Все ругали эту винтовку за ее постоянные отказы в бою, но в руках Дубинина она превратилась в грозное и опасное оружие. Кто-то бросил вперед гранаты-лимонки, и резкие хлопки взрывов прокатились над сопкой. Между траншеями валялся на земле и что-то кричал немец с узенькими белыми погончиками на плечах – офицер, ей богу раненый офицер! К нему поползли было трое немецких солдат, но они были безжалостно срезаны пулеметным и автоматным огнем. Раненый офицер приподнимал голову, ему с трудом удалось перевернуться на бок и он стал пытаться ползти к своей траншее. Тогда двое разведчиков, под прикрытием огня трофейных пулеметов бросились за офицером, но один тут же упал, схватившись за живот, другой упал, быстро откатился в сторону и вернулся в свою траншею. Мы несли потери, а это плохо, очень плохо! Нас остается все меньше, а мы еще толком не знаем, сколько перед нами немцев и не видим путей подхода из тыла, ко второй их траншее. И к нам что-то запаздывает подкрепление, явно запаздывает!

Раненый офицер, видимо, собрался с силами и медленно пополз ближе к своей траншее, но тут ударил трофейный пулемет. Немца достала пуля, он дернулся и свалился на спину – готов! Откуда-то справа по нам ударил немецкий пулемет, пули взвизгивали, глухо шлепали в землю, подымали пыль с сухой земли. Мы тоже не смогли вытащить своего раненого в живот разведчика – он зашевелился и в него впились пули целой автоматной очереди. С этим тоже все! Накал стрельбы все нарастал, видимо, к немцам подоспело подкрепление и теперь нам было не до развития успеха, нам едва хватало сил, чтобы отбиваться от противника. Дубинин продолжал стрелять из своей СВТ, а по нему тоже вели сильный огонь – от штабеля красного кирпича во все стороны летели крошки и пыль, похожая на красный дым.

– Ребята! Гранатами их и вперед! – снова кричал Подосенов.

Ребята тоже понимали, что пока мы не захватим той траншеи, нам покоя не будет, потому что пока та траншея в руках врага – нет у нас здесь особых преимуществ.

В сторону немцев, как черные мячики, полетели гранаты. Одновременно с трескучей волной их взрывов, снова бросились вперед разведчики.

Здесь всего не более тридцати метров, если бежать, то не более тридцати пяти больших шагов. Но над всеми этими метрами плясала смерть. Во фланг бегущим ударил злой пулеметный огонь и автоматный треск навстречу. Сплошные выстрелы, от них сплошной звон в ушах. Еще кто-то падает, кто-то залег, секундная задержка – и уже стало ясно, что наша атака снова захлебнулась. Я тоже упал на рыжую траву, на исклеванную пулями землю, пропахшую порохом. Тут же ударил длинной очередью по траншее врага, над бруствером которой словно грибы торчали глубокие и будто квадратные каски солдат. Пули цвिकнули где-то рядом, пыль и комочки земли полетели в лицо. Скорее назад в траншею! И вторая наша атака была отбита. Однако нам удалось притащить раненого немецкого офицера. Он был ранен несколькими пулями и видно, что жизнь покидала его избитое пулями тело. А мы потеряли еще двоих – один парень наповал, другой тяжело ранен в грудь и шею. Укрылись в траншее, а от сумасшедшего огня головы не поднять. Кто-то перевязывал раненых, некоторые ребята уже сменили в автоматах опустевшие диски. Раненый офицер был без сознания, стонал. Ребята нашли при нем карту с обстановкой, бинокль, пистолет, какие-то документы и пачку писем. Надо было бы отправить все это на нашу передовую в стрелковую роту, но как?

– Дубинин! Дубинин! – раздался крик в траншее.

А разведчик Дубинин валялся возле штабеля кирпича и возле него его знаменитая СВТ. Не ожидая команды, за ним пополз Мишка Беляков.

Положение наше становилось с каждой секундой все более неустойчивым и опасным. Из двенадцати нас оставалось всего семь человек, и некому было вытащить раненых. У Сорокина на лице кровь, но он стреляет и уже некому его перевязать, некогда! Кипит бой, не смолкает автоматный и пулеметный треск, а немцы, похоже, готовят новую контратаку. Уже и в запасном диске кончаются патроны, а дозаряжать некогда. Слева какой-то ход сообщения и еще что-то нарыто, оттуда становится все сильнее огонь. Справа от меня захваченная нами траншея проходила под самой нефтевышкой и по склону сопки опускалась к нефтебакам. Что там было дальше, я не видел. От этой траншеи слева отходило какое-то ответвление в сторону склона, обращенного к седловине, туда мы перетаскивали раненых.

Семь человек, полуоглохших от несмолкающей стрельбы и взрывов гранат, готовились к отражению вражеской контратаки. На каждого из разведчиков прихо-

дилось теперь не менее 12-15 метров захваченной траншеи и ни единого сантиметра ее мы теперь не могли уступить врагу, в противном случае нам всем грозила бы гибель. А немцы были от нас не далее тридцати метров, и они теперь караулили каждое наше неосторожное движение, каждую самую малую ошибку в организации обороны. Достаточно было на мгновение над краем траншеи мелькнуть пилотке, как в ту же секунду злобно взвизгивала серия пуль, разбрызгивала песок и комочки земли в том месте, где было замечено движение. Откуда-то слева немцы вели огонь почти что нам во фланг, и если так дело пойдет и дальше, то слева немцы ворвутся в нашу траншею, они даже обойдут ее и тогда нам хана, тогда и обратно не убежать, и раненых не вытащить.

– Федька!

Сквозь сплошной треск выстрелов и нестерпимо болезненный звон в ушах я вначале не понял, что кто-то кричит мне.

– Федька, мать бы твою!

Ясно, это Ванька Подосенов. Он правее меня, а вместе мы с ним левее нефтешки, там, где раздваивается траншея.

– Ты чего?

– Слушай, прикрой левый фланг.

– Что?

– Левый фланг, говорю, прикрой, хрен глухой, не то обойдут нас немцы, в спину нам врежут. Понял?

– Понял.

Метров через пятнадцать траншея кончалась, а дальше тоже что-то накопано. Мне казалось, что именно там я должен занять оборону и обезопасить наш левый фланг. Сейчас ребята активным огнем отвлекут внимание немцев, возьмут огонь на себя и этим дадут мне возможность быстро выскользнуть из траншеи. Стрельба усилилась, и рывком я вывалился из спасительной траншеи, пополз по-пластунски влево. Ах, как мешается эта чертова шинель. Я старался как можно больше вжиматься в землю. Вдруг звонкая автоматная очередь и фонтанчики земли чуть впереди меня, крошки летят в лицо.

Заметили! Теперь они меня достанут, а я еще не вижу, откуда в меня стреляют. Быстро откатился немного вниз по склону, всего метра на два, а тут снова очередь – пули взвизгнули, застонали от рикошета. Ни черта! Видимо, я оказался в мертвом пространстве, их пули не достают меня, а приподняться, высунуться из своей траншеи, наверное, немцы сами боятся – попадут под мои пули или сбоку в них Ванька Подосенов врежет... Так, теперь еще немного в сторону и вперед. Свою траншею тоже нельзя терять из виду – мало ли что!

Я прополз вперед совсем немного и осторожно, не отрывая подбородка от земли, посмотрел вперед. Вон они! Впереди бруствер и еще что-то накопано, похоже, землянка или блиндаж. Над бруствером видны три квадратные каски, торчат стволы автоматов. Они совсем недалеко от меня, здесь всего метров 20-25 до этих касок. Автомат я поставил диском на землю и дал короткую очередь. Посмотрел вперед – каски исчезли, укрылись за бруствером. Теперь моя очередь охотиться за противником. Я лежал просто на земле, у меня не было ни окопа, ни камня – одна сухая трава. А немцы в траншее, да еще бруствер... Что делать? Держу край того бруствера на мушке автомата. Через минуту показывается верх квадратной каски... Так, еще чуть-чуть. Виден уже край козырька каски, и я нажимаю на спусковой крючок. Очередь! Каска исчезла. А в душе жгуче-злорадное чувство: «Попал, нет?

Посмотрим. Я вас, гадов, из норы не выпущу!» Выходит, что немцы тоже умеют нас бояться! Сидят, сволочи! Ладно, мне терпения тоже не занимать... Снова показался край каски и мгновенно скрылся за кромкой бруствера. Сейчас появится! Действительно, через несколько секунд вначале появились стволы автоматов и немцы дали несколько неприцельных, слепых очередей, явно пугая меня. Я не стрелял и головы двоих осмелевших фрицев одновременно показались над бруствером. Одного я даже в лицо запомнил и, кажется, сейчас бы узнал: красномордый, с белесыми бровями, губы сжаты в ниточку, а нос красный, обожженный солнцем...

Очередь! Я закатил длинную очередь и, кажется, видел, как сосед этого красномордого вскинул от удара пули голову, и с бруствера земля полетела. «А я им вмазал! Ей богу, вмазал!» Все это хорошо, но меня беспокоило, что я на совершенно открытом месте, совершенно без укрытия, этак я долго не продержусь, но инициатива пока в моих руках. Возможно, мне и Подосенов огнем помогает, но за сплошным треском не разобрать, не расслышать его выстрелов. Для пушей острастки я пустил еще короткую очередь по краю их бруствера, чтоб им земля на каски посыпалась.

Но патроны! Сколько у меня осталось в диске патронов? В карманах патроны есть, нужно бы зарядить пустой диск. Откуда-то очередь, но пули срикошетили о землю, не достали меня, а над бруствером появилось сразу три каски. Три! Неужто я все время мазал? И тот красномордый с края! Хрен с ними – здесь уж кто кого!... Очередь, длинная хлесткая очередь, каски исчезли... А мой автомат замолк. Задержка что ли? Быстро взвел затвор, посмотрел в окно, из которого вылетают стреляные гильзы, а в диске больше ни одного патрона. Оба диска расстрелял. Когда успел только?... Нужно заряжать, заряжать бегом, иначе мне конец! Я отполз на пару шагов назад, выбил диск из автомата, открыл крышку, повернул щелкающий черный барабан с пружиной, из кармана вытащил пригоршню медных патронов и стал устанавливать патроны в улитке диска. Я торопился и вместе с тем боялся, что какой-нибудь патрон упадет. Здесь в горячке боя с ним некогда колупаться, но нужно скорее, скорее! Я то и дело посматривал вперед – мне еще нужно было наблюдать за противником. Есть! Патронов пятнадцать я поставил, теперь можно было вставить диск в автомат и набивать другой уже до полной его вместимости. Нельзя же долго и безнаказанно лежать днем безоружным в тридцати метрах от немцев. Я едва успел закрыть крышку диска, в какое-то мгновение посмотрел вперед и вдруг увидел немца. Он был не в траншее, он вылез из нее, метрах в двадцати от меня, а я еще не мог стрелять – не успел поставить диск в автомат! Немец что-то сделал, его рука еще была в замахе, но он уже метнулся обратно в свою траншею... Об этом долго писать, на деле все свершалось в доли секунды... Что он сделал? Вот она! В воздухе крутилась и летела прямо ко мне граната с деревянной ручкой... Ближе! Ближе! Шипящая граната перелетела меня метра на два. Она упала на землю, подпрыгнула, зашипела с еще большим остервенением, ее деревянная ручка продолжала крутиться вокруг тяжелого тела железной гранаты... Все! Сейчас все!.. Я влип в землю и закрыл голову руками. Взрыв! Оглушающе-звонящий взрыв. Горячий тугой удар взрывной волной, кажется, меня оторвало от земли... И в какие-то мгновения немая тишина! Но я вижу! Неужто жив? Случится же такое! Скорее вставить диск в автомат, а руки стали ватные, и все происходит, как в замедленном кино. Все-таки диск в автомате и затвор взведен... Над тем вражеским бруствером каски и лица, они рядом, а один из них встал коленом на бруствер! Наверное, он хочет броситься на меня. Очередь! Я почти не слышу выстрелов соб-

ственного автомата, но он дрожит в моих руках, он стреляет! Мне просто повезло, по-дурацки повезло! Две каски исчезли, а третий, крайний слева, что вылезал на бруствер, свалился на бок, а потом сполз в траншею, видно, его втащили туда. А патроны в неполном диске, наверное, снова на исходе и у меня нет возможности дозарядить диск. Опасно, смертельно опасно находиться на этом открытом месте. Немцы придумают что-нибудь, они достанут меня гранатами или пулей. Впереди, всего метрах в шести и самую малость левее, похоже, окоп. Я его и раньше видел, но почему-то мне не пришла в голову сразу эта спасительная мысль: пусть это чуть ближе к немцам, но зато окоп! Там никого нет, если бы там был немец, то он давно бы пристрелил меня. Я осторожно пополз к окопу, остерегаясь, что меня срежут очередь на этом коротком расстоянии. Успел! В окоп я буквально свалился. Это было довольно просторное сооружение, человека два, а то и три могли в нем уместиться. Очевидно, это был окоп, отрытый еще нашими солдатами – бруствер был обращен в сторону немцев. Удача необыкновенная! Окоп был довольно глубокий, в его стенке даже ниша для гранат была устроена. Справа от окопа, метрах в десяти, начинался мелкий и узкий ход сообщения. Изломанной линией он уходил в сторону противника. Видно, немцы только недавно приступили к его оборудованию, а вообще, нужно за этим ходом сообщения все время посматривать. Окоп метров на пять приближал меня к противнику, но все-таки это было укрытие. Отсюда хорошо видно нашу траншею, где вели бой наши ребята, она была не дальше 20-25 метров от меня, сейчас там сплошной автоматный треск. Слух у меня начал восстанавливаться. Я знал, что немцы меня держат сейчас под прицелом, вернее, то место, откуда я вел огонь. Они меня караулят, гранату подбросили, и только Господь Бог спас меня от осколков. Ведь в каких-нибудь трех метрах рванула, еще в ушах звон не прошел, в голове все гудит, временами в глазах темнеет, но это сейчас пройдет, такое со мной уже бывало. Я сидел в окопе и торопливо набивал диск патронами – дело это хлопотное и требует времени, но мне удалось это сделать. Полный диск я снова поставил в автомат, а неполный вытащил – дозаряжу в удобное время. Теперь необходимо показать противнику свою жизнедеятельность, а то ненароком они подумают, что я ранен или убит. А может быть, немцы не знают, что я перелез в этот окоп? Бруствер у моего окопа высокий, я попытался выглянуть с края бруствера, но тут же раздалась оглушительная очередь! Промазал? Или стрелял просто неприцельно? Не дожидаясь второй очереди, я с другого края бруствера закатил длинную очередь по черным каскам, эти каски мгновенно скрылись за своим бруствером. Видно, промазал, поспешил, да как здесь не спешить, когда на этой проклятой высоте «Нефть» полметра между противником и нами – уже расстояние! Немцы спрятались. Теперь я хозяин положения, я держал гребень немецкого бруствера на мушке своего автомата. Через короткий промежуток времени появился край одной каски, и я тут же пустил короткую очередь. Каска скрылась и я, похоже, влепил пули в бруствер. У нас развернулась настоящая дуэль, только на неравных условиях: они знали, что я один, а мне было известно, что их трое. Теперь кто кого перехитрит, вернее, кому больше повезет. Но почему их все время трое, откуда они берутся?! Надо бы дозарядить и второй диск, но это означало, что я дам возможность фрицам снова взять меня на мушку, а это рискованно! Что делать? Если сейчас развернется огневой бой, то я снова через пять минут окажусь без патронов. Поколебавшись, я решил дозарядить диск, пока немцы ведут себя относительно спокойно. Запас патронов быстро уменьшался, а впереди не видно еще конца этого боя, и что-то не очень торопилось

наше командование оказать нам обещанную помощь. Мы вцепились в немецкую траншею на высоте, но не могли больше повторить атаки, для этого у нас было очень мало сил. Если мы потеряем двоих или троих ребят, то на высоте нам больше не удержаться, нас всего оставалось семь человек и на нашей совести еще лежали в траншее раненые, которых некому было вытащить из этой свалки. У меня снова два полных диска, в нишу я положил три гранаты – две лимонки и одну противотанковую, но в карманах осталось не более полутора десятков патронов.

Теперь нужно беречь боеприпасы, теперь каждый патрон на вес золота, да нет, пожалуй, больше – на вес жизни.

Но что делать? Из-за бруствера не выглянуть – фрицы непременно держат меня на прицеле. Три автомата это не шутки! Я решил воспользоваться не хитрым, но испытанным приемом. Взял лимонку, выдернул кольцо и, коротко размахнувшись, бросил ее в сторону противника. Конечно, полетела она не дальше, чем на 12-15 метров, но лимонка – оружие грозное, ее осколки летят далеко. Грохнул звонкий взрыв и в самый момент взрыва я выглянул из-за своего бруствера. Рискованно, это понятно – осколком своей же гранаты могло вцепиться, но бог миловал – я выглянул первым и взял на мушку край бруствера противника. Секунда и, словно ваньки-встаньки, выскочили три головы в касках, и тут же они напоролись на очередь из автомата. Я видел совершенно точно, что один немец ткнулся лицом в бруствер, и был еще виден край его каски, а я и в этот край ударил короткой очередью. Будут, гады, знать! Спрятались, затаились...

Прошло несколько минут, но немцы не показывались. Эх, если бы было нас здесь хотя б пятеро, можно было бы захватить их траншею. Там у них, похоже, еще блиндаж. Еще правее траншея большая и оттуда тянулся неоконченный ход сообщения, не успели его докопать и отсюда, из моего окопа, он хорошо виден, на отдельных его изломах даже дно этого хода видно.

Какое-то тревожное предчувствие не обмануло меня: сначала будто бы показалось, что-то мелькнуло в этом ходе сообщения. На секунду я оставил без внимания бруствер противника, и немцы словно почувствовали это – в то же мгновение протарахтела очередь «шмайсера». Земля брызнула крошками мне в лицо и снова чудо – успел укрыться, уцелел! Я протер рукавом шинели глаза и вдруг заметил, что в ходе сообщения мелькнула каска. Вновь что-то придумали, окаянные! Приподнять головы нельзя, но наблюдать за ходом сообщения я могу, он мне виден, а со стороны траншеи врага меня загораживает мой бруствер. Это немцы не учли, это они лопухнули. В ходе сообщения я видел, как мелькали то каска, то зад ползущего немца. Зачем он ползет? Что он собирается сделать? Под прикрытием своего бруствера я взял на мушку ползущего. А он все ползет, он все ближе. Немец выполз на тот изгиб хода сообщения, который мне был виден весь до самого дна, вот он голубчик, как на ладони. Он в каске, во френче, перетянутом широким черным ремнем, на ногах сапоги с короткими и широкими голенищами, в руках у него граната на длинной деревянной ручке. Может быть, это и был тот самый немец, что однажды уже подбросил под меня гранату? Он в каких-нибудь пятнадцати метрах от меня. Он пока не поднимает головы, иначе непременно увидел бы, что на него наставлен автомат. Немец остановился и быстро левой рукой отвернул от ручки гранаты металлический колпачок. Автомат у меня взведен, немец на прицеле, я не мог промазать с такого расстояния. Только бы не отказал автомат – тогда мне конец. Те трое не побегут ко мне, по крайней мере до тех пор, пока не взорвется граната.

Стрелять? Стоп. Спокойно. Из торца деревянной ручки гранаты вывалилась белая пуговица на белом шелковом шнурке. Немец дернул пуговицу, хлопнул сработавший в гранате взрыватель. Он привстал, чтобы размахнуться и бросить гранату и в этот момент увидел наведенный на него ствол автомата. Короткая очередь, выстрелов шесть-семь, и, клянусь, что в это мгновение я видел, как пули ударили в зеленый френч немца и от этих ударов полетела от ткани пыль. Немец не успел размахнуться, он упал в тесном ходе сообщения на шипящую гранату и через две секунды взрыв! Из темного хода сообщения вместе с толовой гарью, пылью и землей взлетели в воздух тряпки и куски всего того, что еще две секунды назад было живым человеком. В следующую секунду длинные автоматные очереди ударили по моему окопу, полетела земля с бруствера, посыпался песок за ворот шинели. Немцы неистовствовали, сумасшедший автоматный огонь продолжался минуты полторы непрерывно и прекратился только тогда, когда ударил по этим немцам трофейный пулемет из нашей траншеи. «Давно бы так, а то сидят там и не смотрят». Я осторожно выглянул из-за бруствера – никого. Странно... Может, у паразитов магазины пустые? Но вот показался снова край каски, солнце на ней блестит. Не выдержал и ударил очередью, каска спряталась. Промазал! Ладно, это еще ничего, сейчас главное – не давать им возможности высунуться, и за ходом сообщения посматривать нужно. «Эх, Ванька, двоих бы сюда посадить!» – посетовал я на Подосенова, хотя знал, что там, в траншее, вместе с Ванькой осталось только шесть человек, если за это время еще кого-нибудь не ранило. А там жарко, там у Подосенова захлебываются от злой стрельбы пулеметы. Там, наверное, погорячее, чем у меня.

Немцы не показывались сравнительно много времени, и вдруг из-за немецкого бруствера в мою сторону полетела какая-то короткая палка, один конец ее дымился, на нем сверкало белое пламя и разлетались в стороны белые искры, как у бенгальских огней. Это что-то незнакомое. Я ждал взрыва, сжался невольно в своем окопе, но взрыва не последовало. Но пока я ожидал этого взрыва, еще несколько таких горящих палок упало перед моим окопом. Одна оказалась рядом, она чуть не влетела в мой окоп. Я схватил палку, на конце ее шипело белое пламя, исходящее седым дымом, брызгами разлетались в стороны горячие искры. Дым был удушливо кислым. Я воткнул горящий конец палки в землю и пламя погасло. Что-то непонятное и странное оказалось в моей руке. Круглая палка длиной сантиметров в тридцать и в диаметре сантиметра два с половиной. Сделана из какого-то материала темно-коричневого цвета и запах напоминал чем-то копченую колбасу. Я выбросил ее из окопа, а остальные горели. Белый едкий дым полз в мою сторону, вокруг загорелась высушенная солнцем трава. Дымом заволокло все вокруг, черные плешины выгоревшей травы приближались к моему окопу, и почерневшая земля дымилась. Едкий дым щипал глаза, в горле першило. Придумают же, паразиты! Но если они этим огнем пытаются выкурить меня, то дудки! Это слабое средство против нашего брата!

А рядом шипят на земле горячие палки, и языки пламени слизали траву вокруг моего окопа, вся земля стала черной и дымилась, словно изнутри горела. Справа, там, где основная группа ребят, сплошной пулеметный и автоматный треск. Седловину, что внизу и сзади нас, немцы измолачивают минометным огнем. Что-то там происходит серьезное и злое. В сердце шевельнулась тревога: драпанут еще ребята, меня не предупредив, вот тогда мне уж верный конец. Но раздумывать некогда. В поседевшем от дыма небе я заметил стремительно летящий прямо ко

мне черный мячик. Граната! Шипящая смерть упала перед бруствером и грохнул взрыв, а потом еще и еще. Немцы забрасывали меня гранатами – что-то сейчас будет! Это все не зазря! Выглянул из-за бруствера, а те трое вылезли из своей траншеи, а один уже побежал ко мне. Рубанул по ним очередью, да видно поторопился. Они бегут и стреляют в меня и тоже мажут. Проклятый дым еще мешается – глаза дерет. Они бегут и на стволах их автоматов мерцают искры выстрелов, прямо в уши стегают оглушительные хлопки. Теперь все! Теперь уже кто кого! Первый немец уже совсем рядом и я ударил по нему короткой очередью, а потом по остальным. Первый споткнулся и упал на дымящуюся землю. Те трое стреляли в меня, я в них, но у меня окоп, у меня бруствер перед окопом. Еще один взмахнул руками... Ага, сволочи, умылись?! Умылись, гады! Стоп! Похоже, впереди больше нет никого. Впереди, всего метрах в пятнадцати, лежит немец. Каска свалилась с его головы, и светлые волосы на обугленной земле. Второй немец немного ближе к своей траншее, он, видно, ранен, сильно ранен. Он еще шевелится и вроде пытается ползти обратно к своей траншее. Прямо на него опускается мушка в черной прорези автомата. Снова короткая очередь! Все! Бог мой, это я его. Раненого... Это я его добил! Теперь он убит. Нет, здесь не рыцарский поединок! Этот бой не во имя чести и славы, он для того, чтобы кому-то выжить! У меня вроде бы затихло, но успокаиваться нельзя, они сейчас придумают еще что-то, им, видимо, очень мешает мой окоп и они не оставят меня в покое... А я один! А если ранят? Тогда все, здесь пощады никто не просит и никто ее не дает. Меня просто добьют и выбросят из окопа, а ребятам ударят во фланг, их тоже побьют! По нам не вели минометного огня, мы сошлись с противником очень близко, минометчики боялись случайно накрыть своих, но зато сзади трескуче и непрестанно рвались мины, взрывы следовали один за другим, там, внизу, сплошной грохот взрывов, а в небе не смолкает истошный визг мин. В бой ввязалась артиллерия, и снаряды кромсали передний край обороны нашей стрелковой роты за балкой, снаряды с коротким страшным визгом пролетали над высотой «Нефть». Откуда-то из-за высот, что впереди, ишаком взревел шестиствольный миномет. Тяжелые мины застонали многоголосьем над нами и на склоне нашей горы рванули тяжелые взрывы, черный дым шапками рванул в пыльное небо.

Мне вдруг показалось, что держать одному оборону на нашем левом фланге – дело ненадежное и рискованное. Я откровенно боялся ранения – из-под этого сумасшедшего огня мне не дадут уйти, меня добьют точно так же, как я сам добил раненого немца.

– Ва-анька! Подосе-енов! – закричал я.

В ответ хлестко ударил «шмайсер». Я крикнул еще несколько раз и Подосенов откликнулся. Сквозь треск выстрелов, грохот взрывов я расслышал охрипший Ванькин голос:

– Ты что? Ранен?

Подосенова я почти не видел – мешал дым.

– Ванька, я пока цел, но жмут, гады. Давай подкрепление!

– Чего-о?

– Подкрепление, говорю, давай, мать бы твою!

– Держись! Чего-нибудь придумаем!

Подосенов уполз куда-то по траншее. Сколько же времени мы здесь уже просидели? Солнце высоко. Сейчас никак не меньше часов одиннадцати. Не видно конца этому бою. Поставил в автомат последний диск... Нужно беречь патроны. Труба мне без патронов.

* * *

Еще несколько часов назад, когда злой, как сатана, Подосенов среди бела дня шагнул за бруствер траншеи переднего края и за ним пошли остальные ребята его разведгруппы, в траншее вместе с бойцами стрелковой роты остались Натынов, Ласточкин, политрук Попов и резервная группа разведчиков Суменкова, готовая двинуться за нами следом. Все видели как двенадцать человек разведчиков, развернувшись редкой цепочкой, пошли вниз в седловину между двумя не очень высокими сопками. Все, от начальника разведки бригады и до каждого солдата стрелковой роты, с затаенным дыханием, напряженно смотрели в спины идущим по нейтралке и ожидали их неизбежной гибели. Вскходило солнце, в его первых лучах стала ярко-рыжей гряда холмов, и только в балках еще сохранялась мутно-голубая дымка ночи...

Может быть, Натынова еще не оставила кипящая злоба. Может быть, эту злобу он подогревал нарочито и почти неосознанно, чтобы заглушить иные чувства и мысли – не так просто смотреть, как идут посланные тобой люди на верную смерть... Нет, каковы, а?! Все же было продумано, увязано с батальоном, со связистами, все было согласовано со штабом бригады, мало того, он сам пришел на передовую и не просто на передовую, а в самую первую траншею! Сегодня разведчики не имели права на неуспех! А что натворили эти сукины дети?! Они пошли по правой балке, за ними даже связь потянули, но снова это надоевшее всем, набившее оскомину «обнаружили, обстреляли, отошли»! Что теперь он, начальник разведки бригады, лично организовавший поиск и наблюдавший за действиями подчиненных разведчиков, должен был докладывать начальнику штаба и в штаб корпуса? Снова объяснять причины неудачи? Нет, это могло кончиться для него фатальным исходом. Ладно бы уйти с должности с повышением, скажем, на должность командира батальона или его заместителя, а то ведь в резерв отправят да еще с такой аттестацией, что... А может быть, и не просто страх перед этой угрозой толкнул капитана отдать этот гибельный для подчиненных приказ. Может быть, его просто взвинтила, накалила до предела серия сплошных неудач.

Ну хотя бы кто-нибудь в штабе бригады или даже в роте прямо бы сказал о невозможности выполнить до тонкостей продуманную задачу, так нет же, все одобряли, все говорили «так точно», «слушаюсь», «будет выполнено», а на деле... На деле эти люди, которых он недавно еще сам называл разведчиками, подло подвели его – в который раз они возвращались, не выполнив боевого задания... Да, он действительно ставил этих долболобов на расстрел, он вначале попугать их просто хотел, но сгоряча конечно мог наделать такого, что и сам бы под трибунал мог угодить... Но зато вот сейчас он действительно проявил характер, на войне так и нужно! Шевельнувшийся было в душе страх за судьбу людей и запоздалое раскаяние он заглушил мыслями об обязательной для командира твердости, настойчивости и непреклонной требовательности к подчиненным, которые вдалбливались в него со времен училища. Сейчас он до боли сжимал зубы и смотрел неотрывно в бинокль, черное перекрестье которого неотступно следовало за спиной одного из идущих разведчиков.

Командир роты Ласточкин знал по опыту, что вот сейчас, возможно, через несколько секунд, ударят немецкие пулеметы и... И рота потеряет сразу двенадцать человек, не причинив при этом противнику ни малейшего урона. Ему было жаль

ребят, к которым он успел привыкнуть, но он ничего уже не мог поделывать. Он молчаливо согласился с приказом Натынова, хотя чувствовал, что ответственность за неоправданные потери и невыполнение задания снова ляжет только на его плечи. Хотя потери на войне это уж закон – без потерь война не бывает, война – она еще и не то списывала... Только вот все равно жаль потерять вот этак-то еще двенадцать человек, забодай их комарь! Ласточкину все-таки удалось убедить Натынова оставить на всякий случай резерв, не посылать на убой сразу всю роту. Ласточкин тоже смотрел в бинокль, и его перекрестье нервно дрожало на рыжем от солнца бруствере вражеской траншеи.

Замполит Попов видел, как шагали разведчики по нейтралке прямо днем на выжидательно молчавшую вражескую траншею, и метались у него в душе беспокойные мысли: «Пошли. Надо же, на смерть пошли! Конечно, твердость и требовательность командира на фронте – это незыблемый закон, но...» Что-то не нравилось Попову, сейчас ему мерещилось за твердостью командира опасное сумасбродство. Тревожило Попова то, что бойцы его роты пошли среди бела дня не в атаку, не в наступление, а тупо и покорно к своей гибели, шли на траншею, перед которой погиб полностью почти батальон. Тогда бойцы шли с поддержкой артиллерии, минометов, а сейчас шли молча и никто этого не видел... Да, были бои, были случаи, когда он сам поднимал бойцов в атаку, вел в рукопашный бой, но тогда было что-то другое... «Хватит, – про себя решил Попов, – сегодня же после боя пойду в политотдел и потом будь что будет... Все равно дальше фронта не пошлют» – решил в душе Попов.

Сашка Суменков был чуть в стороне от начальства, рядом с пулеметным расчетом, который изготовился к ведению огня по противнику. Он тоже неотрывно смотрел в бинокль за цепочкой своих товарищей. Он понимал, что сейчас может произойти и подозревал, что его группу оставили в резерве только для того, чтобы не обернулся тот бой полным уничтожением роты: одно дело потери, другое – уничтожение... Начальству не нравится, когда слово «уничтожение» применяется не относительно к противнику.

Ребята уже в седловине, там еще тень, и их серые шинели плохо заметны на фоне рыжей сухой травы... Вот они начали взбираться на склон высоты «Нефть», теперь они все стали намного заметнее – впереди них их же тени, они вышли на освещенный солнцем склон... Сейчас немцы ударят! В этот момент их бы прикрыть... Над бруствером вражеской траншеи торчит что-то похожее на ствол пулемета... Не стреляют, гады, подпускают ближе, чтобы бить наверняка. Суменков знал, что на этой высоте у противника самое малое пять или шесть пулеметов. Это на каждых двоих разведчиков пулемет! Это ж никаких шансов у ребят, на расстрел всей группы достаточно нескольких секунд. Суменков, пригнувшись, подошел к пулеметчику, который уже держался за ручки станкового пулемета и решительно сказал:

– Слушай, дядя, ну-ка дай я.

– Не могу! Не по правилам это.

– Не спорь, брат, это ж мои товарищи идут, я знаю, как их прикрыть, – настаивал Суменков.

И усатый пулеметчик вдруг перестал спорить. Он сам устроился вторым номером. Матерчатая лента с медными патронами уже была заправлена в приемник. Суменков чуть поправил прицел, решив ударить длинной очередью веером по срезу бруствера немецкой траншеи. Усатый пулеметчик осторожно смотрел вперед из-под козырька своей каски и тихо говорил:

– Что делают, что делают, а?! Врубят сейчас по ним – ни один дурак не уйдет.

Суменков молчал. Цепочка разведчиков шла, пока не прибавляя шага. Двенадцать человек, одни из них в шинелях, другие в коротких куртках и все без касок. Да, похоже, ни к чему она, каска, при пулеметной очереди в упор.

– Да что ж это делается, а?! – все приговаривал пожилой пулеметчик, – ох, и рискованные ребята – на верную смерть пошли.

Суменков положил пальцы на гашетку пулемета.

Натынов тоже ждал пулеметных очередей со стороны противника, но его передняя траншея словно вымерла. Цепочка разведчиков находилась от нее менее, чем в ста метрах. Немцы молчали, хотя по всем правилам они должны были открыть огонь вот сию же секунду.

– Может, минное поле у них? – проронил Попов.

– Посмотрим, – выдавил Натынов сквозь сжатые зубы.

Напряжение у наблюдающих достигло крайнего предела, когда шагающие разведчики оказались метрах в пятидесяти от вражеской траншеи.

– Живьем! Живьем решили их брать, забодай их комарь! Может, уже пулеметами врезать, поддержать, забодай...

– Я тебе врежу, я врежу... И брось ты этого забодай комара, чтоб ты с ним провалился! – перебил Ласточкина Натынов.

Казалось, что разведчики в эти самые последние и решающие секунды замедлили темп движения, и Натынов стал материть Подосенова и сожалел, что послал этого пентюха, надо было другого послать... Прошло еще несколько секунд и наблюдавший Натынов вдруг торжествующе закричал:

– Ага-а! Смотри! Смотри! Ну, что я говорил, рывком, рывком, а!!! Вон, они в траншею уже, в рукопашную пошли! Видал?! Во, как надо, лейтенант, во, как надо! Потверже, порешительнее! Учись, лейтенант!

Настороженное затишье на сопке вдруг словно взорвалось сплошным автоматным треском, звонко захлопали взрывы гранат. С высоты рванулись в небо сигнальные звездочки ракет – белые, красные, зеленые, одна за другой взлетали яркие искры. Перестрелка стала настолько злой и активной, что даже здесь, на участке обороны стрелковой роты, засвистели и занулили над траншеей шальные пули. Минут через десять немцы открыли сильный минометный и артиллерийский огонь. Мины и снаряды рвались в полосе нашей обороны, в седловине перед высотой «Нефть», в балке, что на левом фланге. Остро пахло сгоревшей взрывчаткой, грязно-серый дым разрывов стелился над землей и мешал рассмотреть то, что происходило на самой высоте, там, где сражались разведчики.

– Во, когда связь нужна! Где связисты, едрена вошь?! – строго спросил Натынов у Ласточкина.

– Какие там связисты! Один убит уже, а другой ранен. Телефонный аппарат – вдребезги.

– Чего ждешь?! Пошли на высоту связного!

– Не пройти. Огнем ее охватили...

– Я вот тебе охвачу! Быстро связного и чтоб не пустой пошел – пусть мешок боеприпасов ребятам тащит!

Связным роты у нас был молодой парень Вася Сальников – юнга с черноморского флота. Всячески подчеркивая принадлежность свою к морякам, он никогда не снимал с себя морской формы и уж если заставляли его надеть защитную гим-

настерку, то он подчинялся, но бескозырка на нем была бессменной. На сей раз он тоже был в маскхалате и с бескозыркой. Ласточкин понимал, что прорваться на высоту сквозь огневой вал разрывов опасно и сложно, но и выхода иного не было. Командир роты мог бы послать другого, но Вася в этом случае не смог бы понять своего командира и все равно пошел бы на высоту. Сальников набрал полный вещмешок патронов и гранат и бегом побежал вниз в седловину.

Мины стали рваться на нашей передовой, где оборонялась стрелковая рота, Появились первые раненые. Натынов с Ласточкиным укрылись в блиндажике с легким перекрытием, здесь создавалась иллюзия безопасности.

Примерно через полчаса Сальников вернулся, он притащил с высоты одного раненого разведчика и рассказывал, по-мальчишески взалхлеб, всем, кто его слушал:

– А там немцев набито – страсть! А Подосенов ихний пулемет поставил и ка-ак врежет из него, ка-ак врежет! Дрались в траншее. Селиванов ка-ак фрицу прикладом по башке даст, а у немца каска – автомат пополам, и они за грудки друг друга...

От Васи Сальникова начальству удалось узнать и другое, что внушало тревогу и беспокойство – среди разведчиков были уже убитые и раненые, на высоте оборонялось, по словам Васи, всего шесть человек, которые задействовали все трофейное оружие, которого оказалось много, но для своих автоматов у всех патроны кончались. После переданной информации в штаб бригады, комбат дал команду стрелковой роте:

– Отделение бойцов на высоту! Быстро, бегом! И доложить сейчас же.

Командир стрелковой роты с проявлением явного недовольства выполнил приказ комбата, и бойцы его роты с опаской пошли вперед – там вся высота была окутана дымом, там не смолкала бешеная пулеметная и автоматная перестрелка. Похоже, там горела сама земля, а в седловине, на самой передовой и левее в балке, плясали фонтаны разрывов снарядов и мин. Пройти сквозь это огненное кольцо было совсем непросто.

* * *

На высоте вся трава выгорела от этих палок-факелов, и земля стала черной. От едкого дыма слезились глаза, как на грех, слабый ветер тянул в нашу сторону и весь дым на нас. Огонь от горящей травы меня не пугал, вокруг моего окопа и травы этой оставалось мало – побило ее пулями да осколками, и дымом меня не взять. Здесь господа фрицы промашку дали – мы люди не очень изнеженные, и их дым для нас не был большой помехой. Беспокоило другое – в автомате последний диск и две гранаты осталось. Думает там что-нибудь наше начальство? Перебьют нас здесь, как цыплят. Со стороны немцев усилился минометный огонь, шестиствольные минометы давали залп за залпом. Все скаты высоты за нашей спиной опоясало огневое кольцо, от дыма и пыли не стало видно нашей передовой. А наши «самоварники» молчат. Фрицы что-то, видно, готовят, нужно быть начеку. Я попытался выглянуть из-за бруствера, понаблюдать за противником, но тут же получил такую автоматную очередь, что брызнувшей из-под пуль землей больно запорошило глаза, еле их протер рукавом шинели, но самого не задело и в этот раз. Пока пытался проморгаться, оглушительно звонко треснула за бруствером окопа разорвавшаяся граната, следом за ней еще и в той стороне, где сидели наши ребята, тоже дробно захлопали гранатные взрывы. В ушах сплошной звон и отчаянная

боль. Что-то сейчас будет, непременно будет. Я успел только положить ствол своего автомата на бруствер и на долю секунды выглянуть из-за него. Сразу я не успел даже испугаться: четверо немцев бежали от своей траншеи к моему окопу, они на бегу стреляли из автоматов, и оглушительные хлопки этих выстрелов звенели в ушах. Кроме этих бегущих я уже ничего больше не видел и не представлял, что происходит там, где Ванька Подосенов, где наша основная группа. Трое с автоматами, один с винтовкой, к которой был примкнут штык-кинжал. Все они что-то кричали, и я разобрал только:

– Рус! Рус! А-а-а!!

В этой ситуации прятаться и маскироваться просто нелепо. Я прицелился и закатил очередь, рубанул ею по бегущим. Один упал сразу, как от подножки, второй уронил винтовку, пробежал еще шага два и упал лицом вниз. По мне тоже стреляли, но я не слышал ни визга пуль, ни их смачных ударов в бруствер, по-моему, я не слышал больше самих выстрелов. В какое-то мгновение я увидел, как двое остановились и вдруг побежали назад. Один из бежавших упал на бруствер своей траншеи – там его настигла пуля, но я в это мгновение не стрелял, только по сверкнувшим трассам я понял, что мне помогли наши ребята – ударили из трофейного пулемета. Молодцы, братухи! Мне сегодня пока везло: по всем правилам меня должны были уже убить или ранить, но слепое счастье было на моей стороне. Немец с винтовкой лежал от меня в каких-нибудь семи метрах, это каких-нибудь пять прыжков! Я еще стрелял, стрелял от дикой злости, огрызался огнем, как волк, загнанный в угол, и вдруг затвор хлопнул впустую, выстрела не последовало – задержка! Дернул рукоятку затвора, выбросил перекосившийся патрон на дно окопа... И стало вдруг по-настоящему страшно, всего три секунды на устранение задержки, но если бы она свершилась на несколько секунд раньше то все, меня бы уже не было на этом свете...

Я осторожно выглянул из-за бруствера: четверо немцев лежало на черной выгоревшей земле. Тот, что был с винтовкой и ближе всех к моему окопу, похоже, еще жив – царапает пальцами все еще дымящуюся землю. Добить и его? По всем правилам нужно добить. Они бы, гады, меня непременно добились, и я уже перешагнул тот страшный порог, за которым кончается все человеческое. Я было уже прицелился раненому в спину и... не выстрелил. Нет, мне было его не жаль – он бы в меня, раненого, непременно всадил свой штык-кинжал, я чувствовал, знал, что в диске моего автомата кончаются патроны. «Хрен с ним, он не опасен, он все равно подойдет сам до конца этого проклятого боя».

Контратака противнику не удалась, она была отбита. Потери немцев, вероятно, оказались для них чувствительными, и на какой-то период времени они затихли.

По всей нашей обороне гремели только одиночные выстрелы и короткие автоматные очереди. Зато минометы противника продолжали жестоко измолачивать подступы к нашей высоте, и сама высота «Нефть», наверное, была похожа на проснувшийся дымящийся вулкан. Немцы, видно, догадывались о том, что нас оставалось мало, и вот-вот кончатся боеприпасы. Они не снижали интенсивности артиллерийского и минометного огня и старались отсечь нас от своей передовой, но по нам они вели огонь только из пулеметов и из стрелкового оружия – мы были слишком близко к друг другу.

А в диске у меня осталось не больше тридцати патронов – это мало, это всего на четыре хороших очереди. Я немного отдышался и решил посмотреть за бруствер, нельзя сидеть молча, нельзя отдавать инициативу противнику – это дорого может

стоять. Я осторожно поднял, голову, но там, за чужим бруствером никого не увидел. «Обожглись, голубчики! Теперь отсиживаются! Умыл я их, ей Богу умыл! А ведь эти самые «непобедимые» тоже смертны и умеют бояться!» Злоба и злорадство не утихали в душе. Только вот плохо, что я оторван от ребят, это очень плохо...

Прошло некоторое время и над чужим бруствером снова показался край черной каски, солнце светило в глаза противнику, и на каске блеснуло его отражение. Не зевать! Я ударил короткой очередью, край каски мгновенно исчез, но эта короткая очередь стоила мне примерно пяти патронов... Нужно считать каждый выстрел. Тревожное беспокойство закрадывалось в душу. Теперь уже я сидел несколько минут, не показываясь из своего окопа. Но до бесконечности сидеть нельзя – мое молчание может быть истолковано немцами будто я ранен, убит или ушел из окопа. Мне нужно знать, что там происходит. Вот бы перескоп сюда! Плохо было и то, что я и представления не имел о том, что было там, за траншеей противника – мы не видели тылов друг друга... Я решил выглянуть резко, сразу, хотя бы на четверть секунды, так, чтобы те немцы, которые караулили мое неосторожное движение, просто не успели бы выстрелить. Я был почти уверен, что они побаиваются меня, их не могла не насторожить гибель их товарищей и, пожалуй, они считают, что я здесь не один. Это придавало мне решимости. Я приготовил автомат, быстро выглянул из-за кромки своего бруствера. Вот они! И их снова трое в касках, и тот красномордый, оказывается, жив... Я не успел дать очередь – огонь трех «шмайсеров» заставил меня мгновенно пригнуть голову. Обошлось! Только одна пуля по касательной обожгла щеку, будто горячим железным прутом ударили... Крови нет... Надо же, еще бы самую малость – и будь здоров! Что же делать теперь? Они все равно не дадут мне головы поднять. Постой. Граната! Конечно, я их снова куплю на этом деле. Немцы народ более осторожный, чем наш брат, а я раньше высунусь – рискну! Свой осколок не тронет! Я взял лимонку, выдернул кольцо из запала и, не высывая головы, не глядя, швырнул гранату вперед. Хлопнул сработавший взрыватель, и в ту же секунду в бруствер ударила очередь немецкого автомата – караулят, гады! Взрыв! Застонали осколки, и в мгновение взрыва я высунулся из-за бруствера.

Впереди никого – попрятались, но через полсекунды появились все три физиономии в глубоких касках. Очередь! Заметил, как полетела земля с кромки вражеского бруствера. Головы исчезли. Еще примерно 8 или 10 патронов. И Ванька Подосенов что-то молчит, оно, конечно, понятно – там им самим не хватает. Осталось примерно полтора десятка патронов и одна противотанковая граната – это на самый крайний случай. Что ж, буду стрелять одиночными выстрелами – одиночный выстрел всегда точнее, но... Напротив из-за бруствера снова появляется край каски. Это дьявольская игра, которая заканчивается только смертью. Я не успел перевести автомат на одиночный выстрел – очередь! Каска исчезла, и в этот момент я перевел автомат. Попал? Шут его знает. Это не тир – здесь целиться почти не приходится! Откуда они там берутся и почему их все время трое, а то и пятеро?

– Федька! Федька-а!

Раздалось справа. Я укрылся за бруствер и посмотрел на наш правый фланг. На краю траншеи рассмотрел Мишку Белякова.

– Ты что?

– Ты живой?

– Интересуешься?

– Тебе Ванька пополнение посылает. Встречай!

По слабо дымящейся черной земле ко мне полз человек в шинели и с вин-

товкой. Это был уже пожилой усатый боец, видимо, из стрелковой роты. Полз он самым нескладным образом – не по-пластунски, а просто шел на четвереньках. Что же будет сейчас?! Его непременно заметят немцы и тогда...

– Эй, ты! Ниже ползи, ниже! – закричал я солдату.

Тот услышал, на секунду остановился, посмотрел на меня и, к моему ужасу и досаде, пополз снова на четвереньках, забирая не ниже по склону, а напротив в сторону противника.

– Ты, хрен усатый! Куда ползешь?! Левее бери, левее!

Солдат явно слышал меня, но, видно, растерявшись, не менял направления.

– Ползи левее, мать бы твою!

Бойцу оставалось проползти до моего окопа не более десяти метров, но в этот момент он вскрикнул и ткнулся головой в обожженную землю, с его стриженной головы свалилась пилотка... Эх, мать честная! Свалили мужика. Кричал ведь я ему. Не понял он что ли? Я выглянул над бруствером, а там видны две головы в касках. Один стреляет из винтовки по лежащему бойцу, чтобы наверняка добить его, а второй из автомата и тоже в лежащего. Нажал на спусковой крючок – выстрел! Стрелял в того, что с автоматом, но спрятались обе головы. Наверное, промазал, хотя с такого расстояния промазать трудно. А нашему бойцу крышка. Конец бойцу. Одна пуля на вылете выдрала из его шинели прямо на заднице клочок ткани, видно, насквозь его прошло, да из автомата еще добавили. Все, отвоевался солдат. И уже ни стоны, ни крика, и мне к нему подползти невозможно. Однако я попробовал, выкатился из своего окопа немного под уклон и уже тогда пополз к лежащему. Шага два до него осталось, когда новая автоматная очередь взметнула с земли черную золу и глухо ударила в тело убитого. Я тут же отполз назад.

Нет, сейчас мне не вытащить убитого и не завладеть его винтовкой. Убитому теперь уже все равно, а вот его винтовка мне могла бы здорово пригодиться. Пришлось смириться, сейчас этого сделать невозможно – запросто прихлопнут. Пришлось вернуться в свой окоп. Сейчас те немцы, наверное, караулят меня, ожидая, что я появлюсь возле убитого, разумеется, туда повернуто и их оружие. Стараясь быть незамеченным, я ужом вполз в свой окоп, поставил свой автомат снова на очередь, на мгновение высунулся из-за бруствера и ударил короткой очередью. Вроде одной рукой взмахнул... Или показалось мне? Сколько же патронов осталось в диске? Вышиб диск, открыл крышку, а там в улитке всего три патрона... Что теперь делать? Сидеть молча в окопе? Этак дождусь, что подползут сюда немцы и пристрелят меня как куренка. Довоевался! Запевай теперь... Как это случилось, я и сам не знаю, но от отчаяния или от одури я и вправду запел привязчивую песенку Медвинского:

*С Одесского кичмана
Бежали два уркана,
Бежали в сад поповский на тишок,
Узрели они драку,
Как поп лупил собаку...*

Что же все-таки делать? Я поставил автомат на одиночный выстрел, быстро привстал, а напротив тоже только один немец с автоматом. Выстрел! И мы оба укрылись каждый за своим бруствером. Промазал? Конечно, промазал – стрелял

не целясь, стрелял только для того, чтобы немца напугать, показать ему, что я живой и все еще готов к бою. Я еще дважды повторил этот прием: стрелял одиночным выстрелом, и вот уже непоправимо все! Патронов в диске больше нет. Осталась только одна единственная противотанковая граната. В отчаянии я лихорадочно шарил по карманам шинели и брюк и вот удача – нашел еще три патрона. В этот момент мне показалось, что немцы оживились, их огонь стал сильнее. Я выбил диск из автомата, взвел затвор, снизу вставил патрон прямо в патронник и выстрелил вперед не целясь. Так я повторил еще несколько раз и снова патроны все. На дне окопа я нашел втоптаный в землю патрон и его израсходовал.

– Подосе-енов! Ва-анька! – в отчаянии закричал я в надежде, что откликнется кто-нибудь из моих товарищей.

А там грохотал напряженный бой, и моим товарищам сейчас было явно не до меня, да и неизвестно мне было, кто там из ребят уцелел и кто яростно отбивается от противника. А время бежало, мне нужно было что-то предпринять, но вот в тот момент я оказался практически безоружным и не знал, что мне делать. Тогда от отчаяния я решил просто снахальничать: я приподнялся над бруствером со вскинутым автоматом. Две немецкие каски мгновенно скрылись в своем окопе. Ага, паразиты, испугались! Не сделав выстрела, я тоже укрылся от врага. А это, похоже, не «Викинги», те понахальнее и намного позлее. Снова потекли минуты. Я еще раз кричал, звал Подосенова, но горячка боя захлестнула ребят, они либо не слышали меня, либо не могли отвлечься. Выхода у меня не было, и я решился снова пойти на пустой обман противника, напугать немцев наставленным на них пустым автоматом. Нужно было быстро привстать с наведенным автоматом над бруствером, но только показалась моя голова, как раздались раскатистые автоматные очереди, земля брызнула от пуль, что-то ударило по пилотке и она слетела с головы на край окопа. Я быстро пригнулся. Ни хрена себе! Взял пилотку, вначале не заметил, а потом разглядел на ней пулевую пробоину... Вот ведь чертов переполох, еще бы самую малость...

– Подосенов, мать бы твою! – отчаянно закричал я.

– Ну, чего тебе? Чего блажишь? – послышался хриплый голос Подосенова.

– Давай патроны! Скорее давай!

С патронами дело было плохо у всех, но Ванька понимал, что если я не удержусь, то всю группу обойдут с фланга. Ни секунды не раздумывая, Подосенов высыпал из кисета табак – дорогую вещь для солдата, положил в кисет автоматные патроны и крикнул мне:

– Лови!

Тяжелый мешочек, словно граната, взлетел в воздух и шлепнулся на землю метрах в полутора сзади моего окопа. Осторожно вжимаясь в землю, я вытянулся и достал кисет с патронами, стал торопливо заряжать автоматный диск. Конечно, диск неполный, в нем меньше половины патронов, но и то хлеб! Что теперь? Меня наверняка караулят, они уже прицелились и успеют открыть огонь первыми. Они, видно, догадались, что у меня на исходе патроны. Я выглянул слева из-за бруствера – вон они, по грудь высунулись! Очереди! За дрожащей струей пороховых газов не успел рассмотреть как следует, но немцы спрятались. Охота! Смертельно опасная охота друг на друга, которая не могла закончиться вничью. Я стрелял экономно, короткими очередями по три-четыре выстрела, но и при таких условиях патроны кончались.

Собственная беспомощность порождала тревогу, и я беспокойно оглядывался

по сторонам в надежде найти какой-нибудь выход. Тут я заметил, что снизу по склону высоты ползет наш ротный связной Вася Сальников, которого в роте звали просто юнгой за его молодость. Я узнал его по бессменной бескозырке с ленточками, которые он почему-то держал в зубах. Он полз прямо на мой окоп, был уже рядом и я крикнул ему:

– Прикройся моим бруствером! Осторожно!

Васька волочил по земле вещмешок и когда подполз, столкнул этот мешок прямо ко мне в окоп.

– Вот, бери. Ребята уже взяли, а это я тебе приволок. Бери все, что там есть, а мешок отдай, я снова пойду, – говорил Вася Сальников.

Я разгружал мешок, а Вася рассказывал, не отрывая от земли подбородка и все время глядя вперед в сторону противника:

– Бьют гады так, что просто нет никакой возможности. Командир стрелковой роты помощь послал человек десять, так до вас только трое добрались – под налет попали и все.

– Не трое, а двое добрались.

– Трое, это точно.

– Вон он третий-то. Видишь пятки? Уже с час лежит. Рядом, а не достать его.

– Интере-есно. Это который же из них?

– Откуда мне знать. Усатый дед в обмотках.

– Да они там все в обмотках.

– Слушай, Васенька, полежи-ка здесь, браток, в случае чего прикрой меня огоньком, пока я диски набью.

– Угу, давай, – Сальников понятиво кивнул головой.

Он лежал на открытом месте чуть позади окопа, а я набивал диски, рассовывал патроны по карманам и, конечно же, интересовался, как «там», что слышно у Ласточкина? Нам еще долго загорать здесь?

– Хрен их знает, – говорил Сальников. – Матерятся они там, а подойти к вам, я ж говорю, нет никакой возможности – долбает так, что света не видеть.

– А ты как же?

– Повезло...

– Ты поглядывай, Васек, поглядывай! Здесь до немцев метров тридцать – это самое большое. Не зевай, браток!

Я торопился, проклятые патроны падали в улитке, а ставить их на место было неудобно – палец в улитку не лез, но все-таки я зарядил оба диска, до упора набил их патронами и в карманах много, четыре гранаты в нише окопа – теперь войну хоть сначала начинать.

– Молодец, Васек, теперь жми до роты, да возьми ближе к балке, там вроде обстрел потише. Еще приползешь?

– А как же! Я своих не брошу. Ты держись здесь, а насчет помощи я там скажу.

Наш юнга пополз обратно, а я решил в который раз повторить прием с гранатой. Ничего иного у меня не оставалось. Швырнул тротильный стаканчик он и рванул недалеко от моего окопа – сильно здесь не размахнешься. Сразу после взрыва выглянул из-за бруствера. Вон они, вылезают, показались из-за укрытия каски и стволы автоматов, но их снова трое! Наваждение какое-то. Я стрелял первым длинной очередью. Расстояние здесь пустяковое – промазать трудно. Заставил я их убраться... А мне просто необъяснимо и по-дурацки везет, иным и не объяснишь... Как непостижимо медленно тянется время. Часов у меня нет, но заметно,

как солнце сошло с зенита и греет спину, словно лето вернулось. Только небо от дыма белесое и черная земля до сих пор еще слабо дымится. У Подосенова снова сплошной автоматный треск – там закрутилось, сейчас и у меня надо ждать...

Из немецкой траншеи летит круглая, по форме похожая на нашу лимонку, граната. Она упала где-то посередине между мной и немцами, даже к ним ближе. Теперь не зевай! Взрыв!.. Звонкий взрыв гранаты. Я рискнул и не спрятался в окоп – пронесло! Бог миловал! Вслед за взрывом тут же появились двое немцев в касках. Они повторили мой прием, но напоролись на очередь моего автомата. Один успел все-таки выстрелить, но, видно, поторопился и промазал. Оба исчезли за бруствером. Мне показалось, что задел я одного, правда, я тоже стрелял, почти не целясь. Немцы дали несколько очередей вверх, решив, видимо, просто напугать меня... Нет, сегодня эта крылатая фортуна пока что на моей стороне.

Прошло время. Немцы больше не показывались, а у Подосенова не стихала лютая перестрелка. От меня это совсем рядом, но за изгибом траншеи я плохо видел ребят, не мог понять, что там происходит и это меня беспокоило. Неожиданно с нашей стороны, оттуда, где занимала оборону стрелковая рота, длинно и глуховато застучал станковый пулемет. Стреляли явно в мою сторону, чуть левее меня. Пули взвизгнули, запели неподалеку. Я посмотрел туда и вскоре заметил двух немецких солдат. Они обходили меня слева по открытому месту, с той стороны, откуда я их почему-то совсем не ждал. Их заметили с нашей передовой и, видимо, поняли, что я не видел маневра врага. Огнем станкового пулемета они заставили немцев залечь, вжаться в землю, а потом поспешно отползти назад. Мне было плохо их видно, к тому же я побаивался высоко вылезать из-за бруствера, просто дал пару коротких очередей по мелькавшим слева от меня каскам и задницам.

Не прошла у немцев эта попытка – это им не 41-й, а октябрь 42-го года, теперь нас не возьмешь дурным нахрапом.

Тут я заметил, что со стороны Подосенова ко мне ползет человек с автоматом, ползет сноровисто, по-пластунски и резво у него получается. Полз боец в каске – значит, не разведчик, у нас касок не было, мы шли на врага с открытым забралом. Вот он рядом уже, еще несколько секунд – и боец натренированно свалился ко мне в окоп. Парень в телогрейке, на ремне запасной диск к автомату. Лицо мне показалось немного худощавым, а глаза серые и насмешливые.

– Здорово!

– Привет, – ответил я. – Ты кто будешь-то?

– Карасев я. Автоматчик.

– Значит, все-таки пророскочили?

Я имел в виду то огневое кольцо, которым окружили немцы нашу распроклятую сопку. Карасев понял меня и ответил:

– Выходит, прорвались. Ваш политрук повел разведчиков и автоматчиков, вот и прорвались. Меня сразу к тебе, а то, говорят, ты здесь как сирота.

– Ну, молодец. Вдвоем-то веселее, одному здесь скучно что-то.

– Как у тебя здесь обстановочка-то?

– Весь день так, что переночевать негде. В общем, сейчас сам увидишь. Немцы здесь шага в тридцати. Головы без хитрости не поднять.

– Ладно, сейчас исхитримся. Зовут-то тебя как?

– Федькой. Так вот, впереди нас немецкая траншейка, и все время там трое фрицев торчат. Здесь между нами, на нейтралке, трое уже валяются, а их все равно трое. Ничего понять не могу.

– Чего делать-то будем?

Карасев это спросил так, что почувствовалось, что он признает мое старшинство в этом окопе. Что ж, на его месте я поступил бы так же.

– Я сейчас шурану гранату, и как только она грохнет – оба автомата на бруствер, чтобы фрицев опередить. Сильно не вылазь. Они, гады, только того и ждут, чтобы мы по дурости высунулись. Как увидишь, бей их и не давай им головы поднимать.

Карасев оказался парнем понятливым и смелым. По всему было видно, что это для него не первый бой, и в бою он товарищ надежный. В карманах у Карасева оказалась пара лимонок – теперь у нас боеприпасов – дай бог! Чего там скрывать, присутствие товарища придавало силы и уверенности. Я взял гранату, выдернул кольцо из взрывателя и швырнул ее вперед, стараясь забросить дальше. Тут же ударила по нашему брустверу автоматная очередь и мгновенно оборвалась... Взрыв! И одновременно с этим взрывом мы с Карасевым оба изготавились к стрельбе. Опоздав на полсекунды, над немецким бруствером показались два немца, две головы в касках. В то же мгновение, словно сорвались две хлесткие, торопливые очереди наших автоматов, и тот немец, что был слева, вдруг схватился за лицо руками и, откинув голову, упал в траншею. Молодец Карасев, хорошо парень стреляет! Теперь мы их задавим огнем.

Мы стреляли одновременно, стреляли по очереди, чтобы пока стреляет один, другой мог бы дозаряжать быстро пустевшие диски. Инициатива теперь была, бесспорно, на нашей стороне. Немцы, используя наш прием, бросали гранаты, но мы всегда опережали их с открытием огня из автоматов. Немецкие минометчики пробовали забросать нас минами, но те рвались ниже нас, а когда две мины рванули ближе к немецкой траншее, минометчики от нас отстали. Справа по нам начал было вести огонь немецкий пулемет, но его пули коротко цвикали над нашими головами, не причиняя нам вреда. Наша позиция оказалась необыкновенно удобной, и совсем не случайно этот окоп был отрыт именно на этом месте. Потом замолчал и тот пулемет, видимо, группа Подосенова поработала с тем пулеметчиком.

А время шло. Бесконечно долгий и жестокий день подходил к концу. У нас с Карасевым удручающе быстро таяли боеприпасы. Настырный Васька Сальников приползал еще раз, но на сей раз много принести боеприпасов он не смог. Дело, похоже, клонилось к тому, что мы должны были продержаться здесь дотемна. Мы с немцами вцепились друг в друга с таким остервенением, бой достиг такого накала, когда ни одна из сторон уже не могла оставить занятых позиций, не могла оторваться от противника, и сам отход мог обернуться гибелью для отходящих, и особенно для нас.

Долгое время мы не позволяли немцам и носа показать из-за бруствера, конечно, и сами не зевали, потому что из вражеской траншеи вылетала то граната, то горящая палка-факел, и едкий дым сносило в нашу сторону. Больше всего нас беспокоил ход сообщения, который тянулся от второй линии обороны противника, и ничем не прикрытый левый склон нашей сопки.

Однажды немцы попытались предпринять еще одну контратаку, но напоролись на такой плотный огонь автоматов, что откатились назад с большими потерями.

У меня кончились патроны в диске, я решил его дозарядить, пока установилось относительное затишье, пристроился в углу нашего окопа, а Карасев вдруг радостно сообщил:

– Вон, едрена корень, еще к нам пополнение ползет. Похоже, что дадим мы фрицам прикурить!

Молодой парень в пилотке, в летнем обмундировании, двигая перед собой автомат, по-пластунски благополучно дополз до нашего окопа, но тут на краю окопа он вдруг неожиданно приподнялся и по-дурацки спросил:

- Можно к вам, что ли?
- Прыгай, мать бы твою!

Парень прыгнул, но тут же охнул и схватился за бок. Мы с Карасевым даже не разобрали толком, откуда ударила автоматная очередь.

- Что, влили?
- Похоже, в бок, – морщась, ответил прибывший парень.

– Карасев, смотри за фрицами, я сейчас перевяжу его. Ну-ка, вались на дно, вались прямо под ноги Карасева. Снимай ремень.

Для троих наш окоп был явно тесен. Парень задрал гимнастерку с нижней рубашкой. На нижнем белье ярко-красные пятна крови, но крови немного. Пуля разорвала ему кожу, похоже, и ребро задела, такое ранение не считалось опасным. Перевязочный пакет у парня был, и я управлялся, как мне показалось, с этой перевязкой довольно ловко. Правда, парень морщился, и я его успокаивал:

– Потерпи малость. Ранение у тебя пустяшное и все по твоей дури. Тоже мне, джентльмен нашелся, разрешение он спрашивает! Видишь окоп – не раздумывай, прыгай хоть на головы. Ни хрена, стерпим.

Парню было на вид лет около двадцати, но так получилось, что мы и имени его спросить не успели, отложили это на потом, а получилось нескладно. Немцы усилили автоматный огонь, и Карасев один еле успевал от них отбиваться. Похоже, из хода сообщения ударили по Карасеву очередью, он пригнулся, а как только стал приподнимать голову, заработал еще очередь из противоположной траншеи. Наше положение осложнилось.

– Ладно, заживет до свадьбы, а сейчас потерпи малость, а если уж очень саднит, то выкатывайся осторожно из окопа и вниз по склону, – предложил я новому парню, но тот мотнул головой:

- Нет. Мы еще повоюем. Я ему, гаду, еще не так вкачу!
- Ну тогда давай, смотри вот за этим ходом сообщения – похоже, тебя и задела оттуда.

Парень также оказался из роты автоматчиков, мужик он был также сметливый, стрелял расчетливо, экономно, но со стороны этого хода сообщения больше уже не прозвучало ни единого выстрела. Наступило время, когда мы отважились не просто выглядывать из-за своего бруствера, но решили рассмотреть подробнее, что там у них за траншея и почему в ней не убавляется фрицев. Карасев с этим новым парнем повели сильный автоматный огонь, а я взял лимонку, выдернул кольцо, вылез из окопа и, быстро вскочив на ноги, швырнул гранату, стараясь закинуть ее в немецкую траншею. В короткое мгновение, пока в воздухе еще кувыркалась граната, я успел заметить, что в левом ее конце у немцев землянка, а от траншеи, вглубь обороны, уходит ход сообщения. Там набилось немцев много. Разобрать ничего больше я не успел – граната взорвалась, чуть перелетев эту траншею.

- Чего там? – спросил Карасев.

– Ребята, нужно повторить этот опыт. Много разглядеть не успел, но, похоже, немцев там набилось, как вшей в подштанниках.

Это нам показалось подозрительным, и Карасев предложил немного выждать молча, а когда фрицы начнут вылезать, ударить по ним тремя автоматами, забро-

сать гранатами и в этот момент постараться рассмотреть все как следует. На сей раз мы решили выскочить из окопа с Карасевым вместе под прикрытием автоматного огня нашего раненого парня и, если будет возможность, ворваться в траншею противника. Что говорить, замыслы у нас были богатырские.

Мы приготовились к стрельбе, но молчали, ждали появления немцев. Они не заставили себя долго ждать и в этот момент мы открыли огонь из трех автоматов. Каски мгновенно скрылись за бруствером, но противник, уже приученный к однообразию наших действий, видимо, не ожидал от нас такого нахальства. Раненый парень не переставал вести огонь по брустверу вражеской траншеи, да с таким еще расчетом, чтобы земля сыпалась на каски вражеских солдат, а мы с Карасевым в это время выскочили из окопа, пробежали несколько шагов вперед и стали бросать гранаты, стараясь попасть ими в траншею. И одна граната влетела прямо к немцам. Лимонка – граната страшная, ее взрыв способен натворить много бед. Взрывы гранат, раскатистый автоматный треск, снова болью ударил по ушам. В этот короткий миг нам удалось рассмотреть такое, что напрочь лишило нас надежд на успешное завершение задуманного плана. По длинному ходу сообщения, что от траншей врага уходил вниз на обратный скат высоты «Нефть», сплошной цепочкой поднимались вражеские солдаты, многие несли на плечах пулеметы. А у подножья высоты, где рос редкий терновый кустарник, стояли два грузовика, из которых прыгали на землю немецкие солдаты. Откуда-то прогремела пулеметная очередь, черная обгоревшая земля полетела брызгами под нашими ногами и мы, не сговариваясь, бросились назад к нашему окопу. Все это произошло настолько быстро, что мы и опомниться не успели. Карасев вытирал пилоткой пот со лба и говорил:

– Все точно. Блиндаж слева, ход сообщения снизу идет, и траншея от него к нашим ребятам. И фрицев много, никак не меньше сотни. Надо бы предупредить наших-то.

Я тоже понимал, что немцы подготовились капитально к новой атаке и еще неизвестно, сможем ли мы выдержать ее с нашими оставшимися силами. Надо было предупредить ребят о грозящей опасности, чтобы не обернулась она трагической неожиданностью.

– Карасев, продержитесь здесь минутки две, я ребятам скажу, а то ведь они ни хрена не чувствуют.

Карасев понимал, что предупредить ребят нужно, даже сам предлагал это, но мне показалось, что мое решение не вызвало у него большого восторга. Он помолчал секунду, а потом махнул рукой и сказал:

– Ладно, давай ползи. Может, гранатку оттуда прихватишь, а то у нас одна противотанковая и патронов осталось – кот наплакал.

До траншеи ребят я дополз быстро, не влезая в траншею, крикнул:

– Ребята, Подосенова сюда!

Несмотря на разгоравшуюся снова стрельбу, меня расслышали, но вместо Подосенова к краю траншеи подошли Попов и Суменков Сашка.

Попов весь черный от сажи, как негр какой, без фуражки, в руках взведенный автомат.

– Ты что? Ты зачем из своего окопа ушел? – спросил Попов.

– Товарищ политрук, мы там с ребятами вылазку сделали, обратный склон высоты видели.

– Ну и что?

– А то, что у подножья две грузовые машины с пехотой разгружаются и по ходу сообщения поднимаются на высоту по крайней мере человек тридцать, пулеметы несут.

– Сколько пулеметов?

– Сосчитать не успели, но не меньше шести.

– А как это вы все рассмотрели? – подозрительно спросил Попов.

– Да мы сами хотели в их траншею заскочить. Гранатами их закидали, выскочили, значит, вот и увидели...

– погоди! – перебил Попов, – сам видел?

– Все точно, товарищ политрук, автоматчик Карасев тоже видел, подтвердить может.

– Вас там трое? Боеприпасы есть?

– Трое. Только один уже ранен, а боеприпасов мало, по полдиска на брата и граната только одна.

– Зубами держитесь! Понятно? Чтоб никакой паники! Боеприпасы берегите, сейчас ничем не помогу, но как только юнга появится, первым делом к вам пришло. Все понял?

– Все.

Я пополз обратно к ребятам, пополз так, чтобы не достали меня огнем немецкие автоматчики. Бог миловал – дополз. Карасев чуть заметно усмехнулся и проронил:

– Молодец, мужик. Я было подумал, что тебя свои ребята там оставят. Он деликатно не произнес слова «там останешься».

– У них там тоже не очень. Боеприпасов не принес. Велено экономить, а возможность будет – подбросят. А предупредить их – предупредил.

Нам ничего не оставалось, как строго экономить патроны. Решили стрелять только прицельными короткими очередями не более чем в 3-4 выстрела, а последнюю противотанковую гранату пока беречь на самый крайний случай. Мы еще надеялись, что к нам успеют притащить боеприпасы, может, и подкрепление какое окажется. Мы снова надеялись на слепую удачу, потому что иного нам уже не оставалось.

Солнце пошло к горам, день приближался к концу, нам еще продержаться бы часа два, от силы три, и тогда нам поможет ночь, она всегда была нашей верной союзницей.

От непрерывных разрывов снарядов и мин над нашей передовой и по балке, что была внизу за нашей спиной, стелился грязно-серый дым, из которого взвивались столбы черного, как сажа, дыма от разрывов реактивных мин шестиствольного миномета. В небе не смолкал трубный вой этих мин, визг снарядов и обычных мин, который час нашу сопку охватывало непроходимое огненное полукольцо сплошных разрывов, а на вершине высоты, где находились мы, после активной ружейно-пулеметной стрельбы, вдруг наступило непривычное затишье. После сплошного автоматного треска отдельные короткие очереди казались и действительно были затишьем, в котором опытные солдаты безошибочно угадывали предгрозовое затишье и ожидали лютую схватку.

Примерно через полчаса в золотисто-голубое небо со стороны противника полетели красные искры сигнальных ракет. Немцы подали сигнал, и мы все его тоже поняли. Всякие разговоры прекратились, все напряженно ждали атаки. И она началась. Все вокруг взорвалось бешеным треском пулеметов и автоматов.

Над противоположным бруствером показались, было, немецкие каски, мы открыли огонь, но сбоку, откуда-то справа, внезапно ударил по нас пулемет, да так, что земля полетела с нашего бруствера, а мы все трое невольно пригнули головы. Я ожидал, что этот пулемет сейчас будет подавлен огнем наших ребят, но тут увидел, что в нашу сторону полетел буквально град гранат. Черных кувыркающихся в воздухе точек появилось множество. Немцы начали своеобразную артподготовку. На земле затрещал обвал гранатных взрывов, серый дым застелил землю, а гранаты продолжали лететь, от хлестких разрывов, словно ватой, заложило уши, над нами пели осколки и коротко, зло взвизгивали пули. Мы стреляли по гребню вражеской траншеи, не позволяли немцам выглянуть из-за бруствера. Вдруг со стороны обороны противника донеслось многоголосое: «А-а-а!», «Ур-ра-а-а!!».

Сволочи, по-нашему кричат! Снова вокруг оглушительные, сплошные взрывы гранат, сумасшедший треск пулеметных и автоматных очередей.

Дальше все произошло чудовищно быстро, неуправляемо, стихийно и страшно.

– Драпают! Смотри, наши тикают! – закричал раненый автоматчик.

Мы посмотрели в ту сторону и увидели сквозь дым и пыль взрывов, как из траншеи, где занимали оборону Попов, Подосенов с основной нашей группой, вниз по склону, к седловине, побежали наши ребята. Они бежали, пригнувшись, почти не стреляя в сторону противника, который, видимо, преследовал их. Сомнений не было в том, что противник вышиб наших ребят из траншеи и теперь они бежали по совершенно открытому склону к седловине, в сторону переднего края обороны нашей стрелковой роты. В этот момент немцы прекратили минометный огонь, а пушки стреляли куда-то в глубину нашей обороны.

Ничего еще толком не осмыслив, инстинктивно поняв и почувствовав катастрофу, я крикнул раненому:

– Тикай, едрена мать!!!

Мы с Карасевым буквально выкинули его из окопа, он откатился к склону, вскочил на ноги и побежал. А из противоположной траншеи вдруг выскочило сразу несколько немецких автоматчиков и бросились бежать к нам, стреляя из автоматов. Карасев ударил по ним короткой очередью, а я схватил противотанковую гранату, вырвал чеку на тряпочной петле и крикнул Карасеву:

– Беги!

Карасев среагировал мгновенно, он выпрыгнул из окопа, а я уже больше ничего не видел, кроме бегущих ко мне нескольких немцев, они бежали кучно, я видел их раскрытые в сумасшедшем крике рты, синие-зеленые мундиры, каски, белые алюминиевые пуговицы, потные красные лица, они стреляли, но я уже ничего не слышал и не замечал. В голове не было мыслей, а мышцы, нервы сами стерегли момент, когда нужно было бросить им навстречу эту тяжелую смерть. Я размахнулся и бросил гранату! Тут же выкатился из окопа, а сзади грохнул тяжелый взрыв. Я уже не видел этого взрыва, я просто бросился бежать вниз по склону. Сзади все время стреляли, но я не слышал свиста пуль, просто по ушам били оглушительные хлопки выстрелов, пули били по касательной в землю и на ней оставался пыльный, мгновенный след, словно стегали землю невидимым большим кнутом. В какое-то мгновение я заметил слева бегущих наших ребят, по ним тоже стреляли и кто-то упал. Правее меня бежал Карасев, а сзади вдогонку стреляют, стреляют и бог весть, что спасало нас в эти мгновения. Через несколько секунд я поравнялся с раненым автоматчиком, мы побежали рядом и я крикнул ему:

– Добежишь?

– Добе...

Что-то звонко щелкнуло в воздухе, рядом со мною! Я увидел, будто в замедленном кино, как пилотка автоматчика вдруг сорвалась у него с головы, подпрыгнула вверх и закрутилась в воздухе. Автоматчик, имени которого мы так и не успели узнать, взмахнул обеими руками, выронил автомат и стал падать вперед. Мне что-то брызнуло прямо в лицо. Автоматчик упал, и я вдруг увидел, что у него на голове не было затылка, вместо него была огромная бледно-розовая полость – внутренняя полость черепа.

Разрывная в затылок – и его мозги брызгами разлетелись в воздухе. Я было остановился, но перегонявший меня Карасев обернулся, ударил куда-то назад очередь из автомата, и я услышал его сумасшедший вопль:

– Беги, мать твою!!!

Я побежал. Каким-то чудом нас с Карасевым удерживали ноги от падения на довольно крутом склоне этой проклятой высоты «Нефть». Мы бежали много правее нашей основной группы, скатывались в балку, где росла кукуруза. Она уже недалеко, только почти вся она была побита и посечена осколками, измочаленные, порубленные стебли и листья валялись на серой земле.

Мы были уже у самого подножья высоты, но в нас все стреляли, и огонь был сильным, однако на нашей стороне было ничем необъяснимое солдатское счастье. Несколько раз я успел оглянуться. Я видел на склоне высоты бегущие за нами следом фигурки и понял, что нас преследуют немцы, они отставали от нас, но их было много и они стреляли. Я тоже дал по преследователям несколько коротких очередей, но они не остановили врага, наш ответный огонь был слаб и неприцелен. Впереди нас бежал, пригнувшись, какой-то незнакомый боец в каске. Впереди совсем невысокий продолговатый холмик, как небольшой отрог от высоты, мы все трое бежали к нему, чтобы укрыться от огня. Мы почти поравнялись с незнакомым бойцом, когда он внезапно упал, в падении перевернулся на спину и в его темных глазах были ужас, страдание и отчаяние. Он ранен. Конечно, ранен! Не обмолвившись ни словом, мы с Карасевым вместе схватили раненого под руки и бегом поволокли его к тому невысокому холмику. Все трое хрипели, и в глазах темнело: у нас – от сумасшедшего бега, у раненого – от того, что он начал захлебываться собственной кровью. Сзади нас не смолкал треск пулеметов и длинные автоматные очереди. Наконец вот он бугор, мы скатились по обратному его склону и Карасев крикнул:

– Перевязывай его! Я прикрою!

Раненый, похоже узбек, коротко, отрывисто дышал, с уголка его губ стекала ярко-красная струйка крови. Пуля вошла в него чуть выше поясицы и вышла возле правой ключицы. У входного пулевого отверстия пузырилась кровавая пена. Я задрал раненому гимнастерку, вытащил у него из кармана перевязочный пакет и стал перевязывать. А Карасев стрелял. Нас преследовало более десяти человек немецких солдат, теперь они почти не бежали и стреляли с короткой остановки, приставив автомат к животу, вокруг тонко и коротко свистели пули, срикошетивши о землю, стонали и гудели в воздухе.

Карасев стрелял расчетливо, короткими очередями не более четырех выстрелов в каждой. Молодец этот Карасев, надежный и смелый он парень, с таким воевать можно! А у меня с перевязкой что-то не получалось: руки противно дрожали и все движения их были резкими и нескладными, бинт скрутился веревкой и ничего я с ним не мог больше поделать. А тут еще Карасев закричал:

– Федька, подмогни, подмогни маленько!

Я все понял. Схватил автомат и крикнул раненому:

– Браток, потерпи минутку.

Потом бросился на этот бугорок и на бегу успел перевести автомат на одиночный выстрел – знал, что патронов в диске осталось с гулькин нос. Немцы были близко, некоторые метрах в сорока, примерно, троих из преследователей уложил Карасев. Я прицелился в самого близкого немца. Целиться было непросто – с нашего бугра земля летела от пуль, но я выстрелил и теперь увидел отчетливо, как немец, словно надвое, переломился и свалился набок, Карасев тоже стрелял. На открытом месте немцы были неплохой мишенью. Я выстрелил еще – промазал, еще – и свалился второй. Остальные залегли и повели огонь лежа.

– Карасев, валяй ты перевязывай, а я этих подержу. Перевяжешь – крикни.

Карасев не стал спорить. Он перевязывал раненого и получалось у него ловчее, чем у меня. А я стрелял теперь расчетливо и зло. Вон он! Приподнялся на локтях, прицеливается... Я нажал на спусковой крючок выстрела. Еще выстрел! Немец ткнулся лицом в землю, его каска блестит на солнце, но он больше не шевелится. И вдруг в этот момент пулемет! Наш пулемет «Максим», с противоположного края балки ударил длинной очередью. Видно патроны в его ленте были вперемежку с трассирующими, и я видел, как зеленые молнии впились в землю там, где лежали немцы. Ага!! Один из немцев не выдержал и побежал назад. Я прицелился ему в спину. Выстрел! Еще выстрел!! Немец споткнулся и упал. Ага!! Мое злорадство не было долгим – откуда-то с высоты ударил немецкий пулемет, бил разрывными да так, что фонтаны земли брызнули с нашего бугра. Я скатился под уклон. На меня обернулся Карасев, лицо у него серое и все в мелких, точечных брызгах крови, он не шевелил губами, но глаза его спрашивали: «Что?»

– Как у тебя?

– Вроде перевязал. Два пакета ушло. Здорово его! – ответил Карасев.

– Потащили!

– Фрицы где?

– Их пулеметчики держат.

Мы снова под руки поволокли раненого. Прошли вдоль склона и повернули к кукурузному полю. Сумасшедшая стрельба начинала понемногу стихать. Нас больше не преследовали, и мы старались быть осторожными с несчастным, захлебывающимся своею кровью человеком. Но наши нервы были еще до предела напряжены, мы не отошли от горячки боя.

Между тем, бой затихал, и этот страшный день вроде бы подходил к концу, в балке не то небольшой туман, не то еще дым ползет. Шапки холмов еще золотит солнце. По высотам, занятым нашими войсками, немцы продолжали вести методический минометный огонь. Тяжелые разрывы оглушительно громко, эхом перекатывались по балке. Мы оба начинали чувствовать чудовищную усталость и шли больше, не маскируясь, в нас не стреляли, кажется, что сама смерть сегодня устала от своей страшной работы.

После ближнего жестокого боя эта балка нам показалась самым безопасным местом на земле, и мы не чувствовали обманчивости этого впечатления.

– Пойдем туда, к дороге. Может, подводу поймает, – сказал я Карасеву и кивнул головой в сторону противоположного склона балки.

– Ага, – согласился Карасев, – а то не дотащим мы его.

Раненому было плохо. Мы пробовали брать его к себе на спину, но он начинал

громко стонать, кашлять, мы волочили его под руки и этак он, видно, страдал. Его, конечно, нужно было положить на повозку и скорее, скорее! Мы прошли с Карасевым совсем немного, метров пятьдесят и вдруг сквозь еще звенящую боль в ушах я расслышал, что меня кто-то окликает по фамилии. Вначале мне это вроде почудилось, но крики повторились.

– Подожди-ка, – сказал я Карасеву.

Мы осторожно положили раненого на землю, Карасев остался при нем, чтобы случаем не потерять в этой изломанной кукурузе, а я пошел на этот крик.

Метрах в пятнадцати от нас на покалеченных стеблях кукурузы лежал наш разведчик Курочкин.

– Курочкин, ты? Ранен? Куда тебя?

Раненый Курочкин лежал на боку, пытался приподняться на локте и, преодолевая боль, отрывисто говорил:

– В обе ноги. Не могу больше. Федька, не бросай!

Я крикнул Карасеву, чтобы он тащил раненого узбека, а я потащу Курочкина.

– Не жди меня, тащи, а то он захлебнется кровью!

Карасев парень на редкость крепкий, жилистый, он взвалил раненого к себе на спину, ухватил его за руки и, слегка пошатываясь, пошел по разбитому кукурузному полю к дороге. Я финкой разрезал штанины Курочкина. Обе ноги у него прострелены и, как нарочно, обе пули в колена навывлет, а крови немного. У Курочкина один перевязочный пакет, один у меня. Курочкин не стонал, морщился, стиснул зубы и терпел. Мне была знакома острая боль при простом ушибе коленного сустава, а здесь они оба прострелены, и кости, и коленные чашечки, и сухожилия – видимо все вдребезги. Курочкин побелел от острой боли, и лицо его покрылось мелким бисером пота. Похоже, отвоевался солдат.

– Когда ж тебя садануло? – спросил я у товарища.

– На самом краю этой вот... ой! Потише ты... этой кукурузы. Видать из пулемета. Вначале полз. На одних руках полз, потом выдохся. А тут ты, я тебя сразу узнал. Без ног хреново, подох бы я здесь. Здесь никто не ходит. Мне повезло.

– Ни хрена себе везение! Ну, теперь держись. За шею мне хватайся.

Я закончил перевязку с трудом взвалил Курочкина себе на плечи и пошел к дороге наискосок, к тому месту, где дорога по склону балки выходила наверх. Карасева я потерял из вида, но от дороги был уже недалеко. Прошел еще метров сто и услышал стук колес повозки. Недалеко от меня через балку катила пароконная повозка, похоже, в ней были раненые. Кони шли рысью, ездовой погонял их, решив, видимо, сходу взять небольшой подъем и поскорее уйти из этого опасного места.

– Эй, стой! – закричал я ездовому.

Он явно видел меня, видел, сукин сын, что я тащу раненого, но не стал притормаживать. А я боялся, что он сейчас разгонит лошадей, вылетит за край балки, я его потеряю из виду, и тогда поминай его, поминай как звали...

– Стой! Стой, тебе говорят! – крикнул я еще раз, но ездовой не реагировал...

Что тут со мной случилось, я и сам объяснить не мог. Только я быстро опустил на землю Курочкина, снял затвор автомата с предохранителя и выстрелил одиночным выстрелом над лошадьми.

– Стой! Пристрелю суку!

Испуганный ездовой натянул вожжи, повозка остановилась.

– Ты что? Ты что, спятил?! Видишь, у меня раненые?! – закричал ездовой.

– А у меня кто, хрен ты моржовый! Ты куда, сволочь, от раненого тикаешь? Пристрелю тебя, гада, и скажу, что так и было!

– А ты не дави на горло! Много вас здесь, стрелков, развелось. Тоже умник! Остановить повозку на виду у немцев! Да еще стреляет! – огрызался ездовый и не слезал с повозки, чтобы помочь мне, а меня теперь и это начинало бесить.

– Ты у меня, гад, на виду у ихнего фюрера остановишься! Я тебя научу свободу любить! А ну, помоги мне, падла!

Ездовый прыгнул с повозки, но проявил он этакую прыть, по всей видимости, не потому, что проникся чувством солдатского долга, а просто не хотелось ему стоять на этом месте. В повозке раненых было всего четверо, там же лежал и раненый в грудь узбек – лицо у парня из смуглого стало серым и губы посинели. Ездовый поправил сено, на котором лежали раненые и стал пристраивать Курочкина, а тот, торопясь, для чего-то, расстегивал нагрудный карман гимнастерки.

– Ну, вот и порядок! Теперь прощай, брат Курочкин. Не поминай лихом. Похоже, отвоевался ты, так что не увидимся больше, прощай!

– Спасибо тебе, Федька. Прощай, браток. Там, в роте, скажи про меня... – говорил Курочкин и все шарил чего-то у себя в нагрудном кармане.

А ездовый тем временем устраивался поудобнее в повозке, он шевельнул вожжами и кони тронулись...

– Федька, погоди-ка, вот он, вот он где.

Курочкин протягивал мне наполовину сточенный химический карандаш и все говорил:

– Федька, кореш, я тебя в жизнь не забуду. Вот, возьми на память. Тебе он сойдет. Ничего у меня больше нет. Возьми, браток.

Я шел еще рядом с повозкой и взял карандаш у Курочкина. Для солдата химический карандаш – это немалая ценность, и мой товарищ, с которым мы прошлой ночью шли в головном дозоре, с которым вместе прошли много боев, отдавал мне на память последнее, что у него было.

А у Курочкина глаза как-то подозрительно заблестели, и у меня комок в горле...

– Прощай! – крикнул Курочкин.

Лошади пошли снова рысью, и я сразу отстал от повозки...

– Прощай, Курочкин! – крикнул я вслед повозке.

Потом перебросил за спину автомат и тяжело, еле переставляя негибающиеся ноги, пошел по дороге.

Мне нужно было найти своих ребят. Не принято в роте возвращаться поодиночке. Этот сумасшедший день вымотал всех ребят до самого крайнего предела. Почти сутки сплошной, напряженный бой, такой бой, когда покурить или помочиться невозможно, не говоря уже о том, что за все время ни глотка воды и ни корки хлеба. Честно говоря, ни есть, ни пить даже не хотелось от тяжелейшей усталости. В душе оставалась единственная забота – добраться как-нибудь до расположения роты. Эта дорога к Лакисово была единственной, и я был уверен, что именно здесь повстречаю своих товарищей.

Позади еще хлопали отдельные выстрелы, которые сейчас казались совершенно безвредной и бесполезной игрой.

Я понимал, что в этот день я только чудом остался жив. За этот долгий бой и длительную смертельную дуэль с врагом у меня в душе что-то перевернулось. Я окончательно и бесповоротно перестал быть в душе ребенком, юношей. От боя к бою черствело сердце, я стал видеть и понимать всю ненадежную хрупкость человеческой жизни, непредсказуемость судьбы. Теперь, как и остальные закаленные ребята, я отлично знал запах крови и пороха, стал понимать, что в смертельной

схватке способен преодолеть противника или, во всяком случае, недешево отдать свою жизнь. Вместе с этим пришло осознание собственной ответственности за свои поступки. Кажется, я по-настоящему стал мужчиной. Сразу мне трудно было еще во всем разобраться, все понять, оценить, у меня не было ни сил, ни времени, чтобы осмыслить все чувства, они просто отложились в подсознании и лишь одно я знал наверняка: я стал другим и, доведись мне теперь встретить кого угодно из моих родных и товарищей по «гражданке», они бы тоже заметили во мне разительную перемену.

Памятный день, 19 октября, заканчивался, оседала золотистая пыль над дорогой, развеялся дым по балке, порозовело предвечернее небо. Тут я заметил группу людей, сидевших возле дороги у нескольких кустов терновника. Среди сидевших были Ласточкин, Ванька Подосенов с перевязанной бинтом головой и без пилотки, бинт на нем почернел от пороховой копоти, а пятна проступившей крови стали бурыми. Рядом с ним сидел и смолил сигарку Костя Кудряш, у него тоже голова перевязана, только бинт белый и пятно крови на нем красное – это его, видно, царапнуло когда с высоты драпали. Здесь же были Мишка Беляков, Боев, Сальников, Бельтюков, другие ребята и в компании разведчиков мой новый боевой товарищ – автоматчик Карасев и с ним еще двое или трое из взвода автоматчиков.

Увидев меня, Ласточкин произнес:

– Вот еще один, забодай его комарь, сейчас все соберутся.

Оказывается, разведчики поджидали у дороги отставших ребят.

– Ты ранен? – спросил меня Ласточкин.

– Да нет.

– А чего шинель и морда в крови?

Только тут, заинтересовавшись, ребята рассмотрели, что пилотка у меня прострелена (это я знал), на шинели две пулевые пробоины, но, что главное, вся шинель, лицо, пилотка, были забрызганы кровью, к сукну прилипли непонятные грязновато-белые липкие ошметки и клочки человеческих волос.

– Что это? – спросил Подосенов, а я и сам толком не знал.

Внес ясность в это явление автоматчик Карасев:

– Братцы, так это ж... – он на минуту смолк, а потом сказал, обращаясь ко мне,

– так это ж мозги на него выбросило. Парень, наш автоматчик, с ним с этой высоты бежал и ему разрывная в затылок ка-ак вцепит, ну а мозги, кровь, волосы – все на Федьку.

Да, действительно так, я вспомнил, что на меня словно брызнуло чем-то.

– Вот это да-а! – протянул Селиванов.

– Чего только на этой проклятой войне не случится! – добавил кто-то из ребят.

И действительно, расскажи кому – пожалуй, не поверят, а ведь было это, было и в том поклясться готов!

Я повалился с ребятами на пожухлую, остывшую к вечеру траву и впервые со вчерашнего дня закурил. Сигарка прилипла к пересохшим губам, обжигала пальцы. Со слов ребят я узнал, что потери у нас были большими, эта разведка боем дорого обошлась нашей роте и взводу автоматчиков. Сейчас на переднем крае в стрелковой роте оставался Суменков с небольшой группой, чтобы ночью вытащить тех, кто остался на склоне высоты «Нефть». Тяжелая история произошла с нашим политруком Поповым. Смелым и горячим был он мужиком. Узнав от Сальникова, что осталось на высоте всего семеро разведчиков, Попов настоял на том, чтобы командир роты послал к нам на помощь отделение стрелков, но в седловине между

высотами это отделение попало под шквальный огневой налет артиллерии и минометов противника и так уж получилось, что из восьми бойцов роты на высоту прошли только трое, остальные полегли порубленные осколками. Тогда Натынов связался с комбатом и тот передал для усиления разведки полное отделение автоматчиков. Попов сформировал группу, человек в шестнадцать, из числа резервной группы разведчиков, в которую влились прибывшие автоматчики. В какой-то момент эта группа проскочила сквозь вражеское огневое кольцо, потеряв всего троих. Попова, оказывается, неотлучно сопровождал Хорьков. По словам ребят, этот Хорьков дрался там, на высоте, с противником без всякой придури, наравне со всеми. В то время очень тяжело пришлось группе Подосенова, попавшей под сильный пулеметный огонь, поэтому на левый фланг мне в помощь выделили только двух автоматчиков.

Когда немцы перешли в свою последнюю атаку, у наших ребят почти не оставалось боеприпасов, трофейные пулеметы молчали уже давно – были расстреляны все пулеметные ленты. Отразить вражескую атаку было практически нечем, к тому же немцев было во много раз больше, чем наших ребят. Наша оборона дрогнула. Многие оставили траншею и побежали вниз. Попов что-то кричал, грозил пистолетом, но в сплошном грохоте боя никто уже не слышал его голоса. Удержать людей было невозможно. Попов выскочил из траншеи последним, он бежал за Хорьковым. Политрук еще оборачивался, стрелял в преследовавших немцев из автомата, и уже за седловиной настигла его вражеская автоматная очередь. Хорьков прибежал один, и на вопрос «Где Попов?» ответил, что тот убит наповал в седловине. Взбешенный Натынов сгоряча хотел тут же пристрелить Хорькова за то, что тот оставил тело Попова. Но этих тел на склоне проклятой высоты было чрезмерно много. Пулеметчики стрелковой роты своим огнем остановили преследователей и отогнали их. Под прикрытием нашего пулеметного огня и минометной батареи из седловины удалось вытащить троих раненых и Попова. Хорьков то ли соврал, то ли ошибся, но политрук был еще жив, однако был без сознания – три пули прошли ему грудь, одна пробила шею. Его торопливо перевязывала девушка-санструктор, но все видели, как последние искорки жизни угасают в этом человеке. Еще не закончили перевязку, а голова Попова уже беспомощно свалилась набок и из закрытых глаз вдруг выкатилась слезинка. Он перестал дышать.

Впоследствии разведчики еще долго вспоминали своего политрука и судачили о его гибели, однако, мало кто осуждал Хорькова. Да и действительно, в той обстановке и другой вряд ли что-нибудь сделал...

Сидя у края дороги, некоторые ребята, еще не остывшие от горячки боя, вспоминали его перипетии и возбужденно говорили. Громче всех раздавался голос Карсева:

– А он ка-ак врежет очередью – фриз мордой в бруствер. Будь здоров! Нет, с вами жить можно, ребята вы, что надо, свои в доску!

Вспоминали ребята только что пережитое, удивлялись сами, как в этой каше уберегли свою голову и, как я заметил, очень сдержанно принимали похвалы.

Правда, никто теперь не сомневался, что бить немцев мы можем и теперь умеем их бить, только нам бы побольше организованности, взаимодействия с другими частями... Было на душе и горько от больших потерь. Сложили головы отличные, испытанные ребята. Жаль было несчастного Арабова, жалели ребята скромного, застенчивого и отважного Курочкина и такого же Дубинина. Горько было на душе

и от сознания того, что на высоте мы все-таки не удержались, выкинули нас немцы оттуда и что-то еще по этому поводу скажет наш непредсказуемый Натынов.

Начало быстро темнеть. К нам подошли еще двое разведчиков. Нужно было идти дальше, но Ласточкин еще все чего-то тянул. Становилось прохладно. Синий вечер пригасил последние краски вечерней зари, грозовые тучи громоздились на высокие горы, а сзади нас с высоты «Нефть» полетели первые осветительные ракеты.

– Ну, кончай ночевать! Подъем! – скомандовал Ласточкин.

Разведчики поднимались с земли тяжело, сказывалась усталость. Интересно, дадут нам хотя бы денек на отдых, чтобы отоспаться? А под ногами поплыла белесая и бесконечная лента дороги. Разведчики шли нестройной группой, кто-то продолжал курить.

В расположении роты Осейкин хлопотал возле кухни.

– А ну, хлопцы, налетай! Рубай компот – он жирный!

Ужинали уже в темноте, напились пахнущего жиром чая. Вместе с нами по-братски ужинали автоматчики. Я так и не спросил ребят, насовсем их нам отдали? Вообще они ребята стоящие, особенно Карасев.

С Мишкой Беляковым мы заученно постелили одну шинель на сено, накрылись другой шинелью и еще сверху плащ-палаткой и словно провалились в непроглядно глубокий сон.

Кажется, снилась мне красная физиономия в глубокой черной каске, выглядывающая из-за бруствера. Я стрелял в нее, а немец хмурил свои белесые брови и целился в меня – и я отчетливо видел черную дыру в стволе его автомата.

* * *

Прошло несколько дней. Погода снова испортилась. Дождей не было, но небо затянуло ровной серой пеленой облаков. В горах, даже у нас в Лакисово, по утрам на плащ-палатках и на пожухлой траве появлялся седой иней. Ночами было холодно, и мы стали всерьез подумывать о том, чтобы копать землянки.

Не гремели больше бои в районе Малгобека, и на участке какое-то странное затишье. Так продолжалось несколько дней, но утром мы почувствовали какую-то тревогу. По дороге замельтешили конные и пешие офицеры, зачистили автомашины, но на передовой вроде все оставалось по-прежнему: как писали в сводках – «ружейно-пулеметная перестрелка и освещение переднего края ракетами». И солдатский беспроволочный телеграф к середине дня сообщил: под Эльхотовом началась заваруха. Эльхотовы ворота словно прорубил беспокойный Терек между крутым и лесистым склоном Змейских гор и тоже крутых, но голых скатов Сунженского хребта. Здесь проходили железная и шоссейная дороги от Эльхотова к Орджоникидзе и к Махачкале и Грозному. Это были ворота к сердцу Кавказа – к столице Осетии городу Орджоникидзе, к Дарьяльскому ущелью и на юго-запад к Баку.

Танковые и пехотные части вермахта, поддержанные большим количеством авиации, вначале попытались прорваться к этим воротам, но были остановлены перед Эльхотовом. Все их атаки были отбиты. Тогда всю тяжесть удара немецкое командование перенесло на Малгобек, чтобы взять его и по долине Алханчурт выйти к Грозному. Моздокская степь задрожала и застонала от сотен танков и самолетов. В одной из атак на Малгобек двинул танковый клин из 150 тяжелых танков. Десятки самолетов в день делали до тысячи вылетов и обрушили на обороняющих

Малгобек морских пехотинцев более тысячи тонн авиабомб. Черный дым стелил над степью и над горами, и солнце тусклым красным диском едва пробивалось сквозь его завесу. Фашистам удалось захватить развалины Малгобека, но было потеряно много людей и боевой техники. Наступление фашистских частей захлебнулось. Одновременно отборная немецкая дивизия «Викинг» повела наступление на слабую, обескровленную оборонительную полосу нашей бригады в районе Верхнего Акбаша и Нижнего Курпа. Противнику удалось захватить Илларионовку, но к перевалу немецким частям выйти не удалось.

Впоследствии стало известно, что фюрер был в бешенстве. Его главной целью летней кампании было выйти к берегам Волги, помимо стратегических соображений он руководствовался соображениями престижа – он сам обещал немецкому народу, что уже осенью 1941 года он будет на берегах Волги. О, эти штабные бездарные стратеги! Они подвели его. К берегам большой Волги, разделившей Россию на две половины, он вышел только осенью 1942 года – на год позже. Но Паулюсом он доволен. Газета «Фёлькишер беобахтер» поместила снимок утомленного боем немецкого солдата, который черпает каской воду из Волги в самом Сталинграде, в городе, который носит проклятое имя его врага, врага упрямого и упорного. Он сумел сколотить тот противоестественный союз Англии, Америки с коммунистами России. Но это еще ничего не значит. Америка за океаном, а Англия выучена Дюнкерком* – она не сунется на континент. Теперь главная задача – Кавказ. Если вермахт достигнет нефтеносных районов Кавказа, то не замедлит вступить в войну Турция. Иран поднимется на Индию, а танковые части фюрера войдут в Каир не с запада, а с востока. И тогда мир преклонит колени перед Германией, перед ним – фюрером немецкого народа. Но кто мог предположить, что этот чванливый генерал Лист, возглавлявший группу армий «А», так бездарно застрянет на пороге свершения стратегического замысла фюрера? Фюрер не беспокоился об открытом левом фланге Листа – в калмыцких степях от колодца до колодца двадцать километров. Это мертвая пустыня и пусть она такой остается. Но здесь, на пороге Орджоникидзе, отличные дороги, богатые станицы, способные обеспечить солдат вермахта всем необходимым. Естественно, русские понимают безвыходность своего положения и будут драться с отчаянием обреченных, но именно поэтому здесь не должно остаться ни одного советского солдата – они должны быть уничтожены. Практически осталось еще одно усилие, один концентрированный удар – и на юге с Советами будет покончено. Кавказ станет немецким, Турция и Иран пополнят ряды союзников... нет, не союзников, а сателлитов вермахта. Рухнет весь восток, он станет послушным рейху.

За танковыми частями Листа уже изготовился к прыжку на Тегеран, Багдад, Карачи специально подготовленный корпус. Теперь все зависит от одного мощного удара... Но этот Лист! Фюрер был в бешенстве – эта штабная крыса Лист топчется на месте! Он осмеливается топтаться на месте, когда у русских нет не только подготовленных оборонительных рубежей на Кавказе, нет даже сплошной линии фронта. Лист взял Моздок, но завяз перед каким-то грязным городишком – Малгобек. Лист беспомощно топчется у Эльхотово. Он, как слепой щенок, топчется мордой куда придется. Он завяз под Новороссийском, завяз под Туапсе. Альпийские стрелки поставили немецкий флаг на Эльбрусе, на высочайшей горе Кавказа и всей Евро-

* Дюнкерк – город на берегу Ла-Манша, где в мае 1940 года были блокированы гитлеровцами французские войска и Британские экспедиционные силы.

пы – это правда, но что дальше? Ведь не для этого Листу отданы лучшие танковые и пехотные соединения вермахта.

Лист был отозван в Германию. Лист изжил себя. На его место был поставлен Клейст – генерал, пользующийся особым доверием фюрера. Опытный и напористый Клейст заверил, что еще в этом году немецкие танки будут заправляться бакинской нефтью. Он был уверен в успехе, тем более ему было известно, что командующим советскими войсками у русских был генерал Петров, самый непопулярный генерал, к которому Сталин не питал доверия. Сталин поручил своему самому одиозному министру Берии, который являлся по существу вторым лицом в политической иерархии русских, контролировать действия Петрова. Это почти наверняка закончится тем, что Сталин руками Берии сам снимет Петрову голову. Достаточно малейшей неудачи и с Петровым будет покончено, а эту неудачу Клейст обеспечит Петрову. Клейст был сторонником таранных мощных ударов. Он решил не повторять ошибок своего предшественника. Мощный бросок вперед, удар всеми силами – вот залог успеха. Достаточно проломить слабо подготовленную оборону в Эльхотовых воротах – и Алагир, Беслан, Орджоникидзе, Грозный будут захвачены. Слабая оборона русских развалится, как карточный домик. Их нужно будет жать к Махачкале, к Дербенту и к Баку. Берия держит две или даже три дивизии МГБ в районе Дарьяла. Пусть они там и сидят. Наступает зима, и одним пехотным полком Клейст запрет эти дивизии в ущельях, а основные силы двинет на юг...

Обо всем этом достоверно и точно впоследствии расскажут историки. А пока в двадцатых числах октября стало точно известно, что немецкое командование стягивает большие силы к Эльхотову. В районе Вознесенской, Малгобека, Лакисово, Верхнего Курпа и Илларионовки противник пытался атаковать наши части незначительными силами и, скорее всего, это была тактика отвлекающих ударов. Петров, видимо, разгадал намерения Клейста. К Эльхотовым воротам стягивались артиллерийские части «Катюш», ночью копали траншеи и противотанковый ров, даже зенитные пушки ставили у дорог для борьбы с танками.

Небо было безнадежно серым. Горы большого Кавказа уперлись в эту ровную скучную серую пелену и растаяли в ней. Было сухо, сравнительно тепло, но видимые горы Змейка, Заманкул, Курп побелели от выпавшего там снега. Снежная пелена с каждым днем опускалась все ниже и ниже.

В один из таких серых дней небо наполнилось напряженным, дрожащим ревом авиационных моторов. Двухмоторные Ю-88, Хейнкели-111, пикирующие бомбардировщики Ю-87 большими партиями, от 20 до 40 самолетов, обрушили страшные бомбовые удары по Орджоникидзе, Гизелю, Беслану, Алагиру, но основная тяжесть удара пришлось по Эльхотовым воротам. Как только небо освобождалось от самолетов, так в тот же момент открывали огонь сотни пушек и минометов. Место примерно в два километра шириной и километра три в глубину превратилось в ад, где сама смерть устроила свою свирепую пляску. Фашисты молотили бомбами, снарядами и минами этот участок земли несколько часов подряд. Небо стало черным от вздыбленной земли и дыма. От грохота разрывов дрожали горы, и когда противнику показалось, что в узком проходе между горами не осталось уже ничего живого, когда вода в Тереке стала мутно-желтой, только в этот момент была отдана команда «Вперед!» трем танковым дивизиям и пехотным частям.

Первой на позиции русских пошла 13-я танковая дивизия вермахта, лучшая дивизия на Южном фронте. В головном танке был сам командир дивизии. Он ко-

мандовал танковым экипажем и вел за собой все 230 танков. Он не закрыл люка. Он стоял в башне, высунувшись из нее по пояс. Он был уверен в себе и своих танкистах. Успех обеспечен! В Эльхотовых воротах живых солдат противника больше нет. Вперед! «Гот мит унс!»...

Наши солдаты всю ночь долбили каменистую почву, оборудуя огневые позиции для пушек, траншеи, углубляли противотанковый ров. Сюда стягивались бригады, отдельные полки, арtdивизионы. Солдатам некогда было спать, некогда перекурить, руки покрылись кровавыми мозолями, но, уже наученные войной, они зарывались в землю.

Над Эльхотовыми воротами несколько дней подряд появлялась «рама» – двухфюзеляжный и двухмоторный самолет-разведчик. По нему стреляли из всех видов оружия, но он казался неуязвимым.

В серое октябрьское утро небо наполнилось гулом десятков самолетных моторов.

– Воздух! Воздух! – пронеслось по траншеям.

Первая партия юнкерсов засыпала нашу передовую градом бомб. Не успели юнкерсы отвернуть, как загрела артиллерия. В небо летели камни, земля, какие-то доски, палки. Земля стонала, дрожала, как в лихорадке и, казалось, сами траншеи выворачиваются наизнанку. Партии самолетов сменяли друг друга. В Эльхотовых воротах стало темно, как ночью, и нечем было дышать. Воздух сгорел, остался один кислый запах взрывчатки и тяжелый, густой, приторный запах человеческой крови. В огненном аду горели автомашины и в огне звонко лопались патроны; тонко ржали, металась ошалевшие лошади и падали, срезанные осколками. Солдаты лежали на дне траншей и окопов, уткнувшись в землю, или смотрели округлившимися от ужаса глазами в смертоносное небо, и никто уже не обращал внимания на убитых. С большим трудом удавалось перевязать раненых и оттащить их в относительно безопасное место за какой-нибудь камень. После нескольких часов этого ужаса, сквозь сплошной дым, чад и грохот донесся накатывающийся тяжелый гул танковых моторов.

– Танки! Танки! – раздались голоса.

Оставшиеся в живых люди готовили противотанковые гранаты, наводчики уцелевших пушек прилипли к прицелам. Из-за завесы пыли и дыма, наконец, появились танки. В переднем танке, высунувшись по пояс из люка, стоял немец. Танков было много, они выли моторами, скрежетали гусеницами, и гарь взрывчатки перемешалась с черным дымом выхлопных труб танковых моторов.

– ...Прямой наводкой, бронебойным... – слышалось на огневых позициях.

Звонко ударили первые выстрелы противотанковых пушек. Из-за отрогов гор, из-за лесопосадок взревели «Катюши», и огненный смерч взметнулся к небу, рвал в клочья железо, пожирал все живое среди наступающих.

Термитный снаряд брызнул снопом ослепительно белых искр на броне ведущего танка и человек, стоявший в люке, упал вниз, в темную утробу железного чудовища. Второй снаряд попал в моторное отделение танка и из всех щелей и пробоин пополз дегтярно-черный дым. Тяжелый ствол его пушки с набалдашником на конце шевельнулся, пополз вниз и тупо устоялся в землю. Рев, грохот, скрежет, визг металла и огня, не смолкая, бушевал более часа в горловине Эльхотовых ворот, и наступило то время, когда огонь стал стихать, а танки попятиться назад к Эльхотову. Эту передышку, минутное затишье наши части использовали для того, чтобы вывезти раненых, доставить на огневые позиции снаряды, патроны, гранаты. По

дорогам неслись взмыленные лошади, подпрыгивали на воронках подводы, летели ошалелые шофера, едва успевая объехать разбитые пушки, воронки, окопы.

Фашистское командование вело перегруппировку сил, подтягивало резервы. Командир 13-й танковой дивизии был убит, сгорело более двадцати танков, пехота понесла тяжелые потери.

За этот тяжелый день в горловине Эльхотовых ворот было отбито пять атак. Земля почернела от гари и пропиталась кровью, и только ночь приостановила активные действия танков и пехоты, но не остановила кровопролитие. Десятки ночных бомбардировщиков врага засеяли Эльхотovy ворота и дороги, ведущие к ним, касетными бомбами с «хлопушками». Артиллерия и минометы вели всю ночь активный методичный обстрел наших позиций, и только с рассветом наступила полная предгрозовая тишина. Еще дымили на дорогах подожженные машины, еще ездовые ошалело хлестали измученных лошадей, когда небо вновь наполнилось гулом моторов. И второй день начался страшным боем: горели оставшиеся деревья, горело железо, горели камни. Черный дым стелился по земле и уже не было слышно отдельных выстрелов и взрывов – все слилось в сплошной обвальный грохот.

Тяжелые, страшные потери несли обе противоборствующие стороны. У нас почти не было авиации, во всяком случае, немцы имели абсолютное превосходство в воздухе, но нас выручали «Катюши» – своим огнем они сметали с лица земли все живое. Но наступил такой момент, когда создалась все же реальная угроза прорыва нашей обороны. К исходу вторых или третьих суток боев почти опустели траншеи и огневые позиции артиллеристов и минометчиков. Нет, справедливости ради следует сказать, что там, в горловине Эльхотовых ворот, не было отступавших, там были только убитые. Раненых и тех было мало, потому что покалеченных людей было невозможно вытащить из ада, большинство из них было добито осколками, пулями, сгорело в пламени огнеметов.

В это тревожное время наша бригада сдала каким-то другим частям свой участок обороны и сосредоточилась в районе Старого Батакоюрта. Разведроте было приказано выйти к Беслану и занять оборону от подножья Сунженского хребта до окраины города в нескольких дзотах, оборудованных кем-то из железнодорожных деревянных шпал и земли. Три или четыре дзота были изолированы друг от друга и расположены в ровном, как летное поле аэродрома, поле. Где-то в середине этого поля оказался дзот, в гарнизоне которого оказались, кроме меня, Мишка Беляков и Витька Золотов.

Витька Золотов пришел в роту под Лакисовом в числе пополнения. Невысокого роста, худощавый, в худых растоптанных кирзовых сапогах. Весь его вид – золотая коронка, наколки на руках и его блатная песня – заставляли меня относиться к нему настороженно: второй Хорьков объявился. Но Золотов вел себя совсем по-другому. В отличие от Хорькова он не рыскал по чужим вещмешкам, не жрал украдкой, охотно делился с товарищами и сухарями, и табаком.

В своем дзоте мы расположились рано утром. К обеду должен был прибыть наш обоз. Местом его расположения должна была стать посадка по краю железной дороги, что шла от Беслана до Орджоникидзе. Обжили мы свой дзот быстро. Слева от нас, примерно в полутора километрах, Беслан – одноэтажные домики, голые деревья, разбитый бомбами элеватор; справа, километрах этак в двух с половиной, невысокие серые горбы Сунженского хребта. Амбразура дзота смотрит на север – в ту сторону, откуда должен двигаться враг. Большого Кавказского хребта не видно – его заслонили серые тучи. Над нами изредка принимался моросить мелкий осен-

ний дождь, но в дзоте было сухо и довольно тепло. Вход мы занавесили плащ-палаткой. Пулемета у нас не было, поэтому пулеметная полка в дзоте перед щелью амбразуры служила нам столом. Все трое мы понимали, что если по этому полю пойдут немецкие танки или бронетранспортеры, то они прежде всего разнесут в щепки эти дзоты, потому что их видно со всех сторон, они ничем не заминированы и пригодны только для того, чтобы проводить тактические учения для танкистов по теме «Уничтожение долговременных огневых точек противника». Единственное, на что мы надеялись, так это на стойкость наших частей, которые ведут где-то бой и не должны пропустить сюда вражеские танки.

Днем, часов в одиннадцать или двенадцать, две большие группы немецких бомбардировщиков Ю-88 подвергли жестокой бомбежке северную окраину Беслана и подножье Сунженского хребта. Мы сидели в дзотах, матерились от бессильной злобы, смотрели как размеренно и спокойно сбрасывали бомбы немецкие самолеты. Они, подлетая с севера к Беслану, сбрасывали часть бомб, потом продолжали лететь на юг. Где-то далеко разворачивались и на обратном пути, не ломая своего боевого построения, сбрасывали остальные бомбы. Над Бесланом вздымались плотные клубы дыма и земли – там что-то горело. Также грохотало от бомбежки у Сунженского хребта и черный дым стелился по земле.

– Во дают, во дают, гады! Где ж наши-то сталинские соколы, мать бы их за ногу! – негодовал Беляков.

Часа через полтора Миша Беляков взял котелки, закинул автомат за спину и пошел в условленное место, где должен был уже расположиться наш обоз и подтянуться вся рота. Мы с Витькой Золотовым скучающе смотрели в амбразуру на совершенно гладкое и безлюдное поле. В горах уже снег, а здесь мелкая морось и грязно-рыжая, давно увядшая трава.

– Вить, ты до войны где жил? – спросил я, чтоб чем-то развеять надоевшее скучное однообразие.

– С Саратова я. Слыхал такой город, гражданин начальник?

– Я тебе не начальник и тем более не гражданин. А не хочешь, так не говори. Обидел невзначай – прости, ведь я так просто. В роте все про всех знают, кроме Хорькова.

– Ты меня с этим гадом не равняй. Голову на отсечение даю, что этот гусь в лагере стукачом был. Знаю, видал я таких. А обидеться – что ж... не обиделся я. Вам с Мишкой могу сказать: сидел я до войны, до осени 41-го. За что, про то рассказывать долго. 58-й статьи боялся, однако дали другую. Как простого урку судили – и в лагерь. За Байкалом был. Многих из нас добровольцами на фронт послали и сразу с ходу в атаку. Провоевал я недолго, ранили. В госпитале провалялся. Из госпиталя вышел – и к вам в бригаду. В госпитале от матери письмо получил: на отца, на среднего брата похоронку получила. Старший воюет, где – неизвестно, письма от него вроде еще не получает. Вот и вся история. Одно скажу: на советскую власть у меня никаких обид нет, на нашу городскую власть у меня злости хватает. После войны разбираться станем, что там к чему, а сейчас некогда.

Помолчали. Еще одна судьба. Непростая судьба, изломленная, а воюет парень здорово – ни своей, ни вражьей крови не щадит.

– Ты вот скажи мне, – снова начал Золотов, – у начальства котелок варит или нет? Это поле заминировать нужно было, а наши дзоты – тьфу. Метров на пятьдесят танк подойдет, как шарахнет по амбразуре прямой наводкой – и будь здоров!

Торчим мы на этом поле как чирьи на заднице, а начальство себя тешит – меры приняты, оборона обеспечена...

– Вон, топает, – скоро услышал я его голос и понял, что топает Беляков, значит, сейчас будем обедать.

Минут через пять послышался голос Белякова. Он передавал котелки Золотову, а сам причитал:

– Ну дела, ну дела! Это ж надо. Вот и знай, где тебя стукнет...

Оказывается, вся наша рота пришла в место назначения без приключений, а обоз попал под бомбежку на дороге, когда спускался с гор в долину. Одна осколочная бомба взорвалась рядом с повозкой. Убит старшина, тяжело ранен ездовой. Повозка в щепки, все добро – в куски, обе лошади погибли. Остальные уцелели. Отделались легким испугом, как протокольно выразился Беляков.

И еще новость: в Беслане элеватор и паточный завод разбили. Патока течет, как смола. Ребята в роте сшаромыжничали – притащили пару ведер. Я пробовал – ничего, сладкая.

– Вот! Это по моей части. Давай рубать, и я в командировку за патокой. Не будет возражений? – предложил Золотов.

Возражений не было. После обеда он перебросил за спину автомат и отправился прямо к Беслану.

– Эй, друг, а котелки? – крикнул я Золотову.

Но тот только рукой махнул:

– Их полдня еще мыть надо. А где я их вымою?

И ушел. Его не было долго. Наступили сумерки и пришла моя очередь топать за ужином. По дороге я вытер котелки увядшей сырой травой, уже в роте вымыл их теплой водой.

Осейкин повторил мне рассказ Золотова. От него я узнал, что Рябчунов назначил старшиной роты Медвинского. Анатолий воспринял это назначение с неохотой, но приказ есть приказ.

Одна поисковая группа направлялась к Бруту, другая еще дальше – к Алагиру. Нужно было на месте уточнить обстановку. В работу включился снова шофер Чижик на своей посеченной осколками полуторке. В Брут и дальше к Эльхотовым воротам поехала разведгруппа тоже на машине. В общем, начались заботы. Что происходит в Эльхотовых воротах, в роте не знали. Этого, очевидно, не знало и командование бригады, поэтому туда и покатили разведчики. Батальоны бригады еще были в горах и обстановку, конечно же, знать было нужно.

А я отправился снова в свой дзот. Когда вернулся, на месте был уже и Золотов. Амбразуру ребята загородили доской, на пулеметной полке горел огарок свечи, а на полу стояло оцинкованное ведро, до краев наполненное янтарной патокой. Сверху на ее поверхности какой-то белый налет вроде очень тонкой пены. Этой патокой было вымазано все: шинель Золотова, плащ-палатка, загораживающая вход, пол, приклады автоматов. Все было липким, к чему бы не притронулся.

А Золотов и Беляков были довольны:

– Жора, рубай компот, он жирный, – снова на каком-то блатном жаргоне заговорил Золотов.

Мы поужинали, и так как солдат не бывает абсолютно сытым, мы стали мочать хлеб в ведро с патокой и есть. Потом, когда хлеба осталось мало, мы ели патоку

ложками и закусывали маленькими кусочками хлеба. Патока бесконечной ниткой тянулась с ложки, была тяжелой и немного сладкой.

Всю ночь и все наступившее утро нас извела отрыжка тухлыми яйцами.

– Ни хрена себе угощенье! – негодовал Золотов

* * *

Утром Беляков принес завтрак и передал приказание командира роты оставить дзот и всем прибыть в расположение роты.

В роте снова уйма новостей – вернулись обе разведгруппы. Ребята рассказали, что Алагир все время бомбят, много пожаров, население бросает дома и уходит в горы. В районе Эльхотовых ворот наши вроде пока держатся, но оттуда повозка за повозкой везут раненых. Раненые говорят, что драться почти некому, все окопы и траншеи перепаханы артиллерией, на дню отбивают оставшиеся солдаты до пяти танковых атак. Танки идут массированно, их поддерживает бомбардировочная штурмовая авиация, огонь вражеской артиллерии и минометов головы не дает поднять. Нередко раненые преувеличивают тяжесть обстановки, но солдатское чутье нам подсказывало, что в Эльхотовых воротах идет тяжелый, страшный бой и у нас не было уверенности, что без достаточной помощи части, обороняющие Эльхотовы ворота, выдержат танковый натиск врага. А батальоны нашей бригады тем временем подтягивались к Беслану, располагались на его окраинах, рыли окопы по берегу мутного и стремительного Терека и недоумевали по поводу того, почему нашей бригадой не затыкают горловину Эльхотовых ворот.

Наступил ноябрь, и первый его день принес тревожную весть, перевернувшую нашу относительно спокойную жизнь, продолжавшуюся несколько дней. Немногочисленные раненые рассказывали, что горно-стрелковые части фашистов якобы прошли какими-то тропами через Змейские горы. И в тот момент, когда танковая лавина противника вновь обрушилась на нашу передовую, батальон немецких автоматчиков скатился с гор и ударил во фланг и в тыл нашим обороняющимся частям. Тяжелые бомбы разрушили противотанковый ров, артиллеристы, атаковавшие с тыла, отбивались от автоматчиков. Артогонь ослаб, немецкие танки ворвались на нашу передовую, давили гусеницами наши пулеметы и пушки, разворачиваясь над траншеями, заваливали их землей вместе с живыми, ранеными и убитыми солдатами и заваленную траншею утюжили гусеницами.

Действительно, в горловине Эльхотовых ворот не было отступивших, были погибшие. Говорили и о том, что, несмотря на весь ад этой танковой атаки, фашистам удалось прорваться только левым берегом Терека, а на склонах Сунженского хребта продолжали упрямо держаться какие-то наши части.

Уже через несколько часов танковая лавина и мотопехота фашистов захватили город Ардон и неудержимо двигались в сторону большой станицы Архонская, к Майрамадагу, к Орджоникидзе.

Солдаты батальонов нашей бригады продолжали спешно окапываться по берегу Терека, чтобы пресечь попытки противника прорваться к Беслану, Назрани, Карабулаку, т.е. преградить врагу путь к сердцу Осетии городу Орджоникидзе и в Дагестан.

Перед самым обедом в роту прикатил Чижик. Его промасленная, лоснящаяся телогрейка была порвана, из дыр торчала серая вата, сапоги в грязи, щеки давно

небритые, глаза красные, воспаленные. Видно, парень давно не спал, долго носился по дорогам. Рябчунов быстро сформировал небольшую разведгруппу во главе с Суменковым. Шесть разведчиков, в том числе и я, быстро пообедали и полезли в кузов выносливого ГАЗика.

– Бегом, хлопцы! – подгонял нас Рябчунов. – Автоматы на предохранитель. Суменков, проверь!

Это предупреждение не было лишним: Чижик носился по дорогам, как сумасшедший. Если машина резко подпрыгнет на ухабе, то не поставленный на предохранитель затвор автомата непременно отойдет от толчка подпрыгнувшей машины назад и тогда, если он зацепит патрон, автомат выстрелит и пуля пойдет туда, куда обращен ствол автомата.

Чижик действительно гнал машину на пределе ее технических возможностей. Нас подбрасывало и швыряло в разные стороны. Очень скоро мы подкатили к каким-то домикам и остановились. Из кузова вылезать не велено. Около одного дома стоял маленький юркий «Виллис».

Только здесь мы узнали, что наша группа должна сопровождать командира бригады полковника Добровольского. Я слышал это имя, но в лицо командира бригады видеть как-то не приходилось. Суменков пошел в дом докладывать, а мы послушно сидели в кузове.

Минут через пять из дома выскочил Суменков, крикнул что-то Чижику и полез к нам в кузов.

Из дома вышел высокий худощавый полковник (петлицы на длинной кавалерийской шинели с четырьмя шпалами) и, не торопясь, сел в «Виллис» рядом с шофером. На заднем сидении расположились два каких-то майора, в кабину к Чижику сел старший лейтенант. «Виллис» тронулся, за ним наш ГАЗик. Мы катили по шоссе на дороге, изуродованной воронками, проехали Беслан, по деревянному широкому мосту переехали Терек, и катили какими-то ухабистыми дорогами на север, туда, где от земли в небо поднимались тяжелые, темно-свинцовые клубы дыма и пыли. Звуков боя мы не слышали из-за надрывного стопа мотора, грома и треска кузова и колес. Потом «Виллис» свернул на прямой, как струна, проселок и мы покатали прямо к тому дыму. Проехали по тому проселку километра три и остановились у невысокого кургана. Машины сразу же ткнулись моторами в придорожный невысокий кустарник.

Из «Виллиса» вылезли офицеры и взобрались на вершину кургана. Мы тоже попрыгали на землю. Подниматься на курган нам было неприлично и мы остановились на его склоне метрах в десяти от командира бригады. То, что открылось нашим глазам, было непонятно и страшно. Там, впереди, километрах в двух с половиной от нее был совхоз «Рассвет». В серой ровной степи рассыпаны белые домики, высокие безлистные метелки тополей, голые сады – все было, как декорация на огромной сцене. Но над «Рассветом» стояли сплошной грохот и рёв. На окраине совхоза от разрывов снарядов повисла сине-свинцовая туча. Земля дрожала даже здесь, на кургане. Трассирующие снаряды кромсали эти беззащитные белые домики, где метелки тополей. Где-то справа от нас непрерывно звенели выстрелы пушек. В подблочной вышине вдруг появлялись дымные трассы снарядов, которые по наклонной стремительно неслись к «Рассвету». Эти трассы вонзались в землю и мгновенно от земли взлетали вверх черные фонтаны взрывов.

– От дают, от дают! – не выдержал кто-то из разведчиков.

Потом со стороны Орджоникидзе невысоко над землей появилась стая бомбардировщиков в сопровождении маленьких, юрких истребителей. Бомбардировщики, летевшие с нашей стороны, сбросили бомбы на совхоз «Рассвет», и серые, и черные клубы разрывов взметнулись к серому небу, и земля вздрогнула от этого бомбового удара.

– Так это ж наши самолеты пробомбили! – высказал предположение один майор.

Добровольский молчал. Другой худощавый, подтянутый майор посмотрел на первого и, не улыбаясь, строго и холодно ответил вопросом:

– По вашему мнению, наши самолеты сбросили бомбы как раз туда, куда только что была немецкая артиллерия?

– Но самолеты летят с нашей стороны от Дзауджикау! – майор произнес это непривычное название, похоже, бывшего города Орджоникидзе.

На всех новых топографических картах привычное название столицы Северной Осетии «Орджоникидзе» было заменено на новое «Дзауджикау». Где-то я слышал разговор, что на берегу Терека, вырывающегося из Дарьяла в равнину, было древнее горское поселение Дзауджикау. Потом на месте этого поселения или рядом с ним была выстроена царем крепость Владикавказ. После революции, уже в тридцатых годах, город был назван именем известного соратника Ленина, видного политического деятеля Орджоникидзе. И вдруг нá тебе – уже не Орджоникидзе, а Дзауджикау. Однако, народ привык к первому названию города и именовал его по-прежнему. Переименование города мои товарищи молчаливо относили к каким-то проискам Берии, которого не уважали и не любили, как остальных известных народу вождей и государственных деятелей того времени. Интересно: кто, за что и почему невзлюбил Серго Орджоникидзе, кто стал вдруг заинтересован в том, чтобы само имя Орджоникидзе постепенно забывалось бы народом? Этот вопрос тоже следовало бы отложить на послевоенное время, но кто-то был нетерпелив и спешил уже сейчас выбелить имя старейшего члена ленинской гвардии. Вряд ли Сталин. Скорее всего, этот непонятный выскочка Берия... Но и над этой загадкой не пришлось ломать голову. От тяжелой стаи бомбардировщиков невесть зачем отделились две точки – два истребителя, на бреющем полете понеслись над дорогой прямо на нас. Добровольский не двинулся с места. Истребители неслись еще бесшумно, стремительно увеличиваясь в размерах. Потом послышался пронзительный звенящий свист и над нашими головами промелькнули два мессершмитта. Узкие крылья, тонкий фюзеляж мелькнули черными молниями, но все мы отлично рассмотрели черные кресты на крыльях и силуэты истребителей.

– Что ж, других доказательств в вашем споре не требуется, – обронил Добровольский.

– Немецкие танки уже утюжат «Рассвет». К вечеру они могут оказаться у Кирова и Нарта.

– Разведчиков пошлите в этом направлении. Вечером доложите мне результаты, – обратился комбриг к сухощавому майору и, не спеша, стал спускаться с кургана. А сухощавый майор Прокопчук подошел к нам и, обращаясь к Суменкову, ставил задачу так, чтобы ее слышал и понял каждый из нас.

– Противник ведет бой за «Рассвет», обороняющиеся там наши части вряд ли продержатся долго. Ваша задача – разведать обстановку в районе севернее Кирова, в Нарте и результаты доложить ночью. О полученной вами задаче я поставлю в известность Натынова и Рябчунова. Задача ясна?

– Так точно, – ответили мы немного вразнобой, но дружно.

– И еще – шофер ГАЗика доставит вас в район Нарта, дальше уже будете действовать самостоятельно.

– Ну вот, начинаются дни золотые, – заключил Суменков, когда «Виллис» со всеми офицерами запрыгал по дороге. Он посмотрел на топокарту и скомандовал:

– По местам!

Мы быстро залезли в кузов ГАЗика и снова запрыгали в ошалелой тряске. Мы сворачивали с одной дороги на другую и вскоре выскочили к сравнительно небольшому селению – Нарт. На окраине Чижик резко тормознул и остановил машину. Хлопнула дверца кабины, вылез Суменков и мы выпрыгнули из кузова.

– Давай, Чижик, езжай, как я тебе говорил, пока совсем не стемнело.

– Добро. Ни пуха вам!

– Пошел ты к черту!

Заскрежетал стартер, мотор фыркнул. Чижик развернул машину и помчался, подбрасывая задними колесами комья черной земли, назад к Беслану.

Осетинское селение Нарт словно вымерло. Весь день жители слышали отзвуки грозного боя в районе «Рассвета», они знали, что это означало. Это было эхом надвигающейся неотвратимой беды и ее ждали в каждом доме... Мы прошли настороженно примолкнувшим селением и направились на север в Кирово. Стемнело, когда мы подошли к поселку. Теперь мы видели непрерывные ракеты, слышали пулеметную стрельбу, взрывы снарядов где-то левее и даже позади себя. От Кирово мы повернули по какой-то дороге влево. Как мне показалось, прошли километра три и вышли к реке. Правее разглядели мост и на другом берегу слева – черные силуэты какого-то поселка. Как ни странно, мост никем не охранялся. Внизу шипела на перекате какая-то горная река.

Кто-то спросил:

– Терек?

– А черт его знает, здесь этих рек прорва, и все вроде Терека, – ответил Суменков.

Осторожно остановились перед незнакомым поселком, послушали.

– Да нет здесь фрицев. Они бы мост не оставили без охраны. Ох, и везет нам, дуракам, дай бог не сглазить, – заключил Суменков и первый пошагал к поселку.

В первом крайнем домике, в который мы постучали, дверь нам открыла пожилая седоволосая женщина в черной одежде. Она впустила нас в дом. На столе посередине большой комнаты горел тусклый фонарь «летучая мышь» с закопченным стеклом, окна комнаты занавешены тряпьем, стены и углы помещения тонули в темноте. Женщина вопросительно смотрела на нас.

– Здравствуй, хозяйка, – поздоровался Суменков.

– Здравствуйте. Кто вы? – тихо спросила женщина.

– Мы бойцы Красной Армии, не бойтесь нас. Мы пришли узнать, были здесь фашисты или нет.

– Вы от них уходите?

– Мы ищем их.

– Поздно вы пришли их искать. Утром были мотоциклисты. Их было немного и они уехали. А к вечеру пришли ваши солдаты. Они были в доме напротив.

– А сейчас?

– Откуда мне знать? Я не выхожу из дома.

– Спасибо, хозяйка. Пошли, ребята!

Мы постучались в дом напротив. Вначале нам никто не открывал, а потом пронзительный громкий женский голос спросил сквозь дверь:

– Кто там? Чего вам надо?

– Мы свои, хозяйка, открой дверь на минутку, – попросил Суменков.

– У меня и так уже полный дом солдат. Идите напротив.

– Нам нужно поговорить с солдатами.

– Утром поговорите.

– Хозяйка, открывай быстро и не вводи меня в грех. Я командир.

За дверью зашумела отодвигаемая задвижка, лязгнула щеколда и в темном провале сеней чуть угадывалась невысокая женская фигура.

– Проведи нас к солдатам. Где они?

Заскрипела какая-то дверь и в темени обозначился тусклый светлый квадрат. Здесь на столе горела маленькая плошка, словно лампадка. В комнате пахло табаком и грязными тряпками. На темном полу еле угадывались двое спящих солдат. Один сидел за столом, ворот его гимнастерки был расстегнут, в зубах самокрутка. На столе перед ним лежала винтовка. Увидев входящих, боец встал, взял в руки винтовку и то ли машинально, то ли с умыслом направил на Суменкова свое оружие. Мы с Золотовым щелкнули взведенными затворами автоматов.

На полу завозились, кто-то стукнул прикладом винтовки о досчатый пол. Один из наших ребят чиркнул спичкой. Дрожащее пламя осветило встающих с пола еще двух бойцов.

– Кто такие? Документы! Кто старший? – грозно спросил Суменков.

– Что надо? Вы сами-то кто? – хриплым голосом спросил солдат, сидевший за столом.

– Встать, как положено. Я сейчас разъясню, кто мы такие. Документы? Кто старший, спрашиваю!

В голосе Суменкова зазвучала уже нешуточная сталь.

– Ну, я старший, чего шуметь-то.

Боец за столом трезво оценил обстановку: нас было больше, мы были с автоматами и вообще, он правильно решил, что лучше с нами не спорить. Он положил винтовку, расстегнул нагрудный карман гимнастерки и вынул из клеенчатой обертки свою солдатскую книжку.

Разведчик Савельев снова посветил спичкой и Суменков, хмыкнув, недоверчиво произнес, возвращая документ:

– Саперы, значит. И что ж вы, голубчики, здесь делаете?

– Да вот командир взвода, значит, оставил нас...

– Зачем это он вас оставил?

– Да этот проклятый мост рванем.

– Ты всегда так брешь?! Нам сразу вас шлепнуть или в ОКР «СМЕРШ» для начала спровадить?

– Не имеете права! Мы вам не подчиняемся и вообще... Кто вы сами-то будете?

– А мы вот с такими как вы, дезертирами и предателями, разбираемся. Специальный заградотряд мы. Видал, как брешет? – кивнул головой Суменков. – Мост они здесь, в хате, взрывать собираются!

– Ну что, что шуметь-то зазря, – вставил поднявшийся с пола боец. – Мы три ночи не спали, трое суток корки хлеба во рту не было. Мы из самого Ардона отхо-

дим. А здесь на мост наткнулись. Трех за толом послали. Давно уже, через час-другой придут. Чего шуметь-то? Можем вообще плюнуть и пойти назад. Хрен с ним, с мостом! Может, вы сами того хотите, чтоб мост-то целехонек остался!

Ситуация... Похоже, не врут ребята и документы у них в исправности. Да и положение-то действительно такое. При драп-марше какие могут быть порядки – неразбериха одна!

– Ладно, давай, кончай ночевать, – все еще злился Суменков. – Вы хоть знаете, что немцы-то уже позади вас?

– Нет, позади, похоже, нет никого, а вот слева немцы. Еще днем бой был. Расшибли они наших и дальше поперли. Вот мы и подумали, что мост в этом месте оставлять нельзя.

– Что за река здесь? Терек?

– А хрен его знает.

Прислонившись к косяку двери стояла низкорослая женщина.

– Хозяйка, что за река у вас здесь? Терек? – спросил сапер. Это был уже пожилой солдат, обросший жесткой щетиной.

– Нет, это не Терек. Это Фиагдон, – ответила женщина.

«Бог ты мой, сколько же здесь рек и речек, и все они быстрые, с ледяной водой» – подумалось мне.

– Давно здесь сидите? – более миролюбиво спросил Суменков сапера.

– С вечера сидим. Командир взвода подмогу обещал.

– Что ж вы, сукины сыны, в дом забились? Вы знаете, что здесь днем немцы были?

– Откуда?

– Оттуда! Они спать разлеглись! Побьют всех здесь и не пикнете.

– Не можем больше. С ног валимся. Говорю, могли бы и мимо моста пройти – хрен бы с ним, с мостом. Все равно около него пережат мелкий, пожалуй, и машина пройдет...

– А речка глубокая здесь?

– Не знаем. По-моему, не глубокая, но быстрая, сволочь.

– Бросьте в хате сидеть. Побьют вас. Впереди, похоже, ни одного нашего солдата нет. Уходите за реку и караульте мост. Так вам самим безопаснее, пентюхи!

– А вы что?

– Мы... Это наше дело. Но сидеть здесь не будем. Пошли, ребята.

Суменков повернул к двери и мы за ним. На улице темень, сырой ветер и где-то по сторонам еле пробивающийся сквозь какой-то туман отблеск редких ракет. Мы пошли по левому берегу реки, вниз по ее течению.

Где-то сзади нас и впереди слышался короткий перестук немецких пулеметов. Ориентироваться в адской темноте было трудно, в основном только по шуму реки. Шли осторожно, часто останавливались, вслушивались, но то ли шум реки, то ли сырой туман скрадывали звуки, мы ничего подозрительного обнаружить не могли. В одном месте наткнулись на густые заросли кустарников, взяли влево по кромке зарослей, прошли, как мне показалось, не менее полкилометра, спустились в неглубокую сухую балку. Чтобы не потерять главный ориентир – реку, хотели было повернуть назад, но внезапно с другой стороны этой балки послышались надсадный вой мотора и какие-то голоса. Мы насторожились, но в криках не могли разобрать ни единого слова. Перешли балку, и здесь стон мотора слышался явственнее, крики отчетливее. Ни у кого не оставалось сомнения, что кричат: «Раз, два – взяли!»

Мы подошли ближе и кто-то из наших разведчиков окликнул:

– Эй, чалдоны, вы кто такие?

Голоса смолкли и мотор заглох. Тишина какая-то подозрительная наступила, но эта тишина, возникшая внезапно, безотчетно насторожила, но не успела породить осознанного чувства опасности.

– Кто такие? – строго спросил Суменков и в ту же секунду хлопнул выстрел ракетницы. Ракета не успела вспыхнуть, только белый светлячок стремительно рванулся в небо, а мы уже упали на землю.

Желтовато-белый ослепительный свет разлился над нами. Ракета шипела и падала сзади нас. В ее свете мы тоже успели рассмотреть большую крытую машину, человек пятнадцать солдат у ее кузова, а на брезенте черный крест, окантованный белой краской. Кто-то из ребят вкатил длинную автоматную очередь, и тут же темнота лопнула искрами и треском выстрелов, в небо одна за другой летели ракеты. Я, как нас учили, мгновенно откатился в сторону и тоже ударил очередь по мотору, по шинам, по стрелявшим в нас людям. Эта встреча, сумасшедший автоматный огонь были внезапны, неожиданны, и мы не выдержали и побежали назад к балке. Нас преследовали и непрерывно стреляли, но солдатское счастье и на сей раз было на нашей стороне – никого не задела пулей.

– По краю балки в цепь! – закричал кто-то громко, видимо, Суменков, но я не узнал его голоса.

Позади нас стало расплываться оранжевое копотное пламя загоревшейся автомашины. В свете пламени мы видели, что она еще больше накренилась, видимо, мы пробили ей скаты. Разгоравшееся пламя служило нам ориентиром. Разведчики залегли по краю балки, прикрываясь ее откосом, и шесть автоматов открыли дружный огонь. В свете очередной ракеты и разгоревшегося яркого огня увидел, как один из преследователей взмахнул руками и упал на бок. Кто-то еще закричал, и мы ударили снова. Но в это время в кромешной темноте справа от нас сверкнули вспышки выстрелов. Пули смачно зашлепали по земле, зазвенели, тонко завывали, срикошетив о камни. То было ясно, что нас стараются обойти по балке, и мы побежали наискось к другому ее краю. При всполохах ракет мы падали на землю и лежали среди злобно визжащих пуль. Когда очередная ракета гасла, мы снова бежали. Выбрались на другую сторону балки и побежали в сторону реки. В нас стреляли непрерывно, нас преследовали, но темнота спасала нас. Мы бежали по какому-то лугу или полю, сухая высохшая трава и ползучие плети на земле цеплялись за ноги, мешали бежать. Нас упорно преследовали, а мы огрызались короткими очередями и эти очереди держали противника на расстоянии.

Еще немного, еще метров сто пятьдесят и вот она, белая от пены река. Страшно: совсем темно, за спиной горит машина – вот и весь источник света. Земля и небо словно из саж и сзади только колющие искры выстрелов.

– Савельев, попробуй реку! – прокричал Суменков.

Савельев сполз с невысокого каменистого обрыва, шагнул в воду.

– Холодная, сволочь! – расслышали мы его голос.

Правее нас и перед нами взвились в небо сразу две ракеты. Мы ударили на встречу преследователям длинными очередями.

– Давай за Савельевым, река неширокая! – снова крикнул Суменков, и мы полезли в воду. Вода действительно оказалась мелкой: под ногами большие камни, некоторые опасно качаются. Вода буквально обжигает холодом кожу, сбивает с ног, брызжет пеной, шумит меж камней. Вдобавок темень, не видно, куда шага-

ешь. Я шагнул и провалился в воду по пояс, между двумя камнями, через которые летела стремительная вода. Мгновение – и вода сбила меня с ног, я окунулся и меня тут же больно ударило о камень. Я попытался схватиться за камень руками, но поток перекатился через голову, сорвал пилотку и второй раз я ударился уже спиной и боком. Меня несло течением, и я все никак не мог зацепиться. Глотнул воды, закашлялся, ноги беспомощно перелетали через какие-то камни и, наконец, дно – ноги почувствовали небольшой галечник. Я рванулся что было сил и, наконец, выскочил из стремнины, сделал несколько шагов и снова провалился по пояс, нога попала между двух камней, больно ушиб колено, но вытащил ногу. Еще несколько шагов и вот он, берег. С трудом выбрался по осыпающимся камням и глине.

– Федька, Федька! – кричал кто-то и, судя по всему, бежал по берегу ко мне.

– Здесь я.

– Живой?

– Вроде.

– Давай помогу. Я гляжу, а тебя уже крутит!

Дорогой мой Золотов Витька.

С другого берега стреляли, но огонь был редким, пули взвизгивали в стороне, а мы, искупавшись в ледяной воде, торопились прочь от берега.

Немецкие солдаты больше нас не преследовали. Вдали еще виднелся огонь догорающей немецкой автомашины, а мы шли по ровной степи. Было нестерпимо холодно. Табак, спички – все промокло. Но люди все были целы.

– Этот проклятый Терек! Ну куда от него. Одежду бы отжать, – ворчал кто-то.

Но мы шли и шли по черной темени. Суменков не делал привала, справедливо полагая, что лучше всего найти какой-нибудь дом. С одежды ручейками стекала вода, вода хлюпала в ботинках и в сапогах, и каждый, мучимый водой и холодом, невольно прибавлял шаг.

– Стой, кто идет? – вдруг раздалось из темноты.

Впереди на фоне неба чуть виднелось что-то черное, не то копна, не то шалаш какой.

– Свои.

– Пропуск!

– Пропуск ему... А ты ответ-то знаешь? – спросил кто-то из ребят.

– Стой! Стрелять буду!

– Курок. Отзыв?

– Какой курок, какой тебе курок?! Стой! – снова раздалось в темноте.

Все-таки потом разобрались. Оказались действительно свои, только пропуск они знали еще вчерашний. В ночной непроглядной темени, в ровной, как стол, степи, стояла 76-миллиметровая пушка. Огневая была мелкая – еще необорудованная. Пушка стояла почти не окопанная. Рядом на небольшом островке кустарника чуть виднелись снарядные ящики, тут же на земле спали артиллеристы.

Услышав нашу перебранку с часовым, ребята проснулись. Командир расчета представился Суменкову. Молодой общительный парень угостил нас табаком, дал прикурить.

– Да вы что, правда купались? – удивился старший сержант, командир расчета.

– Купались. Стрельбу слышал? Ракеты видел?

– Я видел, – подтвердил часовой. – Должно, на передовой, или это вы набаламутили?

– Во чудо-то! – не выдержал Золотов. – Да знает ли твоя голова, что впереди вас ни единого нашего солдата нет?

– Как это нет? – в свою очередь удивился командир расчета.

– Так вот, браток, – и нет никого. Вы и есть та самая передовая. А потому ушами здесь не хлопайте. Во дела! Там, в поселке, саперы дрыхнут, здесь артиллерия думает, что впереди нее пехота оборону держит! – покачал головой Суменков.

Тягостное молчание длилось недолго. Суменков посоветовал командиру расчета поднять ребят и на всякий случай хотя бы окопы вырыть, снаряды укрыть. Старший сержант сказал, что позади них, метров триста, дорога на Нарт.

Обсушиться нам удалось только в Беслане. Не пришлось нам и двух часов вздремнуть, как пришлось снова идти в Нарт. По чьим-то данным, в Нарте противник.

В Нарт мы пришли в сумерки. Пожилая осетинка попросила нас набить штук пять уток.

– Все равно, если придут немцы, то побьют и птицу, и нас, – заключила женщина.

С нами на сей раз в группе был и Хорьков. Эту деликатную задачу поручили ему. Через минуту прогремела автоматная очередь, и послышалось всполохное вкочтание кур.

Мы попросили сварить подстреленных уток, а сами, не теряя времени, пошли к Фиагдону. Мы получили ориентировку, что в Фиагдоне противник – но это необходимо было проверить. Судя по задачам, которые мы выполняли, командованию обстановка была не ясна, связь нарушена. Противник мощным танковым тараном проломил оборону в Эльхотовых воротах, занял Дигору, Ардон, Алагин, Рассвет. Танковые и пехотные соединения врага рассекли нашу оборону. Часть наших войск оказалась прижата к горам, а наша бригада укреплялась по берегу Терека, хотя огромное пространство от Нарта до Беслана никем не оборонялось, кроме забытых богом и командованием случайных подразделений.

Вышли из Нарта и опять наткнулись на какую-то неширокую речку. Почти стемнело. Усилился ветер. Появились разрывы в тучах, в которых заблестели звезды. Мы шли вдоль невысокого берега речки, дошли до брода. Здесь в речку упиралась проселочная дорога, черной полосой она вылезала из воды на противоположный берег и уходила куда-то в потемневшую степь.

– Ну что, хлопцы, давай, вперед в воду, – не скомандовал, а просто сказал Суменков, ни к кому не обращаясь.

Золотов шел в головном дозоре. Он первым подошел к воде, посмотрел на перекат, вернулся, сел на землю и начал разуваться.

– Ты что, разуваться собираешься? – удивился я.

– Угу. Боюсь ножки промочить, – невозмутимо ответил Золотов.

И тут произошло что-то совершенно неожиданное. Хорьков тоже сидел на земле. Он вдруг поднялся и, коротко размахнувшись, кинул в середину реки гранату-лимонку. В воздухе щелкнул, как выстрел, сработавший запал.

– Ложись! – крикнул Авдеев и бросился на землю.

Я свалился за небольшой камень. Хлестко ударил взрыв.

– Ты что, уркаган, сдурел? – грозно наступал на Хорькова Авдеев.

– А что я, а что? Сами говорили – не летят из воды осколки, – оправдывался Хорьков и пятился от наступавшего на него Авдеева.

– Оставь этого дурилу, – примирительно сказал Суменков. – Если вернемся, я с ним сам изучением оружия займусь.

Мы перешли эту речку наткнулись на другую. Ребята дико матерились, вспоминая и войну, и Гитлера, и господу Бога, который устроил на земле так, что где воды не найдешь, а где одни сплошные Тереки...

На сей раз нам далеко пройти не удалось. Впереди нас, очевидно, был поселок Фиагдон. Там горели дома, слышались выстрелы. Из черной степи вдруг затарахтел немецкий пулемет. Красные искры трассирующих пуль рассыпались по степи левее нас. Небо полыхало пламенем осветительных ракет. Сомнений не было: фашисты, вероятно, еще днем захватили Фиагдон и их ударные части продвинулись далеко на юг, в сторону Орджоникидзе или Дзауджикау, как теперь он значился на картах. Порыскав по степи, часам к трем ночи мы вернулись в Нарт и постучались в дверь знакомого дома. Пожилая осетинка ждала нас. Пока мы выжимали мокрые портянки, переобувались, потом вымыли руки, женщина накрыла стол. На тарелках лежали куски вареной птицы, маринованный чеснок, какая-то очень острая подлива. Сама хозяйка за стол не садилась. Она обслуживала нас, непрошенных гостей.

– Где ваша молодежь, где мужчины? – любопытствовал кто-то из бойцов.

Женщина вздохнула, помолчала и ответила:

– Те, кто может воевать, воюют. Остальные ушли.

– А вы почему остались?

– Это мой дом. В доме должен кто-то оставаться.

– Не бойтесь?

– Что мне, старой, бояться? Смерть и так стоит за моими плечами. А потом, я думаю, что если придут немцы, они, конечно, все будут грабить. Ну не станут же они воевать со старухой! На земле нет мужчины, который может поднять руку на старую женщину.

– Ой, мать ты моя родная, – вздохнул Савельев, – живешь ты по своим горским законам и думаешь, что весь мир таков. Я уважаю ваши законы и ваш народ, но у фашистов совсем другие правила. Они не считают нас за людей, мы для них хуже скотины. Поостереглась бы ты, мать. Уходи в Беслан. Отгоним немцев – вернешься. Хочешь, мы проводим и поможем тебе.

Женщина помолчала и при свете коптилки было видно, как губы ее скривились в горькой усмешке.

– Не сердитесь на старую женщину, – тихо сказала она, – сколько времени вы бежите от немцев, сколько осталось у него народа... Не надо меня провожать. Я никуда не уйду, я лучше умру у своего дома. Вы кушайте. Вам нужно много силы, чтобы прогнать врага. Кушайте!

Да кусок жирной утки застрял в горле от слов осетинки. Если подумать – права она. От Львова до Орджоникидзе драпаем и еще утешаем ее. Зря она нас кормит, не заработали мы этих уток. Видимо, не одному мне пришли в голову эти невеселые мысли. Суменков резко поднялся, вытер рукавом телогрейки губы, о какую-то тряпку руки и коротко бросил:

– Кончай ночевать. Пошли!

– Ты что, начальник, дай доест! – запротестовал Хорьков.

Но ребята уже поднялись, поблагодарили хозяйку, загремели оружием и пошли к двери.

– Имей в виду, мать, бои здесь будут тяжкие, только шею фашистам мы здесь ломаем.

От россыпи звезд на небе вроде и на земле стало чуть светлее. Мы пошагали снова к Беслану. Все бы закончилось тихо и без приключений, никто из разведчиков уже не вспоминал о нелепой выходке Хорькова с гранатой. Он плелся позади всех. Неожиданно кто-то заметил в руках Хорькова что-то большое и белое. Оказалось, он украл у старой осетинки еще пару гусей, предварительно открутив им головы. Нечего не сказать – ловко и быстро у него это вышло. Что было делать... Прошагали уже километров шесть.

– Сволочь ты, Хорьков! – заключил Савельев. – Ни совести, ни соображения у тебя ни черта нет. «Спасибо» должен сказать, что старуха накормила тебя. А ты... Как ты ей в глаза смотреть будешь?!

– Ну что, что?! Опять на Хорькова! На хвост соли я вам насыпал? Да что там все про глаза мне голову морочишь! Не буду я смотреть в ее зенки!

– Заткнись, гад! Схлопочешь ты у меня. Я тебе голову откручу и все скажут, что так и было. Понял? Проститутка паршивая...

Витька Золотов побелевшими руками уже вцепился в свой автомат и его тупой ствол угрожающе уставился своим черным глазом в грудь Хорькова. Тот оторопело замолчал и отступился шага на два.

– Золотов! Перестань, не связывайся с дерьмом! – строго сказал Суменков.

Золотов молча повернулся спиной к Хорькову и молча пошагал за Суменковым.

Стало светать. Чуть поодаль, позади разведгруппы, шагал Хорьков и упрямо тащил двух белых птиц.

* * *

До завтрака нам удалось поспать часа два. После завтрака была политбеседа о текущем моменте и о борьбе с танками. Текущий момент ясен: союзники восхищаются нашим мужеством и воюют с Роммелем* в Африке. Судя по всему, там сил у фашистов чуть меньше, чем здесь, в Северной Осетии. Тяжелые бои под Туапсе и под Сталинградом. Вот это пахнет тревогой: прохлопаем – так бог весть как дела да и вся война обернется. Ну, а у нас так все прямо богатыри и непонятно, чего мы драпаем. Всем нам должны выдать пол-литры с зажигательной жидкостью. Если танк на тебя лезет – плюнь и не волнуйся. Подпускай его метров на пятнадцать-двадцать спокойненько так, как на перекуре, зажигай спичку, подпали специальный шнур и кидай пол-литру в танк. Попадешь – конец танку, не попадешь – зажигай другую спичку и не торопись, куда он, этот танк денется!

Интересно, тот, кто сочинял эти инструкции, живой немецкий танк видел или нет? Он на тебя, сволочь, кинется - из пулемета сечет, пушкой рубит, а ты с пол-литрой!

* * *

Рота наша по-прежнему располагалась в посадочке у железной дороги. День стоял солнечный, ясный, и Казбек в синем небе снегами сверкает, и без бинокля видно, как на его острой вершине седая прядь развевается – метель метет. Перед обедом в роту прискакал Натинов, о чем-то поговорили потихоньку с Рябчуновым, а потом собрали всю роту.

* Роммель – немецкий генерал-фельдмаршал и командир войск Оси в Северной Африке.

– Ну, орлы, работы теперь вам хватит, – объяснял Натынов. – Немцы взяли Рассвет, Фиагдон, Санибу. Бои идут на подступах к Гизели, а это, считай, почти окраина Орджоникидзе. В Гизели моряки дерутся – эти не подведут, эти не то, что некоторые... Есть сведения, что противник уже на окраине станицы Архонской, занял МТС. Не исключено, что его передовые части, автоматчики сегодня уже прочесывают станицу. Ваша задача: проникнуть в Архонскую и постараться выбить противника из МТС. Из данной станицы за вами следом начнут движение батальоны бригады. Будут направлены две разведгруппы: первый взвод поведет Надирян в район южной окраины Архонской и МТС; второй взвод – на северную окраину и в район мельницы поведет Рябчунов. Если противника в станице нет – немедленно послать каждой группе связных, Рябчунову подобрать место для расквартирования роты. Если в станице противник – дать серию красных ракет и завязать бой. Батальоны пойдут за вами. Понятно?

– Так точно, понятно.

– Если понятно, действуйте.

Натынов ушел. Рябчунов приказал обозу во главе с Медвинским и с больными разведчиками оставаться пока на месте. Разведчикам выдать сухой паек на сутки и по 200 грамм вина. Вино приказал не пить до завтрашнего обеда.

Наученные опытом боя за высоту «Нефть», мы старались по возможности больше запастись боеприпасами. Пообедали на скорую руку и пошли. В каждом взводе, представлявшем теперь разведгруппу, было человек по 15-17 – это все-таки сила.

Солдат на подъем быстр, а разведчик – тем более. Шагали двумя группами к Беслану. Впереди шагал Суменков – он на местности ориентируется здорово. В нашей группе были Авдеев, Бельтюков, Селиванов, веселый молодой парень в матросской бескозырке, Пашка Давыдов – трепач и балагур.

Солнце склонилось к зубчатой шапке высоких гор, они стали загадочно синими, словно вырезанными из бумаги, только их снеговые шапки по всей нескончаемой цепи сверкали голубым и золотистым огнем.

Шли быстро. Любое наше промедление могло кончиться для нас плохо. Если немцы в станице, то они организуют оборону по окраинным садам и домам и встретят огнем. А если их еще там нет, ну, тогда зацепимся мы.

Надирян шагал и тихо напевал свою любимую песню. Мы шли по притихшим узким улочкам Беслана, громко разговаривали, а город притаился, затих в напряженном ожидании крупных событий. Многие дома разбиты, другие стоят, явно покинутые хозяевами. На улицах воронки. Побеленные стены домов, как оспинами исковырены осколками. Навалены телеграфные столбы, на дороге перепутанная спираль проводов. Тяжелая, страшная картина, и видели мы ее уже в Плановском, в Эльхотово и вот теперь здесь, в Беслане...

Прошли город, вышли на его западную окраину. Здесь поле, а за ним гремел беспокойный взлохмаченный Терек, перекатываясь через скрытые под водой камни. По берегу Терека окопы, и их все копают – трудятся наши бойцы. Через Терек деревянный мост. У моста, как положено, охрана. В стороне по бокам дороги противотанковые пушки, на поле огневые зенитчиков.

– Стой, документы! Что за часть? – строго спросил незнакомый старшина.

– Слушай, дорогой, ты документы спрашивай у тех, кто от фронта идет, а кто к фронту – тем широкая дорога. Понял, да? – сразу же закипятился Надирян.

– Нет у нас документов. И не мешай, старшина, – веско и решительно заявил Рябчунов. – Документов нам не положено носить с собой. А все справки можешь в штабе навести. Рябчунов моя фамилия, не забудь. Я командир роты. Понял?

Старшина посмотрел на всех нас каким-то скрытым недоверием и боязнью и как-то неуверенно произнес:

– Виноват. Приказ у меня, товарищ старший лейтенант, проверять здесь вот...

– У нас тоже приказ – и не проверять, а воевать. Не мешайтесь, старшина!

Старшина отошел к краю перил, а мы застучали каблуками по деревянному настилу.

Как ни чудно, но разведчики очень часто попадают в нелепые ситуации: то какой-нибудь заградотряд задерживает группу при возвращении, то требуют документы невесть зачем, когда их приказывают сдавать, даже письма оставлять у писаря. Правда, некоторые ребята, тоже неизвестно почему, документы не сдают и это происходит без всяких последствий.

Мы снова пошагали полем. Поле не очень большое, и километра не будет, а за ним широко раскинулся поселок Фарн. Поселок, видно, новый – дома одинаковые, крытые шифером, садов мало, улицы неширокие.

– Вот слушай, ребята, я вам один анекдот расскажу, – начал Надирян. Он был молодым, очень общительным и хоть неопытным, но очень хорошим парнем:

– Однажды Карапет говорит своей жене: «Дорогая, я командировка Тбилиси поехал, ты меня три дня жди, из дома не выходи к соседу Ашоту, ворота совсем не открывай». Понимаешь, Карапет был старый и хитрый, а Ашот – молодой и нетерпеливый...

Я понял, что армянские анекдоты, как веселые сказки Шахерезады – не имеют конца. Конец смешной очередной сцены обязательно был началом последующей. Надирян рассказывал громко, восторженно, первый смеялся заразительным веселым смехом...

Мы прошли притихший Фарн и совершенно было непонятно, живет кто-нибудь в этом поселке или нет. И здесь воронки, перепутанные провода, убитая лошадь со вздувшимся животом и растопыренными ногами. От Беслана до Архонской километров двенадцать, километрах в двух с половиной этот Фарн, а дальше ровная степь, подернутая синеватой предвечерней дымкой, золотистое закатное небо и потемневшие, загадочные, остроконечные горы. Разведчики шли молча, и только Надирян все не мог закончить рассказ своего веселого анекдота. Где-то впереди раскатисто гремели далекие взрывы – кто там продолжал воевать, даже начальству было непонятно.

– Тихо, Надирян, давай послушаем, – сказал Рябчунов.

Все сгрудились у края дороги и молча слушали отголоски боя. Замерцали в небе первые ракеты.

– Вот они где, субчики. Пошли вперед.

Вышли на край сухой балки, дно которой, поросшее травой, было усеяно белыми камнями. На противоположном крае снова остановились, прислушались. Взрывы снарядов, ленивые дежурные пулеметные очереди стали слышны ближе, но впереди никто не заметил ничего подозрительного.

– Давай, в балке привал десять минут. Надирян и Суменков, со мной. Пошли, посмотрим.

Командиры ушли наверх, а мы под крутым, но совсем неглубоким склоном

устроили перекур. По моим подсчетам прошли мы более половины дороги, но пока не встретили ни своих, ни противника. Нечего сказать – обстановка! Такая станция и оказалась без присмотра!

Откуда мне было знать, что фашистские войска, вырвавшись за Эльхотовы ворота, встречали незначительное сопротивление разрозненных, не имеющих надежной связи частей. Танковый таран противника опрокинул жиденькую оборону в районе Алагира–Ардона. Танки переползли по найденным бродам реку Ардон, смяли отчаянно сопротивлявшиеся наши части в совхозе «Рассвет», в Дзуарикау, им удалось форсировать Фиагдон. Основные силы противника двигались по дороге Дзуарикау, Майрамадаг, Нижняя Саниба, Гизель. Танковые и пехотные части противника были контратакованы морскими пехотинцами в районе Майрамадага. Тяжелые бои гремели в районе ниже Санибы и Гизели. Несмотря на отчаянное сопротивление наших частей, противник овладел поселком Гизель и перестрелка гремела уже в двух-трех километрах от окраины Орджоникидзе. По северной окраине уже вели огонь немецкие минометы.

Командующий немецкими войсками Клейст все резервные части, все танки сосредоточил на острие своего всесокрушающего клина. Но уже с рубежа Дзуарикау–Рассвет фронт прорыва сузился до опасных пределов, и фланги защищались растянутой жидкой цепочкой. Правда, Клейсту доложили, что у русских больше нет резервов. От Эльхотовых ворот до Гизели оборонялись отдельные группы солдат, не обеспеченные связью. Клейст мог бы повернуть свои войска на Брут, на Беслан, но это мелкие цели. Город Орджоникидзе, столица северной Осетии – вот цель. Цель – дорога на перевал Крестовый через Дарьял, дорога на Грозный. О, здесь будет о чем докладывать фюреру.

Командующий закавказским фронтом генерал Петров, в свою очередь, прилагал все силы, чтобы ликвидировать прорыв, остановить врага, во что бы то ни стало удержать Орджоникидзе, то бишь город Дзуаджикау.

Резервов по существу не было. Берия держал свои хорошо укомплектованные части в районе Балты, но Петров не имел права распорядиться ими. Он представлял, какую информацию получила ставка о положении дел на Кавказе. Петров постоянно чувствовал растущее недоверие к себе со стороны Верховного и это недоверие умело подогревалось весьма влиятельными людьми. Поди объясни, что у него, у Петрова, во много раз меньше сил, чем у стоящего неподвижно центрального фронта, нет подготовленных оборонительных рубежей. Петров мог полагаться только на собственные, очень ограниченные силы. Прорыв к Орджоникидзе противник обеспечил тараном из двухсот танков, нескольких мотодивизий, наступление поддерживали более двухсот самолетов и это не считая двух румынских дивизий. Если бы только половину таких сил имел Петров, фашисты никогда бы не прорвались через Эльхотовы ворота, более того, он бы повел войска в наступление.

Сейчас, оставив всего лишь одну дивизию на участке от Эльхотова до Малгобека, Петров пошел на страшный риск: снял две бригады и бросил их на прикрытие открытого фланга от Дарг-Коха до Гизели и Ногира. Нужно удержать Дарг-Кох, Брут, Нарт, Беслан, Архонскую. Одна бригада была еще на марше, другая стянула батальоны у Беслана и сегодня ночью прикроет ими Архонскую-Нарт. Дальше будет видно.

Отлично действовал дивизион «Катюш»: своим губительным огнем они накрыли фашистские части на переправах через реку Ардон, в районах Дзуарикау, Фиандона, Гизели. Одна реактивная установка каким-то образом осталась у фашистов в тылу. В этом случае расчет обязан был взорвать машину и уже своими силами прорываться из окружения. Расчету отставшей машины повезло: вначале их немцы просто не заметили. Проселками они выбрались к населенному пункту, который был только что занят противником, за ним, за этим поселком, были уже свои. Расчет, сохранив полностью боевой заряд на направляющих «рельсах», на полной скорости ворвался в занятый противником поселок и в упор, можно сказать прямой наводкой, стал пускать мину за миной. Хвостатые, чудовищные огненные кометы летели вдоль улицы, рвались со страшным грохотом, рассыпая вокруг тысячи раскаленных, сокрушающих осколков и миллионы огненных брызг. Немцы бросились бежать и только уже вдогонку послали несколько бесполезных пулеметных очередей. «Катюша» вырвалась к своим. Случай необычный, но ни одного солдата невозможно было в чем-либо упрекнуть. Артиллеристы, пехотинцы, минометчики, экипажи редких танков, летчики дрались самоотверженно и зло, и то был главный резерв генерала Петрова.

Об этом, к сожалению, стало известно много позже. А в те часы разведчики закончили короткий перекур и снова пошли вперед по обочине дороги. Справа от дороги увидели древний невысокий, метров семь-восемь, курган. Залезли на него. В последних закатных отблесках увидели светлую полосу реки и утонувшую в вечерней темноте станицу Архонскую. Ракеты летели там, за станицей. Неужто там нет противника? Редкая удача. Видно, Клейст тоже выдыхается.

Рябчунов пытался в бинокль рассмотреть подробности, но, увы – стемнело.

– Теперь осторожно, смотреть в оба. Я иду справа от дороги, Надирян – слева. Выслать вперед головные дозоры и не отпускать их от основной группы больше чем на пятьдесят метров.

Дальше шли молча. Черная тень станицы приближалась. Там ни огонька, ни собачьего лая, ни одного звука. Где-то бьет пулемет, взлетают редкие ракеты. Левее, дальше к Гизели, гремит бой, там грохочет артиллерия, непрерывно летят ракеты и служат нам хорошим ориентиром.

Все ближе невысокие заборчики из каменного плитняка, черные крыши и черные силуэты деревьев. На горах погасли отблески вечерней зари, и только великан-Казбек еще на вершине хранит какое-то призрачное, странное, розоватое сияние; оно, это сияние и крупные дрожащие в небе звезды, чуть освещают местность. Зацепиться бы. Хоть за один забор зацепиться, тогда легче – есть укрытие. Только бы не вспыхнула сейчас вот ракета, только бы не резанул длинной очередью пулемет вот сейчас, в ту же самую минуту. Осталось до первого забора всего метров сто пятьдесят, сто... Вот он, первый заборчик, совсем рядом. Без команды развернулись цепочкой и тяжело бежим вперед... Стоп. Вот он, милый. Холодные камни пятнами стоят сплошной стеной высотой по пояс. За забором видно какой-то огород и сад. Тихо. Всё! Теперь зацепились! В случае чего, нас теперь тоже не так легко выкурить – мы тоже кусаться умеем. Недолго раздумывая, мы перемахнули через этот забор, прошли огородом, садом. Рядом затаился домик с камышовой крышей, она закрыта ставнями, жиденькое крылечко. Калиткой вышли в узкую улочку. Взяли вправо, снова вышли на дорогу. Но здесь улица широкая, очень широкая и

идет чуть под откос. Архонская разделена неширокой, но быстрой речкой. Журчит вода на перекате. Мост деревянный целый. Обшарили вроде всё, противника нет. Во многих домах жители, даже малые дети. Жители перепуганы, бой гремит где-то рядом. Днем по Архонской из пушек лупили. Несколько домов разбито, но немцев никто не видел. Проверили мост – ни мин, ни взрывчатки не обнаружили. Да и что этот мост минировать, когда рядом с мостом перекат и совсем неглубокий брод. Так что, разрушенный мост – не задержка.

На другой стороне Архонской обстановка такая же. Вышли на юго-западную окраину. Снова тихо. Впереди неубранное кукурузное поле, за ним примерно в полукилометре, а то и меньше, черные силуэты каких-то невысоких строений. По словам жителей окрестных домов, это и есть МТС. Здесь, по мнению Натынова, совершенно точно засели немцы. Но пока не вяжешься в бой, определенного ничего сказать нельзя. За МТС, стоит лишь перейти неширокое выпаханное поле – нефтебаза за длинной посадкой вдоль какой-то дороги.

– Как пойдем? – просит совета Надирян.

– Темно. Ни шута не видно. Пошли развернутым строем. И давай поторапливаться, – советует Авдеев.

Его поддерживают, он мужик опытный. Действительно, поторапливаться нужно – ноябрьские ночи длинные, а здесь ночь пролетела как-то незаметно, даже пока по станице бродили. Шапка Казбека снова зарумянилась, только теперь с другой стороны. Скоро, очень скоро рассвет. Нужно торопиться. Вся разведгруппа разворачивается редкой цепочкой, Надирян с Авдеевым посередине.

– Пошли. Вперед, ребята, – тихо говорит Надирян.

Они с Авдеевым идут прямо по дороге, я топаю по кукурузному полю. Кукуруза какая-то низкорослая и негустая, но стебли трещат под ногами. Строения все ближе. Уже можно рассмотреть одноэтажное длинное здание, дверь, по обе стороны черные квадраты окон на светлой стене. И тихо: ни ракеты, ни выстрела. Осталось перебежать по открытому лугу до здания всего метров пятьдесят, и мы почти уверены, что в помещении нет немцев. Если бы они были, то непременно бросали бы ракеты, обстреливали местность из пулемета короткими дежурными очередями. Эти пулеметы мы слышим, ракеты видим, они взлетают недалеко от нас, но явно где-то за МТС. Теперь мы бежим, быстро, одним броском вперед и как можно быстрее.

Авдеев первым взлетел по трем ступенькам крыльца и что есть силы рванул ручку двери. Дверь неожиданно легко открылась. Авдеев отскочил от неожиданной легкости назад, но потом его сапоги загрохотали по темному коридору. Никого! Обошли все здание, за ним что-то вроде сарая без стен, длинная камышовая крыша на столбах, под крышей сложен кирпич, рядом под открытым небом какие-то бочки железные, бороны, еще что-то в темноте и видно плохо.

– Вроде никого нет, – шепчет Бельтюков.

Действительно. Говорили, что МТС занята немцами, а здесь пусто, и в спальне их нет. Наваждение какое-то. Может, их выбил отсюда кто-нибудь. Но вроде следов боя не видно. Стало светать. Золотистым светом загорелись снежные вершины гор, а Казбек засверкал своими снегами на почти черном предрассветном небе. Красиво... Эх, кабы не война!

Решили перекурить и подумать, что делать дальше. Лучшего места для перекура, чем само помещение МТС и придумать трудно.

Вошли в какую-то дверь. У окна ободранный письменный стол, по сторонам еще две двери, на одной табличка: «Главный инженер», на левой двери – «Директор». Что-то милое, ушедшее и совсем довоенное звучит в этих словах.

Собрались в кучу, расселись на стульях и клеенчатом диване. Савельев уселся в директорское кресло за большим письменным столом. Закурили. В чуть посветлевшую комнату заглянул где-то замешкавшийся Авдеев. Своей грузной фигурой бородатый великан загородил всю дверь. Он тщетно высматривал местечко, где бы ему пристроиться.

– Товарищ Авдеев, я еще занят. Подождите в комнате секретаря. Я вас вызову, – солидно произнес Селиванов.

Авдеев что-то проворчал и действительно вышел из кабинета директора, а ребята дружно покатались со смеху. Селиванов, почувствовав, что нашел смешную тему, продолжал весело дурачиться. И откуда что бралось у него – артист и только. Он нашел карандаш в пластмассовом стаканчике на столе, постучал им по зеленому сукну письменного стола и солидно вымолвил:

– Хватит, хватит, товарищи. Пошутили и хватит. Наше производственное совещание считаю открытым. Нам необходимо разобрать два вопроса: об итогах уборочной и подготовке к весенней пахоте.

За окном светлело. В кабинете стоял синий табачный дым, со стены с укоризной смотрел с портрета прищуренными глазами забытый портрет Сталина. Ребят занимало дурачество Селиванова и все невольное подыгрывали ему.

– Итак, товарищ Подосенов, почему на полях кукуруза осталась? Только не оправдывайтесь, не надо, не сваливайте на технику – ее всем не хватает, но все уже отчитались и план перевыполнили, а у вас что?

Подосенов затянулся сигаркой и важно произнес:

– Отчитаться и я могу, мне это раз плюнуть, а та проклятая кукуруза с подсолнечником как стояла так и стоит и у нас, и у соседей. Ей, кукурузе, что? Она и до весны будет, с нее бы пример брать...

– Вот так всегда, – перебил Селиванов. – Что теперь район скажет, что мы на районном собрании скажем? Товарищ Надирян, вы что на районном собрании предложите?

Младший лейтенант и веселый парень Надирян поддержал шутку и неожиданно ляпнул:

– Ай, дорогой, я предложу избрать почетный президиум.

– Правильно, товарищ Надирян. Хоть один умный нашелся. А то слушаешь Подосенова, так и вправду подумаешь, что нужна кому-нибудь эта кукуруза, когда мы все на великом пороге и со знаменем. Вы это учтите, товарищ Подосенов! Товарищ Золотов, а вы что задницей крутите? Что штаны протираете, как у вас с подготовкой?

– У меня уже две пол-литры подготовлены.

– Молодец, товарищ Золотов, предлагаю от имени и по поручению по двести грамм тяпнуть, тем увереннее мы справимся с полученной задачей. Товарищи, кто воздух испортил? Что это за шуточки? Вы где находитесь?! Откройте окно, кто там поближе.

Окно распахнули. В комнату пошел холодный, чистый воздух.

В углу на тумбочке стоял старый телефон без диска. Селиванов наклонился,

взял трубку и в этот момент раздалась оглушительная пулеметная очередь, зазвенели разбитые стекла, посыпалась известковая штукатурка.

– Так! – прокомментировал Селиванов. – Товарищи, разрешите объявить перерыв для подготовки резолюции...

Ребята вылетали из комнаты на улицу и осторожно выглядывали из-за углов. Подосенов махнул мне рукой и мы, пригнувшись, побежали к сараю с кирпичом. Едва добежали, как по кирпичу ударили пули, красная пыль поднялась, полетели кирпичные крошки.

– А это из автомата саданули, это где-то здесь близко, и нас они, сволочи, видят.

Едва Подосенов выглянул из-за кирпича, как снова у него над головой ударили пули. Он мгновенно спрятался. Я обошел сложенный кирпич с правой стороны. В меня не стреляли – очевидно, не видели. За мной уже бежали, пригнувшись, Авдеев, Бельтюков. Надирая заряжал ракетницу и стрелял в небо. Высоко у нас над головами вспыхивали яркие красивые звезды и там, в зените, они теряли канувшие в лету розовые капли.

Наш сарай с кирпичом закончился, и метрах в двадцати мы увидели второй такой же. Там стояли и лежали на боку какие-то железные бочки и были сложены штабелями ящики. Авдеев обогнал меня и бросился бежать к тому сараю. И тут произошло что-то очень быстрое и непонятное. Я побежал за Авдеевым, тот уже добежал до сложенных ящиков, и вдруг из-за штабеля выскочил здоровый немецкий солдат, он был в пилотке с автоматом в руках. Секунда и... непостижимо быстро Авдеев отскочил в сторону и ударился спиной о штабель с ящиками. Стопка ящиков, поставленных друг на друга, качнулась, и верхние полетели вниз. Какой-то ящик ударил Авдеева по голове и отлетел прямо на рослого немца. Тот на мгновение инстинктивно поднял автомат, чтобы загородиться от ящика, и в ту же секунду Авдеев пустил короткую очередь. Все произошло за какие-нибудь две-три секунды. Я подбежал к Авдееву и тут по бочкам ударили автоматными очередями. Бочки загудели и зазвенели от пуль.

– Вон они! Бей их! – закричал Авдеев.

В конце сараев был еще небольшой штабель пустых ящиков и там замелькали человеческие фигурки. Из нескольких автоматов мы ударили по ящикам. Пули пробивали их, послышался крик раненого, и мы увидели еще двоих немцев, которые убегали через неширокое поле к посадке.

– Бей по ногам их!

Затрещала скороговорка наших автоматов, из-под ног немцев брызнула земля, и один из них упал, другой продолжал бежать. Еще несколько очередей – споткнулся второй и упал вниз лицом. Раненый пополз по открытому полю и что-то гортанно кричал. Двое разведчиков бросились за раненым, выскочили на открытое место и тут из недалекой посадки, за которой тоже виднелся то ли сарай, то ли еще что, длинной очередью ударил пулемет. Один из разведчиков упал, скошенный этой очередью, а на нем еще вздрагивала ватная куртка от бивших в нее градом пуль. Второй успел отскочить назад и залечь за ящиками.

– Уйдет, гад!

Бельтюков с колена ударил длинной очередью по уползающему немцу, тот выгнулся, а потом беспомощно уткнулся лицом в черную, как смоль, землю.

Немецкий пулеметчик еще долго молотил уже безжизненное тело нашего товарища, а мы ничего не могли сделать и не могли вытащить его назад.

– Давай назад! – крикнул Авдеев. Он схватил за ворот тужурки кричавшего раненого немца, у которого оказались перебиты ноги, и бегом потащил его, прикрываясь штабелями кирпича к дому МТС.

Пулемет бил, не умолкая, звенели от пуль простреленные бочки, крошился кирпич, и красная пыль стояла над штабелями, со стены здания МТС сыпалась штукатурка.

Мы укрылись за зданием МТС, по углам залегли ребята с автоматами наготове. Фашисты открыли минометный огонь. Мины рвались у сараев, взрывами раздирало пустые железные бочки и звук взрыва усиливался, больно отдавался в ушах. Несколько мин рвануло в кукурузе за нами, и черный дым разрывов стелился над кукурузным полем.

– Во дают, во дают, мать их в бога! – ругался Вовка Золотов.

Значительно правее нас, на окраине станицы, тоже слышалась перестрелка – это, очевидно, Рябчунов со своими ребятами тоже ввязался в бой.

Раненый немец стонал, покачивая головой, на рукаве его френча тоже была кровь. Разведчики перевязали ему простреленные ноги, распоролы финкой рукав. Пуля разбила ему локоть – ранение болезненное. Немец не сопротивлялся, не отказывался от помощи. Это был рослый, худощавый парень лет двадцати. Он что-то лопотал по-немецки, но никто не понимал его слов.

Надирян послал двух связных обратной дорогой с задачей доложить об обстановке. На листке бумаги он лаконично написал: «В Архонской противник не обнаружен, силой до взвода пехоты пытался овладеть МТС, отбит с потерями. Взят «язык», но сильно ранен. Наши потери – один боец убит».

Раза два под аккомпанемент сильного минометного обстрела, сплошной пулеметной и автоматной трескотни фашисты поднимались в атаку, добежали до штабелей кирпича, но были отбиты и скрывались за вторым сараем. «Нейтралка» между двумя сараями была шириной не более 20-25 метров.

Шли часы. Светило невысокое, осеннее и ослепительно яркое солнце. Правее нас, на окраине Архонской, что-то загорелось, дым сносило в сторону. Впереди нас задымились железные бочки, а через минуту-другую от них повалили клубы густого черного дыма. Пламя перекинулось на ящики, на камышовую крышу сарая. Черные пепельно-серые космы дыма переплетались, перепутывались и их сносило в сторону. Немцы, видимо, ушли со своих позиций, но откуда-то из-за посадки, не умолкая, бил немецкий пулемет. Он бил явно вслепую, бил по зданию МТС, по кирпичам, пули взбивали пыль с дороги, которая шла мимо МТС к станице, пули рикошетили, ныли.

У нас появилось еще трое раненых, один тяжело – осколком мины. К середине дня вернулись наши оба связанных. Нам на помощь пошли два взвода автоматчиков и ПТР-овцы с четырьмя длинными ружьями. Они рыли по краю кукурузного поля окопы, устанавливали ружья.

Командир роты автоматчиков сообщил, что можно ожидать танковой атаки, поэтому лучше всем окопаться, а не бегать дураками вокруг дома.

Я разглядел чуть правее горящего сарая какой-то блиндаж. Было бы здорово, если там окажутся и окопы. Прикрываясь дымом, я пополз туда и увидел оборудованную землянку. Внутри никого не было. На полу стояло какое-то ведро. Оказалось, что ведро полно гусиного жира со шкварками – царское блюдо! Счастливый и довольный я побежал с ведром к ребятам. Но не успел пробежать и двадцати

шагов, как, явно по мне, ударил пулемет. Оглушительные выстрелы раздавались так, будто стреляли в упор и со всех сторон. Место было совершенно открытое, и единственное, что меня спасало в некоторой степени, так это дым от догорающего сарая. Ничего не оставалось делать, как только бежать, как можно скорее за штабель с кирпичами. Я бросил злополучное ведро с драгоценными шкварками и побежал. Удачно, слава Богу. Ушел, ушел от окаянного пулемета. Это не всегда так может получаться. Опыт подсказывал, что такой фокус обычно удается в одном случае из двадцати пяти. Повезло.

– Ты что там носишься! Сдурел что ли?! – набросился на меня Бельтюков.

– Блиндажик там вроде.

– Пустой?

– Пустой. Ведро там со шкварками нашел, да бросить пришлось, жалко.

– Да, шкварок и правда жалко. Целое ведро! – сокрушенно вздохнул Бельтюков.

Нас оставалось всего человек десять, да трое потащили в Архонскую раненых. Хорошо, что автоматчики подошли. После полудня пришел приказ оставить МТС автоматчикам, а нам отойти на окраину Архонской, ближе к мосту через реку. Туда должна прибыть основная группа Рябчунова. Честно говоря, я обрадовался такому обороту дела. Слишком плотным был огонь пулеметов на этом пятачке вокруг МТС.

Противник определенно откуда-то вел наблюдение и хорошо видел нас, а мы никак не могли обнаружить его наблюдательный пункт, поэтому и прижимали нас огнем. Как только прибежавший связной передал нам приказ командира, мы пожелали успехов автоматчикам и пошли через кукурузное поле, где засели пэтээровцы. Кукуруза была здесь низкорослой, редкой, много стеблей лежало на земле. Высокие листья выцвели под яркими лучами солнца, стали совсем белыми и, конечно же, немецкие наблюдатели обнаружили нас сразу. В воздухе раздался раздирающий визг падающей мины, и тяжелый удар взрыва раздался на самой дороге. Мы залегли, но не успели подняться, как раздался снова визг и оборвался звонким раскатистым взрывом. Застонали вокруг осколки, это уже впереди нас. Вилка! Дальше лежать нельзя – накроет, непременно накроет.

В воздухе раздался визг очередной мины, а я бросился немного в сторону, где заметил окоп пэтээровца, старательно вырытый букой «Г». В окопе два бронбойщика, ствол длинного ружья с квадратным набалдашником на конце ствола был направлен в сторону дороги. Я бросился рыбой в тот окоп бронбойщиков и за мной Мишка Беляков. Бронбойщики тоже прятали головы от осколков. Окоп был мелким, узким – мы с Мишкой еле втиснулись. Теперь у меня не было никакого сомнения, что нас всех отлично видели. Немецкий корректировщик, видимо, был опытным – мины рвались все ближе. На нас сыпалась земля, срезанные осколками куски стеблей и кукурузных листьев. Видимо, минометная батарея вела по нам огонь, все кукурузное поле заволкло едким дымом взрывчатки. Визг мины и взрыв следовали часто, один за другим, и в этом огне среди разгулявшейся смерти не было возможности выскочить из окопа и бежать к станице – это верная смерть.

Но и немцы не без греха. Они, видимо, прозевали, когда к нам подошли автоматчики, как расположились у дороги бронбойщики. Они увидели наш неосторожный отход и приняли его за всеобщее бегство русских из МТС. Внезапно зло, густо вспыхнула автоматная перестрелка за зданием МТС. Звонко, со стоном осколков рвались гранаты, захлебывались злобным лаем скорострельные немецкие пулеметы.

Нас прекратили обстреливать, но перестрелка разгоралась где-то во дворе МТС. В ушах звенело от близких взрывов, но все равно я услышал чей-то крик, какую-то команду. Я увидел, как наши ребята, пригнувшись, быстро побежали обратно к МТС и даже двое бронебойщиков со своим длинным и нескладным ружьем. Мы с Беляковым побежали тоже, забежали в помещение МТС и еле узнали его – все засыпано известкой, белой пылью, стены в пулевых пробоинах, в покривившихся рамах ни единого стекла. Сюда же прибежали бронебойщики и кто-то из автоматчиков им крикнул:

– Не подходи, не подходи к окну – срежут. Бой из глубины комнаты. Вон, в посадке какой-то низкий куст видите? Там же у них пулемет. Стегани, стегани туда!

Бронебойщики прилаживали ружье на отодвинутом столе секретарши, а автоматчик резко повернулся, чтобы выбежать в дверь, и наткнулся на меня, ударив в грудь каской.

– А, черт скаженный, что ты носишься?! – в сердцах ругнулся я, а автоматчик поднял на меня лицо. Из-под каски смотрела перемазанная сажей и перепудренная известковой пылью чья-то знакомая физиономия.

– Федька, ты?! Живой?!

Я всмотрелся: конечно, он – Карасев.

– Карасев, ты? Давно пришли?

– Привет, друг. Только пришли и сразу в бой, сходу. А ты?

– Мы с ночи здесь. Видать, опередили немцев на какие-нибудь полчаса.

– Ладно! Может, еще увидимся.

Карасев побежал в одну сторону, я к своим ребятам – в другую.

В треск автоматов впился оглушительно звонкий выстрел ПТР, второй, третий. И пулемет действительно замолк. Стало легче.

Перестрелка кипела у МТС еще минут тридцать и стала постепенно затихать. Немецкие танки не показывались, а минометчики стали бить по небольшой посадке правее МТС. Для нас появилась возможность отойти на окраину станицы. На сей раз мы отходили осторожно. Немецкие наблюдатели не заметили нас. Прошли первые дома, здесь было тихо. Правда, дома все вроде пустые, только у дверей остались, очевидно забытые, косы золотого крупного лука и гирлянды красного перца. В какой-то улочке встретились с разведчиками группы Рябчунова – Хорьковым и Максименко.

– А мы вас ищем, – весело крикнул Хорьков. – Давай за нами, а то Рябчунов матерится зверски.

Постепенно прошла первая взвинченность боя и на смену ей пришло ощущение тяжелой усталости: невольно вспомнилось, что перед этим ночь не спали – были в поиске, и перед этим тоже, и вот сегодняшняя ночь давно прошла и день заканчивается, а мы в сутки спим не более двух часов и слава Богу если перекусить пару раз придется.

Просторный дом вместил всех разведчиков. Хозяев не было, а раз не было, то, по неписаным военным правилам, дом все считали бесхозным – занимай его и живи. Мы достали свой сухой паек, выпили вино и свалились на пол спать. Я уснул сразу, едва только коснулся пола. Мне показалось, что я и глаза едва успел закрыть, как почувствовал, что меня кто-то тянет за ногу. Пытался отбиться – не выходит. Глаза с трудом открыл и увидел помкомвзвода Купоросова – широкоплечий скуластый парень с татарским разрезом узких глаз.

– Вставай, бегом вставай. Разлеглись тут, как у тещи!

– Ты что, чего тебе?

– Вставай, тебе говорят, танки!

– Какие еще танки? – спросонья, плохо соображая, что-то говорил я, но сам уже привычно вставал. Поднимались другие, подвязывали торопливо к поясному ремню запасные набитые патронами автоматные диски, насыпали патроны в карманы. Кто-то успел притащить боеприпасы. Минут через десять мы уже бежали к северной окраине станицы, вышли в поле. Пришли в какую-то сухую неширокую балку. Здесь этих балок было множество – шириной метров пятьдесят, глубиной не более двух-трех метров. Дно балки усеяно белыми камнями, края крутые.

– Окапывайся, ребята! И давайте по левому ее краю, чтоб балка за спиной была, – скомандовал Рябчунов.

Это, пожалуй, правильно. По балке можно переходить с места на место незаметно для противника, в случае танковой атаки, тогда надежнее, когда овраг за спиной. Правее нас окапывались саперы. На всю нашу группу человек в двадцать было не более пяти маленьких лопат – это плохо. Вот саперы – ребята запасливые, выручили.

Минут через двадцать окопы были готовы, брустверы замаскированы сухой травой. У нас за спиной совсем недалеко шла грейдерная дорога Архонская – Нарт. Наша задача не допустить здесь прорыва танков и автоматчиков.

День догорал. Перед вечером неожиданно по балке ударили немецкие минометы. Десятка два мин взорвались в поле на другой стороне балки, в самой балке, не причинив никому вреда. После обстрела из-за дальней посадки показался бронетранспортер и примерно взвод автоматчиков.

– К бою! – пронеслось по окопам.

Бронетранспортер находился от нас метрах в двухстах, он шел очень медленно, за его броней укрывались пехотинцы. Он шел на оборону саперов, но те терпеливо молчали. Метрах в ста пятидесяти с бронетранспортера ударил крупнокалиберный пулемет. Бил трассирующими. Зеленые стремительные огни, как молнии, сверкнули над балкой, автоматчики развернулись цепью, бежали трусцой за бронетранспортером и на ходу стреляли из автоматов.

Подпустив противника метров на сто, саперы ударили из винтовок и автоматов. Несколько атакующих солдат упало, остальные снова укрылись за бронетранспортером. Но мы находились левее и отлично видели их. Купоросов приложился к ручному пулемету и длинной очередью заставил залечь автоматчиков. В этот момент сзади нас раздался выстрел нашей противотанковой пушки. Снаряд рванул перед бронетранспортером. Машина остановилась, взревел мотор, и бронетранспортер стал медленно разворачиваться в нашу сторону. Еще выстрел и снаряд ударил сбоку транспортера совсем рядом. Он попятился назад, и автоматчики побежали. С нашей стороны затрещали автоматы. Еще выстрел пушки, еще и еще. Два снаряда разорвались рядом, и вдруг сноп ярких искр сверкнул прямо на броне транспортера. Машина окуталась серым дымом и остановилась.

– Ага! Врезали гаду! – закричал кто-то из солдат.

Бронетранспортер больше не двигался. Он стоял и лениво дымил. Десятка два немецких солдат, уже не стреляя, бежали назад к посадке. По ним били из автоматов и винтовок. Подстрелили человека три, остальные скрылись в посадке и больше не предпринимали активных действий.

Солнце дотронулось до острых зубцов гор. По земле протянулись тени, подножья гор потонули в седом тумане. Бой затих. Из дальней посадки фашисты кидали красные ракеты, оттуда лениво, дежурными очередями стал бить немецкий пулемет. Каждая его очередь почему-то повторялась то ли эхом, то ли еще каким-то загадочным явлением. «Тр-р-р» – «Др-р-р». Ну, теперь это на всю ночь.

Пришел связной от Натынова и передал распоряжение вернуться в свое расположение. Нам на смену пришла стрелковая рота батальона Марёнова. Мы вернулись в свой дом, когда уже почти стемнело. Дозарядили диски, почистили автоматы. Добили остатки сухого пайка, думали отдохнуть, но не вышло – снова пришлось идти в поиск. На сей раз необходимо было уточнить передний край противника в районе западнее Архонской и дороги Архонская–Нарт.

Наши наблюдательные пункты еще не были оборудованы, а ночью в поиске передний край и система огня противника определяются в тот момент, когда тебя обнаруживают на нейтралке и лупят со всех сторон. Если же ты поумнее, то ты сам (вернее, группа разведчиков, разделившись на две части), оказавшись на нейтралке, ищешь поскорее воронку поглубже, овражек или оставленный всеми окоп. Необходимо занять облюбованное место и швырнуть в сторону противника пару гранат. Переполошенные немцы начинают лупить по месту взрыва из всех пулеметов, какие у них есть на этом участке. Тебе, бросившему гранаты, лучше из воронки или окопа не высовываться. Наблюдение ведет соседняя группа. Вот, примерно за этим занятием у нас прошла вся ночь.

К утру мы вернулись в расположение роты, позавтракали остатками сухого пайка и завалились спать, а мне не повезло – Рябчунов приказал топать в Беслан, а это почти 12 километров, взять у Медвинского вещмешок хлеба и вещмешок консервов, передать ему, чтобы к рассвету он был бы в Архонской, а самому, не задерживаясь, возвращаться, чтобы уже к обеду принести в роту продукты.

На войне приказы не обсуждаются. Закинул я за спину автомат и пошел по станице к мосту через Гизельдон. В то время, честно говоря, мы эту речку называли Тереком. Получилось у нас, что под Алагиром, под Нартом, здесь, в Архонской, под Бесланом – везде Терек. Но размышлять над загадками природы было некогда. Вышел я из Архонской и пошел по широкой грейдерной дороге, пролегшей по совершенно чистому полю. Даже лесопосадки никакой вдоль дороги здесь не было. Километра полтора-два от Архонской довольно высокий курган, на кургане какие-то командиры стоят и саперы что-то копают – видимо, НП оборудуют. Только это далеко от передовой получается – что отсюда увидишь? Но начальству виднее, «оно грамотное, оно газеты читает», как говорит в таких случаях Большаков.

В Беслан к Медвинскому я притопап где-то часам к 10 утра. Меня здорово накормили – за всю роту наелся, отдохнул маленько. Ну до чего же здорово – можно было поспать минут сорок, а потом снова в дорогу. Два увесистых вещмешка должны были здорово намять мне спину, но что делать. Я прошел Беслан, отдохнул малость на берегу Терека и пошел через мост к Фарну. Решил, что за Фарном отдохну и потом в сухой балке, на полдороги между Фарном и Архонской.

День стоял солнечный и было довольно-таки тепло. Где-то на западе гудел бой; далеко, а слышно. Расстояние между Бесланом и Фарном пустынное: перешел мост через Терек, ну еще чуть более километра, и начинается поселок Фарн: белые домики, жидкие тополя, какие-то голые деревья – яблони, видимо.

Вещмешки действительно тяжелые: в одном консервы, а в другом круглые бу-

ханки хлеба. Ребята, поди, ждут не дождутся. Никогда они меня так дружно и заинтересованно не ждали, как в этот день, да и не материли так от нетерпения. Да ничего, вечером Медвинский приедет, конечно, уже с непустой кухней, это не в его правилах.

Дорога была пустой, и когда до домиков Фарна оставалось всего метров сто, все небо наполнилось тяжелым железным гулом. С севера, откуда-то от Ардона, шли тяжело груженные пикирующие бомбардировщики. Они плыли вроде бы медленно, высоко. Немного не долетая до Фарна, они стали выстраиваться в длинную цепочку. Мне показалось, что они летят куда-то мимо Фарна, но первый бомбардировщик вдруг свалился на крыло, развернулся и, включив сирену, стал стремительно падать на окраину поселка, в то место, где находился я. Завидев юнкерсы, я сошел с дороги, положил на землю вещмешки и когда первый самолет сорвался в пике, я поднял автомат и длинной очередью ударил навстречу падающей с невыразимым рёвом птице. Из-под брюха юнкерса вывалились бомбы и тяжелыми черными камнями полетели ко мне...

Чья-то добрая душа, сам Господь Бог, вырыл рядом со мной окоп. Я ведь как-то и не заметил его сразу. Но тут в долю секунды я оказался на дне окопа. Землю встряхнуло так, что меня чуть не выбросило из окопа. Страшный грохот взрывов разломил небо, погасил солнце. Небо ревело сиренами трассирующих юнкерсов. Земля дрожала, шаталась, меня несколько раз ударило горячей волной взрывчатки, на спину валилась земля, а конца бомбежки все не было. Сплошной рев, грохот, визг падающих бомб – все вокруг превратилось в кромешный ад и не было конца этому аду, остановилось время... Рёв сирены пикирующего юнкерса, потом оглушительный визг падающих бомб прямо надо мной: «Всё, моя!». Тяжкий удар... и по спине бьют комья земли, и опять все снова, все снова...

Вдруг внезапно все стихло, только в ушах звон не проходит. Я встал в окопе – все небо в дыму, копоти, в пыли, и солнце едва пробивается красным кругом. На моих вещмешках земля, окоп полузасыпало, кислый запах сгоревшей взрывчатки над землей. Гула моторов вроде бы и не слышно. Я схватил мешки и почти побежал к Фарну. Скорее прочь с этого места. В поле, на дороге, около дороги – сплошь воронки большие и малые. Весь Фарн в дыму, дома разбиты, на дороге доски, шифер, перепутанная проволока, сучья деревьев. В уцелевших домах ни стекол, ни самих рам, многие двери сорваны, столы избиты осколками, камнями.

Неужто здесь было население? Потом я вдруг расслышал нечеловеческий, дикий женский крик. Я бросился бежать в направлении этого крика и то, что я увидел, было ужасным. Недалеко от дороги вдребезги разбитый дом, свежая воронка от бомбы, вокруг воронки битый кирпич, комья земли, щепки, сучья. Невдалеке на коленях стоит женщина, она сорвала с головы платок, закрыла им лицо и кричит, а рядом с ней труп девочки лет двенадцати. Ее черные, как смоль волосы в крови, на белом лице черные точки и над глазом черная кровавая дыра, платье разорвано и из кровавых лохмотьев на земле валяются ее кишки, синие и розовые и на них какая-то солома, комочки земли.

– А-а-а! А-а-а! - нёсся раздирающий душу крик, и он был страшнее, ужаснее рева пикировщиков.

Я стоял над женщиной, одетой в мужское черное пальто, пытался ее поднять, тоже кричал ей, а она отталкивала меня, и не смолкал ее безумный вопль. Откуда-то появились еще женщина и старуха, я говорил им, что нужно в укрытие, но никто

не слушал меня. Все происходило будто в каком-то кошмарном сне, когда нужно бежать, нужно бить, но ты бессилен и ничего не можешь поделать. Чем утетишь, как успокоишь мать, если на ее глазах такой дикой, страшной смертью казнят ее ребенка. Я ничем не мог помочь беззащитным, беспомощным людям перед свирепым оскалом лютой войны. Кто-то просто, покорно и дельно накрыл каким-то одеялом тело мертвой девочки, женщины куда-то повели обезумевшую мать, а я вернулся на дорогу и торопился пройти этот Фарн.

Снесло ветром дым и копоть, над миром снова было яркое солнце и синее небо. Только земля, только жизнь человеческая были изуродованными. И воронки, воронки, кругом воронки, белые перья на дороге, проволока, куски тряпок... В ушах все слышался этот отчаянный громкий крик. Да разве это одна жертва, несомненно, есть и другие. А я, я ничего не могу сделать... Как это не могу?! И страшная мысль словно пулей пробила сердце: «А ведь это и я виноват! Я, здоровый восемнадцатилетний вооруженный мужик! Это же я и мои товарищи додрапали до этого Фарна. Это же мы позволили фашистам убить девочку. Мы же были обязаны заслонить от беды и того старого ингуша в Лакисове, и эту осетинскую девочку, а мы... мы... мы, гады, все драпаем».

Я почти бежал по дороге, бежал не из-за боязни попасть под новый налет, меня заставляла бежать моя ущербная совесть битого солдата, меня гнал вперед этот нестерпимо-пронзительный женский крик. До Архонской оставалось немного, впереди партия пикировщиков и они снова ныряли в крутое пике. Над Фарном мгновенно вырастали черные и коричневые гигантские кусты бомбовых разрывов и тяжелый грохот долетел до этой балки. Мне казалось, что ноги мои чувствуют, как дрожит даже здесь земля от дальних разрывов.

Не до отдыха мне было в той балке, я шагал по дороге мимо кургана. Около него по-прежнему находилось несколько человек командиров и продолжали копать саперы.

– Товарищ боец, подойдите, – позвал меня незнакомый усатый майор.

Я подошел, опустил вещмешок на землю и козырнул майору.

– Кто такой?

– Разведчик отдельной разведроты шестидесятой бригады.

– Откуда идешь?

– Из Беслана. Выполняю приказание командира роты.

– Фарн проходил? Что там?

– В Фарне как раз попал под первую бомбежку. Много домов разбито, среди гражданского населения есть жертвы. Убитых и раненых военнослужащих не видел.

– Мост разбили?

– Первая бомбежка его не задела, только Фарн бомбили, а вот вторая – не могу знать.

– Ясно. Можете быть свободным.

Я еще раз козырнул, поднял с земли вещмешок, повернулся и пошел по дороге дальше.

Уже недалеко от Архонской повстречал молодую женщину. Мне показалось, что я увидел ее во сне. Это была выше среднего роста пышноволосая блондинка в черной шерстяной кофточке, на плечи накинут темный платок. На ней бело-розовая цветастая юбка и черные туфли, да-да, настоящие женские туфли. С какой-то сумкой в руках она быстро шагала в сторону Фарна. Здесь, на этой военной доро-

ге, где можно встретить только серую шинель или зеленую куртку, здесь эта неестественно нарядная и красивая молодая женщина! Фантазмагория! Эта женская светловолосая фигура была настолько неуместна в этой обстановке и встретила так неожиданно, что я даже остановился.

Женщина как-то испуганно посмотрела на меня, прошла мимо, потом оглянулась и снова ускорила шаги. Какое-то непривычное и непонятное явление. Цветастая юбка, блондинка и туфли еще... Может, шпионка? Задержать? Этого только не хватает. Ну задержу, а дальше что? Куда мне ее вести? Ребята засмеют – поймал шпионку, «языка» взял. Да и девка она симпатичная, пусть идет! Тоже вроде нашего старого политрука стал – везде шпионы и изменники мерещатся.

Пошел дальше, и забыл про эту встретившуюся красивую женщину. В памяти осталась та, другая, которая так страшно кричала над телом убитой дочери.

Вот Верещагин написал картину «Апофеоз войны» – сильное, страшное полотно, а, доведись мне, я написал бы ту женщину у разбитого дома, над страшно обезображенным мертвым телом дочери. Написал бы ее безумные глаза, растрепанные волосы и написал бы так, чтобы услышал весь мир ее страшный, жуткий вопль, не вопль, а проклятие всем тем, кто взял в руки оружие для злого и несправедного дела, проклятие нам, которые отдали врагу на поругание свою родную землю. Страшнее всего видеть убийство людей беззащитных, безоружных, бесправных... Есть преступление, но это преступление страшнее всего самого страшного, и наказание за это – только смерть.

В тех самолетах были летчики, люди – они должны были видеть, что в этом сравнительно небольшом поселке Фарн нет автомашин, нет обозов, нет танков – вообще нет ни единой военной цели. Как понять, что мост через Терек они оставили нетронутым, а разбили бомбами мирный поселок? Да люди ли держали в руках штурвалы боевых машин?!

* * *

Хлеб, который я принес, есть было просто невозможно: силой близкого разрыва бомбы песчинками, мелкими камешками изрешетило, посеколо вещмешок, эти песчинки впились в хлеб, хрустели на зубах. Банки с консервами ничего, уцелели. Кое-как пообедали.

– Ляг, поспи малость. Ночью в поиск, – сказал мне кто-то из ребят.

Сон свалил меня быстро. А во сне я бежал на крик женщины, я видел ее, но мои ноги перестали шагать. Я протягивал руки и никак не мог достать эту женщину...

Вечером снова пошли в район северной окраины Архонской. С вечера в нашей станице гудели моторы, шли машины, пушки, подтягивались «Катюши», громыхали подводы, походные кухни, шла пехота. В Архонской накапливались силы, а фронт гремел взрывами, выстрелами, и накал боя не стихал ни днем, ни ночью.

Ночью над станицей появлялись ночные бомбардировщики врага и вслепую бомбили станицу. Просидели ночь без толку, напоролись на пулеметы – один раненый. Утром в роте бушевал Натынов, грозил, упрекал. Удалось поспать часа полтора и снова разведгруппы направились на разные участки фронта. Нам пришлось идти в Кирово – это далеко. Вышли еще днем и только ночью пришли в небольшой обезлюдивший поселок. Старшим группы был Суменков. За поселком, примерно

в полутора километрах, взлетали осветительные ракеты и стучал все время немецкий пулемет.

– Возьмем левее, только тихо, без шума.

Погода испортилась: небо снова заволокло тучами, моросил мелкий холодный дождь. В черном небе стрекотали моторы невидимых ночных бомбардировщиков. Мы вышли к какой-то реке, на ее противоположном берегу засели фашисты. В редких окопчиках перед рекой засели наши стрелки, они сказали, что река здесь непроходима, нужно брать левее, там где-то есть брод. Ходили всю ночь, брод вроде бы нашли, но к этому времени подкрался рассвет. Небо чуть посветлело, идти за реку стало опасно. Вернулись в роту.

Одна разведгруппа была уже в роте, третья вернулась поздно и с потерями. Ребят потеряли хороших, опытных. Один тяжело раненый умер, пока тащили к роте. Второй – Костя Кудряш, моряк-балтиец небольшого роста, веселый и добрый товарищ. Он был с Хорьковым в головном дозоре, нечаянно выползли прямо на пулемет. По словам Хорькова, Костя сразу схлопотал две пули в голову. Хорьков бросил гранату, стал тащить Костю, но пулемет снова открыл огонь. Ребята все отошли и убитого Костю с залитым кровью лицом Хорьков был вынужден оставить – иначе и сам не выбрался бы.

Натынов снова разносил нас, но многие разведчики от непрерывных бессонных ночей дошли до отупения, до полного безразличия. Как только Натынов ушел, Рябчунов вызвал санинструктора и дал команду выдать четверым разведчикам направление в медсанроту, которая находилась где-то в Беслане. Направление было нужно только для патрулей на мосту через Терек, а так разведчиков предупредили, чтобы в медсанроту они не показывались, а просто выспались бы досыта в каком-нибудь теплом доме и на следующий день непременно вернулись в роту, как выздоровевшие. Так и сделали.

Левее по фронту, там, где Гизель, не смолкая, усиливаясь с каждым часом, грохотал бой. Рассказывали сведущие люди, что там, в Гизели и на подступах к Орджоникидзе, насмерть стоят моряки, отбивают в день по несколько танковых атак. На Гизель и Орджоникидзе набросились юнкеры, но наши зенитчики поставили стену огня. Действительно, мы и сами видели, как один двухмоторный юнкерс, дымя мотором, терял высоту, отстал от остальных, а потом, пустив густую струю дыма, пошел носом в землю. Из машины успели выброситься двое летчиков, но приземлились они у своих. А самолет врезался в землю, грохнул взрыв и над землей поднялся черный смрадный гриб дыма.

Неподалеку от роты разместился эвакуационный пункт медсанроты нашей бригады. Все больше и больше прибывало туда раненых. Их обычно привозили вечером и ночью. Из автомашин и подвод осторожно вытаскивали раненых, и их испятнанные кровью бинты призрачно белели в темноте. Мертвых выгружали и клали отдельно, их полуголые трупы мокли под дождем. Уже к утру их куда-то увозили для захоронения.

Из-под Малгобека пришла 62-я морская бригада. Она заняла оборону от Архонской на юг к Гизели. Ребята что надо. Теперь можно будет и поприжать фрицев, силенки есть. Но опять нужен проклятый «язык». Но немцы словно бы знали, что в Архонскую стянуты значительные силы и укрепили свою оборону. Западнее Архонской у противника появились танки, они били прямой наводкой по нашему переднему краю, грозно урчали моторами, но в открытую атаку не шли – их караулила

наша противотанковая артиллерия. В эту ночь нам повезло. В черной, как сажа, ночной степи мы поймали фрица. Вначале нам показалось, что это заблудившийся дурак. Мы ползли вдоль каких-то голых колючих кустов и вдруг справа услышали чавкающие по грязи шаги. На темном фоне неба мы разглядели совсем черный силуэт человека в длинной шинели и в каске. Мы его подпустили буквально шага на четыре, и тогда с земли поднялся во весь свой богатырский рост Авдеев, вскочил на ноги юркий Вася Боев, и в мгновение ока немец оказался на земле с заломленными за спину руками. Он пытался крикнуть, но при первой же попытке Авдеев вдавил его физиономию в мокрую землю. Только на подходе к нашей передовой немцы почему-то всполошились и открыли сильный пулеметный огонь. Мы быстро укрылись в окопах пехотинцев, потом переползли еще дальше в балочку и здесь оказались в относительной безопасности. Немец тяжело дышал, что-то говорил, но разобрать было невозможно. По-русски, похоже, он не понимал ни бельмеса. Мы быстро вернулись в роту. Старшина Медвинский напоил нас горячим чаем и немцу не пожалел, отвалил каши с мясом и выдал полкотелка чая.

Немец смотрел на нас обреченно и испуганно. Это был еще молодой парень, связной командира роты, он шел к соседнему командиру с каким-то поручением, немного на своем пути взял левее больше чем нужно и дальше все произошло так быстро, что, по его словам, он еще не пришел в себя.

Вернулась еще одна группа. Все мы были горды и довольны тем, что задание было выполнено. Двое разведчиков повели пленного в штаб бригады, а мы решили выспаться. Но здесь случилось событие, которое не оставило равнодушных в роте. Неожиданно около нашего дома послышался шум автомобильного мотора. Он внезапно затих, на ступеньках крыльца громко застучали сапоги, дверь распахнулась и в комнату вошел человек в телогрейке и грязных кирзовых сапогах. В комнате сразу запахло бензином. При тусклом свете коптилки мы не сразу узнали Чижика, а только когда он по знакомой нам привычке сказал:

– Здорóво, братва! Не узнали, забодай вас комары!

– Чижик, ты?!

– А кто же еще!

– Давай, заходи, друг милый! Хочешь, хлебом угостим, еще что-нибудь пошукаем?

– Ни, хлеба не надо, а от чего-нибудь, если, конечно, есть, не откажусь.

Чижик налил кружку горьковатого портвейна, он выпил, вытер губы рукавом промасленной телогрейки и сказал:

– А я к вам что! Я ныне раненых возил, так вот из батальона одного вашего привез. Без памяти был. В эвакуунке он сейчас.

Кто же это мог быть? Обе группы вернулись без потерь, третья еще не возвращалась. Может быть, кто-нибудь из этой группы Купоросова?

Человека четыре, в том числе и я, пошагали к эвакуунке. Было темно. Из крытого доджа вытащили раненых и теперь выгружали тела убитых. Труп одного солдата в гимнастерке, в ботинках, но без шевронов (видно, срезали ножом) стали вытаскивать ногами вперед, и из распоротого осколком живота что-то полилось на землю.

– Тихо ты, – буркнул санитар, который принимал труп, человеку, находящемуся в черном провале крытого кузова.

Тяжела солдатская доля...

Мы разыскали какую-то медсестру в белом халате, но она ничего не знала. Тогда мы разыскали другую женщину-фельдшерицу.

– А вы кто будете? – поинтересовалась фельдшерица.

– Да разведчики мы.

– Подождите, сейчас узнаю.

Женщина ушла в дом, ее долго не было, но потом она вышла и сказала:

– Вроде есть такой. Только документов у него никаких. Костей себя называет. Тяжелый он, крови много потерял. Пошли, провожу. Да куда вы все претесь? Пусть один, ну ладно, двое.

Пошли мы с Авдеевым. В комнате, куда нас проводила фельдшерица, горели два светильника из снарядных гильз. На полу, на разостланной соломе, покрытой брезентом, тесно лежали раненые. Пахло лекарствами, кто-то стонал. Под занавешенным окном лежал раненый в зеленой куртке с перебинтованными ногами, из-под накинутаго поверх бинтов одеяла торчали босые белые, как у покойника, ступни ног.

Вначале мы и не узнали раненого: глаза и щеки ввалились, курносый нос стал острым, лицо все темное какое-то.

– Костя, Костя, ты слышишь меня?

Перед ним на колени встала фельдшерица и трогала его за руку.

Веки раненого дрогнули, он открыл глаза и тихо попросил:

– Пить. Водички дайте.

– Сейчас, милый, сейчас принесу. К тебе вот твои товарищи пришли.

– Какие товарищи? – раненый смотрел на нас, потом, видимо, узнал – показалось, что он даже улыбнулся немного.

– Гриш, ты? Я уж думал, не увижу вас никого...

– Костя, Кудряш, да как же это, что случилось?!

Костя задышал чаще, вроде всхлипнул даже, чуть приподнял голову и снова спросил:

– Кто с тобою-то? Не разгляжу я.

– Да Федька я, что случилось-то, Костя?

Теперь Костя, закаленный разведчик, матрос с эсминца «Артем» вдруг действительно всхлипнул, помолчал, а потом стал, торопясь, говорить:

– Хорьков, сволочь. Я гранату бросил, а пулемет как даст... Обе ноги, кости перебил, гад... А я просил его... А он уполз – и с концами. Я на руках полз к своим. День лежал, думал, добьют, не шевелился. А вечером пехота вытащила и вот... Документы бы мне, а то неизвестно, кто я...

– Документы сей момент будут. Ты посиди пока с ним, – кивнул Гриша и, как-то крадучись, пошел к выходу. Потом зашли другие ребята, но Костя почти не говорил, сил у него не было.

– Крови много потерял, – снова сказала фельдшерица.

– Доктор, так, может, мою кровь ему перельете? Вместе ведь с ним лазили, кровь-то у нас одна.

– Одна? – строго спросила фельдшерица. – А кто из вас Хорьков?

– Нет среди нас его.

– Что-то он все говорил про Хорькова, навроде бросил он его в бою-то.

– Разберемся.

Через полчаса Гриша Авдеев пришел вместе с ротным писарем Костей Бычковым, он принес документы Кудряша и передал их фельдшерице. Та что-то записала

в толстой тетради и потом рассовала принесенные документы по карманам гимнастерки Кудряша.

– Ну хватит, – скомандовала фельдшерица. – Набралось вас здесь. Хватит, машина подошла, сейчас вашего друга в госпиталь. Он парень живучий.

Мы простились с Костей, вышли на улицу, пронизанную холодным серым ветром, закурили, и Гриша Авдеев строго сказал:

– В роте никому ни слова. С Рябчуновым мы с Бычковым сами поговорим. Если кто из вас трепанет, учтите, морду сам бить буду.

Пришли в роту. Ребята спали вповалку. Только один Давыдов приподнялся на локтях и спросил:

– Кого там повстречали?

– Да батальонный это разведчик, – удивительно равнодушно и спокойно ответил Авдеев.

Утром, когда были растворены ставни и в заплаканные стекла лился тусклый серый свет, в комнату вошел Рябчунов, сел на лавку и спросил тоже пришедшего ненароком Костю Быčkova:

– Бычков, ты сведения об убитых отправил?

– Так точно, отправил.

– А как Кудряша указал – убитый или пропавший без вести?

– Почему пропавший? Вон, Хорьков знает – убитый он.

– Точно, Хорьков? – спросил Рябчунов.

– Да точно, двумя пулями в темечко...

– Как это ты в такой темени рассмотрел-то?

– Ну, может и одной, да все одно – что одна, что три. Убитый он, это точно.

– Может, сегодня ночью вытащим? Укажешь, Хорьков, где он лежит? – снова спросил Рябчунов.

– А что, укажу. Мне-то что? Если его, конечно, немцы не уволокли.

– А на что он немцам мертвый-то?

– А может, там ксива у него, абы еще что?

– Документы все у Быčkova. Там он безымянный солдат отечества.

Я заметил, что Гриша Авдеев недобро из-под бровей посмотрел на Хорькова, крикнул и вышел на улицу.

* * *

Приближались Октябрьские праздники, и в эти дни напряженность боев нарастала с каждым часом. Противник, видно, завяз на подступах к Орджоникидзе, а тут еще, как чирей на боку, эта Архонская. Противник чувствовал или знал, что здесь накапливаются силы. На Архонскую двинулись танки. Всю нашу роту снова посадили вместе с пехотой в оборону севернее Архонской. И целый день бой. Целый день, с самого утра и до вечера, сплошной грохот разрывов, визг мин, вой снарядов и непрерывный пулеметный треск. У нас были потери, бой не обходится без них, но мы стали сильнее, заметно сильнее.

На открытое место выползли танки, этих чудовищ было много, более двадцати. Они лезли нахально и нагло на нашу оборону по краю балки, которую уже измолотили артиллерией и минами. Казалось, уже ничто не остановит эту стальную лавину.

Чем ближе подходили танки, тем ближе к пяткам скатывалось сердце. Мне казалось, что на войне в бою ничего нет грознее танковой атаки. Но сзади нас часто захопали противотанковые и полковые пушки: фонтаны земли, яркие вспышки разрывов заплясали по всему полю и вот уже один, другой танк закружились на месте, размотав перебитую гусеницу. А пушки били, не умолкая. Длинными кострами запылали еще три танка, и черный дым стелился по полю. Прикрываясь этим дымом, танки отползали назад.

Через час-полтора артиллерийский и минометный огонь с новой, еще большей силой обрушился на основные позиции нашей артиллерии и на нашу передовую. Едва огонь стих, как появились двухмоторные штурмовики «Хеншель» с круглой ба-ранкой – антенной под фюзеляжем. Они били по передовой и по огневым из пушек и пулеметов, но наши обозленные до предела ребята ударили по одному «хенкелю» сразу из нескольких ручных пулеметов, били длинными очередями бронебойно-зажигательными пулями, и один штурмовик вдруг клюнул носом, отвернул в сторону от своих, задымил и рухнул на вспаханное поле. К самолету бросились немецкие солдаты, но по ним открыли очень плотный пулеметный и минометный огонь, и многие бежавшие упали. Самолет грохнул взрывом своих баков с горючим и высокое жаркое пламя в черном дыму взметнулось к небу. И, словно в отместку, на нашей передовой снова загрохотали разрывы, то и дело слышались крики раненых, какие-то люди тащили беспомощные, искалеченные тела через балку. В это время из дальней посадки снова вырывались танки, на сей раз они шли на скорости, завывая моторами, оставляя позади себя синий моторный дым. Снова по танкам ударили пушки. Наши снаряды почему-то не выли, как немецкие, а словно шеле-стели над головой и рвались на поле. Снаряд за снарядом – и все мимо, мимо, к нашей превеликой досаде. Но вот крутнулся один танк, другой замер на месте и его длинный ствол пушки опустил вниз, будто нюхая землю.

– Ага, гады, схлопотали! – вопил кто-то в окопе, и танки остановились и потом опять поползли назад. А с нашей стороны взревела «Катюша». Огненные кометы унеслись в небо, а потом брызнула на поле снопом искр среди танков первая реактивная мина. По всему полю полыхнули тяжелые взрывы, их яркие вспышки сверкали в сплошном дыму, который стелился над исполосованным танковыми гусеницами ровном поле. И танки вновь попятились назад несолоно хлебавши, и над полем стелился дым от догоравших стальных чудовищ.

Над передовой разлилось короткое затишье. Наши ребята торопились дозарядить диски, нам через балку подтащили гранат, патронов и фляжки с водой. Напряжение боя погасило чувство голода. Никто не вспомнил о времени обеда. До вечера было отбито еще две атаки. Не знаю, как у пехотинцев, а мы потеряли пятерых ранеными и убитыми. И это было тяжело. Мне пулей разорвало куртку на левом плече и снова не задело. Вообще-то, это скверные шутки – уже была прострелена пилотка, издырявлены полы шинели, прострелены брюки, теперь куртка на плече... Сколько уже было убито ребят, с которыми я был рядом, ну а теперь что? Сколько раз может так по-дурному везти? Когда-нибудь все это везение кончится. Счастье, если по ногам саданет, а то без рук останешься, в живот врежет... Война – ох, и сволочное это дело!

В сумерки мы тихо снялись с передовой, нас заменили бойцы стрелкового батальона, а мы вернулись в роту. Там в нашем доме нас поджидал Натынов. Шап-

ка-кубанка заломлена на затылок, над бровью черный выющийся чуб, в глазах так и пляшут веселые чертики.

– Разведчики, молодцы, мать вашу так! За «языка» спасибо. На сей раз не проворонили. Суменкова, Авдеева и Боева к правительственным наградам представляю. Остальных от имени командования, можно сказать... Рябчунов! Всем выдать по двести грамм и каждый день теперь рота получать будет. Так что, приглашайте в гости. Но что б мне ни-ни, чтоб без фокусов! Старший лейтенант! Сейчас накормить всех, дать отдохнуть малость и нужен контрольный пленный сегодня же. Взять пленного в районе МТС, понятно?

– Так точно, – ответил Рябчунов.

– Выполняйте. Утром доложите.

Признаться, мы еле держались на ногах от бессонных ночей, от напряжения боя, от еженощных поисков. И Рябчунов видел, как тает его рота, как вымотались ребята. У многих стало появляться какое-то тупое безразличие. В этот вечер санинструктор выписал «направление в медсанроту» еще пятерым. Все знали, что должны вернуться завтра к вечеру. Отправив особо уставших ребят, Рябчунов из оставшихся собрал группу человек в восемь и сам повел их к МТС, остальные направились к Нарту с заданием уточнить обстановку.

Утром Натынов бушевал:

– Тоже мне разведчики! Дерьмо вы поганое. Зазнались, заелись. Вы знаете, что за невыполнение приказа бывает?! Рябчунов, я тебя в последний раз предупреждаю.

Командир роты устало поднялся со скамьи у окна, потер давно небритый подбородок, кинул телогрейку и устало сказал:

– Можно вас на минутку, товарищ капитан.

– Что еще?

– Да кое-что сообщить интересное вам хотел.

Натынов как-то боком подозрительно посмотрел на Рябчунова и вышел вслед за ним на улицу. Мы бы и внимания не обратили – мало ли что нужно сказать командирам друг другу, если бы до нас не донесся буквально крик Натынова:

– Что?! Что ты сказал?!

Рябчунов еще что-то сказал, но слов никто не расслышал.

– Да я тебя за такие слова!.. – снова зашумел Натынов.

– Имейте это в виду, на всякий случай, – так же громко сказал Рябчунов, круто повернулся и ушел во вторую половину дома, где размещалась вся наша интеллигенция.

Мы не видели Рябчунова до самого обеда. Никто не ставил нам задачи на ночь, но все чистили оружие, чинили одежду и все молчали. Только один Хорьков не унимался, приставал с какими-то дурными вопросами и пел свою бесконечную «Мурку» да «Гоп со смыком»:

*Жил в Одессе парень гоп со смыком – да-да,
Славился своим басистым криком – да-да,
Глотку имел прездорову
И ревел он, как корова,
Граждане, послушайте меня – да-да!*

– Слушай, замолчи ты со своим гоп со смыком. Надое! – не выдержал и зашипел Селиванов.

– Подумаешь, нашелся тоже начальник! – огрызнулся Хорьков.

– А ну стихни! – прогудел Авдеев, и Хорьков, уже молча, отошел в другой угол комнаты.

В обед Рябчунов уехал в штаб, вернулся он к вечеру и приказал собрать всю роту. Он был подтянут, длиннополую его шинель перехватил новый желтый командирский ремень с портупеей.

Разведчики расселись, кто где мог, и ждали новостей, а Рябчунов не торопился. Снял фуражку, пригладил редкие прямые волосы и, не торопясь, сказал:

– Сами видите, выдохлись фрицы. Под Орджоникидзе завязли, в горах их моряки лупят. Хотели Архонскую и Нарт взять – тоже не вышло. Ну, какие будут предложения? – вдруг весело спросил Рябчунов.

– Пора им здесь морду намылить, – высказался Суменков.

– Вот, правильно! Давно пора! – поддержал Рябчунов. – А теперь слушайте внимательно. Завтра утром бригада переходит в наступление. Разведрота находится в боевых порядках пехоты и наступает от Архонской в направлении Майрамадаг-Дзуарикау. Жизнь нам предстоит нелегкая. У фашистов, которые обламывают себе зубы в районе Гизели, к Орджоникидзе только одна дорога для отступления. Они клином, свиной врезались в нашу оборону и застряли. Вот по флангу этого клина мы и ударим. Со стороны гор будет бить морская бригада, а мы со своей стороны. Посмотрим, что тогда фрицы делать будут. Ваша задача – наступать, взять «языка» побогаче, вперед не вылезать шибко и не болтаться сзади атакующего батальона. Всем все ясно?

– Ясно, товарищ старший лейтенант.

– Тогда всем проверить оружие, дозарядить диски, получить гранаты, кому надо. Крепко поужинать, малость поспать, а перед рассветом пойдем в батальон, на нашу передовую. Чуть правее МТС будем действовать.

Пошли почти всей ротой, человек двадцать пять, не меньше. Ночью похолодало. То мелкий снег падал и на глазах поседела трава, то вдруг начинался дождь с какой-то ледяной крупой. Такая погода не для авиации, и это хорошо. Спали совсем немного. Медвинский с поваром приготовили завтрак, выдали нам по 200 грамм. Мы плотно поели, вопреки правилам, и пошли на передовую.

Немецкие командиры либо знали все, либо и не предполагали, что мы проявим боеспособность. На передовой взлетали в мутное небо белые и зеленые ракеты, где-то в стороне короткими очередями бил пулемет, а это на языке сводок именовалось полным затишьем.

Мы миновали станицу, перешли какой-то неведомый ручей, посадки, прошли немного полем и нас остановил короткий оклик:

– Стой! Кто идет?

– Свои.

– Пропуск!

– Приклад.

– Псков. Проходите.

В этом месте наши солдаты свои стрелковые ячейки соединили ходом сообщения, получилась неглубокая траншея. Разведчики расположились в этой траншее, стали наблюдать. Скоро заметили, как в темноте замерцала белая искра, от нее

рванулась в ночь струя трассирующих пуль. Вот он и пулемет. Вполне можно засечь, а днем раздолбать его как следует. Что ни говори, а хорошие наблюдательные пункты нужны, очень нужны – поиски будут осмысленнее.

Время тянется убийственно медленно. Очень хочется курить, но нельзя – противник рядом, здесь метров 150-200 до него. Обе противоборствующие стороны сблизилась до предела – каждая на один атакующий короткий бросок. Пулемет пострелял и затих. Только ракеты, да и те рассыпаются огнем в сплошной низкой мути, из которой падает уже почти погасшая ракета. Тихо подвывает ветер. Погодка только для поиска. Но чего уж теперь... Через часик пушки грохнут, вот только видимости нет никакой, да и это нам на руку – авиации не будет.

Под ногами слякоть. С неба сеет какой-то мелкий ледяной дождик. Ну и погода! До войны добрый хозяин собаку бы на улицу не выпустил. А здесь пехота который день безвылазно. Кто его знает, чего на войне больше: атак, непосредственного боя или изнуряющих, выматывающих последние силы, маршей, или вот такого нудного ожидания.

Из зимнего обмундирования нам выдали ватные брюки и ватные куртки. Шапок не выдали – видно, кто-то считает, что на Кавказе тепло и в ноябре. Пилотка сыреет, ватные брюки промокают на коленях, а куртка – на плечах.

Дни короткие, а сегодня, в день нашего наступления, восход солнца, наверное, отменили. Лежим уже несколько часов, а темень непроглядная. Странно, что здесь, на юге, такие угольно-черные ночи, как будто тебе глаза завязали.

Ракеты взлетают довольно редко, даже в этом липком слякотном тумане слышен выстрел ракетницы, за сеткой дождя и ледяной крупы в небе расплывается желтый дрожащий свет. В этом свете на ветках кустарника видны тяжелые капли воды, готовые сорваться вниз. Ракета падает на сырую, пропитанную водой землю, шипит, в ее последних искрах виден беловатый дым. Когда все уже перестают ждать запоздалого рассвета, тучи вдруг светлеют, становится видным рыжее поле, исковыренное воронками, и белые плешинки сырого снега на траве. Ну, сейчас начнется... Стрелки еще раз проверяют пулеметы, личное оружие, гранаты. Теперь скоро, очень скоро начнется то, чего каждый ожидал всю ночь, больше – весь год. Солдаты сердцем, душой чувствуют, что это не контратака и не авантюрная разведка боем – это наступление, первое здесь, на Кавказе. Как это все получится, как будет выглядеть этот первый блин?

Атаке должна предшествовать артиллерийская подготовка. Пушки и минометы должны были разнести в клочья всю огневую систему врага, лишить его связи, вдребезги разбить передний край его обороны и только тогда поднимется в атаку пехота. Конечно, сколько ни стреляй, все равно останутся целыми какие-то пулеметы, оживут дзоты, откроют ответный огонь пушки и минометы врага, и снова польется кровь. Но разве бывает на войне по-другому? Обязательно: кому жизнь и даже награды, кому ранения и страдания, а кому вечная слава. Что-то сегодня достанется мне... Рядом со мной разведчик Шинкаренко, невысокий ростом, худощавый, чернявый. Уставился взглядом в мокрый бруствер – чего он там увидел? Сквозь небритую щетину видна какая-то неестественно бледная щека, потухший, равнодушный взгляд и чуть вжатая голова в плечи... Ох, не к добру это. Проходит еще много времени, облачность становится выше, становятся видимыми подножия гор, чуть выше подножий сквозь голые ветви леса виден снег. В последнее время я замечал сам, как уровень этого снега все время сползал вниз к подножию.

У немцев по-прежнему бьет дурацкими короткими очередями, не прицельно, пулемет. Наша передовая молчит – ни единого выстрела. Все напряженно сжалось, изготовилось и замолкло в этом страшном напряжении. Вдруг откуда-то с окраины Архонской раскатился оглушительный рев и скрежет «Катюши». И этот залп был всего лишь первой командой. Не успел еще умолкнуть этот рев, как грохнули залпами десятки орудий и минометов. Раскатистый гром разрывов покатился от переднего края противника. «Ага, дождались! Не одним вам, гадам!» Наши артиллеристы и минометчики били не умолкая, и под занавес артподготовки, когда пушки перенесли огонь в глубину обороны врага, вновь заревели «Катюши», много «Катюш». Огненный смерч, ураган, светопреставление разбушевало над передовой противника. В это самое время залиvistо разлились свистки, и кто-то закричал:

– Вперед! В атаку, мать ваша перечница! Вперед!

Нашей задачей было выскочить за бруствер первыми. Мы выскочили и побежали вперед. Туманная дымка ухудшала видимость, мы стреляли наугад для паники, а со стороны врага полетели редкие красные ракеты в нашу сторону. Через несколько секунд, мы еще не успели пробежать и половину узкой нейтралки, как воздух наполнился визгом падающих мин. Этот визг стремительно нарастал и два взрыва мгновенно грохнули в стороне от нас.

– Вперед, едрена мать! Вперед!

– Полундра-а-а! Бей их, гадов! Ребята, впер-р-е-ед!

Кто-то кричал, матерился. Чуть левее ожил и залился длинной бесконечной очередью вражеский пулемет, пули зачавкали по грязи, свистнули где-то рядом. Снова рвануло несколько мин, и теперь уже огненный ад разбушевало над нейтралкой, разгулялась в бешеной пляске сама смерть. Кто-то уже упал или залег – не разобрать, и нас уже догоняют стрелковые роты и автоматчики, и люди падают, падают... А в ушах один треск выстрелов и звонкие удары разрывов, и кроме них да протяжного крика «А-а-а!» уже ничего не слышно.

Вот он, короткий взвизг мины, которая падает к тебе. Когда она падает в стороне, то полжизни визжит. А здесь коротко – значит, твоя. Опережая взрыв на десятую долю секунды, я падаю на землю, на мое счастье, в неглубокую воронку, и хлесткий взрыв оглушил, ударил горячей волной, и я снова быстро поднимаюсь на ноги и бегу вперед. Здесь зарываться нельзя, а то выскочишь, как дурак, один на немецкую траншею, это атакующие понимают – часто смотрят по сторонам, чтобы видеть товарищей. Рядом со мной почему-то никого нет. Впереди воронка и я прыгаю в нее. На дне воронки вода, и головой в этой воде лежит давно убитый наш солдат. Я выглядываю из воронки и пока не вижу никого. «Где ж они, паразиты?» Стрельбы тоже пока еще не слышу, звон в ушах не прошел от близкого разрыва. Наконец, сквозь этот звон различаю несмолкающую очередь немецкого пулемета. Наверное, он и положил ребят. На нейтралке рвутся снаряды: короткий визг – взрыв, и так без конца. Пулемет бьет из-за голого куста, что от меня справа. Вон он, гад. Мне кажется, что я вижу двух пулеметчиков сквозь голые ветки кустарника. Прицеливаюсь из автомата и стреляю длинной очередью по кусту. Пулемет вроде бы замолк, но в это время рванула мина недалеко от моей воронки. Где ж ребята? Неужто откатились? Мелькнула мысль, что и мне уже пора тикать отсюда. Но в это время снова донеслось до меня: «А-а-а!», «Ура-а-а!», и серые фигуры атакующих выросли словно из-под земли и снова бежали вперед. Теперь скорее! Теперь в тран-

шею к врагу! Есть такие места на нейтралке, когда выгоднее броситься вперед, чем под кинжальным пулеметным огнем отползать или бежать назад.

Меня перегнал Авдеев – глаза выпучены, рот раскрыт, полы его полковничьей шинели развеваются.

– Ур-р-а-а! Полундра! Шум на баке, ешь твоего корень! Мать вашу в бога! Ура-а!

Я, пригнувшись, бегу вперед. Вот он уже, бруствер вражеской траншеи, замаскированный увядшей травой. Чуть сбоку навстречу бегущим брызнули огнем несколько автоматов. А в траншею уже полетели гранаты. На бруствере на мгновение выросла фигура Надирына – командира взвода, но он не успел, видимо, выстрелить, первым и свалился на этот бруствер. Но в эту же секунду слева и справа прыгали в траншею, стреляли из автоматов вниз, в упор десятки людей. Немцы побежали. Уцелевшие поднимались из окопов и бежали по мокрому полю, а по ним стреляли, и многие из них падали. Сзади постоянно со звоном хлопали наши сорокопятаки, некогда было смотреть, где рвутся их снаряды. Все внимание только на убегающих – некоторые из них оборачиваются и стреляют, на стволах их автоматов сверкают искры. И мы стреляем, стреляем, не жалея патронов. Я едва успел сменить диск, как кто-то снова закричал:

– Вперед, в бога вашу мать! Вперед!

Следом покатила еще одна волна наступающих и мы побежали теперь вместе с ней, подхваченные этим потоком.

– Полундра-а-а! – кто-то кричал, но некогда было смотреть, кто именно бежит рядом с тобой. Главное, вперед, только вперед. На земле валяются свежие бинты, круглые гофрированные коробки никому не нужных немецких противогазов, убитые, раненые с залитым кровью лицом, с глазами, наполненными ужасом, страданием; сведенные скулы, руки, прижатые к животам, к груди и сочащаяся между пальцами кровь. И все это мелькает быстро, калейдоскопом картинок, мгновением сцен, связанных одной незримой кистью – смертельной непримиримостью, азартом боя, волной атаки.

Вперед, вперед! На короткое время стихает огонь артиллерии, только кругом – сзади, спереди, по сторонам трещит стрелковое оружие. Люди бегут вперед, но внезапно густая цепь минных разрывов ударила впереди, сильнее застучали пулеметы, запели, заныли осколки. Я мгновенно лечу носом в землю. Вокруг ровное поле, редкие камни. Ползу вперед и укрываюсь за камнем, и вовремя – минные снаряды накрыли атакующих. Впереди не то хутор, не то просто группа деревьев, но оттуда бьют танковые пушки. Сдвоенный выстрел, раскатистый взрыв, и стонут осколки. «Осколочными бьют, гады», – мелькает мысль, и больше ничего – пустота. Только вся душа сжалась, как пружина, в единый комок. Мы лежим какое-то время, не поднимая головы, и вдруг сзади накатывается грозный рев «Катюш». Реактивные мины со скрежетом несутся в сером туманном небе, и снова столбы пламени, сотрясающие землю, грохот разрывов, море огня, ад разрывов в том месте, откуда стреляли немцы. И снова слышится команда «Вперед!» С земли встают те люди, которые увернулись из-под косы смерти. Повинуясь команде, они снова бегут вперед, и их уже подхватывает азарт атаки и мало кто думает сейчас о жизни, о смерти и никто не вспоминает близких. Перед тобой ствол твоего автомата с пляшущей мушкой. Впереди тебя кто-то бежит и откуда-то стреляют, и ты стреляешь на бегу и мажешь, и в тебя стреляют и тоже мажут, и только тем ты еще жив, да еще удачей и, может быть, чьей-то молитвой.

– Вперед! Бей гадов! Ура-а-а! В бога иху мать!

Впереди пожухлая мокрая трава, серые камни, какие-то кусты. Все бегут и слышится надрывный хрип бегущего рядом человека. Близкий взрыв, коротко взвизгнули осколки.

– А-а-а! – раздалось где-то сзади. – А-а! Браток, помоги-и!

В атаке раненых подбирают после, останавливаться нельзя. Это жестоко, страшно, но это так. В атаке ты не имеешь права на милосердие, для тебя сейчас ничего нет на свете, кроме вон той, уже близкой посадки, только это твоя цель и единственная реальность, пока ты еще жив, пока еще судьба отмеряет, может быть, последние секунды твоей жизни.

Впереди камень и какой-то куст. Задыхаясь, бегу к нему, и тут же взрыв, оглушительный, страшный взрыв. Нестерпимо больно, оглушающе ударило по ушам, в глазах потемнело. Конец? Да нет – вот она, земля, вот сырая светло-коричневая мертвая травинка, а я живой. Кто-то промелькнул мимо меня, пробежал к посадке. Преодолевая какую-то тупую боль в теле, вскакиваю и бегу к посадке, здесь всего два десятка шагов. Совершенно голые корявые ветки акации с чудовищными пучками острых игл на стволах. И прямо передо мной немецкий пулемет, его ствол смотрит на меня. Один пулеметчик лежит неподвижно вниз головой, а второй вставляет в круглую гофрированную коробку-магазин в приемник пулемета. Я нажимаю на спусковой крючок, несколько выстрелов – и я не вижу, попал я или нет. Секунды растянулись в вечность. Я вижу, как фашист ткнулся каской в приклад пулемета, потом перевернулся набок. В его руке пистолет, рука протягивается мне навстречу. У меня под ногой какой-то острый пенек от какого-то срубленного дерева. Я падаю, но успеваю перехватить руку немца. Автомат у меня на шее и сейчас он больно мешается мне. У немца странно вытаращенные светлые, почти белые глаза и оскаленные зубы. Он почему-то не бьет меня ногами, я успеваю выхватить с пояса короткую финку и бью его, фашиста, куда-то ниже ключицы. Рука врага, которую я ухватил, вздрогнула, и пистолет выпал у него из рук. Я бью еще раз куда-то в горло, хватаю пистолет и откатываюсь в сторону. Голова фашиста падает на землю. Пулеметная очередь откуда-то заставляет меня вжиматься в землю. Потом я переворачиваю немецкий пулемет с круглой коробкой сбоку и нажимаю на спусковой крючок – не стреляет. Догадался оттянуть небольшую ручку затвора слева. Ствол пулемета в черном металлическом кожухе с небольшими дырками. Немного остыл, сунул трофейный парабеллум в карман. Рядом кто-то плюхнулся на землю. Посмотрел – Вовка Подосенов. Тяжело дышит. Упал заученно – автоматом вперед.

– Ты их? – кивнул в сторону лежащих немцев.

– Ага, – отвечаю. – Вон того – финкой.

Стрельба понемногу стихла. Рядом в колючей посадке цепью уже лежат автоматчики, бойцы стрелковых рот, но цепь негустая, человек от человека метров на десять-двенадцать, только мы с Иваном Подосеновым рядом. Впереди нас, метрах в трехстах пятидесяти, еще не то посадка, не то просто кусты.

– А где наши ребята? – спрашиваю и удивляюсь своему внезапно охрипшему голосу.

– Хрен их знает. Где-то здесь.

Лежим еще десять-пятнадцать минут. Окопаться нам нечем, да и сама эта благая мысль не приходит нам в голову до тех пор, пока перед нашей посадкой не разорвалась мина. За ней, как по сигналу, посадку начинают молотить немец-

кие минометы. Мины рвутся перед посадкой, позади ее, в кустах. На нас падают срезанные осколками колючие ветки. Мины терзают посадку минут десять. Где-то справа надрывно кричит раненый. Невольно оглядываюсь назад – там пустое поле и что-то никто не спешит нам на помощь.

Сильный артиллерийско-минометный огонь слышится где-то впереди, и я не могу сообразить, что бы это могло означать.

– Пулемет, давай пулемет! – кричит Подосенов.

По полю из противоположной посадки к нам бегут немецкие солдаты. Они тоже кричат и стреляют на ходу, каждый из них бежит пока что трусцой, стараясь не отрываться вперед от общей массы наступающих. Оторваться – первая пуля твоя. Немцы пробежали полдороги. С нашей стороны захлопали винтовочные выстрелы, раздались первые автоматные очереди.

– Стреляй, Ваня, пора! – нетерпеливо подгоняю я Подосенова.

– Погодь, погодь! Я им сейчас врежу...

Подосенов подпускает противника метров на 75-100, а потом пулемет лихорадочно задрожал в его крепких руках. Я тоже стреляю из автомата. Бегущие начинают падать, некоторые залегли, многие, отстреливаясь, попятились назад.

– Ага, ага!!! – злорадствовал Подосенов, но его пулемет внезапно замолк.

– Федька, посмотри там патроны.

Я подполз к тому месту, где раньше стоял пулемет. Оба немца лежали, не проявляя никаких признаков жизни. У немца, которого я добил финкой, оказалась простреленная нога, видимо, только по этой причине он не смог отойти. Ничего не скажешь – немцы упорный и умелый враг. Здесь война без дураков, война всерьез.

К счастью нашему, нашел еще полный диск патронов и быстро передал Подосенову. Тот быстро сменил пулеметный диск и снова ударил по противнику, и враг не выдержал огня, попятился, побежал. Наши солдаты теперь, как в тире, выбирали цели и стреляли. И падали люди, а земля запестрела сине-зелеными телами, потерянными касками, брошенными противогазами.

– Ага, ага, не нравится! – злорадствовал снова Подосенов.

Стрельба постепенно утихла. Откуда-то справа били немецкие пушки, снаряды с воем уносились в сторону и там, где были наши исходные позиции, раздавались тяжелые взрывы. Если все подсчитать, то километра на два мы отогнали фашистов, но силы наши стали иссякать. Велики потери – целая команда вытаскивает в наш тыл раненых. Убитые простят, им теперь все равно, они будут лежать до ночи или до тех пор, пока мы снова не пройдем вперед километра два-три.

Мы успели дозарядить диски, нам подтащили гранаты. По всему было видно, что скоро прозвучит команда «Вперед, славяне!» Но в этот момент, опередив ожидаемую команду, вдоль нашей посадки загрохотали взрывы мин и снарядов. Артоналет был сильным, страшным своими попаданиями. Ядовитый дым взрывчатки стелился над полем, от взрывов летали во все стороны сучья и стволы деревьев, концы которых были расщеплены осколками словно веники. И снова кто-то кричал пронзительным тонким голосом. Нас с Подосеновым спасало, видимо, то, что мы были почти самые крайние в этой посадке, а весь огонь фашисты сосредоточили на ее середине. Потом мины и снаряды стали рваться сзади нас, а из этих кустов, где засели немцы, вдруг стали вылезать танки. За кустами, видимо, был склон, и танки взбирались на него. Мы видели вначале ствол танковой пушки с набалдашником на конце. Потом появлялся круто поднятый нос и, окутавшись черно-синим

выхлопным дымом, танки вылезали на поле и ползли прямо на нашу искалеченную артобстрелом посадку. Танков было много – машин пятнадцать. За их броней, пригнувшись, бежали автоматчики в своих сине-зеленых френчах и шинелях с белыми пуговицами. Подосенов начал стрелять из пулемета, упало несколько вражеских солдат, остальные стали прятаться за танки. Наша артиллерия молчала: с наблюдательных пунктов, вероятно, не видели танков врага. Танки с ходу стали бить по посадке из пушек и пулеметов. Удар танковой пушки страшен для пехоты: вдвоенный оглушительный выстрел, короткий мгновенный взрыв снаряда и тяжелый разрыв. Танки близко, длинные стволы их пушек приподнимаются, обводят посадку, словно вынюхивают, высматривают, где притаился пока еще живой комок беззащитного человеческого тела. Удар! – ярким пламенем сверкает разрыв, сквозь серый дым летят комья земли, сучья, обрывки шинелей, куски человеческих тел. Когда до танков оставалось метров сто пятьдесят, солдаты не выдержали. Страшнее всего было то, что молчали наши пушки, что не было ни у кого окопов. А что может сделать с железным чудовищем стрелковое оружие? Чувство обреченности, беззащитности, сознание безвыходности заставили наших солдат подняться и бежать по чистому полю, бежать что есть мочи назад к той самой немецкой траншее, которая была захвачена накануне. Бегущих было около сотни, по ним стреляли из автоматов и пулеметов сквозь посадку; среди них, перед ними и еще в самой посадке рвались танковые снаряды. Люди бежали от преследовавшей их смерти, но она настигала многих... Некоторые падали, но продолжали ползти, другие, упав, больше не шевелились. Какой-то человек, видимо командир, без фуражки с растрепанными волосами, держал пистолет в поднятой вверх руке и что-то кричал. Его надрывной крик долетел и до нас с Ванькой Подосеновым.

– Стой! Стой, б..., стой! Застрелю!!!

Его просто обегали, а он стрелял из пистолета вверх, смотрел в сторону противника, пытался назад и грозил бегущим расстрелом. Вдруг он вскинул голову, выпал из рук пистолет и он упал на спину.

– Бежим! – крикнул Подосенов и мы побежали к упавшему командиру. Темно-русые волосы в крови и вверху над бровью черная дыра, из которой струйкой выливалась кровь. Рот раскрыт в последнем крике, а глаза уже мертвые, невидящие. Мы вцепились в рукава и бегом поволокли его по полю к траншее. Ванька успел поднять с земли пистолет «ТТ». Пробежали шагов пятнадцать и в воздухе пронзительно завизжала мина.

– Ложись!

Мы с Подосеновым оба ткнулись головами в грудь командира. Грохнул взрыв, мы оба вскочили на ноги и побежали дальше. Вот она, наконец-то траншея, неглубокая, недооборудованная, обращенная бруствером к нам в тыл, но траншея! Оба, как по команде, прыгнули в траншею, убитый остался на ее краю.

Немецкие танки уже смяли посадку, в которой мы только что были, выскочили на поле и шли, прибавляя скорость. Чуть поотстав от танков, бежали автоматчики, непрерывно стреляя из своих коротких, с виду нескладных, но безотказных автоматов.

– По пехоте, по пехоте! – кричал кто-то в траншее.

Мы открыли огонь по автоматчикам, но танки приближались к нам катастрофически быстро. Траншея была слишком мелкой и почти не оставляла шансов на спасение тем, кто продолжал стрелять. Несколько человек перешагнули через

бруствер и побежали назад к своей траншее. Из этих нескольких до траншеи не добежал никто. Когда от нас до танков оставалось чуть более ста метров, слева неожиданно треснул хлесткий выстрел. Я не слышал визга снарядов, но от борта первого танка брызнули белые искры, грохнул взрыв и весь танк окутался дымом. Он еще по энергии прошел метра три, но по его бортам повалил густой черный дым. Чудовище остановилось, его правый борт лизало копотное пламя. Еще хлесткий выстрел около второго танка – мгновенно вспыхнуло облако взрыва. Выстрел снова – танк прошел метра четыре и нехотя развернулся к нам бортом. Еще выстрел – на моторной части танка вздыбился от взрыва броневой лист, из-под него рванул в небо черный, как деготь, дым. Немецкие танки вместо того, чтобы рвануть вперед, замедлили свой ход, а им в лоб откуда-то сбоку били пушки.

– Ребята, так то наши танки бьют! – завопил кто-то из солдат.

Да, теперь видно и кусты слева, две копны прошлогодней серой соломы и около них три наших танка. Их пушки бьют часто и метко. Наступающим танкам в лоб стреляют противотанковые пушки и ружья. От лобовой брони летят искры. Из траншеи безостановочно работают пулеметы. Еще минута и наступил тот самый победный переломный момент. Танки врага остановились в какой-то нерешительности, потом поползли назад, продолжая стрелять из пушек. Они отошли почти что к посадке, несколько стальных машин дымило на поле. У посадки остановился еще один танк. К нему сзади подошел другой и зацепил тросы за задние крюки подбитого. Третий танк загородил собой подбитый. Они сбились в одну кучу и по ним открыли огонь из засады наши танки, беспрестанно били пушки. Подбитый танк задымил, заглох тот, который взял на себя буксировку. Вокруг танков рвались снаряды, один из снарядов ударил под башню того, который старался прикрыть собой подбитый танк. Танк вздрогнул от страшного удара, башня его как-то накренилась и из всех щелей машины пополз серый дым. Остальные танки уходили за посадку. Но в это время ударили снова «Катюши» и огненный ад вздыбился над посадкой, из которой мы только что бежали.

– В атаку-у! Вперед! Мать их в креста и в бога!!! – подал кто-то команду и люди снова вылезли из траншеи и побежали вперед мимо горящих танков по полю, где вперемешку валялись трупы наших и немецких солдат.

– Вперед! Вперед! – подгонял решительный голос тех, кто бежал ленивой трусцой.

Вот она, снова посадка колючей акции, только теперь ее и узнать невозможно: кругом срезанные и расщепленные осколками пеньки, разбросанные сучья и на нежно-белой измочаленной древесине красные капельки чьей-то крови. А в посадке среди хаоса воронок, пеньков, колючих сучьев – изуродованные до неузнаваемости трупы...

– Вперед, ребята! Вперед мать вашу разэтак! Вперед!

Мы побежали по полю, которое только что было нейтральным, к тем искореженным кустам, откуда вылезли немецкие танки. Редкие выстрелы – кто-то стреляет на ходу. Все тяжело дышат от бега по раскисшему скользкому полю. Рядом бегут Беляков, Шинкаренко, Селиванов. «Ага, свои ребята».

– Ур-р-ра-а! Полундра, мать вашу! – вопит Селиванов, и глаза у него дикие чумные, лицо чумазое, на лбу кровь.

И вдруг посадка, к которой мы бежали, грохнула сотнями выстрелов. Атакующие словно споткнулись, многие упали, другие залегли. Несколько человек еще бе-

жали вперед, но через пару секунд их свалил плотный губительный автоматный и пулеметный огонь. Позади нас заработали станковые пулеметы, стальным ливнем они прикрывали нас, а мы уже ползли обратно к колючей посадке, чтобы укрыться в воронках, за пеньками, чтобы на несколько десятков метров отойти от верной смерти. Пули визжали, рикошетили, впивались в землю и подбрасывали черные комья грязи, и все вокруг дышало запахом пороха, крови, гарью горящих танков. Наконец-то, вот она, посадка и спасительная воронка перед ней. Мы с Подосеновым скатываемся в воронку, Селиванов ползет дальше, Шинкаренко чуть задержался на краю воронки, вдруг резко дернулся и голова его беспомощно упала на вывороченные глыбы земли самого края неглубокой воронки.

– Шинкаренко! Володька, ты что?! – закричал я и, не дожидаясь ответа, понимая, что произошло, за ворот куртки притащил тяжелое тело Шинкаренко в воронку. Троем в этой воронке не поместиться, но мы ухитрились положить товарища на дно воронки. Подосенов дрожащими от напряжения пальцами торопливо расстегивал на раненом куртку, а тот беззвучно шевелил губами. Две пули влепили ему в спину, одна прямо между лопаток, и обе вышли из груди. По гимнастерке расплозлось густо-красное пятно. Губы у раненого стали мелко-мелко дрожать, а глаза остановились, глядя в беспросветно-мутное небо.

– Готов, – тихо сказал Подосенов.

За воронкой послышался какой-то крик и со всех сторон загремели выстрелы. Я выглянул из воронки. С той стороны, из посадки, к нам навстречу снова бежали немцы. Их было много – роты две, не меньше. Позади посадки взметнулись, забарабанили разрывы мин. Воздух ревел, стонал, оглушительный грохот бушевал на земле. Первая цепь фашистов была уже недалеко. «Жаль, что бросили трофейный пулемет», – эта мысль промелькнула в сознании и погасла, не оставив следа.

Немного, несколько шагов позади нас открыл огонь Селиванов. Короткими очередями стали стрелять Подосенов и я, но все мы не могли судить об эффективности огня: немцы падали, стреляли лежа, приподнимались и, пригнувшись, бежали нам навстречу и снова падали под огнем автоматов. наших ребят тоже становилось все меньше, и сердце было дрогнуло, когда оттуда, с немецкой стороны, долетел до нас воющий и скрежещущий звук выстрелов шестиствольных минометов. Через пару секунд небо взорвало от падающих мин, и один за другим перед посадкой, позади нее и в самой посадке взметнулись высокие черные столбы разрывов. Тяжелые, словно бомбовые, удары сотрясали землю. Наши бойцы лежали на земле, и не было у них надежной защиты от пуль и смертельных осколков. Ободренные этими залпами, немцы было вновь поднялись в атаку, но наша посадка продолжала стрелять. Хотя огонь был жидким, не таким, как в первые часы боя, но и немцев стало меньше, заметно меньше.

Не знаю, чем бы все закончилось, вполне вероятно, что рукопашной схваткой, потому что отходить было поздно – до немцев оставалось не более пятидесяти метров. Но в этот самый момент грозный рев «Катюши» потряс и небо, и землю. На несколько секунд все напряженно замерло, притихло, ожидая грома самой судьбы. Некоторые немцы не выдержали этого напряжения и побежали назад. Удивительно, но наши бойцы не стреляли по ним. В небе раздался тревожный шелестящий и стонущий звук, и первый взрыв вспыхнул ярким пламенем, подняв вверх сноп белых искр и серого дыма в самой посадке, откуда стреляли немецкие пулеметчики. Потом взрывы забарабанили часто, и две или три мины рванули на поле, где

еще лежали фашисты. Оглушительно грохнули взрывы, злобно взвизгнули тысячи осколков. Едва замолкли взрывы, как кто-то закричал «Ура!» Никто не поднялся в атаку, но уцелевшие фашисты побежали назад к своей искалеченной посадке. Они бежали, не оборачиваясь, а им в спину били станковые пулеметы. Немецкие солдаты падали, и над полем стояли стон и крик о помощи. Война жестока, и к тем, страдающим от нестерпимой боли и ужаса, никто не приходил на помощь, ибо каждого ждала своя пуля...

Наши минометчики открыли беглый огонь по той посадке, где укрывались немцы, а немецкие мины продолжали крошить нашу посадку. Мы с Подосеновым вжимались в воронку, а тело убитого Шинкаренко мы положили на край воронки – он и после смерти спасал нас, живых, от воющих осколков.

Никто из нас не вспомнил о времени. Еще раз два противник предпринимал слабые контратаки, но, встреченный пулеметным огнем, откатывался на исходные позиции. После каждой такой попытки с обеих сторон начинали бить минометы. Мины рвали на куски все, и казалось, в посадках уже нет больше живых людей. С той, немецкой, стороны взлетела красная ракета. Мы посчитали, что это сигнал к атаке, но огонь стал стихать, небо потускнело еще больше, по земле поползли сумерки.

* * *

После напряженного боя, жестоких схваток, которые продолжались весь день, стала быстро стихать стрельба. Первыми утихли минометы и только какая-то немецкая пушка продолжала вести методичный огонь. Снаряды с коротким и резким визгом падали позади нас, вспыхивала яркая искра взрыва и его эхо раскатывалось широко по округе. Пулеметчики посылали друг другу короткие дежурные очереди трассирующими пулями. У немцев очереди казались гуще – ленты их пулеметов были набиты одними трассирующими патронами. Наши розовые трассы были обманчиво редкими, потому что в ленте каждый патрон с трассирующей пулей был вставлен через четыре-пять обычных патронов.

Как только сгустились сумерки и по земле снова пополз сырой туман, к пехотинцам подошла новая какая-то часть. Те бойцы, которым пришлось драться весь день, группками по два-три человека стали отходить назад, в захваченную днем немецкую траншею. Прибывшие бойцы помимо всего имели лопаты и сразу же взялись рыть окопы – это правильно.

Нас сменили с наступлением темноты. Мы отошли в траншею, собрались все вместе, перекурили за весь день первый раз, к большому неудовольствию командира какого-то стрелкового взвода.

– Раскурились здесь, у немцев на виду. Вам что – вы уйдете, а моих бойцов накроют здесь, как пить дать, – ворчал командир взвода.

– Не бойсь, лейтенант, – успокаивал его Пашка Давыдов. – Ежели накроют, то вон там, впереди. А здесь уже тылы, здесь только тещи с блинами не хватает...

– Хватит болтать! Трепачи вы все... – оборвал лейтенант.

Спорить с ним не хотелось. Страшная усталость припечатала всех к земле и каждому было уже наплевать на сверкавшие над траншеей трассирующие пули, на методичные разрывы снарядов недалеко от траншеи и на людей, которые сновали по узкому ходу сообщения.

Минут через двадцать, уже в сплошной темноте, раздался голос Рябчунова:

– Разведка, за мной!

Откуда он здесь взялся? Разведчики вставали, стучали пустыми дисками, вылезали из траншеи и шли гуськом вновь полем по вязкой земле. На обувь налипали пудовые комья чернозема, идти было трудно. Шли медленно и с каждым шагом уходили все дальше от страшного места, именуемого на войне передним краем обороны.

В неписаной армейской иерархии выше всех стояли, конечно, летчики – это элита, честь и слава армии. Их бой – это не удар финкой среди ночи – это искусство, спектакль, виртуозная игра со смертью в открытую и у всех на виду. Летчики – это интеллигентная и лучшая часть армии. За ними, скорее всего, идут артиллеристы-дальнобойщики и «катюшники», потом черномазые и промасленные до костей танкисты. Это так, средняя прослойка, которые горят, взрываются, гибнут не на глазах у всего белого света, а у одной пехоты. Потом различные трудяги: минометчики, истребители танков, бронейщики с противотанковыми ружьями, это уж так, не очень высокая надстройка над базисной пехотой. А вот пехота, там с саперами, пулеметчиками – это категория главная, это и есть армия, народ (все остальные – это слуги народные и нужны только для того, чтобы обеспечить именно его успех). Но, как и в жизни, на основную армейскую прослойку внимания обращалось меньше всех. Их хуже кормили, у них не выводилась завшивленность. Пищу они получают только ночью – днем до них не доберешься. Обмундирование у них тоже поганое – из обмоток не вылазят, в баню ходят только когда часть отходит на отдых. В походах – только пешком. Машины и подводы – это непозволительная роскошь и используется только в случае прорыва противника и срочной необходимости закрыть кем-то дыру в обороне. Если бы в действующей армии существовала постоянная статистика, то она показала бы честно, что средний век солдата на передовой ограничен примерно двумя месяцам и это предельно высокий рубеж.

Если проштрафится летчик, артиллерист или танкист, самым тяжелым для них наказанием является направление в стрелковые части. Натынов даже разведчикам, родным братьям пехоты, грозит: «Что, опять «языка» нет?! За невыполнение боевого приказа всех расстреляю, сам стрелять буду или в пехоту отправлю». Вот так! Дальше пехоты уже и ехать некуда. Вот мы сейчас идем по темному полю, наш путь скудно освещают немецкие ракеты. Изредка взвизгивают пули, но мы идем в станицу Архонскую под крышу дома. Мы непременно переобуемся, нас прилично покормят (конечно, шоколада и сливочного масла не дадут), нам позволят поспать на сухом деревянном полу самое малое часа два. А пехота? Те ребята, с которыми мы сегодня в бою были вместе, отведены самое большее метров на 600 от передовой, в ближайший овражек или кустарник. Там они перекурят, их покормят чуть теплым супом и кукурузной кашей, они закурят, а утром снова на передовую, только на какой-нибудь новый участок фронта. Их превеликое счастье, если дня на два-три их оставят в резерве командира батальона.

Эх, жизнь солдатская... Самое страшное для него, не танк, не самолет, не крик и матюки командира. Самое страшное даже не расстрел, а сознание того, что после того, как он будет расстрелян, пойдет письмо на родину, где будет написано, что он не убит, не пропал без вести, а расстрелян, как предатель. Вот это действительно страшно. А все остальное бывалого солдата не очень пугает. Трудно, очень трудно чем-нибудь напугать на передовой рядового солдата...

На сей раз что-то долго мы кружили по каким-то полям и балкам, по темным улочкам Архонской, пока не добрались до своего дома и не свалились на пол. Потери в роте были обескураживающими: десятеро убитых и раненых – почти половина участвовавших в том бою!

Мы спали, а на нашей улочке ревели моторы автомашин, скрипели и грохотали окованные колеса подвод – с передовой везли раненых и умирающих на эвакуационный пункт медсанроты. По соседней улице шли какие-то неведомые нам подразделения, надрывно гудели моторы грузовиков, груженных снарядами ящиками, ехали расчехленные «Катюши», грузно переваливаясь на ухабах, тащились пушки, и все туда – на передовую. На участке западнее и севернее Архонской все пришло в движение – перемещались батальоны, меняла огневые позиции артиллерия, получили новые задания авиация, танковые части. Наступало, неотвратимо приближалось событие, перелом которого ждали солдаты, командиры, командующие корпусами, армиями долгое время, многие месяцы.

Это событие не пришло неожиданно, оно сложилось из упорнейших боев под Малгобеком и Нижним Курпом, под Эльхотовом и Илларионовкой. Бесконечное множество частных успехов, ошибок, пробы сил, даже явных неудач создали обстановку для решительных и переломных действий наших войск у стен Орджоникидзе. Бесспорно, опытный и талантливый фельдмаршал Лист, командующий южной группой «А» летом 1942 года, повел наступление на Кавказе по четко разработанному плану. Ему все предвещало победу, даже то, что здесь, на Кавказе, противостояла ему наиболее слабая группировка войск Красной Армии, здесь даже не было подготовленных рубежей обороны, здесь находились богатейшие продовольственные ресурсы большевиков, способные обеспечить нужды не только одной группы «А». Но неожиданно он встретил упорное сопротивление в Ростове: маленький городок Батайск оказался крепким орешком, где были потеряны силы и время. Дьявольское сопротивление обескровленных частей Красной Армии под Новороссийском, неудачи под Туапсе... Увы, знамя со свастикой на вершине Эльбруса радовало Гитлера – министра пропаганды фашистской Германии, но не фюрера. Тому нужен был не безлюдный Эльбрус с его ледяной шапкой, доступной только специально подготовленной команде альпинистов, ему нужны были город Баку, Закавказье и дорога в Иран и Ирак, в Индию и на Ближний Восток. А фельдмаршал Лист беспощадно топтался буквально на подступах к сердцу Кавказа. Лист был отозван. Назначенный на его место генерал Клейст знал, что такое эффектная операция. Кратчайший путь к победе – это мощный удар на Орджоникидзе, Беслан, Грозный и Баку. Клейст сосредоточил все танки под Эльхотовом, снял с занимаемого рубежа дивизию СС «Викинг», румынам он поручил фланги и проломил оборону Красной Армии в Эльхотовых воротах. Танковая лавина страшной, неудержимой волной понеслась к Орджоникидзе. Но чем дальше продвигался бронированный кулак Клейста, тем напряженнее складывалась обстановка и во всей операции, все явственнее стали проглядывать ослиные уши авантюризма. Танки Клейста снесли с лица земли «Рассвет» и двинулись дальше, но румынская дивизия не смогла сходу занять Нарт. Возможность захвата с ходу Беслана была упущена. Дело казалось поправимым, когда ударные части вермахта подошли к Архонской. Здесь всего 12 км голой степи до Беслана, но какие-то части русских неожиданно появились на окраинах Архонской, и атаки немецких частей были отбиты. Однако танки Клейста сумели овладеть Гизелем, они вели бой на окраине Орджоникидзе. Еще небольшой нажим, одна

решительная атака – и этот проклятый город будет взят, и тогда оборона русских развалится, их дивизии превратятся в неорганизованное стадо, бегущее на юг.

Неожиданно упорное сопротивление русских спутало карты. Мало того, части морской бригады, прижатые к отрогам гор Большого Кавказа, бросались в контратаки, они держали под обстрелом артиллерии единственную дорогу, питающую завязший ударный кулак Клейста под Орджоникидзе. Правда, в распоряжении немецких генералов была еще одна, далеко несовершенная, дорога по дну довольно глубокой сухой балки, очевидно, одному из бесчисленных высохших русел Терека или Гизельдона. А рядом, за спиной русских, великолепная рокадная дорога от Дарг-Коха, от Кирова через Нарт, Архонскую и к Орджоникидзе и еще одна от Брута на Беслан, на Назрань и Грозный. Необходимо было расширить опасно узкий фронт прорыва. В последний день затихли бои под Туапсе, Малгобеком, под Верхним Курпом – все силы были собраны здесь. Временно затихли бои даже на острие клина в районе Гизели и Орджоникидзе. Клейст готовил удар по Нарту и, главное, по Архонской.

Но надо же! Русские разгадали его замысел и опередили на сутки. В результате упорнейших боев им удалось продвинуться вперед на участке Нарт-Архонская до трех километров. Бой переходил в рукопашные схватки, но, кажется, большевики выдохлись. У Клейста оставалась теперь одна безопасная и недосыгаемая для противника дорога по дну балки. Сейчас она была забита танками, автомашинами, тягачами, но она действовала исправно. Отборные пехотные части прилагали силы, чтобы оттеснить морскую пехоту большевиков от Майрамадага в горы и обезопасить единственную шоссейную дорогу, но «черные дьяволы» сегодня сумели удержаться. Главное сражение штаб Клейста определил на завтра, как раз в канун большевистского ноябрьского праздника. Завтра в девять часов утра все силы будут брошены на Архонскую. Главное, бить концентрированными силами – только в этом залог успеха. А сейчас спать. Пусть еще поработают штабисты – теперь это их хлеб, это они обязаны воплотить в жизнь замысел Клейста.

* * *

Командир 60-й отдельной Краснознаменной стрелковой бригады не спал. У себя в резерве он оставил батарею противотанковых пушек, роту ПТР и две роты автоматчиков. Корпус выделил артиллерийский полк 150-миллиметровых гаубиц, два дивизиона «Катюш», танковую роту. По тем скудным временам подобное усиление было невиданной роскошью. Сосед слева – знакомая бригада, прибывшая из-под Великих Лук, – тоже собрала в кулак все свои силы.

Артподготовка должна была начаться в семь утра. Сигнал к началу – серия красных ракет из Архонской и залп «Катюши» по балке. Там должны быть сосредоточены силы врага и, если в балку ворвутся наши части, ударной группировке Клейста может грозить мешок. Этот мешок должен быть завязан в районе Майрамадага.

Полковник Добровольский не спал, не спали работники штаба, командиры батальонов... А в нашем доме раздавался многоголосый храп. Только засыпая, поздним вечером до меня донесся тихий шепот Подосенова и Авдеева:

– Кто его знает... Может, и выживет. Крови много потерял. Как его только немцы не добились, – слышался шепот Подосенова.

– А где этот гусь сегодня был? Я его вроде и не видел, – шепотом спросил Авдеев.

– А хрен его знает. Эта гадюка умеет выворачиваться.

– А Рябчунов догадывается, только молчит. Ждет, что мы сами разберемся.

– А что ж, он мужик правильный. Что ж его, гада, к химикам или еще куда потеплее перевести? От пехоты он открестится.

– А если трибунал?

– Поздно. Теперь Кудряш в госпитале, его не достать, да и не станет он вязаться.

– Ты потише бубни-то.

Ребята зашептались, а у меня в голове смешалось все, и видел я почему-то падающего Надиряна, и он все падал, падал... Веселый, добрый парень, наверное, мой ровесник, тяжело раненный сегодня в том бою. И совсем все смешалось. Я только уже во сне слышал рев танковых моторов, даже видел, как с гусениц почему-то вперед летят комья земли. А наши пушки бьют и не попадают, а танки все ближе и ближе...

А тот нечаянно услышавший разговор я уже забыл, не придал ему никакого значения. Мне показалось, что это тоже все было во сне.

Все тело ныло, болело. На спине моя куртка была разрезана острым осколком, торчали куски ваты. Сантиметров бы пять пониже – и хорош... Ох, сколько уже раз выводила эта кривая. Доколе же?! Хоть бы ранило, не сильно только, но чтоб в госпитале месячишка два проваляться – благодать! И сестры там в белых халатах, и кровати, и простыня белая с подушкой, и тишина. Тишина! Хоть бы послушать ее...

Я уже спал и видел Левку и Андрюшку – своих младших братьев, пацанов еще. Андрюшка все тянул ко мне руки и кричал: «Фядя! Фядя!», а кругом сырая, мокрая трава, а ноги у ребят совершенно босые и в цыпках. Они кричат, зовут, а я сплю. Я лежу на той сырой траве и не могу встать. Тяжелый сон придавил меня и все куда-то исчезло...

Заканчивался 85-й день на фронте разведчика Федора Журавова.

До Победы еще оставалось 915 страшных дней войны...

